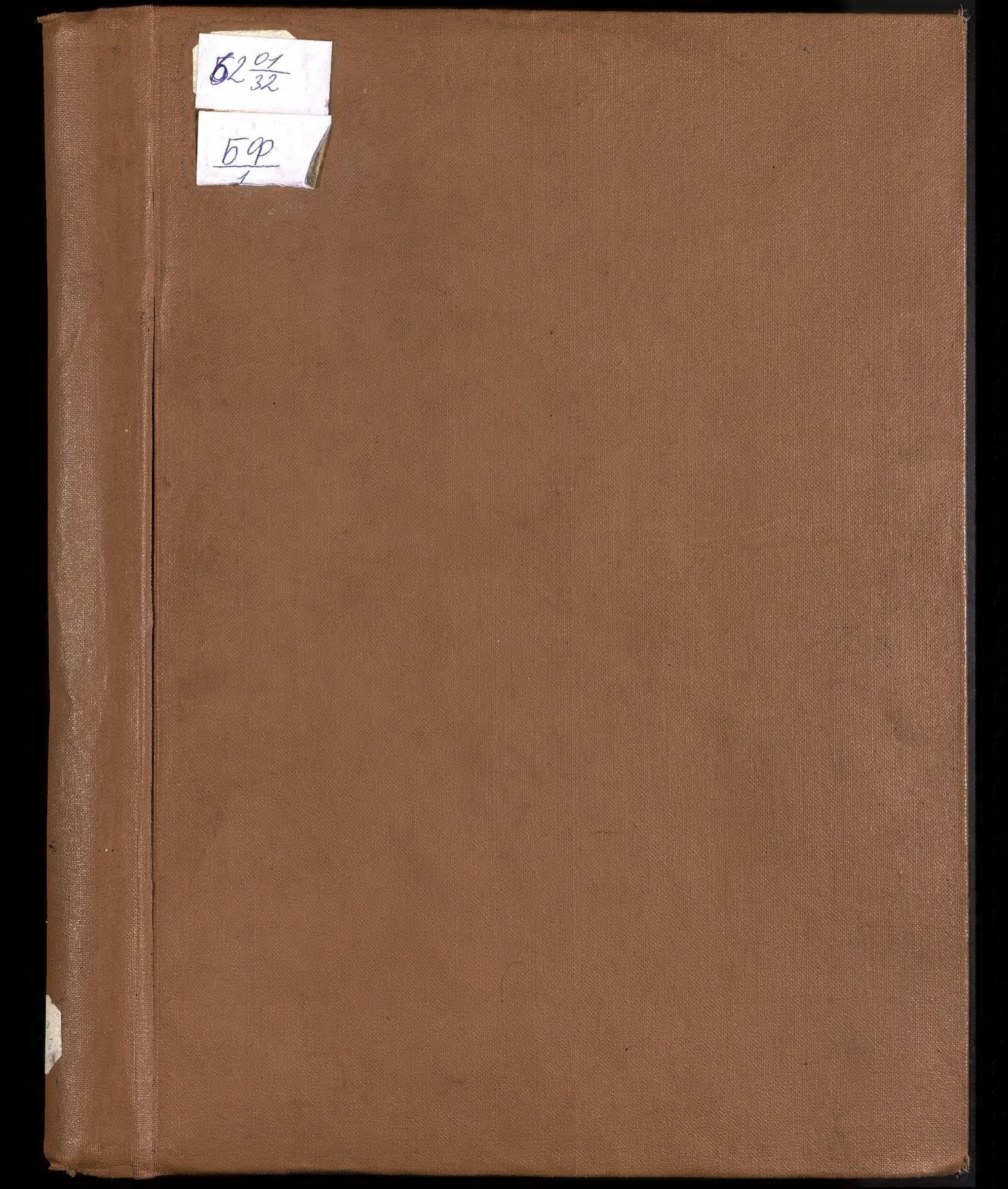

Б2 01/32
БФ 1

Въ библіотеку Императорскаго Историческаго Муз...

ИЗВѢСТІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ, АНТРОПОЛОГІИ и ЭТНОГРАФІИ,
состоящаго при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Университетѣ.
Томъ LXVI. Труды Этнографическаго Отдѣла. Томъ X.

РУССКІЕ ЛОПАРИ

(Очерки прошлаго и современнаго быта).

ИЗВѢСТІЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ, АНТРОПОЛОГІИ и ЭТНОГРАФІИ,
состоящаго при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Университетѣ.
Томъ LXVI. Труды Этнографическаго Отдѣла. Томъ X.

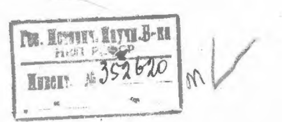
РУССКІЕ ЛОПАРИ

(Очерки прошлаго и современнаго быта).

Николая Харузина.

МОСКВА.
Высочайше утвержденное Товарищество Скоропечатни А. А. Левенсонъ, Петровка, Рахмановскій пер., д. Левенсонъ.
1890.

Печатать разрѣшается 22 января 1890 г. Президентъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи Ординарный профессоръ **Всев. Миллеръ**.



ОТЪ АВТОРА.

Лѣтомъ 1887 г. я былъ командированъ Императорскимъ Обществомъ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи въ Олонецкую губ. и въ Кольскій уѣздъ губ. Архангельской. Посвятивъ первую половину лѣта изученію юридическаго быта населенія Пудожскаго уѣзда, Олонецкой губ., я вторую половину пробылъ въ Кольскомъ уѣздѣ, знакомясь съ этнографическими чертами быта русскихъ лопарей. Результатомъ этого знакомства и является предлагаемый трудъ. Въ виду того, что неоднократно смѣшивали во едино русскихъ лопарей со скандинавскими, я счелъ долгомъ въ изложеніи указывать на точки сходства и различія между обѣими группами лопарей. Далѣе, я не только, пользовался болѣе или менѣе новыми свѣдѣніями о лопаряхъ, но также и древними источниками, такъ какъ свѣдѣнія, сообщаемыя писателями прошедшихъ вѣковъ, могутъ въ современномъ бытѣ лопарей освѣтить многія черты, которыя остались-бы непонятными, если не знать, какъ онѣ выражались въ средѣ лопарей древнихъ.

Считаю пріятнымъ долгомъ выразить искреннюю признательность М. Т. Стафіевскому, содѣйствовавшему мнѣ при моихъ изслѣдованіяхъ и о. Константину Щеколдину, доставившему мнѣ много свѣдѣній (преимущественно сказокъ и преданій) о лопаряхъ пазрѣцкихъ и печенгскихъ.

При обработкѣ добытаго мною матеріала я пользовался неоднократно совѣтами и указаніями Д. Н. Анучина, В. Ѳ. Миллера, П. Н. Милюкова и В. М. Михайловскаго, за что и позволяю себѣ принести имъ мою глубокую благодарность.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Образцы лопарскихъ узоровъ

(изъ коллекцій Московскаго Политехническаго Музея.)

Рис. Е.О. Шарко. | Лит. Т-ва А. Левенсонъ и К°. Москва. | Гр. А. Самойловъ

I. ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ.

Очеркъ страны русскихъ лопарей.

Далеко на берегу „Студенаго моря“, занимая огромное пространство между Бѣлымъ моремъ и Атлантическимъ океаномъ, раскинулась Лапландія [1]) страна полусказочная, „страна холода, вѣчнаго мрака—страна, населенная чародѣями“. Таковой представляется эта страна въ финскомъ народномъ эпосѣ: это и есть та „мрачная Похьола“, въ предѣлахъ которой не мало испытали горя герои Калевалы, гдѣ чуть не погибъ отъ руки лапландца Юкагайнена „старый вѣрный Вейнемейненъ, вѣковѣчный пѣснопѣвецъ“. Эта страна,—окутанная постоянными туманами, гдѣ густой слой снѣга скрываетъ подъ собой чахлую растительность, гдѣ зимой царствуетъ непроглядный мракъ—всегда являлась въ народномъ воображеніи только съ своей мрачной стороны, и описаніе Лапландіи въ зимнее время, картины, изображающія страну въ эту часть года, перешли и въ учебники, и въ хрестоматіи. Такимъ образомъ складывается и у насъ одностороннее представленіе о Лапландіи, мало чѣмъ отличающееся отъ представленій творцовъ Калевалы.

Дѣйствительно есть огромная доля правды въ этомъ представленіи. Бóльшую часть года Лапландія покрыта снѣгомъ, рѣки замерзаютъ, солнце съ осени [2]) еле-еле появляется на горизонтѣ и обреченные на продолжительное сидѣніе въ темнотѣ жители влекутъ однообразно дни, съ нетерпѣніемъ ожидая краткаго лѣта; по равнинамъ лопарской земли, среди мрака, среди мертвой природы наступаетъ господство хищныхъ волковъ, которые

---

[1]) Примѣч. Русская Лапландія раскинулась между 66° и 70° сѣв. ш. и между 30° и 40½° в. д. отъ Гринвича. Она занимаетъ обширный полуостровъ, отъ границъ Норвегіи до мыса Орлова, на 650 в. и внутри по меридіану около 400 в. отъ с. Керети до Сѣвернаго края Рыбачьяго полуострова. Окружность Лапландіи 2800 в., площадь ея до 180 т. кв. в. или 18.771.700 кв. десятинъ, что составляетъ приблизительно четверть Архангельской губ. (Дергачевъ. Рус. Лапландія).

[2]) Зима наступаетъ около начала октября; выпадаетъ снѣгъ, рѣки замерзаютъ и небольшія морскія губы покрываются льдомъ. Зимній путь устанавливается въ концѣ октября. Съ 13 ноября по 3 января наступаетъ полярная ночь. Въ декабрѣ морозъ доходитъ до 36° R. и болѣе внутри Лапландіи. Въ приморскихъ частяхъ холодъ рѣдко бываетъ свыше 30°. Съ 5 января солнце начинаетъ показываться; въ половинѣ апрѣля начинаетъ таять снѣгъ. Въ первыхъ числахъ мая рѣки освобождаются отъ льда, зелень показывается лишь со второй половины мая, и то лишь на южныхъ склонахъ горъ. Съ 12 мая по 9 іюля солнце не сходитъ съ горизонта. Лѣто бываетъ теплѣе внутри страны, чѣмъ у береговъ моря и океана. Въ гористыхъ мѣстахъ температура доходитъ иногда до +18° R. въ тѣни, иногда подымается еще выше. Средняя температура въ апрѣлѣ +1,5°, маѣ +5,4°, іюнѣ +9,6°, іюлѣ +13,2°, августѣ +11,8°, сентябрѣ +5°, октябрѣ +0,9, ноябрѣ +2,6°. Наибольшая теплота была у Арской губы, именно +26° R въ тѣни. (Рус. Лапландія).

стаями, подчасъ огромными, бродятъ по снѣжнымъ равнинамъ, нападая на оленьи стада лопарей, поѣдая подчасъ оленей въ огромномъ количествѣ. Изъ лѣса выходитъ медвѣдь — не менѣе волковъ страшный для лопаря звѣрь, отъ нападеній котораго также не мало приходится страдать оленьимъ стадамъ. Въ это время господствуютъ страшные вѣтры, которые, поднимая сильныя мятели, заносятъ снѣгомъ чуть не до крышъ убогія жилища лопарей. Лопарская зима есть вмѣстѣ съ тѣмъ и время господства сѣверныхъ сіяній, къ которымъ мѣстные жители относятся съ суевѣрнымъ страхомъ. Разгорится небо, покроется то ярко-красными, то зеленовато-синими полосами, которыя то соединяются въ правильные полукруги, то образуютъ огромные свѣтлые вѣнцы, то разъединяются, расходятся и сходятся вновь, мѣняя свои очертанія и цвѣтъ.

Все, кажется, соединяется, чтобы нанести ущербъ лопарю — всѣ силы природы словно готовы разрушить и безъ того незавидную долю лопаря, словно хотятъ воспрепятствовать человѣку проникнуть и обосноваться въ этой „странѣ мрачныхъ духовъ". Суевѣрнаго жителя эти бури и сѣверныя сіянія страшатъ тѣмъ болѣе, что съ этими грандіозными явленіями природы связаны вѣрованія въ мрачныхъ злыхъ духовъ. Когда буря бушуетъ, мятетъ снѣгъ, когда вѣтеръ завываетъ по ущельямъ горъ—это давно убитая „Чудь" выходитъ изъ могилъ и горе тому, на кого эта, по народнымъ преданіямъ, враждебная нѣкогда при жизни „Чудь" нападетъ—не остаться ему живому: Чудь мститъ за свои давнія пораженія. Если появится сѣверное сіяніе на полярномъ небѣ — это или духи усопшихъ восходятъ на небо, либо духи сражаются другъ съ другомъ. Зимой же и весной нагромождается ледъ у береговъ океана; ледъ растетъ и достигаетъ чудовищныхъ размѣровъ ледяныхъ горъ, которыя подчасъ, гонимыя вѣтромъ, внезапно, плавно и грозно подвигаются къ берегу, наѣзжаютъ на него и давятъ, стираютъ съ лица земли постройки и цѣлыя прибрежныя селенія—и горе жителямъ, если они во время не успѣютъ спастись: и ихъ сотретъ ледъ и погубитъ, какъ онъ стеръ и погубилъ ихъ постройки. Такъ долго зимой спитъ лопарская земля, безъ признака жизни, отданная на произволъ грознымъ, враждебнымъ человѣку силамъ природы. Тогда, по словамъ Шеффера [1]) „холодъ все связываетъ, не могутъ устоять противъ него даже самыя быстрыя рѣки; онѣ покрываются чрезвычайно крѣпкимъ льдомъ, толщина котораго равняется двумъ, тремъ и болѣе человѣческимъ футамъ. Даже самыя широкія озера, даже самыя глубокія моря лежатъ заключенныя льдомъ, такой силы, что онъ выноситъ на себѣ любыя тяжести".

Но не весь годъ длится такая неблагопріятная погода. Наступаетъ весна—оттаиваютъ долины, ледяной покровъ рѣкъ и озеръ спадаетъ; показывается чахлая трава, пробиваются сквозь не совсѣмъ еще стаявшій снѣгъ свѣтлые листья морошки; кустарники и деревья сбрасываютъ съ себя снѣжное покрывало — снова на солнцѣ блестятъ темными хвоями ель и сосна, и низкорослая, слабая сѣверная береза снова покрываетъ зеленой листвой свои, словно въ бессиліи защититься отъ арктическихъ вѣтровъ, протянутыя къ югу вѣтви. Наступаетъ краткое полярное, но жаркое лѣто. Голубое блѣдное небо лежитъ обширнымъ покровомъ надъ небольшими лѣсами и болотами, отражается въ озерахъ и рѣкахъ. Появляется и фауна: нѣсколько видовъ бабочекъ перелетываютъ по

---

[1]) I. Schefferi. Lapponia. Francofurti. 1673. p. 19.

цвѣтамъ, кое-гдѣ небольшими кучками раскинутымъ по влажнымъ полуболотистымъ низинамъ; появляются и нѣсколько видовъ жуковъ. Разъ мелкая фауна существуетъ, существуютъ и враги ея, которые стремятся къ ея уничтоженію: масса куропатокъ, рябчиковъ и другой птицы живетъ въ лѣсахъ, перелѣскахъ и болотахъ. У болотистыхъ береговъ рѣкъ, въ плесахъ озеръ—цѣлыми стаями плаваютъ утки, подпускающія охотника на довольно близкое разстояніе отъ себя. Солнце не заходитъ. Краснымъ шаромъ подымается оно отъ сѣдыхъ волнъ океана и къ вечеру снова спускается къ волнамъ и, лишь краемъ коснувшись ихъ, снова подымается кверху. Зимой постоянная ночь—лѣтомъ постоянный день. Оригинальное и вмѣстѣ съ тѣмъ непріятное чувство вызываетъ этотъ непроходящій день въ человѣкѣ непривычномъ. Нервы устали отъ денныхъ впечатлѣній, требуютъ отдыха, но ночи нѣтъ, нѣтъ даже сумерокъ. Свѣтло и ночью такъ, какъ днемъ въ пасмурную погоду. Далеко не всѣ, а подавно тѣ, которые родились или долго жили на югѣ, выносятъ эти сѣверныя лѣтнія ночи. Многихъ одолѣваетъ такая тоска, что они спать ночью не могутъ, не смотря на темныя занавѣски и закрытыя ставни; въ этихъ случаяхъ предпочитаютъ спать днемъ. Мнѣ даже разсказывали случаи, что нѣкоторые, пріѣхавшіе служить, уроженцы нашихъ южныхъ губерній рѣшительно не выносили этихъ ночей и просили о переводѣ. Но мѣстные жители привыкли къ нимъ; эти ночи на нихъ не производятъ никакого удручающаго чувства—они рады, что, послѣ долгой непроглядной зимней тьмы, могутъ налюбоваться солнечнымъ свѣтомъ. Тутъ лѣтомъ кипитъ дѣятельность; въ короткое, очень короткое время нужно сдѣлать такъ много, чтобы быть сытымъ и обезпеченнымъ на время долгой зимы.

Но природа все же не вполнѣ дружелюбно относится къ жителю и въ лѣтнее время: стаи комаровъ, мошекъ, вышедшихъ изъ болотъ, буквально облѣпляютъ проходящаго и нѣтъ спасенія отъ нихъ: они залѣзаютъ въ глаза, носъ, уши, за шею и сколько ни гони ихъ, сколько ни убивай — эта незначительная въ одиночку, но страшная въ массѣ, враждебная сила нисколько не убываетъ и доводитъ нетолько непривычнаго къ нападенію „комариной силы“ путешественника, но и самихъ лопарей, до полнаго отчаянія.

Но это еще не все: лопарь готовъ снести самъ всѣ невзгоды, лишь бы его, уцѣлѣвшее отъ зимнихъ бурь и отъ нападеній хищныхъ звѣрей, небольшое стадо оленей осталось въ живыхъ, поправилось за лѣто—и этого не всегда удается ему достигнуть. Комары, оводы облѣпляютъ оленей; оводы прокусываютъ шкуру несчастнаго звѣря и откладываютъ подъ его кожу свои яички—отъ чего, по мѣрѣ того, какъ изъ яичекъ развиваются зародыши, происходитъ жгучая боль, которая доводитъ иногда оленей до смерти; а комары, забиваясь въ ноздри и уши, доводятъ ихъ до бѣшенства. Не спасаетъ и то, когда олени внѣ себя кидаются въ воду и заходятъ такъ глубоко, что лишь голову видно на поверхности—дѣйствительно комаровъ нѣтъ по срединѣ рѣки, овода отступаютъ отъ своей жертвы, но стоитъ оленю лишь на минуту выйдти изъ своего убѣжища и вотъ на берегу уже поджидаетъ его цѣлая стая враговъ, которая снова начинаетъ его безпокоить, пока олень въ порывѣ отчаянія снова не бросится какъ бѣшеный въ воду и не заберется въ глубь.

Такова Лапландія лѣтомъ. Но не на долго озаряетъ ее солнце. „Быстро проносится лѣто полярное“—и уже съ половины августа дни начинаютъ сильно уменьшаться,

ночи становятся все темнѣе и темнѣе; вскорѣ начинается господство холодныхъ вѣтровъ, нагоняющихъ и снѣгъ и морозъ. И вотъ уже снова снѣгъ покрываетъ всю огромную площадь лопарской земли и снова она засыпаетъ надолго, пока косвенные лучи полярнаго солнца снова не оживятъ ее на короткій срокъ. Такъ изъ года въ годъ, въ продолженіе тысячелѣтій господствуетъ въ этой странѣ то непрерывная ночь, то непрерывный день.

Таковъ характерный видъ для этой арктической страны въ лучшее для нее и худшее время. Какова же сама эта страна?

По общему представленію Лапландія страна ровная, покрытая болотами, которыя тянутся на огромныя необозримыя пространства. Большія площади поросли ягелемъ (оленьимъ мохомъ), кой-гдѣ лѣпится низкорослый кустарникъ и „корявая“ береза. Это представленіе вѣрно, но только для одной части Лапландіи—для другой оно было бы діаметрально противоположнымъ дѣйствительности. Андрей Бурей въ своемъ сочиненіи о Швеціи, говоря о Лапландіи, даетъ слѣдующую краткую, но очень вѣрную характеристику ея, имѣя въ виду, впрочемъ, тоже лишь одну часть ея, не ровную — именно шведскую Лапландію и ту часть русской, которая со временемъ отошла отъ Швеціи и Норвегіи подъ русское владычество. Онъ говоритъ: „Лапландія самая сѣверная изъ провинцій, занимаетъ весьма широкое пространство, изобилуетъ лѣсами, горами, болотами, озерами и рѣками. Въ ней нѣтъ никакихъ полей, но въ иныхъ мѣстахъ заключаетъ въ себѣ огромныя пастбища“ [1]). Эта характеристика вѣрна для большей части русской Лапландіи. Такимъ образомъ въ Лапландіи нужно различать два типа мѣстности: горную и ровную, между собой ничего общаго не имѣющія: одну покрытую горами, отрогами и продолженіемъ горъ скандинавскихъ; среди долинъ, образуемыхъ ими, раскинута масса озеръ и рѣкъ — другую ровную. Г. Фрисъ [2]) проводитъ слѣдующую границу между этими двумя совершенно различными мѣстностями лопской земли: если провести, говоритъ онъ, линію отъ города Колы къ юго-востоку черезъ Ловозеро и отъ Ловозера къ морю до Сосновицъ, то получится граница между лѣсной и безлѣсной частями Лапландіи. Къ сѣверо-востоку будетъ лежать безлѣсная, тундристая полоса, къ юго-востоку лѣсистая, на которой сначала показывается полоса господства березовыхъ лѣсовъ, а затѣмъ лѣсъ, смѣшанный изъ сосенъ и ели.

Въ какихъ же отношеніяхъ находятся между собой эти двѣ части лопской земли? Безлѣсное пространство занимаетъ въ русской Лапландіи 9/16, т. е. болѣе 56% всего пространства Лапландіи, лѣсистая полоса—6/16, т. е. 37,5% и лишь 1/16, т. е. около 6% падаетъ на озера и болота [3]). Изъ этого уже можно заключить, что Лапландія не страна болотъ, какъ это принято обыкновенно думать, такъ какъ тундру слѣдуетъ рѣзко отличать отъ болота: дѣло въ томъ, что подъ словомъ тундра въ Кольскомъ уѣздѣ, по крайней мѣрѣ, принято разумѣть нѣчто совершенно другое тому, что сложилось въ нашемъ представленіи подъ этимъ словомъ. Тундра не огромная, ровная площадь, покры-

---

[1]) I. Schefferus. Lapponia. p. 22.

[2]) Friis. Russisch-Lapland. въ A. Petermanns Mittheilungen. 1870, стр. 361.

[3]) Ibid.

тая болотами, никогда вполнѣ неоттаивающими, на которыхъ ростетъ лишь морошка и клюква и другіе болотные представители сѣверной флоры, и на которыхъ по кочкамъ лѣпится низкій кустарникъ. Это, наоборотъ, сухое (это необходимый признакъ тундры въ Кольскомъ уѣздѣ), покрытое ягелемъ мѣсто—безъ различія будетъ ли это мѣсто находиться на вершинѣ горы или въ лѣсу. или на плоскости: лишь бы оно было сухое и поросло ягелемъ—оно уже получаетъ названіе тундры. Такъ понимаютъ мѣстные жители тундру, какъ русскіе, такъ и лопари, и обижаются даже, когда имъ говоришь, что у насъ подъ этимъ словомъ разумѣется болото. Когда спрашиваешь лопаря, какъ пойдетъ дорога туда-то? онъ отвѣчаетъ, хотя бы такъ: столько-то по болоту, столько-то по тайболѣ, а тамъ ужъ тундра, хорошо будетъ идти.

Уже a priori можно было сказать, что Лапландія должна быть страной не болотистой: если бы Лапландія была покрыта болотами, если бы на мѣста влажныя приходилось бы большое количество земли, то откуда же лопари находили пищу для своихъ оленьихъ стадъ, пища которыхъ состоитъ изъ ягеля главнымъ образомъ, а ягель растетъ лишь на мѣстахъ безусловно сухихъ.

Сравнимъ данныя о характерѣ мѣстности въ шведской Лапландіи. По даннымъ Дюбена [1]) въ шведской части Лапландіи пространство, занимаемое горами, равняется 29,7%; лѣсами 38,4% и озерами и болотами—31,9%. Если принять во вниманіе, что на эту часть лопской земли падаетъ и большее число озеръ, то съ достовѣрностью можно заключить, что и тамъ число болотъ не велико, и что площадь ими занимаемая крайне ограничена. Соединивъ данныя для русской Лапландіи и данныя для шведской, мы получимъ, что 81% всего пространства падаетъ на мѣста сухія и лишь 19% на озера и болота. Вычтя пространство, занимаемое озерами, мы еще разъ должны придти къ заключенію, что Лапландія страна по преимуществу не болотистая.

Далѣе если обратиться къ характеру мѣстности въ ровной и гористой частяхъ Лапландіи и начать съ тундристой, безлѣсной полосы, то видъ ея представится намъ слѣдующимъ: ровная мѣстность, на необ зримое пространство покрытая оленьимъ мохомъ, что придаетъ и лѣтомъ этой равнинѣ видъ покрытой снѣгомъ; среди этой равнины кой-гдѣ течетъ рѣка, среди низкихъ береговъ; унылая, мертвая картина, почти что безъ признаковъ пребыванія въ ней людей; и тянется эта равнина все дальше къ сѣверу и подходитъ къ берегу Сѣвернаго океана, у котораго она обрывается, чтобы дать мѣсто морю, смѣнить свой ягель на пѣну сѣдыхъ океанскихъ волнъ, такихъ же унылыхъ, такихъ же негостепріимныхъ, какъ и безбрежныя волны покрытой бѣдной растительностью лопарской тундры. Проѣзжая по сѣверному ледовитому океану, достаточно имѣешь случаевъ насмотрѣться на эту унылую картину: она наводитъ своимъ однообразіемъ, своей мертвенностью грусть на непривычнаго человѣка и тутъ невольно еще болѣе ясно рисуются другія картины, которыя представляетъ таже Лапландія въ другой своей части, не менѣе своеобразной, чѣмъ первая, но несравненно болѣе богатой и красивой.

---

[1]) Düben. La Laponie et les Lapons въ Congrès international des Sciences Geographiques, стр. 324. 1878 г.

Лапландскія горы—продолженіе горъ скандинавскихъ. Изъ Норвегіи, пишетъ г. Верещагинъ, „онѣ направляются къ югу, тянутся по западной границѣ нашей Лапландіи [1]) къ берегамъ Бѣлаго моря и пускаютъ отпрыски въ Лапландію около Кандалакшскаго залива. Эти кряжи горъ почти безпрерывною каймою возвышаются по берегамъ Лапландіи: Терскому и Мурманскому“ [2]). Каковъ же характеръ этихъ горъ? Тотъ же авторъ даетъ слѣдующую характеристику ихъ: лапландскія горы, говоритъ онъ, ничто другое, какъ массы гранита взгроможденныя одна на другую, изрѣдка пробивается на нихъ травка, да кое-гдѣ одиноко растетъ низенькая береза или сосна, почти лишенная вѣтвей съ сѣверной стороны“ [3]). Эта характеристика совершенно вѣрна, поскольку она касается горъ на Мурманскомъ берегу, вдоль сѣвернаго океана. Огромныя массы гранита, нагроможденныя другъ на друга, черныя, мрачныя, круто спадаютъ къ морю, образуя подчасъ совершенно отвѣсныя скалы; масса глыбъ гранитныхъ, Богъ вѣсть когда упавшихъ съ вершинъ, лежитъ въ морѣ, омываемая волнами, обнажаемая при отливѣ и покрываемая до верху во время прилива. Подчасъ скалы на берегу образуютъ выемки и ступени, гладко обточенныя водой,—тутъ сотнями сидятъ чайки, слетающіяся сюда за добычей, которую онѣ получаютъ, ловя рыбу въ морѣ или расхищая остатки, выбрасываемые рыбопромышленниками вблизи становищей. Это такъ-называемые „птичьи базары“. Оригинальное впечатлѣніе оставляютъ эти мрачныя громады, на которыхъ огромнымъ пятномъ сидятъ бѣлыя чайки, крича и постоянно перемѣщаясь съ мѣста на мѣсто. На вершинахъ этихъ горъ, среди неприступныхъ скалъ, взобраться на которыя почти что нѣтъ возможности, расположены массами гнѣзда гагаръ, гагъ—тутъ же гнѣздятся и орлы, которые мѣрно парятъ надъ вершинами, высматривая себѣ добычу. Дѣйствительно растительности на этихъ мертвыхъ скалахъ почти что не встрѣтишь, лишь изрѣдка кое-гдѣ на уступѣ прилѣпилась зеленая трава, да и то какая-то вялая и такая же безжизненная, какъ и мрачные, черные утесы, пріютившіе ее на своей каменной груди; лишь изрѣдка, цѣпляясь длинными корнями, стоитъ небольшая сосенка или стелется, пригнувшись къ холодному граниту, полярная береза—жалкая, словно полуумирающая

---

[1]) Скандинавскія горы по выходѣ изъ Норвегіи наполняютъ собой бóльшую часть русской Лапландіи. Около Кандалакшскаго залива и границъ Норвегіи онѣ достигаютъ 1000 футовъ; къ востоку онѣ понижаются и наибольшая высота ихъ равняется 500 ф. Отрасли этихъ горъ, кромѣ кряжей около Кандалакши и на берегахъ Терскомъ и Мурманскомъ, возвышаются внутри страны отдѣльными группами, изъ которыхъ каждая имѣетъ свое названіе. Съ сѣверо-западной стороны оз. Имандра тянутся Мингубскія горы (Чуна-горы), съ восточной и сѣверо-восточной стороны этого же озера горы Хибинскія. Хибинскія горы развѣтвляются на три отрога: первый идетъ на сѣверъ къ Ловозеру и далѣе къ Мурманскому берегу (Мурманскимъ берегомъ называется берегъ Ледовитаго океана отъ Норвежской границы, иногда и отъ Кольской губы до Святаго Носа). Второй отрогъ Хибинъ идетъ на востокъ вдоль по р. Поной и соединяется съ гористымъ Терскимъ берегомъ. (Это названіе придается берегу отъ Святаго Носа до р. Варзуги). Этотъ берегъ образуетъ утесы отъ 50 до 200 ф. высоты; высота хребта отъ 200—500 футъ. Третій отрогъ Хибинъ идетъ на югъ къ Варгузѣ. На восточномъ плечѣ Кольскаго залива возвышаются Лѣтинскія горы отдѣльными куполовидными вершинами, высотой въ 500 ф. На Рыбачьемъ полуостровѣ, между Колой и Норвежской границей возвышается большой утесъ Кекаръ (400 ф.) Сѣвернѣе Мингубскихъ горъ идутъ Волчьи горы, за ними по лѣвой сторонѣ р. Колы Оленьи горы (Оленья тундра), окружающія озера Мурдозеро и Пулозеро, далѣе Риктайбольскія горы и гора Ульбачиха. Около оз. Имандра возвышается Божья гора. Около острова Сосновца возвышается Сокольа гора. Таковы главныя горы Лапландіи. Въ разныхъ мѣстахъ этихъ горныхъ кряжей находили золото, серебро, мѣдь, желѣзо, свинецъ, кобальтъ; встрѣчаются здѣсь также яшма, порфиръ, аметисты, черный мраморъ (Рус. Лап.).

[2]) Верещагинъ. Очерки Арханг. губ., стр. 34.

[3]) Ibid.

рающая—несчастная сестра нашей роскошной развѣсистой березы средней полосы Россіи. Таковъ видъ этихъ скалъ. Другую картину представляютъ горы у Кандалакшской губы и внутри лапландской земли. При въѣздѣ въ Кандалакшскую губу виды береговъ поражаютъ проѣзжаго. Навидавшись безжизненныхъ утесовъ во время дороги подъ Кемью, ожидаешь встрѣтить и здѣсь такія же угрюмыя сѣрыя гранитныя массы, островами брошенныя среди волнъ Бѣлаго моря, лишенныя всякой растительности, если не считать мертвенныхъ лишаевъ сѣраго и желтаго цвѣта, которые мѣстами покрываютъ эти утесы,—и видишь, что у самаго берега синяго залива начинаются горы довольно значительной высоты, отъ подошвы до вершины покрытыя густымъ еловымъ лѣсомъ, среди темной зелени котораго возвышается то желтый стволъ сосны, то бѣлѣетъ своей свѣтлой корой береза. Дѣйствительно нѣтъ тутъ тѣхъ огромныхъ деревьевъ, какъ въ средней полосѣ, какъ въ нашихъ сѣверо-восточныхъ губерніяхъ: и сосна, и ель, и береза не достигаютъ здѣсь большой вышины, словно этому лѣсу небольше 20—30 лѣтъ. Но какъ бы то ни было нѣжныя, мягкія очертанія горъ, зелень, ихъ покрывающая, заставляетъ подчасъ забыть, что находишься на далекомъ сѣверѣ. Вотъ островъ, брошенный среди залива; островъ этотъ, имѣя то же внѣшнее очертаніе, какъ небольшіе острова подъ Кемью, не похожъ, однако, на нихъ опять таки оттого, что лѣсъ покрываетъ его: смотрятся темнохвойныя ели въ синія волны морскія, вздымаются, ползутъ по горѣ, достигаютъ вершины и красивыми силуэтами вырисовываются на сѣверномъ небѣ. Таковы горы подъ Кандалакшей. Снова мѣняютъ онѣ и свои очертанія когда удаляешься въ глубь страны. Только что выступаешь изъ Кандалакши и оставляешь за собой прибрежныя возвышенности, какъ горы, удаляющіяся въ глубь, начинаютъ мѣняться. По берегамъ озера Имандра тянутся съ восточной его стороны Хибинскія горы, а съ западной цѣпь Чуна—горы. Кое-гдѣ по лощинамъ бѣлѣетъ еще не успѣвшій оттаять снѣгъ, кое-гдѣ среди лѣса темнаго, хвойнаго бѣжитъ свѣтлой струей ручей, взявшій начало отъ снѣжной глыбы, лежащей на верху. Отъ подошвы до половины горы эти возвышенности одѣты лѣсомъ, а дальше растительность обрывается, словно волшебная сила запретила деревьямъ подниматься выше; и вотъ голыя гранитныя верхушки, мѣстами прикрытыя коврами ягеля, вздымаются къ блѣдно-голубому небу. Но наиболѣе, пожалуй, типичными для русской Лапландіи горами на мой взглядъ является хребетъ Оленья тундра, тянущійся по берегамъ озеръ Мурдъ и Пулъ. Тундрой эти горы названы отъ того, что верхушки ихъ покрыты ягелемъ. Этотъ хребетъ, какъ и горы Хибинскія и Чуна, также на половину поросъ лѣсомъ и отчасти мелкимъ кустарникомъ. Но другая половина ихъ не обнажаетъ, какъ у тѣхъ, каменныхъ массъ—она покрыта сплошнымъ ковромъ ягеля зеленовато-бѣлаго цвѣта. Эти широкія, огромныя вершины поражаютъ, пожалуй, также, какъ насъ поражаютъ и снѣговыя горы суроваго Кавказа; дѣло въ томъ, что то отсутствіе жизни чувствуется одинаково, когда смотришь и на снѣговыя вершины и на эти закрытыя покровомъ ягеля горы; но цвѣтъ ягеля какъ-то нѣжнѣе, ласкающѣе блестящаго бѣлаго снѣга. Кажется, что за той полосой, гдѣ прерывается лѣсъ, гдѣ начинается необъятное царство оленьяго мха, начинается и новая жизнь, жизнь своеобразная, не похожая на ту, которую ведутъ тутъ внизу у подошвы горы—что новый сказочный міръ откроется тому, кто войдетъ на эти вершины.

Что касается лѣса [1]), покрывающаго эту часть Лапландіи, то его можно раздѣлить на двѣ группы: лѣсъ, покрывающій возвышенности и ростущій по низинамъ. По возвышенностямъ лѣсъ преимущественно состоитъ изъ ели и сосны и отчасти березы. Всѣ три вида деревьевъ не достигаютъ большой вышины: онѣ тонки, слабы, какъ будто не имѣютъ силъ рости дальше; обыкновенно среди деревьевъ тянется коверъ ягеля, сухаго, хрустящаго подъ ногами. Ставъ на какомъ-нибудь пригоркѣ и посмотрѣвъ вокругъ, видишь, какъ этотъ лѣсъ, переходя съ холма на холмъ, уходитъ все дальше и дальше, пока всѣ деревья не сливаются въ одну сплошную массу — вмѣстѣ съ деревьями ползетъ по сухой почвѣ и ягель и, занимая промежутки между деревьями и окружая ихъ корни, удаляется вмѣстѣ съ деревьями. Вдали кажется, будто снѣгъ лежитъ среди лѣса густой пеленой, но снѣгъ, залитый какимъ-то зеленоватымъ цвѣтомъ. Жизни въ этомъ лѣсу почти что нѣтъ. Ни пѣнія птицъ, ни крика далекаго звѣря въ немъ не слыхать, не залетываютъ сюда и бабочки, лишь изрѣдка, ухватывая цѣпкими ножками вѣтвистый ягель, проползетъ жукъ, сухой и сѣрый, какъ и коверъ изъ ягеля.

Не то въ лощинахъ и низинахъ: сосны тутъ почти что не встрѣтишь, лишь ель и береза; то и другое еще ниже, еще болѣе жалкое, чѣмъ на возвышенностяхъ. Здѣсь влажная почва даетъ возможность развиться болѣе богатой цвѣточной флорѣ; этому же способствуетъ и защищенность лощинъ отъ неблагопріятныхъ для растительности вѣтровъ. Но и эта растительность не богата: мята, репейники, Иванъ-чай и т. п. разнообразятъ одноцвѣтный коверъ зеленой травы. Изъ ягодъ встрѣтишь здѣсь и морошку съ ея зрѣющими ягодами, красиво выглядывающими среди зелени; въ болѣе топкихъ мѣстахъ найдешь и клюкву, а гдѣ посуше, тамъ чернѣютъ ягоды вороники и черники; встрѣчается и брусника въ довольно большомъ количествѣ. Вотъ главные представители небогатой лопарской флоры. По этимъ-то лощинамъ и низинамъ, когда лѣтнее солнце начинаетъ ихъ нагрѣвать, появляются представители міра бабочекъ и жуковъ. Изъ бабочекъ лично мнѣ удалось видѣть только капустницу и ванессу чертополоховую. И въ этихъ лѣсахъ, какъ и въ первыхъ, царствуетъ такая же мертвая тишина, здѣсь, въ низинахъ, прерываемая изрѣдка жужжаніемъ жука или мухи, или взлетомъ вспугнутой проходящими куропатки. Эта тишина, безлюдье характерно для Лапландіи; она составляетъ одну изъ ея отличительныхъ чертъ и гдѣ бы вы не находились въ границахъ Лапландіи вездѣ все молчитъ, словно все замерло, застыло, словно все, что здѣсь живетъ, дышетъ, боится подать голосъ, показать признаки своего пребыванія.

Эта тишина, это безмолвіе нарушается только шумомъ рѣкъ на порогахъ. Я имѣлъ уже выше случай замѣтить, что Лапландія богата водой, въ особенности въ своей гористой части. Масса озеръ раскинута въ долинахъ среди горъ. Озера самой разнообразной величины, самой разнообразной формы. По словамъ Верещагина, въ одной

---

[1]) Примѣч. Въ Кольской губѣ Бетингъ нашелъ сосну, ель, ольху, осину и черемуху. Въ лѣсной части Лапландіи, между Колой и Кандалакшей, встрѣчаются сосна, ель, пихта, рѣже рябина и береза, еще рѣже ольха, осина и черемуха. Толщина деревьевъ бываетъ среднимъ числомъ до 9 дюймовъ, хотя и встрѣчаются деревья въ 30 дюймовъ въ обрубѣ. (Рус. Лапл.). Но это можетъ относиться лишь къ тѣмъ мѣстностямъ Лапландіи, которыя являются защищенными отъ дѣйствія сѣверныхъ вѣтровъ.

русской Лапландіи ихъ насчитываютъ до 700 [1]). Нѣкоторыя изъ этихъ озеръ достигаютъ очень значительныхъ размѣровъ. Такъ напримѣръ озеро Имандра по однимъ имѣетъ 90 верстъ въ длину и 40 въ ширину, по другимъ 105 верстъ въ длину и болѣе 40 въ ширину. Большую часть занимаетъ и Нуотъ-озеро, узкое и длинное, дающее начало рѣкѣ Туломѣ. Кромѣ этихъ двухъ озеръ существуетъ много и другихъ, которыя, если и не могутъ равняться по занимаемой ими площади съ двумя вышеназванными, однако и не могутъ быть названы маленькими. Къ такимъ слѣдуетъ отнести озера: Кибо-озеро, Ковдо-озеро, Пяво-озеро. Далѣе озера: Коло-озеро, дающее начало рѣкѣ Кола, Пилмасъ-озеро, Пулозеро, Мурдъ-озеро, на которыхъ также не рѣдко бушуютъ довольно значительныя бури такъ, что плаванье по нимъ въ это время становится опаснымъ. Почти что всѣ озера соединены между собою рѣками, подчасъ довольно обильными водой, или выпускаютъ изъ себя рѣку, которая либо прямо, либо соединяясь и протекая еще нѣсколько озеръ, втекаетъ или въ Ледовитый океанъ, или въ Бѣлое море. Водораздѣломъ служатъ Лапландскія горы. Въ Бѣлое море впадаютъ изъ наиболѣе крупныхъ рѣкъ слѣдующія: Поной, Пулонга, Сосновка, Варзуга, Нива. Въ Ледовитый океанъ слѣдующія: Пазъ-рѣка, около Норвежской границы, извѣстная тѣмъ, что въ селеніи на берегу ея, названному по ея же имени, сохранилась наиболѣе древняя въ Лапландіи церковь во имя Свв. Бориса и Глѣба; Печенга, на которой находился монастырь, основанный преподобным Трифономъ, просвѣтителемъ Лопарей, мощи котораго покоятся тамъ же. (О жизни Св. Трифона и о значеніи Печенгскаго монастыря я буду имѣть случай говорить впослѣдствіи). Тулома, извѣстная своимъ водопадомъ; Кола, у устья которой, на мысу, образуемомъ отъ впаденія рѣкъ Колы и Туломы въ заливъ океана, находится городъ Кола, который вмѣстѣ съ Печенгскимъ монастыремъ игралъ большую роль въ исторіи Кольскаго полуострова и имѣетъ значеніе и по настоящее время; далѣе Ернышная, Іоканга.

Рѣки Лапландіи отличаются своимъ быстрымъ теченіемъ, что объясняется въ свою очередь тѣмъ, что уклонъ поверхности довольно значительный. Протекая, рѣкамъ приходится преодолѣвать препятствія, которыя ставитъ имъ каменистая почва лопарской земли. Почти что не встрѣтишь ни одной рѣки, на которой не попадалось бы одного или нѣсколькихъ пороговъ. Лежащіе въ руслѣ большіе камни загромождаютъ свободный проходъ рѣкѣ: она бурлитъ, пѣнится, бьется, переплескиваетъ черезъ каменную преграду и съ шумомъ, извиваясь, течетъ межъ камней, пока не пройдетъ весь порогъ. За порогомъ не сразу она успокоивается: сначала еще бурля и волнуясь, течетъ она дальше, потомъ, становясь все спокойнѣе и спокойнѣе, затихаетъ совсѣмъ, пока новая каменная гряда не заставитъ ее снова шумѣть и съ ревомъ преодолѣвать новый порогъ. Пороги эти, конечно, различаются своими размѣрами: въ иныхъ мѣстахъ они достигаютъ такой вышины, что вода, проходя ихъ, образуетъ водопады, которые подчасъ становятся довольно значительны. Къ такимъ принадлежитъ порогъ на рѣкѣ Туломѣ, называемый мѣстными жителями просто „падуномъ“. Въ другихъ мѣстахъ эти пороги, хотя и невысокіе, чередуются почти безпрестанно, а нѣкоторыя русла рѣкъ такъ переполнены этими камнями, что нѣтъ на нихъ мѣста проѣхать. Къ такимъ относится, между про-

[1]) Верещагинъ. Оч. Арханг. губ., стр. 37.

чими, рѣка Нива: путешествующіе изъ Кандалакши вынуждены идти около нея пѣшкомъ. Да и такъ, плывя по рѣкамъ Лапландіи, приходится сплошь и рядомъ выходить изъ лодки и либо тащить ее за собой, либо предоставить лопарямъ справляться съ разъяренными волнами, что они и дѣлаютъ съ рѣдкимъ искусствомъ, смѣло лавируя средь камней, о которые каждый мигъ лодка можетъ разбиться. Выходите вы изъ лѣса и вотъ уже довольно далеко отъ рѣки слышенъ шумъ: это рѣка проходитъ порогъ; шумъ все явственнѣе, все сильнѣе и—подойдите къ рѣкѣ—вамъ будетъ иной разъ трудно расслышать голосъ вашего собесѣдника. Шумъ однообразный, дѣйствующій на нервы непривычнаго человѣка, странно негармонирующій съ той мертвой тишиной, съ которой вы только что разстались въ лѣсу, въ которомъ царитъ такое молчаніе, что, если бы не узкія тропинки, которыя вамъ то и дѣло пересѣкаютъ дорогу—тропинки, протоптанныя „звѣремъ“, идущимъ тутъ на водопой,—можно бы было счесть этотъ лѣсъ совсѣмъ необитаемымъ.

Совершенную противоположность рѣкамъ составляютъ озера: насколько первыя бурливы, настолько послѣднія спокойны и тихи. Горы, такія же ненаселенныя, такія же молчаливыя отражаются съ своими лѣсами и обнаженными верхушками въ тихой водѣ. Кажется, словно озеро застыло; не услышите вы на немъ плеска веселъ ѣдущей вамъ навстрѣчу лодки, не забѣлѣетъ вдали парусъ лопаря -рыбака. Лишь изрѣдка на берегу вы увидите одинокую лопарскую вѣжу, изъ верхняго отверстія которой узкой струей выходитъ дымъ: это лѣтнее жилище лопаря, куда онъ переселяется изъ зимняго погоста для производства рыбнаго промысла; изрѣдка лишь увидите вы, какъ къ берегу подойдетъ сѣверный олень и, увидавъ людей, сначала испуганно посмотритъ на васъ, а затѣмъ быстро скроется въ лѣсной чащѣ. Единственно, что оживляетъ спящую поверхность озера—это стаи утокъ, куликовъ и другой дичи, которой здѣсь въ изобиліи. Въ плёсѣ изъ подъ высокой осоки плыветъ цѣлая стая дикихъ утокъ, безъ боязни, что охотникъ будетъ ихъ стрѣлять. Но попробуйте направить вашу лодку къ нимъ, онѣ быстро поднимутся и избѣгнутъ угрожавшей имъ руки, или нырнутъ въ воду и пробудутъ тамъ долго, а вынырнувъ, окажутся за предѣлами выстрѣла. Еще, что оживляетъ тишину озера, это „пryганье“ семги у пороговъ. Если въ озеро впадаетъ рѣка, устье которой порожисто, то можно не рѣдко наблюдать слѣдующее интересное явленіе: молодая семга, стремясь идти противъ теченія, массами прыгаетъ въ водѣ, стараясь перескочить черезъ камни; блестя на солнцѣ своей чешуей, отбрасывая отъ себя сотни искръ, десятки рыбъ прыгаютъ, стремясь перескочить порогъ, падаютъ обратно и снова прыгаютъ. Но это все, что оживляетъ озера: въ тихую погоду мирно спятъ онѣ, какъ спятъ таинственно и лопарскіе лѣса и лопарскія горы съ своими то каменными, то крытыми ягелемъ вершинами. Однако стоитъ подуть вѣтру, какъ озеро, за пять минутъ передъ тѣмъ тихое, уже всколебалось; показались черныя волны, гнѣвно раскачивающія жалкую лопарскую ладью; если же подобная буря застигнетъ на такомъ озерѣ, какъ Имандра или Нуотъ-озеро, то, какъ мнѣ говорили лопари, они не рѣшаются ѣхать дальше, пристаютъ къ берегу и ждутъ, пока не измѣнится вѣтеръ и не будетъ предстоять опасности отъ дальнѣйшаго пути. Бури на этихъ озерахъ къ тому же очень не рѣдки и волны страшно неправильны, что дѣлаетъ дѣйствительно путешествіе по лопарскимъ озерамъ не совсѣмъ безопаснымъ.

Лапландскія рѣки и озера изобилуютъ рыбой: огромное количество семги, сиговъ и мелкой рыбы вылавливается ежегодно лопарями изъ глубины озеръ и рѣкъ. Этой рыбы такое количество, что ею кормится вся Лапландія вотъ уже въ продолженіи вѣковъ и ею ведутъ мѣновую торговлю лопари съ колянами. Но кромѣ рыбы въ рѣкахъ лопарскихъ находится еще жемчугъ, который если и не обогащаетъ лопарей, то все-таки помогаетъ имъ вести свою скудную, лишенную роскоши и даже простыхъ удобствъ жизнь. Въ рѣкахъ Колѣ, Туломѣ, Лицѣ и нѣкоторыхъ другихъ вылавливаются лопарями жемчужныя раковины и жемчугъ продается ими въ Колу и Кемь. Вслѣдствіе до сихъ поръ сохранившагося среди поморокъ обычая украшать свои головные уборы жемчугомъ и жемчужными нитками увѣшивать себѣ шею и, наконецъ, носить серьги изъ жемчуга — онъ всегда находитъ себѣ сбытъ, хотя и не за дорогую цѣну, въ Колу, Кемь, другіе поморскіе города и дальше на югъ, въ южныхъ уѣздахъ Архангельской губерніи, въ Олонецкую губернію и отчасти въ Вологодскую. Жемчугъ, получаемый изъ лопарскихъ рѣкъ, за нѣкоторыми, довольно рѣдкими исключеніями, не особенно хорошъ: онъ недостаточно правиленъ, и круглый жемчугъ встрѣчается чрезвычайно рѣдко; также рѣдки и крупныя, хотя бы не особенно правильныя жемчужины; встрѣчается въ рѣкахъ и розовый жемчугъ, который на мѣстѣ цѣнится особенно дорого.

Кромѣ крылатой дичи, рыбы и жемчуга внутри лопской земли встрѣчается много и пушныхъ звѣрей: лисицы, бѣлки, горностаи, песцы и нѣкогда на берегахъ рѣкъ можно было встрѣтить и дорогаго бобра. Но нахожденіе послѣдняго отошло теперь уже въ область преданій и въ настоящее время этого цѣннаго, по своему мѣху, звѣря найти больше въ Лапландіи нельзя. Вообще въ настоящее время замѣчается оскудѣніе въ данномъ отношеніи лопарской земли: вслѣдствіе хищническаго истребленія звѣря, количество его съ каждымъ годомъ быстро уменьшается и быть можетъ въ не особенно далекомъ будущемъ Лапландія обѣднѣетъ пушнымъ звѣремъ, какъ она обѣднѣла уже давно оленями, которые теперь въ дикомъ видѣ нигдѣ въ русской Лапландіи не встрѣчаются, кромѣ трущобы Хибинскихъ горъ, гдѣ, по словамъ лопарей, хотя изрѣдка, удается еще встрѣтить не ручнаго оленя.

Такова въ общихъ чертахъ лопарская земля, въ которой вотъ уже много вѣковъ живутъ лопари. Какъ видно, она, не смотря на свои богатства въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, не особенно гостепріимна для своихъ дѣтей. Лишь тяжкимъ трудомъ, цѣной огромныхъ лишеній, жестокихъ жертвъ—снискиваетъ себѣ мѣстный житель здѣсь пропитаніе. Не легко удается вынести и суровый климатъ, съ его морозами и вьюгами зимой и сравнительной жарой лѣтомъ. Ясно, что только нужда тяжелая, роковая судьба могла завести сюда народъ и держать его въ границахъ современной Лапландіи такъ много вѣковъ, что по доброй волѣ, по своему желанію никакой народъ здѣсь не остался бы. Эта борьба съ враждебными силами природы кончилась пока временной побѣдой лопаря, хотя и наложила на него своеобразный отпечатокъ, хотя и потребовала отъ него чудовищныхъ жертвъ.

II.

Очеркъ исторіи лопарей.

Вопросъ о ихъ происхожденіи. Разселеніе лопарей. Свидѣтельства о жительствѣ лопарей въ южныхъ частяхъ Скандинавскаго полуострова, современныхъ Новгородской, Петербургской, Олонецкой губ. и Кемскаго у. Архангельской губ. Дѣленіе лопарей на три группы (шведскихъ, норвежскихъ и русскихъ). Очеркъ исторіи шведскихъ и норвежскихъ лопарей. Движеніе новгородцевъ въ Кольскій полуостровъ. Введеніе христіанства среди русскихъ лопарей. Печенгскій монастырь. Торговыя отношенія древнихъ лопарей и русскихъ промышленниковъ. Распредѣленіе границъ между скандинавской и русской Лапландіей.

Закинутое къ берегамъ Сѣвернаго Ледовитаго океана небольшое племя лопарей—по своему быту, по своей внѣшности, рѣзко отличающееся отъ окружающихъ его народовъ, давно уже возбуждало любопытство изслѣдователей по вопросу о происхожденіи его. Уже съ давнихъ временъ одна догадка смѣняла другую и каждое высказанное мнѣніе, какъ бы оно ни было неосновательно, находило себѣ всегда бо́льшее или меньшее число послѣдователей. Въ XVI и XVII вв. еще существовали мнѣнія, по которымъ лопари считались то шведами, то норвежцами, то русскими, удалившимися отъ своей родины и постепенно, съ теченіемъ вѣковъ, измѣнившіе свой образъ жизни и даже свой внѣшній видъ. Господствовалъ также взглядъ, по которому лопари приводились въ родственныя отношенія съ евреями. По этой теоріи евреи, переселенные послѣ разрушенія ихъ царствъ ассирійскими и вавилонскими царями на сѣверъ, подвигались мало по малу къ сѣвернымъ окраинамъ Европы и, съ теченіемъ вѣковъ, тѣснимые то однимъ, то другимъ народомъ, дошли наконецъ и до береговъ Ледовитаго океана; здѣсь, не имѣя уже возможности подвигаться впередъ, они были вынуждены осѣсться, тѣснимые со всѣхъ сторонъ болѣе сильными, стоящими на болѣе высокой степени культуры сосѣдами. Основаніемъ этой теоріи служили нѣкоторыя черты внѣшняго сходства лопарей съ евреями—черты къ тому же освѣщенныя подчасъ и предвзятымъ взглядомъ изслѣдователей. Въ „Новыхъ и достовѣрныхъ извѣстіяхъ о лапландцахъ въ Финмархіи", напечатанныхъ въ Москвѣ въ 1792 г., приводятся подробно основанія этой теоріи:... „говорятъ, что есть много сходства между лапландцами и древними израильтянами. Лапландцы такъ какъ и евреи по большей части черноволосы и небольшаго роста. Они пришиваютъ ленты къ поясу, такъ какъ и лапландцы обшиваютъ платье лентами.... Субботу почитаютъ евреи святой, оная провождается лапландцами въ обрядахъ ихъ закона и въ волшебствѣ. Странныя

пѣсни лапландцевъ весьма похожи на пѣніе евреевъ въ ихъ синагогахъ. Послѣдніе не приносили жертвы истинному Богу, такъ какъ имъ было предписано, да и лапландцы не лучше ихъ поступали. Евреи воздвигали камни и всякія изображенія, коимъ они воздавали почесть самого Бога, тогда и лапландцы имѣли таковое же служеніе, о семъ увѣряетъ насъ множество оставшихся извѣстій. Евреи не дѣлали алтарей изъ обтесанныхъ камней, также и алтари у лапландцевъ состояли изъ дикихъ и неровныхъ камней; къ нѣкоторымъ желѣзо не должно было прикасаться; у евреевъ мущины должны всегда варить пищу, такое-же у лапландцевъ заведеніе". Но вслѣдъ за этимъ авторъ считаетъ необходимымъ прибавить: „итакъ хотя великое есть сходство между сими двумя народами, однако изъ того не слѣдуетъ, чтобъ лапландцы произошли отъ израильтянъ" [1]).

Послѣдняя оговорка автора объясняется тѣмъ, что уже въ XVII вѣкѣ появилась реакція противъ этого и тому подобныхъ мнѣній. Уже въ XVII вѣкѣ находились люди, которые старались стать на болѣе твердую почву въ своихъ выводахъ, откидывали подобныя теоріи и путемъ, хотя и не искуснымъ, довольно близко подходили къ истинѣ.

Такъ еще Шефферъ [2]) въ своемъ сочиненіи о Лапландіи считаетъ нужнымъ опровергнуть ложныя мнѣнія о происхожденіи лопарей. Сравнивая внѣшность лопарей съ внѣшностью норвежцевъ и русскихъ, онъ приходитъ къ заключенію, что никакого родства между этими народами и лопарями найти нельзя. Московиты, говоритъ онъ, имѣютъ лицо чистое—лопари темное; московиты отличаются бородами— лопари безбороды и т. д. Въ своемъ заключеніи онъ убѣждается также и на основаніи данныхъ языка лопарей, который не имѣетъ ничего общаго съ языкомъ шведовъ, норвежцевъ или московитовъ. Обращаясь затѣмъ къ финнамъ, онъ видитъ сходство между ними и лопарями и притомъ сходство столь разительное, что считаетъ лопарей отпрыскомъ финновъ: сходство выражается не только во внѣшнемъ видѣ, но и въ языкѣ. Такимъ образомъ появляется новая теорія, которой со многими измѣненіями, суждено было стать господствующей.

Она черпаетъ доказательства и изъ народныхъ преданій и находитъ себѣ и въ нихъ подтвержденіе. Георги [3]) приводитъ распространенное преданіе, по которому лопари ушли отъ финновъ, вслѣдствіе чего финны (рѣчь идетъ о западныхъ финнахъ) и называютъ лопарей „скритъ-финнами", т. е. бѣглыми финнами; однако по мнѣнію Георги „вѣроятнѣе кажется, что нынѣшніе финны отщетясь отъ нихъ, переселились въ привольнѣйшія мѣста для спокойнѣйшей и выгоднѣйшей жизни, нежели противное сему мнѣніе".

Такимъ образомъ уже съ XVII в. изслѣдователи начинаютъ подходить къ истинному мнѣнію о происхожденіи лопарей. Путемъ долгихъ споровъ въ XVIII в., преимущественно къ его концу, мнѣніе о родствѣ лопарей съ финнами укрѣпляется, хотя прежнія теоріи и не совсѣмъ еще уступаютъ ему мѣсто. Въ наше столѣтіе, когда такъ сильно поднялось изученіе этнографическихъ особенностей разныхъ племенъ, естественно всѣ теоріи, имѣющія такія шаткія доказательства, какъ всѣ вышеприведенныя, должны были

---

[1]) Новыя и достовѣрныя изв. о лапландцахъ, стр. 3, 4.
[2]) Schefferus. Lapponia.
[3]) Георги. Описаніе всѣхъ обит. въ Рос. Гос. народовъ I. стр. 3.

или окончательно пасть или видоизмѣниться. Благодаря трудамъ лингвистовъ, трудамъ антропологовъ удалось наконецъ хоть до извѣстной степени востановить вѣрный взглядъ на происхожденіе лопарей, опредѣлить болѣе или менѣе точно узы родства, соединяющія ихъ съ финскими племенами. Не передавая всѣ разнорѣчивыя мнѣнія по этому вопросу, существовавшія между специалистами, ограничусь лишь указаніемъ, что по взгляду Шотта [1]) лопари считаются племенемъ угро-финскимъ, по языку однако родственнымъ какъ съ финнами, населяющими Финляндію и Карелію, такъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и съ племенами восточно-финскими (вогулами, мордвою). Антропологически лопарей причисляютъ къ монголоиднымъ племенамъ (Ранке, Вирховъ) довольно сильно, однако, отклоняющимся отъ монголовъ.

Будучи во всякомъ случаѣ по языку племенемъ финскимъ, лопари восприняли въ себя, однако, и много постороннихъ элементовъ: кромѣ родственныхъ лопарямъ кореловъ и тавастовъ на типъ лопаря повліяли и сосѣди русскіе и скандинавскіе.

Не менѣе чѣмъ по вопросу о происхожденіи лопарей дѣлалось догадокъ и по вопросу о названіи ихъ. Въ настоящее время названіе Lapp, Lappe, лопь, лопари и т. д сближаютъ обыкновенно вслѣдъ за Лербергомъ со старымъ географическимъ названіемъ одной эстонской мѣстности Lappegunda (Lappe—крайній, послѣдній и gunda—округъ). Отъ эстовъ, или другаго родственнаго эстамъ по языку племени, это названіе перешло къ шведамъ и другимъ западнымъ народамъ, перешло и къ намъ [2]). Сами лопари называютъ себя Саоме, Само, Сабмо, Суома, Суоме, Суомолайсетъ, землю свою—Суомаедне Суомаладне.

Какимъ путемъ лопари зашли на Кольскій и Скандинавскій полуострова—является вопросомъ, о которомъ было высказано также много, взаимно противорѣчащихъ мнѣній. Не вдаваясь въ подробности, укажу только на нѣкоторыя изъ нихъ: нѣкоторые ученые, основываясь па находимыхъ во Франціи черепахъ, схожихъ съ черепами лопарскими и палеонтологическихъ остаткахъ сѣвернаго оленя, полагали, что лопари населяли нѣкогда среднюю Европу и лишь постепенно, либо вслѣдствіе измѣненія климата, либо нашествія болѣе сильныхъ народовъ, были отодвигаемы къ сѣверу. Это мнѣніе, какъ не имѣвшее за собой достаточно вѣскихъ основаній, пало, хотя и является несомнѣннымъ, что лопари въ сравнительно позднюю эпоху жили гораздо южнѣе, чѣмъ теперь. Въ Скандинавію лопари зашли, по мнѣнію однихъ, черезъ Данію, по мнѣнію другихъ, черезъ Кольскій полуостровъ, или черезъ Ботническій заливъ. Повидимому, однако, лопари, занимавшіе болѣе южныя части современной Архангельской губ. и Финляндіи, тѣснимые новыми пришельцами, образовали два колонизаціонныхъ потока: одинъ черезъ Ботническій заливъ въ Скандинавскій, другой въ Кольскій полуостровъ.

Какъ бы то ни было—несомнѣнно лишь то, что лопари загнаны на далекій сѣверъ неизвѣстными намъ передвиженіями народовъ и что, какъ въ Скандинавіи, такъ и въ Россіи они населяли мѣста болѣе южныя, чѣмъ въ настоящее время.

---

[1]) Schott. Land und Volk der Lappen въ Zeitschrit. f. Ethnologie VII. 1875. p. 29, 31.
[2]) Lehrberg: Untersuchungen zur Erläuterung der älteren Geschichte Russlands. p. 220, 221. Цитата изъ Orig. Livoniae отъ 1220 г „prowinciam extremam versus Wironiam, quae Lappegunda vocatur".

Что касается Скандинавіи, то масса могилъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „лопарскихъ могилъ“, „лопарскихъ кучъ“, разбросанныхъ въ Скандинавіи много южнѣе тѣхъ мѣстъ, гдѣ въ настоящее время живутъ лопари, можетъ доказывать это. И у самихъ лопарей сохранялось еще въ XVIII в. преданіе о томъ, что ихъ предки нѣкогда владѣли всей Швеціей, но затѣмъ были изгоняемы шведами и постепенно заключаемы все въ болѣе узкія границы [1]).

Что касается Россіи и Финляндіи, то свидѣтельства о томъ, что лопари встрѣчались гораздо южнѣе Кольскаго полуострова, крайне многочислены. Не касаясь мнѣнія, что земли, занимаемыя въ настоящее время самоѣдами между Мезенью и Печорою, были нѣкогда обитаемы лопарями [2])—мнѣнія, не имѣющаго за собой достаточно научныхъ подтвержденій, укажу лишь на то, что нѣкоторые изслѣдователи (Лербергъ) считаютъ терминъ *сумь* переводомъ германскаго „*финнъ*“, первоначально принадлежавшимъ лопарямъ,—а названіе географическое *Суми=Финляндіи* — подтвержденіемъ предположенія, что лопарямъ первоначально принадлежала вся Финляндія. По его мнѣнію только шведскіе колонисты перенесли названіе *Suomabaises* и *финновъ* съ лопарей на нынѣшнихъ жителей Финляндіи. Что Сумь, оставившая воспоминанія въ названіи мѣстностей, какъ напр. Сумскій посадъ, и въ названіи озера и рѣки, Сумозеро и р. Сума, было распространено и на Финляндію, доказывается тѣмъ, что Финляндія иногда называется Сумью; такъ въ лѣтописи подъ 1318 г. читаемъ: „ходиши Новгородци войною за море въ рѣку Полную и взяша градъ Людеревъ Сумскаго Князя“. Подъ г. Людеревомъ, какъ объясняетъ Лербергъ, слѣдуетъ видѣть г. Або, крѣпость котораго построена правителемъ Финляндіи Людеромъ Кюрнскимъ; „сумскій князь“—въ данномъ случаѣ относится къ брату шведскаго короля Волдемара, который былъ объявленъ финляндскимъ герцогомъ въ 1310 г. Слѣдовательно, если только Сумь—древнее названіе лопарей—они были распространены отъ Бѣлаго моря до Балтійскаго.

Но допустивъ даже, что упоминаемое племя Сумь ничего общаго съ лопарями не имѣетъ, у насъ остается еще много свидѣтельствъ, доказывающихъ пребываніе лопарей въ современномъ Кемскомъ у. Олонецкой губ., около Новгорода и Ладожскаго озера.

Изложимъ эти свѣдѣнія, начиная съ самихъ древнихъ. Въ уставѣ Ярослава о мостяхъ между прочимъ упоминается и Лопьская (ста) [3]). Г. Мальковскій [4]) ставитъ выписанную нами статью (вторую часть устава) въ связь съ окончаніемъ первой статьи „А Владыцѣ сквозѣ городняя ворота съ Изгои, и съ другими Изгои до острой городни“. Эти слова содержатъ въ себѣ общее опредѣленіе повинности изгоевъ, а слѣдующая 12-я статья исчисляетъ подробно тѣхъ, кто этой повинности подлежитъ. Слово „ста“, по мнѣ-

---

1) Högström Beschreibung des Lapplandes, стр. 43.

2) З. И. Р. Г. О. VII, стр. 41.

3) 1-я Давыжа ста, 2-я Слѣпчева ста, 3-я Бобыкова ста, 4-я Олексина ста, 5-я Ратиборова ста, 6-я Кондратова ста, 7-я Романова ста, 8-я Сидорова ста, 9-я Гаврилова ста, 10-я Княжа ста, 11-я Княжа ста.

12-я Ржевская, 13-я Бѣжичкая, 14-я Вочкая, 15-я Обониская, 16-я Луская, 17-я *Лопьская* по Владимірскому Буданову: *Лоуская* (см. Христоматію по ист. Р. Пр. I. стр. 82.), 18-я Волховская троп рилѣ, 19-я Ижелбичкая двои рилѣ до торгу.

4) Временникъ Им. Моск. Общ. Ист. и Др. Россіи. Кн. XII Маньковскій: Критическія изслѣдованія о происхожденіи Великаго Новгорода (М. 1852 г.)

нію автора равнозначуще со словомъ усадьба: изгои жили по стамъ (усадьбамъ). То обстоятельство, что въ 11-ти первыхъ статьяхъ слово „ста“ прибавлено въ текстѣ устава, а въ слѣдующихъ оно не встрѣчается, успѣшно объясняется г. Маньковскимъ тѣмъ, что въ первыхъ мы имѣемъ дѣло съ названіемъ усадьбъ, изгойскихъ *по именамъ лицъ*, во вторыхъ съ названіемъ изгойскихъ-же усадьбъ по именамъ *мѣстностей*. Въ именахъ лицъ слѣдуетъ видѣть не имена владѣльцевъ усадьбъ а имена начальниковъ, сотскихъ, старостъ. Редакція 1-й части 2-й статьи относится ко 2-й половинѣ XIII в., тогда какъ 2-я часть той-же статьи является по мнѣнію автора болѣе древней и неизмѣненной со времени Ярослава. По мѣрѣ перемѣны старостъ и сами сотни мѣняли свои названія; тамъ-же гдѣ существовали названія сотень по мѣстностямъ эта перемѣна происходить не могла. Отсюда ясно, почему въ первой части прибавляется слово ста, во 2-й оно лишь подразумѣвается.

Принимая толкованіе этой статьи г. Маньковскимъ, слѣдуетъ признать, что одна изъ мѣстностей Новгорода, которую занимала изгойская сотня, сохранила въ своемъ названіи воспоминаніе о лопаряхъ, здѣсь нѣкогда жившихъ; видѣть-же въ этомъ указаніе на то, что новгородцамъ XI в. была уже знакома Лапландія, „Лопская земля“, и что, такъ сказать, въ честь Лопской земли и сотня была названа Лопской, какъ это полагали неоднократно, является невозможнымъ, такъ какъ владѣнія новгородцевъ не доходили еще до сѣверныхъ предѣловъ Европейской Россіи, до Кольскаго полуострова, получившаго названіе Лопской земли.

Далѣе отъ XIV в. мы имѣемъ извѣстія, что лопари встрѣчались у Онежскаго озера. Монахъ Лазарь, поселившійся въ это время на Мурманскомъ островѣ, лежащемъ на восточномъ берегу Онежскаго озера, въ недалекомъ отъ послѣдняго разстояніи, въ современномъ Пудожскомъ уѣздѣ, Олонецкой губ., пишетъ: „А живущіи тогда именовались около озера Онега *Лопляне* и *Чудь*, страшные сыроядцы близь мѣста сего живяху... Многи скорби и біенія и раны претерпѣхъ отъ сихъ звѣрообразныхъ мужей. Многажды бивше и изгнаши мя отъ острова сего и хижу мою огню предаша. А сами окаянніи по наученію бѣсовскому подлежаху и мечты многи дѣяху. И сотвориша селитбу близь мене съ женами и дѣтьми, и пакости многи творяху и глаголаху; Калугере! останися мѣста сего;... и хотяху мя сыроядцы убити и тѣло мое въ ядь себѣ сотворити“ [1]).

Этотъ безыскусственный разсказъ одного изъ русскихъ піонеровъ на нашемъ сѣверѣ несомнѣнно доказываетъ пребываніе лопарей у восточнаго берега Онежскаго озера; опредѣлить изъ его словъ, однако, довольно трудно—были-ли лопари въ это время постоянными жителями данной мѣстности или, кочуя, лишь доходили до этихъ береговъ. Повѣсть указываетъ лишь на то, что тогда же „отъидоша отъ мѣста сего въ предѣлы океана-моря“ [2]). Если, однако, обратить вниманіе на то, что названіе Мурманъ, Мурманскій берегъ, обыкновенно производимый отъ слова Норманнъ, можетъ объясняться изъ лопарскаго языка, (и какъ его сами лопари объясняютъ) отъ словъ мюръ (муръ)—море, и маннъ—(луна) [3]) (или ма—земля) и что тоже названіе встрѣчается у береговъ Онежскаго озера въ названіи

---

[1]) Исторія Россійской Іерархіи. V, стр. 120.
[2]) Древности. т. VIII вып. 3, стр. 219.
[3]) В. Гулевичъ. Мурманскій берегъ. Арх. 1883, стр. 3.

озера Мурманскимъ (впослѣдствіе повидимому передѣланное въ Муромское) [1]), то въ видѣ предположенія можно будетъ высказать, что и имя этого озера объясняется изъ лопарскаго языка, что названіе это было дано озеру лопарями [2]). Если это такъ, то слѣдуетъ придти къ заключенію, что лопари долго жили въ этихъ мѣстахъ и если въ XIV в. и прикочевывали лишь къ нему, то предки ихъ вѣроятно имѣли болѣе долгое пребываніе на этомъ озерѣ. Не безъинтереснымъ является и то обстоятельство, что у русскихъ крестьянъ, населяющихъ берега Водлозера (Пудожск. у. Олонец. губ.) сохранилось воспоминаніе о приходѣ къ Водлозеру „самояди и лопи". По преданіямъ эти перекочевки представителей обоихъ племенъ происходили каждый годъ, въ опредѣленное время, причемъ обыкновенно самоядь, лопь и русскіе состязались въ стрѣльбѣ изъ лука.

Съ XV в. въ предѣлахъ Повѣнецкаго у. семь погостовъ извѣстны подъ именемъ „Лопскихъ погостовъ" [3]).

Въ Новгородскихъ переписныхъ книгахъ 1500 и 1501 годахъ мы встрѣчаемъ указаніе на то, что въ предѣлахъ современной Петербургской губ. лопари оставили по себѣ память въ названіяхъ мѣстностей: въ городѣ Орѣшкѣ была Лопская сторона, въ ней считалось 72 двора; кромѣ того на Лопской сторонѣ жили на посадѣ поземщики, которые въ 1500 г. были проданы городчанамъ. Далѣе упоминается погостъ въ Лопцѣ; къ нему принадлежали 14 деревень по Ладожскому озеру, и рѣкамъ Сасарѣ, Линдѣ и Лавуѣ. Встрѣчается также упоминаніе о погостѣ Егорьевскомъ—Лопскомъ, въ которомъ считалось 133 деревни (по Ладожскому оз., рр. Лавуѣ, Нови, Покостнѣ, Шелядихѣ, Вальи и Костнѣ) [4]).

Въ 1526 г. встрѣчается упоминаніе о лопаряхъ по Кандалакшской губѣ, гдѣ въ настоящее время лопарей не встрѣчается болѣе. Въ 1530 г. упоминаются лопари по рр. Кеми и Шуѣ, гдѣ въ настоящее время также болѣе нѣтъ лопарей. Въ 1590 г.—лопари въ волостяхъ Ковдѣ и Керетина Студеномъ морѣ. Наконецъ также въ концѣ XVI в. (1582 и 1583 гг.) лопари, живущіе въ мѣстностяхъ извѣстныхъ подъ именами: Верхней Лопи, Лопскаго конца, Лопскихъ погостовъ, между рр. Сумой и Нюхчей и около Выгоозера [5]).

Сопоставляя всѣ эти свѣдѣнія, слѣдуетъ придти къ заключенію, что лопари въ предѣлахъ Россіи занимали въ разное время пространство отъ береговъ Ладожскаго и Онежскаго озеръ до южнаго берега Кольскаго полуострова, что они прошли широкой полосой по сѣверу Россіи отъ границъ Финляндіи до р. Нюхчи и Водлозера. Но и въ Финляндіи является возможнымъ отыскать слѣды лопарей, и притомъ на всемъ протяженіи ея. Многія по всей Финляндіи разсѣянныя названія озеръ, заливовъ и т. д., говоритъ Шоттъ, доказываютъ, что лопарь былъ болѣе древнимъ жителемъ Финляндіи, изъ

---

1) Въ завѣщаніи Лазаря мы встрѣчаемъ „озеро Мурма" и „островъ Муромскій". — См. И. Р. Іер. V 118 и 121 „островъ Мурманскій"; стр. 124.

2) Шёгренъ считаетъ однако „Мурманскій" лишь позднѣйшимъ искаженіемъ переписчика вмѣсто „Муромскій". Sjögren: Gesammelte Schriften. I. p. 344, примѣч. 358.

3) Древности. VII. в. 3, ст. 219 и А. И. V. № 126.

4) З. И. Р. Г. О. II. стр. 599 и 600.

5) З. И. Р. Г. О. II. стр. 610.

которой, двигающійся за нимъ, знакомый съ земледѣліемъ, Суомалайненъ вытѣснилъ мало-по-малу своего еще кочеваго брата къ сѣверу [1]).

Далѣе онъ приводитъ примѣры такихъ названій какъ Lappi-jarwi—Лопское озеро, Lapin-laksi (или lacht)—Лопская лахта, Lapin-salma—Лопскій проливъ, Lapin-Kangas—Лопская дубрава, Lapin-linna—Лопское укрѣпленіе. Нѣтъ недостатка, заключаетъ онъ, и въ могилахъ (haudat) и искусственныхъ каменныхъ кучахъ (raunist), которыя названы по имени лопарей [2]). Кастренъ сообщаетъ, что жители Аконтлаки (Бабья губа) указывали ему также каменныя кучи, называемыя „лопарскія кучи", которыя однако Кастренъ считаетъ не лопарскаго происхожденія; въ Русской Кареліи, около Каяны ему показывали лопарскія могилы [3]). По иностраннымъ извѣстіямъ XVI в. лопари жили въ Остроботіи и въ лѣсахъ Финляндіи вездѣ, откуда вновь прибывающіе насельники-земледѣльцы не успѣли ихъ еще вытѣснить. Въ записяхъ касательно Тявзинскаго договора (XVI в.) упоминаются Каянскіе лопари [4])

Разбросанные на огромное пространство лопари естественно должны были выдерживать на себѣ натиски другихъ племенъ, и по мѣрѣ передвиженія этихъ послѣднихъ передвигаться сами. Этотъ періодъ исторіи лопарей является наиболѣе темнымъ. Вопросы когда они перешли въ Кольскій и Скандинавскій полуострова, натиски какихъ народовъ имъ приходилось выдерживать, когда началась и какъ велась эта борьба—должны пока оставаться неразрѣшенными. Про русскихъ лопарей можно только сказать, что имъ пришлось выдержать упорную и продолжительную борьбу съ карелами, которая и ограничила лопарей въ рамкахъ Кольскаго полуострова. Борьба, которую выдерживали лопари, не имѣла, конечно, характера борьбы противъ завоевательныхъ стремленій кареловъ. Эти послѣдніе, совершая грабежи и разбойничьи набѣги на лопарскія селенія, вытѣсняли ихъ мало-по-малу изъ прежнихъ мѣстъ жительства и вытѣснивъ ихъ наконецъ изъ предѣловъ современнаго Кемскаго уѣзда, карелы все-таки продолжали свое поступательное движеніе и неоднократно тревожили забитыхъ за полярный кругъ лопарей. Воспоминанія объ этой борьбѣ слѣдуетъ, вѣроятно, видѣть и въ многочисленныхъ преданіяхъ о чуди, о которыхъ намъ придется говорить подробнѣе ниже и въ извѣстномъ всѣмъ разсказѣ о Валитѣ или Варентѣ. Кастренъ сообщаетъ, между прочимъ, преданіе, записанное имъ около деревни Аконтлаки, по которому въ то время „когда Москвой правили еще князья, а не цари, жили въ Аконтлаки, два лопарскихъ шамана, которые вылѣчили одного московскаго князя отъ смертельной болѣзни и въ награду за то получили близъ мѣстности, ими обитаемой, право исключительныхъ рыбныхъ и звѣриныхъ промысловъ. Преданіе прибавляетъ, что пограничные финскіе жители перебили лопарей и присвоили ихъ владѣнія себѣ, хотя лопари готовы были уступить имъ свои права безъ сопротивленія [5])" Въ этомъ преданіи сквозь поэтическія прикрасы нельзя не видѣть глухаго воспоминанія о борьбѣ лопарей съ сосѣднимъ финскимъ племенемъ, кончившейся удаленіемъ лопарей

[1]) Schott: Land und Volk der Lappen. br. Zeitschrift f. Ethnologie. 1875. t. VII p. 29.

[2]) См. о томъ-же у Alquist: въ Ж. М. Н. Пр. стр. 171. 1877 г. іюль. Изложеніе по Альквисту о Древней Культурѣ Зап. Финновъ.

[3]) З. И. Р. Г. О. П. стр. 598.

[4]) Арх. Г. В. 1869 г. № 70. и З. И. Р. Г. О. П. стр. 601.

[5]) З. И. Р. Г. О. П. 598.

изъ указанной мѣстности. Однако не всегда дѣло шло путемъ борьбы: по преданіямъ самихъ лопарей и сосѣднихъ имъ финновъ случалось и такъ, что нѣкоторыя финскія семейства мирно переходили жить въ Лапландію [1]) и тамъ повидимому либо сливались съ лопарями, либо постепенно вытѣсняли ихъ.

Вотъ почти все, что можно сказать про жизнь лопарей до той эпохи, когда они подпали подъ власть своихъ скандинавскихъ и русскихъ сосѣдей, имѣвшихъ такое большое вліяніе на ихъ судьбу.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что у самихъ лопарей почти не сохранилось преданій о своемъ отдаленномъ прошломъ. Кромѣ упомянутаго выше преданія, записаннаго Гегстремомъ, мы встрѣчаемъ еще свѣдѣнія, по которымъ лопари помнятъ, что они пришли съ востока, но безъ дальнѣйшихъ подробностей [2]). Далѣе Гегстремъ сообщаетъ еще преданіе, записанное имъ со словъ лопарей, о происхожденіи этихъ послѣднихъ: на разспросы свои, откуда лопари пришли, Гегстремъ получилъ отвѣтъ, что нѣкогда лопари и шведы составляли одинъ народъ и что родоначальники обоихъ народовъ были родные братья. Поднялась однажды сильная буря: одинъ изъ братьевъ испугался и спрятался подъ доску. Отъ потомковъ его произошли шведы, и Богъ изъ той доски, которая послужила убѣжищемъ одному изъ братьевъ, сдѣлалъ ему домъ. Другой братъ былъ храбрѣе и не хотѣлъ прятаться отъ бури—онъ-то и сдѣлался родоначальникомъ лопарей, которые долго продолжали жить кочевой жизнью, не имѣя хорошаго жилища [3]). Это бѣдное и далеко не полное преданіе имѣетъ, на нашъ взглядъ, лишь значеніе доказательства весьма продолжительнаго сосѣдства обоихъ народовъ; эта та долгая, многовѣковая жизнь обоихъ народовъ другъ съ другомъ и заставила лопарей составить преданіе о родствѣ своемъ со шведами. О времени встрѣчи обоихъ племенъ, конечно, невозможно сказать что-нибудь опредѣленнаго: единственно, что является, повидимому несомнѣннымъ, что столкновенія между ними начались еще въ очень глубокой древности. Томсенъ въ своемъ сочиненіи „О вліяніи германскихъ языковъ на финско-лопарскіе“ цитируетъ слова проф. Дитриха, по мнѣнію котораго лопарскій языкъ долженъ быть поставленъ въ ряду наиболѣе древнихъ источниковъ познаванія языковъ германскихъ: въ немъ встрѣчаются заимствованія изъ шведскаго, причемъ не только изъ современной формы шведскаго языка, но и изъ болѣе ранней формы его—болѣе старинной чѣмъ самые древніе законы, писанные на шведскомъ языкѣ. Рядомъ съ этимъ, продолжаетъ авторъ свою цитату, встрѣчаются заимствованія изъ той эпохи, которая должна была предшествовать эпохѣ языка Эдды [4]).

Отсюда видно, что давно уже и не на памяти исторіи началось общеніе шведовъ съ лопарями. Гдѣ столкнулись эти племена въ первый разъ другъ съ другомъ, жили-ли онѣ все время съ эпохи этого столкновенія рядомъ, или неоднократно расходились и снова встрѣчались—рѣшить трудно. Не сомнѣненъ лишь тотъ фактъ, что не первое столѣтіе

[1]) Ibid. стр. 597.
[2]) Düben: La Laponie et les Lapons въ Congrès international des sciences geographiques, 1878 pp. 238—340.
[3]) P. Högström. Beschreibung des Lapplandes 1748, стр. 65.
[4]) W. Thomsen. Über den Einfluss der germanischen Sprachen auf die Finnisch—Lappischen. p. 6.

до времени первыхъ извѣстій о нихъ скандинавскихъ источниковъ онѣ сосѣди другъ съ другомъ, не первое столѣтіе состояли то въ миролюбивыхъ, торговыхъ отношеніяхъ, то во враждебныхъ.

Давность столкновенія обоихъ народовъ подтверждается еще и тѣмъ, что лопари оставили по себѣ воспоминаніе въ произведеніяхъ народнаго творчества скандинавовъ: карлики, или лучше сказать, племя карликовъ, которому отведено такое большое мѣсто въ сказаніяхъ скандинавовъ, по общему мнѣнію, есть ничто иное какъ лопарское племя.

Остается еще вопросъ: на какой степени культуры стояли лопари въ эту далекую доисторическую эпоху своей жизни. Дюбенъ на основаніи данныхъ, полученныхъ имъ изъ изслѣдованія языка лопарей, такъ рисуетъ намъ культуру ихъ въ моментъ, когда они въ незапамятныя времена впервые столкнулись съ сѣверными представителями германской расы. Лопари, пишетъ онъ, въ это время не составляли правильнаго, организованнаго общества и не выработали еще правильнаго управленія. Они находились на патріархальной стадіи развитія и дѣлились на отдѣльныя семьи, съ многочисленными наименованіями для самыхъ различныхъ видовъ родства. Они не знали другихъ мѣръ, кромѣ мѣръ естественныхъ (локоть, дюймъ); мѣры вѣса имъ не были извѣстны. Считать они могли лишь до десяти и долгое время, въ счетѣ не шли дальше этого числа. Они не умѣли считать время, не знали письменъ, и никакого вида искусства, кромѣ развѣ вырѣзыванья по дереву. Единственные письменные знаки были тамги, которые съ древнихъ вѣковъ сохранились и по наше время и которые можно встрѣтить при мѣткѣ на ушахъ оленей. Они не были знакомы ни со скотоводствомъ, ни съ земледѣліемъ; не были имъ также знакомы даже самые простые предметы производства другихъ народовъ. Авторъ считаетъ несомнѣннымъ, что лопарямъ въ эту эпоху были извѣстны способы утилизировать сѣвернаго оленя и вѣроятнымъ, что лопари сдѣлали оленя въ то время своимъ домашнимъ животнымъ, но доить его они еще не умѣли и молоко имъ не было извѣстно. Одежды лопари изготовляли не изъ растительныхъ матеріаловъ, а изъ кожъ оленей или шкуръ дикихъ животныхъ; искусство сшивать одежды имъ было уже знакомо, именно при помощи нитокъ сдѣланныхъ изъ жилъ. Металловъ они не знали. Нельзя, по мнѣнію Дюбена, сказать съ достовѣрностью, умѣли-ли они строить себѣ жилища и вѣроятнѣе, что жилищами служили имъ пещеры или древесныя вѣтви. Все доказываетъ, что лопари были въ то время уже рыболовами и охотниками, и что собаку они успѣли уже сдѣлать ручной. Такова картина, заключаетъ Дюбенъ, которую даетъ намъ о лопарѣ изученіе языка—и первое появленіе его въ исторіи показываетъ намъ его приблизительно такимъ же, какимъ онъ былъ въ эпоху своего перваго столкновенія со скандинавами“ [1]).

Что касается степени культуры лопарей, населяющихъ и населявшихъ Россію, то, такъ какъ основательное изученіе ихъ языка не было еще предпринято, этотъ вопросъ остается неразрѣшеннымъ. Нѣкоторое освѣщеніе въ этомъ отношеніи могутъ дать раскопки въ Олонецкой губ., въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ завѣдомо жили лопари. Попытка такого рода была сдѣлана И. С. Поляковымъ: слѣдуя указаніямъ Лазаря Муромскаго, онъ предпринялъ раскопки около Муромскаго озера. Дѣйствительно около монастыря, при устьѣ

---

[1]) Düben. La Laponie et les Lapons.

рѣчки, вытекающей изъ озера, ему удалось найти обломки глиняной посуды и кремешки, обдѣланные рукой человѣка. Отсюда можно придти къ заключенію, пишетъ И. С. Поляковъ, что обломки глиняной посуды и кремни принадлежали тому народу, на который указываетъ Лазарь [1]). Если эти остатки принадлежатъ дѣйствительно лопарямъ, а не другимъ племенамъ, о которыхъ также упоминаетъ Лазарь, то слѣдуетъ придти къ заключенію, что лопари, сравнительно поздно познакомились съ употребленіемъ металловъ, или что употребленіе металловъ не успѣло еще въ то время, къ которому слѣдуетъ отнести находимыя каменныя орудія, вытѣснить употребленіе каменныхъ орудій: вотъ все, что можно сказать о древней культурѣ русскихъ лопарей.

Этимъ, я думаю, можно кончить очеркъ перваго періода жизни лопарей, періодъ предшествовавшій покоренію ихъ скандинавами и русскими насельниками. Что касается втораго періода исторіи лопарскаго племени слѣдуетъ замѣтить, что свѣдѣнія, относящіяся къ нему не сразу переступаютъ порогъ сказочнаго эпоса, что не сразу исторія лопарей этой эпохи становится достовѣрной. Рядъ сказочныхъ преданій, поэтическихъ арабесокъ украшаетъ бывшій въ дѣйствительности фактъ и заставляетъ подчасъ недоумѣвать, гдѣ нужно провести грань между поэтическимъ творчествомъ пѣвца и дѣйствительностью. Лишь послѣ долгихъ сумерокъ, въ неясномъ свѣтѣ которыхъ сливаются всѣ факты въ неопредѣленныя очертанія, извѣстія мало по малу освобождаются отъ поэтическихъ измѣненій и входятъ въ періодъ документальной исторіи. Этотъ періодъ сумерокъ историческихъ продолжается одинаково какъ для скандинавской, такъ и для русской Лапландіи до XVI в.

Подпавъ подъ вліяніе трехъ народовъ: шведовъ, норвежцевъ и русскихъ, лопари раздѣлились на три группы, изъ которыхъ каждая вела особую жизнь, имѣла свою, совершенно, или почти совершенно обособленную отъ другихъ группъ, историческую жизнь. Если и были враждебныя столкновенія одной группы лопарей съ другой, то онѣ случались лишь рѣдко и во всякомъ случаѣ нисколько не отражались на внутреннемъ бытѣ другъ друга. Вооруженныя-же столкновенія сосѣднихъ, подчинившихъ себѣ лопарей народовъ: русскихъ, шведовъ и норвежцевъ другъ съ другомъ не оказывали почти никакого вліянія на лопарей: лишь нѣкоторыя области Лапландіи, составлявшія спорные участки между сосѣдними государствами, переходили изъ рукъ въ руки и оставались сравнительно недолго подъ властью побѣдившихъ. Если-же и были болѣе обширные захваты въ районахъ владѣнія другъ друга, то побѣдители либо ограничивались набѣгомъ и грабежемъ, либо если и укрѣплялись въ своихъ новыхъ владѣніяхъ, то не могли долго въ нихъ удержаться. Естественно, что въ этихъ случаяхъ они не могли оказывать никакого культурнаго вліянія на лопарей. Вотъ почему принимая раздѣленіе лопарей на группы: норвежскую, шведскую и русскую въ этнографическомъ смыслѣ, мы можемъ смѣло раздѣлить и исторію каждой изъ этихъ группъ другъ отъ друга.

Имѣя въ виду представить лишь краткій очеркъ исторіи лопарей, а не исторію Лапландіи, я остановлюсь лишь на исторіи подчиненія каждой изъ поименованныхъ трехъ группъ своимъ сосѣдямъ и на тѣхъ фактахъ, которые имѣли болѣе или менѣе сильное

1) З. И. Р. Г. О. IX, стр. 52.

культурное значеніе на лопарей. Въ ряду этихъ фактовъ послѣ факта покоренія лопарей сосѣдями скандинавскими и русскими, слѣдуетъ отвести первое мѣсто — исторіи введенія въ среду лопарей христіанства, какъ факту, коренным образомъ, измѣнившему весь бытъ лопарей.

Когда-бы ни начались столкновенія лопарей съ сѣверными представителями германской расы, какой-бы ни былъ характеръ этихъ столкновеній — лопари довольно долго оставались самостоятельными. Каковъ былъ общественный строй лопарей въ это далекое отъ насъ время—сказать трудно; трудно также представить себѣ, чтобы они образовали какое-нибудь правильное государство, хотя старинные источники, для одной части лопарей по крайней мѣрѣ, говорятъ о лопарскомъ королѣ (rex.). Шефферъ—говоря о прошломъ лопарей цитируютъ слова Петра Клауди, по которому лопари приморскіе будто имѣли своего короля, какъ до, такъ и послѣ временъ Гаральда Гарфагера (IX в. о Р. X.). Гаральдъ, говоритъ онъ, покорилъ своей власти всю Норвегію, за исключеніемъ этихъ финновъ [1]), а имя королю, который владѣлъ этой страной во времена Гаральда—было Мотле. По мнѣнію Шеффера, цитируемый имъ авторъ взялъ свои свѣдѣнія внѣ сомнѣнія изъ еще болѣе ранняго автора, который описываетъ походъ Гаральда и опустошеніе Біарміи [2]). Былъ ли упоминаемый здѣсь властитель приморскихъ лопарей—дѣйствительно представитель правильно организованной царской власти среди лопарей, былъ-ли онъ владыка покорившаго лопарей племени—сказать довольно трудно. Быть можетъ, и это мнѣ кажется вѣроятнѣе—упоминаемый rex—былъ родовымъ старѣйшиномъ извѣстнаго лопарскаго, быть можетъ и многочисленнаго рода. Остатки родоваго быта сохранялись долго среди лопарей, и еще въ началѣ XIX столѣтія мы встрѣчаемъ въ ихъ средѣ несомнѣнные реминесценціи давно пережитой имъ эпохи господства родовыхъ отношеній. Естественно, что за тысячелѣтіе до нашего времени, въ періодъ жизни покорителя Норвегіи Гаральда — родовой бытъ у лопарей долженъ былъ быть намного крѣпче, такъ какъ быстрое разрушеніе и уничтоженіе остатковъ его, сохранившихся въ качествѣ переживаній у лопарей—мы видимъ, хотя и въ общихъ чертахъ съ XVII вѣка до настоящаго времени, когда этихъ остатковъ почти что не сохранилось вовсе. Уже одно существованіе родоваго быта отрицаетъ возможность существованія правильно организованной власти, той власти, понятіе о которой соединяется у насъ со словомъ король, князь и т. п., такъ какъ извѣстно, что подобная власть является уже впослѣдствіи, когда родовой бытъ начинаетъ распадаться, когда постепенно власть надъ сородичами концентрируется въ рукахъ одной, наиболѣе старшей или наиболѣе сильной и вліятельной семьи, которая впослѣдствіи и становится носительницей власти. Поэтому если только допустить, что лопари въ IX вѣкѣ еще не вышли изъ подъ господства родовыхъ отношеній, то подъ словомъ rex, въ данномъ случаѣ вѣроятнѣе будетъ принять родоваго старшину, быть можетъ господствовавшаго рода. Вопросъ въ томъ, насколько въ то время былъ у лопарей крѣпокъ родовой бытъ. Положительныхъ извѣстій мы не имѣемъ, но то соображе-

—

[1]) Финнами — называютъ норвежцы лопарей. Квенами — представителей другихъ финскихъ племенъ, живущихъ въ предѣлахъ Норвегіи.

[2]) Schefferus: Lapponia., стр. 150—158, 67—71.

ніе, что лопари скандинавскіе до послѣдняго времени оставались кочевниками, не достигшими и стадіи полукочеваго быта, что кочевой бытъ содѣйствуетъ сохраненію господства родовыхъ отношеній, что наконецъ сама ломка родоваго быта происходила по преимуществу подъ вліяніемъ стремленій новыхъ властителей подъ Лапландіей, поставившихъ ихъ въ условія для нихъ совершенно новыя, что наконецъ масса другихъ условій, заставившихъ лопарей перемѣнить свой прежній образъ жизни на новый, не могла еще наступить въ IX вѣкѣ — можно съ вѣроятностью утверждать, что родовой бытъ въ это время былъ еще далекъ отъ распаденія. Кромѣ этого, если припомнить, что слово rex— замѣняетъ собой слово konung—окажется вѣроятнымъ, что древній писатель, говоря о лопарскомъ konung'ѣ, придавалъ ему вовсе не то значеніе, которое позднѣйшій переводчикъ соединялъ со словомъ rex. Древнее-же значеніе слова конунгъ—слишкомъ извѣстно чтобы о немъ распространяться. Наконецъ, если и допустить, что слово конунгъ, въ то время, какъ писалось о лопарскомъ конунгѣ — уже утратило свое первоначальное значеніе, значеніе главы рода, что въ то время съ этимъ словомъ соединялось уже понятіе о королѣ—то не естественно-ли, что писатель далеко неблизко знакомый съ лопарями придалъ титулъ своего властителя—тому представителю лопарей, съ которымъ имъ приходилось имѣть дѣло при посольствахъ, договорахъ и т. п., не входя въ точное изслѣдованіе объема власти инородческаго властителя, ни оснований происхожденій этой власти. Этотъ фактъ мы можемъ наблюдать и въ Россіи, когда наши древніе колонизаторы, сталкиваясь съ многочисленными инородцами—того представителя племени, съ которымъ имъ приходилось имѣть дѣло — называли княземъ, не вдаваясь въ разборъ того, выборный онъ, или наслѣдственный властитель, представитель-ли онъ рода своего, или владыка надъ многими различными племенами.

Какъ-бы то ни было, кто-бы ни былъ это rex лопарей—несомнѣнно то, что жившіе на крайнемъ сѣверѣ у берега Ледовитаго океана лопари были свободны. Были-ли также независимы и прочіе—сказать невозможно: никакихъ извѣстій о томъ не сохранилось. Шведы, повидимому, мало заботились о подчиненіи бѣднаго племени—оленеводовъ. Во всякомъ случаѣ если и была какая-либо зависимость лопарей отъ сосѣднихъ съ ними шведскихъ насельниковъ, то эта зависимость была лишь фиктивная, не стоющая лопарямъ ничего, такъ какъ настоящее подчиненіе лопарей шведамъ начинается лишь съ конца XIII вѣка при королѣ Магнусѣ Ладулосѣ, который, по словамъ Шеффера, первый изъ шведскихъ королей задумалъ покореніе лопарей, которые *отъ шведской короны* зависимыми въ то время не считались.

По древне-шведскимъ извѣстіямъ король Магнусъ, не будучи въ состояніи подчинить своей власти лопарей, объявилъ, что если найдется кто-либо, которому это покореніе удастся,—онъ отдастъ лопарей во власть помогшему ему достигнуть своей цѣли. Сосѣди лопарей,—биркарли,—принялись за это дѣло и исполнили его вполнѣ успѣшно. Покореніе лопарей произошло слѣдующимъ образомъ: перебивъ ночью предательскимъ образомъ, проходившихъ мимо по узкой тропинкѣ, гуськомъ, наиболѣе вліятельныхъ лопарей — эти биркарли тѣмъ самымъ легко подчинили себѣ остальныхъ. Такимъ образомъ если не непосредственно, то посредственно лопари попали подъ власть шведскихъ властителей, такъ какъ биркарли за право взимать дань съ лопарей—платили, повидимому, дань шведскимъ

королямъ. По вопросу о томъ кто были биркарли, было сдѣлано много догадокъ и предположеній: по однимъ это были сосѣдніе съ лопарями шведы, по другимъ какое-нибудь финское племя (Карелы). Несомнѣнно лишь то, что кто-бы ни были биркарли, они жили по сосѣдству съ лопарями. Насколько, въ самой фабулѣ о покореніи лопарей, переданъ точно дѣйствительный фактъ тоже рѣшить трудно. Страннымъ кажется, что сравнительно многочисленное, раскинутое на огромныя пространства лопарское племя, могло быть такъ скоро и легко покорено. Вѣроятно, что сосѣди съ лопарями — биркарли уже давно имѣли торговыя отношенія и быть можетъ и враждебныя столкновенія съ лопарями, что уже раньше они успѣли забрать въ руки своихъ сосѣдей и въ концѣ XIII вѣка измѣнническимъ убійствомъ вліятельныхъ лопарей (быть можетъ старѣйшинъ болѣе сильныхъ сосѣднихъ родовъ, если только самъ фактъ не составляетъ поэтическаго вымысла) окончательно укрѣпили свою власть надъ лопарями, придавъ своей фактической власти еще юридическую санкцію, подъ покровительствомъ могущественныхъ въ то время шведскихъ монарховъ.

Пефферъ не находитъ въ источникахъ никакихъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы заключить, какое количество лопарскихъ обществъ подпало подъ власть биркарли, распространялась-ли эта власть и на тѣхъ, которые жили по ту сторону норвежскихъ горъ, ближе къ океану. Во всякомъ случаѣ большое число лопарей было подвергнуто теперь обязательству платить дань новымъ покорителямъ; прежнее управленіе,— управленіе, каково бы оно ни было, но самостоятельное лопарское — было упразднено и замѣнено управленіемъ изъ числа биркарли, которые разсѣялись теперь по различнымъ частямъ Лапландіи и, живя среди лопарей, управляли ими, и по свидѣтельству писателей имѣли даже особый присвоенный ихъ сану костюмъ. Лопари же придавали имъ титулъ королей. Нѣтъ также извѣстій о томъ, каково было управленіе биркарли лопарями, насколько лопари пользовались самостоятельностью въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ. Одно что кажется несомнѣннымъ, что биркарли богатѣли на счетъ лопарей, облагая ихъ непомѣрной данью, что лопари страдали и бѣднѣли—и такъ въ продолженіе почти что трехъ вѣковъ. Шефферъ даетъ намъ слѣдующую характеристику биркарлей со словъ Бурея: „и эти биркарли были суровы по отношенію къ другимъ, какъ властители и богаты; бѣднымъ давали кое-что, себѣ оставляли наилучшее“. Это владычество, тяжелое для лопарей, печально отзывавшееся на ихъ экономическомъ бытѣ, длилось вплоть до царствованія Густава Вазы, когда лопари, выведенные изъ терпѣнія, обратились сами къ новому королю съ просьбой взять ихъ подъ непосредственное вѣдѣніе свое и освободить отъ тяжелой власти биркарлей. Густавъ, повѣствуетъ Бурей, заключилъ въ оковы Генриха Лаврентія—главу биркарлей, наложилъ большой штрафъ на него и послѣ этого непосредственно самъ принималъ дань отъ лопарей и позволилъ имъ вести торговлю, съ кѣмъ они захотятъ. Послѣ этого прекратилась власть биркарлей: власть управлять лопарями была у нихъ отнята; новые намѣстники назначались уже самимъ шведскимъ правительствомъ; на обязанности намѣстниковъ лежало собирать дань съ лопарей и отъ имени короля творить судъ и расправу, въ подвѣдомственныхъ шведскому правительству лопарскихъ округахъ.

Какъ только шведы покорили, при помощи биркарлей, лопарей, какъ только лопари стали оффиціаль но считаться подданными шведской короны—какъ потянулись въ далекія, сѣверныя пустыни, къ полудикимъ лопарямъ и миссіонеры съ цѣлью просвѣтить

ихъ свѣтомъ христіанской вѣры, пріобщить ихъ къ стаду обширной римско-католической церкви. О точныхъ результатахъ этой миссіонерской дѣятельности, до XVI вѣка, намъ почти-что ничего неизвѣстно, но, вѣроятно результаты были далеко не такіе, какихъ желали и ожидали проповѣдники, отправляясь въ полудикую, почти что дѣвственную страну, къ полудикому мало имъ знакомому народу. И неудивительно: проповѣдуя на непонятномъ для лопарей языкѣ, быть можетъ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ относясь къ нимъ самимъ — эти миссіонеры не могли сдѣлать понятными для поклоняющагося грубымъ истуканамъ лопаря—возвышенное ученіе христіанства. Принимая для виду христіанство—лопари оставались тѣми-же язычниками, съ развитой миѳологіей, какими они были и до знакомства своего съ миссіонерами. И само шведское правительство мало обращало вниманія на результаты миссіонерской дѣятельности: оно знало лопарей лишь по наслышкѣ, имѣло съ ними дѣло лишь при посредствѣ биркарлей. Существуетъ даже извѣстіе, что биркарли препятствовали изъ корыстныхъ разсчетовъ распространенію христіанства среди лопарей. Такъ Даміанъ а Гоесъ (Damianus a Goës) въ своей, обращенной къ папѣ Павлу III Deploratio Lappianae gentis (1540 г.) указываетъ, что биркарли „vetabant eos (лопарямъ) christianos fieri, ne subditi suavi jugo Christi, aliquid lucelli eorum tyrannidi et rapacitati sub ducant, et aliquid ex vectigalibus decrescat“ [1]).

Такъ длилось до XVI вѣка, когда лопари, наконецъ, освободились отъ власти биркарлей. Шведское правительство, столкнувшись лицомъ къ лицу съ лопарями, сочло нужнымъ позаботиться не только объ освобожденіи ихъ отъ сѣтей, которыми они были спутаны благодаря биркарлямъ—но и отъ тѣхъ „сѣтей дьявола, благодаря которымъ они бродили по пути къ погибели, принося жертвы камнямъ и деревьямъ“. Со временъ Густава Вазы начинается энергичная пропаганда христіанскихъ истинъ среди лопарскаго населенія королевства съ цѣлью сдѣлать изъ нихъ христіанъ не только по имени, но и по духу. Еще при Густавѣ I много лопарей не приняли крещенія, ихъ то и слѣдовало заставить соединиться съ христіанской церковью. „Дошло до насъ, говорится въ грамотѣ этого короля, отъ 24-го іюля 1559 года, что много есть среди васъ (т. е. лопарей), которые не приняли еще крещенія“. Такими словами начинается это окружное посланіе къ лопарямъ. Изъ этихъ словъ видно, что трехъ-вѣковая дѣятельность миссіонеровъ не привела къ результатамъ для нихъ желаннымъ. Распространеніе христіанства въ это время производилось слѣдующимъ образомъ: „зимой, говоритъ Бурей, когда наступаетъ время собирать дань съ лопарей, въ опредѣленное мѣсто, и къ опредѣленному времени собираются лопари. Въ это-же время пріѣзжаютъ туда и священники, которые крестятъ ихъ дѣтей, и учатъ лопарей основамъ христіанской вѣры и на слѣдующій годъ экзаменуютъ ихъ въ томъ, чему они въ предшествующемъ году ихъ научили, требуя отъ нихъ христіанскаго образа мышленія. Но это, прибавляетъ Шефферъ вслѣдъ за цитатой Бурея, началось только со временъ Густава, такъ какъ прежніе короли съ лопарей дани не брали. Слѣдовательно, до Густава не было и того не удивительно поэтому, что трехъ-вѣковыя усилія миссіонеровъ ни къ чему не привели, и что лопари предстали

[1]) Sjögren, Gesammelte Schriften I., p. 95.

передъ шведскимъ правительствомъ, частью крещеными, частью нѣтъ—но какъ тѣ, такъ и другіе приверженные своей старой прадѣдовской вѣрѣ.

Въ XVII вѣкѣ, въ виду печальныхъ результатовъ, которыми увѣнчалась проповѣдническая дѣятельность миссіонеровъ, такъ какъ лопари продолжали по прежнему чтить своихъ кумировъ, включивъ и Христа въ сонмъ своихъ боговъ, которыхъ они, однако, ставили выше „шведскаго бога"—правительство сочло нужнымъ съ цѣлью помѣшать лопарямъ уклоняться отъ истинной вѣры—строить среди земли лопарей церкви. Впервые это было предпринято при Карлѣ IX для лапландскаго округа по Торнео. Но не находилось священниковъ, которые согласились бы промѣнять удобства жизни на своей родинѣ на неудобства и опасности, которыя имъ предстояли на дальнемъ сѣверѣ, среди лапландскихъ горъ и болотъ. Поэтому лишь время отъ времени священники наѣзжали въ церкви и, оставаясь тамъ лишь недолго, старались въ этотъ непродолжительный срокъ запечатлѣть въ умахъ лопарей истины христіанскаго ученія. Оказалось и этого мало. Со временъ королевы Христины—при церквахъ были назначены священники, съ обязательствомъ жить неотлучно въ районѣ своей дѣятельности, совершать требы и словомъ проповѣди обращать лопарей къ христіанству, утверждать нетвердыхъ въ вѣрѣ и отвращать ихъ отъ обрядовъ отцовской вѣры. Рядомъ съ этимъ было признано необходимымъ и устройство школъ, въ которыхъ лопарская молодежь могла-бы обучаться вѣрѣ и, укрѣпившись въ ней, служить добрымъ примѣромъ другимъ. Со временъ Густава Адольфа, много потрудившагося на просвѣщеніе своей страны, проникаютъ школы и въ лопарскія его владѣнія. Но обученіе въ школахъ шло плохо. Лопари не особенно охотно отпускали своихъ дѣтей на руки чуждыхъ имъ пришельцевъ, гдѣ дѣти, обучаясь на иностранномъ языкѣ, учились также и съ презрѣніемъ относиться не только къ суевѣріямъ отцовъ, но и ко всему лопарскому, даже и къ своему языку. Къ тому же они отучались отъ работы и, если возвращались домой къ себѣ, оказывались никому ненужными членами семьи. Съ другой стороны тѣ изъ обучившихся, которые, вернувшись изъ школы, не успѣли выработать себѣ презрѣнія къ своему—очень скоро вновь олопаривались и, забывъ и чужой имъ языкъ и вѣру, которой ихъ учили въ школѣ—обращались снова къ вѣрѣ отцовъ и нисколько не меньше своихъ, незнакомыхъ со школой родичей, кланялись кумирамъ и приносили имъ жертвы. Такъ шла долго борьба просвѣтителей-шведовъ съ суевѣрными лопарями, не приводя ни къ какимъ результатамъ; какъ ни старались миссіонеры и священники, они все таки, проповѣдуя на чужомъ языкѣ, молясь чужому богу на чужомъ-же языкѣ—оставались чуждыми лопарю, который по необходимости соблюдалъ тѣ или другіе обряды, изрѣдка ходилъ въ церковь—однимъ словомъ отбывалъ и эту повинность наряду съ другими и все-таки оставался язычникомъ.

Съ средины XVIII столѣтія все болѣе проникаетъ мысль, что обученіе лопарей должно вестись на лопарскомъ языкѣ, что церковная служба, проповѣди должны говориться на понятномъ для всѣхъ лопарей, а не только для избранныхъ изъ нихъ, языкѣ. Переводятся церковныя книги, занимаются изученіемъ лопарскихъ нарѣчій, стараются всѣми силами провести школьную реформу. Иниціатива исходитъ отъ живущихъ въ лапландскихъ провинціяхъ священниковъ, которымъ, естественно, были виднѣе всѣ тѣ недостатки, благодаря которымъ, ихъ дѣятельность не приводила къ цѣли. То въ одномъ, то въ дру-

гомъ мѣстѣ раздается уже проповѣдь на родномъ для лопарей языкѣ; сами пасторы, живя среди лопарей по десяткамъ лѣтъ, усвоивали себѣ ихъ языкъ и между ними находилось все болѣе и болѣе такихъ, которые старались сблизиться съ мѣстными жителями, подходя къ нимъ не съ презрѣніемъ представителей болѣе сильной, болѣе развитой націи— а съ истинной христіанской любовью, какъ къ младшимъ братьямъ, нуждающимся въ нравственной поддержкѣ. Не скоро, однако, эти свѣтлыя явленія среди пасторовъ – перестали быть рѣдкими исключеніями; не скоро и высшія духовныя власти стали сочувственно относиться къ нимъ. Не одно высшее духовное лицо, объѣзжая свою епархію и заѣзжая къ лопарямъ, несочувственно отзывалось о такого рода пропагандѣ христіанства; не одинъ подсмѣивался надъ проповѣдью на „варварскомъ“ языкѣ лопарей; нерѣдко высшее духовное начальство, прямо или косвенно, тормозило полезную дѣятельность скромныхъ труженниковъ на лопарской нивѣ. Лишь сравнительно поздно, когда плоды этой дѣятельности стали слишкомъ очевидны, когда быстрый успѣхъ развитія христіанства среди народа, который въ продолженіе полъ-тысячелѣтія нельзя было отвратить отъ суевѣрія, сталъ бросаться въ глаза, прошла и школьная реформа: ученіе производилось на лопарскомъ языкѣ (хотя преподаваніе шведскаго и не было, конечно, изгнано изъ учебной программы); молитвы переводились на мѣстный языкъ, и служба время отъ времени творилась на мѣстномъ нарѣчіи.

Результаты оказались самыми благопріятными: число учащихся съ каждымъ годомъ увеличивалось; подъ вліяніемъ болѣе просвѣщенныхъ, чѣмъ въ прежнія времена, пасторовъ—лопарскія дѣти не утрачивали любовь къ своему національному и, отвыкая отъ суевѣрій, не являлись, по возвращеніи къ себѣ домой, отщепенцами семьи, какъ это было раньше; наконецъ, будучи снабжаемы книгами на лопарскомъ языкѣ, они ихъ читали своимъ родителямъ и сами не забывали тѣхъ основъ, которыя они восприняли въ себѣ еще въ школѣ. Съ тѣхъ поръ быстро идутъ къ упадку прежнія религіозныя вѣрованія лопарей, прекращаются жертвоприношенія; употребленіе шаманскаго бубна мало-по-малу выходитъ изъ употребленія, вслѣдствіе dissuetudo, тогда какъ прежде строгіе къ суевѣрнымъ обрядамъ, суровые шведскіе законы не могли его изгнать изъ употребленія. Далѣе число грамотныхъ увеличивается съ каждымъ годомъ, и вотъ уже въ началѣ текущаго столѣтія о шведскихъ лопаряхъ приходится слышать слова путешественниковъ, что неграмотныхъ лопарей почти что нѣтъ, что всѣ они „добрые христіане“, что прежнихъ суевѣрій и обрядовъ, сопряженныхъ съ язычествомъ, не встрѣчается почти вовсе.

Вотъ краткій очеркъ развитія христіанства въ шведской Лапландіи. Того, чего нельзя было достигнуть въ продолженіе почти пяти вѣковъ, было достигнуто въ сравнительно короткій срокъ, благодаря разумно поставленной системѣ проповѣди. Теперь шведскіе лопари, сохранивъ въ своей средѣ, болѣе остатковъ далекаго быта, чѣмъ лопари русскіе — стоятъ, однако, въ отношеніи своего развитія и пониманія христіанства неизмѣримо выше послѣднихъ—а это объясняется лишь тѣмъ, что шведы, сознавъ свои ошибки во время, успѣли ихъ исправить и поставить дѣло обученія на надлежащую почву.

Что касается лопарей норвежскихъ, то исторія ихъ еще темнѣе, еще обрывчатѣе, чѣмъ исторія шведскихъ лопарей. Время, когда лопари, живущіе на берегу океана въ

самыхъ сѣверныхъ предѣлахъ Скандинавскаго полуострова, подпали подъ власть Норвегіи, съ точностью неизвѣстно. Быть можетъ подчиненіе лопарей происходило лишь постепенно, когда норвежцы частью набѣгами, частью вступая въ болѣе или менѣе тѣсныя торговыя сношенія съ сосѣдями-лопарями, мало-по-малу налагали на нихъ дань и такимъ образомъ незамѣтно подчинили ихъ своей власти. Принято, однако, обыкновенно считать XIV в. гранью, съ которой начинается сильный приливъ колонизаціи норвежцевъ въ предѣлахъ Лапландіи. По лопарскимъ сказаніямъ до начала колонизаціи Лапландіи норвежцами, эти послѣдніе пріѣзжали къ берегамъ Лапландіи для ловли рыбы, или вооруженными шайками вторгались въ земли лопарей и производили грабежи. Отъ столкновенія съ такими разбойничьими шайками произошли, по мнѣнію г. Фриса, многочисленныя сказанія лопарей о сказочномъ чудовищѣ Сталло (Сталло-сталъ) „стальномъ человѣкѣ“, т. е. человѣкѣ одѣтомъ въ панцырь (Stahlmann) [1].

Норвежскіе властители мало обращали вниманія на близкихъ своихъ сосѣдей-лопарей, предоставляя своимъ пограничнымъ подданнымъ самимъ вѣдаться съ ними. Это было вполнѣ естественно при тѣхъ частыхъ перемѣнахъ владыкъ Норвегіи, когда корона страны викинговъ переходила изъ однѣхъ рукъ въ другія. Участь Норвегіи дѣлили и лопари: то они считались норвежскими, то датскими; то уплачивали дань сборщикамъ-датчанамъ, которые и отвозили роскошные, богатые мѣха въ отдаленную столицу датскаго королевства, то снова дань шла норвежскимъ королямъ. Лопарямъ, вѣроятно, эта частая перемѣна власти была по существу безразлична — не все-ли равно было имъ, кому они платятъ дань. Ихъ мало тревожили: миссіонеры не такъ часто заходили къ нимъ, какъ къ ихъ сосѣдямъ, подпавшимъ подъ власть Швеціи. Вслѣдствіе этого лопари спокойно живутъ, оставаясь твердыми въ своихъ вѣковыхъ условіяхъ быта, безъ перемѣны вѣры, спокойно исполняя обряды предковъ.

Если въ общемъ жители Норвегіи мало обращали вниманія на лопарей, то довольно рано уже они обратили вниманіе на богатства лопарской земли. Это обстоятельство, имѣвшее важное значеніе для самихъ норвежцевъ, имѣло не мало значенія и для лопарей. Населеніе Норвегіи увидало, что небольшіе налоги, которыми облагались жители въ предѣлахъ лопарской земли, съ избыткомъ покрываются доходами отъ рыбной ловли. Вслѣдствіе этого масса рыболововъ двинулась на мало заселенныя мѣста. Впослѣдствіи новые насельники увидали также, что заграничные продукты доставляются имъ за болѣе дешевую цѣну изъ Голландіи, Франціи, Англіи, Даніи и др. странъ прямо на ихъ новыя мѣста, чѣмъ изъ города Бергена, черезъ который раньше шла торговля. Ихъ собственные товары шли успѣшнѣе за-границу прямо съ мѣста ихъ жительства, чѣмъ черезъ Бергенъ. Обратило на это вниманіе и населеніе Бергена, и многіе жители этого города двинулись на вновь заселяемыя мѣста. Слѣдствіемъ этого было оживленіе торговли и возрастаніе количества рыболовныхъ становищъ на берегахъ Лапландіи. Но это оживленіе продолжалось недолго. Бергенскіе купцы выхлопотали себѣ у датскаго короля привиллегію на исключительное право торговли съ заграничными государствами, и съ тѣхъ поръ ни одинъ иностранный корабль не

[1]) Friis: Laila, p. 211.

имѣлъ права подниматься сѣвернѣе Бергена. Заграничные товары поднялись въ цѣнѣ, а цѣна на товары, привозимые изъ Лапландіи въ Бергенъ для экспорта за-границу, понизилась—вслѣдствіе чего только что было оживившаяся торговля на сѣверѣ стала падать, а населеніе бѣднѣть. Жители Бергена, выхлопотавъ себѣ еще нѣсколько привиллегій, довели обитателей Финмаркена до полнаго обѣдненія: началось выселеніе и краю грозило полное разореніе, еслибъ въ 1789 году привиллегіи г. Бергена не были уничтожены и торговля не объявлена свободной [1]). Хотя отъ господства привиллегій страдали естественно больше всего насельники-норвежцы, но положеніе дѣлъ не оставалось безъ вліянія и на лопарей, и косвеннымъ образомъ вліяло на ихъ благосостояніе: эксплоатируемые жители г. Бергена, норвежцы, стремились въ свою очередь эксплоатировать лопарей, и тяжелая година привиллегій легла тяжелымъ бременемъ и на лопарское населеніе.

Просвѣщеніе норвежскихъ лопарей христіанствомъ начинается сравнительно поздно. Если не касаться отдѣльныхъ попытокъ, въ большинствѣ случаевъ оказавшихся вполнѣ неудачными — дѣло просвѣщенія христіанствомъ норвежскихъ лопарей было начато при Фридрихѣ IV, посылавшемъ миссіонеровъ въ свои сѣверныя провинціи. Дѣло его продолжали Христіанъ IV и Фридрихъ V, при которомъ, наконецъ, всѣ норвежскіе лопари были обращены въ христіанскую вѣру [2]).

Проповѣдническая дѣятельность ведется сначала на лопарскомъ языкѣ; печатаются на лопарскомъ же языкѣ и книги для лопарей, которыя и продаются лопарямъ за безцѣнокъ. Проповѣдь, повидимому, стала приносить богатые плоды, хотя, конечно, лопари и нескоро еще отрѣшились отъ своихъ древнихъ вѣрованій: долго еще въ источникахъ упоминаются тѣ или другіе языческіе обряды, жертвоприношенія, съ которыми долго лопари не въ состояніи разстаться. Когда лопари до извѣстной степени уже окрѣпли въ новой вѣрѣ, обученіе и проповѣдь на лопарскомъ языкѣ были прекращены. Въ 1774 г. было закрыто Seminarium Lapponicum въ Дронтгеймѣ и въ обученіе былъ введенъ норвержскій языкъ. Книги, печатанныя на лопарскомъ языкѣ, становились все рѣже и рѣже и христіанство, повидимому, стало затемняться въ умахъ лопарей, которые постепенно стали возвращаться къ своимъ прежнимъ языческимъ обрядамъ. Въ это то время книги, печатанныя на лопарскомъ языкѣ, сослужили хорошую службу распространителямъ христіанства: когда лопари увидали, что новыхъ книгъ на ихъ родномъ языкѣ достать нельзя, они научились ими дорожить, хранили ихъ какъ святыню, и эти-то книги помѣшали исчезнуть христіанству совсѣмъ изъ среды лопарей. „Истинную радость доставляетъ посмотрѣть, говоритъ одинъ изъ пасторовъ, какъ счастливъ лопарь, обладая такой книгой, какъ онъ носитъ ее при всѣхъ перекочевкахъ съ собой, храня ее на груди, какъ святыню; съ какимъ наслажденіемъ стекаются многіе лопари туда, гдѣ можно найти такую книгу, чтобы почитать или послушать слово Божіе на своемъ родномъ языкѣ“ [3]). Не смотря на ошибки въ дѣлѣ веденія проповѣди христіанства, оно, благодаря этимъ книгамъ, не угасло вполнѣ. Трудное, переходное время, благодаря имъ, прошло сравнительно благополучно для дѣла распространенія христіанства.

---

[1]) Friis: Laila, p. 211—213.

[2]) Нов. и достов. изв. о Лапландцахъ, стр. 12.

[3]) Friis: Laila, p. 212, 213.

Въ началѣ XIX вѣка встрѣчаются еще суевѣрія среди норвежскихъ лопарей и очень рѣзкія воспоминанія объ языческой эпохѣ, которыя, однако, пропадаютъ безслѣдно уже въ серединѣ текущаго столѣтія. Естественно, что лопарь далеко не утратилъ всѣхъ своихъ суевѣрій, сохранилъ еще много, хотя сравнительно и слабыхъ воспоминаній о своей прежней вѣрѣ—но и относительно норвежскихъ лопарей можно теперь сказать съ полной справедливостью, что они, какъ и шведскіе лопари, „грамотные и добрые христіане".

Вотъ въ общихъ чертахъ краткій перечень событій наиболѣе выдающихся и имѣвшихъ значеніе для лопарей скандинавскихъ. Другія событія, волновавшія Швецію и Норвегію—мало затрогивали лопарей и участія въ ходѣ событій исторической жизни своихъ сосѣдей они не принимали. Каковы-бы ни были бури, волновавшія скандинавскій полуостровъ, какова-бы ни была борьба изъ-за религіозныхъ идей и политическаго преобладанія, все это проходило мимо лопарей, не нарушая строя ихъ жизни: они продолжали пасти по прежнему своихъ оленей и, для полученія звѣриныхъ шкуръ, обѣгать съ луками и стрѣлами лѣса и горы своей родины.

Наоборотъ, тѣ событія и мѣропріятія, которыя меньше всего волновали ихъ сосѣдей, на которыя тѣ не обращали подчасъ никакого вниманія, мѣняли вѣковой строй жизни лопарской, отражались на ихъ міросоверцаніи, ихъ вѣрованіяхъ, ихъ бытѣ.

Если-же спросить, каково было значеніе для лопаря просвѣтительной дѣятельности шведовъ и норвежцевъ, что онъ вынесъ отъ многовѣковаго сожительства бокъ-о-бокъ со скандинавами, имѣя съ ними постоянныя торговыя сношенія, то отвѣтъ будетъ скорѣй не въ пользу просвѣтителей. Дѣйствительно, лопари вкусили отчасти благъ цивилизаціи болѣе культурнаго сосѣда, они получили ткани для своихъ одеждъ, они научились плодамъ грамотности, стали пользоваться огнестрѣльнымъ оружіемъ—но съ другой стороны лопарямъ дорого стоили эти блага. Даже еще въ началѣ этого столѣтія, отношеніе норвежцевъ къ лопарямъ было самое презрительное; Бухъ говоритъ, что норвежцы называютъ лопарей „пѣной рода человѣческаго"; трудно повѣрить, продолжаетъ онъ, съ какимъ презрѣніемъ норвежецъ относится къ лопарю: онъ едва-едва позволяетъ переступить ему порогъ своего дома; далѣе онъ приводитъ поговорку: „я на него обращаю также мало вниманія какъ на лопаря"; я самъ неоднократно слышалъ, заключаетъ онъ, что лопарю цѣна одна что собакѣ [1]).

Рядомъ съ этимъ презрительнымъ отношеніемъ шла всесторонняя эксплоатація лопаря; въ торговлѣ его обманывали и научили обманывать самого; норвежскій ромъ, въ связи съ другими крѣпкими напитками, не одного лопаря свелъ въ могилу; непомѣрные поборы привели многихъ къ обѣднѣнію. Достаточно замѣтить, что при такихъ условіяхъ, когда на лопаря смотрѣли только съ точки зрѣнія возможности его эксплоатировать,— онъ немного хорошаго могъ вынести отъ своихъ сосѣдей и безъ сомнѣнія, до своего „просвѣщенія", жилъ гораздо счастливѣе и покойнѣе. Неудивительно поэтому, что современный лопарь смотритъ и подозрительнымъ, и себѣ на умѣ, что онъ не прочь и обмануть торгующаго съ нимъ, что онъ ушелъ въ себя. Вѣковыя столкновенія съ сосѣдями

---

1) L. v. Buch. Voyage en Norvège et en Laponie. I, стр. 401.

научили его и хитрости, и лукавству, и обману; благодаря имъ развилась въ немъ пагубная страсть къ крѣпкимъ напиткамъ, съ каждымъ годомъ вырывающая изъ числа и безъ того немногочисленныхъ лопарей не одного товарища. Говоря вообще, если и есть хорошая сторона въ этой просвѣтительной дѣятельности, то она вполнѣ затемняется и исключается тѣми невыгодами, тѣми жертвами, которыя пришлось принести лопарямъ во все время своей совмѣстной жизни со скандинавскими сосѣдями.

Шефферъ въ своемъ описаніи Лапландіи, говоря о покореніи ея шведами, замѣчаетъ: „несомнѣнно то, что шведы первые покорили лопарскій народъ. Ихъ примѣру послѣдовали остальные сосѣди: одну часть Лапландіи покорили себѣ норвежцы, другую московиты". Это свидѣтельство оказывается вѣрнымъ, если принять во вниманіе, что, дѣйствительно подъ власть Москвы лопари подпали болѣе двухъ вѣковъ послѣ покоренія ихъ шведами; но по вопросу о томъ, когда лопари были приведены въ зависимость отъ русскихъ, придется придти къ заключенію, что это произошло почти одновременно съ покореніемъ другой части лопарей шведами. Конечно, болѣе или менѣе точно опредѣлить, когда русскіе впервые столкнулись съ лопарями не представляется возможнымъ. Вѣроятно, что разъ лопари еще въ столь позднюю эпоху жили по берегамъ Онежскаго озера — новгородцы, распространяя свои владѣнія на сѣверъ и сѣверовостокъ, при своемъ поступательномъ движеніи должны были столкнуться съ лопарями довольно давно.

Но знакомство съ лопарями, сидѣвшими около Онежскаго озера, слѣдуетъ конечно отличать отъ знакомства съ лопарями, жившими на Кольскомъ полуостровѣ, которое произошло, вѣроятно, гораздо позднѣе.

Въ первый разъ упоминаніе о новгородскихъ волостяхъ Коло и Трь мы встрѣчаемъ въ XIII в. Въ рядной граматѣ князя Ярослава съ Новгородомъ отъ 1263 г. говорится: „А въ Бѣжицахъ, княже, тобѣ, ни твоей княгыни, ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ дворяномъ селъ не дьржати, ни купити, ни даромъ пріимати и по своей волости Новгородьской; а се, княже, волости Новгородьские: Волокъ съ всѣми волостьми, Тържькъ, Бѣжице.... Заволоцье, Коло, Трь" [1]). Изъ этого указанія однако не слѣдуетъ еще, что въ XIII в. мы можемъ говорить о поселеніяхъ Новгородцевъ въ предѣлахъ Кольскаго полуострова. Вѣроятно, что дошедши до береговъ Бѣлаго моря, новгородцы сначала познакомились съ Терскимъ берегомъ и впослѣдствіи уже съ Мурманскимъ, хотя быть можетъ и названіе Коло было имъ раньше извѣстно. Во всякомъ случаѣ заслуживаютъ довѣрія слова Е. К. Огородникова, когда онъ, разбирая пути, по которымъ двигались новгородцы на сѣверъ, говоритъ: „Третій путь славянъ на сѣверо-востокъ былъ, какъ извѣстно, черезъ Заонежье и Заволочье и еще въ XI вѣкѣ привелъ новгородцевъ въ Югорскую землю. Но съ этой стороны движенію славянъ къ Лапландскому полуострову, безъ сомнѣнія, предшествовало поселеніе ихъ на берегахъ Онеги и Двины. Отселѣ имъ, конечно, легче было моремъ, нежели сухимъ путемъ, войти въ сношеніе съ лопарями. Названія Тре, Терская сторона однакожь удерживаются въ XIII вѣкѣ, и только въ концѣ XIV является въ русскихъ лѣтописяхъ названіе Лопи. Это доказываетъ, что новгородцы,

---

[1]) Карамзинъ И. Г. Р. 1830 г. IV, къ стр. 104, прим. 107.

проникшіе на берега Бѣлаго моря еще въ теченіи XI и XII вѣковъ, знали Лапландскій полуостровъ болѣе подъ старымъ названіемъ и, говоря о терской сторонѣ, знали, можетъ быть, Терскій берегъ, какъ самый отдаленный предѣлъ плаванія, которое могли предпринимать придвинскіе промышленники.... О волости Коло.... новгородцы узнали отъ своихъ данниковъ—кореловъ, и очевидно, по недостатку ближайшаго знакомства съ этимъ краемъ, отличаютъ и въ этомъ вѣкѣ жителей волости Коло отъ Тре или Терской стороны" [1]).

Итакъ, хотя на основаніи извѣстій XIII вѣка нельзя утверждать, что новгородцамъ была извѣстна лично мѣстность, лежащая около современной Колы, мы можемъ, однако, считать, что въ XIII в. новгородцы уже проникли въ Лапландскій полуостровъ, хотя быть можетъ лишь въ южныя части его—и это вотъ почему: въ 1216 г. въ Новгородскихъ лѣтописяхъ встрѣчается упоминаніе объ убійствѣ въ Новгородѣ Семьюна Петриловица, Терскаго данника. Изъ этого извѣстія явствуетъ, что уже въ началѣ XIII в. собиралась дань съ Терскаго берега. Слѣдовательно, хотя часть лопарей, населявшихъ Кольскій полуостровъ, находилась въ то время уже въ извѣстныхъ зависимыхъ отношеніяхъ къ Новгороду.

Когда началось вторженіе новгородцевъ въ глубь Лапландіи, когда они дошли до Ледовитаго океана—опредѣлить нѣтъ возможности. Вѣроятно, однако, новгородцы, перебравшись разъ на Терскій берегъ, едва ли долго медлили вторженіями въ глубь страны. Во всякомъ случаѣ о правильной колонизаціи рѣчи, въ XIII вѣкѣ, въ такихъ отдаленныхъ отъ Новгорода странахъ, какъ Лапландія, быть не могло. Въ ту отдаленную эпоху Русь была отрѣзана даже отъ Бѣлаго моря волнами финскихъ инородцевъ, составлявшихъ подчасъ довольно сильные союзы, которые энергично противились русской колонизаціи. Еще отъ XIII и даже отъ XIV вѣковъ дошедшія до насъ извѣстія доказываютъ, что борьба съ Чудью была далеко не легка, что Чудь съ отчаяннымъ геройствомъ защищала свою самостоятельность [2]).

Когда бы ни зашли Новгородцы въ Лапландію, они едва-ли зашли въ нее въ качествѣ колонизаторовъ: скорѣе отдѣльныя шайки ушкуйниковъ проникали въ глубь страны, изъ которой они, ограбивъ мѣстныхъ жителей, удалялись немедленно. Вѣроятно также, что нескоро лопари были обложены правильной данью и что довольно долго зависимость кольскихъ лопарей отъ новгородцевъ выражалась въ томъ, что они были предоставлены на разграбленіе ушкуйникамъ.

Можно считать что въ концѣ XIII или въ началѣ XIV столѣтія, Новгородцы завладѣли Лапландіей какъ своей волостью, въ строгомъ значеніи этого слова, что въ это время, если и не было колоній новгородскихъ въ Кольскомъ полуостровѣ—кольскіе лопари платили уже опредѣленную дань Новгороду. Повидимому на лопарской почвѣ столкнулись новгородцы съ норвежцами изъ-за обладанія океанскимъ берегомъ на сѣверозападъ отъ Кольской губы: этотъ берегъ особенно богатый рыбой и китами являлся одинаково желательнымъ какъ русскимъ, такъ и норвежцамъ. О происходившемъ между обоими народами-покорителями столкновеніи можно судить по тому, что въ серединѣ XIII и въ

---

[1]) З. И. Р. Г. О. II, стр. 594, 595.
[2]) П. Ефименко, Заволоцкая Чудь.

началѣ XIV в. мы встрѣчаемъ договоры Новгорода со скандинавскими властителями. Такъ въ 1326 г. былъ заключенъ между Новгородомъ и шведскимъ королемъ Магнусомъ договоръ для опредѣленія границъ: въ этомъ договорѣ является стремленіе упорядочить границы между новгородскими и шведскими владѣніями; въ точности, однако, не было указано, гдѣ эта граница должна была проходить; рѣшено возстановить старую, но въ этомъ новгородцы полагаются, по словамъ договора, на Бога и совѣсть короля Магнуса [1]). Ясно, что подъ старой границей нельзя разумѣть какую-нибудь строго-опредѣленную, оффиціально признанную пограничную линію—въ этомъ слѣдуетъ видѣть лишь границу, установленную обычаемъ—не болѣе.

Итакъ, въ XIV вѣкѣ обладаніе новгородцами этимъ краемъ является несомнѣннымъ. Путь, которымъ новгородцы шли на Мурманскій берегъ, былъ вѣроятно тотъ же, какимъ идутъ и по настоящее время поморы съ береговъ Бѣлаго моря на Мурманъ для производства рыбной ловли: именно отъ Кандалакшской губы, рѣкой Нивой, озеромъ Имандра, и рѣкой Колой. Около озера Имандра поднимаются горы, образующія водораздѣлъ. Этотъ путь является наиболѣе удобнымъ какъ по своей краткости (300 в.), такъ и по своему относительному удобству (200 в. въ лодкѣ и 100 в. волоками, изъ которыхъ ни одинъ не достигаетъ длины болѣе 24 верстъ). Могли новгородцы достигнуть Мурмана и объѣзжая Кольскій полуостровъ моремъ вдоль берега. По крайней мѣрѣ въ XV в. (1496 г.) мы знаемъ два путешествія этимъ путемъ: дьяка Истомы въ Данію и походъ московской рати подъ предводительствомъ князя Ляпуна и Петра Ушатыхъ въ землю Кольской чуди въ томъ-же году. Въ томъ и другомъ случаѣ путь былъ морской, огибая Терскій и Мурманскій берега.

Новгородцы, вѣдая Лопарскую землю въ продолженіе слишкомъ двухъ столѣтій, мало, повидимому, обращали вниманія на нее. Лишь съ XVI в., когда Лапландія переходитъ во власть къ Москвѣ, начинается для нея новый періодъ исторіи, долженствовавшій измѣнить въ корнѣ жизнь русскихъ лопарей.

Мало обращая вниманія, вообще, на Лапландію, Новгородцы и подавно не заботились вовсе о просвѣщеніи лопарей христіанствомъ и поступали въ этомъ отношеніи касательно Лапландіи также, какъ они поступали и по отношенію къ другимъ покореннымъ имъ языческимъ народамъ. Извѣстно, что распространеніе христіанства среди инородцевъ при посредствѣ правительственной помощи и по правительственной иниціативѣ стало у насъ появляться лишь послѣ того, какъ Русь уже сложилась въ крѣпкое государство, съ центральной властью въ Москвѣ. Почти впервые мы встрѣчаемъ правительственную иниціативу въ дѣлѣ проповѣди христіанства при Иванѣ Грозномъ, повидимому хорошо понимавшемъ, что единство вѣры можетъ крѣпче всего привязать вновь покоренныя области къ великорусскому ядру, и написавшемъ тогда свое знаменитое посланіе къ св. Гурію Казанскому. Но до этого времени обращеніе въ христіанство инородцевъ было почти исключительно дѣломъ отдѣльныхъ лицъ, которые, „возлюбивъ пустынническое житіе“, удалялись въ лѣса и дебри и тамъ, проживая подолгу среди разныхъ „звѣроподобныхъ людей“, медленно посѣвали въ нихъ сѣмена христіанскаго ученія; лишь впослѣдствіи, когда такой пустынникъ получалъ послѣдователей — устраивалось общежитіе,

[1]) Sjögren: Gesammelte Schriften. I., p. 347; Сѣв. Обоз. 1849. I., стр. 157.

которое, если попадало въ счастливыя условія—развивалось, росло, богатѣло, становилось большимъ монастыремъ, ведущимъ за собой и культуру, и колонизацію въ прежде-безплодныя страны; про сѣверную Русь можно еще съ большимъ основаніемъ сказать, что она была просвѣщена не по иниціативѣ правительства, не высшихъ духовныхъ лицъ, а отдѣльными пустынниками, которые своей долгой и трудной дѣятельностью обращали въ христіанство цѣлыя инородческія племена. Такъ совершилось и обращеніе лопарей въ христіанство.

Если одни пустынники направляли свои силы на нашъ сѣверовостокъ, то другіе двигались постепенно къ сѣверу; это послѣднее движеніе на сѣверъ, начавшееся уже съ XIV в., получило наибольшее развитіе въ концѣ XV и въ XVI вв., когда особенно сильно стало развиваться стремленіе къ монастырской жизни вслѣдствіе вновь наступившихъ условій въ жизни русскаго народа, условій, перенести которыя и приспособиться къ которымъ, не всѣ чувствовали себя въ силахъ. Сѣверъ въ то время представлялъ наименѣе культурную страну изъ тогдашнихъ русскихъ владѣній; тамъ среди дремучихъ лѣсовъ, непроходимыхъ дебрей пустынники находятъ себѣ ту обстановку, въ которой имъ лучше всего можно предаться созерцательной жизни.

Еще въ первой половинѣ XV вѣка инокъ Савватій, а впослѣдствіи и Зосимъ переѣзжаютъ море и основываютъ обитель на столь знаменитыхъ въ послѣдующей русской исторіи Соловецкихъ островахъ. Пустынножительское движеніе, продолжаясь, переходитъ постепенно и въ землю лопарей, сначала на южную ея часть, а впослѣдствіи и на дикій и пустынный берегъ Ледовитаго моря, гдѣ жилъ чуждый народъ, еще язычникъ, о которомъ Соловецкій „Садъ Спасенія“ выражается въ слѣдующихъ словахъ: „...быша сіи... родове (лопари) яко звиріе дивіе, живуще въ пустыняхъ непроходимыхъ, въ разсѣлинахъ каменныхъ, не имуще ни храма, ни иного потребнаго къ жительству человѣческому, но только животными питахуся звѣрьми, и птицами, и морскими рыбами, одежда же кожа оленей тѣмъ бяше“ [1]. Неудивительно, что такая пустынная и дикая страна, населенная племенемъ, которому давалась подобная характеристика, должна была привлекать къ себѣ жаждущихъ соединить уединеніе съ миссіонерской дѣятельностью, отрекшихся отъ міра людей. Вотъ почему сравнительно скоро, послѣ того какъ пустынножительское движеніе достигло Бѣлаго моря, являются лица, которыя рѣшаются проникнуть съ проповѣдническою цѣлью на берега далекаго океана. Таковыми являются Ѳеодоритъ и пр. Трифонъ. Этимъ-то подвижникамъ, внѣ всякаго сомнѣнія, принадлежитъ честь совершенія одного изъ трудныхъ подвиговъ—обращеніе лопарей въ христіанство. Но еще до появленія ихъ сѣмена христіанства начали распространяться среди лопарей. Если вѣрить лѣтописи, названной Карамзинымъ Ростовской, то желаніе принять крещеніе впервые исходило отъ самихъ лопарей. „Въ 1526 году, повѣствуетъ лѣтопись, пріѣхаше къ Москвѣ лопляне съ моря Окіяна, изъ Кандалакшской губы, усть Нивы рѣки, изъ дикой Лопи и били челомъ Государю и просили антиминса и священниковъ церковь священати и просвѣтити ихъ святымъ крещеніемъ, и Государь велѣлъ архіепископу Макарію послати изъ Нова-града отъ соборныя церкви священника и діакона, и они ѣхавше священали церковь Рождества Іоанны Пред-

[1]) Арх. Г. В 1869. № 64. Дергачевъ.

течи и многихъ лоплянъ крестиша[1]). Къ этой цитатѣ Карамзина, Дергачевъ добавляетъ свѣдѣнія, заимствуемыя имъ изъ Начала Церковной Исторіи[2]). „По Соловецкому лѣтописцу, пишетъ онъ, пріѣхавшіе священникъ и діаконъ нашли лопарей уже порядочно знакомыми съ христіанствомъ, которое они получили отъ Соловецкихъ братій. Слѣдовательно слава первоначальнаго просвѣщенія христіанствомъ этого народа принадлежитъ основателямъ обители Соловецкой". Но Соловецкій монастырь, хотя и основанный еще въ первой четверти XV вѣка, повидимому мало заботился о просвѣщеніи лопарей христіанствомъ, такъ какъ первое извѣстіе о ихъ крещеніи является лишь столѣтіе спустя, послѣ основанія этой обители; къ тому-же, если-бы первые просвѣтители лопарей, побудившіе ихъ къ принятію крещенія, принадлежали къ числу соловецкихъ братій, имъ не было бы нужды посылать лопарей за священниками въ Москву: они священниковъ могли-бы найти и въ монастырѣ.

Вѣроятнѣе, слава первой проповѣди среди лопарей должна принадлежать пустынникамъ, которые, живя по берегу и на островахъ Бѣлаго моря, проповѣдывали христіанство. Этимъ то труженникамъ, имена которыхъ не сохранились для потомства, и должно приписать дѣло перваго просвѣщенія полудикаго народа.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ южные лопари, жившіе около Кандалакшской губы, на устьѣ р. Нивы, были присоединены къ православной церкви—обращаются съ такой же просьбой и лопари, жившіе дальше на сѣверъ, по рр. Колѣ и Туломѣ. „Въ 1532 году пріѣхаша въ Великій Новгородъ лопляне съ Мурманскаго моря, съ Колы рѣки, съ Туломы и просили у Макарія антиминсовъ и священника и посла отъ соборныя церкви священника и діакона и они ѣхавше, церкви священи Благовѣщенія и св. Николая въ Филиповъ постъ и самихъ многихъ крестиша за Св. Носомъ лоплянъ"[3]). Въ слѣдующемъ году, однако, Макарій узнаетъ, что крестившаяся лопь продолжаетъ оставаться въ идолопоклонничествѣ, вслѣдствіе чего посылаетъ къ нимъ монаха Илью съ наставительной грамотой. Илья уничтожаетъ идолы, сжигаетъ священныя рощи и проповѣдью старается укрѣпить христіанство среди лопарей.

Но болѣе всего въ дѣлѣ христіанской проповѣди среди лопарей потрудились Ѳеодоритъ и пр. Трифонъ.

Вотъ какъ описываетъ дѣятельность Ѳеодорита князь Курбскій: „...разжегся желаніемъ пустыннаго безмолвнаго жительства, отходитъ въ далечайшую пустыню, въ языкъ глубокихъ варваровъ, лопарей дикихъ, пловуще великою Колою рѣкою, яже впадаетъ своимъ устьемъ въ Ледовитое море, и тамо исходитъ изъ кораблеца и восходитъ на горы высокія, ихъ же наречетъ святое писаніе ребра сѣверовы, и вселяется въ тѣхъ лѣсѣхъ пустынныхъ, непроходимыхъ. По коликихъ-же мѣсяцѣхъ обретаетъ тамо единаго старца, пустынника (памятися, Митрофанъ бѣ имя ему), пришедшаго въ оную пустыню передъ нимъ аки за пять лѣтъ и пребываютъ въ купѣ въ прегорчайшей пустынѣ, Богомъ хранимы, питающесь отъ жестокихъ зелій и кореній"[4]). Послѣ своего путешествія въ Нов-

[1]) Карамзинъ, VII, прим. 371.
[2]) Дергачевъ: Подр. оп. лопской земли, стр. 13.
[3]) Карамзинъ: VII, пр. 371.
[4]) Сказанія кн. Курбскаго. Изд. Устрялова, стр. 114.

городъ они устраиваютъ монастырь во имя св. Троицы, на устьѣ рѣки Колы и затѣмъ начинаютъ проповѣдь христіанства на лопарскомъ языкѣ, который Ѳеодоритъ успѣлъ изучить. Многіе лопари крестились, многіе, по словамъ кн. Курбскаго, „монашеское житіе возлюбили“. Ѳеодоритъ переводитъ и нѣсколько молитвъ на лопарскій языкъ. Курбскій, лично знакомый съ Ѳеодоритомъ, оставляетъ безъ вниманія сподвижника его преп. Трифона и даже забываетъ его имя, называя его Митрофаномъ (если только въ этомъ послѣднемъ мы не должны видѣть кого-либо изъ безвѣстныхъ труженниковъ на лопарской нивѣ, а не пр. Трифона, какъ думаютъ нѣкоторые). Но въ дѣлѣ просвѣщенія христіанствомъ и укрѣпленія лопарей въ немъ пр. Трифону выпадаетъ дѣятельность и болѣе продолжительная, и имѣвшая болѣе важное значеніе для лопарей, чѣмъ просвѣтительская дѣятельность остальныхъ проповѣдниковъ христіанства въ Лапландіи.

Трифонъ считается происходящимъ изъ Новгорода: по однимъ — онъ былъ сыномъ священника, по другимъ—сыномъ крещенаго еврея. Онъ рано удаляется на сѣверъ, поселяется на рѣкѣ Печенгѣ; по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ онъ ведетъ тамъ пустынническую жизнь, по другимъ—сначала долго занимается рыбными промыслами и затѣмъ уже переходитъ къ жизни пустыннической. Проповѣдью ему удалось обратить многихъ лопарей въ христіанство, но, не будучи священникомъ, Трифонъ не крестилъ ихъ. Послѣ утомительной борьбы съ суевѣріями, многихъ гоненій, которыя ему пришлось испытать, онъ, убѣдившись, что число желающихъ креститься достаточно велико, призываетъ изъ Колы іеромонаха Илью, который и совершаетъ крещеніе надъ лопарями. Самъ препод. Трифонъ тогда-же принимаетъ иноческій санъ. Въ 1550 г. онъ устраиваетъ монастырь недалеко отъ впаденія р. Печенги въ океанъ. Одной изъ главныхъ заботъ устроителя Печенгскаго монастыря было обезпеченіе существованія монастыря полученіемъ жалованныхъ грамотъ отъ Ивана IV. Въ 1556 году преп. Трифонъ отправляется въ Москву и получаетъ отъ царя грамоту на владѣніе, на вотчинномъ основаніи, морскими губами: Мотоцкой, Лицкой, Урской, Пазрѣцкой и Нявдемской. По умоленію дѣтей своихъ, царевичей Іоанна и Ѳеодора Іоанновичей, гласитъ грамота отъ 1-го Ноября 1556 г., пожаловали мы царскаго нашего богомолья, отъ студенаго моря-Океана, съ мурмангскаго рубежа, пресвятыя и Живоначальныя Троицы, Печенгскаго монастыря игумена Гурія съ братіею, или кто въ томъ монастырѣ иной игуменъ или братія будетъ, вмѣсто руги и вмѣсто молебныхъ и панихидныхъ денегъ, для ихъ скудости на пропитаніе, въ вотчину: морскими губами Матоцкою, и Лицкою, и Урскою, и Печенгскою, и Пазренскою, и Нявденскою губами въ морѣ, всякими рыбными ловлями и морскимъ выметомъ, коли изъ моря выкинетъ кита или моржа, или иного какого звѣря, и морскимъ берегомъ, и его островами, и рѣками, и малыми ручейками, верховіями, и тонями, и горными мѣстами, и пожнями, лѣсами, и лѣсистыми озерами, и звѣриными ловлями, и лопарями, которые лопари наши, данные въ той Матоцкой и Печенгской губахъ, нынѣ суть и впредь будутъ, со всѣми угодьями луковыми (т. е. по заливамъ) и нашими, царя и великаго князя, денежными оброками и со всѣми доходами, и волостными кормами, чтобы тѣмъ имъ питаться и монастырь строить; а нашимъ боярамъ новгородскимъ и двинскимъ и устъ-Кольскія волости приказнымъ и всякимъ приморскимъ людямъ, и корельскимъ дѣтямъ, и лопарямъ, и никому иному въ ту вотчину, и рѣки, и тони, и во всякія рыбныя ловли не вступать-

ся“ [1]). Эта грамота имѣла особенно важное значеніе для исторіи лопарей, такъ какъ ею отдавались въ руки новаго монастыря не только многія угодья, которыми пользовались прежде лопари, но и сами лопари (Печенгскіе и Мотоцкіе) подпадали подъ власть монастыря, дѣлались монастырскими крестьянами. Съ этого времени могущество и богатство монастыря стали рости изъ года въ годъ: монастырь забиралъ все больше и больше силы надъ окрестными лопарями. Пока былъ живъ преп. Трифонъ, лопари лишь выигрывали отъ близости монастыря: имъ оказывалась помощь въ случаѣ нужды, при голодѣ имъ выдавался хлѣбъ—и это привлекало все большее количество лопарей въ лоно православной церкви.

Въ 1583 году умираетъ преп. Трифонъ. Со дня его смерти начинается и новая эра, какъ для исторіи монастыря, такъ и для исторіи лопарей, которая оказывается теперь тѣсно связанной съ исторіей монастыря.

Въ 1590 году Шведы внезапно нападаютъ на монастырь, сожигаютъ его, убиваютъ почти всѣхъ монаховъ. Но уже въ 1596 году монастырь возстановляется на новомъ мѣстѣ, именно у устья р. Колы.

Перенесеніе монастыря съ р. Печенги на р. Колу объясняется частью тѣмъ, что Печенга, находясь около границы, была далеко не безопасна отъ вражескихъ нашествій, тогда какъ на устьѣ рѣки Колы въ то время уже возникъ острогъ съ постояннымъ населеніемъ. Первоначальное населеніе Колы, вѣроятно, состояло изъ рыбопромышленниковъ и не могло считаться постояннымъ: являясь лишь на время промысловъ, оно по окончаніи ихъ уходило. То обстоятельство, что въ 1532 г. на устьѣ р. Колы была освящена церковь Благовѣщенія, заставляетъ предполагать, что тамъ во второй четверти XVI вѣка начинало являться болѣе или менѣе постоянное населеніе. Но вѣроятно, что оно утвердилось тамъ не ранѣе 1550 года, когда въ Кольской волости явились ссыльные. Острогъ же былъ устроенъ только въ 1582 г. По указанію голландцевъ Винтеркенига, Гемскерка и Беренца, бывшихъ въ Кольскомъ острогѣ около того времени, въ немъ было не болѣе трехъ домовъ, жители которыхъ разбѣжались въ лѣсъ при видѣ голландскихъ кораблей [2]). Какъ бы ни было незначительно постоянное населеніе Колы, въ эту эпоху мѣстность около нея являлась все-таки болѣе безопасной, чѣмъ около лежащей недалеко отъ границы р. Печенги.

Въ 1619 году новый монастырь на р. Колѣ сгорѣлъ и старцы рѣшили жить снова на Печенгѣ. Съ тѣхъ поръ мы видимъ, что часть монаховъ живетъ около Колы, часть на Пегенгѣ, причемъ на послѣдней по очереди 2—3 старца.

Не смотря на несчастія, обрушившіяся на монастырь, онъ не терялъ своего значенія. Напротивъ того онъ вскорѣ становится важнымъ торговымъ и промышленнымъ центромъ. Подобно монастырямъ Соловецкому, Кириллову, Сійскому и Кандалакшскому, Печенгскій монастырь былъ пожалованъ соляною торговою пошлиною [3]). Его суда двигались черезъ Бѣлое море на Двину и южнѣе, и доходили до Тотьмы и Вологды.

---

[1]) Ист. Росс. Іерархіи IV., стр. 582–583.
[2]) З. И. Р. Г. О. II, стр. 642.
[3]) А. И. Ш. № 217

Еще до переселенія монастыря на устье р. Колы, монастырь, продолжая сохранять свои права на земли, пожалованныя ему грамотой 1556 г., старается, однако, пріобрѣсти и новыя земли около Колы. Въ грамотѣ 1697 г. [1]), читаемъ, что еще ц. Θеодоръ Ивановичъ распространяетъ своей жалованной грамотой владѣнія монастыря на прикольскія земли: „въ 99 г. (1591) Великій Государь Царь и Великій Князь Θеодоръ Ивановичъ всея Россіи пожаловалъ Живоначальной Троицы Печенгскаго монастыря, Игумена Васьяна съ братіею, или кто по немъ иной будетъ; къ тому ихъ монастырю у нихъ угодьевъ по рѣкѣ по Туломѣ пожни, въ рѣкѣ Туломѣ рыбная ловля подъ Кривцомъ, а была та рыбная ловля за Нечайкомъ Поповымъ, да вверхъ по Туломѣ рѣкѣ въ Мурманахъ тоня островская съ горовными мѣсты, тоня въ Кальнпухѣ съ горовными мѣсты, по Карчъ-ручей, да рыбная-жъ ловля вверхъ рѣки Туломы подъ Падуномъ и подъ Каменемъ во всѣхъ ловляхъ половина съ Сонгельскими и Нотозерскими лопарями, по купчимъ и по даннымъ грамотамъ. И съ тѣхъ ихъ и съ иныхъ монастырскихъ угодьевъ и рыбныхъ ловель пошлинъ, и дани, и оброку искать не велѣно: то имъ въ монастырь въ ругу, панахидныхъ денегъ вмѣсто и для того чтобы имъ монастырь строить“. Этой грамотой, какъ явствуетъ изъ ея содержанія, санкціонируется владѣніе новыми землями, добытыми монастыремъ у лопарей и повидимому русскаго колянина (Нечайко Попова) по даннымъ и купчимъ грамотамъ. При Василіи Шуйскомъ угодья монастыря еще увеличиваются: въ той-же грамотѣ 1697 г. читаемъ: „Въ другомъ списку съ жалованной грамоты Вел. Гос. Ц. и В. Кн. Василья Ивановича всея Россіи самодержца 115 (1607) году къ монастырю написаны тѣ-жъ рыбныя ловли и угодья, что выше сего во первомъ списку (т. е. грамоты ц. Θеодора Ивановича) написано, да сверхъ того написана рѣчка Улита и велѣно имъ тѣми угодьями владѣть безданно и безпошлинно“.

Пріобрѣтенія земель монастыремъ шло частью при помощи покупки монастырскими старцами угодій у лопарей, частью при помощи отдачи самими лопарями своихъ угодій. Кромѣ указанныхъ выше пріобрѣтеній, узаконенныхъ грамотами 1591 и 1607 годовъ, мы видимъ, что въ 1619, 1620, 1621, 1638 и 1646 монастырь продолжаетъ расширять свои владѣнія на счетъ лопарскихъ угодій. Такъ въ 127 году (1619) Нотозерскіе лопари „дали отпись Печенгскаго монастыря игумену съ братіею за ихъ промыселъ за старца Досифея во его развыткѣ, что межъ ими была его Досифея развытка въ промыслу, а взяли рубль пять алтынъ три деньги за 127 годъ“. Здѣсь мы видимъ случай отдачи лопарями своихъ угодій въ аренду. Въ 1620 г. мы видимъ покупку монастыремъ угодій у Нотозерскаго лопаря Никитки Васильева, который продалъ „на Туломѣ рѣкѣ подъ Падуномъ свой участокъ одинъ, красную рыбу семгу въ нижнихъ тоняхъ и котельныя мѣста, опричь камени и лахты впрокъ безъ выкупу. Денегъ взялъ сорокъ алтынъ“. Тотъ-же Нотозерскій лопарь Никитка Васильевъ, „съ женою Афросиньицею да съ сыномъ Ваською дали въ Печенгскій монастырь за двадцать за пять рублевъ вкладомъ (въ 1621 году) впрокъ во вѣки свое владѣнье на Туломѣ рѣкѣ подъ Падуномъ“. За этотъ вкладъ игуменъ обязался „его Никитку Васильева въ монастырѣ покоить, какъ и прочихъ вкладчиковъ и братіевъ до его смерти, а женѣ его и сыну давать изъ мо-

[1]) См. приложеніе 1-е.

настыря по три мѣры муки ржаной на годъ со 129 (1621) г. впредь до ихъ смерти да съ того-жь ево угодья игумену съ братiею платить расходъ съ Нотозерскими лопарями вмѣстѣ". Въ 1638 г. „Нотозерскiй лопарь Ивашко Никитинъ занялъ у колянъ у Антипкѣ да у дѣвкѣ Сусловыхъ пять рублевъ двадцать три алтына двѣ деньги, а заложилъ въ тѣхъ деньгахъ свое Падунское угодье, чѣмъ онъ владѣлъ и промышлялъ до сроку до Петрова дни 146 г. (1638) безъ росту, а по срокѣ имъ Антипкѣ и дѣвкѣ та кабала купчая и отводная впрокъ безъ выкупу". Эта кабальная запись переходитъ въ собственность Печенгскихъ старцевъ, такъ какъ они представляютъ ее въ 1647 г. въ Новгородскiй приказъ, какъ доказательство своего права на владѣнiе данными угодьями.

Въ общемъ въ короткiй промежутокъ времени отъ 1620—1646 г. мы находимъ семь случаевъ прiобрѣтенiя монастыремъ разныхъ угодiй отъ лопарей, причемъ четыре данныхъ, двѣ купчихъ и одна кабальная запись. По годамъ прiобрѣтенiя дѣлятся такъ: въ 1620 г.—два прiобрѣтенiя; въ 1621 г.—два; въ 1634 г.—одно; въ 1638 г.—одно и въ 1646 г.—одно. И это, конечно, далеко не всѣ прiобрѣтенiя монастыря [1]).

Угодiй у монастыря было настолько много и въ припеченгскихъ и прикольскихъ мѣстахъ, что онъ справлялся лишь съ наиболѣе богатыми; остальныя онъ отдавалъ въ аренду лопарямъ [2]).

Кромѣ законныхъ средствъ къ увеличенiю монастырскаго имущества, монахи повидимому прибѣгали и къ средствамъ незаконнымъ. Въ грамотѣ 1697 года указывается на недобросовѣстность, съ которой была составлена, въ писцовой книгѣ Алая Михалкова (1607 г.), опись владѣнiй Печенгскаго монастыря. Грамота указываетъ, „что лопари въ челобитьѣ своемъ написали въ прошломъ 119 (1611) г.: какъ приходили подъ Кольскiй острогъ свейскiе нѣмцы войною и лучшихъ многихъ людей побили и въ полонъ побрали и въ полону померли, съ животами ихъ и угодьемъ, четвертью рѣки Туломы и анбарцами завладѣли Печенгскаго монастыря старцы, потому что дѣти тѣхъ побитыхъ лопарей остались малы и угодьи своими владѣть не могли и потому по всему знатно, что промыслы Печенгскаго монастыря старцамъ писецъ Алай Михалковъ тѣ рыбныя лопарскiя ловли въ книгахъ своихъ за монастыремъ написалъ въ то воинское время отъ нихъ лопарей утайкою и потому по всему тѣ писцовыя Алаевы книги Михалкова... отставить и приказали".

Московское правительство неоднократно обращало вниманiе на захваты монастыремъ лопарскихъ угодiй. Такъ въ грамотѣ 1697 г. упоминается о томъ, что еще въ грамотахъ 1649 и 1651 гг. говорится: „лопскихъ угодьевъ продавать и въ оброкъ отдавать не велѣно". Не смотря на это мы видимъ въ жалованной грамотѣ Печенгскому монастырю отъ 1675 г., какъ бы санкцiю права владѣнiя монастыря на угодья, полученныя имъ тѣмъ или другимъ способомъ отъ лопарей: „...и что ихъ монастырскiя земли и воды и всякiе угодья и промыслы въ разныхъ мѣстѣхъ, что дали имъ въ Живоначальныя Троицы новокрещенная Лопь, старецъ Логинъ Марковъ съ дѣтьми, да Ѳеимъ Негостевъ, да Микула Кононовъ, въ Соньелѣ свои два лука со всѣми угодьи и съ половиною рѣки Печенги и съ лѣшими оверки и съ звѣриными ловлями, да Кирилло Ермолинъ, Антонъ

[1]) См. А. И. IV. № 254.
[2]) З. И. Р. Г. О. VIII, стр. 13.

Спиридоновъ дали имъ въ монастырь въ Мотоцкой губѣ свои два лука, со всѣми угодьи и съ половиною рѣчки Печенги и съ рѣчкою съ Ворьемою и съ тонями и съ озерки съ лѣтними и съ звѣриными ловлями, да и данныя грамоты на тѣ луки имъ подавали... да у нихъ же рыбная ловля въ рѣкѣ въ Туломѣ подъ Кривцомъ... да у нихъ же рѣчка Улита, да на Туломѣ-жъ повыше Калѣпухи пожни ихъ монастырскія Коржавинскія, да на Юрькинѣ островѣ пожни, что куплены въ монастырь у Постника у Сорохина; да у монастыря-жъ рыбная ловля вверхъ рѣки Туломы подъ Падуномъ подъ камнемъ во всѣхъ ловляхъ половина съ Соньельскими и съ Нотоверскими лопари по купчимъ и по даннымъ грамотамъ" [1]). Но въ общемъ, если не считать этой грамоты, мы видимъ рядъ указовъ, какъ предшествующихъ, такъ и послѣдующихъ жалованной грамотѣ 1675 г., въ которыхъ угодьями лопарей запрещается завладѣвать. Такъ кромѣ указовъ 1649 и 1651 гг. встрѣчаются указы отъ 1661, 1675, 1677 и 1687 гг., гдѣ запрещеніе это повторяется, причемъ указы либо основываются на частномъ распоряженіи относительно лопарскихъ угодій, либо на общемъ постановленіи о монастырскихъ земляхъ. Запрещеніе повторяется и самой грамотой 1697 года, гдѣ отданныя монастырю угодья кольскими посадскими людьми, стрѣльцами или лопарями возвращаются имъ обратно, „и впредь лопарямъ... участковъ своихъ и рыбныхъ ловель и сенныхъ покосовъ и въ Печенгскій монастырь поступати и отдавать отнюдь не велѣно. А буде которые люди въ томъ объявятся и тѣмъ учинено будетъ жестокое наказаніе и угодья и земли велятъ назадъ поворотить, потому что оброчнымъ людемъ угодьевъ и земель въ куплю продавать и въ оброкъ отдавать не велѣно".

Захватывая, не смотря на запрещеніе, въ свои руки все бóльшее количество угодій монастырь богатѣетъ, но вмѣстѣ съ возращеніемъ богатства онъ становится постепенно изъ просвѣтителя, угнетателемъ лопарей. Такъ успѣшно начатое дѣло преп. Трифона принимаетъ постепенно совершенно другой оборотъ. Дѣйствительно, подчасъ вѣрный традиціямъ, завѣщаннымъ основателемъ онъ помогаетъ лопарямъ во время голода, но при обыденныхъ условіяхъ, когда исключительныхъ бѣдствій не висѣло надъ Лапландіей, самъ монастырь до извѣстной степени являлся для лопарей бѣдствіемъ.

Вмѣстѣ съ приростомъ богатствъ, утрачиваются строгіе нравы, введенные преп. Трифономъ. Нравственность въ монастырѣ падаетъ. Такъ, напр., на основаніи доноса, который сдѣлалъ преосвященный Аѳанасій, архіепископъ Холмогорскій и Важескій, оказалось, что изъ 14 братій Троицкаго Печенгскаго монастыря лишь относительно четырехъ не встрѣчаются указанія, какъ на лицъ пьянствующихъ или расхищающихъ монастырскую казну. Про остальныхъ говорится много дурнаго. Такъ напр. про нѣкоего монаха Илью-кузнеца говорится: „монахъ Илья кузнецъ прозваніемъ Пульчакъ, въ мірѣ былъ житель Кольскаго-жъ острога, грамотѣ не ученъ...; лѣти де совершенъ въ старости. Толко де онъ живетъ житье совершенно пьянственное и монастырскіе избытки, гдѣ что можно похищаетъ воровски, а и постригся де онъ въ иночество отъ бѣды, которая прилучилась ему отъ воровства". Про другихъ говорится: „хмельное питье пьетъ въ пьянство, только не всегда", „хмельнаго питья держится не вмалѣ", „житье живетъ свое-

---

1) А. И. IV. № 254.

вольное.. и пьянственнаго питья держится не вмалѣ... за нимъ есть и монастырской казны въ похищеніи не мало", „живетъ житье совершенно пьянственное, мало и съ кабака сходитъ", „а человѣкъ онъ упивчивый" и т. п. Лучше всего говорится о монахѣ Павлѣ: „житіе онъ въ монашествѣ нынѣ преходитъ доброе"; но и этотъ лучшій изъ тогдашнихъ братій Печенгскаго монастыря, черезъ нѣсколько лѣтъ былъ заподозрѣнъ въ дурной жизни и повидимому вслѣдствіи этого сосланъ въ Соловецкій монастырь на покаяніе [1]).

Никонъ въ своей челобитной на печенгскихъ монаховъ также указываетъ на неустройства во внутреннемъ бытѣ монастыря. Челобитная вызвана частнымъ случаемъ: Никонъ послалъ къ Печенгскому монастырю старца Селевкія со служками; когда объ этомъ узналъ живущій въ монастырѣ попъ Симеонъ и онъ, попъ, наговорилъ такихъ же воровъ Печенгскаго монастыря старцовъ и служекъ, и, какъ пріѣхалъ на лодкѣ твоего богомолья Крестнаго монастыря старецъ Селевкій, „и онъ, Симеонъ, собрався со многими ворами, и меня, богомольца вашего, всяко неподобно злословили и старца Селевкія безчестили, служку Левку Лазарева били и за ноги выволокли за мертва и покинули за монастыремъ, и который старецъ Крестнаго монастыря къ нимъ посланъ строителемъ, и онъ того строителя бьетъ, на чѣпь сажаетъ и ни въ чемъ ево не слушаетъ, а монастырскую казну всю пропилъ и проворовалъ" [2]).

Въ 1701 году монастырь приписывается къ архіерейскому дому. „По жалованной Государевой грамотѣ изъ Приказу большаго дворца, пишетъ архіепископъ Аѳанасій къ Кольскому воеводѣ Григорію Козлову, велѣно епархій нашей Кольскаго острога Троицко-печенгской пустыни со всѣми къ ней надлежащими вотчинами лопарскими быть и въ присутствіи и призрѣніи къ дому нашему, дабы та пустыня за нашимъ призрѣніемъ и снабженіемъ къ лучшему устроилася". Въ силу полученной грамоты арх. Аѳанасій принимается за дѣло со свойственнымъ ему жаромъ. Въ августѣ 1701 года онъ назначаетъ строителемъ Печенгскаго монастыря монаха Лаврентія, а казначеемъ—монаха Исаю изъ Спасско-Коверучскаго монастыря. При своемъ отправленіи въ Колу, они получаютъ инструкціи отъ арх. Аѳанасія, какъ имъ поступать, по принятіи возложенныхъ на нихъ обязанностей. Главными пунктами инструкціи были: справедливость какъ къ монахамъ, такъ и вообще ко всей монастырской службѣ; изобрѣтеніе способовъ для увеличенія матеріальныхъ средствъ монастыря. Безъ имяннаго указа отъ архіерея они не должны были рѣшать дѣлъ, наводящихъ сомнѣніе; „на излишные ни на какіе расходы пустынной казны не держать и прихотей своихъ никакихъ тою казною не исполнять і віна не покупать", въ баняхъ „ни обще съ мірскими людьми ни особо не мытися", и всякія работы женскія замѣнять мужчинами, а женщинъ „ни для какова дѣла въ кельи не призывать і не пущать." [3])

Приписанный къ архіерейскому дому монастырь продолжаетъ еще существовать въ теченіе слишкомъ полустолѣтія до 1764 г., когда онъ былъ окончательно упразднень, такъ какъ къ тому времени онъ пришелъ въ полный упадокъ.

---

[1]) З. И. Р. Г. О. VIII., стр. 61–64.
[2]) Зап. Отд Рус. Слав. Археологіи Им. Р. Арх. Общ. II, стр. 643.
[3]) Тр. Арханг. Статист. Комитета. 1865. кн. I., стр. 41.

Въ кратковременной исторіи Печенгскаго монастыря играетъ особо-важную роль XVII вѣкъ, по крайней мѣрѣ три первыхъ четверти его. Эта эпоха его разцвѣта, эпоха наибольшей его силы, когда и правительство московское старается его поддержать.

Начиная съ XVI вѣка и въ теченіи почти что всего XVII, монастырь получаетъ жалованныя грамоты отъ каждаго изъ вновь вступающихъ государей, причемъ не только утверждаются грамоты предшествующія, но къ нимъ прибавляется и увеличеніе монастырскихъ имѣній. Въ жалованной грамотѣ отъ 15-го іюня 1675 г. перечисляются данныя па имя монастыря жалованныя грамоты: „и даны де имъ (печенгскимъ монахамъ) были многія жалованныя грамоты, листовыя, за красными печатьми, прежнихъ Великихъ Государей: блаженныя памяти Вел. Гос. Ц. и В. Кн. Ивана Васильевича всей Русіи Самодержца, и В. Г. Ц. и В. Кн. Өеодора Ивановича в. Р. С., и В. Г. Ц. и В. Кн. Василья Ивановича в. Р. С. и отца нашего блаженныя-жъ памяти В. Г. Ц. и В. Кн. Михаила Өеодоровича и дѣда нашего блаженныя-жъ памяти В. Г. святѣйшаго Патріарха Филарета Никитича Московскаго и в. Русіи“ [1]). Дача жалованныхъ грамотъ уже достаточно доказываетъ, что московскіе государи смотрѣли на извѣстную часть лопарей и на Лапландію какъ на свою вотчину и поэтому считали себя вправѣ распоряжаться и землей, и жителями по своему усмотрѣнію.

Но отдавая часть Лапландіи и лопарей въ собственность монастыря, они старались сдѣлать монастырь и безопаснымъ отъ набѣговъ сосѣдей, которые время отъ времени оспаривали права московскихъ государей на нѣкоторыя части Лапландіи. Эти-то мысли выражены въ жалованныхъ грамотахъ монастырю: „Въ другомъ спискѣ съ жалованныя-жъ грамоты 99 году (1591) написано: пожалованы Печенгскаго монастыря игуменъ съ братьею для прихода Нѣмецкихъ людей велѣно имъ строить монастырь въ Кольскомъ острогѣ у Благовѣщенья Пречистыя Богородицы, кельи поставити и ограду около монастыря оградить и анбары на монастырскую казну на монастырѣ поставить, безданно и безпошлинно“, и если „Нѣмецкіе Дацкіе люди учнуть къ нимъ вредъ пріѣзжая какихъ оброковъ и дани и съ рыбы десятины у нихъ просить и имъ Нѣмецкимъ людемъ велѣно отказывать, что та земля Лопская и искони вѣчная вотчина наша Великаго Государя а не Датскаго короля и по 115-й годъ въ тое землю Датскаго короля люди ни въ чемъ не вступались и даней и оброковъ и рыбныхъ десятинъ не спрашивали, а послѣ въ тое землю учали вступаться мимо прежней обычай“ [2]).

Распоряжаясь Лапландіей, какъ своей вотчиной и отдавая лопарскія угодья монастырю, правительство, въ отношеніи суда и расправы, отдало часть лопарей, какъ крестьянъ монастырскихъ, въ руки монастыря. Грамота 1675 г. говоритъ по этому поводу слѣдующее: „также ихъ Печенгскаго монастыря служекъ и крестьянъ крещеныхъ лопарей и дворниковъ, намѣстникомъ Новгородскимъ и Двинскимъ и Устюжскимъ и Тотемскимъ и Вологодскимъ и Каргопольскимъ и Кольскаго острога воеводамъ и всякимъ приказнымъ людемъ не судити ихъ ни въ чемъ и доводчиковъ своихъ не посылать къ нимъ ни по что, и на поруки ихъ не давать ни отъ кого ни въ чемъ, опричь душегубства и разбою

[1]) А. И. IV, № 254.
[2]) Ibid.

и татьбы съ поличнымъ; а вѣдаетъ и судитъ своихъ слугъ и крестьянъ и дѣтенышевъ и дворниковъ монастырскихъ строитель или игуменъ съ братьею, самъ во всемъ или кому прикажетъ. „Въ случаѣ лишь смѣснаго суда, судятъ и свѣтскія власти:“ а случится судъ смѣсной монастырскимъ слугамъ и крестьяномъ, или дворникомъ и дѣтенышемъ съ посадскими людьми: и намѣстницы или воеводы судятъ, а игуменъ или строитель съ ними-жъ судитъ, или кому прикажетъ; а правъ или виноватъ монастырской человѣкъ въ правдѣ и въ винѣ строителю или игумену съ братьею.“

Однако не одинъ Печенгскій монастырь владѣлъ лопарями, часть ихъ угодій были отданы въ пользованье и другимъ монастырямъ: находящійся подъ Москвой Воскресенскій монастырь и Крестный монастырь въ Каргопольскомъ уѣздѣ владѣли также частью лопарской земли, именно рѣкой Екомой [1]).

Но эти монастыри уже, благодаря своей отдаленности отъ лопарскихъ своихъ владѣній, не могли оказывать такого сильнаго вліянія на бытъ лопарей, какъ монастырь Печенгскій; къ тому-же и сами владѣнія были гораздо значительнѣе у послѣдняго. Если фактъ владѣнія другими монастырями землями, принадлежавшими лопарямъ и не игралъ особенно важной роли въ жизни лопарей, какъ фактъ владѣнія таковыми-же землями монастыремъ Печенгскимъ, то все-таки и другіе монастыри, вѣроятно, имѣли нѣкоторое вліяніе на жизнь лопарей и едва-ли прошли для послѣднихъ вполнѣ безслѣдно. Вѣроятно также, что въ случаяхъ, когда монастырямъ не отдавались лопарскія угодья, а лишь земли сосѣднія съ послѣдними, то и при такихъ условіяхъ близость чуждыхъ насельниковъ давала себя чувствовать. Такими сосѣдями лопарей были Соловецкій монастырь и Новоспасскій. Первому обязаны своимъ возникновеніемъ многіе поселки по Бѣлому морю и Кандалакшской губѣ. Второй владѣлъ частью морскаго берега и частью рѣки Варзуги. Въ грамотѣ 1615 г. говорится: „Варзужане и монастырскіе старцы, вѣдаютъ всякіе рыбные ловли по рѣкѣ по Варзугѣ и по морскому берегу, рѣки и тони, и лѣсы, и лѣшіе озера, отъ Умьскіе межи, отъ рѣчки Оленницы; половину тоѣ рѣчки Оленницы вѣдаютъ Умляне, а другую половину тоѣ рѣчки Оленницы вѣдаютъ Варзужане, да въ Мурманьской конецъ, по рѣчку по Пялицу; половину тоѣ рѣчки Пялицы вѣдаютъ Терскіе лопари — то имъ межа [2]).“ Тоже повторяется и въ грамотѣ 1619 года, которой расширяются права монастыря на отданную имъ часть Лапландіи [3]). Соприкасаясь такъ близко съ лопарями, монахи указанныхъ монастырей оказывали, вѣроятно, и нѣкоторое вліяніе на жизнь лопарей. Но остальные монастыри, имѣвшіе владѣнія въ Лапландіи, жили и кормились не только ими: у нихъ были болѣе значительныя земли въ другихъ мѣстностяхъ московскаго государства; (такъ напр. Крестному монастырю грамотой 1657 г. пожаловано 4537 крестьянскихъ душъ [4]); уже поэтому они не могли стремиться такъ сильно эксплоатировать лопарей, какъ Печенгскій монастырь, который только и жилъ тѣми доходами, которые онъ получалъ отъ своихъ лопарскихъ владѣній. Поэтому для русскихъ лопарей существенное значеніе имѣетъ лишь этотъ монастырь.

---

[1]) А. Я. Ефименко. Юр Об. Лопарей въ Зап. Имп. Р. Г. О. т. VIII, стр. 12.
[2]) А. И. III, № 60.
[3]) А. И. III, № 82.
[4]) И. Р. Іерархіи, IV, стр 330.

Конечно, московское правительство, отдавая въ собственность монастырю и лопарскую землю и самихъ лопарей приводя въ крѣпостную зависимость отъ монастыря, поступало совершенно также, какъ оно поступало и въ другихъ мѣстахъ государства; но то, что было не ново въ другихъ частяхъ Россіи, на что смотрѣли какъ на фактъ обыденный, что подчасъ считали сами крестьяне, отягощенные налогами, льготой для себя, то въ Лапландіи должно было явиться совершенно новымъ, перевернуть въ корнѣ прежній бытъ. Отъ монаховъ Печенгскаго монастыря зависѣло дать своему управленію тотъ, или иной характеръ, принести пользу, или вредъ той новой паствѣ, надъ которой они были призваны работать. Мы уже видѣли, что въ нравственномъ отношеніи они могли имѣть лишь дурное вліяніе, такъ какъ печенгскіе монахи кромѣ безнравственной жизни, о чемъ я говорилъ уже выше, еще и обманывали, и эксплоатировали лопарей. Въ экономическомъ отношеніи образъ дѣйствій ихъ могъ привести лопарей только къ обѣднѣнію: отбираніе угодій всѣми способами у лопарей въ пользу монастыря едва-ли могло содѣйствовать развитію благосостоянія лопарей. Остается еще рѣшить вопросъ: какъ относились печенгскіе монахи къ лопарямъ и исполнили-ли они главную цѣль, намѣченную преп. Трифономъ — обращеніе лопарей въ христіанство и укрѣпленіе ихъ въ немъ.

Что касается перваго вопроса, то краснорѣчивый отвѣтъ на него мы находимъ въ письмѣ архіепископа Аѳанасія, обращенномъ къ кабальнымъ лопарямъ. Изъ него явствуетъ, что не мало всевозможныхъ обидъ пришлось испытать лопарямъ отъ Печенгскаго монастыря: „Васъ послушниковъ нашихъ, пишетъ архіепископъ Аѳанасій, въ милости всегда имѣть будемъ и строителемъ и священникомъ и служебникомъ тоея нашея пустыни и всѣмъ Кольскимъ жителямъ, никакою обидою обидить васъ не дадимъ, а буде кто отъ сего времени не боясь Бога будетъ на васъ какою обидою нападывать или похищать имѣніе ваше, и мы, преосвященнѣйшій архіепископъ, указали вамъ на тѣхъ обидящихъ людей присылать къ намъ заручные ваши челобитные съ нарочными посыльщиками[1].“

Что касается распространенія христіанства среди лопарей, то двинувшееся съ такимъ успѣхомъ въ XVI столѣтіи, оно повидимому замерло въ XVII вѣкѣ. Даже въ концѣ XVII вѣка не всѣ лопари были крещены и еще въ 1681 г. московское правительство по приказанію царя Ѳеодора Алексѣевича заботится о распространеніи христіанства. Изъ далекой Москвы присылаются распоряженія о возбужденіи миссіонерской дѣятельности среди лопарей, тогда какъ Печенгскій монастырь мало заботится объ этомъ. Въ этой грамотѣ приказывается призывать лопарей въ православную вѣру „съ любовью и привѣтомъ и съ добрымъ тщаніемъ и съ неоплошнымъ радѣніемъ, а не насиліемъ,“ приказывается далѣе крестящемуся лопарю давать государево жалованье по два рубля на человѣка и льготъ отъ службы и тягла на два года, а нѣкоторымъ „нарочитымъ“ и больше. Велѣно также „и впредь его великаго Государя жалованьемъ ихъ обнадеживать, чтобы на то смотря и инымъ иновѣрцамъ въ православную христіанскую вѣру повадно было приходить[2].“

---

1) З. И. Р. Г. О. VIII. стр. 11.

2) Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ 1887. Книга I. Смѣсь. Объ обращеніи лопарей въ христіанство священникомъ Алек. Симоновымъ и коляниномъ Ѳед. Сусловымъ. Эту крайне интересную грамоту привожу здѣсь буквально, какъ характерно рисующую заботы Царя Ѳеодора Алексѣевича о распространеніи христіанства въ Лапландіи. Точки указываютъ на пропущенныя мѣста въ текстѣ.

То обстоятельство, что начиная съ 30-хъ годовъ XVI столѣтія, лопари нѣкоторыхъ частей русской Лапландіи охотно принимали крещеніе, что они даже два раза пріѣзжали просить себѣ священниковъ, что многіе изъ нихъ, увлеченные стойкостью въ проповѣди и образомъ жизни преп. Трифона, приняли крещеніе и даже тогда уже по словамъ князя Курбскаго „множество отъ нихъ мнишеское житіе возлюбили“, отказывали даже свои земли монастырю—служитъ достаточно вѣскимъ доказательствомъ, что русская Лапландія была хорошей почвой для воспринятія новаго ученія; если поэтому впродолженіе вѣковой дѣятельности Печенгскаго монастыря дѣло распространенія христіанства среди лопарей почти не двинулось вовсе, если даже въ 1681 г. приходилось жалованьемъ и льготами заманивать лопарей принимать св. крещеніе — то вина въ нерадѣніи къ миссіонерской своей дѣятельности должна всецѣло пасть на тѣхъ, которые уже по своему мѣстоположенію среди лопарской земли были призваны къ распространенію тамъ христіанства.

Если задать себѣ вопросъ, принесъ-ли Печенгскій монастырь пользу лопарямъ, то придется отвѣтить на это, къ сожалѣнію, отрицательно. Онъ содѣйствовалъ ихъ обѣднѣнію, своимъ обращеніемъ ожесточалъ ихъ, примѣромъ жизни братіи дѣйствовалъ развращающимъ образомъ на молодую паству, онъ оставилъ ихъ коснѣть въ невѣжествѣ впродолженіе долгихъ лѣтъ, не заботясь о просвѣщеніи ихъ христіанской вѣрой.

Память и объ основателѣ Печенгской обители и о ней самой сохранилась до сихъ поръ среди лопарей. Преп. Трифонъ одинъ изъ наиболѣе чтимыхъ лопарями святыхъ;

„В прошломъ во 189-м году февраля въ 28 де послана великого Государя грамота в Колской острогъ к. столнику і воеводе к Василью Аверлакову, а велено в Колскомъ остроге і в уѣзде иновѣрцовъ и ідолопоклонниковъ призывать во благочестивую православную християнскую вѣру с любовию и привѣтомъ и з добрымъ тщаниемъ и с неоплошнымъ радѣниемъ, а не насиліемъ; также и которые есть в Колскомъ остроге і в уѣзде монастыри, и тѣхъ монастырей игуменомъ и строителемъ и черным и приходцкихъ церквей бѣлымъ священникомъ потому жъ тѣхъ иновѣрцовъ призывать со учениемъ от Божественного писания и проповедию слова Божия, и не насилием же,—чтоб иновѣрцов во благочестивой християнской вѣре множилось и чтоб то добро начатое дѣло в совершеніе привести бево всякие тщеты и въ людехъ бы иновѣрных не возбудить смятения и от Колского острогу не отогнать. А призвав их крестить, а за крещеніе велено давать великого Государя жалованья по два рубли человѣку да лготы в службѣ і въ тяглѣ на два года, а которымъ нарочатымъ давать и по полтретья и по три рубли человѣку да льготы года по полтретья и по три; да і впредь ево великого Государя жалованьемъ ихъ велено обнадеживать, чтоб на то смотря и інымъ иновѣрцомъ в православную християнскую вѣру повадно было приходить.

І в нынешнемъ во 190-м году апрѣля въ 25 де . . . . (точки въ текстѣ) государю ис Колского острогу столникъ і воевода . . . . (точки въ текстѣ) в нынешнемъ де во 190-м году ноября въ 5 де посылалъ онъ . . . . (точки въ текстѣ) соборные церкви попа Алексѣя Симонова да съ нимъ ис Колянъ посадцкого человѣка Өедку Михайлова сына Суслова въ Колской уѣздъ в окрестъ облежащие лопские погосты и велѣлъ ему священнику в тѣхъ лопскихъ погостехъ призывать иновѣрцовъ и ідолопоклонников в нашу благочестивую православную християнскую вѣру, а призвав ихъ велелъ у нихъ лопарей в погостех для поклонения святых икон поставить часовни.

І в нынѣшнемъ же во 190-м году февраля въ 22 де Колского острога попъ Алексѣй Симоновъ да колянинъ Өедка Сусловъ из уѣзду изъ лопскихъ погостовъ приѣхавъ подали ему за руками скаску, а что в которомъ лопскомъ погосте учинено и тому написалъ онъ священникъ Алексѣй своею рукою книги.

А в скаске попа Алексѣя и посадцкого человѣка Өедки Суслова написано:

Ноября въ 8 де по указу великаго Государя царя і великого князя Өедора Алексѣевича, всеа великия і малыя и бѣлыя Росиі самодержца, и по наказной памяті столника і воеводы Аверлакова ѣздили они въ Колской уѣздъ в окрестъ-облежащия лопския погосты для призывания иновѣрковъ и ідолопоклонниковъ и отступниковъ во благочестивую нашу православную християнскую вѣру. И бывъ де они въ тѣхъ погостехъ, указъ великого Государя лопарямъ сказывали и что въ которомъ погосте учинено и тому он священникъ написал . . . . (точки въ текстѣ)“. (Стр. 152, 153). (Продолженія нѣтъ).

каждый годъ въ день памяти святаго, съѣзжаются лопари къ мѣсту бывшаго Печенгскаго монастыря, на р. Печенгѣ, жертвуютъ изъ своего скуднаго имущества, кто что можетъ, даже самое дорогое для лопаря — оленей; масса разсказовъ и легендъ ходитъ въ устахъ лопарей о просвѣтительской дѣятельности преп. Трифона, показываютъ даже кресты, которые по мѣстному преданію святой ставилъ во время своей дѣятельности въ Лапландіи, когда онъ съ проповѣдью странствовалъ по лопарской землѣ. Воспоминанія о Печенгскомъ монастырѣ сводятся къ разсказамъ о тяжбахъ съ монахами и къ сравненію тягостнаго положенія прошлаго времени съ не менѣе тягостнымъ современнымъ положеніемъ лопаря.

Съ 1883 года Печенгскій монастырь сталъ возстановляться изъ своихъ развалинъ, на мѣстѣ перваго монастыря, основаннаго преп. Трифономъ, на р. Печенгѣ. Въ напечатанныхъ для собиранія пожертвованій листкахъ указаны и цѣли, которыя монастырь желаетъ преслѣдовать въ своей дальнѣйшей дѣятельности; монастырь будетъ стремиться помогать рыбопромышленникамъ, которые покидая свои села, приходятъ на цѣлое лѣто на берегъ Ледовитаго океана для производства лова, и содѣйствовать просвѣщенію лопарей, укрѣпленію ихъ въ вѣрѣ и уничтоженію суевѣрій. Въ случаѣ нужды онъ намѣренъ помогать имъ хлѣбомъ, въ которомъ лопари сильно нуждаются. Въ частной бесѣдѣ со строителемъ я узналъ, что предполагается устроить и мастерскія, какъ и въ Соловецкомъ монастырѣ, отъ котораго новый Печенгскій монастырь находится въ зависимости, слѣдовательно должны среди лопарей распространяться и ремесла. Цѣли, выдвинутыя новымъ монастыремъ могутъ возбуждать къ себѣ лишь сочувствіе и нельзя искренно не пожелать, чтобы онѣ не остались простыми pia desiderata, чтобы монастырь не пошелъ по стопамъ перваго Печенгскаго монастыря и не измѣнялъ своихъ цѣлей и направленія, какъ это сдѣлалъ его предшественникъ на той же почвѣ.

Я такъ долго остановился на исторіи Печенгскаго монастыря, потому что онъ имѣлъ существенное, хотя къ сожалѣнію и отрицательное дѣйствіе на жизнь лопарей многихъ мѣстностей русской Лапландіи. Естественно, что не съ однимъ монастыремъ приходилось сталкиваться лопарямъ. Имъ еще до устройства его пришлось познакомиться съ русскими и къ характеру этихъ столкновеній двухъ народностей я перехожу теперь, тѣмъ болѣе, что и современное положеніе лопаря, въ отношеніи его къ русскому, является лишь естественнымъ продолженіемъ того порядка вещей, начало которому было положено первыми насельниками Новгородцами. Относительно управленія Лапландіи мы имѣемъ лишь краткія и очень неточныя свѣдѣнія въ эпоху, предшествующую Московскому владычеству въ землѣ лопарей. Поселенія были, какъ и большинство въ настоящее время, временныя становища рыбопромышленниковъ. Не смотря на небольшое число новгородскихъ поселеній въ Лапландіи, она все-таки должна была считаться страною навсегда привязанной къ своей метрополіи. Съ XIII вѣка управленіе находится въ рукахъ выборныхъ новгородскихъ мужей, на обязанности которыхъ лежало и собираніе дани съ лопарей (т. н. даньщики) [1].

Вотъ почти все, что мы знаемъ о формахъ управленія новгородцами лопарской земли, въ судебномъ и административномъ отношеніяхъ. Но насколько этимъ управле-

1) Дергачевъ, стр. 70.

ніемъ уничтожалась самостоятельность древнихъ лопарскихъ старшинъ неизвѣстно. Вѣроятнѣе предположить, что въ виду отдаленности Лапландіи отъ Новгорода, трудности проникнуть въ глубину страны лопарей, многія взаимныя отношенія лопарей регулировались мѣстнымъ обычаемъ и старшины сохраняли, если и не въ полномъ объемѣ, то всетаки въ значительной степени свою древнюю власть.

Съ переходомъ подъ власть Московскаго Великаго Князя для лопарей начинается новый періодъ. Въ 1471 году Іоаннъ III объявилъ Лапландію страной, платящей дань великому Князю Московскому. Начиная съ этого времени лопари сами отвозятъ дань въ Москву [1]). Если въ смыслѣ собиранія дани лопари и освободились отъ происходившихъ при сборѣ злоупотребленій, то въ отношеніи суда дѣло повидимому стало хуже, чѣмъ раньше. По крайней мѣрѣ уже въ 1530 году лопари отдаленныхъ погостовъ жаловались въ Москву великому Князю, что къ нимъ пріѣзжаютъ пристава Новгородскихъ намѣстниковъ, сопровождаемые бѣдными людьми изъ Новгорода, большими партіями, иногда въ числѣ болѣе тридцати человѣкъ, берутъ по 10 рублей и больше отъ поруки и назначаютъ сроки для явки въ судъ въ дѣловое для лопарей время. Въ отвѣтъ на эту жалобу послѣдовала грамота, которую мы приводимъ дословно [2]). „Се язъ Князь Великій Василей Ивановичь всеа Русіи, пожаловалъ есмы въ своей отчинѣ въ Великомъ Новгородѣ, въ Воцкой пятинѣ, у Студенаго моря, отъ Каянскихъ Нѣмецъ съ рубежа, Лопь крещеную и не крещеную, Шуи рѣки Илейки Никитина сына. да Павлика Яковлева сына и пр. и во всѣхъ Лопнянъ мѣсто крещеныхъ и некрещеныхъ, зъ двусотъ съ полутретьицами луковъ, что мы били челомъ... А коли дьяки наши посылаютъ къ нимъ мои дани брати подъячихъ... и сроки имъ мечутъ стати въ Новгородѣ на Благовѣщеньевъ день... и тѣ подъячіе медовъ и винъ съ собой не возятъ, и сзывовъ не чинятъ и лишковъ не емлютъ“. Слѣдовательно эта грамота хоть до извѣстной степени умѣряла силу злоупотребленій тѣмъ, что назначала срокъ для явки къ суду, запрещала ввозъ внутрь страны хмельныхъ напитковъ, которыми и тогда еще, какъ это дѣлалось до послѣдняго времени и даже въ нѣсколько видоизмѣненной формѣ и въ настоящее время, спаивали лопарей для того, чтобы выманить у нихъ дорогіе мѣха за безцѣнокъ. Трудно, однако, предположить, чтобы эта грамота достигла своей цѣли: вѣроятно злоупотребленія продолжались, такъ какъ мы имѣемъ отъ болѣе поздняго времени рядъ указовъ, повторяющихъ запрещеніе ввозить спиртные напитки. Нѣкоторые изъ этихъ указовъ были вызываемы челобитьями самихъ лопарей. Въ грамотѣ 1606 года говорится: „питья къ нимъ въ лопскіе погосты, винъ и медовъ на продажу изъ Вел. Новгорода привозить не велѣно“. Тоже запрещеніе повторяется въ 1614, 1648 и 1650 годахъ. Наконецъ въ 1686 году снова повторяется это-же запрещеніе: „А... съ Олонецкаго и съ иныхъ кружечныхъ дворовъ, въ Лопскіе погосты съ виномъ и съ медомъ цѣловальникомъ ѣздить и тѣмъ убытковъ и разоренья лопскихъ погостовъ крестьянамъ чинить не велѣно“ [3]).

Что касается торговыхъ сношеній отдаленнаго времени, то и онѣ, повидимому, велись далеко не безукоризненно. Есть свидѣтельство о вооруженномъ столкновеніи рус-

---

[1]) Ibid. стр. 11.
[2]) Собр. Гр. и Дог. I № 158, стр. 436, см. также Дергачева.
[3]) А. И. V. № 140.

скихъ и лопарей; именно въ 1318 году, при горѣ Кепповара, когда побѣда осталась за лопарями [1]). Поводъ къ столкновенію неизвѣстенъ, но нѣтъ невѣроятнаго, что это столкновеніе было вызвано грабежомъ и вымогательствомъ русскихъ. Эту именно причину выставляетъ лопарское преданіе, сохранившееся въ средѣ лопарей много вѣковъ: оно записано у нихъ Гегстремомъ (XVIII в.); преданіе гласитъ слѣдующее: Пришли какъ-то русскіе и ограбили лопарей. Лопари убѣжали, но потомъ сошлись вмѣстѣ, въ большомъ числѣ, выбрали себѣ въ предводители старика-лопаря. Тотъ приказалъ лопарямъ свезти на гору большое число бревенъ, потомъ облить гору водой, чтобы она сдѣлалась скользкой. Затѣмъ лопари прорубили въ горѣ ступени и провели съ разныхъ сторонъ къ ней дорожки, чтобы побудить русскихъ придти къ этому мѣсту. Дѣйствительно русскіе пришли и стали взбираться на гору; лопари дали имъ взобраться до половины горы, но потомъ по приказанію старика, стали бросать въ нихъ бревна, которыя и сшибали русскихъ съ ногъ; упавшіе падали со скользской горы и разбивались о ледъ и камни. Побѣда осталась за лопарями. Сколько было убито—неизвѣстно; но когда русскіе ушли, оставивъ своихъ мертвыхъ на мѣстѣ, лопари собрали всѣ огнива, которыя они нашли у убитыхъ и стали нанизывать ихъ на тетиву луковъ и такимъ образомъ нанизали полными три съ половиной тетивы. Гора, съ вершины которой лопари одержали побѣду, была названа Кепповара (вара-гора), по имени предводителя русскихъ [2]). О томъ, какъ подчасъ торговыя сношенія переходили въ то время въ грабежи, видно изъ жалобы лопарей, которую передалъ царю патріархъ Никонъ. Лопари жалуются на посадскаго человѣка Василія Звягина, который завладѣлъ силой нѣсколькими, принадлежащими лопарямъ рѣками и ручьями; кромѣ того онъ билъ и наносилъ увѣчья лопарямъ; далѣе онъ вмѣстѣ съ стрѣлецкимъ пятидесятникомъ и шестью вооруженными людьми двинулся изъ Колы и сталъ грабить лопарей, отбирая у нихъ песцовъ, оленьи шкуры и сало, заставилъ ихъ, наконецъ, дать имъ самимъ-же написанную запись на рыбные промыслы и началъ промышлять рыбу. Въ этой-же жалобѣ лопари указываютъ и на то, что ихъ сильно обижаютъ государевы люди, ходящіе на промыслъ кречетовъ, берутъ съ нихъ кормы вдвое и втрое противъ положеннаго, лучшихъ оленей и все, что увидятъ, такъ что лопари хотѣли уже разбрестись въ разныя стороны, не будучи въ состояніи выносить такое насильство [3]). Такого рода поборы со стороны властей, посадскихъ, посланныхъ за кречетами и т. п. лицъ, конечно должны были отозваться тяжело на экономическомъ состояніи лопарей: они должны были съ каждымъ годомъ бѣднѣть подъ гнетомъ столькихъ неблагопріятныхъ условій. Если одна часть лопарей терпѣла много невзгодъ отъ Печенгскаго монастыря, то другая, свободная отъ ига монастырскаго, подпала подъ иго людей свѣтскихъ, которые ихъ эксплоатировали также безсовѣстно. Естественно, что хорошаго отъ такого положенія дѣла для лопарей ничего быть не могло и неудивительно, что лишь развращающее дѣйствіе могли имѣть и эти эксплоататоры, въ родѣ Василія Звягина и монастырь, который не съумѣлъ подняться выше ихъ и не менѣе ихъ также разорялъ и грабилъ лопарей.

---

[1]) Дергачевъ, I, 9.
[2]) P. Högström: Beschreibung des... Laplandes (Leipzig. 1748 г.), стр. 65—67.
[3]) З. И. Р. Г. О. т. VIII, стр. 13.

Такова въ самыхъ общихъ чертахъ исторія лопарей. Болѣе поздняго времени я пока не касаюсь, такъ какъ съ нимъ придется считаться и указывать на него неоднократно въ дальнѣйшемъ изложеніи; кромѣ того существеннаго для исторіи лопарей почти что ничего не было. Такіе факты какъ тотъ, что въ 1780 году Кола была наименована уѣзднымъ городомъ и въ 1858 г. Кольскій уѣздъ уничтоженъ и Кола стала считаться заштатнымъ городомъ, мало имѣли значенія для лопарей,—также мало, какъ и тотъ фактъ, что впослѣдствіи Кола возстановлена была снова въ своемъ прежнемъ значеніи уѣзднаго города; а факты вродѣ того, что въ 1792 г. въ Колу былъ присланъ комендантъ, а въ 1797 г. вмѣсто коменданта, былъ назначенъ городничій—уже никакого значенія для лопарей не имѣли. Имѣвъ въ виду сдѣлать лишь самый краткій очеркъ исторіи лопарей, я все-таки считаю необходимымъ остановиться подробнѣе на исторіи проведенія границы между Россіей и нашими сѣверными сосѣдями и уничтоженія недоразумѣній и несогласій, которыя возникали благодаря этой неопредѣленности границъ, такъ какъ это имѣло существенное значеніе для лопарей.

Завладѣвъ богатыми рыбой берегами, подчинивъ себѣ племя, платившее имъ дань дорогими мѣхами, найдя наконецъ въ Лапландіи хорошій рынокъ для сбыта своихъ произведеній, каждая изъ трехъ народностей, завладѣвшихъ Лапландіей, русскіе, шведы и норвежцы, старались завладѣть возможно большимъ пространствомъ, и вытѣснить своихъ сосѣдей. Такое положеніе дѣла вело неуклонно къ вооруженнымъ столкновеніямъ, и вотъ уже въ 1252 году мы встрѣчаемъ извѣстіе, что норвежскіе и русскіе лопари взаимно грабили другъ друга [1]). Это обстоятельство вызываетъ посольство Александра Невскаго къ норвежскому королю Гакону, въ Дронтгеймъ; посольство имѣетъ цѣлью принести жалобу Гакону на насилія, творимыя норвежцами надъ русскими корелами и лопарями. Результаты этого посольства намъ неизвѣстны. По мнѣнію Шегрена нѣкоторый свѣтъ на это можетъ пролить приводимая Карамзинымъ Двинская грамота великаго князя Андрея Александровича, въ которой между прочимъ сказано: „не ходити на Терскую сторону Новгородцемъ, и нынѣ не ходятъ; какъ пошло при моемъ отцѣ и при моемъ братѣ" [2]). Въ этомъ является какъ бы указаніе на границу Россіи. Эта же граница быть можетъ разумѣлась, по мнѣнію Шегрена, и въ договорѣ Новгородцевъ съ королемъ Магнусомъ 1326 г., договорѣ, который, однако, мало внесъ опредѣленнаго въ распредѣленіе границъ. Вотъ почему, начиная съ Іоанна IV, почти непрерывно идутъ споры о границахъ, которыя, однако, остаются все еще неопредѣленными. При Ѳеодорѣ Ивановичѣ и Борисѣ Годуновѣ переговоры о границахъ остаются безъ успѣха. По договору 1611 г. лопари, живущіе по верховьямъ Массельги и по озерамъ, уступаются Швеціи. По Столбовскому миру лопари, живущіе въ Россіи, обязуются платить Швеціи дань [3]).

Вслѣдствіе этой неопредѣленности границъ и появились такъ называемые двоеданные и троеданные лопари, т.-е. такіе, которые платили дань либо двумъ государствамъ, либо всѣмъ тремъ, смотря потому приходилось-ли имъ кочевать на территоріи двухъ го-

---

1) Карамзинъ IV, стр. 87.
2) Sjögren Gesammelte Schriften I., pp. 346, 347.
3) Дергачевъ I, стр. 68.

сударствъ или трехъ. Кромѣ того неопредѣленные участки подвергались посѣщеніямъ даньщиковъ всѣхъ трехъ государствъ.

Эта неопредѣленность границъ длилась до конца прошлаго столѣтія, когда начинаетъ предприниматься цѣлый рядъ заботъ для проведенія правильныхъ, разъ навсегда установленныхъ границъ. Въ 1784 году Екатерина II приказала означить линіи границы Архангельской губерніи съ норвежскими и шведскими владѣніями. Въ 1809 году, послѣ присоединенія Финляндіи, рѣшена часть задачи: была, именно, проведена граница Финляндіи, отъ устья рѣки Торнео, вверхъ до рѣки Коймисойву. Отъ Коймисойву до Ледовитаго океана граница оставалась по прежнему неопредѣленной. Поводомъ къ проведенію наконецъ точной границы послужило слѣдующее обстоятельство: въ 1822 году нѣсколько норвежскихъ солдатъ изъ Вардегуза высадились на берегу, принадлежавшемъ Пазрѣцкимъ лопарямъ, нарубили тамъ дровъ и возвратились обратно въ крѣпость. Лопари подали жалобу кольскому исправнику, прибавивъ, что этотъ фактъ не единственный, что лѣтъ десять тому назадъ начались подобныя похищенія и повторяются довольно часто, что кромѣ дровъ нерѣдко уводятъ оленей и овецъ.

Жалобы лопарей были доведены до свѣдѣнія шведскаго правительства, которое для разбирательства этихъ жалобъ послало въ мѣстечко Польмакъ, на рѣкѣ Танѣ, фохта изъ города Вадзё съ тѣмъ, чтобы онъ, вмѣстѣ съ исправникомъ, наказалъ виновныхъ. Фохтъ, однако, не дождавшись пріѣзда исправника, уѣхалъ изъ Польмака. Дѣло, такимъ образомъ, не кончилось, но повлекло за собой другія болѣе важныя событія: фохтъ получилъ жалобу отъ фильмановъ на русскихъ лопарей, а тѣ въ свою очередь жаловались на множество стѣсненій и обидъ, которыя имъ приходится выносить отъ фильмановъ [1]), которые со своими оленьими стадами переходили на землю и русскихъ лопарей, причемъ олени истребляли мохъ, не оставляя пищи для оленей русскихъ лопарей; норвежскіе лопари, занимающіеся рыболовствомъ, приходили ловить рыбу на тони русскихъ лопарей. Въ виду этихъ жалобъ норвежскіе лопари оправдывались тѣмъ, что земли, на которыхъ они кочуютъ именно около погостовъ Печенгскаго, Пазрѣцкаго и Нявденскаго принадлежатъ Норвегіи; береговая линія этихъ земель имѣла 150 верстъ длины, отъ Печенгской губы до начала Варангерфіорда. Шведское правительство предложило провести точную границу и линіей, отдѣляющей Скандинавскія владѣнія отъ русскихъ, сдѣлать Пазвигъ. Въ 1826 г. этотъ вопросъ былъ, наконецъ, рѣшенъ заключенной конвенціей между Россіей и Швеціей [2]).

Точнымъ опредѣленіемъ границъ былъ введенъ большій порядокъ управленія пограничными погостами, было уничтожено ненормальное явленіе,—слѣдствіе этой неопредѣленности границъ,—двоеданные и троеданные лопари, и съ другой стороны была окончательно проведена граница между обѣими группами лопарей, скандинавской и русской. Каждая изъ этихъ группъ, благодаря разнымъ условіямъ, успѣла еще раньше оффиціальнаго раздѣленія выработать свою физіогномію, воспринять вліяніе двухъ различныхъ

---

[1]) Фильманами называютъ русскіе лопари норвежскихъ, которые занимаются оленеводствомъ.
[2]) Сѣв. Об. I. 1849., стр. 157—160.

культуръ, отдѣлиться другъ отъ друга и по языку, и даже по образу жизни. Оффиціальное раздѣленіе лишь санкціонировало то, что было выработано въ предшествующіе вѣка.

Если бросить ретроспективный взглядъ на исторію лопарей, мы увидимъ, что обѣ группы, скандинавская и русская, имѣютъ почти сходную судьбу. Нѣкогда бѣдное племя оленеводовъ, лопари съ XIII вѣка подпадаютъ подъ власть корыстолюбивыхъ, ищущихъ лишь обогащенія новыхъ завоевателей. Съ этого времени начинаются всевозможныя злоупотребленія довѣрчивостью полудикаго лопаря, обираніе и опаиванье его. Заботъ о просвѣщеніи его для нѣкоторыхъ частей скандинавской Лапландіи дѣлается очень мало, для другихъ частей ея и для лопарей, находившихся въ зависимости отъ Новгорода, не дѣлается вовсе никакихъ. Миссіонерская дѣятельность въ предѣлахъ шведской Лапландіи не приводитъ, повидимому, ни къ какимъ результатамъ. Лишь съ XVI вѣка начинается забота объ ихъ просвѣщеніи и христіанство начинаетъ, вмѣстѣ съ грамотностью, проникать въ среду лопарей, при этомъ въ скандинавской Лапландіи совершается много ошибокъ, препятствующихъ распространенію просвѣщенія. Въ русской Лапландіи начатое такъ успѣшно дѣло обращенія лопарей въ христіанство и просвѣщеніе ихъ при помощи молитвъ и книгъ, переведенныхъ на лопарскій языкъ останавливается надолго, благодаря нерадѣнію и исключительно хищническимъ стремленіямъ Печенгскихъ братій, и въ то время какъ въ Скандинавіи сознаютъ эту ошибку и возможно скорѣе стараются ее поправить, въ Лапландіи русской эта ошибка не сознается вовсе и лопари и до сихъ поръ остаются почти всѣ безграмотными, понимаютъ христіанство лишь съ его внѣшней, формальной стороны; въ этомъ отношеніи они стоятъ гораздо ниже своихъ скандинавскихъ сосѣдей, которые теперь почти всѣ грамотны и на христіанство не смотрятъ какъ на простую обрядность.

Просвѣтительная дѣятельность, распространеніе христіанства и грамотности не освободили, однако, лопарей отъ эксплоататоровъ—напротивъ, даже скорѣе одно время содѣйствовали развитію эксплоатаціи. Въ русской Лапландіи онѣ повели даже къ закрѣпощенію за монастыремъ части лопарей. Эксплоатація эта продолжалась въ самыхъ возмутительныхъ формахъ до послѣдняго времени, когда, благодаря принятымъ мѣрамъ, она до извѣстной степени ослабилась, хотя еще далеко не уничтожилась.

Итакъ, начиная съ XIII вѣка, исторія лопарей не даетъ намъ ни одной свѣтлой страницы. Исторія лопарскаго племени есть вмѣстѣ съ тѣмъ исторія его обѣднѣнія и, если и были свѣтлыя минуты въ жизни этого заброшеннаго въ далекія арктическія страны народа, то онѣ были развѣ только до столкновенія его съ скандинавскими и русскими сосѣдями, въ эпоху доисторическую. Самыя счастливыя мѣстности Лапландіи, позже другихъ подпавшія подъ вліяніе своихъ сосѣдей и тѣ могутъ насчитать, по крайней мѣрѣ, полтысячелѣтіе постоянныхъ страданій.

Эта тяжелая жизнь, въ неблагопріятномъ климатѣ, среди неплодородной страны, въ постоянной борьбѣ съ природой давалась лопарямъ не легко; сосѣди старались стать въ число неблагопріятныхъ условій для развитія лопаря и, надо сознаться, заняли въ этомъ отношеніи первое мѣсто.

Лишь за послѣднее время какъ будто восходитъ новая заря въ жизни лопаря: все больше и больше, замѣчается заботъ объ его просвѣщеніи, объ огражденіи его отъ злоупотребленій. Нельзя не пожелать, что-бы эта заря новой жизни лопарскаго племени разраслась и полнымъ свѣтомъ разлилась надъ Лапландіей, освѣтила ее навсегда и дала возможность лопарямъ подняться изъ того тяжелаго положенія, въ которомъ они находятся благодаря столь многимъ тягостнымъ условіямъ, тяготѣющимъ надъ ними столь много вѣковъ.

III.

Очеркъ внѣшняго и матеріальнаго быта лопарей.

Внѣшность лопаря. Характеръ. Школьное образованіе. Вопросъ о вымираніи лопарей. Медицинская помощь въ Лапландіи. Пища лопарей. Одежда. Жилища. *Занятія лопарей*: олецеводство, охота, рыболовство. Перекочевки. Торговля. Извозничество и другія побочныя занятія русскихъ лопарей.

Послѣ окончательнаго размежеванія границъ между Россіей и Норвегіей оказалось, что на долю Россіи пришлось пространство около 2900 кв. м., населенное лопарями. Но собственно то пространство земли, которое носитъ названіе Лапландіи, нѣсколько меньше. Кольскій полуостровъ занимаетъ около 2600 кв. м. [1])—остальныя 300 кв. м. относятся къ Финляндіи, въ которой въ трехъ ея приходахъ проживаютъ лопари: именно въ Утейокки, Енаре и Уніониска [2]). Не смотря на огромное количество земли, доставшееся русскимъ, лишь мѣньшая часть лопарей живетъ въ предѣлахъ Россіи. Большинство же распредѣляется въ предѣлахъ Швеціи и Норвегіи.

Не смотря на то, что лопари близко жили къ своимъ сосѣдямъ норвежцамъ и шведамъ, свѣдѣнія о нихъ начинаются довольно поздно, причемъ сначала свѣдѣнія вполнѣ сказочныя—и это даже по отношенію къ ихъ внѣшности. Такъ еще въ концѣ XVIII столѣтія многіе вѣрили средневѣковой сказкѣ, что тѣло лопарей покрыто все косматыми, жесткими волосами, на подобіе дикихъ звѣрей; по инымъ лопари обладали лишь однимъ глазомъ, и Ацерби, бывшій въ Лапландіи въ $179^{8}/_{9}$ годахъ, считаетъ своимъ долгомъ указать, что подобныя мнѣнія о лопаряхъ не вѣрны [3]). Но, не касаясь этихъ сказокъ, точнаго опредѣленія внѣшности лопарей до послѣдняго времени не было. Путешественники, видя только часть лопарей, описывали ихъ внѣшность такъ, какъ она имъ представлялась, и, не дѣлая никакихъ правильныхъ наблюденій, не могли и дать какихъ-либо точныхъ свѣдѣній о лопаряхъ. Просматривая писателей, начиная съ XVII вѣка, которые въ своихъ сочиненіяхъ касаются внѣшности лопарей, поражаешься тѣми противорѣчіями, которыя встрѣчаются въ ихъ показаніяхъ; позволю себѣ привести нѣкоторыя изъ нихъ.

---

[1]) Friis. Russ. Lapland, стр. 361.
[2]) Дергачевъ, Арханг. Губ. Вѣдом. 1869. № 69.
[3]) Acerbi. Reise d. Schweden u. Finland, стр. 439.

Реньяръ, бывшій въ Лапландіи въ концѣ XVII вѣка, такъ описываетъ ихъ внѣшность: эти люди, говоритъ онъ, созданы совершенно иначе, чѣмъ остальные. Ростъ самыхъ высокихъ изъ нихъ не превышаетъ трехъ локтей и я не знаю лица болѣе способнаго возбудить смѣхъ. У нихъ большая голова, широкое и плоское лицо, раздавленный носъ, маленькіе глаза, широкій ротъ и густая борода, которая спускается до живота.... ноги развинчены, руки длинныя и вся эта маленькая машина двигается словно на рессорахъ [1]). Георги даетъ намъ совершенно другаго рода описаніе лопаря: росту они средняго, говоритъ онъ, почти у всѣхъ у нихъ видъ плоскій, щеки необыкновенно запалыя, глаза темносѣрые, борода жидкая, волосы русые, густые, прямые, а цвѣтъ въ лицѣ отъ воздуха, дыма и неопрятности изжелта-смуглый. Отъ суровой своей жизни бываютъ они сложеніемъ крѣпки, проворны и изгибчивы и притомъ и лѣности подвержены [2]). Не утомляя читателя подобнымъ приведеніемъ характеристикъ внѣшности лопаря, которыхъ также почти много, какъ и самихъ писавшихъ о лопаряхъ, я позволю себѣ привести слова покойнаго А. И. Кельсіева, который слѣдующимъ образомъ суммируетъ всѣ разнорѣчивыя данныя о внѣшнемъ видѣ лопаря: „Сопоставляя показанія ...... я встрѣтилъ, говоритъ онъ, разнорѣчія даже въ подробностяхъ наружнаго вида лапландцевъ. Напримѣръ, говоря о ростѣ, Мюллеръ утверждаетъ, что лопари кажутся низкими только отъ сопоставленія съ высокорослыми русскими поморами и норвежцами. Георги — что они имѣютъ ростъ средній; Линней, Пушкаревъ и Немировичъ-Данченко,—что они малорослы и, наконецъ, шведскій миссіонеръ Лестадіусъ,—что они пигмеи. Цвѣтъ кожи по Ацерби—темный, по Лестадіусу—желтый, по Немировичу-Данченко—мѣдно-красный. Волосы по Максимову—глянцевато-черные, щетинистые, неспособные улечься, по Линнею и Мюллеру—черные, по Семенову—темные, по Немировичу-Данченко—темнорусые, часто рыжіе, по Георги—русые, густые и прямые; Ацерби утверждаетъ, что у дѣтей головы брѣютъ и оттого волосы впослѣдствіи становятся вьющіеся. Глаза по Немировичу—красные, по Георги—темносѣрые" [3]). Вышеприведенныя слова А. И. Кельсіева наглядно рисуютъ намъ то противорѣчіе, которое существуетъ у писателей въ показаніяхъ о внѣшности лопарей, причемъ приводимые имъ писатели и изслѣдователи далеко не составляютъ и половины всѣхъ дававшихъ намъ въ своихъ сочиненіяхъ описаніе лопарей. Такое разнорѣчіе происходитъ по мнѣнію А. И. Кельсіева 1) „отъ недоброкачественности наблюденій" и 2) оттого „что 3000 человѣкъ, называемые лопарями, при одинаковости языка, имѣютъ по занимаемымъ ими мѣстностямъ совершенно разнообразную патологическую и физіологическую структуру и, вѣроятно, самое различное происхожденіе" [4]).

Дѣйствительно, наблюденій до послѣдняго времени не дѣлалось вовсе; всякій путешествующій писалъ то впечатлѣніе, которое на него производили лопари, а впечатлѣніе, не провѣренное наблюденіемъ, естественно, настолько субъективно, что разнорѣчія среди писателей являются вполнѣ понятными. Къ тому-же разнообразныя мнѣнія о

---

[1]) Regnard. Voyage de Laponie, стр. 35.

[2]) Георги. Описаніе. I, стр. 3.

[3]) Кельсіевъ. Докладъ о лопаряхъ въ Изв. Имп. Общ. Люб. Естествозн. т. XXVII. Антроп. Выст. т. I, 1878, стр. 111 и 112.

[4]) Ibid.

лопаряхъ объясняются еще тѣмъ, что впечатлѣнія записывались въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ Лапландіи шведской, норвежской и русской и затѣмъ качества, которыя были замѣчены въ одномъ какомъ-нибудь обществѣ, переносились на всѣхъ лопарей вообще. Наконецъ, еще одна причина—это неопредѣленность понятія цвѣтовъ, которые каждый понимаетъ по своему и подчасъ, быть можетъ, два человѣка, желавшіе сказать одно и тоже, говорили совершенно противоположное, именно благодаря этому, наприм.: волосы темные и волосы темнорусые.

Эта неопредѣленность и сбивчивость въ описаніи внѣшности лопарей были еще тѣмъ болѣе естественны, что то, что носитъ названіе антропологическихъ наблюденій въ то время не было вовсе извѣстно, когда же появилась и антропологія и надъ различными племенами антропологи стали дѣлать наблюденія, то ихъ вниманіе было обращено, наконецъ, и на лопарей. Наблюденія, совершенныя только этимъ правильнымъ способомъ надъ значительнымъ количествомъ особей, могутъ дать болѣе или менѣе точную характеристику племени, характеристику, въ которой не будутъ сказываться субъективные, подчасъ предвзятые взгляды изслѣдователей. Поэтому я считаю болѣе полезнымъ, не настаивая на томъ впечатлѣніи, которое произвели на меня лопари, во время моего пребыванія въ ихъ странѣ [1]),—для характеристики внѣшности лопарей взять выводъ, къ которому пришелъ А. И. Кельсіевъ послѣ своего путешествія въ Лапландію, выводъ, основанный на антропометрическихъ измѣреніяхъ надъ русскими лопарями различныхъ мѣстностей. Измѣренія были имъ произведены среди лопарей, живущихъ въ Моткѣ, Сонгелахъ, Масселыгѣ, Нотоверѣ, Ловозерѣ, Лумбовскомъ погостѣ, Сосновцахъ, Печенгѣ, Пазъ-рѣкѣ, Семіостровахъ, Барышихѣ, Каменкѣ, Экостровѣ, Іокангѣ, Еретикахъ, г. Колѣ и Тетретринѣ. Выводъ спеціалиста антрополога, основанный хотя бы лишь на 35 измѣреніяхъ живыхъ особей лопарскаго племени, все-таки даетъ гораздо больше вѣрныхъ данныхъ, чѣмъ впечатлѣніе личное путешественника. „Кровообращеніе лопарей, пишетъ А. И. Кельсіевъ, чрезвычайно медленное. Ростъ очень низкій, сокращенный на счетъ

---

[1]) Примѣч. Не совершая надъ лопарями антропометрическихъ измѣреній и лишь вглядываясь въ нихъ, я долженъ сознаться, что какого-нибудь опредѣленнаго типа среди лопарей я подмѣтить не могъ. Имѣя случай сталкиваться съ лопарями изъ Масселги, Экострова, Нотозера, Сонгелъ, Ловозера и Килдина, я встрѣчалъ самые разнообразные типы, вѣроятно слѣдствіе вхожденія разныхъ чуждыхъ элементовъ въ лопарскую кровь. Но среди этихъ разнообразныхъ лицъ и фигуръ какъ среди мужскаго, такъ и женскаго населенія, мнѣ удалось, какъ кажется, оттѣнить двѣ главныя группы, къ которымъ почти всѣ видѣнные мною лопари относились съ большимъ или мѣньшимъ приближеніемъ. Характерными чертами для каждой изъ этихъ группъ можно считать слѣдующія: типомъ первой будетъ лопарь роста чрезвычайно низкаго, съ плоскимъ лицомъ, вогнутымъ носомъ, широкими ноздрями, съ свѣтлосѣрыми широкими глазами; волосы обыкновенно либо русые, либо рыжеватые; рыжеватая борода ростетъ либо эспаньолкой, либо бываетъ окладистая и короткая. На щекахъ либо растительности совсѣмъ нѣтъ, либо скудная. Лице чаще круглое, рѣже заостренное. Представителемъ второй группы можетъ считаться лопарь роста выше средняго, съ правильнымъ овальнымъ лицомъ, прямымъ носомъ, съ глазами либо карими, либо темносѣрыми; волосы либо очень темнорусые, либо совершенно черные; борода длинная, окладистая, ровная, черная. У обѣихъ группъ общими признаками являются длинное туловище и короткія нѣсколько согнутыя ноги и круглая голова, что объясняется повидимому диффорнаціей черепа, о чемъ будетъ сказано ниже. Среди женскаго населенія—одна группа представляетъ свѣтловолосыхъ съ свѣтлосѣрыми глазами лопарокъ; у нихъ весьма часто длинные, густые волосы и коса часто доходитъ до таліи. Цвѣтъ лица, свѣжій у дѣвушекъ, портится у женщинъ отъ непосильной работы; роста онѣ средняго. Другая группа лопарокъ рѣже высокаго, чаще малаго роста, съ свѣтло или чаще темнорусыми, довольно рѣдкими и короткими волосами, съ темнымъ цвѣтомъ лица, съ карими, чаще сѣрыми глазами; женщину съ черными волосами мнѣ лишь разъ пришлось встрѣтить во время моего пребыванія среди лопарей.

ногъ. Туловище большое и по длинѣ, и по ширинѣ. Ширина лопарскихъ плечъ и обхватъ груди замѣчательно велики, талія и тазъ то-же шире нормальныхъ европейскихъ. Мѣстонахожденіе на туловищѣ сосковъ и пупка нормальное, хотя по короткости ногъ, относительно роста разумѣется, низкое. По той же причинѣ руки являются длинными низко свѣсившимися, съ длинными пальцами. Ноги сами по себѣ сформированы нормально, иногда кривы; чаще кажутся такими отъ массивной обуви и отъ походки въ перевалку съ наклономъ туловища впередъ. Величина туловища придаетъ лопарю видъ вообще крѣпкій, коренастый. Лопари въ большинствѣ случаевъ умѣренные брахицефалы. Головы ихъ круглы и очень круты. Волоса темно и свѣтло-русые, прямые, иногда волнистые, подстригаемые въ кружокъ. Волоса женщинъ рѣдко длиннѣе плечъ. Скулы весьма широки. Глаза прямые или косвенные, раздвинутые чрезвычайно далеко. Цвѣтъ ихъ сѣроватый, вѣки воспаленныя. Носъ широковатый, короткій, слегка вогнутый, вообще недурной. Ушныя отверстія высоки, потому лицевой уголъ очень остеръ. Губы тонкія, блѣдноватыя. Челюсти не выдаются и зубы прямы, правильны, слегка желтоваты, но чисты. Нижняя челюсть узка, длинна и заострена. Въ зрѣломъ возрастѣ пробиваются усы и эспаньолка; на щекахъ волосы не растутъ. Шея широкая. Цвѣтъ кожи бѣлый, какъ у русскихъ, на щекахъ румяность... Мужчины моложавы на видъ, сухопары, съ выраженіемъ лицъ грустными, но располагающими. Женщины очень благообразны, даже миловидны, держатся величаво и съ привѣтливостью“ [1]). Вотъ наиболѣе подробная, наиболѣе полная характеристика внѣшности лопаря, характеристика, основанная на антропометрическихъ наблюденіяхъ самого А. И. Кельсіева.

Ростъ на основаніи 20 наблюденій для мужчинъ—155,8 (2 арш. 3 вер.) въ среднемъ; для женщинъ на основаніи 10 наблюденій 145,6 въ среднемъ. Головной указатель по костнымъ мѣрамъ 81, 9 (по Елисѣеву 83—88) [2]). Выводъ сдѣланный А. И. Кельсіевымъ касательно роста подтверждается и измѣреніями, произведенными при наборѣ 1883 г.: 16 субъектовъ лопарей дали въ среднемъ ростъ въ 155, 8 [3]).

Но ошибся бы тотъ, кто думалъ бы приложить эту характеристику ко всѣмъ лопарямъ вообще. Приведенныя выше слова А. И. Кельсіева могутъ относиться только къ лопарямъ русскимъ—по отношенію къ скандинавскимъ онѣ мѣста не имѣютъ. Насколько лопари норвежскіе и шведскіе отличаются отъ русскихъ въ своемъ быту, настолько же отличаются они и по своей внѣшности.

Различіе быта, различіе исторіи обѣихъ группъ лопарей скандинавскихъ и русскихъ, сказалось и на ихъ антропологическомъ типѣ. Впродолженіе 300 лѣтъ со времени введенія христіанства въ Лапландіи — эти двѣ группы почти, что не сталкивались между собой: этому содѣйствовало, кромѣ дальности разстояній, еще и различіе въ вѣроисповѣданіяхъ. При той нетерпимости, которая господствовала въ древней Россіи ко всему чуждому православію, при томъ чураніи отъ всего „нѣмецкаго“ — неудивительно, что проповѣдники въ странахъ, какъ разъ пограничныхъ съ этими „нѣмцами“ — толковали

---

1) А. И. Кельсіевъ. Антропολог. оч. лопарей въ Изв. И. Общ. Люб. Естеств. т. XLIX вып. I. Антр. Выст. IV т. ч. I., стр. 24 и т. XXXV ч. I. вып. 4., стр 498.

2) Ср. характеристику Елисѣева. Путешествіе въ Скандинавію и Лапландію. Моск. В. 1886. № 68.

3) Д. Н. Анучинъ: О географическомъ распредѣленіи роста муж. нас. Россіи. Спб. 1889.

и лопарямъ о томъ, что общенія съ ихъ иновѣрными родичами быть не должно, что это тяжкій грѣхъ. Впослѣдствіи, вслѣдствіе наступившихъ новыхъ условій, эта религіозная замкнутость пала въ Россіи — но она осталась до сихъ поръ среди лопарей. Такъ напримѣръ А. И. Кельсіевъ передаетъ, что, если русскій лопарь побываетъ въ домѣ лопаря-протестанта, онъ ѣдетъ каяться въ этомъ грѣхѣ священнику [1]). При этой трехвѣковой разобщенной жизни, впродолженіе которой лопари находились подъ вліяніемъ самыхъ различныхъ агентовъ — смѣшивались съ различными народностями — что удивительнаго, если и быть, и ихъ внѣшность рѣзко разнятся другъ отъ друга. Антропологическія данныя по скандинавскимъ лопарямъ мы встрѣчаемъ отчасти у Дюбена, Эккера и, главнымъ образомъ, у Вирхова. Позволю себѣ для сравненія скандинавскихъ лопарей съ русскими привести тѣ выводы, къ которымъ пришли вышеупомянутыя лица.

Средній ростъ лопарей по Дюбену—150 центиметровъ [2]); у русскихъ лопарей по Кельсіеву—155,8, для женщинъ—145,6. Изъ 4-хъ лопарей, о которыхъ говоритъ Эккеръ, — двадцатилѣтній мужчина былъ ростомъ въ 153 цент., 17-тилѣтній лопарь—137 цент.; 24-лѣтняя женщина—142 цент., женщина 20-лѣтняя—144 цент.; такимъ образомъ средній ростъ равняется на основаніи этихъ четырехъ индивидовъ 144 цент. [3]) — слѣдовательно на 6 цент. ниже средняго роста, опредѣленнаго Дюбеномъ, что можетъ объясняться слишкомъ небольшимъ количествомъ измѣреній, которыя пришлось сдѣлать Эккеру. Вирховъ при измѣреніи имъ роста лопарей приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: въ одной группѣ (3 мужчины и 1 женщина) ростъ мужчинъ оказался —153, 161 и 153 цент.; въ среднемъ—155,7 цент. Ростъ женщины—139 цент. [4]) Въ другой группѣ (3 мужчины и 1 женщина) средній ростъ мужчинъ —138,2 ц.; ростъ женщины—144,5 ц. [5]). Двѣ первыя группы относились къ шведскимъ лопарямъ, третья—къ норвежскимъ; она состояла изъ 10-ти субъектовъ (4 мужч., 3 женщ., одного мальчика и 2 дѣтей); ростъ мужчинъ въ среднемъ далъ 151,1 у женщинъ—141,6 [6]). Горкъ на основаніи 9-ти измѣреній опредѣляетъ ростъ въ среднемъ 148,6 ц. [7]). Соединяя данныя о ростѣ для скандинавскихъ лопарей воедино получимъ въ среднемъ для мужчинъ—148,4, для женщинъ—141,7. Слѣдовательно скандинавскіе лопари въ среднемъ ниже русскихъ лопарей на 7,4 ц., а лопарки скандинавскія ниже русскихъ лопарокъ на 3,9 ц. Топинаръ опредѣляетъ ростъ лопарей въ 153,6 ц. [8]); къ сожалѣнію онъ не указываетъ количества измѣренныхъ субъектовъ, которыхъ, однако, повидимому, не менѣе 30. Принявши даже этотъ maximum роста скандинавскихъ лопарей все-таки окажется, что они ниже лопарей русскихъ. Что касается головнаго указателя, то одна изъ группъ изслѣдованныхъ Вирховымъ лопарей имѣла головной указатель—85,7; другая—86,9; третья—87 для мущинъ; для женщинъ: въ одной группѣ—88,2;

[1]) Извѣстія Импер. Общ. Любителей Естествознанія. Т. XXXV, ч. I, вып. 4. Антрополог. Выставка, т. III, ч. I, вып. 4, стр. 491.
[2]) A. Ecker Lappland u. die Lappländer, стр. 9.
[3]) Ibid.
[4]) Zeitschrift f. Ethnologie. VII. 1875.
[5]) Ibid.
[6]) Zeitschrift f. Ethnologie. XI. 1879.
[7]) Zeitschrift f. Ethnologie. VIII. 1876.
[8]) Антропологія Топинара. пер. подъ редак. Мечникова. Спб. 1879 г.

въ другой одна женщина—83,8 [1]). Монтегаца на основаніи измѣреній 91 субъекта получаетъ головной указатель равный — 87,6 [2]). Соединяя эти данныя, получимъ въ среднемъ головной указатель равнымъ — 86,8, (у русскихъ лопарей — 81,9). Слѣдовательно и здѣсь мы замѣчаемъ разницу между скандинавскими и русскими лопарями. Г. Елисѣевъ [3]) говоря, что у лопарей головной указатель отъ 83 — 88, замѣчаетъ: „такимъ образомъ лопари являются одними изъ самыхъ короткоголовыхъ людей земнаго шара". Но въ отношеніи короткоголовости лопари далеко не занимаютъ перваго мѣста. Среди киргизовъ, напр., мы изъ числа 160 субъектовъ видимъ, что 135 имѣютъ головной указатель, колеблющійся отъ 83—95, слѣдовательно—84,3% изъ общаго числа измѣренныхъ субъектовъ. Изъ этого числа —18 имѣло головной указатель равный 87; 18—88; 15—89; 7—90; 7—91; 2—92; и одинъ субъектъ имѣлъ головной указатель равный 95 [4]). Слѣдовательно киргизы въ отношеніи короткоголовости опередили далеко лопарей.

Не входя въ дальнѣйшія подробности отмѣчу, что Горкъ, дѣлавшій лично наблюденія надъ лопарями обѣихъ группъ, указываетъ на слѣдующія различія между русскими лопарями и скандинавскими: лицо у первыхъ, говоритъ онъ, имѣетъ въ общемъ русскій отпечатокъ; лобъ выше; ширина лица сравнительно съ высотой не такъ бросается въ глаза, какъ у лопарей скандинавскихъ. Глаза у русскихъ лопарей больше; рѣсницы и брови гуще, волосы на головѣ и въ бородѣ тоже. Цвѣтъ глазъ голубой, сѣрый и сѣро-голубой (у скандинавскихъ лопарей—исключительно карій и свѣтло-карій). Волосы темно-и свѣтло-русые; носъ длиннѣе и острѣе [5]).

Таковы выводы антропологовъ о внѣшности лопаря, какъ русскаго, такъ и скандинавскаго.

Изъ вышесказаннаго очевидно, что обѣ группы рѣзко отличаются другъ отъ друга и отождествлять ихъ въ настоящее время болѣе, чѣмъ опасно.

Указавъ на внѣшность лопаря, перейду теперь къ его характеру. Въ этомъ отношеніи придется встрѣтить еще больше разпорѣчій между путешественниками, такъ какъ опредѣлить характеръ какого-нибудь народа можно только при безстрастномъ и очень внимательномъ отношеніи къ нему. Опредѣленіе характера народа допускаетъ во всякомъ случаѣ еще больше, чѣмъ описаніе внѣшности, субъективнаго освѣщенія, благодаря которому, можно нарисовать портретъ внутреннихъ чертъ лопаря, иногда совершенно противуположный дѣйствительности.

Сколько ни было сдѣлано разнохарактерныхъ описаній внутренняго міра лопаря, трудно сказать, которое изъ нихъ ближе подходитъ къ дѣйствительности, и пожалуй, что вѣрнаго нѣтъ ни одного.

Всѣ мнѣнія о характерѣ лопаря, не смотря на все ихъ разнообразіе можно однако раздѣлить на двѣ группы: къ первой группѣ относятся писатели, которые видятъ въ лопарѣ хорошія качества по преимуществу; ко второй, которые видятъ въ немъ больше дур-

---

1) Zeitschrift f. Ethnologie. VII, XI. 1875 и 1879 гг.
2) Topinard. Eléments d'Anthropologie générale. P. 1875.
3) Моск. Вѣд. 1886. № 68.
4) Алексѣй Харузинъ: Киргизы Букеевской Орды. I, стр. 426.
5) Zeitschrift f. Ethnologie VIII 1876.

ныхъ, чѣмъ хорошихъ чертъ. Не раздѣляя въ дальнѣйшемъ изложеніи писателей по группамъ, я полагаю, что будетъ лучше мнѣнія ихъ изложить въ хронологическомъ порядкѣ и затѣмъ уже подвести итоги всѣмъ разнообразнымъ характеристикамъ.

Наиболѣе типичными являются слѣдующія: Шефферъ исчисляетъ черты характера лопаря въ слѣдующемъ порядкѣ: наклонность къ суевѣрію, любовь къ отечеству, отсутствіе воинственности, робость, подозрительность, стремленіе наносить тайно обиды, вспыльчивость, черствое отношеніе къ родителямъ, когда тѣ впадаютъ въ старость, развратъ, незнаніе въ ихъ средѣ воровства, хорошее отношеніе къ бѣднымъ, любовь къ чистотѣ, что заставляетъ ихъ прибѣгать часто къ омовенію рукъ и лица — и заключаетъ свою характеристику словами: они не совсѣмъ лишены ума, но также имѣютъ его въ извѣстной степени [1]). Но тутъ же онъ приводитъ и противорѣчивое мнѣніе Іоанна Торнея, долго жившаго среди лопарей, по мнѣнію котораго лопари къ родителямъ своимъ относятся съ должнымъ почтеніемъ „до того, что, когда они достигаютъ старости, дѣти не прекращаютъ заботиться о нихъ, но вплоть до ихъ кончины кормятъ ихъ“; далѣе относительно чистоплотности, Іоаннъ Торней говоритъ, что они грязны, такъ какъ рѣдко умываются, не причесываютъ себѣ головы. Шефферъ распространяется особенно на счетъ нѣкоторыхъ чертъ лопарей, подтверждая свои положенія примѣрами: о привязанности къ отечеству, онъ говоритъ, что лопари не выносятъ жизни внѣ своей страны, хвораютъ и умираютъ, если попадаютъ въ чужую страну, такъ какъ не выносятъ другаго неба, „ни чужой пищи, какъ и мы не выносимъ ихъ вяленой рыбы и сушенаго мяса“; и изъ сочиненія Олая (XVI в.) беретъ разсказъ, по которому посланные „Свѣтлѣйшему Князю Швеціи Стенону Стуре Младшему Герцогу Голстатіи Фридриху шесть сѣверныхъ оленей и два лопаря (мужчина и женщина) не вынесли чужой земли и скоро скончались“ [2]). Говоря объ отсутствіи воровства среди лопарей, онъ ссылается на рядъ авторовъ, держащихся того же мнѣнія, какъ-то: Бурея, І. Торнея, Вексонія, Олафа, и приводитъ извѣстный разсказъ о незапираніи лопарями своихъ дверей и т. д. Такова характеристика одного автора XVII вѣка. Другой Мартиньеръ, бывшій въ Лапландіи въ 40-хъ годахъ XVII столѣтія, говоритъ о лопаряхъ, что они глупы, необходительны и чрезвычайно склонны къ разврату, въ особенности женщины [3]). Гёгстремъ считаетъ лопарей недовѣрчивыми, завистливыми, упрямыми; вслѣдствіе незначительной причины поднимаютъ они другъ противъ друга свои ножи и топоры; хотя и мало примѣровъ, по словамъ автора, что дѣло доходило до убійства, но все-таки я полагаю, заключаетъ онъ, что въ нѣкоторыхъ лопарскихъ обществахъ случалось много тайныхъ убійствъ. Далѣе онъ отрицаетъ засвидѣтельствованное Шефферомъ доброе отношеніе лопарей къ бѣднымъ, такъ какъ они безсердечны и жестоки по отношенію къ нимъ, зная, что никакихъ услугъ они отъ нихъ получить не могутъ, хотя они и пускаютъ ихъ къ себѣ въ домъ и кормятъ ихъ [4]). Ацерби рисуетъ намъ лопаря слѣдующимъ образомъ: развратъ и нарушеніе супружеской вѣрности — пороки, которые крайне рѣдки среди лопарей, и воровство имъ мало извѣстно, или даже вовсе незнакомо; неизвѣстно имъ и ни-

[1]) Schefferus. Lapponia, p. 32—41.
[2]) Ibid. p. 34.
[3]) Martiniere: Voyage des pays septentrionaux.
[4]) P. Höström. Reschreibung des Lapplandes, стр. 169, 171.

щенство. Если кто-либо по старости, или слабости обѣднѣетъ, то остальные всѣ удовлетворяютъ его нуждѣ. Они пьянствуютъ и обманываютъ въ торговлѣ [1]).

Переходя къ XIX вѣку, отмѣчу характеристику Буха, который называетъ лопарей большими дѣтьми, мысли которыхъ не идутъ дальше ихъ оленей и удовольствія которыхъ ограничиваются минутною радостью. Не смотря на отвращеніе, которое питаютъ къ лопарю норвежцы, лопари относятся съ довѣріемъ къ пасторамъ, купцамъ, чиновникамъ, такъ какъ со стороны ихъ они меньше испытываютъ презрѣнія. Старики-лопари испорчены вслѣдствіе злоупотребленія водкой: онъ не двинется съ мѣста, если не увидитъ въ этомъ для себя выгоды. Что же касается молодежи лопарской, то Бухъ полагаетъ, что при умѣломъ и правильномъ развитіи тѣхъ добрыхъ качествъ, которыми лопарь обладаетъ, можно ихъ исправить отъ многихъ пороковъ [2]). Шубертъ, бывшій въ Лапландіи въ первую четверть этого столѣтія, рисуетъ намъ лопаря слѣдующими чертами: онъ говоритъ, что ничто не можетъ помѣшать его вѣчно веселому и радостному настроенію: лопари хохочутъ охотно и отъ души, что честность и вѣрность между ними—общая черта, что дѣти, хотя бы и взрослыя, сердечно любятъ своихъ родителей, что они избѣгаютъ клятвъ. Далѣе лопари, слѣдуя Шуберту, чрезвычайно умѣренны въ удовольствіяхъ, только не могутъ противустоять водкѣ, хотя въ будничную жизнь они не пьютъ водки. Невѣрность въ любви имъ почти неизвѣстна. Продолжая свою характеристику, авторъ указываетъ, что богатство они очень цѣнятъ; что они отличаются любопытствомъ; нѣсколько высокомѣрны и боязливы, но боязни духовъ и мертвецовъ у нихъ нѣтъ. Большія преступленія между ними рѣдки; рѣдко даже мелкое воровство. Болтливость особенно свойственна старымъ лопарямъ. Чистоплотность и любовь къ порядку развита у лопарей въ высшей степени, хотя непосредственно надѣваемая на тѣло одежда и распространяетъ противный, свойственный лопарямъ запахъ; это происходитъ отъ того, что одежду свою, какъ суконную, такъ и сдѣланную изъ оленьихъ шкуръ, они мѣняютъ рѣдко. Еженедѣльно лопарь чиститъ на огнѣ свою одежду изъ шкуры [3]). Кастренъ опять иначе изображаетъ намъ лопаря: по характеру, пишетъ онъ, это народъ лѣнивый, забитый, угрюмый. Его бранятъ за его завистливый, тяжелый и сварливый характеръ и за другія соединенныя съ нимъ качества, а хвалятъ за набожность, услужливость, гостепріимство, за богобоязненность и честность [4]). Въ другомъ мѣстѣ Кастренъ говоритъ [5]), что характеръ лопаря „можно сравнить съ ручьемъ, воды котораго текутъ такъ тихо, что не увидишь ихъ движенія. Встрѣтится-ли какое-нибудь большое препятствіе — ручей сворачиваетъ тихонько въ сторону и все-таки достигаетъ наконецъ своей цѣли, такъ и характеръ лопаря: тихъ, миренъ, уступчивъ; „любимое его слово миръ; миромъ онъ встрѣчаетъ васъ — миромъ и провожаетъ; миръ для него все. Онъ любитъ миръ, какъ любитъ мать вскормленное ею дитя“. Но тутъ же онъ прибавляетъ, что въ глубинѣ замкнутаго характера лопаря скрывается и хитрость, и осторожность, и недовѣрчивость — свойства, развитыя и у финляндцевъ,

1) Acerbi: Reise durch Schweden, стр. 442, 443.
2) L. de Buch. Voyage en Norvège. I 401, II 112, 113.
3) Schubert: Reise durch Schweden. II, стр. 275.
4) Этнограф. Сборникъ Имп. Русск. Геогр. Общ., вып. IV, 1858, ст. Кастренъ.
5) Кастренъ. Путешествіе въ Лапландію; въ Магазинѣ... 1860, стр. 89.

и у лопарей, по преимуществу у послѣднихъ. Георги характеризуетъ лопаря слѣдующимъ образомъ: „разумъ у нихъ обыкновенный, простонародный. Впрочемъ они миролюбивы... къ воровству не склонны, постоянны, въ обхожденіи веселы, но недовѣрчивы, въ торгахъ плутоваты, объ отечествѣ своемъ и общежительномъ устроеніи очень много думаютъ и столько, какъ опыми, такъ и самими собою плѣнены, что, будучи внѣ отечества, умираютъ больше отъ сокрушенія своего по родинѣ. Женщины ихъ росту малаго, ласковы, не развращенны, нарочито бываютъ пригожи и чрезвычайно пугливы, въ чемъ и мужчины имъ подобны, но не совершенно“ [1]). Одинъ изъ наиболѣе серьезныхъ изслѣдователей лопарей Дюбенъ говоритъ объ ихъ характерѣ слѣдующее: я вижу въ нихъ дикихъ дѣтей, съ этой наивной смѣсью доброты и злобы, простоты и ума, хитрости, чувствительности и безчувственности, деликатности и грубости, медлительности и живости, которая является характерной для лицъ, стоящихъ на примитивныхъ ступеняхъ развитія человѣчества [2]).

Таковы разнообразныя характеристики лопарей, характеристики, дѣлаемыя часто людьми, десятилѣтіями жившими среди лопарей. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что всѣ онѣ составлялись для лопарей скандинавскихъ и лишь характеристика Кастрена можетъ отчасти относиться и къ русскимъ лопарямъ. Что касается Георги, то онъ хотя и писалъ о лопаряхъ русскихъ, но за свѣдѣніями о нихъ обращался къ тѣмъ же шведскимъ источникамъ и поэтому примѣнить слова Георги къ русскимъ лопарямъ нѣсколько опасно. Что же касается до лопарей русскихъ исключительно, то наиболѣе подробныя и достовѣрныя характеристики будутъ тѣ, которыя сдѣланы о. Георгіемъ Терентьевымъ и А. И. Кельсіевымъ. Изъ этихъ двухъ лицъ первый, благодаря своему долгому пребыванію въ Лапландіи, имѣлъ случай и возможность наблюдать лопаря въ различныхъ положеніяхъ жизни, въ различномъ возрастѣ и близко познакомиться съ нимъ. А. И. Кельсіевъ, отправившійся въ Лапландію съ антропологическими цѣлями, обратилъ особое вниманіе на характеръ лопаря, такъ какъ сбивчивость и разнообразность характеристикъ поразили и его, какъ онѣ поражаютъ всякаго, проглядывавшаго писателей, передававшихъ намъ о лопаряхъ. На этихъ-то двухъ характеристикахъ я и позволю себѣ остановиться. По словамъ о. Терентьева характеръ лопаря представится въ слѣдующемъ видѣ: „Характеръ лопарей, пишетъ онъ, вообще смирный, даже раболѣпный, но довольно упрямый; на видъ простодушны, но всегда готовы на обманъ. Ссорятся межъ собою — дракъ и жалобъ не слышно; воровства довольно, убійствъ нѣтъ, вино любятъ до страсти, на обманъ ловки, въ вѣрѣ тверды, часовни и храмы посѣщаютъ, бѣднымъ подаютъ милостыню, въ несчастіи помогаютъ, старшихъ чтутъ, женъ любятъ, гостепріимны безъ разбору“ [3]). Характеристика А. И. Кельсіева какъ бы противорѣчитъ сдѣланной о. Георгіемъ Терентьевымъ; по словамъ Кельсіева: „лопари народъ честный, добрый, услужливый, гостепріимный и веселый, идеально кроткій и ласковый въ семейной жизни. Въ домѣ глава женщина, мужчина только работникъ и мужъ. Между ними не бываетъ ни преступленій, ни воровства.

[1]) Георги. Описаніе I, стр. 4.
[2]) Düben: La Laponie et les Lapons въ Congrès international des Sc. Géographiques. 1878, стр. 328.
[3]) А. Ефименко: Юридич. обычаи Лопарей. Записки Им. Рус. Геогр. Общ. VIII, 1878, стр. 18.

вино пьютъ, пьянству не предаются, табаку не курятъ..... Они слабы и лишены инициативы. Климатъ и бѣдность не дозволяютъ имъ быть чистоплотными и отъ русскаго лопаря исходитъ запахъ, обнаруживающій ихъ присутствіе. Лопари быстро теряютъ свои этнографическія особенности и русѣютъ“ [1]). Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ замѣчаетъ: „къ недостаткамъ лопарей надо отнести отсутствіе энергіи, инициативы, всякаго индивидуальнаго почина, нелюбовь къ труду, легкость примиренія съ бѣдностью и ея аттрибутами—виномъ, грязью и болѣзнями. Послѣ всего видѣннаго не могу себѣ представить почвы болѣе, чѣмъ эта страна, благодарной для дѣятельности евангельскаго проповѣдника и народнаго учителя“ [2]). Таковы обѣ характеристики русскихъ лопарей, составленныя людьми, внимательно относившимися къ своему дѣлу — но характеристики, противорѣчащія во многомъ одна другой. Причину этого кажущагося противорѣчія я постараюсь выяснить впослѣдствіи. Замѣчу здѣсь, однако, что эти характеристики, сдѣланныя исключительно для русскихъ лопарей, мало чѣмъ отличаются отъ характеристикъ, дѣлаемыхъ разными вышеприведенными авторами для лопарей скандинавскихъ.

Просматривая описаніе характера лопаря, мы, не смотря на всѣ разнорѣчія, можемъ, однако, усмотрѣть, что нѣкоторыя черты подмѣчены одинаково у всѣхъ авторовъ, на разстояніи вѣковъ жившихъ другъ отъ друга, производившихъ наблюденія въ разныхъ, далеко другъ отъ друга лежащихъ, мѣстностяхъ Лапландіи.

Къ этимъ качествамъ нужно отнести: робость, отсутствіе воровства, плутоватость въ торговлѣ, веселость и рядомъ съ ней нѣкоторую подозрительность, отсутствіе крупныхъ преступленій и любовь къ вину; разнятся лишь всѣ эти качества въ степени, въ которой ихъ замѣчалъ тотъ или иной авторъ, въ той или иной мѣстности. Эти качества и наклонности являются какъ-бы общими для всѣхъ лопарей, какъ скандинавскихъ, такъ и русскихъ, и, подмѣченныя 300 лѣтъ тому назадъ, мало измѣнились до настоящаго времени. Противорѣчія въ характеристикахъ объясняются также тѣмъ, что онѣ дѣлались въ различныхъ мѣстностяхъ, и тѣмъ, что писатели оттѣняли ту или другую сторону характера лопаря въ ущербъ другой, или подчасъ просто умалчивая объ той или иной чертѣ лопаря. Такъ хотя бы противорѣчія, встрѣчающіяся въ характеристикахъ Шеффера и І. Торнея относительно чистоплотности и почитанія родителей у лопарей, объясняются самимъ же Шефферомъ различіемъ мѣстъ наблюденія и, цитируя противорѣчивое мнѣніе Торнея, онъ оговаривается, что это можетъ быть вѣрнымъ для другой мѣстности Лапландіи. Кромѣ того, то неуваженіе къ родителямъ, о которомъ говоритъ Шефферъ, объясняется переживаніемъ далекаго прошлаго быта, изъ котораго лопари одной мѣстности могли выдти раньше, чѣмъ другіе ихъ соплеменники; тоже должно сказать и о противорѣчащихъ общему мнѣнію объ отсутствіи убійствъ и преступленій среди лопарей—словахъ Гёгстрёма, предполагающаго большое число убійствъ внутри лопарскихъ лѣсовъ. Труднѣе, повидимому, примирить извѣстія о томъ, что лопари склонны къ разврату, съ тѣми, которыя этотъ порокъ у лопарей отрицаютъ вовсе. Но если принять во вниманіе, что эта склонность къ

---

[1]) Извѣстія Имп. Об. Люб. Естествознанія т. XXXV, ч. I, вып 4. Антроп. выставка т. III, ч I, вып. 4, стр. 491.

[2]) Извѣстія Импер Общ. Люб. Естествознанія т. XLIX, вып. I; Антропологич. выставка IV ч. I, стр. 24.

разврату выражалась отчасти въ снохачествѣ, отчасти въ гостепріимномъ гетеризмѣ (на этомъ мнѣ придется остановиться впослѣдствіи), то, зная объясненіе того и другаго, слѣдуетъ допустить, что вліяніе христіанской проповѣди, или какихъ-нибудь условій было сильнѣй въ одной мѣстности, чѣмъ въ другой. Если вспомнить, что Лапландія страна огромная, что она просвѣщалась далеко не въ одинаковой степени, что различное вліяніе сосѣдей должно было сказываться и на характерѣ лопаря, что онъ часто даже заражался пороками своихъ покорителей--станетъ вполнѣ понятнымъ, почему характеристики, сходясь въ общемъ, расходятся въ частностяхъ. А въ виду того, что нѣкоторые авторы касались по преимуществу этихъ второстепенныхъ чертъ, мало или вовсе не освѣщая главныя черты характера лопаря, получались характеристики, которыя заставляли думать о лопарѣ совершенно превратно дѣйствительности.

Итакъ, откидывая тѣ качества, которыя являются не общими для всѣхъ лопарей, а лишь для извѣстной, подчасъ небольшой части ихъ,—мы должны будемъ признать, что вышеупомянутыя черты, именно: робость, отсутствіе или, по крайней мѣрѣ, рѣдкость воровства и крупныхъ преступленій, плутоватость въ торговлѣ, веселость, подозрительность и наклонность къ вину — являются характерными для лопаря, что эти черты общи безъ различія мѣстностей и для скандинавскихъ и для русскихъ лопарей. Но если это такъ, то чѣмъ объяснить противорѣчія въ самомъ народномъ характерѣ? Какъ примирить веселость и связанное съ нею добродушіе съ подозрительностью, отсутствіе воровства съ обманомъ въ торговлѣ? Мнѣ кажется, что тутъ придется отличать черты основныя лопарскаго характера и черты, такъ-сказать, наносныя, выработанныя вѣками, вслѣдствіе столкновеній съ сосѣдями. Такъ, напримѣръ, лопарь добродушенъ и веселъ въ отношеніи къ своимъ единоплеменникамъ и тѣмъ людямъ, съ которыми ему не приходится имѣть дѣло, какъ проситель, или продавецъ, или покупатель. Но онъ становится подозрительнымъ, сталкиваясь по дѣлу съ представителемъ чуждаго ему племени. Развѣ онъ не привыкъ, чтобы его обманывали и въ торговлѣ, и въ другихъ отношеніяхъ, что къ нему относятся съ презрѣніемъ, награждаютъ его обидными эпитетами, смѣются надъ нимъ и смѣются нерѣдко зло. Какъ не выработать себѣ при такихъ условіяхъ подозрительности. Воровствомъ онъ не занимается; не обкрадываетъ своего, но какже ему не обмануть человѣка, который неоднократно его уже обманывалъ въ торговлѣ, продавая ему плохой товаръ за хорошій, ставя безбожныя цѣны на самые простые предметы производства, обманывая его при счетѣ рыбы и т. д. и т. д. Шефферъ по поводу обмана лопарями въ торговлѣ понялъ причину этого и, говоря о способахъ, какими обманываютъ лопари при торговыхъ сношеніяхъ своихъ сосѣдей, вѣрно замѣчаетъ, что, „послѣ того, какъ ихъ стали обманывать, они, изъ боязни быть обманутыми, сами научились обманывать“ [1]). Наклонность къ пьянству, о которой говорятъ всѣ писатели о лопаряхъ, подмѣтившіе эту черту, въ большей или меньшей степени, у всѣхъ лопарей, объясняется также вліяніемъ сосѣдей. Опаиванье лопарей во время торговли, съ цѣлью выманить у добродушнаго лопаря дорогой товаръ за баснословно-дешевую цѣну—факты нерѣдко встрѣчавшіеся, породившіе массу разсказовъ и анекдотовъ, и вызывавшіе даже

[1]) Schefferus Lapponia, p. 177.

подчасъ законодательныя мѣры. Развѣ удивительно, что многовѣковыя старанія сосѣдей пристрастить лопарей къ крѣпкимъ напиткамъ увѣнчались успѣхомъ, и что, дѣйствительно, лопарь пьетъ при всякомъ удобномъ случаѣ и пьетъ пока не свалится — пьетъ подчасъ по нѣскольку дней [1]). Однако, было бы несправедливо думать, что пьянство среди лопарей развито до очень высокой степени. Дѣло въ томъ, что, дѣйствительно, лопари пьютъ чрезвычайно много, но за то пьютъ сравнительно рѣдко: лишь въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ семейной жизни (напр. при свадьбѣ, крестинахъ); затѣмъ лопари пьютъ и всякій разъ, когда пріѣзжаютъ въ Колу разсчитываться съ своими „хозяевами“, о чемъ подробнѣе скажу ниже; вслѣдствіе этого, если Лопарь напьется до пресыщенія въ Колѣ, то онъ ужъ долгое время, по цѣлымъ мѣсяцамъ не беретъ ни капли въ ротъ уже отъ того, что у него нѣтъ денегъ на покупку крѣпкихъ напитковъ. Наконецъ, что касается отсутствія воровства, о которомъ говорятъ почти всѣ писатели, то это фактъ несомнѣнный, и столь извѣстные разсказы о томъ, что лопари, уходя изъ дому, своихъ дверей не запираютъ, не знаютъ замковъ и для своихъ кладовыхъ, и если кладовыя стоятъ на деревьяхъ, то лишь для предохраненія ихъ отъ нападеній хищныхъ звѣрей — не сказки. Но нельзя съ другой стороны не признать и того, что въ иныхъ мѣстностяхъ „воровства довольно“. Но каково же это воровство? Если лопарь украдетъ у какого-либо русскаго или шведа что-нибудь изъ дома, то это случай исключительный, и дѣлаетъ это лишь тотъ, который уже испорченъ, благодаря своему сближенію съ сосѣдями. Обыкновенно же встрѣчается убійство и ловля другъ у друга оленей, но опять таки эти случаи рѣдки, пользуются этимъ способомъ обогащенія лишь очень немногіе, испорченные уже лопари.

Таковы хорошія и дурныя черты лопаря; хорошими сторонами онъ сталкивается съ своимъ братомъ и съ чужимъ, съ которымъ онъ не имѣетъ дѣловыхъ сношеній, — дурными съ тѣмъ, съ кѣмъ ему приходится сталкиваться по дѣлу. Поэтому такъ велико разногласіе между мнѣніями писавшихъ о лопаряхъ, о которыхъ тѣ, которые сталкивались съ ними по дѣлу, высказывали самыя нелестныя мнѣнія, и тѣ, которые встрѣчались съ ними какъ путешественники, передавали лишь похвалы. Отсюда и разнорѣчія въ характеристикахъ, сдѣланныхъ о. Георгіемъ Терентьевымъ и А. И. Кельсіевымъ. Первый мѣстный житель — второй ученый путешественникъ. Казалось бы, дѣйствительно, что мѣстные старожилы должны были лучше знать лопаря, что они, живя по нѣскольку лѣтъ среди нихъ, могутъ его лучше изучить, познакомиться съ нимъ всесторонне, тогда какъ путешественникъ, пробывая среди лопарей лишь два, три мѣсяца, при самомъ внимательномъ

---

[1]) Примѣчаніе. Однимъ изъ доказательствъ того, что распространеніе пьянства между лопарями происходитъ по крайней мѣрѣ въ русской Лапландіи, подъ вліяніемъ русскихъ, служатъ слова г. Михайлова. (Очерки природы и быта Бѣломорскаго края Россіи). Имъ замѣчено, что сильное пристрастіе къ пьянству имѣютъ лопари, живущіе въ погостахъ, близко лежащихъ отъ русскихъ селеній. По словамъ его, лопари дальніе водки не пьютъ и не будутъ пить, даже если имъ приказать; въ Массельгскомъ погостѣ лопарь, у котораго г. Михайловъ останавливался, отказался отъ предлагаемой ему водки и объявилъ, что онъ никогда и не пилъ ни вина, ни водки (Зап. И. Р. Геогр. Общ. VIII, стр. 53). Слѣдуетъ замѣтить, что таковыхъ лопарей едва-ли много въ русской Лапландіи въ настоящее время, такъ какъ всѣ научаются пить главнымъ образомъ въ Колѣ, во время разсчетовъ съ хозяевами; массельгскіе лопари въ этомъ отношеніи теперь не составляютъ исключенія, пріѣзжаютъ наравнѣ съ прочими лопарями въ Колу и пьютъ нисколько не меньше своихъ, живущихъ близъ русскихъ селеній собратьевъ. Прискорбныхъ фактовъ, доказывающихъ распространеніе пьянства среди лопарей, встрѣчаемъ съ каждымъ годомъ все больше и больше.

наблюденіи, можетъ вынести лишь поверхностный взглядъ на него; но не всегда это такъ весьма часто происходитъ какъ разъ наоборотъ, и путешественнику при наблюдательности легче отгадать характеръ изслѣдуемаго имъ народа; нерѣдко мѣстный житель не можетъ быть вполнѣ объективнымъ, не имѣетъ ни времени, ни возможности сталкиваться съ народомъ всесторонне и свои отношенія къ нему вести дальше отношеній дѣловыхъ, при которыхъ дурныя черты бросаются въ глаза больше. Путешественникъ же, сталкиваясь не по дѣловымъ, съ точки зрѣнія мѣстнаго жителя, отношеніямъ, не возбуждая подчасъ его подозрительности, можетъ усматривать черты характера народа ближе къ дѣйствительности, видѣть и хорошія его качества и, провѣривъ свое впечатлѣніе наблюденіемъ, можетъ дать болѣе вѣрную характеристику народа, тѣмъ болѣе, что онъ, чуждый мѣстнымъ интересамъ, можетъ совершенно объективно относиться къ изслѣдуемому народу. Спросите и теперь мѣстнаго жителя о характерѣ лопаря: похвалы вы не услышите — и не мудрено: мѣстный житель знаетъ лопаря только съ дурной его стороны. Повстрѣчайтесь съ лопаремъ сами, поговорите съ нимъ, всматритесь въ него—и вы вынесете самое хорошее о немъ впечатлѣніе. Поэтому мнѣ кажется, что обѣ характеристики—и о. Георгія Терентьева и А. И. Кельсіева — совершенно вѣрны, но обѣ односторонни. Первый рисуетъ лопаря такимъ, какимъ онъ является передъ посторонними лицами при дѣловыхъ отношеніяхъ; второй—такимъ, какимъ онъ среди своихъ и съ тѣми, кого онъ не боится, съ кѣмъ онъ не имѣетъ отношенія продавца къ покупателю или наоборотъ. Для вѣрнаго понятія о русскихъ лопаряхъ слѣдуетъ, на мой взглядъ, соединить эти два мнѣнія и тогда лопарь предстанетъ передъ вами въ своемъ настоящемъ видѣ съ его хорошими и дурными чертами, съ тою двойственностью, которая выработалась въ немъ, благодаря сосѣдямъ. Насколько я лично наблюдалъ характеръ лопаря, я предложилъ бы слѣдующую характеристику его: лопарь, на мой взглядъ, отъ природы робокъ, честенъ, добръ, простодушенъ, веселъ, хотя нѣсколько упрямъ; благодаря своимъ отношеніямъ къ сосѣдямъ и ихъ развращающему вліянію, онъ склоненъ къ обману въ торговлѣ, къ пьянству, хотя послѣдняя склонность и удовлетворяется имъ сравнительно лишь изрѣдка, и отчасти къ воровству, послѣднее лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ у лопарей вовсе уже испорченныхъ; эта послѣдняя склонность появилась сравнительно въ недавнее время; выработалъ онъ въ себѣ и подозрительность. Его природныя качества проявляются въ отношеніяхъ другъ къ другу, въ семьѣ, въ обществѣ, къ путешественникамъ — наносныя при столкновеніяхъ дѣловыхъ, почему путешественники о лопарѣ по преимуществу хорошаго мнѣнія, мѣстные жители—плохаго, и, повторяю, для изображенія вѣрной картины характера лопаря нужно всегда имѣть въ виду эту двойственность, эти два лица лопаря: веселое и добродушно улыбающееся всякому, отъ кого онъ не ждетъ обмана, и хмурое, подозрительное къ тѣмъ, которые, по мнѣнію его, могутъ его обмануть.

Таковъ въ общихъ чертахъ характеръ лопаря. Естественно, что по мѣстностямъ онъ видоизмѣняется, что та или другая черта развивается у него, благодаря различнымъ условіямъ, въ ущербъ другой; въ однѣхъ мѣстностяхъ пьянство можетъ быть сильнѣе развито, чѣмъ въ другихъ, въ одной мѣстности можетъ чаще встрѣчаться воровство, въ другой лопари честнѣе и т. д. Но это будутъ лишь частности. Основныя черты отъ этого нисколько не измѣнятся. Тоже слѣдуетъ сказать и о тѣхъ чертахъ, которыя явля-

ются побочными, а не основными его характера: въ однѣхъ мѣстностяхъ подъ вліяніемъ своихъ сосѣдей лопари чистоплотны, въ другихъ наоборотъ, въ иныхъ они склонны къ брани, въ другихъ брани не встрѣчается [1]). Тоже и о склонности ихъ къ разврату. Что касается такъ называемыхъ кольскихъ лопарей, то эта склонность у нихъ несомнѣнна; случаи нарушенія супружеской вѣрности у нихъ крайне часты и, не распространяясь здѣсь объ этомъ подробнѣе, отмѣчу, что въ ихъ пѣсняхъ случаи нарушенія супружеской вѣрности воспѣваются очень нерѣдко. Дергачевъ [2]) и Кельсіевъ приписываютъ даже вырожденіе чисто лопарскаго типа именно этому. „Нѣкоторые лопари, говоритъ Дергачевъ, особенно приморскихъ погостовъ совершенно потеряли свою туземную физіономію, такъ что лицомъ, ростомъ и тѣлосложеніемъ почти не отличаются отъ русскихъ поморовъ. Въ особенности это рѣзко бросается въ глаза въ погостахъ Вороcнежской волости на молодомъ поколѣніи"; это, по мнѣнію автора, объясняется „интимными отношеніями поморовъ къ лопаркамъ во время морскихъ промысловъ на мурманскомъ берегу". Этотъ фактъ и я могу подвердить по отношенію къ нѣкоторымъ лопарямъ, хотя и другихъ мѣстностей. Неоднократно приходилось встрѣчать лопарей и лопарокъ, изъ молодыхъ, менѣе всего, если можно такъ выразиться, похожихъ на лопарей: подчасъ, посмотрѣвъ на такого лопаря, убѣжденъ, что онъ поморъ, и лишь при разговорѣ обнаруживается, что онъ лопарь. Но этотъ именно фактъ нельзя, конечно, объяснять только развратомъ, такъ какъ я указывалъ уже выше, что въ лопаряхъ давно уже существуетъ примѣсь посторонней крови. Какъ бы то ни было, но лопари и лопарки прикольскихъ погостовъ высокой нравственностью не отличаются. Говоря вообще, можно много найти чертъ, которыя, являясь характерными для лопарей одной мѣстности, не могутъ быть относимы къ лопарямъ другаго погоста. Въ общемъ же, дѣйствительно, лопари подходятъ подъ названіе, данное имъ Леопольдомъ Бухомъ, что они „большія дѣти", и нельзя не согласиться съ А. И. Кельсіевымъ, что Лапландія одна изъ наиболѣе благодарныхъ странъ для дѣятельности евангельскаго проповѣдника и народнаго учителя, хотя до сихъ поръ еще въ этомъ отношеніи сдѣлано мало и очень мало для русскихъ лопарей.

Позволю себѣ кстати маленькое отступленіе, чтобы комментировать только что приведенныя слова Кельсіева и сказать нѣсколько словъ о положеніи проповѣди и просвѣщенія въ Лапландіи въ настоящее время. Это тѣмъ болѣе необходимо, что въ этомъ отношеніи за послѣднее время произошла большая перемѣна.

Что касается евангельской проповѣди, то отчасти читатели знакомы съ ходомъ ея въ русской Лапландіи изъ очерка исторіи лопарей. Недалеко еще то время, когда на всѣхъ лопарей, раскинутыхъ на такое большое пространство, какъ 2600 кв. м., считалось лишь три церкви: въ Колѣ, на Печенгѣ и на Пазъ-рѣкѣ. Вслѣдствіе этого лопари, вынужденные для посѣщенія церквей и исполненія таинствъ ѣздить за нѣсколько десят-

---

[1]) Отмѣчу тотъ оригинальный фактъ, что лопари при брани употребляютъ, по преимуществу, русскія ругательства, которымъ они научились отъ колянъ, не особенно, говоря вообще, стѣсняющихся въ выборѣ выраженій при брани. Сколько мнѣ ни приходилось видѣть ссорящихся лопарей, рѣчь ихъ лопарская такъ и пестрѣла русскими бранными словами.

[2]) Подроб. опис. Лоп зем. Арханг. Губ. Вѣд. 1869. № 75.

ковъ верстъ, а иногда и за сотню верстъ, посѣщали церкви крайне рѣдко, сохраняли и свои языческіе обычаи и обряды и, если и принадлежали къ лону православной церкви, то лишь номинально, оставаясь въ душѣ язычниками и лишь формально соблюдая правила церкви. Во многихъ погостахъ дѣйствительно имѣлись и имѣются часовни, въ которыя опредѣленное число разъ въ году заѣзжалъ священникъ, который исповѣдывалъ и причащалъ лопарей, совершалъ таинства брака и крещенія. За свои труды священникъ получалъ ругу—добровольное приношеніе отъ лопарей, обыкновенно состоящее изъ рыбы. Лопари къ этимъ наѣздамъ относились не совсѣмъ дружелюбно, такъ какъ каждый такой пріѣздъ, даже въ томъ случаѣ, если не позволялось по отношенію къ лопарямъ никакихъ злоупотребленій, все-таки обходился имъ очень дорого; они старались обманывать пріѣзжихъ священниковъ, доставляя имъ въ качествѣ руги плохую, подчасъ никуда негодную рыбу. Слѣдствіемъ этого нѣкоторые священники, какъ мнѣ передавали въ Колѣ, прежде, чѣмъ приступить къ совершенію требъ, объявляли лопарямъ, что они требы будутъ совершать лишь послѣ полученія опредѣленнаго количества руги; лопари старались, конечно, дать плохую рыбу, но пріѣзжіе ея не принимали и отказомъ въ требахъ, въ случаѣ неотдачи порядочной рыбы, доводили лопарей все-таки до того, что рыбу они давали порядочную. По принесеніи опредѣленнаго количества руги священникъ и приступалъ къ совершенію требъ. Зная незавидное положеніе священниковъ многихъ глухихъ уголковъ Россіи, нельзя видѣть въ подобныхъ поступкахъ нѣкоторыхъ изъ священниковъ неизвинительныхъ злоупотребленій, но все-таки такого рода дѣйствія заставляли лопарей смотрѣть на пріѣзжихъ проповѣдниковъ недружелюбно; это было для нихъ повинностью тяжелой, непріятной, но повинностью необходимой. При такихъ условіяхъ и отношеніе къ слову Божію не могло идти дальше исполненія той же повинности. Священники научали лопарей молитвамъ, что давалось нетрудно, благодаря тому, что большинство русскихъ лопарей изъясняется по-русски,—но къ слѣдующему пріѣзду большинство лопарей успѣвало уже забыть ихъ. Лишь немногіе сохраняли выученное въ памяти и то подчасъ передѣлывали молитву по своему. Такъ напримѣръ, одинъ лопарь прочелъ мнѣ извѣстную молитву „Богородице, дѣво....“ слѣдующимъ образомъ: „Богородица дѣва радуйся. Обрадованная Марья Господь тебѣ. Благословенная ты жена“ и т. д.

Однимъ словомъ миссіонерская дѣятельность и дѣло просвѣщенія христіанствомъ лопарей до самаго послѣдняго времени стояли на самомъ низкомъ уровнѣ развитія. За послѣднее время оно двинулось нѣсколько впередъ, хотя для нѣкоторыхъ частей Лапландіи оно продолжаетъ оставаться въ прежнемъ положеніи. Современная дѣятельность просвѣщенія христіанствомъ выражается главнымъ образомъ пока лишь въ томъ, что число церквей въ Лапландіи увеличивается. Церкви существуютъ и въ Нотозерскомъ погостѣ и въ Ловозерскомъ; поговариваютъ о постройкѣ церкви въ погостѣ Массельгскомъ. Новыя церкви, не смотря на краткое свое существованіе, уже успѣли принести нѣкоторые плоды на новой почвѣ: суевѣрія лопарей и языческіе обряды уступаютъ съ каждымъ годомъ все больше передъ вновь проникающимъ къ нимъ свѣтомъ. Слѣдуетъ, конечно, ожидать еще большихъ плодовъ отъ новыхъ церквей для юной паствы, подъ условіемъ, чтобы существованіе церквей не ложилось тяжелымъ бременемъ на лопарей, чтобы призванные къ проповѣди христіанства въ средѣ полудикаго народа пастыри честно и съ любовью

исполняли свое дѣло, относясь къ нему не какъ къ исполненію тяжелой, скучной обязанности, а со всей силой любви къ дѣлу необходимой на томъ поприщѣ на которомъ они призваны работать.

Дѣло образованія стояло еще хуже до послѣдняго времени, чѣмъ дѣло проповѣди. Если первыя сѣмена просвѣщенія при помощи переведенныхъ молитвъ и, по преданіямъ, даже книгъ, посѣяны были просвѣтителями лопарей пр. Трифономъ и Ѳеодоритомъ, то онѣ давно уже успѣли заглохнуть совсѣмъ впродолженіе трехъ вѣковъ, въ которые для просвѣщенія лопарей ничего не дѣлалось. Дѣйствительно, въ Колѣ существовала и существуетъ школа, въ которой обучаются дѣти колянъ и въ которую имѣютъ доступъ и дѣти лопарей. Но неохотно отдаютъ лопари своихъ дѣтей въ школу и не оттого, чтобы они чурались грамотности, а вслѣдствіе того, что кольская школа слишкомъ отдалена отъ лопарскихъ погостовъ, если не считать Кильдинскаго, самаго близкаго къ Колѣ, отстоящаго отъ нея въ 13-ти верстахъ, — и оттого, что, оставивъ своего сына въ Колѣ, лопарь долженъ платить за его содержаніе, что обременительно ложится на постоянно бѣдствующаго и бьющагося въ долгахъ лопаря. Бывало такъ, что въ школѣ училось одинъ или два лопарскихъ мальчика; не всегда и это незначительное число учениковъ изъ лопарей оканчивало курсъ. По свѣдѣніямъ г. Дергачева, за періодъ отъ 1857—1867 г. обучалось грамотѣ въ школѣ г. Колы всего лишь 3 мальчика и одна дѣвочка. Однимъ словомъ, нужно сознаться, что кольская школа для лопарей имѣла очень мало значенія и если, быть можетъ, и принесла пользу нѣсколькимъ лопарскимъ дѣтямъ, посѣщавшимъ ее, то эта польза распространялась на такое незначительное число лопарскихъ дѣтей, что никакого значенія на распространеніе грамотности она имѣть не могла. Въ виду такого печальнаго положенія дѣла просвѣщенія лопарей грамотностью, нельзя искренно не привѣтствовать новую эру, которая, благодаря устройству школъ возникла для Лапландіи.

Справедливость требуетъ замѣтить, что еще до возникновенія оффиціальныхъ школъ въ русской Лапландіи дѣлались нѣкоторыя попытки для обученія лопарей грамотѣ. Такъ, по распоряженію губернатора Качалова, священники завели у себя училища. У извѣстнаго о. Георгія Терентьева было десять учениковъ изъ нотозерскихъ лопарей. Онъ училъ ихъ, между прочимъ, и пѣнію. Это въ особенности располагало лопарей въ пользу грамотности: возвращаясь домой, мальчики учили своихъ сородичей молитвамъ. Къ сожалѣнію, однако, немного спустя послѣ своего возникновенія, это полезное дѣло заглохло окончательно: такъ, уже въ началѣ 70-хъ годовъ у священниковъ не обучалось ни одного мальчика [1]).

Болѣе удачной оказалась попытка, сдѣланная о. Константиномъ Щеколдинымъ въ дѣлѣ обученія лопарей въ Пазрѣцкомъ погостѣ: съ начала 1886 г. о. Константинъ Щеколдинъ „рѣшился по звуковому способу выучить лопарскихъ дѣтей самымъ употребительнымъ молитвамъ, чтобы они ихъ правильно читали и пѣли; онъ при каждомъ удобномъ случаѣ собиралъ дѣтей въ одно мѣсто, произносилъ слова молитвы—дѣти повторяли вслѣдъ... Дѣти учили съ большимъ вниманіемъ, и всѣхъ дѣтей теперь (въ 1886 г.) въ Пазрѣцкомъ погостѣ, которыя знаютъ молитвы, 24 человѣка. Они, выучивъ молитвы, обучаютъ

---

[1]) Др. и Нов. Россія, 1875, № 8, стр. 364, 366.

и взрослыхъ... Съ изученіемъ молитвъ, дѣти пріучаемы были и къ пѣнію"[1]). Этой послѣдней попыткѣ къ счастью не суждено было заглохнуть, такъ какъ черезъ два года послѣ этого на Пазрѣкѣ возникаетъ уже лопарская школа.

Заимствуемъ изъ „Московскихъ Вѣдомостей" (1889 г., № 70) свѣдѣнія о вновь открывающихся школахъ въ предѣлахъ лопарской земли. 8-го февраля 1888 г. настоятелемъ русской пограничной церкви Свв. Бориса и Глѣба, священникомъ о. Константиномъ Щеколдинымъ „совмѣстно съ строителемъ Печенгскаго монастыря, іеромонахомъ Никандромъ, была освящена, построенная по распоряженію оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, первая церковно-приходская школа для дѣтей Пазрѣцкаго лопарскаго погоста". Эта церковь, постройка которой относится ко временамъ препод. Трифона, находится на р. Пазѣ, служащей русской границей съ Норвегіей; церковь бѣдная, почти разрушенная сохранилась до настоящаго времени. „Въ 1870 году посѣтилъ полярныя страны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, Пазрѣку Его Императорское Высочество Великій Князь Алексій Александровичъ. Онъ былъ пораженъ убогимъ видомъ стоящаго на самой границѣ иностраннаго государства, ветхаго храма, построеннаго 300 лѣтъ назадъ руками лопарскаго апостола, преп. Трифона. По настоянію Великаго Князя, рядомъ съ этимъ ветхимъ храмомъ была сооружена прекрасная церковь, при которой тогда же былъ учрежденъ постоянный причтъ. Потомъ возникла мысль объ основаніи для пограничныхъ лопарей церковно-приходской школы. Въ 1887 году, по сношенію Министерства Иностранныхъ Дѣлъ съ оберъ-прокуроромъ Св. Синода, мысль о постройкѣ школы получила осуществленіе. Школу рѣшено построить въ зимнемъ лопарскомъ погостѣ, верстахъ въ 40 отъ пограничной церкви Свв. Бориса и Глѣба, на берегу рѣки Колосъ-Іоки, впадающей въ Кучь-озеро, которое, въ свою очередь, широкою струей соединяется съ рѣкой Пазой". Нельзя не отнестись съ особеннымъ сочувствіемъ къ тому, что мѣсто для школы было выбрано, именно, въ лопарскомъ зимнемъ погостѣ, а не около церкви. Представляя большія неудобства для преподавателя, которому приходится ѣхать такъ далеко для обученія лопарей, близость школы къ погосту имѣетъ для лопарей огромное преимущество. Имъ не приходится тратить на содержаніе дѣтей въ чужой сторонѣ, вдали отъ себя, что приходилось неизбѣжно дѣлать тѣмъ немногимъ родителямъ-лопарямъ, которые имѣли возможность отдавать своихъ дѣтей въ кольскую школу. Такимъ образомъ тѣ препятствія, которыя тормовили дѣло распространенія грамотности среди лопарей, уничтожены постройкой школы при погостѣ. Лопари, кочующіе впродолженіе весны, лѣта и осени съ одной рыболовной тони на другую, живутъ зимой осѣдло въ такъ называемыхъ, зимнихъ погостахъ, слѣдовательно, имѣютъ своихъ дѣтей, обучающихся въ школѣ всегда на глазахъ у себя. Это выгодное положеніе школы тотчасъ же сказалось на количествѣ учениковъ: въ настоящее время въ этой школѣ помѣщается 17 дѣтей отъ 8 до 14-лѣтняго возраста (мальчиковъ и дѣвочекъ). Огромный процентъ для малолюдной Лапландіи, въ особенности, если принять во вниманіе, что ученики приходятъ изъ Пазрѣцкаго погоста. Одинъ мальчикъ, сообщаютъ далѣе „Московскія Вѣдомости", взятъ на счетъ священника изъ Норвегіи, гдѣ въ погостѣ

---

1) Гражданинъ, 1886, № 77.

Нявдемѣ, около ветхой часовни (по преданію также построенной преп. Трифономъ) живетъ нѣсколько православныхъ лопарскихъ семействъ. При врожденной впечатлительности и воспріимчивости лопарей ученіе идетъ успѣшно и бойко. При устройствѣ школы важнымъ является и ея постройка: повидимому, и съ этой стороны школа удовлетворяетъ требованіямъ: она помѣщается въ высокомъ сосновомъ домѣ (14 вѣнцовъ).

Зная энергію и любовь къ дѣлу о. Константина Щекалдина, нельзя сомнѣваться въ успѣшномъ распространеніи грамотности среди лопарей Пазрѣцкаго погоста. Большое количество учениковъ, сразу наполнившихъ пазрѣцкую школу, краснорѣчиво доказываетъ, что лопари не чуждаются просвѣщенія, не бѣгутъ грамотности, не боятся отдавать своихъ дѣтей въ школу. Если же они до сихъ поръ оставались безграмотными, то лишь отъ того, что впродолженіе 300 лѣтъ для просвѣщенія этого забытаго въ полярной странѣ народа ничего не было сдѣлано. Неспособностью къ воспріятію грамотности невѣжество лопарей до настоящаго времени, повидимому, объяснить также нельзя, такъ какъ лопари отличаются впечатлительностью и воспріимчивостью и доказали это во вновь построенной Пазрѣцкой школѣ.

Вопросъ о просвѣщеніи лопарей, разрѣшенный прежде всего для пограничной Пазрѣки, начинаетъ рѣшаться и для внутреннихъ погостовъ русской Лапландіи. Съ 14-го января 1889 г., какъ сообщаютъ „Московскія Вѣдомости", началось обученіе грамотѣ въ только-что освященной второй церковно-приходской лопарской школѣ, въ Нотозерскомъ приходѣ, Кольскаго уѣзда. Въ непродолжительномъ времени предвидится открытіе еще одной лопарской школы — по счету уже третьей — у лопарей Кильдинскаго погоста. Результаты открытія Нотозерской школы намъ пока неизвѣстны, но слѣдуетъ надѣяться, что и она, какъ и школы, имѣющія быть открытыми, принесутъ пользу лопарскому населенію. Нельзя не пожелать, чтобы столь успѣшно начатое дѣло просвѣщенія лопарей развивалось и росло дальше, крѣпло и пускало все глубже и глубже корни въ молодую, оставленную такъ долго безъ вниманія, почву. Среди мѣръ, которыя могутъ послужить къ поднятію лопарей изъ того положенія, въ которомъ они находятся, одной изъ главныхъ является просвѣщеніе.

Сдѣлавъ это отступленіе, перейду къ вопросу о количествѣ населенія. Прежде, однако, позволю себѣ коснуться въ немногихъ словахъ вопроса объ употребленіи лопарями табаку, какъ вопроса, относительно котораго мы встрѣчаемъ также много противорѣчивыхъ данныхъ.

Часто приходится встрѣчать у того или иного писателя, что лопари не разстаются съ своей трубкой, что курятъ даже всѣ женщины. Эти свѣдѣнія, относившіяся къ шведскимъ и норвежскимъ лопарямъ, ошибочно переносились и на русскихъ лопарей. Меня поражало при встрѣчѣ съ лопарями, что курящихъ и нюхающихъ изъ нихъ было очень мало, а изъ женщинъ я лишь одну видѣлъ курящую. Дѣйствительно, на основаніи свѣдѣній, собранныхъ А. И. Кельсіевымъ, оказывается, что употребленіе табаку крайне мало распространено среди лопарей: „употребленіе табаку не одинаково по погостамъ... Въ.. Печенгѣ, Пазрѣкѣ, Сонгелѣ и Нотозерѣ лопари.... не курятъ, не нюхаютъ и даже не выносятъ табачнаго запаху[1]). По направленію къ востоку употребленіе табаку усили-

[1]) Въ настоящее время только что приведенныя слова А. И. Кельсіева имѣютъ лишь относительное значеніе: въ восемь лѣтъ произошла перемѣна и теперь нотозерцы и сонгельцы курятъ, хотя далеко большее число жителей некурящихъ.

вается. Въ Ловозерѣ курятъ и нюхаютъ человѣка 2—3. Много нюхаютъ въ Семиостровскихъ погостахъ и табакъ приближаютъ къ носу не пальцами, а особой костяной или жестяной ложечкой. Въ Поноѣ только 5 человѣкъ не курятъ. Въ Іоканьгѣ курятъ всѣ мужчины и даже двѣ женщины. Въ Лумбовскомъ точно также употребляли много табаку, но недавно бросили и теперь тамъ никто не нюхаетъ и не куритъ [1])". Что касается между прочимъ лопарей, живущихъ въ погостахъ Массельга и Бабенгскомъ, то, насколько я могъ замѣтить, употребленіе табаку у нихъ распространено, причемъ курятъ больше, чѣмъ нюхаютъ; точныхъ данныхъ собрать мнѣ не удалось. Чѣмъ объясняется употребленіе табаку въ одномъ погостѣ болѣе, чѣмъ въ другомъ — рѣшить довольно трудно. Быть можетъ то, что лопари, живущіе по близости къ становищамъ рыбопромышленниковъ курятъ больше своихъ отдаленныхъ отъ становищъ собратій—объясняется вліяніемъ поморовъ на своихъ сосѣдей лопарей; но тогда чѣмъ объяснить куреніе лопарей, живущихъ въ далекомъ разстояніи отъ русскихъ напр. лопарей Бабенгскаго погоста.

Сдѣлавъ краткую характеристику лопаря, слѣдуетъ указать на численность этого заброшеннаго на далекій сѣверъ племени. Въ сущности точныхъ свѣдѣній о численности лопарей нѣтъ, по крайней мѣрѣ, для русской Лапландіи. Существуютъ лишь отрывочныя данныя и притомъ данныя далеко не точныя. Вслѣдствіе этой-то сбивчивости свѣдѣній появились и разнорѣчивые толки по вопросу о томъ: вымирающее-ли племя лопари или нѣтъ? И большинство лицъ, занимающихся лопарями, придерживается взгляда, что лопари силъ выжить не имѣютъ, что это племя рано или поздно вымретъ, какъ вымерло до него не одно инородческое племя, попавшее подъ вліяніе своихъ болѣе сильныхъ сосѣдей. Однимъ словомъ большинство обрекаетъ лопарей на скорую смерть. Другіе, и ихъ меньшинство, полагаютъ, что лопари, хотя очень медленно, но увеличиваются численностью, что это народъ, который послѣ долгой борьбы съ неблагопріятнымъ климатомъ, въ негостепріимной странѣ, вышелъ, однако, побѣдителемъ изъ этой борьбы: однимъ словомъ сулятъ лопарямъ будущность, насколько лица противоположныхъ убѣжденій сулятъ имъ смерть. Насколько то, или другое мнѣніе основательно, будетъ видно изъ послѣдующаго.

Цифры, которыя мы имѣемъ, какъ я сказалъ, довольно шаткое основаніе для составленія какого бы то ни было вывода; но по неволѣ приходится прибѣгнуть къ нимъ, за неимѣніемъ другихъ болѣе положительныхъ данныхъ.

Нужно замѣтить, что относительно общей численности племени разнорѣчія поразительныя. Такъ напримѣръ Бухъ, пользуясь данными 1799 г., исчисляетъ, что лопарей шведскихъ 5.113; норвежскихъ около 3.000 и русскихъ около 1.000, т. е. приблизительно лопарей всего около 10.000 [2]). Между тѣмъ въ Mémoire sur les Samojèdes et les Lapons, изд. въ Копенгагенѣ въ 1766 году, считается однихъ русскихъ лопарей 1.200 семействъ, [3]) т. е., считая каждую семью изъ трехъ лицъ — 3.600 человѣкъ. Шубертъ, посѣтившій Лапландію въ 1817—1820 г.г. и придерживающійся мнѣнія о вымираніи лопарей, считаетъ ихъ лишь 4000 для Швеціи, около 3.000 для Норвегіи и около 2000 для Россіи,

[1]) Извѣстія Им. Общ. Любит. Естествознанія. Т. XXXV ч. I, вып. 4, стр. 496.
[2]) L. de Buch. Voyage en Norvège. II, стр. 217.
[3]) Mémoire s. les Samojèdes et les Lapons, стр. 8.

всего около 9.000 человѣкъ [1]). Этихъ указаній достаточно, чтобы увидать всю сбивчивость данныхъ о количествѣ населенія лопарскаго племени; основывать что-либо на нихъ довольно трудно. Оставивъ эти данныя, передаваемыя путешественниками, обратимся къ болѣе близкому намъ времени. Дергачевъ, пользуясь свѣдѣніями изъ Географ. Стат. Словаря Семенова, считаетъ въ русской Лапландіи до 2.183 ч. обоего пола, въ великомъ княжествѣ Финляндскомъ до 1.200 ч. о. п., а въ Швеціи и Норвегіи до 16.000, итого около 20.000 ч. о. п. [2]) А по даннымъ, помѣщеннымъ въ Спискахъ Населенныхъ Мѣстъ Россійской Имперіи,[3]) оказывается, что въ русской Лапландіи считается около 2.259 ч. о. п. По запискѣ Чубинскаго въ началѣ 70-хъ годовъ лопарей считалось лишь 1.965 ч., жившихъ въ 271 домѣ [4]). По свѣдѣніямъ, добытымъ А. И. Кельсіевымъ за 1876 г., лопарей считалось 1.940 человѣкъ обоего пола; [5]) а въ 1877—2,570 ч. о. п. По свѣдѣніямъ, добытымъ мною, оказывается что въ Кольскомъ уѣздѣ лопарей считалось:

въ	1880 г.	873 м.	876 ж.	—1749	о. п.
„	1881 „	913 „	983 „	—1896	„ „
„	1882 „	912 „	922 „	—1834	„ „
„	1883 „	715 „	744 „	—1459	„ „
„	1884 „	696 „	702 „	—1398	„ „ [6]).

Наконецъ по свѣдѣніямъ 1886 г., въ одной Кольско-лопарской волости числилось 1294 чел. об. пола. На основаніи всѣхъ вышеприведенныхъ данныхъ придется придти къ такому заключенію: 1) что съ 1859 г. (свѣдѣнія Г. С. Сл. Семенова) по 1876 г. впродолженіе 17 лѣтъ, ежегодно умирало слишкомъ 14 человѣкъ, т. е. по 6,6%, а на слѣдующій годъ число ихъ сразу возросло на 630 человѣкъ, т. е. на 37,1%. Затѣмъ въ 1878 и 1879 гг. происходитъ уменьшеніе народонаселенія въ два года на 821 чел., т. е., считая приблизительно по 420 чел. въ годъ, или изъ общаго числа лопарей около 32%. Въ 1881 году сравнительно съ 1880 мы опять видимъ приращеніе въ 147 ч., т. е. 8,4%. Въ 1882 г.—убыль населенія на 62 ч., т е. на 3,2%; въ 1883 г. снова убыль населенія 375 ч., или на 20,4%; въ 1884 г.—убыль на 61 ч., или около 4,2%. Принявъ во вниманіе, что въ 1886 г. въ одной Кольско-Лопарской волости считалось 1294 ч., и прибавивъ къ этому числу хотя бы 600 человѣкъ (т. е. около половины числящихся въ Кольско-лопарской волости) лопарей, живущихъ въ Понойской волости, получимъ приблизительно, что въ 1886 г. всѣхъ лопарей считалось 1900 человѣкъ, т. е. сравнительно съ 1884 г. на 502 человѣка больше, что составитъ приращеніе болѣе 250 человѣкъ въ годъ, или около 18%.

Сопоставивъ для ясности вышевыведенныя цифры въ таблицу, получимъ:

Съ 1859 по 1876 г.	ежегодно умираетъ	6,6%
Въ 1877 „	населеніе увеличивается на	37,1%

[1]) Schubert. Reise d. Schweden. II, стр. 277.
[2]) Арханг. Губ. Вѣд. 1869, № 69.
[3]) Арханг. Губ. Вѣд. 1861, стр. 24—25.
[4]) Извѣстія Имп. Общ. Любителей Естествознанія т. XXXV, ч. I, вып. 4. Кельсіевъ, стр. 494.
[5]) Ibid.
[6]) Цифры эти сообщены мнѣ обязательнымъ начальникомъ Кольск. у, В И. Смирновымъ.

въ	1878 г.	населеніе	уменьшается	на	32%
„	1879 „	„	„	„	32%
„	1881 „	„	увеличивается	„	8,4%
„	1882 „	„	уменьшается	„	3,2%
„	1883 „	„	„	„	20,4%
„	1884 „	„	„	„	4,2%
„	1885 „	„	увеличивается	„	18%

Получается крайне странный выводъ: численность лопарей страшно колеблется: то является огромный приростъ населенія, то наоборотъ. И не будь прироста, то на основаніи лишь процента убыли, который колеблется съ 4,2%—32%—можно было бы ожидать, что русскіе лопари чрезъ нѣсколько лѣтъ вымрутъ окончательно. Ясно, что на основаніи подобныхъ цифръ сдѣлать какого-нибудь болѣе или менѣе положительнаго вывода невозможно, такъ какъ запутанность и неточность ихъ слишкомъ очевидна: подобнаго рода данныя никогда не освѣтятъ вопроса о томъ, вымираютъ-ли лопари или нѣтъ, не укажутъ намъ вѣрнаго пути къ изслѣдованію этого вопроса. И не удивительно: данныя эти собираются кое-какъ, присылаются въ уѣздный городъ писарями, которые, какъ мнѣ говорили сами мѣстные жители, поставятъ на этотъ годъ одну цифру, на другой другую. Если до слуха ихъ дошло, что была какая-нибудь эпидемія въ томъ или иномъ погостѣ, они уменьшатъ число жителей совершенно произвольно, такъ что для нихъ ошибка на 100—200 человѣкъ ровно ничего не значитъ. Естественно, что только къ абсурднымъ выводамъ мы придемъ, если будемъ основываться на этихъ данныхъ, и чего-нибудь цѣльнаго, хотя приблизительно подходящаго къ истинѣ, мы не узнаемъ. Если эти цифры не даютъ намъ никакой почвы, на которой можно было бы основать какіе-либо выводы по вопросу о вымираніи лопарей, то гдѣ же искать для вывода болѣе прочную почву?

Таковой могли бы служить, такъ называемыя, ревизскія сказки, которыя, все-таки, не смотря на все несовершенство свое, болѣе заслуживаютъ довѣрія, чѣмъ свѣдѣнія, доставляемыя писарями и небрежно относящимися къ дѣлу, и подчасъ, быть можетъ, не безъ намѣренія, имѣя ввиду свою выгоду, уменьшающіе количество лопарей. Но и данныя по ревизіямъ слишкомъ шатки и тутъ могутъ быть огромныя ошибки и злоупотребленія, не говоря уже о томъ, что между ревизіями проходили очень значительные промежутки времени. Остается еще одинъ источникъ—это церковныя книги, которыя могутъ дать наиболѣе подробныя и достовѣрныя извѣстія. Прежде чѣмъ обратиться къ нимъ, я, все-таки, позволю себѣ для примѣра привести нѣкоторыя данныя, почерпаемыя изъ разныхъ данныхъ, которыя, даже если допустить злоупотребленія и намѣренное сокрытіе истиннаго числа душъ, все-таки, заставляютъ скорѣе думать, что лопари не вымираютъ.

Эти данныя, хотя и отрывочныя мы можемъ прослѣдить, начиная съ конца XVI вѣка. Матеріалами намъ служатъ Писцовая книга Василія Агалина 1574 г., [1]) Писцовая книга Алая Михалкова 1608, 1609 и 1611 гг. [2]) и Дѣла и Приговоры Правительствую-

[1]) Приложеніе 1-е.
[2]) См. приложеніе 2-е.

щаго Сената по Архангелогородской губ. отъ 1716 г. [1]) Расположимъ свѣдѣнія по погостамъ.

Погосты:	Данныя 1574 г.		Дан. 1608—1611 гг.		Данныя 1716 г.	
	вѣжи.	Муж. пола жителей.	вѣжи.	Муж. пола жителей.	вѣжи.	Муж. пола жителей.
Массельскій	—	—	7	13	5	30
Екостровскій	—	—	6	10	5	28
Бабенгскій	—	—	7	16	4	42
Мотовскій	—	—	6	23	4	34
Печенгскій	—	—	6	21	4	38
Пазрѣцкій	—	—	3	8	5	48
Нявдемскій	—	—	3	13	3	22
Сонгельскій	8	21	6	27	6	48
Нотозерскій	19	28	10	34	6	58
Ереозерскій	—	—	3	9	2	17
Мyномашскій	—	—	15	42	4	28
Воронежскій	—	—	6	17	5	33
Ловозерскій	—	—	10	16	5	40
Норенскій	—	—	16	43	—	—
Еконскій и Понойскій	—	—	32	91	5	25
Пяозерскій	—	—	—	—	3	32
Семіостровскій	—	—	—	—	5	39
Лунданскій	—	—	—	—	3	10
Тулванскій	—	—	—	—	5	25
Каменскій	—	—	—	—	5	23
Пурнацкій	—	—	—	—	2	7
Итого	27	49	136	383	86	627

Достаточно бѣглаго взгляда на итоги данныхъ начала XVII в., въ сравненіи съ итогами данныхъ начала XVIII в., чтобы убѣдиться, что въ общей сложности населеніе увеличилось въ русской Лапландіи. Но въ виду того, что въ спискѣ погостовъ 1608—1611 гг. нѣтъ нѣсколькихъ, поименованныхъ въ спискѣ 1716 г. и, наоборотъ, въ спискѣ 1716 г. не встрѣчается погостъ Норенскій, довольно многочисленный въ началѣ XVII в., то удобнѣе сравнить приростъ населенія по отдѣльнымъ погостамъ. Изъ этого сравненія будетъ явствовать, что въ погостахъ Нотозерскомъ и Сонгельскомъ приростъ населенія шелъ слѣдующимъ путемъ:

въ 1574 г.—49 ч., въ 1608—1611—61 ч., въ 1716 г.—106 ч., слѣдовательно за 142 года количество населенія увеличилось почти въ $2\frac{1}{6}$ раза.

[1]) Арх. Мин. Юстиціи: Дѣла и Пригов. Сената отъ 1712—1720 гг.

Что касается остальныхъ погостовъ, поименованныхъ въ спискахъ 1608—1611 гг. и 1716 г., именно: погостовъ Массельскаго, Екостровскаго, Бабенгскаго, Мотовскаго, Печенгскаго, Пазрѣцкаго, Нявденскаго, Ереозерскаго (или Орьезерскаго), Мунομашскаго, Воронежскаго и Ловозерскаго, то окажется, что:

ПОПРАВКА (къ стр. 76).

Во второй графѣ противъ погоста Пяозерскаго должны стоять слѣд. цифры: вѣжъ — 11. м. п. жит.—27. Вслѣдствіе этого итогъ вмѣсто 136 вѣжъ окажется 147; а число жителей м. п. вмѣсто 383—окажется—410

10 лопарскихъ погостовъ, именно: Сонгельскій, Нотозерскій, Мотовскій, Печенгскій, Пазрѣцкій, Нявдеменный, Кильдинскій, Воронежскій, Ловозерскій и Массельскій и въ нихъ по ревизіи 1816 г. „вѣжъ 103, т. е. домовъ“. Точное число жителей, живущихъ въ этихъ погостахъ, означено также на основаніи данныхъ ревизіи 1816 г., по которой душъ лопарскихъ „мужеска“ 420, „женска“ 463—итого 883 о. п. По даннымъ, помѣщеннымъ въ Спискахъ Населенныхъ Мѣстъ Россійской Имперіи 1861 г. [1]), оказывается, что въ девяти погостахъ изъ поименованныхъ въ церковной лѣтописи (пог. Нявдеменный былъ уступленъ Норвегіи) считалось 112 дворовъ и 1146 душъ, слѣдовательно, приращеніе довольно значительное, если принять во вниманіе, что Нявдеменный погостъ въ счетъ не шелъ. По даннымъ, собраннымъ въ декабрѣ 1886 г. для акциза, оказывается, что въ этихъ погостахъ живетъ уже 1,158 чел., слѣдовательно, опять-таки приростъ, хотя и очень небольшой.

Если мы теперь обратимся къ отдѣльнымъ погостамъ и сравнимъ данныя 1861 г. съ данными 1886 г., то, принимая что данныя 1886 г. не уменьшены, мы придемъ къ слѣдующимъ результатамъ:

Погосты.	По даннымъ 1861 г.			По даннымъ 1886 г.		
	муж.	жен.	об. пола.	муж.	жен.	об. пола.
Массельга.	31	36	67	30	33	63
Кильдинскій	85	84	169	99	112	211
Мотовскій.	57	59	116	42	41	83
Пазрѣцкій.	53	50	103	65	66	131
Печенгскій.	56	54	110	39	52	91
Ловозерскій	61	53	114	60	58	118
Воронежскій	56	51	107	34	49	83
Нотозерскій	106	115	221	112	101	213
Сонгельскій	75	62	137	78	87	165

Приростъ, слѣдовательно, оказывается въ 4 погостахъ, именно: въ Кильдинскомъ, Пазрѣцкомъ, Ловозерскомъ и Сонгельскомъ и въ 5 —убыль населенія, именно: въ Массельгѣ,

[1]) Арханг. губ., стр. 25.

щаго Сената по Архангелогородской губ. отъ 1716 г. [1]) Расположимъ свѣдѣнія по погостамъ.

Погосты	Данныя 1574 г.		Дан. 1608—1611 гг.		Данныя 1716 г.	
[illegible]	—	—	6	21	4	38
Пазрѣцкій	—	—	3	8	5	48
Нявдемскій	—	—	3	13	3	22
Сонгельскій	8	21	6	27	6	48
Нотозерскій	19	28	10	34	6	58
Ереозерскій	—	—	3	9	2	17
Муномашскій	—	—	15	42	4	28
Воронежскій	—	—	6	17	5	33
Ловозерскій	—	—	10	16	5	40
Норенскій	—	—	16	43	—	—
Еконскій и Понойскій	—	—	32	91	5	25
Пяозерскій	—	—	—	—	3	32
Семіостровскій	—	—	—	—	5	39
Лунданскій	—	—	—	—	3	10
Тулванскій	—	—	—	—	5	25
Каменскій	—	—	—	—	5	23
Пурнацкій	—	—	—	—	2	7
Итого	27	49	136	383	86	627

Достаточно бѣглаго взгляда на итоги данныхъ начала XVII в., въ сравненіи съ итогами данныхъ начала XVIII в., чтобы убѣдиться, что въ общей сложности населеніе увеличилось въ русской Лапландіи. Но въ виду того, что въ спискѣ погостовъ 1608—1611 гг. нѣтъ нѣсколькихъ, поименованныхъ въ спискѣ 1716 г. и, наоборотъ, въ спискѣ 1716 г. не встрѣчается погостъ Норенскій, довольно многочисленный въ началѣ XVII в., то удобнѣе сравнить приростъ населенія по отдѣльнымъ погостамъ. Изъ этого сравненія будетъ явствовать, что въ погостахъ Нотозерскомъ и Сонгельскомъ приростъ населенія шелъ слѣдующимъ путемъ:

въ 1574 г.—49 ч., въ 1608—1611—61 ч., въ 1716 г.—106 ч., слѣдовательно за 142 года количество населенія увеличилось почти въ $2\frac{1}{6}$ раза.

[1]) Арх. Мин. Юстиціи· Дѣла и Пригов. Сената отъ 1712—1720 гг.

Что касается остальныхъ погостовъ, поименованныхъ въ спискахъ 1608—1611 гг. и 1716 г., именно: погостовъ Массельскаго, Екостровскаго, Бабенгскаго, Мотовскаго, Печенгскаго, Пазрѣцкаго, Нявденскаго, Ереозерскаго (или Орьезерскаго), Муномашскаго, Воронежскаго и Лововерскаго, то окажется, что:

по даннымъ 1608—1611 въ нихъ 186 ч. м. п.,

а по даннымъ 1716 г. въ нихъ 360 ч. м. п.,

слѣдовательно, почти что вдвое больше сравнительно съ данными 1608—1611 гг.

Эти таблицы несомнѣнно констатируютъ фактъ прироста лопарей, причемъ прироста довольно значительнаго.

Переходя къ XIX столѣтію мы видимъ тоже самое.

Въ церковной лѣтописи Кольскаго собора отъ 1821 года при приходѣ числилось 10 лопарскихъ погостовъ, именно: Сонгельскій, Нотозерскій, Мотовскій, Печенгскій, Пазрѣцкій, Нявдеменный, Кильдинскій, Воронежскій, Ловозерскій и Массельскій и въ нихъ по ревизіи 1816 г. „вѣжъ 103, т. е. домовъ“. Точное число жителей, живущихъ въ этихъ погостахъ, означено также на основаніи данныхъ ревизіи 1816 г., по которой душъ лопарскихъ „мужеска“ 420, „женска“ 463—итого 883 о. п. По даннымъ, помѣщеннымъ въ Спискахъ Населенныхъ Мѣстъ Россійской Имперіи 1861 г. [1]), оказывается, что въ девяти погостахъ изъ поименованныхъ въ церковной лѣтописи (пог. Нявдеменный былъ уступленъ Норвегіи) считалось 112 дворовъ и 1146 душъ, слѣдовательно, приращеніе довольно значительное, если принять во вниманіе, что Нявдеменный погостъ въ счетъ не шелъ. По даннымъ, собраннымъ въ декабрѣ 1886 г. для акциза, оказывается, что въ этихъ погостахъ живетъ уже 1,158 чел., слѣдовательно, опять-таки приростъ, хотя и очень небольшой.

Если мы теперь обратимся къ отдѣльнымъ погостамъ и сравнимъ данныя 1861 г. съ данными 1886 г., то, принимая что данныя 1886 г. не уменьшены, мы придемъ къ слѣдующимъ результатамъ:

Погосты.	По даннымъ 1861 г.			По даннымъ 1886 г.		
	муж.	жен.	об. пола.	муж.	жен.	об. пола.
Массельга	31	36	67	30	33	63
Кильдинскій	85	84	169	99	112	211
Мотовскій	57	59	116	42	41	83
Пазрѣцкій	53	50	103	65	66	131
Печенгскій	56	54	110	39	52	91
Лововерскій	61	53	114	60	58	118
Воронежскій	56	51	107	34	49	83
Нотозерскій	106	115	221	112	101	213
Сонгельскій	75	62	137	78	87	165

Приростъ, слѣдовательно, оказывается въ 4 погостахъ, именно: въ Кильдинскомъ, Пазрѣцкомъ, Лововерскомъ и Сонгельскомъ и въ 5—убыль населенія, именно: въ Массельгѣ,

---

[1]) Арханг. губ., стр. 25.

Моткѣ, Печенгѣ, Воронежскомъ и Нотозерскомъ, причемъ по погостамъ приращеніе и убыль выразятся въ слѣдующихъ процентныхъ отношеніяхъ:

Прибыль.		Убыль.	
Кильдинскій . . .	24,8%	Массельга. . . .	5,9%
Пазрѣцкій. . . .	27,2%	Мотка	29,3%
Ловозерскій . . .	5,2%	Печенга	17,3%
Сонгельскій . . .	16,9%	Воронежскій . . .	22,5%
		Нотозерскій . . .	3,6%

Процентъ смертности колеблется больше, чѣмъ процентъ прироста населенія (для смертности max. 29,3% —min. 3,6%, для прироста max. 27,2%—min. 5,2%), но разница въ колебаніяхъ все-таки незначительная. Далѣе, по даннымъ 1861 г. въ 5 погостахъ, въ которыхъ происходитъ убыль населенія, считалось 621 чел. об. пола, въ 4 остальныхъ 523 чел. об. пола. По даннымъ 1886 г. въ первыхъ количество населенія падаетъ до 533, а во вторыхъ четырехъ возвышается до 625. Не смотря на незначительный приростъ населенія, можно все-таки сказать, что около половины населенія этой части Лапландіи, въ которой расположены поименованные погосты, клонится къ вымиранію, другая половина, наоборотъ, получаетъ приращеніе—въ итогѣ общее приращеніе. Итакъ, если можно дѣлать выводы на основаніи вышеприведенныхъ цифръ, то, считая данныя отъ 1886 года вѣрными, мы получимъ: 1) что смертность неодинакова по погостамъ, что тогда какъ въ однихъ погостахъ происходитъ вымираніе, въ другихъ, наоборотъ, замѣчается приращеніе и 2) что лопари поименованныхъ погостовъ въ общемъ не только не вымираютъ, но приращаются, хотя и довольно медленно. Во всякомъ случаѣ на основаніи этихъ данныхъ констатировать вымираніе еще нельзя.

Если я остановился такъ долго на выводахъ, которые можно добыть на основаніи оффиціальныхъ данныхъ и изъ сравненія ревизской сказки съ данными 1886 г., то лишь для того, чтобы доказать, что, если стать лишь на другую болѣе прочную почву по вопросу о вымираніи лопарей, можно придти къ противоположнымъ результатамъ сравнительно съ тѣми лицами, которыя доказываютъ, что лопари вымираютъ. Если нельзя констатировать прироста населенія во всей Лапландіи, то, по крайней мѣрѣ, для извѣстной ея части онъ является несомнѣннымъ. Кромѣ того, ревизскія сказки все-таки заслуживаютъ больше довѣрія; тоже долженъ я сказать и объ цифрахъ, добытыхъ для акциза, такъ-какъ онѣ собирались гораздо тщательнѣе и если показано невѣрное число лопарей, то оно можетъ быть лишь показано ниже дѣйствительности, но отнюдь не выше.

Обращаясь къ церковнымъ книгамъ, слѣдуетъ указать, что онѣ являются наиболѣе достовѣрнымъ источникомъ, изъ котораго мы можемъ почерпнуть данныя о рождаемости и смертности лопарей: въ настоящее время всѣ русскіе лопари крестятъ своихъ дѣтей, хотя подчасъ и долго спустя послѣ рожденія ребенка, также и хоронятъ всегда своихъ покойниковъ, и, если покойникъ умретъ далеко отъ церкви, то его зарываютъ въ землю, и ждутъ пріѣзда священника, котораго и просятъ совершить отпѣваніе. Такимъ об-

разомъ всѣ рождающіеся и умершіе записываются въ книги. И если бы собрать данныя изъ всѣхъ приходовъ, то можно было бы составить себѣ болѣе или менѣе ясное представленіе о числѣ рожденія и смертей среди лопарскаго населенія въ Россіи. Между тѣмъ на этотъ источникъ до сихъ поръ слишкомъ мало обращали вниманія, довольствовались лишь оффиціальными свѣдѣніями, а они настолько шатки, что на нихъ основывать что-нибудь положительное трудно.

Къ сожалѣнію я не располагаю точными данными по всѣмъ лопарскимъ приходамъ и могу только указать на метрическія книги г. Колы, Печенги и Пазрѣки—слѣдовательно бо̀льшей части Лапландіи. Въ бытность мою въ Колѣ протоіерей Кольскаго собора о. Александръ Поповъ обязательно доставилъ мнѣ результатъ своего просмотра метрическихъ книгъ: на основаніи ихъ оказалось, что въ Кольскомъ приходѣ этотъ приростъ не прекращается: (вспомнимъ, что къ нему были приписаны 10 погостовъ лопарскихъ).

Годы.	Родившихся.	Умершихъ.
1796	13	2
1797	20	6
1800	24	7
1805	3	не было
1806	24	„ „
1809	6	„ „
1810	14	5
1815	28	8
1816	24	3
1820	18	18
1821	27	5
1825	25	2
1826	22	3
1830	27	18
1831	23	12
1832	34	3
1835	30	28
1836	24	11

Изъ этой таблицы очевидно, что за указанные года мы видимъ постоянный приростъ населенія; колебанія числа умершихъ могутъ обусловливаться разнообразными причинами: господство или отсутствіе эпидемій и т. п.

Тоже самое мы видимъ среди лопарей за послѣднія 20 лѣтъ въ томъ-же приходѣ. Что касается свѣдѣній изъ Пазрѣки и Печенги, то ими я обязанъ любезности о. Константина Щеколдина, который, самъ интересуясь бытомъ лопарей, прислалъ мнѣ подробныя данныя о смертности и рождаемости лопарей въ приходѣ Печенгскомъ отъ 1855—1873 г. и въ приходѣ Пазрѣцкомъ отъ 1874—1887 г.: до 1873 года Печенгскій приходъ состоялъ изъ погостовъ Печенгскаго, Мотовскаго и Пазрѣцкаго. Помѣщаю эти свѣдѣнія цѣликомъ.

Годы.	Родилось.			Умерло.			Возврастъ, въ которомъ умерли. До 5 лѣтъ.		Отъ 5—30 л.	
	м.	ж.	об. п.	м.	ж.	об. п.	м.	ж.	м.	ж.
1855	2	2	4	5	5	10	—	1	—	1
1856	6	4	10	8	5	13	4	1	1	—
1857	1	10	11	1	5	6	—	1	—	—
1858	5	1	6	5	5	10	—	2	1	2
1859	5	4	9	5	4	9	3	1	1	2
1860	5	3	8	1	1	2	1	—	—	1
1861	4	3	7	3	2	5	1	—	2	—
1862	5	1	6	3	14	17	1	9	1	2
1863	1	5	6	5	10	15	4	5	—	1
1864	4	3	7	—	2	2	1	—	—	—
1865	4	6	10	8	4	12	5	2	—	2
1866	5	3	8	3	3	6	1	1	1	1
1867	4	4	8	6	4	10	2	—	—	1
1868	2	5	7	2	1	3	1	—	1	—
1869	4	4	8	1	2	3	1	2	—	—
1870	2	5	7	—	4	4	—	3	—	—
1871	3	1	4	9	17	26	1	3	3	7
1872	5	2	7	10	8	18	4	2	3	6
1873	2	6	8	3	2	5	2	—	—	—
Итого	69	72	141	78	98	176	32	33	14	26

О смертности послѣ 30 лѣтъ о. Константинъ Щеколдинъ не могъ доставить свѣдѣній по неимѣнію таковыхъ.

На основаніи этой таблицы видно, что въ 19 лѣтъ скончалось лопарей больше, чѣмъ родилось на 35 человѣкъ, т. е. среднимъ числомъ въ годъ на 1,8 человѣка, или, принявъ, что въ Печенгскомъ приходѣ, по даннымъ 1861 г., было 329 человѣкъ обоего пола, 10,6% всего населенія въ 19 лѣтъ, или въ каждый годъ 0,54% всего населенія, что составитъ очень небольшое число, если принять во вниманіе, что наибольшее число смертности падаетъ на 1862 г.—17 чел. и 1863 г.—15 чел., и затѣмъ на 1871 и 1872 гг. (26 и 18 чел.); въ 1871 и 1872 гг. была, по словамъ о. Константина Щеколдина, тифозная горячка, которая, свирѣпствуя, свела въ могилу такое относительно большое число лопарей; надо полагать, что и въ 1862—63 гг. была также какая-нибудь эпидемическая болѣзнь, которыя, какъ извѣстно, въ Лапландіи не рѣдкость. Съ 1855 до 1861 г., включительно, число лопарей въ тогдашнемъ Печенгскомъ приходѣ ни убыло, ни прибыло; далѣе, если цифра, опредѣляющая число жителей въ этомъ приходѣ въ 1861 г.—въ 329 чел. вѣрна, то окажется, что въ 1862 г. умерло приблизительно цѣлыхъ 5,3% всего населенія и въ 1862 г. около 4,5%. Если опять-таки на основаніи вышеприведенной таблицы опредѣлить, что въ 1870 г. было жителей въ этомъ приходѣ 324 чел., то окажется, что въ годы, когда свирѣпствовала тифозная горячка, умерло въ 1871 г.—8%, а въ 1872 г. около 5,8%. Откинувъ эти исключительные года господства эпидемиче-

скихъ болѣзней, окажется, что 1) отъ 1855 до 1861 г. населеніе въ приходѣ не увеличилось, не уменьшилось, 2) и съ 1864—1870 г. даже увеличилось на 5 человѣкъ или приблизительно на 1,5%, а въ 1873 г.—сравнительно съ эпидемическими годами 1871—1872 на 3 человѣка, т. е. приблизительно на 1%, считая, что послѣ обѣихъ эпидемій осталось сравнительно съ прежнимъ числомъ 329—лишь 301 человѣкъ. Итакъ, если не брать исключительныхъ годовъ, когда умирало чрезмѣрное количество лопарей, окажется, что лопари увеличивались въ погостахъ Пазрѣцкомъ, Печенгскомъ и Мотовскомъ, хотя увеличеніе это было крайне не велико 1—1½%. Лишь эпидемическія болѣзни вырываютъ изъ среды лопарей большое количество жертвъ, которое превышаетъ рождаемость и заставляетъ число лопарей уменьшаться. Наконецъ, обратившись къ свѣдѣніямъ отъ 1886 г., окажется, что лопарей въ пог. Пазрѣцкомъ, Печенгскомъ и Мотовскомъ, составлявшихъ прежній Печенгскій приходъ, всего 305 человѣкъ, что составитъ 4 челов. больше сравнительно съ 1872 г., когда считалось 301 челов., слѣдовательно за эти 14 лѣтъ приращеніе шло въ этихъ погостахъ около 0,3 челов. въ годъ или около 0,1%—приращеніе крайне маленькое, но все-таки не уменьшеніе. За неимѣніемъ подробныхъ свѣдѣній за эти 14 лѣтъ, нельзя также поручиться, что за эти годы не было также эпидеміи, которая снова понизила процентъ приращенія лопарскаго населенія этихъ трехъ погостовъ. Итакъ, хотя съ 1861 г. по 1886 количество лопарей въ Мотовскомъ погостѣ упало на 29,3%, въ Печенгскомъ на 17,3% (въ Пазрѣцкомъ оказалось приращеніе на 27,2%), мы все-таки не можемъ констатировать факта вымиранія лопарей въ этихъ погостахъ, такъ какъ уменьшеніе населенія произошло отъ исключительныхъ причинъ, въ нормальные же года оно, хотя медленно, но все-таки увеличивалось. Поэтому, если относительно этихъ двухъ погостовъ мы видимъ въ общемъ результатѣ вымираніе, то оно происходитъ не органически, не оттого, что лопари не имѣютъ силъ къ выживанію, а вслѣдствіе постороннихъ агéнтовъ, эпидемическихъ болѣзней, отсутствія средствъ къ лѣченію—однимъ словомъ, вслѣдствіе неудовлетворительности санитарныхъ условій и недостатка медицинской помощи.

Обращаясь за тѣмъ къ Пазрѣкѣ, свѣдѣнія о которой о. Константинъ Щеколдинъ доставилъ мнѣ съ 1874 по 1887 г., мы получимъ результаты, еще болѣе опровергающіе мнѣніе о вымираніи лопарей. Свѣдѣнія эти тѣмъ болѣе интересны, что они составлены подробно съ точнымъ обозначеніемъ возраста, въ которомъ умерли за эти годы Пазрѣцкіе лопари. Въ этой таблицѣ не помѣщены мертворожденные, которыхъ у лопарей всегда много. „Небольшому количеству рожденій, пишетъ о. Константинъ Щеколдинъ при присылкѣ мнѣ таблицъ, благопріятствовала ихъ (т. е. лопарей) полукочевая жизнь. Женщины не рѣдко передъ самыми родами переѣзжаютъ съ мѣста на мѣсто на оленяхъ и отъ этого не рѣдко досажаются и рожаютъ мертворожденныхъ“. Это обстоятельство нужно имѣть въ виду при рѣшеніи вопроса о плодовитости лопарскаго племени, такъ какъ при незанесеніи въ метрическія книги мертворожденныхъ, которыхъ, вслѣдствіе ненормальныхъ условій, въ которыя поставлена роженица, оказывается много,—понижается процентъ рождаемости.

По свѣдѣніямъ о. Константина Щеколдина рождаемость и смертность въ Пазрѣцкомъ приходѣ располагается по годамъ слѣдующимъ образомъ:

УМЕРЛО.

Годы.	Родилось. м.	ж.	об п.	Возрастъ умершихъ. до 1 г. м.	ж.	до 5 л. м.	ж.	5—10 м.	ж.	10—20 м.	ж.	20—30 м.	ж.	30—40 м.	ж.	40—50 м.	ж.	50—60 м.	ж.	60—70 м.	ж.	70—80 м.	ж.	80—100 м.	ж.	Итого. м.	ж.
1874	—	2	2	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
1875	3	2	5	—	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	2	2
1876	4	2	6	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
1877	2	—	2	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
1878	3	3	6	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	2
1879	5	1	6	1	2	—	—	—	—	—	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	2
1880	—	1	1	—	1	2	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	3	3
1881	1	5	6	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
1882	5	1	6	1	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	3	2
1883	2	2	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
1884	4	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
1885	3	2	5	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	—	1	—	—	—	—	—	4
1886	3	2	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	1	—	—	1	2
1887	4	3	7	1	2	—	—	1	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1	1	—	3	6
Итого	39	26	65	3	11	3	2	2	3	1	—	1	1	1	1	2	1	1	3	—	3	2	3	1	—	17	28

Слѣдовательно, начиная съ 1874 по 1886, не было года, когда въ Пазрѣкѣ число смертныхъ случаевъ превышало число рожденій, и лишь въ 1887 году, число смертныхъ случаевъ относятся къ числу рожденій, какъ 9:7; большое число смертныхъ случаевъ въ этомъ году о. Константинъ объясняетъ опять-таки эпидеміей, именно воспаленіемъ зёва, соединеннаго частью съ дифтеритомъ; важно и то, что эпидемія свирѣпствовала въ этомъ году не только въ Пазрѣкѣ, но и среди норвежскихъ лопарей, гдѣ смертность, по словамъ о. Константина, была еще болѣе, чѣмъ въ Пазрѣкѣ. Если считать и эпидемическій годъ, то окажется, что число рожденій за періодъ времени отъ 1874—1887 г. превышаетъ число смертныхъ случаевъ на 20 человѣкъ или, считая среднимъ числомъ, населеніе Пазрѣки наростало за этотъ періодъ времени въ годъ на 1.4 человѣка, или, если принять во вниманіе, что по свѣдѣніямъ о. Константина Щеколдина, въ 1874 г. лопарей въ Пазрѣкѣ считалось: 51 муж. и 58 жен. всего 109 чел. — приблизительно на 1,3%. Этотъ процентъ нѣсколько возвысится, если мы исключимъ эпидемическій годъ; число рожденій отъ 1874—1886 равняется 58, число смертныхъ случаевъ 36, слѣдовательно на 22 меньше числа рожденій; слѣдовательно, процентъ прироста Пазрѣцкихъ лопарей будетъ равняться около 1,6% среднимъ числомъ въ годъ [1]).

Слѣдовательно, въ Пазрѣкѣ происходитъ рѣшительный приростъ населенія, хотя, повторяю, приростъ и не особенно значительный, но все-же доказывающій, что лопарскій народъ, по крайней мѣрѣ въ этомъ погостѣ, не показываетъ и признаковъ вымиранія, не смотря даже на эпидемію 1887 г.

Итакъ, ни въ Кольскомъ приходѣ, ни въ Пазрѣкѣ констатировать вымиранія нельзя—наоборотъ, въ борьбѣ съ самыми неблагопріятными условіями лопарское племя находитъ въ себѣ достаточно силы, чтобы, по крайней мѣрѣ, въ этихъ мѣстахъ медленно рости и увеличиваться. Нѣтъ также основаній предполагать, чтобы, разъ все-таки въ значительной части Лапландіи вымиранія нѣтъ, въ другихъ мѣстахъ вымираніе шло быстро. Дѣло въ томъ, что Кольскій приходъ до послѣдняго почти времени, когда еще не были выстроены церкви въ Нотозерѣ и Ловозерѣ заключалъ въ себѣ погосты: Кильдинскій, Воронежскій, оба Семіостровскіе, Ловозерскій, Бабенгскій, Экостровскій, Массельгскій, Нотозерскій и Сонгельскій съ населеніемъ около 1.000 лопарей; на долю Пазрѣцкаго приходится болѣе 100 лопарей и на Печенгскій и Мотовскій болѣе 164 лопарей, слѣдовательно всего по даннымъ 1886 г. 1.294 лоп. обоего пола, т. е., считая всѣхъ русскихъ лопарей около 2.000, бо́льшую половину всего лопарскаго населенія въ Россіи. Поэтому, не имѣя возможности констатировать факта вымиранія для этой бо́льшей части Лапландіи,—имѣемъ-ли мы право говорить о вымираніи русскихъ лопарей вообще. Ясно, что въ годы, когда не свирѣпствуютъ эпидеміи, лопари медленно увеличиваются и лишь повальныя болѣзни заставляютъ рѣдѣть ряды и безъ того немногочисленнаго племени.

---

[1]) По свѣдѣніямъ о. Константина Щеколдина въ 1874 г. въ Пазрѣцкомъ погостѣ считалось 109 лопарей об. пола, прибавивъ къ этому числу 20 чел., составляющихъ приростъ до 1887 г — всего лопарей въ Пазрѣкѣ слѣдуетъ считать 129 ч. об. пола. По свѣдѣніямъ 1886 г., собраннымъ для акциза, лопарей въ Пазрѣкѣ считается 131 чел. об. пола, слѣдовательно на 2 чел. больше, но если принять во вниманіе, что эти свѣдѣнія собраны до эпидеміи 1887 г., когда число родившихся превышало на 22 число умершихъ и, слѣдовательно, считалось 131 человѣкъ, окажется что свѣдѣнія эти собраны точно.

Слѣдовательно, данныя по лопарскимъ приходамъ заставляютъ скорѣй думать, что лопари не вымирающее племя, такъ какъ большая половина русскихъ лопарей увеличивается въ численности. Но русскіе лопари лишь около $1/_{10}$ всего лопарскаго племени— поэтому, не зная о лопарской смертности въ Швеціи и Норвегіи, сказать что-нибудь о вырожденіи лопарей вообще невозможно. И относительно скандинавскихъ лопарей существуетъ тоже разногласіе по вопросу о ихъ вымираніи, и также, какъ и въ отношеніи лопарей русскихъ, большинство склоняется къ мнѣнію о недолговѣчности лопарей. А. Эккеръ [1]) сообщаетъ, что и у самихъ лопарей ходитъ преданіе, согласно которому они были нѣкогда народомъ гораздо болѣе многочисленнымъ, чѣмъ теперь, и распространялись далеко южнѣе; самъ Эккеръ придерживается мнѣнія о вымираніи лопарей, называя ихъ народомъ—руиной (Völkerruine), народомъ, который, тѣснимый все дальше на сѣверъ, зачахъ (verkümmerte) и что въ непродолжительномъ времени лопари перестанутъ существовать.

Такого-же мнѣнія держится и Кёхлинъ-Шварцъ: въ эти послѣдніе годы, пишетъ онъ, населеніе лопарское скорѣе уменьшилось, чѣмъ возрасло. Они занимаютъ съ каждымъ годомъ все меньше и меньше мѣста, и все заставляетъ опасаться, что послѣ бо̀льшаго или мѐньшаго промежутка времени лопари и ихъ сѣверные олени исчезнутъ съ лица норвежской, и шведской, и русской земли [2]).

Вирховъ [3]) на основаніи своихъ наблюденій надъ лопарями склоненъ думать, что лопари представляютъ собой деградировавшее племя; они, благодаря разнымъ неблагопріятнымъ условіямъ, измѣнили свой физическій типъ; благодаря этимъ-же условіямъ они, такъ сказать, зачахли.

Этимъ мнѣніямъ Эккера, Кёхлина-Шварца и Вирхова противорѣчатъ слова Дюбена, по словамъ котораго лопарское населеніе увеличилось въ Швеціи и Норвегіи. На основаніи положительныхъ, хотя и неполныхъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, статистическихъ данныхъ, пишетъ онъ, мы можемъ утверждать, что въ Швеціи лопарское населеніе, числящееся чисто кочевымъ, увеличилось съ начала этого вѣка приблизительно на 1.000 человѣкъ и до 3.000 въ Норвегіи. Но въ Финляндіи лопарское населеніе, повидимому, убыло; въ то-же время лопарское населеніе, перешедшее къ осѣдлости, увеличилось во всѣхъ трехъ странахъ (въ Норвегіи въ 20-ть лѣтъ приблизительно на 2.000 человѣкъ [4]). Слова Дюбена получаютъ особенный вѣсъ, если вспомнить, что они основаны на статистическихъ данныхъ; что-же касается до Финляндіи, въ которой онъ видитъ уменьшеніе лопарей, то, если это относится къ русскимъ лопарямъ, живущимъ по границѣ съ Швеціей, то 1) свѣдѣнія о русскихъ лопаряхъ могли быть не точны и 2), что особенно важно, финляндскіе лопари, кочуя съ своими стадами, весьма часто переходятъ границу и переселяются въ шведскіе предѣлы, чѣмъ увеличиваютъ число шведскихъ лопарей въ ущербъ финляндскимъ. Поэтому если даже откинуть данныя, относящіяся, какъ къ Швеціи,

[1]) A. Ecker Lappland u. die Lappländer. 1878, стр. 14—15.
[2]) Koechlin-Schwartz. Un touriste en Laponie. 1882, стр. 151 -152.
[3]) Zeitschrift. f. Ethnologie. 1875. VII.
[4]) Düben: La Laponie et les Lapons, стр. 341.

такъ и къ Финляндіи, то все-же мы получимъ, что лопари норвежскіе, гораздо болѣе многочисленнѣе русскихъ, получили также значительный приростъ.

Слѣдовательно и о скандинавскихъ лопаряхъ, основываясь на болѣе или менѣе точныхъ статистическихъ данныхъ, сказать нельзя, что они вымираютъ и, если немного, то все-таки постепенно приращаются.

Но приращеніе это неособенно значительное: 1—1,5% (исключительный повидимому max. 2,1%) въ годъ, когда нѣтъ эпидемій, для одной части русской Лапландіи. Поэтому если даже допустить, что такой небольшой приростъ существуетъ во всей, хотя бы лишь русской, Лапландіи, не естественно-ли будетъ задаться вопросомъ, не доказываетъ-ли этотъ ничтожный процентъ перевѣса числа рожденій надъ числомъ смертныхъ случаевъ, что лопари, если и не вымираютъ окончательно, если они и приращаются теперь, то это лишь борьба послѣднихъ жизненныхъ силъ, что процентъ рожденій, все сильнѣе и сильнѣе уменьшаясь, наконецъ уступитъ—перевѣсъ возьметъ число смертныхъ случаевъ и—лопари вымрутъ. Для рѣшенія этого вопроса необходимо обратиться къ свѣдѣніямъ о плодовитости лопарскихъ женщинъ; если окажется, что онѣ плодовиты, то вымираніе племени доказать нельзя будетъ и наоборотъ. Я не располагаю точными свѣдѣніями опять-таки со всѣхъ мѣстъ Лапландіи, но относительно Печенги и Мотки за 1855—1873 и Пазрѣки за 1874—1887 гг., можно сдѣлать нѣкоторые выводы, хотя лишь отрывочные.

Изъ вышеприведенной таблицы по Печенгскому приходу (пог. Печенга, Мотка, Пазрѣка) за 1855—1873 гг. всего родилось—141 чел. об. пола, населеніе этихъ погостовъ возрасло приблизительно на 42,7%, процентъ значительный для 19 лѣтъ; но изъ всѣхъ дѣтей, рожденныхъ за эти годы, въ возрастѣ до пяти лѣтъ умираетъ 65 человѣкъ, это составитъ болѣе 46% всѣхъ родившихся, или около 37% всѣхъ умершихъ лопарей за это время,—отчего убыль населенія. Въ Пазрѣкѣ за года 1874—1887 всего родилось—65 чел., слѣдовательно населеніе сравнительно съ 1874 г., когда считалось въ погостѣ 109 чел. об. пола, возрасло на 61,3%; изъ всѣхъ родившихся умерло до 1-го года 11 дѣтей, т. е. около 17%, отъ одного года до 5-ти лѣтъ—9 чел., или около 13,8%, отъ 5-ти до 10-ти лѣтъ—5 чел. около 7,6%, отъ 10-ти до 20-ти лѣтъ—1 чел. или 1,6% и отъ 20-ти до 30-ти лѣтъ—3 чел. или 4,6%, всего въ дѣтскомъ возрастѣ (до 10 лѣтъ) умерло 38,4% всѣхъ родившихся, или, принявъ во вниманіе, что всего умершихъ за эти года было 45 чел., окажется, что на дѣтей до 10-лѣтняго возраста падаетъ 24 человѣка, или 53,5% всѣхъ умершихъ. Отъ 10-ти до 20-тилѣтняго возраста процентъ смертности быстро падаетъ съ 7,6% до 1,6 и снова увеличивается въ возрастѣ отъ 20-ти до 30-ти лѣтъ. Сопоставляя данныя, окажется, что за 1855—1878 гг. процентъ умершихъ до 30-ти лѣтъ въ Печенгскомъ приходѣ равнялся 59,6%, а въ погостѣ Пазрѣцкомъ съ 1874 по 1887 62,2%—что составляетъ огромный процентъ. Однимъ словомъ изъ умирающихъ почти 60% падаетъ на лицъ, недостигшихъ еще 30-лѣтняго возраста, и лишь 40% на лицъ, перешедшихъ этотъ возрастъ.

Изъ приведенныхъ цифръ становится ясной причина малаго процента наростанія лопарскаго племени. Но какъ же выяснить себѣ вопросъ о плодовитости лопарокъ? Изъ находящихся у меня данныхъ трудно сказать что-либо опредѣленное, такъ какъ неизвѣстно число паръ находившихся въ 1874 г. въ Пазрѣцкомъ погостѣ. Но у А. И. Кель-

сіева встрѣчаются, хотя и отрывочныя, данныя: „въ средней Лапландіи, пишетъ онъ, 12 женщинъ пожилыхъ были беременны въ общей сложности 65 разъ, причемъ послѣдняя беременность была на пятидесятомъ году жизни, что составляетъ на каждую женщину 5,4 случая. Результатомъ этихъ 65-ти беременностей явились 2 выкидыша, 1 мертворожденный, 2 раза двойни — всего 60 живыхъ младенцевъ, изъ коихъ въ наличности осталось только 22" [1]). Эти слова краснорѣчиво говорятъ о плодовитости лопарокъ, такъ какъ 5,4 случая беременности на каждую женщину цифра довольно высокая. Далѣе неоднократно и мнѣ самому приходилось слышать отъ лопарокъ что одна имѣла 5, другая 8, третья 12 дѣтей и что всѣ умерли, или что умерла половина рожденныхъ. Хотя всѣ эти свѣдѣнія лишь крайне отрывочны, но и они насъ убѣждаютъ въ томъ, что плодовитостью лопарки не только не отстаютъ отъ многихъ мѣстностей Россіи, но даже въ этомъ отношеніи стоятъ подчасъ выше ихъ. Поэтому неправильнымъ кажется мнѣ выводъ, сдѣланный покойнымъ А. И. Кельсіевымъ, когда онъ, послѣ вышеприведенной мною цитаты, говоритъ: „соединяю вмѣстѣ сдѣланные опросы:

Въ Поноѣ	7	семей —	12	дѣтей
„ Барышихѣ и Харловкѣ . . .	21	„	24	ребенка
„ Варзинѣ	13	„	20	дѣтей
Разныя селенія.	12	„	22	ребенка
Итого въ	53	семьяхъ	78	дѣтей,

т. е. менѣе 1,5 живаго ребенка на каждую пару. Фактъ краснорѣчиво свидѣтельствующій вымираніе племени" [2]). О вымираніи племени, на мой взглядъ, можно лишь говорить въ томъ смыслѣ, что данное племя не имѣетъ больше силъ производить потомство, вслѣдствіе чего число рожденій съ каждымъ годомъ падаетъ; если же число рожденій довольно значительно для поддержанія племени, но какія-нибудь побочныя обстоятельства вырываютъ съ каждымъ годомъ слишкомъ большое число жертвъ, такъ что происходитъ уменьшеніе населенія, напр. эпидеміи, отсутствіе гигіеническихъ условій, медицинской помощи и т. п., то о вымираніи въ настоящемъ смыслѣ этого слова мы не можемъ еще говорить, такъ какъ мгновенно же за удаленіемъ этихъ неблагопріятныхъ условій послѣдуетъ значительный приростъ населенія. Плодовитость лопарокъ несомнѣнна, хотя бы и на основаніи вышеприведенныхъ случайныхъ опросовъ А. И. Кельсіева, но смертность дѣтей понижаетъ приростъ населенія подчасъ до ничтожнаго процента. Смертность же дѣтей происходитъ въ свою очередь отъ тѣхъ ужасныхъ условій, въ которыя поставлены лопари, благодаря своей полукочевой жизни, благодаря отсутствію до послѣдняго времени почти всякой медицинской помощи, вслѣдствіе чего умирали и дѣти, и взрослые. О. Константинъ Щеколдинъ приводитъ краснорѣчивые факты, говорящіе въ пользу того, что смертность происходитъ, именно, отъ этихъ неблагопріятныхъ условій: „случалось, говорятъ, пишетъ онъ въ приложеніи къ таблицамъ, присланнымъ мнѣ, что во время дороги (при передвиженіи лопарей) на тундрѣ и рожали, а больные и умирали!.... Въ 1876 году, въ быт-

[1]) Изв. Импер. Общ. Любителей Естествознанія, т. XXXV, ч. I, вып. 4, стр. 495.
[2]) Ibid.

ность мою въ Пазрѣкѣ, женщина родила у церкви въ погостѣ младенца, а черезъ три дня ее уже подъ руки повели въ осеннее мѣсто за 100 верстъ“ и далѣе по отношенію къ Пазрѣцкому погосту, въ которомъ рождаемость превышаетъ смертность, онъ говоритъ, что „меньшее количество умершихъ, можетъ быть, зависитъ много и оттого, что лопари нынѣ не рѣдко за помощью во время болѣзней обращаются и къ норвежскому врачу“. При такихъ условіяхъ, какъ вышеприведенныя, легко объяснить, почему такой огромный процентъ смертности падаетъ на дѣтей до 5 лѣтняго возраста, почему, по Пазрѣцкимъ спискамъ, наибольшій процентъ смертности падаетъ на дѣтей до 1 года, когда ребенокъ еще не въ силахъ бороться съ неблагопріятными для его здоровья условіями. Мнѣ лично, при путешествіи по Лапландіи, приходилось быть свидѣтелемъ, въ какихъ условіяхъ находятся грудныя дѣти. Если лопарка садилась въ качествѣ гребца въ лодку и у ней былъ ребенокъ, она спокойно брала выбку, къ которой грязными тряпками былъ привязанъ обернутый въ не менѣе грязныя тряпки ребенокъ, клала его на дно лодки и покрывала старыми оленьими шкурами; нерѣдко, если лодка протекала, ребенокъ лежалъ въ сырости. Важно и то, что, по мнѣнію о. К. Щеколдина, смертность уменьшается по мѣрѣ обращенія лопарей за медицинскою помощью, къ сожалѣнію, къ норвежскому врачу.

Подводя итоги всему вышесказанному о населеніи лопарей, отмѣчу, что 1) мнѣнія о вымираніи лопарскаго племени не основаны на положительныхъ данныхъ, такъ какъ цифры, на которыхъ зиждились эти мнѣнія, не вѣрны, 2) все заставляетъ думать, что лопари увеличиваются численностью, такъ какъ на основаніи статистическихъ данныхъ для Норвегіи и церковныхъ книгъ для большей половины русской Лапландіи приростъ несомнѣненъ, кромѣ Пазрѣки и Мотки, гдѣ свирѣпствовавшія эпидеміи понизили число жителей съ 226 чел. об. п. (по свѣдѣніямъ 1861 г.) до 175 ч. Но за послѣднія 13 лѣтъ съ 1873 до 1886 г. населеніе снова возросло до 222 чел. об. п., т. е. на 3,7 человѣка среднимъ числомъ въ годъ, или 2,1% въ годъ. Подозрѣвать чрезмѣрную смертность въ другой меньшей половинѣ русской Лапландіи мы основанія не имѣемъ. Наконецъ, лопарскія женщины подчасъ больше плодовиты, чѣмъ женщины многихъ мѣстъ, населенныхъ великоруссами и 3) что процентъ прироста населенія низокъ, такъ какъ негигіеническія условія, въ которыхъ находятся дѣти, пораждаютъ много смертныхъ случаевъ въ дѣтскомъ возрастѣ въ Лапландіи, а отсутствіе, вообще, медицинской помощи вырываетъ значительную долю взрослаго населенія.

Итакъ, если, не смотря на всѣ неблагопріятные факты, лопари находятъ въ себѣ достаточно силы, чтобы, хотя и довольно медленно, увеличиваться, то, какъ мнѣ кажется, говорить о вымираніи лопарей пока преждевременно; стоитъ лишь поставить ихъ въ болѣе благопріятныя условія, усилить медицинскую помощь—и численность лопарей будетъ сильно увеличиваться.

Итакъ, этотъ „народъ-развалина“ (völkerruine) сохранилъ въ себѣ еще жизненную силу и упорно борется съ природой, съ климатомъ, съ цѣлымъ рядомъ неблагопріятныхъ условій и, хотя съ большимъ урономъ для себя, выходитъ изъ этой борьбы пока побѣдителемъ.

Но, оттѣняя, что русскіе лопари не представляютъ изъ себя племени вымираю-

щаго, считаю долгомъ указать, что лопари, живущіе въ предѣлахъ Россіи, несомнѣнно русѣютъ. Вліяніе русское, конечно, сказывается пока главнымъ образомъ лишь среди лопарей тѣхъ погостовъ, которые лежатъ по близости къ Колѣ и нѣкоторымъ становищамъ русскихъ рыбопромышленниковъ; какъ и всегда бываетъ вліяніе пока чисто внѣшнее: оно выражается до извѣстной степени въ одеждѣ, пѣсняхъ, отчасти въ пищѣ; оно проходитъ уже и въ языкъ лопарскій, который воспринимаетъ въ себя много русскихъ словъ; оно выражается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и въ постройкѣ жилищъ; лопари стараются замѣнить свой пыртъ русской избой и свой комелекъ русской печкой. Многіе обряды заимствованы лопарями у русскихъ. Пока это вліяніе относительно слабо: но нужно вспомнить, что въ продолженіе всего многовѣковаго знакомства русскихъ съ лопарями ничего для орусѣнія ихъ не было сдѣлано. Напротивъ того, всѣ обстоятельства складывались такъ, что могли скорѣе отдалить лопарей отъ русскихъ: кромѣ насмѣшекъ (коляне называютъ лопарей ска́тами — безобразная морская рыба и шанежниками отъ шаньга—ватрушка), кромѣ обмана лопари ничего не видали отъ русскихъ. Но разъ при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ все-таки существуетъ тяготѣніе ко всему русскому, слѣдуетъ ожидать, что лопари, имѣвшіе достаточно силы, чтобы бороться съ самыми неблагопріятными условіями и вышедшіе изъ этой борьбы побѣдителями, не будутъ въ состояніи отстоять свою національность подъ напоромъ болѣе культурныхъ сосѣдей и постепенно орусѣютъ, хотя бы мѣръ для орусѣнія ихъ и не предпринималось. Просвѣщеніе лопарей христіанствомъ, грамотность, улучшеніе ихъ быта ускоритъ лишь орусѣніе ихъ.

Указавъ на то, что между прочими причинами, уменьшающими численность лопарей, являются болѣзни, часто эпидемическія, посѣщающія Лапландію, съ одной стороны, а съ другой отсутствіе медицинской помощи, я позволю себѣ слегка коснуться, какъ устройства врачебной помощи въ Лапландіи, такъ и тѣхъ болѣзней, которыя наиболѣе часто господствуютъ у лопарей. Если не считать крайне полезныхъ больницъ Краснаго Креста, устроенныхъ сравнительно недавно въ становищахъ русскихъ рыбопромышленниковъ на Мурманскомъ берегу—Лапландія окажется почти лишенной всякой врачебной помощи и лопари, предоставленными вѣдаться съ своими болѣзнями своему усмотрѣнію. Вышеупомянутыя больницы Краснаго Креста имѣютъ цѣлью помогать русскимъ поморамъ, которые съ береговъ Бѣлаго моря уходятъ на все лѣто на Мурманскій берегъ для производства лова; цѣлый рядъ неблагопріятныхъ условій пораждаетъ здѣсь разныя болѣзни среди пришельцевъ и прежде они оказывались оставленными на произволъ судьбы. Помочь пришельцамъ, дать имъ возможность при хорошемъ уходѣ вылѣчиться и составляло главную цѣль при устройствѣ этихъ больницъ. Уже самой цѣлью, которую преслѣдовали при ихъ устройствѣ, объясняется то, что онѣ открыты лишь на время промысловъ, съ прекращеніемъ же промысла и больницы закрываются. Слѣдовательно, если даже допустить, что онѣ могли-бы оказывать пользу лопарямъ, то и эта польза была-бы лишь временной, въ періодъ лишь лѣта; остальное же время года лопари оставались-бы почти безъ всякой помощи. Но эти пріемные покои едва-ли могутъ приносить много пользы лопарямъ, даже лѣтомъ. Тамъ, гдѣ недалеко отъ становищъ ютятся и лопари на своихъ тоняхъ, они могутъ еще до извѣстной степени сослужить свою службу, если лопарь, за-

болѣвъ, обратится къ врачебной помощи. Въ большинствѣ же случаевъ лопарь ловитъ рыбу далеко не такъ близко отъ становищъ, чтобы ему было удобно, если онъ захворалъ болѣзнью, которая не свалитъ его съ ногъ, бросать ловъ и совершать путешествіе и продолжительное, и крайне утомительное, благодаря трудностямъ путей сообщенія. Если же болѣзнь серьезная, то родственники захворавшаго, потерявши лишнюю рабочую силу и стремясь скорѣе покончить свой ловъ, отъ успѣха котораго зависитъ ихъ благосостояніе на цѣлый годъ, и подавно не отнесутъ его въ близъ лежащую больницу. Такимъ образомъ устройство на Мурманскомъ берегу пріемныхъ покоевъ для русскихъ промышленниковъ, приносящее пользу этимъ послѣднимъ, для лопарей едва-ли можетъ имѣть серьезное значеніе, хотя-бы даже въ періодъ промысловъ.

На весь Кольскій уѣздъ приходится лишь одинъ врачъ, живущій въ г. Колѣ. Дѣйствительно въ періоды, когда лопари бываютъ въ Колѣ, для разсчетовъ съ хозяевами, они и обращаются къ нему. Зимой врачъ дѣлаетъ разъѣзды по погостамъ, но, имѣя врачебный районъ въ 2600 кв. миль, онъ при всей энергіи можетъ принести лишь мало пользы. Онъ дѣйствительно можетъ больнаго освидѣтельствовать, снабдить его лѣкарствами и совѣтами, но онъ не имѣетъ возможности наблюдать за нимъ. Благодаря небрежному отношенію лопарей къ лѣкарствамъ и эта посильная помощь кольскаго уѣзднаго врача иногда обращается въ ничто. Оказывать же желательную помощь является невозможнымъ для врача. Если даже предположить, что врачъ ѣздитъ безостановочно изъ края въ край русской Лапландіи, лишь между двумя крайними погостами, не заѣзжая въ другіе погосты, то и тогда ему приходилось-бы дѣлать нѣсколько сотъ верстъ въ одинъ конецъ и больнаго оставленнаго въ одномъ изъ этихъ погостовъ, онъ могъ-бы увидѣть лишь по прошествіи нѣсколькихъ дней. Слѣдовательно даже зимой, когда лопари живутъ въ своихъ зимнихъ погостахъ, когда по всей Лапландіи можно скоро проѣхать на оленяхъ, то и тогда о правильной врачебной помощи не можетъ быть и рѣчи. Лѣтомъ же, когда пути сообщенія въ Лапландіи прерываются, когда изъ селенія въ селеніе можно попасть только частью въ лодкѣ, частью пѣшкомъ, когда, наконецъ, сами лопари разсѣиваются по своимъ тонямъ — врачебной помощи ужъ никакой ждать нельзя: что является неисполнимымъ даже зимой, когда лопари группируются въ своихъ зимнихъ погостахъ, когда дороги хороши, о томъ, конечно, лѣтомъ и подавно рѣчи быть не можетъ. Сами лопари не обращаются обыкновенно къ врачу въ лѣтнее время по вышеуказанной уже причинѣ — боязни потерять дорогое для лопаря время лова. Зимой, если они и обращаются, то опять таки о правильномъ лѣченіи рѣчи быть не можетъ. Если лопарь и привезетъ своего больнаго родственника, или если больной пріѣдетъ самъ, то врачъ вынужденъ опять-таки ограничиться лишь совѣтомъ и лѣкарствомъ. Жить лопарю въ Колѣ съ больнымъ негдѣ и, если кто-либо и уступилъ-бы помѣщеніе для больнаго, то это обошлось-бы для лопаря слишкомъ дорого. А объ устройствѣ больницы въ Колѣ въ 1887 г., въ бытность мою тамъ, шли только разговоры. Но если-бы больница и была устроена, то все-таки лопарямъ изъ многихъ погостовъ было-бы слишкомъ далеко ѣхать въ Колу и больница, разъ она будетъ единственная на весь уѣздъ, принесетъ все-таки мало пользы.

Между тѣмъ врачебная помощь рѣшительно необходима: отсутствіе ея заставляетъ и до сихъ поръ сохраняться обычаю, оставлять больныхъ на дорогѣ во время перекоче-

вокъ, или нести ихъ съ собой, вслѣдствіе чего многіе и умираютъ во время перехода. А болѣзней въ Лапландіи много. Кромѣ парши, глазныхъ болѣзней, лихорадокъ здѣсь господствуетъ сифилисъ, горячки, оспа, тифъ и дефтеритъ. Слѣдствіемъ этого и является, что лопари умираютъ въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ это было-бы при хорошо организованной врачебной помощи, такъ какъ, повторяю, одинъ врачъ на 2600 кв. м. не можетъ, при всемъ желаніи, принести достаточной пользы. Неудивительно поэтому, что лопари обращаются за неимѣніемъ врачей къ своимъ знахарямъ, которые и лѣчатъ ихъ своими средствами, нерѣдко лишь усиливая при посредствѣ ихъ болѣзнь. О народныхъ способахъ лѣченія я скажу подробнѣе въ своемъ мѣстѣ.

Такъ какъ извѣстно, что на продолжительность жизни и здоровье народа имѣетъ большое вліяніе и употребляемая имъ пища, то здѣсь я думаю коснуться въ общихъ чертахъ и этого вопроса. Въ вопросѣ о пищи у лопарей слѣдуетъ отличать пищу, употребляемую ими въ лѣтнее время, отъ пищи, которой они пользуются зимой. Главное различіе въ этомъ случаѣ будетъ заключаться въ употребленіи мяса. Зимой лопари почти всегда имѣютъ оленье мясо, либо свѣжее, либо соленое, или вяленое. Лѣтомъ о мясѣ и рѣчи быть не можетъ, такъ какъ оленей бьютъ лишь зимой, и главной пищей является свѣжая рыба, которая въ свою очередь зимой становится рѣже и замѣняется соленой и сушеной рыбой. Хлѣба лопари ѣдятъ вообще мало, многіе не умѣютъ и приготовлять его, такъ какъ лопарскій очагъ не пригоденъ для печенія хлѣба. Поэтому у лопарей въ обычаѣ приготовлять особый видъ лепешокъ изъ тѣста: въ небольшомъ количествѣ воды замѣшиваютъ густо ржаную муку и затѣмъ получившееся тѣсто раздавливаютъ въ круглую лепешку и, прислонивъ ее къ каменной плиткѣ, ставятъ къ огню. Когда лепешка испечется, ее обмакиваютъ въ уху, или горячую воду. Бѣдные лопари, однако, хлѣба почти не ѣдятъ вовсе, вмѣсто хлѣба, который богатые лопари покупаютъ, и лепешки (рѣзки), которые богатые изготовляютъ на своемъ очагѣ—бѣдные лопари скоблятъ кору отъ сосны; кору сушатъ, потомъ мелко рубятъ, смѣшиваютъ на половину съ ржаной мукой и ѣдятъ вмѣстѣ съ ухой или мяснымъ супомъ. Это такъ называемая „піэць-хутъ“—сосновая каша. Кромѣ рыбы и оленьяго мяса употребляютъ въ пищу и дичь, которой изобилуетъ Лапландія. Нотоверы птицу, однако, никогда не жарятъ—напротивъ всегда варятъ. Конечно, пища лопарей далеко не всегда одинакова: и въ данномъ случаѣ нужно отличать будни отъ праздничныхъ дней. Въ будни употребляется обыкновенно соленая рыба (сиги, харіусы, кумжа, налимы, окуни, щуки), оленье мясо, пойда (оленье сало). Пойда приготовляется такъ: вокругъ оленьихъ кишокъ обрѣзываютъ сало, моютъ его и запихиваютъ плотно въ кишки, которыя затѣмъ и вѣшаютъ пока онѣ не высохнутъ. Употребляютъ въ пищу также икру рыбъ (за исключеніемъ семужьей икры), которую лопари продаютъ и себѣ не оставляютъ: ее смѣшиваютъ съ масломъ, толкутъ и затѣмъ жарятъ. Въ праздники ѣдятъ свѣжую рыбу и кашу, употребляютъ много соли, которую очень любятъ. Самымъ праздничнымъ кушаньемъ считается кулебяка съ свѣжей, хорошей рыбой; но она появляется лишь въ рѣдкихъ и въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ даже у богатыхъ лопарей. Въ постные дни пробавляются ягодами: вороникой, брусникой и морошкой. Многіе авторы передаютъ также, что терскіе лопари употребляютъ во время поста куропатокъ, считая ихъ за „летучую рыбу“. Этого обычая, въ бытность мою въ Лапландіи, я провѣрить не могъ.

Чай лопари любятъ, но, вслѣдствіе дороговизны его, употребляютъ мало. Богатые кромѣ чая пьютъ еще сассапарель.

Лопари, вообще, ѣдятъ много и довольно часто. Часовъ въ 6 утра они начинаютъ свой день ѣдой соленой рыбы, сыромъ изъ оленьяго молока, пьютъ, кто можетъ, чай, или молоко. Въ полдень они обѣдаютъ, обѣдъ состоитъ изъ ухи, соленой, или вареной рыбы; въ 4 часа снова принимаются за пищу и кончаютъ свой день въ 9 часовъ вечера ужиномъ (экисьверръ), во время котораго ѣдятъ тоже, что и за обѣдомъ. Если нѣтъ никакой спѣшной работы, то послѣ ужина идутъ спать. Пьютъ водку, какъ я сказалъ уже, много; пьютъ всѣ мужчины, начиная съ 16 лѣтъ, женщины по выходѣ замужъ. Женщины въ употребленіи водки не уступаютъ мужчинамъ. Но, какъ я уже сказалъ, пьютъ рѣдко и, если лопарь уѣзжаетъ изъ Колы и дѣлаетъ запасъ водки (бѣдные не меньше четверти), то онъ и бережетъ ее для самыхъ торжественныхъ случаевъ своей жизни. Изъ этого краткаго очерка пищи лопарей достаточно ясно, что въ общемъ лопари пользуются пищей хорошей, если не считать тѣхъ бѣдняковъ, которые вынуждены питаться мукой, смѣшанной на половину съ сосновой корой, что пища ихъ во многихъ отношеніяхъ и лучше, и обильнѣе пищи не только многихъ инородцевъ, живущихъ въ предѣлахъ Россіи, но и русскихъ крестьянъ многихъ нашихъ уѣздовъ.

Указавъ на внѣшность и характеръ лопарей и на ихъ численность, перейду теперь къ описанію ихъ одежды, обстановки и экономическаго положенія, чтобы покончивъ съ этимъ отдѣломъ, остановиться на ихъ древнихъ и современныхъ религіозныхъ представленіяхъ и подробностяхъ изъ прошлаго и настоящаго быта.

Что касается одежды, то въ этомъ отношеніи скандинавскіе лопари отличаются отъ нашихъ. Это не удивительно: каждая изъ этихъ группъ лопарей, имѣя долгое столкновеніе съ сосѣдями, совершенно различными по быту, отличающимися другъ отъ друга и костюмомъ, приняли въ рядъ своихъ одеждъ элементы чуждые: скандинавскіе отъ шведовъ и норвежцевъ, русскіе лопари отъ русскихъ сосѣдей. Но это различіе относится, собственно, лишь къ лѣтнему костюму; что же касается зимняго—онъ почти не разнится у лопарей обѣихъ группъ.

У прежнихъ писателей встрѣчаются разнообразныя описанія лопарскаго костюма; подчасъ этотъ костюмъ даже роскошенъ: онъ обитъ дорогими мѣхами, отдѣланъ золотомъ и т. п. Не останавливаясь подробно на этихъ извѣстіяхъ, носящихъ больше характеръ сказокъ, приведу слова Ацерби, который считаетъ нужнымъ опровергнуть и эти мнѣнія, какъ и другія мнѣнія прежнихъ писателей, несогласныя съ дѣйствительностью. „Нѣкоторые писатели, читаемъ мы у него, утверждали, что лопари носятъ украшенныя золотомъ и серебромъ одежды; другіе также убѣдительно доказываютъ, что одежда ихъ сдѣлана изъ шкуръ тюленей (Seekälber) и медвѣдей, и скроены такъ, что лопари смотрятъ въ нихъ зашитыми въ мѣшки. Но эти мнѣнія окончательно не вѣрны, какъ и то, что передаетъ другой писатель, что женщины въ Лапландіи носятъ покрывала, сшитыя изъ жилъ и внутренностей дикихъ животныхъ“ [1]). Таковы сказочные разсказы,

[1]) J. Acerbi Reise d. Schweden. стр., 443.

которыми вполнѣ довольствовались прежніе писатели. Въ виду недостовѣрности этихъ передачъ, я перейду прямо къ современному костюму лопарей. Начну со скандинавскихъ.

Кёхлинъ-Шварцъ, одинъ изъ послѣднихъ путешественниковъ по Лапландіи, описываетъ ихъ костюмъ слѣдующимъ образомъ: 1) блуза, нисходящая до колѣнъ, изъ грубой шерстяной матеріи бѣлаго, синяго, краснаго, чернаго или зеленаго цвѣтовъ, отдѣланная внизу шерстяной тесьмой различнаго цвѣта, но всегда рѣзко отдѣляющагося отъ цвѣта блузы; воротъ у этой блузы высокій и жесткій. Блуза перехватывается кожанымъ поясомъ, на которомъ виситъ ножикъ, съ которымъ лопарь никогда не разстается. 2) штаны бѣло-сѣраго цвѣта, узкіе внизу, 3) обувь (comager)—полусапожки кожаные, мягкіе, безъ каблуковъ и съ острымъ поднятымъ вверхъ носкомъ: въ него забиваютъ траву; чулковъ не носятъ. 4) На головѣ колпакъ изъ красной или желтой шерсти, иногда закругленный, но чаще четырехъ-угольный—твердый. Зимой они на этотъ костюмъ надѣваютъ второй такой-же, сдѣланный, однако, не изъ шерсти, а изъ оленьей шкуры, шерстью наружу. Зимніе komager'ы дѣлаются изъ оленьей шкуры, тоже шерстью наружу, лѣтніе же дѣлаются изъ шкуры оленя, или коровы. Когда становится слишкомъ холодно, они надѣваютъ сверхъ всего этого „нѣчто въ видѣ „пальто“ съ капюшономъ, что заставляетъ ихъ имѣть видъ маленькихъ медвѣдей“. Лѣтомъ носятъ шерстяныя перчатки; зимой—перчатки изъ оленьей шкуры. Что касается употребленія бѣлья, то, по наблюденію Кехлина-Шварца, они носятъ коленкоровыя сорочки—лѣтомъ, которыя на зиму замѣняются подобіемъ жилета изъ овечьей шкуры; надѣваютъ ее такъ, чтобы шерсть была обращена къ тѣлу.

Женщины, по словамъ того же автора, одѣваются почти также, какъ и мужчины, съ такой же блузой и штанами (изъ шерсти—лѣтомъ и изъ оленьей шкуры—зимой). Разница въ головномъ уборѣ: онъ изъ сукна то круглой формы, то „на подобіе шлема Минервы“. Костюмъ обоихъ половъ настолько схожъ, что Кехланъ-Шварцъ признается, что онъ часто путалъ ихъ, тѣмъ болѣе, что лопари часто безбороды. Дѣти, какъ только покидаютъ колыбель, получаютъ тотъ же костюмъ, какъ и ихъ родители. [1]).

Что касается русскихъ лопарей, то ихъ костюмъ нѣсколько отличается отъ костюма скандинавскихъ. Лѣтомъ они носятъ рубаху (пайдъ) обыкновенно ситцевую разныхъ цвѣтовъ и штаны суконные (сарги-пуксъ) узкіе, особенно внизу. Эти сарги-пуксъ иногда замѣняются штанами также изъ ситца. Поверхъ этого они надѣваютъ еще суконную одежду до колѣнъ съ рукавами (кяхтянъ), покроемъ и именемъ ясно обнаруживающій свое родство съ русскимъ кафтаномъ. Головнымъ уборомъ служитъ колпакъ, вязанный изъ шерсти, мягкій, съ острымъ верхомъ, бѣлосѣраго цвѣта съ каймой изъ разноцвѣтной шерсти, преимущественно красной, желтой и черной; узоръ этой каймы обыкновенно представляетъ собой рядъ квадратовъ. На ногахъ лѣтомъ носятъ нюреньки, такъ сказать, туфли изъ оленьей или другой кожи, безъ каблуковъ: въ нихъ также, какъ и въ комагеры, набиваютъ травы, носки, какъ и у комагеровъ, заострены и приподняты къ верху.

---

[1]) Koechlin-Schwartz Un touriste en Laponie, Стр 165—167.

Зимой мужчины сверхъ лѣтней рубахи надѣваютъ вязаный изъ разноцвѣтной шерсти жилетъ-фуфайку, такъ называемую, бузурунку, затѣмъ печокъ—длинную, спускающуюся далеко ниже колѣнъ, одежду съ прорѣзомъ лишь для головы и рукъ; печокъ дѣлается изъ оленьей шкуры шерстью наружу, съ довольно широкими рукавами; затѣмъ штаны изъ оленьей шкуры шерстью также вверхъ, узкіе — комасъ-пунсъ. На ногахъ—яры, длинные сапоги, сдѣланные изъ оленьей шкуры, шерстью наружу; яры, чрезвычайно красивы: они сшиты изъ шкуръ молодыхъ оленей и состоятъ изъ ряда узкихъ продольныхъ полосокъ, при чемъ полосы изъ темной шкуры чередуются съ полосами изъ шкуры бѣлаго цвѣта. Иногда на швахъ, соединяющихъ эти полоски, пришиты треугольники изъ сукна чернаго, краснаго и желтаго цвѣта. Носки у яровъ, какъ и у нюренковъ, острые, длинные, приподнятые вверхъ. Иногда вмѣсто яровъ надѣвается обувь, называемая на сѣверѣ каньги (лопарями—камнэ)—это тѣ же нюреньки, сдѣланные лишь изъ оленьей шкуры шерстью вверхъ и иногда украшенные, какъ и яры, разноцвѣтными полосками. Зимняя шапка (капперъ) рѣзко отличается отъ лѣтняго колпака: она съ четырехугольнымъ дномъ, разноцвѣтная, украшена подчасъ также треугольниками изъ разноцвѣтнаго сукна и опушенная мѣхомъ: оленьимъ, лисьимъ и т. п., къ затылку она спускается и закрываетъ шею отъ дѣйствія холода. И лѣтомъ и зимой русскіе лопари носятъ рукавицы—лѣтомъ вязанныя изъ шерсти, преимущественно бѣлыя, зимой изъ оленьей шкуры шерстью вверхъ. Эти послѣднія носятъ лопарское названіе кяста. Необходимую принадлежность лопарскаго туалета составляютъ опоры (по лоп. водды).

Таковъ костюмъ русскаго лопаря зимой и лѣтомъ. Вліяніе сосѣдей русскихъ сказывается преимущественно въ кяхтанѣ и рубахѣ. Что касается перваго, то употребленіе его въ 40-хъ годахъ было еще рѣдко. По словамъ Верещагина [1]), лопари лѣтомъ носятъ юпу—одежду такого же покроя, какъ и печокъ, только суконную (юпа теперь почти исключительно женская одежда); на ней преимущественно проявляется изящный вкусъ лопаря, ибо около ворота юпы нашиваются маленькіе кусочки разноцвѣтныхъ суконъ. Въ довершеніе изящества лопарь, одѣтый въ юпу, надѣваетъ, вмѣсто національной своей шапки, нашу шапку, или картузъ съ козырькомъ. Многіе лопари, продолжаетъ онъ, обзавелись и русскими кафтанами и даже сюртуками, въ которыхъ дѣлаютъ свои парадные визиты къ пріѣзжающему въ погостъ важному въ уѣздѣ лицу. Что касается сюртуковъ, то лично мнѣ не приходилось ни видѣть, ни слышать про лопарей, одѣвающихся въ сюртукъ; что же касается картузовъ, то дѣйствительно нѣкоторые лопари, живущіе по преимуществу по близости къ г. Колѣ, носятъ ихъ вмѣсто своихъ лѣтнихъ колпаковъ; нѣкоторые также мѣняютъ свои нюренки на русскіе сапоги. Юпу, какъ одежду мужчины, мнѣ встрѣчать не приходилось: она даже въ отдаленныхъ погостахъ вытѣснена повидимому кяхтаномъ и сдѣлалась теперь исключительно принадлежностью женской одежды. Въ общемъ лопарскій костюмъ не производитъ непріятнаго впечатлѣнія, только зимній дѣйствительно имѣетъ слишкомъ грузный видъ.

Что касается женскаго костюма, то лѣтомъ онъ состоитъ изъ платья, покроемъ своимъ напоминающаго сарафанъ; это лопарскій кохтъ, который шьется изъ ситца раз-

[1]) Верещагинъ. Опис. Арх. губ. 1849, стр. 89.

ныхъ цвѣтовъ, не рѣдко краснаго, съ широкими рукавами, подвязанными у кисти рукъ; рукава иногда дѣлаются и изъ другой матеріи, чѣмъ все платье. На ноги женщины надѣваютъ родъ чулокъ безъ вмѣстилища для ступни; узкіе, суконные, они подвязываются непосредственно надъ ступней и покрываютъ икры и колѣна; надъ колѣнами они завязываются; это такъ называемые, по лопарски, педдъ. Головной уборъ женщинъ разнится отъ таковаго же, надѣваемаго дѣвушками: замужнія — носятъ шамширъ. Этотъ уборъ состоитъ изъ цилиндра; надъ лбомъ поднимается полуэлипсисное возвышеніе, нагнутое впередъ, а на затылкѣ такое же полуэлипсисное — опускается внизъ. Этотъ остовъ попокрывается матеріей, также чаще всего красной; причемъ матерія покрываетъ и верхъ цилиндра. Шамширъ надѣвается на голову такъ, что волосъ не видно, и украшается бисеромъ, лоскутами разноцвѣтныхъ матерій, подчасъ даже и жемчугомъ. По формѣ шамширъ, дѣйствительно, напоминаетъ шлемъ Аѳины. Дѣвушки носятъ „перевязки,“ т.-е. цилиндръ безъ дна, покрытый также, какъ и шамширъ, разноцвѣтной матеріей и бисеромъ; перевязка надѣвается на затылокъ, такъ что волосы надъ лбомъ видны. И дѣвушки и замужнія покрываютъ еще, сверхъ своихъ головныхъ уборовъ, головы платками, складываемыми „косынкой“ и повязываемыми подъ подбородкомъ; это дѣлается отчасти для защиты отъ вѣтра и комаровъ — отчасти и для украшенія. Въ ушахъ какъ замужнія, такъ и дѣвушки носятъ серьги (пилтыкъ).

Зимой костюмъ измѣняется. Надѣвается юпа, по лопски мазатъ, шитая на подобіе печка, обыкновенно изъ бѣлаго, довольно грубаго сукна; юпа спускается до пятъ. При сильномъ холодѣ сверхъ этого надѣваютъ еще шубу (торкъ), которую обыкновенно покупаютъ въ Колѣ; торкъ дѣлается изъ овчины. На руки надѣваются вязаныя рукавицы (вацъ). Что касается женской обуви, то она одна и та же, какъ и у мужчинъ: лѣтомъ онѣ носятъ нюреньки, зимой яры, или каньги (камнэ). Но употребленіе женщинами яровъ не повсемѣстно; въ нѣкоторыхъ погостахъ женщинамъ не то, чтобы запрещено, но не въ обычаѣ, чтобы онѣ носили яры: такъ напримѣръ въ Сонгельскомъ погостѣ женщины яровъ не носятъ, а въ Кильдинскомъ и Ловозерскомъ погостахъ употребленіе ихъ женщинами обычно. Трудно объяснить этотъ странный обычай. Шею украшаютъ ожерельями. Верещагинъ упоминаетъ еще объ обычаѣ носить лопарскими женщинами свои грудные кресты поверхъ одежды; „тщеславясь одна передъ другою бо́льшимъ блескомъ и величиною крестовъ“, онѣ „превращаютъ этотъ священный символъ нашего спасенія въ пустую игрушку“. Этого обычая, приведшаго въ негодованіе цитируемаго автора [1]), я замѣтить не могъ. Во всякомъ случаѣ, если онъ теперь и встрѣчается, то далеко не повсемѣстно [2]).

---

[1]) Ibid. стр., 99.

[2]) Говоря о лопарскомъ костюмѣ, считаю удобнымъ сказать нѣсколько словъ о художественныхъ мотивахъ лопарскаго узора. Образцы этого послѣдняго выдѣлены мною въ отдѣльную таблицу; рисунки сдѣланы съ образцовъ частей одежды, привезенныхъ А. И. Кельсіевымъ и переданныхъ имъ въ Московскій Политехническій Музей. Другіе образцы узоровъ можно видѣть на таблицѣ, гдѣ представлены костюмы лопаря и лопарки. Характернымъ для этихъ узоровъ является преобладаніе треугольниковъ, квадратовъ, ромбовъ, крестовъ и концентрическихъ круговъ съ точкой въ центрѣ. Сочетаніе цвѣтовъ крайне оригинальное: преобладающія краски — черная, красная, желтая и отчасти голубая (или синяя) и бѣлая. Сравнивая эти узоры съ узорами русскихъ сосѣдей лопарей — мы въ нихъ не найдемъ ничего общаго съ послѣдними. Не касаясь нѣкоторыхъ узоровъ, о которыхъ можно сказать вмѣстѣ съ А. И. Кельсіевымъ, что „они заключаютъ въ себѣ всѣ характерные признаки узоровъ: финскихъ, корель-

Сравнивая одежду скандинавскихъ лопарей съ одеждою русскихъ, мы видимъ, что одна мало походитъ на другую; но если откинуть нѣкоторыя части одежды, заимствованныя лопарями, почти несомнѣнно, у русскихъ, то окажется, что эта одежда не только схожа, но почти тождественна у обѣихъ лопарскихъ группъ. Многовѣковая жизнь порознь другъ отъ друга, отсутствіе взаимныхъ отношеній, различіе занятій измѣнили и внѣшность лопарей, измѣнили ихъ языкъ, положили свой отпечатокъ на бытъ ихъ, но почти не измѣнили ихъ костюма, такъ хорошо принаровленнаго для холоднаго, суроваго климата далекаго сѣвера. Постараемся доказать это.

Что лопарскій кохтъ (сарафанъ) есть воспроизведеніе русскаго сарафана, за это говоритъ и покрой его и матерія, изъ котораго онъ дѣлается; далѣе это сходство выражается и въ мелочахъ: устройство рукавовъ изъ другой матеріи, чѣмъ весь кохтъ,— обычай, столь распространенный по всей Россіи въ мѣстностяхъ, гдѣ сарафанъ не вытѣсненъ еще платьями „французскаго фасона". Далѣе головная повязка лопарскихъ дѣвушекъ до поразительности схожа съ той перевязкой, которую носятъ кольскія дѣвушки и употребляемой, кромѣ того, и во многихъ мѣстахъ сѣвера, напримѣръ въ Пудожскомъ уѣздѣ, Олонецкой губерніи и въ губерніи Архангельской.—Что заимствованіе лопарями этой повязки у своихъ русскихъ сосѣдей несомнѣнно, въ этомъ убѣждаетъ и тотъ фактъ, что собственно лопарскаго слова для этой перевязки не существуетъ, по крайней мѣрѣ, у нотозерскихъ и сонгельскихъ лопарей, которые и употребляютъ для означенія ея русское слово. Что платки, которыми лопари покрываютъ свои головы, есть позднѣйшая прибавка къ костюму, ясно какъ изъ того, что платки всегда русской работы и покупаются лопарями въ Колѣ, такъ и изъ способа, которымъ лопарки надѣваютъ его сверхъ своей и безъ того уже покрытой головы.

Если лишить лопарку ея кохта, перевязки и платка, она останется въ своей юпѣ, чулкахъ и головномъ уборѣ па подобіе шлема Аѳины. Но юпа дѣлается на подобіе печка, только изъ сукна и русскій печокъ и юпа лишь длиной отличаются отъ „блувы", о которой говоритъ Кехлинъ-Шварцъ. Итакъ, русская лопарка, безъ примѣси посторонняго вліянія въ костюмѣ, будетъ одѣта какъ и русскій лопарь—и оба будутъ отличаться въ своемъ костюмѣ отъ своего скандинавскаго собрата лишь длиною костюма, но не покроемъ. Наконецъ уже выше упомянуто, что лопарская юпа лишь позже была замѣнена кяхтаномъ. Уборъ головной русской лопарки схожъ съ уборомъ лопарокъ скандинавскихъ и отличается отъ послѣдняго лишь тѣмъ, что онъ круглѣе на верху, тогда какъ у скандинавскихъ лопарокъ онъ заканчивается почти острымъ шпилемъ.

скихъ, мордовскихъ, чувашскихъ, остяцкихъ и т. п.". (Изв. Им. О. Л. Е XXXV, ч. 1, в. 1, стр 192), прилагаемые узоры почти всѣ имѣютъ большое сходство съ узорами племенъ, населяющихъ сѣверныя окраины Россіи. И по господству указанныхъ красокъ, и по самому рисунку узоры, помѣщенные въ таблицѣ, можно скорѣе сблизить съ самоѣдскими и остяцкими, также какъ съ алеутскими и даже эскимосскими, чѣмъ съ корельскими или мордовскими. Повидимому, въ отношеніи узоровъ лопари скорѣе примыкаютъ къ сѣверной группѣ, кольцомъ окружающей Ледовитый океанъ. Въ художественномъ отношеніи, они стоятъ гораздо ниже узоровъ финскихъ, въ которыхъ, если мы и видимъ преобладаніе геометрическихъ линій, мотивы гораздо сложнѣе и богаче. Что касается узоровъ, которые можно сблизить съ тавастскими или корельскими, то слѣдуетъ имѣть въ виду, что они могли быть заимствованы лопарями отъ упомянутыхъ народностей, съ которыми лопари сталкивались такъ долго, и вслѣдствіе этого не являются вполнѣ національно-лопарскими.

Что шуба замѣнила собой теплую юпу, очевидно ужъ изъ того, что она выдѣлывается въ Колѣ и покупается лопарями готовой.

Обращаясь къ мужскому костюму, мы увидимъ тоже сходство. Прежде всего зимняя шапка русскаго лопаря схожа въ общемъ съ шапкою скандинавскою; далѣе въ обуви никакой разницы нѣтъ. Печокъ отличается лишь большей длиной у русскаго лопаря. Юпа, какъ сказано, употреблялась и русскими лопарями. Штаны у обоихъ одинаковы. Поэтому откиньте русскую рубаху и платокъ, которымъ русскіе лопари любятъ повязывать себѣ шею, и существенной разницы въ костюмѣ обѣихъ группъ не будетъ никакой.

Но сравнивая костюмы обѣихъ группъ лопарей, мы невольно придемъ къ заключенію, что скандинавскіе лопари сохранили свой національный костюмъ въ гораздо болѣе чистомъ видѣ, чѣмъ русскіе ихъ собратья, что вліяніе скандинавовъ отразилось на лопарскомъ костюмѣ гораздо меньше, чѣмъ вліяніе русскихъ, что скандинавскіе лопари и въ этомъ отношеніи оказались болѣе консервативны, чѣмъ русскіе, какъ они оказались и въ сохраненіи своего быта, этнографическихъ и антропологическихъ особенностей.

Переходя теперь къ жилищамъ лопарей, слѣдуетъ отмѣтить, что исторія застаетъ ихъ уже умѣющими строить жилища; лопари въ это время уже вышли изъ того періода, когда, по словамъ Дюбена, „имъ служили жилищами пещеры и древесныя вѣтви". Но жилища эти были принаровлены къ кочевой жизни лопаря, къ частымъ перекочевкамъ, которыя имъ приходилось дѣлать, перегоняя свои оленьи стада съ мѣста на мѣсто. Въ XVII вѣкѣ встрѣчается упоминаніе лишь объ этихъ шалашахъ; и полное молчаніе писателей о другихъ, болѣе прочныхъ жилищахъ, можетъ служить свидѣтельствомъ того, что подобныхъ жилищъ еще у лопарей описываемыхъ мѣстностей не было. Лишь постепенно, съ переходомъ къ осѣдлости появляются у нихъ жилища болѣе удобныя. Это и понятно: перекочевывая, могли ли лопари строить себѣ дома, переноска которыхъ была бы слишкомъ затруднительна.

Различныя причины, заставившія лопарей бросать постепенно свой кочевой бытъ и переходить къ полуосѣдлости, или полной осѣдлости, заставляли ихъ обзаводиться домами. Но самый этотъ переходъ совершался крайне медленно и кончился далеко не для всѣхъ лопарей. Уже въ первой половинѣ XVIII вѣка мы встрѣчаемъ упоминаніе о лопарскихъ домахъ, и одинъ изъ первыхъ писателей, который говоритъ объ этомъ—это Арвидъ Эренмальмъ, бывшій въ Лапландіи въ 1741 году [1]). Въ его время этотъ переходъ только что начинался въ посѣщенной имъ мѣстности, и тогда далеко не всѣ лопари обзавелись прочными жилищами. Безспорно эта перемѣна жилищъ и сопряженная съ нею перемѣна быта наступала не одинаково для всѣхъ мѣстностей Лапландіи, безспорно, что тамъ, гдѣ обѣднѣніе оленьими стадами началось раньше, и переходъ этотъ долженъ былъ совершиться раньше. Можно также, a priori, сказать, что русскіе лопари, бросившіе ранѣе скандинавскихъ свое занятіе оленьими стадами (вслѣдствіе обѣднѣнія оленями), должны были и раньше скандинавскихъ перейти отъ шалашей къ домамъ; но когда наступилъ для русскихъ лопарей этотъ переходъ—неизвѣстно, такъ какъ и сами свѣдѣнія (болѣе

[1]) Arwid Ehrenmalm: Reise durch West-Nordland, nach der Lappmark Aschle, стр. 404.

или менѣе достовѣрныя) о русскихъ лопаряхъ начинаются сравнительно очень поздно. Въ XVI, XVII и XVIII вв. для указанія на жилище лопаря наши памятники употребляютъ всегда слово вѣжа, т. е. шалашъ.

Переходъ лопарей отъ кочеваго къ полукочевому или осѣдлому быту, начавшись довольно давно, продолжается и теперь. Въ Скандинавіи лопари, богатые еще стадами оленей, сохраняютъ свой прежній бытъ и продолжаютъ жить въ шалашахъ, построенныхъ по примѣру своихъ предковъ. Но стоитъ лишь оленеводу обѣднѣть, онъ отыскиваетъ себѣ другое занятіе и или поступаетъ въ работники къ другому лопарю или, если онъ человѣкъ предпріимчивый, переходитъ отъ оленеводства къ рыболовству или звѣроловству, занятіямъ иногда съ избыткомъ его вознаграждающимъ. „Отыскавъ себѣ мѣсто по вкусу, говоритъ Кёхлинъ-Шварцъ [1]), онъ покидаетъ свою kata (шалашъ), вѣчно наполненный дымомъ, для того, чтобы построить себѣ хижину изъ бревенъ, съ каминомъ, дверью и окномъ. Это удобное жилище, въ которомъ ему гораздо лучше, въ скоромъ времени побѣждаетъ его вкусы кочевника. И, странное дѣло, продолжаетъ авторъ, эта перемѣна быта имѣетъ извѣстное физіологическое вліяніе на это племя. Число ихъ дѣтей увеличивается и сами черты лица измѣняются и отдаляются отъ первоначальнаго типа“ [2]).

Такъ какъ лопарю, обосновавшемуся въ одномъ мѣстѣ, приходится все-таки удаляться далеко отъ дома на долгое время, то онъ вслѣдствіе этого имѣетъ нѣсколько жилищъ: одно хорошее, прочное-осѣдлое, другія легкія, приспособленныя служить лишь временными домиками. Русскіе лопари (въ средѣ которыхъ, кромѣ небольшаго числа фильмановъ, оленеводовъ-кочевниковъ уже нѣтъ), перешедшіе къ полукочевому быту имѣютъ также нѣсколько жилищъ и лишь немногіе осѣдлые имѣютъ только одно жилище [3]).

Различіе условій быта и занятій наложили на эти жилища свой отпечатокъ; жилища лопарей варьируются не только по занятіямъ ихъ хозяевъ и по тѣмъ цѣлямъ, для которыхъ они построены, но и вслѣдствіе вліянія сосѣдей, почему жилища скандинавскихъ лопарей отличаются отъ жилищъ лопарей русскихъ. Не смотря, однако, на всѣ различія въ частностяхъ, ихъ можно все-таки раздѣлить на три группы: жилища постоянныя, жилища на мѣстахъ производства промысла и походныя жилища.

Начну съ скандинавскихъ лопарей, причемъ беру описаніе того же Кёхлина-Шварца, описаніе наиболѣе новое. Дома осѣдлыхъ скандинавскихъ лопарей построены изъ дерева, образуютъ продолговатый четырехугольникъ, имѣя съ одной стороны дверь, съ другой окно. Черезъ дверь входишь въ переднюю, шириною до двухъ метровъ; въ этой передней сложенъ почти весь скарбъ лопаря: бочки, рыболовныя сѣти, сани, дрова, сушеная рыба, звѣриныя шкуры, зимнія одежды и т. д. Свѣтъ въ переднюю проникаетъ

---

1) Koechlin-Schwartz. Un touriste en Laponie, стр. 185—186.

2) Примѣч. Еще новое доказательство, что небольшое число дѣтей у лопарей зависитъ, главнымъ обра[зомъ], отъ тѣхъ условій, въ которыя ставитъ ихъ кочевая, полная неудобствъ жизнь. Стоитъ ему лишь перейдти въ мальски лучшія условія, имѣть жилище нѣсколько лучше — и смертность дѣтей уменьшается, хотя сами осѣдлыя жилища, какъ будетъ видно изъ послѣдующаго, особыми удобствами не отличаются.

3) Примѣчаніе: Нѣкоторые писатели причисляли русскихъ лопарей къ кочевникамъ, но это не совсѣмъ справедливо, такъ какъ зимнія жилища лопарей являются постоянными. Вслѣдствіе этого ихъ слѣдуетъ отнести къ полукочевникамъ, какъ и многіе степные народы, такъ какъ тѣ и другіе кочуютъ лишь опредѣленное время года (напр. Букеевскихъ Киргизовъ, см. Алексѣй Харузинъ: Киргизы Букеевской Орды, вып. 1 М. 1889).

черезъ дверь; за передней идетъ единственная комната, въ которой живутъ, спятъ, готовятъ пищу. Встрѣчаются тамъ скамейки, иногда стулья, хотя сами лопари предпочитаютъ сидѣть на полу, столъ, постель, состоящая изъ ящика, наполненнаго березовыми вѣтвями и покрытая шкурой оленя. Въ углу, направо или налѣво отъ двери, поставленъ каминъ, широкій, хорошо сложенный, имѣющій хорошую тягу. Кромѣ того въ комнатѣ находятся: котелъ, кофейникъ, иногда кастрюли. По стѣнамъ идутъ полки, на которыхъ разставлены принадлежности рыбной ловли и т. п., крынки съ молокомъ; далѣе на полкахъ же лыжи, палки для нихъ, ружья; въ углу комнаты какой-нибудь станокъ (ткацкій или столярный), такъ какъ всѣ они знаютъ какое-нибудь ремесло; встрѣчаются также столы для точанья сапогъ. Всѣ эти дома построены по одному типу и отличаются лишь размѣрами. Кроютъ дома слѣдующимъ образомъ: настилаются доски, затѣмъ въ нѣсколько рядовъ березовая кора и все это засыпается землей. Крыша дома обыкновенно яркаго цвѣта зеленаго отъ проростающихъ на ней травъ, а иногда и цѣлыхъ кустовъ. Около домовъ кладовыя, конюшни, сараи, лавки [1]). Таковы жилища осѣдлыхъ скандинавскихъ лопарей, жилища, которыя, не смотря на всю бѣдность свою, составляютъ все-таки огромный шагъ впередъ передъ тѣми убогими шалашами, въ которыхъ и понынѣ живутъ лопари-оленеводы. Эта изба у скандинавскихъ лопарей носитъ названіе „тупа“, имя, которое обыкновенно придается зимнимъ помѣщеніямъ и русскихъ лопарей.

Шалаши кочевыхъ скандинавскихъ лопарей дѣлаются изъ жердей, соединенныхъ вмѣстѣ; этотъ остовъ покрывается лѣтомъ парусиной, зимой толстымъ войлокомъ. Зданіе имѣетъ конусообразную форму. На верху дѣлается отверстіе для дыма. Вышиной этотъ шалашъ 2 метра 75 цен., шириной у основанія отъ 3—4 метра. Внутри на перекладинѣ виситъ котелъ надъ очагомъ, огонь котораго никогда не тушатъ; у стѣнъ стоятъ сундуки со скарбомъ; оленьи шкуры служатъ постелями; на полу, по стѣнамъ, лежатъ также и палки, и оружіе, и припасы. Въ такомъ шалашѣ живетъ цѣлая семья, подчасъ 5—7 человѣкъ [2]).

Жилища русскихъ лопарей нѣсколько отличаются отъ жилищъ скандинавскихъ; слѣдуетъ замѣтить, что всѣ русскіе лопари живутъ зимой въ погостахъ, т.-е. деревняхъ: это ихъ постоянное мѣстожительство. Всего лопарскихъ погостовъ въ настоящее время Се- считается 17, именно: Пазрѣцкій, Печенгскій, Мотовскій, Кильдинскій, Воронежскій, Семіостровскій ближній, Семіостровскій дальній, Ловозерскій, Бабенгскій, Экостровскій, Мас- сольгскій, Нотозерскій, Сонгельскій, Сосновскій, Каменскій, Эконьскій и Лумбовскій [3]).

---

[1]) Koechlin-Schwartz, стр. 161—163.

[2]) Ibid, стр. 235.

[3]) Трудно сказать, когда возникъ тотъ или иной погостъ: повидимому, происхожденіе ихъ относится къ разному времени. Просматривая старинныя грамоты, мы видимъ, что въ нихъ многіе изъ существующихъ погостовъ не поименованы и, наоборотъ, нѣкоторые изъ поименованныхъ въ старинныхъ грамотахъ въ настоящее время уже не встрѣчаются. Въ грамотахъ начала XVI вѣка, мы встрѣчаемъ упоминаніе о Нотозерскихъ лопаряхъ и лопаряхъ, живущихъ по Колѣ, но сказать утвердительно, что въ то время уже существовалъ Нотозерскій погостъ, мы основаній не имѣемъ. Но въ писцовой книгѣ Василья Агалина отъ 1575 г. (см. приложеніе 1-е) мы встрѣчаемъ, между прочимъ уже упоминаніе о *погостахъ* Нотозерскомъ и Сонгельскомъ. Въ писцовой книгѣ Алая Михалкова 1608.-1611 гг. кромѣ Нотозерскаго и Сонгельскаго, упоминаются еще погосты: Массельскій, Екостровскій, Бабенскій, Мотовскій, Китовскій, Печенгскій и Пазрѣцкій, погостишки: Ереозеро и Кондалакское озеро, Мунокатскій, Воронежскій, Ловозерскій, Норенскій, Еконскій и Понойскій, и волость Нявдемская. Въ 1716 г., (см. дѣла и приговоры Пр. Сената по Арханг. губ. въ

Кромѣ того, лопари живутъ еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ, на станціяхъ, въ выселкахъ: такъ, напримѣръ, на станціи Кицкой и Разноволоцкой и т. д. Фильмана, которыхъ по свѣдѣніямъ 1886 года считается 31 челов. об. пола, живутъ въ выселкахъ Энскомъ и Чалмоверскомъ. Въ виду того, что эти погосты составляютъ, какъ бы мѣсто осѣдлаго пребыванія лопарей—жилища ихъ состоятъ изъ бревенчатыхъ срубовъ, крайне схожихъ съ тупами скандинавскихъ лопарей, эти дома называются лопарями пыртъ, хотя слово тупа, вошедшее въ употребленіе у мѣстныхъ русскихъ, понятно лопарю. Пыртъ четырехугольный бревенчатый срубъ съ плоской крышей, засыпанной землею; сквозь дверь входятъ въ маленькія сѣни, изъ которыхъ ведутъ двѣ двери, направо въ нежилое помѣщеніе, гдѣ держатъ обыкновенно овецъ; налѣво въ жилую комнату, гдѣ и помѣщается вся лопарская семья. Размѣръ этой комнаты не больше квадратной сажени, высота не болѣе одной сажени, такъ что пыртъ представляетъ изъ себя почти что кубъ. Въ углу, у двери, поставленъ каминъ (комелекъ), сложенный изъ неотесанныхъ камней довольно грубо на глинѣ или извести; комелекъ обыкновенно выбѣленъ; отъ полукруглаго отверстія, куда ставятъ дрова стоймя, идетъ широкая труба, выпускающая дымъ наружу. Убранство комнаты состоитъ изъ скамеекъ, поставленныхъ вдоль стѣнъ, стола и полокъ, на которыхъ разставлена разная домашняя посуда. Полъ устланъ обыкновенно древесными вѣтвями. Интереснымъ является въ пыртѣ то, что около комелька, вдоль стѣны, отгорожено небольшое пространство, посредствомъ положенныхъ бревенъ. Это мѣсто считается особенно священнымъ и женщины не имѣютъ права ни переступить эти бревна, ни садиться на нихъ. Мужчины хотя и позволяютъ себѣ иногда сѣсть на бревно, но становиться ногой за ограду избѣгаютъ, считая это тяжкимъ грѣхомъ. Въ этомъ пространствѣ, однако,

---

Арх. М. Юст.), не встрѣчается упоминанія о погостахъ Норенскомъ и Понойскомъ; за то мы видимъ новые погосты, именно: Нявдемскій, Семіостровскій, Лупданскіи, Тулванскій, Каменскій и Пурнацкій. Изъ этого перечня можно заключить, что за періодъ отъ 1608 — 1716 гг. возникло съ одной стороны нѣсколько новыхъ погостовъ, съ другой—два изъ старыхъ погостовъ исчезли, или измѣнили свое названіе. На счетъ нѣкоторыхъ погостовъ является даже почти невозможнымъ опредѣлить, гдѣ они находились. Такъ лишь въ качествѣ предположенія можно высказать, что въ пог. Норенскомъ, который помѣченъ въ писцовой книгѣ 1608-1611 гг., стоящимъ на Леве-озерѣ, слѣдуетъ видѣть пог. Семіостровскій, который стоитъ въ настоящее время на ручьѣ Леве, вытекающемъ изъ озера Леве. Погостъ Мунонапскій, помѣченный въ писцовой книгѣ Алая Михалкова „надъ ручьемъ на дростьемъ", а въ свѣдѣніяхъ 1716 г. надъ Ваенскомъ оз., повидимому, находился близъ Колы, кажется, его слѣдуетъ считать тождественнымъ съ погостомъ Кильдинскимъ, стоящимъ въ настоящее время недалеко отъ р. Ваенги. Нявдемскій погостъ возникъ, вѣроятно, въ теченіе XVII в., такъ какъ въ писцовой книгѣ Алая Михалкова говорится лишь о волости Нявдемской, въ которой живутъ лопари; слѣдовательно въ то время, повидимому, погоста еще не существовало Возникновеніе новыхъ погостовъ за XVII в. слѣдуетъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, приписать тому, что лопари постепенно осаживались на опредѣленныхъ мѣстахъ, группировались въ опредѣленныхъ пунктахъ. Труднѣе объяснить исчезновеніе того, или иного погоста. Въ качествѣ предположенія можно высказаться за слѣдующее: лопари частью мѣняли свое мѣстожительство и, перенеся свой погостъ на другое мѣсто, давали тѣмъ самымъ и другое названіе новому жилью, которое постепенно и укоренялось; частью соединялись, быть-можетъ, нѣсколько погостовъ воедино. Что лопари мѣняли мѣстоположеніе своихъ погостовъ, явствуетъ изъ того, что въ однѣхъ грамотахъ, погостъ отмѣченъ на одномъ мѣстѣ, въ другихъ, болѣе позднихъ—на другомъ; это перенесеніе погостовъ, говорятъ, не вывелось и до настоящаго времени. Что повидимому лопари извѣстнаго района стягивались въ одномъ опредѣленномъ пунктѣ, подтверждается до извѣстной степени тѣмъ, что наприм., погостъ Мотовскій, повидимому, соединилъ въ себѣ Урскихъ и Лицкихъ лопарей, (т.-е. лопарей, жившихъ по рр. Лицѣ и Урѣ). Въ писцовой книгѣ Алая Михалкова упоминаются погосты Мотовскій и Китовскій на р. Лицѣ Малой и независимо отъ нихъ лопари Урскіе. Въ 1716 г. Китовскій погостъ уже не упоминается, а Мотовскій указывается стоящимъ на р. Урѣ. Вѣроятно, Мотовскіе и Китовскіе лопари (Лицкіе), соединившись съ лопарями урскими, впослѣдствіи перенесли свой погостъ съ одной рѣки на другую.

стоятъ чашки, и лопари, и лопарки осторожно нагибаются, стараясь не коснуться бревна, если имъ понадобится что-нибудь достать изъ этого мѣста.

Какъ видно, пыртъ мало чѣмъ отличается отъ тупы скандинавскихъ лопарей: въ планѣ и по общему своему расположенію они почти тождественны. Въ нѣкоторыхъ погостахъ, гдѣ чувствуется вліяніе русскихъ въ большей степени, напримѣръ въ Кильдинскомъ, нѣкоторые лопари обзавелись уже русскими избами съ русскими печами; но пока это явленіе еще крайне рѣдкое и пырты господствуютъ въ Лапландіи и по настоящее время. Въ общемъ пыртъ грязенъ и теменъ, такъ какъ небольшое окно (рѣдко бываетъ два окна) пропускаетъ свѣтъ крайне скупо.

Если тупа и пыртъ настолько похожи другъ на друга, что даже русско-лопарскій пыртъ больше извѣстенъ подъ именемъ тупы, то нельзя того-же сказать о шалашахъ русскихъ лопарей, извѣстныхъ подъ названіемъ вѣжъ, но самими лопарями называемыхъ „Кю(у)итъ“. Это сдѣланная изъ жердей четырехгранная пирамида (а не конусъ, какъ у скандинавскихъ лопарей) вышиной не больше $2\frac{1}{2}$—3 аршинъ; снаружи она покрывается дерномъ, частью вѣтвями и хворостомъ; съ внутренней стороны жерди прикрыты досками. Входить въ вѣжу можно лишь черезъ очень небольшую, крайне низкую двустворчатую дверь, принаровленную такъ, что она быстро и сильно захлопываетс . Посреди вѣжи устраивается очагъ, огонь на которомъ почти что горитъ безостановочно, если только сами лопари находятся въ вѣжѣ; это дѣлается съ цѣлью воспрепятствовать комарамъ и мошкамъ проникать черезъ единственное остающееся открытымъ отверстіе въ вѣжѣ — именно отверстіе на верху, откуда дымъ проходитъ отъ очага. Стоять въ вѣжѣ можно лишь какъ-разъ подъ этимъ отверстіемъ, такъ какъ сильно наклоненныя стѣны препятствуютъ этому, какъ только отступить отъ очага хотя немного. Въ остальномъ убранство вѣжи схоже съ убранствомъ шалаша скандинавскихъ лопарей: вокругъ огня лежатъ тѣже шкуры оленей, на которыхъ, скорчившись, сидятъ лопари. Наиболѣе почетнымъ является мѣсто на шкурѣ, постланной направо отъ входной двери, подлѣ комелька. Лежитъ въ вѣжѣ въ безпорядкѣ и домашняя посуда, и одежда, и принадлежности лова, тутъ-же и постели. Вся семья помѣщается здѣсь, въ страшной грязи, копоти и вони. Дымъ, распространяющійся по вѣжѣ и не сразу выходящій черезъ отверстіе, ѣстъ глаза — и неудивительно, что лопари страдаютъ глазными болѣзнями, что у нихъ часто глаза воспаленные. Вѣжи стоятъ обыкновенно лишь на весеннихъ, лѣтнихъ и осеннихъ мѣстахъ, куда лопари, смотря по времени года, перекочевываютъ для производства рыбнаго промысла. Эти мѣста, подчасъ довольно далеко отстоящія отъ зимняго погоста, требуютъ нѣсколько дней пути; естественно, что при такихъ условіяхъ долженъ былъ выработаться еще особый видъ жилища, употребляемый лопарями лишь при перекочевкахъ. Такимъ жилищемъ является „кувакса“ — шалашъ, почти что подобный во всемъ шалашу скандинавскихъ лопарей. Кувакса состоитъ изъ наклонно-поставленныхъ жердей, связанныхъ на верху всѣ вмѣстѣ. Жерди покрываются парусиной, однако не до самаго верха, а лишь на половину или двѣ трети своей высоты, такъ что остается довольно большое пространство для выхода дыма. Посрединѣ куваксы раскладываютъ огонь, а котелокъ привѣшиваютъ къ мѣсту, въ которомъ жерди связаны. Но этотъ шалашъ употребляется лишь при перекочевкахъ съ одного

мѣста на другое, во время лишь временныхъ стоянокъ и не составляетъ никогда постояннаго лѣтняго жилища русскаго лопаря.

Что касается погостовъ, то, по словамъ Фриса, они остаются на одномъ мѣстѣ также не все время: черезъ 10—15 лѣтъ, когда не хватаетъ мха для оленей, или когда чувствуется недостатокъ въ дровахъ, погостъ перемѣщаютъ на другое мѣсто. Погосты, продолжаетъ онъ, могутъ, такимъ образомъ, лежать въ бóльшемъ или меньшемъ отдаленіи, иногда даже на нѣсколько миль отъ церкви, при которой живетъ священникъ. Когда лопари собираются перемѣстить свой зимній погостъ, они сперва общими усиліями разбираютъ часовню и перевозятъ ее на новое мѣсто, а затѣмъ каждая семья собственными силами переноситъ свое жилище и кладовую и ставитъ на новомъ мѣстѣ тамъ, гдѣ это ей кажется удобнѣе [1]).

Вѣжа русскихъ лопарей и кота скандинавскихъ принадлежатъ къ числу примитивныхъ жилищъ, отъ которыхъ ихъ сосѣди финляндцы успѣли уже давно отрѣшиться. Интересно то, что у послѣднихъ, въ качествѣ переживанія, сохраняется этотъ шалашъ около всякаго дома. „Кто путешествовалъ по сѣверной Финляндіи, пишетъ Алквистъ, тотъ не можетъ, конечно, не замѣтить среди прочихъ построекъ одно небольшое строеніе, непремѣнно встрѣчающееся, какъ у бѣднаго, такъ и у богатаго крестьянина. Это строеніе, всегда стоящее въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ другихъ и подлѣ бани, имѣетъ коническую форму и сложено изъ очищенныхъ отъ коры еловыхъ и сосновыхъ кольевъ, длиной отъ 8 до 12 аршинъ и толщиной въ нижнемъ концѣ отъ 4 до 5 дюймовъ. Тонкіе концы колосьевъ сходятся къ верху и чѣмъ-нибудь скрѣпляются, но такъ, что образуютъ наверху отверстіе для дыма. Подъ этимъ отверстіемъ... находится очагъ, обыкновенно сложенный изъ мягкаго, плоскаго камня; на него кладутся дрова, между тѣмъ какъ надъ огнемъ, на крюкѣ, прикрѣпленномъ нѣсколько выше къ поперечной перекладинѣ, вѣшается чугунный котелъ. Съ боку находится входъ съ легкою изъ тонкихъ досокъ дверью. Такое строеніе финляндскіе шведы называютъ Kölna, а финны Kota, и служитъ оно теперь только кухней или прачешной, особенно въ теплое время года, или въ такую пору, когда по какой-либо причинѣ не хотятъ разводить огня въ домашнемъ очагѣ. Между тѣмъ это древнѣйшій видъ жилища, въ коемъ финны искали убѣжища отъ холода и непогоды, какъ о томъ свидѣтельствуетъ слѣдующая финская поговорка: древнѣйшею ловушкой было брюхо, древнѣйшею посудой была горсть, древнѣйшимъ жильемъ кота“. (Ж. М. Н. П. іюль 1877 г. о древней культурѣ запад. финновъ, стр. 166, 167). Лопари до сихъ поръ не расстались вполнѣ съ этимъ первобытнымъ жильемъ.

Таковы жилища лопарей, принаровленныя къ ихъ полукочевому, или просто кочевому быту. Дѣйствительно, лопари полукочевники, или кочевники (фильмана)—есть однако и прямо осѣдлые лопари, но ихъ пока только меньшинство, хотя стремленіе переходить къ осѣдлой жизни, повидимому, развивается.

Кёхлинъ-Шварцъ передаетъ, что по свѣдѣніямъ 1865 г. въ одной Финмархіи присчиталось 1000 осѣдлыхъ лопарей и 1300 кочевыхъ, причемъ на долю кочевыхъ при-

[1]) Friis: Russich-Lappland въ D. Petermamis Mittheilungen. 1870, стр., 364. Тщательно провѣрить и подтвердить эти интересныя свѣдѣнія Фриса я не могъ на мѣстѣ, хотя мнѣ и говорили, что изрѣдка перемѣщеніе погостовъ встрѣчается.

ходилось въ это время 65270 оленей. Въ 1875 г. уже во всей Норвегіи считалось лишь 1075 кочевыхъ лопарей, имѣющихъ всѣ вмѣстѣ 121000 оленей. Изъ этого авторъ дѣлаетъ, между прочимъ, выводъ о быстромъ вымираніи лопарей [1]), но, конечно, это можетъ объясняться и тѣмъ, что лопари изъ кочевыхъ сдѣлались осѣдлыми или полуосѣдлыми, такъ какъ уменьшеніе однихъ только лопарей-кочевниковъ не можетъ существенно доказывать вообще вымираніе племени. Подтвержденіе мы встрѣчаемъ у Броха [2]), который говоритъ, что въ 1865 г. изъ 17188 лопарей въ Норвегіи лишь 1577 было кочевыхъ. Дюбенъ опять таки на основаніи статистическихъ данныхъ, „хотя неполныхъ, но достовѣрныхъ“ утверждаетъ, что число лопарей, перешедшихъ къ осѣдлости и сдѣлавшихся земледѣльцами, увеличилось въ Швеціи, Норвегіи и Россіи за послѣднія 20 лѣтъ, причемъ въ одной Норвегіи приблизительно на 2000 человѣкъ [3]). Что касается русскихъ лопарей, то переходъ къ осѣдлости совершается у нихъ крайне медленно. Дѣйствительно, въ 1869 г. 200 человѣкъ лопарей на запросъ администраціи заявили о своемъ желаніи перейти къ осѣдлой жизни [4]). Чѣмъ кончилось это заявленіе лопарей, мнѣ неизвѣстно; несомнѣнно лишь то, что въ огромномъ большинствѣ своемъ русскіе лопари остаются полукочевниками. Недавно среди Нотозерскихъ лопарей была сдѣлана попытка двумя лопарями перейти къ осѣдлости. Дѣло было такъ: два лопаря, братья Глухіе, жители Нотозерскаго погоста, завели себѣ коровъ (3 коровы и быка); при перекочевкахъ имъ пришлось брать и коровъ съ собой, такъ какъ пускать коровъ прямо въ лѣсъ на все лѣто, какъ это лопари дѣлаютъ съ оленями, опасно. Гоньба этихъ коровъ крайне стѣсняла ихъ при перекочевкахъ и они рѣшились, чтобы не продавать коровъ, поселиться осѣдло; выбравъ себѣ мѣсто на р. Туломѣ, они построили себѣ домъ и стали жить осѣдло. Имѣя наземъ отъ своихъ коровъ, они удобрили землю и посадили для пробы немного картофеля и рѣпы; то и другое хорошо уродилось (это было въ 1886 г.). На 1887 годъ они еще больше посадили, и въ бытность мою въ Лапландіи мнѣ говорили, что и на этотъ годъ урожай обѣщаетъ быть хорошимъ. Остальные лопари стали однако стѣснять ихъ, требуя, чтобы Глухіе возвратились въ погостъ свой обратно и жили такъ, какъ живутъ всѣ остальные. Глухіе обратились къ администраціи съ просьбой разрѣшить жить имъ осѣдло на Туломѣ. Вслѣдствіе этого былъ сдѣланъ запросъ обществу, которое заявило, что оно ничего не имѣетъ противъ того, чтобы Глухіе жили на Туломѣ, если только они не будутъ ловить рыбу въ рѣкѣ у мѣста своего жительства, а за рыбой отправляться къ тонѣ, которая имъ должна переходить по очереди. Это требованіе объясняется, вѣроятно, боязнью лопарей, чтобы Глухіе, перелавливая рыбу, не уменьшили количества ея на лопарскихъ тоняхъ, лежащихъ ниже мѣстожительства Глухихъ. Чѣмъ кончилось это дѣло и кончился-ли споръ лопарей съ Глухими, мнѣ неизвѣстно, но въ 1887 г., по крайней мѣрѣ, братья Глухіе говорили, что имъ, вѣроятно, придется бросить свои тони, переходить же снова къ полукочевому быту они не хотятъ

---

1) Koechlin-Schwartz. Un touriste en Laponie, стр. 190 и 191.
2) O. S. Broch Le royaume de Norvège.
3) Düben: La Laponie et les Lapons. стр. 341.
4) А. Ефименко. Юрид. обычаи лопарей въ запискахъ Им. Русск. Географ. Общ. VIII. 1878. стр. 14.

Какъ-бы то ни было, но переходъ русскихъ лопарей къ осѣдлости не идетъ дальше рѣдкихъ единичныхъ случаевъ, что, можетъ быть, объясняется отчасти и тѣмъ, что никакихъ мѣръ, могущихъ побудить лопарей измѣнить свой прежній образъ жизни, не принимается. Между тѣмъ переходъ къ осѣдлости былъ-бы, пожалуй, наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ освободить лопарей изъ-подъ зависимости ихъ кольскихъ хозяевъ, зависимости, печально отражающейся на экономическомъ состояніи лопарей.

Итакъ, не смотря на переходъ къ осѣдлости, который въ Норвегіи достигъ значительныхъ размѣровъ, лопари въ общемъ остаются либо кочевниками, либо полукочевниками; причемъ ихъ можно раздѣлить на нѣсколько группъ. Это дѣленіе тѣмъ болѣе необходимо, что каждая изъ подобныхъ группъ, благодаря особенностямъ своей жизни, выработала и особенности въ типѣ и бытѣ. Попытки къ подобной классификаціи лопарей на группы были дѣлаемы уже давно. Наиболѣе удачнымъ изъ всѣхъ сдѣланныхъ дѣленій, кажется мнѣ, дѣленіе, основанное на занятіяхъ каждой группы. Принимая это дѣленіе, придется различать слѣдующія три группы лопарей: лопарей-охотниковъ, называемыхъ иначе лѣсными лопарями, лопарей-оленеводовъ и лопарей рыболововъ. Лопарей-охотниковъ, т. е. такихъ, главное занятіе которыхъ состоитъ въ охотѣ и лопарей-оленеводовъ, главное богатство и средство къ жизни которыхъ составляютъ оленьи стада— встрѣчаемъ мы, первыхъ исключительно, вторыхъ, преимущественно, въ Скандинавіи; оленеводы встрѣчаются и въ предѣлахъ Россіи, но ихъ крайне мало; это такъ называемые фильманы, о численности которыхъ я говорилъ выше. Гоггюеръ, бывшій въ Лапландіи въ 1828 году, принимая это же дѣленіе лопарей, дѣлаетъ слѣдующую характеристику этихъ двухъ группъ. Лѣсные лопари, говоритъ онъ, живутъ въ лѣсахъ, вблизи шведской границы, они пропитываются преимущественно охотой и небольшимъ доходомъ отъ своихъ немногочисленныхъ оленей, которыхъ они пускаютъ на свободѣ въ лѣсъ, собирая ихъ лишь въ извѣстные сроки въ году. Они не ведутъ кочевой жизни, имѣютъ постоянные деревянные дома. Эти лопари, продолжаетъ онъ, наиболѣе цивилизованные изъ всѣхъ, такъ какъ они стоятъ къ цивилизаціи ближе всего, живя, такъ сказать, среди шведовъ; но они и наименѣе интересные изъ всѣхъ: свои первоначальныя національныя черты они утратили, они больше не лопари, но имъ и до шведовъ далеко, поэтому одни относятся къ нимъ холодно, другіе не уважаютъ ихъ и плохо ихъ принимаютъ [1]). Что касается лопарей-оленеводовъ, то тотъ же авторъ дѣлаетъ слѣдующую характеристику ихъ: это дѣйствительно, говоритъ онъ, кочевники, дѣлающіе свои опредѣленныя перекочевки; эти лопари не имѣютъ постоянныхъ жилищъ, живутъ въ шалашахъ; они не занимаются ни охотой, ни рыбной ловлей, но только своими стадами оленей, которыя составляютъ ихъ единственное богатство, ихъ единственный источникъ пропитанія [2]).

Теперь, если перейти къ послѣдней группѣ скандинавскихъ лопарей, лопарямъ-рыбопромышленникамъ, то характеристика ихъ, слѣдуя все тому же автору, будетъ слѣдующая: это, по словамъ его, такіе лопари, которые живутъ по берегамъ моря, озеръ и рѣкъ; они имѣютъ постоянныя, выстроенныя изъ дерева жилища; они рѣдко имѣютъ

---

1) Hogguer, Reise nach Lappland, стр. 60.
2) Ibid, стр. 61.

оленей; если они когда и занимаются охотой, то это для нихъ лишь побочное занятіе. Эти лопари самые бѣдные, самые нечистоплотные, самые противные изъ всѣхъ. За четверть часа пути уже узнаешь о мѣстѣ нахожденіи ихъ жилища по запаху [1]).

Русскіе лопари, хотя и рыболовы, не могутъ быть, однако, подведены подъ характеристику скандинавскихъ рыболововъ-лопарей уже потому, что они не осѣдлы и почти всѣ имѣютъ оленей, хотя и въ небольшомъ количествѣ. Главныя занятія ихъ рыболовство, оленеводство и охота. По значенію своему рыболовство занимаетъ первое мѣсто, такъ какъ благодаря ему лопари имѣютъ возможность и платить падающія на нихъ подати, и вести торговлю съ русскими, благодаря которой они получаютъ, если не всѣ, то все же многіе предметы первой необходимости. Но по значенію своему для самого лопаря, для его домашняго быта первое мѣсто остается все-таки за оленеводствомъ. Лопарь-оленеводъ перекочевываетъ со своими стадами съ мѣста на мѣсто, отыскивая пастбища для „своего единственнаго богатства". Русскій лопарь, принужденный въ давнишнее время уже перейти отъ оленеводства къ рыболовству, имѣя лишь незначительное количество оленей, тѣмъ болѣе дорожитъ ими, тѣмъ болѣе любитъ ихъ,—этотъ остатокъ бывшаго его богатства при прежней кочевой жизни, что въ домашнемъ быту лопаря олень, дѣйствительно, замѣняетъ ему многое, хотя русскій лопарь и не имѣетъ возможности оставаться постоянно при оленяхъ, вслѣдствіе чего его олени гибнутъ отъ нападеній хищныхъ звѣрей.

Всего оленей въ 1884 году считалось до 10.000, но это число колеблется, благодаря болѣзнямъ и пропажѣ. Такъ:

Годъ	число оленей	продано и убито	пало	зарѣзано звѣрями и безъ вѣсти пропало.
Въ 1884	10.000	150	—	25
„ 1885	12.890	35	6	50
„ 1886	12.690	150	24	26

Считая всѣхъ русскихъ лопарей до 2000 чел., приходится среднимъ числомъ на каждаго человѣка отъ 5—6,4 оленя, или считая семью въ 3 человѣка отъ 15,—19, 2 оленя на семью. Но этотъ разсчетъ былъ бы крайне неправиленъ, такъ какъ количество оленей распредѣляется крайне неодинаково между лопарями: въ то время, какъ одни имѣютъ ихъ нѣсколько десятковъ, другіе имѣютъ лишь два, пять оленей. Далѣе, если сравнить приведенныя цифры, окажется, что олени въ 1885 году сравнительно съ предшествующимъ 1884 годомъ увеличились въ численности на 2,890 головъ и что въ слѣдующемъ 1886 году уменьшились на 200 головъ, что, слѣдовательно, въ общемъ олени увеличиваются численностью. Это было бы, однако, ошибочно, такъ какъ, по словамъ всѣхъ мѣстныхъ жителей, какъ русскихъ, такъ и лопарей, число оленей съ каждымъ годомъ уменьшается, что лопари, однимъ словомъ, бѣднѣютъ оленями. Мнѣ кажется, что и тотъ фактъ, что въ 1866 г. оленей считалось 7.072 (именно быковъ 3594; важенокъ (самокъ) 2.262 и телятъ 1216 [2]) не имѣетъ особенной важности. Дѣйствительно, окажется по циф-

---

[1]) Ibid.

[2]) Дергачевъ. Рус. Лапландія, стр. 13.

ровымъ даннымъ, что олени за 20 лѣтъ увеличились въ 1,79 разъ, или на 79, 4%, что составитъ въ годъ среднимъ числомъ увеличеніе почти на 4%. Увеличеніе столь значительно, что оно не могло бы остаться безъ вниманія мѣстныхъ жителей. Между тѣмъ не только лопари, но и всѣ русскіе жители въ одинъ голосъ говорятъ, что лопари бѣднѣютъ оленями. Мнѣ кажется, что цифры и $188^4/_6$, а подавно ужъ цифры 1866 г. надо принимать лишь приблизительно, вслѣдствіе указанныхъ мною выше неточностей, при собираніи данныхъ, неточностей, которыя еще сильнѣе сказывались за 20 лѣтъ до настоящаго времени. Обѣднѣніе оленями объясняется, кромѣ эпидемій и уничтоженія оленей хищными звѣрями, еще и тѣмъ, между прочимъ, что лопари подчасъ теряютъ своихъ оленей, вымѣнивая ихъ на водку, или продавая ихъ для этой-же цѣли, или для того, чтобы выбиться изъ своихъ неоплатныхъ долговъ, и тѣмъ, что они нерѣдко, какъ было указано мною выше, бьютъ оленей другъ у друга и провѣрить число убитыхъ, такимъ образомъ, оленей невозможно; наконецъ, и олени, распускаемые на лѣто въ лѣсъ, остающіеся безъ призора впродолженіи всего лѣта, убѣгаютъ и дичаютъ. Если, однако, въ Россіи олени уменьшаются, то съ совершенно противоположнымъ явленіемъ встрѣчаемся мы въ Скандинавіи. Если вѣрить Дюбену, то, не смотря на всѣ измѣненія и колебанія, число оленей увеличилось съ 1604 по 1870 г. съ 100.000 головъ до 400.000 — увеличеніе довольно значительное, объясняемое, быть можетъ, и тѣмъ, что лопари оленеводы, занимаясь, исключительно, своими оленями, увеличивали ихъ численность, хотя число самихъ оленеводовъ и уменьшалось, вслѣдствіе того, что въ то время, какъ одни богатѣли, другіе, вслѣдствіе какихъ-бы то ни было условій, бѣднѣли и вынуждены были переходить къ полуосѣдлой, а затѣмъ и вполнѣ осѣдлой жизни.

Считаю, кстати, нелишнимъ привести нѣкоторыя данныя о количествѣ оленей въ Норвегіи. По этимъ даннымъ мы за 15 лѣтъ замѣчаемъ значительный приростъ числа оленей.

Въ 1835 г. считалось оленей въ Норвегіи.	82.225
„ 1845 „ „ „ „ „	90.273
„ 1850 „ „ „ „ „	116.891
„ 1865 „ „ „ „ „	101.768 [1]

Слѣдовательно, лишь за одно пятилѣтіе происходитъ сильное уменьшеніе числа оленей.

Лопари-оленеводы, какъ сказано было выше, перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто съ своими стадами. Не то русскіе лопари, у которыхъ мало оленей. Лишь зимой, когда холодъ скуетъ въ ледяныя оковы всю Лапландію, олень начинаетъ служить лопарю; лѣтомъ же его пускаютъ на свободу, въ лѣсъ, или въ горы, гдѣ много оленьяго мха; это такъ называемыя кегоры. Осенью, когда лопари вновь возвращаются въ свои зимніе погосты, они съ собаками отыскиваютъ оленей своихъ и загоняютъ ихъ къ своему мѣсту жительства; за лѣто они многихъ не досчитываются: кого зарѣзалъ звѣрь, кого застрѣлилъ свой же братъ лопарь. Зимой лопарь ѣздитъ на оленяхъ, перелетая огромныя пространства въ своей легкой кережѣ, саняхъ безъ полозьевъ въ видѣ небольшой лодочки,

[1] O. S. Broch. Le Royaume de Norvège. Annexe, XII.

сколоченной изъ тонкихъ досокъ. Нѣсколькихъ оленей онъ убиваетъ и мясомъ ихъ питается впродолженіи всей долгой зимы.

Лопарь любитъ своихъ оленей. Каждому изъ нихъ онъ даетъ какое-нибудь имя, ласковое прозвище. Придетъ-ли онъ въ кегоры, или забредетъ въ свое стадо, онъ осмотритъ каждаго оленя, каждому скажетъ что-нибудь ласковое. Вотъ, наприм., эпитеты, какіе придавалъ одинъ лопарь Нотозерскаго погоста своему оленьему стаду. Обходя оленей, онъ пѣлъ каждому изъ нихъ что-нибудь „пріятное."

„Колокольна"-важенка (самка старшая, которая ведетъ оленей: ей обыкновенно навязываютъ колокольчикъ на шею)—красива; она въ кегорахъ старше всѣхъ; она красива, да удала, да бойка

„Сестрина"-важенка (названная такъ оттого, что у ней „большое семейство и много сестеръ") тоже красива, удала, бойка.

„Дожиданна"-важенка (вертъ-налдъ) — она тоже красива, бойка, удала, она кегорный нарядъ (украшеніе кегоры).

„Пестры"-глава—онъ тоже красивъ, удалъ, боекъ и прямъ (т.-е. въ упряжи идетъ хорошо, не сворачиваетъ въ сторону съ дороги) послухмяный (послушный).

„Красный"-быкъ—старичекъ, онъ тоже прежде удалый былъ, бойкій, послухмяный былъ и прямой.

„Роги"-густые (сарьэсъ-сюерьви) тоже удалый, у него рога хорошіе, густые и т. д.

Съ такими словами лопарь обходитъ все свое стадо „а олени, закончилъ разсказчикъ, шею растянутъ, уши распустятъ: любо имъ, что про нихъ поютъ." Кромѣ этихъ названій встрѣчаются и названія, данныя оленю по времени рожденія, наприм., Трифонскій, Никольскій, Егорскій, Троицкій и т. п. Даютъ имена и человѣческія: важенкамъ даютъ, кромѣ того, клички въ видѣ: лисица, куропечья, горностай (ніюмсь), сѣркова; оленямъ: чо́рнышъ, щеголь, пе́рвышъ, ласковый быкъ (троцкіеркамъ), высокій бѣлошейка, смоляной лобъ (тервакавъ), черноносый (сапись нюнни) и т. п. И подобно тому, какъ въ пѣсняхъ красивую дѣвушку сравниваютъ съ важенкой, красивую важенку называютъ мушчешъ нитъ (нейдъ), что значитъ красавица дѣвушка.

Неудивительно, что лопарь любитъ своихъ оленей, что въ его поэзіи онъ такъ часто приводится при сравненіяхъ, что онъ является почти исключительнымъ, изъ всѣхъ живыхъ существъ, изображеніемъ въ художественныхъ произведеніяхъ лопаря: когда говорятъ, что олень для лопаря все—это не совсѣмъ преувеличеніе; для русскаго лопаря онъ, по крайней мѣрѣ, замѣняетъ собой очень многое. Не касаясь важности оленя для лопаря, укажу лишь, какъ ходятъ за ними русскіе лопари. Отпуская своихъ оленей на лѣто, на волю, лопари въ концѣ августа, или въ началѣ октября собираютъ ихъ. Лопари говорятъ, что въ лѣтнее время, когда внутри Лапландіи господствуютъ комары, олени всегда направляются ближе къ морю. Около 20-го іюля они углубляются внутрь страны. Около 29-го августа, олени начинаютъ дѣлиться между собой на стада: именно холощенные олени образуютъ одно стадо, важенки (самки) образуютъ другое стадо, къ которому примыкаютъ и ирвасы (нехолощенные олени); эти стада важенокъ остаются съ ирвасами до 1-го октября приблизительно. Ирвасы въ этотъ промежутокъ времени никуда самокъ отъ себя не отпускаютъ и бросаются на всякаго, слишкомъ близко подходящаго

къ стаду—безразлично, будетъ-ли это человѣкъ, или хищный звѣрь. Въ это время лопари обыкновенно не берутъ важенокъ у ирвасовъ. Если захотятъ холостить, то стараются издали поймать ирваса веревкой и тотчасъ-же, поваливши его, перекусываютъ и надламываютъ ему дѣтородные органы. Собираетъ лопарь своихъ оленей при помощи колокольчика и своихъ собакъ. Отправляясь искать оленей, лопарь беретъ въ руки колокольчикъ и когда собака доводитъ его до мѣста, откуда олени уже недалеко, лопарь начинаетъ звонить. Олени бѣгутъ на звукъ колокольчика; отстающихъ, или уклоняющихся въ сторону, подгоняетъ собака. Когда, наконецъ, олень покажется, лопарь начинаетъ кричать и становится къ нему въ профиль: „тогда олень, говорятъ лопари, видитъ лицо человѣческое;“ если-же стать къ нему прямо лицомъ, онъ не узнаетъ человѣка и бѣжитъ прочь. Оленей пріучаютъ къ ѣздѣ, но это дается лопарю не легко: Д. Н. Бухаровъ [1]), описываетъ пріученіе оленей къ упряжи слѣдующимъ образомъ: „въ началѣ ихъ обыкновенно привязываютъ длинною веревкой къ тонкому стволу бересты. Стараясь высвободиться олени сильно бьются и мечутся и когда, наконецъ, устанутъ, то вмѣсто дерева къ веревкѣ привязывается пулькъ (лопарскіе сани) и веревку эту постепенно укорачиваютъ, пока не удастся, наконецъ, запречь оленя, какъ слѣдуетъ. Кочующіе лопари, неимѣющіе, большей частью, возможности сами заниматься этимъ кропотливымъ дѣломъ, отдаютъ своихъ оленей для выѣздки осѣдлымъ.“

Значеніемъ оленей въ жизни лопаря объясняется и то, что большинство названій мѣсяцевъ (мане) стоятъ въ связи съ оленеводствомъ. Гегстремъ, сообщающій о лопарскомъ календарѣ, указываетъ, что годъ у лопарей начинается съ января. У русскихъ лопарей онъ начинается съ осени; годъ начинается съ того дня, когда впервые покажется мѣсяцъ послѣдній до 29-го Августа. Въ этомъ пріуроченіи новаго года къ осени нельзя не видѣть вліянія православія на русскихъ лопарей. Сопоставляю свѣдѣнія о названіи мѣсяцевъ Гегстрема [2]) со своими. Собранныя мною свѣдѣнія подтвердились для Пазрѣцкихъ лопарей свѣдѣніями, доставленными мнѣ о. Константиномъ Щеколдинымъ. 1-й мѣсяцъ: у русскихъ лопарей занимающій время отъ конца Августа до конца Сентября— *Выуръ*. О. Константинъ Щеколдинъ предполагаетъ, что это имя ему дано отъ слова *выуртамъ*—кортомить, такъ какъ въ это время начинается осенній промыселъ и многіе лопари отдаютъ свои рыболовные участки въ кортому, аренду. У скандинавскихъ лопарей сентябрь называется *Парке* „такъ какъ олени мѣняютъ свою шерсть“. Второй мѣсяцъ называется у русскихъ лопарей *Колге-мане* отъ лопарскаго слова *колгагки*, т. е. спускать, такъ какъ въ октябрѣ ирвасы отпускаютъ отъ себя важенокъ. У скандинавскихъ лопарей—октябрь называется *Ракатъ* „такъ какъ олени идутъ на токъ“. Третій мѣсяцъ, начинающійся приблизительно съ 15-го октября, у русскихъ лопарей носитъ названіе *Іауръ* или *Яуръ-мане (Яуръ, іауръ*—озеро), такъ какъ озера начинаютъ замерзать. У скандинавскихъ лопарей ноябрь—*Галко*, такъ какъ олени перестаютъ бѣгать. Ноябрь-декабрь у русскихъ лопарей—*Пазги-мане* (т. е. постный мѣсяцъ), такъ какъ въ это время филипповъ постъ. Декабрь скандинавскихъ лопарей—*Пассатисъ-манно*, т. е. святой мѣсяцъ.

[1]) Д. Н. Бухаровъ. Поѣздка по Лапландіи, стр. 282.
[2]) P. Högström. Beschreibung des Lapplandes, pp. 186—187

Декабрь-январь у русскихъ лопарей — *Тальвв*, такъ какъ въ это время устанавливается зима. Январь у скандинавскихъ лопарей *Одде пейвв*, такъ какъ они съ него начинаютъ новый годъ. Январь-февраль у русскихъ лопарей—имени не имѣетъ. У скандинавскихъ лопарей—*Куова-манно*, такъ какъ зима наиболѣе жестока въ этомъ мѣсяцѣ. Февраль-мартъ у русскихъ лопарей—*Нюхче-мане* (т. е. лебединый мѣсяцъ), такъ какъ въ этомъ мѣсяцѣ прилетаютъ лебеди. У скандинавскихъ лопарей мартъ—имѣетъ то-же названіе—*Ньюктча*. 8-й мѣсяцъ—*Выззи* или *Вvуззи* (отъ *Выззь*—теленокъ) такъ какъ телятся важенки. Апрѣль у скандинавскихъ лопарей—*Воракисв*, такъ какъ прилетаютъ въ это время галки. 9-й мѣсяцъ—*Кидды-мане* (отъ *Кидды*—весна). Май у скандинавскихъ лопарей *Тсобмосв*, „такъ какъ появляются лягушки и жабы“. 10-й мѣсяцъ—*Кесь-мане* (отъ *Кесь*—лѣто); іюнь у скандинавскихъ лопарей—*Морбмесв*, „такъ какъ важенки телятся“. 11-й мѣсяцъ—*Кулгв-мане* или *Каль-мане*, такъ какъ олени линяютъ. Іюль у скандинавскихъ лопарей—*Иетче*, „такъ какъ сосны и другія деревья даютъ сокъ (rinnen). 12-й мѣсяцъ—*Пурги-мане*, „такъ какъ олени покрываются новой шерстью“ (*пурги*—новая шерсть). Августъ у скандинавскихъ лопарей—*Снелькья*, „такъ какъ олени теряютъ шерсть“. Таковы названія мѣсяцевъ у русскихъ лопарей. Несходство со скандинавскими объясняется тѣмъ, что мѣсяцы, какъ у русскихъ, такъ и у скандинавскихъ, не опредѣлены; и августъ скандинавскихъ лопарей одинаково можетъ соотвѣтствовать и іюлю, и наоборотъ. Изъ 12-ти названій мѣсяцевъ оказывается, что названія 4-хъ у русскихъ и 5-хъ у скандинавскихъ связаны съ оленеводствомъ.

Кромѣ занятій оленьими стадами къ зимнимъ занятіямъ лопарей принадлежитъ и охота, которая, однако, составляетъ, какъ и оленеводство, лишь побочный промыселъ лопаря. Прежде Лапландія изобиловала звѣремъ, но теперь количество его съ каждымъ годомъ уменьшается. Такъ, напримѣръ, еще въ XVIII вѣкѣ лопари уплачивали дань бобровыми шкурами. Въ 60-хъ годахъ этого столѣтія боберъ встрѣчался лишь на Пазъ-рѣкѣ, Нявдемѣ и Туломѣ и то лишь, какъ рѣдкое исключеніе [1]). А въ настоящее время его почти что совсѣмъ нѣтъ: по крайней мѣрѣ, нигдѣ не приходилось слышать, чтобы кто-нибудь убилъ бобра. Тоже и относительно куницъ. По свѣдѣніямъ Дергачева, въ 1867 г. куницъ было убито всего 40 штукъ, и этотъ годъ, по словамъ его, считался однимъ изъ удачнѣйшихъ, но нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ куницъ били сотнями въ одномъ обществѣ [2]). Наконецъ относительно дикихъ оленей: по свѣдѣніямъ того-же автора, въ одинъ годъ было убито 200 штукъ. Теперь нахожденіе дикаго оленя крайняя рѣдкость: они встрѣчаются лишь въ глубинѣ Хибинскихъ горъ и въ очень ограниченномъ числѣ.

Для сравненія приведу таблицы числа убитыхъ звѣрей изъ сочиненія г. Дергачева, слѣдовательно, свѣдѣнія 60-хъ годовъ и данныя, добытыя мною въ Колѣ, за 1882—1886 гг.

	Въ 1860 г.	1882	1883	1884	1885	1886
Медвѣдей	28	6	—	6	7	6
Волковъ	300	—	—	14	28	29

¹) Дергачевъ. Рус. Лапландія, стр. 20.
²) Ibid.

	Въ 1860 г.	1882	1883	1884	1885	1886
Лисицъ гульныхъ . .	180					
Лисицъ кормяжныхъ .	96	—	—	98	69	70
Куницъ	92	—	63	20	21	15
Песцовъ.	300	—	—	117	93	70
Россомахъ	14	—	—	—		
Горностаевъ . . .	600	—		-		
Бобровъ.	1	—	—		—	—
Выдръ	46	—	—	—	—	10
Бѣлокъ	1200	—	314	1613	620	550
Зайцевъ.	70			–		
Оленей дикихъ. . .	200	—	—	—	-	80
Лосей	1	—	—			

Не смотря на отрывочность свѣдѣній, которыя мнѣ удалось достать, не смотря на то, что число убитыхъ звѣрей, по отношенію къ бѣлкамъ, зайцамъ, горностаямъ и т. д. не помѣчено вовсе, все-таки явствуетъ, что охотничій промыселъ падаетъ и, повидимому, и самое количество звѣря уменьшается. Такъ за 1882, 1884, 1885 и 1886 убито всего лишь 25 медвѣдей, а въ одинъ годъ, по свѣдѣніямъ Дергачева, ихъ убито 28. Лисицъ за 1884—86 г. убито всего 237 штукъ; тогда какъ 20 лѣтъ тому назадъ въ годъ приходилось 276 штукъ. Выдръ убито въ 1886 г. почти что въ 5 разъ меньше, чѣмъ въ годъ, взятый Дергачевымъ. Число дикихъ оленей, убитыхъ за годъ, палъ сравнительно съ 60-ми годами съ 200 на 80 и т. д.

Въ уменьшеніи количества звѣря не трудно убѣдиться и по поднятію цѣнъ на шкуры въ настоящее время сравнительно съ 60-ми годами. Такъ напр. въ 60-хъ годахъ за шкуру медвѣдя давали 3 рубля [1]), въ 1884 г. шесть шкуръ медвѣжьихъ стоили 48 р., т. е. среднимъ числомъ по 8 р. за шкуру. Въ 1885 г. 7 шкуръ проданы за 105 р., среднимъ числомъ 15 р. за шкуру. Въ 1886 г. шкура медвѣжья стоитъ среднимъ числомъ около 14 р. 16 к. Слѣдовательно, стоимость шкуры поднялась за 20 лѣтъ съ 3 до 15 р., т. е. въ пять разъ.

Шкура волка, по даннымъ Дергачева, стоила въ 60-хъ годахъ 50 коп., а въ 1884 г. уже 2 р., въ 1885 г. 4 р., въ 1886 г. около 3 р. 40 к.

Цѣна на куницъ въ 1883 г. падаетъ сравнительно съ 60-ми годами съ 5 р. до 4 р. 10 к. (среднимъ числомъ), а въ 1884 г. до 4 р., за то въ 1885 г. она поднимается уже до 6 руб. и доходитъ въ 1886 г. до 10 р. 60 к. за штуку.

Песцы продавались въ 60-хъ годахъ по 30 к. за штуку, въ 1884 г. почти по 60 коп., въ 1885 г. по 1 р. 20 к., а въ 1886 г. по 3 р. 50 к.

Выдра въ 60-хъ годахъ стоила по 4 р. штука, въ 1886 г. по 7 р. 50 к.

Цѣна на шкуру бѣлки, равнявшаяся въ 60-хъ годахъ 3 коп., возрастаетъ въ 1883 г. до 7 коп. и затѣмъ до 10 коп. Количество убиваемыхъ бѣлокъ падаетъ въ 1886 г., сравнительно, съ 60-ми годами съ 1200 до 550, т. е. болѣе, чѣмъ въ два раза.

---

1) Ibid.

Наконецъ, дикіе олени въ 60-хъ гг. продаются по 3 р. штука, въ 1886 г. по 5 руб. Итакъ цѣны на шкуры убитыхъ животныхъ поднялись вдвое, втрое, вчетверо и даже впятеро, тогда какъ число убиваемыхъ въ годъ звѣрей уменьшилось почти пропорціонально: медвѣди въ $4^1/_2$ раза—цѣна поднялась въ 8-мъ разъ; волковъ почти въ 10-ть разъ—цѣна поднялась почти въ 8-мъ разъ. Выдръ почти въ 5-ть разъ—цѣна поднялась почти вдвое. Лишь относительно песцовъ и куницъ мы не находимъ такого же соотношенія: такъ число убиваемыхъ песцовъ въ годъ уменьшилось болѣе, чѣмъ въ три раза, тогда какъ цѣна поднялась болѣе, чѣмъ въ 10-ть разъ. Куницъ бьется въ 1886 году въ 6-ть разъ меньше, чѣмъ въ 60-хъ годахъ; цѣна же на нихъ поднимается лишь въ два раза. Впрочемъ это можетъ объясняться и другими причинами: хотя-бы тѣмъ, что шкуры песцовъ и куницъ рѣзко отличаются по достоинству, а слѣдовательно, и въ цѣнѣ и что въ 60-хъ годахъ шли преимущественно дорогіе куницы и песцы; тогда какъ теперь за уничтоженіемъ хорошихъ шкуръ волей-неволей приходится обращаться къ плохимъ экземплярамъ, цѣны на которые не могутъ подняться слишкомъ высоко. Относительно лисицъ трудно сдѣлать разсчетъ, такъ какъ у Дергачева отдѣлены лисицы гульныя отъ кормяжныхъ (причемъ шкура гульной лисицы стоитъ 3 р., а шкура кормяжной лишь 1 руб.), тогда какъ въ свѣдѣніяхъ, добытыхъ мною, этого различія не дѣлается. Лишь приблизительный разсчетъ возможенъ; считая среднимъ числомъ, что шкура лисицы стоитъ—2 р. въ 60-хъ годахъ; въ 1884 г. шкура лисицы уже стоитъ—3 руб.; въ 1885 г.—4 р., столько же и въ 1886 г. Число же убитыхъ лисицъ въ 1885 и 1886 гг. въ четыре раза меньше числа таблицы Дергачева. Но такого рода разсчетъ лишь очень приблизителенъ.

Такимъ образомъ, несомнѣннымъ является фактъ оскудѣнія лопской земли въ отношеніи звѣря—оскудѣнія, которое, повидимому, идетъ прогрессивно. Жалобы на это слышишь и отъ мѣстныхъ жителей, какъ лопарей, такъ и русскихъ, и въ этомъ отношеніи общій голосъ сходится съ цифрами. Это оскудѣніе приписывается обыкновенно хищническому способу охоты и, повидимому, это справедливо, такъ какъ нѣтъ другихъ причинъ, кромѣ истребленія звѣря, которыя могли-бы повести къ такому быстрому уменьшенію числа его. Если это такъ, то слова Дергачева, сказанныя имъ еще въ 60-хъ годахъ, что „нельзя не пожелать, чтобы (отъ кого зависитъ) приняты были мѣры на будущее время противъ употребленія вредныхъ средствъ для промысла куницъ, лисицъ и другихъ звѣрей“ [1]), выступаютъ въ настоящее время еще съ большей очевидностью. Несомнѣннымъ является, что, если дѣло будетъ продолжаться такъ, Лапландія останется безъ пушнаго звѣря, а это не можетъ не отразиться вредно на экономическомъ быту лопаря. Итакъ огражденіе звѣря отъ хищническаго истребленія, въ интересахъ самаго же лопаря является настоятельной потребностью, откладывать которую надолго ужъ нельзя оттого, что въ скоромъ времени быть можетъ будетъ поздно поправлять то, что было упущено. А что уменьшеніе звѣрей вредно отражается на экономическомъ быту лопарскаго населенія, мы можемъ видѣть изъ цифровыхъ данныхъ. Не смотря на низкія цѣны на шкуры въ 60-хъ годахъ оказывается, что сумма отъ продажи мѣховъ медвѣдей, волковъ, ли-

---

[1]) Ibid, стр. 20.

сицъ, куницъ, бѣлокъ и песцовъ, по даннымъ Дергачева, въ 60-хъ годахъ 1456 р., а въ 1884 г., не смотря на высокія цѣны, шкуръ этихъ же животныхъ было продано всего на 682 р., въ 1885 г. на 792 р. 60 к., въ 1886 г., когда цѣны стояли очень высокія, всего на 932 р. Если прибавить къ вышеозначеннымъ видамъ мѣховъ еще шкуры выдръ и дикихъ оленей, то, по таблицѣ Дергачева, сумма отъ продажи равняется 2.240 р.— а въ 1886 г. лишь 1.407 р. Слѣдовательно, не смотря на то, что цѣны на мѣха поднялись на огромную высоту, сумма отъ продажи за послѣдніе года равняется лишь $1/_3$, а въ 1886 г. немного выше $1/_2$ суммы, выручаемой отъ продажи въ 60-хъ годахъ. Фактъ, краснорѣчиво говорящій въ доказательство печальныхъ послѣдствій, проистекающихъ для лопарей отъ истребленія звѣря.

Какими же способами производится охота лопарями? Въ прежнее время главнымъ, и пожалуй, что почти единственнымъ оружіемъ лопарей былъ лукъ. Луки свои лопари дѣлали изъ твердаго хвойнаго дерева; обстрогавши его, они клали на него особеннымъ образомъ приспособленную полоску изъ березы; приклеивали ее рыбнымъ клеемъ; затѣмъ все обматывали лубомъ, иногда и берестой чрезвычайно крѣпко и плотно такъ, чтобы склейки нигдѣ не было видно. Такой лопарскій лукъ доходилъ до 6-ти футовъ [1]). Кромѣ лука былъ въ употребленіи и самострѣлъ, занесенный къ лопарямъ отъ сосѣдей. Стрѣлы были двухъ родовъ: однѣ вооруженныя желѣзными накопечниками, другія безъ желѣза hebetia et obtusa; эти послѣднія служили для охоты на меньшихъ звѣрей, какъ, наприм. на горностаевъ. Острыя стрѣлы служили для большихъ звѣрей. Наконечники стрѣлъ лопари дѣлали въ XVII в. еще не только изъ желѣза, но и изъ кости и иногда изъ рога. Дерево, назначенное для стрѣлы, они прожигали раскаленнымъ желѣзомъ и въ расщепъ вставляли наконечникъ изъ рога, который и прикрѣпляли клеемъ къ дереву; затѣмъ они оттачивали его либо ножемъ, либо оселкомъ. Кромѣ лука и самострѣла лопари пользовались, какъ оружіемъ пищалями и копьями; о копьяхъ Шефферъ замѣчаетъ, что ими пользуются, главнымъ образомъ, для охоты на медвѣдей; „они (копья) ничѣмъ не отличаются отъ простыхъ и принятыхъ повсемѣстно и не требуютъ особаго объясненія“ [2]).

Но уже въ XVII вѣкѣ лукъ начинаетъ выходить изъ употребленія и замѣняется все чаще и чаще огнестрѣльнымъ оружіемъ. Такъ было у скандинавскихъ лопарей; у русскихъ лопарей, надо полагать, лукъ продержался дольше и огнестрѣльное оружіе вошло въ употребленіе у русскихъ лопарей гораздо позже, чѣмъ у скандинавскихъ, такъ какъ и сами русскіе долгое время, почти до самаго конца XVII в., сохраняли старинные свои луки и лишь сравнительно немногіе въ то время были знакомы съ употребленіемъ огнестрѣльнаго оружія. Какъ бы то ни было, но въ настоящее время нѣтъ лопаря, какъ русскаго, такъ и скандинавскаго, незнакомаго съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, и лукъ вытѣсненъ окончательно, такъ что охота ведется огнестрѣльнымъ оружіемъ. Для ловли нѣкоторыхъ животныхъ лопари употребляютъ ловушки, или прибѣгаютъ къ хитрости. Такъ Дерга-

---

[1]) Д. Н. Анучинъ: Лукъ и стрѣлы въ трудахъ Тифлискаго Археологическаго съѣзда. Schefferus. Lapponia стр. 244.

[2]) Schefferus. Lapponia, стр. 246.

чевъ [1]) передаетъ слѣдующіе способы ловли дикаго оленя: подпускаютъ къ стаду дикихъ оленей „домашнюю самку во время течи, особенно осенью. Тогда обыкновенно нѣсколько сбѣжавшихся дикихъ самцовъ затѣваютъ изъ-за самки драку; въ дракѣ этой они путаются рогами и такимъ образомъ становятся легкою добычею". Далѣе, по словамъ того же автора, во время гололедицы гонятся на лыжахъ за оленемъ, пока онъ не устанетъ и не подпуститъ на разстояніе выстрѣла; наконецъ, къ сучьямъ дерева, мимо котораго обыкновенно пробѣгаетъ дикій олень, привязываютъ петлю, въ которую бѣгущій олень прямо и попадаетъ [2]),

Лисицъ ловятъ двоякимъ способомъ, кромѣ простаго выслѣживанья: бросаютъ въ приманку отравленное мясо и поджидаютъ добычу. Но, по словамъ Дергачева, этотъ способъ довольно неудаченъ, такъ какъ лисица, въ особенности старая, не дотронется никогда до отравленнаго мяса. Второй способъ заключается въ томъ, что весной лопари отыскиваютъ лисьи норы и вытаскиваютъ оттуда маленькихъ лисицъ, которыхъ откармливаютъ уже у себя. Такія лисицы называются кормяжными; этимъ промысломъ занимались преимущественно лопари Лововерскаго погоста [3]). Нѣтъ надобности говорить, какъ вредно отзывается такой способъ охоты на количествѣ звѣря.

Мелкихъ животныхъ лопари либо стрѣляютъ изъ ружья, либо ставятъ на нихъ ловушки. Шефферъ кромѣ того описываетъ способъ, къ которому прибѣгали лопари для ловли маленькихъ звѣрей, какъ горностаевъ, бѣлокъ и т. п., чтобы шкура не портилась отъ выстрѣловъ. Они стрѣляли въ нихъ изъ лука стрѣлами, конецъ которыхъ былъ не остеръ, а съ набалдашникомъ, такъ что звѣри падали мертвыми отъ силы удара. Этотъ способъ былъ распространенъ и у русскихъ лопарей до послѣдняго времени и, быть можетъ, не вывелся окончательно и по настоящее время.

Объ охотѣ на медвѣдя и волка, въ виду тѣсной связи между охотой на этихъ звѣрей съ религіозными вѣрованіями лопарей, я буду говорить впослѣдствіи.

Кромѣ пушныхъ звѣрей лопари занимаются и охотой на птицъ, преимущественно куропатокъ, гагъ и утокъ; охота производится частью ружьемъ, частью ловушками (посредствомъ мертвой петли, въ которую и попадается куропатка).

Количество убитыхъ птицъ колеблется по годамъ чрезвычайно сильно, такъ:

Годъ.	паръ	на сумму.
1882	59	23 р.
1883	178	38 „
1884	750	143 „
1885	701	120 „
1886	158	105 „

Естественно, что эти цифры нужно принимать лишь крайне относительно и вполнѣ точнаго представленія о количествѣ убиваемой ежегодно птицы онѣ дать не могутъ, но

---

1) Дергачевъ, Русск. Лапландія, стр. 18.
2) Примѣч. Насколько эти способы ловли дикихъ оленей распространены, я провѣрить не могъ. Мнѣ говорили только про простую охоту съ ружьемъ.
3) Дергачевъ. Рус. Лапландія.

онѣ все-таки служатъ доказательствомъ, что охота на крылатую дичь плохо вознаграждаетъ лопарей, такъ что и сами лопари, повидимому, не особенно охотно предаются этой отрасли охоты.

Но, какъ сказано уже, охота составляетъ для русскихъ лопарей лишь субсидіарное значеніе, плохо его вознаграждаетъ за тѣ огромные переходы, которые ему приходится совершать, охотясь на морозѣ въ своей холодной родинѣ. Даже въ то время, когда охота давала больше, чѣмъ въ настоящее время, въ общемъ доходъ отъ нея былъ страшно малъ. Такъ, принявъ, что въ 60-хъ годахъ, лопарей считалось 2182 души об. пола, составлявшихъ 391 дворъ, Дергачевъ исчисляетъ доходъ отъ охоты на звѣрей по 6 р. 20 к. на дворъ или немного больше рубля на душу. Теперь, когда доходъ уменьшился почти-что вдвое, мы, принявъ даже тоже число дворовъ, какъ и въ 60-хъ годахъ, получимъ, что на дворъ приходится лишь по 3 р. 10 к. — сумма очень и очень незначительная.

Разъ ни оленеводство, ни звѣроловство не въ состояніи мало-мальски обезпечить лопаря, ему волей-неволей приходится искать себѣ другой источникъ пропитанія, который давалъ бы ему возможность влачить хоть сколько-нибудь сносную, съ лопарской точки зрѣнія, жизнь; такимъ источникомъ безусловно является рыболовство, благодаря которому вотъ уже не первое столѣтіе кормится русскій лопарь и, по всѣмъ вѣроятіямъ, еще долго будетъ кормиться, пока не оскудѣютъ лопарскія рѣки рыбой, какъ оскудѣли горы и лѣса Лапландіи звѣремъ.

Рыбная ловля производится русскими лопарями, какъ въ морѣ, такъ и въ озерахъ и рѣкахъ, причемъ преимущественно въ озерахъ и вытекающихъ изъ нихъ рѣкъ. Это объясняется отчасти тѣмъ, что рыбный промыселъ на морѣ сопряженъ съ большими затрудненіями, и отчасти тѣмъ, что лопарскія тони расположены, главнымъ образомъ, внутри страны. Изъ рыбъ, вылавливаемыхъ въ озерахъ, занимаютъ главное мѣсто сиги, а отчасти семга и лохъ, а изъ вылавливаемыхъ въ морѣ — треска, сайда и пикшуя.

Количество вылавливаемой семги за послѣдніе года увеличилось, но пало и сильно пало, сравнительно съ 60-ми годами. По свѣдѣніямъ Дергачева [1]), семги вылавливалось въ годъ до 5.219 пудовъ. По свѣдѣніямъ, добытымъ мною, оказывается, что

въ 1882	году выловлено всего	1.138 п.
„ 1883	„ „ „	1.861 „
„ 1884	„ „ „	2.365 „
„ 1885	„ „ „	2.730 „
„ 1886	„ „ „	2.650 „

Цѣна на семгу, сравнительно съ 60-ми годами, сильно поднялась, именно съ 2 р. за пудъ, приблизительно, до 4 р. 30 к., въ 1882 г.; въ 1883 г. цѣна упала до 3 р. 60 к.; въ 1884 г. она поднимается снова до 4 р. 26 к.; въ 1885 г. она падаетъ снова до 3 р. 70 к. и 1886 г. поднимается выше 5 руб. Въ общемъ, слѣдовательно, цѣна на семгу поднялась за послѣдніе 20 лѣтъ болѣе, чѣмъ въ два раза, тогда какъ вылавливается ее въ годъ почти въ два раза менѣе. Не смотря на это въ общемъ доходъ, по-

[1]) Дергачевъ, Рус. Лапландія, стр. 52

лучаемый отъ семги, въ послѣдній годъ выше чѣмъ 20-ть лѣтъ тому назадъ. Такъ, по таблицѣ Дергачева, доходъ съ семги равнялся 10.438 р. (не считая 1882 и 1883 гг., когда семги было выловлено крайне мало, вслѣдствіе чего доходъ отъ продажи ея равнялся лишь въ 1882 г.—4.874 р., а въ 1883 г.—6.434 р.),

а въ 1884 г.	. . . . .	10.055 руб.
„ 1885 „	. . . . .	10.135 „
„ 1886 „	. . . . .	13.650 „

Но это лишь за 1886 г., когда цѣна на пудъ семги стояла выше 5 руб. Въ общемъ, если откинуть наименѣе благопріятные года и наиболѣе благопріятные, слѣдуетъ придти къ заключенію, что хотя количество вылавливаемыхъ пудовъ семги и уменьшилось, но доходность отъ этого промысла, благодаря поднятію цѣнъ, осталась почти неизмѣнной.

Морской промыселъ сильно упалъ, сравнительно съ 60-ми годами. Къ сожалѣнію, я располагаю данными только за 1885 и 1886 гг., но и данныя только за эти два года краснорѣчиво говорятъ объ упадкѣ.

Считая лишь треску, палтусину и пикшую, по свѣдѣніямъ Дергачева, окажется, что въ годъ вылавливалось до 23.530 пудовъ, причемъ на палтусину падало лишь 350 пудовъ. А въ 1885 г., считая вообще морскихъ рыбъ, въ ихъ числѣ и сайду, и треску, и пикшую и прибавляя къ этому еще воюксу, выловлено всего лишь 9.646 пудовъ а въ 1886 г.—лишь 5.375 пудовъ.

Пропорціонально паденію количества вылавливаемой рыбы въ морѣ, поднялась и цѣна на нее; по таблицѣ Дергачева, за 23.530 пудовъ рыбы выручено при продажѣ 4.581 р.; въ 1885 году за продажу 9.646 пудовъ выручено почти столько же, именно 4.338 р. Но въ 1886 году вырученная сумма равняется лишь 1.725 руб.

Въ отношеніи къ рѣчной и озерной рыбѣ результаты оказываются совершенно противоположными тѣмъ, къ которымъ невольно приходишь при сравненіи цифръ о вылавливаемой морской рыбѣ: по таблицѣ Дергачева, на всю остальную рыбу, считая сюда и отдѣлъ „другихъ рыбъ,“ въ который могутъ входить и мелкія породы морскихъ рыбъ, въ годъ приходилось—7.835 пудовъ. Дѣйствительно, въ 1882—85 гг. количество вылавливаемой рыбы ниже цифры, указанной у Дергачева,

такъ въ 1882 году	—	373 пуда
„ 1883 „	—	531 „
„ 1884 „	—	603 „
„ 1885 „	—	6.200 „

Но за то въ слѣдующемъ году эта цифра быстро возвышается и въ 1886 году равняется уже 8.170 пуд. Также, благодаря общему поднятію цѣнъ на рыбу, доходъ отъ промысла рыбы озерной и рѣчной увеличился. Въ таблицѣ Дергачева доходъ исчисленъ съ 7.835 п. въ 2.588 руб. 86 к., что составитъ среднимъ числомъ—33 коп. за пудъ. Въ неблагопріятные года 1882—84 гг. доходъ равняется:

въ 1882 г.	—725 р.,	или среднимъ числомъ около	1 р. 90 к. пудъ.
„ 1883 „	—685 „	„ „ „	1 „ 30 „ „
„ 1884 „	—593 „	„ „ „	1 „ — „ „

Въ 1885 году, хотя рыбы выловлено еще на 1.635 пудовъ меньше, чѣмъ отмѣчено въ таблицѣ Дергачева, но доходъ равняется 7.040 р., или превышаетъ доходъ 60-хъ годовъ на 4.451 р. 14 к. Слѣдовательно, въ 1885 году среднимъ числомъ пудъ рыбы стоитъ около 1 р. 13 к. Въ 1886 году доходъ отъ проданной рыбы равняется лишь 5.545 р., хотя рыбы выловлено гораздо больше предыдущаго года, что объясняется паденіемъ цѣнъ на рыбу—именно лишь около 68 коп. за пудъ.

Итакъ, если считать количество вылавливаемой рыбы, то окажется, что въ общемъ, если не считать для рѣчной и озерной рыбы данныхъ 1886 г., рыбный промыселъ упалъ сравнительно съ 60-ми годами, но благодаря поднятію цѣнъ на рыбу, доходъ уменьшился лишь отъ продажи морской рыбы, остался почти неизмѣннымъ для вылавливаемой семги и, наконецъ, увеличился для озерной и рѣчной рыбы. Но къ какому результату придемъ мы, если зададимся вопросомъ: рыбный промыселъ въ общемъ вознаграждаетъ-ли лопаря въ настоящее время лучше, чѣмъ прежде, или хуже? На основаніи цифръ придется придти къ заключенію, что даже, если взять наиболѣе богатые года, именно 1885 и 1886 гг., то и то доходъ отъ рыбнаго промысла будетъ меньше общаго дохода, получаемаго съ того же промысла въ 60-хъ годахъ. По таблицѣ Дергачева, общій доходъ отъ продажи рыбы равняется 22.607 р. 86 к. Въ 1885 году онъ равняется лишь 21.513 р.; въ 1886 г.—20.920 р. Чѣмъ бы не обусловливалось это уменьшеніе и количества вылавливаемой рыбы и сопряженное съ этимъ уменьшеніе суммы отъ продажи ея, нельзя не пожелать, чтобы и на это было обращено вниманіе и приняты мѣры къ обезопасенью лопарей отъ обезрыбенья рѣкъ. Пока рыбная ловля составляетъ главный источникъ пропитанія лопарскаго населенія, пока лишь она помогаетъ имъ сводить концы съ концами и не допускаетъ ихъ до полнаго обѣднѣнія—является необходимымъ сохранить этотъ источникъ и не дать ему изсякнуть. Если спросить, чѣмъ объясняется это прогрессивное уменьшеніе количества вылавливаемой рыбы, придется опять-таки придти къ заключенію, что главной причиной этого являются хищническіе способы, какими производится рыбная ловля (это впрочемъ можетъ относиться лишь къ семгѣ и рѣчной и озерной рыбѣ; по отношенію къ морской дѣйствуютъ, повидимому, другія причины). По отношенію къ семгѣ, причиной уменьшенія ея можетъ служить то, что вылавливается лохъ. Это было замѣчено г. Дергачевымъ: „Въ прежнія времена, пишетъ онъ, никто не занимался ловлею лоховъ, т.-е. семга свободно проходила въ прѣсную воду для оплодотворенія, откуда уже окруженная семействомъ, возвращалась въ море; нынѣ одними лопарями вылавливается до 1 т. пудовъ, изъ которыхъ получается икры до 70 пуд., слѣдовательно, въ одинъ годъ уничтожается нѣсколько милліоновъ зародышей, которые могли бы впослѣдствіи вмѣсто какихъ-либо 1 т. руб. принести тѣмъ же промышленникамъ доходовъ во сто разъ болѣе, такъ какъ опытомъ дознано, что потомки семги всегда приходятъ въ тѣ прѣсныя воды, гдѣ получили жизнь“ [1]). Вылавливанье рыбы съ икрой, вѣроятно, дѣйствуетъ на уменьшеніе и другихъ породъ рыбъ и принятіе мѣръ противъ этого было бы необходимо также въ виду пользы самихъ же лопарей, такъ-какъ по оскудѣніи оленеводства и звѣроловства, лишь рыболовство поддерживаетъ ихъ.

[1]) Ibid, стр. 53

Что касается собственно способовъ ловли рыбы, то они крайне разнообразны; здѣсь позволю себѣ коснуться ихъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ: семгу ловятъ при помощи забора, затѣмъ загораживаютъ выходъ изъ морскаго залива, куда входитъ семга, сѣтью; наконецъ „поѣздами", т. е. при помощи сѣти, которую двѣ лодки волокутъ по дну [1]). Сиговъ и мелкую рыбу ловятъ преимущественно зимой при посредствѣ невода, опускаемаго въ прорубленныя во льду проруби. Кромѣ сиговъ въ лопарскихъ рѣкахъ попадаются и щуки, и ерши, и окуни, а также и налимы. Мелкая рыба идетъ, главнымъ образомъ, на пропитаніе семьи и въ продажу не поступаетъ.

Рыбная ловля, какъ главное занятіе лопарей, оказываетъ огромное вліяніе на ихъ жизнь. Если до сихъ поръ лопари и не стали осѣдлыми и продолжаютъ по прежнему свой полукочевой бытъ, то это объясняется, главнымъ образомъ, ихъ занятіемъ рыбнымъ промысломъ, который не позволяетъ имъ долго оставаться на одномъ и томъ же мѣстѣ. Дѣйствительно, производя главнымъ образомъ рыбную ловлю весной, лѣтомъ и осенью, имъ приходится въ погонѣ за добычею переходить огромныя пространства своей земли, для того, чтобы, пробывъ на мѣстѣ два—три мѣсяца, снова идти на другое мѣсто, гдѣ въ данное время года рыбный промыселъ можетъ быть выгоднѣе. Вслѣдствіе этого лопарю приходится четыре раза въ годъ мѣнять свое мѣстожительство. Съ Егорьева дня они покидаютъ свои зимніе погосты, свои хоть убогіе, но за то теплые пырты и переселяются къ озерамъ и рѣкамъ, гдѣ у каждой семьи есть свое промысловое мѣсто. Тутъ въ маленькой, бѣдной вѣжѣ, въ копоти и дыму пробываетъ лопарь почти до Ильина дня, производя ловъ. Послѣ Ильина дня онъ снова мѣняетъ свое мѣстожительство и переходитъ вновь на другія мѣста, гдѣ и остается до августа. Въ августѣ лопарь снова переѣзжаетъ на осеннее мѣсто рыбнаго промысла и лишь поздно, когда уже снѣгъ покроетъ лопарскую землю и ледъ скуетъ своимъ покровомъ ея озера и бурныя рѣки, возвращается онъ въ свой зимній погостъ, гдѣ и отдыхаетъ мѣсяца 3—4 (приблизительно отъ Рождества до Егорья). Такъ изъ года въ годъ перекочевываетъ лопарь отъ одного угодья къ другому, отыскивая рыбу, безъ которой ему было-бы суждено погибнуть отъ голода и зимней стужи.

Невольно является вопросъ, почему же русскіе лопари-рыболовы перекочевываютъ, тогда какъ норвежскіе лопари, занимающіеся рыбной ловлей, какъ своимъ главнымъ занятіемъ, живутъ осѣдло на мѣстахъ своего промысла? Это объясняется 1) тѣмъ, что русскому лопарю волей-неволей приходится переселяться въ погонѣ за рыбой, такъ какъ, оставаясь на мѣстѣ, тоня не была бы достаточно богата рыбой, чтобы прокормить его и семейство и 2) тѣмъ, что сами тони находятся въ довольно далекомъ разстояніи

---

[1]) Примѣч. Дергачевъ (Рус. Лапландія, стр. 50) упоминаетъ еще объ одномъ способѣ ловли семги гарвами, для чего употребляется сѣть изъ толстой пряжи, выкрашенной ольховою, или березовою корою въ красную краску, чтобы рыба не могла замѣтить этой сѣти въ водѣ. Сѣть бываетъ длиною 13 саж., а шириною отъ 1 до 5 с., безъ матицы, съ крупными ячеями, отъ полутора до двухъ вершковъ. Сѣть эта прикрѣпляется по срединѣ рѣки ко вбитымъ кольямъ и ставится поперекъ теченія. Такъ какъ поплавки находятся на одной сторонѣ, а на другой грузило, то сѣть принимаетъ вертикальное положеніе. Семга запутывается въ ячеяхъ жабрами и остается тамъ до тѣхъ поръ, пока рыбаки начнутъ осматривать сѣть, что дѣлается чрезъ 6 часовъ.

другъ отъ друга, вслѣдствіе чего лопарь совершаетъ большіе переходы, которые и даютъ его быту окраску полукочевника. Это будетъ яснѣе при болѣе подробномъ разсмотрѣніи разстоянія тоней отъ погостовъ: у г. Дергачева точно обозначены какъ число, такъ и названіе тоней при каждомъ погостѣ и отмѣчены разстоянія тоней отъ нихъ. Группируя на основаніи матеріала Дергачева по разстояніямъ отъ жилищъ лопарей мѣстонахожденія тоней, получимъ:

У ОКЕАНА И МОРЯ.

			10 вер. отъ пог.	до 20.	до 30.	до 40.	до 50.	до 60.	до 70	до 80.	до 90.	до 100.	дал.
Въ Кильдинскомъ погостѣ изъ 21 тони.			3	11	6		—	1					
Семіостровскій пог.	6	тоней.	1	—	2	—	1	1	—	—	1		
Пазрѣцкій	„ 12	„	2	9	1	—	—	—	—	—	—	—	
Воронежскій	„ 7	„	1	4	1	—	1	—	—	—	—	—	.
Печенгскій	„ 12	„	5	6	1		-		—	—		-	
Мотовскій	„ 9	„	3	6	—	—	—	—	—	—	—	—	—

ВЪ ОЗЕРАХЪ И РѢКАХЪ.

Экостровскій	„ 16	„	4	1	4	—	3	2	1	—	1		—
Бабенгскій	„ 8	„	5	1	1	—	—	1					
Массельгскій	„ 12	„	5	3	2	—	—	2		.	—	—	—
Нотозерскій	„ 10	„	2	—	3	—	—	—	1	1	1	—	2
Остальныя разстоянія не помѣчены				(одна тоня въ 120 в., другая въ 150 вер.).									
Сонгельскій	„ 14	тоней.	6	3	3	—	1	—	1	—	—	—	
Семіостровскій	„ 11	„	2	3	2	2	2	—					
Воронежскій	„ 10	„	4	1	2	—	1	1	1				
Лавозерскій	„ 8	„	4	3	—	—	—	1	—				
Кильдинскій	„ 15	„	2	2	4	—	—	—	—	—	1	4	2
Пазрѣцкій	„ 4	„	1	1	2	—	—	—					-
Печенгскій	„ 9	„	1	1	1	—	1	—	1	2	1	·	1
Мотовскій	„ 6	„	1	4	1	—	—	—					
Итого	190		52	59	36	2	10	9	5	3	5	4	5

Я намѣренно сохранилъ тоней дѣленіе на тони приморскія и рѣчныя, въ виду того, что погостамъ, лежащимъ вблизи моря, удобнѣе находить себѣ тони и проѣзжать къ нимъ. И то изъ всѣхъ морскихъ тоней, числомъ 67, лишь 15 находятся на разстояніи отъ погоста меньше 10-ти верстъ, а цѣлыхъ 36 въ разстояніи до 20-ти вер. и 16 дальше 20-ти верстъ. Но это не имѣло-бы такого значенія, если-бы тони на озерахъ и рѣкахъ были болѣе близки: сообщеніе по морю на много удобнѣе, чѣмъ по лопарскимъ тропинкамъ, и въ концѣ-концовъ многія семьи, имѣющія тони въ разстояніи 1—20 верстъ отъ погоста, могли-бы перекочевывать окончательно. Но озерныя и рѣчныя тони лежатъ еще

дальше отъ погостовъ. Изъ 123 озерныхъ и рѣчныхъ тоней лишь 37 находятся на разстояніи 10 верстъ отъ погоста, 23 на разстояніи отъ 10 до 20 верстъ; слѣдовательно цѣлая половина тоней, числомъ 63, находится на разстояніи больше 20 верстъ; причемъ есть тони, находящіяся на разстояніи 100—150 верстъ.

Если принять во вниманіе неудобство путешествія по Лапландіи, необходимость обходить пороги, наконецъ то, что лопарю приходится идти со всѣми принадлежностями промысла, то станетъ вполнѣ понятнымъ, что лопарь и не можетъ поступать иначе, какъ только переселяясь окончательно на все время лова на свою тоню. Если русскіе крестьяне, имѣющіе землю верстъ за 15—20 отъ деревни, предпочитаютъ, если у нихъ продолжительная работа на этой землѣ, уходить туда на цѣлую недѣлю, какъ это дѣлаютъ между прочимъ крестьяне Пудожскаго уѣзда, Олонецкой губерніи, и только по праздникамъ возвращаться домой, то что же долженъ дѣлать лопарь, у котораго въ распоряженіи нѣтъ лошади, какъ у русскаго крестьянина, нѣтъ ни телѣги, однимъ словомъ нѣтъ ничего кромѣ утлой лодочки, которую ему же приходится сплошь и рядомъ волочить за собой, если порогъ преграждаетъ ему путь; да и дороги крайне неудобны подчасъ не только для прохода съ кладью, но даже и безъ нея.

Конечно, эта кочевая жизнь, занимающая у лопаря почти что $^3/_4$ всего года, не можетъ не отразиться вредно на его здоровьѣ. Въ пыртѣ онъ какъ-ни-какъ, а пользуется все-таки кое-какими удобствами, дымъ не ѣстъ ему глаза и въ пыртѣ не бываетъ такъ сыро и холодно, какъ въ его вѣжѣ, въ которой онъ вынужденъ жить, не имѣя средствъ построить себѣ жилище получше, на мѣстахъ своего лова. Многія болѣзни, сводящія не одного лопаря въ могилу, огромная смертность дѣтей можетъ объясняться именно этими неудобствами, съ которыми сопряжены какъ сама дорога отъ тони до тони, такъ и жизнь въ вѣчно дымной вѣжѣ. Между прочимъ поставленные въ необходимость совершать эти перекочевки, стремясь выгодать лишній день на дорогѣ, чтобы раньше прибыть на мѣсто производства промысла, лопари не щадятъ ни больныхъ, ни дѣтей. Давно уже извѣстно про лопарей, что, если во время перекочевки, кто-либо у нихъ заболѣетъ, они оставляютъ его на произволъ судьбы. Многіе писатели, въ томъ числѣ и въ XVIIIв. Гёгстрёмъ упоминаетъ объ этомъ обычаѣ: если кто-нибудь изъ лопарей, пишетъ онъ, захвораетъ зимой, они его при своихъ переходахъ всюду таскаютъ съ собой. Но лѣтомъ они его оставляютъ на своемъ прежнемъ мѣстѣ жительства, если они не уѣзжаютъ особенно далеко. Если больной—лицо, пользующееся у нихъ уваженіемъ, они приставляютъ къ нему для ухода ребенка. Если же это работникъ, или работница, или вообще лицо, уваженіемъ среди своихъ не пользующееся, то они оставляютъ ему лишь дровъ и пищи, и больной лежитъ иногда такъ по нѣскольку мѣсяцевъ и никто его не навѣщаетъ [1]). Этотъ обычай, записанный въ XVIII в. и перешедшій во многія описанія лопарей какъ русскихъ, такъ и скандинавскихъ, не потерялъ и до сихъ поръ своей силы, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ частяхъ Лапландіи. Такъ Д. Н. Бухаровъ [2]) сообщаетъ, что у пограничныхъ лопарей, между прочимъ этотъ обычай еще въ силѣ: и если въ моментъ передвиженія

---

1) P. Högström, стр. 157.
2) Д. Н. Бухаровъ. Поѣздка по Лапландіи, 1883, стр. 284.

лопарей съ мѣста на мѣсто окажется у нихъ больной, который не имѣетъ возможности ѣхать съ ними вмѣстѣ, то лопари „больнаго, часто умирающаго, укладываютъ въ наскоро сложенный небольшой шалашъ-вѣжу, оставляютъ ему немного воды, провизіи и прощаются. Если больной поправится, то съумѣетъ найти своихъ, если нѣтъ, его тѣло, или скорѣе обглоданныя хищниками кости будутъ подобраны на обратномъ пути и отвезены въ церковь для преданія, по христіански, землѣ“.

Такой обычай, естественно, долженъ былъ появиться въ виду тяжелой кочевой жизни лопаря и къ нему вынуждены были обращаться какъ лопари-оленеводы, такъ и полукочевники-рыболовы. Если принять во вниманіе, что лопари, вообще, крайне ласковы другъ къ другу, что, наконецъ, обыкновенно вся семья относится съ заботливостью къ каждому изъ своихъ членовъ, и что лопарь одинъ никогда не перекочевываетъ, а идетъ со всей своей семьей на свои тони, то еще яснѣе станетъ, какъ велика должна быть нужда, заставляющая бросать на дорогѣ товарища, родственника.

Конечно, этотъ обычай не повсемѣстенъ. Такъ, напримѣръ, у кольскихъ лопарей обычай бросать больнаго при перекочевкахъ, на сколько мнѣ извѣстно, не встрѣчается болѣе—но лопарь все-таки не будетъ ждать его: онъ и больнаго везетъ съ собой. „Лопаря или лопарку, пишетъ мнѣ о. Константинъ Щеколдинъ, когда придетъ время ѣхать на другое мѣсто, ничего не удержитъ.... исключенія во время переѣздовъ ни для кого не бываетъ“. Больныхъ кладутъ въ кережу и несутъ на рукахъ. Случалось, говорятъ, заключаетъ о. Константинъ, что во время дороги... больные умирали. Это и не удивительно, если вспомнить, съ какими трудностями сопряжены переходы. Хорошо если переходъ совершается, когда снѣгъ еще не растаялъ, когда можно ѣхать на оленяхъ тогда лопарю и здоровому и больному легче и этотъ переходъ они совершаютъ весело. Вотъ какъ описываетъ такого рода переѣздъ г. Дергачевъ: „При крикахъ ги, го, ге, понуждающихъ оленей, лопари выѣзжаютъ изъ погостовъ длинной вереницей. Каждое семейство, составляя особый поѣздъ, ѣдетъ къ зарапѣе условленному мѣсту, не разбирая пути, и дорога для лопарей идетъ тамъ, гдѣ онъ ѣдетъ: заблудиться ему нѣтъ опасности, потому что пустыни ему также знакомы, какъ улицы города. Олени спокойно мчатся по глубокому снѣгу... лопарь-же, свѣсивъ правую ногу на лѣвый край кережи, заботится только о сохраненіи равновѣсія шаткаго своего экипажа... тянется длинной вереницей обозъ маленькихъ санокъ, за ними олени съ навьюченными спинами. На этихъ санкахъ и вьюкахъ все движимое имущество лопарей, между которымъ торчатъ тамъ и сямъ дѣтскія головки. По бокамъ идутъ кучками лопари и лопарки, весело разговаривая; дѣти рѣзвятся и шныряютъ между взрослыми. Шествіе это растягивается версты на двѣ“[1]) Но далеко не всегда перекочевка лопаря представляетъ такую веселую привлекательную картину, даже и въ томъ случаѣ, если снѣгъ не стаялъ еще. Когда въ оттепель приходится лопарю по колѣно идти въ снѣгу то на гору, то подъ гору, попадая въ огромныя лужи, когда ему приходится переходить черезъ шаткій ледъ рѣкъ и озеръ, рискуя погибнуть самому и погубить и семью, и имущество, веселаго мало въ такомъ переходѣ. Когда лѣтомъ, въ жару, подъ палящимъ солнцемъ, ему приходится бороться съ остер-

---

[1]) Русская Лапландія. Этнографія лопарей, стр. 9—10.

венѣлыми рѣчными порогами, поднимать свою лодку вверхъ по теченію, переволакивать свою лодку отъ порога до порога или идти, наконецъ, въ лѣсу или по низинѣ, подъ преслѣдованіями тысячей комаровъ и мошекъ, когда ему приходится переходить по камнямъ, или подыматься на высокую гору обремененному поклажей—то и лопарь устаетъ и прекращаетъ свой веселый разговоръ и молча идетъ, понуривъ голову, —и онъ устаетъ. При такихъ условіяхъ тяжко больнымъ и многіе изъ нихъ умираютъ; многія дѣти не выносятъ труднаго перехода и не доходятъ живыми до мѣста производства промысловъ. И жалѣетъ лопарь больнаго и горюетъ о смерти ребенка, но сдѣлать ничего не можетъ, такъ какъ тяжелая нужда, горькая неволя гонитъ его съ мѣста на мѣсто, и знаетъ онъ, что если пропуститъ нѣсколько дней, уступивъ чувству жалости къ ребенку, или больному родственнику, онъ самъ останется безъ хлѣба на всю зиму и попадетъ еще въ бо́льшую кабалу къ своимъ хозяевамъ, изъ которой ему, пожалуй, при жизни и не выбраться.

Какъ бы то ни было, но эти переходы вредно отражаются и на здоровьѣ лопаря и уменьшаютъ его численность, тѣмъ болѣе, что, какъ я уже говорилъ выше, жизнь его на мѣстѣ производства лова далеко незавидна. День онъ проводитъ на озерѣ или рѣкѣ, не смотря ни на какую погоду: будетъ ли жаркій день, будетъ ли туманный и холодный, (рѣзкія перемѣны свойственны климату Лапландіи), онъ все равно тянетъ свою сѣть, все равно стоитъ подолгу по колѣна, а то и по поясъ, въ водѣ. Подъѣдетъ онъ близко къ берегу, тучи комаровъ облѣпятъ его и борьба съ ними оказывается безсильной. Войдетъ ли онъ въ свою вѣжу и прикурнетъ у огня—ему приходится сидѣть въ дыму, въ ужасно спертомъ воздухѣ и на пространствѣ 1 кв. сажени жаться вмѣстѣ съ 5—6 человѣками, чтобы провести бѣлую сѣверную ночь и на утро снова идти на промыселъ.

Но лопарь переноситъ всѣ эти лишенія, не зная другаго способа обезпечить себя; рыбой онъ кормится самъ, рыбу же онъ продаетъ и мѣняетъ у русскихъ промышлениковъ на сахаръ и чай, на водку, на соль, на хлѣбъ, подчасъ на посуду и одежду.

Обмѣнъ рыбы и нѣкоторыхъ другихъ предметовъ на товары, привозимые въ Колу, или предметы, изготовляемые русскими, а также и продажа рыбы, шкуръ и мѣховъ убитыхъ звѣрей въ настоящее время регулируетъ главнымъ образомъ всѣ дѣйствія лопарей. Естественно, что торговля съ сосѣдями должна была начаться въ очень скоромъ времени послѣ столкновенія лопарей съ своими сосѣдями. Эта торговля сначала была исключительно мѣновая. Главное мѣсто въ ряду предметовъ, даваемыхъ лопарями въ обмѣнъ, занимали и тогда, какъ и теперь, мѣха и рыба. Самуилъ Реенъ дѣлаетъ слѣдующее перечисленіе мѣховъ, которые скандинавскіе сосѣди получали отъ лопарей: это шкуры оленей, лисицъ черныхъ, красныхъ, синихъ, бѣлыхъ куницъ, бобровъ, песцовъ, волковъ, медвѣдей; кромѣ того живые олени, лопарскія одежды (togae) [1], и т. д. Циглеръ указываетъ еще на рыбу, какъ предметъ торговли: такъ много, пишетъ онъ, рыбы... что они (лопари) привозятъ ее въ сосѣднія страны Нортботнію и Бѣлую Россію (Russiam albam) [2]. Въ замѣнъ этого лопари получали овечью шерсть, холстъ мѣдь, латунь, соль, муку, бычачьи кожи, сѣру, спиртъ и „что удивительно, добавляетъ

---

[1]) Schefferus. Lapponia, p. 173.
[2]) Ibid.

Шефферъ, даже табакъ, который они страшно любятъ. Кромѣ того лопари продавали свои мѣха за серебро и за шведскія монеты [1]).

Какими способами велась эта торговля въ первыя времена по столкновеніи лопарей съ сосѣдями—намъ неизвѣстно. Существуютъ дѣйствительно свѣдѣнія, что между лопарями и ихъ сосѣдями торговля велась молчаливо, безъ словъ. Такъ у Павла Іовія (писателя XVI в.). сообщающаго свѣдѣнія о лопаряхъ со словъ русскаго посла, мы встрѣчаемъ упоминаніе о подобномъ способѣ торговли: „Лопари, сообщаетъ онъ, мѣняютъ мѣха, отличающіеся своей бѣлизной, которые мы называемъ горностаевыми, на различные предметы, однако такъ, что избѣгаютъ всякаго разговора съ купцомъ и даже его вида. Именно, когда сложены въ одно мѣсто предметы, которые хотятъ обмѣнять, и оставивъ посрединѣ шкуры, они совершаютъ обмѣнъ съ замѣчательной добросовѣстностію съ неизвѣстными имъ и отсутствующими лицами.... это оттого, что это народъ дикій (agrestis), до невѣроятія подозрительный даже при одномъ видѣ слѣдовъ чужаго имъ человѣка и корабля“ [2]). Аналогичное показаніе встрѣчаемъ мы и у Циглера: въ чтеніи, которое предлагаетъ Шефферъ, текстъ словъ Циглера будетъ слѣдующій: торговлю ведутъ при помощи обмѣна, а не деньгами и лишь киваньемъ головы, а отнюдь не рѣчью высказываютъ свое согласіе и это не оттого, что у нихъ недостатокъ ума или дикіе нравы, но оттого, что они имѣютъ языкъ грубый (peculiarem) и незнакомый сосѣдямъ“ [3]). Наконецъ Шефферъ даетъ намъ еще свидѣтельство Герберштейна, по словамъ котораго у лопарей неизвѣстно употребленіе золотой и серебряной монеты: лопари довольствуются простымъ обмѣномъ предметовъ и „такъ какъ не знаютъ чужихъ нарѣчій, то считаются у иностранцевъ почти что нѣмыми“.

Эти разсказы о нѣмой торговлѣ лопарей съ сосѣдями считаются обыкновенно сказкой и дѣйствительно нельзя доказать, что Павелъ Іовій и другіе писатели прошлыхъ вѣковъ не воспользовались уже готовой средневѣковой сказкой и не перенесли ея на лопарей, какъ это они дѣлали неоднократно, описывая внѣшность и костюмъ лопаря. Но съ другой стороны, если вспомнить, какъ зачинались торговыя отношенія у другихъ народовъ, какъ много свидѣтельствъ дошло до насъ отъ различныхъ вѣковъ и о различныхъ народахъ, свидѣтельствъ, говорящихъ о существованіи молчаливой торговли, то и эти свѣдѣнія о лопаряхъ сильно потеряютъ свою сказочную окраску и станутъ по меньшей мѣрѣ возможными.

Въ „Очеркахъ Сравнительной Этнографіи и Культуры“ г. Кулишера [4]) собрано довольно свѣдѣній о мѣновой безмолвной торговлѣ, начиная съ древняго міра. Эти-то свѣдѣнія я и позволю себѣ привести здѣсь.

У Геродота встрѣчается извѣстный всѣмъ разсказъ о торговлѣ Финикіянъ съ жителями Ливіи: „Есть въ Ливіи страна и народъ по ту сторону Геракловыхъ столбовъ... Приходя къ нимъ для торговли, Карѳагеняне выгружаютъ свои товары изъ кораблей, раскладываютъ ихъ рядомъ на морскомъ берегу, потомъ возвращаются на свои суда и

---

1) Ibid

2) Ibid, стр. 168.

3) Ibid.

4) Стр. 197—200.

разводятъ дымъ. Замѣтивши дымъ, туземцы подходятъ къ морю, за товары оставляютъ золото и удаляются обратно. Карѳагеняне выходятъ на сушу и разсматриваютъ, достаточно ли оставлено золота за товары; если достаточно, то золото они забираютъ и отплываютъ; если же недостаточно, то снова всходятъ на корабли и тамъ выжидаютъ; туземцы опять появляются и прибавляютъ золота столько, чтобы удовлетворить Карѳагенянъ [1]).

По словамъ Плинія и Помпонія Мелы жители Табробана и римскіе купцы производили торговлю съ Серрерами, жившими по ту сторону Гималаевъ, слѣдующимъ образомъ: „иностранцы складывали свои товары на берегу рѣки, протекавшей на границѣ ихъ страны, рядомъ съ товарами, предложенными Серрерами для сбыта; Серреры уносили съ собою иностранные товары, если они считали себя удовлетворенными“ [2]).

Въ Африкѣ, у нѣкоторыхъ племенъ, по р. Нигеръ, по словамъ Винтерботтома, мы видимъ тотъ же способъ торговли. Продавецъ кладетъ свои товары на землю на опредѣленномъ мѣстѣ и удаляется; является затѣмъ покупатель и кладетъ рядомъ со сложенными предметами то, что онъ считаетъ возможнымъ дать за нихъ. Онъ въ свою очередь удаляется на приличное разстояніе и выжидаетъ, будетъ ли принятъ и забранъ предложенный имъ эквивалентъ, или нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ онъ или рѣшается прибавить, или забрать принадлежащій ему товаръ [3]).

Такой же способъ торговли встрѣчается и въ Фернандо-По, съ тѣмъ лишь различіемъ, что на пескѣ проводятъ черту, по сторонамъ которой и кладутъ предметы, назначенные къ обмѣну.

Наконецъ, на основаніи данныхъ Бастіана, Кулишеръ указываетъ и на то, что Португальцы вели торговлю совершенно безмолвно съ жителями царства Макуа, къ югу отъ Мозамбика [4]).

Наконецъ и Коцебу передаетъ свои слѣдующія интересныя наблюденія на счетъ торговли Чибоковъ и Чукчей. „Сперва чужеземецъ кладетъ нѣкоторые изъ своихъ товаровъ на берегу и удаляется. Чибокъ является, осматриваетъ товары и кладетъ рядомъ столько кожъ, сколько онъ, по приблизительной оцѣнкѣ, считаетъ возможнымъ дать и, въ свою очередь, удаляется. Чужеземецъ снова приближается, подвергаетъ изслѣдованію предложенную ему цѣну и уноситъ кожи съ собой, оставляя на мѣстѣ принадлежащіе ему товары, если считаетъ себя удовлетвореннымъ. Въ противномъ случаѣ онъ оставляетъ нетронутыми и кожи и товары и снова удаляется, ожидая прибавки со стороны покупателя. Такимъ то нѣмымъ и безмолвнымъ образомъ производится у нихъ торговый обмѣнъ [5]).

Кромѣ этихъ свидѣтельствъ, касающихся народовъ, съ которыми русскіе никогда не имѣли торговыхъ сношеній, есть свѣдѣнія о мѣстной торговлѣ русскихъ купцовъ съ инородцами. „Иностранцы, по словамъ Аристова, („Промышленность древней Россіи“)

---

1) Стр. 197.
2) Стр. 199.
3) Стр. 196.
4) Стр 197.
5) Стр. 197—198.

свидѣтельствуютъ, что даже въ XVI в. производилась нѣмая торговля въ Сибири около Оби. Есть статья въ сборникахъ XVI вѣка, „о человѣцѣхъ незнаемыхъ въ восточной странѣ“, въ ней описываются Сибирскіе народы... Сквозь фантастическія выдумки виднѣется правдоподобный разсказъ о нѣмыхъ торговыхъ отношеніяхъ съ ними“.

На этихъ основаніяхъ Аристовъ приходитъ къ выводу, что торговля русскихъ со многими инородцами на первыхъ порахъ была нѣмая [1]). Наконецъ, г. Кулишеръ тутъ же упоминаетъ еще всѣмъ извѣстный разсказъ новгородца Гюраты Роговича о торговыхъ сношеніяхъ съ Югрой въ XI в. и Герберштейна о торговлѣ грустинцевъ и серпентовцевъ въ позднѣйшія времена съ Югрой же. „Торговля чудная, нигдѣ такъ не торгуютъ.... югорцы кладутъ на извѣстныя мѣста товары .... приходятъ купцы изъ земли вышеназванныхъ народовъ, берутъ товары, а на мѣсто ихъ свои кладутъ; случается, что . . . . югорцы бываютъ недовольны мѣною: отсюда у нихъ съ сосѣдями споры и войны случаются“ [2]).

Такое обиліе данныхъ о существованіи молчаливой мѣновой торговли въ разныя времена и у разныхъ народовъ можетъ служить косвеннымъ доказательствомъ того, что и свѣдѣнія, сообщаемыя о подобной торговлѣ лопарей, не выдумка и это тѣмъ болѣе, что свѣдѣнія эти встрѣчаются съ одной стороны у Павла Іовія и Герберштейна, писавшихъ со словъ русскихъ, видавшихъ только русскихъ лопарей, и съ другой стороны у Циглера, писавшаго про лопарей скандинавскихъ. Наконецъ и то соображеніе, что при незнаніи языка другъ друга единственный способъ объясняться двумъ торгующимъ жесты и знаки, можетъ служить подтвержденіемъ этихъ свидѣтельствъ. Что же касается того факта, что лопари, по словамъ Павла Іовія, вели не только молчаливую торговлю, но даже не присутствовали при обмѣнѣ товаровъ, то кромѣ распространенности этого факта, стоитъ лишь вспомнить, какъ мало была гарантирована безопасность торгующихъ при первобытныхъ способахъ торговли, чтобы найти этотъ поступокъ лопарей вполнѣ естественнымъ, тѣмъ болѣе, что пришлые торговцы были и лучше вооружены, чѣмъ лопари.

Какъ бы то ни было, но мѣновая торговля держится долго въ средѣ лопарей и лишь постепенно и крайне медленно входитъ въ употребленіе продажа лопарями своихъ товаровъ. Въ 40 хъ годахъ XVII столѣтія, Мартиньеръ описываетъ самъ тѣ торговыя отношенія, которыя ему пришлось завязать у лопарей. Отправившись отъ берега, гдѣ присталъ корабль, въ глубь страны съ торговою цѣлью, Мартиньеръ съ товарищами переночевалъ въ лопарскомъ селеніи и на слѣдующій день сталъ спрашивать лопарей, нѣтъ-ли у нихъ чего-нибудь въ обмѣнъ на табакъ и полотно. Лопари сказали, что у нихъ есть волчьи и лисьи шкуры и шкуры бѣлокъ. „Мы приказали, разсказываетъ Мартиньеръ, показать намъ всѣ эти шкуры и четыре одежды изъ оленьей шкуры, чтобы защититься отъ холода, и заплатили за нихъ частью табакомъ, частью полотномъ [3]).

Хотя Шефферъ и говоритъ, что лопарямъ за товары платятъ серебромъ и nummis inperialibus, однако замѣчаетъ, что, повидимому, мѣновая торговля до настоящаго вре-

[1]) Ibid, стр. 200.
[2]) Ibid.
[3]) Martinière, voyage, стр. 156.

мени въ употребленіи у лопарей, и что лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ платятъ имъ деньгами [1]).

Нѣтъ надобности говорить, что въ концѣ XVII в., когда писалъ Шефферъ, нѣмой торговли уже не существовало и причина этого довольно вѣрно указана имъ самимъ: „они (лопари) совершаютъ торговлю не знаками, какъ прежде, а при помощи словъ, такъ какъ между ними встрѣчаются многіе, которые говорятъ на языкѣ сосѣдей, либо объясняются съ сосѣдями при помощи переводчиковъ, которыхъ между ними много" [2]).

Мѣновая торговля и среди скандинавскихъ лопарей продолжалась чрезвычайно долго и до извѣстной степени существуетъ и по настоящее время, какъ и прежде на ряду съ денежной торговлей, уступая все больше и больше мѣста послѣдней. Но еще въ XVIII вѣкѣ для нѣкоторыхъ мѣстностей мѣновая торговля была господствующей формой и сопровождалась опаиваньемъ лопарей и злоупотребленіями. Вотъ что говоритъ путешественникъ прошлаго столѣтія, описывая одну изъ ярмарокъ: „Купцы приносятъ лопарямъ нѣсколько бутылокъ водки, сахарнаго сиропа, который они получаютъ изъ Стокгольма, сухихъ, сладкихъ пироговъ. Лопари взамѣнъ даютъ имъ сухой трески и другихъ рыбъ, шкуры и сушеное мясо оленей, медвѣжьи шкуры, мѣха лисицъ разныхъ цвѣтовъ, горностаевъ и куницъ [3]).

Въ своихъ торговыхъ сношеніяхъ лопари славились своей честностью, такъ Павелъ Іовій передаетъ, что они вели мѣновую торговлю „съ искреннѣйшимъ довѣріемъ". Но, повидимому, въ скоромъ времени эксплоатація сосѣдями заставила ихъ постепенно перемѣнить свой образъ дѣйствій и вотъ уже въ XVII вѣкѣ Шефферу приходится передать слова Самуила Реена, по которому лопари до того обманываютъ въ торговлѣ и такъ хитры въ этомъ отношеніи, что „кто не знаетъ ихъ хитрости, едва-ли будетъ въ состояніи избѣжать быть обманутымъ". „Конечно, добавляетъ Шефферъ отъ себя, пока чужеземцы обращались съ ними честнѣе, и сами они въ своихъ торговыхъ дѣлахъ были честны. Когда-же ихъ стали обманывать, то изъ боязни быть обманутыми, они сами стали обманывать" [4]).

Что касается собственно русскихъ лопарей, то давно уже слова, сказанныя о нихъ Павломъ Іовіемъ, что они ведутъ торговлю „съ искреннѣйшимъ довѣріемъ" не примѣнимы къ нимъ. Уже давно сыпятся на нихъ обвиненія, что „они на обманъ ловки", „въ торгахъ плутоваты", „къ обману склонны" и т. д. И эти обвиненія не безосновательны. Насколько вышеприведенныя слова Шеффера, сказанныя имъ собственно примѣнительно къ скандинавскимъ лопарямъ XVII в., могутъ относиться и къ русскимъ лопарямъ, будетъ видно изъ послѣдующаго очерка современной торговли русскихъ съ лопарями.

Прежде, чѣмъ говорить собственно о торговлѣ русскихъ съ лопарями, позволю себѣ коснуться въ двухъ словахъ отношеній представителей великоруссовъ на сѣверѣ къ лопарямъ. Дѣло въ томъ, что часть лопарей, какъ только вышла изъ-подъ кабалы Пе-

1) Schefferus. Lapponia, p. 170.
2) Ibid, стр. 171.
3) M. Outhier: Journal d'un voyage au Norden, 1736 et 1737. Paris. 1744.
4) Schefferus. Lapponia., стр. 176, 177.

ченгскаго монастыря, который захватилъ въ свое вѣдѣніе многія мѣстности Лапландіи — они очень скоро очутились въ такой же кабалѣ, только не у одного лица, какъ прежде, а у многихъ. Большинство лопарей перешло только изъ рукъ въ руки отъ монастыря къ кольскимъ жителямъ, которые, такъ сказать, раздѣлили лопарскіе погосты между собой для продолженія той эксплоатаціи, которую въ продолженіи вѣковъ совершалъ Печенгскій монастырь. Другая же часть лопарей въ этой кабалѣ находилась еще раньше.

Въ настоящее время почти вся Лапландія, такъ сказать, подѣлена между богатыми колянами; одни погосты тянутъ къ одному „хозяину", другіе къ другому и т. д. и это продолжается изъ поколѣнія въ поколѣніе. Передаетъ одинъ хозяинъ свое дѣло другому лицу, вмѣстѣ съ дѣломъ, такъ сказать, переходятъ и лопарскіе погосты—и этотъ порядокъ вещей продолжается уже болѣе столѣтія, вредно отражаясь на благосостояніи эксплоатируемаго племени, разрушая окончательно ихъ послѣдній достатокъ.

Чѣмъ же объясняется такое положеніе?

Своимъ положеніемъ лопари обязаны системѣ спаиванья, неизмѣнно практиковавшейся впродолженіе многихъ лѣтъ. Для полученія дорогихъ мѣховъ русскіе промышленники ѣздили въ глубь лопарскихъ дебрей и тамъ, проживая въ погостахъ, подпаивали лопарей и въ пьяномъ видѣ выторговывали у нихъ лучшіе мѣха по баснословно дешевымъ цѣнамъ. Любое сочиненіе, касающееся русской Лапландіи, переполнено подобными разсказами, свидѣтельствующими въ одно и то же время о добродушіи лопаря въ пьяномъ видѣ и о безсовѣстности русскихъ кулаковъ-торговцевъ. Въ настоящее время эти разсказы отошли уже въ область преданій, такъ какъ теперь/запрещено торговцамъ ѣздить въ лопарскіе погосты съ виномъ. Насколько это постановленіе строго соблюдается—сказать трудно: во всякомъ случаѣ тотъ фактъ, что были приняты мѣры противъ злоупотребленій торговцевъ въ полузабытой, находящейся и по настоящее время въ загонѣ Лапландіи, доказываетъ силу вопіющихъ злоупотребленій. Эта законодательная мѣра, конечно, имѣла, до извѣстной степени, благіе результаты, но лишь до извѣстной степени не больше, такъ какъ сама эта мѣра, уменьшая опаиванье, не измѣнила самаго зависимаго положенія лопарей, не выводила ихъ изъ-подъ кабалы кольскихъ кулаковъ. Да и само опаиванье, наконецъ, если и уменьшилось нѣсколько, то далеко еще не прекратилось и перемѣнило лишь мѣсто и приняло другой характеръ.

Лопари находятся въ постоянномъ долгу у колянъ, забирая у послѣднихъ товары въ счетъ будущаго улова рыбы. Это дѣлается слѣдующимъ образомъ: забравъ товары, лопарь уѣзжаетъ на ловъ рыбы, онъ знаетъ, на какую сумму онъ забралъ, сколько пудовъ рыбы нужно ему привезти „хозяину", чтобы уплатить долгъ. Кольскій „хозяинъ" въ свою очередь записываетъ долгъ лопаря въ свои книги. Возьмемъ теперь лучшій случай, когда уловъ былъ хорошъ и когда лопарь имѣетъ возможность выплатить свой долгъ. Наловивъ рыбы, онъ снова пріѣзжаетъ въ Колу, гдѣ и производится обыкновенно разсчетъ. Всѣ лопари, хотя еще 6—7 лишь часовъ утра, уже сильно выпивши: добродушный „хозяинъ" поставилъ имъ водки и вотъ постепенно, по мѣрѣ дѣйствія винныхъ паровъ на слабыя лопарскія головы, лопарь становится все менѣе и менѣе подозрителенъ, все болѣе и болѣе уступаетъ „хозяину". Когда лопари уже выпили, начинается счетъ

рыбы: „хозяинъ“ отмѣчаетъ у себя въ книгѣ, сколько пудовъ принято, лопарь у себя на биркѣ. Конечно, пуда два, три, а то и побольше уменьшатъ „хозяева“, говорили мнѣ, или подъ разными предлогами заставятъ лопаря согласиться считать пудъ за полъ-пуда, а то и за четверть-пуда“. Если лопарь еще не слишкомъ пьянъ и упрямится, „хозяинъ“ угощаетъ его еще водкой, пока лопарь не уступитъ. Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ, уговоровъ и угощеній со стороны „хозяина“, разсчетъ конченъ, и оказывается, такъ какъ мы приняли лучшій случай, что лопарь заплатилъ весь свой долгъ и что рыба у него есть еще лишняя. Лопарю, конечно, всегда необходимы и соль, и мука, и сахаръ, и чай (послѣднее, впрочемъ, если онъ изъ состоятельныхъ). На оставшуюся рыбу онъ рѣшается забрать у того же „хозяина“ необходимые ему предметы. Но онъ уже сильно выпивши и, забирая у „хозяина“, не обращаетъ вниманія на то, что тотъ ставитъ ему двойныя и тройныя цѣны въ счетъ. Покажется лопарю, что „хозяинъ“ запрашиваетъ какъ-будто слишкомъ дорого; онъ начинаетъ торговаться, но тотъ ему докажетъ, что эта цѣна вовсе не такъ дорога, что дешевле въ Колѣ найдти нельзя, что онъ самъ охотно продалъ-бы дешевле, но самому ему стоитъ это ровно столько же. Лопарь подумаетъ, подумаетъ и уступитъ, а если заупрямится, то „хозяинъ“ на время прекращаетъ торгъ, угощаетъ лопаря водкой и все-таки такъ или иначе, просьбой и убѣжденіемъ навяжетъ лопарю покупаемый имъ предметъ за цѣну, за какую онъ пожелаетъ. Сдавъ какъ-ни-какъ свою рыбу, лопарь собирается уѣзжать на новое промысловое мѣсто, но какъ отпустить „хозяину“ свою добычу. Вѣдь если лопарь уѣдетъ безъ долгу, то онъ можетъ перейти къ другому хозяину, можетъ, наконецъ, найти способъ самъ продать рыбу и безъ посредства колянъ — въ такомъ случаѣ „хозяинъ“ остался-бы безъ денегъ. И вотъ онъ подъ различными предлогами удерживаетъ лопаря. Удержавъ его „на часокъ“, „на минуточку“, онъ предлагаетъ ему „рюмочку на дорогу“, „на прощанье“; лопарь, натерпѣвшись мѣсяца два, три на своей тонѣ всякихъ бѣдъ, проживши все это время безъ капли водки, съ удовольствіемъ пьетъ „на прощанье“ и двѣ, и три, и больше „рюмочекъ“; снова отуманивается его немного посвѣжѣвшая голова и снова „хозяинъ“ начинаетъ ему навязывать тотъ или другой товаръ. А искушенія много: тутъ блеститъ яркой мѣдью самоваръ, имѣть который желательно всякому лопарю, тутъ же и пестрыя чашки, и яркій платокъ, это пригодится для жены или дочери, а то и для самого лопаря; отчего не замѣнить и свой колпакъ русскимъ картузомъ и не купить сукна для юпы своей женѣ и т. д. Нѣтъ конца предметамъ, выставленнымъ кольскими „хозяевами“ на соблазнъ лопарю, и разгорится въ немъ желаніе пріобрѣсти и то, и другое, и третье и разбѣгаются глаза его на разнообразные предметы. А тутъ хозяинъ такъ уговариваетъ его, такъ убѣждаетъ, что и то и другое ему, лопарю, нужно, что и картузъ ему идетъ, — для большей убѣдительности примѣриваетъ онъ его на лопаря, — и что какой же онъ мужъ или отецъ, коли безъ подарка вернется домой. И забираетъ все это лопарь по двойной цѣнѣ: вѣдь это въ зачетъ будущаго улова, успѣетъ онъ уплатить, коли уловъ будетъ хорошъ, а если нѣтъ, то хозяинъ потерпитъ. Нѣсколько дней живетъ такимъ образомъ лопарь въ Колѣ и никакъ не соберется уѣхать, все „хозяинъ“ его удерживаетъ, все поитъ и въ чаду лопарь продолжаетъ дѣлать и нужныя и ненужныя закупки, пока „хозяинъ“ не увидитъ, что лопарь забралъ достаточно и не отпуститъ его.

Мнѣ самому приходилось видѣть случаи, когда лопарь, покончивъ счеты свои съ „хозяиномъ“, радостно съ тихой улыбкой объявляетъ о томъ, что онъ выплатилъ весь свой долгъ и что онъ теперь скоро поѣдетъ опять ловить рыбу и въ долги ужь больше входить не станетъ; онъ только ждетъ отлива, чтобы легче было уѣхать по океанскому заливу (если онъ ѣдетъ на морскую тоню). Но вотъ наступаетъ отливъ, и лопарь суетливо начинаетъ свои сборы, заходитъ еще проститься съ „хозяиномъ“ и тамъ пропадаетъ. Черезъ два, три часа вы встрѣтите его, съ кускомъ сукна подъ мышкой, разгуливающаго по улицѣ, колпакъ сбился у него на одинъ бокъ, лицо покрыто румянцемъ, глаза оживлены—онъ уже пьянъ; еще нѣкоторое время и вы увидите его уже свалившимся на траву около дома „хозяина“: здѣсь онъ проспитъ до утра. А тамъ снова ожиданіе отлива, прощанье съ „хозяиномъ“, прогулка по улицѣ и снова сонъ, и такъ въ продолженіи 4—6 дней.

Цѣны въ Колѣ на сахаръ, соль и т. п. очень высоки вообще сравнительно съ цѣнами въ Архангельскѣ, подчасъ чуть не вдвое дороже, хотя за провозъ пуда отъ Архангельска до Колы берутъ лишь 10 к. Чѣмъ мотивируется эта дороговизна, скажу впослѣдствіи. Не смотря на эти цѣны, за которыя и продаются всѣ предметы кольскимъ обывателямъ и рѣдкимъ проѣзжимъ,—для лопарей существуютъ еще особыя цѣны, еще болѣе высокія: такъ напримѣръ, если самоваръ хотя бы стоилъ въ Колѣ, допустимъ 6 руб., то для лопаря онъ продается не ниже 10 руб. и т. д.; вслѣдствіе вышеприведенныхъ дѣйствій „хозяевъ“ и дороговизны даже предметовъ первой необходимости, которые лопарямъ возвышаются еще вдвое, втрое, лопарь уѣзжаетъ изъ Колы обремененный новыми долгами, которые ему удается уплатить развѣ при самомъ благопріятномъ для него уловѣ. Но уловъ въ большинствѣ случаевъ не бываетъ настолько обиленъ: обыкновенно привозимой рыбы бываетъ недостаточно для покрытія долга и лопарь уѣзжаетъ, прибавивъ къ прежнему еще новый долгъ, который почти съ каждымъ годомъ растетъ и растетъ, такъ что лопарь и умираетъ весь въ долгахъ своему „хозяину“; долгъ перейдетъ на сына, на внука и такъ изъ поколѣнія въ поколѣніе идетъ эта наслѣдственная кабала, изъ которой лопарю своими силами не вырваться.

Таковъ въ общихъ чертахъ характеръ торговыхъ отношеній лопарей съ русскими. Какъ видно изъ вышесказаннаго, это даже не торговля, а такъ сказать, безконечная уплата своихъ долговъ предметами своего промысла; общій характеръ этихъ торговыхъ отношеній мѣновой, какъ и въ стародавнія времена, и деньгами лопари платятъ очень рѣдко, тѣмъ болѣе, что на деньги лопари смотрятъ какъ на предметъ, который нужно беречь и, если они получатъ деньги, то ихъ уже не тратятъ. А такихъ лопарей, которые могли бы дѣлать сбереженія при современномъ способѣ торговли съ колянами, почти что нѣтъ вовсе. Простому же, небогатому лопарю деньги и не нужны даже: всѣ предметы онъ получаетъ за рыбу и платить подати—онъ не платитъ, такъ какъ иногда „хозяинъ“ его, чтобы не выпускать лопаря изъ своихъ рукъ, берется опять-таки въ зачетъ рыбы уплачивать за него, даже подчасъ за цѣлыя селенія, подати.

Тяжело ложится эта кабала на лопарей и сами они чувствуютъ, что изъ подъ этого гнета имъ не выйти. Нѣкоторые „хозяева“ эксплоатируютъ лопарей еще, если можно такъ выразиться въ данномъ случаѣ, добросовѣстно. Но нѣкоторые переходятъ

въ своей эксплоатаціи всякую мѣру. Существуютъ цѣлые, длинные разсказы о тѣхъ кулакахъ, которые ужъ слишкомъ дали себя чувствовать лопарямъ. Случались и убійства лопарями такихъ кулаковъ, хотя, какъ извѣстно, убійство крайне рѣдко среди лопарей.

Печальную извѣстность пріобрѣлъ себѣ между прочимъ одинъ изъ колянъ, нынѣ уже скончавшійся, Мартемьянъ Базарный, память о которомъ вѣроятно долго сохранится у лопарей, которые, страдая подъ его игомъ, сложили слѣдующую характерную пословицу: „Спаси, Господи, оленя отъ волка, а насъ грѣшныхъ отъ Мартемьяна Базарнаго“.

Не смотря на такую невыгоду для лопарей при ихъ торговыхъ сношеніяхъ съ Колянами, на эксплоатацію ихъ и кажущіяся выгоды отъ этой торговли для колянъ, было бы ошибкой думать, что коляне благоденствуютъ на счетъ лопарей. Напротивъ того, за немногими исключеніями, состоятельныхъ колянъ почти что нѣтъ: они сами сводятъ подчасъ ели-еле концы съ концами и прибѣгаютъ къ тому или иному злоупотребленію по отношенію къ лопарямъ, будучи вынуждены къ этому нерѣдко силою обстоятельствъ. Прежде всего дороговизна всѣхъ предметовъ потребленія въ Колѣ объясняется тѣмъ, что при провозѣ масса товара портится, соль и сахаръ подмачиваются, вслѣдствіе чего имъ волей-неволей приходится возвышать цѣны. Это, конечно, не оправдываетъ еще возвышенія цѣнъ для лопарей. Но и на это коляне дѣлаютъ возраженія. Вынуждаются они къ этому слѣдующими обстоятельствами: 1) они несутъ большіе убытки при перепродажѣ соленой рыбы въ Архангельскѣ, 2) сами лопари доставляютъ имъ нерѣдко попорченную уже семгу, которую они все-таки вынуждены брать у нихъ, 3) если лопари находятся въ рукахъ хозяевъ, то и хозяева находятся, въ неменьшей мѣрѣ, въ рукахъ лопарей, такъ какъ, отдавая имъ все въ долгъ, они не гарантированы отъ злоупотребленія лопарями довѣріемъ „хозяевъ“ и, если бы лопарь почему-либо не захотѣлъ заплатить, то взять съ него „хозяину“ нечего; случаи же такіе бывали, по словамъ колянъ, и неоднократно, что когда у лопаря мало честности, то онъ откажется платить, отговариваясь неимѣніемъ рыбы и, если хозяинъ не согласится продолжать ему вѣрить въ долгъ—онъ переходитъ къ другому хозяину, который бываетъ радъ увеличить эксплоатируемыхъ имъ лопарей еще однимъ. Эти случаи, пока, по словамъ же самихъ колянъ, еще единичные, заставляютъ ихъ изъ чувства самосохраненія обезпечить себя на случай обмана лопаря. Важно также и возраженіе, что при перепродажѣ соленой рыбы въ Архангельскѣ коляне терпятъ убытки: дѣло въ томъ, что кромѣ другихъ причинъ, обусловливающихъ эти убытки, много рыбы портится по дорогѣ, соль вытекаетъ и т. д., такъ что приходится нерѣдко выбрасывать рыбу цѣлыми боченками. Далѣе въ защиту себя коляне указываютъ на малые барыши, которые они получаютъ отъ своей торговли, не смотря на тѣ способы, къ которымъ они прибѣгаютъ; какую же выгоду имѣли бы они, если бы стали вести дѣло честно? А малый доходъ объясняется въ свою очередь тѣмъ, что кромѣ доставленія лопарями попорченной уже семги и порчи рыбы во время перевозки, сами коляне, эксплоатируя лопарей, являются въ отношеніи къ другимъ кулакамъ, такъ сказать, такими же лопарями, которыхъ эксплоатируютъ также безсовѣстно, какъ коляне лопарей. Дѣло въ томъ, что всѣ рѣшительно жители Колы, ведущіе торговлю съ лопарями, къ концу августа нуждаются въ деньгахъ, чтобы, накупивши на нихъ товаровъ, продолжать торговлю съ лопарями. Это

обстоятельство заставляетъ ихъ, чтобы „обернуться", въ срединѣ августа ѣхать въ Архангельскъ и сдавать тамъ рыбу болѣе сильнымъ торговцамъ рыбою, болѣе богатымъ, которые ведутъ уже большія дѣла, отпуская рыбу въ столицы и другіе города Россіи. Тутъ то они становятся предметомъ эксплоатаціи. Зная, что Коляне нуждаются въ это время въ деньгахъ и ждать долго не могутъ, они безсовѣстнѣйшимъ образомъ прижимаютъ ихъ и заставляютъ отдавать свою рыбу за крайне дешевую цѣну, подчасъ равняющуюся той, за которую свѣжая рыба была куплена у лопарей. Если взять во вниманіе то, что масса рыбы бракуется въ Архангельскѣ, что колянинъ истратилъ на посолъ и на провозъ — станетъ понятнымъ, почему колянину, чтобы хоть какъ-нибудь свести концы съ концами, приходится обманывать лопаря, экслоатировать его и ставить ему двойную цѣну за отдаваемый ему въ зачетъ рыбы предметъ и, убѣждая его, что онъ ему даетъ товаромъ, положимъ 5 руб. за пудъ семги, давать ему лишь 2 р. 50 к.— при другихъ условіяхъ можетъ ли онъ продавать въ Архангельскѣ ту же рыбу за тѣ же 5 руб., какъ это его заставляютъ часто дѣлать архангельскіе кулаки.

Зависимое положеніе колянъ отъ архангельскихъ рыботорговцевъ, всѣ невыгоды, которыя несутъ они, благодаря этой зависимости, лишь отчасти объясняютъ источникъ злоупотребленій колянъ по отношенію къ лопарямъ, но, конечно, нисколько не могутъ оправдывать самихъ злоупотребленій, которыя все-таки, не смотря ни на какія объясненія, остаются вопіющими.

Были неоднократно предлагаемы мѣры, направленныя къ освобожденію колянъ отъ архангельскихъ кулаковъ. Въ числѣ прочихъ слѣдующая мѣра, какъ мнѣ кажется, наиболѣе заслуживаетъ вниманія: это устройство, такъ сказать, ссудной кассы подъ залогъ рыбы. Дѣло въ томъ, что въ Архангельскѣ, въ сентябрѣ, ежегодно устраивается такъ называемая Маргаритенская ярмарка, продолжающаяся отъ 1-го по 15-го сентября, въ теченіе которой является большой спросъ на рыбу, вслѣдствіе чего цѣны на нее поднимаются. Если коляне сами не продаютъ рыбу на ярмаркѣ и, не дождавшись ее, стараются продать всю рыбу архангельскимъ рыботорговцамъ, то это, какъ я говорилъ выше, лишь вслѣдствіе того, что они нуждаются до крайности въ деньгахъ. Ссудная касса подъ залогъ рыбы принесла бы имъ въ экономическомъ отношеніи огромную пользу. Привезя рыбу въ Архангельскъ, они сдали бы ее тамъ въ кассу, получили деньги и имѣли бы время обернуться, выкупить рыбу къ ярмаркѣ и затѣмъ самимъ продавать ее. На тотъ случай, если бы колянинъ не успѣлъ обернуться и выкупить рыбу, ссудная касса продала бы ее отъ себя, а излишекъ отъ продажи, сравнительно съ заложенной суммой, возвращался бы владѣльцу. Нѣтъ нужды говорить, что проценты должны были бы быть самые умѣренные и что все это учрежденіе не должно, естественно, быть въ частныхъ рукахъ, а быть устроеннымъ и вѣдаться городомъ или администраціей. Таковъ въ общихъ чертахъ этотъ планъ, какъ мнѣ передавали мѣстные жители; къ этой мѣрѣ они всѣ относятся сочувственно, видя въ ней почти единственное средство избавиться отъ архангельскихъ кулаковъ. Не смотря на свою популярность, эта мѣра до сихъ поръ не приведена еще въ исполненіе, равно какъ и другія, хотя бы палліативныя мѣры, которыя дали бы свободно вздохнуть колянину.

Но допустивъ, что этимъ или другимъ средствомъ коляне были-бы освобождены отъ таготѣющаго на нихъ ига архангельскихъ рыботорговцевъ, естественно задаться вопросомъ, много-ли выиграли-бы отъ этого лопари, будутъ-ли коляне относиться къ нимъ честнѣе, чѣмъ въ настоящее время, когда они, какъ сами, по крайней мѣрѣ, утверждаютъ, вынуждены по необходимости прибѣгать къ подобнымъ средствамъ, чтобы не остаться самимъ безъ куска хлѣба? Болѣе естественнымъ отвѣтомъ будетъ отрицательный. Въ самомъ дѣлѣ, если большинство колянъ и страдаетъ въ настоящее время отъ другихъ болѣе сильныхъ, чѣмъ они, кулаковъ, и вслѣдствіе этого безсовѣстно эксплоатируютъ лопарей, то есть и другіе, которые, ведя торговлю съ лопарями, вмѣстѣ съ тѣмъ принадлежатъ и къ числу архангельскихъ крупныхъ рыботорговцевъ; между тѣмъ ихъ отношенія къ лопарямъ, хотя самимъ имъ и не приходится страдать, какъ болѣе бѣднымъ колянамъ, рѣшительно тождественны съ отношеніями этихъ послѣднихъ: то же опаиванье, то же закабаленье, тѣ же баснословныя цѣны на всѣ предметы. Это объясняется просто тѣмъ, что такого рода торговля съ лопарями все-таки на много выгоднѣе, чѣмъ какая-либо другая, что она даетъ торговцамъ бо́льшія прибыли. Можно-ли, поэтому, ожидать, что будучи разъ освобождены отъ ига архангельскихъ кулаковъ, коляне перемѣнятъ свой образъ дѣйствій по отношенію къ лопарямъ, какъ-ни-какъ, но даже при настоящихъ неблагопріятныхъ для колянъ условіяхъ, все-таки ихъ вознаграждающій, на другой болѣе честный, но дающій имъ меньше прибыли? Конечно, нѣтъ—и лопари, закабаленные закабаленными въ свою очередь колянами, останутся въ той же кабалѣ у освобожденныхъ колянъ, которые будутъ лишь богатѣть на счетъ лопарей.

Итакъ, какъ ни желательны могутъ быть мѣры, клонящіяся къ освобожденію колянъ, лопарямъ отъ этого пользы не будетъ, и освобожденіемъ колянъ не будетъ произведено еще освобожденіе лопарей. А между тѣмъ, въ виду вреднаго дѣйствія, которое оказываетъ во всѣхъ отношеніяхъ подобный способъ торговли на лопарей, мѣры къ огражденію ихъ отъ кольскихъ кулаковъ необходимы и чѣмъ скорѣе такія мѣры будутъ приняты, тѣмъ лучше.

Каковы должны быть эти мѣры, можетъ указать только тотъ, кто спеціально вникалъ въ этотъ вопросъ—поэтому я съ своей стороны приведу лишь два факта, изъ которыхъ одинъ характерно рисуетъ вредъ, проистекающій отъ такой торговли для лопарей, а другой—который указываетъ на благодѣтельное дѣйствіе одной, нѣкогда принятой мѣры, къ сожалѣнію лишь для очень небольшой части Лапландіи.

„Печенгскіе лопари, пишетъ г. Дергачевъ [1]), искони, какъ сами выражаются, были подъ хозяиномъ купцомъ Шабунинымъ, и которому, забираясь, отдавали весь промыселъ; сами находились почти въ крайней бѣдности, пропитываясь брошеннымъ кускомъ хозяина, за свои огромные труды. Около четырехъ лѣтъ назадъ (это писано въ 60-хъ годахъ) торговыя дѣла Шабунина попатнулись такъ, что весной при наступленіи промысловъ онъ не имѣлъ возможности дать лопарямъ хлѣба въ количествѣ необходимомъ при производствѣ ловли рыбы, которая должна была-бы поступить въ его собственность

1) Русская Лапландія, стр. 65.

за ничтожную цѣну. Пользуясь этимъ случаемъ, лопари отказались отъ хозяина, сбыли промыслы по выгодной цѣнѣ вольнымъ торговцамъ и, обезпечивъ себя на зиму, сдѣлались независимыми отъ хозяевъ. Въ результатѣ вышло то, что они въ теченіе трехъ лѣтъ съумѣли устроить свой бытъ гораздо лучше, чѣмъ жили подъ хозяиномъ". Далѣе, по словамъ о. Георгія Терентьева, тотъ же авторъ разсказываетъ и другой фактъ: на рѣкѣ Туломѣ ловится собственно много семги при помощи закола, выше падуна. Этотъ уловъ шелъ въ прежнія времена исключительно одному изъ кольскихъ купцовъ, именно, Базарному, что объяснялось тѣмъ, что Нотозерскіе и Сонгельскіе лопари забирали у него всѣ предметы и платили ему семгой, которую тотъ бралъ, по словамъ лопарей, не свыше 50 коп. за пудъ. „Два года тому назадъ, продолжаетъ г. Дергачевъ свой разсказъ (т.-е. въ 60-хъ же годахъ), бывшій окружный начальникъ Кольминъ, которому нельзя не отдать честь за улучшеніе быта лопарей означенныхъ погостовъ, вникнувъ въ положеніе ихъ, предложилъ ловъ семги на рѣкѣ Туломѣ отдать въ трехгодичное оброчное содержаніе посредствомъ торговъ, на которые по первому зову явились желающіе, и поморскій крестьянинъ Савинъ предложилъ самую высшую цѣну 1 р. 70 к. за пудъ выловленной семги; эта цѣна слишкомъ невысока противъ Архангельской, гдѣ та же семга продается по 3 р. 50 к. за пудъ. Лопари означенныхъ погостовъ, заключаетъ авторъ, уже два года не знаютъ печали уплачивать съ рукъ подати, да кромѣ того получаютъ еще на руки до 10 р. с.". Въ настоящее время большинство лопарей нотозерскихъ и сонгельскихъ находится въ кабалѣ у одного изъ богатыхъ кольскихъ торговцевъ.

Въ виду того, что торговля рыбой, главнымъ образомъ, регулируетъ экономическій бытъ лопарей, и необходимо прекратить господствующій донынѣ порядокъ вещей и тѣмъ или инымъ способомъ освободить ихъ изъ этой кабалы, въ которую они попали, частью благодаря своему добродушію, простотѣ и неумѣнью самимъ бороться съ направленными противъ нихъ же злоупотребленіями, частью благодаря укоренившейся безсовѣстности кулаковъ. А что такой способъ торговли вредно отзывается на экономическомъ быту лопарей—ясно само собой: лопари гораздо бѣднѣе, чѣмъ они были-бы при другихъ условіяхъ, и доказательствомъ этого служитъ вышеприведенный разсказъ о печенгскихъ лопаряхъ, благодаря лишь счастливой для нихъ случайности, освободившихся отъ ига Шабунина.

Но кромѣ вліянія на экономическій бытъ такой способъ веденія торговли вредно отразился и на нравственности, и на здоровьѣ лопарей. Благодаря своей бѣдности, они не имѣютъ возможности пользоваться порядочной пищей, лишь наиболѣе плохая, подчасъ испорченная рыба съѣдается лопарями, хорошая же идетъ хозяевамъ. Далѣе эти торговыя сношенія пріучили лопарей къ пьянству, развили въ нихъ сопряженные съ пьянствомъ пороки, породили въ немъ заразныя болѣзни, преимущественно сифилисъ, который сильно свирѣпствуетъ среди лопарей, наконецъ, пріучили его къ обману. Промышленники..., говоритъ Дергачевъ,... иногда лишней чаркой водки рѣшаютъ дѣло къ немалому ущербу лопаря всегда добраго, всегда сговорчиваго и всегда вѣрующаго въ честность русскихъ промышленниковъ, но всегда ошибающагося" [1]). Какъ бы ни былъ, однако, добръ и сго-

[1]) Ibid, стр. 64.

ворчивъ русскій лопарь, въ особенности въ пьяномъ видѣ, какъ бы онъ ни былъ вѣрующъ
въ честность хозяина, но постоянныя ошибки не прошли для него даромъ; понялъ онъ
давно, что его эксплоатируютъ и обманываютъ и не изъ доброты, или довѣрчивости идетъ
онъ къ хозяину:—если онъ это дѣлаетъ, то лишь оттого, что другого средства сбыть
свою рыбу онъ не видитъ и, зная всегда напередъ, что онъ будетъ обманутъ, онъ все-
таки идетъ гонимый нуждой. Но при этомъ и самъ онъ старается обмануть хозяина,
такъ много разъ нещадно его обманывавшаго, и приноситъ ему подчасъ испорченную
семгу и дырявый мѣхъ, которые онъ и старается навязать хозяину. И винить его за
обманъ, строго говоря, нельзя. Не имѣя средства открыто бороться съ обманывающимъ
его хозяиномъ – онъ прибѣгаетъ къ хитрости, которая, однако, ему далеко не такъ удается,
какъ его же хозяину. И если отъ колянъ и слышишь фразы въ родѣ слѣдующихъ: что
лопари „на обманъ ловки“, „въ торгахъ плутоваты“, „къ обману склонны“, „обманутъ
и не увидишь“ и т. д., то имъ приходится винить самихъ же себя; не они-ли сами на-
учили лопаря обману, не сами-ли они поставили его въ такое положеніе, когда лопарь
вынуждается прибѣгать къ обману, чтобы выторговать лишній двугривенный товаромъ
или монетой. Однимъ словомъ, и тутъ остаются въ силѣ слова Шеффера, что лопари
„пока чужеземцы обращались съ ними честнѣе и сами въ торговыхъ дѣлахъ были честны.
Когда же ихъ стали обманывать, они, изъ боязни быть обманутыми, сами стали обма-
нывать“.

Если для лопарей главное значеніе имѣютъ разсчеты съ хозяевами, то немало-
важную роль играютъ и для лопарей, и для колянъ ярмарки; въ опредѣленные дни
съѣзжаются коляне и лопари съ разныхъ погостовъ на мѣсто, назначенное для ярмарки,
и тутъ впродолженіе недѣли кипитъ торговая дѣятельность. Коляне привозятъ все-таки
водку, сахаръ, ситцы и. т. п. и мѣняютъ это на шерсть, шкуры оленей, барановъ, дичь,
оленей, рыбу и жемчугъ. На деньги торгуютъ мало. Больше всего лопари берутъ водки.
Передаю разсказъ лопарки, говорившей мнѣ о такой ярмаркѣ: „Всѣ пьянствуютъ, пляшутъ,
скачутъ, поютъ, дерутся, мирятся. Коляне тоже пьянствуютъ и маленько спорятъ съ ло-
парями, но не дерутся. Пьянствуютъ иногда недѣлю. А когда пьютъ за чье-нибудь здоровье,
говорятъ: юлисть, юлисть (выпей, выпей!) Пьетъ недѣлю, а послѣ этого лежитъ недѣли
двѣ, ничего не ѣстъ, не пьетъ. Въ это время проклинаетъ водку: „будь она проклята,
говоритъ, больше не буду пить“, ну, это до перваго случая. А на ярмаркѣ и женки
мѣняютъ шерсть на наряды, и дѣвки отъ своихъ овецъ шерсть мѣняютъ на наряды“.
Безъ злоупотребленій и здѣсь не обходится, но они не велики сравнительно съ тѣми,
которыя позволяютъ себѣ коляне при разсчетахъ своихъ съ лопарями.

Чтобы покончить совсѣмъ съ очеркомъ экономическаго быта лопарей, приведу
еще тѣ немногія занятія, благодаря которымъ лопари получаютъ, хотя и крайне неболь-
шую выручку. Эти занятія уже совершенно второстепенны и ими занимаются сравни-
тельно лишь немногіе лопари и далеко не всѣхъ погостовъ.

Изъ этихъ занятій по доходности первое мѣсто занимаетъ извозничество на оленяхъ
зимой и на лодкѣ лѣтомъ, по дорогамъ и рѣкамъ, соединяющимъ погосты. Лѣтомъ проѣз-
жихъ въ Лапландію почти что не бываетъ вовсе, такъ какъ пароходы ходятъ, какъ между
всѣми выдающимися пунктами, лежащими по Бѣлому морю, такъ и по Сѣверному океану;

проходить же въ глубь страны, въ погосты уже оттого не имѣетъ смысла, что погосты, какъ я уже говорилъ, лѣтомъ необитаемы. Не то зимой: сообщенiе съ Колой и Архангельскомъ поддерживается черезъ Кандалакшу. Всѣ, кому нужно по какому-либо дѣлу пройти въ погосты, доѣзжаютъ до Кандалакши, а оттуда уже совершаютъ на оленяхъ свои поѣздки внутрь страны, либо проѣзжая Колой, либо минуя ее. Но и зимой кромѣ мѣстныхъ чиновниковъ почти никто не проѣзжаетъ. Лишь къ веснѣ, когда снѣгъ еще не стаялъ, тянутся вереницы поморовъ, направляющихся отъ своихъ селенiй на Бѣломъ морѣ, въ Лапландiю, чтобы добраться до становищъ на Мурманскомъ берегу. Дойдя до ст. Разноволоцкой, поморы кончаютъ свое пѣшеходное, длинное путешествiе, отдыхаютъ немного и затѣмъ лопарями перевозятся частью въ Колу и дальше, частью прямо въ становища, не заѣзжая въ Колу. Въ виду того, что промышленниковъ проходитъ ежегодно очень много, то не смотря на низкую плату, которая берется за провозъ, лопари въ общей сложности получаютъ довольно значительный доходъ отъ этого занятiя. Такъ, по даннымъ Дергачева, общiй доходъ отъ извозничества равнялся въ годъ 2810 р., а по свѣдѣнiямъ, добытымъ мною:

въ 1883 г.	3805 р.	50 к.
„ 1884 „	5800 „	— „
„ 1885 „	5890 „	— „
„ 1886 „	2298 „	— „

Итакъ въ общемъ доходъ отъ извозничества увеличился, если не считать 1886 г., болѣе чѣмъ въ два раза, что можетъ быть, объясняется тѣмъ, что лопари за провозъ промышленника стали брать дороже. Чѣмъ объясняется паденiе дохода съ извозничества за послѣднiй 1886 г. сравнительно съ предыдущимъ годомъ болѣе, чѣмъ въ $2\frac{1}{2}$ раза—я узнать на мѣстѣ не могъ.

Далѣе лопари занимаются тѣмъ, что караулятъ становища: когда въ августѣ всѣ промышленники покидаютъ свои становища, они оставляютъ въ амбарахъ и снаряды, употребляемые при ловлѣ, и шняки, и соль, и хлѣбъ и. т. п.; для охраненiя всего этого они нанимаютъ лопарей, которые и живутъ въ станѣ, пока ледъ не загородитъ входъ къ нему. Послѣ этого они уѣзжаютъ и лишь время отъ времени прiѣзжаютъ по очереди осматривать ввѣренное ихъ охранѣ становище. Этимъ занимаются преимущественно лопари, погосты которыхъ лежатъ въ недалекомъ разстоянiи отъ моря, именно лопари Печенгскiе и Воронежскiе.

Кромѣ того, лопари занимаются еще рубкой лѣса и дровъ, судостроенiемъ, выдѣлкой кожъ и предметовъ изъ бересты. Лѣсъ и дрова рубятся лопарями для колянъ и доставляются лопарями-же въ Колу. Этимъ занимаются главнымъ образомъ лопари Нотозерскаго, Сонгельскаго и Кильдинскаго погостовъ. Заработокъ, получаемый лопарями за это, крайне скуденъ: не свыше 1.000 руб. среднимъ числомъ въ годъ.

Судостроенiе составляетъ занятiе преимущественно Экостровскихъ лопарей, которые лѣтомъ дѣлаютъ небольшiя лодки (карбаса), тройники и шняки. Въ виду малаго количества заказовъ выручка крайне незначительная. По свѣдѣнiямъ Дергачева въ годъ получается отъ этого занятiя до 200 руб.—въ настоящее время, насколько мнѣ извѣстно, и того меньше.

Дубленiемъ кожи занимаются почти всѣ лопари, но лишь очень незначительная

часть кожъ идетъ въ продажу: главная масса употребляется лопарями на свои нужды: изъ дубленыхъ кожъ дѣлаютъ обувь, платье и т. п. Дубленіе дѣлается слѣдующимъ образомъ: сдираютъ съ березы кору, причемъ отдираютъ лишь коричневый слой коры, находящійся подъ слоемъ верхней коры бѣлаго цвѣта (эта коричневая кора самими лопарями называется тубъ); березовую кору иногда замѣняютъ, иногда смѣшиваютъ съ ольховой корой. Содранную кору кипятятъ въ котлѣ, куда, когда жидкость простынетъ, кладутъ кожи, гдѣ онѣ и остаются отъ трехъ сутокъ до недѣли; въ этотъ періодъ времени кожу время отъ времени разминаютъ; затѣмъ вынимаютъ изъ котла и даютъ ей высохнуть.

Экостровскіе лопари преимущественно занимаются выдѣлкой изъ бересты разныхъ вещей, какъ-то: чашекъ, корзинокъ и т. п., которыя и продаются затѣмъ частью лопарямъ, частью колянамъ.

Таково, въ общихъ чертахъ, экономическое положеніе лопарей, и главныя занятія, которыми они снискиваютъ себѣ пропитаніе. Какъ видно, положеніе ихъ далеко изъ завидныхъ и съ каждымъ годомъ, повидимому, ухудшается, не смотря на то, что и рыба и пушной товаръ продаются ими за гораздо болѣе высокую цѣну, чѣмъ прежде. Падаетъ звѣроловство, падаетъ и рыболовство — главные источники дохода для лопарей; вмѣстѣ съ тѣмъ бѣднѣютъ они и оленями и случаи, когда полуосѣдлый лопарь имѣлъ оленье стадо въ нѣсколько сотъ головъ — давнымъ давно перешли въ область разсказовъ о прошломъ, болѣе счастливомъ, времени. Въ своихъ торговыхъ сношеніяхъ они находятся въ рукахъ кулаковъ, которые не даютъ имъ свободно вздохнуть, пріучаютъ и пожалуй, что уже пріучили ихъ къ пьянству и ввели въ ихъ среду пороки. И бьется пока лопарь изъ всѣхъ силъ, не имѣя возможности выдти изъ этого положенія и будетъ такъ биться, пока не изсякнутъ послѣднія силы и онъ будетъ доведенъ до медленнаго вымиранія, (не смотря на то, что, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, онъ могъ-бы увеличиваться въ численности), либо пока не придетъ ему помощь извнѣ, которая укажетъ ему пути, какъ освободиться изъ-подъ тяжелой кабалы, не принудитъ его вести болѣе правильно свои звѣроловные и рыболовные промыслы, не дастъ ему возможности покинуть свой полукочевой, вредно отражающійся во всѣхъ отношеніяхъ на лопарѣ, бытъ и перейти къ полной осѣдлости, при которой онъ лишь можетъ отдохнуть отъ своихъ вѣковыхъ страданій, своей вѣковой борьбы съ неблагопріятными для него природой и климатомъ страны и съ полувраждебными ему людьми. Остается лишь пожелать, чтобы эта помощь пришла скорѣе, пока лопарь сохраняетъ еще жизненныя силы, и чтобы она дѣйствительно поддержала лопаря и направила его на правильный путь. Много дѣлалось попытокъ къ обезпеченію ихъ участи—но пока онѣ ни къ чему положительному еще не привели.

IV.

О древней религіи лопарей и о слѣдахъ древнихъ вѣрованій среди современныхъ русскихъ лопарей.

Общія замѣчанія. Дѣленіе божествъ на главныя и второстепенныя. Четыре разряда главныхъ божествъ. Радіенъ-атчіе, Радіенъ-Кіедде, Юбмелъ, Радіенъ-Ніейда. Пейве (солнце). Слѣды вѣрованій въ солнце, солнцевыхъ сестеръ, мать, жену и солнцеву дочь среди современныхъ русскихъ лопарей. Айлекесъ-Олбмакъ. Айеке и Арома-Телле совр. русск. лопарей. Сторьюнкаре. Замѣна этихъ главныхъ божествъ второстепенными. Слѣды вѣрованій въ нихъ среди совр. русск. лопарей. Мадератча, Мадеракка и Саракка. Подземныя божества. Вѣрованія въ подземную страну среди совр. русск. лопарей; представленія ихъ о душѣ, адѣ и раѣ. Вѣрованія въ духовъ водъ, горъ и. т. п., «духовъ-чародѣевъ». Вѣрованія въ Сталло у древнихъ и современныхъ лопарей. Идолы у лопарей. Жертвоприношенія. Слѣды жертвоприношеній въ настоящее время. Древніе обряды перекрещиванія «лопарскимъ именемъ» и «именемъ предка». Сейды. Слѣды вѣрованій въ сейдовъ у совр. русск. лопарей. Вѣрованія въ черта у древнихъ и современныхъ лопарей. Празднованіе субботы и поклоненіе мѣсяцу. Вѣрованія въ сѣвер. сіянія у древ. и совр. лопарей. Почитаніе медвѣдя. Вѣрованія въ волка и нѣкотор. др. животныхъ. Суевѣрія современныхъ лопарей. Нойды (шаманы-колдуны) и знахари у др. и совр. лопарей. Выводы.

„Лопари — добрые христіане“, „церкви и часовни посѣщаютъ усердно“, къ „церкви прилежатъ“ и. т. д. свидѣтельствуетъ и большинство современныхъ писателей о Лапландіи и большинство мѣстныхъ жителей. Въ этихъ словахъ есть доля правды и даже огромная доля—поскольку принимать эти слова въ ихъ буквальномъ значеніи. Дѣйствительно, лопари и церкви посѣщаютъ усердно; русскіе лопари къ тому же усердно ставятъ и свѣчи передъ иконами и соблюдаютъ посты; нѣкоторые изъ послѣднихъ знаютъ и ту или другую молитву,—но ошибся бы тотъ, кто подумалъ, что лопари русскіе, по крайней мѣрѣ, восприняли въ себя христіанство и понимаютъ его шире простаго исполненія обрядностей, что они относятся къ нему не только формально.

Скандинавскіе лопари, въ этомъ отношеніи, стоятъ гораздо выше—они могутъ быть названы не только „добрыми“, но еще и „грамотными христіанами“, эпитетъ, который, не нарушая справедливости, никакъ нельзя придать русскимъ лопарямъ. Суевѣрій у скандинавскихъ лопарей гораздо меньше, чѣмъ у ихъ русскихъ собратій, отношеніе къ церкви гораздо сознательнѣе. Это объясняется тѣмъ, что сама пропаганда христіанства велась въ Скандинавіи за послѣднее время, какъ сказано уже выше, гораздо разумнѣе, чѣмъ въ русской Лапландіи.

Однако не только тотъ, почти что блестящій, результатъ, котораго достигли наши скандинавскіе сосѣди въ дѣлѣ проповѣди христіанскаго ученія среди лопарей—но

даже и тотъ результатъ, котораго достигли русскіе проповѣдники на этомъ же поприщѣ—есть слѣдствіе многовѣковой борьбы съ прежними религіозными вѣрованіями лопарей, борьбы утомительной, тяжелой для обѣихъ борящихся сторонъ, какъ просвѣтителей, такъ и просвѣщаемыхъ, борьбы, изъ которой проповѣдники, наконецъ, вышли побѣдителями.

Дѣло въ томъ, что первые христіанскіе проповѣдники встрѣтили лопарей погруженными въ самое грубое язычество съ богатой, хорошо развитой миѳологіей, отвѣчавшей вполнѣ всѣмъ вкусамъ и потребностямъ лопарей, не оставлявшей для нихъ ни одного вопроса неразрѣшеннымъ.

Поэтому, переходя къ современнымъ религіознымъ представленіямъ лопарей—я изложу и древнія вѣрованія ихъ, какими они дошли до насъ на основаніи свѣдѣній, оставленныхъ намъ писателями XVI, XVII и XVIII вв. Описаніе ихъ миѳологіи важно, вопервыхъ, оттого, что въ настоящее время мы встрѣчаемся лишь съ робкими переживаніями прежнихъ религіозныхъ представленій, что въ настоящее время почти ничего, что давало бы намъ понятіе о прежней миѳологіи, не встрѣчается болѣе, что многое перемѣшалось и спуталось въ лопарской головѣ подъ напоромъ новыхъ идей; между тѣмъ миѳологія ихъ настолько богата, настолько разнообразна, что она можетъ намъ яснѣе освѣтить внутренній міръ лопаря, такъ какъ извѣстно, что національныя черты народа всегда находятъ себѣ отголосокъ, даже полное отраженіе, и въ его религіозныхъ представленіяхъ.

Во-вторыхъ, многія переживанія, встрѣчающіяся въ настоящее время среди лопарей, не будутъ понятны, если не ознакомиться съ ихъ древней миѳологіей.

Наконецъ, въ третьихъ—свѣдѣнія о лопарскихъ вѣрованіяхъ разбросаны у многихъ писателей и свести эти свѣдѣнія воедино я не считаю совсѣмъ безполезнымъ, хотя-бы въ видѣ лишь простой компиляціи.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію религіозныхъ вѣрованій, мнѣ кажется, предстоитъ рѣшить слѣдующій вопросъ: имѣемъ-ли мы право говорить о религіозныхъ вѣрованіяхъ лопарей вообще, не отдѣляя скандинавскихъ лопарей отъ русскихъ. Какъ было мною указано выше, лопари скандинавскіе и по своему антропологическому типу, и по быту своему во многомъ рѣзко отличаются отъ русскихъ лопарей. Различіе въ типѣ и бытѣ, естественно, должно было накладывать свой отпечатокъ и на религіозныя представленія народа, и это тѣмъ болѣе очевидно, что по мѣстностямъ эти религіозныя представленія подчасъ во многомъ другъ отъ друга отличались; могло быть, наконецъ, въ одной мѣстности заимствованіе изъ скандинавскаго пантеона, въ другомъ изъ корельской миѳологіи, могли и русскія вѣрованія отразиться на лопарскихъ.

Строго говоря, миѳологіи древнихъ русскихъ лопарей мы не имѣемъ: о ней сохранились лишь крайне отрывчатыя свѣдѣнія,—свѣдѣнія, которыя не могутъ намъ дать мало-мальски ясное представленіе о вѣрованіяхъ древнихъ русскихъ лопарей. Лазарь Муромскій, встрѣтившій, какъ было сказано уже выше, лопарей около Онежскаго озера въ XIV вѣкѣ, ограничивается лишь упоминаніемъ, что они „страшные сыроядцы“ и „звѣроподобные люди“. И, пожалуй, одно изъ наиболѣе подробныхъ извѣстій о вѣрованіяхъ русскихъ лопарей—это извѣстіе, которое даетъ намъ Соловецкій „Садъ Спасенія“ въ

XVI вѣкѣ; въ немъ мы читаемъ: „древле быша сіи вышерѣченіи родове (лопари) яко звиріе дивіе, живуще въ пустыняхъ непроходимыхъ, въ разсѣлинахъ каменныхъ, неимуще ни храма, ни иного потребнаго къ жительству человѣческому, но только животными питахуся, звѣрьми и птицами и морскими рыбами, одежда-же кожа оленей тѣмъ бяша. Отсюда Бога истиннаго, единаго и отъ него посланнаго Іисуса Христа ни знати, ни разумѣти хотяху, но имъ же когда чрево насытитъ, тогда оно и Бога си поставляше, и аще иногда камнемъ звѣря убіетъ—камень почитаетъ, и аще палицею поразитъ ловимое—палицу боготворитъ, еже и нынѣ въ самоѣдахъ зловѣріе закаменѣлое обрѣтается, еще и въ лопарѣхъ отчасти“ [1]). Въ этомъ же родѣ и тѣ свѣдѣнія о вѣрованіяхъ лопарей, которыя мы почерпаемъ изъ житія преп. Трифона: въ немъ говорится, что лопари жили „въ нечестіи и въ самомъ поганскомъ идолобѣсіи, яко звѣри дикіи; почитаху бѣсовъ, и кланяхуся дѣлу рукъ человѣческихъ весьма и боготворяху гады и нощные нетопыри и иные ползующіе животные“ [2]). Подобныя, крайне скупыя свѣдѣнія не нарисуютъ никогда религіозныхъ представленій народа и, если-бы приходилось основываться только на нихъ, мы никогда не узнали-бы древнихъ вѣрованій лопарей. Даже въ XVIII вѣкѣ русская литература о лопаряхъ ограничивается переводами иностранныхъ писателей, навязывая такимъ образомъ тогдашнимъ русскимъ лопарямъ взгляды и обычаи ихъ скандинавскихъ сосѣдей.

Не то относительно скандинавскихъ лопарей. Свѣдѣнія, подробныя уже, о ихъ религіозныхъ представленіяхъ мы встрѣчаемъ съ давнихъ временъ. Во всѣхъ древнихъ описаніяхъ шведскаго государства упоминалось и о лопаряхъ, причемъ, главнымъ образомъ, обращалось вниманіе на образъ ихъ жизни и ихъ суевѣрія. Миссіонеры, объѣзжавшіе лопарскую землю и описывавшіе ее, естественно, также, главнымъ образомъ, обращали вниманіе на ихъ вѣрованія, жертвенный ритуалъ, суевѣрія и. т. п. Съ XVI—XVII вв. усиливается количество данныхъ. Свѣдѣнія эти пополняются путешественниками (учеными и туристами), которымъ также послѣ внѣшней обстановки лопаря, его костюма и образа жизни, бросаются въ глаза и ихъ суевѣрные обряды. Въ XVIII вѣкѣ мы видимъ тоже самое. Дѣйствительно, эти свѣдѣнія почти не даютъ намъ извѣстій о жизни и вѣрованіяхъ лопарей до просвѣщенія ихъ христіанствомъ, но писатели за 300 лѣтъ до нашего времени застали, благодаря малому успѣху христіанства въ то время среди лопарей, ихъ вѣрованія, повидимому, мало измѣненными, мало тронутыми. Въ то время живы были представленія о древнихъ богахъ, имъ приносились еще жертвы, шаманскій бубенъ былъ въ полномъ употребленіи, такъ что благодаря этимъ свѣдѣніямъ, мы можемъ, откинувъ наносный элементъ, возстановить довольно подробную и вѣрную картину прежнихъ вѣрованій. Кромѣ того можемъ прослѣдить, какъ постепенно падало и разбивалось подъ напоромъ христіанства древнее міровоззрѣніе лопаря.

Но не имѣя почти никакихъ извѣстій о миѳологіи русскихъ лопарей, имѣемъ-ли мы право навязывать имъ миѳологію ихъ скандинавскихъ сосѣдей? Конечно нѣтъ, если-бы мы стали говорить о религіозныхъ представленіяхъ скандинавскихъ лопарей за такой-

---

[1]) Дергачевъ: Подр. оп. лопарской земли, въ Арх. Г. В. 1869 г., № 64.
[2]) Ж. М. Н. Пр. 1868 ч. 139. Шестаковъ: Просвѣтители лопарей: Ѳеодоритъ и св. Трифонъ, стр. 247.

то вѣкъ и утверждать косвенно или прямо, что въ эту-же эпоху и русскіе лопари держались тѣхъ же религіозныхъ воззрѣній. Въ этомъ случаѣ мы сдѣлали-бы крупную ошибку: русскіе лопари, перешедшіе гораздо ранѣе скандинавскихъ отъ кочевой къ полукочевой жизни, замѣнившіе бытъ оленевода жизнью рыболова, должны были подъ вліяніемъ новыхъ условій быта измѣнить и свои религіозныя представленія.

Но съ другой стороны, несомнѣнно и то, что лопари всѣ, какъ скандинавскіе, такъ и русскіе, имѣютъ въ далекомъ прошломъ одно происхожденіе, что они двѣ вѣтви, выросшія изъ одного ствола, что даже само различіе между обѣими группами сказывается, главнымъ образомъ, въ антропологическомъ типѣ, (это, какъ было указано, объясняется примѣсью посторонней крови, преимущественно въ средѣ русскихъ лопарей; само это смѣшеніе съ посторонними элементами могло происходить лишь сравнительно поздно); далѣе различіе сказывается въ бытѣ, что объясняется тѣмъ, что русскіе лопари бросили раньше свой кочевой бытъ, хотя прежде и они были такими же оленеводами, какъ и скандинавскіе. Но за то во многихъ своихъ обрядахъ и повѣрьяхъ, даже въ настоящее время, когда вѣковая жизнь раздѣлила обѣ группы, подчасъ до поразительности похожи другъ на друга, за то ни въ костюмѣ, ни въ постройкахъ они не разнятся рѣзко другъ отъ друга и теперь.

Въ виду вышесказаннаго, мнѣ кажется, что если мы и не имѣемъ права смѣшивать религіозныя вѣрованія обѣихъ группъ лопарей и навязывать лопарямъ русскимъ XVII вѣка тѣ же религіозныя представленія, какія имѣли въ тотъ же XVII в. лопари скандинавскіе, то все таки, говоря о древней миѳологіи скандинавскихъ лопарей, мы всегда должны имѣть въ виду, что въ общихъ чертахъ, въ менѣе быть можетъ развитой формѣ, тѣ-же религіозныя представленія были и у русскихъ лопарей, хотя, быть можетъ, и въ болѣе ранній періодъ времени, когда различія между обѣими группами не могли еще сказываться такъ рѣзко, какъ это мы видимъ въ настоящее время.

Переходя теперь къ древней миѳологіи лопарскаго племени, считаю долгомъ оговориться, что имѣющіяся свѣдѣнія собраны въ разныхъ частяхъ Лапландіи, вслѣдствіе чего мы видимъ различія не только въ наименованіяхъ лопарскихъ божествъ, но и въ нѣкоторыхъ обрядахъ: въ однихъ мѣстахъ миѳологія развита сильнѣе, въ другихъ она проще. Не смотря, однако, на эти небольшія различія, въ общемъ, мы можемъ прослѣдить основныя черты ея; поэтому въ дальнѣйшемъ изложеніи я укажу на общія черты лопарской миѳологіи, оттѣняя тѣ или другія мѣстныя различія.

Нужно замѣтить, что миѳологія лопарей не носитъ на себѣ слѣдовъ единства происхожденія отъ одной, господствовавшей у первобытнаго лопаря мысли. Рядомъ съ обоготвореніемъ силъ природы и небесныхъ свѣтилъ (какъ-то солнца, луны, грозы и т. п.), мы встрѣчаемъ ясные слѣды почитанія предковъ и наконецъ грубый фетишизмъ. Такимъ образомъ, въ религіозныхъ представленіяхъ лопарей укладывались вмѣстѣ высокія представленія о высшихъ богахъ и самое низкое представленіе о своихъ фетишахъ со всѣми послѣдствіями этого грубаго культа. Шаманизмъ процвѣталъ въ ихъ средѣ и какъ будетъ видно изъ послѣдующаго изложенія, повидимому, въ основѣ своей былъ въ тѣсной связи съ поклоненіемъ душамъ усопшихъ предковъ. Всѣ три источника религіозныхъ представленій (поклоненіе предкамъ, силамъ природы и свѣтиламъ, наконецъ и фетишизмъ) сов-

мѣстно уживались въ умѣ лопаря и наложили на его миѳологію своеобразный отпечатокъ, если можно такъ выразиться, отпечатокъ тройственности. Между тѣмъ многіе писатели усматривали лишь одну сторону вѣрованій лопарей и преимущественно фетишизмъ, или еще чаще шаманизмъ, не оттѣняя, даже подчасъ вовсе не указывая на другія не менѣе характерныя черты лопарскихъ религіозныхъ представленій. Такое одностороннее освѣщеніе подавало неоднократно поводъ къ совершенно неправильному мнѣнію о вѣрованіяхъ лопарей. Этимъ писателямъ можно сдѣлать тотъ-же упрекъ, который Кастренъ дѣлаетъ по отношенію къ писателямъ о вѣрованіяхъ алтайскихъ народовъ вообще. „Древнѣйшую собственную религію алтайскихъ народовъ, пишетъ онъ, обыкновенно означали именемъ шаманизма, т. е. религіи волшебства. Какъ при названіи, такъ и при восприниманіи дѣла обращалось больше вниманія на внѣшнюю, видимую сторону, чѣмъ на внутреннюю сторону и на самую суть дѣла“ [1]).

Кромѣ боговъ высшихъ есть еще цѣлая масса низшихъ существъ, живущихъ и рѣющихъ повсюду, и въ водѣ, и въ воздухѣ, и въ лѣсахъ, и ягелевыхъ равнинахъ,— существъ, которыя могутъ быть одинаково и благодѣтельными, и вредными для лопаря. Масса великановъ населяетъ лѣса и равнины Лапландіи, похищаетъ лопарскихъ дѣтей и съѣдаетъ ихъ. И такихъ низшихъ божествъ въ лопарскомъ пантеонѣ больше, чѣмъ высшихъ боговъ, и низшихъ божествъ лопарю приходится бояться больше, чѣмъ высшихъ.

Въ виду огромнаго количества божествъ, лопарю приходится приносить часто и много жертвъ своимъ невидимымъ богамъ, закалывать животныхъ передъ своимъ фетишемъ и мазать послѣдняго жиромъ и кровью жертвеннаго животнаго, приносить жертвы и для прокормленія предковъ на томъ свѣтѣ. Отсюда хорошо разработанный жертвенный ритуалъ, видоизмѣняющійся по тѣмъ божествамъ, которымъ приносятся жертвы.

Общеніе съ духами усопшихъ, съ духами, населяющими землю и воду, и воздухъ,— ведетъ къ развитію волшебства, къ образованію съ теченіемъ времени цѣлаго класса шамановъ-колдуновъ, пріемъ въ которые сопровождался подчасъ рядомъ обрядностей. Колдовство сильно развилось у лопарей и сдѣлало ее по истинѣ „мрачной страной чародѣевъ“—распространившей о себѣ славу на далекое пространство, славу, дошедшую и до Москвы и до столицъ западно-европейскаго міра, породившую много разсказовъ, начиная со временъ Калевалы и почти что до настоящаго времени.

Нечего и говорить, что лопарская миѳологія имѣетъ много сходства съ финской, что родство народностей великаго финскаго племени сказалось здѣсь больше, чѣмъ въ другихъ отношеніяхъ, даже больше чѣмъ въ физическомъ типѣ лопарей многихъ мѣстностей. Не только общія черты миѳологіи разныхъ группъ финновъ схожи съ лопарской миѳологіей, но даже частности, какъ напримѣръ, названія божествъ, иногда почти тождественны. Но не всѣ сходства объясняются лишь родствомъ племеннаго происхожденія — много, повидимому, и заимствовали лопари у своихъ сосѣдей и не только у родственныхъ имъ кореловъ и тавастовъ, но и у скандинавскихъ своихъ сосѣдей, причемъ заимствованіе было настолько значительно, что даже подчасъ національныя имена лопарскихъ божествъ замѣнялись скандинавскими названіями.

[1]) A. Castren. Vorlesungen über die finnische Mythologie, p. 1

Естественно, что подобнаго рода заимствованія были не повсемѣстны, что въ то время, когда лопари одной мѣстности уже въ XVII в. переименовали своихъ боговъ по скандинавски, лопари другой мѣстности еще до конца XVIII столѣтія сохраняли древнія лопарскія названія для своихъ божествъ.

Однако, не смотря на то, что до насъ дошло множество свѣдѣній о лопарской миѳологіи, ошибочно было-бы думать, что эти свѣдѣнія исчерпываютъ лопарскія религіозныя представленія: лишь то, что наиболѣе поражало путешественниковъ, заносилось ими на страницы своихъ сочиненій—вдаваться-же въ подробное изслѣдованіе вѣрованій лопарей они не считали необходимымъ. Вотъ почему, не смотря на обиліе данныхъ, сплошь и рядомъ замѣчаешь и пробѣлы, пополнить которые теперь рѣшительно не представляется возможнымъ. „Мы знаемъ, говоритъ справедливо Моне, эту религію почти исключительно по жертвоприношеніямъ, сказанія же этой религіи намъ въ большинствѣ случаевъ не знакомы“ [1]). Многое могли-бы освѣтить преданія лопарей — но и они въ настоящее время погибли безвозвратно и приходится мириться съ тѣмъ, что многіе отдѣлы религіозныхъ вѣрованій не могутъ быть ни подробно описаны, ни объяснены.

Начну изложеніе лопарскихъ вѣрованій съ высшихъ божествъ и духовъ, населяющихъ небо, землю, воздухъ и живущихъ подъ землей, такъ какъ культъ, именно, этихъ божествъ и духовъ былъ, повидимому, наиболѣе развитъ среди лопарей и какъ таковой наиболѣе подвергся преслѣдованію проповѣдниковъ. Теперь, какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, онъ исчезъ безслѣдно и уступилъ христіанству раньше, чѣмъ фетишизмъ и шаманизмъ, которые продолжали свое существованіе довольно долго.

Богатый лопарскій пантеонъ можно раздѣлить на четыре класса, какъ это дѣлаетъ Ацерби [2]). Къ первому классу будутъ относиться высшія божества, именно: Радіенъ-Атче и сынъ его Радіенъ-Кіедде, называемый иногда и Зіоравъ-Радіенъ. Сюда же относится и дочь Радіенъ-Атче—Радіенъ-ніейда.

Ко второму относятся небесныя божества: Бейве и Айлекесъ-Олмакъ.

Къ третьему—живущія въ воздухѣ божества: Мадератья, Мадеракка и Горагаллесъ, Саракка и Юксъ-Акка, Гизенъ-Олмай, Бадо-Май.

Къ четвертому—боги, живущіе подъ землей: Сайво, Сайво-Олмакъ, Сайво-Гуелла, Ябме-Акко; Рота, Фудно, Муббенъ и Пага.

Слѣдуетъ перечислить еще боговъ, живущихъ на землѣ: это Лейбъ-Олмай (Олмакъ), Кіозе-Олмай (Олмакъ). Нѣкоторыхъ боговъ одни лопари помѣщали на землѣ, тогда какъ лопари другихъ мѣстностей указывали ихъ мѣстожительство, то въ воздухѣ, то подъ землей.

Пока остановимся на перечисленныхъ у Ацерби божествахъ. Свои свѣдѣнія, кстати сказать, Ацерби беретъ изъ сочиненія Миссіонаріуса, который, по словамъ Ацерби, говоритъ, что о божествахъ лопарей онъ (Миссіонаріусъ) узналъ изъ устъ самихъ лопарей. Это — между прочимъ — наиболѣе подробный, изъ всѣхъ мнѣ извѣстныхъ, перечень лопарскихъ божествъ.

---

1) Mone: Geschichte des Heidenthums im nördlichen Europa. 1822. I, стр. 38.
2) Acerbi: Reise d. Schweden, стр. 487—490.

Начнемъ съ главныхъ боговъ Радіенъ-Атчіе и Радіенъ-Кіедде. Радіенъ-Атчіе (атчіе-отецъ) — по выраженію Ацерби, Юпитеръ лопарской миѳологіи. Онъ начальникъ надъ остальными богами. Его единственный сынъ Радіенъ-Кіедде, которому отецъ его, Радіенъ-Атчіе, поручилъ дѣло творенія. Радіенъ-Кіедде въ иныхъ мѣстностяхъ носитъ названіе Зіоравъ-Радіенъ. „Эти представленія объ высшемъ божествѣ и его сынѣ, говоритъ Ацерби, вѣроятно, возникли, благодаря поверхностнымъ знаніямъ, которыя имѣлъ народъ о христіанской религіи“. Ацерби едва-ли ошибается въ своемъ предположеніи и происхожденіе понятія о богѣ-отцѣ и богѣ-сынѣ—какъ правителей неба — отъ неясныхъ представленій о христіанствѣ тѣмъ вѣроятнѣе, что въ болѣе раннюю эпоху, когда христіанство было менѣе распространено, верховнымъ богомъ является, по словамъ Шеффера, Юбмелъ (Ибмелъ), родственный и, повидимому, даже тождественный съ финскимъ Юмалой. (Роль Юбмела въ лопарскомъ пантеонѣ была, повидимому, та-же, что и у Юмалы). И во времена Шеффера были знакомы лопарямъ изслѣдованной имъ мѣстности, представленія о христіанствѣ и тогда еще христіанскія представленія о Богѣ-Отцѣ и Іисусѣ Христѣ успѣли настолько проникнуть въ среду лопарей, что они „обоихъ шведскихъ боговъ“ включили въ свой пантеонъ и символы ихъ овначали на своихъ шаманскихъ бубнахъ. Но въ то-же время лопари, болѣе твердые въ своихъ прежнихъ вѣрованіяхъ, ставили новыхъ божествъ своего пантеона не только ниже Юбмела, но даже ниже Бейве. Нѣтъ ничего удивительнаго, что съ теченіемъ времени, съ постепеннымъ усиленіемъ христіанскихъ представленій въ умахъ лопарей „Христіанскіе Боги“ были повышены въ разрядѣ и стали не только выше Бейве, но и замѣнили постепенно собой и Юбмела, память о которомъ мало-по-малу исчезла совсѣмъ. Что касается Юбмела, то можно было-бы предположить, что это божество занесено къ лопарямъ, благодаря близкому сосѣдству ихъ съ корелами, и это можетъ казаться тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что само понятіе объ Юбмелѣ является у лопарей довольно смутнымъ и неяснымъ. Но отъ этого предположенія удерживаетъ слѣдующее: 1) Шефферъ передаетъ преданіе, по которому лопари нѣкоторыхъ мѣстностей считали Юбмела своимъ родоначальникомъ—преданіе, которое служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ древности культа Юбмела у лопарей. 2) Названіе верховнаго божества именемъ родственнымъ съ словомъ Юбмелъ распространено, какъ извѣстно, у цѣлаго ряда финскихъ народностей, такъ у черемисъ, эстовъ, (черемискій юмо, эстонскій юммалъ). И до сихъ поръ еще верховное божество у эстовъ и черемисъ носитъ это названіе, хотя въ настоящее время означаютъ этимъ именемъ уже христіанскаго Бога, какъ это дѣлаютъ и лопари со словомъ Юбмелъ по отношенію къ Высшему Существу. Нужно, однако, отмѣтить, что этимъ же словомъ, эсты обозначаютъ всякихъ боговъ вообще [1]). Какъ-бы то ни было, но вѣроятно, что въ болѣе древнее время верховнымъ божествомъ лопарей былъ Юбмелъ, божество, точное значеніе котораго до сихъ поръ является спорнымъ; и что лишь постепенно его мѣсто заняли Радіенъ-атчіе [2]) и Радіенъ-Кіедде, точнаго представленія о которыхъ у лопарей также, повидимому, не было.

---

[1]) Филимоновъ: О религіи некрещеныхъ черемисъ и вотяковъ. Вятск. Губ. Вѣд. 1868 г., № 212.

[2]) Примѣч. По мнѣнію Кастрена, котораго держится и Ревилль (Religions des peuples non civilisés) Радіенъ замѣняетъ не Юмалу, а финскаго Укко.

так как Радіенъ-Атчіе, хотя и считался верховнымъ управителемъ, но ни въ чемъ свое
управленіе не проявлялъ, такъ какъ все, что требовалось по управленію міромъ вѣдалось
богами другихъ разрядовъ, ни въ какихъ отношеніяхъ къ Радіену-Атчіе не стоящихъ.
Даже само твореніе міра было поручено Радіену-Кіедде. Но языческія представленія ло-
парей, повидимому, не могли примириться съ тѣмъ понятіемъ, что творцомъ міра былъ
не тотъ богъ, которому эта дѣятельность приписывалась прежними вѣрованіями и вотъ
народное воображеніе заставляетъ Радіена-Кіедде отказаться отъ творенія міра и пору-
чить другому божеству, именно, Мадератьѣ. Однимъ словомъ, повидимому, лопари, вынуж-
денные поставить въ качествѣ главныхъ божествъ Радіена-Атчіе и Радіена-Кіедде и за-
мѣнить ими туманное представленіе объ Юбмелѣ—не знали сами, какую роль придать имъ,
такъ какъ остальные лопарскіе боги уже имѣли всѣ свою дѣятельность, отнять которую
у нихъ лопарь не могъ согласиться. Итакъ, два верховныя божества лопарскаго Олимпа,
считаясь управителями всего, въ сущности для лопарей ничего не дѣлали, и культъ ихъ,
какъ это будетъ ясно изъ послѣдующаго, былъ наименѣе развитъ.

Однако, какъ-бы смутны ни были представленія лопарей о своихъ высшихъ бо-
жествахъ, они все-таки считали Радіена-Атчіе божествомъ добрымъ и ждали отъ него
лишь хорошаго. Но Радіенъ-Атчіе ничего самъ не дѣлалъ: его дочь Рана-Ніейдда или
Радіенъ-Ніейдда заставляетъ каждый годъ расти и зеленѣть деревья и траву. Она также
судила, по мнѣнію лопарей нѣкоторыхъ мѣстностей, умершихъ и отправляла ихъ въ под-
земное царство. По вѣрованіямъ лопарей нѣкоторыхъ частей Лапландіи, у Радіенъ-Атчіе
есть жена, и она-то творитъ души для новорожденныхъ дѣтей и звѣрей. Нѣкоторые ло-
пари приписывали эту дѣятельность Радіену-Кіедде; другіе считали, что Радіенъ-Кіедде
печется о томъ, чтобы росъ въ достаточномъ количествѣ мохъ для оленей, чтобы все
живое было невредимо; онъ, наконецъ, считался иногда и хозяиномъ горъ [1]). Въ этихъ
вѣрованіяхъ, повидимому, слѣдуетъ видѣть смѣшеніе Радіеновъ съ Мадератья и Маде-
раккой. Символъ Радіена-Атчіе и Радіена-Кіедде, изображаемый на шаманскихъ бубнахъ,
былъ крестъ [2]), что еще болѣе убѣждаетъ въ происхожденіи вѣрованій въ этихъ божествъ
подъ вліяніемъ смутныхъ понятій о христіанствѣ.

Первый богъ изъ числа боговъ втораго разряда, боговъ сферъ небесныхъ—это
Бейве или Пейве, Шефферомъ называемый просто Sol. Это богъ солнца или, лучше ска-
зать, само солнце. Будучи одним изъ самыхъ главныхъ боговъ, имѣвшихъ столь важ-
ное значеніе для лопаря этотъ богъ имѣлъ и чрезвычайно развитой культъ; ему чуть
не чаще всѣхъ приносились жертвы. Это почитаніе солнца естественно у лопаря, вы-
нужденнаго проводить зимніе мѣсяцы въ непроглядной тьмѣ. Свѣтило, то правящее міромъ
впродолженіе полугода, то снова уходящее куда-то на цѣлые полгода—должно было
поразить лопаря. Естественно также, что Пейве-богъ благодѣтельный для лопаря. Въ то
время, пока Пейве еще царствуетъ, озаряетъ своимъ свѣтомъ міръ, снискиваетъ лопарь
себѣ пропитаніе, запасается на зиму.

1) Erman: Archiv, т. XX. 355; также Немировичъ-Данченко: Страна холода: стр. 495.
2) A. Erman Archiv. т XX, стр. 168.

Писатель XVI вѣка Олафъ Великій (Olaus Magnus) передаетъ, что лопари считаютъ солнце матерью всѣхъ животныхъ и полагаютъ, что солнце способствуетъ увеличенію ихъ оленьихъ стадъ и даетъ имъ тепло, дабы молодые олени могли хорошо расти [1].

Существованіе развитаго культа солнца у лопарей, повидимому, противорѣчитъ словамъ Ревилля, который, признавая за поклоненіемъ солнцу у лопарей большую древность, полагаетъ, что солнце могущественнымъ богомъ лопарями не считалось [2]. Не входя въ разборъ этого мнѣнія, отмѣчу только, что Шефферъ въ своей градаціи боговъ ставитъ Пейве на третье мѣсто. Какъ-бы то ни было, но несомнѣнно лишь то, что солнце являлось однимъ изъ самыхъ главныхъ божествъ, хотя можетъ статься, что другаго бога, хотя-бы, напримѣръ, бога грома лопари и почитали больше.

Символъ солнца составлялъ почти неотъемлемую принадлежность шаманскаго бубна во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ только существовалъ культъ Пейве. Солнце на бубнахъ изображалось въ видѣ четыреугольника, отъ угловъ котораго шли нити во всѣ четыре стороны „чтобы обозначить, что власть солнца распространяется на всю землю“ [3]. Эти нити носили на лопарскомъ языкѣ названіе naelja paeiwe labikie, что значитъ въ переводѣ „четыре“ вожжи солнца [4].

Благодаря неполнотѣ данныхъ, переданныхъ намъ прежними писателями, остается открытымъ цѣлый рядъ вопросовъ, относящихся къ обоготворенію солнца, и точнаго представленія лопаря объ солнцѣ мы не въ состояніи изложить. Не знаемъ даже антропоморфизировалось-ли солнце въ умахъ лопарей или нѣтъ? Неизвѣстны намъ также ни преданія, ни разсказы, касающіеся солнца, откуда можно было бы составить себѣ болѣе, или менѣе ясное представленіе лопарей о свѣтилѣ. Лишь культъ его, довольно разработанный, можетъ служить нѣкоторымъ указаніемъ, но о немъ ниже. Повидимому, однако, по мнѣнію нѣкоторыхъ лопарей, солнце было также, какъ и Радіенъ-Атчіе, богомъ хотя и благодѣтельнымъ, но самъ по себѣ мало дѣлающимъ; такъ истекающее отъ солнца тепло лопари не всегда считали дѣломъ самого солнца: это тепло ниспосылалось его дочерью Сала-Ніейдда.

Представленіе о существованіи у солнца дочери, повидимому, не исчезло и теперь, равно какъ и придача солнцу сестеръ и матери; мы встрѣчаемъ воспоминанія объ этихъ вѣрованіяхъ и у современныхъ кольскихъ лопарей, именно въ Нотозерскомъ и Пазрѣцкомъ погостахъ. Мнѣ удалось записать сказку, помѣщаемую мною ниже, гдѣ герой сказки на протяженіи своего странствованія встрѣчаетъ трехъ сестеръ солнца и, наконецъ, приходитъ къ самой солнцевой матери. Одна сестра солнца рисуется маленькой дѣвочкой, лѣтъ 7—8; у ней большія груди, больше ея самой. Вторая сестра изображается взрослой дѣвушкой: у ней на лѣвомъ боку совсѣмъ нѣтъ платья; наконецъ третья рисуется старухой, снабженной, какъ и первыя сестры, большими грудями. Всѣ онѣ живутъ въ небольшихъ избахъ въ лѣсу. Избы у первыхъ двухъ сестеръ простыя, у третьей спа-

---

1) Schefferus. Lapponia, p. 98.
2) A. Reville. Les Religions des peuples non civilisés. II, стр. 186
3) A. Erman: Archiv, т. XX, стр. 168
4) Ibid, примѣч.

ружи серебряная, а внутри золотая. Солнцева мать живетъ вмѣстѣ съ самымъ солнцемъ въ золотомъ домѣ: она очень стара, но чрезвычайно красива; волосы у ней растрепаны, на правомъ боку у ней платья нѣтъ „только горитъ правый бокъ—жарко“. Она говоритъ пришедшему къ ней герою сказки: „видишь, я солнцева мать—какая у меня грудь горячая; онъ пощупалъ грудь—горячая, горячая“. Повидимому, если только въ этой сказкѣ можно искать проблесковъ древнихъ вѣрованій лопарей, то теплота, исходящая отъ солнца, считается частью, по крайней мѣрѣ, дѣломъ солнцевой матери. Но и само солнце грѣетъ и печетъ, и свѣтъ исходитъ отъ него самого. Къ сожалѣнію, сказка ничего не повѣствуетъ о внѣшнемъ видѣ солнца. Вотъ какъ передаетъ сказка о томъ, какъ забредшій къ солнцевой матери герой сказки видѣлъ солнце: „она (мать солнца) какъ схватитъ его за руку и говоритъ: пойдемъ, посмотримъ со мной, каково солнце? Она вела его, вела и пришла въ темную комнату—нигдѣ свѣта нѣтъ; она ушла; онъ тамъ сидѣлъ, сидѣлъ, потомъ свѣтло сдѣлалось: солнце запекло жарко тако; потомъ вдругъ темно опять сдѣлалось; идетъ эта женка, за руку мужика взяла и повела опять въ избу свою. Привела къ избушкѣ и спрашиваетъ: видѣлъ-ли ты солнце? онъ отвѣчаетъ: я видѣлъ“. Изъ этого текста можно лишь заключить, что свѣтъ и часть тепла, пожалуй, даже бо́льшая часть исходитъ и отъ самого солнца—но каковъ его видъ, выяснить себѣ изъ этой сказки нѣтъ возможности.

Если въ этой сказкѣ мы находимъ свѣдѣнія о солнцевой матери и о сестрахъ солнца, то въ другой существуютъ указанія на жену и дочь солнца. Изъ этой сказки можно вывести болѣе подробныя свѣдѣнія о представленіяхъ лопарей о солнцѣ. Солнце—мужчина. Оно похищаетъ жену Найнаса (сказочнаго существа); похищеніе производится при слѣдующихъ обстоятельствахъ: когда разъ жена Найнаса высовывается за дверь съ головой, непокрытой платкомъ, она чувствуетъ, что солнце начинаетъ жечь ей голову и ухватило ее за волосы; она закричала: Найнасъ, дай мнѣ воды, меня жжетъ солнце! Онъ, держа ее за ноги, чтобы солнце не утащило ея, умираетъ, и она, не видя помощи, сказала: солнце, ороси меня водою! Оно сжалилось, оросило ее, но потомъ взяло ее къ себѣ. Она дѣлается его женой; вскорѣ у нихъ родится дочь; пока дочь росла, родители „научаютъ ее всему“, а когда она выросла, отецъ и мать рѣшаются отпустить ее на землю, чтобы она нашла себѣ суженаго. Дочь солнца выходитъ замужъ за пастуха. Благодаря разнымъ обстоятельствамъ, пастухъ является вынужденнымъ просить свою жену, чтобы она помогла ему подняться къ солнцу. Они идутъ на встрѣчу солнцу и видятъ, что оно ѣдетъ на оленѣ; солнце беретъ зятя къ себѣ и поручаетъ ему на слѣдующій день объѣхать міръ; „утромъ, говоритъ оно, поѣзжай кругомъ земли на медвѣдѣ, въ полдень замѣни его оленемъ-быкомъ (самцомъ), а вечеромъ уже оленемъ-важенкой (самкой)“.

Здѣсь я упомянулъ лишь о томъ, что хоть сколько-нибудь можетъ освѣтить намъ воззрѣнія современныхъ лопарей о солнцѣ: соединяя все сказанное въ обѣихъ сказкахъ въ одно цѣлое, можно думать, что лопари рисовали себѣ солнце мужчиной, живущимъ вмѣстѣ съ женой и своей матерью, съ которой онъ дѣлитъ часть своей власти. День наступаетъ, когда солнце начинаетъ объѣзжать міръ, причемъ ѣдетъ либо на медвѣдѣ,

либо на оленѣ (самцѣ или самкѣ). Медвѣдь, какъ будетъ видно изъ послѣдующаго, являлся въ представленіяхъ лопарей полубожественнымъ звѣремъ.

Такъ какъ вторая сказка содержитъ въ себѣ часть большаго лопарскаго эпоса о солнцѣ, о чемъ я скажу ниже, и такъ какъ самъ эпосъ о солнцѣ очень древенъ, то эти сказки, до извѣстной степени, могутъ освѣтить представленія о солнцѣ не только современныхъ, но и древнихъ лопарей. Все извѣстное мнѣ эпическое произведеніе лопарскаго творчества о дочери солнца у русскихъ лопарей я приведу ниже, когда коснусь пѣсенъ и сказокъ лопарей.

Культъ солнца, распространенный въ значительной степени въ Лапландіи, однако сравнительно скоро уступилъ въ нѣкоторыхъ частяхъ ея, по крайней мѣрѣ, мѣсто новымъ вѣрованіямъ. Такъ, уже Гёгстремъ сообщаетъ, что онъ старался узнать, не существуетъ-ли поклоненія солнцу и оказалось, что этотъ культъ въ мѣстности, имъ изслѣдованной, уже исчезъ; „но, замѣчаетъ онъ, я нашелъ лопарей, которые мнѣ сообщили, что въ прежнія времена этотъ обычай господствовалъ“ [1]).

Въ близкомъ отношеніи къ солнцу находятся и Айлекесъ-Олбмакъ—боги нѣкоторыхъ праздничныхъ дней. Само названіе ихъ значитъ въ переводѣ „святые мужи“. Ихъ близость къ солнцу доказывается уже тѣмъ, что ихъ символы, въ видѣ крестовъ, помѣщались на бубнѣ между „возжами солнца“. На первой отмѣчался обыкновенно крестомъ Содна-пэйве айлекъ, или богъ воскресенья; этотъ день лопари считали самимъ лучшимъ для совершенія жертвоприношеній и для начала охоты. На второй возжѣ помѣщалось изображеніе покровителя субботняго дня, „субботняго бога“—Лавардакъ-айлекъ; этотъ день считался послѣ воскресенья самымъ святымъ днемъ. О праздновании субботы у лопарей я скажу ниже. На третьей возжѣ изображался Перьякъ-айлекъ—покровитель пятницы; этотъ день считался ниже двухъ предыдущихъ; въ этотъ день особенно хорошо шло колдовство [2]). Вѣроятно эти божества вошли въ лопарскій пантеонъ подъ вліяніемъ христіанства; за это говоритъ какъ и названіе ихъ „святыми мужами“, такъ и то, что символъ ихъ былъ крестъ, слѣдовательно такой-же какъ и у Радіенъ-Атчіе и Радіенъ-Кіедде. Но если это святые, быть можетъ занесенные къ лопарямъ еще проповѣдниками католиками, которые, какъ извѣстно уже изъ историческаго очерка, старались просвѣтить лопарей еще съ XIII вѣка,—то все-таки вопросъ, какіе именно святые разумѣлись подъ названіемъ Айлекесъ-Олбмакъ остается неразрѣшеннымъ. Въ виду того, что суббота давно уже считалась священнымъ днемъ у лопарей можно высказать въ качествѣ предположенія, что эти Айлекесъ-Олбмакъ замѣнили собой какихъ нибудь древнихъ божествъ лопарей; за это предположеніе говоритъ и то, что одинъ сдѣлался покровителемъ охоты, другой колдовства. Слѣдуетъ еще замѣтить, что тотъ изъ Айлекесъ-Олбмакъ, который властвовалъ пятницей считался въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и богомъ хорошей погоды. Если лопари однѣхъ мѣстностей отдали пятницу и субботу подъ охрану „святыхъ мужей“, то лопари другихъ мѣстностей считали покровителями этихъ дней другихъ божествъ: по свѣдѣніямъ, передаваемымъ Ацерби, покровителемъ субботы считался Радіенъ, а пятницы

---

[1]) Högström: Beschreibung, p. 206

[2]) Erman: Archiv. XX стр. 168.

Саракка, богиня имѣвшая важное значеніе для лопарей и которую Ацерби опредѣляетъ именемъ лопарской Венеры. Это послѣднее отзывается большей стариной, такъ какъ извѣстно, что именно пятница посвящалась у многихъ народовъ богинѣ, имѣющей тѣже функціи, какъ и Саракка (у Германцевъ богинѣ Фрейѣ, у Римлянъ — Венерѣ; среди русскаго населенія многихъ мѣстностей св. Пятницѣ, которая, какъ извѣстно, замѣнила собой древнее русское божество).

Перехожу теперь къ сильно нѣкогда чтимому лопарями богу—богу грома, называемому самими лопарями Горагаллесъ, Горангаллесъ, Горанорій, Горесгудскъ, Адзегадзе, Тіермесъ, Айеке или просто Айя. Айеке значитъ, по словамъ Шеффера, дѣдъ, прадѣдъ. Въ сѣверныхъ частяхъ Лапландіи его называли и Торатуросъ Подне, т. е. божественный громъ. Этотъ грозный богъ чтился на всемъ протяженіи Лапландіи и принадлежалъ къ числу тѣхъ, которымъ лопари чаще всего поклонялись: этимъ объясняется, что нѣкоторые писатели называютъ Айеке старѣйшимъ изъ боговъ. Этотъ богъ въ особенности страшенъ для колдуновъ и опасность для нихъ объяснялась лопарями слѣдующимъ преданіемъ, записаннымъ со словъ лопарей Петромъ Гёстремомъ о самомъ происхожденіи Айеке: сидѣла разъ дѣвушка въ лѣсу подъ деревомъ; пришелъ къ ней чортъ и сказалъ ей, чтобы она набрала сухаго хвороста въ свою шубу, которую она подложила себѣ подъ голову: когда она это сдѣлала и чортъ зажегъ костеръ, то она замѣтила, что у него рога на головѣ; она испугалась и хотѣла бѣжать, но онъ ее удержалъ и вступилъ съ ней въ связь. Отъ этой связи родился сынъ, который постоянно плакалъ, такъ что его ничѣмъ нельзя было утѣшить. Богъ взялъ его къ себѣ въ облака и спросилъ его, желаетъ-ли онъ дружить съ своимъ отцомъ или съ своей матерью. Мальчикъ отвѣтилъ, что онъ дружить хочетъ съ матерью, а отца своего преслѣдовать изъ всѣхъ силъ, что онъ и до сихъ поръ дѣлаетъ, объѣзжая по воздуху вокругъ міра и взлѣзая на горы; онъ зажигаетъ деревья когда черти хоронятся за ними [1]) и убиваетъ колдуновъ, за которыми черти любятъ прятаться.

Въ этомъ преданіи несомнѣнно замѣтны слѣды позднѣйшаго наслоенія: такъ, напримѣръ, существованіе роговъ у чорта, наконецъ названіе духа, вступившаго въ связь съ дѣвушкой, просто чортомъ, заставляютъ думать, что это преданіе испытало уже на себѣ извѣстную ломку, которой подверглось большинство лопарскихъ преданій подъ вліяніемъ христіанства. Имя матери Айеке также неизвѣстно, что служитъ, повидимому несомнѣннымъ доказательствомъ, что въ то время, когда преданіе было записано, оно уже начинало сглаживаться въ умахъ лопарей. Но несомнѣнно также, что это преданіе сохранило и древнія черты. Указывается на происхожденіе одного изъ самыхъ могущественныхъ боговъ и, по всѣмъ вѣроятіямъ, древнее преданіе знало и имя матери Айеке. Вѣроятно это была какая нибудь изъ свѣтлыхъ богинь—иначе высшему божеству не имѣло-бы смысла принимать участія въ молодомъ Айеке. Тотъ фактъ, что высшее божество, которое здѣсь кстати не наименовано, такъ какъ по всѣмъ вѣроятіямъ разсказывавшій Гегстрему это преданіе лопарь разумѣлъ уже христіанскаго Бога, пользуется Айеке для преслѣдованія нечистой силы, враждебной ему, отзывается дуализмомъ, который нерѣдко встрѣтить у финскихъ племенъ и съ которымъ мы столкнемся и у лопарей.

[1]) Högstrom. Beschreibung, p. 1[illegible]7.

Тотъ же Гегстремъ даетъ намъ другой варіантъ этого же сказанія: онъ говоритъ, что онъ замѣтилъ, что лопари бога грома считаютъ существомъ равно добрымъ, какъ и злымъ, и это происходитъ оттого, что онъ былъ рожденъ чортомъ (Perkel'омъ) въ скалѣ, тайно—такъ, чтобы Ибмелъ ничего объ этомъ не долженъ былъ знать. Но Ибмелъ узналъ и взялъ дитя къ себѣ и воспиталъ его. Поэтому Айеке, будучи сыномъ сатаны съ одной стороны, а съ другой воспитанникомъ Бога, вмѣстѣ и добръ и золъ.

Преслѣдуя нечистую силу Айеке, тѣмъ самымъ преслѣдуетъ и колдуновъ, за которыми нечистая сила прячется.

Айеке такъ почитался лопарями оттого, что въ его рукахъ, считали они, находится власть надъ жизнью и смертью людей, надъ ихъ здоровьемъ и болѣзнями.

Духовъ злыхъ, вредныхъ для лопаря, онъ преслѣдуетъ и убиваетъ, бросая въ нихъ свои стрѣлы-молніи, гдѣ бы эти духи ни жили: на скалахъ ли, горахъ, или въ глубинѣ озеръ [1]). Къ нему же обращались лопари, когда они думали, что какой-нибудь колдунъ околдовалъ ихъ оленьи стада и если они хотѣли отомстить тому лицу, которое заставило колдуна заколдовать ихъ стадо. Айеке, преслѣдуя злодѣя, иногда и не находилъ его и тогда убивалъ колдуна [2]). Айеке, имѣя свое мѣстопребываніе въ воздухѣ, слышитъ рѣчи людей и гдѣ-бы лопари не вздумали его злословить, онъ тотчасъ-же ихъ наказываетъ за ихъ преступленіе [3]).

Рядомъ однако съ представленіемъ объ Айеке, мы встрѣчаемъ и представленіе, что самъ громъ есть божество, которое гонитъ чародѣевъ съ неба, и что шумъ во время грозы есть шумъ отъ стрѣлъ, которыми мечетъ въ чародѣевъ богъ-громъ. Самуилъ Реенъ прямо говоритъ, что громъ лопари считаютъ предметомъ оживленнымъ (rem viventem), который и шумитъ такъ на небѣ [4]).

Но повидимому представленіе объ Айеке было болѣе распространено среди лопарей; по крайней мѣрѣ, большая часть авторовъ указываетъ именно на него, называя его лишь различными именами, которыя я выписалъ выше, иногда придавая ему даже древнее скандинавское имя Тора, тогда какъ представленія о громѣ, какъ самостоятельномъ божествѣ, или какъ о res vivens встрѣчаются лишь крайне рѣдко.

Громъ, по представленію лопарей, нѣкоторыхъ мѣстностей, по крайней мѣрѣ, происходитъ отъ того, что Айеке ходитъ по тучамъ; въ Lexicon Lapponicum отмѣчается, что у лопарей существуетъ для выраженія того, что громъ гремитъ, слова Айя юца, т.-е. Айя ходитъ (Juppiter tonat) [5]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этому могучему богу приписывалась власть и надъ моремъ, водами и вѣтрами. Стрѣлы свои Айеке мечетъ изъ лука, который есть ничто иное какъ радуга: вслѣдствіе этого и радуга носила названіе Айеке-допге, что значитъ лукъ дѣда. Въ другихъ мѣстахъ она по имени того же бога носила названіе Айеке-Йокса. Это представленіе о радугѣ въ настоящее время не сохранилось, по крайней мѣрѣ, среди лопарей Нотозерскаго и Сонгельскаго погостовъ. Теперь подъ

1) Schefferus. p. 95.
2) Erman: Archiv. p. 172
3) Вят. Губ. Вѣд. 1868 г., № 22.
4) Schefferus. p. 85.
5) Вят. Губ. Вѣд. 1868 г., № 22.

видомъ радуги рисуется русскому лопарю этихъ погостовъ огромная лось, которая и пьетъ воду изъ рѣки „воду мѣритъ“, какъ выражаются иногда про нее лопари. Связь ея съ громомъ сохранилась однако въ ея названіи: термэсъ-юусь, что значитъ громовая лось. Болѣе подробныхъ свѣдѣній о радугѣ мнѣ не удалось собрать.

Представленіе объ Айеке также повидимому изгладилось изъ умовъ лопарей подъ вліяніемъ христіанства. Быть можетъ воспоминаніе о немъ сохранилось въ вѣрованіяхъ нѣкоторыхъ лопарей въ бога Арома-Телле [1]), который, хотя и считается богомъ-охотникомъ, но имѣетъ несомнѣнно общія черты съ древнимъ богомъ грома. В. И. Немировичъ-Данченко, записавшій преданіе объ Арома-Телле, сообщаетъ, что конецъ свѣта, по мнѣнію лопарей, долженъ произойти тогда, когда Арома-Телле убьетъ оленя, за которымъ онъ теперь гоняется, что пока Арома-Телле не дѣлаетъ зла людямъ, но что если кому-нибудь изъ нихъ удастся увидѣть въ глаза оленя, за которымъ Арома-Телле гонится, тотъ слѣпнетъ на всю жизнь, а если кому-нибудь изъ нихъ удастся услышать стукъ копытъ его—тотъ на всю жизнь глохнетъ; если-жъ жгучее дыханіе оленя дойдетъ до лопаря—тотъ нѣмѣетъ на всю жизнь. Однако за нѣсколько минутъ до смерти и слухъ, и языкъ, и зрѣніе возвращаются лопарю съ тѣмъ, чтобы онъ передъ смертью могъ разсказать окружающимъ, что онъ видѣлъ и слышалъ внутри себя за все это время. Самого Арома-Телле видѣть нельзя, такъ какъ онъ слишкомъ великъ, лишь стрѣлы его видны, которыя онъ мечетъ въ оленя; эти стрѣлы летятъ изъ лука Арома-Телле и люди считаютъ ихъ молніями.

На основаніи этого преданія можно вывести, что молнія — стрѣлы, принадлежавшія нѣкогда Айеке, служатъ теперь Арома-Телле; что въ то время, какъ Айеке прогонялъ ими нечистую силу, Арома-Телле гонитъ ими гигантскаго оленя. Не есть-ли это повѣріе одинъ изъ варіантовъ преданій объ Айеке, варіантовъ, которыми такъ богата миѳологія лопарей; это тѣмъ болѣе вѣроятно, что это преданіе записано у русскихъ лопарей, тогда какъ всѣ свѣдѣнія о древнихъ божествахъ лопарскаго пантеона мы черпаемъ лишь изъ источниковъ, имѣющихъ въ виду почти исключительно лопарей скандинавскихъ [2]).

Если олень, за которымъ гонится Арома-Телле и есть та громовая лось, которая пьетъ воду во время отдыховъ отъ преслѣдованія, то родство между Арома-Телле и Айеке можетъ считаться почти-что доказаннымъ.

Пока еще Арома-Телле, гоняясь за оленемъ и метая въ него стрѣлы, не попадаетъ въ него. Большой бѣлый олень съ черной головой и золотыми рогами убѣгаетъ отъ преслѣдованія охотника; самъ духъ-охотникъ ростомъ съ десять старыхъ сосенъ; собаки, каждая величиной съ взрослаго оленя-самца, помогаютъ ему въ преслѣдованіи. Но когда духъ попадетъ первый разъ въ оленя — должно произойти первое землетрясеніе: „всѣ старыя каменныя горы распадутся, выбросятъ огонь, рѣки потекутъ назадъ, озера иссякнутъ, море оскудѣетъ—высохнетъ“. Вторая стрѣла попадетъ оленю въ черный лобъ, между золотыми рогами его,—тогда огонь разольется по всей землѣ, и вся земля

[1]) Немировичъ-Данченко: Лопарская земля (въ Живописной Россіи, I стр. 171).
[2]) Ср. древне-германскія представленія о Wilde Jagd.

загорится. Когда же собаки кинутся на оленя и растерзаютъ его, и охотникъ вонзитъ въ сердце оленю свой ножъ, тогда звѣзды упадутъ съ неба, луна погаснетъ и солнце утонетъ. На землѣ ничего не останется живаго—это конецъ міра [1]).

Будетъ-ли Арома-Телле тождественъ съ Айеке древнихъ скандинавскихъ лопарей, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ это божество довольно близкое къ Айеке. Преданіе объ Арома-Телле къ сожалѣнію недостаточно выясняетъ, что это за олень, за которымъ такъ долго гоняется Арома-Телле, а также и связь, какую олень имѣетъ съ землей, что, вслѣдствіе его смерти, земля должна погибнуть. Какъ-бы то ни было, но это преданіе хоть до извѣстной степени бросаетъ лучъ свѣта на неизвѣстную намъ въ частностяхъ древнюю миѳологію русскихъ лопарей, о которой мы можемъ лишь судить на основаніи древнихъ вѣрованій изъ скандинавскихъ собратій.

Трудно, конечно, сказать, насколько культъ бога-грома исключительно лопарскій, насколько тутъ нѣтъ посторонней примѣси; очень возможно, что на развитіе этого культа въ средѣ лопарей имѣла большое вліяніе и миѳологія скандинавовъ, съ которыми, какъ я говорилъ выше, они столкнулись въ далекія еще времена; у скандинавовъ-же культъ Тора былъ сильно развитъ и нѣтъ невѣроятнаго, что лопари испытали на своемъ пантеонѣ вліяніе своихъ сосѣдей, какъ они испытали его на своемъ языкѣ, воспринявъ въ него много древне-скандинавскихъ словъ. Нѣтъ также сомнѣнія, что культъ бога-грома даже въ томъ видѣ, въ которомъ его застали писатели XVII и XVIII вѣковъ, является культомъ уже умирающимъ, подъ вліяніемъ проповѣди новыхъ идей: это достаточно явствуетъ какъ изъ преданія, записаннаго Гёгстремомъ, такъ и изъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ чертъ, которыми описывается дѣятельность Айеке лопарями. Наконецъ, и сами писатели отмѣтили вѣрованія въ Айеке лишь самыми общими чертами, не вдаваясь въ подробности. Вслѣдствіе этого, какъ свѣдѣнія относительно этого божества, равно какъ и относительно другихъ божествъ лопарскаго пантеона, страдаютъ отрывочностью и неточностью.

Говоря о богѣ-громѣ, я считаю умѣстнымъ упомянуть здѣсь-же о другомъ божествѣ, именно о Сторьюнкаре, такъ какъ Айеке стоитъ съ этимъ послѣднимъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Лапландіи его считали даже подчиненнымъ Сторьюнкаре. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что культъ Сторьюнкаре былъ, повидимому, мало распространенъ въ Лапландіи: о немъ упоминаетъ одинъ только Шефферъ, причемъ онъ также оговаривается, что Сторьюнкаре въ другихъ и большинствѣ мѣстностей Лапландіи имѣетъ другое значеніе.

Вотъ что сообщаетъ Шефферъ объ этомъ божествѣ: второй изъ главныхъ боговъ, пишетъ онъ, называется Сторьюнкаре. (Шефферъ на первое мѣсто ставитъ бога грома, на третье—солнце). Это слово, замѣчаетъ Шефферъ, норвежское, но лопари называютъ его и Стурра Пассе т. е. великій святой. Они полагаютъ, что Айеке или Тіермесъ лишь его подчиненный и какъ-бы нѣкій королевскій чиновникъ [2]). Его неограниченной власти были подчинены всѣ домашнія и дикія животныя, и, по словамъ Самуила Реена, онъ

[1]) Немировичъ-Данченко: Страна Холода, стр 209.
[2]) Schefferus. Lapponia, p. 96.

властвовалъ надъ всѣми животными: и медвѣдями, волками, лисицами, оленями, рыбами, птицами; онъ помогаетъ на охотѣ. По словамъ Іоанна Торнея, Сторьюнкаре является часто во время лова рыбы или птицъ; у него красивая внѣшность; одѣтъ онъ во все черное; одежда его такого покроя, „который носятъ благородные" (eo formatis modo, quo gestare nobiles solent), въ рукахъ онъ держитъ пищаль; лишь ноги его имѣютъ видъ птичьихъ лапъ. Всякій разъ, когда онъ кому-нибудь является, показываясь либо на берегу, либо около самихъ ловцовъ въ ихъ лодкѣ, ловъ рыбы всегда бываетъ очень удаченъ, а въ мимо пролетающихъ птицъ онъ изъ своей пищали бросаетъ свинцовыя пули и, убивъ птицу, давалъ ее присутствующимъ. Мѣстожительство его указывается на горѣ [1]); вслѣдствіе этого и алтари ему строили около рѣкъ и вообще тамъ, гдѣ было видѣніе—такъ какъ своимъ появленіемъ Сторьюнкаре показывалъ свою любовь къ данному мѣсту [2]).

Очевидно мы имѣемъ въ Сторьюнкаре бога охоты. Но культъ его, какъ я уже сказалъ, былъ мало распространенъ и Шефферъ, давшій намъ относительно подробныя свѣдѣнія объ этомъ божествѣ, замѣчаетъ, что у лопарей, живущихъ по Торнео и въ Кіеме, подъ Сторьюнкаре разумѣются священные камни Сейты, о которыхъ мнѣ придется говорить ниже. Какъ будетъ видно изъ изложенія свѣдѣній о священныхъ камняхъ, Сейты ставились также по берегамъ рѣкъ и озеръ, или тамъ, гдѣ были видѣнія лопарямъ; сейты также оказывали большое вліяніе на ходъ охоты лопарей и помогали имъ какъ при ловлѣ рыбы, такъ и при охотѣ на птицъ и на дикихъ звѣрей. Можно было-бы благодаря тождественности именъ этого божества и священныхъ камней, благодаря почти тождественности ихъ дѣятельности, вывести заключеніе, что Шефферъ ошибся, выдѣляя его въ особое божество и въ этомъ не было бы ничего удивительнаго, такъ какъ Шефферъ не особенно долго оставался въ Лапландіи и не могъ близко ознакомиться съ лопарскими вѣрованіями. Но онъ въ своемъ изложеніи свѣдѣній о Сторьюнкаре приводитъ слова Самуила Реена и Іоанна Торнея, долгое время жившихъ въ Лапландіи и внимательно изучавшихъ религіозныя представленія лопарей. Предполагать одинаковую ошибку у обоихъ авторовъ, писавшихъ хотя и приблизительно въ одно время, но совершенно самостоятельно, мы не имѣемъ никакихъ основаній. Поэтому, мнѣ кажется, естественнѣе будетъ предположить слѣдующее: либо богъ Сторьюнкаре имѣлъ прежде другое названіе, болѣе опредѣленное, чѣмъ „великій святой", подобно тому какъ и священные камни имѣли лопарское названіе (сейта) и что лишь потомъ скандинавское слово было перенесено на него, равно какъ и на сейтовъ, либо, что мнѣ кажется вѣроятнѣе, что въ культѣ Сторьюнкаре мы имѣемъ случай развитія культа священныхъ камней: священный камень, считавшійся прежде божествомъ самъ по себѣ, впослѣдствіи лопари населили духомъ, на котораго и перешли всѣ функціи, которыя прежде исполнялись сейтами. Что этотъ духъ могъ не имѣть опредѣленнаго имени, удивлять насъ не должно, если самъ культъ его появился поздно. Развитіе же культа Сторьюнкаре изъ культа священнаго камня довольно естественно среди народа, который самъ-ли, или подъ чу-

1) Ibid, p. 97.
2) Ibid, p. 101.

жимъ вліяніемъ могъ выработать себѣ такую богатую миѳологію, какова была миѳологія у древнихъ лопарей. Что культъ Сторьюнкаре возникъ довольно поздно и, быть можетъ, даже подъ вліяніемъ скандинавскихъ сосѣдей лопарей, доказываетъ, какъ скандинавское имя самого божества, такъ и покрой одежды, въ которую онъ облачался; лишь одежду шведско-норвежскихъ дворянъ можно разумѣть подъ словами Торнея объ одеждѣ Сторьюнкаре, такъ какъ среди лопарей сословій не было.

Во всякомъ случаѣ, каково-бы ни было происхожденіе культа Сторьюнкаре, лишь въ немногихъ мѣстностяхъ Лапландіи на него смотрѣли какъ на особое божество. Въ другихъ мѣстностяхъ Лапландіи богомъ охоты считался властитель лѣса Лейбъ-Ольмай, что значитъ въ буквальномъ переводѣ „ольховый человѣкъ". Онъ охранялъ всѣхъ животныхъ, живущихъ въ лѣсу, за исключеніемъ медвѣдя, который ему не былъ подвѣдомственъ; у лопарей, какъ и у многихъ народовъ существовалъ культъ медвѣдя, о которомъ я буду говорить ниже. Лейбъ-Ольмаю молились каждое утро и каждый вечеръ и при молитвахъ пѣли священные гимны.

Если посмотрѣть на дѣятельность Пейве, Айеке и Сторьюнкаре, то окажется, что собственно весь міръ управлялся ими; такъ какъ люди находились подъ властью Айеке; онъ же былъ властителемъ и надъ водами и непогодой; домашнія животныя находились частью въ управленіи Пейве, частью Сторьюнкаре; дикія звѣри, какъ и рыбы, и птицы были подвѣдомствены этому послѣднему. Слѣдовательно, въ рукахъ этихъ трехъ божествъ находилось управленіе міромъ и надъ ними лишь возвышались неопредѣленныя божества Радіенъ-Атчіе и Радіенъ-Кіедде. Вокругъ этихъ трехъ главныхъ боговъ группировались лишь божества второстепенныя. Но это было такъ лишь въ нѣкоторыхъ, сравнительно немногихъ, мѣстностяхъ Лапландіи. Въ большинствѣ случаевъ дѣятельность Айеке и Пейве была гораздо уже, и лопари помѣщали за ними рядъ другихъ божествъ, быть-можетъ, менѣе ими чтимыхъ, чѣмъ Айеке и Пейве, но также самостоятельныхъ и могущественныхъ, какъ и эти послѣдніе. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ грома не успѣли еще антропоморфизировать, гдѣ въ солнцѣ видѣли лишь бога-свѣта и тепла, тамъ прочихъ божествъ должно было быть еще больше и роль ихъ для лопарей еще значительнѣе.

Такъ надъ непогодой властвовалъ, по мнѣнію лопарей нѣкоторыхъ мѣстностей, богъ Бадо-май, богъ перемѣнчивый и грозный, требующій себѣ постоянныхъ жертвъ. Одинъ изъ Айлекесъ-Олмаковъ считался богомъ хорошей погоды. Лейбъ-Олмай, какъ я уже сказалъ, былъ богъ лѣсовъ и охоты. Кіозе-Олмай считался богомъ рыбаковъ. Богомъ воды былъ Тшадзе-Олмай, охранитель рыбъ и др. Эти божества были для лопарей многихъ мѣстностей, гдѣ культъ Айеке и Пейве былъ меньше развитъ, очень важны, такъ какъ именно въ районахъ ихъ дѣятельности и приходилось вращаться лопарю при своихъ занятіяхъ: рыбной ловлѣ, охотѣ. Этимъ, быть-можетъ, и объясняется, что въ то время какъ культъ остальныхъ боговъ затмился подъ вліяніемъ христіанства и боги были замѣнены святыми, или вовсе изгладились изъ умовъ лопарей, воспоминаніе объ этихъ божествахъ живо и по настоящее время въ нѣкоторыхъ частяхъ русской Лапландіи и культъ ихъ продолжаетъ храниться.

Конечно, исповѣдываніе христіанства, хотя-бы лишь номинальное, могло только способствовать уничтоженію, или искаженію древнихъ вѣрованій и культа, сопряженнаго съ

этими вѣрованіями. Вотъ почему нельзя ожидать отъ современныхъ русскихъ лопарей той ясности и точности въ представленіяхъ объ этихъ духахъ, которую могли застать еще лица, посѣщавшія лопарей въ XVII и XVIII вѣкахъ. Кромѣ воздѣйствія христіанства, на вѣрованіяхъ русскихъ лопарей должны были отразиться и вѣрованія въ духовъ ихъ сосѣдей русскихъ, съ которыми они такъ давно столкнулись и съ которыми вотъ уже, по крайней мѣрѣ, 600 лѣтъ они имѣли почти непрерывныя сношенія.

Этимъ вліяніемъ объясняется то, что въ описаніи лопарскихъ духовъ мы подчасъ узнаемъ знакомыя намъ уже изъ вѣрованій русскихъ крестьянъ черты.

Одинъ изъ наиболѣе почитаемыхъ духовъ современными русскими лопарями это духъ домашній, нашъ домовой, называемый лопарями Пертъ-хозинъ. О немъ я пока не буду распространяться, такъ какъ мнѣ придется подробнѣе говорить о немъ ниже, когда коснусь домашнихъ духовъ лопарей.

За нимъ идетъ Луотъ-хозикъ (оленья хозяйка) духъ-женщина. Это божество особенно близко къ лопарямъ, такъ какъ оно покровительствуетъ оленьимъ стадамъ лопарей. Какъ я уже говорилъ, лопари пускаютъ оленей на волю на все лѣто, а сами разъѣзжаются по своимъ тонямъ для ловли рыбы; такимъ образомъ, олени остаются безъ всякаго присмотра и обыкновенно осенью, когда лопари собираютъ вновь своихъ оленей, они многихъ не досчитываются. Если олени оказываются цѣлыми, то это даръ и знакъ милости Луотъ-ховикъ; она посылаетъ оленямъ богатыя пастбища изъ оленьяго мха, она оберегаетъ ихъ и отъ дикихъ звѣрей; лишь отъ человѣка она не можетъ уберечь стада. Лопари ея не боятся: она вѣдь охраняетъ и пасетъ оленьи стада, самое дорогое, самое цѣнное изъ убогаго имущества лопаря; она-же посылаетъ охотнику и дикаго оленя. Луотъ-хозикъ, при отпусканіи оленей на волю, молятся въ слѣдующихъ словахъ: „Луотъ-хозикъ, береги нашихъ оленей“. Если къ осени олени всѣ нашлись, ее благодарятъ, говоря: „спасибо тебѣ, Луотъ-хозикъ, что поберегла нашихъ оленей“. Даже въ томъ случаѣ, если и пропадетъ часть оленей, ея не винятъ. Луотъ-хозикъ живетъ въ тундрѣ среди богатыхъ ягелевыхъ полей; видомъ она походитъ на человѣка: „ходитъ на ногахъ, какъ человѣкъ, и лицо человѣчье, только вся въ шерсти, словно олень“, описывали мнѣ ея внѣшность лопари.

Кромѣ Луотъ-ховикъ обязанность оберегать оленей лежитъ еще на Поцъ-хозинѣ и Поцъ-ховикѣ (мужъ и жена). Они также пасутъ оленей, оберегаютъ ихъ отъ волковъ, но также, какъ и Луотъ-ховикъ не могутъ ихъ уберечь отъ злаго человѣка. Съ Луотъ-хозикъ они живутъ мирно.

Въ лѣсахъ властвуетъ лѣсной духъ—Мецъ-хозинъ; онъ живетъ въ лѣсу; самъ онъ черный съ хвостомъ. Людямъ онъ зла не дѣлаетъ, если люди ему не досаждаютъ. Онъ любитъ тишину, вотъ почему если въ лѣсу начинаютъ кричать, шумѣть или пѣть, то Мецъ-хозинъ сердится и заводитъ такихъ въ лѣсу, „такъ что не выйдешь“; поэтому-то и необходимо, проходя по лѣсу, наблюдать тишину.

Во всякой водѣ, будь то озеро или рѣка, живетъ Саціенъ съ своими дѣтьми. Она является людямъ въ образѣ нагой женщины, расчесываетъ свои волосы „хорошимъ“ гребнемъ. Лицо у ней бѣлое, чистое и черные прекрасные волосы. Если испугаютъ Саціенъ, она въ испугѣ бросается въ воду, оставляя на берегу, на камнѣ, на которомъ

сидѣла, и гребень, и часть волосъ. Это божество не является милостивымъ: она часто затаскиваетъ къ себѣ людей, почему купаться является опаснымъ. Вотъ что разсказывали мнѣ лопари Нотозерскаго погоста про одного изъ своихъ односельчанъ Ивана Титова: „Ванька Титовъ купался утромъ, часа въ четыре; какъ снялся совсѣмъ, видитъ въ водѣ идетъ человѣкъ нагишемъ, и стала тащить его и протащила съ $^{1}/_{2}$ версты за ногу. Онъ закричалъ, пришли женки, да и онъ молитву прочелъ, только тѣмъ и спасся. Потомъ онъ спать завалился на ночь; пришла къ нему Саціенъ и говоритъ: „счастливъ ты, что у тебя есть женки, а то-бы я тебя утащила; дай мнѣ то, что тебѣ не жалко". Онъ говоритъ: „ладно, даю", и далъ серебряный рубль, да бисеръ и бросилъ въ воду, а на слѣдующую ночь Саціенъ пришла и говоритъ: „спасибо, очень я довольна". Послѣ этого онъ и не смѣетъ купаться". Саціенъ вообще боится женщинъ и утаскиваетъ больше мужчинъ. Кромѣ того отъ нея можно откупиться, что и сдѣлалъ въ вышеприведенномъ разсказѣ Иванъ Титовъ. Слѣдуетъ замѣтить, что, по мнѣнію однихъ лопарей, въ каждомъ озерѣ и каждой рѣкѣ живетъ особая Саціенъ, по мнѣнію другихъ на всѣ лопарскія рѣки и озера приходится лишь одна Саціенъ съ своей семьей.

Изъ наиболѣе почитаемыхъ современными лопарями духовъ, властителей оленьихъ стадъ и воды Луотъ-хозикъ, Поцъ-хозикъ и Саціенъ-женщины. Это не должно удивлять, такъ какъ въ лопарскомъ пантеонѣ встрѣчается нѣсколько женщинъ-богинь, одаренныхъ большой силой и могуществомъ. Онѣ вмѣстѣ съ богомъ Мадерадча играютъ большую роль въ жизни лопарей.

Мѣстомъ пребыванія Мадератча указывалось въ высшихъ воздушныхъ сферахъ, тотчасъ подъ небесами. Символъ его можно было встрѣтить не на всѣхъ волшебныхъ бубнахъ, такъ какъ только величайшіе и сильнѣйшіе чародѣи приходили съ нимъ въ соприкосновеніе. Тѣ, которые были знакомы съ Мадератча изображали его на своихъ бубнахъ либо въ видѣ кружка, либо треугольника, или шестиугольника; иногда Мадератча изображали въ видѣ наклоненной впередъ мужской фигуры. Мѣсто ему на бубнѣ указывалось на самой высокой „солнечной возжѣ", которая отъ солнца направлялась къ Радіену. Мадератча вмѣстѣ съ солнцемъ имѣетъ силу производить все живое и эту силу онъ получилъ отъ Радіенъ-Кіедде.

Жена Мадератча—Мадеракка и живетъ также, какъ и ея супругъ въ воздушныхъ сферахъ, только ниже его. Она помогаетъ ему въ его твореніи, которое происходитъ слѣдующимъ образомъ, по разсказамъ нѣкоторыхъ шамановъ: Радіенъ-Кіедде получилъ отъ своего отца Радіена-Атчіе даръ творить души и духовъ. Всякій разъ, когда онъ сотворитъ душу, онъ посылаетъ ее къ Мадератча, который и отдаетъ ее своей женѣ Мадеракка при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Онъ вскрываетъ свой животъ и съ вскрытымъ животомъ обноситъ душу вокругъ солнца къ Мадеракка, которой и передаетъ ее. Та, получивъ душу, творитъ ей тѣло. Если дитя должно быть мальчикомъ, то Мадеракка посылаетъ его къ своей дочери Уксъ-Акка, называемой также Станке-Эдне, что значитъ повивальная бабка. Если дитя назначено родиться дѣвочкой, то Мадеракка посылаетъ его къ своей другой дочери Саракка, которая и даетъ ребенку видъ дѣвочки. Незаконный ребенокъ побывалъ либо у Уксъ-Акка, либо у Саракка и та, которая первая схватила его, и даетъ ему либо мужской, либо женскій полъ. Когда боги сотворятъ

такимъ образомъ человѣка, они вкладываютъ его въ тѣло земной матери, которой суждено его родить. Стараются боги сдѣлать это такъ, чтобы злыя божества, какъ Фудно, Руту, Пага или Мубленъ-Олмай, не помѣшали имъ. Нѣкоторые чародѣи однако объясняли дѣло другимъ образомъ: они говорили, что Радіенъ-Атчіе и Радіенъ-Кіедде одно лицо—именно Ибмелъ, что значитъ божество вообще. Въ этомъ представленіи нельзя не усмотрѣть болѣе сильнаго вліянія христіанства; но языческій умъ лопаря немедленно-же переходитъ къ старымъ національнымъ своимъ воззрѣніямъ. У Ибмела есть жена Серге-Эдне и этой-то онъ далъ силу творить души, которыя она затѣмъ и препровождаетъ къ Мадеракка, которая въ свою очередь даетъ имъ тѣло. Кромѣ того существовало вѣрованіе, что Радіенъ-Атчіе при посредствѣ-ли Радіена-Кіедде или Серге-Эдне творитъ всѣхъ животныхъ, которыя также проходили черезъ тѣла Мадеракка, Уксъ-Акка и Саракка; эти три богини имѣли власть надъ производительной силой людей и животныхъ. Вслѣдствіе этого имъ часто приносились жертвоприношенія, хотя въ особенномъ почетѣ была лишь Саракка и будто-бы оттого, что имѣть дѣтей дѣвочекъ для лопарей было болѣе выгоднымъ, чѣмъ дѣтей мужскаго пола. Эти свѣдѣнія, записанныя со словъ шамановъ, которые болѣе долго сохранили прежній культъ, были уже въ то время почти неизвѣстны простымъ лопарямъ, въ средѣ которыхъ сохранились лишь одни имена божествъ, безъ ясныхъ представленій о томъ, какую роль играли эти божества [1].

Это послѣднее обстоятельсво подтверждается и свидѣтельствомъ Гегстрема [2]); онъ сообщаетъ, что на вопросъ его, кто создалъ міръ, лопари отвѣчали, что Саракка; объ этой личности, замѣчаетъ онъ, я изъ устъ лопарей не могъ вывести никакого опредѣленнаго представленія. На основаніи сообщеній другихъ лицъ я нашелъ, что лопари считаютъ ее почти naturam naturantem, но все-таки отличной отъ Бога; при рожденіи, ростѣ и здоровьѣ человѣка и другихъ тварей она оказываетъ свое дѣйствіе. Эти слова краснорѣчиво доказываютъ, что уже около половины XVIII столѣтія представленія объ этомъ божествѣ и его дѣятельности окончательно затемнились въ умахъ простыхъ лопарей и жили лишь среди шамановъ, которые, явясь хранителями прежняго культа и жрецами, успѣли однако въ языческую канву вплести христіанскіе узоры. Когда исчезли съ лица лопарской земли жрецы-шаманы, когда не стало болѣе волшебнаго бубна—и представленія объ этихъ трехъ женскихъ божествахъ, Мадеракка, Уксъ-Акка и Саракка исчезли совсѣмъ. Что касается собственно Саракка, то, повидимому, иногда ей приписывали исключительно вліяніе при родахъ. Ей поэтому больше всего приносили жертвъ и при родахъ молились, главнымъ образомъ, ей-же; ее призывали женщины во время родильныхъ мукъ. Около того времени, когда по разсчетамъ лопаря жена его должна была родить, многіе лопари выстраивали для Саракка особую хижину подлѣ той, въ которой жила семья; въ надеждѣ на благополучный исходъ родовъ беременныя женщины пили въ честь Саракка водку, которая и называлась—„водка Саракка". Послѣ рожденія ребенка лопари ѣли въ честь этой-же богини кашу, которая и носила названіе „каша Саракка", и затѣмъ въ честь же Саракка устраивалось торжественное пиршество. На кашѣ, ко-

---

1) Erman Archiv XX, стр. 160-170.
2) Högström: Beschreibung. p. 197-198.

торая устраивалась въ честь богини, гадали о будущемъ родильницы и новорожденнаго дитяти. Въ кашу вставлялись три палочки, одна изъ нихъ расщеплялась и въ расщепъ вставляли три металлическія кольца; вторая изъ вставленныхъ палочекъ была бѣлаго цвѣта, третья—чернаго. Затѣмъ кашу ставили подъ дверь на двое или на трое сутокъ. Если въ этотъ промежутокъ времени случалось, что черная палочка упадала въ кашу это означало, что либо родильница, либо новорожденное дитя должно умереть. Если же исчезала бѣлая палочка, то оба должны были остаться въ живыхъ. Самую кашу рѣшались ѣсть не раньше, какъ послѣ того какъ позволеніе на это было испрошено при посредствѣ бубна [1]). Саракка же охраняетъ дитя отъ недуговъ и дурнаго глаза.

Таковы свѣдѣнія, дошедшія до насъ объ этихъ богиняхъ лопарскаго Олимпа. Даже въ сравнительно испорченномъ видѣ, съ примѣсью христіанскихъ идей, эти свѣдѣнія являются крайне интересными. Повидимому въ болѣе отдаленную эпоху эти богини, и по преимущественно Саракка, считались богинями оплодотворенія, отъ которыхъ исходила и плодотворная сила какъ у людей, такъ и у животныхъ, и изобиліе. Эти, вѣроятно, однѣ изъ наиболѣе важныхъ божествъ лопарскаго пантеона, однако, скоро потеряли свое древнее значеніе; послѣ принятія христіанства память о нихъ сглаживается въ умахъ простыхъ лопарей, а жрецы заставляютъ дѣлить этихъ богинь свою силу съ новыми божествами Радіенъ-Атчіе и Радіенъ-Кіедде. Въ скоромъ времени и послѣднія воспоминанія о нихъ исчезаютъ.

Таковы высшія свѣтлыя божества, которымъ поклонялись лопари. Они всѣ живутъ либо въ надземныхъ сферахъ, либо на землѣ: они всѣ болѣе или менѣе благодѣтельныя божества для лопаря: они охраняютъ его имущество, множатъ его стада, содѣйствуютъ ему въ рыбной ловлѣ и охотѣ. И изъ всѣхъ важныхъ боговъ лишь одинъ, живя на землѣ, является богомъ страшнымъ для простыхъ лопарей. Это покровитель чародѣевъ Сайво-олмакъ; онъ жилъ на вершинахъ горъ; если чародѣю требовались помощь и содѣйствіе Сайво-олмака, онъ отправлялся къ источнику, находившемуся у подножія горы, на вершинѣ который жилъ мрачный богъ, и выпивалъ изъ пригоршни воды изъ источника. Тогда на чародѣя сходила сила, равная силѣ его покровителя [2]). Но если не считать этого бога, всѣ остальныя высшія божества благодѣтельны для лопаря. Мрачныя же, враждебныя и людямъ, и свѣтлымъ богамъ божества живутъ подъ землей.

Эти подземныя божества слѣдующія: Рота или Руота, Фудно, Мубленъ и Цага. Всѣ они злы, всѣ стремятся сдѣлать зло лопарю. Вмѣстѣ съ ними живетъ и злая Ябме-акко въ переводѣ—мать смерти. Она живетъ въ странѣ, которая по ея имени называется Ябме-акко-абимо—страна смерти. Эта страна мертвыхъ, которые провожались туда Сайво-гуелла. Въ Ябме-акко-абимо души умершихъ снабжались новыми тѣлами вмѣсто тѣхъ, которыя оставались тлѣть въ гробахъ; тамъ души добрыхъ людей получали въ высшей степени всѣ удовольствія, весь почетъ, которыми они наслаждались при жизни на землѣ. Глубже чѣмъ Ябме-акко жилъ Рота; это былъ дѣйствительно злой богъ, властитель ада,

---

1) Erman: Archiv. XX. 172

2) Немировичъ-Данченко: Страна холода, стр. 495.

который по его имени и назывался Рото-абимо, страна Рота. Туда прогонялись изъ Ябме-акко-абимо души злыхъ людей, а въ Рота-абимо ихъ ждали мученія. Всѣ болѣзни, которыми были терзаемы какъ люди, такъ и животныя, шли оттуда—причиной ихъ былъ все тотъ-же Рота [1]). Фуднжи Мубленъ, по представленію лопарей нѣкоторыхъ мѣстностей, имѣли также особыя царства, гдѣ мучили грѣшниковъ.

Что касается Пага, то онъ болѣе извѣстенъ подъ названіемъ Пага-ангелъ, что въ переводѣ значитъ злой ангелъ. Вѣроятно этотъ „злой ангелъ", равно какъ и чертъ, Перкель, съ тѣми, по крайней мѣрѣ, чертами, съ какими онъ является у лопарей, былъ занесенъ къ нимъ частью христіанствомъ, частью суевѣріями шведовъ и норвежцевъ.

Что касается Руота, то его праздновали въ вечеръ подъ Рождество; это былъ одинъ изъ самыхъ большихъ праздниковъ у лопарей. Изъ того факта, что праздникъ этого божества былъ пріуроченъ къ тому времени, когда въ Лапландіи царитъ самая глубокая полярная ночь, какъ и изъ того, что онъ живетъ глубоко подъ землей можно заключить, что это мрачное божество стояло въ какихъ нибудь отношеніяхъ къ божествамъ свѣта и тепла. Къ сожалѣнію, въ свѣдѣніяхъ, которыя мы встрѣчаемъ у древнихъ писателей, ничего не говорится объ отношеніяхъ Рота къ Пейве и другимъ свѣтлымъ богамъ, и потому лишь можно догадываться, по аналогіи съ миѳологіями другихъ народностей, что Рота былъ противоположенъ и враждебенъ свѣтлымъ богамъ солнца, свѣта и тепла. Насколько древніе писатели подчасъ мало вникали въ вѣрованія народа, среди котораго они, однако, жили подчасъ по десятилѣтіямъ, видно изъ того предположенія, которое дѣлаетъ Гегстремъ относительно происхожденія поклоненія Роту, котораго въ мѣстностяхъ, ему знакомыхъ, называли также Друетта. Возможно, говоритъ онъ, что Руота былъ одинъ изъ ихъ или нашихъ правителей (Дроттаръ), который сдѣлалъ имъ частью добро, большею же частью зло [2]). И этимъ предположеніемъ вполнѣ довольствуется одинъ изъ наиболѣе серьезныхъ и осторожныхъ авторовъ о лопаряхъ, который сталкиваясь съ ними долго, рѣшилъ писать лишь то, что онъ видѣлъ самъ, узналъ отъ лопарей, или что ему сообщили очевидцы.

Относительно загробнаго міра, какъ мы видѣли, у лопарей существовало представленіе о странѣ, гдѣ души, обновленныя новыми тѣлами блаженствуютъ (Ябме-акко-абимо) и странѣ, гдѣ души злыхъ людей мучаются (Руота-абимо). Это представленіе настолько распространено у всѣхъ народовъ, что нельзя, какъ мнѣ кажется, съ довѣріемъ относиться къ Шефферу, который сообщаетъ, что лопари полагаютъ, что души, какъ людей, такъ и животныхъ погибаютъ одинаковымъ образомъ и что большинство изъ нихъ нельзя убѣдить въ томъ, что послѣ этой жизни наступитъ другая жизнь. Но Шефферъ, повидимому, придаетъ невѣрное толкованіе словамъ того писателя, на котораго онъ ссылается и на основаніи словъ котораго онъ выводитъ свое заключеніе. „Чтобы никто не сомнѣвался въ моихъ словахъ, пишетъ Шефферъ, я привожу подлинныя слова часто названнаго мною писателя (повидимому Самуила Реена): „среди лопарей до сихъ поръ господствуетъ такая грубость, что они не хотятъ признавать воскресенія плоти и соединенія тѣла и души въ день послѣдній, но полагаютъ, что душа у людей и у живот-

[1]) Acerbi. Reise, p. 489, 490.
[2]) P. Högström. Beschreibung, p. 199.

ныхъ однородна“ [1]). Изъ словъ цитируемаго автора нельзя вывести то заключеніе, которое выводитъ изъ нихъ Шефферъ, такъ какъ здѣсь говорится лишь о трудности, съ которой давались лопарямъ христіанскія представленія о страшномъ судѣ и воскресеніи мертвыхъ. О томъ, что лопари отрицали всякую загробную жизнь, у цитируемаго автора нѣтъ ни слова. Вѣрованіе же, что люди и животныя продолжаютъ жить и послѣ смерти, слишкомъ распространено у всѣхъ народовъ, чтобы существованіе его среди лопарей могло насъ удивлять. Я такъ подробно остановился на этихъ словахъ Шеффера лишь въ виду того, что, основываясь на его словахъ, многіе позднѣйшіе авторы утверждали, что у древнихъ лопарей представленій о загробной жизни не было.

Подъ вліяніемъ христіанства должно было измѣниться представленіе лопарей о загробной жизни. Но, какъ видно уже изъ предыдущаго, эти новыя идеи съ трудомъ прививались въ средѣ лопарей. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ лопари, повидимому, старались примирить свои прадѣдовскія вѣрованія съ тѣми, которымъ ихъ учили миссіонеры; результатомъ этого появилось мнѣніе, что души покойниковъ отправлялись сначала въ Ябме-аймо, гдѣ и проживали опредѣленный срокъ. Затѣмъ уже ихъ переселяли въ Радіенъ-аймо, т. е. рай, принадлежащій собственно Богу [2]).

Постепенно, однако, съ развитіемъ христіанства, представленія о загробной жизни стали все больше и больше проникаться христіанствомъ, пока наконецъ христіанскія понятія о раѣ и адѣ не замѣнили собой вполнѣ древнихъ представленій объ Ябме-аймо и Рота-аймо. Въ настоящее время у русскихъ лопарей воспоминаніе объ ихъ древней загробной жизни изгладилось совершенно, и Ябме-аймо замѣнено раемъ, который, по представленіямъ лопарей, находится на верху, на небесахъ у Бога. Рота-аймо сохранилось еще въ воспоминаніи лопарей, хотя подъ названіемъ ада, съ которымъ древній Рота-аймо смѣшался окончательно. Адъ также помѣщается подъ землей, тамъ мучатъ грѣшниковъ; иногда, однако, лопари выдѣляютъ особую подземную страну, куда ѣздятъ ихъ колдуны, какъ и древніе шаманы ихъ ѣздили въ подземную страну.

Эта подземная страна находится глубоко внизу; входъ въ нее иногда черезъ озера, иногда черезъ трещины земли. Въ этой странѣ живутъ старухи-людоѣдки, которыя, однако, по временамъ оказываются милостивыми къ зашедшимъ въ ихъ подземное царство людямъ. Эти старухи, кромѣ того, обладаютъ силой воскрешать умершихъ. Въ подземномъ же царствѣ живутъ и Сталло, о которыхъ мнѣ придется говорить ниже. Жизнь подземныхъ обитателей мало чѣмъ отличается отъ жизни людей на землѣ: у нихъ есть и скотъ; есть олени, и лошади, и собаки. Таково представленіе о подземномъ мірѣ по крайней мѣрѣ среди Пазрѣцкихъ и Печенгскихъ лопарей. Адъ, который, какъ я говорилъ, по представленію лопарей находится также подъ землей, служитъ мѣстопребываніемъ грѣшныхъ душъ. Душа живетъ у людей въ ихъ груди, ближе къ лѣвому боку, недалеко отъ сердца; лопари опредѣлили для души именно это мѣсто въ груди, по словамъ нѣкоторыхъ, по аналогіи съ сосной, у которой сердцевина находится ближе къ югу. Когда человѣкъ умираетъ, душа улетаетъ

[1]) Schefferus: Lapponia, p. 90.
[2]) Erman: Archiv, p 357

изъ тѣла и идетъ къ Богу, у котораго и пребываетъ въ продолженіи трехъ первыхъ дней; по истеченіи этого срока она возвращается на землю и путешествуетъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ бывала прежде. Она должна объѣхать всѣ мѣста, куда она при жизни заглядывала; это путешествіе она совершаетъ на оленѣ, такъ какъ пѣшкомъ ей идти было-бы трудно. Вотъ почему и необходимо позаботиться, чтобы у души былъ въ распоряженіи олень, что прежде дѣлалось закланіемъ оленя на могилѣ покойника, а въ настоящее время продажей оленя при похоронахъ и отдачей вырученныхъ отъ продажи денегъ священнику за отпѣваніе. Чѣмъ скорѣе совершитъ душа это путешествіе, тѣмъ лучше, такъ какъ до окончанія его она не можетъ узнать о своей судьбѣ: грозитъ-ли ей адъ или ожидаетъ ее блаженство въ раю. Обыкновенно, впрочемъ, она совершаетъ свое путешествіе или въ три недѣли или въ три года, смотря по тому много-ли или мало умершій путешествовалъ при жизни. Послѣ произнесенія приговора душа добраго человѣка идетъ къ Богу, грѣшнаго— въ адъ, гдѣ ее и мучатъ частью на огнѣ, частью холодомъ. Случается иногда, что чертъ прогонитъ отъ себя душу грѣшнаго человѣка; скажетъ ей: „ступай, ты мнѣ не нужна"—и тогда душа идетъ снова къ Богу, который, если не проститъ ее самъ, принимается мучить ее на небѣ и затѣмъ все-таки посылаетъ ее въ адъ. Разсказы лопарей о загробной жизни, дающіе намъ болѣе точныя представленія о воззрѣніяхъ лопарей на этотъ счетъ, я помѣщаю въ приложеніи.

Таковы главные боги лопарскаго Олимпа и свѣтлые и темные. За ними шелъ еще цѣлый рядъ божествъ второстепенныхъ, духовъ, населяющихъ землю и воду, живущихъ въ лѣсахъ и на горахъ, повелѣвающихъ вѣтрами и тучами и т. д. Этотъ сонмъ духовъ былъ безчисленъ: духи рѣяли всюду и были, пожалуй, болѣе опасными для лопарей, чѣмъ мрачные боги подземнаго царства.

Эти духи подчасъ повелѣваютъ тѣми же стихійными силами, какъ и высшіе боги и подчасъ узурпируютъ изъ рукъ этихъ послѣднихъ всѣ функціи, такъ что все, что было нужно лопарямъ, все давалось имъ этими духами. Нельзя даже сказать, чтобы эти духи считались лопарями подчиненными высшимъ божествамъ; повидимому, на ряду съ высшими богами, лопарь признавалъ и этихъ низшихъ, самостоятельныхъ однако, духовъ; но признавая ихъ самостоятельными и играющими большую роль въ его судьбѣ, лопарь все-таки считаетъ ихъ второстепенными; и въ то время какъ всѣхъ высшихъ божествъ, какъ свѣтлыхъ такъ и темныхъ, онъ ублажалъ жертвоприношеніями, изъ этихъ низшихъ духовъ онъ выбиралъ лишь нѣкоторыхъ, наиболѣе могущественныхъ, которымъ онъ и приносилъ жертвы. Остальныхъ онъ либо боялся, если они были по его мнѣніи злыми духами, либо ждалъ отъ нихъ добра, если онъ считалъ ихъ добродѣтельными, но не жертвовалъ имъ.

Какъ будетъ видно изъ послѣдующаго въ вѣрованіяхъ въ этотъ сонмъ духовъ отразилось въ значительной степени вліяніе и скандинавовъ и сосѣдей финновъ, у которыхъ, какъ извѣстно, вѣрованія въ большое число духовъ были крайне распростанены, и нѣтъ удивительнаго, что и въ этихъ вѣрованіяхъ сосѣди лопарей дали имъ почувствовать свое вліяніе. Но за заимствованіями нельзя не отличить и національныхъ чертъ лопарей и нельзя отрицать всякую индивидуальность въ этихъ вѣрованіяхъ, какъ однако, это дѣлали нѣкоторые.

Этихъ духовъ безчисленное множество: они повсюду. Масса ихъ населяла лѣса, горы, озера Лапландіи, но отъ нихъ лопари не ждали большихъ выгодъ, не боялись также ихъ и поэтому довольно мало вниманія обращали на нихъ. Остановлюсь поэтому лишь на тѣхъ, которые такъ или иначе принимали болѣе дѣятельное участіе въ жизни лопаря [1]). Изъ этихъ послѣднихъ одинъ изъ наиболѣе главныхъ — это Аккрувва: духъ этотъ живетъ въ морѣ; лицо и половина туловища у Аккрувва человѣческія, нижняя часть его тѣла—рыбья. Этотъ духъ благодѣтеленъ для лопарей. Часто онъ выходитъ изъ морскихъ волнъ на берегъ, полощетъ и причесываетъ свои длинные волосы, поднимается отъ устья рѣкъ вверхъ по ихъ теченію и приводитъ рыбъ изъ моря въ рѣки и, всякій разъ, когда Аккрувва это дѣлаетъ—ловля у лопарей идетъ успѣшно.

Въ водахъ же имѣютъ свое пребываніе Тшадзеравчакъ; это ничто иное, какъ души грѣшныхъ, утонувшихъ въ водахъ, людей; само названіе ихъ происходитъ отъ словъ Тшадзе—вода и равчакъ-покойникъ. Эти духи любятъ музыку и часто играютъ, но ихъ до сихъ поръ никто еще не видалъ. И Аккрувва и „водяные покойники“ носятъ на себѣ черты, сближающія ихъ съ финскими божествами; быть можетъ даже, что представленіе о водяныхъ покойникахъ въ томъ видѣ, какъ они рисуются лопарямъ, занесено къ нимъ отъ финляндскихъ ихъ сосѣдей; на это, между прочимъ, можетъ до извѣстной степени указывать одна черта „водяныхъ покойниковъ“ — это ихъ любовь къ музыкѣ. Водяныя божества у западныхъ финновъ надѣлены той-же любовью къ музыкѣ; это обстоятельство скорѣе могло-бы заставить думать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ примѣромъ тождества представленій двухъ родственныхъ другъ другу народностей, не будь у самихъ лопарей полнаго отсутствія любви къ музыкѣ и даже почти полное отсутствіе музыкальныхъ инструментовъ, кромѣ русской гармоники, которая уже начинаетъ прокладывать себѣ путь и въ ближайшіе отъ Колы лопарскіе погосты. Духовъ, которые любятъ музыку, какъ-то странно встрѣтить среди народа, который ее не знаетъ почти вовсе.

Среди горъ, въ кегорахъ (мѣстностяхъ, покрытыхъ ягелемъ, на которыхъ пасутся олени) и мѣстахъ покрытыхъ травой живутъ Гофиттеракъ—духи богатые, владѣющіе подчасъ стадами оленей, коровами и овцами. Они навѣшиваютъ своимъ стадамъ иногда колокольчики и по звону ихъ лопари узнаютъ о видимомъ и невидимомъ присутствіи ихъ на пастбищахъ, Стадами этихъ духовъ можно овладѣть: для этого нужно имѣть лишь смѣлость приблизиться къ стаду ихъ, смотря лишь вверхъ и отнюдь не обращаясь ни назадъ, ни въ стороны; затѣмъ остается только бросить посреди стада кусокъ желѣза; пасущей свои стада духъ боится желѣза и бѣжитъ, а стадо достается бросившему желѣзо.

Далѣе слѣдуютъ духи-карлики, живущіе подъ землей Тшаккала-гакъ. Любимое ихъ мѣстопребываніе въ горахъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ снѣгъ скорѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, таетъ. Животы этихъ духовъ наполнены серебромъ. Чтобы поймать духа, поступаютъ слѣдующимъ образомъ: на мѣста, освободившіяся отъ снѣга, ставятъ молочную кашу; духи приходятъ, чтобы поѣсть каши, замерзаютъ и лопаются; изъ ихъ животовъ падаютъ серебряныя деньги, которыя перехитрившему духа лопарю остается только соби-

---

[1]) Erman. Archiv, pp. 362 -365.

рать. Эти духи, повидимому, не національно-лопарскіе; вѣроятно они занесены къ лопарямъ отъ скандинавовъ, гдѣ представленія о карликахъ, обладателяхъ и хранителяхъ огромныхъ сокровищъ въ горахъ, были очень распространены. Эти, общія германскимъ племенамъ, вѣрованія въ духовъ-карликовъ, вѣроятно, перешли и къ лопарямъ. Къ сожалѣнію, слишкомъ малое количество данныхъ, которыя дошли до насъ, о вѣрованіяхъ лопарей въ Тшаккалагакъ не даетъ возможности подтвердить это предположеніе, но уже то, что представленія о нихъ были мало распространены среди лопарей, встрѣчались лишь въ нѣкоторыхъ, лежащихъ близь скандинавскихъ, селеніяхъ лопарей, можетъ косвенно доказывать это.

Въ числѣ духовъ, которые служатъ лопарю, одно изъ самыхъ главныхъ мѣстъ слѣдуетъ отвести, для такъ называемыхъ, Сміераккатту. Эти духи тѣмъ отличаются отъ прочихъ, что въ то время, какъ всѣ остальные произошли по независящимъ отъ человѣка обстоятельствамъ, Сміераккатту производятся самими лопарями съ помощью черта. Желающій имѣть въ своемъ распоряженіи такого духа долженъ сдѣлать изъ шелка маленькій мѣшочекъ на подобіе шапки; къ этому мѣшечку онъ привязываетъ палочку и клубокъ нитокъ; затѣмъ онъ долженъ изъ всѣхъ силъ дуть на клубокъ и говорить: милый чертъ, дай ему жизнь, а я даю тебѣ за это половину моей души; Сміераккатту, если таковой появится, даю половину моей жизни. Если чертъ услышитъ мольбы, онъ одухотворяетъ клубокъ, палку, и мѣшечекъ, и Сміераккатту являются либо въ видѣ кошки, либо въ видѣ птицы, либо въ томъ видѣ, въ какомъ пожелаетъ лицо, производящее духа. Сміераккатту предлагаетъ вопросъ лицу, его произведшему и которому онъ долженъ отнынѣ служить, какого имущества онъ желаетъ себѣ, такъ какъ вся дѣятельность этого духа сводится лишь къ доставленію того или иного вида имущества, которое онъ и крадетъ для своего хозяина у другихъ лицъ. По полученіи приказанія Сміераккатту принимается тотчасъ-же за дѣло. Случается, что во время воровства духа поймаютъ и чтобы съ нимъ не дѣлали, тоже дѣлается и съ хозяиномъ; поэтому пойманному Сміераккатту стараются обыкновенно отрубить руку или ногу, чтобы, такимъ образомъ, узнать, у кого служитъ этотъ воровской духъ.

Вѣрованія въ Сміераккатту отзываются также чужимъ вліяніемъ: на это наводитъ и участіе черта въ сотвореніи духа и отдача черту половины своей души; нельзя въ этихъ чертахъ не усмотрѣть вліянія средневѣковыхъ представленій о договорахъ съ чертомъ: даже сама цѣль, для которой творится этотъ духъ—полученіе богатства посредствомъ похищенія у другихъ—является для лопарской фантазіи странной, такъ какъ именно воровство почти не встрѣчается въ средѣ лопарей. Очевидно, что если въ основѣ вѣрованіе въ Сміераккатту и возникло на лопарской почвѣ, то оно затемнилось подъ чужимъ вліяніемъ до неузнаваемости.

Быть можетъ, что Сміераккатту однѣхъ мѣстностей Лапландіи есть никто иной, какъ домашній духъ другихъ лопарей. Что домашніе духи зачастую въ вѣрованіяхъ другихъ народностей рисуются заботящимися о томъ очагѣ, въ которомъ они живутъ,—общеизвѣстно; извѣстно и то, что домашніе духи иногда воруютъ у сосѣдей для обогащенія той семьи, въ которой они живутъ. Быть можетъ, эти черты, свойственныя домашнимъ духамъ, были перенесены на Сміераккатту, занесеннаго изъ чужи, быть можетъ,

что прежде самъ Сміераккатту былъ домашнимъ духомъ и лишь впослѣдствіи обращенъ въ твореніе человѣка при посредствѣ дьявола. По крайней мѣрѣ, внѣшній видъ, который принимаетъ этотъ духъ, видъ кошки или птицы тождественъ съ тѣмъ, который принимаютъ и домашніе духи. Французъ Мартиньеръ [1]), посѣтившій Лапландію въ 40-хъ годахъ XVII вѣка, сообщаетъ даже, что у лопарей на Нордкапѣ встрѣчается обычай держать въ каждомъ домѣ по черной кошкѣ, съ которой они и совѣтуются каждый день. Если вѣрить Мартиньеру, то эта кошка была домашнимъ духомъ семьи, предкомъ, принимавшимъ видъ кошки. Въ такомъ случаѣ можно предположить, что домашній духъ, замѣняемый въ однѣхъ мѣстностяхъ Лапландіи Сміераккатту, былъ замѣняемъ въ другихъ мѣстностяхъ обоготвореніемъ кошки, какъ и тотъ, такъ и другая заботились о богатствѣ и благосостояніи семьи, и предположеніе о происхожденіи перваго отъ домашняго духа нашло-бы себѣ подтвержденіе по аналогіи. Къ сожалѣнію, Мартиньеръ, описывавшій почти исключительно лишь то, что видѣлъ самъ, является, тѣмъ не менѣе, писателемъ далеко не всегда достовѣрнымъ и слишкомъ поверхностнымъ. Вотъ почему свидѣтельству его объ обоготвореніи кошекъ придавать слишкомъ много вѣры опасно.

Слѣдуетъ замѣтить, что вѣрованія въ перечисленныхъ мною выше второстепенныхъ духовъ были записаны въ финляндской Лапландіи, въ приходѣ Утсіоки; этимъ, быть можетъ, и объясняется количество чуждыхъ лопарскимъ божествамъ чертъ, которыми надѣлены выше перечисленные духи. Распространять вѣрованія въ этихъ духовъ на всѣхъ или даже на большую часть лопарей довольно рисковано: вѣроятнѣе даже, что вѣрованіе, именно въ этихъ духовъ было мало распространено, не считая впрочемъ Аккрувва. Дѣло въ томъ, что въ то время какъ большинство писателей, описывая вѣрованія лопарей въ разное время и въ разныхъ мѣстностяхъ, отмѣчаютъ обыкновенно независимо другъ отъ друга сходныя большинству лопарей черты вѣрованій—вѣрованія въ этихъ духовъ отмѣчены лишь для финляндской Лапландіи и не встрѣчаются у другихъ писателей. Быть можетъ непопулярностью этихъ духовъ среди лопарей другихъ мѣстностей объясняется то, что мнѣ, въ бытность мою въ Лапландіи, не удалось найти воспоминаній объ этихъ духахъ среди кольскихъ лопарей. Конечно, быть можетъ, вѣрованія въ нихъ, существовавшія возможно и среди кольскихъ лопарей, въ настоящее время уже исчезли, какъ исчезли и многія другія вѣрованія—но, вѣроятно также, что у кольскихъ лопарей вѣра въ этихъ духовъ никогда и не существовала.

Перехожу теперь къ описанію тѣхъ сверхъестественныхъ существъ, вѣра въ которыхъ была распространена почти во всей скандинавской Лапландіи и нашла себѣ отголоски и въ вѣрованіяхъ современныхъ русскихъ лопарей.

Лопари полагали, что въ однѣхъ мѣстностяхъ жили только добрые духи, въ другихъ—только злые: первыхъ они называли Тшабла-олбмакъ т. е. прекрасные мужи, вторыхъ—Тшаппесъ-олбмакъ, т. е. черные мужи. Въ другихъ мѣстностяхъ жили по ихъ представленіямъ духи, называемые Тшалбметесъ-олбмакъ т. е. мужи, лишенные глазъ. Злые духи насылали, по ихъ мнѣнію, болѣзни на лопарей, въ особенности эпидемическія. Судоресъ-олбмакъ посылали на нихъ кашель, (Судоресъ-олбмакъ въ переводѣ—большіе

[1]) Martinière: Voyage. Paris 1682, p. 151.

мужи); остальныя болѣзни ниспосылались имъ „жестокими мужами"—Гарросъ-олбмакъ. Надъ бурями властвовали Фанносъ-олбмакъ, жившими въ Фанносъ-аймо; они-то гнали на горныя кегоры Кайво—бога вѣтровъ. Если олени на ночь или на полдень запирались въ огороженное мѣсто, чтобы ихъ было удобнѣе доить, и если въ этотъ промежутокъ времени какое-нибудь изъ животныхъ захворало, то это приписывалось Дуннеръ-Мунесъ, подземному духу, женскаго пола, которая приходила доить важенокъ [1]).

Эти духи, въ которыхъ вѣровали лопари большинства мѣстностей Лапландіи, не выдержали натиска христіанскихъ идей и сильно видоизмѣнились, среди кольскихъ лопарей, по крайней мѣрѣ. Имена ихъ, насколько мнѣ удалось узнать, въ настоящее время забыты; лишь вѣрованія, что и болѣзни, и людей, и животныхъ, и бури происходятъ отъ духовъ, пережили въ умахъ кольскихъ лопарей. Все это, однако, приписывается теперь „чертямъ", подъ которыми стали разумѣть не только прежнихъ злыхъ духовъ лопарей, но даже и тѣхъ, которые въ извѣстныхъ случаяхъ могли быть благодѣтельными, въ извѣстныхъ случаяхъ гнѣвными, карающими для лопаря. Поддержанію этихъ вѣрованій, хотя-бы и въ искаженномъ видѣ, много содѣйствовало существованіе у лопарей колдуновъ, стоящихъ въ тѣсныхъ связяхъ съ міромъ духовъ, черезъ посредство которыхъ они могутъ насылать болѣзни и поднимать бури. Въ самомъ переходѣ этихъ духовъ въ простыхъ бѣсовъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ такова, вообще, участь языческихъ божествъ разныхъ народовъ; всѣ они съ принятіемъ христіанства переходятъ изъ ряда боговъ въ низшій разрядъ бѣсовъ, въ которомъ забываются даже ихъ собственныя имена.

Въ разрядъ же бѣсовъ понизились у современныхъ русскихъ лопарей и духи, служившіе нѣкогда лопарскимъ шаманамъ и служащіе нынѣ лопарскимъ колдунамъ. Эти духи, жившіе въ странѣ усопшихъ, принимали обыкновенно видъ животныхъ, птицъ или рыбъ, и у каждаго чародѣя ихъ было три въ его распоряженіи: одинъ въ видѣ птицы (*saivo-lodde*), другой въ видѣ рыбы (*saivo-guelle*) и третій — въ образѣ оленя-самца (*saivo-sarva*). Всѣ эти духи носили названіе „духовъ-чародѣя"—*Noaidde-vuoinga*. Птицы, въ образѣ которыхъ эти духи являлись, были орлы, лебеди, голуби, коршуны или куропатки; однѣ изъ нихъ были бѣлаго цвѣта съ черными полосами, другія совершенно черныя, третьи съ бѣлыми крыльями, черной спиной и сѣрой грудью [2]). Какъ будетъ видно изъ изложенія имѣющихся у меня свѣдѣній о лопарскихъ колдунахъ и у послѣднихъ есть въ распоряженіи духи; но это просто бѣсы, которые, однако, могутъ принимать любой видъ; чаще всего, однако, они являются либо въ видѣ юношей, либо въ видѣ дѣвушекъ, либо, наконецъ, въ видѣ „барышень", т. е. одѣтыхъ такъ, какъ одѣваются колянки.

Далѣе, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Лапландіи вѣрили еще въ Удбоера—духа таинственнаго, мрачнаго. Онъ ночью проводитъ время надъ могилами умершихъ младенцевъ, которымъ при ихъ жизни на землѣ не было дано никакого имени; онъ, сидя надъ могилой такого ребенка, поднимаетъ вой и испуганные лопари, заслышавъ голосъ Удбоера, спѣшатъ скорѣй крикнуть какое-нибудь имя младенцу.

---

[1]) Erman, Archiv. XX, p. 357

[2]) Ibid, p. 174.

Во многихъ мѣстностяхъ Лапландіи, преимущественно, однако, скандинавской, существуетъ вѣрованіе, что если дѣвушка родитъ „въ пустынѣ", какъ выражаются лопари, то, если она даже убьетъ своего ребенка, онъ продолжаетъ вѣчно жить; дитя плачетъ безъ умолку, зоветъ проходящихъ и если проходящему придетъ на умъ спросить у него имя матери, оно называетъ ее. И до тѣхъ поръ плачетъ ребенокъ и зоветъ прохожихъ, пока онъ не откроетъ имя дѣтоубійцы и послѣ этого кто-нибудь изъ проходящихъ не дастъ ему христіанскаго имени. Существуютъ даже разсказы, характеризующіе крѣпость этого вѣрованія среди лопарей, что иногда трупы такихъ заброшенныхъ дѣтей находили съ вырѣзанными языками; матери ихъ, вырѣзывая ихъ языкъ, надѣялись, что этимъ способомъ они помѣшаютъ ребенку сдѣлать на нихъ доносъ въ дѣтоубійствѣ [1]). Насколько распространено это повѣрье и въ другихъ частяхъ Лапландіи мнѣ узнать не удалось.

Наиболѣе цѣльнымъ сохранилось очень распространенное нѣкогда въ скандинавской Лапландіи и нѣкоторыхъ частяхъ русской вѣрованіе въ Сталло, Сталлу или, какъ его теперь называютъ печенгскіе и пазрѣцкіе лопари, Сталло-Сталъ. Г. Фрисъ высказываетъ мнѣніе, что представленіе о Сталло возникло подъ вліяніемъ столкновеній лопарей со скандинавами, что первоначальный Сталло есть ничто иное, какъ самъ скандинавскій сосѣдъ лопаря, закованный въ желѣзныя латы—Stahlmann, „стальной человѣкъ". Принимая эту гипотезу г. Фриса, слѣдуетъ родиной этого вѣрованія въ Сталло считать скандинавскую Лапландію, и, дѣйствительно, повидимому, это такъ; чѣмъ дальше мы отъ скандинавской Лапландіи будемъ отклоняться на востокъ, тѣмъ рѣже и рѣже мы будемъ встрѣчаться съ вѣрованіями въ существованіе Сталло, тѣмъ блѣднѣе о нихъ будутъ разсказы—и наоборотъ. Что подъ Сталло въ отдаленное время разумѣли лопари, именно, своихъ скандинавскихъ сосѣдей подтверждается, между прочимъ, тѣмъ, что и по настоящее время въ разсказахъ печенгскихъ и пазрѣцкихъ лопарей Сталло-Сталъ часто замѣняется именемъ шведа или „швета", какъ говорятъ лопари, и вмѣсто убитаго Сталло-Стала встаетъ въ его-же образѣ шведъ. Шведовъ и до сихъ поръ лопари считаютъ волшебниками и одаренными большой силой, подчасъ сверхъестественной, что и заставляетъ ихъ до извѣстной степени раболѣпствовать передъ ними и даже, подчасъ на незаконныя ихъ требованія отвѣчать послушаніемъ, хотя за глаза лопари даютъ полную свободу своей ненависти и называютъ ихъ собаками и тому подобными нелестными эпитетами. Слѣдуетъ замѣтить, что такое отношеніе лопарей къ „шведамъ" господствуетъ не только среди скандинавскихъ лопарей, но и среди русскихъ, именно Пазрѣцкаго и Печенгскаго погостовъ. Мнѣніе о происхожденіи Сталло отъ представленій о шведахъ и норвежцахъ находитъ себѣ подтвержденіе еще въ томъ обстоятельствѣ, что сами Сталло въ сущности отъ природы смертны: они скорѣе богатыри, чѣмъ духи, и сильный лопарь ихъ убиваетъ. Но возникшее изъ этого источника представленіе о Сталло съ теченіемъ времени сильно измѣнилось, и теперь оно подходитъ подъ опредѣленіе блуждающаго бѣса (Wandelteufel). По представленіямъ древнихъ скандинавскихъ лопарей внѣшность Сталло описывалась не одинаково. Онъ изображался то въ видѣ обыкновеннаго крѣпкаго мужчины-силача и до

---

[1]) Friis: Laila, p. 39, 40.

извѣстной степени чародѣя; по другимъ, это великанъ-людоѣдъ; третьи, наконецъ, если вѣрить извѣстіямъ, придавали ему видъ циклопа. Эти Сталло путешествовали по Лапландіи и всѣхъ встрѣчавшихся имъ лопарей вызывали на единоборство. Вызванный не могъ отказаться; передъ единоборствомъ условливались, сколько разъ для того, чтобы считать себя побѣдителемъ, каждый изъ борящихся долженъ повалить своего противника. Побѣжденный убивался на мѣстѣ. Если Сталло побѣдитъ—онъ хоронитъ убитаго и остается на нѣкоторое время жить на этомъ мѣстѣ. Имъ пользовались обиженные чѣмъ нибудь лопари: когда они не были въ состояніи отомстить сами за себя, они поручали месть Сталло, и тогда Сталло принималъ на себя внѣшность обиженнаго и шелъ на бой съ обидчикомъ. Сталло считался непріятнымъ и опаснымъ сосѣдомъ, такъ какъ онъ часто кралъ дѣтей у родителей и съѣдалъ ихъ; крадетъ онъ себѣ и женъ. Впрочемъ, иногда лопарямъ удавалось и обманывать Сталло [1]).

Таково представленіе древнихъ лопарей о Сталло, какъ скандинавскихъ, такъ и финляндскихъ; что касается представленія современныхъ русскихъ лопарей о Сталло-Сталъ, то оно мало чѣмъ отличается отъ только что приведеннаго.

Сталло-Сталъ живетъ въ подземномъ царствѣ, какъ и обыкновенные люди. Часто онъ похищаетъ себѣ женъ и держитъ ихъ у себя. Дѣти отъ такого брака всегда идутъ въ отца и добра отъ нихъ ждать нечего; Сталло-Сталъ силачъ и любитъ вызывать на единоборство встрѣчающихся ему на пути лопарей; тягаться съ нимъ не легко, такъ какъ онъ очень хитеръ и силенъ. Убить его лучше всего изъ ружья, серебряными пулями; но Сталло-Сталъ, замѣтивъ, что въ него цѣлятся, спѣшитъ вызвать такого на бой, и тотъ уже не можетъ отказаться. Свое приближеніе Сталло-Сталъ не считаетъ нужнымъ скрывать и издали еще слышенъ его свистъ; Сталло-Сталъ, какъ и всѣ лопари, вооруженъ ножемъ, но этотъ ножъ имѣетъ волшебную силу и потому, закалывая Сталло-Стала, побѣдитель долженъ остерегаться убивать его его-же ножемъ, такъ какъ тогда погибель ждетъ побѣдителя; хитрый Сталло-Сталъ, чувствуя себя побѣжденнымъ, однако подчасъ самъ проситъ объ этомъ. За спиной у него часто виситъ мѣшекъ съ деньгами; онъ достается побѣдителю. Людоѣдомъ русскіе лопари, повидимому, его не признаютъ и не вѣрятъ, чтобы онъ убитыхъ имъ употреблялъ въ пищу.

Родственными со Сталло являлись и признаваемые прежде въ нѣкоторыхъ частяхъ Лапландіи духи Іэттеназакъ; они живутъ на скалахъ и отличаются силой и ростомъ; они убиваютъ всякаго, кто рѣшится проникнуть въ ихъ жилища; у нихъ великолѣпные дома, и двери домовъ ихъ такъ велики и тяжелы, что простому смертному ихъ не отворить.

Вѣрили древніе лопари еще и въ духовъ Кобмековъ, назначеніе которыхъ сводилось къ тому, чтобы пугать людей.

Въ сильно развитомъ видѣ встрѣчаемъ мы у древнихъ лопарей и вѣрованія въ домашнихъ духовъ и культъ ихъ; но о нихъ, а также и о жертвоприношеніяхъ имъ я буду говорить подробнѣе, когда коснусь слѣдовъ родоваго устройства у лопарей.

Духи у лопарей не только такіе, говоритъ Гегстремъ, которые управляютъ человѣкомъ во всякомъ положеніи и при всякомъ образѣ жизни, но и такіе, которые управля-

---

[1]) Ermann. Archiv. p. 364.

ютъ временами года и мѣсяцами и т. д. Изъ послѣднихъ отмѣчаетъ онъ одного, котораго лопари помѣстили на февраль и котораго они называютъ Куова-манно; другаго на Рождество, котораго они называютъ Яулла-герра (Iaulla-herra).

Таковы главные духи, въ которыхъ вѣровали и которымъ поклонялись древніе лопари и вѣра въ которыхъ еще не исчезла совсѣмъ и среди современныхъ русскихъ лопарей. Но перечисленные духи далеко не исчерпываютъ всего сонма ихъ, которымъ лопарь населилъ окружающую его природу. Съ вѣрованіями въ нѣкоторыхъ духовъ, господствовавшихъ среди древнихъ лопарей, придется столкнуться при описаніи жертвеннаго ритуала ихъ и нѣкоторыхъ ихъ праздниковъ. При такомъ обиліи разнообразныхъ силъ, которыми окружалъ себя лопарь, является естественнымъ процвѣтаніе у нихъ шаманизма, потому что, какъ правильно замѣчаетъ Кастренъ, „главная идея, (лежащая въ основѣ шаманизма) это та, что въ природѣ существуютъ абсолютныя силы, которыя оказываютъ безусловное вліяніе на человѣка. Вмѣстѣ съ постепенно пріобрѣтеннымъ взглядомъ, что человѣкъ не созданъ непосредственнымъ владыкой природы, является въ немъ и потребность отыскать извѣстныя средства для достиженія своихъ намѣреній“ [1]). Такими лицами и явились впослѣдствіи лопарскіе шаманы, которые, по мнѣнію лопарей, и подчинили себѣ эти абсолютныя силы природы, повелѣвали ими. Но объ этомъ подробнѣе ниже. Теперь-же перейду къ изложенію жертвъ, которыя лопари приносили какъ своимъ высшимъ богамъ, такъ и низшимъ, второстепеннымъ духамъ, отъ которыхъ они ожидали себѣ добра, или которыхъ, какъ духовъ злыхъ, слѣдовало умилостивлять обильными дарами.

Встрѣтивъ такое множество божествъ у лопарей, естественно ожидать развитаго жертвеннаго ритуала—и, дѣйствительно, этотъ ритуалъ былъ развитъ подчасъ до тонкостей. Для удобства изложенія я дѣлю всѣ виды жертвенныхъ ритуаловъ на два класса: жертвоприношенія высшимъ богамъ (передъ идолами и безъ нихъ) и жертвоприношенія божествамъ низшимъ. Начну съ первыхъ.

Идоловъ у лопарей вообще было немного, если не считать сейтовъ, которыхъ къ идоламъ, въ тѣсномъ значеніи этого слова, причислять нельзя, такъ какъ сейты не были изображеніями того или иного божества, а самими божествами. Подробное описаніе идоловъ мы встрѣчаемъ у Шеффера, который засталъ культъ ихъ еще въ полной силѣ.

Обыкновенно лопари ограничивались лишь изображеніемъ двухъ божествъ—Айеке и Сторьюнкаре. Изображеніе перваго всегда было сдѣлано изъ дерева, вслѣдствіе чего и самому идолу лопари придавали имя муора-юбмелъ — деревянный богъ. Для изображенія Айеке употреблялась всегда береза, причемъ туловище дѣлалось изъ ея ствола, а голова, изъ корней. Знакъ, по которому можно было узнать, что данный идолъ изображаетъ бога-грома—это молотокъ въ его правой рукѣ; въ голову ему вбивали желѣзный гвоздь, или кусокъ кремня, которые, по словамъ Шеффера, должны были служить символомъ того, что Айеке выбиваетъ огонь. Повидимому, этотъ аттрибутъ изображенія Айеке истолкованъ Шефферомъ не совсѣмъ правильно; можно скорѣе думать, что изображеніе бога грома съ кускомъ камня и гвоздемъ въ головѣ имѣетъ въ своей основѣ

---

[1]) A. Castren. Vorlesungen über die Finnische Mythologie. p. 4.

занесенное, быть можетъ, къ лопарямъ скандинавское преданіе о Торѣ, у котораго застрялъ каменный осколокъ въ головѣ. Во время битвы съ Гругниромъ, повѣствуетъ Эдда, Торъ съ такой силой бросилъ свой молотъ въ Гругнира, что камень (Schleifstein), который служилъ послѣднему орудіемъ, отъ удара молота разбился на двѣ части: одна часть упала на землю и отъ этого произошли скалы, а другая часть попала Тору въ голову. Камень остался въ головѣ и когда при помощи волшебныхъ пѣсенъ хотѣли извлечь камень изъ головы Тора, то вслѣдствіе неосторожности Тора, (который поспѣшилъ обрадовать Гроу, извлекавшую изъ его головы камень, тѣмъ, что ея мужъ Эрвандилль скоро вернется, благодаря чему Гроа отъ радости забыла свои волшебныя пѣсни), камень остался у него въ головѣ [1]).

Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что это преданіе было занесено и къ лопарямъ, и что часть ихъ представленій объ Айеке сложилась подъ вліяніемъ скандинавской миѳологіи, тѣмъ болѣе, что слѣды такого вліянія на вѣрованія лопарей мы встрѣчали уже не разъ при описаніи ихъ божествъ.

Изображеніе Сторьюнкаре дѣлалось обыкновенно изъ камня, вслѣдствіе чего лопари называли такой идолъ просто Кіедъ юбмелъ, что значитъ каменный богъ. Одни писатели говорятъ, что этотъ идолъ имѣлъ видъ птицы (Олафъ Петръ Кіуреній), другіе (Самуилъ Реенъ) сообщаютъ, что ему придаютъ иногда видъ человѣка, иногда какого-нибудь животнаго. Отъ идола, изображающаго Сторьюнкаре, слѣдуетъ, однако, отличать сейдовъ, которые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Лапландіи также назывались Сторьюнкаре. Иногда идолъ Сторьюнкаре стоялъ не одинъ: около него группировались другія каменныя изображенія, изъ которыхъ одному придавали значеніе супруги этого божества, другимъ — его сына и прочихъ дѣтей, третьимъ — его слугъ и служанокъ. То обстоятельство, что изображеніе Сторьюнкаре всегда дѣлалось изъ камня, что внѣшній видъ идола не былъ строго опредѣленъ, что, наконецъ, его часто изображали окруженнымъ своей семьей — служитъ также лишнимъ доказательствомъ въ пользу высказаннаго мною выше предположенія, что культъ Сторьюнкаре произошелъ вслѣдствіе развитія культа сейдовъ.

Иногда лопари вмѣсто изображенія Айеке или Сторьюнкаре ограничивались постановкой на опредѣленныхъ мѣстахъ оленьихъ роговъ.

Что касается изображеній солнца, то таковыя у лопарей не были извѣстны; на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ приносились ему жертвы не было поставлено даже роговъ, такъ какъ въ жертву солнцу приносились лишь молодыя животныя, которыя роговъ еще не имѣли. Мѣсто, гдѣ совершалось жертвоприношеніе Пейве, просто обкладывали костями закланныхъ ему животныхъ въ формѣ круга и этимъ символомъ лопари вполнѣ довольствовались [2]).

Шефферъ [3]) упоминаетъ еще объ одномъ идолѣ, встрѣчавшемся у лопарей по Торнео, это Виру-Акка. Черезъ семьдесятъ лѣтъ послѣ Шеффера Гегстремъ записываетъ

---

1) K. Simrock: Die Edda., pp. 302, 303.
2) Schefferus. Lapponia, pp. 104—107; 117.
3) Ibid p. 93.

среди лопарей преданіе, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Лапландіи встрѣчался поставленный на горѣ деревянный идолъ Виросъ-Акка—повелительницы лѣсовъ [1]).

Капища, въ которыхъ покланялись Айеке, Шефферъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: за вѣжой лопаря, чтущаго это божество, на разстояніи брошенной стрѣлы находится капище. Тамъ изъ досокъ дѣлаютъ подобіе стола на четырехъ ногахъ; на этотъ столъ и помѣщаютъ священныя изображенія; жертвенникомъ служитъ этотъ же столъ. Вокругъ него идетъ кругъ изъ вставленныхъ въ землю вѣтвей березъ и сосны. Дорогу, которая ведетъ отъ вѣжи къ капищу устилаютъ вѣтвями и листьями или иглами тѣхъ-же деревьевъ. Ежегодно эти вѣтви перемѣняются у нѣкоторыхъ идоловъ.

Если капище Айеке находилось вблизи жилища лопаря, то для жертвоприношеній Сторьюнкаре выбиралось мѣсто, лежащее далеко отъ селеній. Для помѣщенія его изображенія выбирались горы, скалы, берега рѣкъ или болота; кромѣ того идола Сторьюнкаре ставили вообще всюду, гдѣ богъ являлся лопарямъ во время охоты или рыбной ловли. Каждый лопарскій родъ или каждая семья имѣла свое отдѣльное мѣсто, гдѣ она и приносила жертвы Сторьюнкаре независимо отъ прочихъ семействъ или родовъ. Мѣсто, на которомъ стоялъ идолъ Сторьюнкаре, обыкновенно окружалось чѣмъ-нибудь и мѣстность за оградой считалась священной.

Женщины къ капищамъ даже за священную ограду вообще не допускались [2]).

Таковы идолы главныхъ божествъ лопарей; существовали идолы и нѣкоторыхъ другихъ божествъ, но вообще, повидимому, обычай ставить изображенія высшимъ божествамъ не былъ особенно распространенъ среди лопарей.

Въ XVIII вѣкѣ они еще встрѣчаются, и Гегстремъ сообщаетъ, что ихъ у лопарей множество (Гегстремъ къ идоламъ причисляетъ и сейдовъ). Но изображеній Айеке онъ не нашелъ; онъ же сообщаетъ, что у лопарей знакомыхъ ему мѣстностей не было въ обычаѣ ставить идоловъ Ибмелу и Сарракка. Идолъ Сторьюнкаре встрѣчался еще; по крайней мѣрѣ, Гегстремъ сообщаетъ, что одному идолу, отнятому у одного изъ лопарей въ 1738 г., придавалось названіе Сторьюнкаре. Впрочемъ было-ли это, дѣйствительно, изображеніе этого бога или лишь простой фетишъ, которому давалось это названіе, изъ его словъ вывести нельзя. Описывая видѣнные имъ идолы и капища, Гегстремъ ничѣмъ почти не отличается отъ описанія Шеффера.

Христіанство, впрочемъ, наложило свой отпечатокъ на представленія лопарей о своихъ идолахъ: оставаясь вѣрными ихъ поклонниками съ одной стороны и считаясь съ другой стороны христіанами, они старались освятить свои древнія божества, и большинство находимыхъ Гегстремомъ идоловъ, обмазанныхъ жертвенной кровью, носили на себѣ изображеніе креста [3]).

Не смотря однако на это стремленіе примирить свои древнія языческія представленія съ христіанствомъ, лопари все-таки сравнительно скоро позабыли своихъ идоловъ, чему до извѣстной степени могло содѣйствовать и то, что за сохраненіе идоловъ лопари

---

1) Högström. Beschreibung, p. 201.
2) Schefferus. Lapponia, pp. 99—103.
3) Högström. Beschreibung. pp. 198—201.

скандинавскіе строго преслѣдовались. Сохраняя многія языческія вѣрованія, соблюдая еще долго свои обряды, они тѣмъ не менѣе сравнительно быстро перестали быть идолопоклонниками, въ тѣсномъ значеніи этого слова; этотъ фактъ доказываетъ, что идолы не были въ большомъ распространеніи среди лопарей, такъ какъ, забывъ о нихъ, лопари долго еще поклонялись своимъ каменнымъ сейдамъ.

Какъ богамъ, изображенія которыхъ лопари дѣлали, такъ и тѣмъ высшимъ богамъ и богинямъ, изображенія которыхъ не дѣлались, лопари приносили частыя жертвы, причемъ ритуалъ измѣнялся, смотря по тому, какому божеству жертва приносилась. Но при всемъ разнообразіи ритуаловъ въ частностяхъ можно выдѣлить и общія имъ всѣмъ черты.

Въ жертву приносились обыкновенно сѣверные олени, какъ почти единственный скотъ лопаря; кромѣ того жертвенными животными служили иногда кошки, собаки, овцы и курицы. Если у лопарей этихъ животныхъ не оказывалось, то они покупали ихъ въ Норвегіи и затѣмъ приносили ихъ въ жертву. Большинство жертвоприношеній приходилось на осень [1]). При приготовленіяхъ къ жертвоприношеніямъ женщины присутствовали. При самомъ же приношеніи жертвы онѣ не имѣли права присутствовать и принимать участіе въ жертвенномъ пирѣ, кромѣ нѣкоторыхъ случаевъ. Обязанность совершать, какъ подготовленія для жертвы, такъ и само жертвоприношеніе лежало въ то время, отъ котораго до насъ дошли извѣстія, почти исключительно на такъ называемыхъ ноайдахъ, нойдахъ, которые являлись, какъ жрецами, такъ и шаманами и колдунами. Они владѣли особымъ искусствомъ умерщвлять жертвенное животное и разлагать мясо на извѣстныя части, сообразно тому, какому изъ божествъ жертва предназначается [2]). Имъ же принадлежало право указывать, какому божеству и какое животное слѣдуетъ принести въ жертву, что нойда и узнавалъ при посредствѣ своего бубна.

Но если въ большинствѣ случаевъ обязанность приносить жертву и даже выборъ жертвеннаго животнаго принадлежали нойдѣ, то были все-таки случаи, когда семья приносила жертвы и одна. Мало того, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда лопари не знали какое божество требуетъ себѣ жертвы, или какое животное слѣдуетъ принести такому-то божеству, они иногда умѣли, въ нѣкоторыхъ частяхъ Лапландіи, по крайней мѣрѣ, обходиться и безъ помощи нойдовъ. Дѣло въ томъ, что еще въ концѣ XVII вѣка бубенъ не составлялъ исключительной собственности нойдовъ: его имѣлъ почти каждый лопарскій домохозяинъ и въ то время не было нужды прибѣгать къ посредству шамана, такъ какъ всѣ вопросы, которые могли волновать лопаря при принесеніи жертвъ, онъ могъ самъ разрѣшать при посредствѣ своего волшебнаго бубна.

Когда лопари не знали какому богу принести жертву, они поступали слѣдующимъ образомъ. Взявши бубенъ, на которомъ были изображены символически лопарскіе боги и разныя животныя и положивъ на него особое кольцо, одинъ изъ нихъ начиналъ ударять въ бубенъ, пока отъ сотрясенія кольцо не начинало двигаться. Сначала жертву предлагали Сторьюнкаре, гдѣ таковой чтился; всѣ окружающіе какъ мужчины, такъ и

---

1) Schefferus. Lapponia. p. 110
2) Acerbi. Reise. стр. 492, 493.

женщины громко пѣли въ это время слѣдующія слова: „что ты скажешь, нашъ великій, святой богъ? принимаешь-ли ты жертву, которую я назначилъ для принесенія тебѣ“? Во время этого пѣнія они прибавляли и названіе мѣстности, гдѣ должно было произойти жертвоприношеніе. Если Сторьюнкаре желаетъ жертвы, то кольцо должно остановиться на томъ мѣстѣ бубна, гдѣ находится символическое изображеніе этого божества. Если же кольцо не остановится, то это было вѣрнымъ признакомъ, что божество жертвы не желаетъ; тогда такимъ же образовъ предлагали жертву Айеке со словами: не ты ли отецъ нашъ, богъ, желаешь мою жертву? и если кольцо остановится передъ изображеніемъ этого божества—жертва назначалась ему и т. д. [1]). Въ случаяхъ, когда требовалось узнать какое животное слѣдуетъ принести божеству, поступали такимъ же образомъ, съ той только разницей, что кольцо должно было остановиться передъ изображеніемъ того животнаго, которое божество хочетъ. Для рѣшенія этихъ вопросовъ въ мѣстностяхъ, гдѣ жертвенныя обязанности лежали на нойдахъ, этотъ послѣдній поступалъ такимъ же образомъ.

Нойда приготовлялся къ жертвоприношенію постомъ и омовеніемъ: когда наступалъ день, назначенный для жертвоприношенія, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ лицомъ, которое давало жертвенное животное и съ лицами, приглашенными на жертвенный пиръ, отправлялся къ мѣсту, предназначенному для приношенія жертвы. Нойда въ такихъ случаяхъ являлся одѣтымъ въ лучшія одежды; на правой рукѣ у него были надѣты латунныя кольца, цѣпи и поясъ, которымъ онъ перевязывалъ себя черезъ лѣвое плечо; въ случаяхъ, когда жертвоприношеніе должно было быть назначено женскому божеству, онъ къ обыкновенному своему полотняному платью надѣвалъ еще такую-же шапку. Таковъ былъ костюмъ нойды въ финляндской Лапландіи. Какъ одѣвался въ такихъ случаяхъ жрецъ въ другихъ частяхъ Лапландіи подробно неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ существуютъ извѣстія, по которымъ нойды для принесенія жертвы являлись въ особой одеждѣ [2]). Придя на мѣсто, онъ тотчасъ-же приступалъ къ жертвоприношенію.

Одинъ типъ жертвоприношеній былъ слѣдующій: зарѣзавъ животное, нойда снималъ съ него шкуру и вынималъ затѣмъ внутренности. Тѣло животнаго рѣзалось имъ на куски и клалось въ жертвенный котелъ. По прошествіи получаса, когда мясо начинало уже свариваться, вынимали часть жертвеннаго мяса, которую потомъ погребали въ землю; остальнымъ кускамъ давали время свариться какъ слѣдуетъ. Послѣ этого нойда, а за нимъ и всѣ остальные присутствующіе, становились на колѣни и начинали громко просить божество, чтобы оно приняло жертву и дало хорошій исходъ дѣлу, изъ-за котораго жертва приносилась; послѣ этого нойда бралъ мясо и говорилъ: это пища такого-то бога. Остальные повторяли тоже. Затѣмъ они снова молились и послѣ этого съѣдали переднюю часть жертвеннаго животнаго. Послѣ трапезы нойда приготавливалъ мясной отваръ и по приготовленіи его произносилъ: это мясной отваръ такого-то бога; присутствовавшіе повторяли эти слова и затѣмъ пили этотъ отваръ. Этимъ жертвоприношеніе въ сущности и кончалось. Но лопари пили еще при этомъ водку въ честь другихъ боговъ; за неимѣ-

---

[1]) Schefferus. Lapponia, p. 109.
[2]) Acerbi. Reise, p. 499.

ніемъ водки пили и простую воду. Затѣмъ уже они приносили жертву истинному Богу, причемъ отдѣльно каждой ипостаси Св. Троицы, такъ какъ они считали каждую изъ нихъ за отдѣльное божество. Кости жертвеннаго животнаго погребались; по представленію лопарей изъ этихъ костей божество творило вновь оленя, котораго и брало себѣ. Вотъ почему и было необходимо, чтобы по возможности всѣ кости были цѣлыми и существуютъ разсказы, по которымъ если случайно забѣжавшая къ мѣсту принесенія жертвы собака съѣстъ или утащитъ кость, то собаку немедленно-же убивали и вырѣзали у ней кость, соотвѣтствующую той, которую она утащила, и прикладывали ее къ костямъ жертвеннаго животнаго.

Другой жертвенный ритуалъ въ главномъ мало чѣмъ отличается отъ только что описаннаго. Этотъ второй видъ жертвеннаго ритуала употреблялся лишь въ случаяхъ, когда жертва совершалась въ мѣстности, гдѣ идола не было.

Нойда, зарѣзавъ жертвеннаго животнаго и разрубивъ мясо его на мелкіе куски, отдѣлялъ отъ него глаза, уши, хвостъ, сердце и печень, также по маленькому куску мяса отъ каждой части тѣла животнаго и, если жертвенное животное было самецъ, то отъ его дѣтородныхъ частей. Затѣмъ варили жертвенное мясо и присутствовавшіе его съѣдали; всѣ кости послѣ этого собирались и складывались вмѣстѣ съ отдѣленными нойдой частями тѣла животнаго въ надлежащемъ порядкѣ и все это клалось въ гробообразный ящикъ, сдѣланный изъ березовой коры; ящикъ обматывали и окропляли жертвенной кровью; этотъ ящикъ, носившій названіе Даменъ-Карре, торжественно зарывался въ землю. Если жертвоприношеніе назначалось для Айеке, то клали на ящикъ еще молотокъ—орудіе этого бога. Послѣ этого изготовляли изъ бересты грубый идолъ божества $1^1/_2$—2 локтя вышины и въ локоть ширины, который и ставили на землю надъ погребеннымъ ящикомъ и называли такой идолъ Верро-Муорра съ прибавленіемъ имени того божества, которому жертва была предназначена. Дѣлалось-же это для того, чтобы данное божество знало, какая жертва ему принадлежитъ и чтобы другое божество не присвоило себѣ ящика. Идола мазали сверхъ того жертвенною кровью и ставили на немъ нѣсколько крестовъ, въ особенности на груди, и жиромъ обозначали ему глаза. Съ каждой стороны идола вставляли въ землю по вѣткѣ березы и связывали ихъ надъ головой идола; эти вѣтки также обмазывали жертвенной кровью и вѣшали на нихъ всевозможныя украшенія. При жертвоприношеніяхъ всѣмъ божествамъ этотъ идолъ вставлялся въ землю такъ, чтобы корень дерева, изъ котораго его дѣлали, приходился на верху; при жертвоприношеніяхъ-же высшему божеству Радіенъ-атчіе идолъ закапывали въ землю внизъ головой [1]).

Таковъ жертвенный ритуалъ въ общихъ чертахъ для нѣкоторыхъ мѣстностей Лапландіи; въ другихъ мѣстностяхъ для каждаго божества онъ видоизмѣнялся въ частностяхъ и къ описанію этихъ частностей я теперь и перейду.

Лопарями нѣкоторыхъ частей Лапландіи жертвы Айеке приносились при слѣдующихъ обстоятельствахъ: каждый годъ, осенью, приблизительно въ концѣ октября, дѣлалось новое изображеніе бога, которое и ставилось въ капищѣ на мѣсто стараго идола. Передъ этимъ изображеніемъ они убивали оленя-самца, вынимали тщательно всѣ кости

---

[1]) Erman. Archiv. XX pp. 349—252.

и затѣмъ кровью и жиромъ обмазывали всего идола; послѣ этого и мясо и кости они зарывали въ землю.

Въ иныхъ мѣстностяхъ жертвенный ритуалъ въ честь Айеке нѣсколько измѣнялся: послѣ того какъ жертвенное животное было выбрано при посредствѣ бубна, его ловили и привязывали къ вѣжѣ; и тутъ всегда жертвой для Айеке служилъ олень-самецъ. Послѣ этого ударомъ ножа въ сердце убивали оленя; кровь изъ сердца собирали въ сосудъ, чтобы ею окропить идола, который и дѣлался всякій разъ раньше передъ жертвоприношеніемъ. Затѣмъ, поставивъ идола на столъ, приближались къ нему съ большимъ почтеніемъ и возливали на голову и на спину идола кровь; на груди той-же кровью дѣлали кресты. Около идола ставили и рога, и черепныя, и ножныя кости закланныхъ оленей. Передъ идоломъ обыкновенно ставилась чашечка изъ бересты, въ которую клали кусочки отъ каждой изъ частей тѣла жертвеннаго животнаго; въ чашку вливали и жиръ жертвы [1]). Остальное мясо шло на трапезу присутствовавшимъ; иногда, однако, при жертвоприношеніяхъ съѣдалась присутствующими лишь передняя часть тѣла животнаго, остальное передавалось жертвователю [2]). Иногда и все мясо употреблялось лопарями для домашнихъ потребностей.

Такъ какъ жертвоприношенія совершались изъ года въ годъ на одномъ и томъ-же мѣстѣ, а рога всѣхъ закланныхъ оленей оставлялись въ капищѣ, то естественно, что изъ роговъ образовалась большая куча; къ рогамъ, однако, никто не смѣлъ прикасаться, считая ихъ собственностью Айеке; къ этой кучѣ роговъ привѣшивали вѣнокъ изъ березовыхъ вѣтвей и къ нему кусочекъ жертвеннаго мяса.

Что касается жертвоприношеній Сторьюнкаре, то и ему закалали всегда оленя-самца. Самъ-же жертвенный ритуалъ Шефферъ описываетъ слѣдующимъ образомъ со словъ Самуила Реена [3]): черезъ правое ухо животнаго проводятъ нитку краснаго цвѣта, привязываютъ животное къ вѣжѣ и убиваютъ. Затѣмъ приноситель жертвы отдѣляетъ рога, голову и шею, также ноги съ копытами жертвеннаго животнаго и относитъ это къ мѣсту, гдѣ стоитъ идолъ Сторьюнкаре: капище этого божества, какъ извѣстно, находилось въ довольно далекомъ разстояніи отъ жилья лопаря. Придя туда, лопарь снимаетъ съ головы шапку, кланяется идолу въ поясъ, затѣмъ становится на колѣни и выказываетъ цѣлымъ рядомъ дѣйствій свое уваженіе къ идолу. Послѣ этого онъ обмазываетъ идола жертвенной кровью и жиромъ и ставитъ за спину идола рога закланнаго животнаго. По словамъ другихъ къ правому рогу привязываютъ дѣтородныя части оленя, къ лѣвому красную нить съ серебромъ.

Другой способъ жертвеннаго ритула этому же божеству слѣдующій: приводятъ къ капищу живыхъ оленей, тамъ ихъ закалываютъ и устраиваютъ пиршество, къ которому приглашаютъ родныхъ и знакомыхъ; все мясо жертвеннаго животнаго съѣдается, иногда, однако, лишь часть мяса; это жертвенное мясо, главнымъ же образомъ голова и шея, называется пища Сторьюнкаре, а само пиршество—пиршествомъ Сторьюнкаре. Шкуру закланной жертвы оставляютъ на мѣстѣ, какъ собственность божества.

---

[1]) Schefferus. Lapponia., p. 111, 112
[2]) Erman. Archiv. 350.
[3]) Schefferus. Lapponia, p. 112, 115.

И Сторьюнкаре жертвы приносили въ осеннее время, и около идоловъ, тогда постилали сосновыя вѣтви; въ лѣтнее время капище украшалось вѣтвями березы и свѣжей травой.

Такъ какъ идолы Сторьюнкаре находились иногда на вершинахъ горъ, взойти на которыя было очень затруднительно, то у лопарей выработался и особый ритуалъ для принесенія жертвъ въ такихъ непристуиныхъ мѣстахъ. Это именно жертвоприношеніе символическое: заклавъ жертву и обмакнувъ камень въ жертвенную кровь, они кидали его на гору, стараясь попасть на вершину, либо, что встрѣчалось чаще, просто кидали камень вверхъ, выражая этимъ то, что закланное животное назначается жертвой для Сторьюнкаре, который съ вершины горы и видитъ приношеніе.

Слѣдуетъ замѣтить, что Шефферъ, встрѣтивъ въ однѣхъ мѣстностяхъ поклоненіе Сторьюнкаре, какъ отдѣльному божеству, въ другихъ мѣстностяхъ — какъ сейдамъ, описываетъ жертвенный ритуалъ Сторьюнкаре, не отдѣляя культъ этого божества отъ культа священныхъ камней и, повидимому, два послѣднихъ, приведенныхъ мною ритуала, относятся скорѣе къ почитанію Сторьюнкаре, какъ сейдовъ, чѣмъ Сторьюнкаре, какъ отдѣльному божеству. Но я счелъ возможнымъ помѣстить эти ритуалы здѣсь, такъ какъ уже тотъ фактъ, что Шефферъ, вообще очень внимательно относившійся къ авторамъ, сочиненіями которыхъ онъ пользовался, излагаетъ эти ритуалы въ связи съ культомъ Сторьюнкаре, какъ божества отдѣльнаго, служитъ доказательствомъ, что ритуалъ жертвоприношеній Сторьюнкаре, въ какомъ-бы значеніи его не понимали лопари данной мѣстности, былъ почти одинаковъ.

Гегстремъ [1]), описывая жертвоприношенія у лопарей, почти не отличается отъ Шеффера; онъ, однако, говоритъ о значеніи бубна лишь вскользь, въ то время, какъ Шефферъ придаетъ послѣднему большую роль при жертвоприношеніяхъ. Это, впрочемъ, можетъ объясняться тѣмъ, что во времена Гегстрема бубенъ начиналъ уже выходить изъ употребленія. Далѣе Гегстремъ ничего не слыхалъ о нитяхъ, которыя проводятся черезъ ухо жертвеннаго животнаго.

Въ жертву солнцу приносились всегда животныя лишь бѣлаго цвѣта. По Шефферу [2]) требовалось, чтобы закланное въ честь Пейве животное было непремѣнно самка и притомъ не взрослая важенка, а еще совершенно молодая. Въ финляндской Лапландіи, напротивъ того, солнцу приносились въ жертву олени-самцы [3]). Эта разница въ полѣ жертвеннаго солнцу животнаго, быть можетъ, объясняется различіемъ представленій о полѣ самого свѣтила; въ то время, какъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Лапландіи, въ томъ числѣ и среди современныхъ русскихъ лопарей, солнце представлялось воображенію лопаря мужчиной, въ другихъ оно могло являться въ ихъ вѣрованіяхъ женщиной: какъ извѣстно среди самого финскаго племени единогласія по этому поводу мы не находимъ: въ то время, какъ нѣкоторые западные финны считаютъ солнце женщиной, нѣкоторые восточные, напримѣръ, вотяки видятъ въ немъ мужчину. Эта двойственность могла, естественно,

[1]) Högström. Beschreibung, p. 210—212.
[2]) Schefferus. Lapponia, p. 116.
[3]) Erman. Archiv, pp. 350, 351.

отразиться и въ представленіяхъ лопарей, вѣрованія которыхъ, какъ можно было замѣтить изъ сказаннаго выше, не всегда были одинаковы для всѣхъ мѣстностей Лапландіи.

Жертвенный ритуалъ солнцу отличался отъ общаго лишь тѣмъ, что по Шефферу, въ ухо жертвеннаго животнаго проводили бѣлую нитку и что вѣнокъ на капищѣ дѣлали не изъ березовыхъ, а изъ ивовыхъ вѣтвей, на которыя вѣшали куски мяса. Въ финляндской Лапландіи при приношеніи жертвы посредствомъ закапыванія и дѣланія изображенія божества, къ изображенію солнца ставили прялку, что должно было символически означать „бѣгъ солнца и его лучи“.

Справедливѣе, однако, думать, что прялка является символомъ самого солнца и его необходимой принадлежностью. Какъ таковая прялка является у многихъ народовъ какъ не финскихъ, напримѣръ Германцевъ и Славянъ, такъ и финскихъ, у которыхъ встрѣчается солнечная дѣвица, сидящая за прялкой; солнце называется также божьей прялкой. Арвидвонъ въ своей Svenska fornsagor цитируетъ слова пѣсни: „Госпожа солнце (Frau Sonne) сидѣла на камнѣ и пряла на золотой прялкѣ“ [1].

Встрѣчая у многихъ народовъ прялку, какъ символъ солнца, нѣтъ удивительнаго, что этотъ же символъ могъ встрѣтиться и у лопарей нѣкоторыхъ мѣстностей. Но тогда какже примирить слѣдующее противорѣчіе: божествамъ мужскимъ приносятся въ жертву самцы, божествамъ женскимъ—самки; въ финляндской Лапландіи приносятъ солнцу въ жертву оленя-самца, слѣдовательно, считаютъ солнце мужчиной, и символъ ему въ этойже мѣстности служитъ прялка, символъ женскаго божества. А то толкованіе, что прялка должна была являться символомъ бога солнца и его лучей, кажется нѣсколько натянутымъ, такъ какъ въ прялкѣ очень мало похожаго на лучи солнца, а въ пряньѣ мало общаго съ ходомъ солнца. Къ тому же лопари долгое время прясть не умѣли и обыкновенно довольствовались одеждами изъ оленьей шкуры, а если и надѣвали одежды изъ какой нибудь ткани, то покупали ткань, какъ они покупаютъ ее и до сихъ поръ у своихъ скандинавскихъ и русскихъ сосѣдей. Это послѣднее обстоятельство еще болѣе заставляетъ думать, что употребленіе прялки при жертвоприношеніяхъ солнцу является обычаемъ заноснымъ, воспринятымъ отъ финляндскихъ сосѣдей лопарей, въ землѣ которыхъ и находились тѣ лопарскія селеніе, среди которыхъ этотъ обычай былъ записанъ. Вмѣстѣ съ прялкой, съ которой лопари могли познакомиться отъ финляндцевъ, они могли воспринять и представленіе о солнцѣ, какъ о прядущей женщинѣ, представленіе, которое, какъ я сказалъ, существовало у западныхъ финновъ и такимъ образомъ, принося жертву солнцу, какъ мужскому божеству, лопари придали ему символъ божества женскаго. Но которое изъ двухъ представленій о солнцѣ преобладало въ финляндской Лапландіи—рѣшить трудно.

Другой видъ жертвы солнцу—это приношеніе, такъ называемое, Юбце; эта жертва безкровна: она состояла изъ каши. Каждый годъ, вечеромъ передъ Ивановымъ днемъ, эта каша варилась, и лопари и лопарки, прежде чѣмъ приступить къ ѣдѣ, съ колѣнопреклоненіемъ просили солнце ниспослать тепло и свѣтъ на ихъ оленей и на все чѣмъ питались и жили лопари. Съѣвъ затѣмъ кашу, они снова съ колѣнопреклоненіемъ обращались съ той-же молитвой къ солнцу.

---

[1]) Ibid.

Что касается столь почитаемой лопарями богини Саракка, то жертвоприношенія ей дѣлались обыкновенно во время родовъ, или послѣ рожденія ребенка. О такомъ жертвоприношеніи я уже говорилъ выше, когда касался вѣрованій лопарей въ эту богиню; та каша, которую варили послѣ рожденія ребенка и которую ставили подъ дверь, есть ничто иное, какъ безкровная жертва богинѣ. Но кромѣ такой жертвы существовали и другія: ей приносили въ жертву и животныхъ, именно, молодыхъ оленьихъ самокъ, сукъ и курицъ [1]). Ацерби, который даетъ намъ, наравнѣ съ другими, свѣдѣнія о жертвоприношеніяхъ у алтарей, сообщаетъ, что въ скоромъ времени послѣ появленія ребенка на свѣтъ, приносилась въ жертву овца или олень-телка; въ моментъ же рожденія дитяти, въ честь божества сжигали живую собаку; когда ребенокъ въ первый разъ принималъ грудь, то также въ честь божества приносили въ жертву еще какое нибудь животное [2]). Къ сожалѣнію, Ацерби не говоритъ, какому, именно, божеству эти жертвы назначались, но зная, въ кого вѣровали лопари, какъ вспомогательницу при родахъ, кому они молились при этомъ, едва-ли можно сомнѣваться, что эти жертвы назначались для Саракка.

Жертвоприношенія въ честь Саракка отличались отъ прочихъ тѣмъ, что при нихъ присутствовали исключительно женщины и что мясо закланныхъ животныхъ могли ѣсть лишь онѣ; слѣдуетъ, кстати, замѣтить, что въ финляндской Лапландіи съѣдалась принесенная въ честь богини собака, причемъ также лишь однѣми женщинами, безъ участія въ пиршествѣ мужчинъ. [3]).

Женщины, считающіяся еще среди современныхъ русскихъ лопарей существами нечистыми, которыя своимъ присутствіемъ, даже подчасъ своимъ взглядомъ, могутъ осквернить святыню, не допускались къ присутствію при жертвоприношеніи и къ участію въ жертвенномъ пиршествѣ; исключеніе дѣлалось лишь при жертвоприношеніяхъ нѣсколькимъ женскимъ божествамъ, въ томъ числѣ и при жертвахъ въ честь Саракка. Но это только по отношенію къ божествамъ національнымъ, искони лопарскимъ. Когда началось введеніе въ лопарскій пантеонъ новыхъ божествъ, то это правило стало нарушаться и женщины становились такими-же участницами въ жертвоприношеніяхъ этимъ новымъ божествамъ, какъ и мужчины. Такъ, онѣ присутствовали и при жертвоприношеніи и въ жертвенномъ пирѣ въ честь Радіенъ-Атчіе, Радіенъ-Кіедде, въ честь „святыхъ мужей“ —Айлекесъ-Олбмакъ—и въ честь Св. Дѣвы Маріи. Неудивительно, что лопари, принявъ христіанство лишь формально, смотрѣли на обѣ ипостаси, Св. Троицы, Богоматерь и Святыхъ, какъ на божества которыхъ слѣдовало ублажать жертвами. Про жертвоприношенія въ честь Радіена я имѣлъ случай говорить выше. Но лопари, поставивъ выше всѣхъ своихъ боговъ вновь воспринятыхъ ими Радіенъ-Атчіе и Радіенъ-Кіедде, найдя и для Айлекесъ-Олбмакъ дѣятельность, хотя и не всегда соотвѣтствовавшую ихъ названію „святыхъ мужей“, не нашли опредѣленной дѣятельности для предполагаемой новой богини. У лопарей мы не встрѣчаемъ даже замѣны языческой богини Пресв. Дѣвой, какъ это мы видимъ у многихъ другихъ народовъ, также формально, какъ и лопари, принимавшихъ христіанство. По представленіямъ лопарей эта новая бо-

[1]) Erman Archiv, p. 172.
[2]) Acerbi. Reise, p. 491.
[3]) Erman. Archiv, p. 172.

гиня имѣла способность все узнавать при помощи своихъ грудей, къ которымъ прикасался Спаситель. Но этимъ и исчерпывалась ея дѣятельность. Вотъ почему, въ то время, какъ символы другихъ постоянно или, по крайней-мѣрѣ, часто встрѣчались на волшебныхъ бубнахъ, ея символъ встрѣчался лишь очень рѣдко и лишь очень немногіе лопари обращались къ ней съ молитвами и лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ ей приносились жертвы [1]). Слѣдуетъ замѣтить, что эти свѣдѣнія относятся лишь къ финляндской Лапландіи и насколько культъ Богоматери былъ распространенъ и въ другихъ мѣстностяхъ Лапландіи, а также какую форму онъ тамъ принялъ, остается неизвѣстнымъ.

Изъ высшихъ подземныхъ боговъ чаще всего приходилось приносить жертву грозному, мрачному Рота. Отъ него шли, главнымъ образомъ, болѣзни на лопарей: онъ подчасъ требовалъ къ себѣ какого-нибудь живаго лопаря и тогда лопарь долженъ былъ умереть. Такого грознаго бога слѣдовало чтить и, по мнѣнію лопарей, для Рота требовалось больше жертвъ, чѣмъ для высшаго свѣтлаго бога Радіена. Радіенъ и такъ добръ—ублажать его поэтому не требовалось такъ часто, какъ Рота, отъ котораго проистекали всѣ несчастія [2]). Здѣсь мы встрѣчаемся съ тѣмъ распространеннымъ у многихъ некультурныхъ народностей взглядомъ, что злыя божества требуютъ больше жертвъ, чѣмъ добрыя—взглядъ, какъ извѣстно, приводящій иногда къ заключенію, что доброму божеству и жертвовать нечего, такъ какъ онъ и безъ этого пошлетъ все, что требуется. Этого распространеннаго взгляда не были чужды и лопари и, повидимому, самыя страшныя жертвы приносились, именно, Рота. Есть даже основаніе думать, что въ отдаленныя времена въ честь этого божества приносились человѣческія жертвы.

Что, вообще, человѣческія жертвы были нѣкогда употребительны у лопарей, свидѣтельствуетъ между прочимъ Гавріилъ Тудеръ, который сообщаетъ, что нѣкогда лопари около урочища Безозингъ, отстоящаго около одной мили отъ озера Кими, приносили въ жертву своихъ дѣтей передъ какимъ-то идоломъ [3]). Къ сожалѣнію, имя этого идола намъ неизвѣстно и поэтому нельзя и утверждать, что эти жертвы были назначаемы для владыки подземнаго царства.

Болѣе важно, чѣмъ показаніе Тудера, въ справедливости котораго можно еще сомнѣваться, преданіе самихъ лопарей. Это преданіе, передающее лишь единичный случай, однако можетъ служить доказательствомъ, что такіе случаи были возможны въ древнее время. Считая, что болѣзнь посылается Рота, что онъ или самъ отъ себя, или побуждаемый прочими мертвецами, требуетъ себѣ ввергнутаго въ болѣзнь лопаря, естественно лопарямъ было придти къ заключенію, что отъ такого требованія можно откупиться посредствомъ жертвы; требовалось только узнать, какую жертву требуетъ Рота и мертвецы, чтобы оставить больнаго въ покоѣ; для рѣшенія этого вопроса обращались къ шаману-нойдѣ. Отъ отвѣта шамана и зависѣло и количество, и качество жертвъ. Послѣ этихъ замѣчаній перехожу къ самому преданію.

У одного русскаго лопаря захворалъ единственный сынъ. Не смотря на всѣ жертвоприношенія—болѣзнь не уступала. Тогда нойда, отправившись духомъ своимъ въ

[1]) Ibid, pp. 351—360.
[2]) Erman Archiv, p. 359.
[3]) Högström. Bechreibung. p. 57.

страну усопшихъ, объявилъ, что требуется въ жертву либо лошадь, либо другой человѣкъ вмѣсто больнаго. Такъ какъ лошади нельзя было достать тотчасъ, а больному становилось все хуже, то старикъ отецъ рѣшился принести себя въ жертву: если мой сынъ умретъ, сказалъ онъ, то огонь въ моемъ очагѣ потухнетъ: лучше умру я; пусть мои годы причислены будутъ къ жизни сына. По словамъ преданія, отецъ вышелъ, чтобы привести въ исполненіе свое рѣшеніе, подошелъ къ идолу, но тутъ-же упалъ мертвымъ,— и чудо совершилось, заканчиваетъ преданіе: сыну тотчасъ стало легче и вскорѣ онъ выздоровѣлъ [1].

Насколько часто подземные боги требовали себѣ такихъ жертвъ—неизвѣстно, но существованіе такого преданія все-таки является крайне интереснымъ, какъ лучшее доказательство возможности человѣческихъ жертвъ въ древней Лапландіи для умилостивленія главнаго подземнаго божества; еще болѣе интереснымъ является оно еще и оттого, что записано оно среди русскихъ лопарей.

Писатели, которые застали еще обычай жертвоприношеній среди лопарей, ничего не говорятъ о человѣческихъ жертвоприношеніяхъ въ ихъ время, если не считать Тудера. Но жертвоприношенія Рота были и въ ихъ время очень распространены, хотя обыкновенно они являлись уже безкровными жертвами.

Гегстремъ сообщаетъ, какъ очевидецъ, что наканунѣ праздника Рождества Христова лопари имѣли обыкновеніе изъ бересты дѣлать въ честь Рота маленькіе воронкообразные сосуды. Въ эти сосуды они клали кусочки всякой пищи, которую они потребляли, какъ въ день передъ праздникомъ, такъ и утромъ въ день праздника; въ эти дни они мяса не ѣли, а употребляли въ пищу обыкновенно сыръ, молоко и рыбу; если у нихъ была мука, они дѣлали лепешку въ палецъ толщиной и величиной съ талеръ; ее они наполняли молокомъ и сыромъ и пекли на угляхъ; эта лепешка, какъ и сосудъ, въ который собирались кусочки пищи, клалась въ такой же сосудъ; къ краямъ сосуда прикрѣплялись двѣ деревянныя лопаточки, длиной около половины локтя. Эти сосуды, какъ съ кусками пищи, такъ и съ лепешкой прикрѣплялись къ деревьямъ; на деревьяхъ дѣлалось два вырѣза, а на вырѣзахъ ставили кресты. Эта пища назначалась для Рота, по словамъ Гегстрема, для того, чтобы онъ не вредилъ ихъ женамъ (ne ventrem illarum terebret seu perforet) [2].

По словамъ того же автора лепешки, назначаемыя для Рота, клались передъ его изображеніемъ, гдѣ такое дѣлалось [3].

Таково жертвоприношеніе Рота въ XVIII вѣкѣ, но это не единственный ихъ видъ, и кровныя жертвы продолжали существовать еще очень долго среди лопарей для умилостивленія подземныхъ божествъ, какъ одного Рота, такъ и всѣхъ остальныхъ; но объ этомъ нѣсколько ниже.

Что касается духовъ, которыхъ такъ много было повсюду, по вѣрованіямъ лопарей, то, какъ я уже говорилъ, лишь нѣкоторымъ изъ нихъ приносились жертвы. Объ этихъ жертвоприношеніяхъ я скажу лишь вкратцѣ.

[1] I. Friis. Das Kloster zu Petchenga, p. 57.
[2] Högström. Beschreibung, p. 209.
[3] Ibid, p. 57.

Такъ, въ февралѣ, сообщаетъ Гегстремъ со словъ старухи лопарки, былъ у лопарей обычай привязывать къ рогамъ своихъ оленей сѣно и траву, ту самую, которую они вкладывали въ свои рукавицы и обувь; это служило жертвой для Куова-манно, покровителя стадъ. Когда у всѣхъ оленей сѣно было навязано, лопари поднимали шумъ, ударяя по кережамъ, либо потрясая связки колецъ, чтобы призвать къ трапезѣ Куова-манно, который и долженъ былъ питаться этимъ сѣномъ [1]).

Особенно интереснымъ является празднованіе Рождества; уже выше я имѣлъ случай говорить о жертвоприношеніяхъ въ это время для Рота. Но эти дни были не только его праздникомъ, но праздникомъ и другихъ духовъ, хотя, повидимому, въ жертвенномъ ритуалѣ а, можетъ быть, и въ самомъ вѣрованіи въ этихъ духовъ, слѣдуетъ видѣть вліяніе скандинавскихъ сосѣдей лопарей.

Шефферъ [2]) передаетъ намъ по этому поводу слѣдующее: мѣсто, гдѣ живутъ эти духи, находится за вѣжой въ какомъ-нибудь деревѣ, на разстояніи полета стрѣлы отъ жилья. Этихъ духовъ чтутъ жертвоприношеніями, которыя и носятъ названіе Юблафолкеръ; описаніе жертвоприношенія онъ заимствуетъ у Самуила Реена; наканунѣ дня Рождества Христова и въ самый день праздника они постятся, не ѣдятъ мяса, отъ остальной же пищи сохраняютъ по маленькой частицѣ; тоже дѣлаютъ и въ день праздника, какъ и при жертвоприношеніи въ честь Рота; эти частицы они кладутъ въ сдѣланные изъ березовой коры корабли, снабженные и парусами и веслами, и вливаютъ въ корабли немного жира. Затѣмъ эти корабли привѣшиваются къ дереву на разстояніи полета стрѣлы отъ дома для пищи дѣтямъ блуждающихъ по землѣ духовъ.

Приблизительно также описываетъ этотъ обрядъ и Гегстремъ: я достаточно видѣлъ доказательствъ тому, пишетъ онъ, что Іула или рождественскимъ духамъ приносятъ жертвы, въ особенности если этому предшествовалъ обѣтъ. Эти лодки, имѣющія длины отъ $^3/_4$—локтя, сдѣланы изъ дерева сосны, снабжены мачтами и иногда украшены изображеніемъ креста и обмазаны кровью оленей. Эти лодки обыкновенно бываютъ уже готовы къ тому времени, когда они къ Рождеству бьютъ своихъ жертвенныхъ оленей, такъ какъ при этомъ, именно, они обмазываютъ лодки кровью. Лодки, которыя Гегстремъ видѣлъ лично, были поставлены на высокія елки, которыя сами были украшены знакомъ креста и снизу довольно высоко обмазаны жертвенной кровью оленя. Въ честь кого лопари убиваютъ около Рождества оленей — неизвѣстно, по вѣрно то, что около зимовокъ лопарей лежатъ не только рога закланныхъ животныхъ, но и всѣ кости ихъ [3]).

Въ финляндской Лапландіи лопари въ канунъ передъ Рождествомъ разставляли множество крестовъ въ своемъ жилищѣ и каждаго ребенка ударяли по три раза: первый разъ, какъ говорили лопари, ради отца, второй—ради матери, третій—ради его самого. Ночь подъ Рождество не спали и собирались къ мѣсту, гдѣ жилъ нойда. Утромъ рано они бросали въ колодцы кусочки стали и латуни, чтобы колдуны не могли ихъ испортить. Они пили водку и дѣлали возліянія ею передъ пошью (дверью, противоположной

[1]) Ibid, p. 207.
[2]) Schefferus. Lapponia, p. 118.
[3]) Högström. Beschreibung, p. 208.

входной двери) въ честь повелителя дня (Weihnachts-König) и передъ уксой (входной дверью) въ честь Саракка; о рожденіи же Спасителя они ничего не знали [1]).

Большая часть жертвоприношеній, которыя совершали лопари духамъ, относилась къ духамъ подземнымъ. Колдуны приносили жертвы упомянутымъ выше Noaiddevuoingga. Всякій разъ, когда они оказывали какую-нибудь услугу колдуну, этотъ послѣдній награждалъ ихъ жертвоприношеніями, причемъ жертвенными животными служили не только олени, но также и рыбы, птицы, зайцы, бобры, куницы, лисицы, горностаи, свиньи, кошки и т. п. [2]).

Простые лопари приносили чаще всего покойникамъ, которые, вмѣстѣ съ Рота, посылали болѣзни, и изъ вышеприведеннаго преданія мы видѣли, до какихъ размѣровъ могли возрасти требованія покойниковъ отъ своихъ живыхъ сородичей. Животныя чернаго цвѣта, въ особенности же черныя кошки, считались самымъ угоднымъ приношеніемъ [3]).

Въ ряду разнообразныхъ жертвенныхъ ритуаловъ среди древнихъ лопарей мы встрѣчаемъ еще одинъ, крайне интересный и оригинальный; это символическое приношеніе въ жертву животныхъ. Дѣлали изображеніе животнаго и затѣмъ закапывали его въ землю. Объ этомъ обычаѣ повѣствуетъ Шефферъ и слова послѣдняго подтверждаются наблюденіями Гегстрема; онъ говоритъ, что онъ встрѣчалъ разнообразныя изображенія, нѣкоторыя сдѣланныя на подобіе оленей, вмѣстѣ съ различными жертвованіями, зарытыми въ землѣ; онъ встрѣчалъ ихъ также положенными просто въ снѣгъ и прикрытыми хворостомъ или деревьями. Дѣлали также изображенія разныхъ божествъ, приносили имъ въ жертву то или другое животное и затѣмъ зарывали въ землю какъ жертву, такъ и идола. И объ этомъ упоминаетъ Шефферъ и подтверждаетъ Гегстремъ. Послѣдній полагаетъ, что эти жертвоприношенія назначены для подземныхъ боговъ [4]).

Таковы въ общихъ чертахъ жертвенные ритуалы древнихъ лопарей, разработанные какъ видно до тонкостей. Древніе писатели, посѣщавшіе Лапландію, застали ихъ вѣрованія подъ болѣе или менѣе сильнымъ вліяніемъ христіанства. Стремясь примирить новыя идеи со старымъ культомъ, лопари стараются освятить свои языческіе обряды наложеніемъ креста на своихъ идоловъ, заканчивая, во многихъ мѣстностяхъ, жертвоприношеніе своимъ языческимъ богамъ, принесеніемъ жертвъ Радіенъ-Атчіе или Радіенъ-Кіедда, намазывая кресты жертвенною кровью на деревьяхъ, на которыхъ они вѣшали пищу для подземнаго бога, вводя, наконецъ, символы для новыхъ „божествъ“ на свои волшебные бубны. Такъ долго существовали рука объ руку два культа: старый-языческій и новый-христіанскій, причемъ языческій культъ стремился инкорпорировать въ себя культъ христіанскій. Но затѣмъ постепенно подъ вліяніемъ развивающейся проповѣди, развитія грамотности слабой стороной въ этой борьбѣ двухъ противоположныхъ началъ оказывается язычество, которое шагъ за шагомъ отступаетъ передъ новымъ ученіемъ, и христіанство, распространяясь вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ, хотя медленно, но неустанно одерживаетъ полную побѣду.

---

[1]) Erman. Archiv, p. p. 360, 361.
[2]) Ibid. 174.
[3]) Friis. Das kläster zu Petschenga, p. 57.
[4]) Högström. Beschreibung, p. 216

Однако долго еще хранятся языческія вѣрованія въ умахъ лопарей, долго они не могутъ отвыкнуть отъ своихъ завѣтныхъ вѣрованій и обрядовъ: они имъ замѣняютъ все, что, благодаря еще его неразвитости, христіанство ему дать не можетъ; они отвѣчаютъ ему на всѣ вопросы, отвѣтъ на которые онъ не успѣлъ еще найти въ новомъ ученіи. И поступательно движеніе христіанства все еще продолжается и продолжится еще долго, такъ какъ не скоро еще наступитъ время, когда всѣ прежнія вѣрованія лопаря обратятся лишь въ суевѣрія, да въ „симпатическія средства".

Мы видѣли уже, что многія изъ древнихъ вѣрованій лопарей нашли себѣ отголоски еще очень громкіе въ міросозерцаніи современнаго русскаго лопаря: онъ продолжаетъ еще вѣрить и въ солнце, и въ Арома-Телле, онъ все еще отдаетъ свои оленьи стада подъ покровительство Луотъ-хозикъ и т. д. Посмотримъ теперь, что осталось у него отъ его древняго жертвеннаго ритуала.

Долго еще держался обычай приносить жертвы духамъ горъ и воды; это и понятно, такъ какъ горный духъ властвуетъ надъ пастбищами оленей, а слѣдовательно и надъ самими стадами оленей. Духъ водъ царствуетъ надъ рыбой, главной статьей дохода для лопаря. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, что культъ именно этихъ духовъ болѣе всего удержался. Въ честь духа горъ приносили оленя, подчасъ и лучшаго изъ стада; лопари всходили на гору и молились до изнеможенія; затѣмъ закалывали оленя и послѣ этого оставались на мѣстѣ спать. По снамъ и истекшей крови изъ животнаго старались они узнать объ увеличеніи или уменьшеніи стадъ.

Если духу горъ жертвовали лучшимъ оленемъ, чтобы сдѣлать его милостивымъ къ оленьимъ стадамъ лопарей, то духу водъ въ жертву приносили и серебро, и жемчугъ; этотъ обычай встрѣчался лишь среди приморскихъ лопарей; они изготовляли небольшое суденышко, нагружали его жемчугомъ, серебромъ и другими вещами и спускали все это въ море, чтобы могучій владыка водъ ниспослалъ имъ хорошій уловъ [1]).

Встрѣчается-ли въ настоящее время обычай принесенія въ жертву духу горъ оленя, я провѣрить не могъ. Что же касается до жертвоприношеній духу водъ суденушка съ жемчугомъ, серебромъ и т. п., то, повидимому, у кольскихъ лопарей, по крайней мѣрѣ, этотъ обычай теперь больше не встрѣчается, хотя мнѣ и говорили, что еще не такъ давно этотъ обычай встрѣчался.

Въ настоящее время, однако, продолжаютъ все еще существовать жертвоприношенія, хотя и въ совершенно другой формѣ, чѣмъ въ древнее время. Такъ, напримѣръ, лопари передъ началомъ рыбной ловли просятъ колдуна (нойду) наговаривать на свинецъ; этотъ свинецъ они бросаютъ въ рѣку повыше того мѣста, гдѣ лопарь ставитъ свой семужій заборъ, или гдѣ предполагаетъ производить ловъ. Иногда вмѣстѣ съ свинцомъ бросаютъ и деньги (серебряныя). Берутъ также „какой нибудь гостинецъ" и бросаютъ его въ воду, затѣмъ тутъ же семья выпиваетъ понемногу водки и говоритъ: „нате вамъ (саціемъ съ дѣтьми), гостинецъ". Черезъ каждые три года эти дѣйствія должны повторяться, если желать, чтобы уловъ былъ хорошъ.

---

[1]) Арх. Г. В. 1869 г. № 80. Дергачевъ.

Если и до настоящаго времени лопари сохранили еще вѣрованія своихъ предковъ въ духовъ горъ и водъ, если и въ настоящее время они продолжаютъ приносить жертвы, то не трудно себѣ представить, какъ въ болѣе отдаленное отъ насъ время прививались въ умѣ лопарей всѣ христіанскіе обряды. Мы и въ этомъ отношеніи видимъ тоже желаніе язычества инкорпорировать въ себя эти обряды, какъ оно стремилось инкорпорировать и вѣру въ высшія существа. Въ то время, какъ лопари были вынуждены подвергаться и таинству крещенія и причащенія, они развивали параллельно съ этимъ новый культъ, въ которомъ старались примирить новыя идеи со старыми. На нѣкоторыхъ такихъ вѣрованіяхъ я и остановлюсь теперь.

Еще Самуилъ Реенъ сообщаетъ, что при крещеніи своихъ дѣтей лопари стараются дать имъ языческія имена въ родѣ Торъ, Гуттармъ, Финне, Пагге, но что священники всѣми силами противятся этому. Нерѣдко лопари мѣняли имена своимъ дѣтямъ и давали имъ вмѣсто имени, даннаго при крещеніи, имя умершаго родственника. По словамъ Іоанна Торнея, это дѣлалось въ томъ случаѣ, когда ребенокъ впадалъ въ болѣзнь: тогда они лишаютъ его имени, даннаго при крещеніи, и даютъ ему другое; это, однако, примѣняется лишь къ мальчикамъ. Обрядъ нареченія новаго имени сопровождался дѣйствіями, подобными при совершеніи крещенія [1].

Гегстремъ подтверждаетъ слова Реена и Торнея. Онъ сообщаетъ, что лопари даютъ своимъ дѣтямъ имена въ честь родственниковъ, какъ живыхъ, такъ и умершихъ, но въ нѣкоторыхъ частяхъ Лапландіи имя давали лишь въ честь умершаго уже родственника. Старыя имена, говоритъ онъ, въ родѣ Тора, Финне, Пагге, Пангесъ, Ассе и т. п. вышли почти всюду изъ употребленія, по всѣмъ вѣроятіямъ подъ вліяніемъ пасторовъ, которые, по словамъ Самуила Реена, старались всѣми силами уничтожить этотъ обычай, но добавляетъ Гегстремъ, бывшій и самъ пасторомъ, я не нашелъ основанія препятствовать имъ въ этомъ обычаѣ. Что касается перемѣны именъ, то Гегстремъ подтверждаетъ существованіе этого обычая своими наблюденіями: эта перемѣна имени сопровождалась слѣдующими обрядами. Они клали въ котелъ ольховой коры, варили ее тамъ и затѣмъ обмывали этой водой ребенка, смывая съ него старое имя и нарекая ему новое; дѣлалось это въ случаѣ болѣзни дитяти. Интересно то, что такой-же обрядъ встрѣчался у лопарей и по отношенію къ собакамъ, которыхъ также обмывали этимъ наваромъ, когда имъ давали имя [2].

Въ этихъ обрядахъ нельзя не узнать первобытнаго образа мышленія дикаря, который стремится смыть имя, данное при крещеніи, тѣмъ же способомъ, т. е. омовеніемъ. Во взглядѣ, который заставляетъ лопаря въ случаѣ болѣзни ребенка мѣнять его имя— мы также встрѣчаемъ общее многимъ некультурнымъ народностямъ вѣрованіе, что разъ болѣзнь происходитъ отъ злыхъ духовъ, они могутъ повредить лишь тогда, когда они знаютъ имя даннаго лица, что стоитъ лишь скрыть свое имя или перемѣнить его—и духъ, не находя даннаго лица подъ другимъ именемъ, или не зная его имени, будетъ вынужденъ отступиться. Это вѣрованіе, заставляющее однѣ народности скрывать свое имя,

[1] Schefferus. Lapponia, p. 301.
[2] Högström. Beschreibung, p. 152, 153.

держать его въ глубокой тайнѣ, другихъ—давать своимъ дѣтямъ имена животныхъ или неодушевленныхъ предметовъ, чтобы духъ могъ ошибиться и вселиться въ то животное или въ тотъ предметъ, имя котораго носитъ ребенокъ, выразилось у лопарей перемѣной именъ. Вѣроятно, что это вѣрованіе существовало у лопарей задолго до принятія христіанства; это послѣднее внесло лишь новый обрядъ, именно омовеніе ребенка, чтобы смыть съ него данное ему омовеніемъ же христіанское имя.

Наиболѣе подробно этотъ обрядъ записанъ въ финляндской Лапландіи. Слѣдуетъ замѣтить, что тотъ фактъ, что писатели разныхъ вѣковъ и въ разныхъ мѣстностяхъ Лапландіи записали этотъ обычай, служитъ доказательствомъ, насколько этотъ обычай былъ распространенъ среди лопарей и съ какимъ трудомъ онъ уступалъ христіанству.

Въ Финляндской Лапландіи господствовало вѣрованіе, что отъ одного крещенія въ церкви ребенокъ никогда не сдѣлается счастливымъ, напротивъ того было даже необходимо смыть съ ребенка то имя, которое ему было дано при крещеніи; вотъ почему, тотчасъ по приходѣ изъ церкви, ребенка крестили вновь языческимъ крещеніемъ.

Это второе крещеніе производилось также при посредствѣ омовенія; совершалось оно въ честь Саракка и носило названіе Саме-набма-лавгго (т. е. омовеніе лопарскимъ именемъ; лопари сами себя называли Саме, Суоме, суаме); при этомъ ребенку давалось и имя, конечно другое, чѣмъ то, которое ему дали при церковномъ крещеніи. Чтобы узнать, какое имя слѣдуетъ дать ребенку, прибѣгали къ колдовству; при помощи бубна или другими способами отецъ или нойда или, наконецъ, знакомые узнавали о будущемъ имени ребенка. Но къ этому средству прибѣгали рѣдко: обыкновенно въ то время, когда приближалось время родовъ, къ роженицѣ во снѣ являлся кто-нибудь изъ умершихъ предковъ и нарекалъ имя будущему младенцу. Именемъ, даннымъ при церковномъ крещеніи, никогда не называли ребенка. Всякій разъ, когда ребенокъ начиналъ хворать, или даже если онъ просто много плакалъ, совершали вновь языческое крещеніе (Адде-набмо или Сайво-пабмалавгго). Это-то крещеніе повторялось при всякой новой болѣзни и говорятъ, что были примѣры, что даже семидесятилѣтніе лопари подвергали себя этому крещенію въ случаѣ болѣзни: этимъ, полагали они, отвращается гнѣвъ боговъ и дается благопріятный оборотъ болѣзни.

Это же Сайво-набма-лавгго было въ ходу и тогда, когда принимали къ себѣ Сайво (души умершихъ) также и божества, служившія колдунамъ, между прочимъ въ Сайво (души умершихъ) также и божества, служившія колдунамъ, между прочимъ въ томъ случаѣ, когда принятіе этого Сайво совершалось при помощи омовенія; всякій лопарь, принявшій Сайво, долженъ былъ принести жертву подземнымъ божествамъ и покойникамъ.

Языческое крещеніе совершала женщина; однако, при первой Саме-набма-лавгго, совершавшая крещеніе женщина не должна была быть ни крестной матерью, ни свидѣтельницей при совершеніи церковнаго крещенія, надъ кѣмъ-бы то ни было. Обыкновенно языческій обрядъ крещенія совершала сама мать крестящагося. Совершавшая крещеніе дарила своему крестнику латунный перстень, пряжку или что-нибудь другое, въ память о томъ, что крестникъ освобожденъ отъ своего христіанскаго имени. Адде-набмо-лавгго совершала также женщина и ее называли крестной матерью. Подъ ея присмотромъ нагрѣвали воду и вливали ее въ корыто; туда же клали двѣ березовыя вѣтви: одну изъ

нихъ свивали кольцомъ. Послѣ этого крестная мать говорила креснику: будь также плодовитъ, также здоровъ и крѣпокъ, какъ береза, съ которой взяты эти вѣтви. Послѣ этихъ словъ она бросала въ корыто латунный перстень, пряжку или вообще какой-нибудь кусокъ латуни или олова, иногда, однако, и серебряный поясъ или серебряную застежку и говорила: этимъ я посвящаю тебя; будь также звонокъ (hellklingend) и красивъ, какъ эта латунь (или серебро); даю тебѣ новое имя; ты долженъ лучше расти отъ той воды, которую мы даемъ тебѣ, чѣмъ отъ той, которой тебя крестилъ священникъ. Будь также счастливъ, какъ тотъ предокъ, имя котораго ты будешь носить. Съ этими словами она обливала водой изъ корыта голову ребенка до трехъ разъ и опрыскивала этой же водой все его тѣло. Послѣ этого она, обращаясь къ крестнику, говорила: теперь ты сдѣлался участникомъ крещенія Адде-набма и носишь имя NN; посмотримъ, какъ ты будешь расти теперь. По совершеніи обряда, брошенныя въ корыто металлическія вещи вынимались и привязывались ребенку подъ мышки, если онъ былъ мальчикъ, и на груди — если крещеніе совершалось надъ дѣвочкой. Разставаться съ этимъ амулетомъ нельзя было до достиженія совершеннолѣтія, по достиженіи котораго амулетъ вѣшался на волшебный бубенъ.

Иногда металлическихъ вещей, служившихъ впослѣдствіи амулетами, не клали въ корыто; вмѣсто этого само крещеніе производилось въ латунномъ котлѣ, который и поступалъ послѣ этого въ полную собственность ребенка, послѣ того, какъ котелъ тщательно выполаскивали и клали въ воду немного соли.

Наблюдалось также, чтобы въ промежутокъ между церковнымъ крещеніемъ и крещеніемъ Саме-набма ребенка не обливали водой; большія, дорого стоющія жертвоприношенія, слѣдовавшія послѣ всякаго крещенія, раззоряли подчасъ лопаря окончательно, въ особенности, когда крещеніе повторялось часто [1]).

Если въ вышеописанныхъ обрядахъ мы встрѣчаемъ желаніе лопарей смыть съ себя церковное крещеніе, то это объясняется тѣмъ, что многіе изъ нихъ принимали христіанство противъ своей воли, вынуждаемые къ этому строгостью проповѣдниковъ. Боясь стать измѣнникомъ своимъ древнимъ богамъ, лопарь и смываетъ ту печать, которая была наложена на его дѣтей церковнымъ крещеніемъ. Естественно, что по мѣрѣ того, какъ лопари все больше и больше просвѣщались христіанствомъ, этотъ обычай былъ мало-помалу забытъ, впалъ въ dissuetudo. Другое дѣло, обычай перемѣнять имена при болѣзняхъ; онъ держался болѣе долго и болѣе упорно боролся съ христіанствомъ: причиной этого было то убѣжденіе, которое лежало въ основѣ этого обычая, подкрѣпляемое еще тѣмъ, что смертность дѣтей сильно развита среди лопарей. Лишаясь дѣтей благодаря тѣмъ ужаснымъ условіямъ, среди которыхъ и теперь еще приходится жить лопарю, благодаря отсутствію медицинской помощи, которая могла бы сдѣлать менѣе гибельными для лопарей тѣ эпидемическія болѣзни, которыя посѣщаютъ Лапландію—что удивительнаго, если суевѣрными средствами онъ думалъ продлить жизнь ребенка, не видя для себя другой, болѣе разумной и болѣе дѣйствительной помощи. Эта то смертность дѣтей съ одной стороны и безпомощность лопаря въ борьбѣ противъ этого—съ другой и питали, и поддер-

---

[1]) Erman. Archiv, p. 176—179.

живали древнее суевѣріе, дѣлали его стойкимъ противъ проповѣди христіанства, давали ему силу устоять противъ новыхъ идей.

Но если въ основѣ обрядовъ при крещеніи Сайво-набма лежало древнее убѣжденіе лопаря, если сохраняя его, онъ лишь внѣшнюю сторону и само названіе заимствовалъ изъ христіанства (Сайво-набма-лавгго въ переводѣ—омовеніе именемъ Сайво, т.-е. усопшаго), то въ нѣкоторыхъ другихъ обрядахъ его лежало въ сильной степени желаніе считаться христіаниномъ и не измѣнять вмѣстѣ съ тѣмъ своимъ старымъ богамъ, доказать послѣднимъ, что онъ продолжаетъ быть по прежнему ихъ ревностнымъ служителемъ, дабы они не вмѣнили ему въ вину исполненія имъ требованій христіанской церкви.

Такъ, если лопарь отправлялся для принятія Св. Причастія въ церковь, онъ до церковной исповѣди совершалъ исповѣдь передъ своими богами; это происходило либо дома, либо у первой воды, которую онъ встрѣчалъ на своемъ пути въ церковь. Въ этомъ случаѣ онъ приносилъ съ собой кусокъ мяса, сыра или хлѣба; ставъ на колѣни, онъ молился Саракка, Сайво, Айеке и другимъ богамъ, не исключая и темныхъ божествъ подземнаго царства, какъ Фудно и духамъ Тшаппесъ-олмай; онъ просилъ ихъ объ отпущеніи ему всѣхъ грѣховъ и главнымъ образомъ того грѣха, который онъ намѣревался совершить, направляясь въ церковь для принятія противъ своей воли „христіанскаго причащенія“: онъ это дѣлаетъ лишь для того, чтобы его не тревожили. Затѣмъ онъ бралъ принесенный имъ кусокъ мяса, сыра или хлѣба, благословлялъ его, говоря: это тѣло Саракка, хлѣбъ Сайво, тѣло Гарагаллесса (Айеке). Послѣ этого онъ пилъ немного воды, говоря: это кровь Саракка, вода Сайво, кровь Гарагаллеса. Вмѣсто воды иные лопари пили пиво или водку. Уходя изъ церкви, по признанію самихъ лопарей, они произносили: пусть побѣдитъ теперь то божество, которое обладаетъ наибольшей силой, будь то христіанскій богъ или Саракка, Гарагаллесъ, Сайво и т. д. — мы исполнили волю обѣихъ сторонъ. Нѣкоторые лопари признавались, что они всегда, прежде чѣмъ рѣшиться пойти въ церковь, испрашивали позволенія на то у своихъ боговъ, при посредствѣ разныхъ суевѣрныхъ средствъ, какъ-то: волшебнаго бубна, или гадая на топорѣ, или поясѣ; когда же они приходили въ церковь, то прежде всего молились своимъ богамъ. Другіе признавались, что они молились какъ своимъ богамъ, такъ и Христу и, принимая Св. Причастіе, не думали о Христѣ, а вспоминали Саракка и другихъ божествъ, вѣруя, что они принимаютъ ихъ тѣло и кровь. Послѣ таинства они съ молитвой обращались опять таки къ своимъ богамъ [1]).

Такъ долго боролся въ умахъ лопарей ихъ древній языческій олимпъ съ входящимъ христіанствомъ. Борьба была долгая, упорная, стоившая не мало, какъ проповѣдникамъ, такъ и самимъ лопарямъ. Но даже и послѣ того, какъ лопарскій олимпъ былъ разрушенъ, и вѣра въ старыхъ боговъ стала утрачиваться среди лопарей, когда даже сами имена древнихъ божествъ начали забываться—однимъ словомъ, когда побѣда за христіанствомъ оказалась несомнѣнной, то и тогда еще лопари не скоро начали относиться къ нему сознательно, не скоро стали смотрѣть на Св. Причастіе иначе, какъ на обрядъ, который слѣдуетъ исполнять лишь во имя полученія для себя выгодъ. Даже

1) Erman. Archiv, p. 179, 180.

больше, мы встрѣчаемъ указаніе, что лопари сохраняли Св. Причастіе, какъ талисманъ. Такъ Леопольдъ Бухъ, посѣтившій Лапландію въ первомъ десятилѣтіи текущаго столѣтія, замѣчаетъ, что лопарей считаютъ хорошими христіанами оттого, что они часто являются въ церковь для причащенія; но они исполняютъ это лишь оттого, что считаютъ Причастіе нѣкимъ волшебнымъ средствомъ, которое предохраняетъ ихъ отъ дѣйствія злыхъ духовъ. Еще недавно они приносили въ церковь полотенце и выплевывали въ него Причастіе, тщательно завертывали и уносили его съ собой; придя домой, они дѣлили кусокъ на массу мелкихъ частицъ и каждому оленю изъ своего стада они давали, по возможности, по маленькой частицѣ, такъ какъ лопари были убѣждены, что такимъ образомъ все дурное, что можетъ грозить ихъ стадамъ, будетъ отвращено [1]). Этотъ разсказъ Буха характерно рисуетъ взглядъ лопаря на христіанство, съ которымъ онъ еще не успѣлъ освоиться.

Естественно, что не во всѣхъ мѣстностяхъ проявленіе этой борьбы двухъ началъ выражалось въ одинаковой формѣ и не вездѣ одинаково шли успѣхи новой проповѣди. Въ то время какъ въ однѣхъ мѣстностяхъ древнія вѣрованія могли уступить новымъ сравнительно давно, въ другихъ они могли длиться довольно долго. Во всякомъ случаѣ даже и въ настоящее время, какъ было видно изъ предыдущаго, эта борьба не кончилась еще для русской Лапландіи. Дальнѣйшее изложеніе лишь подтвердитъ этотъ фактъ.

Но если лопарскія божества, правящія міромъ, и уступили напору новыхъ идей сравнительно скоро, хотя и не безъ борьбы, то другая сторона вѣрованій лопарей держалась болѣе долго, хотя тоже наконецъ рухнула, оставивъ, пожалуй, даже меньше слѣдовъ въ современныхъ вѣрованіяхъ лопарей. Это вѣра въ сейдовъ и культъ ихъ. Держался онъ дольше, благодаря тому, что сейды были болѣе близкими лопарю, чѣмъ высшія божества, и что культъ ихъ, менѣе замѣтный, подвергался меньшимъ преслѣдованіямъ. Но разъ рухнувъ, онъ долженъ былъ оставить меньше слѣдовъ оттого, что въ то время какъ съ остальными божествами были связаны и преданія объ устройствѣ управленія міромъ, сейды удовлетворяли лишь временнымъ потребностямъ лопаря. Эти преданія, связанныя съ такими вопросами, на которые лопарь, благодаря отсутствію просвѣщенія, отвѣта найти не могъ, и помогли слѣдамъ древнихъ вѣрованій сохраниться до настоящаго времени; таковы вѣрованія въ солнце, въ Арома-телле и т. п. Сейды, будучи почти простыми фетишами, не давали такихъ преданій и поэтому, разъ лучъ просвѣщенія ихъ коснулся, они рухнули, оставивъ по себѣ лишь воспоминаніе, что въ томъ или иномъ мѣстѣ отцы кланялись, приносили жертвы—не больше.

Сейды были обыкновенно ничто иное, какъ простые камни, которымъ лопари покланялись. Всѣ писатели, сообщающіе о нихъ, сходятся въ томъ, что они никакого опредѣленнаго вида не имѣютъ. Еще Іоаннъ Торней говоритъ, что сейды не имѣютъ никакого вида, ни фигуры [2]). Гегстремъ лишь подтверждаетъ это: я, замѣчаетъ онъ, не замѣтилъ въ нихъ никакого подобія изображенія человѣка или животнаго; они таковы, какъ ихъ создала сама природа; однако подчасъ они все-таки имѣютъ своебразный видъ, будучи ока-

[1]) L. de Buch. Voyage en Norvege et en Laponie. II, p. 181, 182.
[2]) Schefferus. Lapponia, p. 106.

менѣлостями, (Petrificate) неровные и угловатые [1]). Встрѣчались однако и деревянные сейды и если каменные сейды были ничто иное, какъ простые камни, то деревянные были простыми древесными стволами, корнемъ воткнутые въ землю, или даже просто древесные пни. Деревянные сейды встрѣчались однако гораздо рѣже, чѣмъ каменные. Этимъ-то камнямъ и пнямъ и воздавали лопари божеское поклоненіе, считая ихъ сильно вліяющими на ихъ судьбу.

Слѣдуетъ замѣтить, что почитаніе сейдовъ было распространено по всей Лапландіи, хотя, конечно, не въ одинаковой степени. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ была сильно развита вѣра въ высшихъ боговъ, гдѣ имъ приносили частыя жертвы, тамъ естественно культъ сейдовъ отходилъ на второй планъ и наоборотъ, въ мѣстностяхъ, гдѣ культъ высшихъ боговъ былъ развитъ слабѣе, тамъ на первомъ планѣ являлось почитаніе сейдовъ; но все-таки хотя-бы и въ разныхъ степеняхъ культъ сейдовъ встрѣчался повсюду; это достаточно доказываетъ то обстоятельство, что почти всѣ писатели, сообщавшіе намъ о вѣрованіяхъ древнихъ лопарей, всегда упоминали и о сейдахъ. Особенно развитъ былъ, однако, этотъ культъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Лапландіи, гдѣ культъ высшихъ боговъ былъ либо слабо развитъ, либо не встрѣчался вовсе; къ такимъ мѣстностямъ, повидимому, принадлежали и лопарскіе округи около Кіеми и Торнео; Торнейскіе и Кіемскіе лопари, сообщаетъ Шефферъ, какъ говорятъ, не знаютъ Тора, Сторьюнкаре и Солнца, и вмѣсто ихъ чтутъ другихъ, которыхъ общимъ именемъ называютъ Сейдами. Іоаннъ Торней, на котораго ссылается Шефферъ, говоритъ: они почитали стволы и камни за своихъ боговъ и лопари имѣли ихъ столько, сколько было семействъ; идоловъ этихъ они ставили около озеръ. Одинъ изъ нихъ былъ главный и самый могущественный, которому поклонялось цѣлое селеніе. Этого, равно какъ и меньшихъ боговъ они называютъ Сейдами [2]). У лопарей этихъ же мѣстностей сейды носили названіе Сторьюнкаре и наоборотъ, тѣ изъ лопарей, которые вѣровали въ бога Сторьюнкаре, придавали иногда ему названіе Сейда [3]). Свѣдѣнія, что сейдовъ ставили иногда цѣлыми семьями, подтверждають и прочіе авторы; подтвержденіе у нихъ мы находимъ и того, что священные камни ставились около озеръ; ставили ихъ также на горахъ, островахъ и около водопадовъ и пороговъ;причемъ тѣ лопари, которые занимались оленеводствомъ, имѣли сейдовъ на горахъ, мѣстахъ своихъ остановокъ при перекочевкахъ, лопари-рыболовы главнымъ образомъ, около озеръ, пороговъ и на островахъ.

Что касается разныхъ названій, то если въ однѣхъ мѣстностяхъ ихъ называли Сторьюнкаре, въ другихъ Сейды носили названіе Сайво; вообще, повидимому, названіе Сейдовъ—Сторьюнкаре не было распространено, и Гегстремъ сообщаетъ, что въ лопарскомъ округѣ Луле ему не удалось узнать, придается-ли это названіе Сейдамъ.

По вопросу о происхожденіи какъ сейдовъ такъ и культа ихъ дѣлалось много предположеній, но не смотря на это, вопросъ этотъ до сихъ поръ еще не рѣшенъ окончательно. Если, однако, оставить въ сторонѣ нѣкоторые подчасъ почти дѣтскія догадки

---

[1]) Högström. Bechreibung, p. 201.
[2]) Schefferus. Lapponia, p. 92.
[3]) Ibid, p. 98.

древнихъ писателей и остановиться лишь на писателяхъ нашего вѣка, серьезно отнесшихся къ этому вопросу, то мы увидимъ, что большинство ихъ сходится въ томъ, что объясняетъ происхожденіе сейдовъ поклоненіемъ предкамъ.

Такъ еще Моне дѣлаетъ слѣдующее предположеніе о происхожденіи сейдовъ: „Они (лопари), пишетъ онъ, имѣли родовыя сказанія о сейдахъ и уже имя умершихъ Ситте или Сите доказываетъ связь ихъ съ сейдами, откуда происходитъ ученіе о душахъ. Душа дѣлалась, такимъ образомъ, высшимъ духомъ, Сторьюнкаре, домашнимъ богомъ“ [1]. „Каждая семья у лопарей, пишетъ тотъ-же авторъ, имѣла, по крайней мѣрѣ, одного духа (Сторьюнкаре); многія семьи ихъ имѣли нѣсколько. Духъ этотъ оставался въ домѣ и переходилъ по наслѣдству изъ рода въ родъ“ [2]. Разъ домашніе духи носятъ названіе Сторьюнкаре и это-же имя придается и сейдамъ, естественнымъ является предположеніе, что сейды и домашніе духи стоятъ въ тѣсной связи. Высказанное Моне предположеніе о происхожденіи сейдовъ находитъ себѣ подтвержденіе и въ словахъ Кастрена: онъ указываетъ на то, что въ тѣхъ мѣстностостяхъ Лапландіи, которыя населены финнами, эти сейды иногда носятъ названіе Kenttä-Kiwet, происходящее отъ финнскихъ словъ: Kenttä—стоянка и Kiwe (мн. Kivet)—камень; слѣдовательно сейдъ иначе называется камень стоянки и именно это названіе, заключаетъ онъ, доказываетъ, что можно было-бы принять и изъ другихъ основаній, что сейды были пенатами лопарей [3].

Болѣе подробно излагаетъ свои мысли о происхожденіи сейдовъ Дюбенъ. Онъ ставитъ ихъ также въ связь съ поклоненіемъ предкамъ: вѣроятно, говоритъ онъ, нѣкогда отмѣчали жилище мертвыхъ камнемъ, служащимъ въ нѣкоторомъ родѣ могильнымъ памятникомъ. Эти камни были одиноки и разсѣяны въ разныхъ мѣстахъ, такъ какъ лопари не хоронили своихъ покойниковъ ни въ курганахъ, ни въ дольменахъ. Около этихъ мѣстъ происходили жертвоприношенія въ честь усопшаго. Эти Сайво-Кедде или священные камни сдѣлались впослѣдствіи Сейтаръ по мѣрѣ того, какъ съ теченіемъ времени воспоминаніе о ихъ первоначальномъ значеніи ослаблялось, развился антропоморфизмъ, и лопари научились познавать боговъ другихъ народовъ, т. е. боговъ Готовъ и Свеаровъ, изображаемыхъ видимымъ образомъ. Съ тѣхъ поръ стали воздвигать Сейтаръ подъ вліяніемъ другой мысли: имъ не придавали уже значенія памятниковъ, поставленныхъ въ честь предковъ, на нихъ стали смотрѣть какъ на боговъ предковъ. Камень одѣлили способностью жить, двигаться, ѣсть, пить, причинять несчастіе. Онъ принадлежалъ личности, семьѣ, роду [4].

Сопоставляя вышесказанное, мы видимъ, что лопари, имѣвшіе на каждую семью своего домашняго духа, имѣли и сейдовъ отдѣльно для каждой семьи или рода, причемъ лишь нѣкоторымъ наиболѣе могущественнымъ поклонялись цѣлыя селенія. Имя Сторьюнкаре придавалось въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ одинаково, какъ домашнимъ духамъ, такъ и Сейдамъ; далѣе слово Сайво, имѣющее значеніе душъ усопшихъ, служило и для обозначенія сейтовъ. Наконецъ и названіе Kenttä-Kiwet, придававшееся священнымъ кам-

---

[1]) Mone. Geschichte des Heidenthums, I, стр. 36.
[2]) Ibid, p. 31.
[3]) A. Castren: Reiseerinnerungen aus den Jahren 1838–1844, p. 60.
[4]) Düben: La Laponie et les Lapons (въ Congres international des Sciences géographiques 1878, p. 332).

нямъ, наводитъ на мысль, что эти послѣдніе были пенатами лопарей. Итакъ, уже на основаніи этихъ сопоставленій можно придти къ тому-же заключенію, къ которому пришелъ Дюбенъ, не касаясь даже соотношенія словъ сите и сейта, на которое указываетъ Мопе. Въ самомъ дѣлѣ, если мы впослѣдствіи и встрѣчаемся съ вѣрованіями въ сейтовъ, какъ боговъ, если употребительными являются помазанія яствами и питьемъ священныхъ камней,—все это еще не служитъ опроверженіемъ теоріи происхожденія сейтовъ отъ могильныхъ памятниковъ и поклоненія имъ—отъ поклоненія лежащимъ подъ этими камнями предкамъ. Мало того, вѣроятнѣе предположить, что лопари, подобно многимъ другимъ народностямъ, останавливались при своихъ перекочевкахъ именно на мѣстахъ, на которыхъ были похоронены ихъ предки, что обмазываніе жиромъ камней явилось лишь символическимъ кормленіемъ предковъ подобно тому, какъ у другихъ народовъ обычай положенія предметовъ обихода въ могилу замѣнился высѣченіемъ или вырисовываніемъ на могильномъ камнѣ изображеній этихъ предметовъ.

Какъ ни убѣдительными могутъ казаться высказанныя выше соображенія, важно однако знать, какое происхожденіе приписывали сами лопари своимъ сейдамъ. Ожидать, что у нихъ сохранилось ясное представленіе объ этомъ, конечно, нельзя, но подчасъ по сказаніямъ, по отрывочнымъ даннымъ мы можемъ судить о представленіяхъ того или иного народа съ достаточной ясностью, на основаніи преданій возстановить древнее воззрѣніе народа на тотъ или другой предметъ.

Въ этомъ отношеніи мы находимъ разнообразныя представленія: такъ Гегстремъ, говоря о сейдахъ, замѣчаетъ, что никто не знаетъ, кто и когда ихъ положилъ на мѣста ихъ нахожденія, но, заключаетъ онъ, меня лопари хотѣли убѣдить, что эти мѣста назначены сейдамъ отъ самаго сотворенія міра [1]). Ясно, что въ мѣстностяхъ Лапландіи, знакомыхъ Гегстрему, придставленіе о происхожденіи сейдовъ утратилось совершенно, что и заставило лопарей относить ихъ происхожденіе къ эпохѣ сотворенія міра. Но если дѣло стояло такъ въ лопарскомъ округѣ Луле, то въ финляндской Лапландіи мы находимъ уже болѣе ясныя представленія по этому вопросу; тамъ вѣровали, что самымъ близкимъ лицомъ, стоявшимъ къ Богу, былъ сейдъ; что касается ихъ происхожденія, то лопари сообщаютъ свѣдѣнія, хотя и сбивчивыя, которыя замѣчаетъ изслѣдователь, однако позволяютъ придти къ выводамъ; происхожденіе сейдовъ объясняется слѣдующимъ образомъ: если колдунъ не соблюдаетъ нѣкоторыхъ условій при совершеніи колдовства, онъ превращается въ камень [2]). Съ вѣрованіемъ какъ современныхъ, такъ и древнихъ лопарей русскихъ, что колдуны обращаются въ камни, намъ придется встрѣтиться ниже. Здѣсь отмѣчу лишь тотъ фактъ, что, по воззрѣніямъ лопарей финляндскихъ, сейдамъ приписывалось человѣческое происхожденіе; важно въ этомъ воззрѣніи и то, что въ камень обращается колдунъ, а не кто-либо иной. Дѣло въ томъ, что, какъ будетъ ясно изъ свѣдѣній, которыя мы имѣемъ о древнихъ нойдахъ, у лопарей долгое время всякій глава семьи былъ нойдой, колдуномъ, (а иногда и шаманомъ), и древнее колдовство стояло въ тѣсной связи съ родовой религіей; разъ нойдой съ одной стороны является глава семьи,

---

[1]) Högström. Beschreibung, p. 201—02.
[2]) Erman· Archiv, p. 361.

а съ другой нойда, по воззрѣніямъ лопарей, обращается въ камень, можно видѣть съ достаточнымъ основаніемъ въ этомъ объясненіи происхожденія сейдовъ, лишь позднѣйшее искаженіе древняго значенія сейда, какъ могильнаго памятника или вѣрованія въ него, какъ въ жилище предка-нойды.

Болѣе ясное воспоминаніе сохранилось среди современныхъ русскихъ лопарей о происхожденіи сейды отъ предка. Это преданіе, относящееся дѣйствительно лишь къ одному священному камню, тѣмъ не менѣе является все-таки выразителемъ представленій современныхъ русскихъ лопарей о происхожденіи сейды, и въ этомъ своемъ значеніи является тѣмъ болѣе цѣннымъ. Приведу это нѣсколько длинное преданіе дословно. Считаю долгомъ отмѣтить, что нижеприведенное преданіе считается лопарями не сказкой, а былью, слѣдовательно, въ дѣйствительности бывшимъ фактомъ.

Недалеко отъ Печенги, на тундрѣ Угъ—ойвъ, находится, по словамъ О. К. Щеколдина, камень, называемый лопарями Реттъ. Камень произошелъ слѣдующимъ образомъ: „жили очень давно на озерѣ Яурь-Арви-вальдимъ въ Печенгѣ два лопаря, родные братья. Оба были женаты и имѣли по одному сыну. Былъ у нихъ *отецъ* нойда, большой колдунъ, называемый Сырнецъ. Онъ вмѣстѣ съ ними не жилъ, а жилъ отдѣльно въ лѣсу, какъ чертъ (чертъ) и къ сыновьямъ ходилъ очень рѣдко, такъ какъ они не любили его за его жизнь. Кромѣ того онъ никогда не ѣлъ вмѣстѣ съ ними, а всегда просилъ отдѣльно. Разъ братья пошли въ тундру промышлять дикихъ оленей, а жены ихъ вскорѣ поѣхали на озеро смотрѣть сѣти. Лишь дѣти остались дома. Имъ-то и сказали: какъ придетъ старикъ дѣдко и запроситъ ѣсть, то вы мяса ему не варите, а сварите рыбы: возьмите въ амбарѣ свѣжей или соленой, все равно. Еще если скажетъ вареной рыбы не хочу, то изжарьте. Мяса же на варите ему. Вскорѣ послѣ нихъ старикъ и пришелъ. Онъ поздоровался съ внучатами и сѣлъ на лавку: усталъ, дѣтки, говоритъ, старъ сталъ. Посидѣлъ немного и сказалъ: я ѣсть хочу.—Чего мы тебѣ сваримъ, дѣдко, спросили они.—Постойте ужо я подумаю; захватилъ голову руками и долго думалъ. Наконецъ сказалъ: варите мяса. Ребята помнили, что имъ мяса варить не велѣли, но сказать объ этомъ старику не смѣли и боялись. Они побѣжали въ амбаръ, принесли шею отъ дикаго оленя, разрубили ее на большіе куски сами, положили въ большой котелъ и съ трудомъ подняли его на крюкъ. Мясо сварилось и опять они едва-едва сняли котелъ съ крючка и огня, а старикъ, глядя на нихъ, не пособилъ и только смотрѣлъ. Вытянули они мясо изъ котла и положили не на кару (тарелка), а въ большую деревянную чашку. Положили на столъ, и старикъ сѣлъ ѣсть. Мясо онъ почти все съѣлъ и оставилъ самую бездѣлицу. Это онъ отдалъ дѣтямъ и сказалъ: это вамъ—ѣшьте.

Послѣ этого дѣдко поблагодарилъ ребятъ и сталъ говорить: я сегодня былъ послѣдній разъ, скажите отцамъ и матерямъ. Скажите еще: оленей у нихъ будетъ много, дикихъ оленей они также будутъ доставать хорошо. Озера имъ рыбы тоже дадутъ, только на этомъ мѣстѣ или при этомъ озерѣ не будетъ никогда больше двухъ тупъ и въ каждой тупѣ мужикъ будетъ только одинъ. Болѣе этого не будутъ жить. Теперь я пойду на Угъ-Ойвъ и тамъ сяду и буду сидѣть всегда лицомъ сюда и буду смотрѣть сюда. Еще скажите имъ, что когда я зашумлю на Угъ-Ойвѣ, тогда пусть они никуда не ходятъ и не ѣздятъ, потому что тогда будетъ большая погода (буря). Когда же бу-

детъ ясно и не будетъ шума, пусть идутъ и ѣдутъ куда нужно и всегда воротятся съ тѣмъ, зачѣмъ поѣхали. Пусть также они просятъ у меня хорошей погоды, и я ее дамъ. Сказавъ это, онъ ушелъ, куда сказалъ и тамъ окаменѣлъ.

Вскорѣ послѣ пріѣхали матери. Онѣ зашли въ избу и увидѣли мясной котелъ, поэтому сейчасъ спросили дѣтей: дѣдко былъ у васъ?—Былъ.—Что ему варили? — Мы варили ему оленью шею, мясо: онъ просилъ мяса, и мы боялись ему сказать, что намъ не велѣно; пошли въ амбаръ, увидѣли мясо и сварили. Матери, услышавъ это, забранили ихъ, сколько могли и хотѣли ихъ бить; въ это время онѣ отъ устали сѣли на лавку и встать больше не могли. Ихъ какъ будто тутъ кто держалъ. Ребятъ поэтому еще болѣе того бранили, да бранили старика. Немного погодя, пріѣхали изъ лѣса и братья. Дѣти побѣжали на встрѣчу. Они спросили: а гдѣ матери?—Онѣ пріѣхали съ озера, сѣли на лавку и не могутъ встать.—А дѣдко былъ у васъ?—Былъ.—Чѣмъ кормили его?—Онъ просилъ мяса, и мы варили ему мясо. Онъ почти все съѣлъ. Отцы забранились на ребятъ, а меньшой ударилъ своего сына по головѣ. Старшій братъ пошелъ въ избу и, не говоря никому ни слова, ударилъ своей рукой жену по спинѣ и она вскочила. Потомъ ударилъ и другую и она вскочила. Ребятъ послѣ этого еще побранили и стали ихъ спрашивать, что дѣдко говорилъ. (Дѣти повторяютъ слова дѣда). Братья, услыша это, еще больше разсердились и на другой день рѣшились камень-старика сжечь. На другой день погода была хороша; они нарубили смоляныхъ дровъ сухихъ и поѣхали на оленяхъ камень жечь. Лишь только стали подниматься наверхъ, какъ поднялась буря и не только не дозволила имъ далѣе ѣхать, но даже съ оленями ихъ бросила почти до дому. На другой день опять было свѣтло и опять братья поѣхали. Повторилось тоже. Поѣхали они и на третій день, при хорошей погодѣ, но случилось тоже, и, кромѣ того, у меньшаго брата олень, когда побѣжалъ съ горы, сломалъ себѣ ногу. И каждый разъ, какъ они возвращались къ дому, буря утихала; поэтому, послѣ третьяго раза, братья не хотѣли болѣе ѣхать и сказали: сиди же ты тамъ камнемъ. Этотъ камень и называется теперь Рептъ-кедги—что значитъ Рептъ-камень".

По словамъ лопарей, этотъ камень и теперь стоитъ на Угъ-Ойвѣ и имѣетъ будто-бы видъ сидящаго человѣка. Послѣ этого, говорятъ лопари, дѣйствительно, тутъ никогда не бывало болѣе двухъ тупъ и въ каждой тупѣ жило только по одному мужчинѣ; когда-же рождались дѣти мужскаго пола, то, по достиженіи ими 8 — 10-лѣтняго возраста, кто-нибудь изъ мужчинъ умиралъ. Женскаго-же пола, говорятъ, бывало и много. И въ настоящее время тамъ живутъ лишь два лопаря. По горѣ, на которой сидитъ окаменѣлый старикъ и до настоящаго времени узнаютъ погоду, а въ прежнее время, по словамъ лопарей, мѣстные лопари тутъ передъ камнемъ просили хорошей погоды.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ этомъ преданіи рѣчь идетъ о сейдѣ, и важно то, что этотъ сейдъ, есть ничто иное, какъ окаменѣлый отецъ, дѣдъ лицъ, дѣйствующихъ въ этомъ преданіи. Имѣя такое преданіе, хотя бы относительно одного сейда, нельзя сомнѣваться, что и въ средѣ самихъ лопарей существуетъ хотя бы и темное воспоминаніе о связи сейдовъ съ ихъ древними Сайво. Впослѣдствіи эта связь, постепенно утрачиваясь, привела къ представленію, что лишь колдуны обращаются въ камни и, утра-

тившись окончательно,—къ убѣжденію, что сейды стоятъ на своихъ мѣстахъ съ сотворенія міра.

Но если въ вышеприведенномъ преданіи лопарей и указано на происхожденіе священнаго камня отъ превращенія предка въ камень, мы не встрѣчаемъ преданій, свидѣтельствующихъ о происхожденіи сейдовъ изъ могильныхъ памятниковъ. Однако, къ этому заключенію приводитъ насъ естественно слѣдующее соображеніе: разъ въ эти камни вселяется духъ предка, разъ этотъ камень есть даже просто окаменѣлый предокъ и сейду дается названіе тождественное съ названіемъ душъ усопшихъ (Сайво) или домашняго духа (Сторьюнкаре), то чѣмъ другимъ можно объяснить поклоненіе камню, какъ не тѣмъ, что культъ предка былъ перенесенъ на стоящій одиноко камень, подъ которымъ онъ былъ похороненъ, и около которагo естественно лопари и останавливаются при своихъ перекочевкахъ. Фактъ перехода почитанія предка къ камню, подъ которымъ онъ похороненъ, часто встрѣчающійся среди другихъ народовъ, слишкомъ извѣстенъ, чтобы существованіе этого перехода у лопарей могло казаться страннымъ и нелогичнымъ.

Но возникнувъ изъ факта почитанія могилы предка, вѣра въ сейтовъ пережила среди лопарей нѣсколько стадій. Если въ преданіи о камнѣ Рентъ, камень считается окаменѣлымъ старикомъ, силу и вліяніе которагo можно уничтожить, если уничтожить самый камень, то въ другихъ мѣстностяхъ Лапландіи камень являлся лишь жилищемъ, вмѣстилищемъ для духа. Какое изъ двухъ представленій болѣе древне, сказать трудно; но вѣроятно послѣднее и вотъ почему: разъ признать, что сейдъ есть ничто иное, какъ могильный памятникъ, то естественно, что вѣрованіе, согласно которому, въ камнѣ-ли или подъ камнемъ, въ могилѣ, живетъ духъ, требующій приношеній — кормленія, безъ чего онъ умираетъ, болѣе древне, чѣмъ представленіе о камнѣ, какъ о богѣ.

Повидимому также это представленіе о духѣ, живущемъ въ камнѣ, было и болѣе распространено среди лопарей и повело къ жертвенному ритуалу.

Такъ какъ сейды считались покровителями семействъ, то во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ имъ приносили жертвы; приносили имъ ихъ для того, чтобы они способствовали хорошему улову, удачной охотѣ, давали хорошую погоду и т. п. Жертвоприношенія совершались около самихъ сейдовъ; само мѣсто, гдѣ стоялъ священный камень, считалось святымъ; его обносили оградой, и никто не смѣлъ входить за предѣлы этой ограды безъ жертвенной цѣли. Вотъ почему даже въ древнее время лопари неохотно показывали мѣста, на которыхъ стояли сейды: они боялись, что за это ихъ постигнетъ наказаніе и разсказывали Гегстрему примѣры, какъ лишались здоровья, а иногда и жизни тѣ, которые приходили съ цѣлью разрушить или осквернить священный камень [1]. Женщины къ сейдамъ, какъ къ родовой святыни, не допускались.

Единообразія въ жертвенномъ ритуалѣ, по отношенію къ сейдамъ, мы не встрѣчаемъ; обыкновенно, пока сейдъ оставался семейной, родовой собственностью, жертву ему приносилъ глава семьи, рода; въ тѣхъ мѣстностяхъ однако, гдѣ сейды превратились уже въ боговъ общественныхъ, утратили свой исключительный характеръ божествъ родовыхъ или семейныхъ, тамъ жертву сейду приносилъ нойда.

[1] Högström. Beschreibung, p. 202.

Лопари-охотники, въ случаѣ если убивали птицъ, бѣлокъ или какое-нибудь другое животное около священной ограды, въ которой заключенъ сейдъ, должны были отдать въ жертву камню ноги (крылья) и голову своей добычи. Гегстремъ сообщаетъ, со словъ одного колониста, что когда онъ увидалъ, какъ лопарь приноситъ въ жертву камню голову, ноги и крылья убитаго имъ тетерева, онъ удивился и спросилъ лопаря, для чего онъ это дѣлаетъ; тотъ отвѣчалъ, что за принесенную имъ сейду жертву онъ ждетъ, что этотъ послѣдній изъ пожертвованнаго создастъ новыхъ птицъ и пошлетъ ему ихъ при охотѣ [1]).

Лопари-рыболовы мазали своихъ сейдовъ рыбьимъ жиромъ, чтобы сейдъ подавалъ имъ болѣе счастливую ловлю, и, когда жиръ засыхалъ отъ лучей солнца, они полагали, что сейдъ съѣдалъ жертву [2]).

Сейдамъ приносили въ жертву и оленей, причемъ жертвенной кровью ихъ окропляли или обмазывали. Бросаніе обмазаннаго жертвенной кровью камня на гору, гдѣ стоялъ сейдъ, было также въ обычаѣ у лопарей нѣкоторыхъ мѣстностей.

Особенно характернымъ является разсказъ Кастрена о жертвоприношеніяхъ сейдамъ: онъ говоритъ, что и ему довелось слышать разсказы, что лопари передъ охотой на дикихъ оленей даютъ обѣтъ въ случаѣ удачнаго исхода охоты принести въ жертву сейду голову и шею оленя. Остальную часть оленя охотники съѣдали на мѣстѣ жертвоприношенія: тѣмъ не менѣе они возвращались съ голоднымъ желудкомъ, такъ какъ все, что они съѣдали, шло въ прокъ не имъ, а сейду [3]).

Нельзя сомнѣваться, что во всѣхъ этихъ случаяхъ и приношенія въ жертву сейду частей животнаго и обмазыванія сейда жиромъ мы имѣемъ дѣло съ фактомъ кормленія самаго камня либо того духа, который въ камнѣ живетъ. А это кормленіе въ свою очередь есть лишь переживаніе обычая кормленія предковъ. Эта пища была необходима для сейда, какъ она является необходимой по воззрѣніямъ многихъ народовъ и для покойниковъ; и подобно тому какъ покойники, оставаясь безъ пищи, могли умереть, такъ умиралъ и сейдъ, если его переставали кормить; наконецъ подобно тому, какъ жертвенное мясо шло не въ прокъ кушающимъ, а на пользу сейда, такъ и поминальное пиршество служило въ пользу покойниковъ. Поразительное сходство съ культомъ сейдовъ среди лопарей многихъ мѣстностей мы встрѣчаемъ между прочимъ у осетинъ въ ихъ культѣ покойниковъ. Одно изъ самыхъ тяжкихъ оскорбленій для осетина это выраженіе: „чтобы твои покойники умерли на томъ свѣтѣ", а умереть они могутъ лишь тогда, когда живущіе на землѣ ихъ родичи перестанутъ кормить ихъ—поминать болѣе или менѣе богатыми пирами. „На поминки смотрятъ, пишетъ В. Ѳ. Миллеръ [4]), какъ на кормленіе мертвыхъ; говорятъ, что пища, которую ѣдятъ на поминкахъ, не идетъ въ пользу съѣвшаго, но ея *сила* переходитъ къ мертвому, такъ что плотно поѣвшій на поминальной пирушкѣ, придя домой, имѣетъ право спросить себѣ обычный обѣдъ". Тѣ-же взгляды,

---

1) Ibid, p. 202, 212,
2) Ibid, p. 213.
3) A. Castren: Reiseerinnerungen, p. 108.
4) Всев. Ѳ. Миллеръ. Осетинскіе этюды II, стр. 287.

которые руководятъ осетинами при устройствѣ поминокъ, разорительно дѣйствующихъ подчасъ на благосостояніе семьи, руководили и лопарями при кормленіи сейдовъ: именно продолжать ихъ жизнь, слѣдовательно и силу.

А что сейды дѣйствительно, по мнѣнію лопарей, умирали, если члены семьи или рода переставали ихъ кормить, свидѣтельствуетъ Гегстремъ: когда перестаютъ приносить имъ жертвы, пишетъ онъ, они теряютъ все свое могущество и не бываютъ въ состояніи приносить ни добра, ни зла [1]).

Если лопари кормили сейдовъ, обмазывая ихъ самихъ жиромъ и жертвенной кровью, то это происходило частью какъ символъ, частью отъ постепеннаго отождествленія духа, живущаго въ камнѣ, съ самимъ камнемъ. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ это отождествленіе побѣдило прежнее представленіе о духѣ-жильцѣ камня, гдѣ стали обоготворять самый камень, тамъ прежній культъ предка замѣнился фетишизмомъ: кормили самый камень, его, этотъ камень надѣляли способностью жить, двигаться; отсюда, если сейдъ оказывался виноватымъ въ чемъ-нибудь въ глазахъ лопарей, его подвергали наказанію: либо били его, либо, въ болѣе важныхъ случаяхъ, откалывали отъ сейда кусокъ либо другимъ камнемъ, либо топоромъ: это должно было причинять ему боль [2]). Если сейдъ оказывался опаснымъ для лопаря сосѣдомъ — его сжигали, раздробляли, топили. Въ преданіи печенгскихъ лопарей мы уже видѣли, что сыновья, не зная, какъ отдѣлаться отъ своего отца-сейда, рѣшаются подвергнуть его сожженію.

Вообще въ вѣрованіяхъ лопарей въ сейдовъ и въ культѣ ихъ слѣдуетъ отличать два противоположныхъ направленія — одно, если такъ можно выразиться, прогрессивное, другое регрессивное. Съ одной стороны вѣра въ предка, похороненнаго подъ камнемъ, приводитъ къ представленію о существованіи, вообще, какого-то духа, живущаго въ камнѣ, котораго, какъ и предка, слѣдуетъ кормить, чтобы онъ жилъ и былъ полезенъ для своихъ сородичей — отсюда жертвоприношенія. Развиваясь дальше, это представленіе ведетъ къ вѣрованію, что существуетъ одинъ высшій сейдъ, наиболѣе могущественный, котораго лопари постепенно и выдѣляютъ отъ прочихъ каменныхъ собратій его, включая его въ сонмъ своихъ высшихъ боговъ, но продолжая его называть неопредѣленнымъ именемъ Сторьюнкаре, которое изъ нарицательнаго дѣлается именемъ собственнымъ. Жертвоприношенія, которыя прежде имѣли цѣлью кормить сторьюнкаре-сейду, совершаются теперь для умилостивленія могущественнаго бога Сторьюнкаре, властителя надъ животными.

Другое теченіе шло какъ разъ противоположнымъ путемъ: духа предка, жившаго подъ камнемъ, постепенно предали забвенію; кормленіе его обратилось въ кормленіе камня. Живымъ существомъ, божествомъ становился самъ камень и такимъ образомъ, идя постепенно, грубый фетишизмъ замѣнилъ собою прежній культъ предковъ. Это насъ не должно удивлять, такъ какъ лопари въ этомъ отношеніи представляютъ далеко не единственный примѣръ среди группы языческихъ народовъ. Не единственный также это примѣръ проявленія фетишизма у лопарей: повидимому въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Лапландіи лопари имѣли небольшихъ фетишей, которыхъ и носили съ собой по-

[1]) Högström. Beschreibung, p. 202.
[2]) Erman. Archiv, p. 362.

стоянно. Такъ Гоггюеръ, бывшій въ Лапландіи въ 1828 году, пишетъ, что его проводникъ, лѣсной лопарь (Waldlappe), человѣкъ, слѣдовательно, какъ и всѣ лѣсные лопари, подвергшійся уже вліянію цивилизаціи и просвѣщенія, сообщилъ ему подъ условіемъ сохраненія глубочайшей тайны, что онъ имѣетъ маленькаго идола, котораго онъ постоянно носитъ при себѣ. Этотъ идолъ былъ проданъ ему старухой колдуньей, и онъ увѣрялъ, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался его обладателемъ, ему во всемъ везетъ и что идолъ охраняетъ его отъ всѣхъ опасностей и болѣзней. Послѣ долгихъ просьбъ Гоггюера лопарь рѣшился ему показать своего фетиша, и оказалось, что это была крайне грубо сдѣланная изъ оленьяго рога человѣческая фигура [1]). Къ сожалѣнію старательность, съ которой лопари скрывали своихъ фетишей отъ посторонняго взгляда, не даетъ возможности судить о распространенности этого рода фешитизма среди нихъ.

Что касается могущества сейдовъ и ихъ дѣятельности, то она выражалась самымъ разнообразнымъ образомъ и лопари ожидали отъ нихъ равно добра и зла: въ общемъ сейды, повидимому, имѣли большое вліяніе на всю жизнь лопаря, на всѣ проявленія его дѣятельности; это-то вмѣшательство сейдовъ во всѣ дѣла покровительствуемаго имъ семейства и породило рядъ сказаній, бывшихъ въ большомъ ходу у лопарей и неутратившихся въ ихъ средѣ и по настоящее время.

Передамъ нѣкоторые изъ этихъ разсказовъ. Гегстрему разсказывалъ одинъ лопарь, что когда онъ однажды случайно подошелъ слишкомъ близко къ священному камню и, испугавшись самъ своего поступка, обѣщался принести ему жертву, сейдъ все-таки не умилостивился и ночью послалъ волка, который и опустошилъ стада несчастнаго лопаря.

Тотъ-же авторъ передаетъ, что недалеко отъ Гелливара находится сейдъ, около котораго положенъ топоръ. По поводу этого ходитъ слѣдующее преданіе: лопарь, по имени Патто-подніе, вступилъ въ единоборство со Стало, котораго онъ подозрѣвалъ въ незаконномъ сожительствѣ со своею дочерью; такъ какъ, однако, лопарь не могъ одолѣть Стало, то онъ призвалъ на помощь этого сейда; Стало сдѣлалъ тоже самое; лопарь сталъ давать всевозможныя обѣщанія сейду, но его противникъ дѣлалъ то-же и вслѣдствіе этого сейдъ не зналъ, кому изъ двухъ помогать; лопарь, наконецъ, догадался дать обѣтъ сейду въ случаѣ помощи пожертвовать ему топоръ, который Стало держалъ въ рукахъ; сейдъ пришелъ на помощь и Стало былъ убитъ. Съ тѣхъ поръ и лежитъ топоръ около сейда [2]).

Кастренъ, говоря объ озерѣ Сейдаіерви (Seidajärwi), приводитъ слѣдующій разсказъ своего проводника объ этомъ озерѣ: на этомъ озерѣ стоялъ прежде сейдъ. Этотъ сейдъ принадлежалъ колдуну Лампсало, который подъ покровительствомъ своего бога всегда успѣшно ловилъ рыбу. Другой колдунъ сталъ ловить на противоположномъ берегу озера, но у него не было сейда, вслѣдствіе чего ловъ его всегда былъ неудаченъ, тогда какъ у Лампсало сѣти всегда были полны рыбой. Тогда колдунъ, воспользовавшись сномъ Лампсоло, уничтожилъ сейда, вслѣдствіе чего счастье оставило Лампсало, въ то время какъ ловъ у колдуна сталъ удаваться. Лампсоло добылъ себѣ втораго

[1]) Hoggner. Reise nach Lappland, p. 95, 96.
[2]) Högström. Beschreibung, p. 203, 205.

сейда и счастье снова вернулось къ нему. Колдунъ снова его уничтожилъ и счастіе опять оставило Лампсоло. Чтобы положить конецъ спору, оба колдуна согласились встрѣтиться на близъ лежащей горѣ и состязаться въ искусствѣ колдовства. Лампсало явился на условленное мѣсто, принявъ видъ оленя и надѣялся, что подъ этимъ видомъ противникъ его не узнаетъ. Однако когда колдунъ увидалъ поднимающагося на гору оленя, онъ закричалъ ему еще издали: это ты Лампсоло! Лампсоло объявилъ себя побѣжденнымъ и убѣжалъ, сознавая, что онъ безъ помощи сейда ровно ничего сдѣлать не можетъ [1]).

Подобные разсказы распространены по всей Лапландіи и теперь, какъ они были распространены и во время Гегстрема. Къ циклу ихъ принадлежитъ и приведенное мною выше преданіе печенгскихъ лопарей. Къ числу этого обширнаго цикла разсказовъ принадлежитъ и преданіе лопарей о томъ, что на островѣ противъ Экостровскаго погоста жилъ прежде богъ, который не любилъ, чтобы мимо его жилища проѣзжали ночью. Въ жертву ему приносили оленьи рога, и количество этихъ роговъ было такъ велико, что загромоздило весь островъ; жертвовавшимъ онъ посылалъ хорошій промыселъ [2]).

Культъ сейдовъ, какъ я говорилъ уже выше, былъ распространенъ по всей Лапландіи; о немъ свидѣтельствуютъ уже разсказы, записанные какъ въ скандинавской и финляндской, такъ и въ разныхъ мѣстностяхъ русской Лапландіи. Культъ этотъ держался очень стойко и долго противостоялъ вліянію христіанства: это объясняется какъ тѣмъ, что само вѣрованіе въ сейдовъ было ближе, доступнѣе лопарямъ, такъ и тѣмъ, что благодаря уединенности мѣстностей, гдѣ сейды стояли, почитаніе ихъ оставалось болѣе незамѣченнымъ, не било такъ сильно въ глаза проповѣдникамъ, какъ культъ высшихъ боговъ и духовъ и, вслѣдствіе этого, не вызывалъ и такихъ преслѣдованій. Въ финляндской Лапландіи онъ успѣлъ окончательно рухнуть, не оставивъ по себѣ ничего, кромѣ преданій о бывшихъ вѣрованіяхъ. Что касается собственно русской Лапландіи, то хотя мнѣ, не смотря на всѣ старанія и не удалось узнать ни отъ лопарей, ни отъ колянъ ничего, что могло-бы подтвердить фактъ существованія среди современныхъ русскихъ лопарей почитанія сейдовъ—я все-таки не рѣшаюсь вполнѣ отрицать существованіе его и по настоящее время. Стараніе, съ которымъ лопари скрываютъ вообще свои старинныя вѣрованія и обряды отъ постороннихъ взоровъ, можетъ достаточно объяснить, что, быть можетъ, существованіе того или иного сейда и фактъ поклоненія имъ остался неизвѣстнымъ не только путешественнику по лопарской землѣ, какъ я, но и самимъ колянамъ, имѣющимъ почти непрерывныя сношенія съ лопарями какъ въ городѣ, такъ и въ лопарскихъ погостахъ.

Какъ-бы то ни было, несомнѣнно то, что, если культъ сейдовъ и не исчезъ еще вполнѣ съ лица лопской земли—онъ во всякомъ случаѣ обреченъ къ скорому исчезновенію. Теперь уже стоятъ запустѣлыми многія капища, въ которыхъ, быть можетъ, въ недавнее, сравнительно, время приносились еще жертвы. Такъ, по словамъ нѣкоторыхъ колянъ, на Рыбачьемъ полуостровѣ (Шараповъ наволокъ), на высокой скалѣ находится за-

---

1) A. Castren. Reiseerinnerungen, p.p. 23, 24.
2) Немировичъ-Данченко: Страна Холода, стр. 210.

брошенное въ настоящее время капище: среди площадки, которую образуетъ вершина скалы, находится расселина, довольно глубокая. На днѣ этой расселины видиѣются въ большомъ числѣ наброшенные рога оленей и кости животныхъ. Въ настоящее время на этомъ мѣстѣ жертвъ уже не приносятъ.

Далѣе, недалеко отъ Вакъ-озера, на тундрѣ Калгъ-ойвѣ, на наволокѣ Калгъ-няргъ, по словамъ о. Константина Щеколдина, также находится древнее капище: въ прежнее время, говорятъ лопари, здѣсь приносили въ жертву оленей; былъ-ли тутъ сейдъ — объ этомъ лопари не говорятъ; сюда приводили оленя и привязывали его какимъ-то способомъ такъ, что если-бы кто и отвязалъ оленя, онъ все-таки уйти не могъ-бы; теперь, прибавляютъ при этомъ лопари, такъ привязывать никто не умѣетъ.

Въ Печенгѣ, на осеннихъ мѣстахъ лопарей тоже есть старинное капище; къ нему приводили оленей и овецъ и носили рыбъ; къ жертвователямъ, по преданію, все возвращалось въ изобиліи, множились у нихъ и олени и овцы, и ловъ шелъ удачнѣе.

Такое капище находится на тундрѣ Сидоваръ (Сидъ-сейдъ и варъ—гора), находящейся не далеко отъ Чалмозера (Чалмъ—значитъ глаза, озеро названо такъ оттого, что въ него впадаетъ и истекаетъ изъ него рѣка Пазъ и съ двухъ другихъ сторонъ впадаетъ въ него Кучь-озеро и истекаетъ въ долгую губу — такъ что само озеро представляется лопарямъ, похожимъ на человѣческое лицо). Сюда, по преданію, также привязывали овецъ и оленей и за свои жертвоприношенія лопари получали или хорошую погоду, или дурную, смотря по желанію. Кричали: дай такую-то погоду,—и божество имъ посылало. Преданіе гласитъ, что въ случаяхъ нашествія Чуди, болѣе всего сюда обращались.

О молитвахъ, приносимыхъ прежде передъ камнемъ Рептъ, — я говорилъ уже выше; и онъ давалъ согласно прошеніямъ лопарей хорошую погоду.

На рѣкѣ Тульмѣ показываютъ также нѣсколько мѣстъ, гдѣ также по преданію приносили жертвы, гдѣ стояли сейды, изъ которыхъ одни забыты, другіе, по словамъ лопарей, исчезли чудеснымъ образомъ сами.

Это сравнительно большое количество брошенныхъ капищъ служитъ нагляднымъ доказательствомъ какъ распространенности культа сейдовъ въ древнее время, такъ и упадка его въ настоящее время. Находя брошенныя капища почти что во всѣхъ мѣстностяхъ русской Лапландіи и не имѣя данныхъ, свидѣтельствующихъ о существованіи и теперь еще культа сейдовъ, если и рискованнымъ является утвержденіе, что этотъ культъ сейдовъ окончательно исчезъ въ современной русской Лапландіи—можно, тѣмъ не менѣе, съ увѣренностью утверждать, что побѣда въ данномъ случаѣ и при томъ побѣда несомнѣнная осталась за христіанствомъ.

Эта побѣда, однако, досталась христіанству нелегко, такъ какъ вѣра въ сейдовъ держалась почти до послѣдняго времени, и точное указаніе мѣстностей, гдѣ прежде приносились лопарями жертвы, служитъ достаточнымъ доказательствомъ того, что эти жертвоприношенія на означенныхъ мѣстахъ прекратились сравнительно недавно. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ этой борьбѣ лопари также старались освятить своихъ сейдовъ, какъ они старались дѣлать это и съ своими идолами; и мы также имѣемъ указанія, что, стараясь примирить христіанство съ язычествомъ, лопари на сейдахъ, какъ и на идолахъ жертвенною кровью чертили знаменіе креста.

Съ вѣрованіемъ въ сейдовъ, равно какъ и съ вѣрованіями въ сонмъ духовъ тѣсно стоялъ шаманизмъ, и поэтому было-бы естественно перейти теперь къ нему; однако, прежде чѣмъ приступить къ изложенію древняго шаманизма и современнаго и древняго колдовства, я считаю нелишнимъ изложить еще нѣкоторыя вѣрованія лопарей, частью сложившіяся подъ вліяніемъ христіанства, частью носящія на себѣ слѣды глубокой старины; это представленіе древнихъ лопарей о чертѣ, преданіе о потопѣ, слѣды почитанія луны и вѣрованія, сопряженныя съ двумя главными врагами стадъ лопарей—волкомъ и медвѣдемъ. Христіанство, кромѣ того, внесло еще слѣдующій новый элементъ въ воззрѣнія лопаря: многіе святые замѣнили собой древнихъ лопарскихъ божествъ и чтились лопарями какъ въ настоящее, такъ и въ древнее время. Очеркъ вѣрованій лопарей былъ-бы не полонъ, если-бы въ него не включить и суевѣрія лопарей и вѣрованія ихъ въ сновидѣнія. Лишь понявъ, насколько лопарь суевѣренъ, можно объяснить себѣ, отчего колдовство могло въ такой сильной степени удержаться въ ихъ средѣ, не уступить напору христіанства.

Что касается вѣрованій лопарей въ черта, то нѣтъ сомнѣнія, что они сложились подъ сильнымъ вліяніемъ христіанства; однако, даже въ тѣхъ немногихъ сказаніяхъ, которыя сохранили для насъ древніе писатели, нельзя не замѣтить и слѣдовъ древняго міровоззрѣнія лопаря. Въ современныхъ вѣрованіяхъ русскаго лопаря мы видимъ, что черта, такъ сказать, нѣтъ вовсе, а существуютъ лишь черти, различные какъ по своему могуществу и дѣятельности, такъ и по своему происхожденію. Въ чертей превратились въ настоящее время почти всѣ духи древнихъ лопарей, и соотвѣтственно этому, смотря какой духъ превратился въ черта или порта, какъ говорятъ русскіе лопари,—онъ то живетъ одинокъ и нелюдимъ въ лѣсу, то населяетъ воду, то служитъ колдуну и т. д., представителемъ же злаго начала онъ никогда не является. У скандинавскихъ лопарей въ болѣе отдаленное время, по крайней мѣрѣ, мы встрѣчаемъ черта, какъ выразителя злаго начала, противополождаго Богу. Это такъ называемый Перкель.

Названіе злаго духа этимъ именемъ свойственно не однимъ лопарямъ: подъ этимъ именемъ мы встрѣчаемъ его у нѣкоторыхъ другихъ финскихъ народностей. Фактъ, что злой духъ является у многихъ родственныхъ лопарямъ народностей подъ названіемъ, родственнымъ этому имени, доказываетъ, что представленія о Перкелѣ сложились у лопарей, какъ и другихъ родственныхъ имъ финскихъ племенъ, до принятія христіанства.

Перкель былъ, повидимому, представителемъ злаго начала, противоположенъ Богу, и какъ отъ послѣдняго можно было ожидать всего хорошаго, такъ, наоборотъ, отъ Перкеля шло все дурное; будучи противоположенъ Богу, Перкель является и равнымъ ему. Уже въ преданіи о происхожденіи Айеке мы видѣли, что злое въ личности Айеке приписывалось именно тому, что онъ сынъ Перкеля, и эти злыя черты въ натурѣ бога грома остаются не смотря на то, что онъ ростетъ и воспитывается подъ руководствомъ Бога. Болѣе могущественнымъ является Перкель въ преданіи лопарей о сотвореніи міра. Какъ я говорилъ уже выше, твореніе міра приписывалось Радіену-Кіедде, въ другихъ мѣстахъ Саракка или Мадератча. Но въ мѣстности Кайтомъ, по словамъ Гегстрема, лопари говорили ему, что когда Богъ хотѣлъ сотворить міръ, онъ сталъ совѣтоваться съ Перкелемъ, какъ лучше устроить міръ. Богъ хотѣлъ, чтобы всѣ деревья были изъ серд-

цевины, всѣ озера изъ молока и чтобы на всѣхъ травахъ и цвѣтахъ росли ягоды. Но Перкель воспротивился этому и настоялъ на своемъ, вслѣдствіе чего міръ и былъ сотворенъ въ современномъ его видѣ [1]).

Вѣра въ участіе черта въ твореніи не является у однихъ только лопарей; съ этимъ мы встрѣчаемся какъ у финскихъ племенъ, такъ и у нѣкоторыхъ народовъ не финновъ; у послѣднихъ въ этихъ сказаніяхъ сказывается дуалистическое представленіе о добромъ и зломъ началѣ, причемъ оба начала равны и одинаково сильны. Это дуалистическое представленіе о двухъ началахъ еще съ бо́льшей силой сказывается въ другомъ преданіи о Перкелѣ, записанномъ у лопарей Гегстремомъ-же [2]).

Перкель сдѣлалъ желѣзныя цѣпи и связалъ Юбмела и навалилъ на него большую гору, и Юбмелъ долго лежалъ подъ горой и не могъ вырваться. Послѣ этого, однако, Юбмелъ связалъ Перкеля и также набросилъ на него гору, но Перкель вырвался изъ-подъ горы и притомъ съ такой силой, что камни и дымъ поднялись къ небу.

Въ этомъ видѣ, въ которомъ это преданіе дошло до насъ—видѣ несомнѣнно крайне испорченномъ, мы можемъ усмотрѣть лишь воспоминаніе о борьбѣ двухъ началъ, причемъ послѣднее представляется даже болѣе сильнымъ.

Не смотря на немногочисленность и краткость свѣдѣній о Перкелѣ, они все-таки несомнѣнно доказываютъ, что дуалистическое представленіе, встрѣчающееся у многихъ другихъ финновъ, не было чуждо и лопарямъ, если и не всѣхъ, то нѣкоторыхъ мѣстностей Лапландіи по крайней мѣрѣ.

Что касается Юбмела (Ибмела), то этотъ высшій языческій богъ былъ постепенно замѣненъ представленіемъ о христіанскомъ Богѣ и впослѣдствіи подъ этимъ именемъ разумѣли божество вообще; но, позабывъ своего древняго Юбмела, лопари новому христіанскому представленію объ Юбмелѣ придавали долго много языческихъ чертъ. Такъ въ финлядской Лапландіи нѣкоторые лопари вѣровали, что Богъ—Юбмелъ всемогущъ и вѣченъ; ему, однако, придавалась и супруга и указывались любимыя имъ мѣстности, гдѣ Юбмелъ чаще всего пребываетъ; таковы между прочимъ одна гора въ Нентьямэ и мысъ на озерѣ Вастусіерви [3]). Къ такимъ же мѣстопребываніямъ Бога слѣдуетъ отнести и находящуюся около озера Имандра высокую гору, извѣстную у лопарей подъ названіемъ Божья гора; на ней, по преданію лопарей, приносили нѣкогда жертвы Богу; даже до послѣдняго времени мѣстные лопари относились къ этому мѣсту съ особеннымъ благоговѣніемъ [4]). Вообще излюбленныя мѣста Юбмела находились (обыкновенно) около озеръ, рѣкъ и вообще водъ.

Юбмелу приписывали лопари и потопъ. Вотъ какъ они сообщали объ этомъ: было нѣкогда время, когда Юбмелъ перевернулъ всю землю, такъ что вода изъ озеръ и рѣкъ растеклась по землѣ, и всѣ люди потонули, кромѣ двухъ дѣтей—брата и сестры. Этихъ Юбмелъ взялъ себѣ подъ руку и отнесъ на высокую гору, носившую названіе Пассе-Варре (святая гора). Когда опасность минула, Юбмелъ отпустилъ ихъ отъ себя и

---

1) Högström. p. 63.
2) Ibid. p. 194.
3) Erman, Archiv, p. 361.
4) Дергачевъ. Русская Лапландія, стр. 18, 9.

они пошли въ разныя стороны посмотрѣть, не остался-ли въ живыхъ кто-нибудь изъ людей. Такъ они странствовали въ продолженіе трехъ лѣтъ, по прошествіи которыхъ они встрѣтились другъ съ другомъ и узнали при этомъ другъ друга. Вслѣдствіе этого они снова разошлись и странствовали опять три года, встрѣтились снова, узнали другъ друга и снова разошлись. По прошествіи еще трехъ лѣтъ странствованій они опять встрѣтились, но другъ друга уже не узнали. Вслѣдствіе этого они остались жить вмѣстѣ; отъ нихъ пошли дѣти, а отъ тѣхъ—всѣ люди, которые теперь населяютъ землю [1]).

Въ числѣ другихъ вѣрованій, извѣстныхъ намъ лишь отрывками, стоитъ почитаніе луны и, повидимому, связанное съ этимъ почитаніемъ празднованіе субботы. Многіе авторы дѣйствительно упоминаютъ о томъ, что лопари поклоняются лунѣ, что съ этимъ поклоненіемъ связаны нѣкоторые суевѣрные обряды; но цѣльнаго представленія объ этихъ вѣрованіяхъ древнихъ лопарей мы изъ этихъ свѣдѣній все-таки почерпнуть не можемъ.

Интереснымъ въ этомъ отношеніи является свидѣтельство Шеффера, который сообщаетъ, что по лунѣ лопари, извѣстнымъ способомъ, гадаютъ о томъ, будетъ-ли имѣющій родиться ребенокъ мальчикомъ или дѣвочкой; наблюдая надъ луною узнаютъ также, будетъ-ли ребенокъ здоровъ и кончатся-ли вообще предстоящіе роды благополучно для роженицы. Въ финляндской Лапландіи мы встрѣчаемся съ слѣдующимъ вѣрованіемъ: когда появлялась въ первый разъ на небѣ декабрьская луна, называемая лопарями Анкака или Биссемано—женщинамъ было запрещено прясть до тѣхъ поръ, пока луна была видна; съ наступленіемъ вечера мужчины не дожны были рубить дрова и вообще не производить никакой работы, при которой что-нибудь ломалось. Когда луна всходила, лопари клали обручъ на отверстіе для дыма, чтобы черезъ него луна свѣтила въ ихъ жилище; этимъ высказывалось почтеніе къ Биссемано. Если кто-нибудь провинился въ это время передъ Анкака либо пряденіемъ, либо какой-нибудь другой запрещенной работой, онъ долженъ былъ приносить жертвы свѣтилу, причемъ въ жертву приносились лишь животныя мужескаго пола [2]).

Изъ этихъ отрывочныхъ свѣдѣній все-таки можно усмотрѣть, что луна считалась божествомъ, главнымъ образомъ имѣющимъ отношеніе къ женщинамъ, вліяющимъ на исходъ родовъ. Запрещеніе прясть при появленіи мѣсяца имѣетъ, повидимому, такое-же происхожденіе, какъ и запрещеніе прясть по пятницамъ, встрѣчающееся во многихъ мѣстностяхъ Россіи у русскаго населенія, имѣющее связь съ вѣрованіемъ въ Св. Пятницу, языческое происхожденіе которой извѣстно; Св. Пятница является также богиней, содѣйствующей при родахъ. Что луна у лопарей являлась женскимъ божествомъ—свидѣтельствуетъ уже названіе декабрьскаго новолунія Анкака, имѣющее въ своемъ составѣ слова ака, акка, въ переводѣ старуха, бабушка. Но естественно, что рядомъ съ этимъ могло существовать и представленіе о лунѣ, какъ о божествѣ мужскаго пола, вслѣдствіе чего въ жертву приносились лишь животныя-самцы.

Представлялся-ли мѣсяцъ въ умѣ лопаря мужчиной или женщиной—во всякомъ случаѣ мы должны видѣть въ этомъ свѣтилѣ божество, преимущественно имѣющее отноше-

[1]) Högström, p. 64.
[2]) Erman. Archiv, p. 360.

ніе къ женщинамъ, быть можетъ, божество, имѣвшее тѣсную связь съ Саракка или Мадеракка. Божеству этому была посвящена суббота, которая считалась у древнихъ лопарей самымъ священнымъ днемъ; это почитаніе субботы, какъ извѣстно, заставило нѣкоторыхъ писателей считать лопарей происходящими отъ евреевъ. Еще въ половинѣ XVIII в. это почитаніе субботы было въ полной силѣ. По словамъ Гегстрема, лопари празднуютъ этотъ день и не предпринимаютъ въ субботу никакой работы; воскресенье-же они не чтутъ и не считаютъ грѣхомъ перекочевывать въ этотъ день съ мѣста на мѣсто, чего никогда не бываетъ въ субботу; также въ субботу лопари не производятъ рыбной ловли, не ходятъ на охоту и т. п., такъ какъ они вѣруютъ, что ихъ постигнетъ въ противномъ случаѣ неудача, и они на себя навлекутъ бѣду [1]).

Постепенно, однако, это распространенное вѣрованіе и поклоненіе субботѣ стало уступать подъ вліяніемъ христіанской проповѣди и Гоггюеръ, въ противоположность Гегстрему, оттѣняетъ, что лопари чтутъ именно воскресеные дни, а не субботніе, что по воскресеньямъ они ничего не дѣлаютъ и не согласились въ этотъ день везти Гоггюера дальше, считая эту работу грѣховной [2]).

Темныя полярныя ночи, какъ извѣстно, изобилуютъ сѣвернымъ сіяніемъ, самымъ разнообразнымъ образомъ являющимся на небѣ. Естественно, что это грандіозное явленіе природы не могло остаться незамѣченнымъ лопаремъ и не получить въ его умѣ объясненія. Объясненія этого явленія разнообразны въ разныхъ мѣстностяхъ Лапландіи. Такъ, Гоггюеръ сообщаетъ [3]), что лопари въ сѣверномъ сіяніи видѣли также, какъ и въ затмѣніи солнца и луны, признакъ божьяго гнѣва, вслѣдствіе чего въ этихъ случаяхъ впадали въ большой страхъ: они кричали и шумѣли все время, пока длилось сѣверное сіяніе или затмѣніе. Едва-ли, однако, Гоггюеръ даетъ правильное объясненіе взгляду лопарей на сѣверное сіяніе и затмѣніе: крикъ и шумъ, который поднимался во время этихъ явленій лопарями, объясняется скорѣе взглядомъ, что какое нибудь чудовище, мрачный духъ является на небѣ и его-то стараются отогнать крикомъ и шумомъ. Этотъ взглядъ, встрѣчающійся у всѣхъ почти народностей, стоящихъ на низкомъ уровнѣ развитія, скорѣе можетъ объяснить крикъ и шумъ лопарей во время этого явленія, чѣмъ предположеніе, что лопари кричатъ и шумятъ вслѣдствіе страха предъ божьимъ гнѣвомъ.

Болѣе распространено, повидимому, другое объясненіе сѣвернаго сіянія; это, по вѣрованіямъ лопарей, души умершихъ родныхъ, идущихъ на небо. Существуютъ свѣдѣнія, что нѣкоторыя лопарки утверждали, что онѣ узнаютъ среди лучей сѣвернаго сіянія своихъ мужей, отцовъ, братьевъ. Нѣкоторые лопари видятъ въ столбахъ сѣвернаго сіянія злыхъ духовъ [4]). Это послѣднее обстоятельство комментируетъ высказанное мною замѣчаніе по поводу словъ Гоггюера.

Среди Печенгскихъ и Пазрѣцкихъ лопарей существуетъ вѣрованіе, что сѣверное сіяніе—сполохи, называемые самими лопарями кускасъ—есть ничто иное, какъ души уби-

---

1) Högström, p. 55
2) Hogguer. Reise, p. 185.
3) Ibid, p. 95.
4) Дергачевъ: Русская Лапландія, стр. 42.

тыхъ. Они живутъ въ избѣ, куда время отъ времени приходятъ и начинаютъ взаимную рѣзню, вслѣдствіе чего полъ ихъ избъ покрытъ кровью. Одинъ изъ этихъ сполоховъ, Найнасъ, беретъ себѣ въ жены, пришедшую случайно въ эту избу, дѣвушку. Сполохи боятся солнца и скрываются отъ него. На небѣ они появляются, когда души убитыхъ начинаютъ рѣзню; во время сѣвернаго сіянія лопари боятся ѣхать съ колокольчиками, потому что тогда сполохи могутъ поднять такого лопаря на небо, такъ какъ во время бряцанія колокольчиковъ они имѣютъ способность опускаться на землю. Женщины, пока продолжается сѣверное сіяніе, не выходятъ на улицу съ непокрытой головой, такъ какъ сполохи, замѣтивъ ее, могутъ взять ее къ себѣ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ русской Лапландіи это представленіе исчезло уже среди лопарей: оно замѣнилось взглядомъ, что сѣверное сіяніе, какъ и затмѣніе, суть лишь знаменія, предрекающія несчастіе либо для всей страны, либо для отдѣльныхъ лицъ; въ такомъ смыслѣ мнѣ объясняли сполохи нѣкоторые лопари Нотоверскаго погоста, но это вѣрованіе не является еще распространеннымъ среди лопарей, и древнія представленія о сполохахъ продолжаютъ еще крѣпко держаться.

Къ числу вѣрованій лопарей, крѣпко державшихся долгое время, не смотря на стремленіе проповѣдниковъ подавить ихъ—это вѣрованія, сопряженныя съ змѣями, волкомъ, но главнымъ образомъ съ медвѣдемъ, по отношенію къ которому существовалъ цѣлый, сильно развитой, культъ.

Культъ медвѣдя вообще, какъ извѣстно, не представляетъ рѣдкости: въ разныхъ формахъ и разныхъ степеняхъ развитія онъ встрѣчался почти у всѣхъ народовъ, въ странѣ которыхъ встрѣчаются медвѣди. Съ постепеннымъ развитіемъ народа этотъ культъ падаетъ и подъ конецъ исчезаетъ, оставляя свои слѣды лишь въ какомъ-нибудь суевѣріи либо въ народныхъ сказкахъ. То-же случилось и въ Лапландіи: если познакомиться съ представленіями о мѣдвѣдѣ современныхъ лопарей нѣкоторыхъ погостовъ русской Лапландіи, трудно себѣ даже представить, что когда-нибудь этотъ культъ существовалъ. Вотъ почему и являются особенно цѣнными данныя, которыя сообщаютъ намъ о почитаніи медвѣдя. Свѣдѣнія эти записаны въ разныхъ мѣстностяхъ Лапландіи и въ разное время (XVII—XVIII и XIX вв.), что служитъ доказательствомъ распространенности этого культа среди скандинавскихъ лопарей, по крайней мѣрѣ, и даетъ возможность прослѣдить постепенный упадокъ этого культа. Что касается русскихъ лопарей, то хотя мы и не имѣемъ свѣдѣній о почитаніи среди нихъ медвѣдя и культѣ его,—мы все-таки можемъ съ увѣренностью сказать, что таковой культъ былъ, хотя, быть можетъ, съ нѣкоторыми измѣненіями сравнительно съ культомъ среди лопарей скандинавскихъ: въ этомъ, кромѣ соображенія о сходствѣ вѣрованій среди лопарей, въ чемъ мы имѣли случай неоднократно убѣдиться въ этой главѣ, убѣждаютъ насъ и тѣ переживанія, дѣйствительно очень небольшія и очень блѣдныя, которыя и до сихъ поръ доживаютъ свой вѣкъ среди лопарей русскихъ.

Авторы, которые даютъ болѣе подробныя свѣдѣнія о культѣ медвѣдя—это Шефферъ, Гестремъ и Гоггюеръ. Изъ нихъ наиболѣе подробныя свѣдѣнія сообщаетъ Шефферъ; они-же и наиболѣе древнія; въ своемъ изложеніи Шефферъ ссылается и на авторовъ, писавшихъ раньше его, такъ что благодаря этому мы имѣемъ свѣдѣнія объ этомъ

культѣ почти за весь XVII вѣкъ. Прежде, однако, чѣмъ излагать культъ медвѣдя, считаю долгомъ оговориться, что медвѣдь, вообще, считался и до извѣстной степени считается и теперь лопарями звѣремъ священнымъ. Такъ въ финляндской Лапландіи лопари считали медвѣдя за „Божью собаку"; онъ обладалъ большимъ умомъ, а силы у него столько, сколько у двѣнадцати мужчинъ [1]).

По словамъ Гоггюера, лопари считали медвѣдя за самое умное и понятливое изъ всѣхъ животныхъ и приписывали ему даже сверхъестественныя способности; такъ они полагали, что медвѣдь можетъ все слышать, что про него говорится, вслѣдствіе чего лопари и избѣгали говорить про него что-нибудь дурное или могущее быть медвѣдю непріятнымъ. Если они устраивали охоту на медвѣдя, то они никогда не называли его по имени, чтобы медвѣдь не узналъ, что рѣчь идетъ о немъ. Также и въ обыденной жизни они называли его либо ласкательными, либо почтительными именами; обыкновенно, впрочемъ, употребительное названіе, которое лопари давали медвѣдю, было—дѣдушка, имя, которымъ лопари называютъ всякаго, къ кому питаютъ уваженіе (пастора, судью и т. д.). По поводу медвѣдя ходило въ устахъ лопарей слѣдующее преданіе: вскорѣ по сотвореніи міра Богъ совершилъ путешествіе по землѣ лопарей, чтобы посмотрѣть, обстоитъ-ли тамъ все въ порядкѣ. Во время этого путешествія пришелъ онъ къ болоту столь широкому и глубокому, что Богъ пройти его не былъ въ состояніи. Богъ позвалъ волка и приказалъ ему перенести его черезъ болото, но волкъ отвѣтилъ, что онъ созданъ не Богомъ и поэтому ему служить не обязанъ. Послѣ этого пришелъ олень, Богъ обратился къ нему съ той-же просьбой; олень отвѣтилъ, что онъ сейчасъ голоденъ и поэтому ему некогда перевозить Бога. Медвѣдь все это видѣлъ и, замѣтивъ затруднительное положеніе Бога, предложилъ ему самъ свои услуги и перенесъ Бога черезъ болото. За это Богъ и наградилъ его, давъ ему позволеніе во время самыхъ холодныхъ мѣсяцевъ зимы наслаждаться спокойнымъ сномъ; оленя Богъ осудилъ на вѣчную, трудную работу и отдалъ его на произволъ человѣка; волка онъ проклялъ и объявилъ его свободнымъ [2]).

Обычай не называть медвѣдя по имени, а стараться либо давать ему какое-нибудь прозвище, либо даже просто избѣгать разговоровъ про него, сохранился и до сихъ поръ среди нѣкоторыхъ кольскихъ лопарей. Что касается до представленія о медвѣдѣ, какъ о звѣрѣ священномъ, то оно, повидимому, сохранилось также среди нѣкоторыхъ русскихъ лопарей, такъ какъ лишь этимъ взглядомъ на медвѣдя можно объяснить указанное выше вѣрованіе, что солнце объѣзжаетъ часть своего пути на медвѣдѣ.

Перехожу теперь къ описанію самой охоты на медвѣдя и связанному съ этой охотой культу его въ томъ видѣ, какимъ его застали писатели XVII вѣка [3]).

Когда лопарь открывалъ медвѣжью берлогу, онъ сообщалъ объ этой радости роднымъ и знакомымъ и приглашалъ ихъ принять участіе въ охотѣ. Изъ числа лицъ приглашенныхъ избирается тотъ, кто лучше всѣхъ умѣетъ гадать на волшебномъ бубнѣ: его заставляютъ гадать, будетъ-ли охота счастливой или нѣтъ и удастся-ли убить мед-

---

1) Erman: Archiv, p. 356

2) Hogguer. Reise, p. 71.

3) Schefferus: Lapponia, pp. 231—242.

вѣдя. Затѣмъ всѣ отправляются въ лѣсъ, гдѣ открыта берлога, въ строго опредѣленномъ порядкѣ: впереди идетъ тотъ, кто открылъ берлогу; онъ вооруженъ, по однимъ, палкой, по другимъ—просто прутомъ, на концѣ которыхъ прикрѣплено мѣдное кольцо; за вожакомъ слѣдуетъ тотъ, котораго избрали для гаданія на бубнѣ; за нимъ тотъ, кто долженъ первый нанести ударъ медвѣдю, затѣмъ другъ за другомъ, тотъ, кто по убіеніи медвѣдя долженъ варить его мясо; тотъ, кто долженъ это мясо рѣзать на куски, кому назначено принести дровъ, достать воду и т. д. Когда они приблизились въ такомъ порядкѣ къ берлогѣ, они нападаютъ на медвѣдя безъ всякаго страха, причемъ оружіемъ имъ служатъ копья и пищали. Убивъ медвѣдя, они начинаютъ пѣть пѣснь, въ которой они благодарятъ медвѣдя, говоря, что приходъ медвѣдя имъ очень пріятенъ, благодарятъ и за то, что онъ имъ не сдѣлалъ никакого вреда, не сломалъ имъ копья и палки, которыми они его убили. Руководитъ какъ этой пѣснью, такъ и всѣми, которыя лопари поютъ при этомъ случаѣ, тотъ, кто открылъ берлогу. Пропѣвъ эту пѣснь, они выталкиваютъ медвѣдя изъ берлоги и въ это время бьютъ его прутьями; затѣмъ кладутъ его въ сани, запряженныя оленями, и везутъ къ шалашу, въ которомъ должна производиться варка мяса; лопари слѣдуютъ за медвѣдемъ, прыгая и напѣвая пѣснь, въ которой просятъ медвѣдя, чтобы онъ не посылалъ на нихъ бурь и непогоды, не причинялъ бы имъ никакого зла, въ особенности участникамъ въ его умерщвленіи. Оленя, при помощи котораго медвѣдя привозятъ, женщины не могутъ употреблять для запряжки въ теченіи цѣлаго года; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ не только женщинамъ, но всѣмъ вообще запрещается ѣздить на этомъ оленѣ. Мясо медвѣдя варится либо на мѣстѣ его умерщвленія, гдѣ для этого и воздвигаютъ палатку; если-же нѣтъ необходимыхъ вещей для приготовленія маса, то палатку воздвигаютъ въ болѣе удобномъ мѣстѣ, гдѣ въ достаточномъ количествѣ можно найти необходимыя деревья и вѣтви. Къ этому-же мѣсту сходятся и лопарки, ожидающія съ большимъ нетерпѣніемъ прихода мужей. Подходя къ мѣсту встрѣчи, лопари начинаютъ пѣть пѣснь, въ которой просятъ своихъ женъ, чтобы онѣ нажевали ольховой коры и плевали имъ въ лицо. Просьба эта объясняется тѣмъ, что прежде чѣмъ войти въ шалашъ, въ которомъ должно происходить приготовленіе мяса, они всѣ подходятъ къ другому шалашу, устроенному для женщинъ, гдѣ женщины и должны плевать въ лицо своимъ мужьямъ. Ольховая кора употребляется оттого, что послѣ жеванія она даетъ красную краску и, выплеванная въ лицо мужчинамъ, она должна показывать, что будто мужчины вернулись съ охоты забрызганными кровью, слѣдовательно, вели дѣло храбро и не безъ опасности и труда. Въ шалашъ входятъ не черезъ переднія двери, а черезъ противоположныя; если кто выглядываетъ изъ-за двери, лопарка ему тотчасъ-же плюетъ въ лицо. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ женщины, закрывъ одинъ глазъ, смотрѣли черезъ мѣдное кольцо и плевали черезъ него; въ другихъ мѣстностяхъ плевали не всѣ женщины, а лишь одна. Въ одну палатку складываютъ медвѣдя, а въ другую—женскую, послѣ этого сходятся всѣ участники охоты и устраиваютъ торжественный пиръ. Когда всѣ сойдутся въ шалашѣ, женщины первыя начинаютъ пѣть пѣснь, въ которой благодарятъ мужей за принесенную добычу: „благодаримъ васъ, дорогіе мужья, за веселую игру, которую вы имѣли, убивъ медвѣдя“. Затѣмъ начинается обильное пиршество, при которомъ, однако, не подается медвѣжье мясо; въ пиршествѣ

участвуютъ и женщины. Послѣ этого пиршества мужчины идутъ въ другую палатку, гдѣ лежитъ медвѣдь, снимаютъ съ него шкуру, рѣжутъ мясо и устраиваютъ новое пиршество, однако, безъ участія женщинъ. Участники охоты не должны спать съ своими женами до истеченія трехдневнаго срока; лицо, открывшее берлогу не должно сходиться съ женой въ продолженіи пяти дней. Шкура медвѣдя поступаетъ въ собственность того, кто открылъ берлогу. Изъ медвѣдя добываются три варева: изъ мяса, жира и крови. Варятся куски мяса въ котлахъ и весь выплывающій на поверхность жиръ собираютъ въ деревянный сосудъ, къ которому прикрѣплено столько мѣдныхъ колецъ, сколько убитыхъ медвѣдей. Во время варки участники охоты сидятъ, какъ обыкновенно, вокругъ очага, причемъ въ опредѣленномъ порядкѣ; на главномъ мѣстѣ сидитъ лицо, открывшее берлогу и бывшій вожакомъ при охотѣ, непосредственно около него лицо, гадавшее на бубнѣ, третьимъ — нанесшій первый ударъ медвѣдю; съ другой стороны—тотъ, кто доставалъ дрова, далѣе —тотъ, кто несъ воду и т. д. Когда мясо сварилось, его дѣлятъ между мущинами и женщинами, причемъ обращаютъ вниманіе на то, чтобы женщинамъ не досталась бедровая кость и задъ (de ursi clunibus seu femoribus posterioribus), такъ какъ эти кости принадлежатъ исключительно мужчинамъ. По совершеніи раздѣла избираются два лопаря, которымъ и поручается отнести въ женскій шалашъ выдѣленную для лопарокъ часть мяса, такъ какъ сами женщины, пока приготовляется мясо, не имѣютъ права входить въ шалашъ мужчинъ. Относящіе женщинамъ медвѣжье мясо лопари поютъ пѣснь, въ которой излагаютъ, что вотъ идутъ изъ чужихъ краевъ люди, которые несутъ подарки женщинамъ. Лопарки выходятъ имъ навстрѣчу и пѣснью отвѣчаютъ посланнымъ, что они желанные гости и обѣщаютъ обвязать имъ колѣна красными нитками, что послѣ и дѣлаютъ. Между мужчинами мясо дѣлитъ обыкновенно тотъ, кто гадалъ на бубнѣ. Когда все мясо оказывается съѣденнымъ, какъ мужчинами, такъ и женщинами, собираютъ всѣ кости, которыхъ, однако, не переламываютъ, чтобы высосать мозгъ, что лопари дѣлаютъ обыкновенно съ костями прочихъ животныхъ, но оставляютъ ихъ цѣлыми и тщательно закапываютъ.

Послѣ этого получившій шкуру медвѣдя вѣшаетъ ее на шестѣ, „чтобы въ нее словно въ цѣль"—женщины съ завязанными глазами бросали стрѣлы, причемъ женщины поютъ слѣдующую пѣснь: мы бросаемъ стрѣлами въ того, который идетъ изъ Швеціи, Польши, Англіи, Франціи. Женщина, первая попавшая въ шкуру медвѣдя, получаетъ похвалы и по вѣрованіямъ лопарей подаетъ ему хорошее предзнаменованіе. Этой же женщинѣ дается порученіе, чтобы она на тряпкѣ нашила столько крестовъ проволокой, сколько было убито медвѣдей, одинъ или нѣсколько, и эти тряпки привѣшиваются на шею къ тѣмъ, которые принимали участіе въ охотѣ, причемъ они должны носить ихъ въ продолженіи трехъ дней. Въ другихъ мѣстностяхъ обязанность приготовить тряпки лежала на всѣхъ присутствующихъ женщинахъ и носить ихъ слѣдовало не три, а четыре дня. Такой крестъ привѣшивался и на шею оленя, на которомъ привезли медвѣдя изъ лѣса въ шалашъ.

По прошествіи трехъ дней воздержанія, мужчины возвращаются къ своимъ женамъ въ шалашъ, причемъ каждый по очереди схватываетъ цѣпь, на которой виситъ котелъ надъ очагомъ; затѣмъ три раза прыгаютъ вокругъ очага, и наконецъ выбѣгаютъ

черезъ разныя двери изъ шалаша. Женщины поютъ пѣснь, въ которой онѣ обѣщаются бросать золу; и одна изъ нихъ беретъ золы и бросаетъ въ кого-нибудь. Этими обрядами производится очищеніе мужчинъ и всѣ возвращаются домой.

Таковы были обряды, сопряженные съ охотой на медвѣдя, въ XVII вѣкѣ. Какъ ни подробно это описаніе Шеффера, оно все-таки не даетъ намъ полной картины: такъ текстъ пѣсенъ переданъ слишкомъ сжато; игры, устраиваемыя послѣ пира, сообщены не съ достаточной полнотой; но каковы-бы ни были недостатки этого описанія, оно все-таки даетъ намъ ясное представленіе о вѣрованіяхъ лопарей въ медвѣдя, какъ звѣря вѣщаго, котораго даже послѣ смерти слѣдуетъ ублажать. Обычай-же закапывать кости медвѣдя, не разламывая ихъ, наглядно доказываетъ, что по представленіямъ лопарей медвѣдь, ими убитый и съѣденный, облекается въ землѣ новымъ тѣломъ.

Изъ описанія Шеффера видно также, что въ XVII вѣкѣ культъ медвѣдя крѣпко держался еще среди лопарей, но и въ XVIII вѣкѣ, въ половинѣ его, по крайней мѣрѣ, мы застаемъ этотъ культъ почти неизмѣненнымъ. Гегстремъ, дающій намъ описаніе охоты на медвѣдя, сообщаетъ (хотя болѣе краткія) свѣдѣнія, въ существенномъ ничѣмъ не отличающіяся отъ свѣдѣній, даваемыхъ Шефферомъ. Различія существуютъ лишь въ частностяхъ [1]).

Такъ охота на медвѣдя производится ружьемъ; застрѣлившій медвѣдя забиваетъ обыкновенно мѣдный гвоздь въ ружье, причемъ этотъ гвоздь онъ вѣшаетъ потомъ себѣ на шею либо какъ знакъ отличія, либо какъ амулетъ. Въ пѣсняхъ, съ которыми лопари обращаются къ медвѣдю, они, между прочимъ, благодарятъ его, что онъ позволилъ себя убить и не причинилъ имъ вреда. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ лопаркамъ совершенно запрещено вкушать медвѣжье мясо; въ другихъ это позволяется: имъ даютъ извѣстные куски мяса, но ѣсть его женщины могутъ лишь черезъ мѣдное кольцо, которое они и держатъ передъ ртомъ. Закапываютъ въ землю иногда не только кости и голову медвѣдя, но прилагаютъ при этомъ еще нѣсколько ложекъ, ножикъ, кусокъ мѣди и скобель. Въ этомъ послѣднемъ обрядѣ нельзя не усмотрѣть остатковъ жертвоприношенія медвѣдю, чтобы онъ по воскресеніи своемъ не вредилъ людямъ, его убившимъ, но искупившимъ свою вину передъ нимъ жертвоприношеніемъ.

Среди суевѣрныхъ обрядовъ, сопряженныхъ съ медвѣжьей охотой, мы встрѣчаемъ и слѣдующій. Гегстремъ передаетъ, что ему разсказывалъ одинъ крестьянинъ, что когда онъ убилъ медвѣдя, лопарь, присутствовавшій при охотѣ предупредилъ и охотника и всѣхъ присутствовавшихъ, чтобы они не намазывали медвѣжьимъ жиромъ свою обувь, такъ какъ кто это сдѣлаетъ, тому будетъ суждено погибнуть рано или поздно отъ медвѣдя.

Если въ XVIII вѣкѣ культъ медвѣдя является еще вполнѣ сильнымъ, то въ началѣ XIX вѣка мы замѣчаемъ уже сильный упадокъ его. Гоггюеръ, присутствовавшій лично на медвѣжьей охотѣ, сообщаетъ, что лопари не примѣняли никакихъ обрядовъ при убіеніи его; охота совершалась безъ формальностей; но и въ то время многіе другіе обряды были еще въ извѣстной силѣ: когда два-три лопаря отправляются на охоту, то жены

---

[1]) Högström. Beschreibung, pp. 231, 232

ихъ собираются въ жилище одного изъ нихъ и когда онѣ заслышатъ возвращеніе охотниковъ, то начинаютъ такъ называемую медвѣжью пѣснь (Bärengesang), въ которой содержится большая похвала медвѣдю. По окончаніи пѣсни, мужья приближаются съ добычей къ дверямъ, но жены встрѣчаютъ ихъ бранью и выговоромъ и не пускаютъ ихъ въ домъ; мужья продѣлываютъ другую дверь съ противоположной стороны вѣжи, черезъ которую они входятъ и вносятъ медвѣдя. Съ нѣкоторыхъ поръ, замѣчаетъ Гоггюеръ, этотъ обрядъ сильно падаетъ, также какъ и употребительные прежде при встрѣчѣ медвѣдя стоны и выраженія горя по поводу его смерти, соединенные съ просьбой простить имъ это преступленіе.

Однако, если и обряды, соблюдавшіеся при встрѣчѣ медвѣдя, падали уже, то обычай погребенія медвѣдя Гоггюеръ встрѣтилъ почти неизмѣненнымъ; ему удалось присутствовать лично при этомъ, и вотъ какъ онъ описываетъ это погребеніе: было убито въ одной берлогѣ два медвѣдя; съ невѣроятной быстротой лопари сняли съ нихъ шкуры и отрѣзали лучшіе куски мяса, затѣмъ вырыли двѣ большія ямы, въ которыя и были погружены останки обоихъ медвѣдей; клали куски въ порядкѣ: сначала голову, затѣмъ шею, переднія лапы и т. д., затѣмъ тотчасъ же ихъ закопали. Если при этомъ собака утащитъ кость, замѣчаетъ авторъ, то ее сейчасъ же убиваютъ и вмѣсто утраченной кости вынимаютъ соотвѣтствующую у собаки и зарываютъ ее вмѣстѣ съ костями медвѣдя; слѣдовательно, тотъ-же обычай, что и при жертвоприношеніяхъ. Считая медвѣдя животнымъ сверхъестественнымъ, говоритъ Гоггюеръ, лопари вѣрятъ, что онъ воскреснетъ. Если онъ увидитъ, что онъ погребенъ какъ слѣдуетъ, то онъ, довольный выраженнымъ ему почтеніемъ, позволитъ себя убить еще разъ тѣмъ-же лопарямъ безъ всякой опасности для послѣдняго; въ противномъ же случаѣ всѣ медвѣди сочтутъ своей обязанностью отомстить непочтительному лопарю за его неуважительное отношеніе къ тѣлу одного изъ медвѣдей, и рано или поздно месть эта постигнетъ такого лопаря [1]).

Если въ однѣхъ мѣстностяхъ Лапландіи считали обмазываніе обуви медвѣжьимъ жиромъ—гибельнымъ, то въ другихъ, наоборотъ, медвѣжій жиръ считали средствомъ цѣлебнымъ. Такъ въ Финмархіи лопари собирали медвѣжій жиръ и въ случаяхъ болѣзни имъ обмазывались, причемъ мужчины мазали себя жиромъ медвѣдя, а женщины жиромъ медвѣдицы [2]). Насколько этотъ обычай былъ распространенъ—неизвѣстно.

Что касается собственно русскихъ лопарей, то мы имѣемъ свидѣтельство отъ XVIII вѣка, что русскіе лопари никогда мевѣжьяго жира не употребляютъ, если не считать случаевъ крайней нужды, когда и русскіе къ нему прибѣгаютъ [3]). Но если это свидѣтельство также достовѣрно, какъ и помѣщаемое нѣсколько ниже (стр. 21), что авторъ считаетъ лишнимъ останавливаться на колдовствѣ у лопарей, такъ какъ съ тѣхъ поръ, какъ они приняли христіанство, колдовство почти что исчезло—то и свидѣтельству о неупотребленіи медвѣжьяго мяса русскими лопарями вѣрить нельзя, такъ какъ не только въ XVIII вѣкѣ, но и въ настоящее время колдовство и вѣра въ колдуновъ еще въ большой силѣ у лопарей.

---

1) Hogguer. Reise, pp. 77, 78.

2) Новыя и достовѣрныя свѣдѣнія о Лапландцахъ въ Финмархіи. М. 1792 г., стр. 70.

3) Memoire sur les Samojèdes et les Lapons, 1766 г., p. 19.

Что медвѣдь и въ представленіяхъ русскихъ лопарей считается звѣремъ сверхъестественнымъ—доказывается достаточно и представленіемъ о немъ, какъ звѣрѣ, который возитъ солнце, такъ и тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ его опасаются называть по имени. Кромѣ того подмѣченный въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Лапландіи обычай, прежде чѣмъ стрѣлять въ медвѣдя, увѣщевать его, чтобы онъ не нападалъ первый, такъ какъ ружье можетъ дать осѣчку, рука можетъ дрогнуть и т. д. — встрѣчается и до сихъ поръ среди русскихъ лопарей въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ медвѣдь есть; въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ медвѣдя нѣтъ, — тамъ, конечно, о воспоминаніи о культѣ его не можетъ быть рѣчи: дѣло въ томъ, что въ нѣкоторыхъ частяхъ русской Лапландіи медвѣди перевелись, по мѣстному взгляду вытѣснены волками. Изъ того, что обычай увѣщеванія медвѣдя сохраняется до настоящаго времени, ясно, что нѣкогда среди русскихъ лопарей, подобно тому, какъ и среди скандинавскихъ и финляндскихъ, культъ медвѣдя былъ развитъ. Такое-же суевѣрное отношеніе мы видимъ среди современныхъ русскихъ лопарей и къ бѣлому медвѣдю. Если льдиной прибьетъ бѣлаго медвѣдя къ берегу Лапландіи, лопари устраиваютъ на него охоту. Убивъ его, они произносятъ надъ трупомъ звѣря рѣчь, въ которой прославляютъ свой подвигъ. Иногда по этому поводу складываютъ пѣсню. Затѣмъ раскладываютъ костеръ и охотники долго сидятъ вокругъ него, вспоминая свою побѣду. По окончаніи каждаго разсказа или пѣсни они встаютъ и кланяются медвѣдю; наконецъ они кладутъ ему въ ротъ кусокъ соленой рыбы, говоря при этомъ: „на, не говори дома, что ты былъ въ гостяхъ и тебя не накормили. Пусть придутъ и другіе, мы и ихъ также накормимъ“. Вѣрованіе, что медвѣдь, уже убитый, продолжаетъ жить, ясно сказывается въ этихъ словахъ. Еще яснѣе это сказывается въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ, съ которыми лопари обращаются во время своей рѣчи къ медвѣдю, напр.: „пусть душа твоя, странствуя съ ангеломъ въ кережѣ, разскажетъ всѣмъ твоимъ роднымъ, какіе мы храбрые люди. [1])

Къ числу животныхъ, съ которыми лопари связывали и до извѣстной степени связываютъ суевѣрныя представленія, слѣдуетъ отнести и волка. Этотъ опасный врагъ лопарскихъ стадъ считался ими проклятымъ; мы уже видѣли въ вышеприведенномъ преданіи о медвѣдѣ, что Богъ проклинаетъ волка за то, что онъ объявляетъ себя не обязаннымъ служить Богу; волкъ созданъ чертомъ, онъ свободенъ вполнѣ и никто ему не можетъ помѣшать уничтожать оленьи стада. Таковы были преставленія лопарей о волкѣ, котораго и русскіе крестьяне, нѣкоторыхъ мѣстностей, считаютъ „витрянымъ“, т. е. свободнымъ, не спрашивающимъ позволенія у Бога на уничтоженіе стадъ.

Такъ какъ волкъ созданъ чертомъ, то все, что его, пока онъ живъ, трогаетъ, все является проклятымъ или испорченнымъ. Вслѣдствіе этого лопари никогда не убивали волка изъ ружья, такъ какъ такое ружье сдѣлалось-бы заколдованнымъ, и охотнику имъ не удалось-бы ничего убить послѣ этого. Вслѣдствіе такого воззрѣнія на волка лопари преслѣдовали его на лыжахъ и, когда настигали его, забивали его палками и сжигали; лопари не снимали также и шкуры съ волка, а предоставляли дѣлать это швед-

[1]) Др. и Нов. Россія; 1875. № 8, стр. 369, 370.

скимъ крестьянамъ, которые, не имѣя такого предразсудка къ волку, продавали волчью шкуру за хорошую цѣну [1]). И въ настоящее время русскіе лопари считаютъ волка нечистымъ и проклятымъ Богомъ, хотя преданій, за что онъ былъ проклятъ, мнѣ не удалось найти. Что же касается способовъ охоты на него, то хотя мнѣ и довелось слышать, что лопари иногда и заколачиваютъ волка палками на смерть, однако это происходитъ лишь для того, чтобы не тратить ружейныхъ зарядовъ, въ которыхъ лопари чувствуютъ всегда большой недостатокъ; при случаѣ-же лопарь нѣкоторыхъ мѣстностей кольской Лапландіи, въ которыхъ мнѣ пришлось собрать эти свѣдѣнія, нисколько не считаетъ опаснымъ стрѣлять въ волка и изъ ружья, не опасаясь, что ружье послѣ этого перестанетъ мѣтко стрѣлять.

Изъ домашнихъ животныхъ лопаря послѣ оленя по значительности пользы, которая приносится лопарю, стоитъ на первомъ мѣстѣ собака: кромѣ обыкновенной обязанности сторожить домъ, собака приноситъ слѣдующую огромную услугу лопарю: осенью, когда онъ собираетъ своихъ оленей, собака его загоняетъ разбредшихся за лѣто по кегорамъ животныхъ, и дѣлаютъ это собаки съ поразительнымъ искусствомъ и быстротой. Разсказы, будто лопарь собираетъ оленей при помощи свиста, встрѣчаемые у нѣкоторыхъ авторовъ для русскихъ лопарей, должны быть объявлены заблужденіями. Въ виду пользы, которую приносятъ собаки, въ виду просто необходимости имѣть ее каждому лопарю, имѣющему оленей, собаку можно встрѣтить почти около каждой тупы, каждой вѣжи. Распространенность собаки въ Лапландіи и польза которую отъ нея ждутъ, наконецъ ея понятливость—все это должно было привести лопаря къ тому или иному воззрѣнію на собаку. Но въ этомъ отношеніи, какъ въ отношеніи обращенія съ ней, мы встрѣчаемъ разнорѣчія.

Такъ Гоггюеръ сообщаетъ, что лопари-оленеводы очень дурно обращаются съ своими собаками, что объясняется тѣмъ, что лопари, благодаря сходству собакъ съ волкомъ, считаютъ, что волкъ измѣнилъ нѣсколько свой внѣшній видъ, чтобы, подъ предлогомъ приносить пользу, вкрасться въ довѣріе людей и потомъ приносить имъ вредъ; считая собаку лишь нѣсколько измѣненнымъ волкомъ, они полагаютъ, что и она создапа чертомъ, почему никогда не убиваютъ ее огнестрѣльнымъ оружіемъ; но собаку они вообще избѣгаютъ убивать и другимъ способомъ, полагая, что въ случаѣ убійства ея съ ними случится несчастіе [2]).

Что собака считалась лопарями нѣкоторыхъ мѣстностей нечистой, доказывается еще и тѣмъ, что во время жертвоприношеній ихъ привязывали, либо старались отогнать отъ мѣста жертвоприношеній.

Гоггюеръ сообщаетъ еще, что лопарями считается дурнымъ предзнаменованіемъ, если при крещеніи ребенка или при свадьбѣ находится на лицо и собака.

Если у лопарей однѣхъ мѣстностей съ собаками обращались очень дурно, считая ихъ нечистыми, то въ другихъ мѣстностяхъ, наоборотъ, съ ними обходились очень хорошо, и лопари ихъ очень любили и цѣнили [3]).

---

1) Hogguer. Reise., p. 80, 81.
2) Ibid. p. 94.
3) L. v. Buch. Reise.

Что касается современныхъ русскихъ лопарей, то, насколько я могъ замѣтить, обращеніе ихъ съ собаками очень хорошее; они ихъ любятъ и даютъ имъ постоянно ласковыя клички. Это, впрочемъ, можетъ относиться лишь къ лопарямъ Массельскаго и Экостровскаго погостовъ. Кромѣ того среди Нотозерскихъ лопарей ходитъ разсказъ-быль, въ оторомъ собакѣ приписывается даръ предвѣдѣнія; если основываться на этомъ разсказѣ, то, въ немъ мы замѣтимъ среди нотозерскихъ лопарей суевѣрное отношеніе къ собакѣ, однако о томъ, что ее считаютъ твореніемъ черта, повидимому, не можетъ быть и рѣчи.

Кромѣ медвѣдя, волка и собаки, лопари соединяли суевѣрныя представленія еще и о змѣяхъ. Кастренъ сообщаетъ [1]), что, по вѣрованіямъ лопарей, змѣи живутъ въ общинѣ, управляются своими законами и обычаями. Разъ въ годъ змѣи каждой общины собираются на общее собраніе въ опредѣленное для того мѣсто; всякая змѣя имѣетъ право жаловаться начальнику на несправедливости. Нальникъ змѣй чинитъ судъ и расправу, но не только по отношенію къ змѣямъ: если люди или другія твари причинили вредъ змѣѣ или убили ее, онъ и на нихъ налагаетъ наказанія. Въ связи съ вѣрованіемъ къ змѣй стоятъ слѣдующія суевѣрія: змѣиную кишку даютъ лошадямъ, чтобы они были въ тѣлѣ; черевъ змѣиное горло больному вливали въ горло воду. Змѣиный зубъ прикладывается къ больнымъ мѣстамъ съ наговорами. Змѣиная трава (та, которую змѣя держитъ во рту, когда плыветъ, чтобы не утонуть), имѣетъ свойство, что обладатель этой травы можетъ кусать самое твердое желѣзо. Судный камень змѣй, который находятъ на скалахъ, когда змѣи возвращаются изъ собранія, помогаетъ при судебныхъ дѣлахъ.

Это представленіе о змѣяхъ, если и существовало, быть можетъ, нѣкогда среди русскихъ лопарей—въ настоящее время, повидимому, утратилось. Въ Массельгскомъ погостѣ, по крайней мѣрѣ, нисколько не боятся убивать змѣй; убившій змѣю обыкновенно защемляетъ ее въ сучкѣ, вѣшаетъ на дерево и оставляетъ ее. Почему именно этотъ способъ употребляется лопарями—мнѣ неизвѣстно, но, если этотъ обычай вѣшанія убиыхъ змѣй на дерево и стоялъ въ какой-нибудь связи съ тѣмъ или инымъ представленіемъ лопарей о змѣяхъ, то, повидимому, въ настоящее время эта связь, какъ и само вѣрованіе уже утратились: по крайней мѣрѣ, передававшіе мнѣ объ этомъ лопари объяснить этого обычая не могли.

Въ Нотозерскомъ и Сонгельскомъ погостахъ змѣй убиваютъ также, но на мѣстѣ, гдѣ змѣя была убита, разводятъ огонь и сжигаютъ змѣю; особенно лопари боятся какихъ-то „пестрыхъ" змѣекъ, живующихъ въ названныхъ мѣстностяхъ около домовъ противъ нихъ, между прочимъ, держатъ кошекъ, которыя и давятъ этихъ змѣекъ. Задавленную змѣю бросаютъ въ комелекъ. Объяснить, почему змѣй сжигаютъ, лопари мнѣ также не могли.

Если, какъ мы видѣли изъ предшествующаго изложенія, древнія вѣрованія лопарей уступили послѣ болѣе или менѣе продолжительной борьбы, напору христіанства, оставивъ по себѣ слѣдъ лишь въ нѣкоторыхъ повѣрьяхъ, преданіяхъ и необъяснимыхъ подчасъ для самого лопаря обычаяхъ, то суевѣрія, которыми лопари славились издавна, не только не ослабѣли, но даже развились: кромѣ суевѣрій, издавна бывшихъ у лопарей, у

[1]) Этногр. Сб. Имп. Р. Г. О. 1858, отд. IV, стр. 236, 237.

нихъ встрѣчаются въ настоящее время и такія, которыя образовались гораздо позже, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ безъ труда удается узнать обломки прежнихъ ихъ вѣрованій. Кромѣ этого источника суевѣрія, есть еще другой—это заимствованіе лопарями суевѣрій у своихъ сосѣдей—русскихъ. Въ данномъ случаѣ, однако, надо признать, что если русскіе и имѣли вліяніе на развитіе суевѣрій среди лопарей, то съ другой стороны и лопари не остались въ этомъ отношеніи безъ вліянія на русскихъ: среди колянъ встрѣчаются суевѣрія, которыя, безъ сомнѣнія, заимствованы у лопарей. Если древнимъ вѣрованіямъ лопарей предстоитъ несомнѣнная гибель подъ вліяніемъ проповѣди и просвѣщенія, то по мѣрѣ уничтоженія древнихъ вѣрованій — они вѣроятно будутъ переходить въ суевѣрія.

Изложу сначала нѣкоторыя примѣты, вѣру въ сновидѣнія среди лопарей, затѣмъ вѣру въ нѣкоторыхъ святыхъ, замѣнившихъ собой древнихъ боговъ, наконецъ и гаданія, которыя также распространены среди лопарей, чтобы затѣмъ перейти къ нойдамъ, которымъ въ сущности и въ древнее время и въ настоящее приписывается особенная сила и способность прозрѣвать будущее.

Кромѣ примѣтъ, связанныхъ съ обрядами при свадьбѣ и при крещеніи ребенка, о чемъ я скажу ниже, у лопарей существуетъ еще цѣлый рядъ примѣтъ: такъ напримѣръ пазрѣцкіе лопари вѣрятъ, что если 1-го января много звѣздъ на небѣ, то будетъ много морошки, если много звѣздъ на 2-е января—будетъ много вороницы.

Когда во время норвежскихъ и русскихъ святокъ дуетъ морской вѣтеръ и идетъ снѣгъ—промыселъ трески будетъ хорошій; если снѣгъ идетъ послѣ Рождества до Новаго года—будетъ много мойвы (маленькая рыбка, которую употребляютъ какъ наживку при ловлѣ трески). Если идетъ снѣгъ съ новаго года до крещенія—будетъ много сельдей.

Если лопарь переходитъ жить въ новый домъ, онъ въ пазъ полагаетъ иголку, чтобы всѣ его домашніе и онъ самъ были здоровы и чтобы къ нимъ не прильнула порча.

Лопари пазрѣцкіе вѣрятъ, что можно передать болѣзнь въ другую тупу, если бросить въ нее кусокъ старыхъ брюкъ больнаго или старую его руковицу.

Чтобы предохранить себя отъ болѣзней, зашиваютъ въ поясъ небольшой кусокъ желѣза, который и спасаетъ носящаго отъ всякихъ болѣзней.

Баски отъ оленьихъ ногъ никогда не жгутъ, такъ какъ вѣрятъ, что послѣ этого будетъ мало оленей.

Лопарь, имѣющій мало оленей, вѣритъ, что, если теленокъ-самка, черезъ годъ послѣ своего рожденія принесетъ теленка, что это хорошее предзнаменованіе и что послѣ этого его стадо будетъ увеличиваться.

Когда у лопаря возьмутъ безъ спроса игну (оленью возжу), онъ безпокоится, такъ какъ обладатель игны можетъ перевести всѣхъ оленей у него, унести счастье.

Лопарка, держащая овецъ, старается, чтобы изъ комелька искры не летѣли на полъ и не жгли шерсть—послѣ этого овцы не будутъ плодиться.

Лопаркамъ разрѣшается ѣсть мясо дикихъ оленей, но мыть его онѣ не должны, такъ какъ онѣ нечисты; эта обязанность лежитъ на мужчинахъ; кости оленя никогда не бросаютъ на улицу; ихъ опускаютъ въ рѣку; если не исполнять этого—лопарю никогда больше не будетъ удаваться поймать дикаго оленя.

Если лопарь увидитъ медвѣжьи слѣды, онъ никогда объ этомъ не скажетъ своей

женѣ: въ противномъ случаѣ, если онъ пойдетъ на охоту—онъ медвѣдя ни за что не найдетъ.

Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ примѣтъ и суевѣрій нельзя не видѣть наблюдательности человѣка, жизнь котораго регулируется окружающей его природой и находится въ зависимости отъ погоды, которая наступаетъ въ то или иное время года. Въ другихъ, однако, нельзя не усмотрѣть и первобытной мысли некультурнаго народа: къ такимъ повѣрьямъ относится вѣра лопаря, что можно перевести оленей къ себѣ, взявши у хозяина ихъ иглу, вѣру, что можно подбросить болѣзнь другому при помощи куска одежды больнаго. Но среди перечисленныхъ примѣтъ мы встрѣчаемъ и такія, которыя являются лишь остатками древняго культа лопарей. Такъ вѣра въ то, что если сказать своей женѣ объ открытомъ слѣдѣ медвѣдя, то и при охотѣ на него медвѣдя не найдешь—есть ничто иное какъ слабое воспоминаніе о культѣ медвѣдя, изъ котораго исключались либо всецѣло, либо отчасти всѣ женщины. Въ обычаѣ бросать кости дикаго оленя въ воду и въ связанномъ съ этимъ обычаемъ повѣрьѣ нельзя не усмотрѣть воспоминанія о прежнихъ жертвоприношеніяхъ. Считая убитаго дикаго оленя добычей, посланной либо какимъ-нибудь духомъ, либо богомъ охоты, хотя-бы Луотъ-хозикъ, современный пазрѣцкій лопарь отдаетъ кости этой добычи этому духу, подобно тому, какъ его предокъ при принесеніи жертвы зарывалъ кости передъ идоломъ, или оставлялъ около сейда кости добычи или голову и крылья птицы съ тѣмъ предположеніемъ, что божество, каково-бы оно ни было, изъ этихъ остатковъ сотворитъ новыхъ животныхъ или птицъ, которыхъ и пошлетъ навстрѣчу почтительному охотнику. Подобныя жертвоприношенія исчезли среди лопарей—но суевѣрный обрядъ сохранился еще въ полной силѣ.

Къ повѣрьямъ, имѣющимъ несомнѣнную связь съ древними вѣрованіями, слѣдуетъ отнести и слѣдующее: пазрѣцкій лопарь, отправившись въ лѣсъ для рубки дерева, прежде чѣмъ приступить къ рубкѣ дерева, ударяетъ его одинъ разъ обухомъ: это называется убить дерево; если этого не сдѣлать, т. е. если дерево не убить и просто срубить его, то въ огнѣ оно будетъ трещать и будетъ давать много искръ. Въ этомъ повѣрьѣ несомнѣнно сквозитъ мысль, что въ деревѣ живетъ какой-то духъ, и если его не убить или не сдѣлать безвреднымъ, онъ при сгараніи дерева будетъ вылетать въ видѣ искръ и можетъ, разгнѣванный на разрушителя его жилища, причинить лопарю вредъ.

Среди суевѣрій лопарей видное мѣсто слѣдуетъ отвести и вѣрованіямъ въ сновидѣнія. Эти вѣрованія, распространенныя въ значительной степени среди лопарей, стоятъ въ тѣсной связи съ ихъ воззрѣніями на сонъ: во время сна душа путешествуетъ и видитъ и слышитъ, и то, что она видитъ, и есть сновидѣніе; но изъ этого взгляда на сны не можетъ развиться представленіе о пророческомъ ихъ значеніи; это послѣднее развилось изъ другаго представленія—именно, что Богъ или чертъ посылаетъ человѣку сны, въ которыхъ онъ и показываетъ людямъ будущее, предостерегаетъ отъ несчастій и т. п. Посыланіемъ сновъ занимается, однако, больше чертъ; Богъ рѣдко даетъ сны людямъ (Нотозеро, Сонгелы). Это представленіе, что сны отъ черта, вполнѣ естественно среди современныхъ русскихъ лопарей, такъ какъ тѣ духи, которые посылали язычникамъ-лопарямъ сновидѣнія, обратились для лопарей-христіанъ въ чертей. Можно думать, что этотъ чертъ, который даетъ лопарямъ сны и который представляется ихъ вообра-

женію „чернымъ, долгохвостымъ, рогатымъ“, замѣнилъ собой души предковъ лопарей, которые, главнымъ образомъ, по представленію древнихъ лопарей, посылали сновидѣнія, заботясь о судьбѣ и благосостояніи своихъ почтительныхъ къ нимъ потомковъ. Какъ-бы то ни было, но современному русскому лопарю чертъ, показывая тотъ или другой сонъ, иносказательно открываетъ будущее, предоставляя лопарю самому уже проникать въ истинное значеніе сна. Отсюда распространенность толкованія сновъ у лопарей. Каждое утро лопари разсказываютъ другъ другу свои сны и семейнымъ совѣтомъ объясняютъ то или другое значеніе его. Вотъ нѣкоторыя толкованія сновъ со словъ нотозерскихъ и сонгельскихъ лопарей.

Передъ смертью кого-нибудь видятъ во снѣ, что лицо, которому суждено умереть, падаетъ въ яму и его оттуда вытащить не удается

Если передъ сватовствомъ женихъ увидитъ во снѣ, что дѣвушка, которую онъ собирается сватать, стоитъ отъ него близко, то сватовство его будетъ принято; если наоборотъ—то нѣтъ.

Если приснится, что выпадаетъ зубъ—умретъ ребенокъ; если потеряется во снѣ кольцо—къ смерти мужа; къ смерти жены мужу снится, что жена затеряла свой головной уборъ.

Въ случаѣ, если дѣвушкѣ приснится, что ей даютъ въ подарокъ серебряное или золотое кольцо или оленя, деньги или какой-нибудь гостинецъ — она можетъ быть увѣрена, что женихъ у нея будетъ богатый; если же та въ подарокъ получаетъ мѣдное кольцо—женихъ будетъ бѣдный.

Передъ несчастіемъ или непріятностью лопарь видитъ во снѣ священника или чиновника. Оленя — къ дурной погодѣ; масло или толпу народа — къ хорошей погодѣ; столъ съ яствами — къ хорошему промыслу; пустой столъ — къ плохому; къ хорошему промыслу —видятъ бисеръ.

Среди пазрѣцкихъ лопарей существуютъ слѣдующія толкованія сновъ. Когда видятъ полную воду (приливъ)—промыселъ будетъ удачный.

Видѣть, что стрѣляютъ изъ ружей, предвѣщаетъ гостей. Видѣть, что ѣдешь съ колокольчикомъ—непремѣнно къ несчастію или къ смерти родственника; если снится, что пріѣзжаютъ изъ такого-то погоста съ колокольчикомъ —значитъ въ томъ погостѣ именно умретъ кто-нибудь. Хорошо видѣть во снѣ, что спящаго угощаютъ. Если во снѣ видятъ, что въ домъ приходитъ много дѣвушекъ и онѣ угощаютъ жильцовъ чѣмъ-нибудь — будетъ въ этомъ домѣ много больныхъ, «придетъ болѣзнь». Большое стадо оленей или много кулей муки предрекаютъ много снѣга. Къ смерти родственниковъ видятъ, что ломаютъ избу или амбаръ. Къ дождю снятся вши и рыбій жиръ. Треска предрекаетъ снѣгъ; озерная рыба предвѣщаетъ юго-западный вѣтеръ.

Какъ видно изъ этого перечня толкованій сновъ—они не замысловаты и иносказанія, которыми чертъ открываетъ будущее, довольно просто разрѣшаются лопарями. Большинство толкованій зиждется на простой логикѣ полудикаря. Болѣе интереснымъ является толкованіе, что видѣть дѣвушекъ, приходящихъ въ домъ, предвѣщаетъ болѣзнь. Считая болѣзни существами живыми, духами, которые вселяются въ больнаго, толкованіе этого сна въ этомъ смыслѣ вполнѣ естественно; но оно тѣмъ болѣе естественно, что

стоитъ въ связи съ представленіемъ о болѣзни, какъ о странствующихъ духахъ; это представленіе, встрѣчавшееся и у древнихъ лопарей, встрѣчающееся и у современныхъ русскихъ лопарей, повліяло на образованіе толкованія вышеприведеннаго сна.

Небезъинтересны и вѣрованія лопарей, что покойники ихъ являются имъ во снѣ и разсказываютъ о своей загробной жизни; для этого требуется только явившагося во снѣ покойника спросить, какъ ему живется, и онъ разскажетъ подробно свою жизнь и объявитъ, требуется-ли еще поминовеніе его души или, благодаря тому, что онъ взятъ на небо, поминовеніе является уже лишнимъ.

Среди прочихъ суевѣрій лопарей слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ и о ихъ воззрѣніяхъ на святыхъ; что они ихъ чтутъ и передъ иконами ставятъ свѣчки — это несомнѣнно, но вмѣстѣ съ тѣмъ лопарь смотритъ на нихъ, какъ на покровителей того или другаго своего занятія и сообразно съ тѣмъ, чѣмъ онъ занимается въ данное время года, онъ и выбираетъ себѣ святаго; такъ, во время весенняго лова онъ чтитъ одного святаго, во время лѣтняго лова—другаго и т. д. Это объясняется двумя обстоятельствами: частью тѣмъ, что святые, нѣкоторые, по крайней мѣрѣ, замѣнили ему его языческихъ боговъ, частью тѣмъ, что начало или конецъ лова совпадаетъ съ тѣмъ или другимъ праздникомъ православной церкви. Не безъ вліянія на представленія лопаря о святыхъ-покровителяхъ остались и коляне, которые также имѣютъ своихъ святыхъ для разныхъ занятій. Все это вмѣстѣ взятое объясняетъ до извѣстной степени, почему представленія лопарей о святыхъ мало оригинальны въ сравненіи съ прочими мѣстностями Россіи. Бѣдность сказаній о святыхъ зависитъ оттого, что лопари сравнительно поздно просвѣтились христіанствомъ и не успѣли еще выработать этихъ сказаній.

Изъ покровителей-святыхъ у лопарей слѣдуетъ упомянуть о вѣрованіяхъ въ Св. Николая Чудотворца и въ свв. апост. Петра и Павла. Первый считается покровителемъ рыболововъ во время морскаго лова; онъ посылаетъ хорошую или дурную погоду. Что касается до свв. Петра и Павла, то они являются покровителями весенняго лова и въ это-то именно время лопарь, пріѣзжая въ церковь, ставитъ имъ свѣчки; когда начинается лѣтній ловъ, начинаютъ молиться св. Ильѣ-пророку, такъ какъ онъ является покровителемъ этого лова. Св. Евстафій Плакида считается покровителемъ оленей. Болѣе всего чтится, однако, лопарями ихъ просвѣтитель преп. Трифонъ и это, пожалуй, единственный святой, о которомъ лопари имѣютъ болѣе ясное представленіе и о которомъ у нихъ ходятъ разсказы и преданія; лопари довольно хорошо помнятъ исторію введенія въ ихъ средѣ христіанства, хотя многое передѣлали по своему: они разсказываютъ, напримѣръ, что преподобный явился изъ Россіи, долго среди нихъ жилъ, обходилъ ихъ землю и крестилъ; но лопари не хотѣли принимать св. крещенія и дѣлали разныя непріятности св. Трифону; разъ они собрались большой толпой къ нему и, когда преп. Трифонъ вышелъ, они схватили его за волосы и долгое время волокли его, вслѣдствіе чего онъ оплѣшивѣлъ (пр. Трифонъ, какъ извѣстно, изображается на иконахъ плѣшивымъ); Богъ наказалъ лопарей за это и сдѣлалъ такъ, что между лопарями теперь много плѣшивыхъ (Массельга, Нотозеро, Сонгелы). О происхожденіи Айновыхъ и Кильдинскаго острововъ сохранилось преданіе, что нойды, недовольные успѣхами новой проповѣди среди лопарей, хотѣли Айновыми островами запереть входъ въ Печенгскую губу, а Кильдинскимъ остро-

вомъ входъ въ Кольскую губу, чтобы досадить преп. Трифону. До сихъ поръ лопари показываютъ еще кресты, которые, по ихъ преданіямъ, ставилъ преп. Трифонъ, желая провести границу между крещеною лопью и некрещеною.

Къ числу дней, чтимыхъ современными русскими лопарями, слѣдуетъ отнести для печенгскихъ и паврѣцкихъ лопарей день Ивана Постнаго, для прикольскихъ — Ивановъ день, 24-го іюня. Въ день Ивана Постнаго лопари печенгскіе ѣдятъ рыбу, но голову ея не трогаютъ: это происходитъ оттого, что этотъ день лопарями называется безголовнымъ днемъ (востамесъ, войве-темасъ). Въ этомъ нельзя не видѣть также вліянія на лопарей русскихъ ихъ сосѣдей: обычай не ѣсть въ этотъ день ничего круглаго, какъ извѣстно, распространенъ въ очень многихъ мѣстностяхъ Россіи. Въ томъ, что къ этому дню пріурочено начало новаго года, слѣдуетъ также видѣть вліяніе русскихъ, начинавшихъ свой годъ до Петра I съ 1 сентября: лопарскій годъ пріуроченъ лишь къ наиболѣе близкому къ этому числу празднику.

Прикольскіе лопари празднуютъ капунъ Ивана Купала; въ эту ночь лопари ищутъ травъ у ручьевъ: ищутъ иногда вмѣстѣ и парни и дѣвушки; эти травы сушатъ и затѣмъ, когда никого изъ старшихъ не бываетъ дома, потихонько завариваютъ и пьютъ. Въ Нотозерскомъ погостѣ на день Ивана Постнаго также ищутъ травъ, сушатъ ихъ и пьютъ; дѣлаютъ это не только парни и дѣвушки, но и женатые, равно старики, какъ и молодые. Въ ночь на Ивана Купала зажигаютъ огни и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ прыгаютъ черезъ костеръ.

Празднованіе Ивановой ночи, вѣроятно, занесено къ лопарямъ изъ Колы, хотя въ Колѣ въ настоящее время, по крайней мѣрѣ, травъ на Ивана Купала и не собираютъ.

То, что лопари съ суевѣріемъ относились къ тому или иному дню, въ которые праздновалась память христіанскихъ святыхъ, сообщаетъ еще Шефферъ: они соблюдаютъ нѣкоторые дни, пишетъ онъ, и одни дни считаютъ счастливыми, другіе — несчастными; несчастными днями они считаютъ день памяти св. Екатерины, св. Марка, который называется ими Кантепейве и день памяти св. Климента. Въ эти дни они не предпринимаютъ *никакой работы* и не ходятъ на охоту, приводя этому слѣдующія двѣ причины: если они въ такой день пойдутъ на охоту, у нихъ непремѣнно сломаются лукъ и стрѣлы; во-вторыхъ, если они не воздержатся отъ охоты въ этотъ день, у нихъ не будетъ успѣха на цѣлый годъ. Къ несчастнымъ днямъ лопари причисляли и день Рождества Христова, какъ было указано выше [1]. Въ этихъ вѣрованіяхъ мы должны видѣть безъ сомнѣнія пріуроченіе языческихъ обрядовъ и вѣрованій къ днямъ, празднуемымъ христіанской церковью; а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ напримѣръ, въ почитаніи дней св. Екатерины, Марка, Климента слѣдуетъ видѣть, по всѣмъ вѣроятіямъ, остатки проповѣди католиковъ — миссіонеровъ среди лопарей до XVI в.

Что является несомнѣнно заноснымъ — это обычай лить воскъ подъ русскій новый годъ среди лопарей Нотозерскаго погоста; это дѣлаютъ либо дѣвушки, либо холостые лопари: если дѣвушкѣ выйдетъ изъ воска повойникъ — ей выдти замужъ въ предстоящемъ

---

[1]) Schefferus. Lapponia, p. 89.

году; если выйдетъ повязка—оставаться ей въ дѣвушкахъ. Также гадаютъ и мужчины; въ пользу предположенія, что это гаданіе занесено къ лопарямъ изъ Колы, достаточно говоритъ какъ и матеріалъ, который употребителенъ при гаданіи, такъ, главнымъ образомъ, и время, въ которое это гаданіе производится.

Если это единственный способъ гаданія на счетъ будущаго, въ Нотозерскомъ погостѣ, къ которому могутъ прибѣгать простые люди, не колдуны, то въ древнее время гаданія были очень развиты, но они совершались, главнымъ образомъ, при помощи бубна; когда бубенъ перешелъ изъ рукъ отдѣльныхъ лицъ исключительно въ классъ нойдовъ, то къ нойдамъ перешли вмѣстѣ съ нимъ и обязанность и сила узнавать будущее. Мы видѣли уже нойду, выступающаго въ роли жреца,—посмотримъ, какимъ онъ былъ—въ роли шамана и колдуна у древнихъ лопарей, и во что онъ обратился въ настоящее время.

Слѣдуетъ замѣтить, что Лапландія съ незапамятныхъ временъ считается страной, населенной чародѣями. Еще въ Калевалѣ мы видимъ мать Леминкейнена, которая, желая удержать сына отъ поѣздки въ Похьолу, говоритъ ему:

Не ходи ты, мой сыночекъ,
Въ села дальнія Похьолы,
Не ходи безъ чародѣйства,
Безъ премудрости всевластной
Къ очагамъ дѣтей Похьолы,
На поля дѣтей лапландскихъ.
Запоетъ тебѣ лапландецъ,
Заклянетъ тебя турьянецъ:
По уста положитъ въ угли,
Въ пламя голову и плечи,
Въ золу жаркую всю руку
На каменьяхъ раскаленныхъ“ [1]).

И нѣсколько дальше:

„Не ходи отсюда, милый,
Въ тѣ холодныя селенья,
Въ эту мрачную Похьолу,
Тамъ опасность угрожаетъ...
Хоть ты будешь стоязычнымъ....
Все же ты не бросишь пѣньемъ
Сыновей Похьолы въ воду
Ты не скажешь, какъ турьянецъ
И не скажешь, какъ лапландецъ“ [2]).

Въ древней Россіи мы встрѣчаемся также со взглядомъ на лопарей, какъ на опасныхъ чародѣевъ и вѣдуновъ: такъ въ 1584 году Іоаннъ Грозный призываетъ колдуновъ лопарей для объясненія значенія появившейся въ то время кометы. Послѣ убійства Лжедимитрія I стали ходить слухи, что земля не принимаетъ его тѣла, и нѣкоторые утверждали, „что Гришка былъ колдунъ, выучившійся этому искусству у Лапонцевъ: когда они дадутъ себя убить, могутъ и воскрешать себя. И онъ выучился этому дьявольскому искусству“ [3]).

Но наиболѣе характерными въ этомъ отношеніи являются разсказы, передаваемые намъ средневѣковыми писателями о колдовствѣ лопарей. Уже одинъ тотъ фактъ, что эти разсказы были такъ сильно распространены, служитъ доказательствомъ, какъ крѣпко утвердилась за лопарями слава о ихъ чародѣйствѣ. Ограничусь лишь нѣкоторыми изъ этихъ разсказовъ, которыхъ было такое множество.

Такъ долгое время держалось мнѣніе, что лопари имѣютъ власть надъ вѣтрами.

---

[1]) Калевала, руна 12, переводъ Л. Бѣльскаго. «Турьянецъ» — норвежецъ.
[2]) Ibid.
[3]) Петръ Петрей. Ист. о Вел. Кн. Московскомъ, стр 222

Циглеръ сообщаетъ, что лопари завязываютъ три волшебныхъ узла и, когда они развязываютъ одинъ—подымаются вѣтры съ умѣренной силой; когда они развязываютъ второй узелъ—начинаютъ дуть вѣтры болѣе сильные; когда развяжутъ третій—поднимается буря и гроза [1]). То же самое сообщаетъ и Ричардъ Эденъ, съ небольшими измѣненіями сравнительно съ Циглеромъ [2]). Другой писатель сообщаетъ, что лопари могутъ удержать корабль на ходу такъ, что никакая сила вѣтровъ не можетъ ихъ сдвинуть съ мѣста [3]). Далѣе Циглеръ говоритъ, что лопари приготовляютъ небольшія, величиной въ палецъ, волшебныя копья изъ свинца и посылаютъ ихъ на своихъ враговъ; копье это разитъ того, кому оно было назначено, и тотъ въ страшныхъ мученіяхъ умираетъ черезъ три дня. Шефферъ, у котораго мы заимствуемъ эти свѣдѣнія, замѣчаетъ, „что теперь (въ концѣ XVII в.) нѣтъ никого, кто-бы зналъ это“; онъ полагаетъ, что Циглеръ ошибся, приписывая лопарямъ способность насылать свинцовыя копья и прибавляетъ, что другой писатель, Петръ Клауди, называетъ „ганъ“—то, что посылаютъ лопари; этотъ ганъ наноситъ и людямъ и животнымъ смерть или вредъ. Но если одни лопари имѣли силу насылать такимъ образомъ смерть, то другіе лопари были надѣлены способностью изгонять этотъ ганъ; кромѣ того, ганъ вредилъ лишь тогда, когда посылающій его зналъ имя отца того лица, которому онъ хотѣлъ вредить. Наконецъ, лопари, по словамъ Шеффера, имѣютъ силу насылать еще такъ называемые тире (tyre), особо приготовленную массу, величиной съ орѣхъ или съ яблоко средней величины. Это тире продается лопарями; оно летитъ по направленію того лица, на котораго оно посылается, „словно вихрь или словно пущенная изъ лука стрѣла, либо шаръ, и если по дорогѣ ему встрѣтится что-нибудь живое, каково бы оно ни было—тире поражаетъ его.... И, такимъ образомъ, оно нерѣдко отклоняется отъ лица, для котораго оно было назначено, и поражаетъ невиннаго. И даже до настоящаго времени, заключаетъ Шефферъ, нѣтъ недостатка въ печальныхъ примѣрахъ такого рода“ [4]). Этотъ-же писатель приводитъ даже рисунокъ этого тире. Могутъ лопари насылать болѣзнь или смерть также при помощи волшебнаго бубна, хотя способы, которыми зло дѣлается при помощи бубна, и неизвѣстны, такъ какъ лопари держатъ ихъ втайнѣ. Еще писатель XVII вѣка, пасторъ и магистръ Іоаннъ Торней, вполнѣ вѣритъ въ возможность нанесенія вреда при посредствѣ бубна. „Между этими лопарями, пишетъ онъ, былъ одинъ лѣтъ восьмидесяти, который признавался, что онъ, будучи еще мальчикомъ, научился отъ своего отца этому искусству (т. е. причинять вредъ или смерть при помощи бубна) и въ 1670 году.... устроилъ такъ, что одинъ крестьянинъ утонулъ въ порогѣ. Его приговорили къ смертной казнѣ и въ оковахъ везли изъ Лапландіи къ ближайшему городу Ботніи. На дорогѣ онъ при помощи своего искусства убилъ себя, такъ что скончался въ одинъ мигъ, хотя сидѣлъ совершенно здоровымъ въ телѣгѣ“ [5]). Чародѣи при помощи бубна, или при исполненіи извѣстныхъ дѣйствій могли узнать о томъ, что происходило въ другой, подчасъ очень отдаленной странѣ. Такъ Шефферъ передаетъ

1) Schefferus. Lapponia, p. 114.
2) The journal of the Anthropological Institute. 1885. November.
3) Schefferus. p. 145.
4) Ibid, pp. 146—149.
5) Ibid, pp. 143, 144.

разсказъ, согласно которому приказчикъ одного нѣмецкаго купца, находясь въ Лапландіи, пожелалъ узнать, что дѣлаетъ его господинъ; чародѣй, послѣ нѣсколькихъ дѣйствій, разсказалъ все, что дѣлаетъ патронъ въ далекомъ нѣмецкомъ городѣ [1]). Распространенъ былъ и разсказъ, по которому одна лопарская колдунья заставила сонмъ адскихъ духовъ явиться передъ норвежскимъ королемъ Гадиномъ; другая, по имени Крака, приготовила для сына Гадина, Ролло, похлебку такой силы, что если-бъ Ролло ее съѣлъ, онъ долженъ-бы былъ сдѣлаться мудрымъ и краспорѣчивымъ, но его младшій братъ, Эрикъ, отнялъ у него похлебку и съѣлъ ее, вслѣдствіе чего онъ сталъ умнымъ, благодаря чему впослѣдствіи онъ и достигъ норвежской короны [2]).

Насколько были распространены эти разсказы, можетъ служить доказательствомъ, то что даже въ XVIII в. Петръ Гегстремъ считалъ нужнымъ опровергнуть ходячее мнѣніе, что лопари могутъ переноситься вмѣстѣ съ своими оленьими стадами съ мѣста на мѣсто на облакахъ, и объявить такого рода мнѣніе: „ложными представленіями необразованнаго человѣка, такъ какъ подобныя вещи въ Лапландіи неизвѣстны“ [3]).

Естественно, что не всѣ лопари считались надѣленными такой силой чародѣйства. Изъ числа ихъ выдѣлялось лишь нѣсколько лицъ, знающихъ тайны чародѣйства, могущихъ навести порчу, причинять болѣзнь или смерть. Среди древнихъ лопарей мы почти не встрѣчаемъ женщинъ-чародѣекъ; въ большинствѣ случаевъ, даже почти исключительно, эта сила принадлежитъ мужчинамъ. Такіе чародѣи назывались лопарями нойдами, ноайдами: они въ своемъ положеніи соединяли функціи и жреца, и шамана, и просто колдуна. Эти двѣ послѣднія дѣятельности были тѣсно связаны другъ съ другомъ: кто былъ шаманомъ, тотъ былъ и колдуномъ и наоборотъ; вотъ почему для древнихъ лопарей нельзя отдѣлять шамана отъ колдуна, что показываетъ, между прочимъ, и само названіе того или другаго нойдомъ. То-же самое слѣдуетъ сказать и о жреческихъ обязанностяхъ нойды; нойда-колдунъ-шаманъ является обыкновенно и жрецомъ и наоборотъ, жрецъ у древнихъ лопарей является всегда шаманомъ и колдуномъ. Поэтому-то нельзя говорить о нойдѣ-шаманѣ, нойдѣ-колдунѣ и нойдѣ-жрецѣ у древнихъ лопарей, а лишь о дѣйствіяхъ нойды, какъ шамана, какъ колдуна, какъ жреца. Что касается современныхъ русскихъ лопарей, то нойды среди нихъ утратили свое значеніе, какъ шамана и жреца, но сохранили за собой вполнѣ значеніе колдуновъ.

Шаманизмъ представляютъ обыкновенно, какъ религію, въ которой, при помощи опредѣленныхъ дѣйствій, приводящихъ извѣстное лицо (шамана) въ экстазъ, можно подчинить себѣ какого-нибудь духа, обыкновенно того, который либо вселился въ шамана, либо служитъ ему, и заставить его произвести тѣ или иныя дѣйствія, раскрыть будущее, исполнить какое-либо порученіе. „Главная идея (лежащая въ основѣ шаманизма), говоритъ Кастренъ [4]), это та, что въ природѣ существуютъ абсолютныя силы, которыя оказываютъ безусловное вліяніе на человѣка. Вмѣстѣ съ постепенно пріобрѣтеннымъ взглядомъ, что человѣкъ не созданъ непосредственнымъ владыкой природы, является въ немъ

[1]) Ibid. p. 135.
[2]) Acerbi. Reise, p. 494.
[3]) Högström. Beschreibung, p. 26.
[4]) A. Castren. Vorlesungen, p. 4.

потребность отыскать извѣстныя средства для достиженія своихъ намѣреній". Эта главная идея лежитъ и въ основѣ лопарскаго шаманизма; власть подчинять себѣ тѣхъ духовъ, которые имѣли власть надъ окружающей лопаря природой — и отличала лопарскаго шамана отъ прочихъ лопарей; онъ-же облюдаетъ способностью имѣть сношенія съ богами, чего не имѣютъ остальные лопари. И въ этомъ отношеніи лопарскій шаманъ ничѣмъ не отличается отъ шамановъ у прочихъ народностей, гдѣ таковые встрѣчались.

Но вопросъ въ томъ, какъ возникъ и развился среди лопарей шаманизмъ? Въ этомъ отношеніи существуютъ основанія думать, что шаманы, какъ классъ, выдѣлившійся изъ среды прочихъ лопарей, соединявшіе въ своемъ лицѣ и жреца, и колдуна, появились довольно поздно, что первоначально жрецомъ и колдуномъ являлся среди лопарей глава семьи или рода, что лишь впослѣдствіи, съ упадкомъ родовой религіи, появились и шаманы, *какъ классъ особый*, и на нойдовъ перешли и обязанности жреца и колдовство. Что касается перехода жреческихъ обязанностей къ нойдамъ отъ главъ семьи или рода, то это засвидѣтельствовано древними писателями; этихъ главъ семьи, исполняющихъ и поддерживающихъ семейную религію, семейный культъ, писатели XVII в. застаютъ еще какъ переживаніе среди лопарей; и если сравнить способы, какими эти семейные жрецы совершаютъ жертвоприношенія, съ тѣми, которые практиковались нойдами, мы увидимъ полную тождественность; при гаданіи, какое животное и какому божеству слѣдуетъ принести въ жертву, употребляется ими тотъ же волшебный бубенъ, который мы встрѣчаемъ и у нойдовъ, какъ необходимую принадлежность послѣднихъ. Самъ бубенъ является семейной или родовой собственностью. Его имѣетъ еще каждый глава семьи; онъ торжественно перевозится при всѣхъ перекочевкахъ лопарей, по дорогамъ тайнымъ, по которымъ обыкновенно никто не ходилъ; по отношенію къ нему существуетъ то-же опасеніе, чтобы женщина не осквернила его своимъ прикосновеніемъ, какъ и по отношенію къ родовой лопарской святыни; если женщина просто пройдетъ по дорогѣ, по которой пронесли бубенъ, ей грозитъ либо смерть на мѣстѣ, либо сильная болѣзнь, либо въ самомъ хорошемъ случаѣ какое-нибудь несчастіе. Но опасность переходить дорогу, по которой пронесли бубенъ, прекращается для женщины по прошествіи трехъ дней [1]). Но въ XVII в. нойды, какъ особый классъ, успѣли уже зародиться, въ иныхъ мѣстностяхъ Лапландіи, успѣли даже вытѣснить прежнихъ семейныхъ жрецовъ; этому, конечно, долженъ былъ способствовать упадокъ семейнаго культа вообще среди лопарей, вызвавшій появленіе особаго класса жрецовъ; но этотъ классъ, если и былъ преобладающимъ въ XVII в., повидимому, все-таки не успѣлъ еще окончательно вытѣснить прежній способъ жертвоприношеній. Вотъ почему въ то время, какъ почти всѣ писатели говорятъ о нойдахъ, какъ лицахъ, держащихъ въ своихъ рукахъ всѣ жреческія обязанности, мы встрѣчаемъ еще у нѣкоторыхъ писателей упоминанія о существованіи жрецовъ—главъ семьи, передающихъ по наслѣдству свои знанія въ жертвенныхъ ритуалахъ

Знанія въ колдовствѣ также перешли постепенно отъ главъ семьи къ нойдамъ. Развитіе колдовства среди лопарей объясняется, главнымъ образомъ, существованіемъ семейнаго культа у нихъ. Каждая семья, пишетъ Моне [2]), имѣла, по крайней мѣрѣ, одного

[1]) Schefferus. Lapponia, pp. 132—138.
[2]) Mone: Geschichte d. Heidenthums, I, p. 33.

духа (Сторьюнкаре); многія семьи имѣли ихъ нѣсколько. Этотъ духъ оставался въ домѣ и переходилъ по наслѣдству изъ рода въ родъ. Шефферъ приводитъ слова разныхъ писателей, подтверждающихъ, что у лопарей были домашніе духи, что эти духи были душами усопшихъ; то-же подтверждаютъ намъ и писатели XVIII вѣка; наконецъ, и поклоненіе сейдамъ, которые, какъ извѣстно, были семейными или родовыми божествами у лопарей, происходитъ, какъ было выше указано, отъ поклоненія предкамъ. Это существованіе семейныхъ духовъ, семейныхъ божествъ вело къ тому, что глава семьи обязанъ былъ знать искусство обходиться съ духами. Это и было колдовство; ему поэтому и учились, и сынъ, на ряду съ домашними духами, унаслѣдовалъ и это искусство [1]). Дюбенъ, говоря о сейдахъ, замѣчаетъ, что вѣрованія въ эти камни прямо привели къ волшебству въ томъ видѣ, какъ оно встрѣчается еще въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Лапландіи [2]).

Какъ жреческія обязанности по отношенію къ домашнимъ духамъ и сейдамъ, такъ и сопряженное съ нимъ колдовство перешли отъ главъ семьи, которыхъ и по отношенію къ этимъ божествамъ писатели XVII в. застаютъ еще жрецами—къ нойдамъ. Въ чемъ же выражался культъ домашнихъ духовъ и колдовство, сопряженное съ этимъ культомъ? Вѣра въ домашнихъ духовъ происходитъ, какъ извѣстно, отъ поклоненія предкамъ и у древнихъ лопарей нагляднымъ доказательствомъ этого служитъ то, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и домашнихъ духовъ, и души предковъ означали одинаковымъ названіемъ Сайво, имя, которое, какъ извѣстно, придавалось сейдамъ. Этимъ Сайво кромѣ жертвъ безкровныхъ, приносились и жертвы кровавыя, въ особенности въ случаяхъ заболѣванія члена семьи, или затруднительнаго положенія семьи вообще. Но чтобы принести жертву, слѣдовало узнать, какую жертву желаетъ Сайво; для этого, если Сайво самъ не являлся во снѣ и не объявлялъ, какой жертвы онъ хочетъ, глава семьи долженъ былъ лично отправиться въ страну усопшихъ, чтобы получить отъ него отвѣтъ на вопросъ; сдѣлать это онъ могъ, лишь приводя себя въ экстазъ, впадая въ безсознательное состояніе, во время котораго душа его оставляла тѣло и совершала путешествіе въ страну усопшихъ. Этотъ главный видъ колдовства есть ничто иное, какъ шаманизмъ, какъ мы его опредѣлили выше, и мы увидимъ, что нойда, когда онъ являлся въ своей роли шамана, главнымъ образомъ только для этого и производилъ тѣ дѣйствія, которыя обыкновенно характеризуютъ шаманскую дѣятельность. Но такъ какъ впадать въ экстазъ могли, конечно, не всѣ главы рода, то обязанность эта могла переходить или къ другимъ представителямъ рода или даже къ чужеродцамъ, имѣющимъ необходимыя на то качества. Вѣроятно поэтому, что отдѣльные шаманы, служившіе для узнаванія при помощи впаденія въ экстазъ волю усопшихъ, существовали уже издавна у лопарей; но съ постепеннымъ упадкомъ родовой религіи, они становились все могущественнѣе и многочисленнѣе, и главы родовъ или семей передали имъ постепенно, въ виду невозможности производить иногда „шаманскія“ дѣйствія, спачала обязанности узнавать волю предковъ, потомъ и жреческія свои обязанности и, быть можетъ, даже и всѣ виды простаго колдовства: послѣ этого нойды являются особымъ классомъ.

---

[1]) Ibid.
[2]) Düben: La Laponie et les Lapons въ Congrès international des Sciences Geographiques, 1878, p. 332

Когда произошло это выдѣленіе нойдовъ — сказать трудно, несомнѣнно лишь то, что еще въ XVII вѣкѣ рядомъ съ нойдами существовали и главы семьи, по обязанностямъ своимъ, по своей дѣятельности и силѣ подчасъ ничѣмъ не отличавшіеся отъ нойдовъ; но нойды являются уже въ XVII вѣкѣ, какъ преобладающій классъ жрецовъ, являются также колдунами и, повидимому, въ скоромъ времени и колдовство всецѣло переходитъ изъ рукъ главы семьи въ руки нойдовъ.

Каково-бы ни было происхожденіе лопарскихъ нойдовъ, но, какъ я уже сказалъ, большинство писателей знаетъ нойдовъ, какъ классъ уже выдѣлившійся, обособившійся въ отдѣльную группу. Они являются жрецами, шаманами и колдунами. Неотъемлемою ихъ принадлежностью является бубенъ, при помощи котораго они совершаютъ колдовство и узнаютъ будущее и волю боговъ и лѣчатъ болѣзни и т. д.

Нойдой, однако, могъ сдѣлаться не всякій; нѣкоторые уже имѣли отъ предковъ даръ сдѣлаться имъ. Вотъ какъ объясняетъ, со словъ лопарей, Іоаннъ Торней обстоятельства, при которыхъ такіе люди дѣлаются нойдами: „всякій разъ, когда дьяволъ увидитъ, что такіе люди могутъ быть хорошими слугами ему, онъ посылаетъ на нихъ болѣзнь въ самомъ раннемъ дѣтствѣ: во время болѣзни онъ показываетъ имъ различныя картины и видѣнія, изъ которыхъ они сообразно съ своимъ возрастомъ научаются тому, что относится къ этому искусству (колдовству). Затѣмъ онъ насылаетъ на нихъ вторую болѣзнь, въ которой онъ показываетъ имъ больше видѣній, изъ которыхъ они научаются еще больше искусству, чѣмъ во время первой болѣзни. Если онъ пошлетъ на нихъ третью болѣзнь, которая бываетъ столь тяжелой, что они подвергаются опасности потерять жизнь, то имъ являются всѣ видѣнія дьявольскія, изъ которыхъ они научаются всему, что необходимо для совершеннаго знанія колдовства [1]). Подобныя же свѣдѣнія встрѣчаемъ мы у Лундіуса: по его словамъ, лопари вѣрятъ, что злой духъ входитъ въ тѣла нѣкоторыхъ людей по достиженіи ими зрѣлаго возраста. Духъ является такому человѣку обыкновенно въ лѣсу, договаривается съ нимъ объ условіяхъ, на которыхъ онъ будетъ служить ему, затѣмъ учитъ его волшебной пѣсни, при пѣніи которой духъ долженъ явиться. Духъ принимаетъ видъ рыбы, птицы, змѣи или карлика; въ образѣ карликовъ духи являются подчасъ въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ [2]). Колдовству можно, однако, научиться и отъ другаго нойды; можно было быть его ученикомъ, извѣстное время сопровождать его, присутствовать и помогать ему при его дѣяніяхъ и такимъ образомъ выработать изъ себя нойду. Но для того, чтобы быть признаннымъ таковымъ, необходима была санкція старыхъ, уже испытанныхъ нойдовъ. Посвященіе новаго нойды совершалось слѣдующимъ образомъ: нѣсколько старыхъ нойдовъ соглашались собраться у молодаго, желающаго получить это званіе; сойдясь въ домъ новопосвящаемаго, одинъ старый нойда садился около дверей такъ, что ноги молодаго и стараго нойды скрещивались. Молодой начиналъ затѣмъ бить въ бубенъ и пѣть. Если, во время этого, сайво входилъ въ жилище и переходилъ ихъ ноги, но такъ что это замѣчалъ лишь молодой, то старикъ на

---

[1]) Schefferus. Lapponia, p. 122.
[2]) „Живописное Обозр. Странъ Свѣта“, 1873, № 33.

это не обращалъ никакого вниманія. Но если сайво входилъ такъ, что его видѣлъ и старый нойда, то молодой тотчасъ-же объявлялся нойдой [1]).

Таковы извѣстные намъ способы поступленія лица въ нойды. Какими-же путями современные русскіе лопари могутъ сдѣлаться нойдами-колдунами?

По воззрѣніямъ современныхъ русскихъ лопарей можно быть колдуномъ или колдуньей отъ природы, можно и научиться колдовству отъ другаго, хотя для того, чтобы быть признаннымъ нойдой, насколько мнѣ извѣстно, и не требуется исполненія тѣхъ формальностей, описаніе которыхъ я только что привелъ. Самый обыкновенный способъ пріобрѣтенія умѣнья колдовать—это отъ отца, причемъ иногда эта способность переходитъ и по наслѣдству изъ рода въ родъ: отецъ-нойда, умирая, оставляетъ умѣнье колдовать либо сыну, либо дочери, „благословляетъ колдовствомъ“, какъ выражаются въ подобныхъ случаяхъ лопари. Въ Нотоверскомъ погостѣ живетъ лопарка, по имени Афимья Егоровна; родомъ она изъ Пазрѣцкаго погоста; ей приписываютъ умѣнье колдовать, и по поводу способа, которымъ перешло это искусство на Егоровну (такъ ее называютъ лопари) существуетъ у лопарей слѣдующій разсказъ, отъ справедливости котораго и сама Егоровна не отрекается: „когда отецъ Егоровны умиралъ, онъ спрашиваетъ ее: „чѣмъ тебя, Афимьюшка, благословить?“—Она молчитъ. Что-то упало на улицѣ. Отецъ испугался и замололъ что-то и закашлялъ: когда пришелъ онъ въ себя, она и говоритъ: „ты чего испугался? что-то упало на улицѣ.“ Онъ и говоритъ: „этимъ-то только я благословляю тебя—больше ничѣмъ не могу.“ Съ тѣхъ поръ она стала пугаться и немного колдовства знаетъ“.

Такого рода передача колдовства отъ отца къ сыну или дочери имѣетъ силу сколько угодно поколѣній; знаніе колдовства, являясь собственностью его обладателя, на ряду съ прочимъ семейнымъ имуществомъ переходитъ на наслѣдниковъ; но въ то время, какъ прочее имущество глава семьи не имѣетъ права завѣщать другому лицу помимо семейныхъ, этотъ даръ колдовства онъ можетъ передать и чужому, хотя, конечно, обыкновенно передаетъ его одному изъ своихъ наслѣдниковъ. Въ этомъ обычаѣ передачи своихъ знаній въ колдовствѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе мы видимъ воспоминаніе еще о тѣхъ временахъ, когда сынъ научался для поддержанія семейнаго культа колдовству у своего отца, и, такимъ образомъ, это знаніе являлось семейнымъ, наслѣдственнымъ. Эту эпоху, какъ видно изъ предшествующаго, писатели XVII вѣка застали еще у скандинавскихъ лопарей, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ скандинавской Лапландіи.

Нойдѣ приписывалось большое могущество; онъ узнавалъ и будущее и толковалъ волю боговъ; онъ могъ посылать и останавливать дождь, призывать и прогонять насѣкомыхъ и т. д. Въ большинствѣ случаевъ подспорьемъ нойдѣ служилъ его бубенъ. Бубенъ былъ неодинаковъ, но несходство одного бубна съ другимъ выражалось лишь въ частностяхъ: въ его формѣ и отчасти въ рисункахъ на немъ изображавшихся. Обыкновенно бубенъ дѣлался изъ дерева: сосны, ели или березы, причемъ требовалось, чтобы выбираемое для бубна дерево „росло по-солонь“.

---

[1]) Erman. Archiv. XX. p. 353

Самый бубенъ, если вѣрить свидѣтельству Іоанна Торнея, назывался лопарями Kannus или quobdas [1]). Та часть бубна, по которой били, была, по словамъ современниковъ, раскрашена; на ней были изображены равныя фигуры красной краской, добываемой изъ коры ольхи. На срединѣ бубна проводились двѣ черты поперекъ, на которыхъ изображались главные боги лопарскаго пантеона, какъ-то: Айеке съ его слугами, Сторьюнкаре со своими. Ниже этихъ чертъ проводилась параллельная имъ черта, доходившая лишь до половины лицевой стороны бубна; на ней изображали Христа съ нѣсколькими апостолами. Надъ этими чертами находились изображенія птицъ, звѣздъ, луны. Ниже этихъ чертъ, на самой срединѣ бубна, рисовали эмблему солнца. Ниже солнца помѣщались изображенія различныхъ животныхъ, какъ-то: медвѣдей, оленей, волковъ, лисицъ, змѣй; далѣе изображались болота, озера, рѣки и т. п. Иногда на южной части рисовали Швецію, сѣвернѣе ея Норвегію: отмѣчались города и представлялись люди. По срединѣ обѣихъ частей рисовали Лапландію, занимавшую не въ примѣръ большую, чѣмъ остальныя страны, площадь. Въ Лапландіи изображались различныя животныя [2]). Количество эмблемъ боговъ на бубнѣ зависѣло отъ могущества нойды; у болѣе могущественныхъ и количество этихъ эмблемъ было больше. Мы уже выше говорили, что почти каждое божество имѣло свою эмблему. Эмблемы нѣкоторыхъ боговъ выставлялись на бубнѣ лишь самыми могущественными нойдами: къ такимъ, напримѣръ, относилась эмблема Мадератча.

Отъ изображенія солнца шли четыре радіуса, значеніе которыхъ было указано выше. Гоггюеръ, видѣвшій въ 1828 году шаманскій бубенъ, описываетъ его въ слѣдующихъ словахъ: онъ имѣетъ видъ рѣшета, покрытъ особо приготовленной, лишенной шерсти оленьей шкурой, на которой нарисована масса изображеній: сѣверныхъ оленей, медвѣдей, волковъ, собакъ, птицъ, деревьевъ и многихъ другихъ предметовъ [3]). Какъ видно, за слишкомъ 150 лѣтъ внѣшній видъ бубна ни въ чемъ существенномъ не измѣнился.

Бубенъ употребляли слѣдующимъ способомъ. На него клали кольцо, изготовленное либо изъ металла, либо изъ ольхи; къ этому кольцу обыкновенно привязывалось нѣсколько маленькихъ колецъ. Иногда большое кольцо замѣнялось костяной фигурой, имѣвшей видъ буквы „дельта". Когда кольцо было положено посрединѣ бубна, начинали ударять въ бубенъ молоткомъ, сопровождая удары пѣснью. Колотушка бывала обыкновенно деревянной, или изготовлялась изъ рога оленя. По направленію кольца, которое двигалось отъ ударовъ, узнавали то, что требовалось. Если, напримѣръ, нужно было узнать, какое животное слѣдуетъ принести въ жертву, то, смотря по тому, около изображенія какого животнаго кольцо остановится, то и опредѣляли для жертвоприношенія. Кольцо носило названіе арпа [4]).

Таковъ въ общихъ чертахъ былъ бубенъ, употребляемый древними нойдами, таковъ и способъ его употребленія. У различныхъ писателей мы встрѣчаемъ множество различій какъ въ описаніи самаго бубна, такъ и способовъ его употребленія, но въ виду того, что всѣ эти различія касаются лишь частностей и объясняются тѣмъ, что

---

[1]) Schefferus. Lapponia, p. 122.
[2]) Ibid. pp 124, 126.
[3]) Hogguer, Reise, p. 96.
[4]) Schefferus. Lapponia, p. 130.

свѣдѣнія были записаны въ разныхъ мѣстностяхъ Лапландіи—я на нихъ не буду останавливаться. Бубенъ является необходимой принадлежностью древняго нойды; безъ него онъ немыслимъ—и это объясняется тѣмъ, что почти все, что дѣлалъ нойда, онъ дѣлалъ при помощи бубна.

Бубномъ нойды пользовались въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) чтобы узнать, какому богу и какое животное принести въ жертву; 2) чтобы узнать исходъ предполагаемаго дѣла или исходъ болѣзни; 3) чтобы нанести какой-нибудь вредъ человѣку, причинить ему болѣзнь или смерть; 4) для излѣченія болѣзни; 5) когда требовалось узнать, что дѣлается въ другихъ странахъ, гдѣ находится потерянная вещь или животное. Таковы главные случаи, когда нойды прибѣгали къ бубну.

О томъ, какъ узнавать, какому богу и какую жертву слѣдуетъ принести, а также какъ совершали нойды жертвоприношенія—было мною сказано выше и поэтому къ этому вопросу я возвращаться не буду.

Когда требовалось узнать объ исходѣ задуманнаго предпріятія, нойда клалъ большое кольцо съ привѣшенными къ нему малыми кольцами на бубенъ такъ, чтобы оно приходилось на изображеніе солнца. Затѣмъ онъ начиналъ ударять молоткомъ по бубну: если маленькія кольца двигались по-солонь, то это считалось хорошимъ предзнаменованіемъ; если наоборотъ, то предзнаменованіе считалось дурнымъ. Прежде чѣмъ идти на охоту, производили тоже гаданіе и, смотря по тому, будутъ-ли кольца направлены на востокъ или на западъ, шли по этому направленію, увѣренные въ полученіи хорошей добычи. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ на бубнѣ изображалось и подземное царство, при гаданіи для того, чтобы узнать исходъ болѣзни, смотрѣли, направятся-ли кольца по направленію страны усопшихъ или нѣтъ: въ случаѣ, если кольца примутъ указанное направленіе, больному суждено было умереть.

Естественно, что даже послѣ того, какъ нойды выдѣлились въ особый классъ, этими видами гаданія могъ заниматься всякій лопарь, имѣвшій бубенъ, и сила и значеніе нойдовъ, вліяніе, которое они оказывали на своихъ соотечественниковъ и даже на многихъ иностранцевъ, посѣщавшихъ лопарскую землю, заключалось не въ этомъ: нойды имѣли, по вѣрованіямъ лопарей, еще силу врачевать болѣзни и узнавать, что дѣлается въ чужихъ краяхъ и наконецъ при помощи своего бубна причинять вредъ, болѣзнь, даже смерть другимъ людямъ; что касается способовъ, какими пользовались нойды для послѣдней цѣли, то они намъ неизвѣстны, такъ какъ лопари тщательно скрывали въ этихъ случаяхъ свое искусство отъ постороннихъ глазъ. Вѣроятно и это, какъ и другія дѣйствія, они производили, по вѣрованіямъ лопарей, при помощи подчиненныхъ имъ духовъ.

Дѣло въ томъ, что, какъ сказано было выше, каждый лопарскій нойда имѣлъ въ Сайво-аймо (странѣ усопшихъ) трехъ духовъ, имѣющихъ видъ животныхъ; эти духи находились въ постоянномъ распоряженіи нойды; эти животныя были: птица (saivo lodde), рыба (saivo kuelle) и олень (saivo sarvo), эти-то Noaidde-vuoingga—духи чародѣевъ, постоянно слѣдовали за нойдой, когда онъ вызывалъ ихъ пѣніемъ, показывали ему дорогу, помогали на охотѣ, доносили чужія рѣчи и т. п. Рыбы переносили нойду въ страну усопшихъ. Всѣ эти духи продавались, вымѣнивались, могли быть, наконецъ, передаваемы

по наслѣдству изъ поколѣнія въ поколѣніе. Иногда родители-нойды при жизни своей раздѣляли принадлежащихъ имъ духовъ между дѣтьми и лучшаго духа давали любимому сыну. Если родители умирали, не успѣвъ передать своихъ сайво дѣтямъ, то духи оказывались свободными, и овладѣть ими снова можно было лишь при помощи жертвоприношеній [1]).

Среди современныхъ русскихъ лопарей представленіе, что колдунамъ и колдуньямъ служатъ духи, сохранилось въ полной силѣ. Какъ естественно было ожидать, эти духи вмѣстѣ съ большинствомъ прочихъ сверхъестественныхъ существъ, въ которыхъ вѣровали древніе лопари, обратились въ чертей; эти-то черти и служатъ колдунамъ; ночью чертъ водитъ душу колдуна по разнымъ мѣстамъ; онъ-же открываетъ ему будущее, отвѣчаетъ на вопросы и т. д. Эти духи у современныхъ русскихъ лопарей не имѣютъ вида животнаго: они являются либо въ видѣ „барышенъ", либо прекрасныхъ юношей, либо, наконецъ, въ своемъ настоящемъ видѣ — черта „черными, долгохвостыми, рогатыми". И у современныхъ русскихъ лопарей, на Паврѣкѣ и на Нотозерѣ, по крайней мѣрѣ, существуютъ представленія, по которымъ, когда умираетъ нойда, духи, ему служащіе, остаются свободными, если только колдунъ не успѣлъ ихъ завѣщать кому-нибудь. Тогда духи направляются то къ одному, то къ другому лопарю, предлагая свои услуги. Такіе-то духи, какъ будетъ указано ниже, являлись и къ Егоровнѣ до того времени, когда ей отецъ завѣщалъ своего духа; тѣ духи, которые являлись къ Егоровнѣ, имѣли видъ „барышенъ", т. е. были одѣты, какъ одѣваются богатыя колянки и имѣли при себѣ ключи колдовства. По словамъ о. Константина Щеколдина, на Пайасъ-озерѣ ходитъ слѣдующій разсказъ, который лопарями выдается опять таки за быль. „На Пайасъ-озерѣ жилъ лопарь съ женой, не очень еще давно. У нихъ было три сына. Отецъ и мать уѣзжали на озеро промышлять рыбу, а дѣтей оставляли дома одних. Въ отсутствіе родителей ежедневно приходили къ нимъ трое красивыхъ юношей. Когда родители должны были возвращаться съ промысла, юноши уходили и говорили мальчикамъ: „когда вы выростете большими, мы будемъ жить вмѣстѣ, неразлучно, будемъ товарищами. Вы только отцу и матери не говорите, что мы ходимъ къ вамъ и что вамъ говоримъ". Однако, меньшой сынъ разъ какъ-то проговорился и разсказалъ родителямъ о томъ, что происходитъ въ ихъ отсутствіе. Тѣ испугались, чтобы кто-нибудь не укралъ у нихъ дѣтей и поэтому переѣхали вмѣстѣ съ тупой на другой берегъ озера. Юноши болѣе не показывались, но вскорѣ всѣ три сына умерли. Тогда родители догадались, что подъ видомъ трехъ юношей приходили къ ихъ дѣтямъ дьяволы, оставшіеся по смерти какого-нибудь нойды, и хотѣли имъ служить, но такъ какъ родители уѣхали, то и духи ихъ оставили". Въ этомъ разсказѣ интересно и то, что духи мстятъ родителямъ смертью дѣтей за то, что они не приняли ихъ на службу къ дѣтямъ.

Посмотримъ теперь, что дѣлалъ нойда древнихъ лопарей при содѣйствіи своихъ сайво и что приписываютъ современные русскіе лопари своимъ нойдамъ.

Ноайдде-вуойнгга вообще, и главнымъ образомъ рыба, были необходимы для нойды, когда онъ отправлялся въ страну усопшихъ. А ѣздить туда ему приходилось либо для

---

[1]) Erman. Archiv, XX. p. 174.

вызова усопшихъ на землю, либо для того, чтобы лично упросить подземныхъ боговъ или усопшихъ родственниковъ, даровать больному еще на нѣкоторое время жизнь [1]).

Чтобы посѣтить страну умершихъ, нойда, ударяя въ бубенъ и напѣвая при этомъ пѣснь, доходилъ, наконецъ, до безсознательнаго состоянія; пока это состояніе длилось — духъ его путешествовалъ въ подземныя страны. Состояніе это наступало не одинаково и по представленіямъ лопарей, чѣмъ больше и сильнѣе была сайво-рыба, которая и должна была перенести нойду въ страну мертвыхъ, тѣмъ сильнѣе должны были быть заклинанія, чтобы заставить эту рыбу явиться, тѣмъ дольше безсознательное состояніе не наступало. Приведу здѣсь кстати разсказы нойдовъ объ ихъ путешествіяхъ въ загробный міръ. „Волшебная рыба являлась на ихъ зовъ и на ея спинѣ нойда отправлялся въ царство мертвыхъ. Если божество подземнаго царства не хотѣло отпустить умершаго на землю, или, что чаще случалось, если умершіе родственники больнаго требовали, чтобы онъ (больной) пришелъ къ нимъ, то они не отпускали чародѣя и пытались его убить. Тогда приходилъ умершій ему на помощь и вступалъ съ ними въ бой, продолжавшійся до тѣхъ поръ, пока остальные не позволяли требуемому на землю усопшему уѣхать съ нойдой. Если больному (о которомъ пріѣзжалъ узнать чародѣй) даровалась жизнь, то это всегда бывало подъ условіемъ, чтобы онъ принесъ жертву умершимъ, желавшимъ его имѣть въ своей средѣ. Если же умершіе оставались непреклонными, то больному суждено было умереть. Объ участи, ожидавшей больнаго, и объявлялъ нойда, когда возвращался изъ своего путешествія въ царство мертвыхъ [2]). Послѣ того, какъ нойда узнавалъ, какими жертвоприношеніями можно умилостивить усопшихъ, чтобы больной жилъ, онъ приступалъ къ его лѣченію. Если требовалась жертва, больной долженъ былъ или немедленно принести жертву либо душамъ усопшихъ, либо сейдамъ, либо, если онъ сдѣлать этого не былъ въ состояніи, по крайней мѣрѣ, обѣщать принести это жертвоприношеніе немедленно по выздоровленіи. Если болѣзнь происходила оттого, что въ больнаго вселился какой-нибудь духъ, то шаманъ, узнавъ объ этомъ, лѣчилъ его слѣдующимъ образомъ: больной давалъ нойдѣ одно кольцо латунное, другое серебряное и долженъ былъ надѣть ихъ на правую руку шамана; эти кольца поступали въ собственность послѣдняго, какъ вознагражденіе за его трудъ. Затѣмъ онъ начиналъ бить въ бубенъ и пѣть торжественную пѣснь, которой вторили присутствовавшіе мужчины, равно и женщины. За трудъ нойдѣ иногда платили и платьемъ (изъ холста) и просто серебромъ [3]).

Такова въ общихъ чертахъ дѣятельность нойдовъ, какъ лѣкарей. Однако, еще болѣе важное значеніе имѣли они, когда они своей властью заставляли подчиненныхъ имъ духовъ узнавать, что дѣлается въ той или иной мѣстности или исполнять ихъ какое-либо порученіе. Какъ наиболѣе бьющая на воображеніе, именно эта сторона дѣятельности лопарскихъ нойдовъ нашла себѣ и наибольшее число описателей и разсказчиковъ, породила наибольшее количество сказочныхъ фактовъ.

Ограничусь описаніемъ и этой дѣятельности древнихъ нойдовъ лишь въ общихъ чертахъ. Для исполненія той и другой задачи требовалось, чтобы нойда пришелъ въ экзальтирован-

---

[1]) Erman. Archiv, p. 175.
[2]) Ibid, pp. 175, 176.
[3]) Schefferus. Lapponia, pp. 142, 184.

ное состоянiе при помощи ударовъ въ бубенъ и пѣсни, какъ своей, такъ и своихъ спутниковъ (учениковъ), которые помогали ему въ совершенiи требуемыхъ дѣйствiй. Въ числѣ помощниковъ были не только мужчины, но и женщины. Пѣсни, которыя пѣлись какъ самимъ нойдой, такъ и его спутниками, имѣли строго опредѣленныя слова: первая называлась iойике, вторая—дуура. Шаманъ сначала ударялъ въ бубенъ тихо, мѣрно, затѣмъ, воодушевляясь, начиналъ ударять все сильнѣе и сильнѣе, учащая удары. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока онъ не терялъ сознанія. Спутники нойды въ это время усиленно пѣли, опасаясь забыть слова пѣсни; если-бы это произошло, шаману грозила смерть. Въ это же время, пока духъ шамана совершалъ свое путешествiе, нужно было оберегать его тѣло отъ прикосновенiя чего-бы то ни было, хотя-бы простой мухи, такъ какъ въ противномъ случаѣ нойдѣ также грозила смерть. Нойда лежалъ иногда такимъ образомъ часъ или два, пока къ нему не возвращалась его душа, „которая, по выраженiю писателя XVI вѣка, Олафа Великаго, въ это время странствуетъ, ведомая чертомъ“; послѣ этого онъ встаетъ и объявляетъ, что происходило въ той странѣ, куда его духъ направлялся для вывѣдыванiя или для исполненiя возложеннаго на него порученiя. Иногда духъ возвращаясь, давалъ шаману либо кольцо, либо ножикъ въ доказательство того, что порученiе имъ исполнено [1]).

Небезъинтереснымъ является разсказъ Реньара (французскаго путешественника въ Лапландiю въ XVII вѣкѣ) о шаманѣ, котораго ему удалось видѣть. Когда нойда явился къ нему, онъ попросилъ, чтобы тотъ поручилъ находящемуся въ его распоряженiи духу принести ключи отъ комнаты матери Реньара... „Глаза у чародѣя завертѣлись, лицо измѣнилось въ цвѣтѣ, борода всклокочилась. Казалось, что онъ сломаетъ свой бубенъ: съ такой силой онъ ударялъ въ него; наконецъ онъ упалъ, окоченѣвъ, словно палка. Всѣ лопари, здѣсь присутствовавшiе, тщательно оберегали, чтобы кто-нибудь не приблизился къ нему при такомъ его состоянiи; отгоняли даже мухъ, не позволяя имъ сѣсть на него... Лопарь лежалъ, какъ мертвый, съ четверть часа и, мало-по-малу приходя въ себя, сталъ блуждающимъ взоромъ смотрѣть на насъ. Осмотрѣвъ насъ всѣхъ, онъ обратился ко мнѣ и сказалъ, что его духъ не можетъ повиноваться ему, такъ какъ я болѣе сильный чародѣй, чѣмъ онъ и что мой духъ сильнѣе его“ [2]).

Что касается словъ пѣсни, которую поетъ шаманъ и которая имѣла строго опредѣленныя слова, то Ацерби передаетъ намъ слова ея: „проклятый волкъ, уходи отсюда и не оставайся болѣе въ этихъ лѣсахъ. Уходи въ самые отдаленные предѣлы земли; если-же ты не уйдешь, пусть тебя поразитъ выстрѣлъ охотника“. Эту пѣснь пѣли и простые лопари, такъ какъ она имѣла силу ограждать стада отъ волковъ [3]). Трудно представить себѣ однако, чтобы это были единственныя слова iойике, такъ изгнанiе волка не совсѣмъ умѣстно, когда шаманъ собирается отправляться въ чужiе края или даже въ царство мертвыхъ. Вѣроятно, что въ этихъ словахъ слѣдуетъ видѣть не больше, какъ простое заклинанiе волка, которое употреблялось нойдами, лишь въ извѣстныхъ случаяхъ.

Небезъинтересенъ и тотъ фактъ, что нойдѣ не должно было быть болѣе пятиде-

---

[1]) Ibid, pp. 135—139.
[2]) Regnard. Voyage de Laponie. pp. 88, 89.
[3]) Acerbi, Reise p. 31.

сяти лѣтъ и что зубы у него должны были быть цѣлы,—иначе онъ теряетъ свою силу [1]), вѣрованіе, что у колдуна должны быть цѣлыми зубы, встрѣчается и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ среди русскаго населенія, напр. въ Олонецкой губ. среди крестьянъ Пудожскаго уѣзда, гдѣ вѣра въ колдуновъ и колдуній развита также съ чрезвычайной силой.

Слава лопарскихъ нойдовъ была настолько сильна, настолько упрочилась за ними, что не только сосѣдніе финляндцы, но даже шведы и норвежцы, если вѣрить словамъ Шеффера, посылали къ нимъ своихъ дѣтей обучаться колдовству финляндцы дѣлали это даже до послѣдняго времени, хотя и финляндцы не могутъ пожаловаться на отсутствіе въ ихъ средѣ колдуновъ. У финляндцевъ для обозначенія истаго колдуна употребительно выраженіе „настоящій лопарь". Даже въ столь далекой отъ Лапландіи странѣ, какъ Англія, выраженіе „лопарскія колдуньи" вошло въ пословицу [2]).

Конечно, указанными сторонами не ограничивалась дѣятельность древнихъ нойдовъ, но старинные писатели оттѣняютъ лишь эти стороны дѣятельности ихъ и поэтому-то я на нихъ и остановился. Кромѣ того многое, что входило въ обязанности нойды, какъ колдуна, не было записано, такъ какъ эта сторона ихъ дѣятельности не бросалась такъ сильно въ глаза, какъ роль ихъ—какъ шамановъ. И христіанству и шведскому правительству пришлось вести долгую и упорную борьбу именно съ шаманизмомъ. Кромѣ дѣятельности проповѣдниковъ, которые возмутились этими проявленіями „бѣсовской силы", и шведское законодательство вѣрило въ возможность вреда, наносимаго бубномъ, и строго преслѣдовало тѣхъ, которые, вообще, его употребляли. Въ особенности строгъ являлся законъ по отношенію къ тѣмъ, о которыхъ ходили слухи, что они при помощи своего бубна или другими волшебными средствами наслали на кого-нибудь болѣзнь, или даже причинили смерть. Мы видѣли уже примѣръ приговора къ смертной казни за то, что лопарь сверхъестественными средствами „устроилъ такъ, что одинъ крестьянинъ утонулъ въ порогѣ". Такихъ случаевъ извѣстно нѣсколько, но наиболѣе характернымъ является тотъ, когда приговариваютъ лопаря къ смертной казни за то, что онъ чародѣйствомъ своимъ заставилъ обрушиться скалу на другаго лопаря; въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ не только слѣпую вѣру судей въ могущество нойдовъ, но и такую-же увѣренность со стороны самихъ преступниковъ, которые признаются въ содѣянныхъ будто-бы при посредствѣ ихъ чародѣйства преступленіяхъ. Какъ-бы ни были строги и проповѣдники и судьи къ лицамъ, пользовавшимся бубномъ для совершенія чаръ—все-таки онъ очень долго держался среди лопарей. Въ XVIII вѣкѣ, однако, его встрѣчаютъ уже рѣже. Такъ Гегстремъ пишетъ, что ему самому даже не удалось ни разу видѣть бубна; но онъ объясняетъ это совершенно вѣрно тѣмъ, что тотъ, кто имѣетъ таковой, держитъ его въ тайнѣ, боясь кары [3]). Гегстремъ, какъ извѣстно, былъ пасторомъ.

Мало-по-малу выходя изъ употребленія, бубенъ, однако, держится еще и во второй четверти XIX столѣтія, и хотя Шубертъ, посѣтившій Лапландію во второмъ десятилѣтіи нашего вѣка, и пишетъ, что бубенъ встрѣчался у лопарей еще за 20 лѣтъ до

[1]) Erman. Archiv. p. 355.
[2]) The journal of the Anthropological Institute. 1885. November.
[3]) Högström. Beschreibung, p. 224.

его пріѣзда, но что въ настоящее время всѣ языческіе обряды исчезли [1])—однако мы имѣемъ свидѣтельство Гоггюера отъ 1828 года, который сообщаетъ, что нѣкоторые старики до сихъ поръ имѣютъ еще бубенъ; онъ-же даетъ намъ описаніе видѣннаго имъ шаманскаго бубна [2]). Впрочемъ свидѣтельство Шуберта могло быть вѣрнымъ для нѣкоторыхъ частей Лапландіи, гдѣ проповѣдь христіанства и близкое сосѣдство съ Шведами могли принести свои плоды уничтоженіемъ шаманизма.

Мы видѣли уже, какъ и въ русской Лапландіи разрушились древнія вѣрованія лопарей, какъ опустѣли старинныя капища, заброшены сейды, обратились въ суевѣрія или обряды многіе жертвенные ритуалы—при такихъ условіяхъ можно-ли ожидать, чтобы нойды сохранились неизмѣнными и въ настоящее время. Конечно нѣтъ. Ихъ слава прошла или потускнѣла, какъ прошла или потускнѣла слава боговъ древнихъ лопарей; дѣйствительно, за уничтоженіемъ жертвоприношеній и жрецъ оказался лишнимъ. Бубенъ вышелъ изъ употребленія, сами средства колдовства измѣнились. Шамановъ болѣе не встрѣчается, и, если посмотрѣть на современнаго колдуна среди русскихъ лопарей, на его дѣятельность, онъ съ перваго взгляда мало будетъ похожъ на шамановъ, выходившихъ изъ среды предковъ современныхъ лопарей.

Но нойда, лишенный возможности быть жрецомъ, переставъ быть шаманомъ, остался въ своей силѣ, какъ колдунъ и если вглядѣться глубже и провѣрить, какъ самъ лопарь смотритъ на своихъ колдуновъ, какой силой онъ ихъ одаряетъ, хотя эта сила и выражается, подчасъ, невидимымъ для лопаря образомъ,—мы ясно увидимъ, что современный лопарскій колдунъ лишь нѣсколько болѣе слабый потомокъ прежнихъ чародѣевъ, но потомокъ несомнѣнный, прямой. Уже то обстоятельство, что русскій лопарь своего колдуна называетъ нойда, слѣдовательно тѣмъ-же именемъ, какое придавалось и древнему шаману-колдуну, доказываетъ, что тотъ колдунъ, котораго мы встрѣчаемъ въ настоящее время среди русскихъ лопарей, есть лишь нѣсколько видоизмѣненный древній нойда. Въ качествѣ жреца ему уже не приходится принимать участія, но гаданія, узнаваніе будущаго, лѣченіе и т. д. остались его дѣломъ, хотя онъ и производитъ это совершенно другими способами, чѣмъ древній нойда.

Современные нойды въ большомъ числѣ встрѣчаются среди лопарей: они, такъ сказать, разсѣяны по всей лопской землѣ. Но сила ихъ, какъ и древнихъ шамановъ, не одинакова. Въ то время, какъ одни лопари, по словамъ своихъ односельчанъ, являются лишь „маленько колдунами", другіе прославились на большое пространство, и къ нимъ приходятъ издалека за совѣтомъ и зовутъ ихъ въ отдаленные погосты для излѣченія больнаго и для гаданія.

Какъ современный лопарь дѣлается колдуномъ и при помощи кого онъ совершаетъ свои чародѣйства,—мы уже видѣли изъ предыдущаго.

Колдуны, вообще, въ большой славѣ у лопарей; имъ приписывается большая сила, и масса разсказовъ, ходящихъ въ устахъ лопарей о чудесахъ, произведенныхъ ихъ

1) Schubert. Reise durch Schweden, Norwegen, Lapland, p. 312.

2) Hogguer. Reise, p 96· „Волшебный бубенъ почти совсѣмъ вышелъ изъ употребленія, хотя и встрѣчаются нѣкоторые старики, которые тайкомъ пользуются имъ".

нойдами, служитъ лучшимъ подтвержденіемъ этого. Часть этихъ разсказовъ относится къ далекому прошлому, но, передавая ихъ, лопари и не думаютъ оттѣнять, что современные нойды слабѣе древнихъ. Всякій нойда, если онъ силенъ, можетъ сдѣлать то, что дѣлали и древніе, и если онъ этого не дѣлаетъ, то лишь оттого, что этому не представляется случая или необходимости. Во всякомъ случаѣ, эти разсказы характерно рисуютъ намъ взглядъ лопарей на ихъ нойдовъ и поэтому я считаю не лишнимъ привести нѣкоторые изъ нихъ.

Существуетъ преданіе, что Нотозеро было однажды спасено отъ раззорительнаго набѣга Чуди одной дѣвкой-нойдою. Однажды нойда сказала своимъ односельчанамъ: „Заготовьте хлѣба и воды на три дня; изъ тупъ не ходите—будетъ буря, а меня не будите три дня“. Дѣйствительно, поднялась большая буря съ мятелью, которая длилась три дня: въ это время нойда спала. Когда, по прошествіи трехъ дней, она проснулась, она сказала: „теперь всѣ мужики идите съ топорами на большой мохъ“. Когда мужики пришли на означенное мѣсто, они увидѣли погибающую въ снѣгу отъ холода чудь: всѣхъ чудиновъ тутъ и побили. Такимъ образомъ набѣгъ чуди на Нотозерѣ не удался благодаря дѣвкѣ-нойдѣ.

Вотъ еще разсказъ, доказывающій, какъ и предыдущій, что лопари приписываютъ нойдамъ какъ предвѣдѣніе будущаго, такъ и силу давать знаменія: жилъ давно въ Печенгскомъ погостѣ лопарь, по имени Нялъ (въ настоящее время его родъ носитъ фамилію Егоровыхъ). У Няла было два сына и разъ они въ филиппов постъ ходили промышлять дикихъ оленей (дикарей, какъ выражаются лопари); охота была удачной. Въ то-же время они промышляли и бобровъ на р. Печенгѣ. Разъ утромъ Нялъ всталъ и говоритъ дѣтямъ: въ погостѣ у насъ худо: туда пришло много чуди и всѣхъ въ погостѣ они перерѣжутъ. Намъ поэтому идти туда нельзя, хотя и нужно свезти мясо. Сыновья отвѣчали ему: ты опять со своимъ враньемъ (сами они однако вѣрили, такъ какъ знали, что Нялъ большой колдунъ и знаетъ будущее: ему дьяволы сказывали ночью); намъ можно ѣхать туда и поѣдемъ. Говоришь ты, что чуди много пришло, какъ же мы нигдѣ не видали никакихъ слѣдовъ?—Напрасно не вѣрите; а что я говорю правду, вотъ еще что скажу: бобровъ въ ловушку всегда попадаетъ по одному, а сегодня если найдемъ два—значитъ чудь пришла. Пошли, вытянули (осмотрѣли) ловушку и увидѣли, что тамъ два бобра, которыхъ и взяли. Вѣрите-ли теперь, сказалъ Нялъ...

Если въ этихъ двухъ преданіяхъ нойды являются вооруженными способностью прозрѣвать будущее, узнавать, что дѣлается въ далекихъ отъ нихъ мѣстностяхъ, и, наконецъ, совершать чудеса, то въ слѣдующихъ разсказахъ сила нойдовъ, какъ чародѣевъ, выступаетъ еще болѣе рѣзкой силой: они одарены еще большимъ могуществомъ.

Вотъ какъ разсказываютъ пазрѣцкіе лопари о томъ, какъ въ ихъ странѣ перевелись дикіе олени: „жилъ въ Пазрѣкѣ нойда, ему хотѣлось, чтобы у Пазрѣчанъ было много оленей. Вотъ онъ разъ и сказалъ своимъ друзьямъ: „поѣдемъ на суднѣ въ Швецію, привеземъ оттуда оленей“. Поѣхали съ Вылемскаго наволока (съ устья Пазрѣцкаго залива) и пристали къ шведскому берегу. Нойда, выходя на берегъ, сказалъ своимъ: я возьму тамъ олевій рогъ и буду грызть: вы не препятствуйте и ничего не спрашивайте“. Съ

берега онъ возвратился, держа во рту рогъ, сѣлъ въ лодкѣ на кормѣ, и снова они поѣхали. Олени за ними и поплыли. Онъ грызъ рогъ и дошелъ до вѣтвей его. Тутъ онъ сталъ показывать своимъ спутникамъ, чтобы они отрубили ихъ, но тѣ не поняли его знаковъ. Пріѣхали къ Вылемскому наволку, нойда вышелъ на берегъ и сказалъ: „зачѣмъ не отрубили вы вѣтвей у рога: теперь будутъ у насъ только тѣ олени, которые успѣли зайти въ море, а прочіе останутся, да и пришедшіе не долго будутъ жить“. Вотъ поэтому и нѣтъ дикихъ оленей“.

Кромѣ вѣры въ силу нойды, которая такъ ясно выразилась въ этомъ сказаніи, характернымъ является то, что при совершеніи колдовства, ни самъ нойда, ни его спутники не должны говорить: всѣ должны хранить глубокое молчаніе. Въ слѣдующемъ преданіи это выражается еще яснѣе. Сила нойдовъ доходитъ здѣсь до высшей степени. Противъ Рыбачьяго наволока лежатъ, такъ называемые, Айновы острова. О происхожденіи ихъ у пазрѣцкихъ лопарей существуетъ слѣдующее преданіе. Еще до принятія христіанства лопарями въ Печенгскомъ погостѣ, славились три брата-силача—нойды. Оленей въ это время было мало, а въ Швеціи ихъ было много. Вотъ братья и сказали матери: „поѣдемъ въ Норвегу, отрѣжемъ кусокъ земли и пріѣдемъ на ней со всѣмъ добромъ и оленями“. Они уѣхали, и мать, спустя долгое время, увидѣла во снѣ, что дѣти возвращаются. Она вышла изъ тупы и услышала шумъ; съ радости она закричала: „вотъ дѣтки ѣдутъ, везутъ живота, быковъ (оленей-самцовъ), важенокъ (оленей-самокъ),—не даромъ-же они говорили“. Когда она прокричала это, сама окаменѣла, окаменѣлъ и весь погостъ. Земля, на которой, дѣйствительно, подплывали ея дѣти, разорвалась на двѣ части; нойды и олени потонули, а изъ земли, на которой плыли нойды, образовались два острова Айновы, извѣстные большимъ количествомъ растущей на нихъ морошки.

Кромѣ этого преданія о происхожденіи Айновыхъ острововъ, существуетъ и другое: нойды хотѣли запереть этими островами входъ въ Печенгскій заливъ, а Кильдинскимъ островомъ входъ къ Кольскій заливъ для того, чтобы сдѣлать непріятность преп. Трифону, проповѣдывавшему въ то время христіанство среди лопарей. Когда люди увидѣли подплывающую землю, они закричали: „земля идетъ“. Земля тотчасъ-же остановилась, а нойды, плывшіе на ней, мгновенно окаменѣли.

Кромѣ вѣры, что нойды могутъ отрѣзывать куски земли и на нихъ переплывать съ мѣста на мѣсто, въ этихъ двухъ преданіяхъ ясно выражено, что шумъ при совершеніи колдовства является гибельнымъ для колдуновъ. Въ первомъ преданіи они тонутъ, во второмъ—обращаются въ камни. Это воззрѣніе, живущее, какъ видно, до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, среди пазрѣцкихъ и печенгскихъ лопарей, сближаетъ вѣрованія современныхъ русскихъ лопарей, съ вѣрованіями ихъ древнихъ скандинавскихъ и финляндскихъ соплеменниковъ. И тамъ нойдамъ приписывалась особая сила и умѣнье въ привлеченіи къ себѣ оленьихъ стадъ, и тамъ происхожденіе многихъ камней простыхъ и священныхъ (сейдовъ) объяснялось, именно тѣмъ, что чародѣи превращались въ камни вслѣдствіе происходящаго, при совершеніи ими колдовства, шума. Привлекая къ себѣ оленьи стада или какихъ-либо дикихъ звѣрей, требовалось, чтобы во время заклятій царила глубокая тишина, чтобы ни нойда, ни его спутники не произносили ни одного слова; въ про-

тивномъ случаѣ, онъ тотчасъ-же превращается въ камень. Такъ произошелъ камень, находящійся на берегу Утсьоки. Преданіе гласитъ, что тамъ жилъ извѣстный чародѣй, который однажды сталъ призывать къ себѣ заклинаніями стадо оленей. При совершеніи заклинаній, онъ запретилъ своему слугѣ нарушать молчаніе. Послѣ продолжительныхъ заклинаній, показалось, наконецъ, приближавшееся къ нимъ большое оленье стадо; слуга, увидавъ это, забылъ запрещеніе нойды и закричалъ отъ радости; оленье стадо, дѣйствительно, подошло, но нойда превратился въ камень [1]).

Вышеприведенные разсказы относятся къ прошлому времени, хотя, какъ я уже говорилъ, современный лопарь не дѣлаетъ различія между древними и современными нойдами: что дѣлали первые, то въ состояніи совершить и послѣдніе. Не смотря на это, оставимъ въ сторонѣ преданія о прошлыхъ временахъ и посмотримъ, на чемъ сосредоточивается дѣятельность современнаго колдуна. Если не считать жертвоприношеній, въ которыхъ древніе нойды принимали столь дѣятельное участіе и которыя теперь почти уничтожились—всѣ остальныя функціи древняго нойды остались и у современныхъ лопарскихъ колдуновъ. Онъ властенъ приносить добро, причинять зло; онъ имѣетъ силу насылать болѣзнь или излѣчивать больнаго, узнавать будущее, подавать счастіе. Въ способность нойды, исполнять всѣ эти задачи, русскіе лопари вѣрятъ беззавѣтно. Мало того, иногда случается такъ, что колдунъ помимо своей воли приноситъ добро, если знать способы, какъ заставить его это сдѣлать. Приведу разсказъ, ярко рисующій намъ вѣру лопаря въ своего колдуна. Слѣдуетъ замѣтить, что этотъ разсказъ передается лопарями не какъ сказка, а какъ быль, т. е. какъ фактъ, бывшій въ дѣйствительности, и въ этомъ своемъ значеніи были онъ пріобрѣтаетъ еще большую цѣну для обрисовки мнѣній и взглядовъ современнаго русскаго лопаря.

Былъ не очень давно еще въ Пазрѣкѣ одинъ лопарь, по имени Никита. Онъ былъ раньше хорошій охотникъ, но послѣ, по неизвѣстнымъ причинамъ, ему не удалось убить ни одного звѣря, ни птицы; вслѣдствіе этого онъ сталъ чувствовать большую нужду. Однажды изъ Сонгельскаго погоста пріѣхалъ въ Пазрѣку нойда; Никита пошелъ къ нему навстрѣчу и пригласилъ его къ себѣ въ тупу. Нойда къ тому-же приходился родственникомъ Никитѣ. Вечеромъ онъ его угостилъ, какъ слѣдуетъ, а послѣ ужина приготовилъ нойдѣ постель. Когда нойда вышелъ на улицу, Никита положилъ ему внизъ подъ голову, такъ что нойда этого не замѣтилъ, рогъ съ порохомъ и пулями. Нойда легъ спать; утромъ колдунъ сталъ перебирать въ головахъ у себя все платье и, наконецъ, дошелъ и до рога. Взялъ онъ ихъ въ руки и сказалъ Никитѣ: „Кто тебя научилъ сюда ихъ положить"? „Ѣсть захочешь, поневолѣ положишь." „Ну, возьми, теперь будешь доставать хорошо". И дѣйствительно, послѣ этого старикъ съ охоты никогда болѣе не возвращался съ пустыми руками.

Ходятъ лопари къ колдуну также съ просьбой приворожить къ себѣ кого-нибудь. Характерно то, что къ колдуну обращаются съ этой цѣлью только парни, никогда дѣвушки. Нойдѣ приносятъ что-нибудь съѣстное, „какой-нибудь ѣдунъ", на который колдунъ и наговариваетъ. Какъ въ этомъ случаѣ, такъ и во всѣхъ тѣхъ, когда современ-

---

[1]) Erman. Archiv, XX, p. 351.

ный нойда русскихъ лопарей приступаетъ къ колдовству, онъ прежде всего вслухъ читаетъ молитву: „Господи Боже, помилуй насъ грѣшныхъ“. Послѣ наговора онъ приноситъ указанной дѣвушкѣ этотъ „ѣдунъ“, какъ бы отъ себя и та, какъ только съѣстъ его, должна тотчасъ-же приворожиться къ данному парню. Когда колдунъ начинаетъ наговаривать, онъ покрывается самъ и покрываетъ и предметъ, на который онъ наговариваетъ, платкомъ. Самый наговоръ онъ совершаетъ, ушедши въ уголъ комнаты; по произнесеніи словъ наговора колдунъ поспѣшно обертываетъ наговоренный предметъ въ тряпку или бумажку и несетъ его дѣвушкѣ. Случается, однако, что дѣвушка не рѣшается принять отъ колдуна принесенный послѣднимъ ѣдунъ, что дѣлается, впрочемъ, по словамъ лопарей, не изъ страха передъ нойдой, а изъ стыдливости, тогда колдунъ производитъ свой наговоръ вторично и снова несетъ дѣвушкѣ какой-нибудь гостинецъ, пока она не согласится принять подарокъ или, если дѣвушка остается въ своемъ отказѣ непреклонной, нашептываетъ на воду и заставляетъ дѣвушку выпить эту воду.

Обращаются къ колдуну и супруги, живущіе несогласно другъ съ другомъ, что, кстати сказать, встрѣчается между лопарями крайне рѣдко. Нечасто, вообще, можно встрѣтить семью, въ которой мужъ и жена живутъ нехорошо другъ съ другомъ. Но если, однако, это случилось, то помощникомъ при возстановленіи семейнаго мира является опять либо колдунъ, либо колдунья. Производится опять наговоръ, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, съ покрытіемъ себя и наговариваемаго предмета (воды, муки или рыбы) платкомъ; кромѣ того нойда чертитъ ножемъ разныя фигуры на наговариваемомъ предметѣ; послѣ этого наговоренный предметъ дается при первой возможности супругу въ качествѣ пищи.

Служитъ колдунъ также для объясненія непонятныхъ лопарю чудесныхъ явленій, видѣній, сновъ и т. п. Къ первымъ лопари имѣютъ особую склонность. Приведу разсказъ, записанный мною буквально со словъ лопарей—быль про ту-же Егоровну, о которой я упоминалъ уже выше. Это было еще тогда, когда Егоровна была лишь невѣстой Ивана Титова. „Отецъ и мать уѣхали въ Колу. Егоровна сидѣла одна и мужику (т. е. жениху) подъ вѣнецъ каньги (обувь) шила. Солнце было часу на шестомъ. Она сидѣла и шила подъ окномъ, которое выходило па улицу. Двѣ барышни прилетѣли будто на крыльяхъ. Онѣ прилетѣли и сѣли около нея; барышни въ черныхъ платьяхъ и въ шляпахъ, и въ лентахъ возлѣ нея сѣли и говорятъ: „мы шли, шли—по пути избушка стоитъ, въ той избушкѣ маленька подружка, порато (очень) маленькая, и головой“ качаютъ. Которая постарше барышня, у той ключи въ карманѣ, которыми она и брякаетъ, и старшая сестра брякаетъ въ карманѣ ключами и спрашиваетъ у младшей сестры: „отдать-ли этой (Егоровнѣ) ключи?“ Младшая сестра говоритъ: „нѣтъ, рано ей еще отдавать, не можетъ она владать нашими ключами“. У младшей сестры руки всѣ въ кольцахъ. Егоровна и спросила: „барышни—въ Колѣ видала я барышенъ—тѣ колецъ не носятъ, а у васъ много колецъ па рукахъ“. Она и говоритъ: „мы эти кольца даемъ разнымъ лицамъ, кому два, кому три, кому пять, кому десятокъ. А тебѣ на 23-мъ году даемъ ломанное кольцо, а на 44-мъ году дадимъ тебѣ кольцо—на весь вѣкъ хватитъ, да и послѣ тебѣ останется еще“. Барышни эти полетѣли опять... эти барышни пришли опять подъ окно и говорятъ: „смотри, до трехъ лѣтъ не сказывай“, и улетѣли. Егоровна испугалась и занемогла. За рѣкой тетка живетъ; она ждетъ Егоровну—та не идетъ: сутки—нѣтъ и другія—

нѣтъ. Она пришла провѣдать, а Егоровна лежитъ: волосы растрепаны и сама черная, какъ уголь—въ чемъ душа? Тетка поѣхала къ Колѣ навстрѣчу отцу. Встрѣтила и говоритъ: „что дѣвку-невѣсту бросили всѣ? она въ худыхъ душахъ лежитъ". Они и говорятъ: „неужто лежитъ?" Они пріѣхали домой... отецъ маленько колдунъ былъ: у Егоровны онъ кольцо снялъ съ руки и косынку съ головы, а самъ ушелъ въ амбаръ; въ амбарѣ повалился спать, а кольцо и косынку подъ голову положилъ. Видитъ во снѣ, кто-то говоритъ ему: „кто-то былъ у дочери, но она не можетъ раньше трехъ лѣтъ сказать, а если скажетъ, то съ ней что-нибудь случится". Онъ и сталъ матери этотъ сонъ разсказывать и говоритъ: „ей нельзя сказать, не надо и тревожить". А послѣ трехъ лѣтъ она сказала отцу, какъ были барышни. Онъ и говоритъ: это у тебя дьяволы были: они хотѣли тебѣ колдовства дать—ключи, а только ты молода слишкомъ была. А кольца хотѣли дать—будетъ у тебя на 23-мъ году недоношеный ребенокъ".

Этотъ разсказъ интересенъ тѣмъ, что онъ рисуетъ намъ способы, къ которымъ прибѣгаетъ колдунъ для узнаванія тайныхъ явленій, искреннюю вѣру лопарей въ возможность явленія діаволовъ и увѣренность въ томъ, что колдунъ можетъ разгадать явленіе.

Подобно древнимъ нойдамъ, современные лопарскіе колдуны приглашаются для лѣченія болѣзней. Дѣло въ томъ, что всѣ нойды имѣютъ силу посылать то, что лопари называютъ „стрѣлы", „витряное", выражающееся въ колотьяхъ; могутъ они послать стрѣлы и на людей, и на животныхъ. Нойда знаетъ такіе наговоры, но для того, чтобы наговоры имѣли успѣхъ, требуется, чтобы нойда передъ произнесеніемъ вѣщихъ словъ наплевалъ на порогъ. Вѣрованіе въ силу лопарскихъ нойдовъ въ этомъ отношеніи раздѣляютъ вмѣстѣ съ лопарями и коляне и русскіе поморы. Въ этомъ вѣрованіи лопарей мы видимъ переживаніе взгляда, съ которымъ мы встрѣчались у древнихъ писателей приписывавшихъ лопарямъ способность насылать тире, ганъ и, по Циглеру, свинцовыя копья.

Если у кого появятся колотья, призываютъ нойду, на обязанности котораго и лежитъ узнать прежде всего, кто наслалъ „стрѣлы"; ему даютъ платокъ и серебряный рубль или какую-нибудь другую серебряную монету. Нойда завязываетъ ее въ платокъ и, отправляясь спать, кладетъ его подъ ухо; во снѣ онъ кричитъ и поетъ и, проснувшись, объявляетъ, что такой-то напустилъ стрѣлы на больнаго. Разъ узнано лицо, причинившее болѣзнь, наступаетъ вторая, болѣе тяжелая обязанность нойды—снять съ больнаго стрѣлы. Когда колдунъ объявляетъ больному, кто виновникъ его болѣзни, больной долженъ сказать колдуну: „сними съ меня стрѣлы". Нойдѣ даютъ другой платокъ съ деньгами, и онъ снова ложится спать и во снѣ отсылаетъ „стрѣлы" пославшему ихъ. Послѣ этого больной долженъ выздоровѣть. Если колдуну не дать денегъ и платка—онъ умретъ, такъ какъ ему нечѣмъ будетъ стряхнуть съ себя „стрѣлы", которыя онъ сгоняетъ съ больнаго, и болѣзнь должна перейти на него. „Стрѣлы" же можно стряхнуть лишь платкомъ и серебромъ (Нотозеро). Иногда „стрѣлы" вынимаютъ: ощупываютъ тѣло больнаго, пока не найдется мѣсто, которое болитъ; найдя его, начинаютъ нажимать больное мѣсто, какъ-бы выдавливая что-нибудь, затѣмъ дѣлаютъ видъ, будто вынули иголку, переламываютъ ее и сдуваютъ на вѣтеръ. Этотъ способъ практикуется какъ кол-

дунами, такъ и знахарями, и даже подчасъ и простыми лопарями. Пазрѣцкіе лопари за труды колдунамъ платятъ платьемъ, оленями, овцами. Денегъ-же имъ никогда не даютъ, такъ какъ вѣрятъ, что давшій колдуну денегъ навсегда обѣднѣетъ. Въ Нотозерскомъ погостѣ, какъ мнѣ сообщали лопари, тотъ платокъ и деньги, которые даются нойдѣ, поступаютъ въ его собственность.

Особою славою, какъ колдуны, такъ и лица, умѣющія посылать „стрѣлы“, славятся лопари Сонгельскаго погоста. Ихъ слава въ этомъ отношеніи столь велика, что лопари пазрѣцкіе боятся ихъ и встрѣчаютъ ихъ всегда съ большимъ почетомъ: передъ ихъ пріѣздомъ непремѣнно хвораетъ нѣсколько жителей Пазрѣки „витрянымъ“; сонгельскимъ-же нойдамъ приписывается, между прочимъ, и способность вынимать изъ живаго оленя сердце и печень, и по поводу этого существуетъ много разсказовъ у лопарей.

Такъ, напримѣръ, ходитъ въ устахъ лопарей слѣдующій разсказъ: жили два охотника; оба были колдуны. Всего этому нѣсколько десятковъ лѣтъ. Пошли они на охоту, ходили по тундрѣ до ночи; не встрѣтили они ни одного оленя. Заночевали они въ лѣсномъ мѣстѣ; одинъ сталъ огонь разводить и говоритъ: „а что-то мы сваримъ“. Другой ничего не говоритъ — пошелъ и скоро вернулся: въ рукахъ печень и сердце оленя. „Вотъ тебѣ, и вари“, говоритъ; поужинали и легли спать. На другой день пошли опять промышлять. Тотъ, который разводилъ огонь. убилъ оленя; сняли съ него шкуру, распластали, а въ оленѣ сердца и печени нѣтъ. Онъ и говоритъ товарищу: „олень-то безъ сердца и печени: гдѣ у него они?“ „А вчерась-то, что ты ѣлъ? Развѣ забылъ?“.

Нойда производитъ лѣченіе „наговоренной водой“. Онъ отправляется къ озеру съ какимъ-нибудь сосудомъ; прежде чѣмъ зачерпнуть имъ воду, нойда вертитъ сосудъ на землѣ „по-сóлонь“; затѣмъ онъ быстро зачерпываетъ воды, поспѣшно покрываетъ его шапкой или платкомъ и несетъ воду къ больному. Прежде, чѣмъ дать больному воду, онъ, покрывшися платкомъ, и накрывъ имъ-же и сосудъ съ водой, мѣшаетъ воду, или проводитъ по ней разные знаки ножемъ и при этомъ творитъ новый наговоръ. Случается, что нойда для зачерпыванья воды отъѣзжаетъ въ лодкѣ на средину озера или рѣки [1]).

[1]) Отъ нойдовъ слѣдуетъ отличать *знахарей*, хотя нерѣдко нойда является вмѣстѣ съ тѣмъ и знахаремъ. Дѣло въ томъ, что первые лѣчатъ преимущественно при помощи средствъ сверхъестественныхъ: наговоровъ, сгоняя стрѣлы во снѣ и т. п. Вторые лѣчатъ разными средствами, не прибѣгая къ колдовству Знахаремъ можетъ быть всякій „умѣлый“. Обыкновенно искусству лѣчить учатся у такого „умѣлаго“. Чаще всего отецъ передаетъ свои знанія сыну (дочери), такъ какъ эти знанія обезпечиваютъ владѣющему ими кусокъ хлѣба. Въ этомъ отношеніи знахари у лопарей не подходятъ подъ то понятіе, которое обыкновенно разумѣется подъ словомъ „знахарь“ у русскаго населенія: знахарь является у русскихъ крестьянъ, такъ сказать, нѣсколько видоизмѣненнымъ колдуномъ; у лопарей знахаря вѣрнѣе будетъ назвать народнымъ лѣкаремъ: къ нему прибѣгаютъ съ вѣрой въ его знанія, а не въ его сверхъестественную силу, такъ какъ и сами средства, которыми онъ пользуется, не представляютъ собой ничего таинственнаго; онъ опредѣляетъ болѣзнь и прописываетъ извѣстныя средства, которыя онъ заставляетъ принимать больнаго. Если болѣзнь требуетъ не внутреннихъ средствъ, а извѣстныхъ наружныхъ, знахарь производитъ ихъ надъ больнымъ и показываетъ его родственникамъ необходимые пріемы. Для примѣра приведу нѣкоторыя, употребляемыя знахарями средства при разныхъ болѣзняхъ: Если *рука* (нога, палецъ) *заноетъ*, знахарь заставляетъ класть руку (ногу, палецъ) въ горячую воду и держать ее въ ней минутъ десять. Затѣмъ онъ обвязываетъ больную часть тѣла чистой тряпкой. При *язвахъ* навязываютъ на больное мѣсто сырое соленое тѣсто и мѣняютъ его по три, по четыре раза въ день. При *головной боли* либо „снимаютъ вѣтряно“, либо жгутъ на вискахъ больнаго трутъ, приготовленный изъ березовой губки; тоже дѣлается и *при зубной* и *спинной боли*: въ первомъ случаѣ трутъ жгутъ на нижней губѣ или на ладони, во второмъ — на спинѣ.

Такова въ общихъ чертахъ дѣятельность нойдовъ среди современныхъ русскихъ лопарей: если сравнить эту дѣятельность съ дѣятельностью древнихъ нойдовъ — придется придти къ заключенію, что она по ширитѣ сферы дѣятельности осталась неизмѣнной, за исключеніемъ, конечно, жертвоприношеній. То, что приписывалось древними лопарями ихъ нойдамъ, то-же приписываютъ и современные русскіе лопари своимъ: эти послѣдніе также, какъ и древніе нойды имѣютъ способность прозрѣвать будущее, творить чудеса, узнавать, что происходитъ въ отдаленныхъ краяхъ, лѣчить болѣзни, насылать ихъ; они-же и гадаютъ и узнаютъ о пропавшихъ вещахъ. Существенная разница между древними нойдами и современными заключается въ тѣхъ средствахъ, которыми тѣ и другіе достигали того или иного результата. Въ то время, какъ древніе нойды совершаютъ почти все при помощи своего бубна,—современные нойды, незнающіе уже бубна, исполняютъ свои задачи, главнымъ образомъ, во снѣ, и подобно тому, какъ древнему нойдѣ требовалось дойти до безсознательнаго состоянія, чтобы душа его подъ руководствомъ служащаго ему духа совершила назначенную задачу, такъ современному нойдѣ слѣдуетъ заснуть и во время сна онъ кричитъ и поетъ—и въ это время духъ, служащій ему, водитъ его душу по различнымъ мѣстностямъ, открываетъ ему будущее, объясняетъ ему непонятныя явленія. Итакъ, хотя внѣшніе пріемы не измѣнились, внутреннее ихъ содержаніе, основная мысль, лежащая въ нихъ, осталась почти тождественной.

Остается еще вопросъ: что дѣлается съ колдуномъ послѣ смерти, не является-ли онъ и покойникомъ, страшнымъ для вѣрующаго слѣпо въ его силу лопаря.

Колдунъ, по представленію лопаря, умираетъ неспокойно: онъ кричитъ, бьется и не даетъ никому покоя; чтобы онъ тише умиралъ, опрокидываютъ въ комнатѣ котелъ вверхъ дномъ. Въ гробъ колдуна кладутъ ничкомъ: если этого не соблюсти, онъ будетъ вставать изъ могилы и пугать людей: „придетъ, станетъ таскать своихъ и чужихъ". Тогда вырываютъ его изъ могилы, вскрываютъ гробъ и поворачиваютъ. Съ однимъ колдуномъ такъ и случилось: его разрывали и повернули; „пришли на слѣдующій день смотрѣть на могилу, а она провалилась, осталась дыра одна; онъ и не сталъ больше пугать"—разсказывали мнѣ нотозерскіе лопари. Среди пазрѣцкихъ и нотозерскихъ лопарей распространенъ разсказъ, который можетъ дать точное представленіе о вѣрованіяхъ лопаря въ нойду послѣ его смерти; поэтому-то я позволяю себѣ привести этотъ нѣсколько длинный разсказъ цѣликомъ—онъ въ своей безъискусственной формѣ и повѣдаетъ намъ прямо изъ устъ лопарей, чѣмъ страшенъ колдунъ послѣ своей смерти.

При *болѣзняхъ живота* мажутъ животъ перцемъ; настаиваютъ также керосинъ перцемъ и, либо мажутъ животъ этимъ составомъ, либо заставляютъ больнаго принимать эту настойку внутрь. При *воспаленіяхъ* мажутъ больное мѣсто сырой глиной. *Нарывы* выдавливаютъ и затѣмъ обвязываютъ либо сырымъ, посоленымъ тѣстомъ, либо смолой отъ ели, намазанной на тонкую бересту. При *ревматическихъ* боляхъ натираются скипидаромъ. Если *„кто досадится"* то знахарь беретъ тотъ предметъ (или часть его), „которымъ досадился" (если деревомъ - кусокъ этого дерева, или коры съ него; если рогомъ оленя—то весь, либо часть именно этого рога и т. д.) и обводятъ имъ вокругъ синяка или царапины и при этомъ нашептываютъ. Это дѣлается два раза въ день (утромъ и вечеромъ), если ушибъ значительный, и одинъ разъ, если ушибъ незначителенъ. *Сифилисъ* лѣчатъ сассапарелью, либо заставляютъ больнаго пить „чай изъ сассапарели", либо настаиваютъ сассапарель на водкѣ и затѣмъ, закутавъ больнаго въ мѣхъ и другія теплыя одежды, заставляютъ его лежать до тѣхъ поръ, пока онъ не выпьетъ всего, поставленнаго около него боченка съ настойкой. Въ виду того, что лопарскіе знахари прибѣгаютъ къ такимъ не сверхъестественнымъ средствамъ ихъ не боятся, какъ нойдовъ, которые при случаѣ могутъ причинить и вредъ, и даже смерть. Если лопари далеко не всегда прибѣгаютъ сами къ этимъ средствамъ и обращаются за совѣтомъ къ знахарю, то это дѣлается въ виду вѣры въ авторитетъ знахаря, въ его знанія, что онъ посовѣтуетъ лучше и дѣльнѣе, чѣмъ простой „неумѣлый" лопарь.

„Жилъ на Нотозерѣ нойда, по имени Ривь. Онъ много портилъ людей, а многимъ и пособлялъ. Наконецъ, подъ старость и самъ занемогъ. Всѣ думали, что онъ поправится, но вышло иначе. Черезъ нѣсколько времени онъ умеръ, и его стали бояться всѣ еще больше, чѣмъ живаго. Гробъ ему таки сдѣлали и туда положили, но везти его хоронить никто не соглашался, потому что онъ, какъ колдунъ, могъ другаго съѣсть. Не смѣли его везти хоронить даже сыновья. Наконецъ, одинъ таки, подобный ему, тоже нойда, нашелся и за назначенную плату повезъ хоронить покойника. Сперва ѣхалъ онъ на оленяхъ хорошо, но около полуночи вдругъ, ни съ того, ни съ сего, олени испугались. Онъ посмотрѣлъ впередъ, на стороны, но нигдѣ никого не видно и не слышно. Оглянулся назадъ и увидѣлъ, что мертвецъ сидитъ. Ему сдѣлалось страшно, но онъ, какъ колдунъ, сейчасъ закричалъ ему: „когда умеръ—ложись!" Мертвецъ его послушался—легъ. Черезъ нѣсколько времени олени опять испугались. Онъ посмотрѣлъ опять назадъ и видитъ, что яммій (мертвецъ) опять сидитъ. Онъ выскочилъ изъ кережи (саней), выхватилъ изъ-за пояса ножъ и сказалъ: „ложись, а не то я тебя зарѣжу, если ты не повалишься". У покойника при видѣ ножа зубы сдѣлались желѣзными и поэтому опасъ (возница) пожалѣлъ, что показалъ ножъ. Нужно было показать палку или полѣно и тогда зубы сдѣлались-бы деревянными. Мертвецъ, однако, и на этотъ разъ легъ. Опасъ поѣхалъ впередъ, но онъ теперь зналъ, что если встанетъ яммій въ третій разъ, то его съѣстъ, и поэтому онъ поѣхалъ къ большой ели, соскочилъ съ кережи, привязалъ оленей въ сторону, а самъ послѣ этого сталъ поспѣшно ползти вверхъ по дереву. Наконецъ, онъ добрался до вершины, а яммій-нойда въ это время ужъ всталъ и вышелъ изъ кережи. Зубы желѣзные чернѣли и скрипѣли, а руки на груди были также, какъ и были сложены на крестъ, благословясь. Яммій подошелъ къ ели, обошелъ ее нѣсколько разъ кругомъ и сталъ грызть ель. Сперва онъ грызъ сучья и это сдѣлалъ скоро, потомъ сталъ грызть и стволъ. Грызъ онъ, какъ россомаха, и отъ острыхъ зубовъ летѣли крупныя щепки. Грывъ онъ бойко и, наконецъ, ель стала почти шевелиться. Опасъ увидѣлъ, что дѣло плохо; поэтому на вершинѣ сталъ самъ ломать сучья у ели и бросать внизъ. Яммій, увидѣвъ это, подумалъ, что ель падаетъ и пересталъ грызть. Такъ опасъ нѣсколько разъ отвлекалъ его отъ работы. Опасъ это дѣлалъ для того, чтобы ель не упала до зари, а съ зарею—онъ зналъ, что яммій долженъ лечь — умереть. Сучья, наконецъ, пособлять перестали: яммій догадался и сталъ грызть безъ остановки. Опасъ послѣ этого запѣлъ по-пѣтушьи для того, чтобы покойникъ испугался и подумалъ, что начинается утро. Пѣлъ опасъ такъ нѣсколько разъ, и мертвецъ послѣ всякаго раза смотрѣлъ туда, гдѣ должна быть заря, и, не видя ея, продолжалъ грызть. Опасъ увидѣлъ, что дѣло плохо, что ничѣмъ не можетъ остановить яммія,—испугался. Онъ рѣшился потихоньку спускаться, съ мыслью, что мертвецъ, увидя его, подумаетъ, что онъ самъ ему поддается. Яммій дѣйствительно пересталъ грызть и сталъ дожидаться. Такъ онъ спускался тихонько. Наконецъ, показалась заря, и опасъ закричалъ: „пришла заря—иди въ гробъ свой". Нойда-яммій, увидавъ зарю, испугался, пошелъ въ кер態ежу и легъ въ свой гробъ. Опасъ сошелъ съ ели, закрылъ гробъ, припрягъ оленей и повезъ его къ мѣсту, гдѣ должно было хоронить его. Пріѣхалъ туда скоро, вырылъ яму и гробъ опустилъ на бокъ, чтобы яммій не могъ встать; онъ зналъ, что если нойду положить въ могилу на спину или

вверхъ спиной, онъ по ночамъ будетъ вставать. Могилу онъ зарылъ и скорѣй пошелъ назадъ. Пріѣхалъ и разсказалъ все, какъ было; народъ сталъ бояться. Боялись въ первые 6—7 лѣтъ послѣ его смерти даже ходить мимо его могилы, и тѣ, которые ходили мимо, разсказывали, что будто тамъ въ могилѣ кто-то плачетъ или воетъ. Разъ мимо его могилы, въ мѣстѣ Ристъ-Ридъ проходили молодые ребята и смѣялись, говоря: „былъ большой нойда, да тутъ и легъ". Когда они отошли съ версту отъ могилы, вдругъ услышали, что за ними будто кто идетъ, даже земля дрожитъ. Они испугались. Одинъ изъ нихъ былъ не простой и догадливый: онъ вырубилъ ольховый батогъ-палку и сдѣлалъ имъ на землѣ крестъ. Нойда, добѣжавъ до этого мѣста, перейти не могъ и обходилъ стороной далеко. Они-же въ это время бѣжали впередъ и какъ только слышали погоню, опять дѣлали на дорогѣ крестъ палкой. Такъ они добѣжали до р. Туломы, гдѣ былъ карбасъ (лодка). Они стянули его съ горы въ воду и поѣхали отъ берега. На берегу въ это время услышали большой стукъ и увидѣли, что въ воду упало что-то словно два большихъ камня и утонули. Ребята пріѣхали домой совсѣмъ перепуганные и послѣ сказали другимъ, чтобы не смѣялись, если не хотятъ попасть на зубы нойдѣ".

Какъ дополненіе къ этому преданію существуетъ среди пазрѣцкихъ и нотозерскихъ лопарей и другое, вѣроятно, впрочемъ, лишь варіантъ предыдущаго, но въ виду того, что оно является дополненіемъ къ вышеприведенному, сообщаю и его.

„Жилъ въ Нотозерѣ старикъ-нойда и онъ умеръ. Повезъ его лопарь хоронить. Разъ оглянулся назадъ, видитъ, что яммій сидитъ. Это было на озерѣ. Онъ погналъ съ покойникомъ скорѣе и когда доѣхалъ до лѣса, разложилъ огонь. Послѣ этого, не говоря ни слова покойнику, онъ вынулъ его изъ кережи, притянулъ къ огню и сталъ у него жарить пятки. Жарилъ онъ долго и, наконецъ, покойникъ вырвался у него изъ рукъ, вскочилъ на сосну и сталъ ее грызть. Грызъ онъ всю ночь, а лопарь дожидался только свѣта. Нойда думалъ сосну перегрызть по срединѣ и верхушкой убить опаса. Было уже немного грызть, какъ стала показываться заря. Опасъ закричалъ: „началась заря". Покойникъ испугался и съ шумомъ полетѣлъ внизъ и упалъ на землю. Лопарь взялъ его, бросилъ въ кережу ничкомъ и поѣхалъ къ озеру, выкопалъ яму и положилъ его ничкомъ; затѣмъ закопалъ яму и поѣхалъ обратно. Нойда изъ могилы кричалъ: „земля меня не принимаетъ", и всѣ проѣзжавшіе и проходившіе мимо слышали это. Черезъ нѣсколько времени его вырыли, развели огонь и опять долго у него жарили пятки и лицо. Дожарили его до того, что едва не сожгли и бросили опять въ могилу лицомъ внизъ. Семь лѣтъ послѣ этого онъ еще кричалъ и гулъ былъ слышенъ изъ земли, но его уже не вырывали. Наконецъ, послѣ семи лѣтъ онъ явился къ одному лопарю и сказалъ: „меня земля за то не принимаетъ, что я четырехъ человѣкъ по зависти испортилъ и они умерли отъ моего колдовства. Этого не дѣлай самъ, да скажи и другимъ, потому что послѣ смерти невыносимыя муки за то бываютъ".

Вѣруя въ то, что колдунъ послѣ смерти своей можетъ вставать изъ могилы, можетъ съѣсть человѣка—нѣтъ удивительнаго, что лопарь боится своего нойду даже больше послѣ смерти его, чѣмъ въ то время, какъ онъ живъ.

Таковы въ общихъ чертахъ были вѣрованія древнихъ лопарей и таковы вѣрова-

нія современныхъ русскихъ лопарей. Сводя все вышесказанное къ немногимъ положеніямъ, слѣдуетъ отмѣтить:

1) Что вѣрованія древнихъ лопарей складывались изъ поклоненія свѣтиламъ и силамъ природы съ одной стороны и поклоненія предкамъ—съ другой. И тотъ и другой культъ повелъ къ развитію жертвеннаго ритуала; причемъ связанный съ культомъ предковъ, культъ сейдовъ въ однѣхъ мѣстностяхъ соединяется съ культомъ высшихъ божествъ, въ другихъ переходитъ въ грубый фетишизмъ; вездѣ, однако, исчезаетъ точное сознаніе происхожденія поклоненія сейдамъ.

2) Съ культомъ домашнихъ духовъ и сейдовъ является въ тѣсной связи шаманизмъ. Нойды шаманы въ XVII вѣкѣ еще не успѣли вполнѣ взять въ свои руки жертвенные обряды и колдовство, связанное съ семейной рели.іей, почему мы и застаемъ еще извѣстія о существованіи главъ семьи, исполняющихъ всѣ дѣйствія, которыя впослѣдствіи исполняютъ нойды. Съ постепеннымъ упадкомъ родовой религіи къ шаманамъ переходятъ и всѣ обязанности жреца. Нойды соединяютъ въ себѣ и шамана, и жреца, и колдуна, и постепенно образуютъ особый классъ.

3) Проповѣдь христіанства вступаетъ въ борьбу съ древними вѣрованіями лопарей, причемъ, сперва мы замѣчаемъ тенденцію у лопарей инкорпорировать въ свои языческія вѣрованія новыя идеи, затѣмъ съ усиленіемъ проповѣди начинается упадокъ древнихъ вѣрованій. Рушатся сначала вѣрованія въ высшихъ боговъ и изъ употребленія выходятъ раньше всѣхъ жертвоприношенія, именно, этимъ божествамъ. Результатомъ этого является, что у современныхъ русскихъ лопарей мы застаемъ лишь сравнительно блѣдные слѣды прежнихъ развитыхъ вѣрованій—слабые остатки жертвоприношеній и лишь рядъ суевѣрій и примѣтъ.

4) Дольше всѣхъ держатся вѣрованія въ нойдовъ: они перестаютъ быть жрецами и шаманами, остаются лишь въ своемъ видѣ колдуновъ среди современныхъ русскихъ лопарей, имѣя почти ту-же сферу дѣятельности, какъ и древніе нойды. Но и на нихъ вѣковое исповѣдываніе христіанства, усвоиваемое хотя - бы лишь внѣшнимъ образомъ, оказало свое дѣйствіе, низвело ихъ на болѣе низкую степень. И между жрецомъ-главой рода и могущественнымъ шаманомъ съ одной стороны и современнымъ колдуномъ русскихъ лопарей съ другой — огромная разница. Но все - таки и въ современныхъ нойдахъ русскихъ лопарей нельзя не видѣть потомковъ, хотя и болѣе слабыхъ, древнихъ нойдовъ-шамановъ,—колдуновъ: мы можемъ прослѣдить, хотя и въ самыхъ общихъ чертахъ, постепенный ходъ развитія нойдовъ у лопарей сначала въ пользу нойдовъ-шамановъ-колдуновъ, которые постепенно узурпируютъ жреческія обязанности изъ рукъ главы семьи, затѣмъ постепенный упадокъ ихъ подъ вліяніемъ новыхъ идей. Во всякомъ случаѣ, каковы-бы ни были нойды у современныхъ русскихъ лопарей, какъ-бы ни были блѣдны отблески славы древнихъ шамановъ на нихъ, они все-таки сильно чтутся лопарями: ихъ опасаются и русскіе, слѣпо вѣрящіе въ ихъ силу. И если Лапландія еще въ Калевалѣ называется „мрачной страной чародѣевъ", то и въ настоящее время ей этотъ эпитетъ не будетъ лишнимъ.

5) Но если древнія вѣрованія лопаря рухнули подъ вліяніемъ христіанской проповѣди и притомъ рухнули такъ, что даже имена большинства древнихъ божествъ из-

гладились изъ памяти лопарей—было-бы все-таки ошибочнымъ думать, что они восприняли въ себя христіанство. Они лишь являются формальными сынами православной церкви—точными исполнителями нѣкоторыхъ обрядовъ—не больше. Русскій лопарь переживаетъ въ настоящее время тяжелый переходъ отъ древняго міросозерцанія къ новому; древнее успѣло уже рухнуть, новое не успѣло еще войти въ свои права. Отсюда нѣкоторое хаотическое состояніе въ умахъ русскихъ лопарей. Поэтому-то и необходимымъ являются и проповѣдь, и школа, такъ какъ лишь эти двѣ силы могутъ вывести лопаря изъ того хаотическаго состоянія, которое онъ переживаетъ въ настоящее время.

V.

Очеркъ семейнаго и общественнаго быта лопарей

Слѣды бывшаго родоваго устройства у совр. русскихъ лопарей. Культъ семейныхъ духовъ. (Свѣдѣнія о гостепріимномъ гетеризмѣ у др. лопарей). Владѣніе землей, родовыя прозвища и фамиліи, родовыя клейма и знаки собственности, величаніе по отцу, дѣду и прадѣду. *Союзъ родственный*: родство кровное, свойство, родство духовное. Бракъ и свадьба у древнихъ и современныхъ лопарей. Отношенія между супругами (личныя и имущественныя). Обряды при рожденіи и крещеніи. Первоначальное воспитаніе дѣтей. Отношенія между родителями и дѣтьми (личныя и имущественныя) въ „большихъ" и „малыхъ" семьяхъ. Пріемыши и пріемные зятья. Семейные раздѣлы при жизни отца. Погребальные обряды у лопарей. Семейные раздѣлы по смерти отца. *Права на имущества*: купля, мѣна, находка, кладъ, трудъ. О личномъ наймѣ. *Народные суды*: судъ схода и третейскій судъ. Увеселенія лопарей.

Въ настоящее время русскіе лопари живутъ обособившимися другъ отъ друга семьями, но, конечно, не таковъ былъ строй ихъ жизни въ болѣе отдаленную эпоху. Лопари, какъ и другія племена, были приведены къ современному строю жизни лишь по прошествіи цѣлаго ряда ступеней развитія, въ томъ числѣ и родоваго быта. Дѣйствительно, у насъ нѣтъ прямыхъ свидѣтельствъ о томъ, что лопари жили родами, что родъ регулировалъ взаимныя отношенія лопарей. Древніе писатели мало интересовались этимъ вопросомъ и не передали намъ по этому поводу какихъ-либо достовѣрныхъ извѣстій. Многіе писатели вопроса о томъ, живутъ-ли лопари семьями и родами, чѣмъ регулируются ихъ отношенія, даже вовсе не касались. Вотъ почему лишь переживанія эпохи родоваго устройства, какъ среди древнихъ скандинавскихъ лопарей, такъ и среди современныхъ русскихъ лопарей могутъ служить хотя единственными, но тѣмъ не менѣе несомнѣнными доказательствами существованія у лопарей родоваго устройства. Существуютъ, конечно, указанія о королѣ лопарей Мотле, но, какъ я говорилъ уже выше, въ этомъ послѣднемъ слѣдуетъ, вѣроятно, видѣть родоваго старшину, подобно тому, какъ такихъ родовыхъ старѣйшинъ слѣдуетъ видѣть и въ тѣхъ лопаряхъ, которыхъ убиваютъ биркарли, чтобы завладѣть Лапландіей и въ тѣхъ старѣйшинахъ лопарскихъ, которые управляютъ Лапландіей русской, когда Новгородцы уже завладѣли ею. Но, естественно, этихъ указаній не достаточно уже потому, что они могутъ быть спорны. Остается, слѣдовательно, обратиться къ переживаніямъ родоваго устройства, какъ среди древнихъ скандинавскихъ, такъ и среди современныхъ русскихъ лопарей.

Слѣдуетъ замѣтить, что уже писатели XVII вѣка не застаютъ въ цѣлости родовъ среди лопарей: въ это время родовой бытъ уже рушился какъ подъ вліяніемъ христіанства, такъ глав-

нымъ образомъ, подъ напоромъ законодательствъ покорившихъ лопарей государствъ, стремившихся своими нормами урегулировать отношенія лопарей. Судьи, посылаемые изъ Скандинавіи, Новгорода и Москвы, чтобы судить лопарей, естественно, мало обращали вниманія на правовыя воззрѣнія лопарей и вносили, такимъ образомъ, смѣшеніе въ ихъ умы и новый чуждый элементъ въ ихъ правовыя воззрѣнія. Вотъ почему сравнительно мало бьющаго въ глаза сохранилось среди лопарей уже къ половинѣ XVII вѣка; изслѣдовать же ихъ глубже въ этомъ отношеніи прежніе писатели о лопаряхъ и не ставили себѣ задачей, такъ какъ это казалось имъ мало интереснымъ. Но описывая лопарей и останавливаясь лишь на тѣхъ сторонахъ быта, которыя поражали больше всего наблюдателя, древніе писатели затрогивали постоянно и вѣрованія, и суевѣрія лопарей, и мы видѣли, какъ въ этомъ отношеніи богаты сообщаемыя ими данныя. Изъ приведеннаго въ предшествующемъ очеркѣ уже выяснились нѣкоторые остатки семейнаго культа: къ такимъ слѣдуетъ отнести и культъ сейдовъ, и культъ умершихъ; на послѣднемъ я останавливался лишь мимоходомъ; кромѣ того у лопарей мы встрѣчаемъ еще культъ домашнихъ духовъ. Мы видѣли уже, что писатели XVII вѣка застаютъ еще семейныхъ жрецовъ, что классъ жрецовъ въ концѣ этого вѣка въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Лапландіи не успѣлъ еще выдѣлиться, застаютъ еще главу семьи-рода въ его роли жреца. Разъ были семейные жрецы, разъ глава семьи являлся жрецомъ — долженъ былъ существовать и культъ семейный, а этотъ послѣдній имѣетъ, какъ извѣстно, тѣсную связь съ той эпохой, которую принято обыкновенно называть эпохой господства родовыхъ отношеній.

Не касаясь вторично сейдовъ, скажу о поклоненіи древнихъ лопарей домашнимъ духамъ и связанномъ съ нимъ—поклоненіи душамъ усопшихъ.

О существованіи у древнихъ лопарей вѣры въ домашнихъ духовъ свидѣтельствуетъ Іоаннъ Торней; онъ говоритъ, что каждая отдѣльная лопарская семья имѣетъ своихъ, опредѣленныхъ духовъ, отличныхъ отъ духовъ другихъ семействъ, даже противоположныхъ и враждебныхъ этимъ послѣднимъ. И не только отдѣльныя семьи, но и отдѣльныя лица иногда имѣютъ принадлежащихъ имъ духовъ, либо одного, либо нѣсколькихъ, причемъ однихъ, которые защищаютъ находящихся подъ ихъ охраной лицъ, другіе, при помощи которыхъ лопари приносятъ вредъ другимъ людямъ [1]). Въ словахъ Торнея о принадлежности духовъ одному лицу, слѣдуетъ видѣть либо смѣшеніе представленія о духахъ отдѣльныхъ семействъ, и принадлежностью духовъ нойдамъ, либо, что вѣроятнѣе, слѣды вѣрованія, распространеннаго у многихъ народовъ, что каждый членъ семьи находится подъ особымъ покровительствомъ одного изъ предковъ. Эти домашніе духи въ большинствѣ случаевъ живутъ подъ очагомъ; имъ совершались частыя жертвоприношенія посредствомъ возліянія на очагъ водки. При всякой перемѣнѣ жилья, лопари приносили духамъ-покровителямъ данной мѣстности жертву молокомъ [2]). Мнѣніе, что почитаніе очага происходитъ оттого, что первоначально, подъ нимъ хоронили предковъ, находитъ себѣ, примѣнительно къ лопарямъ, подтвержденіе въ свидѣтельствѣ Пеуцера (Peucerus), по которому лопари хоронили своихъ покойниковъ подъ очагомъ, чѣмъ избѣгали гнѣва

[1]) Schefferus. Lapponia, p. 121.
[2]) Acerbi. Reise, p. 491.

душъ усопшихъ. Шефферъ, передающій это свидѣтельство, отрицаетъ его справедливость [1]), но Шефферъ не дѣлаетъ въ этомъ отношеніи исключенія изъ ряда всѣхъ остальныхъ писателей, которые, не заставъ какого-нибудь обряда, объявляютъ ложными показанія авторовъ, замѣтившихъ его среди лопарей, подчасъ за нѣсколько столѣтій до его времени. Съ подобнымъ отрицаніемъ факта, только на основаніи того, что подчасъ столѣтіе или больше спустя, онъ уже не встрѣчается, намъ придется столкнуться неоднократно. Какъ бы то ни было, но о поклоненіи лопарей домашнему очагу, мы, кромѣ приведенныхъ, встрѣчаемъ еще извѣстіе: это, именно, извѣстіе Даміана а Гоёса (Damianus à Goes); въ XVIII вѣкѣ, по словамъ Гегстрема, этого поклоненія уже не встрѣчается [2]), хотя отъ того же вѣка мы имѣемъ вышеприведенное показаніе Ацерби. Въ тѣсной связи съ поклоненіемъ домашнимъ духамъ стоитъ и поклоненіе духамъ усопшихъ, и, какъ извѣстно, поклоненіе первымъ произошло отъ поклоненія вторымъ. Такъ, Шефферъ сообщаетъ, что лопари вѣрятъ, что послѣ смерти остается нѣчто, „что латиняне называли manes, что оказывается по отношенію къ лопарямъ не всегда благодѣтельнымъ, но не рѣдко и вреднымъ“, и что въ силу этого вѣрованія лопари послѣ смерти кого-нибудь изъ членовъ семьи, спѣшатъ оставить вѣжу, въ которой больной скончался [3]). Предковъ умершихъ лопари называютъ общимъ именемъ ситте; изображеній ихъ не дѣлаютъ, но жертвы имъ приносятъ, причемъ, выборъ жертвеннаго животнаго производится уже изложеннымъ выше способомъ, при посредствѣ бубна; жертвенному животному прокалываютъ правое ухо и въ проколъ вводятъ черную нитку. Мясо жертвеннаго животнаго съѣдаютъ сами, кромѣ частицъ отъ сердца и легкихъ, которыя дѣлятъ каждую на три части, прикрѣпляютъ къ тремъ палочкамъ и, обмазавъ ихъ жертвенной кровью, зарываютъ въ землю; зарываютъ также и кости жертвеннаго животнаго [4]). Съ жертвоприношеніями предкамъ мы встрѣчались уже въ предыдущей главѣ, въ случаѣ болѣзни одного изъ членовъ семьи. Мы видѣли также обрядъ сайво-пабме-лавгго, которымъ ребенокъ отдавался подъ покровительство одного изъ предковъ и получалъ имя послѣдняго. Умершимъ душамъ приписывалось, какъ мы видѣли, и содѣйствіе нойдамъ при ихъ чародѣйствѣ; они же помогали на охотѣ и въ рыбной ловлѣ, указывали, гдѣ найти потерянное и какъ возвратить украденное; „лопари приносили жертвы умершимъ своимъ родственникамъ, прося ихъ не уводить за собою оставшихся въ живыхъ дѣтей и внуковъ [5])“. Итакъ, въ вѣрованіяхъ древнихъ лопарей мы имѣемъ достаточно показаній о поклоненіи ихъ домашнимъ духамъ и душамъ усопшихъ и о существованіи у нихъ семейнаго родоваго культа, въ которомъ хранителемъ его и жрецомъ являлся глава семьи-рода. Среди современныхъ русскихъ лопарей мы видимъ остатокъ этого поклоненія домашнимъ духамъ и почитанія очага въ вѣрованіяхъ лопарей въ домоваго и въ нѣкоторыхъ суевѣрныхъ обрядахъ, строго соблюдаемыхъ лопарями.

---

[1]) Schefferus. Lapponia, p. 314.
[2]) Högström. Beschreibung, p. 206.
[3]) Schefferus Lapponia, p 312.
[4]) Ibid, p. 117.
[5]) Филимоновъ. О Религіи некрещенныхъ Черемисъ въ Вятск. Г. В. 1868 № 49.

Лопарскій домовой *Пы(е)ртъ-хозинъ* (хозяинъ перта-тупы) живетъ во всякой тупѣ лопарской. Въ Сонгельскомъ погостѣ, разсказывали мнѣ, Пыртъ-хозинъ не давалъ покоя одному лопарю: ночью поднимался шумъ; Пыртъ-хозинъ сыпалъ съ потолка на проходящихъ и бросалъ въ нихъ предметами домашняго обихода. Одинъ лопарь ухитрился, однако, схватить домоваго за руку и зажегъ спичку. Оказалось, что Пыртъ-хозинъ весь въ шерсти, „словно собака"; но послѣ этого Пыртъ-хозинъ бросилъ этотъ домъ. Здѣсь мы видимъ, что домовой, какъ почти всюду, обратился въ духа недобраго, вредящаго и мѣшающаго жителямъ даннаго дома. Воспоминаніе о немъ, какъ о предкѣ, утратилось совершенно, и его не только не ублажаютъ жертвоприношеніями, но даже радуются, когда онъ уйдетъ изъ дому. Какъ воспоминаніе о связи Пыртъ-хозина съ домашнимъ очагомъ, сохранился слѣдующій обычай, распространенный почти у всѣхъ, такъ-называемыхъ, кольскихъ лопарей: именно, куда-бы лопари не пріѣзжали, они сначала зажигаютъ огонь въ комелькѣ, а затѣмъ уже сносятъ кладь; это дѣлается для того, чтобы Пыртъ-хозинъ былъ ласковѣе. Когда лопари уѣзжаютъ на другое мѣсто, они оставляютъ на покидаемомъ ими мѣстѣ въ комелькѣ дрова, спички и растопку, чтобы по возвращеніи своемъ зажечь скорѣе огонь: не то съ кѣмъ-нибудь случится болѣзнь. Всякій разъ, когда лопари ложатся спать, они накладываютъ въ комелекъ жаръ и затѣмъ ножемъ крестятъ комелекъ три раза. Во всѣхъ этихъ обычаяхъ сквозитъ ясно мысль, что въ комелькѣ живетъ Пыртъ-хозинъ. Древніе помѣщали подъ очагомъ души усопшихъ или домашнихъ духовъ. Ясно, что Пыртъ-хозинъ есть лишь извращенный предокъ, обломокъ нѣкогда развитаго вѣрованія въ духовъ—покровителей дома. Въ связи съ почитаніемъ очага стоитъ между прочимъ и слѣдующее: около комелька обыкновенно отгораживается мѣсто (называемое лопарями „чистое мѣсто"), имѣющее видъ продолговатаго четырехъугольника, углубленное не болѣе $^1/_4$, $^1/_2$ аршина; за эту ограду никто, ни мужчины, ни женщины, переступать не могутъ. Женщины не имѣютъ права ни садиться на эту ограду, ни даже становиться на нее: это оскверняетъ святыню. Не будетъ слишкомъ смѣлымъ предположить, что на этомъ мѣстѣ находились либо священныя изображенія языческой эпохи, либо это мѣсто считалось жилищемъ домашнихъ духовъ. Среди лопарей нѣкоторыхъ погостовъ обычай устраивать это отдѣленіе четырехъугольника осталось, но съ нимъ ужъ не связывается никакихъ религіозныхъ представленій: въ этотъ четырехъугольникъ ставятъ посуду, въ особенности чайную.

Таковы вѣрованія современныхъ русскихъ лопарей въ Пыртъ-хозина; таковы обряды, оставшіеся отъ прежняго поклоненія домашнимъ духамъ.

Подобно тому какъ въ вѣрованіяхъ лопарей, преимущественно древнихъ, замѣчаются довольно значительныя переживанія родоваго культа, такъ и въ бытѣ современныхъ лопарей, мы встрѣчаемъ еще много переживаній эпохи родоваго устройства. Прежде чѣмъ перейти къ изложенію этихъ остатковъ, остановлюсь на одномъ переживаніи болѣе далекой, чѣмъ родовой бытъ, эпохи развитія народа—на гостепріимномъ гетеризмѣ. О немъ говорятъ только авторы XVI, XVII вѣка, которые застали еще этотъ обычай среди лопарей; авторы послѣдующихъ XVIII и XIX вѣковъ не только отрицаютъ существованіе его за ихъ время, но склонны даже объявить ложью всѣ показанія древнихъ авторовъ, касающихся гостепріимнаго гетеризма: они не допускали даже возможности существованія его.

Извѣстія о существованіи гостепріимнаго гетеризма мы встрѣчаемъ у Герберштейна и свидѣтельство его можетъ относиться и къ русскимъ лопарямъ; онъ пишетъ: „купцовъ и чужеземныхъ гостей (hospites peregrinos) они (лопари), уходя на охоту, оставляютъ дома съ супругой. Когда они возвращаются и находятъ, что супруга ихъ вслѣдствіе сношенія съ гостемъ довольна и болѣе весела, чѣмъ обыкновенно, они даютъ ему какой-нибудь подарокъ, если-же нѣтъ—изгоняютъ его съ позоромъ". Шефферъ, у котораго мы заимствуемъ эту цитату, говоритъ о гостепріимномъ гетеризмѣ лопарей, какъ объ обычаѣ прошедшихъ временъ: въ прежнія времена, пишетъ онъ, они не были противъ сношенія своихъ женъ съ посторонними; позволяли они это, однако, лишь пришельцамъ и гостямъ [1]). Если въ концѣ XVII вѣка Шефферъ нашелъ гостепріимный гетеризмъ, существующимъ лишь въ преданіи, то это объясняется либо тѣмъ, что этотъ обычай уже вышелъ изъ употребленія въ то время въ посѣщенныхъ Шефферомъ мѣстностяхъ, либо, что вѣроятнѣе, ему просто не удалось узнать о существованіи этого обычая. Мы имѣемъ, по крайней мѣрѣ, свидѣтельство Реньара, бывшаго въ Лапландіи въ 1681 году, который даетъ намъ свѣдѣнія о гостепріимномъ гетеризмѣ. Иностранцы, пишетъ Реньаръ [2]), пользуются привиллегіей дѣлить съ лопарями ихъ ложе и ихъ женъ. Когда чужестранецъ приходитъ въ ихъ хижины, они принимаютъ его самымъ радушнымъ образомъ и полагаютъ, что они устраиваютъ въ честь его великолѣпное угощеніе, если они его угощаютъ стаканомъ водки; послѣ обѣда, если лицо, которое они принимаютъ, пользуется ихъ уваженіемъ.., они призываютъ своихъ женъ и дочерей и считаютъ за большую честь, если вы съ ними обращаетесь, какъ стали бы обращаться съ ними они сами... этимъ вы доставляете столько-же чести дѣвушкамъ и женамъ, сколько и ихъ отцамъ и мужьямъ. Такъ какъ этотъ обычай меня крайне удивилъ, продолжаетъ Реньаръ, я, не имѣя лично случая убѣдиться въ существованія его, развѣдалъ самымъ тщательнымъ образомъ на счетъ его... и разскажу лишь случаи, которые были выданы мнѣ за достовѣрные. Тотъ французъ, котораго мы встрѣтили въ рудникахъ Сипповара... увѣрялъ насъ, что, для того чтобы сдѣлать удовольствіе многимъ лопарямъ, онъ былъ вынужденъ облегчить имъ ихъ супружескія обязанности... Онъ разсказалъ намъ, что, выпивъ нѣсколько стакановъ водки съ однимъ лопаремъ, тотъ просилъ его лечь вмѣстѣ съ его женой, которая тутъ-же присутствовала со всѣмъ семействомъ и что послѣ его отказа... лопарь, не считая причинъ его отказа заслуживающими уваженія, схватилъ француза и свою жену, бросилъ ихъ на постель, вышелъ изъ комнаты и заперъ дверь, упрашивая француза, чѣмъ только могъ, чтобы тотъ обошелся съ его женой, какъ онъ обошелся бы съ нею самъ. Не менѣе замѣчателенъ случай, бывшій съ Іоанномъ Торнеемъ, пасторомъ среди лопарей. Онъ былъ намъ разсказанъ священникомъ, который долго былъ его помощникомъ въ Лапландіи и жилъ подъ его начальствомъ около пятнадцати лѣтъ; разсказъ этотъ онъ слышалъ отъ самого Іоанна Торнея.

Одинъ изъ самыхъ богатыхъ и уважаемыхъ лопарей лопарскаго округа, около Торно, пожелалъ, чтобы ложе его было осчастливлено пасторомъ: онъ считалъ это луч-

[1]) Schefferus. Lapponia, pp. 294, 295.
[2]) Regnard. Voyage de Laponie pp. 44—46.

шимъ средствомъ увеличить свои стада и получить благословеніе небесное на всю свою семью; онъ просилъ пастора неоднократно оказать ему эту честь; но пасторъ... не хотѣлъ исполнить его просьбы и указывалъ ему, что это еще не самый вѣрный способъ привлечь къ себѣ благословеніе. Лопарь на это обращалъ мало вниманія и, встрѣтивъ однажды пастора одного, онъ на колѣняхъ просилъ его, заклиная его всѣмъ, что было для него святаго, не отказывать ему въ милости, которой онъ у него просилъ; и присоединяя къ просьбамъ и обѣщанія, онъ предложилъ ему шесть золотыхъ монетъ, если онъ только снизойдетъ до того, чтобы лечь съ его женой. Пасторъ подумалъ нѣкоторое время... и не желая огорчить отказомъ лопаря... согласился на его просьбу и получилъ въ подарокъ обѣщанныя ему деньги.

Таковы свѣдѣнія о гостепріимномъ гетеризмѣ у древнихъ лопарей. Бюффонъ, упоминая объ этомъ обычаѣ среди лопарей, объясняетъ существованіе его, какъ и то, что лопари считаютъ себя польщенными, если кто-нибудь не откажется воспользоваться этимъ обычаемъ, тѣмъ, что они „знаютъ свое безобразіе и безобразіе своихъ женъ: они повидимому, находятъ менѣе безобразными тѣхъ, которыми не брезгали иностранцы“ [1]. Это объясненіе Бюффона важно лишь какъ доказательство, насколько такой обычай поражалъ людей даже XVIII вѣка.

Въ настоящее время, когда гостепріимный гетеризмъ былъ найденъ либо существовавшимъ, либо существующимъ у многихъ народовъ, когда происхожденіе его объяснено уже, насъ не должно удивлять, что мы встрѣчаемся съ нимъ и среди древнихъ лопарей. Но въ объясненіи Бюффона важно въ особенности то, что тѣ дѣвушки, которыя имѣли сношенія съ чужестранцами, считались болѣе почетными. Дальнѣйшія свѣдѣнія лишь подтвердятъ въ этомъ отношеніи объясненіе Бюффона, хотя, конечно, о сознаніи лопарями своего внѣшняго безобразія не можетъ быть и рѣчи. Пока скажемъ еще нѣсколько словъ о гостепріимномъ гетеризмѣ. Этотъ обычай, распространенный, повидимому, какъ среди древнихъ скандинавскихъ, такъ и среди древнихъ русскихъ лопарей—сталъ однако быстро падать съ развитіемъ проповѣди и просвѣщенія. Такъ уже въ половинѣ XVIII вѣка Гегстремъ отрицаетъ существованіе гостепріимнаго гетеризма, въ мѣстностяхъ ему извѣстныхъ: ему, по крайней мѣрѣ, ничего не удалось узнать объ этомъ обычаѣ [2].

Послѣ свидѣтельства Гегстрема объ исчезновеніи этого обычая среди извѣстныхъ ему мѣстностей Лапландіи, какъ-то странно слышать энергичныя доказательства Гоггюера, что этотъ обычай не встрѣчается болѣе въ Лапландіи. Передавъ слова Реньара о гостепріимномъ гетеризмѣ, онъ замѣчаетъ: ...„я думаю, что могу смѣло утверждать, что этотъ обычай никогда не встрѣчался въ той мѣстности Лапландіи, которую я объѣхалъ, и многія духовныя лица, чиновники и путешественники, которымъ хорошо знакомъ округъ лопарскій около Торнео, въ которомъ былъ Реньаръ—увѣряли меня, что весь этотъ разсказъ слѣдуетъ считать простой сказкой, не больше“ [3].

Неудивительно, что Гоггюеръ, во второй четверти текущаго столѣтія бывшій въ

[1] Buffon. Histoire Naturelle т. V, 1785, p. 12.
[2] Högström. Beschreibung, p. 148.
[3] Hogguer. Reise, pp. 154—155.

Лапландіи, не засталъ уже обычая, засвидѣтельствованнаго почти за два вѣка до него, тѣмъ болѣе, что въ половинѣ XVIII вѣка этотъ обычай уже вышелъ изъ употребленія, какъ утверждаетъ Гегстремъ. Но неудивительно также, что этотъ обычай существовалъ и даже господствовалъ еще въ концѣ XVII вѣка: гостепріимный гетеризмъ слишкомъ извѣстное явленіе, чтобы существованіе его, гдѣ бы то ни было, могло насъ удивлять, какъ не можетъ насъ удивлять и слѣдующее показаніе того-же Реньара.

„Эти люди“ (лопари), пишетъ Реньаръ, „стремятся найти себѣ въ жены дѣвушекъ, которыя лишились невинности, съ такой поспѣшностью, что они предпочитаютъ ихъ какъ-бы онѣ ни были бѣдны — богатымъ, если послѣднія не лишены невинности... Однако слѣдуетъ дѣлать различіе: чтобы онѣ пользовались успѣхомъ, необходимо, чтобы невинности дѣвушка была лишена отправляющимися зимой въ Лапландію иностранными купцами, а не лопаремъ... они такъ изыскиваютъ такихъ дѣвушекъ, что, когда они пріѣзжаютъ зимой въ Торно и находятъ дѣвушку беременной, они не только забываютъ свои выгоды, и берутъ ее безъ приданаго, но даже... покупаютъ ее у родителей“ [1]).

Таковы остатки далекой эпохи безпорядочнаго половаго сожительства среди лопарей, замѣченные въ XVI и XVII вѣкахъ. Подобно проституированію своихъ женъ и этотъ взглядъ на беременныхъ дѣвушекъ исчезаетъ въ XVIII вѣкѣ и насколько извѣстно, исчезаетъ безслѣдно. Противъ этого сообщенія, какъ и противъ сообщенія о существованіи среди лопарей гостепріимнаго гетеризма, вооружается Гогтюеръ — это лишь можетъ служить лишнимъ подтвержденіемъ того, что и этотъ обычай отжилъ навсегда свой вѣкъ въ Лапландіи. О томъ, что въ настоящее время ни того, ни другаго не встрѣчается среди русскихъ лопарей, упоминать лишне.

Вернемся къ остаткамъ родоваго устройства среди лопарей. Если среди древнихъ лопарей остатки эти были замѣчены преимущественно въ вѣрованіяхъ лопарей, то среди современныхъ намъ русскихъ лопарей мы застаемъ еще много признаковъ бывшаго родоваго союза главнымъ образомъ въ ихъ пользованіи землей. Слѣдуетъ замѣтить, что частнаго землевладѣнія никогда среди лопарей не было: со времени покоренія Лопландіи земля лопарей считалась государственной, и лопари пользовались ею, по установленнымъ искони обычаямъ. Основаніе Печенгскаго монастыря и жалованныя грамоты, которыми его снабжаютъ Московскіе цари, вносятъ до извѣстной степени новый принципъ въ лопарскую жизнь: часть ихъ становится крѣпостными крестьянами монастыря. Однако эта крѣпостная зависимость продолжается недолго, или вѣрнѣе не надолго нарушаетъ древній строй лопарскаго землевладѣнія. Уже при началѣ упадка монастыря лопари постепенно переходятъ къ своему прежнему образу управленія землей, а когда Печенгскій монастырь уничтожается и закрѣпощенная монастыремъ часть лопарей переходитъ въ разрядъ государственныхъ крестьянъ, они начинаютъ владѣть всей землей, какъ имъ принадлежащею. Установились между погостами опредѣленныя границы, искони немѣняемыя. Такъ владѣнія Печенгскаго и Пазрѣцкаго погостовъ раздѣляются другъ отъ друга тундрою, которую печенгскіе лопари называютъ Пазрѣцкой тундрой, а лопари пазрѣцкіе — Печенг-

1) Regnard. Voyage pp. 41, 42.

ской тундрой: посрединѣ этой тундры протекаетъ ручей, который и служитъ границей; вершина этой тундры носитъ названіе—райи-войвъ—отъ словъ войвъ—голова и райи—границы. Границами владѣній другихъ погостовъ служатъ также горы, рѣки, камни и т. п. Такимъ образомъ вся русская Лапландія является раздѣленной на столько участковъ, сколько всѣхъ погостовъ лопарскихъ. Каждый участокъ, принадлежащій погосту, является недоступнымъ для лопарей другихъ погостовъ, не только для производства рыбнаго лова, но и охоты на дикихъ и пушныхъ звѣрей.

Каждый участокъ, принадлежащій тому или иному погосту, раздѣленъ между жителями этого погоста на столько частей, сколько родовъ въ данномъ погостѣ, изъ этого дѣленія исключаются горы, которыя являются собственностью всего погоста. Родовой участокъ находится въ исключительномъ владѣніи рода и переходитъ въ предѣлахъ рода по наслѣдству; для выраженія понятія „родъ"—лопарями употребляется слово рудтъ или роотъ. Вотъ для примѣра, какъ разсаживаются различные роды на разныхъ тоняхъ въ предѣлахъ одного погоста.

Въ Пазрѣкѣ родъ Афанасьевыхъ и Калиныхъ живетъ осенью при озерахъ: Китъ-озерѣ, Кумже-озерѣ, Кучь-озерѣ и на нижнемъ концѣ Чалмъ-озера. Родъ Летовыхъ владѣетъ верхнимъ концомъ Чалмозера и Рома Лумбалами. Роду Ѳедотовыхъ и Титовыхъ принадлежатъ Вакъ-озеро и Пыръ-озеро, до границъ Сонгельскаго и Печенгскаго погостовъ. Если члены одного какого-нибудь рода умножатся въ численности и настолько, что имъ на ихъ родовомъ участкѣ становится тѣсно, то производится съ согласія всего погоста перемѣщеніе нѣкоторыхъ членовъ умножившагося рода на участки другаго рода, менѣе значительнаго по численности своихъ членовъ.

Такъ, пазрѣцкій родъ Летовыхъ умножился настолько, что ему стало тѣсно; вслѣдствіе этого съ согласія лопарей своего погоста одинъ изъ Летовыхъ переходитъ лѣтъ 15—20 тому назадъ на озера Вакъ и Пыръ, принадлежащія родамъ Ѳедотовыхъ и Титовыхъ, съ одной стороны болѣе малочисленнымъ, чѣмъ родъ Летовыхъ, съ другой, владѣвшимъ угодьями болѣе обширными и богатыми.

Каждый родовой участокъ подѣленъ между отдѣльными семьями, принадлежащими къ одному роду. Не живя болѣе родами, дробясь постоянно на мелкія семьи, лопари, однако, очень хорошо помнятъ происхожденіе свое отъ одного родоначальника и хорошо знаютъ, какая семья къ какому роду должна быть причислена; этому счету помогаетъ и то, что почти всѣ члены рода имѣютъ одинаковую фамилію и лишь, какъ исключеніе, встрѣчается, что двѣ семьи одного рода носятъ различныя фамиліи.

При дѣленіи родоваго участка на семейные соблюдаютъ возможное равенство: такъ, семьямъ многочисленнымъ даютъ обыкновенно и большіе участки, и богатыя рыбой тони; семьямъ небольшимъ участки даются меньше. Семейные участки, какъ и родовые, являются собственностью отдѣльной семьи, какъ родовой участокъ собственностью рода; и семейный участокъ переходитъ въ предѣлахъ членовъ семьи изъ поколѣнія въ поколѣніе; но если одна семья увеличится численностью и семейный участокъ ея будетъ для прокормленія ея слишкомъ малъ, то съ согласія всѣхъ членовъ рода, ей ими нарѣзывается кусокъ земли съ тоней, либо заставляютъ другую семью того же рода помѣняться съ ней участками. Въ случаѣ, если члены рода не могутъ придти къ рѣшенію этого вопроса,

либо, если всѣ члены этого рода являются стѣсненными небольшимъ количествомъ участковъ, то производится отводъ одной изъ семей рода на участки другаго, болѣе богатаго, какъ это мы видѣли въ примѣрѣ отвода одной изъ семей рода Летовыхъ, на участки родовъ Ѳедотовыхъ и Титовыхъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ связь съ своимъ родомъ нисколько не ослабляется и эта семья Летовыхъ продолжаетъ считаться въ родѣ Летовыхъ же, а не въ родѣ Ѳедотовыхъ или Титовыхъ.

Хотя для самихъ лопарей главное значеніе имѣютъ лишь рѣчныя и озерныя тони, такъ какъ главное ихъ занятіе — рыболовство, но, какъ я говорилъ уже, дѣленію по родамъ и семьямъ подлежатъ и лѣса, и луга, и долины. Если не считать лѣсовъ, изъ которыхъ лопарь добываетъ себѣ и топливо, и бревна для постройки своихъ жилищъ, онъ мало извлекаетъ пользы изъ луговъ и долинъ: въ нихъ онъ лишь производитъ охоту на дикихъ и пушныхъ звѣрей и на птицъ; и члены другаго рода или семьи не имѣютъ права нарушать или препятствовать пользованію. Но лопарь не держитъ скота, кромѣ немногихъ овецъ, да оленей, причемъ послѣдніе травой почти не питаются, вслѣдствіе чего трава пропадаетъ даромъ. Это обстоятельство повело къ обыкновенію отдавать луга въ арендное содержаніе. Владѣя земельными участками почти на правахъ полной собственности, члены рода со взаимнаго лишь согласія, а члены каждой семьи безъ согласія своихъ родичей отдаютъ свои участки въ аренду. Это, впрочемъ, появилось сравнительно недавно и имѣетъ мѣсто почти исключительно въ тѣхъ мѣстностяхъ Лапландіи, гдѣ земли лопарей граничатъ съ землями русскихъ насельниковъ: около Колы и Кандалакши; русскіе, имѣя коровъ (лошадей въ Колѣ не держатъ: въ 1887 г. была на всю Колу лишь одна лошадь), нуждаются въ лугахъ; по поводу владѣнія лугами были даже неоднократные споры между Колянами и лопарями. Полное отсутствіе потребности пользованія лугами со стороны лопарей съ одной стороны, и нужда въ травѣ со стороны сосѣднихъ русскихъ и вызвали къ жизни новый институтъ для лопарей—отдачу своихъ луговъ Колянамъ и Кандалакшанамъ въ аренду. Дѣлается это, однако, обыкновенно подъ условіемъ, чтобы арендаторъ внесъ за лопаря, участокъ котораго онъ арендуетъ, причитающія съ него подати и мірскіе сборы. Разсчетъ количества земли, отдаваемаго въ арендное содержаніе, производится слѣдующимъ образомъ: высчитывается, сколько требуется травы для одной коровы и, сообразно съ количествомъ арендуемаго луга, отдѣляется участокъ на то количество коровъ, на содержаніе которыхъ арендаторъ желаетъ взять лугъ. Поэтому можно взять въ аренду луговъ: на одну, на двѣ, на три и т. д. коровъ. Средній участокъ, на одну корову равняется обыкновенно приблизительно пространству въ ½ версты въ діаметрѣ. На размѣръ участка, естественно, сильно вліяетъ качество травы. Срокъ аренды бываетъ разный; однако, наиболѣе употребительнымъ является срокъ годовой.

Если во владѣніи землей, и озерными тонями и большинствомъ рѣчныхъ сильно сказываются воспоминанія эпохи родоваго устройства, то въ формахъ пользованія морскими тонями и частью рѣчными, на которыхъ производится ловъ семги (эти тони обыкновенно находятся на устьяхъ рѣкъ) сказывается уже совершенно иной принципъ. Слѣдуетъ замѣтить, что тонями въ водахъ Сѣвернаго океана, Бѣлаго моря и въ устьяхъ рѣкъ, впадающихъ въ нихъ, владѣютъ, главнымъ образомъ, лишь слѣдующіе погосты: Кильдинскій, Семіостровскій, Воронежскій, Пазрѣцкій, Печенгскій и Мотовскій; поэтому все, что

относится къ пользованію морскими тонями и рѣчными, лежащими у устьевъ рѣкъ, можетъ касаться главнымъ образомъ лишь перечисленныхъ погостовъ.

Время отъ времени лопари каждаго погоста сходятся на сходъ (суймъ) и приводятъ въ извѣстность какъ число душъ мужскаго пола, такъ и число имѣющихся у нихъ тоней. Когда это сдѣлано, расчисляютъ, сколько душъ приходится на каждую тоню. Послѣ этого опредѣляютъ, кому съ кѣмъ изъ мало-семейныхъ лопарей идти на тоню. Затѣмъ жребіемъ узнаютъ, кому какая тоня достанется. Пазрѣцкіе лопари бросаютъ жребій слѣдующимъ образомъ. По числу тоней дѣлаютъ изъ дерева небольшія дощечки и на каждой изъ нихъ вырѣзываютъ свои клейма; эти дощечки кладутъ въ шапку: кто нибудь говоритъ: тяните на такую-то тоню. Кто первый вытянетъ дощечку *со своимъ* клеймомъ, тому и достается эта тоня. Также поступаютъ и съ слѣдующими тонями, пока всѣ не будутъ распредѣлены между жителями погоста. Послѣ этого всѣ разъѣзжаются по своимъ тонямъ. На основаніи этого принципа одна тоня можетъ достаться нѣсколькимъ семействамъ, если въ нихъ немного душъ мужскаго пола и наоборотъ: нѣсколько тоней могутъ достаться на долю одной семьи, если она многочисленна. Допустивъ, положимъ, что на тоню приходится 4 человѣка, окажется, что двѣ семьи, имѣющія каждая въ своей средѣ двѣ души мужскаго пола, получаютъ одну тоню, а семья, имѣющая въ своей средѣ 8 душъ мужскаго пола, получаетъ для себя двѣ тони.

Каждая партія, отправившись на доставшуюся ей тоню, пользуется ею въ продолженіе одной весны. На слѣдующій годъ лопарь, получившій первую тоню, переходитъ на мѣсто того, кто взялъ послѣднюю. Вытянувшій вторую тоню переходитъ на мѣсто того, кто имѣлъ прошлую весну первую и т. д., такимъ образомъ совершается перемѣщеніе, пока пользовавшійся въ первую весну по метаніи жеребія не дойдетъ до пользованія первой тоней. Когда всѣ пересидятъ на всѣхъ тоняхъ—снова собирается суймъ и вновь производится разсчетъ душъ по тонямъ и новое вытягиваніе жребія. Срокъ, черезъ который переметывается жребій, зависитъ слѣдовательно отъ числа тоней; вслѣдствіе чего онъ крайне неодинаковъ: такъ въ Кильдинскомъ погостѣ 22 тони, лежащихъ на берегу океана и устья рѣкъ: въ Семіостровскомъ такихъ тоней—6; въ Воронежскомъ—7; въ Пазрѣцкомъ—12; въ Печенгскомъ—12; въ Мотовскомъ—10. Другихъ погостовъ, которые также имѣютъ семужьи заборы (напр. Нотозерскій, Іокангскій, Лумбовскій и др.), за недостаточностью свѣдѣній, я не касаюсь. Естественно также, что число лопарей, промышляющихъ на каждой тонѣ, зависитъ отъ отношенія числа душъ мужскаго пола къ числу всѣхъ тоней даннаго погоста.

Какъ ни сильно воспоминаніе о родѣ среди лопарей, нельзя, конечно, ожидать, чтобы они жили родами; мало того, среди нихъ не встрѣчается даже, такъ-называемыхъ, большихъ семей. Раздѣлы въ большомъ ходу, и если у отца нѣсколько сыновей, всѣ они тотчасъ послѣ женитьбы отдѣляются и заводятъ совершенно самостоятельное хозяйство; лишь въ томъ случаѣ, если у родителей лишь одинъ сынъ, онъ остается при нихъ до ихъ смерти. Вслѣдствіе такого стремленія къ раздѣламъ всѣ лопари дѣлятся на рядъ малыхъ семей, хотя воспоминаніе о существованіи нѣкогда среди нихъ большихъ семей и доселѣ существуетъ. Повидимому, у русскихъ лопарей утратилось даже свое названіе для обозначенія понятія рода, такъ какъ слова руотъ или роотъ, которыми лопари вы-

ражаютъ понятіе о родѣ, заимствованы ими у русскихъ. Однако, въ памяти лопарей свѣжо еще значеніе этого слова; имъ они обозначаютъ всѣхъ лицъ, имѣющихъ одного общаго родоначальника; но рядомъ съ этимъ они тѣмъ же словомъ означаютъ и всю совокупность родственниковъ и свойственниковъ. Какъ на заимствованіе отъ русскихъ, слѣдуетъ указать и на употребленіе лопарями слова порода; оно подчасъ имѣетъ тоже значеніе, какъ и родъ и заимствованіе этого слова у русскихъ достаточно доказывается какъ самимъ словомъ, такъ и пословицами, ходящими въ устахъ лопарей (пазрѣцкихъ, по крайней мѣрѣ): каковъ родъ, таковъ и приплодъ—пословица, примѣняемая лопарями какъ къ людямъ, такъ и къ животнымъ, въ особенности къ оленямъ Для обозначенія происхожденія отъ одного родоначальника пользуются также словомъ родовой, которое, однако, чаще замѣняется русскимъ-же словомъ кореновой: употребляется это слово для обозначенія и родовыхъ участковъ земли и для обозначенія родства; такъ лопарь не скажетъ никогда: это наша родовая земля—а это кореновое мѣсто наше; Пазрѣцкіе лопари говорятъ: кореновая (коренная) родня большая, кореновой родни нѣтъ; мы кореновые жители и т. д.

Естественно, что всѣ русскія слова, означающія теперь родство, родъ, родовой, явились лишь на замѣну коренныхъ лопарскихъ словъ, но замѣна эта произошла такъ давно, и лопари свыклись съ новыми чуждыми словами, означающими старыя для нихъ понятія настолько, что позабыли свои мѣстныя названія. При составленіи таблицы родства для Нотоверскихъ и Сонгельскихъ лопарей, оказалось, что они имѣютъ точныя обозначенія для довольно сложныхъ случаевъ родства—но слова, объединяющаго всѣхъ родственниковъ въ понятіи о родствѣ, я добиться не могъ: отвѣтомъ служили лишь слова: роотъ, ротовый, кореновой.

Какъ бы, однако, не означали современные русскіе лопари понятіе о происхожденіи отъ одного родоначальника, они несомнѣнно очень хорошо помнятъ свое происхожденіе и знаютъ изъ какого рода они происходятъ. Эта связь поддерживается, между прочимъ, и фамиліями, которыя носятъ лопари: какъ бы ни дробились семьи—фамилія у нихъ остается одна и та же, и лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ бываетъ, что нѣсколько семействъ одного и того же рода носятъ разныя фамиліи. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что фамиліи у русскихъ лопарей появились, сравнительно, недавно, что достаточно доказывается ими самими. Но при принятіи фамилій всѣ члены одного и того же рода получили одну фамилію, такъ что эти послѣднія появились лишь на смѣну прежнимъ родовымъ прозвищамъ. Что такія прозвища существовали можно судить по слѣдующему: Шубертъ сообщаетъ [1]), что лопари дѣлятся по родамъ, причемъ, замѣчаетъ онъ, сохраняя всѣ особенности своего племени, каждый родъ все-таки во многихъ частностяхъ отличается отъ другихъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что и у лопарей скандинавскихъ существовали, по крайней мѣрѣ, въ началѣ текущаго столѣтія роды; этотъ фактъ подтверждается и Бухомъ, который сообщаетъ намъ и прозвища нѣкоторыхъ изъ родовъ, ссылаясь на трудъ Валенберга:... всѣ лопари, пишетъ онъ, занимаются-ли они рыболовствомъ или обѣгаютъ съ своими стадами горы,—отличаютъ семьи особыми именами. Въ приходѣ Энаре живетъ большая семья Моротайя; другой значительный родъ (гасе)—это родъ Кюа, далѣе

[1]) Schubert. Reise, II, p. 274.

родъ Сойатьи и т. д. Къ этому имени рода лопари прибавляютъ еще имя данное при крещеніи [1]).

Изъ словъ приведенныхъ двухъ писателей явствуетъ 1) что какъ въ скандинавской, такъ и въ финляндской Лапландіи актъ существованія родовъ является несомнѣннымъ для начала XIX вѣка и 2) что существовали и родовыя прозвища, причемъ, повидимому, чисто лопарскія, что доказывается словомъ айа, входящимъ въ составъ этихъ прозвищъ: (айа—отецъ, предокъ). О существованіи такихъ прозвищъ среди русскихъ лопарей можно догадываться лишь по аналогіи съ ихъ сосѣдями скандинавскими лопарями.

Какъ бы то ни было, но въ настоящее время мы не застаемъ уже нѣкоторыхъ фамилій—всѣ фамиліи, которыя носятъ лопарскіе рода, происходятъ либо отъ имени собственнаго, либо отъ какого-нибудь прозвища: сообщаю нѣкоторыя фамиліи существующихъ лопарскихъ семей-родовъ по погостамъ и обществамъ. Такъ, въ Пазрѣцкомъ погостѣ существуютъ слѣдующія фамиліи: Афанасьевыхъ (9 семей), Калининыхъ (2 семьи), Ѳедотовыхъ (7 семей), Летовыхъ (6—семей), Титовыхъ (5 семей) и Герасимовыхъ (1 семья). Титовы и Герасимовы пришли изъ Нотозерскаго погоста; первые лѣтъ 60—70 тому назадъ, вторые лѣтъ 9. Въ Печенгскомъ погостѣ—слѣдующія фамиліи: Копытовы, Ефремовы и Козмины. Въ Мотовскомъ погостѣ: Чапуровы, Стакановы, Агневы, Купріановы и Гавриловы. Въ Воронежскомъ обществѣ: Логиновы, Милентьевы, Фефеловы, Галкины, Пелкины, Кирилловы, Даниловы, Сорвановы, Юшковы, Юлины, Яковлевы. Въ Экостровскомъ обществѣ: Кунвявины, Кобелевы, Черные, Архипова, Коньковы и т. п.

Когда замѣнились родовыя туземныя прозвища лопарей новыми, сказать трудно; но вѣроятно уже давно, быть можетъ, вскорѣ послѣ близкаго знакомства русскихъ съ Лапландіей. Вѣроятно въ началѣ, при крещеніи лопарей, русскіе, игнорируя туземныя родовыя прозвища, называли лопарей по именамъ ихъ отцовъ; это мы видимъ въ актѣ 1619 г., гдѣ среди лопарей Нотозерскаго погоста поименованъ, въ числѣ прочихъ, лопарь Романовъ; дѣдъ его носитъ, однако, фамилію Яковлевъ [2]). Но еще въ писцовой книгѣ Василія Агалина (1608—1611) мы встрѣчаемъ уже установившіяся фамиліи, напримѣръ, Титовы, Нестеровы, которыя и понынѣ встрѣчаются среди лопарей [3]). Въ началѣ XVIII в. [4]) мы видимъ въ Пазрѣцкомъ погостѣ, между прочимъ, фамиліи, встрѣчающіяся и до сихъ поръ въ этомъ-же погостѣ или Печенгскомъ обществѣ, какъ-то: Харловы, Летовы, Онисимовы, Лазаревы; въ Нотозерскомъ погостѣ—Титовы, живущіе и въ настоящее время въ этомъ же погостѣ; въ Воронежскомъ и Ловозерскомъ погостахъ встрѣчающіяся и нынѣ фамиліи: Козьминыхъ, Галкиныхъ, Захаровыхъ. Въ этихъ-же данныхъ мы встрѣчаемъ въ Пазрѣцкомъ погостѣ и родоначальника рода пазрѣцкихъ лопарей Калининыхъ, именно: „лопина Калину Сидорова 73-хъ лѣтъ", имя котораго, вѣроятно, впослѣдствіи обратилось въ фамилію для его потомковъ. Въ ревизской сказкѣ 1834 г. всѣ фамиліи пазрѣцкихъ лопарей, кромѣ Герасимовыхъ, помѣчены, какъ существующія; есть свѣдѣнія, что лопари мѣняли свои фамиліи, но въ этомъ случаѣ мѣнялась фамилія не семьи—а цѣлаго рода.

[1]) L. Buch Voyage, II, p. 148.
[2]) См. приложеніе 1-е.
[3]) Дѣла и пригг. Прав. Сената по Архангелогород. губ. 1712 1720.
[4]) См. приложеніе 2-е.

Изъ приведеннаго перечня фамилій лопарскихъ родовъ ясно, что большинство фамилій произошло отъ именъ собственныхъ и частью отъ прозвищъ. Что касается послѣднихъ, то лопари, хотя и сравнительно рѣдко, даютъ ихъ своимъ сосѣдямъ; эти прозвища касаются, главнымъ образомъ, отдѣльныхъ лицъ и забываются обыкновенно со смертью лица, получившаго прозвище, не переходя на его потомковъ; прозвища даются благодаря индивидуальнымъ чертамъ того или иного лица. Такъ, на Пазрѣкѣ молодаго лопаря (18 лѣтъ) Козьму называютъ россомахой, такъ какъ онъ очень невеликаго роста и крайне бойкій. Другаго лопаря Ивана называютъ *Карасъ-войвъ* (жестокая голова), такъ какъ онъ очень сердитъ. Лопаря Романа—зовутъ *евдуласъ* (бездѣльникъ), такъ какъ онъ любитъ слоняться изъ тупы въ тупу безъ всякаго дѣла. Въ Нотозерскомъ погостѣ и въ Сонгелахъ существуютъ, между прочимъ, такія прозвища — Россомахины-некрасивы-ноги, за то, что у даннаго лица кривыя ноги, какъ у россомахи; другаго плѣшиваго лопаря называютъ Постова-мѣсяцева-голова, т. е. плѣшивый, какъ мѣсяцъ въ Филипповъ постъ. Прозвища даютъ не только мужчинамъ, но и женщинамъ: такъ въ Пазрѣкѣ лопарку Анну за то, что она любитъ рядиться и смотрѣться въ зеркало, встрѣтить которое у лопарей можно лишь крайне рѣдко, прозвали *Херви-Аннушка* т. е. нарядная Анна; другую лопарку, отличающуюся небольшимъ ростомъ и толщиной прозвали *Нюллъ-алдъ*, т. е. безрогая важенка (самка оленя); на Нотозерѣ и въ Сонгелахъ встрѣчаются прозвища «красивыя» для тѣхъ, которыя поражаютъ лопарей своей красотой; „тужиха", —которая любитъ ворчать и жаловаться на судьбу и т. д. Если случится, что подобное прозвище переходитъ случайно на потомковъ, то мѣняется и фамилія всего рода, и въ данномъ случаѣ не дѣлаютъ различія, было-ли дано это прозвище мужчинѣ или женщинѣ.

Существуютъ и другія основанія для перемѣны фамиліи рода: либо какой-нибудь частный случай, либо извѣстность кого-нибудь изъ членовъ рода. Такъ пазрѣцкіе лопари говорятъ, что у рода Ѳедотовыхъ была прежде фамилія Харловыхъ; перемѣнили-же они ее, по семейнымъ преданіямъ Ѳедотовыхъ, вотъ по какому случаю: въ родѣ Харловыхъ была замѣчательная по своему искусству бабка, имя которой было Ѳеддь-акки; она принимала дѣтей у всѣхъ лопарей своего погоста и даже удостоилась за свое искусство разъ быть призванной къ черту, который утащилъ къ себѣ лопарскую дѣвушку въ жены; за искусную помощь при родахъ чертовой жены она получила отъ черта въ награду сукна на юпу; однако подареннаго сукна не хватило ей на рукава; поэтому она предсказала своимъ, что весь ихъ родъ будетъ жить въ бѣдности, и почти не будетъ имѣть оленей. Въ честь этой знаменитой Ѳеддь-акки Харловы перемѣнили свою фамилію въ Ѳедотовыхъ. Аѳанасьевы, по родовымъ преданіямъ, имѣли также прежде другую фамилію, именно Лазаревыхъ: одинъ ихъ членъ рода ушелъ какъ-то въ солдаты; во время своей службы онъ нажилъ большое состояніе и передъ смертью завѣщалъ свое богатство родственникамъ. Воспользовавшись неопытностью лопарей, деньгами солдата Лазарева завладѣли какіе-то другіе Лазаревы, жившіе гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ; родственники такъ и не могли добиться полученія этихъ денегъ, отчасти обиженные этимъ, отчасти и для того, чтобы подобнаго случая не повторилось, они перемѣнили свою фамилію на Аѳанасьевыхъ.

У лопарей, вообще, въ ходу большое количество семейныхъ-родовыхъ преданій, сдѣлавшихся, однако, собственностью всѣхъ лопарей: относительно возникновенія такихъ

преданій и ихъ распространенія я скажу ниже; теперь укажу лишь на то, что многіе лопарскіе роды считаютъ своими родоначальниками того или иного нойду.

Вторымъ звеномъ, связующимъ членовъ рода въ одно цѣлое, послѣ фамилій является родовая тамга. У всѣхъ лопарей есть тамги, но среди нихъ слѣдуетъ строго отличать другъ отъ друга тамги—старыя отъ новыхъ; въ сущности лишь первыя могутъ быть названы родовыми, въ строгомъ значеніи этого слова. Въ нихъ характерной чертой является то, что онѣ, имѣя въ основѣ одинъ рисунокъ, общій для всѣхъ членовъ рода, видоизмѣняются по семьямъ, причемъ къ основному рисунку прибавляется или отбавляется та или другая черта, или сама тамга, съ прибавленіемъ или отбавленіемъ черты, изображается въ другомъ направленіи. Помѣщая родовыя клейма, которыя мнѣ удалось собрать въ бытность мою въ Лапландіи, на особой таблицѣ, приведу здѣсь для примѣра, лишь нѣкоторые рисунки клеймъ лопарей Пазрѣцкаго погоста, доставленныхъ мнѣ обязательнымъ о. Константиномъ Щеколдинымъ.

Родъ Аѳанасьевыхъ: Александръ Аѳанасьевъ ; отдѣлившійся отъ Александра Аѳанасьева старшій сынъ его: ; Другой сынъ А. Аѳанасьева, тоже отдѣлившійся отъ отца— ; Степанъ Аѳанасьевъ ; братъ его Иванъ ; другой братъ его Романъ — . Герасимъ Аѳанасьевъ · Филиппъ Аѳанасьевъ

Родъ Ѳедотовыхъ: Илья Ѳедотовъ: ; братъ Ильи—Емельянъ: племянникъ ихъ Іоакимъ (сынъ старшаго брата Ильи и Емельяна Ѳедотовыхъ) Матвѣй Ѳедотовъ ; двоюродный братъ Матвѣя—Василій: Максимъ Ѳедотовъ: , братъ Максима—Романъ: .

Чтобы показать, насколько стойко держится родовое клеймо сравнимъ клейма Сорвановыхъ Воронежскаго Общества съ клеймами Сорвановыхъ-же, Экостровскаго Общества; часть рода Сорвановыхъ переселилась изъ одного общества въ другое. Клейма рода Сорвановыхъ въ Воронежскомъ Обществѣ слѣдующія: Василій Сорвановъ ; Ѳаддей Сорвановъ— ; Егоръ Сорвановъ— ; Ѳеодоръ Сорвановъ — ; въ Экостровскомъ Обществѣ клейма ихъ слѣдующія: Григорій Сорвановъ — ; Прохоръ Сорвановъ — . Вглядѣвшись внимательнѣе въ рисунки этихъ клеймъ, мы увидимъ,

что въ основѣ своей они очень близки другъ къ другу. Такое-же впечатлѣніе вынесемъ мы, если сравнимъ клейма рода Титовыхъ въ Нотозерскомъ погостѣ съ клеймами членовъ того-же рода въ Пазрѣцкомъ погостѣ, куда лѣтъ 60—70 тому назадъ члены этого нотозерскаго рода переселились.

Изъ этихъ сравненій очевидно, какъ стойко держится родовое клеймо, мало измѣняясь въ основѣ своей, не смотря на разстояніе мѣстожительства двухъ членовъ рода и на время, когда они разстались. Нѣкоторыя изъ старинныхъ клеймъ имѣютъ названіе, напр. одно изъ клеймъ рода Кобелевыхъ —называется „воронья лапа“; клеймо —называется „птичій клювъ“; среди клеймъ лопарей Бабенгскаго погоста встрѣчается клеймо подъ названіемъ „ручка отъ котла“ и т. д.; нѣкоторыя клейма особеннаго названія не имѣютъ.

Вглядываясь въ лопарскія родовыя клейма, нельзя не замѣтить, что среди рисунковъ ихъ мы очень часто не видимъ, такъ сказать, основнаго клейма. Это объясняется слѣдующимъ образомъ: всякій разъ, когда сынъ отдѣляется отъ отца, онъ получаетъ особое клеймо; младшій сынъ, оставаясь при отцѣ, наслѣдуетъ, послѣ смерти послѣдняго и его тамгу. Представимъ себѣ, что хотя бы у Александра Аѳанасьева тамга первоначальная; у него три сына, изъ которыхъ оба старшіе выдѣляются еще при жизни отца и получаютъ свои тамги. Александръ Аѳанасьевъ умираетъ и его тамга переходитъ къ младшему сыну; въ потомствѣ этого младшаго сына тамга перейдетъ къ младшему внуку Александра Аѳанасьева, слѣдовательно основная тамга будетъ принадлежать всегда младшему въ родѣ Аѳанасьевыхъ; слѣдовательно у лопарей, подобно многимъ другимъ народностямъ, можно констатировать фактъ существованія минората.

Представимъ себѣ, однако, что младшій сынъ Александра Аѳанасьева, унаслѣдовавъ послѣ смерти отца первоначальную тамгу рода Аѳанасьевыхъ, умираетъ бездѣтнымъ; первоначальная тамга выходитъ съ его смертью изъ употребленія и въ родѣ Аѳанасьевыхъ остаются лишь производные рисунки клеймъ. Этимъ соображеніемъ, кажется, можно объяснить то обстоятельство, что среди лопарскихъ клеймъ трудно встрѣтить такое, которое можно было-бы назвать первоначальнымъ. Къ такимъ первоначальнымъ клеймамъ слѣдуетъ, на мой взглядъ, отнести клеймо лопаря Печенгскаго погоста Павла Ефремова: Λ. Производными отъ него будутъ: клеймо Якова Ефремова ; племянника Якова, Онисима Ефремова и Димитрія Ефремова.

Что касается клеймъ, которыми въ настоящее время лопари стараются замѣнить свои старыя родовыя тамги, то это просто начальныя буквы ихъ имени и фамиліи; напр.; ФА—Филиппъ Архиповъ, Ю—Михаилъ Юшковъ; ДӍ—Аѳанасій Яковлевъ и т. п.

Эти клейма, естественно, мѣняются изъ поколѣнія въ поколѣніе и интереса никакого не представляютъ. Будучи знакомъ, свидѣтельствующимъ о принадлежности даннаго лица къ тому или другому роду, клейма употребляются и какъ знаки собственности и въ качествѣ подписей; поэтому на всѣхъ общественныхъ приговорахъ, договорахъ и

сдѣлкахъ лопари, вмѣсто подписей, ставятъ свои клейма; ставятъ они ихъ и на кàрбаса, весла, кережи, шесты, на домашнюю утварь и т. д., и первое, что старается сдѣлать лопарь по пріобрѣтеніи какого-нибудь предмета, это ножемъ вырѣзвать на немъ свое клеймо, какъ знакъ, несомнѣнно свидѣтельствующій о принадлежности даннаго предмета тому или иному лицу. Лопари хорошо знаютъ клейма не только своихъ односельчанъ, но и своихъ соплеменниковъ, живущихъ въ далеко отстоящихъ отъ нихъ погостахъ, но показываютъ они чужому человѣку лишь свое клеймо: нарисовать чужое клеймо было бы равносильно поддѣлкѣ подписи, и лопарь тщательно избѣгаетъ рисовать чужія клейма лицу, ему мало знакомому. Что касается оленей, то для доказательства принадлежности ихъ данному семейству имъ рѣжутъ уши, либо правое, либо лѣвое, либо оба. Мнѣ удалось собрать отъ лопарей Кильдинскаго Сонгельскаго и Нотоверскаго погостовъ способы мѣтки оленей; прилагаю рисунки на особой таблицѣ. Это не суть родовыя мѣтки, даже не семейныя, скорѣе просто мѣтки даннаго лица; такъ у отца можетъ быть свой способъ рѣзать уши своимъ оленямъ, у неотдѣленнаго сына—другой, у дочери—третій и т. д. Кромѣ этого, оленямъ на шерстяной ниткѣ привязываютъ небольшія дощечки: на одной сторонѣ вырѣзываютъ свое родовое клеймо, на другой общее лопарское оленье клеймо называемое, самими лопарями вить-суть, т. е. пятиугольникъ (Пaврѣка). Вѣроятно, слѣдуетъ въ этомъ оленьемъ клеймѣ видѣть какой-нибудь знакъ, смыслъ котораго нами утерянъ, имѣющій, однако, силу охранять оленя либо отъ хищныхъ звѣрей, либо отъ дурнаго человѣка и т. п. Иначе трудно объяснить себѣ существованіе особаго, общелопарскаго, оленьяго клейма.

Такъ какъ клейма служатъ и знаками собственности, и доказательствомъ принадлежности даннаго лица къ роду, то лопари ими очень дорожатъ и считаютъ нужнымъ поставить, какъ своихъ односельчанъ, такъ и по возможности лопарей другихъ погостовъ въ извѣстность о всякой перемѣнѣ клейма; такъ, если сынъ отдѣлится отъ отца и сдѣлаетъ прибавку или убавку въ рисункѣ клейма, онъ спѣшитъ увѣдомить объ измѣненіи клейма, или лучше сказать, о появленіи новаго клейма, всѣхъ своихъ сосѣдей, дабы никто не могъ ошибаться и отговариваться незнаніемъ новаго рисунка клейма. Оффиціально новый рисунокъ клейма можетъ показывать лишь отдѣлившійся сынъ—самостоятельный хозяинъ: до раздѣла, хотя бы у него и было уже свое клеймо, онъ предъявлять его не имѣетъ права. На право употреблять свои клейма требуется иногда не только заявленіе погосту, но испрошеніе у него разрѣшенія.

Къ признакамъ бывшаго родоваго союза слѣдуетъ отнести и обычай величать другъ друга по отчеству. Дѣйствительно, это дѣлается не всегда и не по отношенію ко всѣмъ. Лишь къ самымъ почтеннымъ лопарямъ, а таковыми являются старики и богатые, обращаются, называя ихъ по имени и отчеству; по отношенію къ другимъ лопарямъ ихъ зовутъ просто по имени, но когда лопари угощаютъ другаго, кто бы ни былъ тотъ, кого угощаютъ—его всегда зовутъ по имени и по отчеству. Если гостя хотятъ почтить особеннымъ образомъ, то прибавляютъ не только имя отца, но и дѣда лица, къ которому обращаются; причемъ имена располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ: сначала имя дѣда,

затѣмъ отца, наконецъ самого лица, къ которому обращаются; такъ, напримѣръ, лопарь говоритъ: Карпъ-Еванъ-Васькъ (Карпъ-Иванъ-Василій); Карпъ-дѣдъ, Иванъ-отецъ, Василій тотъ, къ кому обращаются. Иногда по отношенію къ дѣтямъ прибавляютъ не только имя дѣда, но и прадѣда; такъ, если у Василія, у котораго отецъ Иванъ, дѣдъ Карпъ, есть сынъ тоже Иванъ, то обращеніе къ этому маленькому сыну будетъ слѣдующее: Карпъ-Еванъ-Васькъ-Еванашъ (уменьшительное отъ Иванъ). Если у кого нибудь отецъ умеръ, оставивъ сына совсѣмъ маленькимъ, такъ что его выкормила и поставила на ноги мать, то если, положимъ, сына зовутъ Романомъ, мать Маѳой, обращеніе къ Роману будетъ слѣдующее: Маѳъ-агкашъ-Романашъ, т. е. Маѳы-бабки-Романъ и т. д. (Пазрѣка, Нотозеро, Сонгелы, Массельга, Бабенга). Обычай величать человѣка по отчеству можно было-бы объяснить заимствованіемъ отъ русскихъ, если бы онъ не былъ подмѣченъ и въ другихъ мѣстностяхъ Лапландіи, гдѣ могло быть только вліяніе—шведовъ или норвежцевъ. Бухъ сообщаетъ, что лопари къ своему имени прибавляютъ еще имя своего отца, которое они комбинируютъ согласно шведскому и датскому, (Бухъ пишетъ эти слова до отдѣленія Норвегіи отъ Даніи, происшедшаго въ 1814 году) прибавленіемъ слова son или sen, что значитъ сынъ такого-то. Такъ хозяинъ вѣжи, продолжаетъ онъ, гдѣ мы провели ночь, назывался Аслакъ Аслаксонъ Сара (Аслакъ—имя, Аслаксонъ—отечество, Сара—фамилія). Въ Норвегіи, Швеціи и даже Даніи, заключаетъ Бухъ, въ общемъ среди жителей деревни, нѣтъ обычая носить фамилій. Если и встрѣчается фамилія у одного—другаго лица, то она происхожденія новаго. Отецъ называется Олафъ Нильсонъ, но сынъ его можетъ называться Гансъ Олафсонъ, а внукъ—Карлъ Гансонъ [1]). Это замѣчаніе Буха, достаточно убѣждаетъ, что въ обычаѣ называть лицо по имени, отчеству, или даже еще по имени дѣда и прадѣда, мы не имѣемъ права видѣть обычая заноснаго; мы должны его, слѣдовательно, отнести къ числу обычаевъ туземныхъ.

Говоря объ обращеніяхъ къ мужчинамъ, слѣдуетъ сказать, хотя-бы нѣсколько словъ и о формѣ обращенія къ женщинамъ. Женщинъ лопари въ общемъ называютъ „половинками,“ хотя смыслъ, который они хотятъ придать этому названію, и неизвѣстенъ. Обыкновенно, когда говорятъ о чьей-нибудь женѣ, дѣлаютъ различіе старъ-ли ея мужъ или нѣтъ, слѣдовательно, стара-ли она сама или нѣтъ. Въ томъ и другомъ случаѣ жену не называютъ по имени ея, а по имени ея мужа. О женщинѣ молодой, положимъ, женѣ Василія, скажутъ Васькъ-кава, т. е. жена Василія, о женѣ Ивана—Еванъ-кава, женѣ Андрея Ондре-кава и т. д. Если-же дѣло идетъ о старухѣ, то скажутъ Васькъ-агки, Еванъ-агки, Ондре-агки, т. е. старуха Василія, Ивана, Андрея и т. д. Но когда обращаются лично къ женѣ того или другаго лопаря, то, обыкновенно, называютъ ее по имени, и если она принадлежитъ къ числу почетныхъ лицъ въ погостѣ, ее величаютъ и по отчеству. То-же слѣдуетъ замѣтить и о дѣвушкахъ: слова дочь— у лопарей нѣтъ; равносильное слово—нійдъ, нейдъ—дѣвка. Слѣдовательно, за-глаза лопарь скажетъ: Васькъ-нійдъ, Еванъ-нійдъ, Ондре-нійдъ, т. е. дѣвка Василія, Ивана, Андрея и т. д. Въ глаза-же ее зовутъ либо по имени, либо по имени и отчеству. Интересно, что въ пѣсняхъ, если онѣ только не относятся къ далекому прошлому, всѣ дѣйствующія лица называются по имени и от-

[1]) Buch. Voyage. II, p. 149.

честву, не исключая ни женщинъ, ни дѣвушекъ. Употребительно для женщинъ и обращеніе съ названіемъ одного отчества; напр. Егоровна, Матвѣевна, Ивановна, Карповна и т. д. Въ пѣсняхъ можно встрѣтить и это обращеніе: пѣснь поетъ, либо про Афимью Егоровну, Катерину Карповну, либо просто про Егоровну, Карповну, но никогда пѣснь не назоветъ свою героиню просто Афимьей, Катериной и т. д. (Пазрѣка, Нотозеро, Сонгелы, Массельга, Бабенга).

Послѣ этихъ замѣчаній перехожу къ изложенію союза родственнаго среди русскихъ лопарей. Если подъ союзомъ родственнымъ понимать совокупность не только кровныхъ, но и некровныхъ родственниковъ, свойственниковъ и т. д., то среди русскихъ лопарей мы найдемъ сильно развитыя родственныя связи, соблюдаемыя лопарями съ чрезвычайной точностью. Слѣдуетъ замѣтить, что среди лопарей Сонгельскаго, Пазрѣцкаго, Нотозерскаго и Ловозерскаго погостовъ, по крайней мѣрѣ, подъ словомъ родство (роотъ) подразумѣваются всѣ рѣшительно лица, соединенныя другъ съ другомъ родственными связями, безъ различія, будетъ-ли это кровное, духовное, молочное или какое-либо другое родство; различія въ этомъ отношеніи русскіе лопари не дѣлаютъ. Тоже слѣдуетъ замѣтить и о словахъ родня, родникъ (для означенія отдѣльнаго лица).

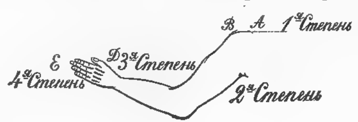
Соединяя всѣхъ лицъ, съ которыми лопари считаютъ себя соединенными родственными узами, подъ понятія родство, родня, роотъ, родникъ,—они отличаютъ каждый видъ родства особымъ именемъ, смотря потому, каковъ былъ источникъ возникновенія родственныхъ связей. На первомъ мѣстѣ въ градаціи различныхъ видовъ родства —слѣдуетъ поставить называемое самими лопарями кореновое родство, кореновую родню, корень. Подъ этими словами лопари разумѣютъ совокупность лицъ, производящихъ себя отъ одного общаго родоначальника. Близость одного кореноваго родственника къ другому исчисляется по колѣнамъ; дѣлаютъ это сами родственники; въ Пазрѣкѣ считаютъ такъ: я первое колѣно; дѣти моего брата будутъ—второе колѣно; дѣти моихъ племянниковъ—третье колѣно. Изображая графически:

В — А .... 1-е колѣно.

С — D .... 2-е колѣно по отношенію къ А

Е — F G — H .... 3-е. » »

Среди нотозерскихъ и ловозерскихъ лопарей существуетъ слѣдующій способъ исчисленія кровнаго родства: А—голова; В—братъ А, соотвѣтствуетъ плечу; это 1-я степень. С изгибъ у локтя—2-я степень, двоюродные братья; D—около кисти рукъ, троюродные братья; можно вступать въ бракъ; Е—кисть руки, 4-я степень, «хотя и родственники, но почти что и не родственники», какъ говорятъ лопари. Изображая графически:



Далѣе лопари дѣлятъ родню на большую и малую. Большою роднею считаются родственники въ первомъ, второмъ и третьемъ колѣнѣ — пулвъ.; въ 4-мъ, 5-мъ и т. д. колѣнахъ, родня считается малою; большою роднею считается и женихова родня; малою или половинною считается невѣстина родня; первая носитъ названіе енна-рудъ (роотъ), вторая—пеле-рудъ (роотъ), вмѣсто большой и малой или половинной, употребляется названіе близкой и малой родни: для родственниковъ кровныхъ она важна въ томъ отношеніи, что до третьяго колѣна включительно родственники не вступаютъ въ бракъ и даже никогда не хлопочутъ о разрѣшеніи. Въ дальнѣйшихъ колѣнахъ бракъ возможенъ. Но въ прежнее время запрещалось вступать въ бракъ съ членомъ своего рода [1]). Въ настоящее-же время, хотя всѣ однофамильцы и считаются родственниками, но бракъ членовъ рода другъ съ другомъ не запрещается, если они родственники дальше, чѣмъ въ третьемъ колѣнѣ, и такіе браки довольно часты среди лопарей.

Родство по мужской линіи считается болѣе близкимъ, по женской менѣе. Это объясняется тѣмъ, что вообще свойство съ жениной стороны считается лишь половиннымъ, сравнительно съ свойствомъ мужниной стороны. Въ то время, какъ въ мужской линіи въ бракъ можно вступать лишь въ 4-мъ колѣнѣ, съ родственниками по женской линіи можно вступать въ бракъ и въ 3-мъ колѣнѣ, не считая это предосудительнымъ.

Таковы понятія лопарей о родствѣ кровномъ и свойствѣ; для каждаго почти изъ родственниковъ и свойственниковъ лопари имѣютъ особыя названія; приведемъ ихъ:

	Пазрѣцкій погостъ.	Нотозерскій погостъ.	Сонгельскій погостъ.
Предки вообще.	—	мондръ-ай	мондръ-ай
Прадѣдъ	айасъ	мондръ-ай	мондръ-ай
Прабабка	айакка	мондръ-акъ	мондръ-акъ
Дѣдъ	ай	ай	ай
Бабка	акка	акъ	акъ
Отецъ	есчимъ	айчъ	эчъ
Мать	янна	іенъ	энъ
Сынъ	альги	айлегъ	айлегъ
Дочь	нійдъ	нейдъ	ніейдъ
Братъ	вилль	велль	велль
Сестра	объ, обошъ	ватъ; въ Кильдин. пог. уэрпель	ватъ
Двоюродный братъ	—	виллбель	виллбель
Двоюродная сестра	—	урбелъ	уэрбелъ
Дядя со стороны отца { старше отца	чецъ	іэкъ	чіечъ
Дядя со стороны отца { моложе отца	чецъ	чіечъ	чіечъ
Дядя со стороны матери	чецъ	эанъ	—

[1]) А. Ефименко. „Юридич. Обыч. Лопарей", въ З. И. Р. Г. О., т. VIII, стр. 19.

Тетка со стороны отца: старше матери моложе матери	—	куаски муэдъ	сіесь
Тетка со стороны матери	—	муэдъ	мюіэдъ
Племянникъ	русское названіе	племнэкъ	—
Племянница	русское	названіе	—
Тесть или свекоръ	вупъ, калласъ(старикъ)	вупъ	вупъ
Теща или свекровь	вуй-енне, агка(старуха)	вуэнъ	вуэнъ
Зять	секъ-пеля	выбъ	выбъ
Невѣстка	вуне-пеле	майна или эскъ	майна, ямъ
Золовка: старше мужа моложе мужа	вуне-пеле	уйнепель, зовутъ просто по имени	уйпелъ
Деверь: старше мужа моложе мужа	вупъ-пеле	уйнепель,	
Шуринъ		зовутъ про	сто по имени
Отчимъ	эсчимъ-пеле	вунпелъ	уэпелъ
Мачиха	янна-пеле		
Пасынокъ	альги-пеле		
Падчерица	нійдъ-пеле (т. е. „половинный", отецъ, мать, сынъ, дочь.)		

Въ числѣ другихъ источниковъ, вызывающихъ къ жизни родственныя узы, слѣдуетъ отнести крещеніе младенца. Этимъ актомъ завязываются родственныя узы, какъ между самими воспріемниками и родителями младенца, такъ, наконецъ, и между воспріемниками и самимъ младенцемъ. Тѣ и другіе считаются по отношенію другъ къ другу очень близкими родственниками и эти виды родства соблюдаются очень строго среди лопарей.

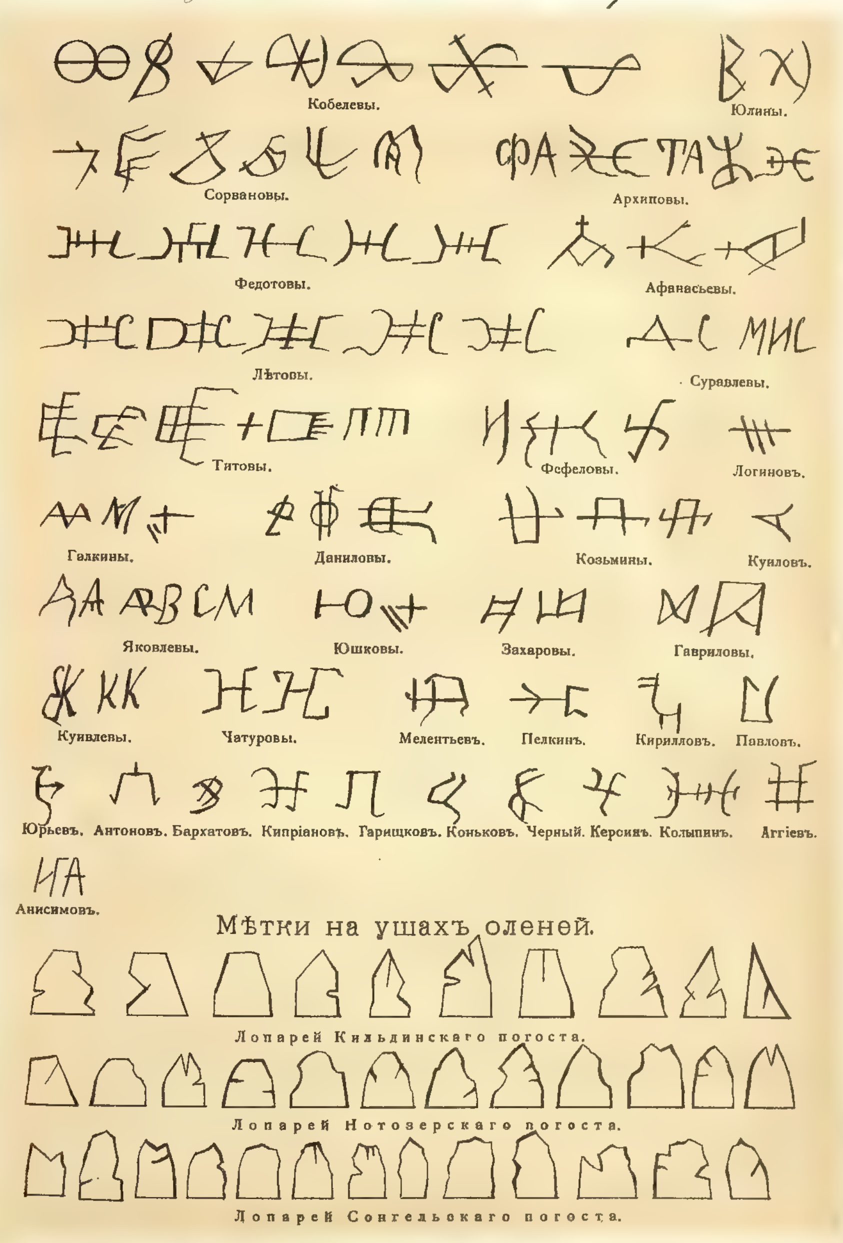
Оба воспріемника считаются родственниками, кумами; воспріемникъ по отношенію къ воспріемницѣ называется куимъ, воспріемница по отношенію къ воспріемнику — кумежъ. Не только воспріемники будутъ родственниками другъ другу, но также жена воспріемника считается родственницей, какъ воспріемницѣ, такъ и мужу ея, и наоборотъ: мужъ воспріемницы считается родственникомъ какъ воспріемнику, такъ и его женѣ. Это родство не ограничивается лишь мужемъ воспріемницы и женой воспріемника; оно переходитъ и на ихъ дѣтей, по отношенію другъ къ другу, и, наоборотъ; если воспріемниками были дочь изъ одной семьи и сынъ изъ другой, то родство устанавливается и между родителями воспріемниковъ.

Кумовьями считаются и родители младенца по отношенію къ воспріемникамъ, и наоборотъ. Здѣсь также всѣ близкіе родственники родителей младенца съ одной стороны и воспріемниковъ съ другой считаются родственниками, такъ братья воспріемника съ братьями отца, матери младенца и т. п.

Родство заключается и между двумя дѣтьми, имѣвшихъ одного воспріемника и бракъ при этомъ родствѣ немыслимъ.

Больше всего, конечно, чтутся воспріемники ихъ крестниками и крестницами. Это родство считается очень большимъ. Крестникъ называетъ воспріемника *Ристъ-есчимъ*,

Родовыя клейма лопарей.



Лит. Т-ва А. Левенсонъ и К°. Москва.

Ристъ-ейчъ—крестнымъ отцомъ; воспріемницу—*Ристъ-янна*, *Ристъ-іенъ*, крестной матерью. Если у крестныхъ отца и матери есть родители, то ихъ крестникъ называетъ *Ристъ-ай*—крестный дѣдъ; жену его—*Ристъ-агка*—крестная бабка; жену воспріемника крестникъ называетъ Ристъ-агка; а мужа воспріемницы-Ристъ-ай. Крестные отецъ и мать зовутъ крестника—*Ристъ-альги*, Ристъ-айлегъ, крестный сынъ; крестницу—*Ристъ-нійдъ*, Ристъ-нейдъ крестная дѣвка (дочь). Родители воспріемниковъ называютъ крестниковъ своихъ дѣтей,—крестный внукъ, крестная внучка. Наконецъ лица, имѣющія одного крестнаго отца или одну крестную мать, даютъ другъ другу названія *Ристъ-виллъ*, *Ристъ-веллъ*, крестные братья, *Ристъ-оббашъ*, *Ристъ-оббъ*, *Ристъ-уабъ*, крестныя сестры. Крестный отецъ при крестинахъ платитъ за свѣчи и за самое совершеніе крещенія; онъ-же долженъ подарить своему крестнику крестъ, привѣшенный обыкновенно къ шерстяной ниткѣ. Это объясняется, впрочемъ, тѣмъ, что снурки, ленточки очень рѣдки среди лопарей.

Поэтому если крестный отецъ богатъ, то онъ даритъ крестъ не только на лентѣ или снуркѣ, но даже иногда на мѣдной или серебряной цѣпочкѣ (Пазрѣка). Онъ-же даритъ крестнику и поясокъ, также—либо изъ шерстинки, либо покупной. На Нотозерѣ, въ Сонгелахъ, Массельгскомъ и Ловозерскомъ погостахъ крестные родители дарятъ крестнику важенку, которая и поступаетъ вмѣстѣ съ имѣющимъ быть отъ нея приплодомъ въ полную собственность крестника.

Пока крестникъ растетъ, всѣ обязанности его по отношенію къ крестнымъ родителямъ сводятся лишь къ выраженію имъ уваженія; въ дѣло воспитанія крестника воспріемники не вмѣшиваются, хотя и считаются послѣ родныхъ отца и матери наиболѣе близкими родственниками. Въ своей роли вторыхъ родителей они выступаютъ, главнымъ образомъ, во время женитьбы крестника или выхода замужъ крестницы. Никогда лопарь не рѣшится женить своего сына или выдать замужъ свою дочь, не посовѣтовавшись сначала съ ихъ крестными родителями; въ случаѣ несогласія послѣднихъ бракъ разстраивается. За свадебнымъ столомъ они сидятъ рядомъ съ родителями брачущихся; послѣ родителей крестный отецъ и мать благословляютъ новобрачныхъ хлѣбомъ.

Всѣ родственныя отношенія, имѣющія своимъ источникомъ воспріятіе отъ купели, чтутся лопарями, и факты сожительства кума съ кумой неизвѣстны, такъ какъ это считается лопарями за непростительный грѣхъ; браки между лицами, состоящими въ этомъ родствѣ, также не встрѣчаются почти вовсе и считаются несчастными.

Такъ какъ воспріятіе отъ купели ведетъ за собой цѣлую массу родственныхъ связей, то лопари избѣгаютъ заключать это родство съ лицами посторонними. Обыкновенно просятъ близкихъ родственниковъ быть воспріемниками, чтобы не увеличивать количества родни, препятствующей браку. Этимъ же соображеніемъ объясняется и то, что иногда въ воспріемники приглашаются проѣзжіе русскіе, съ которыми лопари другихъ родственныхъ связей обыкновенно не имѣютъ.

Встать въ отношенія крестника, крестницы къ крестному отцу, матери можно еще слѣдующимъ образомъ. 6-го января, при освященіи воды, существуетъ обычай купаться: причемъ купаются и мужчины, и женщины; это дѣлается въ случаѣ бывшей болѣзни, по обѣту. Желающій купаться приглашаетъ родственника или знакомаго словами: „идешь-ли ты сегодня на Іордань быть мнѣ крестнымъ?“ Отказовъ на такое приглашеніе

почти никогда не бываетъ: приглашенный идетъ къ мѣсту освященія воды, привязываетъ на веревку желающаго купаться и на ней погружаетъ его въ воду, до трехъ разъ. Послѣ этого погружавшій считается крестнымъ отцомъ, а погружаемый крестникомъ. (Пазрѣка, Сонгелы, Массельга).

Лопари считаются иногда свояками и сватами Свояками считаются два лопаря, женившіеся на двухъ родныхъ сестрахъ; по-лопарски своякъ выговаривается—*сваякъ*.

Сватами—по-лапарски лай, (сватья-лайагки) считаютъ родные новобрачнаго всю родню молодой, и, наоборотъ, родня молодой считаетъ сватами всѣхъ родственниковъ со стороны новобрачнаго.

Чрезвычайно распространенъ среди лопарей обычай крестованья; два лопаря часто обмѣниваются крестами, послѣ чего считаются братьями; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этотъ обычай сопровождается еще обмѣномъ подарковъ (Ловозеро, Нотозеро), въ нѣкоторыхъ подарковъ не дѣлаютъ другъ другу (Пазрѣка), кромѣ взаимнаго угощенія виномъ. Лопари заключаютъ побратимство не только между собой, но иногда и съ русскими; побратимство, распространенное среди лопарей, породило цѣлый рядъ разсказовъ, какъ нѣкоторые промышленники, подпаивали лопарей, чтобы заставить ихъ предложить побратимство, и затѣмъ, давши ему какой-нибудь ничтожный подарокъ, получить взамѣнъ отъ лопаря либо дорогой мѣхъ, либо оленя. Насколько эти разсказы соотвѣтствовали дѣйствительности въ прежнее время, сказать довольно трудно; въ настоящее время лопари болѣе осторожны и, если и заключаютъ побратимство съ русскимъ рыбопромышленникомъ, то едва ли съ большой выгодой для послѣдняго.

Подтвержденія же этимъ разсказамъ, въ бытность мою въ Лапландіи, я не встрѣтилъ: повидимому, эти разсказы, какъ и многое другое, приписываемое современнымъ русскимъ лопарямъ, слѣдуетъ отнести къ области прошлаго.

Между лопарками обычая мѣняться крестами, а также заключать посестримство какимъ-либо другимъ способомъ не встрѣчается. Побратимство не служитъ среди лопарей препятствіемъ къ браку; одинъ крестовый братъ можетъ жениться на сестрѣ, дочери другаго.

Хотя и рѣдко, но встрѣчаются у лопарей и молочные братья, и сестры. Рѣдкость, даже исключительность, этого явленія объясняется тѣмъ, что лопарки обыкновенно сами кормятъ грудью своихъ дѣтей, и лишь какъ на исключеніе можно указать на случаи, когда ребенокъ не вскормленъ грудью родной матери. Разъ это, однако, случается, появляются и родственныя отношенія между молочной матерью и молочнымъ сыномъ съ одной стороны, и молочными братьями, и сестрами съ другой. Къ молочной матери молочный сынъ долженъ относиться съ уваженіемъ, какъ къ родной матери. Бракъ между молочнымъ братомъ и молочной сестрой воспрещается. Лопарскія названія для молочнаго брата—неджь-вилль, для молочной сестры—неджь-вообь. (Пазрѣка, Сонгелы).

Къ числу родственниковъ слѣдуетъ отнести и нѣкоторыхъ лицъ, принимающихъ участіе въ свадебномъ ритуалѣ. Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить посажённаго отца и посажённую мать; если у жениха или невѣсты нѣтъ родителей въ живыхъ, они обращаются обыкновенно къ родственникамъ своимъ, быть посажёнными родителями, если родственникамъ почему-нибудь неудобно согласиться на эту просьбу, то

обращаются къ чужимъ, хотя послѣднее случается довольно рѣдко. Лопарь посажённаго отца называетъ обыкновенно положеннымъ отцомъ—*Пейимъ-есчъ*; положенную мать—*Пейимъ-янна;* иногда также *Есчимъ-сай* т. е., вмѣсто отца. Если положенный отецъ и мать не являются родственниками уже сами по себѣ, то они, взявши на себя эту обязанность, начинаютъ считаться таковыми. Отъ положенныхъ родителей слѣдуетъ отличать, такъ называемыхъ, вѣнчальныхъ родителей; вѣнчальный отецъ стоитъ въ церкви по правую руку отъ жениха около невѣсты, по лѣвую сторону отъ нея становится вѣнчальная мать; эти лица считаются обыкновенно также родственниками и названія отца и матери придается имъ и впослѣдствіи брачующимися сторонами. Вѣнчальный отецъ называется Вѣнцы-есчъ (ейчъ); вѣнчальная мать—Вѣнцы-янна. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ мѣсто вѣнчальнаго отца замѣняетъ тысяцкій—онъ считается родственникомъ. Что касается сватовъ и дружекъ, то въ иныхъ мѣстностяхъ Лапландіи они совмѣщаются въ одномъ лицѣ, въ другихъ—нѣтъ. Обыкновенно они бываютъ изъ числа близкихъ родственниковъ, но иногда они выбираются и изъ лицъ посторонних, сверстниковъ, пріятелей и т. д., лопарское названіе ихъ *сунъ-ныней* ниточная прядея; лопари иногда называютъ ихъ также кучеромъ. Первое названіе происходитъ, по словамъ о К. Щеколдина оттого, что онъ у невѣсты „все расхваливаетъ, все распрашиваетъ, все налаживаетъ;“ кучеромъ его называютъ оттого, что онъ ходитъ созывать родственниковъ на свадьбу, подноситъ имъ вино и т. п. Присутствіе ихъ въ церкви не является необходимымъ, такъ какъ въ церкви у нихъ нѣтъ никакихъ обязанностей. (Пазрѣка). Сваху также называютъ *суны-нынеи*, такъ какъ она „у невѣсты все восхваляетъ и невѣсту приготовляетъ послѣ еще къ вѣнцу“. (Пазрѣка). Вѣроятнѣе однако что названіе свахи и дружекъ и прядеями происходитъ оттого, что при сватовствѣ они начинаютъ прясть нитки, прежде чѣмъ приступить къ сватанью. Что касается сватовъ, дружекъ и свахъ, то въ тѣхъ случаяхъ, когда они избираются изъ лицъ постороннихъ,—они въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ считаются родственниками, въ иныхъ—нѣтъ. Въ этомъ отношеніи нельзя ничего подмѣтить опредѣленнаго и, повидимому, параллельно существуютъ два равносильныхъ мнѣнія. Изъ всѣхъ родственныхъ узъ, связующихъ лопарей другъ съ другомъ, это послѣднее является наиболѣе слабымъ, и наименѣе почитаемыми родственниками являются, именно, тѣ, родство съ которыми возникло лишь благодаря ихъ участію въ свадебномъ ритуалѣ. Родственныя узы не простираются въ данномъ случаѣ дальше лицъ, заключившихъ это родство и на дѣтей не переходятъ ни въ какомъ случаѣ. Подробнѣе скажу объ этихъ родственникахъ, когда коснусь свадебнаго ритуала.

Изъ приведеннаго перечня видовъ родства среди современныхъ русскихъ лопарей ясно, многіе изъ нихъ либо возникли, либо развились подъ вліяніемъ христіанства, либо сосѣдей русскихъ. Пожалуй, что исключительно туземными видами родства, въ которыхъ нѣтъ вовсе или, по крайней мѣрѣ, очень незначительно постороннее вліяніе, слѣдуетъ считать родственныя связи, основанныя на происхожденіи отъ одного родоначальника, свойство и родство молочное. Что же касается до кумовства, то соблюденіе его среди лопарей сводится почти исключительно къ исполненію каноническихъ правилъ; крестованье, либо возникло подъ вліяніемъ сосѣдей русскихъ, либо въ томъ видѣ, въ какомъ мы его застаемъ теперь среди русскихъ лопарей, претерпѣло на себѣ сильное вліяніе русскихъ. Тоже

самое слѣдуетъ сказать о происхожденіи родственныхъ узъ отъ участія того или иного лица въ свадебномъ ритуалѣ.

Но каково бы ни было происхожденіе того или иного вида родства у лопарей, какъ-бы сильно не сказывалось на томъ или иномъ видѣ русское вліяніе—родственныя связи всѣ, за исключеніемъ развѣ послѣдняго вида, чтутся лопарями и свято ими блюдутся. Родственники кровные-ли, духовные-ли, близки лопарю: онъ считаетъ долгомъ помочь имъ въ нуждѣ, оказать имъ услугу, и, въ свою очередь, считаетъ себя вправѣ ожидать того-же отъ своихъ родственниковъ. Если лопарь гостепріименъ вообще, если онъ любитъ видѣть у себя гостей, то всегда наиболѣе желанными гостями являются для него члены его обширной родни. Онъ не жалѣетъ для нихъ ничего: сваритъ и мяса, и хорошую рыбу; поставитъ на столъ и пойду (верхнее оленье сало), или кости отъ ногъ оленя съ мозгами; не пожалѣетъ онъ для нихъ поставить на столъ и самое лакомое для него блюдо—оленьи языки и, если есть у него въ тупѣ водка, угоститъ и ею пріѣзжаго родственника. Посадитъ онъ его на почетное мѣсто, около середины стола, придвинетъ кару, кладетъ ему кусокъ за кускомъ, убѣждая его ѣсть больше: „пуръ, пуръ,“—ѣшь, ѣшь. Ночью онъ уступитъ ему свое мѣсто для ночлега, на широкой скамьѣ, дальше отъ дверей, около передней стѣны, а самъ съ женой ложится на полъ, если другія лавки не свободны. Такъ старается показать лопарь свою радость заѣзжему родственнику, дѣлаетъ все, что можетъ быть пріятнымъ послѣднему.

Конечно, лопарь чтитъ такъ не всѣхъ своихъ родственниковъ: лишь близкія ему по родству лица пользуются этимъ почетомъ. Чѣмъ ближе родня, тѣмъ больше ей почетъ. Въ особенности различіе въ степени оказываемаго родственникамъ уваженія выражается при свадебныхъ пирахъ, когда собирается вся родня лопаря; разсаживаютъ родственниковъ по близости родства. За столомъ, на самомъ почетномъ мѣстѣ, сидятъ отцы новобрачныхъ, по ихъ сторонамъ матери молодыхъ; далѣе въ такомъ-же порядкѣ садятся крестные отцы и матери, еще далѣе братья и сестры и т. д. За этимъ рядомъ ближайшихъ родственниковъ слѣдуетъ второй рядъ, располагающійся за первымъ; наконецъ, иногда, если родство у лопаря обширное, слѣдуетъ и третій рядъ; въ этихъ двухъ рядахъ располагаются менѣе близкіе родственники: какъ-то кровные въ далекихъ колѣнахъ, далекіе свойственники, крестовые братья и т. д. Много, впрочемъ, значитъ для лопаря и то, богатъ или бѣденъ его родственникъ: больше уваженія оказываютъ, конечно, богатымъ родственникамъ и можетъ случиться, что близкій родственникъ, если онъ бѣденъ, будетъ посаженъ въ третій рядъ, а болѣе дальній, но богатый, сядетъ въ первомъ ряду, на одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ. Случается и такъ, что близкій богатый родственникъ сидитъ на свадьбѣ старшаго сына на почетныхъ мѣстахъ, а если онъ черезъ нѣсколько времени обѣднѣетъ, то на свадьбѣ втораго сына въ томъ-же семействѣ ему укажутъ не почетное мѣсто, а въ третьемъ ряду. Лишь для родителей новобрачныхъ и для крестныхъ отцовъ и матерей мѣста опредѣлены, безъ различія богаты они или совершенно бѣдны.

Почитая своихъ родственниковъ и строго считая степени близости и дальности родства, лопарь, главнымъ образомъ, опасается вступать въ бракъ въ близкихъ степеняхъ родства: но это опасеніе имѣетъ мѣсто лишь по отношенію къ родству кровному и къ

кумовству. Въ бракъ не вступаютъ до 4-го колѣна съ кровными родственниками: это ихъ собственное убѣжденіе, такъ уговариваютъ ихъ и старики; браки въ третьемъ колѣнѣ и ближе считаются несчастными: или одинъ изъ брачущихся долженъ скоро умереть, или случится вообще какое-нибудь несчастіе съ ними. Существуютъ и разсказы, которыми лопари подтверждаютъ свой взглядъ по этому вопросу. Такъ передаютъ, напримѣръ, что былъ одинъ лопарь, женился въ третьемъ колѣнѣ, но вскорѣ послѣ этого онъ утонулъ (Пазрѣка); въ этомъ видятъ лопари кару Божію. Этотъ взглядъ нельзя считать наноснымъ, заимствованнымъ лопарями отъ русскихъ, или развившимся подъ вліяніемъ христіанства; скорѣе можно думать, что въ настоящее время правила на счетъ вступленія въ бракъ родственниковъ менѣе строги, чѣмъ они были въ болѣе отдаленную эпоху, когда признаки родоваго устройства были болѣе живы въ памяти лопарей: выше мы приводили свѣдѣніе о бывшемъ нѣкогда запрещеніи членамъ рода вступать въ бракъ, безъ различія близости родства. Взглядъ о невозможности членамъ рода вступать въ бракъ до 4-го колѣна настолько укоренился среди лопарей, что они никогда даже не безпокоятъ священниковъ вопросами по этому поводу и тѣмъ менѣе обращаются къ нимъ съ просьбой о разрѣшеніи такого брака. Строгія правила для членовъ одного рода смягчаются однако, для родственниковъ по женской линіи; въ этомъ отношеніи существуетъ правило о возможности вступленія въ бракъ въ 3-мъ колѣнѣ.

Такъ какъ лопарскіе рода вообще малочисленны, что объясняется небольшимъ приростомъ населенія, то естественно браки между однородцами случаются сравнительно рѣдко. А такъ какъ и сами погосты невелики, то для молодаго лопаря выборъ невѣсты въ своемъ погостѣ очень ограниченъ. Это обстоятельство повело къ тому, что невѣстъ себѣ берутъ обыкновенно изъ другаго погоста, подчасъ даже отдаленнаго отъ мѣста жительства жениха.

Слѣдуетъ замѣтить, что лопари берутъ себѣ въ жены обыкновенно лишь лопарокъ, что объясняется, конечно, тѣмъ, что представительницы другихъ, сосѣднихъ съ лопарями народностей, считая свой бытъ съ полнымъ основаніемъ, да и самихъ себя, пожалуй, въ культурномъ отношеніи выше лопаря, не согласятся никогда перемѣнить удобство своей осѣдлой жизни на полную лишеній и бѣдствій жизнь полукочевника-лопаря. Съ другой стороны и самому лопарю необходима жена, которая могла-бы помогать ему въ его трудовой жизни, а такихъ среди представительницъ сосѣднихъ народностей онъ, конечно, не найдетъ: лишь лопарка, возросшая среди вѣжъ, среди оленьихъ стадъ, на кегорахъ и тоняхъ, можетъ оказаться хорошей ему сподручницей. Лопарки также выходятъ замужъ лишь за лопарей и только, какъ исключеніе, встрѣчаются случаи выхода замужъ лопарки за представителя одной изъ сосѣднихъ съ ними народностей. Въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ также и то отвращеніе, которое питаютъ сосѣднія народности къ лопарямъ. Считая себя выше лопарей, норвежцы еле пускаютъ къ себѣ въ домъ лопаря, называютъ ихъ по свидѣтельству Буха, и собаками, и пѣной рода человѣческаго. Русскіе, дѣйствительно, иначе относятся къ лопарямъ: они нисколько не брезгуютъ лопаремъ, вмѣстѣ съ нимъ ѣдятъ и пьютъ, дружатся съ нимъ, даже заключаютъ съ лопаремъ побратимство, крестятъ у него дѣтей—но это нисколько не доказываетъ, чтобы русскіе, относились къ лопарямъ лучше, чѣмъ шведы и норвежцы. Всѣ три народности смотрятъ

на лопаря лишь съ точки зрѣнія своихъ торговыхъ интересовъ и одинаково эксплоатируютъ его; но въ то время, какъ скандинавскіе сосѣди лопарей дѣлаютъ это, выказывая лопарю полное пренебреженіе, русскіе промышленники стараются это дѣлать подъ прикрытіемъ добродушія и веселости. Но никогда русскій не возьметъ себѣ въ жены лопарку, да, какъ хозяйка, она была бы совершенно неподходящей для русскаго промышленника. Рѣдко женятся лопари на корелкахъ, опять по тѣмъ же причинамъ, и если существуетъ примѣсь посторонней крови въ лопаряхъ, замѣчаемая въ особенности среди русскихъ лопарей, именно, крови русской и корельской, то это объясняется исключительно незаконной связью представителей этихъ народностей въ Лапландіи съ лопарками, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ погостовъ.

Выбирая себѣ невѣсту, русскій лопарь никогда не остановитъ своего выбора на лопаркѣ скандинавской, если даже она живетъ вблизи отъ русскихъ лопарей. Такъ около Пазрѣцкаго погоста кочуютъ и фильманы, и за рубежемъ идутъ снова лопарскія селенія. Естественно, что тутъ соображеній, подобно вышеуказаннымъ, быть уже не можетъ, такъ какъ образъ жизни обѣихъ группъ лопарей въ общихъ чертахъ довольно схожъ: но тутъ дѣйствуетъ болѣе сильное побужденіе, удерживающее русскихъ лопарей отъ брака съ лопарками, подданными Швеціи или Норвегіи—это религіозная рознь. Уже выше я передавалъ слова А. И. Кельсіева, что лопарь, побывавшій у своего скандинавскаго собрата, спѣшитъ исповѣдываться священнику въ этомъ тяжкомъ грѣхѣ; кромѣ того, по словамъ о. Константина Щеколдина, русскіе лопари считаютъ за тяжкій грѣхъ ѣсть изъ одной чашки съ лютераниномъ; всѣхъ, принадлежащихъ къ лютеранскому вѣроисповѣдыванію, въ томъ числѣ и своихъ соплеменниковъ, они клеймятъ названіемъ татарина; въ этомъ послѣднемъ, да и, вообще, во всемъ отношеніи къ лютеранамъ нельзя не видѣть вліянія русскихъ, и лопарь, плохо понимающій свою новую вѣру, мало имѣющій понятія о православной церкви, лишь формально принадлежащій къ ней—усвоилъ себѣ, однако, въ столь сильной степени религіозную нетерпимость.

Въ виду всего этого лопарю, естественно, можно выбрать себѣ въ жены лишь русскую-же лопарку а русской-лопаркѣ является возможность выдти за-мужъ лишь за русскаго лопаря. Эта исключительность, повидимому, даже болѣе сильно сказывается среди русскихъ лопарей, чѣмъ среди скандинавскихъ, гдѣ не смотря на все пренебреженіе, которое выказываютъ шведы и норвежцы къ лопарямъ, на все отвращеніе къ нимъ, которое они отъ лопарей вовсе не стараются скрыть, браки между представителями двухъ народностей гораздо чаще, чѣмъ браки съ лопарками русскихъ, которые такъ добродушно относятся къ лопарю, которые такъ радушно его принимаютъ.

Такъ въ 1865 году лицъ, происходящихъ отъ браковъ норвежцовъ съ одной стороны и фѵнляндками и лопарками съ другой, считалось 2,961 чел. [1]). Тогда какъ въ теченіе послѣднихъ 20 лѣтъ въ Печенгѣ лишь одна лопарка-вдова вышла замужъ за кореляка-колониста, за русскаго-же не было и примѣра выхода замужъ лопарки, по крайней мѣрѣ, за послѣднее время.

---

[1]) O. J. Broch. Le Royaume de Norvège p. 21.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію свадебнаго ритуала у современныхъ русскихъ лопарей, считаю нелишнимъ остановиться на свадебномъ ритуалѣ древнихъ скандинавскихъ лопарей: это съ одной стороны броситъ лишній лучъ свѣта на бытъ древнихъ лопарей; съ другой стороны, сравнивъ ритуалы древнихъ и современныхъ лопарей, мы увидимъ, сколько въ современномъ свадебномъ ритуалѣ сохранилось чертъ древняго и съ большей легкостью можемъ усмотрѣть посторонніе элементы, вкравшіеся въ ритуалъ лопарей русскихъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что у древнихъ писателей, почти что у каждаго, оставившаго намъ болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія о современныхъ ему лопаряхъ, мы встрѣчаемъ и описаніе свадебнаго ритуала: слѣдовательно, для XVII, XVIII и начала XIX вѣковъ мы имѣемъ свѣдѣнія для различныхъ мѣстностей Лапландіи. Вотъ почему ритуалы эти сильно отличаются другъ отъ друга въ частностяхъ: кромѣ вліянія времени должна была вліять и мѣстность, въ которой ритуалъ былъ записанъ. Излагая поэтому лишь болѣе подробно дошедшіе до насъ ритуалы, буду всякій разъ указывать на существующія въ нихъ различія.

Начнемъ съ описанія самаго древняго изъ извѣстныхъ намъ свадебныхъ ритуаловъ—ритуала XVII вѣка, сообщаемаго намъ Шефферомъ [1]); онъ же и самый подробный изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ ритуаловъ древнихъ лопарей. Свадьба состояла изъ слѣдующихъ трехъ элементовъ: сватовства, заключенія брака и церковнаго вѣнчанія.

Когда лопарь выбралъ дѣвушку, которую онъ хотѣлъ взять себѣ въ жены, онъ отправлялся къ родителямъ этой дѣвушки съ своимъ опекуномъ, или отцомъ и сватомъ а также съ другими лицами, которыя должны были вести сватовство; онъ бралъ съ собой и извѣстное количество водки. сватъ и остальныя лица входятъ безпрепятственно въ жилище будущаго тестя. Отецъ жениха стоитъ въ дверяхъ, держа въ рукахъ водку, предлагаетъ хозяевамъ и всѣмъ остальнымъ выпить. Самъ женихъ не имѣетъ права входить въ домъ. Если бы онъ вошелъ въ домъ, не будучи приглашеннымъ, онъ совершилъ бы большое невѣжество, считался бы человѣкомъ безстыднымъ и проигралъ бы свое дѣло. Послѣ того, какъ гости и хозяева подкрѣпятъ себя водкой, сватъ приступаетъ къ изложенію своего порученія и открываетъ ему желаніе жениха и проситъ отца дѣвушки согласиться отдать ее въ замужество. Чтобы имѣть больше успѣха, онъ называетъ отца невѣсты всевозможными почетными именами, становится на колѣни и т. п. Если отецъ невѣсты даетъ свое согласіе на бракъ—вводятъ жениха и начинаютъ пить водку. Водка, которую приноситъ съ собой женихъ, носитъ названіе *туриствіинъ*, т. е., вино благополучнаго пріѣзда, либо *соубвіинъ*, т. е., вино жениховъ. Женихъ не имѣетъ права ранѣе вступить въ разговоръ съ невѣстой, чѣмъ добившись отъ нихъ разрѣшенія. Обыкновенно невѣста сама уходитъ дальше отъ вѣжи, чтобы ее не могли увидать, ни женихъ ни его спутники. Если сама невѣста, либо другая женщина добилась отъ родителей, или близкихъ позволенія говорятъ съ нимъ тогда онъ выходитъ изъ вѣжи къ своимъ санямъ и изъ нихъ вынимаетъ шерстяныя тряпки, которыми обыкновенно они украшаютъ себя во время празднествъ, либо въ важныхъ дѣ-

---

[1]) Schefferus. Lapponia, pp. 279—293.

лахъ; вынимаетъ онъ изъ саней и все, что ему можетъ быть полезнымъ для его дѣла.

При первой встрѣчи жениха и невѣсты, они цѣлуются, причемъ стараются поцѣловаться такъ, „чтобы не только губы сдавливались губами, но и носъ съ носомъ". Послѣ привѣтствія онъ предлагаетъ дѣвушкѣ подарки, состоящіе изъ любимыхъ лопарями кушаній, какъ-то: оленьи языки, мясо бобра и т. п. Въ скоромъ времени онъ тихонько вызываетъ дѣвушку за вѣжу и спрашиваетъ ее, согласна-ли она выйдти за него замужъ, и если да, то женихъ начинаетъ просить ее, чтобы она позволила ему ночевать около нея въ вѣжѣ. Если она позволитъ это, то вопросъ о бракѣ считается уже рѣшеннымъ, и женихъ дѣлаетъ своей невѣстѣ новые подарки; если она не соглашается, то онъ продолжаетъ ей дарить подарки, лишь бы она согласилась и добивается обыкновенно своего; отказъ производится тѣмъ, что невѣста не принимаетъ подарковъ и бросаетъ ихъ обратно жениху. Но, если вопросъ о бракѣ считается уже рѣшеннымъ, благодаря согласію невѣсты, и нарушить его почти не является возможнымъ, то все-таки полнаго согласія родители на бракъ могутъ и не дать, и свадьба отсрочивается иногда на долгое время, иногда на два и на три года.

Это можетъ объясняться различными соображеніями, но, главнымъ образомъ, необходимостью для обѣихъ сторонъ приготовить подарки. Этихъ подарковъ было очень много: подчасъ обычай требовалъ даже дорогихъ подарковъ, а лопарю, и въ XVII в. богатствомъ неотличавшемуся, нелегко было приготовить ихъ.

На приготовленіе этихъ подарковъ требуется не мало времени, а безъ нихъ женихъ не могъ взять данную дѣвушку себѣ въ супруги. Эти подарки имѣли значеніе выкупа за невѣсту, были, такъ сказать, платой за нея, поэтому и количество ихъ и стоимость варіировались всякій разъ, и зависѣли какъ отъ состоятельности жениха, такъ и оттого, во сколько цѣнили родители свою дочь, руководствуясь при опредѣленіи ея стоимости какъ ея красотою, такъ и богатствомъ, такъ, наконецъ, и тѣмъ, насколько она была для нихъ необходимымъ членомъ семьи, помощницей и работницей и т. п.

Въ срокъ, истекающій между сватовствомъ и свадьбой, женихъ имѣлъ право посѣщать свою невѣсту, привозилъ ей подарки и во время пути отъ своего мѣста жительства къ мѣсту жительства своей невѣсты, такъ и при свиданіи, пѣлъ пѣсни, въ которыхъ излагалъ свои чувства къ ней. Шефферъ, со словъ лопаря, Олафа Матвѣя, сообщаетъ намъ два образца подобныхъ пѣсенъ, въ латинскомъ переводѣ. Такъ какъ онѣ крайнѣ характерны для влюбленнаго лопаря съ одной стороны, а съ другой представляютъ рѣдкіе образцы лопарской лирики, то привожу ихъ здѣсь же. Въ первой пѣсни лопарь обращается къ своему оленю съ просьбой, поскорѣй совершить путь къ жилищу невѣсты; вотъ она:

„Кульназацъ, небольшой мой олень, намъ нужно спѣшить и скоро совершить нашъ путь; мѣста широки, и пѣсенъ у меня хватаетъ. Мнѣ пріятно ты, болото Кайге, тебѣ, болото Кайльва, я говорю прощай. Много волненій испытываетъ моя душа, когда проѣзжаю я черезъ болото Кайге. Олень мой, будемъ быстры и легки, такъ мы скорѣе со-

вершимъ работу и пріѣдемъ туда, куда хотимъ, гдѣ я увижу гуляющей мою подругу. Кульназацъ, олень мой, взгляни впередъ и посмотри, не увидишь-ли ее моющуюся".

Такова одна пѣснь влюбленнаго лопаря; вотъ образецъ другой, болѣе богатой пѣсни: „Солнце, разлей поярче свѣтъ на болото Орра; если бы я, поднявшись на высочайшія вершины сосенъ, зналъ, что увижу оттуда болото Орра, я бы влѣзъ, чтобы посмотрѣть, среди какихъ цвѣтовъ находится моя подруга; я-бы срѣзалъ всѣ ростки только что народившіеся, я бы срѣзалъ всѣ вѣтви, эти зеленыя вѣтви. Я послѣдовалъ-бы за бѣгомъ облаковъ, которыя направляются къ болоту Орра; если-бъ я могъ полетѣть къ тебѣ на крыльяхъ, на крыльяхъ вороны. Но у меня нѣтъ крыльевъ (alae querquedulae) и ногъ, гусиныхъ ногъ, плоскихъ и хорошихъ, которыя могли бы меня донести къ тебѣ. Ты довольно долго ждала, въ твои лучшіе дни, развеселыми твоими глазами, дорогимъ твоимъ сердцемъ. Если ты захотѣла бы убѣжать далеко, я-бы быстро послѣдовалъ за тобой. Что можетъ быть сильнѣе, что крѣпче скрученыхъ (оленьихъ) жилъ, желѣзныхъ цѣпей, которыя связываютъ крѣпко? Такъ любовь совращаетъ нашу голову, измѣняетъ наши помыслы и чувства. Воля отроковъ—воля вѣтра; размышленія юношей—долгія размышленія. Еслибъ я ихъ всѣхъ слушалъ, я-бы отклонился отъ жизни. Одно рѣшеніе я приму; съ нимъ, знаю, я найду болѣе правильную жизнь".

Если-бы Шефферъ, передавая эти пѣсни, не указывалъ даже на личность лопаря, сообщившаго ихъ, и если бы онъ не былъ писателемъ, крайне критически относившимся не только къ чужимъ, но и своимъ свѣдѣніямъ, трудно было-бы повѣрить въ возможность существованія такихъ образцовъ лирической поэзіи среди лопарей, тѣмъ болѣе трудно, что лирики у современныхъ русскихъ лопарей почти нѣтъ вовсе: господствуетъ поэзія эпическая, простая, незамысловатая, безъ богатыхъ сравненій, безъ поэтическихъ оборотовъ, и современный русскій лопарь рѣдко поетъ своей возлюбленной пѣсенъ, гдѣ онъ высказываетъ свои чувства къ ней; если же онъ по дорогѣ къ ней и затянетъ пѣснь—это будетъ пѣснь хотя и лирическая, безъискусственно передающая факты. О пѣснѣ мнѣ придется сказать подробнѣе ниже, поэтому возвращаюсь теперь снова къ положенію жениха въ срокъ между сватовствомъ и бракомъ и къ его посѣщеніямъ своей невѣсты.

Пріѣзжая къ невѣстѣ, онъ привозитъ съ собой всякій разъ и водки, также и табаку, слѣдовательно, предметы наиболѣе дорогіе для лопаря. Если въ этотъ срокъ родители почему нибудь откажутъ жениху, то посредствомъ суда женихъ или его родители имѣютъ право отъ родителей невѣсты требовать возмѣщенія сдѣланныхъ ими расходовъ, изъ которыхъ, однако, исключается вино, выпитое при сватовствѣ — пуриствіинъ. Обыкновенно, впрочемъ, родители не отказывали жениху послѣ заключенія сватовства и лишь отсрочивали назначеніе дня для свадьбы на годъ и больше. По прошествіи срока родители назначали день свадьбы. Наканунѣ дня свадьбы, въ вѣжу родителей невѣсты сходились родственники какъ жениха, такъ и невѣсты и женихъ всѣмъ дѣлалъ подарки, согласно заключенному раньше условію.

По свидѣтельству Самуила Реена, подарки, которые былъ долженъ сдѣлать женихъ, были слѣдующіе: отцу невѣсты онъ дарилъ серебряный кубокъ для питья, большой мѣдный или латунный котелъ, постель или одежды для устройства постели.

Матери невѣсты женихъ долженъ былъ дарить серебряный поясъ, богатую одежду (vestimentum honoris), которую лопари называютъ вольпи; ожерелье изъ серебряныхъ шариковъ, называемое самими лопарями кроке.

Кромѣ родителей своей невѣсты, жениху приходилось одаривать другихъ, ея близкихъ родственниковъ: въ ряду этихъ, на первомъ мѣстѣ, стояли ея братья и сестры и остальные кровные родственники невѣсты; имъ всѣмъ приходилось дѣлать подарки изъ серебра: какъ-то серебряные шарики и другіе подобные предметы, но непремѣнно, состоящіе изъ серебра. Величина и стоимость подарка опредѣлялись степенью близости родства лица, получающаго подарки, къ невѣстѣ.

На счетъ того, какъ заключался бракъ, мы встрѣчаемъ противорѣчивыя свѣдѣнія, что можетъ быть объясняемо тѣмъ, что свадебные ритуалы были записаны въ разныхъ мѣстностяхъ Лапландіи. По однимъ—на слѣдующій день послѣ раздачи даровъ слѣдовало церковное вѣнчаніе и затѣмъ брачный пиръ, заключавшій собою бракъ, по другимъ—бракъ заключался посредствомъ пира и затѣмъ уже слѣдовало церковное вѣнчаніе, три дня послѣ раздачи подарковъ женихомъ роднѣ невѣсты. Какъ-бы то ни было, но ясно, что въ XVII вѣкѣ, для лопарей скандинавскихъ церковное вѣнчаніе являлось необходимымъ условіемъ для совершенія брака; вѣнчаніе стало на ряду съ древнимъ свадебнымъ пиромъ; разница была лишь въ томъ, что предшествовало: церковное-ли вѣнчаніе или пиршество, но безъ одного изъ этихъ элементовъ бракъ не считался заключеннымъ.

Болѣе интересной является форма заключенія брака въ XVI вѣкѣ, сообщаемая Олафомъ Великимъ: по его словамъ, родители брачущихся сторонъ заключали бракъ въ присутствіи родственниковъ и знакомыхъ „при посредствѣ огня, именно, высѣкая огонь желѣзомъ изъ кремня“. Толкованіе этому давалось слѣдующее: подобно тому, какъ отъ удара желѣзомъ по кремню возникаетъ огонь, такъ пусть отъ соединенія жениха и невѣсты возникаетъ у нихъ потомство; вѣроятнѣе однако, что это было символическимъ дѣйствіемъ, которое должно было означать, что брачущіеся основываютъ свой собственный очагъ, символомъ котораго и являлись кремень и желѣво. Каково-бы ни было объясненіе этого обряда, онъ является интереснымъ тѣмъ, что показываетъ намъ способъ заключенія брака среди лопарей такой отдаленной эпохи [1]). Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что, повидимому, этотъ обычай, не былъ особенно распространенъ: болѣе часто встрѣчающійся обычай заключенія брачнаго союза—это пиршество и совмѣстное ѣденіе брачущихся, обычай не вышедшій, какъ мы увидимъ ниже, изъ употребленія и по настоящее время.

Въ день, назначенный для церковнаго вѣнчанія, всѣ отправлялись въ церковь, причемъ шествіе совершалось въ особомъ, строго опредѣленномъ порядкѣ. Впереди шли мужчины, за ними слѣдовали женщины. Впереди всѣхъ мужчинъ, шелъ, такъ называемый, Автомвватце, т. е. въ переводѣ идущій впереди; за нимъ слѣдовалъ женихъ и послѣ него располагались остальные мужчины, родственники и знакомые. За ними шли женщины: впереди нѣсколько дѣвушекъ, за ними шла невѣста, ведомая съ одной стороны мужчиной, съ другой женщиной, за невѣстой—остальныя женщины. Невѣста должна была упираться изъ всѣхъ силъ, чтобы мужчина и женщина, ведущіе ее, тащили ее за собой, этимъ она должна была показывать, что выходитъ за мужъ поневолѣ; лицо ея должно было выражать и горе, и скромность, на это обращалось особое вниманіе.

---

[1]) О древнемъ способѣ совершенія брака см. слѣд. гл., въ эпосѣ о сыновьяхъ Солнца.

Послѣ вѣнчанія возвращались въ домъ отца молодой и устраивалось торжественное пиршество. Молодые одѣты бывали какъ въ церкви, такъ и во время пира въ лучшія свои одежды, которыя они сами себѣ приготовляли. Интереснымъ является то, что свадебный пиръ устраивался не на средства ни отца невѣсты, ни отца жениха. Всякій изъ приглашенныхъ въ день, когда женихъ раздавалъ подарки родителямъ и родственникамъ невѣсты, приносилъ съ собой съѣстные припасы и дѣлилъ ихъ между родителями невѣсты съ одной стороны и близкими лицами съ другой, причемъ большая доля доставалась родителямъ невѣсты.

Во время пиршества молодые сидѣли рядомъ на почетныхъ мѣстахъ; около нихъ ихъ родители, за ними кровные родственники брачущихся сторонъ. Пищу не брали сами: ее раздавало особое лицо, варившее ее и дѣлившее ее на куски. Подавалось прежде всего молодому и молодой, а затѣмъ уже остальнымъ присутствующимъ по мѣрѣ близости ихъ родства къ молодымъ. Интересенъ еще слѣдующій обычай: въ виду того, что жилища лопарей малы, то естественно всѣ не могли умѣститься внутри его; вслѣдствіе этого мальчики и дѣвочки бывали удаляемы изъ жилья: они, однако, имѣли право взойти на крышу и черезъ отверстіе для дыма спускать на привязи крючки, къ которымъ внизу прицѣплялись куски мяса и тому подобное. Съ этимъ обычаемъ, подмѣченнымъ въ XVII вѣкѣ, мы встрѣтимся и среди современныхъ русскихъ лопарей.

Вѣнчаніе и свадебный пиръ заключали торжественно бракъ: свадьба была съиграна, молодые считались законными супругами, но новобрачный не имѣлъ еще права ни увезти свою жену къ себѣ, ни даже самъ уѣхать. Онъ былъ вынужденъ остаться въ услуженіи у своего тестя, приблизительно около года: онъ, какъ и его жена, должны были отрабатывать на родителей новобрачной, исполняя всѣ обязанности слуги. Лишь по прошествіи этого срока молодой имѣлъ право либо вернуться съ женой къ своимъ родителямъ, либо завести свое отдѣльное хозяйство. При отъѣздѣ молодыхъ, отецъ молодой давалъ ей приданое, состоящее изъ оленей; это приданое образовывалось отъ приплода отъ важенки, которую лопари дарили и дарятъ новорожденной. Умножаясь изъ года въ годъ у всякой дѣвушки получалось довольно значительное стадо оленей, которое и служило ей приданымъ. Кромѣ того родители и прочіе родственники возвращали обыкновенно и сдѣланные имъ подарки и давали еще утварь, необходимую для обзаведенія хозяйствомъ молодыхъ.

Таково наиболѣе подробное изъ дошедшихъ до насъ свѣдѣній о бракѣ и свадьбѣ древнихъ лопарей. Посмотримъ теперь, въ чемъ сходятся или расходятся сравнительно съ этимъ описаніемъ описанія другихъ авторовъ. Благодаря этому сравненію, можно будетъ судить о большей или меньшей распространенности того или иного обычая, а также оттѣнить и равныя направленія и архаическія черты, которыя мы встрѣчаемъ въ бракѣ и свадьбѣ древнихъ лопарей. Начнемъ съ писателя XVII-го же вѣка Реньара. Онъ не сообщаетъ подробностей заключенія брака и свадебнаго ритуала и останавливается лишь на обычаѣ, по которому зять долженъ прослужить въ работникахъ у своего тестя въ продолженіи года: „когда бракъ заключенъ, пишетъ онъ, супругъ не увозитъ жены; онъ долженъ прожить съ своимъ тестемъ годъ, по прошествіи котораго онъ можетъ зажить отдѣльной семьей; онъ увозитъ съ собой все, что принадлежитъ его женѣ; даже подарки,

которые онъ сдѣлалъ своему тестю при сватовствѣ, ему возвращаются; а родственники за подарки, которые онъ имъ дѣлалъ, даютъ ему оленей, сообразно своему богатству"[1]).

Болѣе подробныя свѣдѣнія мы находимъ у Гегстрема: онъ не только передаетъ намъ форму заключенія брака и свадебный ритуалъ, но сообщаетъ еще нѣсколько свѣдѣній, изъ которыхъ мы можемъ вывести до извѣстной степени заключеніе о мотивахъ лопаря при выборѣ себѣ невѣсты; въ этомъ отношеніи интереснымъ является взглядъ лопарей на бракъ ихъ съ дѣвушками уже беременными: лопарскія дѣвушки, пишетъ Гегстремъ, если онѣ оказываются беременными, нисколько не теряютъ надежды выдти замужъ; это объясняется, между прочимъ, тѣмъ, что лопари ставятъ особый вѣсъ на полученіе потомства, и никто изъ нихъ не считается такимъ несчастливымъ, какъ тотъ, который долженъ влачить свою жизнь бездѣтнымъ. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, продолжаетъ авторъ, лопарская дѣвушка забеременила отъ мужа своей сестры; не смотря на это, многіе считали за большую честь жениться на ней, и прежде чѣмъ прошелъ годъ, она почетнымъ образомъ сочеталась бракомъ съ однимъ лопаремъ. Въ близкомъ родствѣ и при дружественныхъ отношеніяхъ двухъ семей браковъ между членами ихъ не заключается; но въ 1742 году, заключаетъ Гегстремъ, я видѣлъ двухъ вдовцовъ, женившихся каждый на дочери другаго — это произошло въ Лапландіи — Уме: въ Лапландіи Луле существуетъ тенденція, у богатыхъ жениться только на богатыхъ, у бѣдныхъ — брать себѣ въ жены лишь дѣвушекъ изъ бѣдныхъ семействъ[2]).

Сообщаемыя Гегстремомъ свѣдѣнія о томъ, что лопари берутъ охотно дѣвушекъ находящихся или находившихся уже въ состояніи беременности, комментируютъ и подтверждаютъ свѣдѣнія о проституированіи лопарями своихъ дочерей, сообщаемыя Реньаромъ. Гостепріимнаго гетеризма не встрѣчалось уже въ мѣстностяхъ, знакомыхъ Гегстрему, но взглядъ лопарей на то, что преждевременная беременность не служитъ позоромъ для дѣвушки, даже скорѣй дѣлаетъ ее болѣе желанной супругой, продолжалъ еще существовать; усматривая въ этомъ одно изъ переживаній эпохи безпорядочнаго половаго сожительства, нельзя не оттѣнить, что взглядъ этотъ поддерживался и черпалъ силу для своего дальнѣйшаго существованія въ желаніи лопарей имѣть потомство; беря себѣ въ супруги беременную дѣвушку, онъ былъ уже увѣренъ, что у него будетъ потомокъ, такъ какъ зачатый въ незаконномъ сожительствѣ ребенокъ считался послѣ заключенія брака сыномъ того, кто женился на беременной дѣвушкѣ; выбирая себѣ въ супруги дѣвушку, бывшую раньше беременной, онъ не только могъ усыновить рожденнаго ею до брака ребенка, но и кромѣ этого могъ имѣть твердую увѣренность, что отъ жены у него потомство будетъ.

Что касается описанія формы заключенія брака и свадебнаго ритуала, то Гегстремъ дѣлитъ также на сватовство, свадьбу и вѣнчаніе. Въ описаніи перваго (сватовства), онъ ни въ чемъ не отличается отъ Шеффера, почему я и не буду передавать слова Гегстрема о сватовствѣ. Лишь въ описаніи заключенія брака онъ въ частностяхъ отличается отъ Шеффера.

---

[1]) Regnard. Voyage, p. 43.
[2]) Högström. Beschreibung, pp. 143, 144.

Послѣ того, какъ сватовство принято, пишетъ Гегстремъ [1]), слѣдуетъ договоръ о томъ, сколько родители жениха должны выплатить деньгами и товарами родителямъ невѣсты. Этотъ выкупъ состоитъ въ Лапландскомъ округѣ Луле изъ отдѣльныхъ подарковъ обыкновенно серебряныхъ ложекъ, вѣсомъ въ 3—4 лота; иногда также изъ серебряныхъ поясовъ, серебряныхъ кубковъ и т. д., также изъ пряжекъ, котловъ, монетъ, оленей, войлоковъ и т. п. Въ однѣхъ мѣстностяхъ однако даютъ больше, въ другихъ меньше. Кромѣ того, они должны ближайшимъ родственникамъ невѣсты дать также довольно значительные подарки: состоятельные лопари не дарятъ ни одному родственнику невѣсты меньше, чѣмъ серебряную ложку. Въ случаѣ брака со вдовой, которая въ зависимости отъ родителей не состоитъ, выкупа родителямъ ея не дается; но бывали случаи, что родители продавали своихъ дочерей два раза и каждый разъ получали одинаковый выкупъ.

Если у вдовы нѣтъ родителей, женихъ все-таки обязанъ дать значительные подарки, либо ея дѣтямъ, либо ближайшимъ родственникамъ ея покойнаго мужа.

Свадебный пиръ въ XVIII вѣкѣ совершался не на счетъ родителей, а на счетъ гостей, которые приносили не только съѣстные припасы, но и водку; Гегстремъ также подтверждаетъ свидѣтельство писателей XVII вѣка о томъ, что молодой долженъ прожить въ домѣ тестя въ продолженіи года. При отъѣздѣ молодыхъ изъ дома родителей молодой, эти послѣдніе должны снабдить ихъ такимъ количествомъ домашней утвари и оленей, чтобы даваемая ими часть равнялась стоимости сдѣланныхъ при сватовствѣ ихъ дочери подарковъ родителями жениха; это послѣднее строго соблюдалось.

Третій авторъ, дающій намъ болѣе подробное описаніе брака и свадьбы среди лопарей—это Ацерби; остановимся на описаніи имъ лишь сватовства.

Когда лопарь хочетъ жениться, пишетъ Ацерби [2]), онъ объявляетъ о своемъ намѣреніи прежде всего своей семьѣ; всѣ члены этой послѣдней отправляются послѣ этого къ родителямъ будущей невѣсты и приглашаютъ съ собой свата; берутъ съ собой также значительное количество водки и небольшой подарокъ для дѣвушки, какъ, напримѣръ, украшенный серебромъ поясъ, кольцо или нѣчто подобное. Достигнувъ дома родителей невѣсты, сватъ входитъ въ домъ, за нимъ слѣдуютъ всѣ члены семьи; лишь женихъ долженъ оставаться внѣ дома, въ ожиданіи приглашенія войти. Войдя въ домъ, сватъ наливаетъ водки и подаетъ ее отцу невѣсты; если тотъ принимаетъ ее, то этимъ онъ уже показываетъ, что принимаетъ сватовство. Послѣ этого всѣ угощаются водкой, причемъ водки даютъ и матери невѣсты и самой невѣстѣ. Въ то время, какъ водка переходитъ изъ рукъ въ руки, начинаютъ просить родителей невѣсты позволить жениху присутствовать лично при сватовствѣ; затѣмъ сватъ дѣлаетъ формальное предложеніе и послѣ окончанія его рѣчи, вводятъ, наконецъ, жениха, который, однако, долженъ держать себя въ дали отъ всѣхъ присутствующихъ, около дверей. Родители невѣсты даютъ, наконецъ, свое согласіе, послѣ чего женихъ передаетъ невѣстѣ назначенный для нея подарокъ и даетъ обѣщаніе родителямъ ея приготовить на свой счетъ свадебную одежду для ихъ дочери.

---

[1]) Högström. Beschreibung, pp. 146, 148

[2]) Acerbi. Reise, pp. 481, 482.

Послѣ этого всѣ расходятся. Если родители послѣ сватовства отказались бы выдать за жениха свою дочь, то всѣ понесенные стороной жениха расходы должны быть уплачены родителями невѣсты, не исключается также и водка, которая была выпита при сватовствѣ. Послѣ заключенія сватовства женихъ получаетъ право посѣщать свою невѣсту. Что касается свадьбы, то описаніе Ацерби не представляетъ ничего новаго, сравнительно со сказаннымъ выше и описана имъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ.

О существованіи обычая давать выкупъ за невѣсту, сообщаетъ еще Арвидъ Эренмальмъ, посѣтившій въ 1741 году лопарскій округъ Ашле [1]). Лопарь, говоритъ онъ, покупаетъ себѣ жену и платитъ за нее отъ 5 до 9 талеровъ, сообразно съ своимъ состояніемъ; онъ достаточно хитеръ, чтобы не платить за свою невѣсту больше того, что онъ надѣется получить въ приданое за ней.

Соединяя въ одно цѣлое все сказанное о бракѣ и о свадьбѣ среди лопарей XVII и XVIII вѣковъ, слѣдуетъ замѣтить, что, не смотря на различія въ частностяхъ, всѣ свѣдѣнія сходятся между собой въ томъ, что писатели застаютъ среди лопарей приходящій уже въ упадокъ обычай покупки невѣсты; воспоминанія о похищеніи невѣсты мы почти что не встрѣчаемъ среди лопарей скандинавскихъ того времени. Плата за невѣсту производится обыкновенно вещами, и лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ за нее платятъ деньгами. Упадокъ обычая покупать невѣсту выражается въ томъ, что либо самые подарки сдѣланные женихомъ или его родителями, родителямъ и родственникамъ невѣсты, либо другіе предметы, равные по цѣнности этимъ подаркамъ, возвращаются при отъѣздѣ молодаго изъ дома родителей молодой; какъ плата за отдаваемую въ чужой домъ дочь, кромѣ подарковъ идетъ еще и личный трудъ молодаго, который обязанъ отслужить у тестя въ продолженіи года. Какъ переживаніе далекаго быта слѣдуетъ отмѣтить и то, что церковное вѣнчаніе либо не считается вовсе, либо считается лишь однимъ изъ условій заключенія брака, причемъ *необходимымъ* условіемъ является свадебный пиръ. Наконецъ, и то, что свадебный пиръ устраивается не на счетъ родителей одной изъ брачущихся сторонъ, а на средства, доставляемыя родственниками и другими приглашенными, можетъ быть объяснено, какъ переживаніе того времени, когда сначала вся родня жениха помогала члену своего рода въ отдачѣ выкупа за невѣсту — обычай, перешедшій потомъ въ обычай принесенія съѣстныхъ припасовъ на свадебный пиръ, вѣроятно, сначала лишь родственниками жениха, затѣмъ уже родственниками и знакомыми обѣихъ брачущихся сторонъ. Важно также и то, что сватовство влекло за собой признаніе дѣйствительности договора, нарушеніе котораго имѣло послѣдствіемъ доставленіе потерпѣвшей сторонѣ права на искъ о вовмѣщеніи убытковъ и возвращеніи подарковъ. Если женихъ или его родители отказывались отъ исполненія договора, то подарки ихъ оставались у потерпѣвшей стороны. Это сохранилось и до настоящаго времени. Интереснымъ является и позволеніе по заключеніи сватовства жениху проводить ночи съ невѣстой; въ этомъ можно какъ-бы усмотрѣть, что сватовствомъ заканчивалось все дѣло, лишь торжественное признаніе брака могло произойти по уплатѣ выкупа, на собираніе котораго требовалось много времени, иногда нѣсколько лѣтъ, такъ что послѣ сватовства женихъ и невѣста были фактически,

---

[1]) Arwid Ehrenmalm, Reise durch West-Nordland nach der Lappmark Aschle. Leipzig, 1748, p. 416.

но не юридически еще, признанными супругами; послѣднее признаніе происходило послѣ уплаты выкупа и торжественнаго свадебнаго пира.

Теперь посмотримъ, какимъ застаютъ бракъ и свадьбу у лопарей писатели начала XIX вѣка. Остановлюсь лишь на свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ Шубертомъ, который даетъ намъ наиболѣе подробныя свѣдѣнія по этому вопросу, чѣмъ остальные писатели начала текущаго столѣтія. Шубертъ, какъ извѣстно, совершилъ свое путешествіе въ 1817, 1818 и въ 1820 гг.

Лопарь, пишетъ онъ [1]), желающій жениться, что происходитъ часто на 17, 18 году его жизни, какъ разрѣшаетъ это королевскій указъ отъ 1745 года, избираетъ себѣ свата, которому онъ и повѣряетъ свое намѣреніе. Сватъ приглашаетъ какъ данную дѣвушку, такъ и ея родителей и родственниковъ въ свой домъ; тамъ-же находятся на лицо женихъ и его родители и родственники. Одни сидятъ на одной, другіе на другой сторонѣ комнаты; женихъ садится около дѣвушки. Сватъ, по лопарски называемый suogmon-oiwe т. е. глава сватовства, исполняетъ обязанности хозяина, обноситъ гостей водкой и, наконецъ, дѣлаетъ предложеніе родителямъ дѣвушки выдать замужъ свою дочь за жениха и подаетъ имъ водки. Если родители не соглашаются сразу, то сватъ снова начинаетъ угощать всѣхъ водкой и возобновляетъ свои просьбы, вслѣдствіе этого рѣдко предложеніе не бываетъ принято. У жениха уже есть съ собой подарокъ для своей невѣсты; подарковъ вещами или деньгами для родителей невѣсты не дѣлаютъ либо вовсе, либо лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ. Подарокъ, который дѣлаетъ женихъ невѣстѣ, разнится, смотря по состоянію жениха: дарятся обыкновенно невѣстѣ деньги, небольшія серебряныя чарки и 10—20 оленей. Послѣ этого женихъ и невѣста цѣлуются, затѣмъ поются пѣсни—этимъ и кончается сватовство. На слѣдующій день женихъ и невѣста отправляются къ священнику для того, чтобы ему объявить о состоявшейся помолвкѣ и черезъ три недѣли послѣ этого слѣдуетъ свадьба. Расходы по свадьбѣ падаютъ на родственниковъ и приглашенныхъ къ свадьбѣ знакомыхъ, обѣихъ брачущихся сторонъ. Послѣ вѣнчанія слѣдуетъ свадебный пиръ; передъ началомъ пиршества, какимъ-нибудь ребенкомъ читается молитва, а послѣ обѣда поютъ духовную пѣснь. Этимъ заключается бракъ. Молодой, однако, не сейчасъ уводитъ свою жену; это дѣлается лишь нѣсколько дней послѣ вѣнчанія: молодыхъ провожаютъ на ихъ новое мѣстожительство многіе родственники и знакомые, которыхъ женихъ долженъ угостить водкой. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, по дорогѣ, часть провожатыхъ беретъ другое направленіе, чтобы отправиться къ себѣ домой, поютъ печальныя пѣсни (Trauergesang). Лишь послѣ того, какъ молодые начнутъ жить въ своемъ домѣ, начинаются для нихъ супружескія отношенія. Рѣдко случается, что молодые живутъ годъ у родителей новобрачной, которые въ этомъ случаѣ при отъѣздѣ дочери даютъ ей немного матеріи для устройства шалаша и домашней утвари. Сватъ получаетъ отъ молодаго въ благодарность за удачное исполненіе порученія — оленя. Даже бѣдные лопари должны имѣть свата и истратиться на водку. Шубертъ не сообщаетъ намъ ничего объ отношеніяхъ жениха и невѣсты въ срокъ между сватов-

[1]) F. W. v. Schubert, Reise durch Schweden, Norwegen, Lappland. II, pp. 289—291.

ствомъ и свадьбой; отвѣтъ до извѣстной степени мы находимъ у Шегрена [1]), который сообщаетъ, что женихъ послѣ сватовства имѣетъ право проводить ночь съ невѣстой; но это показаніе, вѣрное для одной мѣстности, можетъ оказаться невѣрнымъ для другой.

На основаніи вышеприведеннаго можно придти къ слѣдующимъ заключеніямъ: бракъ и свадьба у скандинавскихъ лопарей сильно измѣнились сравнительно съ предшествующими вѣками подъ вліяніемъ христіанства: вѣнчаніе считается необходимымъ условіемъ, закрѣпляющимъ законность брака; передъ пиромъ и послѣ него читаются молитвы или поются духовныя пѣсни и т. п. Рядомъ съ этимъ усилившимся вліяніемъ христіанства замѣчается и упадокъ древнихъ обычаевъ. Выкупъ за невѣсту отдачей подарковъ ея родителямъ и родственникамъ замѣняется простымъ одареніемъ самой невѣсты, а отработываніе зятемъ у тестя встрѣчается лишь въ рѣдкихъ случаяхъ; какъ переживаніе этого обычая, сохраняется еще обязанность молодаго послѣ свадьбы провести нѣсколько дней подъ кровлей тестя. Малое количество приданаго, даваемаго родителями новобрачной, объясняется тѣмъ, что въ то время, какъ въ XVII и XVIII вѣкахъ, родители возвращали сдѣланные имъ подарки, либо отдаривали другими предметами равной стоимости, въ началѣ нашего столѣтія то, что шло косвеннымъ образомъ въ приданое, получала невѣста сама изъ рукъ своего жениха при сватовствѣ.

Перехожу теперь къ изложенію брака и свадьбы среди современныхъ русскихъ лопарей: въ этомъ отношеніи мы не находимъ однообразія—все зависитъ отъ мѣстности въ которой празднуется свадьба: въ однѣхъ мы находимъ довольно сильное вліяніе русскихъ, въ другихъ это вліяніе очень слабо; въ одних погостахъ свадебный ритуалъ сохранилъ въ себѣ еще много воспоминаній объ эпохѣ похищенія невѣстъ, въ другихъ этихъ воспоминаній совсѣмъ нѣтъ и т. д. Не смотря, однако, на это разнообразіе, всѣ данныя можно подвести къ нѣкоторымъ группамъ: сватовство, смотрѣнье или рукобитье и вѣнчаніе. Русскіе лопари, вообще, женятся довольно поздно, хотя и нѣтъ строго опредѣленнаго возраста, когда молодому лопарю слѣдуетъ искать себѣ невѣсты: въ данномъ случаѣ возрастъ опредѣляется, приблизительно, въ каждомъ погостѣ особо. Такъ въ Нотозерскомъ и Сонгельскомъ погостахъ, напримѣръ, женятся обыкновенно скоро по достиженіи 20-ти лѣтняго возраста; въ Пазрѣкѣ обыкновенно между 25 и 28 годами и рѣдко встрѣчается, что раньше этого времени лопарь думаетъ обзавестись собственнымъ домомъ. Если это происходитъ, то лишь по нуждѣ: либо нужно въ семью работницу— «некому и хлѣбы печь, и платье шить», либо если лопарь остался сиротой.

Избирая себѣ невѣсту, лопарь рѣдко руководствуется своей склонностью къ той или иной дѣвушкѣ: хорошо, если дѣвушка, къ которой онъ ее чувствуетъ, удовлетворяетъ и другимъ условіямъ, если же нѣтъ, онъ ищетъ себѣ другую невѣсту. Часто лопарь намѣчаетъ себѣ нѣсколько невѣстъ сразу—болѣе или менѣе ему подходящихъ и затѣмъ начинаетъ сватовство сначала у одной; если ему откажутъ, онъ идетъ къ другой, третьей и т. д. Требованія-же, которыя лопарь ставитъ своей будущей супругѣ, слѣдующія: чтобы она была богата и чтобы она умѣла хорошо хозяйничать. Впрочемъ, для лопаря

[1]) J. A. Sjögren. Aufzeichnungen über die Gemeinden in Kemi-Lappmarken (Gesammelte Schriften, I, p. 221).

второе условіе играетъ болѣе важную роль, чѣмъ первое; дѣйствительно, лопарь мало смотритъ на красоту своей будущей жены, не обращаетъ также особаго вниманія и на лѣта ея, если она богата или хорошая хозяйка; вслѣдствіе этого богатая вдова, всегда можетъ надѣяться выдти замужъ за лопаря, который по лѣтамъ годился бы ей въ сыновья. Но важнѣе всего то, чтобы дѣвушка была хорошей хозяйкой; что это условіе ставится лопаремъ на первое мѣсто, при выборѣ себѣ супруги, объясняется достаточно самимъ образомъ жизни лопаря; семьи все небольшія, работы множество, нанимать рабочихъ могутъ только немногіе, болѣе состоятельные лопари—слѣдовательно, жена должна быть въ полномъ смыслѣ помощницей лопаря: на ней лежатъ не только хозяйственныя обязанности, въ узкомъ смыслѣ этого слова,—она должна и помогать ему при ловлѣ рыбы и при уходѣ за оленями и т. д. Благодаря этому, часто случается, что богатый лопарь женится на бѣдной, если та хорошая хозяйка и, наоборотъ, бѣдный лопарь не пойдетъ свататься къ богатой лопаркѣ, если она плохая хозяйка. Насколько лопарь ставитъ важнымъ условіемъ при выборѣ себѣ невѣсты ея хозяйственныя способности, доказываетъ то большое количество пѣсенъ и разсказовъ, которые ходятъ въ устахъ лопарей по этому поводу; эти простые безъискусственные разсказы съ достаточной ясностью говорятъ, чего требуетъ лопарь отъ своей невѣсты. Приведу для примѣра разсказъ и пѣсню, ходящіе среди потозерскихъ и сонгельскихъ лопарей по этому поводу: „женихъ, повѣствуетъ пѣсня, ходилъ свататься къ дѣвкѣ; женихъ былъ богатъ, дѣвка нужная (т. е. бѣдная) была. Часто онъ ходилъ—каждый вечеръ ходилъ посматривать. Разъ пришелъ—въ комелькѣ огня нѣтъ—темно, ничего не видать; сами ужинаютъ. Женихъ пришелъ и говоритъ: „что вы здѣсь дѣлаете—сами ужинаете, а въ комелькѣ огня нѣтъ? Я думаю, я къ невѣстѣ пришелъ, а она только чавкаетъ, какъ есть, словно у проруби бѣлье полощетъ". Женихъ повернулся и ходить больше не сталъ—на другой женился". Другая бывальщина нѣсколько подробнѣе развиваетъ ту же тему; если въ первой женихъ отказывается только оттого, что огонь не былъ разложенъ въ комелькѣ—важный безпорядокъ въ тупѣ лопаря, то въ слѣдующей женихъ требуетъ болѣе точнаго знанія хозяйства: „Дѣло было зимой. Мать и отецъ уѣхали въ гости, а обѣ дочери остались дома; у нихъ дровъ не было припасено. А слышно женихи ѣдутъ, колокольчики бряцаютъ: „сылкъ, сылкъ, сылкъ"—очень яро и круто ѣдутъ. А онѣ не знали, что это къ нимъ женихи ѣдутъ. Пріѣхали женихи, остановились у знакомыхъ въ погостѣ; народъ и говоритъ этимъ дѣвкамъ: „что вы дѣвки стоите на улицѣ? у васъ и дровъ нѣтъ". А женихи сняли съ себя печокъ и яры, переодѣлись въ другое платье, пошли въ тупу, а у нихъ холодно, огня нѣту, нѣтъ дровъ. Младшая сестра схватила топоръ и побѣжала въ лѣсъ. А старшая взяла вѣтви, которыми полъ былъ устланъ и положила въ комелекъ, зажгла и стала чайникъ грѣть. Только у ней чайникъ согрѣлся, какъ младшая принесла сухихъ дровъ изъ лѣсу. А женихи, между тѣмъ, не пьютъ чай, который имъ подала старшая сестра: не вкусенъ онъ, согрѣтый на вѣтвяхъ. Младшая вылила этотъ чай, положила дровъ въ комелекъ и стала вновь воду нагрѣвать для чая; принесла она и большаго соленаго сига, вымыла, накрошила на кару и подала женихамъ ѣсть. Потомъ, когда чай согрѣлся, подала имъ чаю, и они поѣли и попили. Тотъ женихъ, что хотѣлъ жениться на старшей, ушелъ, шапку взялъ и ушелъ, и больше не приходилъ, а тотъ, кто

хотѣлъ жениться на младшей, женился на ней". Подобныхъ разскавовъ ходитъ много среди лопарей, и дѣвушка, знающая ихъ, въ состоянiи составить себѣ извѣстный кодексъ правилъ, руководствуясь которыми всегда можетъ разсчитывать производить хорошее впечатлѣнiе на приходящихъ смотрѣть на нее жениховъ; первое же условiе для нея быть хорошей хозяйкой.

Какiя нибудь ограниченiя для вступленiя въ бракъ лопарю неизвѣстны, по достиженiи имъ возраста, въ которомъ онъ считается уже женихомъ. Дѣйствительно есть указанiя какъ по отношенiю скандинавской и финляндской Лапландiи, такъ и относительно русской, что жениться могъ лишь тотъ, кто умѣлъ поймать и освѣжить дикаго оленя. Соблюдается-ли это среди скандинавскихъ и финляндскихъ лопарей и по настоящее время, мнѣ неизвѣстно; что касается современныхъ русскихъ лопарей, то, если это правило и существовало раньше, оно въ настоящее время уже оттого не можетъ исполняться въ большинствѣ мѣстностей русской Лапландiи, что дикихъ оленей почти что не встрѣчается вовсе.

Въ выборѣ своемъ женихъ также совершенно свободенъ, такъ какъ у лопарей нѣтъ обычая, по которому старшая дочь непремѣнно должна выдти замужъ ранѣе младшей. Поэтому если лопарь сочтетъ болѣе удобнымъ для себя жениться на третьей дочери, тогда какъ двѣ старшiя еще не вышли замужъ, онъ можетъ безпрепятственно свататься, и, если не будетъ никакихъ препятствiй, жениться на ней.

Для родителей невѣсты требуется, чтобы ихъ будущiй зять былъ богатъ или работящiй человѣкъ и уже не слишкомъ большой пьяница. Когда двѣ семьи роднятся, обращается вниманiе и на родъ, къ которому каждая изъ нихъ принадлежитъ, и часто родители не даютъ согласiя своему сыну на сватовство, если облюбованная имъ невѣста плохаго рода, т. е. рода неуважаемаго, и родители невѣсты отказываютъ жениху, если онъ принадлежитъ, по ихъ мнѣнiю, къ плохому роду.

Однако существеннымъ и даже почти необходимымъ условiемъ для совершенiя брака является согласiе не только родителей жениха, но и всего его рода или, по крайней мѣрѣ, большой его родни, а также его крестныхъ отца и матери. Рѣдко бываютъ случаи, что сами родители первые предлагаютъ своему сыну жениться и указываютъ ему на ту или иную дѣвушку; самъ лопарь обыкновенно отыскиваетъ себѣ невѣсту, поэтому браки противъ желанiя жениха почти что не случаются вовсе; родители невѣсты, дѣйствительно, часто до извѣстной степени принуждаютъ ее дать свое согласiе на бракъ, но и это бываетъ очень рѣдко, такъ какъ лопари, вообще, отличаются большою нѣжностью къ дѣтямъ, и, если невѣста будетъ очень противиться браку съ человѣкомъ ей не желательнымъ, то родители, какъ-бы данный сватающiйся не былъ для нихъ прiятенъ, „побранятъ, побранятъ и уступятъ". Въ качествѣ переживанiя встрѣчаются, дѣйствительно, случаи, что два лопарскихъ отца семейства, соединенные другъ съ другомъ узами дружбы, сосватываютъ своихъ дѣтей, когда тѣ находятся еще въ колыбели: но этотъ уговоръ между обоими родителями, если и является обязательнымъ для нихъ самихъ, — необязателенъ для дѣтей: родители въ такихъ случаяхъ стараются на нихъ воздѣйствовать, но если почему-либо сыну не хочется свататься за указываемую ему дѣвушку, или наоборотъ, если при такихъ условiяхъ и невѣста не хочетъ выходить замужъ за опредѣ-

леннаго ей съ колыбели жениха—то родители опять-таки послѣ нѣкоторой борьбы уступаютъ желанію своихъ дѣтей.

Намѣтивъ себѣ невѣсту, а иногда и двухъ, и трехъ, за которыхъ лопарь хочетъ свататься, онъ отправляется къ своимъ родителямъ, причемъ приноситъ съ собой какое-нибудь угощеніе: обыкновенно, впрочемъ, водки; предложивъ родителямъ выпить—онъ обыкновенно обращается къ нимъ съ вопросомъ: „не пора-ли мнѣ жениться? скоро буду уже и старикъ". Родители, если не имѣютъ ничего противъ этого, отвѣчаютъ обыкновенно, „Богъ тебя благословитъ; гдѣ только ты думаешь жениться?" Сынъ объявляетъ о намѣченныхъ имъ невѣстахъ; этимъ разговоръ ихъ съ сыномъ обыкновенно и кончается. Получивъ такимъ образомъ молчаливое разрѣшеніе отъ родителей, лопарь долженъ получить его и отъ своихъ родственниковъ. Родители вслѣдствіе этого собираютъ родственный совѣтъ.

Къ этому совѣту привлекаются иногда рѣшительно всѣ члены рода желающаго жениться лопаря: иногда зовутъ лишь тѣхъ родственниковъ, которые составляютъ, такъ называемую, большую родню; чаще однако случается, что приглашаются всѣ родственники и свойственники родителей жениха, живущіе въ томъ-же погостѣ, гдѣ и послѣдніе; лица, состоящія съ родителями жениха, или съ самимъ женихомъ въ духовномъ родствѣ, также не исключаются обыкновенно отъ присутствія и участія въ совѣтѣ; что же касается крестныхъ отца и матери, то они являются необходимыми членами совѣта, и голосъ ихъ является очень вѣскимъ. Когда родственники соберутся, ихъ угощаютъ виномъ. Прежде, когда торговля ромомъ была свободна, въ Пазрѣкѣ пили при этомъ очень много; теперь-же не болѣе одной, двухъ рюмокъ. Для непьющихъ заготовляютъ медъ и угощаютъ ихъ медомъ, разведеннымъ съ водою. Въ другихъ мѣстностяхъ при родственномъ совѣтѣ продолжаютъ и въ настоящее время пить очень много; вмѣсто водки и меда иногда подаютъ и пиво. Во время угощенія родители жениха, имъ объявляютъ что ихъ сынъ хочетъ свататься за такую-то. Родственники рѣдко противорѣчатъ: обыкновенно они даютъ согласіе, говоря: „не намъ жить, а ему; самъ знаетъ." (Пазрѣка).

Въ другихъ мѣстностяхъ (Ловозеро, Нотозеро) роль родственниковъ не ограничивается выраженіемъ простаго согласія, хотя, конечно, и такіе случаи тамъ не рѣдки; чаще, однако, они обсуждаютъ вопросъ всесторонне, принимаютъ во вниманіе и приданое невѣсты, и ея личныя качества, и ея родъ, и личность родителей невѣсты, и сообразно съ тѣмъ, сойдутся-ли они или нѣтъ во взглядѣ своемъ на невѣсту со взглядомъ на нее жениха, они или даютъ свое согласіе, либо предлагаютъ отъ себя другихъ невѣстъ, либо, наконецъ, отсовѣтываютъ жениху жениться, предлагая ему еще подождать. Наиболѣе вѣскій голосъ на такомъ родственномъ совѣтѣ принадлежитъ крестнымъ отцу и матери жениха и, главнымъ образомъ, его родной матери: та уже давно знаетъ всѣхъ невѣстъ не только своего, но и чужихъ погостовъ, успѣла подробно разузнать всѣ мелочи жизни семействъ, гдѣ есть невѣста и поэтому, вооруженная этими свѣдѣніями, всегда можетъ одержать верхъ надъ всѣми присутствующими, менѣе ея освѣдомленными въ этомъ отношеніи родственниками. Рѣдко однако мать выступаетъ въ качествѣ противницы желаній своего сына; скорѣе наоборотъ—ей чаще приходится защищать невѣсту отъ нападковъ или насмѣшекъ родственниковъ. Лишь послѣ того, какъ родственный совѣтъ санкціонируетъ выборъ жениха, начинается сватовство; въ случаѣ отказа родственниковъ въ согласіи—бракъ

разстраивается и лопарь долженъ либо искать себѣ другую невѣсту, либо избрать ту, которую указали ему родственники. Но подобные случаи крайне рѣдки и, обыкновенно, совѣтъ, посудивши и угостившись вдоволь — даетъ свое согласіе. Родители-же, какъ я говорилъ, рѣдко препятствуютъ выбору сына. Сватовство совершается неодинаково въ разныхъ мѣстностяхъ русской Лапландіи и даже значеніе его неодинаково: въ однѣхъ мѣстностяхъ оно имѣетъ обязательную силу, такъ какъ соединяется съ рукобитьемъ, послѣ котораго договоръ считается заключеннымъ, въ другихъ, гдѣ рукобитье совершается иногда даже довольно долгое время послѣ сватовства, это послѣднее имѣетъ силу лишь предварительныхъ переговоровъ и никакихъ послѣдствій въ случаѣ отказа за собой не влечетъ.

Отсюда можно вывести заключеніе, что сватовству, какъ таковому, лопари не придаютъ особаго значенія—вся сила въ рукобитьѣ, отъ котораго договоръ получаетъ юридическую силу. Сама форма сватовства разнится по погостамъ: въ однихъ женихъ ѣдетъ одинъ свататься, въ другихъ онъ приглашаетъ себѣ на помощь свата, въ третьихъ кромѣ свата съ нимъ ѣдетъ и сваха, наконецъ, иногда роль свата беретъ на себя отецъ жениха, роль свахи—мать; ѣдутъ иногда съ женихомъ и всѣ его родственники.

Такъ въ Ловозерскомъ погостѣ женихъ отправляется одинъ къ дому родителей невѣсты; онъ стучится въ дверь, говоря: „пустите прохожаго человѣка ночевать." Отецъ невѣсты бываетъ уже раньше предупрежденъ о сватовствѣ, такъ какъ женихъ, пріѣзжая въ погостъ, гдѣ живетъ его невѣста, останавливается у кого-нибудь другаго, который и предупреждаетъ родителей невѣсты о прибытіи жениха для ихъ дочери. На просьбу жениха пустить его ночевать, отецъ невѣсты, отвѣчаетъ: „у меня нѣтъ квартиры для прохожихъ." Женихъ обращается съ той-же просьбой къ матери, которая ему отвѣчаетъ то-же, что и отецъ. Послѣ этого женихъ говоритъ: „я не унесу ничего въ домѣ." Отецъ отвѣчаетъ: „не унесешь хотя—а у меня квартиры для прохожихъ нѣтъ." Женихъ продолжаетъ просить: „отвори, не унесу ничего." Тогда открываютъ дверь, и женихъ, войдя въ тупу, кланяется родителямъ невѣсты и говоритъ: „я пришелъ за уточкой; не могу-ли уточку поймать?" На это ему отецъ отвѣчаетъ: „мою уточку будетъ тебѣ солоно есть: я сдѣлался старъ; худо вижу—безъ нея не могу оставаться." Сватающійся возражаетъ на это: „я буду уточку мою кормить: сыта будетъ она." Если родители не хотятъ сватающагося видѣть своимъ зятемъ, они отказываются и женихъ уходитъ; если-же они согласны выдать свою дочь замужъ за сватающагося, то мать невѣсты послѣ обѣщанія жениха кормить уточку говоритъ: „коли будетъ сыта, можно отдать." Отецъ даетъ также свое согласіе и высказываетъ и условія, при которыхъ онъ желаетъ, чтобы дочь его жила: „будешь кормить—будешь ей владѣть; тебѣ нужно ее беречь, никому въ обиду не давать, чтобы никто не обижалъ, ни чужіе, ни свои. Имѣнья мы даемъ своей дочери; возьми—слушайся жены, тогда можешь взять; она будетъ слушаться,—ты будешь слушаться: деньги наживете; не будете слушаться, ничего не наживете. А будете слушаться—все хорошо будете жить; свекру и свекрови не давай въ обиду: обижать будутъ—можешь прочь отъ нихъ отойти." Женихъ говоритъ на это: „я буду слушаться жены, не дамъ ея въ обиду никому, ни своимъ, ни чужимъ". Иногда сватовство происходитъ и проще: женихъ, явившись въ домъ родителей невѣсты, начинаетъ просто кланяться, говоря: „от-

дайте дочку вашу замужъ за меня". Родители молчатъ: женихъ повторяетъ нѣсколько разъ свою просьбу, наконецъ, родители даютъ либо свое согласіе, либо отказываютъ. Если родители не увѣрены въ желаніи своей дочери выдти замужъ за сватающагося, они назначаютъ день для рукобитья, въ который пріѣзжаютъ родители и родственники жениха въ домъ родителей невѣсты: отцы подаютъ другъ другу руки, кто нибудь разнимаетъ ихъ; затѣмъ слѣдуетъ угощеніе водкой, которую поставляетъ сторона жениха. Лишь послѣ этого договоръ считается заключеннымъ. Если-же родители невѣсты увѣрены въ ея согласіи, они совершаютъ рукобитье тотчасъ послѣ сватовства, причемъ, если родители жениха пріѣхали съ нимъ вмѣстѣ и остановились лишь въ ожиданіи результатовъ сватовства въ другой тупѣ—ихъ приглашаютъ въ домъ родителей невѣсты и тамъ совершается немедленно же рукобитье; въ случаѣ, если родители не пріѣхали вмѣстѣ съ нимъ, рукобитье совершается и съ женихомъ. Какъ при сватовствѣ и при рукобитьѣ, такъ и впослѣдствіи, уговоровъ о приданомъ не бываетъ: женихъ не знаетъ приданаго своей невѣсты, такъ какъ увеличить его всегда зависитъ отъ воли ея родителей, но количество головъ оленей, которое образуетъ, такъ сказать, основу ея приданаго, какъ независимое отъ воли родительской, ему хорошо извѣстно.

Въ Пазрѣкѣ сватовство совершается слѣдующимъ образомъ: тотчасъ по полученіи согласія на бракъ, отъ собравшихся родственниковъ посылаютъ старшаго брата или дядю, или вообще какого-нибудь члена большой родни къ родителямъ невѣсты; онъ, явившись къ нимъ, приглашаетъ ихъ въ домъ родителей жениха слѣдующими словами: „придите (имя и отчество) къ намъ погостить". Тѣ, нарядившись въ лучшее платье, немедленно отправляются на зовъ. По приходѣ ихъ въ домъ родителей жениха имъ подносятъ чарки по двѣ вина, затѣмъ всѣ присутствующіе имъ кланяются и говорятъ: „извините, что мы васъ побезпокоили; мы хотимъ у васъ посватать NN (имя и отчество дѣвушки) за NN (имя и отчество жениха)". Родители дѣвушки въ свою очередь кланяются, благодарятъ, но объявляютъ: „мы теперь ничего не знаемъ одни, пойдемъ подумаемъ, поговоримъ съ невѣстой и съ родными, и тогда скажемъ". Если-же родители дѣвушки желаютъ отказать жениху—они прямо объявляютъ о своемъ несогласіи, но отказы бываютъ рѣдко. Родители невѣсты возвращаются къ себѣ и созываютъ на родственный совѣтъ живущихъ въ погостѣ своихъ родственниковъ и спрашиваютъ ихъ о согласіи на выдачу дѣвушки замужъ; тѣ рѣдко, конечно, противятся. Когда согласіе родственниковъ испрошено, обращаются и къ самой дѣвушкѣ; если та согласна, она отвѣчаетъ просто: „какъ хотите, сами знаете", или даже просто отмалчивается. Если-же она несогласна на бракъ съ даннымъ лопаремъ, она объявляетъ своимъ родителямъ: „подите, да не пейте, а пить будете, то пейте не меня, а сухую чурку (дрова) или важенку въ кегорахъ. Пусть онъ беретъ ихъ женою, а не меня". Просьбы дѣвушки обыкновенно уважаются и, если она не согласна на бракъ, слѣдуетъ отказъ. Вскорѣ послѣ ухода родителей невѣсты, за ними изъ дома жениха присылаютъ вновь съ приглашеніемъ придти; они благодарятъ и, кончивъ совѣтъ съ родственниками и спросивъ согласіе дочери, отправляются въ домъ жениха. Если приходится отказать, то отправляется одинъ отецъ и, придя въ домъ жениха, говоритъ: „родные и невѣста не согласны, а я ничего не могу сдѣлать". Если слѣдуетъ согласіе, то отправляются вмѣстѣ и отецъ и мать невѣсты. Когда они прихо-

дать, ихъ прежде всего угощаютъ водкой, по двѣ рюмки и потомъ съ поклонами говорятъ: „мы опять васъ побезпокоимъ о старомъ дѣлѣ, о сватовствѣ“. Гордый и богатый лопарь никогда не отвѣтитъ на это; онъ даже почти не слушаетъ словъ, съ которыми къ нему обращаются. Ему подносятъ въ такомъ случаѣ третью рюмку водки и снова повторяютъ извиненіе за безпокойство; послѣ этого отецъ невѣсты отвѣчаетъ: „у меня есть родственники, безъ нихъ ничего не могу сказать“. Въ отвѣтъ на эти слова посылаютъ сейчасъ-же кого нибудь пригласить ихъ въ домъ жениха; по приходѣ ихъ, имъ подносятъ водки также по двѣ рюмки; на закуску имъ дается либо сырая семга, либо сырой сигъ; богатые же въ скоромный день подаютъ на закуску и пойду. Когда всѣхъ пришедшихъ родственниковъ невѣсты обнесутъ виномъ и закуской, родственники жениха всѣ встаютъ, кланяются родственникамъ невѣсты и говорятъ: „мы опять о томъже дѣлѣ NN и NN (называя по имени и отчеству родителей невѣсты)“, иногда прибавляютъ имена и отчества еще ближайшихъ родственниковъ ея. Тѣ отвѣчаютъ: „куда голова—туда и хвостъ“ (Кусъ войва-токко пецики). Послѣ этого родители невѣсты объявляютъ о своемъ согласіи, отдать свою дочь замужъ за даннаго жениха; родители жениха и его родственники просятъ у нихъ, чтобы они скрѣпили свое согласіе рукобитьемъ, но родители невѣсты отвѣчаютъ обыкновенно: „на первый разъ довольно и слова, и руку взять успѣете потомъ“. Этимъ и кончается сватовство, рукобитье-же совершается нѣсколько дней спустя при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

По прошествіи нѣсколькихъ дней родители жениха приглашаютъ къ себѣ родителей невѣсты и съ ними уговариваются на счетъ дня рукобитья (Китъ вальдемъ). Согласившись между собою, они приглашаютъ всѣхъ своихъ родственниковъ присутствовать при совершеніи его. Родственникамъ невѣсты уступаютъ въ тупѣ почетное мѣсто—на лавкахъ и около стола, а родственники жениха размѣщаются, уже гдѣ кто можетъ. Угощаютъ также сначала родственниковъ невѣсты, затѣмъ уже родственниковъ жениха; эти послѣдніе, однако, пьютъ первые рюмки водки, въ силу лопарскаго обычая, по которому первая рюмка принадлежитъ всегда хозяевамъ, каковыми въ данномъ случаѣ являются всѣ родственники жениха. Послѣ угощенія, родственники жениха встаютъ и съ поклонами просятъ у родственниковъ невѣсты рукъ, т. е. совершить рукобитье. Родители брачущихся сторонъ подаютъ другъ другу руки накрестъ; также поступаютъ и крестные родители брачущихся сторонъ; за этимъ слѣдуетъ молитва: какой-нибудь старикъ читаетъ передъ иконой, передъ которой въ это время теплится всегда лампада, — молитву „Достойно есть, яко воистину и пр.“. По окончаніи молитвы начинаются взаимныя поздравленія; отцы поздравляютъ другъ друга заручеными сватами, а прочіе съ заручеными женихомъ и невѣстою. Когда всѣ поздравятъ родителей брачущихся сторонъ и затѣмъ взаимно другъ друга, причемъ всѣ подаютъ другъ другу руки, обносятъ всѣхъ еще виномъ говоря: „хлѣбъ завовный, дѣло дорожное, не осудите“. Затѣмъ слѣдуетъ молитва, послѣ которой всѣ, въ томъ числѣ и женихъ, отправляются къ невѣстѣ, которая въ это время лежитъ закрытая писягой; (писяга служитъ лопарямъ одѣяломъ и дѣлается ими изъ бѣлой шерсти, причемъ пропускаютъ бѣлыя и черныя полосы). Невѣста, покрытая этимъ одѣяломъ, лежитъ все время, пока совершается обрядъ рукобитья; ее окружаютъ дѣвушки и поютъ ей пѣсни про дѣвичье житье. Жениха съ невѣстой ста-

вятъ рядомъ и мѣняютъ у нихъ кольца; послѣ чего невѣста получаетъ въ подарокъ отъ жениха нѣсколько калачей и большой красный платокъ, которымъ она во время свадьбы закрывается. При этомъ угощаютъ родственниковъ жениха тремя рюмками водки; одну рюмку даютъ на обоихъ: жениха и невѣсту, которые и пьютъ ее пополамъ. Этимъ заканчивается рукобитье, послѣ чего всѣ расходятся.

На Нотозерѣ, въ Сонгелахъ и Бабенгѣ мы видимъ снова другой способъ сватовства. Но и тутъ мы не встрѣчаемъ однообразія—общія черты заключаются въ томъ, что сватовство дѣлается не самимъ женихомъ, какъ на Ловозерѣ и не родомъ жениха, какъ на Пазрѣкѣ, а всегда сватомъ, въ роли котораго иногда выступаетъ самъ отецъ жениха, либо сватомъ и свахой; послѣдней часто бываетъ мать жениха; случается и такъ, хотя это и рѣдко, что сваты ѣдутъ одни безъ жениха. Пріѣхавъ въ погостъ, гдѣ живутъ родители невѣсты, сваты приходятъ къ ихъ дому, стучатся въ дверь съ молитвой: „Господи, Іисусе Христе помилуй насъ грѣшныхъ." На это имъ отвѣчаютъ: „аминь." Послѣ этого они входятъ, крестятся, и одинъ изъ сватовъ, если ихъ нѣсколько, обращается къ хозяевамъ съ привѣтствіемъ: „міръ вамъ;" родители отвѣчаютъ—„Богъ дастъ." Затѣмъ сваты приступаютъ къ исполненію своего порученія, причемъ, подобно тому, какъ на Ловозерѣ невѣсту называютъ уточкой, ей придаютъ названіе медвѣдицы; сваты говорятъ: „есть у стараго медвѣдя дѣвка-медвѣдица; по лѣсу шелъ охотникъ молодой, ее подстрѣлить хотѣлъ, да жалко стало ее—понравилась она ему сильно." При этихъ словахъ сватъ наливаетъ стаканъ водки и подаетъ отцу невѣсты; если родители не согласны на бракъ, отецъ отказывается отъ вина: въ противномъ случаѣ онъ принимаетъ рюмку и пьетъ; предлагаютъ и матери невѣсты, которая пьетъ также. Этимъ собственно заканчивается сватовство; но завершается оно рукобитьемъ, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ, причемъ родные невѣсты возможно скорѣе, иногда даже на слѣдующій день, отправляются къ родителямъ жениха; но дѣлаютъ они это лишь по приглашенію послѣднихъ, причемъ ѣхать по первому зову считается крайне неприличнымъ; слѣдуетъ подождать, по крайней мѣрѣ, втораго зова, а то и третьяго и даже больше. Послѣ обычнаго угощенія происходитъ рукобитье тѣмъ-же способомъ, какъ и въ Пазрѣкѣ.

Кромѣ этого существуетъ и другой способъ сватовства: женихъ самъ, выбравъ себѣ раньше невѣсту, не ѣдетъ къ ней свататься, а посылаетъ сваху. Она отправляется къ родителямъ данной дѣвушки и, войдя въ ихъ тупу, послѣ нѣкоторыхъ незначущихъ разговоровъ, говоритъ имъ прямо: „отдайте за нашего жениха, отдайте вашу невѣсту: женихъ нашъ богатъ; онъ бойкій, удалый." Родители обыкновенно отвѣчаютъ ей на это, „невѣста у насъ еще молодая." На это сваха возражаетъ: „ничего, хоть и молода, но живетъ (т. е. годится)." Затѣмъ сваха, обращаясь уже прямо къ невѣстѣ, (такъ какъ молчаніе родителей на послѣднія слова свахи, служитъ доказательствомъ ихъ согласія) говоритъ: „пойдешь-ли ты замужъ за такого-то." Та отвѣчаетъ: „Иду, коли говорятъ: что онъ такой бойкій и удалый". Этимъ обыкновенно кончается сватовство.

Черезъ нѣкоторое время послѣ сватовства (иногда за нѣсколько дней до вѣнца совершается такъ называемое „свѣченье свѣчей,") родственники невѣсты и жениха собираются въ домъ къ родителямъ невѣсты; тѣ еще раньше приготовляютъ пиръ. Когда всѣ собрались, женихъ, невѣста, родители ихъ, крестные отецъ и мать, сваха и тысяцкій ставятъ

по восковой свѣчѣ передъ иконой. Затѣмъ всѣ присутствующіе начинаютъ молиться; по окончаніи молитвы, женихъ и невѣста цѣлуются. Послѣ этого приступаютъ къ пиршеству, во время котораго обыкновенно подаютъ слѣдующія блюда: 1) кулебяку съ семгой, 2) вареную оленину, 3) жареную оленину, 4) пшенную кашу, съ масломъ, 5) оленій сыръ; между каждой перемѣной кушанья угощаютъ присутствующихъ водкой. Немногіе изъ лопарей рѣшаются нарушить этотъ установленный обычаемъ порядокъ кушаній. Во время стола женихъ сидитъ рядомъ съ невѣстой; невѣста ничего не беретъ съ блюда: ее кормитъ женихъ, кладя ей куски съ блюда въ ротъ. Во время пиршества родители жениха и невѣсты и тысяцкій сидятъ на главныхъ мѣстахъ.

Обрядъ „свѣченія свѣчей“ является какъ бы первой частью рукобитья, закрѣпляющаго брачный договоръ. Вторая часть рукобитья совершается обыкновенно на слѣдующій день послѣ „свѣченія свѣчей;“ это, такъ называемое, „смотрѣнье,“ по лопарски „кэтъ вельтемъ стуолэ“ т. е. въ буквальномъ переводѣ „рукобитный столъ.“ Когда соберутся всѣ родственники обоихъ брачущихся сторонъ, идутъ къ приготовленному столу. Сваха покрываетъ невѣсту платкомъ и сажаетъ ее за столъ, справа отъ жениха; около невѣсты садится сваха, около жениха тысяцкій. Когда всѣ присутствующіе усѣлись, женихъ открываетъ немного платокъ у невѣсты и смотритъ ей въ лицо; за нимъ дѣлаютъ это сваха, затѣмъ тысяцкій, отецъ и мать жениха, наконецъ и вся присутствующая родня жениха. Послѣ этого начинается пиршество, во время котораго обычаемъ строго запрещено разговаривать. Женихъ, какъ и при „свѣченьѣ свѣчей“ кормитъ невѣсту; затѣмъ подаютъ рюмку вина, изъ которой отпиваетъ сначала женихъ, потомъ невѣста, до трехъ разъ каждый. Этимъ кончается „смотрѣнье.“ Оба эти обряда не только даютъ юридическую силу брачному договору, послѣ котораго женихъ не можетъ отказаться отъ невѣсты, но даютъ жениху супружескія права: онъ обыкновенно проводитъ послѣ „смотрѣнья“ ночь вмѣстѣ съ невѣстой.

Сходенъ въ общихъ чертахъ съ двумя послѣдними и способъ сватовства, сообщаемый А. Я. Ефименкой [1]), но существуютъ и различія, хотя лишь въ частностяхъ, почему я и позволяю себѣ привести для полноты изложенія и это свѣдѣніе. Женихъ съ своимъ отцемъ отправляются въ погостъ, гдѣ живетъ невѣста и подходятъ къ тупѣ ея родителей. Отецъ творитъ передъ дверью молитву и, получивъ въ отвѣтъ аминь, входитъ въ тупу вмѣстѣ съ сыномъ. Ставъ впереди сына, онъ предлагаетъ вина отцу невѣсты; тотъ прежде чѣмъ принять вино спрашиваетъ: „а что первая рюмка не завяжетъ? т. е. не сдѣлаетъ-ли принятіе вино обязательнымъ для него исполненіе просьбы гостя; отецъ жениха отвѣчаетъ, что не завяжетъ, послѣ чего отецъ невѣсты выпиваетъ; слѣдующая рюмка назначается для хозяйки, которую та съ разрѣшенія мужа также выпиваетъ. Затѣмъ выпивъ еще рюмку, хозяинъ приглашаетъ жениха съ отцомъ сѣсть; отецъ сватаетъ, сынъ молчитъ. Когда вся водка выпита, отецъ невѣсты даетъ обѣщаніе подумать и сватающіеся уѣзжаютъ. Если отецъ невѣсты согласенъ отдать свою дочь въ замужество за сватающагося жениха—онъ посылаетъ своего сына къ отцу жениха съ утвердительнымъ

[1]) Юр. Об. Лопарей въ Зап. И. Р. Г. О. т VIII, стр. 23, 24.

отвѣтомъ. Послѣ этого женихъ съ родственниками пріѣзжаетъ въ домъ невѣсты; въ этотъ пріѣздъ обыкновенно заключается словесное условіе о размѣрѣ платы, которую женихъ долженъ дать за невѣсту; плата состоитъ въ извѣстномъ количествѣ оленей, мягкой рухляди или наконецъ въ службѣ тестю въ теченіи извѣстнаго времени. За договоромъ слѣдуетъ рукобитье, тѣмъ-же способомъ, какъ и на Ловозерѣ; рукобитье кончается молитвой; условій о приданомъ при этомъ не заключаютъ. Женихъ и невѣста дарятъ другъ другу подарки: невѣста даритъ чашку съ морошкой, обувь или опоры, вязаный колпакъ, поясъ для свекрови; женихъ даритъ ей кольцо, прялку, платокъ; послѣ рукобитья разъѣжаются по домамъ.

Таковы различные виды сватовства среди русскихъ лопарей. Послѣ сватовства и рукобитья женихъ получаетъ право посѣщать свою невѣсту, и чѣмъ чаще онъ это дѣлаетъ, тѣмъ болѣе сильное доказательство даетъ онъ своей привязанности къ ней; пріѣзжая къ невѣстѣ, онъ приноситъ ей всегда какой-нибудь подарокъ, состоящій, впрочемъ, преимущественно изъ сластей. Въ случаѣ отказа невѣсты стоимость этихъ подарковъ рѣдко требуется обратно, хотя встрѣчаются и такіе женихи, которые требуютъ возмѣщенія имъ стоимости сластей, которыми они угощали невѣсту, но такіе случаи крайне рѣдки. Имѣя право навѣщать невѣсту, женихъ, однако, не получаетъ права спать съ ней, какъ это было среди древнихъ лопарей—это право дается ему лишь впослѣдствіи.

Вполнѣ понятно, что пріѣздъ жениховъ, выходъ замужъ той или иной дѣвушки является для малолюдныхъ лопарскихъ погостовъ цѣлой эпохой; весь погостъ радуется—если женихъ хорошъ и общимъ голосомъ смѣется надъ дѣвушкой, если женихъ плохъ; смѣется онъ и надъ женихомъ, неудачно посватавшимся. Благодаря тому интересу, который высказываетъ все населеніе погоста къ каждому новому сватовству, складывается цѣлый рядъ пѣсенъ, въ которыхъ подробно, съ эпической простотой и безпристрастіемъ разсказывается, кто за кого сватался, какъ кончилось сватовство и т. п. Этихъ пѣсенъ масса и онѣ вводятъ насъ подробнѣе въ обстановку лопаря, въ его домашній бытъ, чѣмъ передача фактовъ изслѣдователемъ; вотъ почему я и позволю себѣ привести для образца одну изъ такихъ пѣсенъ, гдѣ подробно описывается сватовство и высказывается мнѣніе погощанъ о невѣстѣ, которую женихъ хотѣлъ себѣ взять.

„Фаддей собрался ѣхать въ Бабенгскій погостъ, привезти невѣсту изъ чужаго рода. Сталъ звать съ собой Титова. Титовъ согласился ѣхать. Титовъ и говоритъ: „Еслибъ ты взялъ Егоровну (свахой) говорить и пособлять хозяйничать!“

Народъ говоритъ Фаддеевой матери: „Ты куда, Анна Паповна, запоѣзжала? въ своемъ погостѣ не будетъ-ли тебѣ еще снохи? у васъ тоже есть Домна Антоновна—у васъ сосватана была за Фаддея“. А Анна Паповна говоритъ: „не надо мнѣ распроклятаго рода; я поѣду въ Бабенгскій погостъ, привезу лучшаго рода“. Они и говорятъ: „Какъ-бы вы поѣхали, какъ-бы вамъ погода пала, съ запада палъ-бы вѣтеръ и снѣгъ, такъ что вы нигдѣ не могли-бы найти дороги“. Фаддей отвѣчаетъ: „у насъ есть еще олени, есть у насъ черный быкъ, тотъ доѣдетъ; а если черный быкъ не доѣдетъ, то доѣдетъ олень Бѣлая-Шейка, если Бѣлая-Шейка не доѣдетъ, у насъ есть еще Средняя важенка; если Средняя важенка не доѣдетъ, у Титова есть еще Ласковый быкъ—тотъ доѣдетъ“. Они вдоль Нотозера поѣхали—погода пала: нигдѣ дороги не видать, и Фаддей закричалъ: „Ти-

товъ, поди сюда, поѣзжай впередъ!“ Титовъ поѣхалъ, а Ласковый быкъ побѣжалъ. Титовъ заблудился; Фаддей говоритъ: „не Титовъ заблудился, а вино у него въ головѣ заблудилось—кругомъ идетъ: у него отъ вина въ глазахъ мелькаетъ, точно лѣсъ кривится“. Они путались, путались черезъ тундру; они пріѣхали къ Фотѣевой (отецъ невѣсты) осенней избѣ, гдѣ живетъ Екатерина Фотѣевна. Будто у лисицы, узкіе глаза, зайчія губы—смотрѣть пріятно на Екатерину Фотѣевну; внутри у ней криво и больно (т. е. нездорова). У болота стоитъ сосна и вся раскривилась; на эту сосну смотрѣть-то красиво: какъ разрубишь и распластаешь, такъ противъ солнца кривится всякими узорами дерево —такъ и у Екатерины Фотѣевны также сердце кривится. Фаддей Романовичъ пріѣхалъ къ Екатеринѣ Фотѣевнѣ въ Бабенгскій погостъ. Титовъ да Афимья Егоровна заходили по погосту и пришли къ Екатеринѣ Фотѣевнѣ вечеромъ посидѣть, а сваха прядетъ изъ силяны (изъ ножныхъ жилъ оленя) нитки. А жениха нѣту, онъ въ другой тупѣ, а сваха сидитъ у Екатерины Фотѣевны и прядетъ, и прядетъ. Приходитъ Титовъ съ женихомъ: Титовъ впереди и за руку ведетъ жениха и говоритъ передъ тупой Екатерины Фотѣевны: „*Господи Іисуса Христа и Сына Божія,* помилуй меня грѣшнаго“; а съ невѣстиной стороны отвѣчаютъ: „Милости просимъ, Иванъ Николаевичъ (имя и отчество Титова), садись, гдѣ мѣсто видишь.“ Они входятъ и даютъ руку отцу и матери и невѣстѣ; невѣста сидитъ у комелька, а женихъ въ большомъ углу противъ невѣсты; сваха возлѣ невѣсты. Они сидѣли, сидѣли; потомъ поставили двѣ баски (бабки) на полъ и женихъ съ невѣстой стали играть. Они сидѣли, сидѣли—ушли: до утра проспали.“

Срокъ между сватовствомъ и бракомъ неопредѣленъ точно; онъ варьируется по постамъ; но крайніе предѣлы намѣчены самой жизнью лопаря. Дѣло въ томъ, что, рѣшаясь жениться, лопарь исходитъ изъ чисто хозяйственныхъ соображеній и такъ какъ онъ ступаетъ въ бракъ въ сравнительно позднемъ возрастѣ, то ему ждать долго неудобно; поэтому случаевъ, когда женихъ ждетъ годъ или болѣе между сватовствомъ и бракомъ, какъ это мы видѣли у древнихъ лопарей, среди современныхъ русскихъ лопарей почти не встрѣчается вовсе. Обыкновенно-же браки совершаются между 6-мъ числомъ января и мясопуста т. е. въ срокъ, частью дозволенный церковью и самый удобный для самихъ лопарей, которые, какъ извѣстно, живутъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ въ своихъ зимнихъ погостахъ: это то время, когда они послѣ осенняго лова ведутъ нѣсколько болѣе спокойную и веселую жизнь, чѣмъ все остальное время года; въ это-то время они ѣздятъ изъ погоста въ погостъ, навѣщая другъ друга: въ это-то время происходитъ сватовство и заключается браки; уже поэтому долгаго срока между тѣмъ и другимъ положено быть не можетъ. Женихъ и его семья послѣ рукобитья должна озаботиться о многомъ: тамъ гдѣ употребителенъ еще за невѣсту выкупъ, въ тѣсномъ значеніи этого слова, и гдѣ объ этомъ заключаютъ особыя условія, имъ нужно позаботиться о немъ. Тамъ, гдѣ мѣсто выкупа замѣнилъ собой обычай дарить роднѣ невѣсты вещи и деньги, тамъ требуется приготовить и то и другое. Нужно приготовить и запасы для пиршествъ: и рыбы и мяса, а главное возможно больше водки. Женихъ долженъ отыскать себѣ дружекъ, въ количествѣ трехъ, долженъ пригласить и тысяцкаго. Въ домѣ невѣсты не меньше хлопотъ: она готовитъ для себя вѣнчальное платье, для жениха подарки, если то и другое предусмотрительно не заготовлено ею уже раньше; она должна найти и сваху и дружекъ („прово-

жаевъ") для себя. Родители ея въ свою очередь заботятся объ угощеніи, заготавливаютъ припасы и вино въ возможно большомъ количествѣ. Въ условленные дни происходятъ свадьба и вѣнчаніе. Русскіе лопари рѣзко отличаютъ одно отъ другаго: вѣнчаніе, какъ необходимое условіе свадебнаго ритуала, стало входить лишь съ тѣхъ поръ, какъ внутри страны увеличилось число церквей; до того времени между свадьбой и вѣнчаніемъ проходило много времени, иногда годъ, иногда даже и больше: это объяснялось отдаленностью погостовъ отъ Колы (Ловозерскій погостъ напр. отстоитъ отъ Колы на разстояніи около 240 верстъ) и тѣмъ, что лопари не придавали вѣнчанію почти никакого значенія. Въ настоящее время, когда церквей внутри страны стало больше, древняя свадьба нисколько не утратила своего характера: она совершается до вѣнчанія и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ влечетъ за собой и теперь всѣ послѣдствія брака.

Въ свадебномъ ритуалѣ мы также, какъ и въ сватовствѣ не встрѣчаемъ однообразія и поэтому изложу и его по погостамъ, въ томъ порядкѣ, какъ и сватовство.

Въ Лововерскомъ погостѣ свадебный ритуалъ состоитъ изъ двухъ частей: смотрѣнья, по-лопарски *кэхча-вылка*, и стола. Смотрѣнье происходитъ всегда наканунѣ стола такъ, что второй есть лишь продолженіе перваго. Прежде всего собираютъ гостей со всего погоста на пиръ въ домъ родителей невѣсты. Обязанность приглашать лежитъ на самомъ женихѣ и на дружкахъ („дружьякъ"). Прежде всего дружки идутъ въ домъ жениха звать его самого и родителей на смотрѣнье; когда они входятъ въ тупу, женихъ говоритъ имъ: „милости просимъ-ба, садись-ба, хвастай-ба." Дружки садятся и начинаютъ совѣтоваться „какъ столъ собрать, какъ свадебничать." Затѣмъ когда вопросъ объ устройствѣ стола рѣшенъ, отправляются по погосту приглашать; приглашенія удостаиваются лишь богатые—бѣдныхъ не зовутъ: имъ предоставляется право всходить на крышу тупы, гдѣ пируютъ и спускать во внутрь ея, черезъ трубу отъ комелька свои котлы, куда имъ и кладутъ мясо и водки. Послѣ того, какъ приглашенія окончены, женихъ отправляется въ домъ невѣсты одинъ. Когда онъ приходитъ, мать невѣсты говоритъ ему; „я въ люлькѣ дѣвку качала: у меня колѣни болятъ-надо полѣчить." Женихъ даетъ ей рублей 10—15 и больше, смотря по своему состоянію. Отецъ невѣсты послѣ этого заявляетъ жениху: „я старъ сталъ—денегъ доставать больше не могу; малолѣтнюю дѣвку кормилъ, а теперь старъ сталъ, глава болятъ, хлѣба доставать не могу." Женихъ даетъ ему, по крайней мѣрѣ, два серебрянныхъ рубля, которые онъ прикладываетъ къ глазамъ старика; если женихъ богатъ, онъ кромѣ этого еще даетъ ему денегъ; кромѣ того онъ поитъ отца невѣсты водкой. Послѣ этого женихъ получаетъ право сидѣть около невѣсты: онъ садится съ ней рядомъ, не снимая шапки, на почетномъ мѣстѣ; невѣста-же сидитъ съ лицомъ, покрытымъ платкомъ. Въ это время входятъ дружки и приносятъ подарки невѣстѣ обыкновенно платокъ. По врученіи подарковъ начинается обрядъ хороненія невѣсты. Жениха на время удаляютъ изъ тупы, а невѣсту прячутъ среди толпы; затѣмъ вводятъ жениха и онъ долженъ искать свою невѣсту-уточку. Обращаясь къ отцу невѣсты, онъ говоритъ: „покажи мнѣ уточку, красива-ли она или нѣтъ? Можно-ли стрѣлять уточку, можно-ли за-мужъ взять?" Отецъ отвѣчаетъ „можно". Послѣ этого женихъ ловитъ невѣсту, показываетъ ее изъ дверей дружкамъ, которыя берутъ ее за руки и приводятъ къ жениху. Этимъ собственно говоря кончается смотрѣнье, иначе называемое „уточкой".

Внѣ всякаго сомнѣнія въ уточкѣ Лововерскаго погоста мы имѣемъ лишь одинъ изъ многочисленныхъ варіантовъ этого-же обряда, встрѣчаемаго во всѣхъ мѣстностяхъ Лапландіи подъ разными наименованіями, но имѣющимъ всѣ одинъ и тотъ-же смыслъ— ловлю женихомъ невѣсты.

Поэтому, прежде чѣмъ перейти къ обряду „стола," я сдѣлаю отступленіе и изложу обрядъ уточки въ болѣе полномъ видѣ, какимъ онъ встрѣчается у лопарей Кильдинскаго погоста, которые совершаютъ его наканунѣ вѣнчанія. Несмотря на многіе русскіе обороты рѣчи, нельзя не видѣть въ этомъ если и не вполнѣ національнаго обряда лопарей, то во всякомъ случаѣ сдѣлавшимся національнымъ, благодаря долгому его господству среди лопарей. Довольно чистый русскій языкъ объясняется тѣмъ, что лопари Кильдинскаго погоста лучше своихъ соплеменниковъ другихъ погостовъ владѣютъ русскою рѣчью.

Наканунѣ вѣнчанія дружка ходитъ также изъ тупы въ тупу приглашать гостей: при входѣ въ тупу они произносятъ молитву: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!" Хозяева на это отвѣчаютъ: „аминь." Старшій изъ дружекъ говоритъ на это:— „благодарю за аминь." Послѣ этихъ первыхъ привѣтствій дружки обращаются къ приглашаемымъ со словами: „батюшка и матушка кланялись хлѣба-соли кушать. Не будьте горды, будьте милосердны, не будьте ослушники,—будьте послушники; пожалуйста полегчитесь на нашу веселую вечеринку посидѣть, и нашу заручённую невѣсту посмотрѣть." Такое приглашеніе повторяется до трехъ разъ, и затѣмъ приглашенные отправляются въ домъ невѣсты, садятся за столъ, а дружки угощаютъ ихъ виномъ. Въ большомъ углу сидитъ отецъ, а мать непремѣнно садится къ порогу. Жениха въ это время нѣтъ—онъ остается у себя въ домѣ. Когда гости всѣ собрались, жениха извѣщаютъ объ этомъ, и онъ съ своими родственниками приходитъ къ тупѣ родителей невѣсты и съ молитвой: „Господи Іисусе Христе и т. д." отворяетъ дверь, съ цѣлью войти въ тупу. Около порога ему загораживаетъ дорогу кто-нибудь изъ родственниковъ невѣсты; онъ сидитъ на порогѣ и притворяется спящимъ. Женихъ и его родные крестятъ его три раза по головѣ, произнося при этомъ слѣдующія слова: „Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! Встань, пробудись отъ великаго сна, отворяй очи ясны, поднимай брови черныя, вздыми свою буйную голову, взгляни на насъ, на добрыхъ молодцовъ, на заморскихъ купцовъ! У насъ здѣсь въ гавани стоялъ корабль, и были поставлены силушки; попала въ нихъ уточка-золотыя перышки; она ушла и унесла наши вилочки; вотъ мы ослѣдили и дошли до этого мѣста. Не у васъ-ли эта самая уточка? Пустите, пожалуйста, мы съ дороги озябли". Ихъ не пропускаютъ, и сидящій у порога продолжаетъ спать, они подходятъ къ нему въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди стоитъ дружко, умѣющій говорить уточку; за нимъ женихъ, за этимъ дружко, играющій роль лошади, а за нимъ дружко, играющій роль кучера. Это должно изображать, что они пріѣхали за уточкой. Дружко, изображающій изъ себя лошадь, толкаетъ жениха и стоящаго впереди дружку, какъ бы стараясь пробраться впередъ. Старшій дружко говоритъ: „Кучеръ удерживай лошадь"! Кучеръ обращаясь къ лошади говоритъ: „тпру, стой не наваливай!" Затѣмъ старшій дружко будитъ сидящаго у порога родственника невѣсты: „проснись, пожалуйста, поговори съ нами. Если ты чѣмъ нибудь боленъ, то у нашихъ заморскихъ купцовъ лѣкарства довольно. Если у тебя шея зябнетъ—согрѣемъ; если у тебя глаза плохи можно очки дать;

если у тебя горло болитъ, то у насъ и противъ этого лѣкарство есть: у нашихъ заморскихъ купцовъ всего довольно". Тотъ пробуждается, но говорить еще не можетъ: старшій дружко даетъ ему рюмку водки, и пробудившійся говоритъ: „еще не могу поправиться, еще горло болитъ". Ему даютъ еще рюмку водки. Послѣ второй рюмки онъ откашливается и говоритъ: „у меня глаза плохи—плохо вижу". Ему отвѣчаютъ: „можно это излѣчить: у насъ есть очки"; при этомъ ему даютъ двѣ серебряныя монеты, которыя сидящій у порога и прикладываетъ къ глазамъ, говоря: „теперь я вижу". Затѣмъ онъ склоняетъ голову, снова притворяется крѣпко спящимъ. Его снова усиленно стараются разбудить. Проснувшись онъ говоритъ: „шея у меня зябнетъ". Старшій дружко говоритъ: „что такъ долго морозишь? Сказалъ бы раньше—все бы было готово", при этомъ старшій дружко повязываетъ ему шею платкомъ. Послѣ этого сидящій у порога заявляетъ: „у меня языкъ плохо поворачивается"—ему снова даютъ водки, и онъ пропускаетъ ихъ въ тупу. Войдя въ тупу, весь поѣздъ подходитъ къ отцу невѣсты, который сидитъ, какъ сказано выше въ большомъ углу и тоже притворяется спящимъ. Во время входа въ тупу, дружко, изображающій лошадь, толкаетъ старшаго дружко и жениха по направленію къ отцу невѣсты, а кучеръ говоритъ: „тпру, стой, не навалivaй"! Старшій дружко обращается къ отцу невѣсты съ той-же молитвой и говоритъ ему тоже, что онъ говорилъ и сидѣвшему у порога родственнику невѣсты; отецъ не просыпается и дружко опять начинаетъ: „у насъ стоялъ корабль и т. д." Послѣ этого отецъ приподнимаетъ слегка голову и говоритъ: „у меня горло болитъ, и голоса вовсе нѣтъ". Ему даютъ рюмку водки со словами: „поправь свое горло—говори съ нами, съ добрыми молодцами, съ заморскими купцами". Отецъ отвѣчаетъ: „еще горло болитъ". Ему опять даютъ водки; послѣ этого отецъ заявляетъ: „не вижу. Не знаю, кто вы такіе и зачѣмъ пришли". Ему даютъ серебряную монету: „вотъ тебѣ очки". Отецъ прикладываетъ эту монету къ глазу и говоритъ: „на одинъ глазъ вижу, а на другой—нѣтъ". Ему даютъ еще серебряную монету. Приложивъ вторую монету къ другому глазу, отецъ объявляетъ: „теперь вижу кто вы такіе, но не знаю зачѣмъ пришли", и склонивши голову, снова притворяется спящимъ, старшій друшко будитъ его снова молитвой: „Господи, Іисусе, Христе..." Отецъ пробуждается и говоритъ: „шея зябнетъ"; ему даютъ платокъ, но онъ говорить все еще не хочетъ и заявляетъ: „у меня языкъ плохо ворочается". Ему даютъ водки, послѣ чего отецъ невѣсты говоритъ: „идите впередъ", и указываетъ на мать невѣсты, сидящую у порога; она также притворяется спящей; повторяется тоже: та же молитва, удерживаніе лошади и т. д. Мать невѣсты проснувшись говоритъ: „у меня когда я ростила дочь, пропали колѣни; нужны заплаты—колѣни у сарафана издержались—нужны заплаты". Ей кладутъ на колѣни какой нибудь подарокъ. Получивъ подарокъ мать говоритъ: „идите впередъ". Всѣ направляются къ свату, который также притворяется спящимъ: его будятъ молитвой, сватъ проснувшись заявляетъ: „у меня, языкъ плохо ворочается". На это старшій дружко отвѣчаетъ: „какъ же ты раньше хорошо говорилъ, а теперь у тебя языкъ плохо ворочается? Впрочемъ, у нашихъ заморскихъ купцовъ есть лѣкарство,—можно излѣчить: языкъ твой заходитъ попрежнему". Ему даютъ послѣ этого рюмку водки со словами: „говори съ нами, съ добрыми молодцами, съ заморскими купцами; у насъ въ гавани и пр. Мы теперь ясно знаемъ, что уточка у васъ,

Нельзя-ли ее выкупить, и мы даемъ выкупъ, сколько вы попросите". Сватъ сказываетъ выкупъ въ нѣсколько сотень рублей и старшій дружко, за каждую сотню платитъ ему по рублю. Получивъ деньги сватъ говоритъ: „у меня языкъ кривится—нужно его поправить". Для поправки языка, старшій дружко даетъ ему водки со словами: „поправь свой языкъ, и говори съ нами съ добрыми молодцами, съ заморскими купцами". Послѣ этого сватъ, указывая на одну изъ самыхъ близкихъ родственницъ невѣсты (иногда и сваху), говоритъ: „вотъ у ней ваша уточка-золотыя перышки". Поѣздъ направляется прежнимъ порядкомъ къ ней; та притворяется также спящей. Ее будятъ молитвой; проснувшись, она говоритъ: „что вы за люди, и кто вы такіе и зачѣмъ вы пришли?—не даете ночью покоя". Старшій дружко отвѣчаетъ: „мы заморскіе купцы; стоялъ корабль въ гавани" и пр. даетъ ей водки, послѣ чего она говоритъ: „вотъ здѣсь уточка—золотыя перышки—только у ней есть маленькія лапки". „А у нашего сокола, отвѣчаетъ старшій дружко, очень острые когти: покажите уточку—онъ ее поймаетъ". Невѣсту покрытую платкомъ выдвигаютъ впередъ; женихъ ее ловитъ, стараясь схватить ее за кончикъ пальцевъ; эта ловля повторяется три раза. Поймавъ невѣсту въ третій разъ, онъ сажаетъ ее на постель и вмѣстѣ покрываются платкомъ, только не тѣмъ, которымъ была покрыта невѣста: самъ женихъ привозитъ этотъ платокъ и покрываетъ имъ и невѣсту и себя. Въ это время присутствующіе начинаютъ плясать. Часа черезъ два молодые, такъ какъ они таковыми считаются, съ момента покрытія однимъ платкомъ, открываются и принимаютъ участіе въ общей пляскѣ. Съ того момента, какъ женихъ поймалъ уточку, начинается угощеніе водкой, рыбой, пирогами и т. п. Во время сватовства, когда совершается рукобитье—также „играютъ" уточку въ Кильдинскомъ погостѣ; ритуалъ совершенно тотъ-же, только женихъ не принимаетъ въ немъ участія: онъ остается все время внѣ тупы. Когда дружки выкупятъ вышеозначеннымъ способомъ уточку, старшій дружко впускаетъ жениха, который и ловитъ ее. Послѣ этого начинается разговоръ о приданомъ; жениха затѣмъ сажаютъ рядомъ съ невѣстой на почетное мѣсто и дружки подносятъ имъ рюмку водки, и прежде чѣмъ они принимаются пить, говорятъ имъ: „подумайте хорошенько". Если женихъ и невѣста отопьютъ вмѣстѣ изъ рюмки, дѣло считается уже окончательно рѣшеннымъ.

Въ Кильдинскомъ погостѣ выкупомъ уточки и ловлей ея заключается свадьба, женихъ можетъ вступить въ свои супружескія права послѣ этого. На Ловозерѣ за уточкой, которая хотя и не въ такомъ полномъ видѣ играется на смотрѣньѣ, слѣдуетъ еще такъ называемый столъ. Этотъ пиръ даетъ въ домѣ невѣсты женихъ на свой счетъ. Когда гости всѣ соберутся, женихъ вмѣстѣ съ невѣстой исполняютъ роль хозяевъ и угощаютъ всѣхъ: кланяются передъ каждымъ гостемъ и говорятъ: „кушай на здоровье". Невѣста все еще закрыта платкомъ. Когда всѣхъ обошли съ угощеніемъ, женихъ садится съ невѣстой за столъ; около жениха садится тысяцкій, около невѣсты сваха; по прошествіи нѣкотораго времени начинается прощанье. Мать невѣсты обращаясь къ жениху и къ невѣстѣ начинаетъ пѣть слѣдующее причитаніе: „Куда ты уходишь, какъ я буду безъ тебя жить, какъ будешь бывать, какъ проживать, какъ наживать деньги? Будешь-ли мужа любить? Будешь-ли жену любить? Не покинь, не оставь, живите хорошенько, не обижай мою дочку"! Невѣста въ отвѣтъ на это говоритъ: „прощай матуш-

ка". Женихъ говоритъ матери: „Спасибо, не покину ее, будемъ съ ней вмѣстѣ хлѣбъ ѣсть". Съ отцомъ прощаются просто словами: „прощай айчъ (отецъ)". Приносятъ вино: женихъ и невѣста обносятъ всѣхъ присутствующихъ родственниковъ; тѣ пьютъ и затѣмъ кладутъ въ рюмку либо денегъ, либо изображеніе изъ хлѣба оленя; сколько кто положитъ такихъ изображеній оленей—столько онъ долженъ подарить брачущимся. Въ это время и тысяцкій даритъ свахѣ платокъ. Послѣ стола брачущіеся считаются уже молодыми, и женихъ по окончаніи прощанья уводитъ невѣсту вмѣстѣ съ дружками къ себѣ домой. Родители молодаго встрѣчаютъ его на порогѣ своей тупы и благословляютъ обѣихъ одной иконой и хлѣбомъ; молодые кланяются родителямъ три раза въ ноги. Отецъ говоритъ, обращаясь къ молодымъ: „живите на здоровье, живите въ мирѣ, слушайте другъ друга — не грѣшите". Послѣ этого слѣдуетъ ужинъ, не отличающійся ничѣмъ отъ обыкновеннаго будничнаго. Родители угощаютъ молодыхъ: „кушай, невѣстушка, кушай: не осуди—больше ѣды хорошей нѣтъ: что Богъ послалъ, то и ѣшь". Послѣ ужина молодые ложаться вмѣстѣ спать. До вѣнчанія, до котораго въ недавнее еще время проходило подчасъ нѣсколько мѣсяцевъ, молодая живетъ въ домѣ на правахъ хозяйки и работаетъ какъ и прочія женщины въ домѣ.

Вглядываясь въ свадебные обряды ловозерскихъ лопарей, нельзя не придти къ заключенію, что самый важный моментъ въ свадьбѣ это поимка уточки; столъ есть лишь продолженіе обряда, откладываемый лишь для удобства на слѣдующій день. Заключительный моментъ, слѣдовательно, необходимо видѣть для лопарей Кильдинскаго погоста въ покрытіи жениха и невѣсты однимъ платкомъ, для Ловозерскаго погоста совмѣстное сидѣніе послѣ поимки уточки. Но если въ этихъ обрядахъ мы находимъ уже сильныя воспоминанія объ эпохѣ похищенія невѣстъ и затѣмъ о выкупѣ за нея, то въ другихъ погостахъ это воспоминаніе еще сильнѣе.

Въ Пазрѣкѣ свадьба соединяется съ вѣнчаніемъ; въ то время какъ въ другихъ мѣстахъ она празднуется за нѣсколько дней до вѣнчанія или, по крайней мѣрѣ, наканунѣ его, въ Пазрѣцкомъ погостѣ она совершается въ тотъ же день и предшествуетъ непосредственно вѣнчанію. Утромъ родные жениха собираются къ нему; родные невѣсты сходятся въ ея домѣ. Дружки, называемые здѣсь кучерами, сходятся также въ домѣ жениха. Когда всѣ соберутся, посылаютъ одного кучера въ домъ невѣсты узнать, готово-ли тамъ все; обыкновенно посланный возвращается съ извѣстіемъ, что уже все готово (*кирганамв*). Послѣ этого всѣ, кромѣ самаго жениха, отправляются въ домъ невѣсты. Одинъ изъ кучеровъ остается съ женихомъ сторожить его. У дверей дома родителей невѣсты ихъ встрѣчаютъ три парня и загораживаютъ имъ входъ, имъ говорятъ рѣзко: „убирайтесь прочь! пропустите, не безъ дѣла же мы пришли". Но парни стоятъ на своемъ и не пускаютъ, требуя выкупа. Имъ даютъ хлѣба, сала, калачей и просятъ пропустить; но это не помогаетъ, они задерживаютъ поѣздъ до тѣхъ поръ, пока имъ не дадутъ денегъ (нѣсколько копѣекъ) По входѣ въ тупу всѣ кладутъ нѣсколько поклоновъ передъ иконами и просятъ, чтобы имъ дали какое-нибудь мѣсто, чтобы сѣсть. Родственники невѣсты рѣзко отвѣчаютъ имъ на это: „теперь не время сидѣть—не готовы," и въ это время схватываютъ одного изъ родственниковъ жениха и берутъ его къ себѣ, въ качествѣ заложника, а остальнымъ говорятъ: „подите прочь, мы не поспѣли—зачѣмъ без-

покоили“. Пришедшіе уходятъ на улицу и тамъ вываливаются въ снѣгу; затѣмъ снова приходятъ въ тупу и говорятъ: „давайте мѣсто; на улицѣ погода (т. е. буря), мы едва не замерзли“. „Что намъ за дѣло, отвѣчаютъ родственники невѣсты, подите еще походите“, при этомъ схватываютъ одну изъ родственницъ жениха и оставляютъ ее при себѣ. Остальные снова уходятъ и черезъ нѣсколько времени снова входятъ въ тупу и говорятъ: „давайте мѣсто, на улицѣ мы совсѣмъ можемъ замерзнуть. Отдайте намъ и людей нашихъ: мы ихъ выкупимъ“; при этомъ лицамъ, схватившимъ родственника и родственницу жениха, даютъ нѣсколько копѣекъ; плѣнниковъ возвращаютъ имъ и родственники жениха спрашиваютъ у нихъ, какъ съ ними обходились. Тѣ отвѣчаютъ, что хорошо. Послѣ этого они обращаются къ родственникамъ невѣсты съ слѣдующимъ предложеніемъ: „у насъ есть купецъ—а у васъ есть птица: продайте ее намъ“. Слѣдуетъ замѣтить, что въ третій разъ въ тупу входитъ и женихъ съ кучеромъ, который его сторожилъ. Въ то время, какъ всѣ садятся, онъ стоитъ и кучеръ его держитъ на кушакѣ. Невѣста въ это время лежитъ въ углу; у ней въ ногахъ сидитъ ея крестная мать; онѣ притворяются спящими и обѣ накрыты большимъ платкомъ. Кучеръ подходитъ къ нимъ съ женихомъ и начинаетъ ихъ будить слѣдующей рѣчью: „встань отъ великаго сна, поднимай черныя брови, отвори ясныя очи“, въ то же время онъ ударяетъ крестную мать невѣсты по спинѣ. На первое обращеніе та ничего не отвѣчаетъ и продолжаетъ притворяться спящей. Кучеръ повторяетъ свои слова; послѣ этого крестная мать невѣсты поднимаетъ платокъ и говоритъ: „что вы безпокоите насъ, не даете спать“ и опять закрывшись платкомъ притворяется спящей. Кучеръ будитъ ее въ третій разъ тѣми же словами; крестная мать невѣсты послѣ этого открывается и говоритъ: „Пришли съ купцомъ и хвалите его, да и у насъ птица хороша; (она въ это время гладитъ невѣсту по рукамъ и головѣ) а каковъ-то у васъ купецъ“? Кучеръ выхваливаетъ жениха: говоритъ, что онъ богатъ и не знаетъ и счета деньгамъ. Послѣ этого крестная мать проситъ у него денегъ, заявляя, что безъ денегъ она не отдастъ невѣсты. Получивъ отъ кучера рубль, она открываетъ невѣсту и становится впереди ея; такимъ образомъ женихъ отдѣляется отъ невѣсты своимъ кучеромъ и ея крестной матерью. Оставшись на своемъ мѣстѣ, онъ долженъ поймать невѣсту; два раза онъ ее схватываетъ; въ третій, взявъ за руку, притягиваетъ ее къ себѣ и становится около нея. Послѣ этого всѣ родственники жениха садятся за столъ и начинается угощеніе, послѣ котораго жениха и невѣсту кучеръ обводитъ три раза вокругъ середины избы. Этимъ кончается свадьба, послѣ чего слѣдуетъ благословеніе и вѣнчаніе.

На Нотозерѣ, въ Сонгелахъ и Бабенгѣ свадьба совершается слѣдующимъ образомъ: въ назначенный для свадьбы день пріѣзжаютъ женихъ съ своей родней; жениха не пускаютъ въ тупу; онъ бѣжитъ—его выгоняютъ на улицу и тамъ вываливаютъ его въ снѣгу. Женихъ, указывая на непогоду, на волковъ, которые его преслѣдуютъ, проситъ позволенія войти; ему отказываютъ до трехъ разъ. Наконецъ, женихъ объявляетъ что ему грозитъ смерть если онъ останется еще дольше на улицѣ и ему разрѣшаютъ оставаться въ тупѣ. Послѣ этого начинается пиршество, во время котораго какъ и на Ловозерѣ дѣлаютъ подарки брачущимся. По окончаніи обѣда женихъ срываетъ платокъ съ невѣсты, которымъ она была до той минуты закрыта. Этимъ, собственно говоря, заключается

бракъ, но затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ дѣйствій—живыхъ воспоминаній эпохи похищенія невѣстъ. Женихъ, или лучше сказать молодой, долженъ увезти свою невѣсту къ себѣ, какъ и на Ловозерѣ. Но въ то время, какъ тамъ это дѣлается довольно спокойно, здѣсь совершается слѣдующее: пока невѣсту одѣваютъ, она бьется, кричитъ, бѣгаетъ по тупѣ; всѣ родственники жениха гонятся за ней, ловятъ ее и привязываютъ къ столбу. Затѣмъ, когда кережи для отъѣзжающихъ готовы, ее выносятъ, кладутъ въ кережу, привязываютъ къ ней и накрываютъ молодую мѣхами и одѣялами; мужчины кричатъ и стрѣляютъ въ воздухъ. Среди этого шума и крика двигается поѣздъ къ дому или погосту, гдѣ живетъ семья жениха. Въ этой послѣдней части свадебнаго ритуала, такъ живо производящей подробности похищенія невѣсты, мы видимъ какъ-бы воспроизведеніе словъ Калевалы, гдѣ описывается похищеніе Леминкейненомъ дѣвицы Килликки „цвѣта прославленнаго Саари“.

Удалецъ, цвѣтущій жизнью
Къ нимъ (играющимъ на лужайкѣ дѣвушкамъ) подъѣхалъ Леминкейненъ,
На жеребчикѣ онъ въѣхалъ,
На отборнѣйшей лошадкѣ,
Въ середину самой пляски
Въ хороводъ дѣвицъ прекрасныхъ.
Онъ схватилъ Килликки въ сани,
Бросилъ дѣвку на сидѣнье,
Обвязалъ ремнями быстро,
Скоро вяжетъ перевязкой.

Онъ коня кнутомъ ударилъ.
Хлопнулъ онъ ремнемъ сильнѣе,
Съ быстротой оттуда скачетъ“ —и нѣсколько дальше, гдѣ Леминкейненъ говоритъ:
„....Что я лучшую изъ всѣхъ нихъ
Взялъ къ себѣ на коврикъ въ сани
Бросилъ внизъ ее, подъ полость,
Подъ мѣха швырнулъ поспѣшно.
Отплатилъ я за насмѣшки
За хихиканье дѣвичье“ [1])

Когда пріѣзжаютъ къ тупѣ жениха, съ невѣстой сразу начинаютъ всѣ обходиться ласково. Сдѣлавшись женой, она принимается сейчасъ-же за работу и считается хозяйкой, начиная съ того момента, когда она вступаетъ въ тупу молодаго.

Иногда, въ тѣхъ-же мѣстностяхъ, свадьба совпадаетъ съ рукобитьемъ: именно обряды „свѣченія свѣчей“ и „смотрѣнья“ заключаютъ свадьбу. Въ этихъ послѣднихъ обрядахъ мы видимъ главный, заключительный моментъ въ кормленіи невѣсты женихомъ и въ совмѣстномъ выпиваніи водки изъ одной рюмки. Въ настоящее время обрядъ „смотрѣнья“ совершается обыкновенно либо наканунѣ вѣнчанія, либо за нѣсколько дней до него. Но въ прежнія времена, по словамъ лопарей, между тѣмъ и другимъ протекалъ подчасъ довольно значительный промежутокъ времени, иногда и нѣсколько мѣсяцевъ.

Въ томъ фактѣ, что заключительнымъ моментомъ лопарской свадьбы является подчасъ сидѣніе жениха и невѣсты подъ однимъ платкомъ, совмѣстное питье водки и кормленіе невѣсты женихомъ, слѣдуетъ видѣть символическія дѣйствія, которыми вообще такъ богаты обряды народовъ, находящихся на низкомъ уровнѣ развитія. Подобно тому какъ встрѣчавшееся у многихъ другихъ народовъ совмѣстное сидѣніе обѣихъ брачущихся на шкурѣ жертвеннаго животнаго, или совмѣстное ѣденіе хлѣба символически доказывало,

[1]) Калевала, руна 11-я, пер. Л. Бѣльскаго.

что обѣ брачущіяся стороны какъ бы обязуются съ этого момента вести совмѣстную, неразлучную жизнь—такъ и въ лопарскихъ аналогичныхъ обрядахъ лежитъ та-же основная мысль. Естественно поэтому, что именно послѣ совершенія этихъ символическихъ дѣйствій бракъ считается заключеннымъ и женихъ получаетъ права мужа.

Послѣ того, какъ заключенъ бракъ, остается, по понятіямъ лопарей, еще вѣнчаніе; въ настоящее время, какъ я говорилъ уже, срокъ, протекающій между свадьбой и вѣнчаніемъ, все болѣе сокращается и рѣдко между тѣмъ и другимъ приходитъ болѣе одной—двухъ недѣль. По прошествіи срока ѣдутъ вѣнчаться. Обряды, сопровождающіе вѣнчаніе, также разнятся по погостамъ, какъ сватовство и свадьба.

На Ловозерѣ, когда приходилось ѣхать вѣнчаться въ Колу, поѣздъ располагался слѣдующимъ образомъ. Впереди ѣхалъ нойда. Присутствіе его считалось и считается необходимымъ на свадьбѣ, чтобы онъ могъ отогнать и дурной глазъ и злаго человѣка сдѣлать безсильнымъ при помощи своихъ чаръ. За нойдой ѣхали, сидя въ одной кережѣ, молодые; сани ихъ были запряжены двумя оленями, украшенными разноцвѣтнымъ сукномъ на головѣ и животѣ. За ними располагались родственники молодой, причемъ впереди ѣхала мать молодой; отецъ чаще оставался дома; рѣдко принимали участіе въ этой поѣздкѣ тысяцкій и дружки. За родней молодой ѣхали родственники новобрачнаго. Къ оленямъ, кто могъ, привѣшивалъ колокольчики. Молодая была одѣта въ свое обыкновенное зимнее платье; если-же вѣнчаніе происходило лѣтомъ, то она надѣвала новый сарафанъ. Пріѣхавъ въ Колу, весь поѣздъ останавливался у „хозяевъ", т. е. тѣхъ колянъ, которые вели свои торговыя дѣла съ пріѣхавшими лопарями. Тамъ отдыхали день, который посвящался между прочимъ обсужденію со священникомъ вопроса, можно ли имъ вѣнчаться и на уговоръ о платѣ за вѣнчаніе. На слѣдующій день шли вѣнчаться, причемъ отецъ новобрачнаго и мать новобрачной должны были необходимо присутствовать въ церкви. Во время вѣнчанія, послѣ обхода вокругъ аналоя, какая нибудь изъ замужнихъ родственницъ молодой надѣвала на нее женскій головной уборъ (шамширъ); по окончаніи вѣнчанія молодую покрывали платкомъ. Празднества въ Колѣ не дѣлалось; возвратясь изъ церкви, пили вино и на слѣдующій день уѣзжали въ Ловозеро. Около погоста ихъ встрѣчали всѣ жители погоста съ крикомъ и стрѣльбой изъ ружей. Среди сопровождавшей такимъ образомъ толпы поѣздъ подвигался къ дому родителей молодаго. Отецъ его раньше выходилъ изъ саней, входилъ въ домъ и возвращался оттуда, держа въ рукахъ икону и черный хлѣбъ; на улицѣ онъ благословлялъ молодыхъ, послѣ чего всѣ входили въ тупу; тамъ устраивался пиръ, который приготавливали тысяцкій и дружки. Молодой самъ ходитъ приглашать всѣхъ въ погостѣ, кланяясь и говоря: „приходите невѣсту посмотрѣть." Во время пиршества молодые стоятъ у стола, за которымъ гости и родные пируютъ и угощаютъ: сами они не принимаютъ участія въ ѣдѣ: „кушайте, званые гости, кушайте", безпрестанно повторяютъ они. За пиршествомъ поютъ также пѣсни иногда лопарскія, которыя содержатъ въ себѣ либо разсказы о свадьбахъ другихъ лицъ, либо описываютъ эпизоды даннаго брака; чаще однако поютъ русскія пѣсни: „только языкъ плохо ворочается." При окончаніи пиршества молодые обносятъ присутствующихъ водкой и имъ опять кладутъ въ рюмку кто денегъ, кто оленей. Когда пиръ кончается, родители молодой объявляютъ, какое приданое они даютъ за своей

дочерью: оно состоитъ обыкновенно изъ одѣяла (рова), постели, подушки, сарафановъ, нѣсколькихъ головъ оленей, 10—15, смотря по состоянію, и кережи или саней. По окончаніи отдачи приданаго молодыхъ отводятъ въ амбаръ спать. Черезъ день или два послѣ вѣнчальнаго стола молодые должны отправиться къ родителямъ молодой. Придя въ тупу, оба новобрачные кланяются въ ноги и молодой говоритъ: „спасибо, мать да отецъ, родители, за дѣвушку; дѣвушка хорошая." Тѣ отвѣчаютъ: „не осуди-ба; какой ввялъ такой и владѣй." Подарковъ при этомъ молодымъ не дѣлаютъ.

Въ Пазрѣцкомъ погостѣ обряды при вѣнчаніи слѣдующіе: послѣ того, какъ кучеръ обведетъ молодыхъ три раза вокругъ средины избы, совершается благословеніе: отцы благословляютъ невѣстиной иконой, а матери—даютъ благословеніе хлѣбомъ. Затѣмъ собираются въ церковь. Женихъ и невѣста, лучше сказать молодые, не идутъ изъ избы: ихъ начинаютъ тянуть за руки; они сопротивляются и наконецъ ихъ насильно уводятъ изъ тупы. Около кережи происходитъ тоже; они упираются, ихъ усаживаютъ насильно. Въ поѣздѣ они ѣдутъ послѣдними; родные отецъ и мать новобрачныхъ въ церковь ихъ не сопровождаютъ; вмѣсто нихъ вѣнчальный отецъ и вѣнчальная мать, замѣняющіе собой тысяцкаго и сваху, присутствуютъ въ церкви при вѣнчаніи. Въ церковь, а также и послѣ вѣнчанія изъ церкви, ихъ ведутъ также насильно. Когда они на возвратномъ пути подъѣзжаютъ къ своему погосту, всѣ жители выходятъ къ нимъ навстрѣчу, хватаютъ ихъ оленей и подводятъ къ тупѣ родителей жениха. Въ дверяхъ надъ молодыми держатъ хлѣбъ и потомъ имъ благословляютъ ихъ; послѣ благословенія хлѣбомъ слѣдуетъ благословеніе иконой. Угощенія не бываетъ въ этотъ день: его откладываютъ до слѣдующаго дня, когда всѣмъ гостямъ даютъ водки, рюмки по три, по четыре. Молодые во время угощенія сидятъ у дверей и закрыты: такъ они должны просидѣть въ продолженіи трехъ сутокъ. На второй или третій день послѣ вѣнчанія устраивается сборъ на чарку, *церки кудитъ*. Кучеръ обходитъ всѣ тупы съ приглашеніемъ отъ новобрачныхъ: „Князь молодой приказалъ кланяться, говоритъ онъ приглашаемымъ, просилъ хлѣба-соли кушать, вечеринки посидѣть, молоденьки посмотрѣть, не гордись, подлегчись—приди посмотрѣть." Когда гости соберутся кучеръ обноситъ всѣхъ водкой, два раза, затѣмъ передаетъ подносъ молодой, которая, сопровождаемая мужемъ, обходитъ всѣхъ присутствующихъ, угощая ихъ водкой. Присутствующіе кладутъ имъ деньги, либо символическія изображенія оленей. Послѣ сбора угощаютъ еще разъ всѣхъ присутствующихъ виномъ, послѣ чего пиршество кончается. Иногда сборъ на чарку производится и черезъ полгода послѣ вѣнчанія.

На Нотозерѣ, въ Сонгелахъ и Бабенгѣ вѣнчаніе сопровождается слѣдующими обрядами: въ день вѣнчанія тысяцкій привозитъ къ дому невѣсты кережу, въ которой она и должна ѣхать въ церковь. Невѣста одѣта обыкновенно въ бѣлую юпу и бѣлые каньги. Когда невѣста усядется въ кережу, всѣ однопогощане поднимаютъ шумъ, стрѣляютъ изъ ружей, кричатъ, бьютъ палками о посуду и съ крикомъ и шумомъ провожаютъ невѣсту за предѣлы погоста. Родня ея въ шумѣ участія однако не принимаетъ. По пріѣздѣ къ церкви тысяцкій вводитъ жениха, а сваха невѣсту; невѣста нерѣдко должна упираться и плакать—дѣлать видъ, что она противъ своей воли входитъ въ церковь. По окончаніи вѣнчанія всѣ отправляются въ домъ родителей молодаго; отецъ послѣдняго встрѣчаетъ молодыхъ на порогѣ съ хлѣбомъ и солью. При въѣздѣ въ погостъ, гдѣ находится домъ

родителей новобрачнаго, однопогощане встрѣчаютъ ихъ также съ крикомъ, шумомъ и ружейной пальбой. Въ домѣ, противъ комелька, отгороженъ парусомъ уголъ, въ который и вводятъ новобрачныхъ. За этимъ парусомъ они должны пробыть до слѣдующаго утра. Если кому нибудь изъ нихъ захочется удалиться изъ тупы, они оба должны покрыться однимъ платкомъ и идти вмѣстѣ. За парусомъ-же имъ приготовляютъ брачную постель. На слѣдующій день сваха приноситъ въ амбаръ теплой воды въ котлѣ, стараясь однако сдѣлать это такъ, чтобы чужой глазъ не увидалъ этого, и затѣмъ ведетъ молодыхъ, покрытыхъ однимъ платкомъ, въ амбаръ для совершенія омовенія. Послѣ этого, когда молодые снова вернутся въ свой уголъ, имъ даютъ пить чай. Въ этотъ-же день происходитъ пиръ: двое изъ мущинъ и двѣ женщины посылаются къ жителямъ погоста съ приглашеніемъ придти на обѣдъ. Приглашающіе при входѣ въ тупы кланяются и говорятъ: ,,васъ молодые просятъ молодыхъ посмотрѣть, да поговорить.“ Во время обѣда молодая выходитъ изъ своего угла и обходитъ присутствующихъ съ рюмкой водки; за что присутствующіе ей дѣлаютъ подарки. Молодые не принимаютъ участія въ пиршествѣ, они лишь угощаютъ гостей. Когда гости разойдутся, молодой дѣлаетъ подарки роднѣ своей жены. Тестю онъ даритъ матеріи на рубаху и платокъ, тещѣ—на сарафанъ и т. д., причемъ цѣнность подарковъ зависитъ отъ близости родства одариваемаго къ молодой. Тоже дѣлаетъ съ своей стороны и молодая по отношенію къ роднѣ мужа. Свахѣ молодой даритъ платокъ, молодая—на рукава или на фартукъ. Тысяцкому молодой даетъ также платокъ, молодая—на рубаху. Послѣ этого молодые снова уходятъ за парусъ, гдѣ и проводятъ ночь. На третій день приходятъ къ молодымъ только родственники и одариваютъ молодыхъ, если они не успѣли сдѣлать это раньше, либо приносятъ обѣщанные ими во время пиршества подарки. Вечеромъ сваха снимаетъ парусъ. На четвертый день молодые отправляются за приданымъ.

Сравнивая вышеописанные обряды при сватовствѣ, свадьбы и вѣнчаніи, можно найти во всѣхъ нихъ сходныя черты, не смотря на все разнообразіе, которое они представляютъ. Во всѣхъ поименованныхъ мѣстностяхъ актомъ, дающимъ обязательную силу предбрачнымъ переговорамъ—является рукобитье; бракъ вступаетъ въ силу не послѣ вѣнчанія, но до него, хотя подъ вліяніемъ христіанства свадьба лопарская стремится слиться въ одинъ ритуалъ съ обрядами соединенными съ вѣнчаніемъ, и по всѣмъ вѣроятіямъ недалеко то время, когда бракъ будетъ получать свою силу отъ вѣнчанія, а не отъ поимки невѣсты женихомъ, покрытія ея, совмѣстнаго съ ней яденія и т. п. Пока лопари, хотя и знаютъ, что вѣнчаніе является необходимымъ условіемъ для законности брака, но въ нихъ слишкомъ еще живы ихъ древнія представленія о формахъ заключенія брака, и они невсегда умѣютъ примирить старыя и новыя свои представленія; зная, что бракъ ихъ будетъ считаться незаконнымъ, если они не повѣнчаются—они исполняютъ это требованіе, но если нѣтъ церкви вблизи, откладываютъ вѣнчаніе, какъ не имѣющій для нихъ существеннаго значенія, обрядъ; часто они относятся къ вѣнчанію лишь съ самой формальной точки зрѣнія; такъ въ Пазрѣкѣ, по словамъ о. Щеколдина, былъ слѣдующій случай: какой-то лопарь вступилъ въ четвертый бракъ; когда онъ поѣхалъ вѣнчаться—священникъ отказался вѣнчать ихъ. Такъ какъ, не смотря на всѣ просьбы лопаря, священникъ оставался неприклоннымъ—то разочарованный лопарь на обратномъ пути въ свой погостъ остановился

около сосны и торжественно обошелъ съ своей женой три раза вокругъ нея—и, затѣмъ вполнѣ успокоивъ свою совѣсть, сталъ жить съ своей четвертой женой, считая себя состоящимъ вполнѣ въ законномъ бракѣ. Этотъ случай, относимый лопарями къ прошлому времени, не является однако вполнѣ невозможнымъ и въ настоящее время. Въ свадебномъ ритуалѣ мы видимъ ту общую черту, что повсюду женихъ долженъ овладѣть невѣстой силой и потомъ, либо ранѣе этого, выкупить ее у родныхъ; слѣды похищенія сказались особенно характерно въ обрядѣ привязыванія невѣсты къ кережѣ и т. д. Свадьба для лопаря не есть только его личное дѣло или дѣло его семьи—это дѣло всего рода, который всюду принимаетъ болѣе или менѣе дѣятельное участіе въ ритуалѣ; особенно ясно это воззрѣніе выразилось въ ритуалѣ при сватовствѣ и свадьбѣ среди пазрѣцкихъ лопарей, гдѣ всѣ переговоры ведутся отъ имени рода; интересна также роль родственниковъ при обсужденіи вопроса о бракѣ на родственномъ совѣтѣ—все это вмѣстѣ взятое несомнѣнно доказываетъ, что родовыя традиціи еще довольно сильны и крѣпки среди лопарей. Не менѣе интереснымъ является при свадьбѣ и роль матери, которая иногда даже важнѣе, чѣмъ роль отца; и, какъ мы видѣли, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ большую часть выкупа за дочь получаетъ именно она, а не отецъ. Какъ-бы однако ни были сильны и живы переживанія далекой эпохи господства рода и времени похищенія невѣстъ среди современныхъ русскихъ лопарей—нельзя въ ихъ ритуалахъ не видѣть и вліянія русскихъ. Не говоря уже о молитвахъ, которыя читаются при входѣ въ тупу, съ которой начинаютъ рѣчь, мы можемъ замѣтить это вліяніе и въ названіи должностныхъ лицъ при свадьбахъ русскими словами и въ томъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ та или другая часть ритуала говорится на русскомъ языкѣ: такъ, напримѣръ, въ „уточкѣ“ среди Кильдинскихъ лопарей. Но откинувъ чуждыя вѣянія, которыхъ, кстати сказать, и не много, мы увидимъ много старины среди свадебныхъ обрядовъ современныхъ лопарей—даже болѣе, чѣмъ древніе писатели подмѣтили у лопарей скандинавскихъ, у которыхъ, какъ мы видѣли, не было замѣчено въ ихъ свадебныхъ обрядахъ воспоминаній о похищеніи невѣстъ. У современныхъ русскихъ лопарей обычай похищенія невѣстъ, повидимому, дольше держался, а потому и оставилъ больше слѣдовъ въ ритуалѣ.

Лопарь въ своемъ сватовствѣ почти всегда успѣваетъ; если случается, что онъ получаетъ отказъ, то это обыкновенно бываетъ по желанію самой дѣвушки и лишь въ исключительныхъ случаяхъ по желанію родителей или родственниковъ противъ воли самой невѣсты. Въ такихъ случаяхъ прибѣгаютъ къ похищенію невѣсты; такіе случаи однако такъ рѣдки, что они не успѣли и выработать какихъ-нибудь опредѣленныхъ послѣдствій. Если родители или родственники узнаютъ о похищеніи, они не гонятся за похитителемъ, зная, что даже если они и отобьютъ у него невѣсту, онъ въ скоромъ времени повторитъ похищеніе; единственно, что можетъ въ такихъ случаяхъ сдѣлать отецъ, это лишить дочь приданаго, но и это бываетъ лишь очень рѣдко; молодымъ обыкновенно удается уговорить родителей, испросить у нихъ прощенія и тѣ, посердившись нѣкоторое время, примиряются.

Самое трудное для брачущихся при похищеніи съиграть свадьбу; дѣлается это двоякимъ образомъ: либо выбирается посаженный отецъ, который замѣняетъ собою роднаго отца, и свадьба совершается какъ будто при родномъ отцѣ; либо, что чаще, ѣдутъ

прямо вѣнчаться, такъ какъ лопарь знаетъ, что послѣ вѣнчанія ихъ разъединить ужъ не могутъ. Если совершилась свадьба, то родители молодой не имѣютъ права потребовать ее обратно, но лопари знаютъ, что это лишь ихъ обычай, а не законъ, и что безъ вѣнчанія имъ жить нельзя. Что-же касается до вступленія въ связь съ похищенной дѣвушкой, до свадьбы или вѣнчанія, то лопари избѣгаютъ дѣлать это: такъ какъ они хорошо знаютъ, что это, по ихъ воззрѣніямъ, не считается достаточнымъ для признанія существованія брака. Проживъ послѣ свадьбы и вѣнчанія недѣли двѣ—три вмѣстѣ, молодые отправляются къ родителямъ, и отцу привозятъ водки, которая имѣетъ силу смягчить гнѣвъ даже самаго раздраженнаго лопаря. Приведу пѣснь, гдѣ описывается похищеніе дѣвушки изъ дома ея дяди, у котораго она жила за неимѣніемъ родителей. Случай, воспѣваемый пѣснью, былъ въ дѣйствительности.

„Вдовецъ Иванъ Федотовичъ хотѣлъ жениться на Катеринѣ Карповнѣ; онъ пришелъ въ Винозеро со сватомъ и говоритъ дядѣ: „отдадите-ли племянницу за Ивана Федотовича?“ Онъ говоритъ: „не знаю—сама знаетъ.“ Онъ пришелъ къ Катеринѣ Карповнѣ: „пойдешь-ли, спрашиваетъ, пойдешь-ли за вдовца Ивана Федотовича замужъ?“ Она говоритъ: „перво дѣло—у меня юпа не поспѣла: не въ чемъ подъ вѣнецъ идти; да бѣлы каньги не сошиты, а еще третье дѣло—дядя меня никому не отдастъ: старуха стала стара.“ А сама невѣста сосну скоблитъ овцамъ. Онъ говоритъ: „все равно тебѣ съ чурками (полѣньями) валандаться; пойдешь замужъ все-же не такъ часто будешь это дѣлать; пойдешь замужъ—лучше, чѣмъ въ прислугахъ жить.“ Она и говоритъ: „Не знаю—бѣлая юпа не поспѣла.“ Сватъ и говоритъ: „У меня есть, у жены, бѣлая юпа, да каньги бѣлыя есть—она дастъ: за этимъ дѣло не станетъ.“ Она и говоритъ: „какъ я пойду, у меня нечего надѣть—некрасиво.“ Они и говорятъ: „ты попросись у дяди; возьми топоръ—будто въ лѣсъ хвойникъ рубить. А мы тебя тамъ захватимъ въ кережу и привеземъ въ Нотозерскій погостъ, тамъ переодѣнемся.“ Она надѣла каньги лучшія и сарафанъ получше и пошла, будто хвойникъ рубить. Они вслѣдъ поѣхали—сватъ и женихъ. Иванъ Федотовичъ и захватилъ въ лѣсу Катерину Карповну, посадилъ въ кережу и на одной кережѣ поѣхали въ погостъ. А въ погостѣ переодѣлись и пошли въ церковь и повѣнчались—а дядя дожидается: а мать дяди говоритъ: „полно тебѣ молоть: у насъ дѣвка совсѣмъ ушла—ушла замужъ.“ Онъ и говоритъ: „неужели; вѣдь она просилась хвойникъ рубить.“ Дядя какъ хлестнетъ свою мать—сбилъ даже повойникъ съ головы: „ступай вонъ, говоритъ, за нею вслѣдъ: теперь съ тобою раздѣлаюсь, а какъ она придетъ и ей покажу радость.“ А они обвѣнчались и недѣли черезъ двѣ поѣхали къ дядѣ—пріѣхали съ виномъ: два анкерка привезли. Пока вино не показали—онъ горячится, ничего не говоритъ, не угощаетъ, уходитъ въ кегоры, будто не видитъ гостей; а какъ показали вино, сталъ угощать нойду, накрошилъ—все, что есть лучшаго, всѣмъ угощаетъ. Дядя захватилъ Катерину Карповну за руки и повелъ въ какую-то будку—посадилъ тамъ молодую и говоритъ: „сиди тутъ—почто ты отъ меня убѣжала? Чѣмъ тебѣ худо было жить у меня?“ „Не особенные наряды, отвѣчаетъ, были у васъ припасены для меня: только я съ чурками возилась, да изъ овечьяго хлѣва не выходила.“ Онъ за ухо ее маленько потрепалъ. Она пришла и сказала мужу; онъ и говоритъ дядѣ: „когда она была твоя, ты имѣлъ право ее дуть; а какъ теперь не твоя, ты не имѣешь права дуть“.

Похищенія дѣвушекъ противъ ихъ воли среди лопарей не встрѣчается вовсе.

Если при бракѣ на дѣвушкѣ требуется непремѣнно согласіе ея родителей и родственниковъ, то при бракѣ на вдовѣ дѣло совершается гораздо проще. Будучи дѣвушкой лопарка и членъ семьи, и членъ рода и поэтому семья и родъ имѣютъ право вмѣшиваться въ дѣло брака. Разъ она вышла замужъ, она становится уже членомъ другой семьи, другаго рода; но съ этимъ она связана лишь личностью своего мужа, поэтому разъ мужъ ея умеръ, эта связь прекращается: она является самостоятельной главой семьи, по крайней мѣрѣ, до совершеннолѣтія своихъ дѣтей и совершенно свободной; поэтому-то никто не можетъ помѣшать ей избрать себѣ другаго супруга, хотя-бы и изъ другаго погоста. Въ свою очередь вдовецъ также нисколько не обязанъ испрашивать разрѣшенія на бракъ у своихъ родителей или родственниковъ; послѣ перваго брака, отдѣлившись отъ своей семьи, онъ является совершенно самостоятельнымъ и никому изъ своихъ родичей отчета въ своихъ дѣйствіяхъ давать не долженъ. Уже вслѣдствіе этого вторичный бракъ совершается гораздо проще, чѣмъ первый; въ сватовствѣ и въ свадьбѣ обыкновенно родители и родственники снисходятъ до положенія простыхъ гостей.

Вдовцы выбираютъ себѣ обыкновенно въ жены, либо вдовъ, либо уже немолодыхъ дѣвицъ, стараясь найти себѣ вторую жену, подходящую по лѣтамъ. Если вдовецъ женится на дѣвушкѣ, свадебной ритуалъ мало чѣмъ отличается отъ выше описанныхъ; разница заключается лишь въ томъ, что родители и родственники жениха не играютъ въ немъ почти никакой роли. Другое дѣло, когда лопарь-вдовецъ женится на лопаркѣ-вдовѣ. Дѣло обходится тутъ очень просто. Женихъ пріѣзжаетъ съ своимъ сватомъ къ невѣстѣ, дѣло обходится безъ всякихъ формальностей; послѣ сватовства—женихъ начинаетъ посѣщать свою невѣсту, причемъ имѣетъ право съ ней жить. Черезъ нѣкоторое время, обыкновенно очень короткое, они въ сопровожденіи свата и свидѣтелей отправляются въ церковь вѣнчаться; послѣ вѣнчанія пиршества не бываетъ —угощаютъ лишь свидѣтелей свата, которому дарятъ платокъ. Лишь очень богатые лопари устраиваютъ пиршество, на которое приглашаютъ родственниковъ и знакомыхъ. Во второй бракъ лопарь вступаетъ, главнымъ образомъ, изъ-за хозяйственныхъ разсчетовъ, для дѣтей, чтобы было кому ихъ одѣвать. Этотъ послѣдній вопросъ крайне существенъ для лопаря; изготовляя себѣ одежды самъ, частью изъ оленьихъ шкуръ, частью изъ покупныхъ матерій—ему необходима женщина въ домѣ, которая шила бы ихъ. Кромѣ того женщина въ семьѣ лопаря является большой поддержкой мужу при работѣ. Если у вдовы есть дѣти и если они всѣ еще малолѣтни, то она беретъ ихъ съ собой въ семью мужа, въ которой они и остаются до своего совершеннолѣтія. По достиженіи ими совершеннолѣтія, они отдѣляются, получаютъ свое отцовское имущество обратно и возвращаются на свой прежній семейный участокъ. Если же дѣти уже не маленькія, то вдова передъ выходомъ замужъ старается женить старшаго изъ нихъ, и, отдавъ ему отцовское имущество, оставляетъ остальныхъ дѣтей на его заботу и попеченіе.

Каково-же положеніе женщины въ новой семьѣ, по выходѣ ея замужъ? У писателей, давшихъ намъ свѣдѣнія о бытѣ древнихъ лопарей, мы находимъ извѣстія, что женщины считались лопарями нечистыми; какъ члены другаго рода, онѣ не допускались къ участію въ жертвоприношеніяхъ большинству родовыхъ божествъ; онѣ не смѣли даже прибли-

жаться къ капищамъ; проѣзжая мимо ихъ, онѣ должны были закрывать себѣ лицо, чтобы даже взглядомъ своимъ не осквернить святыни; къ волшебному бубну, какъ къ родовой святынѣ, онѣ не могли прикасаться, не имѣли права ѣсть и жертвеннаго мяса, кромѣ, конечно, жертвеннаго мяса, принесеннаго нѣкоторымъ женскимъ божествамъ, которымъ онѣ сами и приносили жертвы. Въ связи съ взглядомъ, что женщина, какъ членъ, другаго рода можетъ осквернить родовую святыню мужа, стоитъ, вѣроятно, и замѣченный большинствомъ писателей обычай, по которому варить пищу долженъ былъ непремѣнно мужчина; мысль, что женщина своимъ прикосновеніемъ къ семейному очагу—оскверняетъ его, слишкомъ ясно сквозитъ здѣсь. Взглядъ на женщину, какъ на существо нечистое, до извѣстной степени сохранился и среди современныхъ русскихъ лопарей. Такъ своимъ прикосновеніемъ женщина оскверняетъ четырехугольникъ, отдѣленный около очага, въ жилищѣ современнаго лопаря; мыть и варить мясо дикаго оленя—женщины не имѣютъ права: то и другое дѣлается мужчинами. Объ этомъ, какъ и о связи этого обычая съ древними религіозными представленіями лопар і, я говорилъ уже выше. Существуютъ также свѣдѣнія отъ очень недавняго времени, что среди русскихъ лопарей сохранилось запрещеніе женщинамъ варить пищу. Лично я этого обычая подмѣтить не могъ; въ большинствѣ мѣстностей русской Лапландіи приготовленіе пищи является одной изъ самыхъ главныхъ обязанностей лопарки, какъ хозяйки.

Купивъ себѣ жену или похитивъ ее и давши потомъ ея родителямъ и родственникамъ выкупъ за нее—древній лопарь долженъ былъ смотрѣть на жену, какъ на свою собственность, съ которой онъ могъ дѣлать, что ему угодно. Но либо условія быта лопарей, либо его мягкій, добродушный характеръ не дали возможности развиться этому взгляду; по крайней мѣрѣ, писатели о древнихъ лопаряхъ передаютъ намъ, что отличительная черта лопарской семьи—это миръ и согласіе, которые царствуютъ между супругами и не передаютъ намъ случаевъ, когда это согласіе нарушалось, и какъ поступалъ въ такихъ случаяхъ мужъ. Но встрѣчающіяся преданія у современныхъ русскихъ лопарей, о дѣйствіи ихъ предковъ со своими женами, нѣкоторые поступки ихъ въ сравнительно недавнее время, наконецъ взгляды современныхъ лопарей могутъ освѣтить намъ этотъ вопросъ. Несомнѣнно, что въ основѣ взгляда на жену у древнихъ лопарей лежало представленіе о принадлежности ея мужу, какъ это-же представленіе лежитъ въ основѣ взгляда на жену у древнихъ и современныхъ русскихъ лопарей—достаточно подтверждаемое пословицей лопарей: „жена моя, хочу люблю, хочу бью.“ Считая ее своей, онъ не только могъ бить ее, но даже истязать и убивать. Нечего говорить, что подобные случаи являлись лишь исключеніями, но сохранившіеся по этому поводу разсказы и сочувственное отношеніе къ нимъ современныхъ лопарей, передающихъ ихъ, служатъ достаточнымъ доказательствомъ, что и предки современныхъ лопарей считали такихъ мужей правыми, и что ихъ настоящіе потомки оправдываютъ ихъ.

Чтобы пояснить сказанное мною, привожу два разсказа пазрѣцкихъ лопарей о томъ, какъ ихъ предки „учили“ невѣрныхъ женъ своихъ, и какъ наставляли непослушныхъ супругъ; эти разсказы покажутъ, до какихъ предѣловъ могла распространяться власть мужа надъ женой.

Давнымъ давно, говоритъ преданіе, въ Пазрѣцкомъ погостѣ была молодая жена;

вскорѣ послѣ свадьбы она стала измѣнять мужу и ни въ чемъ его не слушалась. Мужъ сначала терпѣлъ, уговаривалъ ее, но ничего не помогало. Изрѣдка онъ и билъ ее веревкой по спинѣ или пиналъ, но не сильно, а жена все продолжала ему измѣнять и не слушаться. Когда они изъ погоста отправились на свои тони и стали жить совершенно одни, а тамъ, чтобы онъ не дѣлалъ надъ женой, никто этого не могъ ихъ ни видѣть, ни помѣшать ему онъ и сдѣлалъ слѣдующее: отправился въ лѣсъ и снялъ съ сосны кору снизу аршина на три. Недѣли черезъ двѣ на соснѣ образовался слой смолы настолько большой, что тѣло могло прилипнуть къ дереву; тогда онъ сталъ просить жену пойти съ нимъ въ лѣсъ; послѣ большихъ просьбъ ему удалось наконецъ уговорить ее. Когда онъ привелъ ее къ соснѣ, онѣ неожиданно схватилъ жену и связалъ ей ноги; потомъ снялъ съ нея всю одежду и, притянувъ ее къ соснѣ, привязалъ жену къ ней возможно плотнѣе веревкой; а волосы ея онъ обвертѣлъ вокругъ дерева и привязалъ ихъ; послѣ этого онъ нарѣзалъ прутьевъ и сталъ ими ее бить до тѣхъ поръ пока не потекла кровь: жена рвалась, но тѣло ея прилипло къ соснѣ, вслѣдствіе чего отъ рѣзкаго движенія отрывалась у ней и кожа. Жена обѣщала быть послушной и мужъ пересталъ ее бить, но все-таки не скоро отвязалъ ее отъ сосны, „чтобы наказаніе было памятнѣе"; при всякомъ движеніи она испытывала страшную боль и повторяла свои обѣщанія. Послѣ долгаго времени мужъ наконецъ отвязалъ ее и взялъ съ нея слово „быть послушной",—а если не будешь,—сказалъ онъ,—я придумаю еще тяжелѣе. „Она съ трудомъ дошла до тупы и когда поправилась, совершенно измѣнилась: сдѣлалась хорошею женою и безъ всякаго прекословія дѣлала все, что мужъ захочетъ, а сама не начинала ничего, не поговоривъ съ нимъ".

Другое преданіе разсказываетъ слѣдующее: „Разъ молодой лопарь женился на бойкой дѣвкѣ и ничего не могъ съ ней подѣлать: она гуляла съ другими и ни въ чемъ его не слушалась. Онъ прожилъ съ ней три года и съ горя умеръ. Около этого же времени умерла женка у одного старика: ему хотѣлось жениться, но никакая дѣвка не шла за него, а вдовъ въ зрѣломъ возрастѣ не было. Вотъ онъ и рѣшился жениться на гулящей вдовѣ. Его всѣ отговаривали: „что ты съ ней будешь дѣлать, когда и молодой не могъ съ ней справиться". Старикъ все-таки женился, и женка его стала жить такъ, какъ и раньше. Онъ позорился съ ней не мало, но все безъ пользы. Она не хотѣла даже готовить ему обѣда и ужина. Пришла осень: они жили вдвоемъ на озерѣ. Она не хочетъ ни рыбы ловить, ни дѣло дѣлать—только ѣсть да лежать. Старикъ озлился: разъ взялъ онъ ее и связалъ,—потомъ раздѣлъ и сталъ бить прутьями до того, что вездѣ кровь текла; послѣ этого на припонъ (покрывало, сшитое изъ холста, для покрышки отъ дождя) онъ положилъ куропачьяго перья и связанную жену, нагую, въ крови, положилъ въ перьё. Перьё къ ней присохло—а она смѣется, прощенья не проситъ, думаетъ что побѣдила. Когда перье присохло—старикъ подошелъ къ ней и сталъ перье отъ тѣла отрывать. Сначала она ничего не говорила, а потомъ говоритъ: „ты меня убьешь, больше терпѣть не могу—больно; оставь, буду тебя во всемъ слушаться". Старикъ все перье отрываетъ, а она проситъ его все и клятву даетъ, что будетъ послушна; взялъ онъ съ нея три раза обѣщаніе, что будетъ послушна и вѣрна и развязалъ ее. Жена стала просить помочь ей снять перье, онъ помогъ: тихонько отмочилъ, а потомъ смылъ. Посмотрѣвъ на себя, она испугалась и заплакала и стала просить прощенія въ грѣхахъ. Ста-

рикъ сталъ ее лѣчить. Когда она выздоровѣла, сдѣлалась и послушной, и вѣрной, и доброй; старикъ изъ нея хорошую хозяйку сдѣлалъ. Народъ какъ увидѣлъ ее зимой въ погостѣ, не зналъ отчего это случилось и сталъ считать старика колдуномъ".

Случались ли среди древнихъ лопарей случаи убійства женъ, сказать очень трудно, но вѣроятно, мужъ считался вправѣ наказать смертью свою жену за ту или другую вину. По крайней мѣрѣ въ записанной мною бывальщинѣ изъ Сонгельскаго погоста, въ которой повѣствуется объ убійствѣ мужемъ жены, сквозитъ взглядъ, что и на это мужъ имѣетъ право. Случай, который описывается въ этой бывальщинѣ, случился неособенно давно; старуха, помнившая подробности этого убійства, умерла лишь лѣтъ 8—9 тому назадъ, а родственники убитой живутъ и по настоящее время въ Сонгельскомъ погостѣ. Привожу эту бывальщину со всѣмъ ея безъискусственнымъ драматизмомъ, какъ мнѣ разсказывали ее лопари.

Жилъ въ Сонгельскомъ погостѣ лопарь, по прозвищу Эссикъ; была у него жена: они богато такъ жили. Мужъ не любилъ свою жену и ходилъ промышлять на тундру. Ходилъ тамъ — промышлялъ, промышлялъ, ходилъ, ходилъ — нашелъ тамъ ключъ большой и думаетъ: „пихну я туда жену". Онъ на тундрѣ стоитъ, головой качаетъ и говоритъ: „ну, ладно". Тутъ и примѣтку поставилъ, а самъ пошелъ домой; пришелъ домой и говоритъ женѣ: „ну, старушка, давай жить попрежнему; надѣнь самое лучшее платье, говоритъ, пойдемъ со мной". Она одѣлась и вымылась — знаетъ, что ей смерть будетъ — самое лучшее платье надѣла: гамаши, лучшій сарафанъ съ хазами (нашивками), сороку изъ бисера и съ хазами, да и перстень надѣла съ украшеніями, въ видѣ листиковъ, да сережки золотыя клала себѣ въ уши—все, что было лучшее, все надѣла. Она себѣ икону, которая въ приданое съ ней пошла, въ карманъ опустила; простилась со всѣми и съ дочерьми, и сыновьями, и съ прислугой: „простите меня грѣшную", говоритъ, „пойдемъ, старикъ, со мною", (старикъ и старушка — обыденное обращеніе мужа и жены другъ къ другу). Старикъ и говоритъ: „старушка, постой, почешу только голову и надѣну тоже лучшій нарядъ". Старуха стала ждать, а старикъ пошелъ одѣваться; одѣлся, пришелъ и говоритъ: „ну, старушка, пойдемъ теперь". Онъ захватилъ ее за руку и повелъ; идутъ вмѣстѣ и разговариваютъ (обыкновенно, когда супруги живутъ согласно, они, отправляясь куда нибудь, держатъ другъ друга за руку). Старикъ и говоритъ: „теперь, мы, старушка, будемъ жить съ тобой хорошо, жить какъ прежде жили". Идутъ и разговариваютъ и смѣются. Онъ велъ, велъ и привелъ ее къ тому самому мѣсту, гдѣ ключъ кипитъ; жена немного и вздрогнула; онъ поцѣловалъ ее и говоритъ: „прости меня, старушка, теперь мы хорошо съ тобой будемъ жить". Она и говоритъ: „славно, хорошо станемъ теперь жить съ тобой, какъ привелъ на такое мѣсто". Онъ захватилъ ее и спустилъ ее внизъ головой въ ключъ, а самъ убѣжалъ. Тамъ черезъ полчаса два мужика идутъ, дикаго оленя ищутъ; смотрятъ —а въ ямѣ женщина вверхъ ногами лежитъ, одинъ мужикъ такъ испугался, что его родимецъ затресъ (т. е. что съ нимъ сдѣлались корчи). Другой мужикъ спустился и вынулъ женщину; вынулъ и поставилъ ее—она ужъ умерла. Онъ узналъ ее; сейчасъ же пошелъ въ погостъ объявить, потомъ пришелъ къ нимъ въ домъ и спрашиваетъ у ея кухарки и дочери: „гдѣ у васъ хозяинъ и хозяйка". Онѣ говорятъ: „на охоту ходилъ, а потомъ

пришелъ домой и говоритъ: „мы, старушка, съ тобой хорошо будемъ жить". Онъ и говоритъ: „славно сталъ онъ жить попрежнему, коли въ проруби жену вверхъ ногами поставилъ". Дочь ея тутъ же какъ услыхала, упала и померла. Онъ, какъ выходить изъ избы, хозяинъ-то подъ избой порохъ кладетъ и спичкой разжигаетъ, чтобы разгорѣлось. Мужикъ и закричалъ: „кто въ избѣ есть—выходите сюда и возьмите иконы". Кухарка стала изъ окошка бросать все, что въ тупѣ было; да икону захватила, а огонь такъ и ходитъ въ избѣ; она еще въ избѣ; да захватила икону и сквозь огонь прошла—волосы обгорѣли, и платье все сожгло на ней: только мужики ее водой окатили такъ ничего. Потомъ кухарка черезъ тайболу куда-то ушла. Мужикъ, который нашелъ женщину-то, пришелъ къ ключу и гробъ состроилъ ей и похоронилъ; онъ похоронилъ, яму копалъ, да крестъ поставилъ — похоронилъ съ другимъ товарищемъ. Мужъ куда-то ушелъ, а мужикъ, который похоронилъ съ товарищемъ, пошелъ промышлять опять."

Не входя въ подробный разборъ этой бывальщины, отмѣчу лишь то, что женѣ приписывается сознаніе того, что ее ожидаетъ смерть и не смотря на то, что она это знаетъ, она покоряется желанію мужа и идетъ съ нимъ вмѣстѣ на вѣрную смерть; она со всѣми прощается и никому ни приходитъ въ голову удержать отца отъ убійства. Насколько эти подробности близки къ тому, что было въ дѣйствительности—вопросъ другой, но важно то, что бывальщина, отражающая на себѣ какъ и всякое поэтическое произведеніе народа, его міросозерцаніе и правовоззрѣніе, оттѣняетъ, именно, эти черты. Но если мужъ и считается въ правѣ убивать свою жену, то это право не примѣняется и, повидимому, не примѣнялось лопарями и если встрѣчались случаи убійства женъ мужьями, то число такихъ убійствъ слѣдуетъ считать единицами, пожалуй, во все протяженіе исторической жизни лопаря.

Если и въ прежнее время право убійства жены и истязанія ея, признаваемое за мужьями, послѣдними не примѣнялось почти никогда, то естественно, что среди современныхъ лопарей не можетъ быть и рѣчи не только объ убійствѣ женъ, но даже и объ истязаніи ихъ. „За послѣднія три поколѣнія, говорятъ пазрѣцкіе лопари, мужья стали куда ласковѣе съ женами, чѣмъ прежде." Мужъ, дѣйствительно, считается выше жены, какъ и вообще всѣ мужчины, по ихъ понятіямъ, и лучше и выше женщинъ. И теперь мужъ имѣетъ право бить непокорную жену, и онъ дѣлаетъ это, но до сильныхъ побоевъ дѣло никогда не доходитъ: жена или уйдетъ, или сосѣди, или родственники заступятся за нее. Разсердится лопарь на свою жену, скажетъ ей: *тонъ пенни чевать*, т. е. ты собачья кожа, ударитъ ее кулакомъ: этимъ дѣло обыкновенно и кончается. Это объясняется отчасти мирнымъ характеромъ лопаря, отчасти и тѣмъ, что въ большинствѣ мѣстностей русской Лапландіи жены и не подаютъ поводовъ къ сильному гнѣву лопаря. Такъ какъ лопарскіе браки рѣдко заключаются противъ воли брачущихся, то лопари и живутъ обыкновенно мирно; въ семьѣ царствуетъ взаимная любовь и крупныхъ неудовольствій между супругами не возникаетъ; къ тому-же рѣдко можно встрѣтить лопарку, измѣняющую своему мужу, конечно, въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ не успѣло еще сказаться вліяніе поморовъ. Въ тѣхъ частяхъ Лапландіи, гдѣ близкое знакомство поморовъ повело къ развращенію лопарей и лопарокъ, тамъ женщины не отличаются особенной вѣрностью супругамъ; онѣ обзаводятся любовниками, какъ изъ числа лопарей, такъ и изъ числа

русскихъ, причемъ лопарка даже хвастаетъ тѣмъ передъ другими женщинами, что она имѣетъ любовника русскаго. Лопарь, въ такихъ случаяхъ, либо спокойно смотритъ на поступки жены, если она хорошая хозяйка, мать и работница, либо, если и вымещаетъ свою злобу, то старается это сдѣлать не на женѣ, а на ея любовникѣ: хотя иногда, поймавъ жену, онъ и ее бьетъ очень сильно, но потомъ успокоивается, а жена, прикинувшись покорной, съумѣетъ обойти препятствія, которыя ей можетъ поставить мужъ. Къ тому же лопари, повидимому, не ревнивы: если ему кто-нибудь скажетъ про его жену, что она имѣетъ своимъ любовникомъ то или иное лицо, онъ сразу никогда не вѣритъ. Онъ начинаетъ лишь присматривать за женой и расправляется съ ней лишь послѣ того, какъ увѣрится самъ въ ея виновности. Для того, чтобы удостовѣриться, онъ прибѣгаетъ къ хитрости. Но случаи нарушенія супружеской вѣрности въ общемъ еще довольно рѣдки въ русской Лапландіи и встрѣчаются лишь въ немногихъ мѣстахъ. Поэтому можно съ полнымъ основаніемъ сказать, что въ общемъ лопарки вѣрны своимъ мужьямъ. Приведу пѣснь о дѣйствіяхъ лопаря, уличившаго свою супругу въ невѣрности.

„Иванъ Игнатьевичъ жилъ въ Гремяхѣ (тоня); у него жена была Акулина—Тужиха Михайловна; изъ Колы пріѣхали лопари; они поѣхали мимо Гремяхи—Константинъ Кипріановичъ, Иванъ Васильевичъ, Акулины Михайловны пріятель (любовникъ). Они какъ поѣхали мимо, до Глубокаго Наволока доѣхали—Акулина Михайловна вслѣдъ по берегу за ними поѣхала. Она стала на нихъ веслами воду плескать. Иванъ Игнатьевичъ, увидѣвъ это—вслѣдъ за мужиками по берегу побѣжалъ. У нихъ прислуга Ирина, а у Ирины янтарный поясъ, Иванъ Игнатьевичъ и проситъ: „дай, Ирина, мнѣ твой янтарный поясъ.“ Она дала, а онъ подъ кустъ сѣлъ и смотритъ и какъ начнетъ Акулина Михайловна ихъ водой обливать, онъ поясомъ шевелитъ; она и кричитъ: „Ирина, Ирина поди сюда.“ Онъ и побѣжалъ: она какъ взглянетъ на мужа, такъ и бросилась въ воду; Акулину Михайловну версты двѣ несла вода—чуть не потонула. Иванъ Игнатьевичъ и Иванъ Васильевичъ поймали повойникъ ея, а ее не могутъ поймать: она словно купается, такъ что только голову видно, словно у нерьпы. Несло ее двѣ версты, а они вслѣдъ за ней на карбасѣ плывутъ. Акулину Михайловну въ заводъ (заливъ) бросило; она и вышла на берегъ. Иванъ Игнатьевичъ взялъ Ивана Васильевича и положилъ его на кережу, снялъ съ себя янтарный поясъ и сталъ бить его; дулъ, дулъ, такъ что онъ не могъ пошевелиться. Акулина Михайловна на гору убѣжала и сѣла подъ кустъ; сидѣла, сидѣла до полуночи. Опять Иванъ Васильевичъ заискалъ ее: онъ искалъ, искалъ и закричалъ: „Акулина Михайловна, Акулина Михайловна, ты гдѣ?“ Она и кричитъ: „Иванъ Васильевичъ, я здѣсь.“ Онъ пришелъ къ ней подъ кустъ: сидѣли, сидѣли—ревутъ и разговариваютъ. Иванъ Николаевичъ (Титовъ) пришелъ къ Акулинѣ Михайловнѣ и говоритъ: „Иванъ, Акулина, идите: Иванъ Игнатьевичъ зоветъ.“ Она пришла къ мужу; онъ и говоритъ: „Акулина Михайловна, ты гдѣ была?“ Она говоритъ: „я была—заборы (семужьи) смотрѣть.“ И стали опять жить, какъ прежде.“

Кромѣ добродушія лопаря съ одной стороны, и умѣнья лопарки уйти во время отъ гнѣва мужа и дать послѣднему время успокоиться, содѣйствуютъ поддержанію семейнаго мира и уговоры родственниковъ, которые либо пристыдятъ мужа, либо жену его за несогласіе и уговорами доведутъ ихъ до того, что они помирятся. Если лопарь ужъ очень силь-

но разсердится, то жена уйдетъ къ своимъ родственникамъ или родителямъ и проживетъ у нихъ нѣсколько дней; мужъ успокоится и придетъ къ нимъ за женой; тутъ ихъ и помирятъ, и они снова начинаютъ жить попрежнему. Роль примирителей берутъ на себя иногда и просто знакомые и обыкновенно успѣваютъ въ этомъ. Вслѣдствіе всего этого разводовъ у лопарей нѣтъ совершенно: мужъ обыкновенно слишкомъ нуждается въ рабочей силѣ, чтобы отогнать отъ себя жену; та въ свою очередь вполнѣ удовлетворяется тѣмъ, что мужъ придетъ за ней и попроситъ ее вернуться: послѣ этого онъ бываетъ обыкновенно съ ней ласковѣе, чѣмъ прежде. Расходовъ также почти нѣтъ, по тѣмъ же причинамъ: если они и бываютъ, то лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда мужъ ужь очень большой пьяница и когда у нихъ нѣтъ дѣтей; лопарка либо уходитъ къ своимъ родственникамъ и живетъ у нихъ, либо нанимается къ кому нибудь въ работницы: если мужъ начнетъ ее требовать обратно, то ея родственники не выдаютъ ея и заставляютъ мужа покориться. До суда-же дѣло никогда въ подобныхъ случаяхъ не доходитъ, такъ какъ сила приговора рода или однопогощанъ имѣетъ, какъ это мы увидимъ ниже, обязательную силу.

Но не только расходы супруговъ встрѣчаются лишь какъ исключенія, но исключеніями являются и вообще семейныя ссоры: хотя лопарь и говоритъ: „хочу люблю, хочу бью — жена моя", но на дѣлѣ выходитъ обыкновенно, что онъ ее любитъ. Когда оба супруга еще молоды, мужъ возитъ обыкновенно ее съ собой для закупокъ ей нарядовъ въ Колу или въ другое мѣсто, поближе, гдѣ можно купить. Даже въ болѣе зрѣломъ возрастѣ лопарю доставляетъ всегда большое удовольствіе привезти своей женѣ какой-нибудь подарокъ; и лопарь, пріѣзжающій въ Колу для разсчетовъ съ „хозяевами", никогда не уѣдетъ домой, не взявши въ долгъ у „хозяина" либо сукна на юпу, либо ситца, либо хоть цвѣтнаго платка для жены, а если онъ не хочетъ входить въ долги, то везетъ хоть сластей.

Хорошая жена платитъ мужу послушаніемъ: она ничего не дѣлаетъ безъ его согласія; въ свою очередь и мужъ во всемъ совѣтуется съ женой: жизнь лопаря сложилась такъ, что почти единственной совѣтницей, единственной помощницей для него является жена; проводя $^2/_3$ года на своихъ семейныхъ участкахъ, безъ всякаго общества, онъ, нуждаясь въ совѣтѣ и поддержкѣ, имѣетъ возможность обратиться лишь къ своей женѣ; а лопарка во всѣхъ случаяхъ можетъ посовѣтовать не хуже мужчины: ей извѣстны всѣ работы, всѣ промыслы, которыми занимается и мужъ и она можетъ всегда дать разумный совѣтъ. Вотъ почему лопарь видитъ въ своей женѣ лучшую совѣтницу и помощницу не только въ то время, когда они живутъ на тонѣ вмѣстѣ, но и тогда, когда онъ долженъ на время разставаться съ своей женой: въ такихъ случаяхъ онъ передъ своимъ отъѣздомъ всегда совѣтуется съ ней, что ему дѣлать, что закупить и т. д.

Образомъ жизни лопаря, необходимостью постоянно супругамъ оказывать другъ другу взаимопомощь, опредѣляется и положеніе каждаго изъ супруговъ въ семьѣ и ихъ работы на пользу послѣдней. Въ строгомъ смыслѣ—нельзя говорить объ обязанностяхъ жены или объ обязанностяхъ мужа при исполненіи семейныхъ работъ; здѣсь выступаетъ снова взаимопомощь и поэтому часто можно встрѣтить жену, которая исполняетъ работу мужа и наоборотъ, мужа, занимающагося работами женскими. Въ виду этого можно го-

ворить лишь о работахъ, преимущественно исполняемыхъ женщинами и работахъ, исполняемыхъ преимущественно мужчинами: такъ, женщины обыкновенно встаютъ раньше мужчинъ, разводятъ огонь въ комелькѣ и, если семья утромъ пьетъ чай, то приготовляютъ его. Затѣмъ она обыкновенно будитъ всѣхъ, ставитъ чайникъ и хлѣбъ на столъ и приглашаетъ сѣсть за ѣду. Она также обыкновенно варитъ обѣдъ и ужинъ. Забота объ одеждѣ, приготовленіи ея и стирки лежитъ на ней; готовитъ она также и обувь, каньги и яры; прядетъ шерсть и вяжетъ изъ нея рукавицы и чулки и ткетъ одѣяла. Рубитъ дрова для печи, если лѣсъ находится около дома; изготовляетъ сѣтки для рыбной ловли и чинитъ ихъ. Она же ловитъ въ озерахъ мелкую рыбу, а въ морскихъ заливахъ и у рѣчныхъ заборовъ семгу. Молодыя лопарки иногда ѣздятъ даже на море для производства лова и т. д. Мужъ обыкновенно занимается уходомъ за оленями, исполняетъ ямскую повинность; рубитъ въ лѣсу, подальше отъ дома, дрова и возитъ ихъ для продажи на своихъ оленяхъ или, если рѣка позволяетъ, сплавляетъ ихъ по рѣкѣ. Ловитъ крупную рыбу и въ нѣкоторыхъ погостахъ занимается постройкой карбасовъ; на его заботѣ лежитъ и сбираніе оленей осенью. Въ общемъ можно сказать, что работами женскими считаются тѣ, которыя требуютъ присутствія либо въ стѣнахъ дома, либо отлучекъ изъ дома на недалекое пространство, мужскими тѣ, которыя требуютъ болѣе или менѣе продолжительныхъ отлучекъ изъ дома. Но въ дѣйствительности это дѣленіе работъ далеко не строго проводится въ жизни и нерѣдко можно встрѣтить лопарку, которая поѣдетъ въ лѣсъ далеко отъ дома за дровами или соберетъ оленей, какъ нетрудно встрѣтить и лопаря, варящаго пищу или поправляющаго сѣтки, если онъ видитъ, что жена занята другимъ дѣломъ; онъ же поможетъ ей и изготовить одежду (хотя именно эта работа считается главнымъ образомъ женскою), какъ и жена его пособитъ ему приготовить карбасъ (работа почти исключительно мужская). Принципъ взаимопомощи, однимъ словомъ, дѣйствуетъ съ полной силой въ лопарской семьѣ. Иначе, впрочемъ, и быть не можетъ: лопарь вынужденъ исполнять каждый годъ большую работу для прокормленія себя и своей семьи и для расплаты съ своими хозяевами; между тѣмъ, живя, главнымъ образомъ, лишь такъ называемыми малыми семьями, располагая подчасъ въ продолженіи цѣлаго ряда лѣтъ, пока не подростутъ дѣти, лишь силами своими и жены, онъ можетъ только существовать при господствѣ взаимопомощи, безъ которой онъ долженъ былъ-бы неминуемо погибнуть.

Жена рѣдко называетъ мужа по имени: обыкновенно она называетъ его просто: старикъ — *каллесъ*, если супруги уже долго живутъ вмѣстѣ или *олмашъ, олмакъ*—человѣкъ, если супруги еще молоды; за глаза къ этимъ словамъ прибавляется еще *му*—мой: *му каллесъ, му олмашъ*, т.-е. мой старикъ, мой мужъ; также и мужъ называетъ свою жену *агка, акка* — старуха или *кава* — жена; за глаза также прибавляется му: *му агка, му кава*—моя старуха, моя жена.

Въ общемъ въ лопарской семьѣ царствуютъ обыкновенно миръ и согласіе между супругами, такъ какъ супруги стараются облегчить другъ другу работу: въ имущественныхъ отношеніяхъ это равенство, эта взаимопощь сказывается съ неменьшей силой. Дѣйствительно, у жены есть свое имущество—это ея приданое и подарки, сдѣланные ей при выходѣ ея замужъ, кромѣ тѣхъ подарковъ, которые были сдѣланы молодымъ при

сборѣ на чарку — эти подарки считаются общимъ достояніемъ не только молодыхъ, но всей семьи жениха. Приданое въ разныхъ мѣстностяхъ русской Лапландіи неодинаково: такъ, въ Пазрѣкѣ, оно состоитъ обыкновенно изъ мѣднаго или чугуннаго котла, кары, ложки, топора, постели, писяги, иконы, рыболовныхъ сѣтей, веревки изъ мочала, для промысла озерной рыбы, юпы и дѣвичьихъ одеждъ молодой, а также и тѣхъ, которыхъ она или другіе члены семьи сдѣлали ей, пока она была еще дѣвушкой; свою дѣвичью повязку молодая отдаетъ одной изъ близкихъ незамужнихъ родственницъ жениха, послѣ того, какъ въ церкви ей надѣнутъ сороку. Въ приданое идутъ и нѣсколько оленей.

На Нотозерѣ приданое состоитъ изъ слѣдующихъ предметовъ: оленей (отъ 3 до 10), кережи, каньговъ, сѣна (въ количествѣ, которое укладывается въ каньги; этой горстью сѣна молодая очень дорожитъ); рыбы (керeжу, полную свѣжей рыбой и керeжу—сухой); керeжи, наполненной брусникой; далѣе изъ писяги, котла, топора, ножа, карбаса и изъ нѣсколькихъ головъ овецъ (1—3).

Олени, которые идутъ въ приданое, а также и овцы — составляютъ обыкновенно приплодъ той важенки или овцы, которыя были подарены дочери при ея рожденіи. Однако не всегда идетъ въ приданое весь приплодъ: если у ея родителей окажется мало оленей, а у ихъ дочери много, то даютъ ей лишь часть принадлежащаго ей стада. Также и по отношенію къ овцамъ. Въ Печенгѣ, по словамъ о. Константина Шеколдина, случилось такъ, что у одного лопаря, Копытова, оленей почти не было, а все стадо умножалось отъ важенки, подаренной при рожденіи его дочери: стадо ея достигло 100 головъ. Когда она выходила замужъ, то ей было дано лишь 10 головъ оленей изъ ея стада—остальныхъ же оленей отецъ оставилъ при себѣ. Но, конечно, такіе случаи рѣдки и обыкновенно дочери дается въ приданое всѣ принадлежащіе ей олени и овцы.

Собственностью жены являются и подарки ея родственниковъ во время выхода ея замужъ: они состоятъ либо изъ посуды, либо рыболовныхъ сѣтей, которыя обыкновенно даритъ ей мать, либо изъ нарядовъ, либо изъ собственныхъ издѣлій ея братьевъ и т. п. Строго говоря, эти подарки ничѣмъ не отличаются отъ приданаго, кромѣ источника ихъ полученія; вслѣдствіе этого и самими лопарями подъ понятіе приданаго включаются и эти подарки. Приданое никогда, или очень рѣдко назначается раньше, и уговоровъ о немъ не бываетъ, такъ какъ размѣръ его зависитъ, кромѣ количества собственныхъ оленей невѣсты, отъ воли родительской. Но и относительно оленей, какъ мы видѣли, допускается исключеніе.

Все, что жена приноситъ съ собой въ домъ мужа, является ея собственностью de jure, de facto оно является—какъ и все остальное имущество мужа—семейнымъ; доходы отъ овецъ, оленьихъ стадъ и пр. идутъ на потребности всей семьи и распоряжается приданымъ больше мужъ, чѣмъ жена; но если нужно продать тотъ или другой предметъ, который принесла съ собой въ приданое жена, или зарѣзать овцу, или оленя, то мужъ обыкновенно спрашиваетъ у жены согласія, хотя отказъ жены въ данномъ случаѣ можетъ и не удержать мужа отъ приведенія въ исполненіе своего намѣренія: онъ спрашиваетъ и въ данномъ случаѣ согласія, какъ онъ спрашиваетъ совѣта и согласія относительно прочихъ хозяйственныхъ и семейныхъ дѣлъ. Если не считать платья, въ распоряженіе которымъ мужъ, конечно, не вмѣшивается, женѣ, по полученіи ею приданаго, при-

надлежатъ не сами предметы, составляющіе приданое, а лишь право на опредѣленное количество предметовъ однородныхъ съ приданомъ. Такъ, если происходитъ расходъ между супругами, женѣ дается обратно ея приданое: но мужъ не обязанъ возвратить ей именно тѣхъ оленей, которыхъ она привела съ собой, или именно тотъ котелъ, или именно ту сѣть, которые входили въ составъ приданаго. Онъ обязанъ лишь вернуть ей одинаковое количество оленей; за чугунный котелъ дать ей хотя бы и другой чугунный котелъ; если-же котелъ былъ мѣдный—то возвратить ей такой-же мѣдный котелъ и т. д. Тотъ-же принципъ господствуетъ при возвращеніи приданаго родителямъ невѣсты, въ случаѣ ея смерти вскорѣ послѣ замужества (обыкновенно если смерть послѣдовала до истеченіи 6—7 лѣтняго срока послѣ брака), либо въ случаѣ смерти жены, когда бы она не послѣдовала, если она умираетъ бездѣтной: возвращаютъ не само приданое, а лишь однородные предметы, составлявшіе его.

Считая приданое собственностью жены мужъ совершенно одинаково распоряжается приданымъ какъ и прочимъ семейнымъ имуществомъ. Приплодъ отъ оленей и овецъ, принесенныхъ въ приданое, становится семейною собственностью и при расходѣ или возвращеніи приданаго послѣ смерти жены, приплодъ не возвращаютъ.

Шерсть отъ овецъ, безразлично, принесены-ли онѣ въ приданое или принадлежатъ мужу, считается собственностью женщинъ; жена однако обязана изъ этой шерсти удовлетворять нуждамъ семейнымъ: лишь то количество, которое остается по удовлетвореніи семейныхъ нуждъ, поступаетъ въ собственность жены, которая либо вяжетъ изъ нихъ рукавицы и продаетъ ихъ, копѣекъ 40—50 за пару, либо мѣняетъ шерсть прямо на наряды. Деньги отъ продажи рукавицъ употребляются также на наряды. Эта отдача шерсти въ собственность жены—есть лишь подарокъ ей со стороны мужа и, если супруги поссорятся, то мужъ имѣетъ право требовать, чтобы вся шерсть безъ исключенія пошла на семейныя нужды, равно какъ и деньги, вырученныя отъ продажи рукавицъ; такъ распоряжаются этими деньгами въ случаяхъ, если семья бѣдна: жена никогда не согласится купить себѣ нарядъ, если деньги эти могутъ пойти на семейныя нужды.

Третьимъ источникомъ собственности жены являются подарки, которые ей дѣлаетъ мужъ во время ихъ брачной жизни: подарки состоятъ исключительно изъ нарядовъ и составляютъ полную собственность жены, съ которой она можетъ поступать, какъ захочетъ.

Слѣдовательно, если взглянуть, чѣмъ владѣетъ лопарка, и чѣмъ она можетъ распоряжаться по своему произволу, то окажется, что все ея имущество заключается въ однихъ лишь нарядахъ. Остальные предметы она передаетъ въ общее семейное пользованіе и въ распоряженіе имъ почти что не вмѣшивается во все время своей брачной жизни. Тѣмъ не менѣе она продолжаетъ считаться собственницею всего своего приданаго и этотъ взглядъ выступаетъ съ особенной силой въ распоряженіи имъ на случай смерти, о чемъ скажу ниже. Пока-же она остается жить съ супругомъ, ея имущество, кромѣ нарядовъ, для удовлетворенія семейныхъ нуждъ неимѣющихъ конечно никакого значенія, считается семейнымъ достояніемъ и вмѣстѣ съ прочимъ идетъ на потребности семьи.

И тутъ, какъ и въ личныхъ отношеніяхъ между супругами, мы замѣчаемъ тотъ-же принципъ взаимопомощи и тутъ онъ также, какъ и въ отношеніяхъ личныхъ, вызванъ

къ жизни бытомъ лопаря, его трудовой, тяжелой жизнью въ борьбѣ съ окружающими его неблагопріятными условіями.

Если сравнить взглядъ лопаря на жену съ ея дѣйствительнымъ положеніемъ въ семьѣ, мы увидимъ огромную разницу. Прежнія представленія о женщинѣ, какъ о предметѣ купли-продажи между членами двухъ родовъ, взглядъ на жену какъ на свою собственность, съ которой можно дѣлать что хочешь, которую можно бить, увѣчить и даже убивать, сказывается и въ настоящее время до извѣстной степени среди современныхъ русскихъ лопарей; этотъ взглядъ выражается и въ томъ, что мужчина и мужъ считаетъ себя выше женщины, и въ пословицѣ: „моя жена: хочу люблю, хочу бью,“ и въ разсказахъ лопаряхъ, въ которыхъ отводится огромная власть мужу надъ женой. Но этотъ взглядъ не находитъ себѣ примѣненія въ дѣйствительной жизни лопаря: его бытъ, образъ жизни не только не даетъ пищи для развитія или сохраненія такого взгляда, но всецѣло противорѣчитъ ему и стремится его уничтожить. Жизнь выработала изъ лопарки помощницу мужу, его ближайшую совѣтницу, сдѣлала изъ нея поддержку мужа; она-же поставила лопарку въ положеніе равноправнаго товарища мужа, дала ей такое-же независимое положеніе въ семьѣ, какъ и лопарю. И какъ бы ни были многочисленны разсказы, повѣствующіе о жестокостяхъ мужей надъ женами, какъ бы ни считали лопарскихъ мужей правыми и достойными подражанія—жена все-таки пользуется равнымъ положеніемъ, какъ и мужъ ея: таковой женщина является, какъ жена, такой-же независимой она является и какъ мать и въ роли послѣдней имѣетъ даже больше силы и вліянія на свою семью, чѣмъ отецъ, хотя опять-таки лишь въ практическомъ отношеніи; съ точки-же зрѣнія взглядовъ лопарей—она является лишь въ зависимомъ отъ мужа положеніи.

Подобно древнему лопарю и современный русскій лопарь крайне дорожитъ продолженіемъ своего рода и чѣмъ больше у него дѣтей, тѣмъ онъ считаетъ себя болѣе счастливымъ. Это желаніе лопарей, имѣть потомство, было подмѣчено большинствомъ писателей, давшихъ намъ свѣдѣнія о древнихъ лопаряхъ; всѣ они указываютъ на то, что лопарями вмѣнялось въ безчестіе оставаться бездѣтными; вмѣстѣ съ тѣмъ очень многіе писатели передаютъ, что лопари радовались болѣе рожденію дочери, чѣмъ сына, въ виду того, что благодаря послѣдней они увеличивали свое состояніе при выдачѣ ея замужъ. Этотъ взглядъ при господствѣ родовой религіи, которое мы еще застаемъ у лопарей XVII и XVIII вѣковъ, является крайне страннымъ и вѣроятно могъ имѣть лишь примѣненіе въ отношеніи къ тѣмъ, семьямъ которые имѣли уже сыновей. Какъ бы то ни было, но лопарь всегда радовался рожденію ребенка, будь то сынъ или дочь.

Съ нѣкоторыми обрядами, сопровождавшими появленіе ребенка на свѣтъ, мы уже столкнулись при изложеніи жертвоприношеній древнихъ лопарей. Мы видѣли также, что большинство обрядовъ совершалось при рожденіи ребенка, что крещеніе его вызывало въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Лапландіи, по крайней мѣрѣ, обрядъ смыванія крещенія и перемѣну его имени; знаемъ также, какъ избиралось имя для новорожденныхъ. Не останавливаясь поэтому вторично на этихъ обрядахъ, сдѣлаю лишь нѣкоторыя дополненія.

Когда женщина становилась беременной, пишетъ Шефферъ, [1]) гадаютъ, родится-

---

[1]) Schefferus. Lapponia pp. 296, 297, 302.

ли мальчикъ или дѣвочка, слѣдующимъ образомъ: смотрятъ на мѣсяцъ и, если какая-нибудь звѣзда будетъ находиться надъ мѣсяцемъ—считаютъ, что у нихъ родится мальчикъ; если-же звѣзда будетъ помѣщаться ниже мѣсяца—должна родиться дѣвочка. Гадаютъ также, будетъ-ли новорожденный здоровымъ или болѣзненнымъ. Если звѣзда находится впереди мѣсяца, считаютъ это за знакъ того, что ребенокъ будетъ здоровымъ и будетъ рости какъ слѣдуетъ, если-же звѣзда будетъ слѣдовать замѣсяцемъ, думаютъ, что ребенокъ будетъ болѣзненнымъ и вскорѣ по рожденіи своемъ долженъ умереть.

По словамъ Реньара [1]), лопари, чтобы узнать, родится-ли у нихъ мальчикъ или дѣвочка гадаютъ при помощи своего волшебнаго бубна.

Лопари, по словамъ Шеффера, ребенка послѣ рожденія обливаютъ холодной водой, либо вытираютъ его снѣгомъ и затѣмъ кладутъ его въ теплое мѣсто. Завертываютъ новорожденнаго въ заячій мѣхъ. Послѣ крещенія дарили новорожденному важенку; вторая важенка дарилась ему послѣ того, какъ у него прорѣжется первый зубъ; приплодъ отъ нихъ поступалъ въ полную собственность ребенка. Въ другихъ мѣстностяхъ важенку дарили не послѣ крещенія, а при рожденіи дитяти.Ребенка клали въ колыбель подробное описаніе которой также даетъ Шефферъ: не останавливаюсь на этомъ описаніи, такъ какъ колыбель скандинавскихъ лопарей XVII вѣка, ничѣмъ рѣшительно не отличается отъ колыбели современныхъ русскихъ лопарей. Мать обыкновенно сама кормила ребенка въ продолженіе двухъ, иногда и трехъ лѣтъ, даже иногда и въ продолженіе четырехъ лѣтъ. Если вслѣдствіе болѣзни или вслѣдствіе какихъ либо другихъ причинъ, она не могла кормить грудью ребенка—она давали ему оленье молоко Кромѣ. молока Лопари пріучаютъ своихъ дѣтей къ употребленію мяса, прикладывая кусочки оленьяго мяса къ ихъ рту, чтобы они могли высасывать изъ нихъ сокъ. Колыбели держались возможно чисто и къ колыбелямъ мальчиковъ привѣшивали лукъ и стрѣлы или копье, къ колыбелямъ дѣвочекъ—птичьи крылья, голову и ноги, иногда и другія украшенія въ видѣ бусъ и т. п.

Какъ только ребенокъ выходилъ изъ колыбели и научался ходить, его одѣвали такимъ-же образомъ, какъ и взрослыхъ. Воспитаніе состояло изъ пріученія къ тѣмъ работамъ, которыя исполнялись родителями, причемъ для мальчиковъ главной заботой было научиться владѣть оружіемъ, умѣть ставить ловушки на разныхъ звѣрей, ловить дикихъ оленей и умѣть собирать свои оленьи стада, а также и производить рыбный ловъ. Для дѣвочекъ важной задачей было привыкать къ хозяйству и научаться шить одежду. Естественно, что всему этому научались безъ труда, постепенно, подъ надзоромъ родителей, и мы видѣли, что существовало правило, по которому лопарь не могъ жениться, если не онъ не могъ убить дикаго оленя и освѣжевать его. Большинство писателей сообщаетъ, что лопари очень хорошо обращаются съ своими дѣтьми и очень любятъ ихъ.

Если сравнить обряды при рожденіи, кормленіе и воспитаніе дѣтей у современныхъ русскихъ лопарей съ таковыми-же у древнихъ скандинавскихъ лопарей, то мы найдемъ много общаго, конечно, за исключеніемъ жертвоприношеній при рожденіи ребенка.

---

[1]) Regnard. Voyage. p. 47.

Слѣдуетъ замѣтить, что и русскіе лопари считаютъ величайшимъ позоромъ неимѣть дѣтей. Бездѣтныхъ—*паратамесв* (*пара*—дѣти, *тамесв*-безъ) считаютъ наказуемыми самимъ Богомъ либо за свои грѣхи, либо за грѣхи предковъ; надъ ними смѣются, многіе лопари думаютъ, что отсутствіе дѣтей указываетъ, что кто нибудь, либо мужъ, либо жена состоитъ въ незаконной связи съ кѣмъ нибудь (Пазрѣка). Да и сами бездѣтные супруги считаютъ себя наказанными за что нибудь Богомъ и сильно печалятся:

Въ виду представленій, которыя лопарь соединяетъ съ бездѣтностью, онъ выказываетъ чрезвычайную радость, если жена его, наконецъ, забеременяетъ: онъ однако въ это время долженъ жить какъ можно смирнѣе, быть со всѣми ласковымъ и отнюдь ни съ кѣмъ не браниться—иначе роды будутъ трудные,и ли родится уродъ. Когда приближается время родить, то объ этомъ пазрѣцкіе лопари стараются никому, не говорить кромѣ бабки; лопари другихъ мѣстностей наоборотъ нисколько не скрываютъ, даже, напротивъ, стараются подѣлиться своей радостью съ другими. Въ настоящее время роженицѣ передъ родами отводится уголъ, который и завѣшивается парусомъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ей даютъ и лучшую оленью шкуру, на которой она могла бы лежать, и хорошее одѣяло, но въ большинствѣ мѣстностей напротивъ этого даютъ все, что есть хуже, такъ какъ послѣ родовъ все это обык-новенно сжигается или бросается. Завѣшиванье парусомъ роженицы, по словамъ однихъ лопарей, дѣлается для того, чтобы никто ее не могъ сглазить, по словамъ другихъ, оттого, что роженица считается нечистой. Этотъ послѣдній взглядъ болѣе распространенъ: въ прежнее время, по преданію лопарей, для роженицы выстраивалась даже отдѣльная вѣжа, чтобы никто не могъ съ нею придти въ соприкосновеніе и такимъ образомъ оскверниться; въ настоящее время постройка отдѣльной вѣжи для роженицы замѣнилась отдѣленіемъ ее отъ прочихъ членовъ семьи. Но дажетѣ лопари, которые завѣшиваютъ роженицу вслѣдствіе желанія оградить ее отъ дурнаго глаза, и тѣ считаютъ ее все-таки нечистой и не сообщаются съ ней.

По словамъ Ацерби [1]) обязанность бабки исполняется мужьями повсемѣстно, это-же подтверждаютъ и нѣкоторые другіе авторы. Въ настоящее время, насколько мнѣ, по крайней мѣрѣ, извѣстно, этого болѣе не встрѣчается; обязанность эта исполняется либо опытными въ этомъ дѣлѣ старухами, либо даже и дѣвушками, которыя избираютъ себѣ этого рода дѣятельность, довольно хорошо ихъ вознаграждающую. Насколько роженица считается нечистой, доказывается тѣмъ, что въ Пазрѣкѣ, по крайней мѣрѣ, бабка присутствуетъ при крещеніи, но предварительно всегда беретъ очистительную молитву. Бабка принадлежитъ къ числу лицъ, уважаемыхъ въ погостѣ; родственницей ее хотя теперь и не считаютъ, но на уваженіе къ ней указываетъ то, что она во время свадьбы всегда присутствуетъ, причемъ занимаетъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ, именно, около крестной матери того изъ брачущихся, котораго она принимала. Бабка называется лопарями *Сельги-янна* т. е, спинная мать, причемъ уже названіе ея *янна*—мать служитъ до извѣстной степени доказательствомъ, что у лопарей бабка, подобно тому, какъ это встрѣчалось у многихъ другихъ народовъ, считалась прежде родственницей и что роль ея была прежде гораздо болѣе значительной, чѣмъ въ настоящее время. Повидимому, на это указы-

---

[1]) Acerbi. Reise. p. 480.

ваетъ, обратившійся въ настоящее время въ знакъ выраженія уваженія, обычай, сажать бабку во время свадебнаго стола на третье мѣсто послѣ родной матери. При трудныхъ родахъ отца заставляютъ разрѣзать у себя поясъ или снять его совсѣмъ; въ Паврѣкѣ кромѣ этого онъ разрываетъ у себя немного и воротъ отъ рубахи. Трудные роды считаются также доказательствомъ того, что одинъ изъ супруговъ состоялъ въ связи съ кѣмъ-нибудь. Современные русскіе лопари радуются болѣе рожденію сына, чѣмъ дочери: онъ будетъ имъ кормильцемъ, когда онъ выростетъ, а они состарятся. Но если сынъ уже есть, то не менѣе радуются и рожденію дочери, такъ какъ, хотя и въ отдаленномъ будущемъ, лопарю предстоитъ попировать на свадьбѣ своей дочери и получить подарки.

Тотчасъ по рожденіи ребенка, бабка, взявъ младенца въ руки, завертываетъ его въ отцовскую рубаху для того, чтобы онъ любилъ отца, какъ объясняютъ этотъ обычай сами лопари. Послѣ этого его кладутъ на полъ, въ дверной уголъ, гдѣ лежитъ и роженица; ребенокъ остается при матери, въ дверномъ углѣ въ продолженіи трехъ дней. Лопари объясняютъ этотъ обычай тѣмъ, что такимъ образомъ младенецъ съ самаго дня своего рожденія пріучается терпѣть холодъ и нужду, къ тому же это дѣлается для того чтобы онъ былъ и хорошимъ охотникомъ и смѣлымъ человѣкомъ; въ оправданіе этого обычая лопари ссылаются па примѣръ гагаръ, которыхъ очень много въ Лапландіи: онѣ также по появленіи на свѣтъ своихъ птенцовъ бросаютъ ихъ въ воду, съ цѣлью пріучить ихъ тотчасъ же къ умѣнью плавать и быть смѣлыми. До прошествія трехъ дней отецъ не имѣетъ права прикасаться къ ребенку. Когда у ребенка отпадаетъ пуповина, его кладутъ въ зыбку Пуповину-же бросаютъ подъ порогъ (Пазрѣка).

Зыбка у лопарей вовсе не измѣнилась за послѣдніе два вѣка и мы встрѣчаемъ ее въ настоящее время совершенно такой же, какъ намъ описалъ ее Шефферъ. Зыбка у лопарей имѣетъ видъ маленькаго, узенькаго корытца; она выдалбливается изъ дерева, причемъ стѣнки стараются сдѣлать какъ можно тоньше, чтобы зыбку было легко переносить съ мѣста на мѣсто. Зыбка обтянута и внутри и снаружи тонкой оленьей шкурой; иногда обтягиваютъ кожей лишь внутреннія стѣнки зыбки. На дно кладется обыкновенно сухой ягель, который мѣняется по нѣскольку разъ въ день; въ изголовье кладутъ либо небольшую подушку, набитую оленьей шерстью или перьями куропатокъ, либо просто свернутыя тряпки; остальная часть колыбели покрывается кусочками шкурокъ молодыхъ оленей, шкурокъ чрезвычайно нѣжныхъ. На нихъ кладется ребенокъ ничѣмъ не завернутый; сверху онъ покрывается кусочками такихъ же оленьихъ шкурокъ. Эти послѣдніе либо прибиваются къ сторонамъ колыбели, либо просто накладываются на ребенка, обыкновенно шерстью къ тѣлу ребенка. Завернутаго, такимъ образомъ, ребенка завязываютъ ремешками, иногда также прикрѣпленными къ колыбели, иногда нѣтъ. На нѣкоторыхъ колыбеляхъ надъ головой ребенка дѣлается небольшой навѣсъ, на нѣкоторыхъ навѣса не дѣлается.

Въ зыбку прежде, чѣмъ положить ребенка, кладутъ серебряныя деньги и иголку, чтобы никто не могъ испортить новорожденнаго. Кромѣ того, для того чтобы Богъ далъ ему здоровья и чтобы новорожденный въ продолженіи всей своей жизни не терпѣлъ бы нужды въ хлѣбѣ, ему въ зыбку кладутъ овсяной крупы. Къ зыбкѣ привѣшиваютъ кольца, пуговки и другія побрякушки.

Роженица считается нечистой до истеченія трехъ, иногда даже шести недѣль: она не имѣетъ права сообщаться съ семьей и не должна съ ними вмѣстѣ ѣсть. Лишь послѣ этого срока, берется очистительная молитва и она снова считается чистой. Вскорѣ послѣ рожденія ребенка сходятся родственники и, если родившійся является первымъ ребенкомъ у данныхъ родителей, то, безразлично, будетъ ли онъ мальчикъ или дѣвочка, ему дарятъ серебряныя деньги и пуговки, чтобы онъ былъ богатъ и веселъ. При рожденіи же родители дарятъ новорожденному: отецъ—важенку, мать—овцу; обоихъ животныхъ отмѣчаютъ особой мѣткой и какъ сами животныя, такъ и приплодъ отъ нихъ поступаетъ въ собственность новорожденныхъ. Иногда послѣдній подарокъ дѣлается родителями новорожденному при крещеніи. Если родители состоятельны, то дѣлается этотъ подарокъ два раза: при рожденіи и при крещеніи, или при рожденіи или крещеніи и потомъ, когда у младенца прорѣзывается первый зубъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ употребительно, чтобы крестный отецъ послѣ крещенія дарилъ ребенку важенку, а крестная мать овцу; иногда этотъ подарокъ замѣняется деньгами или какими-нибудь предметами домашняго обихода.

Крещеніе совершается иногда вскорѣ послѣ рожденія, иногда и долго послѣ него. Это зависитъ оттого, гдѣ и когда произошли роды: если ребенокъ родился зимой, когда лопари живутъ въ зимнихъ погостахъ, то естественно, что крещеніе происходитъ скоро, иногда до трехъ недѣль послѣ рожденія, иногда и послѣ шести недѣль. Но если роды, какъ это часто бываетъ, происходятъ во время осенняго, лѣтняго или весенняго лова, на тоняхъ, то, конечно, лопарь волей-неволей долженъ отложить крещеніе своего ребенка до возвращенія съ тони въ зимній погостъ, вслѣдствіе этого срокъ, истекающій между рожденіемъ и крещеніемъ младенца можетъ равняться иногда нѣсколькимъ мѣсяцамъ.

Когда новорожденному минетъ три недѣли, родители стараются угадать его будущее: если онъ въ это время бываетъ веселъ и, смотря на людей, улыбается—ему суждено недолго жить. Если онъ ночью плачетъ во снѣ—онъ будетъ смѣлымъ и энергичнымъ, если же онъ ночью во снѣ смѣется—онъ будетъ человѣкомъ нечестивымъ и быть ему колдуномъ (Пазрѣка).

При выборѣ крестныхъ отца и матери родители, какъ мы уже говорили, руководствуются соображеніемъ не заводить себѣ новаго и притомъ обширнаго родства, почему и выбираютъ обыкновенно либо близкихъ родственниковъ, либо проѣзжихъ русскихъ. Предусмотрительные родители приглашаютъ въ воспріемники задолго до рожденія ребенка. Отказъ въ этомъ случаѣ обиднымъ не считается, хотя отказываютъ рѣдко, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ обязанности крестныхъ родителей не влекутъ за собой большихъ расходовъ, кромѣ тѣхъ мѣстностей, гдѣ они дарятъ новорожденному важенку и овцу или деньги. Обыкновенно же всѣ ихъ расходы ограничиваются покупкою для крестника креста и лишь въ немногихъ мѣстностяхъ покупкой свѣчей для крещенія. Плата священнику за совершеніе крещенія обыкновенно дается роднымъ отцомъ.

Въ настояще время, насколько извѣстно, русскіе лопари не даютъ своимъ дѣтямъ языческихъ именъ: при выборѣ же имени они въ разныхъ мѣстностяхъ руководствуются разными принципами; иногда заявляя священнику, что у нихъ родился ребенокъ, они просто просятъ его дать ему какое нибудь имя, причемъ къ выбору его относятся до-

вольно равнодушно, но это крайне рѣдко. Обыкновенно они просятъ священника дать ребенку имя того святаго, память котораго празднуется въ день рожденія ребенка или въ день его крещенія, причемъ считаютъ, что такимъ образомъ ребенокъ, отданный подъ покровительство, именно, этого святаго, будетъ счастливѣе. Часто также при выборѣ имени руководствуются и именами предковъ, стараясь дать ребенку имя одинаковое съ кѣмъ нибудь изъ умершихъ уже его предковъ по отцу; при этомъ даютъ обыкновенно имя ближайшаго предка дѣда, если онъ умеръ уже, либо прадѣда, если дѣдъ еще живъ. Въ этомъ послѣднемъ обычаѣ нельзя не видѣть отголоска того времени, когда лопари, смывая съ ребенка христіанское его имя, давали ему имя по какому-нибудь умершему предку, въ убѣжденіи, что онъ будетъ такимъ же сильнымъ и здоровымъ, какъ и его предокъ. Это воззрѣніе сквозитъ и въ обычаѣ русскихъ лопарей, когда если они говорятъ, что такимъ образомъ ребенокъ „получитъ счастіе дѣда (или прадѣда)".

Давая своимъ дѣтямъ христіанскія имена—лопари произносятъ ихъ по своему и подчасъ сильно искажаютъ ихъ. Приведу для примѣра нѣкоторыя имена въ выговорѣ лопарей Пазрѣцкихъ: Герасимъ—*Ярасимашъ;* Степанъ—*Тяпанъ;* Василій—*Васькъ;* Иванъ—*Евванъ*, уменьшительное—*Евванашъ;* Максимъ—*Машъ;* Михайло—*Меккашъ;* Александръ—*Олесъ;* Алексѣй—*Олляшъ;* Андрей—*Ондре;* Семенъ—*Семманъ;* Илья—*Ильяшъ*. Женскія: Марія—*Марьи*, уменьш.—*Марьсишъ;* Евдокія—*Ой, Оцзи*, уменьш.—*Ойашъ;* Екатерина—*Кадранъ*, уменьш.—*Каттишъ;* Анна—*Анъ*, уменьш.—*Анньшъ;* Александра—*Сандра;* Степанида—*Тепанидъ*, уменьш.—*Тепанидашъ;* Соломонія—*Солъ*, уменьш.—*Соллашъ;* Матрена—*Маттешъ*, уменьш.—*Матренашъ* и т. п.

При крестинахъ не соблюдается никакихъ особыхъ обрядовъ. Въ церкви присутствуетъ обыкновенно и мать, если крестины совершаются послѣ шести недѣль; если крестины бываютъ въ тупѣ, то всегда присутствуютъ родители. Бабка является обыкновенно въ церковь и держитъ ребенка до того момента, когда его беретъ священникъ.

Мать, какъ я говорилъ уже, обыкновенно сама кормитъ ребенка, причемъ срокъ кормленія неодинаковъ. Такъ, на Ловозерѣ кормленіе грудью длится съ годъ, рѣдко болѣе, тоже и на Нотозерѣ. Въ Пазрѣкѣ кормятъ грудью почти два года „въ теченіи семи постовъ", къ 8-му же посту обыкновенно отнимаютъ отъ груди. Подобно древнимъ лопаркамъ, они пріучаютъ дѣтей и къ оленьему молоку и къ оленьему мясу. Первое дается имъ черезъ рожокъ, второе прикладывается къ ихъ губамъ, чтобы они могли высосать сокъ. Пріученіе это начинается не съ одинаковаго срока послѣ рожденія: иногда черезъ полгода, иногда черезъ болѣе длинный срокъ.

Интереснымъ является то, что лопари употребляютъ давящія повязки для головы въ раннемъ возрастѣ своихъ дѣтей, для приданія ей круглой формы. Мнѣ приходилось встрѣчать употребленіе этихъ повязокъ среди Массельгскихъ, Экостровскихъ и Бабенгскихъ лопарей; по разсказамъ, онѣ употребляются и на Ловозерѣ. Насколько этотъ обычай распространенъ среди лопарей другихъ погостовъ—сказать трудно. Вотъ какъ описываетъ Е. А. Покровскій эту повязку [1]): каждый разъ передъ мытьемъ ребенка, котораго въ первое время по рожденіи они обыкновенно моютъ довольно часто, надѣваютъ на голову его

[1]) Физическое воспитаніе дѣтей, стр. 156 и 157.

тѣсный колпачекъ, сшитый изъ какого-нибудь старья; къ этому колпачку сзади пришиваютъ двѣ длинныя, расходящіяся въ стороны тесьмы изъ той же или другой матеріи, длиной каждая тесьма около 6-ти вершковъ, шириною около $1/2$ вершка. Эти тесьмы изъ-подъ затылка ребенка идутъ на встрѣчу одна другой и туго завязываются на лбу ребенка. Въ этой повязкѣ моютъ ребенка и на время мытья накладываютъ ее для того, чтобы вода въ это время не залилась въ голову, а послѣдняя не сдѣлалась-бы отъ того черезъ-чуръ большою, тогда какъ лопари считаютъ красивыми лишь маленькія головы. Послѣ омовенія эту повязку снимаютъ и накладываютъ на голову ребенка другую, состоящую просто изъ бинта, длиной около 5-ти четвертей и шириной въ срединѣ около $1^1/_2$ вершка, а въ концахъ постепенно съуживающагося до остраго угла. Эта повязка накладывается на лобъ широкой частью, гдѣ притомъ по краю, къ волосамъ, нѣсколько собирается въ складки, для того, чтобы ко лбу она прилегала совершенно плотно и ровно. Затѣмъ боковые концы этой повязки огибаютъ кругомъ всю голову ребенка и опять встрѣчаются на лбу, гдѣ и завязываются. Въ этой повязкѣ ребенокъ остается постоянно до 6-ти мѣсяцевъ, исключая лишь того времени, когда его моютъ и когда накладываютъ ему описанную выше повязку. Цѣль употребленія этой повязки, заключаетъ Е. А. Покровскій, прямо та, чтобы голова не росла большою и чтобы при этомъ не заводилась въ ней вода, такъ какъ, по мнѣнію лопарей въ большихъ головахъ всегда много воды.

Что касается втораго рода повязки, то мнѣ лично не приходилось встрѣчать употребленіе ея; колпачекъ, плотно обхватывающій голову, замѣнялъ эту повязку и въ ней были всѣ лопарскія дѣти, которыхъ, уложенныхъ въ колыбели, матери возили съ собой повсюду.

Находясь въ далеко неблагопріятныхъ гигіеническихъ условіяхъ, претерпѣвая всѣ лишенія съ самаго нѣжнаго возраста, которыя приходится испытывать ихъ родителямъ при своихъ перекочевкахъ—дѣти умираютъ въ большомъ количествѣ, причемъ, какъ мы это видѣли выше, преимущественно въ самомъ нѣжномъ возрастѣ. Выдерживаютъ, конечно, лишь самыя сильныя, самыя здоровыя—неудивительно поэтому, что лопарь дорожа потомствомъ, дорожитъ здоровьемъ дѣтей и, не имѣя возможности поставить его въ лучшія условія любитъ и ласкаетъ оставшихся у него въ живыхъ дѣтей. Обращеніе съ дѣтьми крайне ласковое и рѣдко встрѣтить можно лопаря дурно обращающагося съ дѣтьми; если и случается, что онъ прибьетъ—то это лишь рѣдко случается и чаще всего въ нетрезвомъ видѣ.

Таково отношеніе къ дѣтямъ, пока они еще малы: съ возрастомъ измѣняются и отношенія, когда у взрослыхъ сыновей начинаютъ появляться свои интересы.

Среди извѣстій о древнихъ лопаряхъ, мы по вопросу объ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми находимъ разнорѣчивыя свѣдѣнія. Такъ Шефферъ передаетъ, что лопари „въ отношеніяхъ своихъ къ родителямъ, въ особенности если послѣдніе стары или больны, являются жестокими и нечестивыми. Они не только ихъ презираютъ и пренебрегаютъ ими, но даже почти ненавидятъ ихъ“ [1]). Приблизительно то же говоритъ и Гёгстремъ: „они очень холодны другъ къ другу и я видѣлъ примѣръ, что когда одинъ,

---

[1]) Schefferus. Lapponia, pp. 38.

недавно женившійся лопарь утонулъ, то вдова его должна была заплатить шесть оленей своему свекру, чтобы онъ отыскалъ тѣло утонувшаго, хотя это и былъ его сынъ... Они содержатъ своихъ престарѣлыхъ родителей изъ чувства стыда, но никогда не дѣлаютъ этого изъ чувства любви къ нимъ. Я видѣлъ примѣры, когда лопарь имѣлъ настолько состоянія, что могъ содержать своихъ родителей, но оставлялъ ихъ нищенствовать. Въ 1743 г. былъ случай, что старикъ-лопарь, просившій милостыню, обходя погосты, упалъ на дорогѣ отъ усталости и холода и умеръ, сына его не могли побудить привезть тѣло отца, мало того онъ не хотѣлъ даже дать своихъ оленей лицу, которое вызвалось это сдѣлать. Вслѣдствіе этого рѣдко случается, что родители прекращаютъ свое хозяйство и идутъ жить къ дѣтямъ, если не брать тѣхъ случаевъ, когда родители впадаютъ въ крайнюю бѣдность“ [1]). Этимъ свѣдѣніямъ противорѣчитъ всецѣло показаніе Іоанна Торнея, который пишетъ, что лопари оказываютъ своимъ родителямъ должное почтеніе и честь, такъ что когда тѣ состарятся, дѣти не перестаютъ заботиться о нихъ и съ величайшей заботливостью до самой ихъ смерти кормятъ и грѣютъ ихъ [2]). Таковы противорѣчивыя показанія древнихъ писателей по этому вопросу. Объяснить это разногласіе можно лишь тѣмъ, что свѣдѣнія эти относятся къ разнымъ мѣстностямъ Лапландіи: повидимому, въ то время, какъ въ однѣхъ мѣстностяхъ господствовали хорошія отношенія между родителями и дѣтьми, въ другихъ — отношенія эти были очень холодны. Не входя въ объясненіе этого факта по отношенію къ древнимъ лопарямъ, посмотримъ, каковы отношенія господствуютъ среди современныхъ русскихъ лопарей между родителями и дѣтьми, какъ въ личныхъ отношеніяхъ, такъ и въ имущественныхъ.

При разборѣ этого вопроса слѣдуетъ строго отличать взглядъ лопарей на власть отца съ одной стороны и обязанности дѣтей съ другой, отъ того, какъ этотъ взглядъ примѣняется въ дѣйствительной жизни. Въ этомъ отношеніи мы увидимъ несоотвѣтствіе общаго взгляда на власть родительскую съ примѣненіемъ той власти въ дѣйствительной жизни.

Въ настоящее время лопари обыкновенно живутъ такъ называемыми малыми семьями, хотя и встрѣчаются семьи большія. Въ господствѣ у лопарей въ прежнее время большихъ семей мы убѣждаемся какъ изъ писцовой книги Алая Михалкова (1608—1611 гг. [3]), такъ и изъ переписи 1716 г. Въ обоихъ источникахъ мы видимъ, что въ одной вѣжѣ помѣщаются подчасъ уже сыновья, женатые и неженатые внуки, либо нѣсколько братьевъ женатыхъ вмѣстѣ съ своими дѣтьми. Но постепенно большія семьи начинаютъ распадаться. Крайне трудно, конечно, опредѣлить причины приведенія лопарей къ переходу отъ жизни большими семьями къ жизни семьями малыми. Вѣроятно однако, что эти причины не отличались отъ причинъ сказывающихся повсюду при ломкѣ большихъ семей, именно, причины экономическія, и развивающееся чувство индивидуальности. Поводами-же къ раздѣлу, вѣроятно, служили несогласія и ссоры между членами семьи, которыя и до сихъ поръ служатъ поводами къ раздѣламъ почти всюду, въ томъ числѣ и у лопарей современныхъ.

---

[1]) Högström Beschreibung, pp. 155, 156.
[2]) Scheffus. Lapponia. p. 38.
[3]) См. приложеніе 2-е.

Но теперь, хотя сравнительно и рѣдко, можно встрѣтить среди лопарей большія семьи: онѣ состоятъ чаще изъ отца, женатыхъ сыновей и малолѣтнихъ внуковъ, чѣмъ изъ нѣсколькихъ женатыхъ братьевъ. Въ такихъ семьяхъ главой является всегда старшій (отецъ, старшій братъ). Большакъ носитъ названіе у лопарей *шуръ-хозинъ*, что значитъ „большой хозяинъ;“ большухой является всегда его жена, называемая *шуръ-емендъ*, (шуръ-хозикъ) т, е., „большая хозяйка.“ Старшій сынъ большака, какъ главное лицо послѣ него, или братъ большака, носитъ названіе *уцъ-хозинанчъ* т. е. „маленькій хозяинъ,“ а жена его *уцъ-еминаичъ* (уцъ-хозикъ) т. е. „маленькая хозяйка.“ Всѣ рѣшительно дѣла въ такихъ большихъ семьяхъ находятся въ вѣдѣніи *шуръ-хозина* и *шуръ-емендъ*, помощниками которыхъ являются *уцъ-хозинъ* и *уцъ-емендъ*. Въ такихъ семьяхъ трудно говорить объ имущественныхъ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми, такъ какъ ни тѣ, ни другіе не имѣютъ собственнаго имущества: все считается собственностью семейной, распоряжаться которой можетъ лишь большакъ. Дѣйствительно остальные младшіе члены семьи пользуются иногда совѣтнымъ голосомъ: вопросы объ отчужденіи части семейнаго имущества, или пріобрѣтеніи чего нибудь для семьи могутъ быть подвергнуты большакомъ на обсужденіе семейнаго совѣта; но рѣшаетъ эти вопросы онъ самъ. Въ особенности сказывается это сильно въ тѣхъ случаяхъ, когда главой семьи является отецъ при женатыхъ сыновьяхъ. Что-же касается до тѣхъ случаевъ, когда вмѣстѣ живутъ нѣсколько братьевъ, то если остальные недовольны дѣйствіями большака, они немедленно-же производятъ раздѣлъ. Въ виду этого, для лучшаго уясненія себѣ имущественныхъ отношеній родителей и дѣтей слѣдуетъ проникнуть въ семью малую. Но такъ какъ имущественныя отношенія нерѣдко регулируются отношеніями личными, то скажу сначала нѣсколько словъ о нихъ.

Мнѣнія почти всѣхъ, знакомыхъ съ лопарями, лицъ сходятся въ томъ, что лопари очень любятъ своихъ дѣтей. Это является въ особенности справедливымъ въ отношеніи къ маленькимъ дѣтямъ. Такъ какъ почти нѣтъ ни одной лопарской семьи, въ которой не было-бы смертныхъ случаевъ съ дѣтьми, то естественно, что лопари дорожатъ тѣми, которые остались у нихъ въ живыхъ. Поэтому лопарь и ласкаетъ своего ребенка, и всячески балуетъ его, насколько позволяетъ ему дѣлать послѣднее его суровая жизнь. Лишь изрѣдка и то чаще подъ вліяніемъ опьяненія, лопарь и лопарка прибьетъ свое дитя; въ общемъ-же считается непохвальнымъ обращаться съ своими дѣтьми дурно. Но будучи нѣжнымъ отцемъ, въ дѣйствительной жизни, лопарь всетаки считаетъ себя полновластнымъ въ отношеніяхъ къ сыну или дочери, только власть свою онъ не примѣняетъ и не считаетъ нужнымъ ее примѣнять. Если спросить у лопаря, имѣетъ-ли онъ право дѣлать то, или другое, по отношенію въ своимъ дѣтямъ, онъ отвѣтитъ утвердительно, но никогда именно этого-то онъ и не примѣняетъ въ своей семейной жизни. Вслѣдствіе своего ласковаго отношенія къ дѣтямъ, лопарь даже любитъ, когда его маленькій сынъ или дочь, наслушавшись русскихъ бранныхъ словъ отъ промышленниковъ, обращается съ этими словами къ нему самому и хотя и знаетъ, что браниться не хорошо, онъ не остановитъ теперь ребенка, скажетъ лишь: „что его огорчать: будетъ большой—понимать будетъ; а своего не понимаетъ“.

Однако по мѣрѣ того, какъ дѣти подростаютъ, отношенія къ нимъ родителей ста-

новятся замѣтно холоднѣе: мнѣ часто приходилось слышать жалобы стариковъ-лопарей на своихъ взрослыхъ сыновей, что они непочтительны къ нимъ, часто ихъ бранятъ и даже бьютъ; вслѣдствіе этого недовольный отецъ старается освободиться отъ такого сына. Онъ считаетъ себя вправѣ изгнать изъ дома непочтительнаго сына, не давши ему ничего, но онъ ограничится всегда однимъ раздѣломъ, отдавъ ему должную часть имущества; онъ можетъ и самъ побить взрослаго сына и жаловаться на него, если не въ волостной судъ, такъ какъ лопари къ послѣднему прибѣгаютъ крайне рѣдко, то по крайней мѣрѣ сходу и просить о наказаніи сына, но если онъ даже и пожаловался, то удовольствуется уговорами стариковъ жить съ сыномъ въ мирѣ и т. д. Въ общемъ онъ ограничивается лишь жалобами и въ крайнемъ лишь случаѣ, выведенный изъ терпѣнія, первый предлагаетъ раздѣлъ.

Если не касаться единичныхъ случаевъ, слѣдуетъ замѣтить, что родители относятся къ дѣтямъ обыкновенно гораздо лучше, чѣмъ дѣти къ родителямъ. Дѣйствительно нерѣдки случаи, что дѣти бранятъ родителей, даже бьютъ ихъ; нерѣдко они не исполняютъ обязанности прокармливать своихъ престарѣлыхъ родителей. Сходъ въ такихъ случаяхъ, дѣйствительно, увѣщеваетъ сыновей, но вслѣдствіе того, что большинство года лопари живутъ разрозненно, онъ не можетъ контролировать дѣйствій ихъ. Такого рода отношеніе къ родителямъ было замѣчено неоднократно многими писателями. Многіе изъ нихъ указывали на то, что родители холодны къ дѣтямъ и наоборотъ, хотя другіе писатели говорили совершенно обратное: относительно русскихъ лопарей, на мой взглядъ, свидѣтельства первыхъ имѣютъ больше достовѣрности, хотя лишь въ отношеніи дѣтей къ родителямъ, а не наоборотъ.

Слѣдуетъ однако отмѣтить, что вышесказанное относится болѣе къ отношеніямъ дѣтей къ отцу, а не къ матери. Подобно тому, какъ лопарка любитъ своего взрослаго сына или дочь болѣе сильно, чѣмъ лопарь, и дѣти относятся къ ней нѣжнѣе, чѣмъ къ отцу, и ей меньше приходится выслушивать брани.

Таковы личныя отношенія между родителями и дѣтьми въ примѣненіи ихъ къ дѣйствительной жизни. Въ теоріи, по общему воззрѣнію лопарей, они діаметрально противоположны. Отецъ считаетъ себя безконтрольнымъ въ отношеніи къ своимъ дѣтямъ; онъ властвуетъ надъ ихъ личностью, можетъ отдавать ихъ въ заработки противъ ихъ воли и брать все зарабатываемое ими себѣ; можетъ отдавать своихъ дочерей замужъ или женить сына на комъ ему вздумается, не справляясь съ желаніемъ дѣтей. Далѣе онъ можетъ ихъ подвергать наказаніямъ и даже истязаніямъ, когда и за что ему вздумается и т. д., однимъ словомъ онъ является неограниченнымъ владыкой надъ личностью своихъ дѣтей. Но все это лишь въ теоріи: такъ вамъ изложитъ свои права всякій лопарь—отецъ; единственная у него обязанность это кормить и одѣвать дѣтей, но за это дѣти должны помогать ему своимъ трудомъ. Однако въ дѣйствительной жизни эти взгляды никогда не примѣняются.

То-же несоотвѣтствіе теоретическаго взгляда съ проведеніемъ его въ жизнь мы видимъ и въ сферѣ отношеній имущественныхъ между родителями и дѣтьми. Подобно тому, какъ въ отношеніи личности сына отецъ является безконтрольнымъ, такъ и въ отношеніи семейнаго имущества онъ является полновластнымъ его распорядителемъ. Ло-

пари въ этомъ отношеніи однако строго отличаютъ движимое имущество отъ недвижимаго. Что касается перваго, то имъ отецъ можетъ распоряжаться, какъ онъ хочетъ: онъ можетъ его продать, заложить, промѣнять. Лопари не отличаютъ въ данномъ случаѣ имущества, доставшагося семьѣ отъ дѣда, отъ имущества, пріобрѣтеннаго отцомъ: отецъ распоряжается безразлично и тѣмъ и другимъ; исключеніе существуетъ лишь для тѣхъ предметовъ, которые дѣдъ оставилъ спеціально внуку или внучкѣ. Въ отношеніи земельныхъ участковъ отецъ не является безконтрольнымъ и это въ виду того, что ему приходится считаться со всей совокупностью своихъ родственниковъ, своимъ родомъ, такъ какъ его семейный участокъ составляетъ лишь часть всего родоваго имущества. Вслѣдствіе этого онъ не можетъ продать его, но можетъ его заложить или отдать въ аренду.

Итакъ, если оставить въ сторонѣ земельные участки, отецъ считается безконтрольнымъ распорядителемъ всѣмъ семейнымъ имуществомъ. Но въ дѣйствительной жизни это право отецъ не примѣпяетъ вовсе, и если съ точки зрѣнія теоріи, въ лопарской семьѣ господствуетъ начало кровное, то на практикѣ имѣетъ большое и даже преобладающее значеніе начало трудовое. Такъ всякій младшій членъ семьи, сынъ или дочь, сработавъ что нибудь, считаетъ этотъ предметъ своей собственностью и отецъ безъ его разрѣшенія никогда не продастъ плодъ работы сына; если сынъ, допустимъ, сдѣлалъ кережу и явится на нее покупатель, то отецъ никогда не продастъ ее, въ отсутствіе сына; мало того, по словамъ о. Константина Щеколдина, отецъ даже не станетъ вступать съ покупателемъ въ переговоры. „Отецъ на вопросъ покупателя, сколько стоитъ кережа, отвѣтитъ: „не знаю: не я работалъ ее—а сынъ; у него спрашивай.“ Если сынъ продаетъ сработанный имъ предметъ, то деньги поступаютъ въ полную его собственность, и отецъ не считаетъ себя вправѣ требовать этихъ денегъ даже на семейныя нужды: въ послѣднемъ случаѣ онъ можетъ лишь просить сына выручить его изъ бѣды, и отъ желанія послѣдняго будетъ зависѣть исполнить или не исполнить просьбу отца. Такимъ образомъ у сыновей образуется своя собственность, состоящая частью изъ предметовъ, имъ сработанныхъ, частью изъ денегъ, вырученныхъ отъ продажи этихъ предметовъ. Что касается дочерей, то и онѣ имѣютъ свое имущество: оно состоитъ частью изъ подарковъ, которые имъ дѣлаютъ отецъ и мать (обыкновенно наряды), частью также изъ сработанныхъ ими предметовъ и денегъ, вырученныхъ отъ продажи этихъ предметовъ. Такъ, если отецъ или мать подарятъ дочери шерсть, и она свяжетъ изъ нея рукавицы и продастъ ихъ на ярмаркѣ, то деньги, вырученныя отъ продажи, считаются ея собственностью, а не семейной.

Но кромѣ имущества, добываемаго дѣтьми личнымъ трудомъ, у нихъ есть еще имущество, состоящее изъ оленей и овецъ. Какъ я указывалъ уже выше, при рожденіи и крещеніи родители, а иногда и родственники, дарятъ новорожденнымъ оленей и овецъ. Не только сами подаренныя животныя, но и весь приплодъ отъ нихъ считается собственностью того, кто ихъ получилъ въ подарокъ. Хотя съ точки зрѣнія теоріи, отецъ и обязанъ при выходѣ дочери замужъ или при отдѣленіи сына отдать все причитающееся имъ оленями и овцами, но въ дѣйствительности это случается далеко не всегда: очень часто отецъ даетъ дочери или сыну лишь часть и даже очень незначительную часть ихъ стадъ. Родители считаютъ себѣ вправѣ дѣлать это; дѣти никогда не протестуютъ въ такихъ случа-

яхъ противъ родителей; общество тоже не дѣлаетъ родителямъ никакихъ замѣчаній. Это объясняется, по всѣмъ вѣроятіямъ, тѣмъ, что овецъ въ общемъ довольно мало у лопарей, а оленями они съ каждымъ годомъ все больше бѣднѣютъ, и необходимость заставляетъ родителей часть стадъ своихъ дѣтей удерживать у себя, такъ какъ въ противномъ случаѣ они сами остались-бы безъ оленей и овецъ. Бывали нерѣдко случаи, что родители теряютъ своихъ оленей, а отъ важенки, подаренной сыну или дочери, образуется болѣе или менѣе значительное стадо; въ такомъ случаѣ отецъ можетъ подчасъ оставить все стадо у себя и выдать сыну или дочери лишь двухъ, трехъ оленей. Что лишь необходимость заставляетъ лопарей нарушать такимъ образомъ право собственности своихъ дѣтей, доказывается, между прочимъ, тѣмъ, что если лопарь богатъ, имѣетъ достаточное количество оленей, онъ выдаетъ сыну (или дочери) его стадо вполнѣ.

Что касается заработковъ сыновей на сторонѣ, то они обыкновенно идутъ въ пользу ихъ, а не семьи. Впрочемъ здѣсь слѣдуетъ отличать, пошелъ-ли сынъ самъ на заработки, или сыну предложилъ сдѣлать это отецъ, для поправленія семейнаго имущества. Лишь въ первомъ случаѣ заработанныя деньги поступаютъ въ собственность сына; во второмъ случаѣ сынъ беретъ на себя обязательство передъ семьей и, какъ бы въ исполненіе молчаливаго договора, долженъ весь заработокъ отдавать отцу, который и распоряжается имъ по усмотрѣнію.

Но принципъ трудовой проходитъ въ имущественныхъ отношеніяхъ родителей и дѣтей въ лопарской семьѣ лишь постольку, поскольку каждый изъ младшихъ членовъ семьи самъ, исключительно, содѣйствовалъ образованію даннаго капитала или производству даннаго предмета. Слѣдуетъ оговориться, что это только по отношенію къ *младшимъ* членамъ семьи, такъ что, если отецъ сдѣлаетъ кережу, свяжетъ рыболовную сѣть и т. п. — продуктъ его труда или деньги, вырученныя отъ продажи его, идутъ въ пользу всей семьи и при раздѣлѣ въ разсчетъ не принимаются. Остальные продукты, при добываніи которыхъ содѣйствовала вся семья, считаются общимъ семейнымъ имуществомъ: не касаясь выловленной общими усиліями семьи рыбы или пойманныхъ на ловушки, принадлежащія семьѣ, звѣрей—даже, если сынъ, допустимъ, дѣлаетъ рыболовную сѣть, а отецъ ему окажетъ значительную помощь въ изготовленіи ея—она считается семейной собственностью. Но если сынъ самъ устроитъ ловушку и помимо отцовскихъ ловушекъ поставитъ и свою, то звѣрь, котораго онъ поймаетъ, считается его, а не всей семьи, собственностью. Также если сынъ, отправившись на охоту съ *своимъ ружьемъ*, убьетъ звѣря или птицу—добыча принадлежитъ ему, и отъ него зависитъ воспользоваться-ли ею одному или отдать ее на нужды семьи. Обыкновенно, впрочемъ, сыновья отдаютъ добычу въ семью. Другое дѣло, если отецъ поручилъ сыну отправиться на охоту или далъ ему свое ружье—тогда сынъ обязанъ отдать добычу въ семью. Точно также, если отецъ совмѣстно съ сыномъ, или сынъ по порученію отца нарубилъ дровъ, то, какъ дрова, такъ и, въ случаѣ ихъ продажи, деньги отъ продажи поступаютъ въ семью, а не къ участникамъ въ трудѣ.

Тотъ же принципъ, какъ и въ „малой“ семьѣ, дѣйствуетъ и въ „большой“ семьѣ. Въ ней большакъ, по отношеніи къ остальнымъ членамъ семьи, является въ положеніи отца къ дѣтямъ. Но если въ „малой“ семьѣ замѣчаютъ, что кто нибудь изъ членовъ семьи утаиваетъ семейныя деньги и обращаетъ ихъ въ свою собственность, то дѣло

обыкновенно кончается лишь домашней сценой; въ „большой“ семьѣ—это считается достаточной причиной для производства раздѣла. Въ виду того, что съ одной стороны въ „большихъ“ семьяхъ поводовъ къ ссорамъ и непріятностямъ больше, чѣмъ въ семьяхъ „малыхъ“, а съ другой въ виду того, что лопари сознаютъ всю пользу, истекающую отъ жизни „большими“ семьями, они избѣгаютъ раздѣловъ, стараясь поддержать тѣмъ или инымъ путемъ семейный миръ. Даже въ томъ случаѣ, когда является невозможнымъ сохранить семью, они дѣлятся на „малыя“ семьи, но сохраняютъ общій столъ и приготовленіемъ пищи занимаются по очереди замужнія женщины. Припасы доставляются семьей каждой такой временной хозяйкѣ по очереди.

Таковы въ общихъ чертахъ личныя и имущественныя отношенія родителей и дѣтей въ „малой“ семьѣ. Обыкновенно семья состоитъ лишь изъ родственниковъ; случается, однако, что иногда лопарь беретъ къ себѣ и пріемыша. Положеніе послѣдняго въ семьѣ, въ имущественномъ отношеніи, обыкновенно ничѣмъ не разнится отъ положенія родныхъ сыновей и, отдаляя пріемыша, лопарь обязанъ ему дать, по крайней мѣрѣ, столько, сколько пріемышъ могъ заработать въ теченіи того срока, который онъ пробылъ въ семьѣ. Принятіе къ себѣ пріемыша случается обыкновенно лишь въ случаѣ неимѣнія собственныхъ дѣтей, ни близкой родни, имѣющей дѣтей. Лишь въ одиночныхъ случаяхъ можно подмѣтить фактъ взятія въ домъ пріемыша при имѣніи собственныхъ дѣтей или племянниковъ.

Также рѣдко случается пріемъ зятя въ домъ. Пріемнаго зятя, по-лопарски куэтъвывва, т. е. „домашняго зятя“, берутъ только неимѣющіе сыновей; къ лицамъ, имѣющимъ сыновей, въ зятья идутъ только бездомные; въ послѣднемъ случаѣ зять самъ проситъ, чтобы его приняли въ домъ, придетъ и скажетъ: „возьми меня къ себѣ, а мнѣ и жить негдѣ“. Пріемный зять сохраняетъ свою фамилію, но если онъ, послѣ смерти тестя, становится его наслѣдникомъ, онъ обыкновенно принимаетъ клеймо своего тестя. Если зять окажется нехорошимъ, то тесть можетъ его выгнать изъ дома, но всегда отдаетъ ему приданое выданной за него дочери. Лично зять, слѣдовательно, ничего не получаетъ; но это лишь въ томъ случаѣ, если онъ пробылъ не долго въ домѣ тестя. Другое дѣло, если зять прожилъ у тестя отъ 3-хъ до 5-ти лѣтъ или больше: въ этомъ случаѣ онъ имѣетъ право требовать отъ тестя, если послѣдній не соглашается на это самъ, часть изъ имущества тестя по разсчету времени работы зятя. Если послѣ пріема зятя у тестя родится сынъ — зять обыкновенно уходитъ; но нерѣдко также, что тесть и въ этомъ случаѣ проситъ зятя остаться и въ такомъ случаѣ онъ становится въ положеніе старшаго сына въ семьѣ. Въ случаѣ смерти жены, зять обыкновенно покидаетъ домъ тестя, если зять овдовѣлъ бездѣтнымъ. Иногда, впрочемъ, зять и въ этомъ случаѣ остается у тестя въ положеніи сына, и тесть, по прошествіи нѣкотораго времени, женитъ его на комъ-нибудь, какъ-будто своего сына. Если у овдовѣвшаго зятя есть дѣти, то обыкновенно онъ долженъ остаться въ домѣ и вспоить и вскормить дѣтей. По достиженіи ими зрѣлаго возраста, зять воленъ остаться у тестя или уйти.

Какъ я упоминалъ выше, среди лопарей весьма часты семейные раздѣлы. Предлагаютъ ихъ обыкновенно сыновья, и лишь сравнительно рѣдко инидіатива раздѣла исходитъ отъ отца. Въ случаѣ, если отецъ противится раздѣлу, сынъ иногда совершаетъ самовольный уходъ, и отецъ воленъ дать ему тогда что-нибудь изъ семейнаго имущества

или нѣтъ. Но, не давая ему ничего изъ семейнаго имущества, отецъ является обязаннымъ выдать сыну тѣ предметы, которые тотъ сработалъ самъ, а также и приданое жены сына, если послѣдній женатъ. А. Я. Ефименко [1]) добавляетъ, что сынъ при самовольномъ уходѣ получаетъ и ружье; мнѣ сообщали, что ружье выдается сыну лишь въ томъ случаѣ, если оно ему было подарено раньше отцомъ или кѣмъ-нибудь изъ родственниковъ, или, если оно было куплено сыномъ на принадлежащія ему деньги; въ противномъ случаѣ отецъ, имѣя хотя-бы нѣсколько ружей, не является обязаннымъ выдать одно изъ нихъ сыну, хотя, конечно, такіе случаи и не рѣдки.

При раздѣлѣ съ согласія отца, снова выступаетъ съ силой трудовой принципъ, именно: изъ всего имущества обыкновенно выдѣляютъ всѣ предметы, сработанные сыномъ, или подаренные ему, или купленные на его деньги, и затѣмъ остальное имущество уже поступаетъ въ раздѣлъ. Доля сына опредѣляется волей отца: сколько онъ пожелаетъ, столько онъ и выдѣлитъ сыну, и отца нельзя обязать дать непремѣнно извѣстную опредѣленную часть отдѣляющемуся сыну. Какъ дѣлятъ оленей, принадлежащихъ сыну, я говорилъ уже выше. Если въ семьѣ нѣсколько сыновей, то отецъ можетъ дать одному больше, другому меньше—по усмотрѣнію. Но обыкновенно отецъ руководится въ этомъ случаѣ слѣдующимъ соображеніемъ: насколько тотъ или другой изъ сыновей являлся хорошимъ работникомъ, то хорошему работнику онъ всегда дастъ больше, чѣмъ плохому. Мать при семейномъ раздѣлѣ даетъ обыкновенно часть своего приданаго сыновьямъ, но эта выдача имѣетъ характеръ дара, и отецъ въ распредѣленіе приданаго своей жены между сыновьями обыкновенно не вмѣшивается. Младшій сынъ обыкновенно остается при родителяхъ, но этимъ послѣднимъ дается право оставить у себя вмѣсто младшаго и другаго изъ сыновей—„кто посмирнѣе“. Если лопарь, принявъ зятя къ себѣ въ домъ, оставилъ его при себѣ даже послѣ рожденія сына и если, по достиженіи сыномъ зрѣлаго возраста, происходитъ семейный раздѣлъ, то нерѣдко случается, если зять хорошъ, то тесть ему выдѣляетъ даже большую часть семейнаго имущества.

Переходя къ погребальнымъ обрядамъ лопарей, слѣдуетъ отмѣтить, что они, какъ впрочемъ и многіе, въ настоящее время сильно измѣнились и упростились сравнительно съ прежнимъ временемъ: это упрощеніе зависитъ главнымъ образомъ отъ упадка древнихъ представленій лопарей, вслѣдствіе чего и многіе обряды, какъ послѣдствіе этихъ вѣрованій, были постепенно забыты.

Свѣдѣнія о погребальныхъ обрядахъ лопарей мы имѣемъ за разное время и изъ разныхъ мѣстностей—и всѣ они въ общихъ чертахъ сходятся между собой, во всѣхъ нихъ сквозятъ съ большей или меньшей силой одни и тѣ же представленія о мертвомъ и о загробной жизни. Не касаясь свидѣтельства Певцера объ обычаѣ, существовавшемъ у лопарей, хоронить покойниковъ подъ очагомъ, укажу лишь на свидѣтельства писателей второй половины XVII вѣка. Шефферъ сообщаетъ, что послѣ смерти родственника всѣ оставляютъ вѣжу, гдѣ лежитъ покойникъ. Тоже говоритъ и Самуилъ Реенъ, прибавляя, что это дѣлается въ тотъ-же день изъ боязни мертвыхъ [2]). То же самое подтверждаетъ

---

[1]) З. И. Р. Г. О. VIII, стр 28.
[2]) Shefferus Lapponia p. 312.

и Реньаръ, хотя послѣдній прибавляетъ къ извѣстію объ оставленіи жилища, гдѣ умеръ родственникъ, еще извѣстіе, что иногда это жилище впослѣдствіи разрушаютъ [1]). Хоронятъ двоякимъ образомъ: одинъ похоронный ритуалъ сохранилъ въ себѣ болѣе языческихъ обрядовъ, другой видоизмѣнился подъ вліяніемъ христіанства. Начнемъ съ перваго: покойника обертываютъ холстиной, если онъ былъ богатымъ человѣкомъ, въ противномъ случаѣ, его покрываютъ вмѣстѣ съ головой шерстью obsoliata; нѣкоторые одѣваютъ ихъ въ лучшія одежды, принадлежавшія умершему при жизни. Когда слѣдуетъ везти покойника хоронить, ближайшее къ покойнику лицо (мужъ, жена, отецъ, дѣти) должно было подарить тому, кто положитъ покойника въ гробъ, латунное кольцо; это кольцо надѣвалось на правую руку исполняющаго эту обязанность, лица, которое не должно было снимать его до тѣхъ поръ, пока похороны не окончатся, изъ опасенія, чтобы съ нимъ не случилось чего-нибудь дурнаго. Гробъ обыкновенно выдалбливался изъ дерева. Болѣе древній, чѣмъ положеніе въ гробъ покойника, обычай, это положеніе покойника въ землю безъ гроба, просто на саняхъ, засвидѣтельствованный въ XVII вѣкѣ. Нѣкоторые окружали и покрывали сани съ тѣломъ покойника со всѣхъ сторонъ пнями (stipitibus arborum) для того, чтобы могила дольше сохранялась въ цѣлости, а тѣло не было съѣдено дикими звѣрями. Мѣстомъ погребенія выбирали мѣстности уединенныя, преимущественно лѣса; хоронили также и въ пещерахъ, причемъ входъ въ нихъ заваливали камнями. Съ покойникомъ клали обыкновенно топоръ, огниво, иногда лукъ, стрѣлы; оставляютъ на могилѣ также всѣ одежды въ которыхъ больной скончался, также постель его, одѣяло и т. п. Оставлялись и сани, на которыхъ привезли покойника къ могилѣ, если ихъ не хоронили вмѣстѣ съ нимъ. Лопари обычай положенія съ покойникомъ огнива объясняли тѣмъ, что когда будетъ воскресеніе мертвыхъ, то въ темнотѣ оно потребуется для освѣщенія дороги, топоръ же клался для того, чтобы по дорогѣ въ небеса прорубать себѣ дорогу, если деревья будутъ мѣшать идти впередъ [2]). Естественно что это объясненіе возникло подъ вліяніемъ христіанства, познакомившаго лопарей съ вѣрой въ воскресеніе мертвыхъ и замѣнило собой болѣе древнее воззрѣніе, что всѣ эти предметы необходимы для усопшаго на томъ свѣтѣ, гдѣ онъ будетъ вести тотъ же образъ жизни, какъ и на землѣ и охотиться, и раскладывать костры, и рубить деревья.

Таковъ языческій способъ погребенія; что касается того способа погребенія, который возникъ подъ вліяніемъ христіанства, то онъ отличается лишь тѣмъ, что покойника клали въ гробъ, совершали надъ нимъ христіанское отпѣваніе и хоронили его не въ лѣсахъ или пещерахъ, а на кладбищахъ. Въ дальнѣйшемъ оба ритуала сходятся.

По словамъ Реньара, могилу поливаютъ водой. На третій день послѣ похоронъ совершается тризна. Убиваютъ того оленя, который былъ запряженъ въ сани, на которыхъ везли покойника хоронить; мясо оленя варится и съѣдается, но кости тщательно собираются и складываютъ ихъ въ ящикъ, который потомъ зарываютъ въ землю; къ ящику съ костями оленя обыкновенно присоединяютъ сдѣланое изъ дерева изображеніе че-

[1]) Regnard. Voyage p. 59.
[2]) S cheffers. Lapponia. pp. 313—316.

ловѣка, большихъ или меньшихъ размѣровъ, смотря потому, какова внѣшность была покойника [1]).

Таковы свѣдѣнія объ обрядахъ при погребеніи русскихъ лопарей, живущихъ около Колы. Мартиньеръ, бывшій въ Лапландіи въ 40 годахъ XVII столѣтія, посѣтилъ Колу и былъ тамъ свидѣтелемъ погребенія лопаря: по словамъ его, лопаря погребали спустя часа 4—6 послѣ его кончины; покойника обертывали въ полотно, оставляя открытыми руки и лицо, затѣмъ его клали на медвѣжью шкуру и вмѣстѣ съ послѣдней на деревянныя носилки. Все это дѣлалось шестью наиболѣе уважаемыми друзьями умершаго. Въ рукѣ мертвецъ держалъ кошелекъ съ деньгами, около тѣла лежала бутылка водки, съ копченымъ оленьимъ мясомъ и рыбой; это должно было служить запасомъ на дорогу. За нимъ лежали корни елокъ, долженствовавшіе служить ему для освѣщенія дороги. Когда все было установлено, они начали, обходя вокругъ покойника, кричать и обращаться къ нему съ слѣдующими вопросами: не виновата ли его жена или ребенокъ въ его смерти, не терпѣлъ ли онъ какого-либо лишенія, не чувствуетъ ли онъ голода или жажды и. т. п. Все это они дѣлали, оставаясь въ наклоненномъ положеніи Остальныя свѣдѣнія, которыми Мартиньеръ добавляетъ свое описаніе—являются христіанскими: погребеніе совершается въ присутствіи священника: на груди покойника лежитъ образъ Николая Чудотворца и т. п. [2]). Какъ ни интересны сообщенныя Мартиньеромъ свѣдѣнія о погребальныхъ обрядахъ кольскихъ лопарей XVII в., слѣдуетъ, однако, замѣтить, что въ данномъ описаніи мы имѣемъ ритуалъ, который, быть можетъ, является лишь исключительнымъ; лопари въ самой Колѣ никогда не жили; слѣдовательно, видѣнныя Мартиньеромъ похороны совершались надъ лопаремъ, вѣроятно, лишь временно прибывшимъ въ Колу; вслѣдствіе этого является неразрѣшенными вопросами: употреблялась-ли медвѣжья шкура для положенія на нее покойника постоянно для погребенія, или ее взяли лишь случайно за неимѣніемъ ничего другаго, хоронили ли всегда лишь по прошествіи 4—6 часовъ послѣ смерти, или это было вызвано въ даннномъ случаѣ особыми обстоятельствами; считалось-ли присутствіе священника необходимымъ или нѣтъ и т. д. Если сравнить современные похоронные обряды русскихъ лопарей, то окажется, что, повидимому, присутствіе священника, икона на груди покойника—были вызваны лишь тѣмъ, что погребеніе происходило въ Колѣ, слѣдовательно среди русскаго населенія, гдѣ была церковь и не могутъ считаться господствовавшими повсемѣстно. Единственно, что есть чисто языческаго, вѣроятно, распространеннаго по всей русской Лапландіи, это положеніе вмѣстѣ съ покойникомъ водки, съѣстныхъ припасовъ, денегъ и корней деревьевъ для освѣщенія дороги. Остальное же, быть можетъ, и было обычаемъ распространеннымъ, но, быть можетъ, было вызвано лишь случайными обстоятельствами.

Что касается причитаній, о которыхъ упоминаетъ Мартиньеръ, то они вѣроятно были употребительными среди лопарей не только русскихъ, но и скандинавскихъ: дѣйствительно, причитаній въ настоящемъ смыслѣ этого слова теперь мы не встрѣчаемъ въ русской Лапландіи—они замѣнились или лучше сказать выродились въ простые вопли, среди

[1]) Regnard. Voyage, p. 50, 51. Schefferus Lapponia p. 316.
[2]) Martinière. Voyage des pays septentrionaux. pp. 177—179.

которыхъ однако постоянно предлагаются вопросы покойнику для чего и на кого онъ ихъ покинулъ. Среди скандинавскихъ лопарей намъ неизвѣстны причитанія, но вѣроятно и тамъ они существовали.

Большинство авторовъ, въ томъ числѣ и Шубертъ (XIX в.), сообщаетъ, что при похоронахъ лопари поднимаютъ вой (Geheule) и продолжаютъ его часто долго еще на могилѣ. [1]) Вѣроятно, что среди этого воя, какъ среди воплей современныхъ русскихъ лопарей, предлагались также вопросы покойнику, и эти вопросы являются лишь остатками древнихъ причитаній.

Засвидѣтельствованные писателями XVII вѣка погребальные обряды лопарей скандинавскихъ приходятъ въ замѣтный упадокъ уже въ концѣ XVIII вѣка. Такъ Ацерби сообщаетъ, что все, что оставляютъ на могилѣ, заключается лишь въ старыхъ саняхъ, которыя и опрокидываются на нее. Прежде, замѣчаетъ онъ, существовалъ обычай покрывать могилу кучей камней, но этотъ обычай совсѣмъ вышелъ изъ употребленія; прежде оставлялись съѣстные припасы па могилѣ, и лопари покидали мѣстность, гдѣ умеръ кто нибудь изъ членовъ семьи и перекочевывали на другое; въ теченіи первыхъ трехъ лѣтъ послѣ смерти имѣли обыкновеніе въ могилахъ продѣлывать отверстіе и класть въ него либо немного табаку, либо что нибудь другое изъ того, что особенно любилъ покойникъ. [2]) Но то, что Ацерби засталъ уже давно отмершимъ обычаемъ, Гегстремъ застаетъ еще частью свѣжимъ преданіемъ, частью еще обычаемъ господствующимъ; по его словамъ, въ Кайтомѣ существовалъ обычай, согласно съ которымъ родственники или друзья умершаго, проходя мимо его могилы, бросали ему кусочекъ табаку; на счетъ оленя, о жертвоприношеніи котораго подробно сообщаютъ Шефферъ и Реньаръ, Гегстремъ передаетъ тоже самое, лишь въ болѣе сокращенномъ видѣ. [3]).

Какъ ни интересны свѣдѣнія, сообщаемыя намъ писателями XVII и XVIII вѣковъ о погребальныхъ обрядахъ лопарей, они далеко не имѣютъ должной полноты и не исчерпываютъ ихъ. Поэтому крайне интересными являются свѣдѣнія, которыя мы можемъ почерпнуть о погребальныхъ обрядахъ древнихъ лопарей, добытыя изъ раскопокъ ихъ могилъ: эти свѣдѣнія дополнятъ извѣстія писателей о древнихъ обрядахъ при погребеніи среди лопарей, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ раскопанныхъ могилъ относятся къ эпохѣ, далеко предшествовавшей той, отъ которой дошли намъ извѣстія отъ древнихъ писателей. Подробныя извѣстія о результатахъ, къ которымъ привели раскопки лопарскихъ могилъ, мы находимъ у Горка, [4]) излагающаго ихъ со словъ Нордви; свѣдѣнія эти относятся къ могиламъ, раскопаннымъ въ скандинавской Лапландіи.

Древнія могилы, пишетъ Горкъ, разнообразны; обыкновенно встрѣчаются слѣдующіе три вида ихъ; (всѣ онѣ встрѣчаются на отвѣсахъ горъ, около священныхъ горъ, въ недалекомъ разстояніи отъ капищъ или на крутыхъ берегахъ озеръ или большихъ рѣкъ и берегу моря; почва для нихъ выбиралась каменистая). Первый видъ могилъ есть ничто иное, какъ естественныя пещеры или углубленія на отвѣсахъ горъ; отверстія ихъ послѣ

1) Schubert. Reise, II, p. 294.
2) Acerbi. Reise. p. 486
3) Högstrom. Beschreibung. p. 229
4) Gorck. Die Lappländer. (въ Zeitschrift für Ethnologie. VIII. 1876. pp. 51, 52).

положенія тѣла закладывались камнями. Другія могилы представляютъ слѣдующее: выкапывалось небольшое углубленіе въ землѣ; къ этому углубленію прикатывались два большихъ камня съ сглаженными краями и ставились въ это углубленіе такъ, чтобы края камней прикасались другъ къ другу, такъ что надъ могилой образовывалось нѣчто въ родѣ крыши; могила такимъ образомъ оказывалась открытой съ двухъ сторонъ; послѣ того какъ тѣло было выдвинуто подъ эти камни, отверстія заваливались каменными кучами. Третій видъ могилъ состоитъ изъ вырытой четырехъугольной ямы, стороны которой обкладываются неравными по величинѣ камнями: въ головахъ и ногахъ ставятся стоймя по большому плоскому камню. Все это покрывается плоскими камнями на подобіе черепичной крыши; вслѣдствіе этого могила оказывается защищенной отъ вѣтровъ, дождя и нападенія дикихъ звѣрей. Могила имѣетъ видъ небольшаго каменнаго холмика. На нѣкоторыхъ могилахъ плоскіе камни, заостренные съ одной стороны, были положены пирамидой. Обыкновенная длина могилы 3—4³/₄ локтя, ширина 1—2 локтя; глубина ½—локоть. Въ каждой могилѣ находится обыкновенно лишь по одному костяку, хотя и встрѣчаются могилы, въ которыхъ лежатъ нѣсколько костяковъ: такія могилы соотвѣтственно этому имѣютъ и большіе размѣры. Костяки часто находятъ завернутыми въ куски бересты, сшитыми вмѣстѣ нитками изъ жилъ оленей; береста часто обильно украшена изображеніями оленей, медвѣдей, волковъ и т. п. и картинами изъ жизни лопаря. Нѣкоторые костяки лежатъ въ кережахъ. Олень, на которомъ былъ привезенъ покойникъ на мѣсто погребенія, приносился въ жертву обыкновенно на могилѣ. Костякъ лежалъ обыкновенно головой на западъ или на югъ, причемъ не на спинѣ, а на боку; нерѣдко лицо повернуто на востокъ или юговостокъ. Повидимому тризна совершалась на могилѣ и въ жертву приносились либо одинъ олень, либо нѣсколько; мясо вѣроятно съѣдалось, кости обгладовались и даже ломались для извлеченія мозга; остатки клались вмѣстѣ съ покойникомъ въ могилу вмѣстѣ съ другими предметами: оружіемъ, огнивомъ и т. п., которыя давались покойнику на дорогу. По словамъ Леема (XVIII в.) охотники и стрѣлки погребались обыкновенно вблизи капищъ и священныхъ мѣстъ; бѣдные-же лопари напротивъ того хоронились на любомъ мѣстѣ. Охотникамъ въ могилу клали собаку, часто также лукъ и стрѣлы рыболовныя снасти, метательныя копья и т. п, причемъ рыболовныя снасти клались обыкновенно, также какъ лукъ и стрѣлы по лѣвую руку покойника. Вслѣдствіе этого около костяковъ встрѣчались остатки этихъ предметовъ; около костяковъ были находимы также остатки морскихъ звѣздъ, костяки рыбъ и птицъ, черепа медвѣжьи, и другихъ дикихъ звѣрей также какъ части костей сѣверныхъ оленей, черепа, челюсти конечности и т. п. Многія кости расщеплены для извлеченія мозга; способъ расщепленія костей и ихъ оригинальный внѣшній видъ имѣютъ очень большое сходство съ находимыми въ Даніи въ Кёккенмедингеръ, гдѣ также среди раковинъ встрѣчаются остатки костей млекопитающихъ. Кромѣ того почти въ каждой могилѣ находилась раковина улитки, называемой Hund-sjäi т. е. собачья душа, которая, по мнѣнію Нордви, должна была вмѣсто дѣйствительной погребенной съ покойникомъ собаки, сторожить покойника, вѣроятнѣе служить при охотѣ. Предметы, находимые въ могилахъ состояли изъ крючковъ, употребляемыхъ при рыбной ловлѣ и охотѣ, луковъ, стрѣлъ, копій и лыжъ вмѣстѣ съ употребляемыми при бѣгѣ на лыжахъ палками, Наконечники стрѣлъ и копій были почти всѣ изготовлены изъ рога или

кости, рѣдко изъ кремня. Желѣзо было найдено лишь въ одной могилѣ, именно небольшой кусокъ на подобіе наконечника копья; также было найдено небольшое металлическое изображеніе медвѣдя.

Таковы раскопанныя въ Скандинавіи могилы. Повидимому онѣ относятся къ болѣе древнему времени, чѣмъ XVII вѣкъ, такъ какъ въ то время, по словамъ Шеффера, употребленіе желѣза было уже распространено среди лопарей и роговыя орудія встрѣчались уже рѣдко. Какъ бы то ни было, но, въ общихъ чертахъ, результаты раскопокъ лишь подтверждаютъ свѣдѣнія древнихъ писателей о погребеніи лопарей; наиболѣе интереснымъ добавленіемъ является находка бересты, украшенной какъ изображеніями звѣрей, такъ и картинами жизни лопаря: по всѣмъ вѣроятіямъ, изображеніе звѣрей замѣнило собой обычай положенія въ могилу этихъ животныхъ; что-же касается до изображеній картинъ изъ жизни лопарской, то онѣ вѣроятно имѣли цѣлью прославить дѣятельность покойника и, быть можетъ, какъ это мы встрѣчаемъ у нѣкоторыхъ народностей, указать на будущую дѣятельность усопшаго въ загробномъ мірѣ. Не менѣе важнымъ добавленіемъ является и описаніе могилъ, объ устройствѣ которыхъ современники не оставили намъ свѣдѣній.

Сравнивая обряды при погребеніи современныхъ русскихъ лопарей съ таковыми-же обрядами древнихъ лопарей скандинавскихъ, мы увидимъ, что въ основѣ своей они остались тѣми-же самыми, хотя въ частностяхъ и претерпѣли болѣе или менѣе значительныя измѣненія. Прежде всего остановлюсь на мѣстахъ погребенія умершихъ. Въ этомъ отношеніи мы не находимъ единообразія: если лопарь умеръ зимой, въ то время, какъ всѣ продолжаютъ жить еще въ зимнемъ погостѣ, его хоронятъ, какъ хоронили древніе лопари своихъ умершихъ, въ лѣсахъ, на горахъ, по берегамъ рѣкъ, и озеръ, подальше отъ погоста; это, конечно, не можетъ относиться къ тѣмъ лопарскимъ погостамъ, въ которыхъ находятся церкви—тамъ естественно хоронятъ на особо отведенныхъ кладбищахъ. Если случается, что лопарь умираетъ во время весенняго, лѣтняго или осенняго промысла, слѣдовательно въ дали отъ своего погоста, а также во время переходовъ съ одной тони на другую—его родственникамъ некогда везти его къ погосту или на кладбище: они хоронятъ его недалеко отъ того мѣста, гдѣ онъ умеръ. Вслѣдствіе этого, а также вслѣдствіе того, что церквей въ Лапландіи вообще мало, христіанскій способъ погребенія не вошелъ еще среди лопарей въ полную силу.

Обычай оставлять жилище, въ которомъ кто нибудь скончался, остался до сихъ поръ среди русскихъ лопарей нѣкоторыхъ мѣстностей: тотчасъ послѣ кончины всѣ родственники выходятъ изъ тупы, оставляютъ ее открытой и возвращаются въ нее лишь черезъ нѣсколько дней (7—9). Въ другихъ мѣстностяхъ покойника выносятъ изъ тупы и кладутъ въ амбаръ, вслѣдствіе чего родственникамъ нѣтъ опасности оставаться въ тупѣ. Тѣло стараются обмыть какъ можно скорѣе, пока оно еще не остыло; при этомъ женщинъ всегда моютъ женщины, мужчинъ мужчины, или за недостаткомъ ихъ, старыя женщины. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вокругъ покойника кадятъ до омовенія его. Послѣ омовенія приступаютъ къ его одѣванію: въ Пазрѣкѣ на него надѣваютъ бѣлую рубаху и штаны; затѣмъ его опоясываютъ поясомъ; на ноги надѣваютъ каньги; а если у послѣднихъ концы загнуты кверху, то обрѣзаютъ ихъ. Вмѣсто оборъ шерстяныхъ, которыми обыкновенно завязываются каньги на ногахъ, ихъ прикрѣпляютъ сѣномъ. Жен-

щинъ одѣваютъ въ сарафанъ; на голову имъ надѣваютъ повойникъ. Сверху покойника закрываютъ саваномъ; лицо прикрывается бѣлою новою тряпкою. На Нотоверѣ, въ Сонгелахъ и Массельгѣ покойниковъ одѣваютъ приблизительно также, но рубаха можетъ быть и разноцвѣтная и должна быть непремѣнно новой; подъ каньги надѣваютъ обыкновенно чулки и у каньговъ, у которыхъ носки загнуты кверху, также обрѣзываютъ носки. Обыкновенно послѣ одѣванія покойника несутъ въ амбаръ и оставляютъ его тамъ лежать на доскахъ, пока не сдѣлаютъ гробъ. Въ амбаръ въ это время никто не долженъ входить. Въ большинствѣ случаевъ покойнику кладутъ на грудь икону, которая однако берется обратно при опусканіи тѣла въ землю. Гробъ должны изготовить тѣ мужчины, у которыхъ жены не беременны, и которыя уже перестали кормить младенцевъ грудью. У беременныхъ женщинъ или кормящихъ грудью дѣтей, мужья не могутъ ни дѣлать гроба, ни рыть могилы, такъ какъ въ противномъ случаѣ дѣти скоро умрутъ. Запрещается также всѣмъ жителямъ погоста заниматься какимъ-бы то ни было своимъ дѣломъ: всѣ должны работать на покойника, или, по крайней мѣрѣ, быть готовыми служить ему—въ противномъ случаѣ имъ грозитъ смерть (Пазрѣка). Гробъ обыкновенно дѣлается изъ досокъ и лишь рѣдко выдалбливается изъ дерева. Въ однѣхъ мѣстностяхъ гробъ покрываютъ крышкой, въ другихъ хоронятъ безъ нея. Черезъ полдня, или въ крайнемъ случаѣ черезъ день, гробъ бываетъ готовъ; тогда входятъ въ амбаръ, снова кадятъ вокругъ мертваго и тотъ, кто дѣлалъ гробъ, долженъ положить въ него покойника. (Нотозеро—Массельга). Послѣ этого спѣшатъ его похоронить: въ Пазрѣкѣ гробъ ставятъ на сани и на оленяхъ везутъ его на мѣсто погребенія. На Нотозерѣ въ сани впрягаются родственники умершаго (дяди, родные и двоюродные братья, крестный отецъ или крестникъ)—ими то и везется гробъ до мѣста назначенія. Остальные родственники слѣдуютъ за гробомъ. Женщины должны выказывать свое горе громкимъ плачемъ; нѣкоторыя для выраженія своего горя царапаютъ себѣ лицо. Причитаній опредѣленныхъ нѣтъ, но всѣ присутствующіе спрашиваютъ покойника, зачѣмъ онъ ихъ оставилъ, былъ-ли онъ чѣмъ-нибудь недоволенъ и т. п. Могилы роютъ обыкновенно чрезвычайно мелкими—$1/2$ аршина, рѣдко 1 аршинъ глубины. Когда въ настоящее время священники въ тѣхъ погостахъ, гдѣ есть церковь, стали требовать, чтобы могилы копались глубиной въ 3 аршина, лопари оказались очень недовольными и считаютъ это однимъ изъ самыхъ сильныхъ притѣсненій. Могилы либо просто засыпаютъ землей, либо, покрывъ покойника слоемъ земли, остальное пространство заваливаютъ каменьями. Послѣ похоронъ—устраиваютъ обѣдъ, рѣже пиръ. На томъ и другомъ опредѣленныхъ кушаній не полагается; присутствуютъ всѣ провожавшіе. На обѣдѣ пьютъ водку, хотя пьянства и не бываетъ; выпивая рюмку, лопарь говоритъ: помяни Господи раба такого-то. Обыкновенно на третій день послѣ похоронъ, иногда-же въ самый день похоронъ происходитъ положеніе на могилу тѣхъ или иныхъ предметовъ. Кладутъ обыкновенно либо тупой топоръ, либо рыболовныя снасти; встрѣчается, хотя изрѣдка обычай оставленія саней на могилѣ: сани, на которыхъ привезли покойника, опрокидываются на могилу полозьями вверхъ.

Еще рѣже обычай положенія подъ сани кусковъ оленьяго мяса, либо хлѣба и небольшаго сосуда съ водкой—все это дѣлается, по словамъ лопарей, для того, чтобы покойникъ могъ ѣздить на томъ свѣтѣ, ловить рыбу, рубить деревья, какъ онъ это дѣлалъ во время своей земной жизни.

До сихъ поръ слѣдовательно встрѣчается обычай оставлять на могилѣ всѣ орудія, которыми лопарь пользуется при жизни, какъ, напримѣръ, топоръ, ложку и т. п. Эти свѣдѣнія, сообщенныя мнѣ лопарями, подтверждаетъ между прочимъ и г. Рабо [1]), путешествовавшій по русской Лапландіи въ 80-хъ годахъ. Встрѣчается также, что лопарю надъ могилой ставятъ небольшую деревянную покрышку, именно, такъ называемый жителями Архангельской и Олонецкой губ., „Кивотъ.“ Это, составленная изъ досокъ, невысокая четырехъугольная рама, включающая въ себя могильную насыпь; надъ четырехугольникомъ поднимается двускатная крыша; въ рамѣ или самой крышѣ сдѣлано небольшое отверстіе, по мнѣнію жителей Архангельской и Олонецкой губ., чтобы душа могла вылетать. Обычай дѣлать „кивоты“ слѣдуетъ считать заимствованнымъ у русскихъ, населяющихъ побережье Бѣлаго моря, которые, также хоронятъ своихъ мертвыхъ, оставляя на могилѣ лопаты, которыми копали, иногда замѣняя настоящія лопаты лишь моделями ихъ. Олень, на которомъ привезли покойника, продается обыкновенно родственникамъ и деньги, вырученныя отъ продажи, идутъ на уплату за приготовленіе гроба и могилы и за отпѣваніе. Иногда продается и другой олень, а не тотъ, на которомъ привезли гробъ—въ такомъ случаѣ тотъ, который служилъ для отвозки покойника, не употребляется для ѣзды въ теченіи нѣкотораго времени—обыкновенно впрочемъ до 6 недѣль. На проданномъ оленѣ душа совершаетъ свое посмертное путешествіе. Отпѣваніе бываетъ при похоронахъ лишь въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда смерть произошла вблизи церкви или если священникъ былъ случайно въ погостѣ въ моментъ смерти. Обыкновенно-же дѣлаютъ такимъ образомъ: при пріѣздѣ священника въ погостъ, просятъ его проѣхать на могилу, и онъ отслуживаетъ панихиду, либо отпѣваетъ покойника, либо послѣ похоронъ отправляются къ священнику съ узелкомъ земли, взятой изъ могилы, и просятъ его совершить отпѣваніе заочно.

Поминки совершаются неодинаково: иногда послѣ трехъ дней по смерти, иногда черезъ шесть недѣль, иногда лишь въ годовщину смерти. Въ родительскую субботу устроиваютъ обыкновенно поминки; если есть церковь вблизи, то въ церкви, если-же церкви вблизи нѣтъ, то ограничиваются лишь обѣдомъ. На Пасху ходятъ, если могилы по близости, христосоваться, но яицъ при этомъ на могилы не кладутъ.

Родственницы обыкновенно носятъ трауръ: черный сарафанъ и черную косынку; дѣвушки до шести недѣль, замужнія до 1 года. Въ теченіи шести недѣль дѣвушки не участвуютъ въ играхъ и не ходятъ на вечеринки, гдѣ таковыя устраиваются. Мужчины траура не носятъ. На могилахъ ставятъ кресты, причемъ на крестѣ вырѣзаютъ клеймо умершаго, либо дѣлаютъ карандашемъ надпись, обозначая имя и фамилію умершаго. Такъ какъ грамотныхъ лопарей почти нѣтъ вовсе, то кресты часто возятъ къ священникамъ съ просьбой сдѣлать ту надпись, „что обыкновенно на крестѣ бываетъ“. Среди пазрѣцкихъ лопарей существуютъ еще примѣты, при помощи которыхъ они стараются отгадать, хорошо-ли будетъ умершему на томъ свѣтѣ: если похороны совершаются зимой и на могилу падетъ снѣгъ — значитъ покойному будетъ хорошо и въ погостѣ не скоро будетъ втораго случая смерти. Если же въ это время ясная погода и много звѣздъ на небѣ—

[1]) Revue d'Ethnographie 1885. № 1.

скоро другой умретъ. Если похороны происходятъ лѣтомъ и въ это время идетъ дождь— покойникъ былъ большой грѣшникъ и ему будетъ плохо житься на томъ свѣтѣ.

Какъ скандинавскіе, такъ и русскіе лопари считаютъ могилы священными и раскапывать ихъ, какъ-бы онѣ ни были древни, считаютъ тяжкимъ грѣхомъ, въ особенности, если это завѣдомо, или по преданіямъ, лопарскія могилы. Одинъ лопарь разсказывалъ мнѣ, что когда пріѣхало одно командированное отъ какого-то ученаго общества лицо, имѣвшее цѣлью производить раскопки въ Лапландіи, они, не смотря на требованія мѣстнаго начальства указать старыя могилы и помочь въ раскопкахъ, сговорившись всѣ поголовно—отказались, объявили, что никакихъ могилъ не знаютъ и, чтобы избавиться отъ преслѣдованій, которымъ они, по ихъ мнѣнію, могли подвергнуться, всѣ разбѣжались и долго скрывались въ лѣсу, боясь выйти.

Сыновья, оставаясь жить вмѣстѣ, послѣ смерти отца, рѣдко выносятъ совмѣстную жизнь и обыкновенно приступаютъ къ раздѣлу. Въ этомъ случаѣ играетъ важную роль, осталась-ли въ семьѣ мать, было-ли сдѣлано отцомъ распоряженіе на случай смерти, или послѣдняго не было сдѣлано и дѣти остались сиротами. Въ первомъ случаѣ, тотчасъ по смерти отца, всѣ права его переходятъ на мать, и раздѣлъ можетъ состояться лишь подъ условіемъ ея согласія; при раздѣлѣ она имѣетъ ту же власть, какъ и отецъ, и распредѣленіе долей изъ семейнаго имущества между сыновьями зависитъ отъ нея. Однако отъ власти матери слѣдуетъ, повидимому, отличать положеніе мачихи: если послѣдняя бездѣтна, то она отсылается прочь и получаетъ лишь свое приданое. Въ случаѣ, если у ней есть дѣти, то, по словамъ А. Я. Ефименко [1]), отцовское имущество дѣлится поровну между дѣтьми отъ обоихъ браковъ отца; сама мачиха ничего не получаетъ, но пасынки обязуются ее кормить [2]). Если раздѣлъ происходитъ между матерью и дочерьми, въ случаѣ неимѣнія неотдѣленныхъ сыновей, имущество дѣлится на двѣ равныя части: одну получаетъ мать, а другая распредѣляется между дочерьми. Дочери, если есть сыновья, особой доли обыкновенно не получаютъ: братья обязаны ихъ содержать и на общій счетъ устроить имъ приданое и нести расходы по выдачѣ ихъ въ замужество. Дочери остаются при матери и въ нѣкоторыхъ погостахъ обязанность снабдить ихъ приданымъ падаетъ не на сыновей, а на мать. Если умретъ мать, то приданое ея дѣлится поровну между дочерьми, а ея часть семейнаго имущества переходитъ къ сыновьямъ; приданое, при отсутствіи дочерей, переходитъ, естественно, наравнѣ съ прочимъ имуществомъ, къ сыновьямъ.

Самый простой способъ дѣлежа бываетъ въ томъ случаѣ, когда отецъ или мать, умирая, успѣли сдѣлать распоряженія на случай своей смерти. Естественно, что о письменныхъ завѣщаніяхъ у лопарей не можетъ быть и рѣчи. Если завѣщанія и совершаются, то всегда словесныя. Формальности, которыя являются необходимыми для того, чтобы словесное завѣщаніе было дѣйствительнымъ, повидимому не вездѣ одинаковы. Такъ, г-жа Ефименко передаетъ, что „престарѣлые родители дѣлаютъ словесныя завѣщанія при трехъ посторонних свидѣтеляхъ: они указываютъ, что изъ имѣнія долженъ получить каждый наслѣдникъ, и согласно указаніямъ дѣлается послѣ ихъ смерти дѣлежъ имѣнія“.

[1]) З. И. Р. Г. О. VIII, стр. 35.
[2]) Ibid.

Въ нѣкоторыхъ погостахъ, какъ мнѣ говорили, словесныя завѣщанія дѣлаются всегда передъ родственниками, либо передъ крестными родителями дѣтей. Въ этихъ случаяхъ дѣлежъ производятъ именно присутствовавшіе при завѣщаніи родственники или крестные родители, а не дѣти умершаго. При совершеніи словеснаго завѣщанія отецъ не имѣетъ права оставлять что-нибудь изъ семейнаго имущества не своимъ дѣтямъ. Исключеніе, однако, дѣлается для пріемнаго зятя и пріемыша, которымъ умирающій можетъ оставить и долю, равную съ долями сыновей. Въ случаѣ, если лопарь, принявшій къ себѣ въ домъ зятя, не имѣетъ сыновей, онъ нерѣдко все имущество передаетъ не своей дочери, а зятю; дочь послѣ этого не имѣетъ права вмѣшиваться въ распоряженіе имѣніемъ и сохраняетъ за собой лишь приданое.

Если дѣти, потерявъ родителей, приступаютъ къ раздѣлу, то онъ производится либо самими ими, либо міромъ, т. е. при помощи стариковъ. Естественно, что ранѣе отдѣленные отцомъ сыновья участія въ дѣлежѣ не принимаютъ. Въ случаѣ же, если сынъ ушелъ отъ отца самовольно и тотъ ничего ему изъ семейнаго имущества не выдѣлилъ, онъ имѣетъ право требовать участія своего въ раздѣлѣ, но разрѣшить или не разрѣшить ему это зависитъ отъ стариковъ, которые разбираютъ мотивы, побудившіе сына оставить отца, и вопросъ, былъ-ли отецъ правъ въ данномъ случаѣ, не давши ушедшему сыну доли изъ семейнаго имущества. Будетъ-ли раздѣлъ производиться самими сыновьями или при посредствѣ стариковъ, все семейное имущество дѣлится по числу сыновей (если нѣтъ дочерей) поровну; предметы, составляющіе частную собственность того или иного сына, въ раздѣлъ не идутъ. По совершеніи дѣлежа сыновья либо соглашаются, кому какую часть взять, либо, въ случаѣ несогласія, бросаютъ жребій. Бросанье жребія производится тѣмъ же путемъ, какъ и при распредѣленіи тоней. Если, кромѣ сыновей, остались и дочери, то имущество дѣлится, по словамъ А. Я. Ефименко, такъ, что доля каждой изъ дочерей въ половину меньше доли сына; но мнѣ говорили, что въ нѣкоторыхъ частяхъ русской Лапландіи не дѣлается различія между сыновьями и дочерьми и что какъ тѣ, такъ и другія получаютъ по равной части. Отцовскій домъ поступаетъ одному изъ братьевъ, обыкновенно младшему; но за это онъ обязанъ помочь брату выстроить себѣ новую тупу и содержать брата и его семью до того времени, когда тупа будетъ выстроена. Пріемыши имѣютъ право при сыновьяхъ требовать себѣ ту часть имѣнія, которая имъ слѣдуетъ по разсчету за время его пребыванія въ семьѣ принявшаго. То же право имѣетъ и пріемный зять; иногда случается, что міръ предоставляетъ пріемному зятю все имѣніе и даетъ ему право выдать по своему желанію сыну, принявшаго его, лишь такую часть изъ имѣнія, какую онъ самъ пожелаетъ.

Таково въ общихъ чертахъ семейственное право лопарей. Именно, въ семьѣ проявилась съ наибольшой силой юридическая мысль лопаря. Что касается правъ на имущества у лопарей, то какъ бы ни были бѣдны наши свѣдѣнія по этому вопросу, является несомнѣннымъ, что большинство ихъ появилось подъ вліяніемъ общенія лопарей съ сосѣдями, какъ и большинство институтовъ договорнаго права. Является несомнѣннымъ, что нормы, регулирующія куплю—продажу, могли возникнуть у лопарей лишь подъ вліяніемъ скандинавскихъ и русскихъ ихъ сосѣдей и, хотя уже лопари давно познакомились съ деньгами, торговля у русскихъ лопарей и по настоящее время еще крайне не развита и

господствуетъ и до сихъ поръ еще мѣна. Точно также нормы, регулирующія отдачу лопарями своихъ земельныхъ участковъ въ аренду, какъ и самъ институтъ аренды, появились у нихъ подъ вліяніемъ колянъ и печенгскихъ братій. И до настоящаго времени отдача въ аренду своихъ участковъ почти не встрѣчается между двумя лопарями, а лишь между лопаремъ и русскимъ. Вслѣдствіе этого, съ этой стороны юридическіе обычаи лопарей представляютъ мало интереса, уже въ виду того, что, какъ нормы не привившіяся на лопарской почвѣ они являются и мало разработанными. Про способы отдачи своихъ земельныхъ участковъ въ аренду я говорилъ уже выше, что касается купли-продажи, то и она рѣдко встрѣчается среди лопарей, быть можетъ, оттого, что у лопарей вообще денегъ почти не имѣется вовсе; тѣ-же изъ лопарей, которые ихъ имѣютъ, предпочитаютъ ихъ прятать либо въ землѣ, либо въ дуплахъ деревьевъ. Но если случается, что лопарь хочетъ что-нибудь купить у своего соплеменника, онъ, послѣ предварительныхъ переговоровъ съ продавцомъ, согласившись съ нимъ въ цѣнѣ, совершаетъ рукобитье. Рукобитье можетъ имѣть значеніе договора запродажи, или поставки, или собственно купли—продажи. Эти три понятія договоровъ купли знакомы лопарю, хотя онъ и не отличаетъ каждый изъ нихъ особымъ названіемъ. Если у продавца вещь на лицо, но у покупателя нѣтъ денегъ, то рукобитье имѣетъ лишь значеніе договора, по которому стороны обязываются совершить продажу къ извѣстному сроку, который и опредѣляется еще ранѣе покупателемъ и продавцомъ при переговорахъ, по взаимному соглашенію. Если у продавца нѣтъ на лицо продаваемой вещи, рукобитье имѣетъ значеніе договора, по которому продавецъ обязуется доставить вещь покупателю къ опредѣленному сроку. Если продаваемая вещь на лицо и если покупатель хочетъ сейчасъ-же доставить деньги продавцу, рукобитье завершаетъ договоръ и производится передача вещи, либо непосредственная, либо символическая; передача дѣлается такимъ образомъ: продаваемая вещь передается одной рукой продавцомъ, и въ тотъ моментъ, когда покупатель ее беретъ, этотъ послѣдній долженъ передать въ другую руку продавца слѣдуемыя за вещь деньги. Если предметомъ купли—продажи служитъ вещь большая или животное, то передается либо часть предмета, либо какая-нибудь принадлежность упряжи животнаго: при продажѣ оленей передается вожжа, при продажѣ овецъ или веревка или клокъ шерсти. Затѣмъ слѣдуютъ „литки", водка для которыхъ покупается обѣими сторонами: сначала продавцомъ и потомъ покупателемъ или наоборотъ. Иногда, при предварительномъ уговорѣ, стороны опредѣляютъ, которой изъ двухъ слѣдуетъ уплатить водку для литковъ. Свидѣтели не всегда являются необходимыми при сдѣлкахъ купли: лишь въ тѣхъ случаяхъ они являются необходимыми, когда покупаемый предметъ имѣетъ цѣнность въ глазахъ покупателя. Они избираются изъ постороннихъ, неродственныхъ сторонамъ лицъ; число ихъ неопредѣлено. Часто призываются свидѣтелями всѣ присутствующіе однопогощане.

Нѣтъ основанія предполагать, чтобы сами обряды, сопровождающіе куплю—продажу у лопарей, были заимствованы ими у сосѣдей, какъ заимствованъ самъ договоръ. Вѣроятнѣе, что лопари, познакомившись съ новымъ институтомъ права, лишь перенесли на него всѣ тѣ обряды, которые они выработали себѣ ранѣе самостоятельно, совершая мѣну. За это говоритъ, между прочимъ, то, что при мѣнѣ совершаются тѣ-же обряды, какъ и

при куплѣ—продажѣ; въ свою очередь всѣ подробности, относящіяся къ мѣнѣ относятся и къ куплѣ-продажѣ.

Мѣняются лопари лишь предметами движимаго имущества; недвижимое имущество не составляетъ предмета мѣны, какъ акта, заключаемаго между двумя лицами: она совершается всегда лишь съ согласія всего погоста или общества и не сопровождается никакими формальностями. Мѣна предметами движимыми совершается между лопарями очень часто, причемъ вовсе не требуется, чтобы обмѣниваемыя вещи были однородны; въ этомъ смыслѣ мѣна у лопарей подходитъ скорѣе подъ понятіе мѣновой торговли, чѣмъ мѣны въ строгомъ значеніи этого слова: такъ мѣняютъ шерсть на предметы роскоши, или оленей и овецъ на сукно и дрова и т. п. Сами лопари не говорятъ обыкновенно: „я промѣнялъ", а „я купилъ за шерсть (овцу, оленя) то-то." Мѣна заключается какъ и купля-продажа рукобитьемъ и въ ней лопари различаютъ тѣ-же три договора, какъ и въ куплѣ-продажѣ: обѣщаніе обмѣнять вещь къ извѣстному сроку, обѣщаніе доставить обмѣненную вещь къ извѣстному сроку и мѣну собственно. Рукобитье является главнымъ моментомъ: по совершеніи его, стороны не могутъ уже отказаться отъ исполненія договора и на нарушившую сторону можно жаловаться. И при мѣнѣ совершается такая-же передача предметовъ, или части ихъ, какъ и при куплѣ-продажѣ. Наконецъ, мѣна также завершается литками. Обманъ довольно частъ при мѣнѣ какъ и при куплѣ, и обманутая сторона имѣетъ право требовать возвращенія ей обмѣненнаго предмета. Судъ въ этомъ случаѣ всегда на сторонѣ обманутаго и присуждаетъ виновнаго не только къ отдачѣ полученнаго имъ предмета, но и къ извѣстному штрафу въ пользу обиженнаго; штрафъ состоитъ обыкновенно изъ большаго или меньшаго количества водки, которое обидчикъ долженъ поставить обманутому. Но если въ обмѣниваемой вещи оказались скрытые недостатки, то судъ разбираетъ всегда, зналъ-ли дающій данную вещь о ея недостаткахъ или нѣтъ. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ считаетъ мѣну недѣйствительной, но въ первомъ случаѣ, когда промѣнявшій плохую вещь не зналъ о ея недостаткахъ, онъ лишь уничтожаетъ дѣйствительность мѣны; во второмъ онъ налагаетъ штрафъ на виновнаго. Наконецъ мѣна, совершенная по ошибкѣ, если ошибка будетъ доказана, считается также недѣйствительной. Обычаи и обряды, соединенные съ куплей-продажей и мѣной, указанные выше, имѣютъ значеніе лишь въ случаѣ совершенія этихъ сдѣлокъ лопаря съ лопаремъ: когда лопарь совершаетъ сдѣлку съ русскимъ, онъ обыкновенно подчиняется тѣмъ обычаямъ и обрядамъ, которые потребуетъ отъ него русскій, слѣдующій собственнымъ взглядамъ.

Не останавливаясь на нѣкоторыхъ другихъ источникахъ правъ на имущества, какъ-то завладѣніи, приращеніи, и дареніи, отмѣчу лишь, что всякій, сдѣлавшій находку, обязанъ ее объявить и, если хозяинъ потерянной вещи объявится, нашедшій долженъ ему вернуть найденный предметъ, за это онъ получаетъ право требовать отъ потерпѣвшаго треть стоимости найденной вещи; если одну и ту же вещь нашли сразу нѣсколько лицъ эта сумма (треть стоимости) распредѣляется между ними поровну. Въ случаѣ утайки найденной вещи нашедшій присуждается къ безвозмездной отдачѣ ея потерявшему и приговаривается къ штрафу. Что касается клада, то онъ принадлежитъ нашедшему его, хотя бы кладъ и былъ найденъ на чужой землѣ (другой семьи, рода, погоста). Въ Лапландіи довольно много находится кладовъ, благодаря, засвидѣтельствованной еще древними пи-

сателями, привычкѣ лопарей сохранять свои деньги въ землѣ, привычкѣ, существующей у русскихъ лопарей и въ настоящее время. Этотъ обычай нѣкоторые писатели объясняли скупостью лопарей, другіе, со словъ самихъ лопарей, объясняли это тѣмъ, что лопари вѣруютъ, что въ загробной жизни эти деньги имъ пригодятся.

Разсказовъ о кладахъ ходитъ довольно много среди лопарей: они объясняютъ ихъ существованіе тѣмъ, что клады были зарыты частью лопарями, убѣгавшими отъ чуди, частью самой чудью, когда послѣдняя, преслѣдуемая лопарями, зарывала награбленное ею лопарское богатство. Указываютъ на нѣсколько мѣстъ, гдѣ, по мнѣнію лопарей, клады должны непремѣнно находиться. Такъ указываютъ на берега Чалмъ-озера, какъ на мѣста, гдѣ находятся клады, на берега р. Туломы и т. д. Кладъ даетъ знать о своемъ мѣстѣ нахожденія либо тѣмъ, что на мѣстѣ, гдѣ лежитъ кладъ показывается огонь, либо дымъ. Для того, чтобы завладѣть кладомъ, слѣдуетъ, по представленіямъ пазрѣцкихъ лопарей, поступить слѣдующимъ образомъ: когда увидишь таинственный огонь или дымъ, слѣдуетъ идти прямо по направленію къ нему, несмотря по сторонамъ и не оглядываясь назадъ. Послѣ того какъ подойдешь къ кладу, слѣдуетъ перебросить черезъ него рукавицу, потомъ идти за ней, поднять и перекинуть ее назадъ черезъ кладъ, снова вернуться и снова перекинуть рукавицу; послѣ этого слѣдуетъ сказать: „если ты будешь мнѣ кладомъ— кладомъ и будь для меня, а если тутъ моя смерть, то пусть будетъ и такъ". Если на этомъ мѣстѣ дѣйствительно кладъ—онъ покажется и разсыпится деньгами; если же смерть, то явится человѣкъ, который и умертвитъ смѣльчака.

Изъ другихъ способовъ пріобрѣтенія правъ на имущества, укажу еще разъ на трудъ, какъ на наиболѣе уважаемый лопарями источникъ пріобрѣтенія права собственности:—онъ смягчаетъ суровое кровное начало въ отношеніи къ членамъ семьи, давая каждому изъ нихъ возможность имѣть принадлежащую ему собственность, если онъ надъ пріобрѣтеніемъ или составленіемъ ея трудился самъ; трудъ же даетъ право, въ сущности безправому, пріемышу или пріемному зятю требовать такую часть изъ семейнаго имущества, которую онъ заработалъ своимъ трудомъ въ теченіи своего пребыванія въ данной семьѣ.

Скажу еще нѣсколько словъ о личномъ наймѣ у лопарей. Частью лопари, какъ я говорилъ уже выше, нанимаются въ сторожа для охраненія становищъ; этотъ видъ личнаго найма не представляетъ собой никакого интереса: за небольшую плату лопари остаются по уходѣ промышленниковъ въ ихъ становищахъ; когда съ наступленіемъ зимы ледъ загромождаетъ входъ въ губу, въ которой находится становище, лопари уѣзжаютъ въ свои погосты и затѣмъ лишь время отъ времени пріѣзжаютъ (по очереди, если ихъ нѣсколько) осматривать становище. Болѣе интереснымъ является наемъ лопаремъ себѣ въ работники другаго лопаря. Если нанимаемый является неотдѣленнымъ сыномъ, то необходимо требуется согласіе родителей, или кромѣ того еще и большака, если семья „большая", для того, чтобы считать договоръ найма дѣйствительнымъ. Въ случаѣ, если родители (или большакъ) будутъ противъ совершенія договора найма, а несамостоятельный членъ семьи тѣмъ не менѣе пойдетъ въ работники, договоръ считается недѣйствительнымъ, хотя бы работникъ и прослужилъ уже извѣстный срокъ у хозяина. Срокъ, на который нанимаются, не опредѣленъ строго, хотя обыкновенно нанимаются на годъ. Если отецъ со-

вершилъ договоръ объ отдачѣ своего сына въ работники, то, если сынъ не отдѣленъ еще, договоръ считается дѣйствительнымъ, хотя такіе случаи крайне рѣдки, по крайней мѣрѣ, когда сынъ уже взрослый; обыкновенно-же отецъ, прежде чѣмъ заключить договоръ найма относительно своего сына, предлагаетъ ему сначала идти на заработки, и лишь въ случаѣ согласія сына онъ заключаетъ договоръ. Естественно, что договоры заключаются словесные; присутствіе свидѣтелей обыкновенно является для лопаря желательнымъ, хотя договоръ, заключенный и безъ свидѣтелей, все-таки считается дѣйствительнымъ. Договоръ личнаго найма, какъ и всѣ, вообще, договоры, у лопарей считается вступающимъ въ силу съ момента рукобитья. Условія, на которыхъ нанимаютъ, крайне неодинаковы: отчасти, и это рѣже, за плату деньгами; часто-же рабочему платятъ одеждой и оленями или овцами. Положеніе рабочаго въ семьѣ ничѣмъ не отличается отъ положенія остальныхъ членовъ семьи: онъ становится въ положеніе сына; одежду ему даютъ, какъ и прочимъ членамъ семьи, столъ одинаковый и одновременно съ хозяевами. Въ случаѣ дурнаго обращенія рабочій можетъ жаловаться міру и тотъ присуждаетъ хозяина къ уплатѣ штрафа. Хозяинъ въ свою очередь въ случаѣ дурнаго обращенія съ нимъ работника имѣетъ тѣ-же права по отношенію къ нему, какъ и къ своему сыну: онъ можетъ его бранить, можетъ и бить; въ случаѣ жалобы хозяина на работника міру, міръ присуждаетъ работнику какое-нибудь наказаніе (обыкновенно побои), исполнить которые онъ, однако, поручаетъ либо хозяину, либо отцу работника. Когда плата за работу идетъ въ семью нанимаемаго и когда въ пользу самого нанимаемаго, я говорилъ уже выше. Если работникъ, работая не для семьи, а для себя, остается нѣсколько лѣтъ у своего хозяина и получаетъ при этомъ плату скотомъ,—его скотъ пасется вмѣстѣ съ хозяйскимъ и пользуется одинаковымъ съ нимъ уходомъ. Весь приплодъ поступаетъ въ его пользу, такъ что у работника накопляется постепенно болѣе или менѣе значительное стадо оленей и иногда случалось, какъ мнѣ передавали, что работникъ становился такимъ образомъ богаче своего хозяина. Случалось также, что хозяинъ совсѣмъ бѣднѣлъ и въ свою очередь шелъ въ работники къ своему бывшему батраку.

Почти всѣ дѣла, требующія судебнаго разбирательства, лопари представляютъ своему сходу „суйма“ (локкуатъ), въ которомъ принимаютъ участіе всѣ самостоятельные хозяева. Это сходъ всего общества. Къ волостной юстиціи лопари прибѣгаютъ крайне рѣдко, хотя вся русская Лапландія и подѣлена на двѣ волости: Понойскую и Кольско-лопарскую. Причинами рѣдкаго обращенія къ волостному суду служатъ, какъ отдаленность волостныхъ правленій отъ лопарскихъ погостовъ, такъ и то обстоятельство, что судьями являются не лопари, а русскіе. Насколько рѣдки случаи обращенія лопарей къ волостной юстиціи, можно судить по слѣдующему: въ Понойскомъ волостномъ судѣ за 1867 г. разбиралось только одно дѣло, касающееся лопаря; дѣло было начато по иску мѣстнаго священника, который жаловался на то, что лопарь, взявъ у него взаймы одинъ рубль, не выплачивалъ своего долга. Судъ приговорилъ отвѣтчика къ уплатѣ требуемыхъ денегъ и къ суточному аресту [1]). Другой волостной судъ Кольско - лопарскій, продолжаетъ А. Я. Ефименко, за весь

[1]) З. И. Р. Г. О. VIII, стр. 58.

1867 г. представляетъ три рѣшенія, и только одно изъ нихъ заключаетъ дѣло лопаря. Это дѣло заключается въ жалобѣ волостнаго старшины на то, что одинъ молодой лопарь, въ пьяномъ видѣ, выбранилъ его; за это онъ былъ приговоренъ къ наказанію розгами, хотя и просилъ прощенія у обиженнаго. Другія два дѣла касаются русскихъ, именно мурманскихъ промышленниковъ. Значитъ, въ 1867 г. въ обоихъ судахъ рѣшалось только два лопарскихъ дѣла, и то одно изъ нихъ было поднято не лопаремъ, между тѣмъ какъ Кольско-лопарскій волостной судъ предназначается спеціально для лопарей, такъ какъ на Мурманскомъ берегу нѣтъ русскихъ деревень, и тамъ русскіе бываютъ только лѣтомъ. Въ 1886 г. въ Кольско-лопарскомъ волостномъ судѣ разбиралось два дѣла, имѣющихъ отношеніе къ лопарямъ, но оба они были подняты русскими, вслѣдствіе неплатежа данными лопарями своихъ долговъ. Изъ этихъ данныхъ явствуетъ, что волостному суду крайне мало приходится вѣдать дѣла лопарей. Кромѣ указанныхъ причинъ этому можетъ содѣйствовать и то, что лопари большую часть года живутъ по своимъ тонямъ, не имѣя фактически возможности отправляться въ Колу для подачи жалобъ и присутствія на судѣ.

Въ виду той незначительной роли, которую играетъ въ жизни лопарей волостной судъ, должны были развиться суды схода, погоста, стариковъ и судъ третейскій. Лопари подѣлены на общества. Кольско-лопарская волость раздѣлена на три общества: Печенгское, Воронежское и Экостровское. Къ Печенгскому обществу принадлежатъ погосты Пазрѣцкій, Печенгскій и Мотовскій; къ Воронежскому — Кильдинскій, Воронежскій, Семіостровскій-ближній и Семіостровскій-дальній и Ловозерскій. Экостровское Общество, наконецъ, состоитъ изъ погостовъ: Бабенгскаго, Экостровскаго, Массельгскаго, Нотозерскаго и Сонгельскаго. Когда лопари съѣзжаются вмѣстѣ, происходитъ и сходъ: сходомъ выбираются лица на общественныя должности; сходъ распредѣляетъ подати и повинности, онъ же обыкновенно и разбираетъ тяжбы лопарей. Какъ совершается раскладка податей въ обществѣ, а также какъ пишутся рѣшенія схода, можно видѣть изъ слѣдующей копіи постановленія схода, которое я привожу буквально:

„1887 г. Марта — дня, мы нижеподписавшіеся крестьяне-лопари Кольскаго уѣзда, Кольско-лопарской волости, Экостровскаго Сельскаго Общества, имѣющіе право голоса, были сего числа на сходѣ по созыву мѣстнаго сельскаго старосты Евламія Абалѣева, который предъявилъ намъ окладной листъ, приговоръ Волостнаго схода и смѣту о слѣдующихъ съ насъ по платежу за 1-ю половину сего года податныхъ и мірскихъ сборахъ; по разсмотрѣніи заслушанныхъ бумагъ, оказалось, что съ нашего Экостровскаго Общества надлежитъ сборовъ въ казну за 1-ю половину 183 рубля 56 к.; мірскихъ сборовъ, опредѣленныхъ по приговору Волостнаго схода, 229 руб. 21 к.; кромѣ того расходовъ, невошедшихъ въ приговоръ Волостнаго схода, какъ то, на жалованье Сельскому старостѣ 39 руб., церковному сторожу при Кольскомъ Соборѣ — 6 руб., и для платежа сборовъ за поступившихъ въ военную службу крестьянъ: Лаврентія Поршукова, Матвѣя Мошникова и Афанасія Гаврилова — 1 р. 60 к. — всего 459 р. 37 коп., которые, по предварительномъ обсужденіи, опредѣлили собрать въ слѣдующихъ размѣрахъ, а именно: съ погоста *Бабенскаго* съ наличныхъ 54 душъ: общихъ сборовъ по 61½ коп. — 33 р. 21 к.; мірскихъ сборовъ по 90 к. — 48 р. 60 к. *Массельгскаго* — съ наличныхъ 30 душъ — 18 р. 45 к.; мірскихъ сборовъ по

по 1 р. 9 к.—32 р. 70 к. *Экостровскаго*—съ наличныхъ 31 души общихъ сборовъ 19 р. 6 к.; мірскихъ по 92 к.—28 р. 52 к. *Нотозерскаго*—общихъ сборовъ по 62 к.—66 р. 96 коп.; мірскихъ по 91 к.—98 р. 28 к. и т. д."

Сходъ, состоя изъ домохозяевъ, не рѣшаетъ дѣла ни единогласно, ни по большинству голосовъ; на рѣшеніе дѣла имѣютъ существенное вліяніе наиболѣе старые и наиболѣе вліятельные и уважаемые лопари. Нерѣдко дѣло рѣшается огромнымъ меньшинствомъ голосовъ, если это меньшинство составляютъ лица уважаемыя. По словамъ А. Я. Ефименко „разсужденія на сходахъ ведутся скромно, прилично, безъ шуму и брани, голосъ каждаго, говорящаго въ свою очередь, выслушивается." По словамъ В. И. Немировича-Данченко [1]) „Соберутся (на суйму) всѣ въ чистыхъ платьяхъ, начнутъ тихо, но потомъ голоса ораторовъ становятся все громче и громче, страсти возбуждаются, опредѣляются партіи. Всѣ начинаютъ говорить въ одно и тоже время—и странно, что всѣ другъ друга понимаютъ. Лица краснѣютъ, одни вытягиваются, другія присѣдаютъ, всѣ размахиваютъ руками, горячатся и моментально, какъ-то вдругъ стихнутъ."

Важную роль для лопаря играетъ и сходъ однопогощанъ. Этотъ сходъ созывается, естественно, гораздо чаще, чѣмъ сходъ общества. Всякій лопарь, имѣющій нужду въ сходѣ, можетъ его созвать, когда онъ пожелаетъ; для этого лопарь оповѣщаетъ о своемъ желаніи десятскаго; эта должность исполняется молодыми однопогощанами по очереди; міръ обыкновенно назначаетъ на эту должность молодаго парня, лѣтъ 20—22; десятскій исполняетъ свои обязанности въ теченіи года, по прошествіи котораго онъ передаетъ ее тому, котораго указываетъ сходъ. Десятскій, получивъ оповѣщеніе, собираетъ сходъ, приглашая на него всѣхъ однопогощанъ; сходъ устраивается либо подъ открытымъ небомъ, либо въ тупѣ у десятскаго или его родителей.

Все сказанное о рѣшеніи дѣлъ на сходѣ общества относится и къ сходу однопогощанъ.

На этихъ-то сходахъ и разбираются тяжебныя дѣла лопарей, производится судъ и расправа. О власти схода можно судить по тому, какія преданія ходятъ о рѣшеніяхъ, бывшихъ въ прежнее время. Изъ этихъ преданій мы видимъ, что сходъ подчасъ самъ начиналъ преслѣдованіе виновнаго и налагалъ на него произвольное наказаніе, подвергалъ его даже подчасъ пыткѣ и смертной казни. Приведу эти преданія, доставленныя мнѣ о. К. Щеколдинымъ.

Пазрѣцкіе лопари разсказываютъ слѣдующее: „Очень давно жила одна старуха со своею дѣвкою, Авдотьей. За нее сватался лопарь Петръ. Старуха его не любила и сказала ему, что она никогда не отдастъ за него свою дочь. Весною они промышляли семгу на островѣ Шалимѣ. Пріѣхалъ туда на карбасѣ и Петръ. Онъ старуху и убилъ тамъ изъ ружья. Дѣвка съ испуга бросилась въ карбасъ и поѣхала прочь. Онъ за ней. Вскочилъ въ воду, схватилъ карбасъ и притянулъ его къ берегу. Затѣмъ сѣлъ самъ въ карбасъ и поѣхалъ вмѣстѣ съ Авдотьей. Дорогою онъ и говоритъ дѣвкѣ: „ты навѣрное скажешь, что я убилъ твою мать?" Та и говоритъ: „нѣтъ, не скажу". Онъ не повѣрилъ ей, взялъ ее и опустилъ за карбасъ въ воду по самое горло и говоритъ: „если

---

[1]) Др. и Нов. Россія, 1875.

ты скажешь, я тебя оставлю тутъ, а если дашь вѣрное слово, что не скажешь, тогда не брошу и свадьбу сыграемъ зимой“. Дѣвка и завѣрила его, что не скажетъ. Родственники старухи вскорѣ пріѣхали и увидали, что старуха убита; Петръ ея не зарылъ въ землю. „Не Петръ-ли убилъ старуху,—сказали родственники,—онъ недавно оттуда пріѣхалъ“. Авдотья и говоритъ: „нѣтъ, не Петръ убилъ ее“, и въ этомъ увѣряла ихъ много разъ. Узналъ погостъ; обратились къ пыткѣ: развели огонь, положили на него можжевельнику и поставили Авдотью подлѣ самаго огня. Лицо у ней отъ жару горѣло и чтобы не сгорѣть совсѣмъ, она и сказала: „застрѣлилъ мать Петръ“. Донесли объ этомъ начальству и его послѣ судили, и увезли куда-то далеко. Дѣвку же, какъ заявившую о преступленіи, потому что о пыткѣ ничего не сказали, оставили въ покоѣ“.

Другое преданіе разсказываетъ слѣдующее: „Въ Пазрѣкѣ жили два брата-лопаря; они раздѣлились. Старшій братъ былъ богатъ и уменъ; меньшой же былъ небогатъ, жилъ одиноко и былъ почти глуповатъ. Въ началѣ января собрались всѣ лопари въ зимній погостъ. Пріѣхалъ и одинокій братъ, но такъ какъ старшаго не было, онъ сказалъ: „я поѣду къ нему въ гости—что онъ долго не ѣдетъ?“ Поѣхалъ и пріѣхалъ къ брату ночью, когда всѣ спали. У тупы брата были сухія дрова. Онъ двѣ чурки большихъ приставилъ къ дверямъ, чтобы они не могли выдти, а съ боковъ положилъ дрова помельче и зажегъ. Находящіеся въ тупѣ сгорѣли, потому что дѣло было ночью и дверей не могли отворить. Увидавъ, что всѣ сгорѣли, онъ поѣхалъ обратно. Пріѣхалъ и плачетъ изо всѣхъ силъ. „Зачѣмъ ты плачешь?“—говорятъ. „Какъ не плакать,—говоритъ,—одинъ былъ братъ, да и тотъ сгорѣлъ со всѣмъ семействомъ. Теперь не знаю, что и дѣлать“. „Въ кегорахъ былъ у него, у оленей?“—спрашиваютъ. „Нѣтъ“,—говоритъ. Лопари сейчасъ же туда поѣхали; думаютъ, не шведы-ли сожгли и оленей съ собой увели. Пріѣхали: олени всѣ въ кегорахъ, и нѣкоторые даже на вязкѣ. (Дѣло въ томъ, что нѣкоторые лопари, пуская своихъ оленей на волю, привязываютъ одного или двухъ оленей, чаще важенокъ, къ дереву и снабжаютъ ихъ колокольчиками: это дѣлается для того, чтобы остальные олени, если уйдутъ далеко, услыхавъ звонъ колокольчика, вернулись-бы обратно). Увидавъ, что олени не тронуты, лопари пришли къ заключенію, что поджогъ устроилъ братъ изъ зависти. Лопари боялись, что дѣло дойдетъ до начальства и поэтому рѣшили, чтобы начальство не узнало о поджогѣ, убить виновнаго. Рѣшили его утопить; для этого воспользовались праздникомъ, когда лопари нерѣдко забавляются тѣмъ, что бѣгая по льду, толкаютъ ногами передъ собой комокъ мочалъ и тряпокъ. На льду сдѣлали нѣсколько прорубей и прикрыли ихъ снѣгомъ, чтобы виновный не могъ замѣтить ихъ. Всѣ лопари, когда праздникъ пришелъ, начали играть: одинъ виновный стоитъ вдали и не принимаетъ участія въ игрѣ; его стали звать; онъ говоритъ: „какъ я пойду, когда нужно плакать о братѣ“. „Брось ты это,—говорятъ,—въ праздникъ можно поиграть“. Наконецъ его уговорили, и онъ сталъ показывать свое удальство. Бѣгалъ онъ бойко, забѣжалъ къ проруби, провалился и закричалъ: „спасите!“ „Нѣтъ,—говорятъ,—ты сжегъ брата для богатства, — туда тебѣ и дорога“. Такъ онъ и утонулъ, а оленей послѣ раздѣлили между родственниками“.

По словамъ Кастрена, въ Лапландіи произошелъ слѣдующій случай: „въ Кусомо

лопарь тайно умертвилъ свою жену. Убійство было обнаружено. Лопари созвали старшинъ на слѣдствіе. Судьи, по обычаю, собрались въ домѣ обвиняемаго и устроили, такъ называемую, судную избу. Уличенный былъ приговоренъ къ висѣлицѣ, и судьи же привели свой приговоръ въ дѣйствіе [1])“.

Я привелъ эти преданія лишь, какъ доказательства значенія схода при разборѣ дѣлъ. Въ первомъ изъ преданій сходъ для того, чтобы узнать о преступленіи, прибѣгаетъ къ пыткѣ и передаетъ виновнаго властямъ. Во второмъ преданіи, онъ, убѣдившись въ фактѣ совершенія преступленія даннымъ лицомъ, налагаетъ на него заочно наказаніе и исполняетъ его дѣйствительно нѣсколько предательскимъ образомъ. Въ разсказѣ Кастрена мы видимъ уже полное дѣлопроизводство, въ присутствіи обвиняемаго, и приговоръ его къ смертной казни. Эти преданія являются особенно интересными въ томъ отношеніи, что они рисуютъ намъ взглядъ лопаря на границы, до которыхъ можетъ распространяться судебная власть схода и, какъ видно изъ преданій, границы эти крайне широки.

Въ настоящее время сходъ нисколько не утратилъ своего значенія, какъ судебной инстанціи. Дѣйствительно, ему не приходится разбирать дѣлъ объ убійствѣ или поджогѣ уже оттого, что убійства почти не встрѣчаются среди русскихъ лопарей. Такъ, въ первой половинѣ текущаго столѣтія извѣстны два случая убійства; оба убійства были совершены изъ мести. Съ цѣлью грабежа извѣстно лишь одно убійство, именно: убійство мѣщанина Норкина двумя лопарями, Воронежскаго погоста [2]). Не слѣдуетъ, однако, забывать, что въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ преступленіе, совершенное противъ одной изъ тѣхъ личностей, къ которымъ лопари за ихъ эксплоатацію крайне не расположены. Въ виду того, что убійства являются исключительными случаями среди лопарей, сходу (общества или погоста) приходится разбирать менѣе громкія дѣла, именно: жалобы на убійство домашнихъ оленей, рѣдкіе случаи кражи и, наконецъ, жалобы въ случаѣ ссоръ, дракъ и т. п.

Случаи убійства домашнихъ оленей за послѣднее время несомнѣнно учащаются; причина этого — бѣдность оленями какъ самихъ лопарей, такъ и всей лопарской земли. Отправляясь промышлять дикихъ оленей, которые теперь въ русской Лапландіи почти не встрѣчаются вовсе, лопарь обыкновенно не удержится и убьетъ встрѣтившагося ему домашняго оленя. Освѣживъ его, онъ приноситъ его къ себѣ домой и прячетъ его шкуру. Если хозяинъ оленя заподозритъ виновнаго въ совершеніи этого преступленія и начнетъ у него требовать, чтобы тотъ показалъ шкуру убитаго оленя, уличенный обыкновенно отвѣчаетъ: „мясо съѣлъ, а шкуру въ воду бросилъ, гдѣ ее и найди“. Этотъ отвѣтъ является какъ-бы косвеннымъ признаніемъ своей вины. Хозяинъ убитаго оленя начинаетъ тогда требовать себѣ извѣстную плату за потерю и, если виновный не соглашается удовлетворить его требованіямъ, онъ созываетъ сходъ, которому и жалуется на свою потерю. Если сходъ признаетъ жалобу истца заслуживающей удовлетворенія, онъ присуждаетъ виновнаго: 1) къ уплатѣ стоимости ручнаго оленя, причемъ стоимость колеблется, смотря

---

[1]) З. И. Р. Г. О. VIII, стр. 57.
[2]) Ibid, стр. 49.

по тому, былъ-ли убитый олень быкъ или важенка, уже выѣзженный, или нѣтъ и т. д.; 2) къ возвращенію шкуры убитаго оленя и 3) къ штрафу, состоящему изъ водки, которую виновный обязывается поставить какъ обвиняемому, такъ и судьямъ, по крайней мѣрѣ, самымъ почетнымъ; въ общей попойкѣ принимаетъ участіе и виновный.

Въ случаѣ подозрѣній въ воровствѣ, сходъ, выслушавъ показанія сторонъ, предлагаетъ обвиняемому признаться и затѣмъ помириться съ истцемъ. Если признанія не послѣдуетъ, обращаются къ свидѣтельскимъ показаніямъ, причемъ число свидѣтелей не опредѣлено; для схода безразлично, являются-ли свидѣтелями родственныя или неродственныя истцу лица, мужчины или женщины; лишь показанія дѣтей не принимаются во вниманіе. Если свидѣтельскія показанія благопріятны истцу, сходъ снова предлагаетъ отвѣтчику сознаться въ винѣ. Въ случаѣ отказа его, къ просьбѣ не прибѣгаютъ, но стараются сбивать отвѣтчика вопросами, причемъ по выраженію его лица, его жестамъ, способу говорить и другимъ внѣшнимъ признакамъ стараются узнать, виновенъ онъ или нѣтъ. Если онъ окажется виновнымъ, его осуждаютъ къ тому или иному наказанію, смотря по характеру воровства и по мотивамъ, побудившимъ виновнаго совершить преступленіе. Воровство изъ дома ночью судится строже, чѣмъ если оно совершено днемъ и изъ открытаго мѣста; укравшій по бѣдности почти совсѣмъ не осуждается. Обыкновенно въ первомъ случаѣ присуждаются къ 1) возвращенію украденаго, 2) уплатѣ стоимости (деньгами или вещами) равной двойной стоимости украденой вещи и 3) штрафу изъ водки, смотря по состоянію виновнаго. Во второмъ случаѣ—къ возврату вещи и къ возмѣщенію простой стоимости украденой вещи и штрафу. Въ третьемъ случаѣ виновный присуждается лишь къ возврату украденаго и къ штрафу изъ водки. Къ кражѣ относятъ лопари и взятіе звѣря изъ ловушки, рыбы изъ забора и т. п., причемъ и здѣсь дѣлается то-же различіе, какъ и при воровствѣ изъ дома или изъ открытаго мѣста (ночью, днемъ, по нуждѣ). Въ случаѣ ссоръ и дракъ сходъ обыкновенно старается примирить противниковъ: виновнаго онъ присуждаетъ всегда къ штрафу водкой; иногда, если обида тяжелая, обиженному предоставляется право отплатить виновному тѣмъ-же; если лопарь ударилъ другаго кулакомъ по спинѣ, то обиженному предоставляется право, при сходѣ, ударить обидчика также, какъ тотъ ударилъ его. Въ общемъ наибольшее число дѣлъ, которыя приходится разбирать суду, касаются убійства домашнихъ оленей и, главнымъ образомъ, случаевъ дракъ, ссоръ и т. п. Характеръ народнаго лопарскаго судопроизводства мирный: онъ всячески старается примирить противниковъ и привести ихъ къ соглашенію; лишь въ случаѣ неудачи онъ налагаетъ самъ наказаніе.

Такъ какъ лопари большинство мѣсяцевъ въ году, живя разрозненно, не являются въ состояніи подвергать свои дѣла на обсужденіе схода, то естественно, что у нихъ и до сихъ поръ еще въ полной силѣ судъ третейскій. Къ нему прибѣгаютъ также и въ тѣ мѣсяцы, когда лопари живутъ въ зимнихъ погостахъ, такъ какъ такой судъ является болѣе скорымъ, чѣмъ судъ схода.

Обѣ стороны соглашаются подвергнуть дѣло на обсужденіе одного какого-нибудь уважаемаго старика. Предлагаетъ судью всегда одна изъ сторонъ и рѣдко другая не соглашается на предложеніе. Отыскавъ старика, стороны излагаютъ ему дѣло и тотъ охотно выслушиваетъ ихъ. Убѣждается онъ въ виновности, руководствуясь тѣми-же сообра-

женіями, какъ и сходъ, и старается вынудить у виновнаго признаніе. Когда онъ убѣдится въ виновности одной изъ сторонъ, онъ ограничивается замѣчаніемъ: „зачѣмъ ты это дѣлаешь, такъ не годится“ и затѣмъ приступаетъ къ примиренію сторонъ. Послѣ болѣе или менѣе долгихъ усилій ему это удается, заставляя виновнаго дѣлать обиженному постепенно уступку за уступкой, пока обиженный не почувствуетъ себя удовлетвореннымъ; съ другой стороны онъ заставляетъ и обиженнаго быть умѣреннѣе въ требованіяхъ.

Когда миръ состоится, судья обязываетъ виновнаго купить водки, всѣ трое принимаютъ участіе въ попойкѣ. Судья за свой трудъ вознагражденія не получаетъ.

Въ трудовой, однообразной жизни лопаря, какъ указано мною выше, есть, однако, и свѣтлый промежутокъ, когда онъ хоть до извѣстной степени отдыхаетъ отъ своихъ работъ: это тѣ нѣсколько недѣль, которыя онъ проводитъ зимой у себя въ погостѣ,— самое веселое для всѣхъ лопарей время года. Кромѣ частыхъ свадебъ, которыя играются въ погостѣ, лопари имѣютъ еще и другое увеселеніе,—именно: посѣщать другъ друга. На своихъ небольшихъ кережахъ они ѣздятъ изъ погоста въ погостъ, къ своимъ знакомымъ и роднымъ, и вездѣ ихъ встрѣчаютъ радушно, вездѣ кормятъ ихъ и угощаютъ водкой. Для всѣхъ остальныхъ, которые не имѣютъ желанія или возможности объѣзжать своихъ знакомыхъ, существуетъ другое развлеченіе,—именно игры. Въ это время играютъ всѣ: и дѣти и взрослые, и холостые и женатые. Послѣдніе, впрочемъ, рѣдко сравнительно, принимаютъ участіе въ играхъ: они именно и ѣздятъ къ знакомымъ или принимаютъ ихъ къ себѣ. Поэтому, если не считать дѣтскихъ игръ, участниками въ нихъ бываютъ почти всегда лишь парни и дѣвушки, либо вмѣстѣ, либо отдѣльно. Среди древнихъ скандинавскихъ лопарей, какъ и среди современныхъ русскихъ лопарей—игры были въ большомъ ходу. Однако между нѣкоторыми играми хотя бы XVII вѣка и играми современными существуетъ значительная разница. Тогда какъ въ прежнее время на первомъ планѣ стояли игры укрѣпляющія тѣло, пріучающія къ ловкости—въ настоящее время эти игры почти вывелись изъ употребленія и дали мѣсто другимъ болѣе спокойнымъ, частью заимствованными лопарями отъ колянъ, частью выработанными самими лопарями. Въ виду этой разницы въ характерѣ игръ я, прежде чѣмъ перейти къ играмъ современныхъ русскихъ лопарей, остановлюсь на нѣкоторыхъ играхъ древнихъ лопарей скандинавскихъ.

Описаніе игръ у скандинавскихъ лопарей XVII и XVIII вв. мы находимъ у Шеффера и Ацерби, причемъ первый описываетъ ихъ болѣе подробно; вотъ почему изложу сначала свѣдѣнія Шеффера. Одна игра, или лучше сказать упражненіе, которому предавались и мужчины и молодые люди, состояла въ слѣдующемъ: на снѣгу проводилась черта; въ нѣкоторомъ разстояніи отъ этой черты ставили значекъ. Каждый изъ участниковъ отбѣгалъ отъ этого значка и подбѣжавъ къ чертѣ прыгалъ; кто дальше прыгалъ, считался побѣдителемъ. Другое упражненіе заключалось въ прыганьи вверхъ: два лопаря держали веревку или палку—остальные по очереди прыгали; палку поднимали иногда на высоту человѣческаго роста. Далѣе упражнялись въ стрѣляніи изъ лука въ цѣль. Всѣ эти упражненія иногда сопровождались дачей приза побѣдителю; призъ состоялъ либо изъ денегъ, либо, что бывало чаще, изъ мѣховъ, въ особенности песцовъ, либо одного мѣха, либо нѣсколькихъ по взаимному соглашенію. Употребительной игрой была еще игра

въ мячъ, игравшаяся одинаково какъ мужскимъ населеніемъ, такъ и женскимъ. Кромѣ этого часто молодые лопари устраивали борьбу: они раздѣлялись на равныя другъ другу по численности партіи, сходились на опредѣленной чертѣ и схватившись попарно за пояса, старались свалить противника. При этомъ всякій обманъ и хитрость были строго запрещены, и прибѣгнувшій къ тому или другому исключался изъ участія въ игрѣ [1]). Ацерби, писавшій болѣе вѣка спустя послѣ Шеффера, подтверждаетъ лишь его слова, прибавляя къ этому еще одну любимую лопарями игру— именно въ гусей или лисицу. Эта послѣдняя игралась на доскѣ, подобной шахматной, раздѣленной на массу квадратовъ: одна партія имѣла тринадцать камней,—гусей, которыхъ и слѣдовало провести черезъ эти квадраты, въ то время, какъ другая партія преслѣдовала ихъ и въ умѣньи избѣгнуть преслѣдованія заключалось искусство играющаго. Кромѣ того существовалъ еще слѣдующій видъ борьбы. Брали связанныя посрединѣ веревкой двѣ палки; каждый изъ двухъ борящихся, взявъ въ руки палку, старался отнять другую у своего противника [2]). Игра въ гусей или лисицу, повидимому, игра, занесенная къ лопарямъ отъ ихъ скандинавскихъ сосѣдей, какъ то доказываетъ уже ея названіе gaase-spil. Къ числу заносныхъ игръ слѣдуетъ отнести еще и игры въ карты, которыя были уже достаточно распространены еще при Шеффферѣ; эти послѣднія были занесены къ лопарямъ купцами, продававшими имъ ихъ. О распространенности ихъ говоритъ и Гегстремъ [3]), причемъ добавляетъ интересную подробность, что лопари подчасъ сами дѣлали себѣ карты, рисуя ихъ на сосновой корѣ при помощи оленьей крови, причемъ такъ, что не только можно различать масти, но даже и краски. Ацерби противорѣчитъ этимъ показаніямъ, указывая на то, что карты имъ совсѣмъ или почти неизвѣстны, что объясняется тѣмъ, что онъ посѣтилъ болѣе глухія мѣстности Лапландіи. Кромѣ того Шефферъ указываетъ еще на игру въ кость: для этой игры употреблялися два куба изъ кости, причемъ на каждомъ кубѣ, на одной изъ сторонъ его, былъ начертанъ знакъ въ видѣ римскаго „десять" X. Кто выбрасывалъ кубы такъ, что на обоихъ выходилъ этотъ знакъ, тотъ считался выигравшимъ.

Если игры древнихъ скандинавскихъ лопарей за исключеніемъ нѣкоторыхъ состояли преимущественно изъ физическихъ упражненій, то среди современныхъ русскихъ лопарей мы видимъ совершенно другое направленіе въ играхъ. Дѣйствительно, и среди нихъ встрѣчаются еще состязанія въ прыганьѣ, бѣганье въ запуски и игры въ мячъ—но эти игры встрѣчаются, сравнительно, очень рѣдко; игры въ мячъ бываютъ двоякаго рода; парни обыкновенно играютъ такъ: мячъ подталкиваютъ ногой; въ кого онъ попадетъ, тотъ долженъ подбрасывать ногой его дальше и т. д. Дѣвушки въ этой игрѣ никогда не принимаютъ участія; онѣ играютъ въ лапту, въ которой участвуютъ и парни. Мячъ плетется изъ бересты. Обыкновенно-же играютъ вечеромъ въ тупахъ. Вечеринокъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, нѣтъ у лопарей, хотя во многихъ мѣстностяхъ названіе „вечерки", заимствованное изъ Колы, и употребляется лопарями, хотя далеко не въ томъ смыслѣ, чѣмъ его употребляютъ великоруссы. Среди лопарей въ мѣстностяхъ, гдѣ это слово употребляется, подъ вечер-

---

1) Schefferus. Lapponia, pp. 275–277.
2) Acerbi. Reise, p. 483.
3) Högström. Beschreibung, p. 175.

ками разумѣютъ сборище молодежи; собирается оно слѣдующимъ образомъ: придетъ къ дѣвушкѣ двѣ, три подруги провести вечеръ, узнаютъ объ этомъ парни, придутъ въ эту же тупу и сядутъ по другую сторону тупы на лавкахъ; посидятъ, поиграютъ и уходятъ. При такомъ устройствѣ вечерокъ нельзя и ожидать, чтобы онѣ имѣли даже тѣнь того значенія, какъ въ Великоруссіи; родители обыкновенно присутствуютъ и иногда принимаютъ участіе въ играхъ. Объ угощеніи нѣтъ и рѣчи. Слѣдуетъ однако замѣтить, что не во всѣхъ погостахъ бываютъ и такіе вечерки. На этихъ-то вечеркахъ и играютъ во всевозможныя игры. О слѣдующихъ играхъ мнѣ удалось собрать свѣдѣнія: игра—суормасъ-пэйдъ (хоронить кольца): всѣ присутствующіе садятся рядомъ, парни съ парнями, дѣвушки съ дѣвушками, и передаютъ кольцо другъ другу; кто нибудь изъ присутствующихъ долженъ отгадывать у кого кольцо; у кого оно нашлось, становится на мѣсто отгадывавшаго. При этомъ не поется никакихъ пѣсенъ. Игра въ кольцы—суормъ-ссырръ: двое изъ присутствующихъ, или больше, кладутъ указательные пальцы на столъ; кто-нибудь изъ присутствующихъ считаетъ до девяти; на чей палецъ выпадетъ девять, тому всѣ играющіе даютъ по девяти щелчковъ. Платовая игра—рипшикъ-ссырръ: кто-нибудь изъ играющихъ свертываетъ платокъ и затѣмъ нагибается; остальные ударяютъ его платкомъ по спинѣ; онъ долженъ отгадывать, кто ударилъ. Игра въ веревку—нурръ-сырратъ: четыре дѣвушки берутъ веревку связанную концами и становятся въ кружокъ, внутрь котораго входятъ четыре парня, иногда, впрочемъ, и больше; парни ходятъ вокругъ и схватываютъ ту дѣвушку, съ которой каждый изъ нихъ хочетъ играть; схвативъ, онъ тащитъ ее въ кругъ, а на мѣсто взятой становится другая; пары, когда ихъ наберется побольше, образуютъ кругъ и кружатся; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ играютъ при этомъ въ гармонику, и просвѣщенные лопари вмѣсто хоровода начинаютъ танцовать, заимствованные ими изъ Колы „кандрель", „шестерку" или „крестъ", (Нотоверо, Сонгелы). Среди пазрѣцкихъ лопарей существуетъ еще слѣдующая игра: берутъ нѣсколько нитокъ, каждая длиною съ полъаршина, и кто-нибудь изъ присутствующихъ сжимаетъ этотъ пучекъ нитокъ посрединѣ, такъ что концы нитокъ скручиваются; затѣмъ каждый изъ присутствующихъ парней и дѣвушекъ беретъ по одной ниткѣ; когда всѣ схватили нитки, пучекъ распускаютъ и кто съ кѣмъ вытянулъ одну и ту же нитку, должны поцѣловаться. При этомъ лопарки никогда не дозволяютъ цѣловать себя иначе какъ въ щеку, и дѣлаютъ это изъ скромности, которой лопарскія дѣвушки вообще отличаются. Вотъ почти всѣ игры, которыми лопари забавляются на своихъ вечеркахъ; о болѣе или менѣе близкихъ сношеніяхъ парней и дѣвушекъ не можетъ быть и рѣчи.

Дѣти играютъ тѣже игры, какъ и взрослые; кромѣ того у нихъ существуютъ еще двѣ игры, обѣ подражательныя. Одна изъ нихъ заключается въ подражаніи вѣнчанію: мальчикъ беретъ дѣвочку и ходитъ съ ней вмѣстѣ вокругъ стола (если игра происходитъ въ тупѣ) или вокругъ какого нибудь столба, (если играютъ на воздухѣ), а остальные стоятъ по сторонамъ, причемъ умѣющіе пѣть, поютъ слова: „положилъ еси, наложилъ еси." Затѣмъ кладутъ на голову крестообразно двѣ палочки вмѣсто вѣнцовъ; палочки, послѣ того какъ дѣти обойдутъ три раза, снимаютъ, и невѣсту закрываютъ платкомъ. Мальчикъ уводитъ дѣвочку куда нибудь въ сторону и цѣлуетъ ее. Затѣмъ ихъ подводятъ къ столу и сажаютъ на почетное мѣсто; новобрачная сидитъ все еще покрытая платкомъ, накло-

нивъ голову; молодой ее обнимаетъ; посидѣвъ немного за столомъ, либо приступаютъ къ вѣнчанію другой пары, либо новобрачные ложатся вмѣстѣ спать. Игра эта играется дѣтьми лѣтъ 5—6, преимущественно передъ чьей нибудь свадьбой и всегда тайкомъ отъ родителей, такъ какъ послѣдніе запрещаютъ имъ эту игру и даже бьютъ ихъ за нее. Другая дѣтская игра, употребительная въ томъ-же возрастѣ, интересна тѣмъ, что она рисуетъ намъ идеалъ жизни современнаго русскаго лопаря и стремленіе его къ подражанію русскимъ. Дѣти дѣлаютъ себѣ небольшую вѣжу, раскладываютъ огонь и грѣютъ чайникъ, наполненный простой водой, и затѣмъ мальчикъ какой-нибудь разливаетъ воду въ маленькія деревянныя чашки, которыя дѣлаетъ имъ обыкновенно отецъ; подавая чашку дѣвочкѣ, мальчикъ говоритъ: „дѣвочка, идешь-ли за меня замужъ?“ Та отвѣчаетъ: „не пойду, потому что некрасивый, не пойду, потому что мать твоя неласковая, потому что и отецъ у тебя тоже неласковый; а если пойду, то затѣмъ, чтобы чай пить, сахаръ и русскій хлѣбъ ѣсть, шелковы сарафаны и обшитыя кумачемъ приплечки носить, гамаши носить, которыя скрипятъ, скрипъ-скрипъ-скрипъ, изъ хазовъ сороки носить и сережки серебряныя; одѣнусь во все это.“ Послѣ этого мальчикъ даетъ ей чашку и цѣлуется съ ней. (Нотозеро).

Наиболѣе интересной изъ всѣхъ извѣстныхъ игръ лопарей является, такъ называемая, игра въ ирвасы (олени)—коддъ-годдтытъ-сыррать. Играющіе дѣлятся на двѣ партіи; по одну сторону становятся мужчины, по другую дѣвушки; каждый изъ играющихъ беретъ въ руки по оленьему рогу и прикладываетъ его къ уху, на подобіе настоящаго рога. Дѣвушки берутся другъ съ другомъ за руки попарно; тоже дѣлаютъ и парни; дѣвушки изображаютъ важенокъ (оленей-самокъ), парни ирвасовъ (оленей-самцовъ); затѣмъ дѣвушки становятся по одну сторону, парни по другую. Два или три парня, изображающіе охотниковъ, уходятъ въ сторону. Затѣмъ парни подбѣгаютъ къ дѣвушкамъ и захватываютъ ихъ за сарафаны и рогами и руками; дѣвушки отбиваются, но парни ихъ не выпускаютъ; затѣмъ парни стараются повалить дѣвушекъ на землю и садятся на нихъ верхомъ, погоняя ихъ. Дѣвушки стараются спихнуть парней и, если имъ это удается, убѣгаютъ; парни гонятся за ними. Когда эта игра въ полномъ разгарѣ, выходятъ парни, изображающіе собою охотниковъ; они вооружены либо самострѣлами, либо луками и стрѣлами, то и другое спеціально изготовляется для этой игры и являются копіей съ древнихъ оружій лопаря, какими ихъ описываетъ Шефферъ, съ той разницею, что стрѣлы не имѣютъ наконечниковъ и луки гораздо меньше. Они стрѣляютъ въ бѣгущихъ оленей и тотъ, въ кого попадетъ стрѣла, падаетъ, притворяясь мертвымъ; охотники подходятъ къ нему, дѣлаютъ видъ, что осматриваютъ добычу, затѣмъ принимаются свѣжевать оленя, дѣлая видъ, что снимаютъ съ него шкуру: охотники снимаютъ либо каньги, либо косынку. Убитые должны лежать не двигаясь; остальные продолжаютъ играть — причемъ ирвасы гонятся за важенками попрежнему и это до тѣхъ поръ, пока всѣ олени не будутъ убиты. Затѣмъ игра начинается снова.

Древность этой игры очевидна: она доказывается не только самымъ содержаніемъ игры но еще и тѣмъ, что при ней употребляются древнія оружія лопаря, давнымъ давно уже вышедшія изъ употребленія. Интересно и то, что въ то время какъ въ Нотозерскомъ погостѣ въ этой игрѣ принимаютъ участіе лишь дѣти и подростки—въ Сонгельскомъ по-

гостѣ въ ней участвуютъ всегда взрослые. Повидимому этой игрѣ, какъ и многимъ играмъ, предстоитъ обратиться изъ игры взрослыхъ въ игры дѣтей и наконецъ забыться совершенно. Игру эту устраиваютъ только зимой.

Таковы увеселенія русскихъ лопарей въ короткій срокъ, въ которой они отдыхаютъ и отъ своей полукочевой жизни, и отъ непрестанныхъ трудовъ. Однако лопари, больше всякихъ игръ, больше всѣхъ другихъ удовольствій, любятъ слушать пѣсни и сказки. Вечеромъ, когда они собираются всѣ вмѣстѣ, кто нибудъ изъ опытныхъ въ этомъ дѣлѣ лопарей запоетъ пѣснь или начнетъ сказывать сказку и всѣ присутствующіе внимательно слушаютъ ее, а если въ сосѣднихъ тупахъ узнаютъ, что такой-то поетъ или говоритъ сказку, почти весь погостъ собирается въ эту тупу, чтобы послушать его. Въ пѣсняхъ, сказкахъ, бывальщинахъ сказывается все поэтическое чувство лопаря, сказывается его творчество—вслѣдствіе этого я на нихъ и остановлюсь подробнѣе.

VI.

О народномъ творчествѣ у лопарей.

Эпическій характеръ лопарскаго творчества. Эпосъ животный. Сказки о лисѣ и медвѣдѣ, о томъ какъ произошли домашнія животныя, о лисѣ и мужикѣ, о превращеніи въ дикаго оленя. Эпосъ миѳологическій: о солнцевыхъ сыновьяхъ, о дочери солнца. Сказанія о Сталло и подземномъ царствѣ. Эпосъ историческій: преданіе о разрушеніи Печенгскаго монастыря, сказанія о чуди; преданія о богатыряхъ. Лопарская лирика. Переходъ лирическихъ произведеній въ эпическія. Современный эпосъ у лопарей: бывальщина и пѣсня. Ихъ происхожденіе, переходъ въ сказки. Эпосъ нравоучительный.

Лопарское народное творчество нашло себѣ примѣненіе въ самыхъ разнообразныхъ формахъ; въ настоящее время оно не только не прекратилось, но продолжаетъ развиваться, отыскивая себѣ новые сюжеты. Вотъ почему, говоря о народномъ творчествѣ лопарей, слѣдуетъ отличать ихъ древнія прозведенія отъ новыхъ; не смотря, однако, на то, что время возникновенія поэтическихъ произведеній лопарей крайне различно, что многіе возникли за много вѣковъ до настоящаго времени, между древнимъ произведеніемъ лопарскаго творчества и новымъ, современнымъ, только что сложившимся или еще слагающимся, есть та общая черта, что они постоянно эпическія. Эпическая форма поэзіи является преобладающей, даже почти исключительной среди лопарей, какъ современныхъ, такъ, повидимому, и древнихъ. Если существовала и существуетъ лирика, то она не находитъ себѣ почвы среди лопарей, и либо пропадаетъ вмѣстѣ со смертью автора лирическаго произведенія, либо переходитъ въ эпосъ; оно не встрѣчаетъ себѣ сочувствія среди населенія, которое скоро его забываетъ, тогда какъ произведенія эпическія переходятъ изъ рода въ родъ и чтутся лопарями, и слушаются ими охотно. Вотъ почему, говоря о народномъ творчествѣ лопарей, можно говорить лишь почти исключительно объ ихъ эпическихъ произведеніяхъ древняго времени и современнаго происхожденія. Древнія эпическія произведенія можно раздѣлить, несмотря на все ихъ разнообразіе, на слѣдующія категоріи: на эпосъ животный, эпосъ миѳологическій, эпосъ историческій, который въ свою очередь можетъ быть раздѣленъ на эпосъ объ историческихъ фактахъ и эпосъ о богатыряхъ. Каждая изъ этихъ группъ имѣетъ свои особенности. Что касается животнаго эпоса, то онъ въ чистомъ своемъ видѣ, повидимому, не часто встрѣчается у лопарей, т. е. сказокъ, гдѣ участвуютъ лишь одни животныя, очень мало.

Обыкновенно, животныя принимаютъ участіе въ сказкѣ наравнѣ съ людьми или божествомъ; къ послѣдней группѣ относятся приведенные мною выше разсказы лопарей объ оленѣ, волкѣ и медвѣдѣ. Иногда сказки объясняютъ происхожденіе того или иного животнаго, почему у него такой цвѣтъ, а не другой и т. п. Такъ, напримѣръ, одна сказка повѣствуетъ слѣдующее о происхожденіи цвѣта шкуры волка и медвѣдя: сказочный герой отправляется для отысканія яйца, въ которомъ хранится жизнь великана — похитителя его матери; ему приходится переправляться черезъ огненное море: помогаютъ ему волкъ и медвѣдь, которые и гребутъ въ лодкѣ; огонь ихъ обжигаетъ и поэтому у медвѣдя коричневый цвѣтъ шкуры, а у волка коричневыя пятна на шкурѣ [1]). Приведу для примѣра такую сказку, встрѣчаемую среди русскихъ лопарей, о медвѣдѣ и лисицѣ. Пошла разъ лисица гулять, легла на дорогѣ—притворилась мертвой, и ноги вытянула, словно замерзла. Ѣдетъ лопарь; много, много за нимъ саней; на послѣднихъ саняхъ лежитъ рыба; увидалъ лисицу, положилъ ее на сани и поѣхалъ. Ѣхалъ, ѣхалъ, лисица и упала нарочно съ саней; онъ поднялъ ее и положилъ на вторыя сани. Опять ѣхалъ, ѣхалъ — лисица опять упала: онъ поднялъ и положилъ на третьи сани (и т. д., пока лисицу не кладутъ на послѣднія сани, въ которыхъ была рыба). Лисица грызть стала веревку, за которую были привязаны сани; грызла, грызла — перегрызла — сани остановились. Лопарь не замѣтилъ; лисица и стала ѣсть рыбу; съѣла, взяла рыбу въ зубы и пошла въ лѣсъ; медвѣдь увидалъ — говоритъ: „откуда у тебя, лиса, рыба?“ Она и говоритъ: „поймала — хвостъ опустила въ воду и поймала“. Медвѣдь и говоритъ: „научи“. Лисица ведетъ медвѣдя на рѣку, пробиваетъ камнемъ небольшое отверстіе во льду, и медвѣдь сталъ хвостомъ ловить рыбу; въ то время хвостъ у него большой былъ. Лисица уходитъ, возвращается черезъ нѣсколько времени и замѣтивъ, что у медвѣдя хвостъ примерзъ, начинаетъ кричать. Медвѣдь съ испугу сильно рванулся и оборвалъ хвостъ; съ тѣхъ поръ у него хвостъ маленькій (Массельга). Эта сказка встрѣчается и среди скандинавскихъ лопарей, такъ какъ почти такую же, съ незначительнымъ лишь варіантомъ, записалъ среди скандинавскихъ лопарей Кёхлинъ-Шварцъ [2]). Эта сказка мало оригинальна, и быть можетъ даже занесена къ лопарямъ отъ сосѣдей. Болѣе интересной является сказка скандинавскихъ лопарей о томъ, какъ одни животныя сдѣлались домашними животными, другія остались дикими; тотъ же Кёхлинъ-Шварцъ передаетъ намъ ея содержаніе, встрѣчается-ли она у русскихъ лопарей—мнѣ неизвѣстно:

У одного богатаго лопаря была свадьба. На свадьбу онъ пригласилъ въ гости всѣхъ лѣсныхъ звѣрей. Медвѣдь первый пошелъ на зовъ, но на дорогѣ онъ встрѣтилъ мальчика, который сказалъ ему: „куда ты идешь?“ — „На свадьбу къ богатому лопарю“. „Не ходи туда,—сказалъ мальчикъ,—у тебя слишкомъ хорошій мѣхъ: когда ты придешь, всѣмъ захочется имѣть его и съ тобой случится несчастіе“. Медвѣдь послушался совѣта и вернулся. Послѣ медвѣдя пришелъ волкъ, затѣмъ россомаха, послѣ него лисица и много другихъ животныхъ, и всѣмъ имъ мальчикъ далъ тотъ же совѣтъ, и они верну-

1) Poestion: Lappländische Märchen.

2) Koechlin-Schwartz. Un touriste en Laponie, стр. 158, см. ту-же сказку и слѣдующую у Poestion: Lappländische Märchen, pp. 7—9 и 18—22.

лись. Затѣмъ пришла лошадь, корова, коза, овца и олень, и мальчикъ имъ далъ тотъ же совѣтъ, но они не хотѣли его слушаться и пошли на свадьбу. Тамъ однихъ запрягли, другихъ остригли и т. д. Вслѣдствіе этого одни животныя остались дикими и свободными; другія сдѣлались домашними. Первыя были послушны, а вторыя непослушны, за что и были наказаны.

Вотъ еще сказка, въ которой принимаютъ участіе лисица и лопарь. „Жили лисица и лопарь; жили очень дружно. Мужикъ пошелъ на охоту: мужикъ только что ушелъ, лисичка натянула на палочку пойду и стала жарить у комелька. Сало каплетъ—она лежитъ; у ней все лицо сгорѣло. Мужикъ какъ пришелъ, какъ плеснетъ воды въ комелекъ—она и не услышала. Пойда отъ палочки отлетѣла и прямо ей въ глаза; она и ослѣпла: не видитъ ничего. Лопарь пришелъ, она и говоритъ: „кто-то воды налилъ въ комелекъ, и сало въ глаза пошло; у меня всѣ глаза сгорѣли". Мужикъ и говоритъ: „пойдемъ со мной; поправимъ твои глаза." Мужикъ привелъ лисицу къ дереву—къ соснѣ. Лисица стала кланяться: „сосна—матушка! дай мнѣ глаза." Мужикъ отодралъ кусокъ смолы и прилѣпилъ къ глазамъ лисицы; она и говоритъ: „вижу, только слипаются глаза, открыть не могу". Онъ и говоритъ: „пойдемъ, посѣтимъ березу." Пришли къ березѣ: береза—матушка, говоритъ лисица,—дай мнѣ глаза и кланяется. Береза и дала лисицѣ глава, только что узкіе: прилѣпила кусочекъ бересты къ глазамъ и лисица стала видѣть и говоритъ: „вижу". Тогда мужикъ говоритъ: „коли видишь, иди одна домой". Она и пошла домой, а онъ за ней, лисица видитъ—на дорогѣ дерево скривилось, а лисица другая подъ деревомъ яму копаетъ—она и думаетъ что домъ. Мужикъ и говоритъ: „Куда ты пихаешься, вѣдь это не домъ;" она говоритъ: „полно молоть-то, это домъ нашъ." Мужикъ сталъ лисицу за хвостъ дергать; онъ дергалъ, дергалъ за хвостъ и хвостъ выдернулъ. Потомъ мужикъ пошелъ домой, а лисица тутъ подъ деревомъ и осталась жить. Мужикъ сталъ искать, искать,—нѣтъ-ли чего у лисицы; искалъ и нашелъ золота и серебра много. Сталъ жить и богатѣть". (Сонгелы).

Изъ приведенныхъ сказокъ наиболѣе интересной является, на мой взглядъ, послѣдняя, такъ какъ въ ней сохранилось больше древнихъ чертъ, чѣмъ въ двухъ предыдущихъ. Въ ней мы видимъ объясненіе, почему лисица стала жить въ лѣсу; видимъ въ ней и остатки представленій, что сосна и береза могутъ вылѣчить отъ слѣпоты, наконецъ преданіе о накопленіи лисицей богатствъ [1]). Несмотря на эти черты, эта сказка, повидимому, не дошла до нашего времени въ своемъ цѣломъ видѣ и, вѣроятно, она составляла лишь одно звено въ цѣпи разсказовъ и преданій лопарей о происхожденіи животныхъ и о причинахъ сдѣлавшихъ ихъ такими, а не другими, подобно разсказамъ объ Юбмелѣ, медвѣдѣ, волкѣ и оленѣ.

Приведу для примѣра одну такую сказку, записанную среди пазрѣцкихъ лопарей. „Жили нѣкогда старикъ да старуха [2]). Старикъ былъ настоящій чело-

---

[1]) Лисица, повидимому, весьма часто фигурируетъ въ лопарскомъ эпосѣ. Она, какъ почти повсюду, является животнымъ, о которомъ болѣе всего ходитъ разсказовъ въ устахъ народа. Довольно большой отрывокъ изъ разсказовъ о лисицѣ, вѣроятно составляющій лишь нѣсколько звеньевъ изъ цѣлаго цикла преданій и сказокъ о лисицѣ, помѣщенъ у Poestion'a: Lappländische Märchen, pp. 7—18.

[2]) Сообщ. о. К. Щеколдинымъ.

вѣкъ, а у старухи одна половина была какъ у человѣка, а другая—какъ у звѣря. Послѣ смерти старика у ней родился сынъ, такой же, какъ она. Росъ онъ очень скоро и сдѣлался хорошимъ охотникомъ. Однажды возвратясь съ охоты, онъ сказалъ матери: я хочу жениться и ты найди мнѣ невѣсту.

Мать согласилась, и на другой день, когда сынъ ушолъ на охоту, пошла къ недалеко проживавшимъ старику и старухѣ, у которыхъ было три дочери.

Ея приходу всѣ удивились. Пригласили сѣсть, но она отвѣтила: не сяду, пока не кончу дѣла. Стала сватать старшую дочь, и та согласилась. Въ тотъ же день она привела ее къ сыну. Когда молодая пришла въ вѣжу, то мужа не было дома. Онъ былъ на охотѣ. Старуха указала невѣсткѣ мѣсто, гдѣ она должна спать и приказала ей спать. Смотрѣть же не велѣла никуда, пока будетъ вариться ужинъ.

Невѣстка для виду и легла спать, но незамѣтно стала смотрѣть, что будетъ дѣлать свекровь. Свекровь вымыла мясо и стала варить его въ кожанномъ мѣшкѣ, который скоро и потекъ. Увидавъ, что дѣвушка это замѣтила, старуха осерчала, и сказала: говорила не смотри: не послушалась—будь же теперь камнемъ. Невѣстка окаменѣла. Пришолъ сынъ и спросилъ: гдѣ жена? Мать указала на каменную фигуру и прибавила: она была упряма, вотъ ей и наказаніе:

Сынъ на другой день, отправляясь на охоту, сказалъ: не забудь привести мнѣ жену. Мать опять пошла къ старику и привела отъ него вторую дочь подъ предлогомъ, будто первой скучно.

Тоже сказала и этой. Она опять не послушалась и окаменѣла. Возвратившемуся сыну опять показала на окаменѣвшую. Онъ посмотрѣлъ и сказалъ: завтра должна быть у меня жена, а нѣтъ—прощайся со мною.

Мать, услышавъ это, отвѣтила: онѣ были не послушны и потому тебѣ въ жены негодны. Приведу завтра меньшую сестру ихъ и изъ нея, быть можетъ, и будетъ тебѣ жена.

Послѣ сына, который ушелъ на охоту, старуха опять пошла за третьей сестрой. Привела ее и опять тоже сказала. Она посмотрѣвъ на окаменѣвшихъ, испугалась, и вполнѣ послушалась свекрови. Послѣ приготовленнаго ужина, старуха разбудила невѣстку и сказала; собака лаетъ, поди встрѣчай мужа. Она встрѣтила его, поужинали и стали жить. Вскорѣ у нихъ родился сынъ, такой же какъ отецъ. Мужъ при этомъ сказалъ: жена смотри, чтобы у сына постель никогда не была мокра. Разъ, однако, отецъ увидалъ, что у сына постель мокра: онъ сейчасъ же сталъ собираться въ дорогу. Сынъ тоже сталъ приготовляться уйти съ нимъ. Мать не могла удержать ни мужа, ни сына—они ушли и сдѣлались дикими оленями. При прощаньѣ мать сказала сыну: черныхъ звѣрей бойся, а бѣлыхъ не бойся. Не бойся и гангасовъ (веревки, которыми ловятъ дикихъ оленей), потому что они сдѣланы для пользы людей и тебѣ не вредятъ" [1]).

Хотя эта сказка до нѣкоторой степени потерпѣла, повидимому, извѣстныя искаженія, тѣмъ не менѣе она является интересной, какъ преданіе о происхожденіи дикихъ оленей. Къ животному эпосу эту сказку, однако, нельзя отнести, такъ какъ въ ней слиш-

[1]) Сказка, аналогичная съ только что приведенной именно о превращеніи людей въ медвѣдей, помѣщена въ статьѣ г. Островскаго „Лопари и ихъ преданія", въ Изв. Им. Р. Г. О. т. XXV. 1889 г., вып. IV, стр. 328.

комъ явны слѣды древнихъ вѣрованій лопарей: старуха и сынъ ея, вѣроятно, лишь забытыя нынѣ древнія божества.

Вотъ почему такого рода сказки принадлежатъ скорѣе къ миѳологическоту эпосу, сохранившему въ себѣ остатки древнихъ вѣрованій лопарей. Слѣдуетъ замѣтить, что животный эпосъ мало, сравнительно, развитъ среди лопарей, и, повидимому, наиболѣе ими забытъ; это объясняется до извѣстной степени тѣмъ, что въ него лопари не вѣрятъ и поэтому слушаютъ его менѣе охотно, чѣмъ другіе разсказы, въ дѣйствительность которыхъ они вѣрятъ. Къ такимъ-то именно разсказамъ принадлежатъ тѣ, которые подходятъ подъ понятіе миѳологическаго эпоса, хотя и къ нимъ многіе уже начинаютъ относиться съ недовѣріемъ. Несомнѣнно, что миѳологическій эпосъ былъ прежде гораздо болѣе развитъ среди лопарей, чѣмъ въ настоящее время, что объясняется съ одной стороны большею крѣпостью вѣрованій въ прежнее время сравнительно съ настоящимъ, съ другой стороны тѣмъ, что въ виду постоянно развивающагося творчества болѣе новыя произведенія лопарскаго творчества постепенно замѣняютъ собой болѣе древнія и мало-по-малу изгоняютъ ихъ. Такъ среди древнихъ лопарей были записаны, хотя и несовершенно, нѣкоторыя преданія лопарей о происхожденіи боговъ, объ ихъ взаимной борьбѣ, нѣкоторыя космогоническія преданія и т. п., которыя мнѣ пришлось изложить выше. Какъ бы ни измѣнились эти преданія подъ вліяніемъ христіанства, какъ бы ни были сильны въ нихъ чужеземныя примѣси, нельзя не усмотрѣть въ нихъ и національныхъ чертъ лопарей. Повидимому среди древнихъ лопарей такихъ преданій было много и всѣ они вмѣстѣ взятыя составляли циклъ миѳологическихъ сказаній, изъ которыхъ составлялся миѳологическій эпосъ. Въ то время какъ немногія изъ дошедшихъ до насъ сказаній были записаны—вѣрованія лопарей уже приходили въ упадокъ, а съ ними вмѣстѣ и миѳы лопарей. Но такъ какъ многія изъ вѣрованій лопарей сохранились до настоящаго времени, то сохранились и сказанія, которыя имѣютъ къ нимъ отношеніе. Такъ если вѣрованія въ Айске исчезли—исчезли и преданія объ его происхожденіи, но вѣрованіе въ солнце, въ сполохи и т. п. остались—остались слѣдовательно и сказанія къ нимъ относящіяся, хотя за нѣсколько вѣковъ своего существованія они и потерпѣли большія измѣненія. Къ такимъ относятся эпосъ о сыновьяхъ солнца и о солнцевой дочери, тотъ и другой записанные среди современныхъ скандинавскихъ лопарей. Эпосъ о сынѣ солнца имѣетъ слѣдующее содержаніе: онъ отправляется свататься въ страну великановъ, далеко, въ западныя страны. Придя туда, онъ встрѣчается съ дѣвушкой, дочерью однаго слѣпаго великана; она влюбляется въ пришельца и соглашается выдти за него замужъ; отецъ не иначе, однако, соглашается на бракъ, какъ подъ условіемъ, чтобы юноша показалъ ему свою силу; тогда, съ помощью дочери великана, онъ приноситъ якорь и, подавая слѣпому великану якорный крючекъ, увѣряетъ, что это его палецъ. При помощи хмѣльныхъ напитковъ удается убѣдить старика выдать за него замужъ свою дочь; они уѣзжаютъ и отецъ даетъ въ приданое за дочь скалы изъ золота и серебра. Послѣ ихъ отъѣзда возвращаются братья уѣхавшей и въ злобѣ, что „гордость дома“ уѣхала безъ ихъ согласія принимаются преслѣдовать уѣхавшихъ; они садятся въ лодку, усиленно гребутъ и почти настигаютъ новобрачныхъ. Но сестра ихъ, чтобы спастись самой и спасти мужа, развязываетъ три волшебныхъ узла, вслѣдствіе чего поднимается такой сильный вѣтеръ и буря, что преслѣ-

дователи терпятъ крушеніе о береговыя скалы, и сами обращаются въ камни. Жена сына солнца изъ великанши превращается въ обыкновеннаго человѣка; отъ этого брака происходитъ поколѣніе богатырей, которое носитъ названіе Колла-парнешь (сыновья калевы, финновъ и эстовъ), которые изобрѣтаютъ лыжи и приручаютъ оленей. [1])

Нѣкоторыя подробности объ эпосѣ о „солнцевой дочери“ и „солнцевыхъ сыновьяхъ“ мы находимъ въ Архивѣ Эрмана [2]), въ спеціально посвященной второму эпическому произведенію статьѣ, представляющей собой извлеченіе изъ финляндской газеты (Helsingforser Morgenblatt, 1850, № 84. Post och Inrikes Tidning). Самъ эпосъ о солнцевыхъ сыновьяхъ былъ записанъ пасторомъ Фьелльнеромъ въ Сорселе. Повидимому эпосъ о солнцевой дочери.“ „о солнцевыхъ дѣтяхъ“ является первой частью эпоса о „солнцевыхъ сыновьяхъ.“/У солнца и у мѣсяца было по дочери, которыя поймали дикихъ оленей и приручили ихъ. Но дочь мѣсяца дурно обращалась съ оленемъ, и наконецъ убила его; оставшись безъ оленьяго стада, она поднялась къ мѣсяцу вмѣстѣ съ своимъ сыномъ. Солнцева дочь, наоборотъ, обращалась съ оленями хорошо, такъ что у ней образовалось оленье стадо. Она и была родоначальницей „сыновей солнца,“ изъ которыхъ герой эпоса о „солнцевыхъ сыновьяхъ“—сдѣлался родоначальникомъ богатырей—„Колла-парнэ“, т. е. „богатырскихъ сыновей;“ они оказываются изобрѣтателями лыжъ и также приручаютъ оленей. Ихъ именемъ лопари называли нѣкоторыя созвѣздія; такъ Оріона они прежде считали могучимъ охотникомъ, которому лукомъ служило созвѣздіе большой медвѣдицы; а звѣзды, образующія Кассіопею—являлись въ воображеніи лопарей оленями, за которыми, охотникъ, сопровождаемый своей собакой, гнался. Эпосъ о „солнцевыхъ сыновьяхъ“ начинается съ указанія на недостатокъ дѣвушекъ и повѣствуетъ о рожденіи и о качествахъ „сына солнца.“ Затѣмъ слѣдуетъ описаніе далекой страны. Въ статьѣ приводится переводъ этого мѣста: „сказка сказала, преданіе воспѣло, что за сѣверной звѣздой, на западъ отъ солнца и мѣсяца, находятся золотыя и серебряныя скалы, очагъ и камни для сѣтей. Золото блещетъ тамъ и серебро сіяетъ; въ морѣ отражается скала, и улыбается, глядя на свое блестящее отраженіе.“ Въ эту страну отправляется сынъ солнца, на кораблѣ, сопровождаемый лучшими богатырями. По прошествіи года путешествія онъ достигаетъ желанной страны, населенной великанами и застаетъ единственную незамужнюю дочь старика великана въ то время, когда она умывается. Она спрашиваетъ его, откуда онъ пришелъ, и указываетъ ему на опасность быть съѣденнымъ ея отцомъ, братьями и даже ею самой. Сынъ солнца на это отвѣчаетъ ей: „Саракка меня создала изъ полныхъ силы жилъ моего отца; силы я получилъ вмѣстѣ съ молокомъ матери—наслѣдство отъ отцевъ и матерей. Утсьакка влила вмѣстѣ съ молокомъ мнѣ умъ въ мою голову... Я ищу друга для счастья, для жизни, для смерти; на случай несчастья хорошаго совѣта, въ счастьѣ удержки; для сердечной горести возмѣщенія—утѣшенія въ нуждѣ и страхѣ... Дочь великана на это отвѣчаетъ ему: „смѣшаемъ нашу кровь, соединимъ наши сердца для горя и радости, сынъ, моей мнѣ еще не родной матери.“ Затѣмъ слѣдуетъ испытаніе силы сына солнца; опьяненный великанъ наконецъ соглашается на бракъ своей дочери: „онъ подводитъ и становитъ ихъ на шкурѣ кита, разрѣзаетъ на мизинцахъ у обоихъ кожу,

[1]) Schott: Land und Volk der Lappen. Въ Zeitschrift. f. Ethnologie 1875, t. VII, p. 80.
[2]) Erman. Archiv, XII, pp. 54—61.

смѣшиваетъ ихъ кровь. „Онъ соединяетъ ихъ руки, онъ сближаетъ ихъ груди, онъ соединяетъ ихъ поцѣлуи, изгоняетъ проклятые узлы ревности, разъединяетъ руки, развязываетъ узлы сватовства.“ Послѣ пира новобрачные уѣзжаютъ. Слѣдуетъ затѣмъ описаніе возвращенія сыновей великана, погоня за новобрачными, гибель преслѣдователей. Потомство дочери великана и сына солнца распространяется въ Швецію, въ русскіе предѣлы и на югъ „за датчанами и ютами.“

Не менѣе интереснымъ является и эпосъ о дочери солнца, который Дюбеномъ [1]) передается также къ сожалѣнію лишь въ общихъ чертахъ. Эпосъ о дочери солнца, пишетъ онъ, составляетъ скорѣе циклъ сказаній, съ одной стороны мистическихъ, а съ другой—аллегорическихъ, которыя группируются вокругъ солнцевой дочери. Въ немъ говорится о прирученіи сѣвернаго оленя женщинами, которымъ вслѣдствіе этого были расширены ихъ права при наслѣдованіи, о борьбѣ доброй дочери солнца со злой дочерью мѣсяца, которыя обратились въ добрыхъ и злыхъ волшебницъ сказокъ современныхъ лопарей, переселенія лопарей съ юга на сѣверъ и т. д.

Эпосъ о солнцевой дочери, или лучше сказать одно изъ сказаній изъ этого цикла, сохранился среди современныхъ пазрѣцкихъ лопарей. Разсказъ этотъ включаетъ въ себѣ исторію похищенія солнцемъ себѣ жены и одинъ эпизодъ изъ земной жизни солнцевой дочери. Отрывокъ изъ этого эпическаго произведенія я приводилъ уже выше—приведу теперь его цѣликомъ. Несмотря на многія искаженія, внесенныя въ него временемъ, онъ сохранилъ въ себѣ слѣды и вѣрованій лопарей, какъ древнихъ, такъ и современныхъ.

Жилъ старикъ со старухой, у нихъ была дочь. Однажды мужъ пошелъ въ лѣсъ драть бересту. Когда онъ сталъ это дѣлать у первой попавшейся березы, выскочила вдругъ лягушка и сказала: „старикъ возьми меня замужъ.“ Онъ отвѣтилъ: „куда мнѣ съ тобой—у меня есть жена,“ и ушелъ. У второй березы повторилось тоже, у третьей—тоже, съ которыхъ онъ хотѣлъ снять кожу. Когда у третьей березы старикъ отказался жениться на лягушкѣ, она ему сказала: „у меня есть ножницы, если я ими уколю разъ, будутъ двѣ раны, если уколю второй разъ—будутъ четыре раны, если уколю третій разъ будутъ шесть ранъ—и ты изойдешь кровью. Старикъ испугался, взялъ лягушку, устроилъ ей вѣжу и ходилъ къ ней каждый день, и дѣлалъ тамъ все, что она заставляла его дѣлать. Черезъ годъ у нихъ родились два сына и дочь. Одного сына они назвали Веррунъ-чулдъ „Тесаный пень“, другаго—Иктъ-сѣпаластъ „Оленій хомутъ“, дочь свою они назвали Кыдзымъ-чалмъ-Остроглазка. Сначала они жили хорошо; когда-же дѣти подросли у лягушки, они всѣ стали требовать у старика пищи; у него не хватало ея и онъ имъ отказывалъ. Тогда лягушка и дѣти ея сказали старику: „если ты не будешь насъ кормить, мы съѣдимъ сперва тебя, потомъ твою старуху, потомъ твою дочь.“ Они такъ и сдѣлали. Съѣли старика, стали ѣсть и старуху; старуха, когда взяли ее, сказала дочери: „когда они будутъ меня ѣсть, ты собирай всѣ мои косточки въ мѣшокъ и считай ихъ. Всѣхъ соберешь 99, а нужно 100. Послѣ этого ты ударь Остроглазку и у ней изо рта выпадетъ кость; ты возьми ее скорѣй, положи въ мѣшокъ и бѣги. Добѣжишь ты до луга, гдѣ течетъ рѣчка: тутъ кости положи на землю, ударь ихъ три раза бере-

[1]) Düben: La Laponie et les Lapons, p. 336.

зовымъ сучкомъ и изъ нихъ образуется тупа. Въ ней вотъ ты и живи, да еще возьми вотъ эту сонную спичку.“ Лягушка съ дѣтьми съѣла старуху. Дочь ея сдѣлала какъ ей приказывала старуха. Собравъ кости она ударила Остроглазку по спинѣ и у ней выпала послѣдняя кость; Остроглазка сказала: „придетъ время и до тебя—тогда полакомлюсь,“ но она съ костями добѣжала до луга, гдѣ течетъ рѣчка, положила кости матери на землю, ударила по нимъ три раза и образовалась тупа. Лягушка съ дѣтьми скоро спохватилась старухиной дочери, побѣжала за ней въ погоню и наконецъ нашла ее. Лягушка сперва послала къ ней перваго сына, узнать, какъ она живетъ. Онъ нашелъ ее и попросился у нея отдохнуть съ дороги. Та узнала его, но все-таки напоила, накормила его и уложила его спать, при этомъ сказала ему: „я еще поищу у тебя въ головѣ вшей“ и стала искать въ головѣ; въ это время, будто нечаянно уколола его въ глаза и уши сонною спичкою, которую ей дала мать; вслѣдствіе этого онъ ослѣпъ и оглохъ. Старухина дочь въ это время играла съ солнцемъ и вышивала поясъ серебромъ и золотомъ. Вечеромъ сынъ лягушки проснулся, и она отправила его домой. Придя къ матери, онъ сказалъ: „бабкина дочь живетъ хорошо и была добра ко мнѣ.“ О жизни же ея ничего больше сказать не могъ, и лягушка сказала ему: „дали тебѣ имя пень—и справедливо.“ На другой день лягушка послала втораго сына и съ нимъ бабкина дочь сдѣлала тоже что и съ первымъ. Лягушка услышавъ это, разсердилась и сказала: „хомутъ ты, хомутомъ и останешься.“ На третій день лягушка послала къ бабкиной дочери Остроглазку. Съ ней бабкина дочь поступила также какъ и съ сыновьями лягушки: она уколола ей глаза и уши, и она перестала видѣть и слышать. У Остроглазки-же были еще другіе глаза на затылкѣ, и она ими во время сна видѣла, что бабкина дочь играла съ солнцемъ и вышивала поясъ серебромъ и золотомъ. Передъ вечеромъ она встала и пошла къ матери и все разсказала ей. Лягушка поблагодарила дочь, и черезъ ночь они рѣшили покончить съ бабкиной дочерью. Та предчувствовала это, перевязала себя поэтому поясомъ подъ платьемъ, и спрятала у себя и сонную спичку. Въ косу она себѣ положила на всякій случай ножичекъ. Утромъ лягушка съ дѣтьми вломилась въ тупу бабкиной дочери, связали ее, зашили въ нерпичью шкуру, снесли къ морю и бросили ее въ воду. Остроглазка въ это время и закричала: „дѣвкиной то избы и не стало.“ Лягушка сказала: „поздно увидѣла—она теперь уже далеко.“ Пошли они ходить по лѣсамъ и болотамъ и теперь, вѣроятно, ходятъ.

Бабкину дочь принесло волнами къ берегу. Она распорола ножикомъ кожу, вышла на берегъ и пошла куда глаза глядятъ. Дорогой она питалась ягодами и наконецъ пришла къ какому то дому. Зашла въ него—вездѣ пусто, только крови на полу налито, словно озеро. Два раза она вычерпывала кровь, но кровь опять выступала. Наконецъ послѣ третьяго раза крови не стало совсѣмъ. Она вымыла избу и захотѣла ѣсть. Посмотрѣла, нѣтъ ли чего въ домѣ: увидѣла за печкой рѣзки (родъ лепешки), взяла одну изъ нихъ, отломила кусокъ и поѣла. Ей было страшно отъ того, что въ избѣ была кровь, и чувствовала она себя не хорошо. По ея мнѣнію изба принадлежала людямъ убитымъ, которые по ночамъ приходятъ сюда и рѣжутся, отчего на небѣ и сполохи являются. Она обратилась на всякій случай въ веретено. Черезъ день пришли въ домъ какіе-то люди и сказали: „здѣсь былъ человѣкъ-женщина, но ее не видно“. Всѣ взяли по рѣзкѣ и увидали, что у одного хлѣбъ начатъ. Звали его Найнасъ. Они и сказали: „Найнасъ,

человѣкъ этотъ тебѣ родня!“, и ушли. Найнасъ, оставшись одинъ, сказалъ: „покажись, кто здѣсь есть: если старикъ—будешь мнѣ отецъ, старуха—будешь мнѣ мать, молодой—братъ, женщина—сестра, а дѣвица—жена“. Какъ только онъ это сказалъ, веретено выпрыгнуло изъ-за печи и обратилось въ дѣвушку. Онъ обнялъ ее, поцѣловалъ и сказалъ: „ты будешь мнѣ женою. Но жить тебѣ здѣсь нельзя—здѣсь люди рѣжутся. Пойдемъ, провожу тебя къ матери“. Привелъ ее къ дорогѣ, далъ клубокъ нитокъ и сказалъ: „брось на дорогу: куда онъ покатится—туда и иди. Смотри на клубокъ, больше никуда не смотри—иначе сполохи унесутъ тебя на небо. Придешь ты къ рѣкѣ. Здѣсь ты кричи, зови перевозчика, и тебя перевезетъ моя мать; она живетъ на другой сторонѣ рѣки. Въ карбасѣ на то мѣсто, гдѣ я порѣзался не садись,—объ этомъ спроси мать—она покажетъ. Какъ придешь, сдѣлай вѣжу: мы въ ней съ тобой будемъ жить“. Ночью сполохи такъ ее напугали, что она едва осталась жива, потому что слышала какъ сполохи пѣли: „идетъ жена Найнаса,—но скоро возьметъ ее солнце“. Шла она долго за клубкомъ, пришла къ рѣкѣ, переѣхала и устроила вѣжу и стала въ ней жить. Пришелъ къ ней и Найнасъ. Они легли спать и бабкина дочь повѣсила свой серебрянный поясъ къ потолку надъ постелью. Найнасъ утромъ проснулся и хотѣлъ вставать, но бабкина дочь показала ему поясъ и сказала: „спи, еще ночь—посмотри какъ на небѣ блестятъ звѣзды“. Такъ она обманывала его три раза. Наконецъ мать Найнаса закричала: „Невѣстка, возьми оленьи шкуры; онѣ присохнутъ отъ солнца и тогда мужъ уйдетъ отъ тебя“. Услыхавъ это, она не покрывъ голову платкомъ, выглянула изъ вѣжи, и солнце захватило ее за волосы; она закричала: „Найнасъ, дай мнѣ воды: меня жжетъ солнце“! Онъ побѣжалъ, схватилъ ее за ноги, чтобы солнце не уносило ее, и тутъ же умеръ. Она, не видя помощи, сказала: „солнце, ороси меня водой!“ Солнце сжалилось, оросило ее водою, но вмѣстѣ съ тѣмъ взяло ее къ себѣ и она сдѣлалась женою солнца.

Вскорѣ у нихъ родилась дочь. Пока она не подросла, ее научили всему, а когда выросла, то родители рѣшились опустить ее на землю, чтобы она нашла себѣ суженаго. Благословили ее и сказали: „иди замужъ за перваго, кого встрѣтишь; живите въ любви и у васъ всего будетъ довольно“. Дали ей еще шелку и сказали: „приготовь три платка, продай ихъ, и денегъ у васъ будетъ довольно“. Солнце вмигъ опустило свою дочь на землю. Она пошла по землѣ и черезъ нѣсколько времени встрѣтила пастуха и вышла за него замужъ. Приготовила она и платки, продала ихъ, и они стали жить очень богато.

Люди стали имъ завидовать и наконецъ распустили слухъ, что они живутъ чужимъ добромъ. Пастухъ и сказалъ имъ: „я получилъ все отъ солнца и могу даже подняться къ нему“. Народъ еще болѣе разсердился на него и сказалъ: „поднимись къ солнцу, и если ты завтра не поднимешься къ нему, мы убьемъ тебя“. Пришелъ пастухъ вечеромъ домой и разсказалъ обо всемъ своей женѣ. Она опечалилась, но сказала: дождемся утра“. Утромъ они пошли на встрѣчу солнцу и увидали, что оно ѣдетъ на оленѣ. Они подошли къ нему, разсказали свое горе, и солнце, подумавъ немного, сказало пастуху: „садись на оленя—поѣдемъ“. Жена пошла обратно; сосѣди спросили: „гдѣ мужъ“? Она и сказала: „онъ поднялся на солнцѣ“. Теща встрѣтила зятя съ радостью. Солнце же сказало ему: „теперь спи, а утромъ поѣзжай кругомъ земли на медвѣдѣ, въ полдень замѣни его оленемъ-быкомъ (самцомъ), а вечеромъ—оленемъ-важенкой (самкой)“. На слѣдую-

щій день зять солнца такъ и сдѣлалъ. Когда онъ послѣ полудня ѣхалъ на оленѣ-быкѣ, онъ увидѣлъ изображеніе человѣка. Это изображеніе онъ ударилъ ногой и сказалъ: "у меня былъ одинъ теленокъ-олень ты его не сохранилъ и не стой на дорогѣ". Поѣхалъ дальше и вскорѣ у него олень-быкъ упалъ мертвымъ. Вечеромъ онъ поѣхалъ на важенкѣ и на ней вернулся къ солнцу. На слѣдующій день солнце само поѣхало вокругъ земли и увидало на дорогѣ мертваго оленя. Возвратилось солнце, спросило объ этомъ зятя; тотъ разсказалъ все какъ было; узнавъ причину смерти оленя, солнце заповѣдало своему зятю обходиться съ животными ласковѣе. На третій день солнце и его жена простились съ нимъ, дали ему много добра и отпустили его на землю, онъ пришелъ домой благополучно и зажилъ еще лучше и богаче чѣмъ прежде, такъ что всѣ удивлялись.

Таковъ извѣстный мнѣ отрывокъ эпоса о дочери солнца, среди лопарей русскихъ. Вглядываясь въ него ближе нельзя не замѣтить, что онъ состоитъ изъ двухъ эпическихъ произведеній, соединенныхъ въ одно цѣлое: о женѣ солнца и о солнцевой дочери; причемъ, повидимому, обѣ части не полны, хотя первая часть и сохранилась въ бо́льшей цѣлости, чѣмъ вторая. Бабкина дочь, впослѣдствіе жена солнца, выдерживаетъ борьбу съ чудовищами и съ самаго начала является существомъ сверхъестественнымъ, хотя природа ея и недостаточно выражена въ приведенномъ разсказѣ. Она уже съ самаго начала имѣетъ какое-то отношеніе къ солнцу: „играетъ съ солнцемъ и вышиваетъ поясъ золотомъ и серебромъ". Но связь ея съ солнцемъ недостаточно ясна. Быть можетъ за давностью лопарями забыта часть содержанія эпоса, быть можетъ на бабкину дочь перенесены черты, которыя должны были бы относиться къ солнцевой дочери. Вѣроятнѣе даже послѣднее. Дѣло въ томъ, что у скандинавскихъ лопарей, среди которыхъ ходятъ разсказы о солнцевой дочери она часто называется Njavvis-edne [1]), т. е. жена Ньяввиса. Сходство именъ Ньяввисъ и Найнасъ приводитъ къ предположенію, что и жену Найнаса слѣдуетъ считать дочерью солнца. Это предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе и въ той борьбѣ, которую приходится вынести женѣ Найнаса съ лягушкой (ацекъ) и ея дѣтьми. У скандинавскихъ лопарей женѣ Ньяввиса приходится выдерживать борьбу съ дочерью мѣсяца, которая по имени своего мужа носитъ названіе „Атьись-едне", т. е. жена Атьиса. И тутъ сходство именъ ацекъ и Атьись невольно заставляетъ предполагать, что и въ этомъ случаѣ сходство именъ едва ли случайное. Наконецъ, у пазрѣцкихъ лопарей, по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ о. К. Щеколдинымъ, существуетъ сказка, повѣствующая объ подмѣнѣ лягушкой (ацекъ) у какой-то вдовы свою дочь на сына вдовы. Привожу эту сказку въ редакціи о. Щеколдина:

„Жила старуха-вдова — лопарка. Съ ней жила въ вѣжѣ и лягушка (ацекъ). У вдовы былъ сынъ, а у лягушки — дочь. Разъ ночью лягушка подмѣнила у вдовы свою дочь и съ сыномъ ея убѣжала. Старуха утромъ увидѣла это и осталась горевать. Лягушка съ сыномъ поселилась у озера. Онъ выросъ и сталъ хорошимъ охотникомъ. Изъ звѣриныхъ шкуръ онъ сдѣлалъ вѣжу. Однажды онъ ушелъ на охоту далеко и пришелъ къ своей матери. Изъ любопытства сверху въ трубу посмотрѣлъ и увидѣлъ тамъ старуху и дочь ацекъ. Въ котлѣ у нихъ варилась сосновая каша. Ему стало жаль, и онъ сверху въ котелъ опустилъ кусокъ *пойды,* сала отъ мяса оленя.

[1]) Poestion: Lappländische Märchen, p. 29.

Дочь, увидя на верху звѣзды въ котлѣ, сказала: кто-то намъ положилъ мяса.

— Не смѣйся, было бы и сало. Твоя мать украла сына, быть можетъ отъ жиру лопнетъ.

Охотникъ, услышавъ это, скорѣе скрылся. Приходилъ онъ еще и послѣ, и видѣлъ, что каши постоянно варится менѣе, и каждый разъ невидимо опускалъ въ трубу мяса.

Утромъ разъ онъ недалеко отъ этой вѣжи убилъ оленя и на этотъ разъ зашелъ въ вѣжу и поздоровался. Далъ старухѣ и мяса, велѣлъ сварить, говоря: „и я закушу тутъ же“.

Пока варился обѣдъ, онъ переговорилъ съ матерью обо всемъ и узналъ, что она мать. Пообѣдали, и ацекъ-дочь, уснула. Они сговорились какъ убить дочь лягушки, а вмѣстѣ и ея мать: только въ другое время.

Возвратясь къ ацекъ—сынъ сказалъ: хочу жениться и невѣсту нашелъ, хотя не молодою.

Ацекъ разсердилась, но онъ сказалъ: если не дозволишь, то уйду навсегда, и она позволила. Вскорѣ онъ поѣхалъ и за своей невѣстой къ своей матери. По пріѣздѣ вдова уложила все въ кережи: старуха взяла на руки и дочь лягушки, лаская, и сейчасъ же зарыла ее въ горячій пепелъ, гдѣ она и сгорѣла. Съ невѣстою-матерью онъ пріѣхалъ къ ацекъ. Она вышла на встрѣчу и старуха вмѣсто привѣтствія ударила ацекъ скобелью, и та умерла. Не стѣсняемые ни кѣмъ, они зашли въ вѣжу съ радостію. На другой день убитую ацекъ пасынокъ привязалъ къ лошадиному хвосту и погналъ лошадь. И вотъ, гдѣ у лягушки отпала голова, тутъ образовался красный мохъ, употребляемый лопарями на подстилку дѣтямъ въ зыбки, а гдѣ упали ноги, тутъ—черный мохъ, употребляемый при дѣланіи карбасовъ.

Мать съ сыномъ послѣ этого и стали жить счастиво“.

У скандинавскихъ лопарей мы встрѣчаемъ совершенно аналогичную сказку, сходящуюся съ только что приведенной сказкой пазрѣцкихъ лопарей даже въ мелочахъ: но тамъ мѣсто вдовы занимаетъ Ньявисъ-едне, а мѣсто лягушки (ацекъ), дочь мѣсяца—Атьисъ-едне [1]). Не будетъ неосновательнымъ предположить, что лягушка въ сказкахъ русскихъ лопарей замѣнила собой дочь мѣсяца сказокъ лопарей скандинавскихъ. Если это такъ, то и въ отрывкѣ эпоса о дочери солнца, который я привелъ выше, слѣдуетъ въ злой лягушкѣ видѣть дочь мѣсяца, а въ женѣ Найнаса дочь солнца. Но по мѣрѣ забвенія своихъ преданій лопари дѣлаютъ жену Найнаса и женой солнца, и матерью дочери солнца, слѣдовательно переносятъ на нее черты, которыя, вѣроятно, относились къ какой-нибудь другой личности, явившейся въ народныхъ представленіяхъ, женой солнца. Быть можетъ, при забвеніи лопарями своихъ преданій, ихъ поразило названіе дочери солнца женой Найнаса и они сдѣлали изъ послѣдней жену солнца, мать, воспѣваемой ими дочери солнца. Кромѣ того и разсказъ о происхожденіи солнцевой жены потерпѣлъ извѣстныя измѣненія подъ вліяніемъ времени: родители ея, которые съѣдаются впослѣдствіи лягушкой и ея дѣтьми, также, повидимому, не простые люди, хотя разсказъ недостаточно оттѣняетъ и ихъ. Та часть эпоса, гдѣ повѣствуется о солн-

[1]) Ibid, p. 43.

цевой дочери еще болѣе не полонъ: такъ совершенно непонятнымъ является мѣсто въ разсказѣ, гдѣ повѣствуется о томъ, что пастухъ ударилъ изображеніе человѣка ногой, вслѣдствіе чего у него умираетъ олень, на которомъ онъ ѣдетъ и, вызванное этимъ случаемъ, приказаніе солнца обращаться съ животными ласковѣе. Очевидно, что и въ этомъ мѣстѣ разсказа, либо что-нибудь пропущено, либо невыяснено, либо перепутано. Разсказъ, кромѣ того, какъ-то обрывается и, повидимому, продолженіе его также забыто лопарями. Какъ-бы то не было, но этотъ отрывокъ большаго эпическаго произведенія лопарскаго творчества даетъ намъ много для уясненія себѣ вѣрованій лопарей и въ солнце, и въ сполохи, вѣрованія до нынѣ у нихъ существующія. Этотъ отрывокъ, относясь къ циклу сказаній о солнцѣ и солнцевой дочери, заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что это одинъ изъ немногихъ остатковъ того эпоса, гдѣ дѣйствуютъ исключительно сверхъестественныя существа.

Къ миѳологическому эпосу слѣдуетъ отнести и нѣкоторые другіе разсказы, въ которыхъ сохранились еще обломки вѣрованій лопарей: эти разсказы посвящены преимущественно разсказамъ о Сталло-сталъ и могутъ быть раздѣлены на двѣ группы. Одни изъ нихъ, кромѣ разсказовъ о Сталло, содержатъ въ себѣ остатки представленій о подземномъ мірѣ, объ его обитателяхъ и т. п. Вторые, гдѣ, главнымъ образомъ, повѣствуется лишь объ однихъ Сталло, изъ которыхъ можно почерпнуть свѣдѣнія лишь о вѣрованіяхъ лопарей въ этихъ послѣднихъ. Эта вторая группа составляетъ какъ бы переходную ступень отъ эпоса миѳологическаго къ эпосу историко-героическому. Съ первымъ—эти разсказы имѣютъ то общее, что они излагаютъ свѣдѣнія о вѣрованіяхъ лопарей въ сверхъестественныхъ существъ,—Сталло; со вторымъ—что они рисуютъ намъ лопарскихъ богатырей, которые и вступаютъ въ борьбу съ великанами. Критеріумомъ, почему данный разсказъ о Сталло слѣдуетъ отнести къ эпосу миѳологическому, а не къ героическому, можетъ служить лишь обширность роли, которую разсказъ отводитъ Сталло и борящемуся съ нимъ богатырю: если главная роль принадлежитъ Сталло, то разсказъ слѣдуетъ отнести къ переходной ступени. Въ противномъ случаѣ къ эпосу героическому. Привожу для примѣра два разсказа пазрѣцкихъ [1]) лопарей о Сталло. Изъ нихъ первый слѣдуетъ отнести къ эпосу миѳологическому, второй—къ переходному.

Жили при озерѣ два брата. У нихъ была одна только сестра, и они, уходя куда-нибудь изъ дома, оставляли ей всегда и дровъ и воды, чтобы она не выходила изъ дому и чтобъ, такимъ образомъ, кто-нибудь, увидавъ, не похитилъ ее. Разъ они пошли и почему-то не оставили ей ни дровъ, ни воды. Дѣвушка пошла на озеро за водой: изъ озера вышелъ человѣкъ, схватилъ ее и увлекъ къ себѣ. Братья воротились и увидали, что сестры нѣтъ. Пошли они къ озеру нашли лишь одно ведро, а сестры, сколько ни искали, найти не могли; они и кричали и звали ее, наконецъ сказали: „вѣрно утощили ее“. Имъ было жаль сестры и они стали думать, какъ-бы вернуть ее обратно къ себѣ. Они нарубили березовыхъ вѣтвей и сплели изъ него кольцами веревку; работали они такъ семь лѣтъ, и когда сдѣлали веревку, то одинъ изъ братьевъ (младшій) спустился по ней въ озеро; прежде чѣмъ спускаться, онъ сказалъ брату: „ты теперь меня спусти въ воду и до тѣхъ поръ не тяни веревки обрат-

1) Сооб. о. К. Щеколдинымъ.

но, пока я не начну дергать ее—тогда и тяни". Спустившись через воду до дна, онъ привязалъ веревку къ камню, а самъ пошелъ искать сестру. Прошелъ онъ не очень много—увидалъ избу. Онъ подошелъ къ ней и сказалъ: „избушка, повернись окошками къ лѣсу, а ко мнѣ дверью (пыртъ ергаль мятца ікіней, муу гаръ мунне и сей)". Какъ только онъ это сказалъ, такъ избушка повернулась, и онъ увидалъ дверь. Отворилъ дверь, вошелъ въ избушку, видитъ въ ней сидитъ старуха. Старуха и говоритъ: „вотъ ко мнѣ мясо пришло". Онъ и говоритъ: „это мясо негодно—худо: я иду издалека, голодный и у меня только одно костье осталось. Лучше будь добра: скажи, не знаешь-ли моей сестры, кто ее сюда взялъ—вотъ уже восьмой годъ". „Я не знаю,—говоритъ старуха,—у меня есть меньшая сестра — она живетъ дальше — она скорѣе это знаетъ". Онъ и говоритъ: „какъ я могу ее найти?" „Я тебѣ опаса (проводника) дамъ; а теперь пока, коли ты голоденъ, садись и ѣшь, и что дамъ, съѣшь все". Она дала ему полсвиньи. Онъ сѣлъ и сталъ ѣсть, но всего съѣсть не могъ. У него было на рукѣ кольцо, онъ снялъ его и бросилъ на полъ — кольцо зазвѣнѣло; собака, бывшая въ избѣ, залаяла, и старуха вышла на улицу посмотрѣть, нѣтъ-ли кого. Въ это время онъ мясо припряталъ подальше въ уголъ, и когда старуха воротилась, у него уже ничего не было. Она и спрашиваетъ: „Что, неужели все съѣлъ?„ „Да, говоритъ, благодарю." „Ну вотъ возьми опаса," говоритъ старуха и дала ему клубокъ шерсти, „брось на землю, какъ выйдешь изъ избы: куда онъ покатится, туда и ты иди." Взялъ его, поблагодарилъ, простился и пошелъ. Бросилъ клубокъ, какъ ему велѣла старуха; онъ покатился; лопарь и пошелъ за нимъ. Прошелъ онъ довольно далеко и опять увидалъ избушку. Подошелъ къ ней и сказалъ то-же, что и передъ первой и она повернулась къ нему дверями. Зашелъ онъ въ избу и увидалъ женку среднихъ лѣтъ. Она языкомъ своимъ подметала полъ, а руками изъ печки безъ всякой лопаты тянула хлѣбы. Увидя его женка сказала: „вотъ ко мнѣ и мясо идетъ." „Отъ мяса, тетушка, говоритъ онъ, сыта не будешь; я чуть съ голода не умеръ, да благодаренъ твоей сестрѣ—накормила меня, вотъ и дошелъ такъ, а нѣтъ на дорогѣ-бы умеръ. Ты лучше скажи мнѣ, не знаешь-ли моей сестры? Ее кто-то взялъ, вотъ уже восьмой годъ." Женка посмотрѣла на него и говоритъ: „такъ и быть, помогу тебѣ: вотъ, возьми этотъ клубокъ шерсти, брось его на улицѣ, и куда онъ покотиться, туда и ты иди. Ты придешь съ нимъ къ моей старшей сестрѣ; вотъ у нейто и можешь узнать про свою сестру." Поблагодарилъ ее лопарь и пошелъ куда клубокъ повелъ. Дошелъ онъ до третьей избушки. Опять сказалъ: „избушка, повернись къ лѣсу окнами, а ко мнѣ дверьми." Она повернулась; онъ вошелъ въ избу: видитъ сидитъ старая, престарая старуха. Онъ поздоровался и поклонился ей. Старуха на это ничего не отвѣтила, а сказала: „вотъ ко мнѣ мясо само пришло.„ „Бабушка, мое мясо не годно. Едва я въ дальней дорогѣ не умеръ, да накормила меня твоя сетра; вотъ благодаря ей и другой твоей сестрѣ я и пришелъ сюда. Будь лучше добра ко мнѣ; скажи, не знаешьли, гдѣ моя сестра живетъ, у кого: ее взялъ кто-то, вотъ уже восьмой годъ". „Ну ты голодный, говоритъ старуха, садись-же сперва ѣшь и положила ему полсвиньи. Какъ все съѣшь, скажу гдѣ твоя сестра и дамъ тебѣ опаса." Сѣлъ лопарь и сталъ ѣсть. Увидѣлъ опять, что всего ему не съѣсть. Снялъ съ пальца кольцо, опустилъ его на полъ; оно зазвенѣло, и собака залаяла. Старуха вышла посмотрѣть, нѣтъ-ли кого, а онъ въ это

время остатки припряталъ. Вернулась старуха: видитъ что ничего нѣтъ и говоритъ: „Ну, что все съѣлъ?“ „Все, говоритъ, благодарю.“ Ложись теперь и отдохни, а завтра поѣдешь къ сестрѣ. Онъ легъ и заснулъ. Проснулся уже утромъ. Старуха ему и говоритъ: „иди теперь направо отъ избы: тамъ увидишь лошадей; которую первую увидишь, на той и поѣзжай къ сестрѣ.“ Онъ пошелъ и не далеко отъ избушки увидалъ лошадь очень маленькую, мало и похожую на лошадь. Онъ схватилъ было ее, посмотрѣлъ и подумалъ: „далеко-ли на ней уѣду: ее саму нужно тянуть, да старуха велѣла—поведу.“ Лошадь заупрямилась, и онъ отпустилъ ее. Въ это-же время онъ увидалъ и другую большую лошадь; она ему понравилась; схватилъ ее и повелъ къ избѣ. Привелъ и вошелъ въ избу. Старуха и спрашиваетъ: „что привелъ?“ „Привелъ,“ говоритъ. Она вышла посмотрѣть и когда увидала перваго большаго коня спросила: „Этого-то ты взялъ, развѣ онъ первый тебѣ попался?“ „Нѣтъ, говоритъ, первый маленькій: онъ мнѣ не понравился. Куда я на немъ поѣду—самому нужно будетъ тянуть его, да онъ еще и заупрямился, я и спустилъ его. Этого увидалъ и взялъ.“ „Взялъ, теперь дѣла пока не поправить. Поѣзжай, но не быть тебѣ живому.“ Сѣлъ онъ на коня и поѣхалъ. Черезъ нѣсколько времени увидалъ онъ избу; около избы играютъ три парня. Ребята и закричали: „мать, дядя ѣдетъ, дядя!“ Она и кричитъ имъ изъ избы: „откуда вы взяли дядю? Сюда мало кто отъ насъ пріѣзжаетъ.“ Посмотрѣла однако въ окно и увидала брата. Вышла на встрѣчу ему, поздаровалась, позвала въ избу. Дала ему поскорѣй поѣсть и говоритъ: „ѣшь скорѣй и поѣзжай, иначе мой мужъ тебя убьетъ.“ Онъ поѣлъ и поѣхалъ обратно. Стало-сталъ, мужъ сестры, вскорѣ послѣ его отъѣзда вернулся домой. Дѣти и говорятъ ему: „у насъ здѣсь дядя былъ.“ „Какой дядя?“ „Матери братъ.“ Онъ сейчасъ у жены спросилъ: „давно-ли онъ уѣхалъ?“ Дѣти и закричали: „недавно.“ „А какой конь былъ и чей?“ „Конь былъ старухинъ, на которомъ она возитъ воду.“ „Ну, этотъ ничего не стоитъ.“ Сказавъ это, онъ сейчасъ-же побѣжалъ, догналъ лопаря и убилъ его. Послѣ этого онъ пришелъ домой, а лошадь старухина къ ней прибѣжала. Старуха увидавъ коня, отправилась искать лопаря и нашла его; она сломала три свѣжихъ березовыхъ прута, ударила ими по лопарю—онъ пошевелился; ударила другой разъ— онъ сѣлъ; ударила третій разъ—онъ всталъ на ноги и говоритъ: „какъ я долго спалъ.“ „Да ты еще дольше-бы спалъ и вовсе-бы даже не всталъ, еслибъ не я. Пойдемъ теперь ко мнѣ: тамъ дѣло какъ нибудь поправимъ.“ Пришли къ старухѣ: она опять послала его за лошадью и посовѣтовала ему взять маленькую. Онъ опять схватилъ маленькаго коня, но тотъ заупрямился, и онъ увидалъ бѣлаго большаго коня, отпустилъ маленькаго и привелъ бѣлаго. Старуха вышла, увидала, что онъ привелъ не маленькаго коня, опять сказала ему: „не будешь ты живъ и на этомъ конѣ.“ Но все-таки приказала ему ѣхать. Онъ сѣлъ на коня и поѣхалъ; пріѣхалъ къ дому сестры; ребята опять закричали матери: „дядя ѣдетъ, дядя.“ „Какой дядя, вашъ отецъ убилъ его. Дядя больше не пріѣдетъ.“ Посмотрѣла въ окно, увидала брата. Накормила его поскорѣй и приказала скорѣе уѣзжать. Какъ только онъ уѣхалъ, пришелъ Стало-сталъ; дѣти опять сказали ему; „у насъ дядя былъ.“ „Какой дядя былъ?“ „Да тотъ-же самый, который вчера былъ.“ „Давно-ли онъ былъ и на какомъ конѣ пріѣзжалъ?“ „Конь былъ бабкинъ, на которомъ она дрова возитъ.“ „Ну, сейчасъ его догоню.“ Побѣжалъ, догналъ лопаря, убилъ его и пришелъ до-

мой, а лошадь опять прибѣжала къ старухѣ. Старуха отыскала лопаря, ударила его три раза березовыми прутьями; послѣ третьяго удара онъ всталъ и говоритъ: „долго я проспалъ опять.“ „Да спалъ-бы и еще, если-бы не я.“ Онъ поблагодарилъ ее и они вмѣстѣ вернулись; она опять послала его за лошадью и приказала ему взять непремѣнно маленькаго коня, „а иначе тебѣ никакой помощи не будетъ отъ меня.“ Лопарь пошелъ и привелъ маленькую лошадь. Старуха вышла, посмотрѣла и сказала: „вотъ давно-бы такъ сдѣлалъ, тогда и сестра была-бы уже у тебя.“ Она дала ему еще двѣ собаки и приказала бросить имъ, когда поѣдетъ обратно, два хлѣба; а собакъ, онъ долженъ былъ оставить на полдорогѣ. Лопарь сѣлъ на лошадь и поѣхалъ: собаки за нимъ побѣжали; на полдорогѣ онъ ихъ оставилъ. Пріѣхалъ къ дому сестры; ребята опять закричали: „дядя ѣдетъ, дядя.“ „Какой дядя: отецъ вашъ убилъ его; развѣ онъ самъ ѣдетъ.“ Посмотрѣла въ окно, увидала брата, привела его въ избу, накормила и приказала ѣхать скорѣй обратно; въ противномъ случаѣ ни ему, ни ей не остаться въ живыхъ. Онъ уѣхалъ; тотчасъ по уходѣ его пришелъ Сталло-сталъ. Дѣти опять закричали: „у насъ дядя былъ.“ Онъ посмотрѣлъ на нихъ сердито и спросилъ: „Давно-ли?“ „Недавно.“ „А на какомъ конѣ онъ пріѣзжалъ?“ „Конь у него былъ бабкинъ, и очень, очень маленькій.“ „Какой?“ „Очень, очень маленькій.“ „Ну, и я, этого коня, должно быть, не знаю.“ Онъ побѣжалъ въ погоню. Лопарь на маленькой лошадѣ скачетъ словно птица, но Сталло-сталъ началъ его понемногу догонять и закричалъ ему: „Подожди, вмѣстѣ поѣдемъ!“ Тотъ немного подождалъ, а какъ только Сталло-сталъ приближался, гналъ еще скорѣе. Такъ онъ дѣлалъ до трехъ разъ. Наконецъ доѣхалъ и до мѣста, гдѣ онъ оставилъ собакъ; одна стоитъ на одной сторонѣ дороги, другая на—другой. Бросилъ онъ имъ хлѣба, тѣ схватили и съѣли. Добѣжалъ до нихъ Сталло-сталъ; собаки схватили его, разорвали на двѣ части и стали его ѣсть. Лопарь повернулъ и поѣхалъ обратно къ сестрѣ. Ребята опять закричали „дядя ѣдетъ, дядя?“ Мать на нихъ заворчала: „ѣдетъ отецъ, говоритъ, а вы меня еще дразните.“ Посмотрѣла въ окно, увидала брата и удивилась. Онъ вошелъ въ избу и говоритъ: „довольно тебѣ мучиться; собирайся и поѣдемъ домой“. Положила она всѣ свои пожитки въ ящикъ,—тѣ пожитки которые получше, а что похуже было, то оставила. Дѣтей рѣшили убить. Убили двухъ, а третій—старшій—сказалъ: „не убивайте меня, возьмите съ собой: я пригожусь вамъ“. Его оставили въ живыхъ и всѣ втроемъ поѣхали. Доѣхали до старухи, отдали ей коня и пошли пѣшкомъ домой. Шли они долго, наконецъ дошли до озера. Нужно было его переѣхать, потому что обходить было далеко. Стали искать, на чемъ бы переѣхать и увидали желѣзный карбасъ, полный водой. Сынъ и сказалъ: „у меня прежде отецъ поднималъ карбасъ немного къ верху и вода убѣгала“. Лопарь взялъ карбасъ за корму, а племянникъ его за носъ: немного приподняли корбасъ и воды не стало. Сѣли въ карбасъ, переѣхали черезъ озеро и пошли дальше. Черезъ нѣсколько времени пришли къ рѣкѣ, гдѣ карбаса не было; они не знали, какъ переправиться. Сынъ Сталло-сталъ опять сказалъ: „у меня отецъ былъ, такъ онъ вырубитъ двѣ чурки—бревна, поставитъ ихъ на край рѣки и спуститъ. Онѣ и падутъ другимъ концемъ на другую сторону; по нимъ онъ и переходилъ“. Сдѣлали такъ, и перешли. Наконецъ дошли они до веревки. Лопарь отвязалъ ее отъ камня; привязалъ къ веревкѣ сестру, потомъ ящикъ, потомъ себя, потомъ парня. Стали за веревку

дергать и ихъ потянули на верхъ. Вытянулъ старшій братъ сперва сестру и спросилъ у ней: „кто тамъ еще?“ „Ящикъ“. Вытянулъ и ящикъ: взяли и его. „Еще кто?“ „Братъ“. Вытянули и его. „А тамъ еще кто?“ „Сынъ сестры“. „Нѣтъ его не надо, это родъ Сталло-стала и можетъ намъ вредъ принести“. Веревку перерѣзали и онъ пошелъ ко дну. Братья съ сестрой зажили очень хорошо, и она рада была, что избавилась отъ сына, такъ какъ онъ ее часто билъ.

Сынъ, оставшись подъ землей пошелъ куда глаза глядятъ. Шелъ онъ, шелъ, увидалъ оленей. Подошелъ къ нимъ, сталъ звать людей, но никого не было; сталъ смотрѣть—увидѣлъ кережу. Онъ схватилъ оленя, запрегъ его въ кережу и поѣхалъ не правя. Олень ѣхалъ, ѣхалъ и на встрѣчу сыну Сталло-стала попался человѣкъ; человѣкъ этотъ и спросилъ: „куда ты поѣхалъ“. „Самъ не знаю куда“, говоритъ и разсказалъ, какъ его оставили, какъ онъ нашелъ оленей и поѣхалъ. Человѣкъ удивился этому и сталъ звать его къ себѣ въ работники. Онъ согласился, „для меня все равно жить: гдѣ нибудь да надобно“. Поѣхали они вдвоемъ въ кережѣ; ѣхали долго—наконецъ увидали, что ѣдетъ лопарь. Остановились и стали разговаривать. Лопарь оказался младшимъ братомъ спасенной сестры; онъ узналъ парня, а тотъ не узналъ его. Лопарь и сталъ просить этого человѣка, чтобы онъ уступилъ ему парня въ работники. Тотъ и говоритъ: „я взялъ его не оттого, что онъ мнѣ нуженъ, а потому что ему все равно гдѣ жить, лишь бы у мѣста“. Вотъ парень и поѣхалъ съ нимъ. Пріѣхали домой и парень узналъ свою мать. Съ нимъ съ виду обходились хорошо, но въ дѣйствительности братьямъ хотѣлось его убить. Такъ имъ убить его не хотѣлось и они рѣшили убить его, когда будутъ рубить лѣсъ: „тогда сдѣлаемъ такъ, чтобы дерево на него упало и убило его“. Они такъ и сдѣлали; дерево упало и убило парня: они тутъ его и похоронили. Послѣ этого одинъ изъ братьевъ пошелъ домой, а другой въ кегоры. Тамъ ему встрѣтились три человѣка, въ бѣлыхъ одеждахъ и спросили его: „у васъ, мы слышали есть парень, гдѣ онъ?“ „Онъ сегодня убился: на него упало дерево“. „Жаль его, говорятъ, а мы хотѣли взять его къ себѣ въ работники. Теперь же его нѣтъ—нечего и дѣлать. Намъ теперь идти больше не хочется, а не дашь ли ты намъ трехъ быковъ-оленей, мы и поѣдемъ сами. Оленей потомъ спустимъ: они прибѣгутъ“. Онъ на радостяхъ, что избавился отъ парня, далъ имъ оленей; они и сказали: „ты не будешь раскаиваться, что намъ далъ оленей: у васъ будетъ вдвое больше оленей, и всѣ будутъ здоровы“. Они уѣхали; олени вскорѣ прибѣжали назадъ. Братья послѣ этого зажили хорошо и богато и были счастливы“.

Въ этой сказкѣ рисуются представленія не только о Сталло-сталахъ но, главнымъ образомъ, и о подземномъ краѣ и его обитателяхъ. Вотъ почему, хотя этотъ разсказъ и не принадлежитъ къ числу разсказовъ, составляющихъ миѳологическій эпосъ, я счелъ возможнымъ помѣстить его въ этомъ классѣ эпическихъ произведеній лопарей: онъ содержитъ въ себѣ обломки древнихъ вѣрованій лопарей о мірѣ подземномъ, подобно тому какъ эпосъ о дочери солнца содержитъ въ себѣ вѣрованія о мірѣ небесномъ и солнцѣ. Слѣдующій разсказъ слѣдуетъ отнести къ группѣ, составляющей, переходъ отъ эпоса миѳологическаго, къ эпосу героическому.

„Жилъ на Кучь-озерѣ въ Пазрѣкѣ лопарь съ женой и съ сыномъ; жили они хо-

рошо, потому что были олени, да были и сѣтки, которыми они на озерѣ промышляли хорошую рыбу. Разъ лопарь услышалъ, что собака лаетъ. Вышелъ онъ на улицу посмотрѣть, не ѣдетъ-ли кто—никого нѣтъ. Слышенъ только одинъ свистъ. Подождалъ онъ нѣсколько времени, но никого не было видно; слышенъ былъ только свистъ. Взялъ лопарь серебряныя деньги и изъ нихъ отлилъ серебряныя пули, потому что ими только можно убить Сталло-стала. Когда онѣ были готовы, онъ сказалъ женѣ: „я пойду на охоту, и ворочусь черезъ день, а если не черезъ день, то черезъ три дня приду непремѣнно. Быть можетъ, однако, и черезъ три дня не вернусь—тогда не ждите: значитъ со мной случилось несчастіе и я умеръ". Онъ взялъ пищаль, пули и ирваса. Собаки съ собой не взялъ: ее заперъ въ амбаръ. Прошелъ онъ не мало, никого не встрѣтилъ, только свистъ слышенъ ближе. Когда свистъ сталъ слышенъ совсѣмъ близко онъ привязалъ ирваса къ камню, а самъ пошелъ дальше. Вдругъ видитъ идетъ великанъ ему на встрѣчу; за спиною сумка, на головѣ шапка, на половину изъ черной кожи, на половину изъ полотна. Лопарь сталъ на него пристально смотрѣть и пошелъ къ нему на встрѣчу. Когда Сталломъ-сталъ приблизился, лопарь сталъ въ него цѣлиться, но великанъ закричалъ ему: „не стрѣляй въ безоружнаго—будемъ бороться". „Нѣтъ выстрѣлю". „Не стрѣляй, будемъ бороться: кто одолѣетъ, тотъ и правъ". Лопарь согласился. Подошелъ къ нему: они схватились и съ перваго раза никто не могъ одолѣть; со втораго лопарь свалилъ Сталло-стала на землю и сейчасъ вытащилъ изъ-за пояса свой ножъ, чтобы заколоть его. Сталло-сталъ сказалъ: „возьми мой и зарѣжъ". „Знаю твой ножъ, и его послѣдствія" и закололъ его. Увидавъ кровь, лопарю стало страшно; однако онъ зарылъ его тѣло въ землю, а сумки не тронулъ и пошелъ обратно. Всю дорогу онъ чувствовалъ себя не хорошо и наконецъ рѣшился въ лѣсу при огнѣ переночевать. Ночью онъ, однако, не могъ заснуть и какъ только стало свѣтать онъ поѣхалъ къ тому мѣсту, гдѣ убилъ Сталло, разрѣзалъ сумку—тамъ оказались деньги. Онъ взялъ ихъ съ собой и поѣхалъ домой: тамъ онъ жилъ хорошо нѣсколько времени и ни о чемъ не думалъ. Черезъ нѣсколько времени онъ опять услышалъ лай собаки. Вышелъ посмотрѣть—никого нѣтъ, только изъ кегоръ слышенъ свистъ. Онъ взялъ ружье, серебряныя пули и, никому ничего не сказавъ, ушелъ. Въ кегорахъ онъ увидалъ, что ему на встрѣчу шелъ мокрый человѣкъ словно Шведъ-ладисманъ и не зналъ, что съ нимъ дѣлать. Онъ спросилъ его: „какой ты человѣкъ? или тонувшій въ озерѣ и спасшійся, или идешь ты съ худыми намѣреніями куда нибудь?" Шведъ — это былъ Сталло-сталлъ — отвѣтилъ, что онъ худаго ничего на умѣ не имѣлъ и не имѣетъ, а случайно упалъ изъ карбаса въ воду въ озерѣ и спасся. „Теперь хочу, говоритъ, найти тупу, высушиться и обогрѣться. Нѣтъ-ли тутъ недалеко тупы". Лопарь сказалъ, что его тупа недалеко. Шведъ въ тупѣ обогрѣлся, высушился и вышелъ на улицу. Прошло много времени, но онъ не возвращался. Лопарь пошелъ посмотрѣть, гдѣ онъ, но его нигдѣ не было. Шведъ ушелъ и унесъ съ собой еще и топоръ лопаря. Лопарь вошелъ въ избу и разсказалъ объ объ этомъ своей женѣ. Жена сказала: „у насъ всего два топора, свой ты уносишь съ собой, а мы чѣмъ будемъ рубить дрова безъ тебя?" Лопарь пошелъ за шведомъ въ погоню, но нигдѣ его найти не могъ и воротился домой. Дня черезъ три онъ пошелъ въ кегоры перевязывать оленей, безъ оружія и тамъ около оленей увидалъ шведа.

Онъ испугался и побѣжалъ домой за ружьемъ, но шведъ догналъ его и убилъ. Послѣ этого шведъ пошелъ въ землянку. Жена лопаря, увидавъ его, схватила ружье и хотѣла стрѣлять, но Сталло-сталъ закричалъ ей: „не стрѣляй: я принесъ вамъ обратно топоръ". Жонка повѣрила ему и когда онъ вошелъ въ избу, спросила его: „видѣлъ ли ты мужа?" „Нѣтъ не видалъ". Послѣ этого шведъ убилъ жонку, пошелъ въ кегоры, убилъ и сына. Оленей всѣхъ взялъ себѣ и повелъ. Однако олени, отойдя нѣсколько верстъ, дальше не пошли и онъ воротился въ кегоры· часть оленей онъ привязалъ, а самъ пошелъ въ тупу посмотрѣть, нѣтъ-ли денегъ. Въ это время пріѣхали лопари и увидали убитую жонку и заключили, что ее убилъ шведъ—Сталло-сталъ. Пришелъ шведъ, лопарь выстрѣлилъ въ него и убилъ его; онъ подошелъ къ убитому, схватилъ его за поясъ и шведъ вскочилъ и сказалъ: „стрѣляй другой разъ". „Нѣтъ меня не обманешь собака". Лопарь сказалъ это и шведъ упалъ мертвымъ. Лопарь похоронилъ и шведа и убитыхъ лопарей, послѣ этого пошелъ въ кегоры и взялъ всѣхъ оленей съ собой. (Пазрѣка).

Этотъ разсказъ слѣдуетъ отнести къ переходной группѣ оттого, что онъ съ одной стороны касается вѣрованій лопарей въ Сталло-сталовъ, съ другой стороны—борьбу заставляетъ происходить на землѣ, причемъ указывается точно и мѣстожительство боровшагося лопаря. Можно было-бы этотъ разсказъ отнести и къ эпосу героическому, если бы лопарь, сражавшійся со Сталло-сталомъ, принадлежалъ къ числу народныхъ героевъ и еслибъ самъ разсказъ былъ посвященъ не Сталломъ-сталу, а боровшемуся съ нимъ лопарю.

О происхожденіи такого рода разсказовъ мнѣ придется сказать ниже.

Перехожу теперь къ эпосу историческому и связанному съ нимъ очень тѣсно эпосу героическому. Произведенія той и другой группы говорятъ о происшествіяхъ, сильно поразившихъ воображеніе лопарей, каковы-бы ни были сами происшествія. Всѣ разсказы можно подраздѣлить на двѣ группы: разсказы, говорящіе о нашествіяхъ чуждыхъ племенъ на лопарей и о борьбѣ послѣднихъ съ пришельцами, и разсказы о нойдахъ-колдунахъ. По характеру разсказовъ ихъ можно раздѣлить на такіе, въ которыхъ повѣствуется лишь само событіе, безъ примѣси сверхъестественнаго элемента и такіе, въ которыхъ этотъ сказочный элементъ является въ большей или меньшей степени, или даже совсѣмъ заполоняетъ собой содержаніе.

Происхожденіе всѣхъ этихъ разсказовъ одинаково: событіе передавалось съ разными прикрасами и постепенно обращалось въ сказку. Но въ то время какъ лопари не вѣрятъ въ сказки, они вѣрятъ въ эти разсказы, какъ-бы сказочны они не были.

Преданія о нашествіяхъ на Лапландію чуждыхъ племенъ повѣствуютъ обыкновенно о нашествіи на тотъ или иной погостъ Шведовъ или норвежцевъ, русскихъ и кареловъ. Но такихъ разсказовъ меньшинство; наибольшее количество ихъ посвящено разсказамъ о Чуди, которая дѣлала набѣги на лопарей и грабила и убивала. Невольно рождается вопросъ, что это за чудь, откуда она занесена къ лопарямъ, или это дѣйствительно племя, съ которымъ лопарямъ приходилось выдерживать борьбу, изъ которой они иногда выходили побѣдителями, иногда, и даже чаще, побѣжденными.

Какъ извѣстно, представленіе о чуди, разсказы о ней распространены по всему обширному сѣверу Россіи. Мы знаемъ, что подъ этимъ общимъ именемъ чуди, древніе

русскіе разумѣли цѣлую группу народцевъ финскаго племени, населявшихъ и современную Архангельскую губ.—Заволочье, (Заволоцкая чудь). Этимъ же именемъ называли и эстовъ; наконецъ въ настоящее время народецъ финскаго же племени, населяющій Новгородскую губернію, частью Олонецкую, въ Вытегорскомъ у., на югъ отъ Онежскаго озера, на истокахъ р. Ояти—племя Вепсовъ (Wepsälaiset), до сихъ поръ сосѣдними русскими называется чудью. Мы знаемъ также, что съ именемъ чуди соединяется цѣлый рядъ разсказовъ, преданій, легендъ повѣствующихъ о чуди, о борьбѣ съ нею и т. п.; однимъ словомъ, среди русскаго населенія нашего сѣвера существуетъ цѣлый циклъ подобныхъ разсказовъ. Извѣстно также, что чудь считается сказочнымъ племенемъ, мстящимъ даже послѣ своей смерти. Когда поднимается буря и мятель—это чудь выходитъ изъ могилъ и старается убить проходящихъ мимо ея или ея могилъ. Такихъ разсказовъ можно встрѣтить въ большомъ количествѣ среди сѣверныхъ насельниковъ русскихъ: они покажутъ вамъ и мѣста, гдѣ чудь похоронена, убитая послѣ долгой борьбы, и такія мѣста считаются полусвященными. Распространенное по всему сѣверу Россіи вѣрованіе въ чудь, мы встрѣчаемъ и среди поморовъ, которые это вѣрованіе приносятъ съ собой и на Мурманскій берегъ: они также вѣрятъ, что какъ на бѣломорскомъ берегу, такъ и на Мурманѣ жила нѣкогда чудь, которую послѣ долгихъ битвъ удалось, наконецъ, истребить, послѣ чего чудь ушла въ камень; во время мятелей и вьюгъ она выходитъ изъ могилъ и тѣшитъ себя въ неистовой пляскѣ и бѣготнѣ, преслѣдуетъ проходящихъ и убиваетъ ихъ. По словамъ Вас. И. Немировича-Данченко, существуетъ у поморовъ заклятіе: обращаясь лицомъ къ сѣверу „промышленникъ креститъ воздухъ, повторяя до 12 разъ: Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, чудь некрещеная схоронись въ камень, размечись по низовью, не отъ меня, грѣшнаго, а отъ Креста Христова: не я крещу — Господь креститъ; не я гоню—Господь гонитъ. Молитвенники соловецкіе, Зосима и Савватій, наши заступники, и Трифонъ печенгскій, предстатель и заступникъ, и Варлаамъ керетскій—надежда: во вѣки вѣковъ аминь [1])". Въ представленіяхъ русскихъ жителей сѣвера о чуди, нельзя не видѣть, какъ постепенно представленія о дѣйствительно существовавшемъ народѣ, о бывшей нѣкогда борьбѣ съ нимъ перешли въ сказочныя разсказы, въ неопредѣленныя вѣрованія во что-то страшное, бѣсовское. Вѣрованія эти слишкомъ распространены среди русскихъ, чтобы можно было допустить заимствованіе ими и вѣрованія въ чудь и само имя у лопарей. Скорѣе наоборотъ: можно думать, что имя чудь заимствовано лопарями отъ русскихъ, подобно многому другому. Но если заимствованіе имени чуди существуетъ, то нельзя сказать того же и о разсказахъ лопарей о ней и о представленіяхъ и вѣрованіяхъ, сопряженныхъ съ чудью среди лопарей. Повидимому, слово чудь, заимствованное лопарями у русскихъ, явилось либо на смѣну туземнаго названія, либо, что, впрочемъ, и вѣроятнѣе, заимствовавъ это слово, лопари подъ понятіе о чуди стали подводить всѣ народности, съ которыми имъ пришлось выдерживать борьбу. За это говоритъ то, что часто одинъ и тотъ же разсказъ то толкуетъ о чуди, то замѣняетъ слово чудь, названіемъ шведовъ, русскихъ или кареловъ. Лишь сравнительно немногіе разсказы сохранили настоящія имена враговъ: большинство ихъ либо просто говоритъ о чуди, либо

[1]) Немировичъ-Данченко. Страна холода, стр. 203.

путаетъ русскихъ, кареловъ или шведовъ съ чудью. Въ этомъ отношеніи мы встрѣчаемъ общеизвѣстный случай замѣны цѣлой группы враждебныхъ племенъ однимъ какимъ-либо именемъ; подобно тому какъ среди крестьянъ среднихъ губерній Россіи слово „французъ“ сгруппировало вокругъ себя всѣ древнія преданія о битвахъ, а въ нѣкоторыхъ частяхъ Малороссіи слова „шведъ“, „литва“, такъ и на сѣверѣ Россіи либо къ чуди, либо „панкамъ“, пріурочиваются всѣ древнія преданія, причемъ послѣднимъ приписываются и старинные курганы, и древніе постройки, о нихъ-же разсказываются преданія, имѣющія отношеніе, то къ давно прошедшей борьбѣ Новгородцевъ съ туземнымъ населеніемъ, то къ борьбѣ Петра I со Шведомъ. Повидимому, тоже слѣдуетъ видѣть и въ названіи „чудью“ лопарями въ большинствѣ случаевъ своихъ враговъ. Несмотря, однако, на то, что этимъ именемъ лопари подчасъ означаютъ и шведовъ, и русскихъ, и кареловъ—не слѣдуетъ думать, что этимъ именемъ замѣняются лишь вышеназванныя народности. Вѣроятно подъ этимъ именемъ слѣдуетъ разумѣть и какія-нибудь другія племена, съ которыми лопарямъ приходилось бороться и, быть можетъ, тѣхъ же племенъ, которыхъ наши лѣтописи разумѣютъ подъ собирательнымъ именемъ Заволоцкой чуди. Прежде чѣмъ перейти къ передачѣ разсказовъ о чуди, остановлюсь на тѣхъ разсказахъ, въ которыхъ сохранились крупныя историческія событія.

Слѣдуетъ замѣтить, что лопарямъ не приходилось выдерживать за періодъ ихъ жизни, отъ котораго до насъ дошли извѣстія, какой-нибудь борьбы опредѣленной, трудной: они просто подвергались нашествію небольшихъ шаекъ враговъ, приходящихъ къ нимъ съ цѣлью грабить; вслѣдствіе этого всѣ рѣшительно сказанія лопарей о битвахъ и нашествіяхъ сводятся къ разсказамъ о грабежѣ произведенномъ въ томъ или другомъ погостѣ, такъ что всѣ подобные разсказы локализированы. Но какъ и всѣ, вообще, произведенія лопарскаго творчества, будь то сказки, будь то разсказы о бывшихъ въ дѣйствительности происшествіяхъ—и они составляютъ достояніе всѣхъ лопарей; вотъ почему разсказы объ ограбленіи Мотки или Нотозера можно встрѣтить на Пазрѣкѣ или Ловозерѣ. Несмотря, однако, на то, что большинство событій играло роль лишь для небольшой группы лопарей, были и событія, имѣвшіе вліяніе и на всѣхъ лопарей или, по крайней мѣрѣ, на большинство ихъ. Къ такимъ слѣдуетъ отнести разореніе Печенгскаго монастыря шведами въ 1590 г. и битву съ русскими при горѣ Кеппиваре въ 1318 году. Преданіе о второмъ происшествіи я передалъ уже выше; имѣло-же оно такое сильное значеніе для лопарей оттого, что это чуть не единственный случай, когда лопари одержали побѣду въ битвѣ, тогда какъ во всѣхъ остальныхъ случаяхъ они убѣгали отъ враговъ и лишь хитростью, или при помощи своихъ героевъ-нойдовъ, освобождались отъ нихъ. Что-же касается до разрушенія Печенгскаго монастыря, то уже той ролью, которую онъ игралъ для лопарей, объясняется значеніе его разрушенія.

Разсказъ о разрушеніи Печенгскаго монастыря записанъ о. Константиномъ Щеколдинымъ среди Пазрѣцкихъ лопарей, подобно и большинству разсказовъ о нашествіи Чуди, которыя я привожу ниже.

Для разрушенія Печенгскаго монастыря шведовъ шло много. Ихъ замѣтилъ на тундрѣ около пазрѣцкихъ озеръ лопарь Іовъ. Онъ хотѣлъ объ этомъ дать вѣсть скорѣй въ монастырь: поѣхалъ для этого на оленяхъ, но дорогой отморозилъ себѣ руку. Вслѣд-

ствіе этого онъ заѣхалъ въ амбаръ и обвертѣлъ руку мѣхомъ куницы; поѣхалъ онъ съ своей слѣпой сестрой, а лыжи привязалъ къ санямъ. По дорогѣ застала его мятель и онъ потерялъ одну лыжу. Къ тому-же олени, испугавшись бури, не пошли дальше. Онъ остановился и сдѣлалъ для сестры куваксу и поскорѣй приготовилъ лыжу; самъ-же пошелъ дальше, ведя за собой оленей, и мѣстами ѣхалъ, мѣстами шелъ пѣшкомъ. Тѣмъ временемъ шведы успѣли уже дойти да Печенгскаго монастыря, напали на него, монаховъ убили, а монастырь зажгли. Пріѣхалъ лопарь къ монастырю, увидалъ, что онъ весь горитъ. Изъ огня вылетѣло три лебедя. Шведы постояли у монастыря и пошли въ Мотку раззорять ее; дороги не знали, почему схватили одного печенгскаго лопаря. Онъ и повелъ ихъ. Случилась мятель; лопарь и рѣшился загубить шведовъ: онъ устроилъ такъ, что всѣ они съ оленями упали въ пропасть.

Почти нѣтъ погоста, въ которомъ не ходили бы разсказы о нашествіяхъ чуди; но большинство ихъ все-таки группируются въ погостахъ лежащихъ ближе къ Швеціи и Норвегіи и, чѣмъ дальше отъ этихъ погостовъ, тѣмъ разсказовъ о нашествіяхъ чуди меньше, хотя вѣрованія въ нее, какъ силу сверхъестественную распространено, повидимому, среди всѣхъ русскихъ лопарей. Большее число преданій о чуди, среди лопарей, живущихъ ближе къ Скандинавіи объясняется тѣмъ, что этимъ лопарямъ пришлось испытать на себѣ и большее количество нашествій, какъ вслѣдствіе близости своей къ воинственнымъ сосѣдямъ, такъ и оттого, что пути сообщенія съ этими погостами болѣе удобны, чѣмъ съ остальными, лежащими либо далеко къ берегамъ Бѣлаго моря, либо затерянныхъ среди лопарскихъ горъ и тундръ. Наибольшее количество разсказовъ относятся къ погостамъ: Пазрѣцкому, Печенгскому, Мотовскому, Нявдемскому и Нотозерскому. Передамъ извѣстные мнѣ преданія о чуди.

1) Давнымъ давно изъ Швеціи, съ озера Энаре, чудь, подъ предводительствомъ одного атамана пошла по рѣкѣ Пасъ; было чуди много; она шла раззорять Пазрѣцкій погостъ. Съ ними былъ проводникъ лопарь и при помощи его чудь благополучно прошла всѣ водопады. Осталось имъ перейти черезъ горы съ карбасами, чтобы обойти послѣдній водопадъ—Кяунасъ, чтобы попасть въ Пазрѣцкій погостъ. Опасъ (проводникъ) услыхалъ шумъ водопада и сказалъ: „шумъ оттого, что соленая вода дерется съ прѣсною. Намъ будетъ лучше проѣхать, если свяжемъ вмѣстѣ карбаса; а я привяжу свой карбасъ послѣдній.“ Они послушались опаса, связали вмѣстѣ всѣ лодки; опасъ привязалъ свой карбасъ послѣднимъ. Когда вода помчала первый карбасъ къ водопаду, лопарь отрѣзалъ веревку отъ своей лодки, направилъ ее къ берегу, самъ выскочилъ. Чудь вся въ падунѣ утонула и убилась. Тѣла чудиновъ выбросило на берегъ: ихъ тамъ и похоронили; лопари Пазрѣцкаго погоста наградили опаса, спасшаго ихъ отъ нашествія чуди.

2) Шла чудь, отъ озера Энаре, раззорять Пазрѣцкій погостъ. Былъ съ ними и опасъ-лопарь. Проходили мимо острова; опасъ и говоритъ: „здѣсь вотъ островъ, на немъ много морошки.“ Чудь и пошла на островъ, стала собирать морошку и ѣсть, а опасъ въ это время всѣ карбаса, на которыхъ чудь пріѣхала и отвелъ отъ острова, и утопилъ ихъ около берега; припасы, которые были въ лодкахъ, себѣ взялъ. Лѣса на островѣ не было; чуди и ѣсть нечего было, и костеръ нельзя было разложить, ни плотовъ устроить.

Стала чудь звать опаса обратно; обѣщала ему награду, но онъ не вернулся. Между ними поднялась рѣзня: тутъ они всѣ себѣ смерть нашли.

Аналогичный разсказъ встрѣчаемъ мы и на Туломѣ [1]). Лопари завели чудь на островъ, отняли у нихъ лодки на р. Туломѣ близь Падуна; чудь погибла отъ голода; чудскій атаманъ жилъ дольше всѣхъ; онъ и похоронилъ чудиновъ всѣхъ вмѣстѣ; вмѣстѣ съ ними положилъ много денегъ; наложилъ на могилу каменьевъ и сдѣлалъ зарокъ: кто убьетъ здѣсь своего сына и положитъ его въ эту могилу, тому достанется кладъ. Съ тѣмъ онъ и умеръ.

3) Предводитель чуди, Геландъ, пришелъ разъ въ Нявдемскій погостъ подъ видомъ купца съ двумя товарищами. Онъ вывѣдывалъ богаты-ли лопари и, чтобы отвлечь ихъ вниманіе, устроивалъ имъ разныя увеселенія. Въ это-же время онъ подговорилъ одного лопаря, Михайлу, чтобы тотъ свезъ его въ становище Шапкино, на высокую гору, откуда онъ хотѣлъ наблюдать приходъ своего войска. За эту услугу Геландъ обѣщалъ лопарю и жизнь ему самому, и его семейству, и подарки. „Если ты увидишь, говорилъ Геландъ, что я подниму красный флагъ, пріѣзжай сейчасъ съ родными ко мнѣ: сила, значитъ, идетъ,—а если флагъ будетъ черный или бѣлый, пріѣзжай за мной одинъ: съ войскомъ, значитъ, случилось нехорошее.“ На третій день Михайло увидалъ бѣлый флагъ и поѣхалъ къ Геланду. Геландъ поѣхалъ къ себѣ. Около Вересъ-наволока они увидали, что чудское войско ушло сквозь землю: на землѣ остались лишь одни рукавицы—все отъ правой руки. Послѣ этого Геландъ больше не приходилъ.

4) Въ Нявдемскомъ многолюдномъ погостѣ славился лопарь Максимъ, какъ богачъ и колдунъ. Разъ пришли въ Нявдемскій погостъ три купца изъ Швеціи. Они наняли лопарей возить ихъ по разнымъ лопарскимъ погостамъ для торговли; поѣхалъ съ ними и Максимъ. Торговали они худо, поэтому не хотѣли давать платы лопарямъ, въ томъ числѣ и Максиму. Максимъ сталъ требовать уплаты. Шведы ему отдали деньги и сказали: „въ вашемъ погостѣ народа скоро будетъ немного и останется наконецъ всего три дома.“ Максимъ сказалъ имъ: „пока я въ погостѣ, не порвется ни одна нитка,“ и хотѣлъ бить шведовъ; тѣ поскорѣе ушли. Максимъ задумался. Шведы слово свое сдержали и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ подсылали къ нему семь колдуновъ. Максимъ всѣхъ и застрѣлилъ. Долго послѣ этого не было видно врага; Максимъ былъ охотникъ и пошелъ на охоту. Ходилъ онъ долго и ничего не убилъ. Ему было стыдно возвращаться домой съ пустыми руками, такъ какъ онъ считался хорошимъ охотникомъ, поэтому онъ пошелъ подальше: перешелъ черезъ рѣку и дошелъ до тундры Вадчеръ. Здѣсь собака его залаяла, и онъ увидалъ вдали быка, который шелъ по направленію къ нему; у быка были желѣзные рога. Онъ сейчасъ понялъ, что это за быкъ и сказалъ: „это нойда.“ Онъ выстрѣлилъ и пуля попала быку въ лобъ, выстрѣлилъ второй разъ—попалъ быку въ сердце, а быкъ все скорѣе подвигается къ нему. Максимъ понялъ, что дѣло плохо, пустился бѣжать; добѣжалъ до рѣки и такъ какъ самъ былъ нойда, перескочилъ черезъ нее. Прибѣжалъ въ Нявдему упалъ на землю; успѣлъ лишь закричать; „заряжайте мое ружьё.“ Народъ никого не видя испугался; бросились заряжать его ружьё; пуля на серединѣ дула

[1]) Немировичъ-Данченко.. Страна холода, стр. 202

остановилась. Максимъ вскочилъ, схватилъ ружье и выстрѣлилъ. Ружье переломись пополамъ; Максимъ упалъ мертвымъ, а вдали поднялся большой дымъ и смрадъ. Тутъ лопари поняли, что дѣло было не ладно, что чудь погубила Максима. Помочь ужъ не могли. Народу стало все меньше и меньше становиться въ Нявдемѣ, и теперь вотъ осталось лишь три дома—три семьи.

5) Пришла чудь въ Нотозеро. Многихъ женщинъ убила, другихъ съ собой увела. Двѣ женщины съ дѣтьми убѣжали. Припасовъ у нихъ съ собой не было и чуть съ голоду не умирали. Дѣтей грудью кормили; дѣти молоко высосали, стали ужъ кровь изъ грудей сосать, а матери лежатъ полумертвыя. Въ это время пришли ихъ мужья: они и не знали что чудь приходила; возвращались они домой съ оленями; видятъ жены ихъ еле живы лежатъ. Скорѣе убили оленя, напоили ихъ кровью, жены поправились и вернулись въ погостъ.

Этотъ разсказъ, повидимому, лишь варіантъ слѣдующаго разсказа, который мнѣ довелось слышать отъ лопарей Сонгельскаго погоста.

6) Жили двѣ снохи. Мужья уѣхали на охоту, а свекоръ остался съ женщинами дома. Уѣхали двѣ снохи неводомъ рыбу ловить на озеро. Онѣ ловятъ рыбу и между собой говорятъ: „ну-ка если придетъ чудь, насъ убьетъ". А старикъ свекоръ сидитъ дома и видитъ, что дикій олень прямо къ вѣжѣ пришелъ; онъ схватилъ ружье и убилъ оленя. Женщины-то и испугались, подумали, что чудь пришла и ихъ теперь убьетъ. „Куда намъ теперь?"—говорятъ. Онѣ неводъ вытянули въ карбасъ, стали грести къ берегу и сами побѣжали— куда глаза глядятъ. Онѣ бѣжали, бѣжали, да и сѣли подъ кустъ. Онѣ тамъ сидѣли трое сутокъ цѣлыхъ. Старикъ пошелъ ихъ искать, пришелъ на берегъ къ озеру; видитъ карбасъ стоитъ и неводъ въ немъ; привязанъ карбасъ къ берегу. Пошелъ на верхъ ихъ искать—нашелъ ихъ. Обѣ снохи и говорятъ: „Отецъ, не убили еще тебя?" Онъ говоритъ: „кто?" „А чудь?" Онъ и говоритъ: „это я палилъ, полно вамъ молоть". Пришли они къ берегу, старикъ и говоритъ: „пойду на охоту: не найду-ли еще дикаго оленя". Снохи пришли домой, дровъ наложили въ камелекъ, сварили рыбы, поѣли и стали спать ложиться и говорятъ: „если чудь придетъ—не услышимъ". Другая говоритъ: „я услышу, чуть маленько зашумитъ". Только что уснули, та, которая сказала, что не услышитъ—услыхала что чудь идетъ, а другая и не услышала. Та стала ее будить: „вставай,—говоритъ,—вставай невѣстушка, чудь идетъ, убьетъ насъ". Та все не слышитъ; не можетъ ее разбудить; она ужъ и оленью шкуру изъ подъ нея вытащила—та все спитъ. Взяла она двухъ ребятъ, своего и ея; ребята еще маленькія — въ люлькѣ качаются — и побѣжала съ ними въ лѣсъ; ребятъ себѣ за пазуху положила. А та все спитъ. Чудь пришла и убила ту женщину, что въ вѣжѣ осталась спать; а все, что было въ вѣжѣ, все съ собой унесла. Другая все въ лѣсу сидитъ; двѣ недѣли сидитъ, только ягоды ѣстъ. А ребята ревутъ — тоже ѣсть хотятъ; грудь у ней высосали: молока не стало — кровь идетъ. Старикъ и мужья домой идутъ—видятъ женщина убита: голова отрѣзана, и руки, и ноги отрѣзаны. Они испугались: не знаютъ, что дѣлать. Мужики переночевали, да опять въ лѣсъ пошли. Идутъ и слышатъ, словно голосъ разноситъ — ревутъ. А собака у нихъ была хорошая; они и сказали: „собака, веди насъ туда, гдѣ ревутъ". Собака вела, вела подъ гору, да у горы ямка есть; тамъ женщина сидитъ, волосы распущены

и руки отъ голода опустились. У мужиковъ съ собой олень былъ, на немъ кладь везли. Женщина ихъ узнать не могла. Они оленя убили и дали ей теплой крови пить, и ребятамъ дали, чтобы ожили; да огня наклали варить мясо стали. Недѣлю жили, пока она поправилась. Потомъ домой пришли и мертвую женщину убрали, похоронили; спрашиваютъ: „отчего ты убѣжала, а она убѣжать не могла?“ Она и говоритъ: „она похвасталась, что услышитъ, когда чудь придетъ. Будила я ее, ухо оторвала вмѣстѣ съ серьгой и то она не услыхала. Я и захватила ребятъ и побѣжала скорѣй въ лѣсъ“. Они и говорятъ: „гдѣ же у васъ неводъ и кладь?“ „Видно,—говорятъ,—чудь унесла“.

Еще варіантъ этого же разсказа.

7) Разъ въ становище Малонѣмецкое пришло нѣсколько человѣкъ чуди. Мужчины были въ разъѣздѣ; въ одной тупѣ было двѣ молодыхъ женщины съ маленькими дѣтьми. Одна увидала чудь еще издали, стала другую будить, но разбудить не могла. Схватила зыбки, съ своимъ ребенкомъ и съ ребенкомъ спящей; убѣжала, сѣла на карбасъ и поѣхала въ монастырь Печенгскій. Одинъ шведъ тоже вскочилъ въ карбасъ и пустился въ погоню за ней. Она гребла изъ всѣхъ силъ, но шведъ началъ ее догонять. Когда она увидала, что ей не спастись, она пристала къ берегу, выскочила и съ дѣтьми убѣжала на высокую гору, гора была крутая и подняться было не легко, но она поднялась. Чудинъ за ней; она поднялась раньше и свалила большой камень на чудина; камень ударился въ него и вмѣстѣ они упали въ воду, въ заливъ. Лопарка возвратилась домой, и увидала, что другая женщина убита.

8) Въ Моткѣ жилъ лопарь Линъ, славившійся какъ нойда и силачъ. Пришла чудь, разорила погостъ, взяла въ плѣнъ и Лина и маленькаго Михайлу съ ихъ женами. Повели ихъ въ Колу; чудь шла Колу разрушать. Дорогой предводитель чуди сталъ спорить съ Линомъ, кто изъ нихъ лучше бѣгаетъ на лыжахъ. Рѣшили испытать. Чудинъ и привязалъ къ себѣ и къ Лину веревку, длиной въ двѣнадцать сажень и къ концамъ ихъ прикрѣпилъ хомуты. Чудинъ сдѣлалъ это для того, чтобы Лина можно было схватить за веревку. Побѣжали—Линъ и почувствовалъ боль въ колѣнахъ: онъ сейчасъ разрѣзалъ у штановъ колѣна, вырвалъ кусокъ, бросилъ въ чудина и сказалъ: „это твое, возьми“. Чудинъ хотѣлъ его испортить, но Линъ, какъ нойда, понялъ это и такъ избавился. Они побѣжали дальше; Линъ разрѣзалъ веревку и побѣжалъ такъ быстро, что скоро совсѣмъ скрылся изъ виду. Чудь пошла дальше, а Линъ по ночамъ преслѣдовалъ ихъ и убивалъ у нихъ оленей. Его хотѣли поймать, но не могли; чудь двигалась медленно; у ней не стало хлѣба: Михайло и посовѣтывалъ чуди отправить его съ женой въ Колу за хлѣбомъ. Чудь согласилась, а жену Лина оставили у себя. Тѣмъ временемъ Линъ перебилъ всѣхъ оленей: чудь того и не замѣтила. Жена Лина какъ-то и сказала имъ: „посмотрѣли-бы лучше, есть-ли у васъ олени“. Чудь стала искать—ни одного оленя не нашла; со злобы убили жену Лина и пошли дальше на лыжахъ. Михайло же пришелъ въ Колу и сказалъ: „чудь идетъ; велѣла готовиться биться съ ней“. Начальникъ и не повѣрилъ, а за то, что онъ распускаетъ плохую молву, посадилъ его въ тюрьму. Черезъ нѣсколько времени увидѣли, что чудь дѣйствительно идетъ. Коляне испугались. Когда чудь подошла, стали въ нее стрѣлять, но ружья давали осѣчки или пули летѣли мимо. Михайлу выпустили изъ тюрьмы; онъ подошелъ къ воеводѣ, ударилъ его въ ухо

и сказалъ: „что, правду я говорилъ?“ Послѣ этого Михайло приказалъ вымазать ружья кровью убитой кошки и стрѣлять такъ въ чудорча (предводителя чуди), чтобы одинъ стрѣлялъ вверхъ, другой—въ середину, третій—внизъ, чтобы отъ пули чудорча не могъ уклониться: ни нагнуться, ни вскочить. Такъ и сдѣлали и ранили чудорча въ ногу. Остальная чудь къ тому времени подошла, увидала атамана раненымъ, взяла его съ собой и пошла назадъ. Дорогой чудорча сталъ бранить чудь—та разсердилась и бросила его въ рѣку Тулому, въ водопадъ Верре-кушкъ, не далеко отъ Колы, а сама пошла обратно къ себѣ.

9. Жилъ давнымъ давно въ Печенгскомъ погостѣ лопарь по имени Нялъ. (Нялъ родоначальникъ рода Егоровыхъ: отъ этого рода осталось лишь одно семейство.) У него было два сына. Разъ они въ Филипповъ пошли промышлять дикихъ оленей и много убили ихъ. Въ то-же время они промышляли и бобровъ въ рѣкѣ Печенгѣ. Однажды утромъ Нялъ всталъ и сказалъ своимъ дѣтямъ: „въ погостѣ у насъ худо. Пришло туда много чуди и всѣхъ въ погостѣ они перерѣжутъ; намъ лучше не идти въ погостъ, хотя и слѣдовало-бы свезти мясо—много мы убили дикихъ оленей.“ Сыновья и сказали ему: „ты опять со своимъ враньемъ, (а сами вѣрили, потому что Нялъ былъ большой колдунъ и зналъ будущее: ему чертъ сказывалъ по ночамъ); намъ нужно ѣхать въ погостъ и поѣдемъ. Говоришь ты, что много чуди пришло въ погостъ, какъ-же мы никакихъ слѣдовъ нигдѣ не видали?“ „Напрасно не вѣрите, говоритъ Нялъ, а что я говорю правду, вотъ еще что скажу: въ ловушку бобровъ попадаетъ всегда по одному, а сегодня если найдешь тамъ два значитъ чудь пришла.“ Пошли, вытянули ловушку, осмотрѣли,—увидали, что въ ней два бобра. Они бобровъ съ собой взяли. „Вѣрите-ли теперь говоритъ Нялъ.“ „Не знаемъ,“ говорятъ сыновья. „Ну, когда хотите ѣхать, поѣдемъ; только еще скажу вамъ: когда придемъ къ погосту, посмотримъ съ горы, что тамъ дѣлается.“ Поѣхали взяли съ собой и мясо дикихъ оленей. Погода была хороша, и они доѣхали скоро. Остановились на горѣ и стали смотрѣть. Увидали въ погостѣ, на улицѣ, много дѣвокъ и женокъ, всѣ онѣ нарядны, ходятъ по улицѣ—былъ праздникъ. Сыновья увидавъ дѣвокъ и женщинъ гуляющихъ по улицѣ сказали отцу: „ну, гдѣ-же чудь? еслибы была чудь, недосугъ бы былъ дѣвкамъ и женкамъ играть да наряжаться.“ Нялъ и говоритъ: „Не смотрите на это; онѣ всѣ нарядны, ходятъ и играютъ; да дѣлаютъ-то они это по неволѣ, по приказу. Чудь, чтобы обмануть нашего брата, вся въ тупахъ сидитъ и смотритъ на нихъ отъ нечего дѣлать. Но ужь коли вы мнѣ не вѣрите, останьтесь здѣсь и смотрите, что со мной будутъ дѣлать. Я старъ, скоро и умру, да мнѣ отъ нихъ и не убѣжать, потому что они уже давно хотятъ меня убить.“ Взялъ Нялъ нѣсколько кережъ съ мясомъ и поѣхалъ. Собаки въ погостѣ заслышавъ оленей подняли лай. Едва Нялъ въѣхалъ въ погостъ, какъ чудь выскочила изъ тупъ; а было ея много, очень много, триста человѣкъ. Они бросились на Няла. Нялъ отрѣзалъ кережи съ мясомъ, а самъ поѣхаль на своемъ оленѣ въ сторону. Чудь разграбила мясо и бросилась въ погоню за Няломъ: догнала его. Онъ вышелъ изъ кережи, вынулъ свой ножъ, и когда чудь подошла ближе бросился на чудиновъ и убилъ трехъ человѣкъ своимъ ножемъ; однако чуди было много и Няла закололи. Атаманъ чуди, не видя никого больше изъ проѣзжающихъ спросилъ: „гдѣ-же сыновья Няла?“ Ему сказали: „они или остались еще промышлять или

Нялъ, будучи нойдомъ и зная будущее, оставилъ ихъ на горѣ; они, какъ увидѣли насъ, и воротились назадъ.“ Онъ сейчасъ-же приказалъ снять съ Няла печекъ, надѣлъ его на себя, взялъ его оленя и погналъ по направленію, откуда пріѣхалъ Нялъ. Братья, увидавъ атамана въ отцовскомъ печкѣ, подумали, что ѣдетъ отецъ и сказали: „вотъ отецъ ѣдетъ назадъ, убѣжалъ отъ чуди“. Другой братъ, вглядѣвшись, сказалъ: „нѣтъ, это не отецъ; онъ будетъ поменьше ростомъ: чудь хитра—атаманъ ихъ вѣрнѣе всего послѣ того какъ убилъ отца, печекъ его надѣлъ на себя и ѣдетъ за нами. Такъ они дѣлаютъ часто, чтобы другихъ обмануть; теперь они то-же сдѣлали.“ Братья сейчасъ-же бросили свои райды (рядъ саней, привязанныхъ одни къ другимъ, нагруженныя чѣмъ нибудь), сами взяли себѣ по хорошему оленю—быку и погнали прочь. Атаманъ погнался за ними. Доѣхали братья до озера, видятъ, что догоняютъ ихъ. Они погнали дальше, но какъ на зло олень у одного брата усталъ и дальше не пошелъ. Они его закололи. Братъ, у котораго олень погибъ, и сказалъ другому: „неужели ты меня одного бросишь.“ „Нѣтъ, говоритъ другой, садись на мою кережу и погонимъ оба. Сѣли и поѣхали. Атаманъ сталъ ихъ вновь догонять. Сидѣвшій сзади братъ и сказалъ: „гони извилинами; я какъ увижу, что атаманъ придется противъ насъ, пущу ему въ шею стрѣлу.“ Такъ и сдѣлали. Когда атаманъ поровнялся съ ними на одномъ поворотѣ, лопарь пустилъ въ него стрѣлу изъ лука (тогда ружей еще не было), попалъ ему въ шею и убилъ его. Другой братъ взялъ себѣ оленя Няла, на которомъ ѣхалъ атаманъ, и поѣхали дальше. Чудь ждала, ждала, атамана, но но его все не было: тогда нѣсколько человѣкъ поѣхало за нимъ, чтобы посмотрѣть, не нужна-ли ему помощь. Доѣхали они до озера и увидали вдали лежитъ человѣкъ. „Вотъ тамъ, сказали, лежитъ одинъ сынъ Няла; атаманъ поѣхалъ убивать другаго.“ Подъѣхали къ убитому; смотрятъ,—убитъ атаманъ. Испугались, не знали что дѣлать. Подумали, подумали и поѣхали обратно. Возвратились въ погостъ, разсказали своимъ: всѣ испугались, стали жалѣть объ атаманѣ; подумали какъ бы домой имъ вернуться. Въ отсутствіе атамана, чудь, по его приказанію убила многихъ женокъ и дѣвокъ; оставили въ живыхъ только двухъ женокъ: женъ сыновей Няла; онѣ были молоды и красивы и атаманъ думалъ увести ихъ собою. Отъ рѣзни у чуди одежда была вся въ крови и ѣхать въ ней обратно чуди не хотѣлось. Вслѣдствіе этого оставшимся жонкамъ, чудь приказала одежды вымыть. Женки взяли одежду чудиновъ, положили ее въ котлы, выпарили; затѣмъ вымыли и пошли на рѣку Печенгу ее полоскать; съ ними отправили караульнаго, чтобы онѣ не убѣжали. Пока они полоскали ее, поднялась буря и мятель, и караульному стало холодно: онъ задрожалъ. Женки-же были одѣты тепло; полоскали себѣ не спѣша и не торопясь. Долго полоскали; наконецъ онѣ сказали караульному: „что ты стоишь да мерзнешь? иди въ избу, а мы выполощемъ и придемъ сами. Если бы насъ не стали бить, мы-бы также пошли въ избу, да намъ нельзя: насъ тамъ за то, что мы лѣнимся бросятъ въ огонь, а нѣтъ и въ избу не пустятъ; скажутъ: мерзнете на улицѣ.“ Караульный подрожалъ, подрожалъ и ушелъ. Онѣ котлы съ одеждой спустили въ рѣку, въ прорубь, а сами что было силы давай-ка бѣжать вверхъ по рѣкѣ. Пробѣжали они много, добѣжали до водопада, гдѣ льду на рѣкѣ не было. Силы у нихъ болѣе не стало и идти онѣ больше не могли: поэтому онѣ подошли почти къ самой водѣ, зарылись тутъ въ снѣгъ, чтобы чудь не пришла и не увидала ихъ. Чудь ждала, ждала женокъ и наконецъ сказала:

"что онѣ долго не идутъ." Пошли посмотрѣть и увидали: нѣтъ ни караульнаго, ни женокъ, ни одежды. Пошли искать по тупамъ; караульщика въ одной тупѣ нашли: лежитъ. Они спросили его: „гдѣ женки?" Онъ и говоритъ: „я озябъ, а онѣ остались на рѣкѣ полоскать." Его тутъ-же и убили. Имъ не жаль было женокъ, а жаль было платья—куда безъ него идти? Отправили сейчасъ людей искать женокъ во всѣ стороны. Одна часть пошла вверхъ по рѣкѣ, другая внизъ. Женки сидятъ и слышатъ, что чудь идетъ и бронится; копьемъ чудины рыли и щупали повсюду снѣгъ, да до нихъ не дошли, много сажени полторы. Тутъ они остановились и сказали: „не глупы-же онѣ, что пойдутъ въ воду искать смерти; вѣрно, гдѣ нибудь въ лѣсу спрятались, а тамъ, въ такую непогодь и безъ насъ пропадутъ. Только горе, что платье наше уходили." Они пошли назадъ, а женки радовались, что спаслись отъ чуди. Черезъ нѣсколько времени онѣ вышли изъ снѣга и одна сказала другой: „я боялась чуди, но все - же думала, что намъ дѣлать, когда они уйдутъ и придумала: въ лѣсу, около дровъ есть лыжа: вотъ мы возьмемъ ихъ и пойдемъ на осеннее наше мѣсто. Плохо-то то, что лыжи то однѣ." Думала, думала и вспомнила, что и въ другомъ мѣстѣ есть лыжи, недалеко отъ нихъ, ближе къ погосту. Чтобы чудь ихъ не замѣтила, онѣ за лыжами пошли ночью, взяли ихъ и упли сперва по дорогѣ, а потомъ побѣжали на лыжахъ на осеннее мѣсто; прибѣжали туда, нашли сухаго оленьяго мяса и соленой рыбы, поѣли и отдохнули. Чудь же найдя женокъ и видя, что никто изъ лопарей болѣе не идетъ, пошли обратно; захватили они изъ лопарскихъ амбаровъ все, что было подороже. Дорогою много чуди отъ вьюги и мятели погибло. Сыновья Няла пробыли въ тундрѣ дня три; увидавъ, что никто къ нимъ не идетъ рѣшились пойти на осеннее мѣсто: тамъ безопаснѣе было. Когда пришли туда, увидали, что двери у избы отперты; не знали, что это значитъ. Они боялись попасться врагамъ, обошли избу кругомъ осторожно, но ничего не видали. Оленей нигдѣ не было, и они рѣшились войти, такъ какъ знали, что отъ пѣшехода уйдутъ. На всякій случай пошелъ впередъ старшій и увидалъ свою жену. Та пошла сейчасъ въ избу, чтобы сказать другой, потому что та была очень пуглива. Наконецъ она ее тихонько толкнула и сказала: „наши идутъ." Та съ испуга упала и зубы сцѣпила. Пришли мужики, съ трудомъ ее отходили. Прожили около недѣли на осеннемъ мѣстѣ, потомъ пошли въ погостъ: увидали что онъ весь разграбленъ. Спаслись только тѣ, которыхъ въ погостѣ не было. Остальныхъ чудь убила, около половины погоста.

Участіе нойдовъ въ разсказахъ о чуди встрѣчаются очень часто и, повидимому, чѣмъ древнѣе случай, давшій поводъ къ возникновенію разсказа о чуди, тѣмъ роль, которую играютъ нойды въ повѣствованіи становится значительнѣй. Мы видѣли уже сильный элементъ сверхъестественнаго въ разсказѣ, о лопарѣ Максимѣ, въ которомъ все дѣйствіе сводится къ борьбѣ лопарскаго колдуна съ чудскими, приходящими съ шведской стороны, борьбѣ, изъ которой чудь вышла побѣдительницей. Такой-же сверхъестественный элементъ мы видимъ въ разсказѣ о дѣвкѣ-нойдѣ, спасшей Нотозерскій погостъ отъ нашествія чуди, записанномъ среди лопарей г. Немировичемъ-Данченко: [1]) „Пришла чудь; побѣжала лопь отъ нея въ горы, и чудь въ горы; лопь въ лѣса, и чудь въ лѣса. Чудь

[1]) Страна холода, стр. 199.

побила несмѣтное число лопарей; одинъ нойда явился: онъ заклялъ гору, и гора раскрылась; всѣ лопари и вошли туда; пришла чудь, видитъ нѣтъ никого. Только одинъ чудинъ слышалъ какъ лопарскій колдунъ произноситъ заклинанія; чудь легла спать, лопарскій колдунъ опять произнесъ заклятіе и гора открылась; лопари всѣ вышли и гора закрылась вновь. Чудинъ хотѣлъ поймать лопарей, и, такъ какъ слышалъ заклятіе, то и сказалъ его—гора и раскрылась; чудь вошла въ гору; гора закрылась, а открыть ее снова чудь не съумѣла; они всѣ и умерли въ горѣ. Съ чудью была лопарка, которую они увели съ собой силой. Отецъ ея и просилъ колдуна взять дочь изъ горы. Колдунъ долго не соглашался, наконецъ уступилъ просьбамъ отца, приказалъ горѣ открыться. Чудь вся лежала мертвой; умерла и лопарка. Гора же съ тѣхъ поръ и стоитъ открытой, и говорятъ, что и до сихъ поръ кости бѣлѣютъ".

Съ разсказами о нашествіяхъ чуди, шведовъ, русскихъ или кареловъ, связанъ, главнымъ образомъ, и героическій эпосъ лопарей, ихъ разсказы о богатыряхъ своихъ. Строго говоря, среди русскихъ лопарей нѣтъ героическаго эпоса, какъ нѣчто цѣльнаго. Это обыкновенно рядъ разсказовъ, подчасъ въ никакой связи другъ съ другомъ не стоящихъ, о подвигахъ того или инаго лица. Подвиги эти опять таки, главнымъ образомъ, относятся къ нашествію чуждыхъ племенъ на лопарей. Вотъ почему эпосъ историческій и героическій стоятъ въ самой тѣсной связи у лопарей. Къ такимъ разсказамъ о народныхъ герояхъ слѣдуетъ отнести приведенные выше разсказы о подвигахъ нойды Максима, Лина и Михайлы и разсказъ о Нялѣ. Всѣ эти разсказы суть ничто иное какъ отрывки, или лучше сказать уцѣлѣвшія части цѣлаго цикла разсказовъ объ этихъ лицахъ, могущественныхъ нойдахъ, ведшихъ борьбу съ чудью. Замѣтить это не трудно, если вглядѣться въ сами эти разсказы. Въ преданіи о нойдѣ Максимѣ, мы видимъ изъ за-чего началась борьба между нимъ и чудью; подробно разсказанъ и эпизодъ смерти Максима; середина же какъ будто сжата, пропущена: говорится лишь въ двухъ словахъ, что Максимъ убилъ семь подосланныхъ къ нему чудью нойдовъ. Зная, какъ передаются вообще эпическія произведенія народа, до какого мелочнаго описанія обыкновенно доходитъ въ этихъ случаяхъ народное творчество, нельзя ничѣмъ объяснить это короткое изложеніе о борьбѣ Максима съ семью нойдами какъ тѣмъ, что съ теченіемъ времени эти эпизоды изъ жизни Максима забылись лопарями, и, такъ сказать, изъ девяти разсказовъ (о причинѣ вражды, семи случаевъ борьбы Максима съ чудскими нойдами и разсказѣ о его смерти) образовался лишь одинъ небольшой разсказъ. То же самое мы видимъ и въ разсказѣ о нойдахъ Линѣ и Михайлѣ: разсказъ указываетъ на то, что оба они были нойды, что Линъ былъ даже могущественный колдунъ и затѣмъ передается разсказъ, гдѣ Линъ почти ничѣмъ не отличается, спасается лишь бѣгствомъ отъ чуди и убиваетъ у ней оленей. Очевидно, что и въ данномъ случаѣ слѣдуетъ въ этомъ разсказѣ видѣть лишь одинъ эпизодъ изъ дѣятельности однихъ нойдовъ, дошедшій до насъ въ далеко не полной редакціи. Еще болѣе ясно, однако, выступаетъ эта отрывочность въ разсказѣ о лопарѣ, нойдѣ Нялѣ. Нялъ-нойда идетъ умирать; самъ онъ предварительно заявляетъ своимъ сыновьямъ, что чудь давно уже его старается убить; предводитель чуди, наконецъ, гонится за сыновьями Няла, и въ разсказѣ ясно выражено, что въ фактѣ убіенія Няла и его сыновей, чудь полагала большое значеніе. Между тѣмъ разсказъ нисколько не выясняетъ, почему чудь хочетъ

непремѣнно убить Няла и его сыновей, какія побудительныя причины такого преслѣдованія Няла со стороны враждебной чуди. Между тѣмъ этотъ послѣдній разсказъ очень подробенъ: онъ излагаетъ и смерть Няла и разсказываетъ подробно способы, какими спаслись и сыновья Няла, и жены ихъ отъ чуди. Поэтому пропуска въ этомъ разсказѣ видѣть нельзя. Вѣроятнѣе предположить, что въ этомъ разсказѣ мы должны видѣть лишь послѣднее звено въ цѣлой цѣпи разсказовъ о Нялѣ, о его подвигахъ и борьбѣ съ чудью. За это говоритъ еще то, что самъ этомъ разсказъ принадлежитъ къ числу родовыхъ сказаній, сдѣлавшихся достояніемъ всѣхъ лопарей; очевидно, что однимъ этимъ разсказомъ, въ которомъ дѣлается даже ясный намекъ на предыдущую дѣятельность Няла, разсказы и преданія о немъ не могли ограничиться. Всѣ эти соображенія заставляютъ считать нойдовъ Максима, Лина, Михайлу и Няла, за народныхъ героевъ и разсказы о нихъ слѣдуетъ причислить къ разряду эпоса героическаго, къ сожалѣнію, въ отношеніи къ поименованнымъ лицамъ, дошедшимъ до насъ лишь въ обрывкахъ.

Къ числу такихъ же отрывочныхъ эпическихъ сказаній слѣдуетъ отнести и разсказъ о Миккалажѣ (Михайлѣ), лопарѣ Нявдемскаго погоста.

Въ Нявдемѣ жилъ лопарь Миккалажъ; онъ былъ нойда и богачъ. У него были три дочери. Жилъ онъ при озерѣ Ій. Разъ къ нему пришли три великана—братья Раковичи, и остановились они недалеко ночевать. на устьѣ рѣки; сдѣлали себѣ они балаганы и легли спать. Миккалажъ узналъ объ этомъ. Ночью онъ спать не могъ, далъ дочерямъ заснуть, а самъ изъ серебряныхъ денегъ началъ отливать пули. Меньшая дочь у него была смѣтлива; она увидала, что отецъ не въ духѣ и поэтому притворилась спящей, а сама стала смотрѣть, что будетъ дѣлать Миккалажъ. Утромъ рано, какъ только появилась заря, онъ пошелъ къ карбасу. Дочь поняла, что дѣло не ладно, вскочила и сказала отцу: „возьми меня съ собой“. Отецъ согласился; „только, говоритъ, вотъ что: ты греби и не гляди, что я буду дѣлать пищалью“. Поѣхали они; пріѣхали къ устью рѣки, гдѣ были балаганы братьевъ Раковичей. Миккалажъ и выстрѣлилъ въ воздухъ, по направленію къ устью три раза. Балаганы и братья Роковичи окаменѣли; Миккалажъ вышелъ съ дочерью на берегъ, подошелъ къ окаменѣлымъ балаганамъ и сказалъ: „что Раковичи долго спите, меня не встрѣчаете—ну, спите же долго“. (Пазрѣка).

То что этотъ разсказъ лишь отрывокъ изъ ряда разсказовъ о Миккалажѣ доказывается достаточно уже тѣмъ, что здѣсь не выясняется кто такіе эти братья Роковичи, для чего они пришли къ Миккалажу и почему послѣдній при помощи своего колдовства обратилъ ихъ въ камни. Между тѣмъ, повидимому, Роковичи пришли съ недобрымъ намѣреніемъ; повидимому это уже не первая встрѣча ихъ съ Миккалажемъ и т. д. Ничего этого не выяснено въ этомъ разсказѣ; вслѣдствіе чего можно съ полнымъ основаніемъ предполагать, что это либо сокращенный разсказъ объ одномъ изъ героевъ лопарскихъ, либо одно звено изъ цѣпи разсказовъ о немъ. То-же самое слѣдуетъ замѣтить и о разсказѣ, ходящемъ среди Печенгскихъ и Пазрѣцкихъ лопарей о Юлофѣ или Олофѣ—силачѣ

Въ Печенгѣ жили два брата; Ковьма-Юловъ (или Олофъ) силачъ и Иванъ. У нихъ была красавица сестра. Многіе хотѣли жениться на такой красавицѣ, но она ни за кого не хотѣла идти замужъ. Наконецъ полюбился ей одинъ чужеземецъ—капитанъ корабля; и онъ полюбилъ дѣвку; дарилъ ей подарки. Только передъ отходомъ корабля изъ

гавани, она туда и уѣхала потихоньку отъ братьевъ. Братья схватились во время. Поѣхали они на корабль, спросили: на кораблѣ-ли сестра? Сестра услыхавъ, что братья пріѣхали опечалилась; вышла сама къ нимъ и сказала: „я здѣсь.“ Капитанъ въ это время приказалъ поднимать уже паруса и сказалъ: „сама пришла пусть и идетъ.“ Она не долго думая бросилась съ корабля прямо къ братьямъ въ лодку. Капитанъ разсердился: въ другой разъ, говоритъ, съ вами раздѣлаюсь. Когда назадъ поѣхали, сестра и благодаритъ братьевъ: „меня обольстили его слова, но послѣ я и раскаялась. Тамъ хоть хорошо, а въ тундрѣ и дома еще лучше.“ Иванъ и сказалъ: „это то такъ, но намъ-то что будетъ.“ Юлофъ и говоритъ: „ничего: я покажу имъ, что значитъ обманывать.“ На слѣдующій годъ корабль опять пришелъ. Братья въ это время чистили рыбу; подошли къ нимъ капитанъ и люди съ корабля. Юлофъ разорвалъ свой кожанъ и сказалъ „хотите взять сестру силою? хорошо—помѣряемся.“ Условились какъ бороться: рѣшили идти другъ на друга колесомъ, кто побѣдитъ, тотъ и правъ. За капитана рѣшился идти одинъ матросъ. Отмѣрили 12 саженей, стали другъ противъ друга и пошли колесомъ. Юлофъ какъ встрѣтился съ противникомъ, ударилъ его ногою въ голову съ такой силой, что тотъ и упалъ полумертвымъ тутъ же. Товарищи схватили его и унесли. Корабль скоро ушелъ. Нѣсколько разъ послѣ этого корабль еще приходилъ, чтобы взять сестру Юлофа, но онъ всегда защищалъ ее.

Что въ этомъ разсказѣ слѣдуетъ видѣть лишь случай, дошедшій до насъ эпизодъ изъ жизни Юлофа и Ивана, доказывается тѣмъ, что разсказы о нихъ въ большомъ ходу среди лопарей. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ Юлофѣ и Иванѣ, или, лучше сказать, цѣлую цѣпь разсказовъ о нихъ мы находимъ у Кастрена, также какъ и разсказы о другомъ богатырѣ Лаурукаджѣ [1]).

У лопаря Пейвія было три сына: Олофъ, Исаакъ и Иванъ. Какъ видно и преданіе современныхъ русскихъ лопарей сохранило для двухъ братьевъ, ихъ имена неизмѣненными, Иванъ и Юлофъ или Олофъ; только послѣднему придано православное имя—Косьма. Изъ всѣхъ трехъ братьевъ Олофъ былъ самый сильный: много онъ сражался съ русскими карелами. Такъ, разъ Олофъ пошелъ изъ дому; опасаясь, что придетъ непріятель, онъ притащилъ на скалу огромное дерево и положилъ его около своего жилища; женѣ же своей сказалъ: „если придетъ непріятель, скажи ему: это дерево нашъ сынъ принесъ сюда“. Вскорѣ послѣ его ухода пришли русскіе, увидали дерево и спросили жену Олофа, какъ дерево было доставлено на такую высокую скалу. Та отвѣтила: „это нашъ сынъ принесъ его сюда“. Русскіе удивились, и не рѣшились грабить; они, однако, рѣшились ждать прихода Олофа, чтобы убить его. Олофъ скоро пришелъ, но никто изъ русскихъ не рѣшился его тронуть. Однако, русскіе хвастали, что могутъ его одолѣть и стали звать Олофа съ собой въ Россію, чтобы помѣриться силами съ русскимъ богатыремъ. Олофъ согласился и пошелъ съ ними. Оба богатыря сошлись и, прежде чѣмъ приступить къ борьбѣ, поздоровались и пожали другъ другу руки. Карельскій богатырь крѣпко пожалъ руку Олофа, а Олофъ схватилъ своего противника и бросилъ его на земь.

---

[1]) A. Castren: Reiseerinnerungen aus den Jahren 1838—1844, pp. 16—22. Дергачевъ.

Послѣ этого Олофъ совѣтывалъ ему не вступать въ борьбу, но такъ какъ тотъ бросился на него, то Олофъ бросилъ его на землю съ такой силой, что онъ тутъ же и умеръ.

Олофъ возвращался разъ съ рыбнаго промысла по озеру Энаре; по дорогѣ подулъ противный вѣтеръ и поднялась буря. Олофъ присталъ къ берегу и, чтобы не терять времени въ ожиданіи, пока буря утихнетъ, взвалилъ лодку, нагруженную рыбой и рыболовными снастями на спину и пошелъ дальше.

Разъ Юлофъ ходилъ по лѣсу и увидалъ Сталло: онъ хотѣлъ поднять камень и не могъ, такъ какъ камень былъ чрезвычайно большой. Сталло его лишь тихо ворочалъ. Олофъ посмотрѣлъ на Сталло, посмѣялся надъ нимъ, схватилъ камень и перенесъ его на надлежащее мѣсто. Сталло испугался и бросился бѣжать. Олофъ далъ ему время убѣжать, а потомъ бросился за нимъ въ погоню. Добѣжали до рѣки Нейды; Сталло перескочилъ черезъ рѣку и успокоился; но и Олофъ перескочилъ черезъ рѣку и убилъ Сталло.

Разъ на бѣгу Олофъ поймалъ волка, гонявшагося за стадомъ оленей, за хвостъ и убилъ его, ударивъ волка головой объ скалу.

Однажды онъ пошелъ на охоту за дикими оленями вмѣстѣ со своимъ слугой Валле; мимо нихъ пробѣжала самка дикаго оленя, и Олофъ намѣренно пропустилъ ихъ. Валле сталъ его упрекать, что онъ пропустилъ добычу; но Олофъ погнался за самкой оленя, настигъ ее и убилъ, а бывшаго съ ней теленка поймалъ и принесъ его живаго. Эту добычу онъ подарилъ Валле, такъ какъ онъ не любилъ гоняться за оленями, когда они не въ стадѣ.

Второй сынъ Пейвіе—Исаакъ, считался замѣчательнымъ стрѣлкомъ: онъ стрѣлялъ такъ мѣтко, что убивалъ рыбу, когда та выглядывала изъ воды. Онъ также воевалъ съ русскими. Атаманъ шайки русскихъ, пришедшихъ опустошать Лапландію, былъ вооруженъ съ головы до ногъ. Его вооруженіе такъ стѣсняло его, что онъ самъ не могъ ложки поднести ко рту, и кормилъ его всегда слуга. Исаакъ натянулъ лукъ и когда слуга подносилъ ему ложку ко рту, выстрѣлилъ, причемъ такъ мѣтко, что стрѣла попала ему прямо въ горло, и тотъ умеръ.

Третій сынъ Пейвіе—Иванъ, считался знаменитымъ колдуномъ. Ему приходилось также бороться противъ русскихъ, причемъ онъ побѣждалъ ихъ колдовствомъ. Такъ, разъ русскіе пришли, чтобы опустошить лопарскую землю. Ивана взяли себѣ проводникомъ, чтобы пройти къ мѣсту, гдѣ они ожидали получить богатую добычу. Дѣло было ночью и Иванъ завелъ ихъ на крутую скалу и при помощи колдовства устроилъ такъ, что вдали показались огни и загудѣли колокола. Послѣ этого Иванъ, показавъ русскимъ огни, сказалъ: „туда ведетъ дорога: я пойду первый". Онъ бросилъ свой свѣтильникъ въ пропасть, а самъ остался па скалѣ невидимкой. Русскіе пошли за свѣтомъ и всѣ упали въ пропасть, гдѣ и погибли.

Подобныхъ разсказовъ ходитъ множество среди лопарей: и группируются они вокругъ трехъ братьевъ—сыновей Пейвіе; разсказъ печенгскихъ и пазрѣцкихъ лопарей объ Юлофѣ есть ничто иное какъ одинъ изъ этихъ разсказовъ, составляющихъ въ своей совокупности длинный эпосъ о трехъ лопарскихъ богатыряхъ.

Много ходитъ разсказовъ среди лопарей и о богатырѣ Лаурукаджѣ, который, по мнѣнію Кастрена, есть ничто иное, какъ финскій Лаурукайнемъ. Большинство этихъ раз-

сказовъ повѣствуютъ о подвигахъ Лаурукаджа въ борьбѣ съ русскими, карелами или чудью. Лаурукаджъ отличался тѣмъ, что лучше всѣхъ зналъ Лапландію, поэтому враги, приходившіе грабить лопарей, всегда брали его въ проводники. Лаурукаджъ никогда не отказывался, но всегда старался такъ или иначе погубить враговъ. Такъ, пришли разъ карелы, опустошили Лапландію, и взяли Лаурукаджа, проводить ихъ по озеру Оунасъ Эрви. По дорогѣ карелы проголодались и просили Лаурукаджа пристать къ одному острову. Они на островѣ поѣли и легли спать, а къ лодкамъ приставили сторожей. Сторожа тоже заснули. Лаурукаджъ снесъ въ лодки все, что карелы вынесли на берегъ: оружіе, котлы, топоры, припасы. Затѣмъ онъ связалъ лодки и сталъ направлять ихъ къ берегу. Сторожъ проснулся, хотѣлъ взять мечъ, но Лаурукаджъ его взялъ уже раньше. Сторожъ вошелъ въ воду и схватилъ руками лодку, въ которой сидѣлъ Лаурукаджъ; тотъ взялъ мечъ и отрубилъ ему пять пальцевъ; они и упали въ лодку; на одномъ изъ пальцевъ было золотое кольцо. Сторожъ бросился будить кареловъ; тѣ вскочили, но Лаурукаджъ былъ уже посрединѣ озера. Карелы стали звать его обратно: „пріѣзжай, милый братецъ, поѣшь каши, съ шведскимъ масломъ, своей ложкой". Лаурукаджъ отвѣтилъ имъ: „есть у меня и каша и мука". Одинъ карелъ, разсердившись и закричалъ: „пріѣзжай сюда: мы вольемъ тебѣ въ глотку растопленнаго олова". Девять дней и девять ночей Лаурукаджъ объѣзжалъ островъ, чтобы карелы куда-нибудь не ушли. На десятый день онъ присталъ къ берегу; оказалось, что всѣ перемерли—одинъ лишь былъ еще живъ, и тотъ еле головой двигалъ.

Разъ русскіе просили Лаурукаджа проводить ихъ по Потсіоки; когда доѣхали до водопада, Лаурукаджъ посовѣтовалъ имъ связать лодки вмѣстѣ и лечь ничкомъ на дно лодокъ, чтобы не испугаться водопада. Русскіе такъ и сдѣлали; Лаурукаджъ направилъ лодки къ берегу, самъ выскочилъ на подводный камень, а остальные погибли въ водопадѣ; потомъ Лаурукаджъ переплылъ на берегъ.

Совершенно такіе же разсказы о гибели чуди я приводилъ уже; быть можетъ современные русскіе лопари забыли имя того проводника, который погубилъ, такимъ образомъ, чудь, быть можетъ, что подобные разсказы просто пріурочены уже впослѣдствіи къ Лаурукаджу.

Русскіе рѣшились, наконецъ, убить Лаурукаджа. Окружили его домъ и стали требовать, чтобы онъ вышелъ; Лаурукаджъ набилъ чучелу изъ мяса; нарядилъ его въ свою одежду и выбросилъ русскимъ; тѣ подумали, что это онъ самъ, принялись его колоть копьями и рубить мечами; а Лаурукаджъ въ это время убѣжалъ. По варіанту, онъ еще и околдовалъ русскихъ, такъ что они другъ друга побили. Наконецъ, по третьему варіанту, онъ чучелу набилъ пухомъ, вслѣдствіе чего русскіе покрылись облаками пуха, а онъ въ это время убѣжалъ.

Къ героическому эпосу слѣдуетъ отнести и разсказы о нойдахъ, о ихъ силѣ въ колдовствѣ, о ихъ дѣятельности и могуществѣ. Разсказы, передающіе намъ о нойдахъ, я помѣстилъ уже выше. Въ большинствѣ случаевъ они составляютъ родовыя сказанія, но какъ и всѣ, прочія произведенія переходятъ постепенно, и почти всѣ перешли изъ собственности исключительной рода, въ собственность всѣхъ лопарей вообще. Къ такимъ

относится и разсказъ о происхожденіи камня Рептъ-ойвгъ и преданія о происхожденіи Айновыхъ острововъ и острова Кильдинскаго и др.

Въ числѣ родовыхъ преданій интереснымъ является и слѣдующее, записанное Квигстадомъ: „Жилъ былъ богатырь; искалъ онъ встрѣчи съ равными ему по силѣ и разъ увидѣлъ въ полѣ слѣдъ конскій. По слѣду было видно, что проѣхалъ тутъ человѣкъ сильный: ноги коня уходили въ землю по колѣно. Пустился богатырь догонять всадника, настигъ его и ударилъ сзади желѣзной палкой пять пудъ вѣсомъ. Всадникъ только почесался, да промолвилъ: „ишь ты, вошь проклятая!" Бросилъ богатырь палку, выдернулъ съ корнемъ березу и ударилъ снова всадника. Тотъ это только за блоху принялъ и ѣдетъ дальше. Выхватилъ богатырь сосну и такъ треснулъ всадника, что лошадь споткнулась и всадникъ ткнулся носомъ въ землю. Тогда только замѣтилъ онъ богатыря, накинулъ на него арканъ изъ толстой проволоки, привязалъ къ лошади и поѣхалъ дальше въ лѣсъ. Пріѣхали къ избѣ. Всадникъ слѣзъ съ лошади и крикнулъ: „Батюшка, привезъ я къ тебѣ гостя!"—„Веди его сюда", — отвѣчалъ ему отецъ изъ избы. Тогда всадникъ переодѣлся въ женское платье, такъ какъ это была женщина, отвязала богатыря, ввела въ домъ и дала ему ѣсть.

Прожилъ онъ съ ними нѣкоторое время и говоритъ старикъ-отецъ богатырю: „женись на моей дочери". Не очень-то обрадовался богатырь, да дѣлать нечего, женился. На свадьбѣ они здорово выпили. Молодые выпивали по полу-анкерку за одинъ духъ, старикъ выпивалъ по цѣлому.

Родился у нихъ сынъ, выросъ и сталъ ходить съ отцомъ на охоту. Одинъ разъ пришли безъ нихъ 12 разбойниковъ и стали просить у хозяйки ѣсть. Наѣлись, а потомъ видятъ, что въ домѣ одна женщина, стали забирать себѣ все добро, что было въ домѣ. Разсердилась хозяйка, схватила клюку, загребла всѣхъ разбойниковъ въ печку и закрыла заслонкой.

Пришли съ охоты отецъ и сынъ, узнали въ чемъ дѣло, открыли печку и предложили разбойникамъ служить у нихъ и помогать имъ охотиться. Тѣ согласились. На слѣдующій день отправилъ онъ съ ними на охоту сына. Послѣ охоты сынъ заснулъ. Тогда одиннадцать разбойниковъ сговорились убить его. Срубили сосну и хотѣли повалить ее на него, но двѣнадцатый разбойникъ разбудилъ спящаго. Тотъ вскочилъ, отбросилъ одной рукой сосну и заставилъ разбойниковъ идти съ нимъ къ его отцу. Отецъ сильно разсердился и хотѣлъ сейчасъ же убить всѣхъ разбойниковъ, но сынъ просилъ оставить въ живыхъ одного, спасшаго ему жизнь. Отецъ не хотѣлъ; тогда сынъ спряталъ этого разбойника за пазуху и тѣмъ избавилъ его отъ смерти.

Отъ этихъ силачей и происходитъ весьма распространенный въ Сѣверномъ и Южномъ Варангерѣ родъ „Силиныхъ" или, по норвежски, „Staerk" [1]).

Д. Н. Островскій, у котораго мы заимствуемъ это преданіе, склоненъ объяснить происхожденіе его изъ древне-русскаго эпоса: онъ приводитъ это преданіе, „какъ примѣръ заимствованія и пересказа", „напоминающій нашу былину о Настасьѣ Микулишнѣ". Дѣйствительно, черты внѣшняго сходства между началомъ приведеннаго преданія и ука-

---

[1]) Изв. Им. Р. Г. О. XXV, 1889, вып. IV, стр. 330, 331.

занной былиной, невольно могутъ привести къ этому заключенію. Однако, съ другой стороны, подобные разсказы о встрѣчѣ богатыремъ дѣвицы, болѣе сильной, чѣмъ онъ, являются далеко не исключительно русскими. Вслѣдствіе этого, простаго внѣшняго сходства недостаточно, чтобы говорить о заимствованіи, и это тѣмъ болѣе, что дальнѣйшее содержаніе преданія ничего общаго съ нашими былинами не имѣетъ. Болѣе существеннымъ доказательствомъ заимствованія могутъ служить нѣкоторыя ненаціональныя черты для лопаря, о которыхъ упоминаетъ преданіе: такъ, напримѣръ, оба богатыря ѣдутъ верхомъ, тогда какъ лопари лошадей почти не знаютъ. Но этого конечно слишкомъ мало, для доказательства заимствованія преданія изъ русскаго эпоса. Вѣроятнѣе слѣдуетъ въ приведенномъ преданіи видѣть соединеніе двухъ родовыхъ сказаній: 1) о встрѣчѣ и бракѣ родоначальниковъ и 2) отрывокъ изъ повѣствованій о подвигахъ ихъ сына-богатыря Первая часть, повидимому, восприняла въ себя заимствованія изъ чуждаго лопарямъ эпоса: творчество лопаря на лопарской канвѣ провело лишь нѣсколько не лопарскихъ узоровъ—не больше. Трудно даже сказать, заимствованы-ли эти узоры изъ поэтическихъ произведеній русскихъ, шведовъ-норвежцевъ или кореловъ.

Въ общемъ всѣ родовыя преданія имѣютъ своей цѣлью передать какой-нибудь, въ дѣйствительности, бывшій фактъ, украшенный впослѣдствіи до неузнаваемости сказочными подробностями. Всѣ разсказы, которыя относятся къ группѣ историко-героическаго эпоса лопарей считаются или былью и строго отличаются ими отъ сказокъ; въ этомъ заключается ихъ сила и живучесть: какъ скоро они переходятъ въ сказки, они постепенно забываются. Но несмотря на всю живучесть этихъ разсказовъ, ихъ многочисленность и разнообразіе, они мало-по-малу уступаютъ мѣсто болѣе новымъ разсказамъ, произведеніямъ болѣе новаго творчества. Это объясняется тѣмъ, что ежегодно въ Лапландіи возникаетъ цѣлый рядъ новыхъ пѣсней и разсказовъ, которые, распространяясь среди лопарей, заставляютъ ихъ постепенно забывать преданія своихъ предковъ. Дѣло въ томъ, что лопарское творчество не достигло той степени развитія, когда оно останавливается или, по крайней мѣрѣ, замедляется въ своемъ движеніи, когда сложилась уже народная литература, и народъ, продолжая пѣть еще свои старыя пѣсни, начинаетъ заимствовать матеріалъ извнѣ и передѣлывать чуждыя ему произведенія по своему. Дѣйствительно, теперь уже замѣчается стремленіе лопарей замѣнить свои родныя пѣсни заносными, русскими. Но это стремленіе еще крайне незначительно и проявляется лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя затронуты уже сильно русскимъ вліяніемъ. Но даже и въ этихъ мѣстностяхъ это стремленіе не успѣло остановить еще народнаго творчества и рядомъ съ заимствованіемъ пѣсенъ, въ этихъ же погостахъ идетъ впередъ и народное творчество, и пѣсни и разсказы ростутъ въ своемъ числѣ съ каждымъ годомъ все больше.

Какъ ни отличаются лопари въ своихъ нравахъ и обычаяхъ и даже по языку, по погостамъ, они всѣ имѣютъ ту общую черту, что всѣ они, какъ на восточномъ берегу кольскаго полуострова, такъ и среди Скандинавіи создаютъ свои пѣсни и бывальщины.

Различіе, которое можно провести между современными пѣснью и бывальщиной лопарей, заключается въ томъ лишь, что пѣсня поется, бывальщина сказывается. Это единственное различіе между ними. Во всемъ остальномъ, въ процессѣ своего происхожденія и развитія, въ темахъ которыя избираются для той и другой, въ способѣ изображенія описываемаго или воспѣваемаго событія, между ними различія нѣтъ.

Пѣсни лопарскія поются однообразнымъ, утомительнымъ мотивомъ; изслѣдователи, сообщавшіе намъ свѣдѣнія о способѣ пѣнія лопарей, всѣ сходятся въ одномъ, что лопарская пѣснь непріятна для слуха. Нѣкоторые сравнивали ее даже съ пѣніемъ евреевъ въ синагогѣ; Георги характеризуетъ пѣніе лопарей слѣдующими словами: всѣ слоги произносятъ они столь жестко, что пѣніе ихъ, по этой причинѣ, бываетъ подобно лаю и вою наипротивнѣйшему. Тому подобныя свѣдѣнія сообщаютъ почти всѣ авторы. Конечно, въ подобныхъ характеристикахъ есть большая доля преувеличенія, но нельзя не согласиться, что лопарскія пѣсни утомительны и однообразны; они выражаютъ въ себѣ окружающую лопаря природу и какъ совершенно справедливо замѣчаетъ В. Н. Немировичъ-Данченко, „лопарская пѣснь чрезвычайно напоминаетъ переливаніе воды въ ручьѣ, тихое журчаніе потока". Напѣвъ ихъ представляетъ постоянное повышеніе и пониженіе на терцію.

Лопарь любитъ пѣть и поетъ почти всегда, гдѣ только ему не мѣшаетъ работа или суевѣрный страхъ передъ божествомъ; никогда не запоетъ лопарь въ лѣсу, гдѣ Мецъхозинъ требуетъ тишины; не запоетъ онъ никогда и проходя или проѣзжая мимо древняго, нынѣ уже брошеннаго капища. Но при рыбной ловлѣ, при охотѣ, при домашнихъ работахъ, въ кегорахъ, во время своихъ путешествій, онъ любитъ пѣть и поетъ.

Свѣдѣнія, сообщаемыя г. Немировичемъ-Данченко, что никогда не пѣли мужчины о женщинѣ, никогда не разсказывали женщины о мужчинѣ, въ посѣщенныхъ мною мѣстностяхъ Лапландіи, не подтвердились: мнѣ приходилось слышать одинаково и мужчинъ и женщинъ безъ различія и разсказывающихъ и поющихъ. Повидимому, обычай, подмѣченный авторомъ, не является повсемѣстнымъ; и это не удивительно при томъ разнообразіи въ обычаяхъ, которое встрѣчается среди лопарей разныхъ погостовъ.

Такъ какъ пѣсня и бывальщина сходны между собою и по своему происхожденію и содержанію то въ дальнѣйшемъ изложеніи я не буду разграничивать эти два вида народной лопарской поэзіи: все сказанное о бывальщинѣ будетъ относиться и къ пѣснѣ, и наоборотъ.

Въ бывальщинѣ и пѣснѣ разсказывается или воспѣвается все, чтобы ни случилось въ погостѣ замѣчательнаго, взволновавшаго на время населеніе, послужившаго предметомъ разговоровъ и толковъ: произойдетъ-ли что выдающагося въ семьѣ лопаря, поѣдетъ ли кто свататься въ чужой погостъ, умретъ ли кто неожиданнымъ образомъ все складывается въ пѣсню или бывальщину. Стоитъ новому лицу проѣхать черезъ поселки лопарей, стоитъ члену администраціи заглянуть къ лопарямъ, какъ возникаетъ уже пѣснь или бывальщина. Во время путешествія моего по Лапландіи, я узналъ случайно, что моссельскіе лопари успѣли уже сложить по этому поводу пѣснь, несмотря на мое кратковременное пребываніе среди нихъ. Вообще содержаніемъ пѣсни или бывальщины является всегда бывшій въ дѣйствительности фактъ, какъ бы онъ не былъ простъ и не сложенъ, причемъ пѣсня передаетъ этотъ фактъ, съ точностью и подробностью воспроизводя всѣ мельчайшія обстоятельства, сопровождавшія его. Но это не та пѣсня, которая часто встрѣчается у некультурныхъ народностей, когда поющій описываетъ въ пѣснѣ то, что онъ видитъ и чувствуетъ: въ такой пѣснѣ преобладаетъ *элементъ лирическій;* не то у лопарей: личность разсказчика въ пѣснѣ не видна; слагающій ее смотритъ объективно на

происшедшій фактъ, описываетъ его такъ, какъ онъ былъ, удерживаясь отъ высказыванія сочувствія или несочувствія къ участвующимъ въ дѣйствіи лицамъ. Въ лопарской пѣснѣ преобладаетъ *элементъ эпическій*. Ее, по справедливости, можно назвать лопарскимъ эпосомъ, только воспѣваемое событіе берется не изъ сѣдой старины лопарской жизни, не изъ преданій о далекомъ прошломъ, а изъ настоящаго времени, изъ того, что совершается въ наши дни, передъ глазами тѣхъ лицъ, которыя и понынѣ живутъ въ погостѣ.

Нельзя, конечно, сказать, чтобы лирика вполнѣ отсутствовала среди лопарей. Встрѣчаются и лирическія произведенія, но ихъ сравнительно мало; происхожденіе ихъ слѣдующее: либо дѣвушка, либо парень излагаетъ свои чувства, свою любовь либо самому себѣ, либо предмету своей любви. На вечеркахъ, когда собирается молодежь, часто парни поютъ импровизированныя пѣсни своимъ возлюбленнымъ; когда дѣвушка выходитъ замужъ она также поетъ, высказывая свои радостныя или горестныя чувства.

Примѣры такихъ лирическихъ произведеній мы видѣли уже среди древнихъ лопарей въ двухъ пѣсняхъ, записанныхъ Шефферомъ со словъ одного лопаря. Нѣсколько примѣровъ такихъ произведеній лопарской лирики мы встрѣчаемъ у г. Немировича-Данченко, [1]) записанныхъ имъ среди лопарей въ разныхъ мѣстностяхъ Лапландіи.

„Съ Мурдъ-озера пришелъ ко мнѣ рыболовъ, старый, богатый рыболовъ съ Мурдъ-озера. Принесъ онъ съ собою золотую сѣть, золотую сѣть серебряную. Сказалъ онъ мнѣ: дѣвушка, послушай меня; я поймаю тебя въ свою золотую сѣть, золотую сѣть серебряную. Я унесу тебя далеко съ собой, далеко съ собой за горы, въ золотой сѣти серебряной. Я засмѣялась рыболову; громко засмѣялась ему, даже заваракой стало слышно. Поздно пришелъ ты сюда, старый рыболовъ, поздно принесъ ты сюда, богачъ-рыболовъ, золотую цѣпь серебряную. Прогадалъ ты, свою рыбку, упустилъ ее. Ужъ давно попала она въ чужую сѣть, не въ твою золотую-серебряную, а въ простую пеньковую плетеную. Не къ тебѣ, богатому старику, а къ бѣдному да молодому.“

„Пошелъ я на большіе вараки, пошелъ за охотой, на оленя. Оленя убилъ большой стрѣлой, большой стрѣлой, желѣзной стрѣлой. Прямо въ сердце ему прошла эта стрѣла, прямо въ горячее, кровавое сердце, и упалъ онъ на снѣгъ и не двинулся. Взялъ я его съ собой въ погостъ, на плечахъ принесъ въ погостъ, на плечахъ принесъ тяжелаго. Срѣзалъ я ему рога (bis) и бросилъ ихъ въ море. Большіе рога бросилъ въ море. Срѣзалъ я ему копыта (bis) и бросилъ въ рѣку. Принесъ оленя домой, принесъ его домой, отдалъ отцу и матери его мясо. Отдалъ отцу и матери его мясо, а пойду (т. е. сало) да сердце кровавое, кровавое сердце отнесу своей любезной.“

Про одну пѣсню авторъ замѣчаетъ слѣдующее: „дѣвушка чествовалась въ ней, какъ „бѣлая важенка“... Говорилось, что у нея послѣ замужества будетъ много вуазытъ (телятъ) и всѣ бѣлые, что ея кунбасъ или кондасъ (олень, самецъ) долженъ гордиться такою красавицей. Пѣсня заканчивалась такъ: пойду я на горы, на высокіе крутые вараки... Пойду я на вараки; возьму я съ собою стрѣлы большія, желѣзныя копья, возьму я съ собою стрѣлы. Набью я наваракахъ дикихъ оленей, крупныхъ и жирныхъ оленей, набью я оленей, и съиграю я свадьбу, веселую, пьяную свадь-

---

[1]) Страна холода, стр. 198, 208, 212.

бу, съиграю я свадьбу." Подобныя пѣсни поются дѣйствительно лопарями дѣвушкамъ, за которыхъ они собираются свататься, поются и самими дѣвушками, поются и ихъ подругами передъ выходомъ дѣвушки замужъ. Но лирическія произведенія не выживаютъ; они уничтожаются очень скоро и забываются, что по всѣмъ вѣроятіямъ зависитъ отъ характера самого лопаря; онѣ не находятъ себѣ отклика среди лопарей, не встрѣчаютъ и почвы, способной ихъ удержать и продлить ихъ существованіе. Чаще всего лирическое произведеніе переходитъ въ эпическое и происходитъ это слѣдующимъ образомъ. Пропѣлъ, допустимъ, лопарь своей возлюбленной пѣснь, положимъ, о томъ, что онъ пойдетъ на горы стрѣлять дикаго оленя, убьетъ его, броситъ рога его въ море и т. д., а сердце и пойду принесетъ возлюбленной; услышатъ эту пѣснь другіе лопари и начнутъ ее повторять, прибавивъ къ ней лишь начало и передавая ее отъ третьяго лица; такая пѣснь, если допустимъ, лопарь, сочинившій ее, пропѣлъ ее на вечеркѣ, будетъ формулирована слѣдующимъ образомъ: N. N. былъ на вечеркѣ въ такомъ-то погостѣ, сидѣлъ въ домѣ N. N. и запѣлъ дѣвушкѣ N. N. и сказалъ и т. д., затѣмъ послѣдуетъ и сама пѣснь. Или, если время возникновенія пѣсни довольно отдаленно, то она просто будетъ пѣснь, нѣкогда лирическую, передавать тономъ эпоса; т. е. N. N. пошелъ на горы, убилъ оленя, бросилъ рога его въ море и т. д., принесъ пойду и сердце своей возлюбленной.

Въ виду этого, хотя среди лопарей и существуетъ лирика, она является скорѣе произведеніемъ одного лица, вмѣстѣ съ которымъ она исчезаетъ, а не произведеніемъ народа, такъ какъ лирическое произведеніе, сдѣлавшееся достояніемъ общимъ, всего народа, переходитъ въ произведеніе эпическое.

Приведу два примѣра пѣсенъ, которыя, повидимому, прежде были лирическими, но какъ только сдѣлались достояніемъ всѣхъ лопарей, перешли въ эпическія.

Пелагея Карповна полюбила Арсентія Григорьевича—русскаго ирваса. Мачиха и бранитъ Пелагею Карповну: у мачихи тяжелыя руки порато (сильно) бранятся, (т. е. мачиха бьетъ ее). Пелагея Карповна и говоритъ Катеринѣ Филипповнѣ: „Что меня мачиха бранитъ?" Катерина Филипповна говоритъ ей: „мы пойдемъ на Винное озеро; тамъ у насъ есть красивая вѣжа; словно колпакъ стоитъ она, сдѣланная изъ сосновой коры—пріятно смотрѣть на нее. Мы тамъ будемъ ждать хорошихъ гостей: Карпа Артемьевича, да Арсентія Григорьевича. Когда придутъ они, найдется у насъ на что уложить ихъ спать: у насъ есть чапорная (изъ шкуръ молодыхъ оленей) постель, есть у насъ чѣмъ покрыть ихъ—хорошая писяга (одѣяло изъ шерсти); есть у насъ чѣмъ накормить ихъ: у насъ есть кумжа свѣжая—сваримъ ее; у насъ есть и оленье мясо—приготовимъ его; есть у насъ еще пойда—ей угостимъ ихъ. Если же они спать захотятъ, уложимъ ихъ и есть у насъ теплая женская грудь для нихъ". Гости вдругъ и пріѣхали; онѣ и обрадовались; стали они варить кумжу, потомъ приготовили мясо, и пойды накрошили на кару, и кланяются и угощаютъ. „Кушайте, кушайте хорошіе гости, Карпъ Артемьевичъ и Арсентій Григорьевичъ. Если спать захотите—есть у насъ чапорная постель, есть и писяга, есть для васъ, хорошіе гости, у насъ и теплая женская грудь". (Нотозеро, Сонгелы, Мотка).

Въ этой пѣснѣ начало и конецъ являются позднѣйшими добавленіями; средина же ея представляетъ собой лирическое произведеніе: пѣснь Катерины Филипповны къ Пелагеѣ Карповнѣ. Эта пѣснь сдѣлалась общимъ достояніемъ; но требуется объяснить, почему

одна лопарка поетъ другой эту пѣснь, а не другую, и вотъ лопарь въ эпическомъ повѣствованіи и объясняетъ обстоятельства дѣла, причины, побудившія сложить именно эту пѣснь, а не другую. Разсказывается далѣе о пріѣздѣ гостей: слѣдовательно, фактъ этотъ сдѣлался извѣстнымъ и вотъ и онъ вносится въ пѣснь; такимъ образомъ, изъ прежняго лирическаго произведенія личнаго творчества одной изъ лопарокъ, образовалось эпическое произведеніе—достояніе всѣхъ лопарей.

Вотъ примѣръ еще подобной же пѣсни:

Тимоѳей Михайловичъ пріѣхалъ въ Сонгельскій погостъ; хотѣлъ онъ жениться на Авдотьѣ Васильевнѣ. Пришелъ къ отцу ея, Василію Алексѣевичу, поклонился и спрашиваетъ: „отдашь-ли дочь свою, Авдотью Васильевну, за меня замужъ?“ Онъ отвѣчаетъ: „возьми“; а въ приданое я даю ей 15 быковъ и 15 важенокъ. Пошелъ потомъ Василій Алексѣевичъ къ своей дочери, Авдотьѣ Васильевнѣ, и спрашиваетъ: „Пойдешь-ли за пазрѣцкаго мужика замужъ, за Тимоѳея Михайловича?“ Она и говоритъ: „пойду“; и запѣла: „я пойду, я пойду за Тимоѳея Михайловича замужъ; я буду каньги шить; руки намаслю и буду ихъ масляными руками гладить, чтобы они красивѣе были и блестѣли. Я еще пойду къ сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ, да еще буду гулять, по степенной улицѣ буду ходить и буду воду туда носить—окачивать; съ чайникомъ буду за водой ходить“.

Въ этой пѣснѣ еще менѣе сказалось позднѣйшее добавленіе. Пѣснь Авдотьи Васильевны, въ которой она высказываетъ свою радость по поводу предстоящаго брака, и причины, вслѣдствіе которыхъ она соглашается на замужество, была уловлена кѣмъ-нибудь и для того, чтобы опять-таки объяснить почему она пѣла эту пѣсню, прибавляется разсказъ о сватовствѣ Тимоѳея Михайловича, результатомъ котораго была выше приведенная пѣснь его невѣсты. Слѣдовательно и здѣсь изъ лирической пѣсни произошелъ переходъ въ короткое эпическое произведеніе.

Итакъ, хотя лирическая поэзія и существуетъ среди лопарей, но она не играетъ никакой роли въ общемъ народномъ творчествѣ: повидимому или забывается или переходитъ въ эпосъ.

Эпическія же произведенія современнаго творчества лопаря, имѣя своимъ содержаніемъ обыденныя происшествія, чрезвычайно бѣдны: онѣ не даютъ намъ неоцѣненныхъ указаній на бытъ прошлаго времени; онѣ не могутъ указывать намъ на тѣ бытовыя черты, давно уже исчезнувшія, о которыхъ самъ народъ часто даже не помнитъ, какъ это мы встрѣчаемъ, хотя-бы въ обрядовыхъ пѣсняхъ другихъ народовъ, какъ это мы встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ древняго эпоса лопарей. Но подобно тому, какъ пѣсни, разсказы, сложенные въ далекія времена, даютъ намъ точныя указанія о давно прошедшемъ бытѣ народа, подобно тому какъ изъ старинныхъ пѣсней мы можемъ извлечь подчасъ данныя, ясно рисующія прошлое міровоззрѣніе народа—такъ, изъ произведеній новаго лопарскаго эпоса мы можемъ извлечь такія же точныя, подробныя данныя, о современномъ бытѣ лопаря, понять его міросозерцаніе, возстановить его образъ: въ современныхъ пѣсняхъ ясно рисуется и домашняя жизнь современнаго лопаря и его взгляды, и вкусы и понятія его. Многое изъ того, что ускользаетъ отъ изслѣдователя при разспросахъ и простомъ наблюденіи, въ особенности если онъ не могъ вполнѣ сжиться съ лопарями, многое, что изслѣдователю вовсе не удалось-бы узнать—онъ можетъ по-

черпнуть изъ пѣсни. И образъ лопаря возстаетъ въ пѣсняхъ яснѣе, опредѣленнѣе и рельефнѣе очерченнымъ, чѣмъ въ простомъ пересказѣ изслѣдователя.

Какъ я уже говорилъ, все, что можетъ интересовать погостъ, все складывается въ пѣснь или бывальщину. Фактовъ выдающихся, измѣняющихъ жизнь лопаря, вліяющихъ на его взгляды, конечно, почти совсѣмъ не случается. Если не брать даже работы, которой занятъ лопарь почти что весь годъ, то жизнь его все-таки скучна и однообразна. Поэтому, какъ я уже сказалъ, даже такіе факты, какъ выходъ замужъ или женитьба кого-либо изъ жителей погоста, случайная смерть одноногощанина, проѣздъ чиновника и т. п. считаются уже событіями, достойными быть воспѣтыми. А такъ какъ факты смерти отъ несчастнаго случая, даже семейныя ссоры являются въ жизни лопаря событіями крайне рѣдкими, то естественно, что большинство пѣсенъ посвящены описаніямъ сватовства или свадьбъ и лишь сравнительно немногія говорятъ о смерти, прелюбодѣяніи, отношеніяхъ между супругами и т. д. Мнѣ уже раньше приходилось приводить пѣсни, рисующія намъ бытъ лопаря: именно, пѣснь о похищеніи Иваномъ Ѳедоровичемъ Катерины Карповны изъ дома ея дяди; пѣснь о томъ, какъ мужъ уличилъ свою жену въ невѣрности и пѣснь описывающую сватовство и др. Во всѣхъ ихъ ярко рисуется лопарь, несмотря на простоту изложенія и на бѣдность и обыденность темы.

Не повторяя приведенныхъ мною уже пѣсенъ, передамъ нѣсколько пѣсенъ, рисующихъ намъ бытъ современнаго русскаго лопаря.

„Александръ Матвѣевичъ задумалъ ѣхать жениться на Аксиньѣ Ѳадѣевнѣ. У него нѣтъ оленей, не на чемъ ѣхать ему. Онъ и сталъ у Трифона-лопаря просить: „Трифонъ,—говоритъ,—ты кумъ мнѣ; дай мнѣ оленей“. Трифонъ сталъ думать и думалъ онъ долго, сообразно съ своимъ длиннымъ носомъ; онъ думалъ: отдать или нѣтъ оленя „Черный лобъ“. Отдалъ оленя; Александръ Матвѣевичъ запрегъ оленя въ кережу и поѣхалъ въ Бабенгскій погостъ. Поѣхалъ—а у отца съ матерью не спросился. Онъ поѣхалъ, да и заблудился; онъ заблудился и назадъ пріѣхалъ. Пріѣхалъ и сталъ у отца и у матери благословенія спрашивать; они благословили. Благословили и спрашиваютъ: „отчего ты поѣхалъ безъ нашего благословенія? поэтому-то ты и заблудился; поѣдемъ теперь вмѣстѣ“. Онъ и говоритъ: „простите меня: незналъ, какъ у васъ благословенія просить—боялся.“ Они поѣхали всей семьей, со всѣми овцами, со всѣмъ семействомъ. Они поѣхали. Игна (вожжа) разорвалась по дорогѣ и они остановились на полпути. Они стояли, а олени убѣжали. Пошли искать, пришли они къ озеру. Отецъ и спрашиваетъ у Александра Матвѣевича: „гдѣ у тебя олень и овцы съ кережой? Какъ же ты, дурень, хочешь жениться? Никакая дѣвка за тебя не пойдетъ; послѣдняго оленя потерялъ; не удалый ты; безпутный ты! Не надо тебѣ жениться!“ Они заспорили, отецъ съ сыномъ; отецъ разсердился, схватилъ игну и ударилъ ею Александра Матвѣевича по спинѣ. Мать стала ихъ разнимать, отецъ и ее прибилъ игной. Поискали оленей—нашли; поѣхали въ Бабенгскій погостъ; пріѣхали въ Бабенгскій погостъ; онъ опять спрашиваетъ у отца и матери благословенія: „Дайте,—говоритъ,—мнѣ на ней жениться“. Они и благословили: „ты еще молодой женихъ,—говорятъ,—18-й годъ тебѣ, рано тебѣ жениться“—но все-таки благословили. Они въ погостѣ вошли въ домъ и стали свататься за Аксинью Ѳадѣевну“.

„Яковъ Корниловичъ поѣхалъ въ Сонгельскій погостъ жениться; сталъ онъ звать

съ собой Варвару Лукерьевну: „ты,—говоритъ, Варвара Лукерьевна, поѣдемъ со мной нитки прясть, (т. е. сватать) Татьяну Алексѣевну. Они поѣхали; народъ говоритъ: „какъ бы васъ облили опарой". (Когда отказываютъ сватающимся, ставятъ на дверь чашку съ опарой; сваты входя въ домъ толкаютъ дверью чашку; она на нихъ падаетъ; послѣ этого сваты ничего не говорятъ о сватовствѣ). Они пріѣхали въ Сонгельскій погостъ. Варвара Лукерьевна зашла къ Татьянѣ Алексѣевнѣ; дѣло устроила; Татьяна Алексѣевна и говоритъ отцу: „дай мнѣ, отецъ, въ приданое „Никольскаго" быка". Отецъ и говоритъ ей: „полно тебѣ, дѣвушка, молоть: на какомъ-же быкѣ я-то поѣду за Соломоньей Андреевной; я хочу на ней жениться. Коли отдамъ тебѣ „Никольскаго" быка, не будетъ у меня другаго быка который прямъ какъ онъ, который такъ хорошо ходитъ по погодливой тундрѣ (т. е. по тундрѣ во время непогоды); а чтобы пройти по погодливой тундрѣ, нужно ухо себѣ переломить, (т. е. трудно пройти)". Татьяна Алексѣевна и замолчала."

„Фофановъ-старикъ ходитъ по погосту; Фофановъ-старикъ ходитъ по Ногозерскому погосту; хочетъ онъ жениться на вдовѣ. На немъ шляпа кольская; у него сапоги скривились противъ солнца: ноги у него кривыя. Онъ идетъ къ вдовѣ посидѣть. Пришелъ къ вдовѣ, сѣлъ возлѣ вдовы и говоритъ: „здорово, Марья Лукерьевна." Сѣлъ и стали они разговаривать и вино пить. Онъ говоритъ, смѣется, подливаетъ и сватается. Посватался онъ; они опять начали вино пить. Фофановъ-старикъ съ собой припесъ. Пришелъ къ нимъ Ванька Титовъ, да Афимья Егоровна, да кумъ Марьи Лукерьевны; они всѣ стали пить, а вина только что на днѣ осталось—все выпили. Ванька Титовъ взялъ обѣими руками хрустальную рюмку и все выпилъ, что было. Лопари стоятъ на улицѣ и говорятъ: „Титовъ пришелъ и Фофановское скудное вино все выпилъ." Марья Лукерьевна и говоритъ куму: „кумъ, пойдемъ со мной въ амбаръ, можетъ я найду вина въ амбарѣ: не хватаетъ этого фофановскаго скуднаго вина; хоть двѣ бутылки все-же найду." Они пошли въ амбаръ, а народъ стоитъ на улицѣ и говоритъ: „куда ты, Марья Лукерьевна, запоходила. Для смѣха вѣдь пришли свататься на тебѣ; видно, что оленей получше то у жениха не было: для свадьбы-то взяли тѣхъ, на которыхъ дрова возятъ. „Народъ смѣется, а она и говоритъ: „можетъ быть и нѣтъ другихъ оленей, можетъ быть и пустили ихъ далеко: долго было искать." Пришла она изъ амбара и принесла въ карманѣ вина бутылку поставила на столъ. Сѣли въ большой уголъ: она и женихъ, и сватъ. Егоровна и стала поздравлять: „съ зарученной невѣстой," говоритъ. А Никифоръ—кумъ смотритъ на Егоровну подмигиваетъ и смѣется. Ванька Титовъ, какъ замѣтилъ это, разсердился, сдѣлался чернѣе угля—не понравилось ему это. Невѣста и говоритъ: „кума, Афимья Егоровна, садись возлѣ меня; ты, Никифоръ-кумъ, садись возлѣ Егоровны." Они сѣли и начали пить."

Вводя насъ въ обстановку лопарскую и пересказывая случаи изъ жизни односельчанъ, не всѣ пѣсни современнаго лопарскаго эпоса передаютъ такъ сжато и сухо совершившійся фактъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ встрѣчаются олицетворенія и сравненія: молодая дѣвушка сравнивается съ тоскующей лебедью, приравнивается по красотѣ къ важенкѣ, преимущественно бѣлой; молодой красивый лопарь называется „гордымъ ирвасомъ." Въ помѣщаемой мной ниже пѣснѣ, въ которой описывается, какъ герой пѣсни зажегъ костеръ и положилъ въ огонь сучья смолистой сосны говорится: „и смола потекла, слов-

но слезы, и сучья словно заплакали“ и т. п. Но вообще поэтическіе обороты рѣчи и сравненія попадаются въ пѣсняхъ довольно рѣдко; въ нихъ преобладаетъ тонъ простой передачи факта, такъ, какъ онъ былъ въ дѣйствительности, безъ всякихъ прикрасъ. Приведу еще нѣсколько пѣсенъ, характеризующихъ какъ самъ лопарскій эпосъ, такъ и самихъ лопарей.

„Мужикъ жилъ холостой. Взялъ онъ ирваса и пошелъ въ лѣсъ, а на ирваса ташку (Катомку) навязалъ. Пришелъ онъ на высокія горы, поймалъ тамъ дикаго оленя, сдѣлалъ потомъ Куваксу, сварилъ мясо и въ огонь положилъ много дровъ. А дрова были смоляныя, такъ что смола потекла, словно слезы и сучья словно заплакали. И онъ плакалъ, потому что у него была полюбовница. Вечеромъ онъ сказалъ: „какъ-бы она здѣсь была, я бы ночь покойно спалъ!“ Потомъ вышелъ онъ на высокую гору, увидалъ онъ съ горы Колозеро и пробѣжалъ онъ верстъ 50 въ одинъ день. Приходитъ къ милой, приходитъ къ ея тупѣ: взялъ тамъ карбасъ и поѣхалъ по озеру. Западъ - вѣтеръ сильно дуетъ: онъ гребъ, сломалъ весло—доѣхать нельзя. Съ трудомъ доѣхалъ, пришелъ къ милой и говоритъ: „здравствуйте, Настасья Никифоровна!“ „А здравствуй, любезный мой, Илья Максимовичъ!“ Потомъ пошли смотрѣть оленей. Сутки ходили—нашли въ Кемгорахъ другаго мужика. Другой мужикъ и отнялъ ее; а онъ разсердился и пошелъ домой. Пришелъ домой, взялъ и сталъ жить съ отцомъ и матерью до зимы. Потомъ взялъ 6 оленей и поѣхалъ свататься за Настасью Никифоровну. Она не хочетъ идти: „Коли ты меня бросилъ, говоритъ, не хочу за тебя.“ „Аѳанасій мужикъ онъ увелъ тебя, отнялъ у меня милую и увезъ.“ „Кабы была зимняя буря ты бы замерзъ, туда не доѣхалъ-бы и назадъ не пріѣхалъ-бы“.

„Жилъ парень. Годовъ съ 12-ти пошелъ волочиться. Восемнадцать лѣтъ волочился по горамъ, по морямъ, по рѣкамъ. Унего лишняго дѣла небыло. „Мнѣ не жаль своего мѣста, только жаль своего здоровья: только мнѣ счастья и вышло, что зимой на чужихъ оленяхъ ѣздить, а лѣтомъ на ямщичьихъ карбасахъ, Я жилъ у большаго озера, гдѣ сиверъ сильно дуетъ и рѣка крѣпко шумитъ; по рѣкѣ не было ни кола, ни сучьевъ: всякій камень, что рѣка встрѣтитъ — рѣка заплеснетъ. Я въ хорошемъ мѣстѣ жить не хочу: лучше бы сгорѣлъ весь погостъ съ горами и дворами, всѣ умерли бы, я-бы одинъ остался.“ Въ тотъ-же годъ пришлось ѣхать въ Колду на призывъ онъ и прощается со своими, съ дядей и сестрой, и женой молодой, и дочерью своей, дѣвочкой маленькой. „Прощай тесть! ты меня отдалъ въ солдаты. Прощай теща; прощай Анна Федоровна, большая хозяйка у насъ. Не жаль мнѣ своего мѣста, не жаль капитала — оставшихся многихъ оленей. Не будутъ отецъ и мать дожидаться меня. Береги, тесть, собаку да ирваса. Спойте пѣснь, чтобы всякій видѣлъ и слышалъ, какъ я пошелъ въ солдаты!“ Онъ служилъ и назадъ пришелъ.“

Слѣдующая пѣснь хорошо объясняетъ, какъ складывается и распространяется пѣснь среди лопарей: сама пѣснь повѣствуетъ о своемъ происхожденіи.

„Тимоѳей Максимовичъ „россомахины некрасивы ноги“ и Григорій Лукиновичъ „постова мѣсяцева голова“ (т. е. первый съ кривыми ногами, второй плѣшивый, „какъ мѣсяцъ въ Филипповъ постъ“) вдоль Нотозера плотъ плавятъ. Тимоѳеева мать и говоритъ: „Лукиновичъ, ты не обманывай у насъ, Лукиновичъ, молодаго парня, Тимоѳея Мак-

симовича: у него россомахины некрасивы ноги, плохо у него онѣ одѣты, опоры у него дырявыя.“ Они плавили и пришли къ Настасьѣ Константиновнѣ. Тимофей Максимовичъ пришелъ и сталъ говорить съ Настасьей Константиновной; а Григорій Лукиновичъ не далъ имъ и поговорить; Настасья Константиновна говоритъ: „въ нашемъ погостѣ есть оддь-содди (новорожденный)“. Ее и спрашиваютъ: „кто родила“? Она и говоритъ: „молодая вдова родила: мужъ умеръ, осталась беременна—она и родила, а какъ родила скоро у ней онъ и умеръ, а она и похоронила его подъ соръ; несчастливый новорожденный; умеръ да еще его въ сору похоронили“. Это услыхали тѣ, которые эту пѣснь сложили—Иванъ Трофимовичъ и Назаръ Андреевичъ. Они эту пѣснь сложили и сами пѣли, чтобы другіе услыхали и тоже пѣли и дразнили вдову, которая дитя въ сору похоронила. Пѣли эту пѣснь повсюду, пѣли ее и въ Кусаной тундрѣ, а тамъ въ то время драка случилась. Сватались за невѣсту Настасью Константиновну Яковъ Корниловичъ и и Димитрій Кирилловичъ; да изъ-за невѣсты и разодрались; разодрались такъ сильно, что у мертвой старухи голова заболѣла. Они и на драку пѣсню сложили, и пѣли ее, и всѣ узнали про драку: одинъ женихъ и говоритъ другому жениху: „Мы раздеремъ Настатью Константиновну на двѣ части; одна половина тебѣ, другая мнѣ. Димитрій Кирилловичъ выскочилъ изъ-за стола и началъ ругаться и говоритъ; „не тебѣ же Яковъ Корниловичъ, достанется Настасья Константиновна, достанется она мнѣ“, и ногой топнулъ. Яковъ Корниловичъ выскочилъ въ сѣни: тамъ у Настасьи Константиновны сундукъ былъ съ нарядами; топоромъ разрубилъ сундукъ, и наряды всѣ на двѣ половины разорвалъ и даетъ половину Димитрію Кирилловичу, а другую себѣ беретъ и говоритъ: „когда придетъ Настасья Константиновна изъ лѣса, мы ее также пополамъ раздеремъ“. Димитрій Кирилловичъ выскочилъ и началъ кулакомъ бить Якова Корниловича и кричитъ: „ступай вонъ“. Якова родители выскочили изъ тупы на улицу, и говоритъ Якову мать: „что ты дѣлаешь? полно молоть тебѣ! Чего вы деретесь: у насъ есть еще невѣста—Татьяна Алексѣевна“. Яковъ Корниловичъ и говоритъ: „Татьяна Алексѣевна грязна, очень грязна. Впрочемъ на Руси еще мыло есть, и норвежское прядено есть; изъ прядена нужно сдѣлать мочалку да фунтъ мыла издержать, да обмыть ее—бѣлѣе будетъ, а если не будетъ бѣлѣй, то весной ее на снѣгъ положить—пускай бѣлится. А если все бѣлѣй не будетъ, тогда внизъ головой ее нужно между двумя погостами поставить, чтобы всѣ ѣхали, смотрѣли и смѣялись“.

„Красивая Анна Васильевна, изъ Сонгельскаго погоста, повѣствуетъ другая пѣсня, рисующая намъ отношенія между молодежью обоего пола, въ погостахъ затронутыхъ русскимъ поморскимъ вліяніемъ,—и дѣвки заиграли съ мужиками; онѣ всѣ заиграли, забѣгали вдоль по погосту; забѣгали Кириллъ Карповичъ и Трофимъ Алексѣевичъ, да Филиппъ Ѳедоровичъ, да Евстафій Ѳедотовичъ, да Федоръ Григорьевичъ, плѣшивый Иванъ Константиновичъ, да Иванъ Николаевичъ Титовъ. Они бѣгали и поймали въ лѣсу дѣвку, Авдотью Васильевну, красивую Авдотью Васильевну. А Авдотья Весильевна въ любви была съ Титовымъ. Они играли въ ирвасы; они бѣгали за дѣвками, какъ ирвасы бѣгаютъ за важенками; важенки были дѣвки, мужики ирвасами были. Они бѣгали, бѣгали и пришли на озеро. Стали смотрѣть сѣтки: смотрѣли, смотрѣли сѣтки и стало уже темнѣть (темниться). Пошли всѣ домой. Василій Алексѣевичъ, отецъ Анны Васильевны, го-

воритъ: „вы дѣточки, подите, покараульте оленей, какъ бы волкъ не пришелъ“. И пошелъ Матвѣй Васильевичъ и Иванъ Васильевичъ, сыновья Василья Алексѣевича въ кегоры; пришли туда и Кириллъ Карповичъ и Трофимъ Алексѣевичъ, да Филиппъ Ѳедоровичъ, да Евстафій Ѳедотовичъ: была съ ними и Домна Антоновна. Они сидѣли, сидѣли, стали въ карты играть; они играли въ карты; пришли къ нимъ и женки, всѣмъ пришлось по женкѣ. Всѣ стали въ карты играть—вдругъ пришло витряно Домнѣ Антоновнѣ пониже живота. Домна Антоновна и говоритъ: „Мужики, кто знаетъ изъ васъ витряно снимать“. Мужики всѣ вмѣстѣ стали витряно снимать, щупаютъ, витряно не находятъ; нашли наконецъ витряно пониже живота и сняли съ нея витряно. Посмотрѣли потомъ на озеро—а озеро чернѣй угля. Кириллъ Карповичъ и говоритъ: „видно, что будетъ дождь—озеро зачернѣло“. Тутъ вышла Соломонья Андреевна изъ куваксы и говоритъ: „мужики, снимали вотъ витряно, а у насъ собака лѣсная пришла (волкъ), задавила у насъ оленя въ кегорахъ, а другаго задавила у самой вѣжи“. Ребята испугались, и выскочили, и забѣгали вокругъ озера: бѣгали — видятъ вокругъ озера задавлено 15 оленей. Пришелъ и самъ Василій Алексѣевичъ въ кегоры и говоритъ: „Ну что дѣлаете? Почто у меня много оленей лѣсныя собаки уходили, цѣлыхъ пятнадцать штукъ?“ Домна Антоновна и говоритъ: „прости ты, Василій Алексѣевичъ, у меня боль случилась — витряно; мужики и снимали у меня витряно, лѣсной собаки и не слыхали“. Василій Алексѣевичъ и говоритъ: „неужели?“ Она отвѣчаетъ: „правда, правда Василій Алексѣевичъ“. Онъ говоритъ ей: „покажи-ка, мнѣ, гдѣ у тебя, Домна Антоновна, снимали витряно“. „Мнѣ нельзя, говоритъ, показать—стыдно“. Матвѣй Григорьевичъ пришелъ; они вмѣстѣ съ Васильемъ Алексѣевичемъ пошли въ вѣжу, и стали пить ромъ; а тамъ его $1/2$ анкерка было; народу тутъ никого не было; они вдвоемъ все и выпили. А другіе надѣли лыжи и побѣжали вокругъ озера оленей загонять, да звать на помощь народъ изъ погоста. Искали кругомъ озера, долго искали, наконецъ пригнали на озеро всѣхъ оленей: собаки помогли. Всего оленей пригнали 709 штукъ—такъ много („такъ густо“) было на озерѣ оленей, что негдѣ человѣку пройти. Пригнали оленей и въ вѣжу пришли. Было всего четыре волка, которые на оленей пришли; одного убили, три волка осталось. Убилъ волка Кириллъ Карповичъ. Онъ и сталъ хвастаться и говоритъ: „вы не убили, а я убилъ. Что ты мнѣ Василій Алексѣевичъ дашь за то, что я одну лѣсную собаку убилъ. Дашь-ли мнѣ свою дочь, чтобы съ ней ночь проспать?“ Василій Алексѣевичъ говоритъ: „которую тебѣ? Ту, говоритъ, которая покрасивѣе — Анну Васильевну нельзя дать; возьми Авдотью Васильевну“. Кириллъ Карповичъ говоритъ: „можетъ у Авдотьи Васильевнѣ другой ужъ былъ до меня, потому и даешь ее“. Поспорили; потомъ пошли всѣ въ погостъ и опять заиграли въ ирвасы, женки были важенки, а мужики ирвасы и гонялись за женками, какъ ирвасы за важенками. А весной Авдотья Васильевна родила парня, пришла къ отцу и говоритъ: „отецъ, я родила; надо кому нибудь отдать, чтобы себя не посрамить и людямъ никому не говорить“. Отецъ и говоритъ: „надо отдать одному старику: за 700 верстъ живетъ онъ. Дать ему надо за это оленей и муки, чтобы кормилъ“. А Матвѣй Григорьевичъ стоитъ подъ окномъ и слушаетъ. Онъ эту пѣснь и сложилъ“.

Приведу еще двѣ пѣсни, повѣтствующія о случаѣ смерти и объ убійствѣ; послѣднее

было уже давно, но разсказъ о немъ остался чрезвычайно живымъ; также сложена давно и пѣснь о пріѣздѣ начальства, но такъ какъ такіе случаи бываютъ довольно рѣдко, то и она осталась въ памяти лопарей.

„Пріѣхалъ изъ Колы въ Нотозерскій погостъ кольскій мужикъ, пріѣхалъ въ церковь—лѣтомъ: остановился онъ у попа. Они пили, попили водки и чаю, сѣли въ карбасъ и поѣхали, а дьячка они и оставили. Дьячекъ шапкой машетъ и говоритъ: „возьмите меня съ собой, возьмите!“. Они и не взяли его, сказали: „оставайся“. Уѣхали они, пристали потомъ къ берегу и пошли по тайболѣ. Дошли до мѣста, гдѣ дорога въ три разныя стороны идетъ: простились и въ разныя стороны пошли. А дьячекъ взялъ маленькій карбасъ, сѣлъ и поѣхалъ за ними; ихъ и не видать, а онъ все шапкой машетъ и кричитъ: „возьмите меня съ собой, возьмите!“ Вина много выпилъ дьячекъ, оттого и кричалъ: оттого и упалъ черезъ карбасъ и утонулъ; онъ стоитъ стоймя въ озерѣ среди осоки, онъ стоитъ и ѣстъ осоку; народъ говоритъ: „видно дьячекъ пошелъ мѣрить много ли саженей глубины въ Туломѣ рѣкѣ. Хотѣли его вынуть, да вода унесла дьячка, унесла его къ Старушечьему порогу. Дѣло было около Петрова дня. У Старушечьяго порога онъ остановился, словно посмотрѣть, гдѣ идетъ русло, чтобы на камень ему не попасть, не разбиться; вода его снова потащила по руслу, заводи выкинули его на берегъ. Дьячекъ тутъ у насъ и лежалъ нарядный: платье на верху свѣтитъ, золотой перстень на рукѣ горитъ. А лопарь въ то время бревна плавитъ ниже порога; взглянулъ онъ и увидалъ, что дьячекъ тутъ лежитъ. Дьячекъ-то весь сгнилъ и платье на немъ уже гнить начало. Выкопалъ онъ тутъ яму, похоронилъ въ ней дьячка и землею засыпалъ, и камень положилъ.“

Федоръ Григорьевичъ да Федоръ Филипповичъ играли. Было тутъ и два кольскихъ мужика; Федоръ Филипповичъ и убилъ двухъ кольскихъ мужиковъ. Онъ и пришелъ въ погостъ. Дѣвки и стали его звать играть: „Федоръ Филипповичъ, говорятъ, подь, поиграй съ нами, подь!“ Онъ и говоритъ: „Дѣвушки хорошія (сигъ-нейдъ) пойдите за хвойникомъ въ лѣсъ; тамъ увидите — скривилась сосна: у сосны помяните Федора Филипповича: онъ весело пѣсни пѣлъ, и хотѣлъ удавиться, повѣситься на соснѣ хотѣлъ, хотѣлъ покачаться на ней“. Дѣвки и говорятъ: „неужели?“ Онъ и отвѣчаетъ: „я тамъ бы удавился, повѣсился бы тамъ, сталъ бы качаться на той соснѣ, если бы не пришелъ Кириллъ; онъ и снялъ меня“. Дѣвки не вѣрятъ, играютъ и говорятъ: „Федоръ Филипповичъ, пожалуйста, подь поиграть съ нами, подь!“ „Съ вами, съ лопскими дѣвушками, говоритъ, не хочу играть: меня кольскія дѣвушки ждутъ къ себѣ играть“. Дѣвки говорятъ ему: „съ тобой кольскія дѣвки играть не будутъ, коли ты у нихъ двухъ мужиковъ убилъ; да и такъ-то не станутъ онѣ съ тобой играть“. „Ничего вы, дѣвки, не знаете, говоритъ; тюрьма — свѣтлая избушка ждетъ меня; я тамъ въ ней буду сидѣть: простите меня братья, друзья и товарищи; отецъ и мать да сестра родная — простите меня“. Потомъ и взяли его и въ Колу повели въ тюрьму.“

„Николай Ивановичъ подрался съ двоюроднымъ братомъ своимъ; сильно онъ съ нимъ подрался; дрались до кровянаго пота; а Филипповна (жена Николая Ивановича) заплакала, заревѣла. А въ погостъ идутъ два ирваса - чиновника; носы большіе у нихъ, съ березы они пыль ѣдятъ; воды-бы попили—воды нѣтъ; черезъ ручей идутъ вода грязна

(т.-е. чиновники устали отъ путешествія). А Филипповна плачетъ-реветъ. Ходитъ Алексѣй Анисимовичъ изъ тупы въ тупу, изъ амбара въ амбаръ, да и самъ реветъ; пришелъ онъ къ Корнилу Петровичу и сталъ говорить: „что мы станемъ дѣлать? заревѣла у насъ Филипповна: въ погостѣ она лучше всѣхъ, и красивѣе всѣхъ; реветъ она—а ирвасы уже близко—услышатъ". Корнила Петровичъ и говоритъ: „нужно денегъ дать ирвасамъ, чтобы хлопотъ не было". Алексѣй Анисимовичъ пошелъ и взялъ ключи отъ амбара.

Самъ идетъ и съ собой разговариваетъ: „жалко дать; а и жалко смотрѣть, какъ у насъ заревѣла лучшая изъ всѣхъ и самая красивая изъ всѣхъ въ погостѣ—Филипповна. Жалко дать, а нужно дать: дамъ старинный протопоповскій серебряный рубль." Онъ пришелъ и далъ Филипповнѣ старинный, протопоповскій серебряный рубль: „Отдай говоритъ, Филипповна, его ирвасамъ, да не реви." Пришли ирвасы - чиновники, пришли въ тупу къ Николаю Ивановичу и стали ихъ мирить. Филипповна и дала имъ старинный протопоповскій, серебряный рубль, да у Николая Ивановича еще портвейнъ былъ, полуанкерокъ портвейна былъ. Одинъ ирвасъ - чиновникъ сѣлъ за столъ и полуанкерокъ портвейна взялъ и сталъ писать, какъ Николай Ивановичъ дрался съ своимъ двоюроднымъ братомъ до кроваваго пота. Писали и портвейнъ пили, и помирили, и стали опять пить. Алексѣй Анисимовичъ ходитъ тихонько мимо тупы Филипповны, войти боится, а самъ все думаетъ: „что у насъ теперь Филипповна дѣлаетъ? Какъ она наладилась: а ревѣть перестала." Пошелъ мимо окошекъ, посмотрѣлъ; видитъ Филипповна самоваръ наставляетъ, чашки моетъ. Вошелъ онъ въ избу и говоритъ: „что у васъ, Филипповна, какъ дѣло дѣлается, наладилось-ли." Она и говоритъ: „ничего наладилось." „Слава Богу, говоритъ Алексѣй Анисимовичъ, что наладилось, и наладилось безъ разныхъ хлопотъ, и что ты ревѣть перестала."

Случаются въ погостѣ и болѣе или менѣе смѣшныя происшествія и, если только однопогощане узнаютъ объ этомъ происшествіи, они и на него сложатъ пѣснь или бывальщину, такъ-же эпическимъ тономъ передавая и смѣшной случай, какъ они передаютъ и разсказы о сватовствѣ и о смерти, и о случаѣ убійства мужемъ жены; въ этомъ случаѣ тонъ разсказа нисколько не измѣняется, каково бы не было его содержаніе: грустное или веселое. Приведу для примѣра одинъ изъ такихъ разсказовъ: бывальщину о томъ какъ жены съѣли оленя и мужей обманули.

„Жили двѣ снохи; ихъ мужья уѣхали на охоту за дикими оленями. Снохи поѣхали на озеро неводомъ рыбу ловить; а мужики увидали оленя, погнались за нимъ: олень и прибѣжалъ къ озеру, гдѣ снохи рыбу неводомъ ловили. Ирвасъ бросился въ воду и поплылъ; онѣ на карбасѣ объѣхали ирваса, бросили ему веревку на рога и поймали его; сами и говорятъ: „убьемъ ирваса и съѣдимъ, а мужьямъ не скажемъ." Онѣ захватили ирваса, притянули его на берегъ и убили; убили и привезли домой. А у нихъ была свекровь старая; онѣ и говорятъ: „намъ попался дикій олень-ирвасъ," и стали его варить а жиру у него было на бокахъ много, толщиной въ двѣ ладони; варятъ и говорятъ старухѣ: „смотри, сыновьямъ не сказывай, какъ они съ охоты придутъ, что мы оленя убили и съѣли." Онѣ старухѣ надѣли бѣлыя каньги, да изъ краснаго сукна и изъ желтаго опоры дали, чтобы она не сказывала; дали ей шелковой съ хазами (нашивками) сара-

фанъ, да рукава кумачемъ обшитые и тоже съ хазами, потомъ съ бисеромъ сороку, да хорошую косынку надѣли на голову ей; на плечи ей надѣли шелковый платокъ, да еще два золотыхъ перстня дали ей, да двѣ сережки золотыя надѣли ей въ уши и говорятъ: „не сказывай сыновьямъ.“ Сварили, стали ѣсть, дали старухѣ; говорятъ: „ѣшь теперь, да сыновьямъ не сказывай.“ Онѣ стали ѣсть; ѣли много. Въ два дня оленя съѣли; на третій день осталось всего голова и копыта.

Жили онѣ, пожили такъ недѣльки двѣ—потомъ пріѣхали мужья; пріѣхали стали спрашивать у женъ: „не видали-ли, говорятъ, такого большаго ирваса; мы его къ берегу пригнали, а убить его не могли.“ Онѣ и говорятъ: „мы не видали никакого оленя; ничего не видали.“ Мужикамъ жалко стало, что пропустили такого оленя; опять спрашиваютъ: „не видали-ли?“ Онѣ опять говорятъ: „мы никакого оленя не видали; мы ничего не видали.“ Снохи пошли опять на озеро неводомъ рыбу ловить, а мужики остались дома со старухой матерью. Старшій сынъ и началъ у матери спрашивать: „видала-ли ты на вѣку своемъ такого оленя: у него непремѣнно было на бокахъ жиру въ двѣ ладони толщиной?“ Она и говоритъ: „не знаю, видала-ли или нѣтъ.“ Онъ и говоритъ: „будто ты не ѣдала такого пойда, чтобы на двѣ ладони шириной было?“ „Я тогда ѣла, говоритъ, когда у меня были бѣлыя каньги на ногахъ, да изъ краснаго и изъ желтаго сукна опоры были у меня, да шелковый сарафанъ былъ у меня съ хазами и бисеромъ сорока была обшита, хорошая косынка когда была на головѣ, а на плечахъ былъ шелковый платокъ, когда у меня золотыя сережки были въ ушахъ—и на рукахъ два золотыхъ перстня.“ Сынъ мать по головѣ гладитъ, смѣется: „Матушка родимая, говоритъ, когда мы были на охотѣ и былъ этотъ день.“ „Да, да говоритъ, дитятко („колосъ“) тогда и былъ этотъ день.“ „Когда замужъ выходила, говоритъ, должно быть была такъ нарядна, тогда матушка ты ѣла.“ Посмѣялись, такъ и не узнали.“

Этотъ шуточный разсказъ имѣлъ въ основѣ какой-нибудь бывшій въ дѣйствительности фактъ, какъ и всѣ остальныя пѣсни и бывальщины лопарей. Съ теченіемъ времени онъ, однако, украсился нѣкоторыми добавленіями и перешелъ изъ разсказа, передающаго дѣйствительное происшествіе въ простой шуточный разсказъ, очень любимый, однако, лопарями. За его относительную древность говоритъ то, что именъ, участвующихъ лицъ, нѣтъ въ разсказѣ, тогда какъ въ новѣйшихъ произведеніяхъ всегда выставляются не только имена, но и прозвища дѣйствующихъ лицъ.

Такъ какъ почти во всякомъ погостѣ можно встрѣтить человѣка, который, или благодаря своимъ личнымъ качествамъ и уму, или благодаря своему богатству, играетъ болѣе выдающуюся роль въ погостѣ, заставляетъ о себѣ говорить, а слѣдовательно и пѣть, чаще чѣмъ про остальныхъ, либо ничѣмъ не выдающихся лицъ, либо выдающихся въ меньшей степени, чѣмъ онъ, то и пѣсни и бывальщины воспѣваютъ, естественно, преимущественно тѣ случаи, въ которыхъ онъ былъ главнымъ участникомъ; въ пѣсняхъ, наконецъ, гдѣ такая личность не играла первенствующей роли, ей все-таки приходится фигурировать, хотя-бы и въ роли второстепенной, такъ что почти всѣ пѣсни даннаго погоста упоминаютъ объ его имени, выводя его то какъ героя, то какъ лицо, отъ косвеннаго вліянія котораго дѣло приняло тотъ или другой оборотъ. И если соединить всѣ пѣсни про такую личность въ одинъ послѣдовательный рядъ, мы можемъ получить до

вольно длинную эпическую поэму о такой личности, болѣе или менѣе подробную его біографію или, по крайней мѣрѣ, довольно подробныя свѣдѣнія объ извѣстномъ періодѣ его жизни.

Такимъ лицомъ на Нотоверѣ является лопарь Иванъ Титовъ, нѣкогда одинъ изъ самыхъ богатыхъ лопарей въ Кольско-лопарской волости и жена его Афимья Егоровна, въ пѣсняхъ называемая часто просто Егоровна, нѣкогда первая красавица всѣхъ окрестныхъ погостовъ. На Нотозерѣ нѣтъ почти ни одной пѣсни, въ которой не упоминался-бы Иванъ Титовъ или Егоровна: то они являются сватами, то миротворцами, то посредниками въ спорахъ двухъ лопарей; то разсказывается про чудесное явленіе, бывшее ему, Ивану Титову; то воспѣвается болѣзнь жены его, Егоровны; однимъ словомъ, почти ни одна пѣснь безъ Ивана Титова или Егоровны не обходится и такъ или иначе упоминаетъ о нихъ.

Славу, которую Иванъ Титовъ и Егоровна стяжали себѣ, объясняется тѣмъ, что они имѣли всегда большое вліяніе на всѣ дѣла въ погостѣ, какъ вслѣдствіе своего богатства и ума, такъ и, между прочимъ, оттого, что Иванъ Титовъ, по выраженію лопарей, „маленько колдунъ", а Егоровна была первой красавицей и тоже „маленько колдовства умѣетъ". Разсказы, какъ Егоровна стала понимать въ колдовствѣ, какъ къ ней являлись духи съ ключами отъ колдовства и какъ, наконецъ, отецъ ея, умирая, оставилъ ей въ наслѣдство свое знаніе въ колдовствѣ — я привелъ уже выше, гдѣ касался колдуновъ современныхъ русскихъ лопарей.

Такъ какъ лопари относятся къ своимъ колдунамъ съ большимъ уваженіемъ и суевѣрнымъ страхомъ, то неудивительно, что Иванъ Титовъ и Егоровна должны были, при своемъ къ тому же богатствѣ и умѣ, выдѣлиться изъ толпы и послужить темой для многихъ пѣсенъ и бывальщинъ. Какъ-бы то ни было, но если соединить всѣ ходящія среди лопарей пѣсни про эту чету, Ивана Титова и Егоровну, въ одно цѣлое, мы получимъ длинную эпическую поэму.

Пѣснь, разъ сложенная на происшедшія въ дѣйствительности событія, продолжаетъ долго еще жить въ устахъ лопарей, конечно, лишь подъ условіемъ, чтобы самъ воспѣваемый фактъ произвелъ болѣе или менѣе сильное впечатлѣніе на свидѣтелей происшествія.

Пѣснь переходитъ изъ устъ въ уста, изъ поколѣнія въ поколѣніе; умираютъ тѣ лица, которыя были виновниками или участниками воспѣтаго происшествія, умираютъ и тѣ, которыя были свидѣтелями его, но пѣснь продолжаетъ жить долго еще въ устахъ потомковъ этихъ лицъ, подчасъ даже потомковъ довольно отдаленныхъ.

Переходя, такимъ образомъ, изъ устъ въ уста, изъ поколѣнія въ поколѣніе, нельзя, конечно, ожидать, чтобы пѣснь оставалась неизмѣнной, чтобы она сохранялась долго въ томъ видѣ, какой она приняла въ моментъ своего появленія.

Съ теченіемъ времени въ пѣсни, какъ и въ бывальщинѣ, происходятъ перемѣны и добавленія: и чѣмъ больше времени протекло съ момента ея составленія, тѣмъ этихъ добавленій больше. Вообще, съ отдаленіемъ отъ времени и мѣста, воспѣтаго происшествія, въ нее вводится элементъ чудеснаго, сказочнаго; событіе украшается чудесами, сверхъестественными явленіями; поэтическіе обороты рѣчи и сравненія встрѣчаются нѣсколько чаще; тутъ на сцену является и собака, которая говоритъ человѣческимъ голосомъ, и орелъ, уносящій

дѣвушку; самъ герой пѣсни совершаетъ почти что сказочные подвиги, проходитъ, напримѣръ, въ нѣсколько часовъ все озеро Имандра, имѣющее болѣе 100 верстъ въ длину и т. д.

Приведу для поясненія вышесказаннаго пѣснь, въ которой элементъ сказки замѣнилъ собою или затемнилъ обстоятельства, сопровождавшія описываемый фактъ.

„Савелій Андреевичъ, говоритъ пѣсня, запоѣзжалъ кь Ирвасъ-Яру; онъ ѣхалъ жениться на Аксиньѣ Евдокимовнѣ; ѣхалъ онъ мимо пожни, въ большіе Кегоры. Вдругъ вышла изъ могилы душа его первой жены Авдотьи Ивановны, стала передъ нимъ и спрашиваетъ: „куда ты, Савелій Андреевичъ, поѣхалъ?“ Онъ говоритъ: „Авдотья Ивановна, я поѣхалъ къ Ирвасъ-Яру жениться на Аксиньѣ Евдокимовнѣ.“ Авдотья Ивановна ушла было опять въ свою могилу, но потомъ опять вышла изъ нея въ одной рубашкѣ и говоритъ: „не привезешь ты лучше меня, не привезешь красивѣе меня, не привезешь такую, что лучше-бы хозяйничала; чѣмъ я.“ Онъ и говоритъ: „перестань, Авдотья Ивановна, говоритъ, что ты пугаешь!“ Она отвѣчаетъ: „такую, какъ я не привезешь, а привезешь съ Ирвасъ-Яра неопрятную, грязную бабу.“ Савелій Андреевичъ поѣхалъ, поскорѣе оленей погналъ впередъ, бѣлыми рукавицами слезы утираетъ; пріѣхалъ къ Ирвасъ-Яру, подарилъ невѣстѣ большой платокъ, а у Авдотьи Ивановны сердце въ могилѣ заныло. Женился Савелій Андреевичъ на Аксиньѣ Евдокимовнѣ; пріѣхалъ къ своему погосту, къ Нотозеру. Они стали жить. Аксинья Евдокимовна стала платья Авдотьи Ивановны носить, у Савелья Андреевича тутъ сердце заныло; а Аксинья Евдокимовна стала каждый день шелковые сарафаны носить, да шелковыя косынки, да серебряный шамширъ.“

Въ приведенной пѣснѣ элементъ сказочнаго затемнилъ или лучше сказать изукрасилъ воспѣваемое происшествіе. Въ ней, какъ вообще и въ остальныхъ пѣсняхъ и бывальщинахъ, онъ выразился довольно блѣдно, вѣрнѣе неискусно; нѣтъ здѣсь живыхъ, яркихъ красокъ. Бѣдна природа Лапландіи, бѣдна и фантазія лопаря. Но сдержанное описаніе явленія мертвой жены и грусти ея, вызванной тѣмъ, что мужъ ея собирается жениться на другой, зависитъ здѣсь отчасти и оттого, что эта пѣснь описываетъ, по вѣрованію лопарей, по крайней мѣрѣ, фактъ, бывшій въ дѣйствительности и пѣснь передаетъ его также сжато и немногословно, какъ и простое обыденное происшествіе.

Вотъ еще примѣръ бывальщины, въ которую введенъ сказочный элементъ, хотя въ сравнительно небольшой долѣ.“ Двѣ снохи жили; мужья ушли на охоту. Онѣ ждутъ четыре недѣли—вѣсти о мужьяхъ все нѣтъ и нѣтъ; думаютъ: „живы-ли они или нѣтъ.“ Сидѣли, сидѣли такъ: прибѣжала къ нимъ ихъ собака; звали ее „ласкова собачка“ (ракисъ-пэнній); пришла къ хозяйкамъ и ластится, хвостомъ вертитъ. Хозяйка и спрашиваетъ: „что собачка, много-ли хозяинъ мяса досталъ, много-ли оленей убилъ дикихъ?“ А другая сноха говоритъ: „что ты это у собаки спрашиваешь!“ Собака хвостомъ завиляла и сказала: „достали-то много мяса, да ѣсть тебѣ не придется.“ Онѣ сидятъ, дожидаются; день сидятъ и другой сидятъ, на третій день идутъ мужья и привезли съ собой сухаго мяса, да язычковъ, да мозговъ, да пойды. Мужики на кару накрошили и говорятъ: „женки сядьте, поѣшьте нашего промысла.“ Онѣ сѣли ѣсть. Которая у собаки спрашивала та взяла первый кусокъ, да тутъ и подавилась, и умерла. Мужики спрашиваютъ: „что такъ она задавилась?“ Та и говоритъ: „она у собаки спрашивала, много-ли

напромышляли, а собака и сказала: много, только ѣсть тебѣ не придется." Они тутъ собаку и убили."

„Въ слѣдующей бывальщинѣ, разсказывающей о похищеніи дѣвушки орломъ, сказочный элементъ преобладаетъ надъ описаніемъ дѣйствительности, но онъ выражается также блѣдно, какъ и въ двухъ вышеприведенныхъ пѣснѣ и бывальщинѣ.

Въ Норвежскомъ городѣ, орелъ-птица утащилъ дѣвушку-барышню; дѣдъ Афимьи Егоровны, Кондратій сидитъ съ братомъ въ кегорахъ о Иванѣ Постномъ въ ночь; сидятъ, а уже темно; вдругъ слышатъ шумъ, словно что летитъ, будто шумитъ сильный вѣтеръ, и тьма накрыла ихъ, а въ тьмѣ слышится жалобный голосъ, словно дѣвушка кричитъ: „ай, ай!" Кондратій и говоритъ: „кто это несчастный? Спустись на землю!" Орелъ спустилъ дѣвку на землю и говоритъ: „я эту дѣвку оставлю, а за нее дайте мнѣ лучшаго оленя." Кондратій говоритъ: „возьми оленя, только дѣвку оставь," и ухватилъ онъ самаго лучшаго оленя и отвелъ въ сторону. Орелъ схватилъ его, оставилъ дѣвушку и улетѣлъ. А дѣвку стали поить теплой кровью—они для того и оленя убили. Три недѣли постоянно поили ее кровью, пока не поправилась. Дѣвка у нихъ цѣлый годъ жила; весной, когда корабли заходили по морю, она письмо написала своимъ роднымъ. Пріѣхали ея родители, и братъ, и сестра, и мать, и отецъ—привезли денегъ; деньги оставили Кондратію, который дѣвку отъ орла спасъ, а дѣвку съ собой взяли. Съ тѣхъ поръ Кондратій и разбогатѣлъ."

Трудно рѣшить, что кроется за этими сказочными подробностями. Быть можетъ Кондратій получилъ деньги за спасеніе дочери какого нибудь норвежскаго купца во время крушенія его корабля, что часто случается на Мурманскомъ берегу, быть можетъ онъ эти деньги пріобрѣлъ другимъ неожиданнымъ образомъ, но тотъ фактъ, что онъ внезапно разбогатѣлъ, поразилъ его односельчанъ и мало-по-малу разсказъ объ этомъ получилъ характеръ сказки.

Какъ я говорилъ уже, лопари безусловно вѣрятъ въ истинность воспѣваемаго въ пѣснѣ или разсказываемаго въ бывальщинѣ событія: это происходитъ оттого, что въ основаніи той и другой лежитъ всегда бывшій въ дѣйствительности фактъ. За таковой онъ и переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Пускай впослѣдствіи онъ изукрасится сказочными подробностями, пускай элементъ чудеснаго затмитъ окончательно дѣйствительность, какъ это произошло въ вышеприведенной бывальщинѣ объ орлѣ и дѣвушкѣ, пускай пѣсня или бывальщина ничѣмъ не будетъ отличаться отъ сказки,—но лопарь все-таки вѣритъ въ нее. Онъ знаетъ, что одно ему разсказывали какъ сказку, а другое какъ бывальщину или пѣсню, и это онъ считаетъ вполнѣ достаточнымъ средствомъ отдѣлить сказку, въ которую онъ не вѣритъ, хотя также охотно слушаетъ ее, отъ бывальщины и пѣсни. „Мало-ли чего теперь не бываетъ, да прежде было," скажетъ онъ и никакія силы его не разубѣдятъ.

Такимъ образомъ съ теченіемъ времени пѣсня, воспѣвавшая сначала лишь происшедшій голый фактъ, становится постепенно сказочнымъ эпосомъ, ея герои—героями легендарными, такимъ образомъ и бывальщина постепенно переходитъ въ сказку. Но повторяю, лопарь все-таки продолжаетъ дѣлать различіе между сказкой и бывальщиной и, вѣря въ безусловную истинность двухъ послѣднихъ, онъ отрицаетъ и не вѣритъ въ опи-

сываемое сказкой событіе. Этимъ-то путемъ и произошли сказочные разсказы о чуди, о дѣятельности нойдовъ, о борьбѣ съ Сталло и т. п.

Принаровленные къ одной личности, они породили эпосъ о богатыряхъ, объ Олофѣ, и Нялѣ и Лаурукаджѣ—всѣ эти разсказы считаются лопарями былью.

Пѣсня, воспѣвая какое набудь происшествіе въ погостѣ, имѣетъ въ виду лишь мѣстный интересъ и не должна бы была выходить за предѣлы даннаго погоста. Въ дѣйствительности это происходитъ иначе: дѣло въ томъ, что, если пѣснь воспѣваетъ какое нибудь событіе, способное заинтересовать не только мѣстныхъ жителей, но и жителей другаго погоста, однимъ словомъ, если воспѣваемое событіе выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ, то пѣснь получаетъ очень скоро распространеніе почти что по всѣмъ мѣстностямъ „Лопи".

Пріѣдетъ лопарь изъ сосѣдняго погоста въ гости, услышитъ новую пѣснь и принесетъ ее собой въ свое селеніе. Тамъ услышатъ ее его односельчане и новая пѣснь вскорѣ получитъ право гражданства на новой почвѣ; изъ этого погоста она заносится въ другой, третій и т. д. и въ непродолжительномъ времени, перелетая изъ устъ въ уста, она идетъ по Лапландіи, разсказывая, что выдающагося случилось въ томъ или иномъ мѣстѣ. Но, конечно, чтобы пѣснь получила распространеніе этимъ путемъ, требуется, чтобы она была настолько интересна, что перенесенная на новую почву, продолжала интересовать своей фабулой слушателей, не знающихъ ни лицъ, о которыхъ идетъ въ бывальщинѣ или пѣснѣ рѣчь, не бывавшихъ, быть можетъ, въ погостѣ, въ которомъ произошло описываемое событіе. Кромѣ этого способа распространенія пѣсни—существуетъ еще другой: лопари какъ я говорилъ, ѣздятъ сватать себѣ невѣстъ въ чужіе, иной разъ отдаленные, погосты. Новая хозяйка, знающая обыкновенно всѣ пѣсни, циркулирующія въ ея селеніи, приноситъ ихъ и на свою новую родину. Отъ нея учатся чужепогостнымъ пѣснямъ и бывальщинамъ и дѣти ея, и родственницы, живущія съ нею подъ одной кровлей, и знакомыя, съ которыми ей приходится встрѣчаться и въ тупѣ и на работахъ. Поэтому случается нерѣдко, что пѣсня, сложенная гдѣ нибудь въ отдаленной отъ Нотозера—Пазрѣкѣ, не отличающаяся иной разъ даже интересомъ своей фабулы, встрѣчается, занесенная этимъ путемъ, въ Нотозерскомъ погостѣ или Сонгелахъ. Такимъ путемъ, между прочимъ, принесена была изъ Пазрѣки на Нотозеро приведенная выше бывальщина о дѣвушкѣ, похищенной орломъ.

Въ тѣсной связи съ описаннымъ видомъ бывальщины и пѣсни лопарской стоятъ и тѣ бывальщины и пѣсни, которыя имѣютъ, такъ сказать, нравоучительный, назидательный характеръ. И этого рода поэтическія произведенія имѣютъ въ подкладкѣ, по убѣжденію лопарей по крайней мѣрѣ, фактъ бывшій въ дѣйствительности; въ нихъ только не обозначается ни мѣсто дѣйствія описываемаго событія, ни имена лицъ, о которыхъ въ пѣснѣ или бывальщинѣ идетъ рѣчь. Это скорѣе басни, которыя указываютъ на требованія, представляемыя общества къ своимъ сочленамъ. Въ большинствѣ случаевъ этотъ видъ бывальщины и пѣсни описываетъ сватовство какого нибудь парня на дѣвушкѣ своего или чужаго погоста; ни именъ парня и дѣвушки, ни мѣста сватовства не указывается; затѣмъ объясняются причины, побудившія парня отказаться взять данную дѣвушку замужъ или наоборотъ мотивы, которыми онъ руководствовался при выборѣ именно ея. Я гово-

рилъ уже въ предыдущей главѣ, что подобныхъ пѣсенъ и бывальщинъ ходитъ много среди лопарей, и что дѣвушка, знающая ихъ, въ состояніи составить себѣ кодексъ правилъ, слѣдуя которымъ она можетъ всегда расчитывать на скорое замужество; въ предыдущей-же главѣ я привелъ двѣ подобныхъ бывальщины. Приведу для большаго поясненія еще одну подобную-же бывальщину.

„Жили лопарь, да лопка; жили богато; у нихъ было двѣ дочери—красивыя, румяныя, бѣлыя, невысокія, не малыя ростомъ. Онѣ сидятъ каждый день въ шелковыхъ сарафанахъ, шитыхъ хазами, и въ повязкахъ, тоже изъ хорошихъ хазовъ, да перстни золотые у нихъ на рукахъ; за нихъ сватались богатые женихи, тоже красивые, удалые, бойкіе. Мать пошла разъ въ лѣсъ за ягодами-ли или зачѣмъ другимъ. Дѣвки хоть и красивыя и богатыя, а говорить не умѣютъ—глупыя. Мать идетъ въ лѣсъ и говоритъ: „если женихи придутъ—не говорите ничего". „Ладно,—говорятъ,—ладно, не будемъ ничего говорить". Мать и ушла въ лѣсъ, а онѣ остались. Какъ мать ушла въ лѣсъ, онѣ вышли дрова колоть; а у топорища привязаны колокольчики, чтобы слышно было и колокольчики поютъ: „саркъ, саркъ, саркъ". Женихи услыхали это и идутъ—двое пришли. Онѣ дровъ накололи, положили въ комелекъ, зажгли, а сами сѣли у приступки (лавка у дверей). Сидятъ, губы жмутъ. Вдругъ женихи пришли, поклонились дѣвкамъ, подали руку и говорятъ: „здравствуйте, хорошія дѣвушки". Дѣвки молчатъ, ничего не говорятъ. Мужики сѣли въ большой уголъ, противъ нихъ; мужики сидѣли, сидѣли, а дѣвки молчатъ: а женихи говорятъ, разсуждаютъ, шутятъ, балуютъ — а дѣвки молчатъ. Одинъ и говоритъ другому тихонько: „Это не шальни (т. е. не хорошія, не завидныя) невѣсты", и спрашиваютъ у дѣвокъ, „что вы, хорошія дѣвушки, молчите, ничего не говорите съ нами". Младшая заплакала и говоритъ: „Намъ мать ничего не велѣла говорить". А старшая говоритъ: „Мать намъ велѣла на жениховъ смотрѣть и молчать — а то, говоритъ, мы глупы: какъ заговоримъ, женихи и уйдутъ". Мужики шапки взяли—да унеси Господи—послѣ и не приходили."

И этотъ видъ пѣсни и бывальщины, при всей кажущейся своей незначительности, имѣетъ для этнографа интересъ въ томъ отношеніи, что изображаетъ намъ идеалъ дѣвушки и жены, который лопарь рисуетъ себѣ въ своемъ воображеніи. Мы замѣчаемъ, что лопарь больше всего ставитъ дѣвушкѣ въ достоинство ея умѣнья хозяйничать и ея умъ, а зачастую въ бывальщинѣ и пѣснѣ женихъ отказывается отъ сватовства только оттого, что дѣвушка не умѣетъ какъ слѣдуетъ принять гостей, сварить пищу и т. п.; умѣнье хозяйничать это первый вопросъ, который рѣшается лопаремъ при выборѣ себѣ невѣсты, а затѣмъ уже идутъ остальныя соображенія о деньгахъ, о приданомъ невѣсты, ея красотѣ и т. д. Въ вышеприведенной бывальщинѣ мы видимъ жениховъ, отказывающихся отъ сватовства только оттого, что невѣсты глупы, и женихи даже не обольщаются ни красотой, ни богатствомъ.

Подобно тому какъ среди сказокъ лопарей встрѣчаются такія, въ которыхъ принимаютъ участіе разныя животныя — встрѣчаются и пѣсни, поющія про разныхъ звѣрей и птицъ. Этотъ видъ пѣсенъ не стоитъ въ связи съ вышеуказанными видами бывальщины и пѣсни, и насколько мнѣ извѣстно, встрѣчаются у лопарей крайне рѣдко. Животныя или птицы представляются людьми, со всѣми ихъ чувствами; иногда придается даже

и человѣческое имя тому или другому звѣрю или птицѣ. Приведу одну такую пѣснь, въ которой воспѣвается невѣрность лебедя своей лебедкѣ. Лебедя въ пѣснѣ величаютъ Осипомъ.

„Гуси-лебеди гонгъ, гонгъ, гонгъ. Лебедка затужила объ лебедѣ; у ней сердце ноетъ о немъ; летаетъ всюду по землѣ, нигдѣ не можетъ тоску забыть. Гуси-лебеди лонгъ, лонгъ, лонгъ. Лебедка летала, летала и прилетѣла къ ручью. Осипъ—„сердцева-тоска" сидитъ въ ручьѣ: Лебедка говоритъ: „Осипъ — мерзавецъ, гдѣ ты сидишь? Осипъ — сердцева-тоска, выйди, долго-ли я буду тебя искать?" Осипъ сидитъ въ глубинѣ, на днѣ и не шевелится; у него волосы серебряные. Она подумала, что его убили, стала приплакивать: „у тебя волосы были серебряные, у тебя гребень былъ золотой, на твое платье любо было смотрѣть, а теперь на кого я буду смотрѣть? Осипъ—сердцева-тоска, что ты, что ты тамъ сидишь, отчего не выходишь?" Осипъ сидитъ тамъ не шевелится, будто камень. Она приплакивала, приплакивала и пошла народъ звать, не могутъ-ли его вынуть. Осипъ зашевелился и закричалъ: „гонгъ, гонгъ, гонгъ!" Она пришла созвала народъ; человѣкъ пришелъ къ ручью, а Осипъ сердцева-тоска сидитъ въ ручьѣ: у него волосы серебряные, чешетъ ихъ онъ золотымъ гребнемъ. Опять Лебедка стала приплакивать: „Осипъ—сердцева-тоска, выйди оттуда!" Мужикъ сталъ его доставать, достать не могъ; взялъ онъ карбасъ и сталъ доставать—достать не могъ; онъ взялъ его и подстрѣлилъ. Лебедка опять заплакала: „Что ты, злодѣй, сдѣлалъ—моего Осипа—сердцеву-тоску убилъ." Она пошла въ ручей посмотрѣть, убитъ онъ или нѣтъ; она его обняла и говоритъ: „Осипъ ты мой христоданный, сердцева-тоска, тебя мужикъ убилъ". Только она это промолвила и сказала: „гонгъ, гонгъ, гонгъ!" мужикъ и ее убилъ, досталъ, положилъ черезъ плечо и унесъ обоихъ."

Какъ не интересны подобныя пѣсни, но ихъ очень мало среди лопарей и все-таки преобладающимъ видомъ является пѣснь, воспѣвающая дѣйствительный фактъ, бывшій въ сравнительно недавнее время.

Есть еще видъ пѣсни у лопарей: Богъ вѣсть когда и кѣмъ сложены онѣ; не имѣютъ онѣ и подкладки въ дѣйствительности, лишены подчасъ всякаго смысла. Если я упоминаю о нихъ, то только оттого, что ихъ много ходитъ по Лапландіи, что ихъ поютъ очень часто и на пути, и во время рыбной ловли и другой работы, хотя сами лопари чистосердечно надъ ними смѣются. Вотъ одна изъ такихъ пѣсенъ, которую мнѣ пѣли лопарки при переѣздѣ отъ ст. Кицкой въ Колу.

Я Катерина Васильевна, ты Катерина Семеновна,
У меня кошелекъ съ деньгами, у тебя кошелекъ съ деньгами,
У меня сорока узорчатая, у тебя сорока узорчатая,
У меня сарафанъ съ хазами, у тебя сарафанъ съ хазами и т. д.

И кончается первой же строчкой:

Я Катерина Васильевна, ты Катерина Семеновна.

Таковъ характеръ разныхъ произведеній лопарскаго народнаго творчества. Какъ

я говорилъ уже, за послѣднее время замѣчается фактъ вхожденія къ лопарямъ русскихъ сказокъ и, главнымъ образомъ, пѣсенъ, перенимаемыхъ лопарями изъ Колы или съ Мурмана. Лопари нѣкоторыхъ мѣстностей даже неохотно поютъ свои національныя пѣсни и сказываютъ свои бывальщины: они предпочитаютъ и даже считаютъ, такъ сказать, хорошимъ тономъ пѣть русскія пѣсни. Однако это замѣчается пока лишь въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя наиболѣе тронуты русской культурой и не можетъ быть относимо ко всѣмъ русскимъ лопарямъ.

И хотя среди лопарей Массельгскаго погоста мнѣ пришлось слышать извѣстныя по всему сѣверу пѣсни—все-таки народное творчество продолжаетъ развиваться среди лопарей, давая съ каждымъ годомъ все больше и больше бывальщинъ и пѣсенъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ 1-е

Грамота 1697. *)

(Разборъ тяжбы между лопарями и печенгскими старцами).

(Начало изорвалось отъ ветхости) . . . . . . Кольской волости на крестьянъ, что владѣютъ тѣ крестьяне въ Кольскомъ уѣздѣ рѣкою Туломою всею и всякимъ угодьемъ сильно четыре года, и заборы ставятъ черезъ рубежъ на ихъ землѣ за десять верстъ, и съ моря рыбы н....стятъ, и они въ той безпромышленности и должны ...... имъ тою рѣкою Туломою владѣть по писцовымъ книгамъ Василья Агалина.

А въ писцовыхъ книгахъ Василья Агалина да подъячего Степана Федорова 7100 (1592) года написано: за Нотозерскими и Сонгельскими лопарями рѣка Тулома повыше падуна и забора, а ловятъ они красную рыбу, семгу; а рубежъ тотъ по рѣкѣ около ихъ межи и кальнпухи вьверхъ по той рѣкѣ Туломѣ и до верхняго падуна; до ихъ же угодьевъ Нотолзовъ и по той Государевѣ Грамоте въ Колѣ въ волости Старостамъ и цѣловальникамъ и крестьянамъ въ рѣку Тулому, въ лопскіе рыбные ловли, и во всякія угодья вступатца не велѣно и въ той рѣкѣ ихъ лопскими угодьями и ни чѣмъ не владѣли бъ, а владѣли бы лопари Нотозерскіе и Сонгельскіе по прежнему.

А что въ жалованной грамотѣ выше всего выписано изъ писцовой книги Василья Агалина и таковой писцовой книги въ Новгородскомъ Приказѣ нѣтъ, а есть Кольская писцовая книга Алая Михалкова и дѣла всякіе, въ Новгородскомъ Приказѣ; дѣла эти по той алаевой книгѣ. И изъ той алаевой книги выписано ниже сего; и въ прошломъ 204 (1696 г.) мая въ 6 день послана къ тебѣ наша Великаго Государя грамота; а велѣно въ Кольскомъ острогѣ досмотрѣть подлинно Кольскіе градскіе и уѣздные межи, монастырь и посадскіе люди и старцы и уѣздные крестьяне и лопари: какими землями своими и сѣнными покосы и рыбными ловлями и всякими угодьями владѣютъ и въ нашу Великаго Государя казну всякіе оброки и подати платятъ по писцовымъ по васильевымъ книгамъ Агалинымъ 7082 (1574 г.) году, или по алаевымъ книгамъ Михалкова 116 (1608) и 117 (1609) году и съ тѣхъ съ обоихъ книгъ въ Кольскомъ острогѣ въ съѣзжей избѣ списки естли, и буде есть, въ которомъ году съ Москвы изъ Новгородскаго Приказа въ Кольской острогъ присланы и заприписью которыхъ именно дьяковъ: о томъ о всемъ къ Намъ Великому Государю писать подлинно и, выписавъ подлинно, выписку съ писцовой книги Василья Агалина, 7082 (1574) году, за Нотозерскими и Сонгельскими Лопарями многоль рыбныхъ и звѣриныхъ какихъ ловель написано, и въ какихъ

---

*) Нижеслѣдующая грамота была доставлена мнѣ обязательнымъ жителемъ г. Колы, г. Харчевымъ, которому удалось добыть ее отъ лопарей. Послѣдніе хранятъ эту грамоту, какъ нѣчто священное и избѣгаютъ показывать ее русскимъ. Существуетъ преданіе у лопарей, записанное нѣсколькими авторами, и слышанное мною самимъ, что лопари владѣютъ грамотой, данной имъ царемъ Петромъ I, на право владѣнія землей. Эта грамота хранится въ лѣсу и пробита копьемъ, въ знакъ того, что, если кто нибудь нарушитъ грава лопарей на ихъ землю, они могутъ идти войной на нарушителя. Повидимому преданіе это имѣетъ отношеніе именно къ этой грамотѣ. Г. Харчевъ, имѣвшій въ рукахъ подлинную грамоту, сообщалъ мнѣ, что она написана на свиткѣ и заключается подписью Петра I-го.

урочищахъ и межахъ и въ которыхъ межахъ и озерахъ; также и печенскаго монастыря старцы въ той же Васильевой книгѣ Агалина рыбныхъ и звѣрпныхъ какихъ ловель что написано. И буде написано, въ которыхъ рѣкахъ и озерахъ и въ какихъ урочищахъ и съ кѣмъ смежно, также съ Нотозерскими и Сонгельскими лопарями въ угодьяхъ какихъ рыбныхъ ловель половина или какая доля тѣмъ же печенскимъ старцамъ въ той же Васильевой книгѣ Агалина написана, и въ которыхъ рѣкахъ и озерахъ и урочищахъ и какъ лопскому и монастырскому промыслу межа въ той Васильевой книгѣ Агалина написана, потому что въ алаевой писцовой книгѣ Михалкова написано: на Туломѣ рѣкѣ рыбная ловля и лопскіе угодья отъ межи отъ Кальнпухи до падуна осенняго промыслу по писцовой книгѣ Василья Агалина печенскимъ старцамъ полтрети а достальное лопарское. И что онъ Алай въ книгѣ своей вышеписанное написалъ и то въ Васильевой книгѣ Агалина написано дать тоже выписку, за своею рукою прислать къ Москвѣ.

Ивъ нынѣшнемъ въ 205 (1697) году ноября въ 2-мъ числѣ писалъ ты къ намъ Великому Государю, что въ Кольскомъ острогѣ подъячимъ велѣлъ ты сыскать, и по сыску кольскіе градскіе и уѣздные люди и монастыри и посадскіе люди и стрѣльцы и уѣздные крестьяне и лопари землями своими и всякими угодьями владѣютъ, и въ нашу Великаго Государя казну всякіе оброки платили и съ переписанныхъ книгъ 186 (1678) году по писцовой книгѣ Агалина 7082 (1574) году, каковы въ Кольскомъ острогѣ въ приказной избѣ есть, Алаевыхъ книгъ Михалкова 116 (1608) и 117 (1609) годовъ въ Кольскомъ острогѣ нѣтъ, а какъ Васильевы книги Агалина въ Кольской острогъ присланы, а Алаевы книги неприсланы и о томъ въ Кольскомъ острогѣ грамотъ и никакихъ указовъ несыскано; старыхъ подъячихъ нѣтъ—спросить неукого. А которые книги въ Кольскомъ острогѣ въ приказной избѣ есть, по которымъ книгамъ Кольскаго острога и уѣзду всякихъ чиновъ жители дань и оброкъ и всякіе доходы платили до 183 (1675) году, и что въ тѣхъ книгахъ написано за Сонгельскими и Нотозерскими лопарями и за Печенгскими старцы и съ нихъ велѣлъ ты подъячимъ написать выпись.

А въ спискѣ съ писцовой книги, какова въ Кольскомъ острогѣ въ съѣзжей избѣ за приписью дьяковъ Ивана Вахратьева да Ивана Норманскаго 7082 (1574) года написано: погостъ Сонгелье стоитъ надъ лѣшимъ озеркомъ, а въ немъ живутъ лопари крещенные въ вежахъ: всего восемь вежъ; людей въ нихъ двадцать одинъ человѣкъ, а угодья у нихъ лѣшая рѣчка и озера: Шуло озеро, рѣчка Павна, Черно озеро, рѣчка Черня, Мавно озеро, Ворнакъ озеро, рѣчка Нерпя, Мочатцо озеро, рѣчка Мочадца, Ловно озеро, рѣчка Ловно, Ентосъ—озеро, рѣчка Ентосъ, Куносъ—озеро, рѣчка Куня. А ловятъ они на тѣхъ на всѣхъ рѣчкахъ бобры, а въ озерахъ ловятъ бѣлую рыбу; да они же владѣютъ съ Нотозерскими лопари на рѣкѣ на Туломѣ, а ловятъ красную рыбу семгу во всѣ промыслы опричь верхняго забору, да и Ното озеро, да съ ними заодинъ вѣдаютъ, а вѣдаютъ они тѣ рыбные ловли, угодья, рѣчки и озера лопскіе и рѣку Тулому и Ното озеро бобровые ловли и всякія угодья промежъ себя, сами, изстари, а межа имъ съ монастырскими угодьями Печенгскаго Монастыря по Бабъ-озеро по Кардовааръ, по другую сторону отъ Нотозерскихъ лопарей Ното озеро по глубокой ручей.

Погостъ Нотозеро стоитъ на рѣкѣ на Нотѣ а въ немъ лопари живутъ крещенные тягловые, а непашенные въ вежахъ; всего девятнадцать вежъ, а людей въ нихъ 28 человѣкъ; а угодья у нихъ: Совно озеро и Ерсо-озеро, Чермонко озеро, рѣчка Улита, Печь озеро, рѣчка Печь, да Кормо-озеро, Кормо ручеекъ, рѣчка Рундова, рѣчка Писта, рѣчка Толонга, Мела озеро, Пира озеро, рѣчка Вуя и съ ручейки, Суда озеро, Гирвасъ-озеро, рѣчка Гирвасъ и съ ручейки, Товади-озеро, рѣчка Товда и съ ручейки, Качкомо-озеро, рѣчка Качкоса, рѣчка Рявья, и всего двѣнадцать озеръ да десять рѣкъ да два ручейка. И по тѣмъ озерамъ ловятъ бѣлую рыбу, а въ рѣчкахъ и ручейкахъ бобры бьютъ, и красную рыбу семгу ловятъ; да того погоста Нотозерскаго лопарей на рѣкѣ на Туломѣ йо выше падуна заборъ, а ловятъ въ немъ красную рыбу семгу, да они-жъ ловятъ на рѣкѣ Туломѣ красную рыбу семгу сетми отъ Кольскіе межи отъ Кальнпухи вверхъ по рѣкѣ по Туломѣ до верхняго падуна; да ихъ же угодье Ното озеро; а ловятъ на немъ бѣлую рыбу, а тѣ они свои угодья рѣчки и озера и ручейки вѣдаютъ промежъ себя изстари, по своимъ крѣпостямъ. А въ рѣкѣ Туломѣ, опричь верхняго забора, и въ Ното озерѣ Сонгельскаго погоста жильцы вѣдаютъ съ ними вмѣстѣ изстари, по своему, безъ записи 99(1591 г.), про которую объявлено.

Печенгскаго Монастыря Игуменъ Антоній съ братіею дали на себя мировую запись Нотозерскаго погосту всѣмъ лопарямъ Денису Яковлеву съ товарищи; били-жъ челомъ они намъ Великому Государю, что

у нихъ Игуменъ съ братіею межъ тѣми Нотозерскими и Сонгельскими лопарями въ Туломѣ подъ падуномъ и подъ каменемъ и во всѣхъ ловляхъ красные рыбы, а въ озерахъ и въ рѣкахъ бѣлые рыбы ловли, какъ прежде сего Игуменъ у нихъ лопарей взяли въ наемъ и они, Игуменъ съ братіею, не ходя въ Судъ, помирились, съ 99 (1591 г.) въ кормахъ и подводахъ и во всякихъ нашихъ Государевыхъ доходахъ сочлись, и имъ Игумену съ братіею впредь до того дѣла нѣтъ, на Нотозерскихъ и на Сонгельскихъ лопарей съ 99 (1591 года) и за прошлые годы не искать, а впредь съ 99 (1591 г.) марта съ 25 числа давати Игумену съ братіею Нотозерскимъ и Сонгельскимъ лопарямъ за ихъ угодья съ полрѣки Туломы и съ лѣшихъ озерныхъ ловель во всякіе наши Государевы доходы изъ четвертины, и въ кормъ, и дацкаго короля даньшика въ кормы же и въ прогоны за всѣ по полтора рубли на годъ... они игуменъ съ братіею то дѣло впредь не вчинать, и на нихъ игуменъ съ братіею по сей записи взяли заразъ сто пятьдесятъ рублевъ. Къ той записи Игуменъ Антоній да четыре человѣка послуховъ руки приложили. Да въ 159 (1651 г.). ноября въ 30 день послана отца же нашего Государева Блаженные памяти Великаго Государя Грамота съ прочетомъ въ Кольскій острогъ: велѣно лопарямъ сказать именно, что-бы они старыми угодьями по прежнему, а учинить о томъ велѣно законно по прежнимъ грамотамъ, ваковы посланы о томъ въ Кольской острогъ въ прошлыхъ во 145 (1637) и во 152 (1644) и во 157 (1649 годахъ), а Печенскаго монастыря Игумену въ томъ отказать, потому лопскіе угодья въ куплю продавать и въ оброки отдавать не велѣно, а по записи лопарей Печенскаго монастыря на старцовъ взаразъ дать судъ, а по суду и по сыскѣ указъ учинить безволокитно вправду.

Да во 185 (1677) и во 186 (1678) годѣхъ посланы брата Нашего Государева блаженные памяти Великаго Государя Царя и великаго князя Федора Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца двѣ грамоты съ прочетомъ въ Кольскій острогъ: велѣно старинными лопскими всякими угодьями владѣть тѣмъ лопарямъ по прежнему по писцовымъ книгамъ Василья Агалина 7082 (1574) году и по прежнимъ нашимъ Государевымъ Грамотамъ 96 (1588) и 157 (1649) и 159 (1651) годовъ, которые посланы по мѣстамъ думнымъ дьякомъ. А что Печенскаго Монастыря Старцамъ въ жалованной грамотѣ 183 (1675 г.) написано за ручнымъ спискомъ пражнихъ жалованныхъ грамотъ 99 (1591) и 116 (1607) годахъ: велѣно лопскими угодьями владѣть по купчимъ и по даннымъ и по инымъ крѣпостямъ, и что о тѣхъ же лопскихъ угодьяхъ до 179 (1661) и 183 (1675 г.) посланы наши Государевы двѣ Грамоты по челобитной Печенскихъ старцевъ, и по тѣмъ грамотамъ тѣми лопскими угодьями владѣть имъ Печенскимъ старцамъ нынѣ и впредь не велѣно, потому что въ указѣ 132 (1624) года написано: во всѣхъ городѣхъ посацкимъ людемъ, въ монастыри посацкихъ дворовъ и лавокъ въ плану давать не велѣно; да и для того имъ старцамъ тѣми угодьями владѣть не велѣно, что въ грамотахъ 156 (1649) и 159 (1651) годовъ написано: лопскихъ угодьевъ продавать и въ оброкъ отдавать не велѣно.

Да по челобитьи Печенскаго монастыря старцовъ послана Государева грамота въ Колу къ воеводѣ: велѣно о тѣхъ угодьяхъ указъ учинить по прежнимъ грамотамъ каковы посланы во 145 (1637) и во 152 (1644) годахъ; а по записи взарядъ дать судъ, а Печенскаго монастыря игумену, въ томъ отказать, потому что Лопскіе угодья въ куплю и оброкъ отдавать не велѣно. И во 155 (1647) году въ Новгородскомъ приказѣ Печенскаго монастыря старцы подали крѣпости, и съ тѣхъ крѣпостей въ спискахъ написано.

Въ купчей 128 (1620) году Никитка Васильевъ, Нотозерской лопарь, продалъ Печенгскаго Монастыря Игумену съ братіею на Туломѣ рѣкѣ подъ Падуномъ свой участокъ одинъ, красную рыбу семгу въ нижнихъ тоняхъ и котелные мѣста, опричь камени и лахты впрокъ безъ выкупу; денегъ взялъ сорокъ алтынъ.

Въ данной 128 (1620) году Нотозерской лопарь Харитонко Юрьевъ съ женой Марьицею дали вкладомъ въ Печенгскій Монастырь угодье свое, что у него на Туломѣ рѣкѣ, межъ лопарями, опричь монастырскія половины подъ Падуномъ, во всѣхъ своихъ рыбныхъ ловляхъ красныя рыбы семги и въ жеребьихъ озеркахъ и въ звѣриныхъ угодьяхъ и въ бобровыхъ тонѣхъ, чѣмъ онъ Харитонко владѣлъ и въ заборѣ выше Падуна и Шовку рѣчку; а что буде доведется въ городовую подѣлку и въ подводы и во всякіе лопскіе расходы по разсчету своего угодья, и то тянуть Печенгскимъ старцомъ.

Въ данной 129 (1621) году Никитка Васильевъ Нотозерской лопарь съ женою Афросиньицею да съ сыномъ Ваською дали въ Печенгской Монастырь за двадцать за пять рублевъ вкладомъ, впрокъ во вѣки, свое владѣнье на Туломѣ рѣкѣ подъ Падуномъ, красные рыбы ловли подъ каменемъ и въ лахтѣ двѣ чет-

верти съ осьминою, да въ тѣхъ-же тоняхъ и въ котелныхъ мѣстахъ и въ зашейкѣ въ заборѣ десять участковъ промежъ Нотозерскими и Сонгельскими лопари. А игумену съ братіею за тотъ вкладъ его Никитку въ Монастырь покоить, какъ и прочихъ вкладчиковъ и братіевъ до его смерти, а женѣ его и сыну давать изъ монастыря по три мѣры муки ржаной на годъ со 129 (1621) году впредь до ихъ смерти, да съ того-жъ ево угодья игумену съ братіею платить расходъ съ Нотозерскими лопарями вмѣстѣ.

Въ данной-же 129 (1621) году Нотозерской лопарь Кипріянко Романовъ съ сестрою Ульянкою дали вкладомъ въ Печенгской Монастырь впрокъ свое угодье, что далъ въ тотъ Монастырь дѣдъ ихъ Дениско Яковлевъ за себя и за жену свою и за нихъ, внучатъ, на Туломѣ рѣкѣ подъ Падуномъ въ рыбныхъ ловляхъ вотчинное свое и прикупленнаго и наемнаго полвосьма участка коренныхъ, да семь участковъ захребетныхъ, да подъ Лутковою четверть, ночныхъ въ лахтѣ и подъ каменемъ и котельные мѣста и съ нижними тонями и въ верхнемъ заборѣ противъ участковъ коренныхъ, чѣмъ дѣдъ ихъ Дениско владѣлъ изстари.

Въ отписи 127 (1619) году Нотозерскіе лопари Агейко Прокофьевъ да Ефремка Федоровъ участники подпадунскіе во всѣхъ своихъ товарищехъ, которые промышляютъ отъ Падуна, дали отпись Печенгскаго Монастыря игумену съ братіею за ихъ промыслъ за старца Досифея во ево развыткѣ, что межъ ими была его Досифея развытка въ промыслу; а взяли рубль пять алтынъ три деньги за 127 (1619) годъ.

Въ купчей 142 (1634) году Маринка Яковлева дочь, Нотозерка, Клементьевская жена, съ дѣтьми съ Ивашкомъ да Сысачкомъ продали Печенгскаго Монастыря игумену съ братіею участокъ свой по Туломѣ рѣкѣ подъ Падуномъ ловли красной рыбы, что ей Маринкѣ съ дѣтьми межъ ими Печенгскаго Монастыря въ ловляхъ однѣхъ жеребьяхъ доведется съ 142 (1634) году впрокъ безъ выкупу; а взяли за все денегъ пять рублевъ.

Въ Кабалѣ 145 (1637) году Нотозерскій лопарь Ивашко Никитинъ занялъ у Колянъ у Антипки да у дѣвки Сусловыхъ пять рублевъ двадцать три алтына двѣ деньги, а заложилъ въ тѣхъ деньгахъ свое падунское угодье, чѣмъ онъ владѣлъ и промышлялъ до сроку до Петрова дни 146 (1638) году безъ росту, а по срокѣ имъ Антипкѣ и дѣвкѣ та кабала, купчая и отводная впрокъ безъ выкупу.

Въ данной 154 (1646) году Нотозерскій лопарь Никитка Михайловъ далъ въ Печенгской монастырь вкладомъ владѣнья своего угодья рыбные ловли на Туломѣ рѣкѣ подъ Падуномъ въ Кольской четверти, подъ каменемъ и въ лахтѣ и въ лутенныхъ мѣстахъ и въ Падунскомъ Заборѣ и зарѣчныхъ неводныхъ ловляхъ во всей Лопской четверти пятнадцатая рыба за девять рублевъ.

Да въ Кольскихъ писцовыхъ книгахъ письма Алая Михалкова 116 (1608) и 117 (1609) и 119 (1611) годовъ написано: Печенгского Монастыря за Старцы угодья по Государевѣ Царевѣ и Великаго Князя Василья Ивановича всея Россіи грамотѣ 115 (1607) за приписской дьяка Нечая Федорова пожни, отъ Кальнпухи вверхъ до Артэмьева острова до верхняго конца, да противъ Харитонова острова поженки, да выше Пяйвы рѣчки поженка, да въ Муромашахъ по обѣ стороны пожни промежъ монастырскими-же пожнями, у тони Пещанки да на Горѣломъ острову поженка; да за печенскими-же старцы половина забору что въ Туломѣ рѣкѣ повыше Падуна, другая половина Колянъ Посацкихъ людей: ловить имъ красную рыбу семгу. Да печенгскіе старцы ловятъ красную рыбу семгу той-же рѣки сетми, пополамъ съ Нотоз. и Сонгельск. лопари въ лахтѣ и нижней тони и въ кореникахъ и въ захребетникахъ въ низъ по Туломѣ рѣкѣ во всей рыбной ловлѣ по половинамъ; а межа съ Кольскими крестьяны по Карчь ручей, по дѣловой записи лопарей Семенки Шапова даньщика, да Дениски Яковлева, да Харитонки Юрьева, да Васки Каньева сына старосты Никитки Васильева,... Прокофьева, Михалки Анисимова, Парфенки Степанова, Ониска Карпова, Якушки Филиппова и всѣхъ Нотозерскихъ и Сонгельскихъ лопарей 96 (1588) году. Да въ той-же Туломѣ рѣкѣ рыбная-жъ ловля и лѣшіе угодья отъ межъ отъ Кальнпухи до Падуна; осенній промыселъ въ той рыбной ловлѣ по писцовымъ книгамъ Василья Агалина, да подъячего Степана Соболева Печенгскимъ старцомъ полтрети: да въ той-же рыбной ловлѣ половина Нотозерскыя погоста Лопину Харитонку, да полтрети Ромашку, да Василискѣ, да Маврицѣ Юрьевымъ дѣтемъ Петрова полтрети, Евлампеѣ Яковлевѣ дочери Коржавина, да Кольскаго крестьянина Васьки Семенова, да Печенскаго-же Монастыря старцовъ угодья — рыбные ловли и сенные покосы, оброчные и данные. А въ Государевѣ Царевѣ и Великаго Князя Василья Ивановича всея Россіи жалованной грамотѣ 115 (1607) году тѣ угодья за ними не написаны, а иные за ними прибыли, послѣ Государевы жалованной грамоты; Падунъ на Туломѣ рѣкѣ подъ Кривецкимъ порогомъ, на лѣвой сторонѣ. Половина того

Падуна Печенгскаго Монастыря старцовъ, а другая половина Нотозерскихъ и Сонгельскихъ лопарей, что была прежъ сего Нечайка Иванова да Васьки Алексѣева; а ловили въ немъ напередъ сего красную рыбу семгу заборцомъ, на другой сторонѣ пониже забора ловили рыбу неводомъ, а нынѣ тотъ Падунъ лежитъ впустѣ, а рыбу не ловятъ, потому что у нихъ тѣмъ падуномъ запираетъ рыбу на той на Туломѣ рѣкѣ подъ Падуномъ. А оброку съ него было напередъ сего по Васильевымъ книгамъ Агалина по полтинѣ на годъ, а впредь имъ давати оброку по двадцати алтынъ на годъ.

Да во 179 (1661) году апрѣля въ 19 день по челобитьи Печенскаго Монастыря старца Васьяна съ братіею послана отца Нашего Государева блаженныя памяти Великаго Государя Грамота въ Кольской острогъ: велѣно Печенскаго монастыря старцамъ отвесть и отмежевать угодья противъ прежняго отказу и жалованныхъ грамотъ и противъ писцовыхъ книгъ Алая Михалкова. А которые рыбные ловли давали въ Монастырь лопари и тѣми ловлями владѣть лопарямъ по прежнему указу, а Печенскимъ старцамъ въ томъ отказать, потому что лопскіе угодья въ куплю продавать и въ оброкъ отдавать невелѣно.

И во 182 (1674) году били челомъ намъ Великому Государю Печенскіе старцы, что съ прежнихъ жалованныхъ грамотъ и съ писцовыхъ книгъ о всемъ какъ въ тѣхъ книгахъ написано дать имъ на листу жалованную грамоту за красною печатью и подали къ выпискѣ съ жалованныхъ грамотъ списки за руками того Монастыря прежнихъ игуменовъ и соборныхъ старцовъ. А въ тѣхъ спискахъ написано: въ 99 (1591) году Великій Государь Царь и Великій князь Ѳеодоръ Ивановичъ всея Россіи пожаловалъ живоначальной Троицы Печенскаго монастыря игумена Васьяна съ братіею или кто по немъ иной будетъ; къ тому ихъ Монастырю у нихъ угодьевъ по рѣкѣ по Туломѣ пожни; въ рѣкѣ Туломѣ рыбная ловля подъ крикцомъ, а была та рыбная ловля за Нечайкомъ Поповымъ; да вверхъ по Туломѣ рѣкѣ въ Мурманахъ тоня островская съ горовными мѣсты тоня въ Кальнухѣ съ горовными мѣсты по Карчъ ручей, да рыбная-жъ ловля вверхъ рѣки Туломы подъ Падуномъ и подъ каменемъ во всѣхъ ловляхъ половина съ Сонгельскими и Нотозерскими лопарями, по купчимъ и по даннымъ грамотамъ, и съ тѣхъ ихъ и съ иныхъ монастырскихъ угодьевъ и рыбныхъ ловель пошлинъ и дани и оброку искать не велѣно; та имъ въ Монастырь въ ругу, панахидныхъ денегъ вмѣсто и для того, чтобы Монастырь строить.

Въ другомъ списку съ жалованной грамоты Великаго Государя Царя и Великаго Князя Василья Ивановича всея Россіи самодержца 115 (1607) году къ монастырю написаны тѣжъ рыбные ловли и угодья, что выше сего въ первомъ списку написано, да сверхъ того написана рѣчка Улита и велѣно имъ тѣми угодьями владѣть безданно и безпошлинно.

И во 133 (1675) году съ тѣхъ жалованныхъ грамотъ того Монастыря строитель Сергій Кандаловъ съ братіею Нашего Великаго Государя жалованная грамота дана во всемъ противъ прежнихъ вышеписанныхъ грамотъ. Да въ прошлыхъ въ 183 (1675) во 185 (1677) и 195 (1687) годѣхъ по челобитью Печенскихъ старцовъ посланы нами Государевы грамоты съ прочетомъ въ Кольской острогъ: велѣно Печенскимъ старцамъ рыбные ловли и сѣнные покосы и всякіе угодья отвесть и отмежевать противъ прежняго указу и жалованныхъ грамотъ и противъ писцовыхъ книгъ Алая Михалкова. А которые рыбные ловли и сѣнные покосы дали въ Монастырь лопари или Коляне посадскіе люди или стрѣльцы или уѣздные крестьяне послѣ выше помянутыхъ писцовыхъ книгъ и тѣми ловлями и покосы владѣть противъ прежняго указу лопарямъ и пасацкимъ людемъ и стрѣльцамъ и крестьянамъ; а Печенскаго Монастыря старцамъ въ томъ отказать. И впредь лопарямъ и посацкимъ людемъ и стрѣльцамъ и уѣзднымъ крестьянамъ участковъ своихъ и рыбныхъ ловель и сенныхъ покосовъ и въ Печенскій монастырь поступати и отдавать отнюдь не велѣно; а буде которые люди въ томъ объявятся, и тѣмъ учинено будетъ жестокое наказаніе и угодья и земли велятъ назадъ поворотить, потому что оброчнымъ людемъ угодьевъ и земель въ куплю продавать и въ оброкъ отдавать не велѣно.

И въ прошломъ во 196 (1688) году писалъ къ намъ Великому Государю изъ Кольскаго острогу стольникъ и воевода Князь Иванъ Чесменской и прислалъ съ подпискою своею о падунскихъ и кривецкихъ и что подъ каменемъ въ заборѣ рыбныхъ ловляхъ и о убыткахъ тридцати двухъ рублей судное дѣло за своею рукою списокъ. А въ судѣ отвѣтчикъ лопянинъ говорилъ, и сказалъ-де онъ истецъ челобитьемъ своимъ нынѣшнимъ и старымъ и писцовыми книгами Алая Михалкова хочетъ правъ и виноватъ быть: а по челобитью де ихъ истцовъ и по грамотамъ велѣно угодья имъ отвесть и отмежевать по послѣднимъ писцо-

вымъ книгамъ. А во 174 (1666) и во 176 (1668) годѣхъ они старцы и тѣ ихъ вкладчики, которые въ челобитьѣ написаны тѣ писцовые книги Алая Михалкова прочили и о томъ порокѣ въ Кольской острогъ противъ своего челобитья свозили грамоты и послѣ тѣхъ грамотъ подавали многіе челобитные и тѣ писцовые книги порочили-жъ, а нынѣ де тѣми писцовыми книгами правятся и въ томъ они лопари шлютца на тѣ грамоты, что по ихъ Печенскихъ старцовъ челобитьи въ Кольской острогъ присланы и на ихъ челобитье и потому де тѣ книги неправые; и ихъ ложное челобитье стало явно, и тѣмъ ложнымъ своимъ челобитьемъ они насъ Великаго Государя оболгали, а по ложному ихъ челобитью и грамота имъ дана, и что изъ грамотъ, кои даны въ Кольскій острогъ противъ челобитья ихъ и изъ челобитья ихъ выписать и судное то дѣло послать къ Москвѣ. И истецъ, выслушавъ ссылокъ, на грамоты слался и писцовыхъ книгъ не порочилъ, и противъ общихъ ссылокъ изъ грамотъ и изъ челобитья и изъ заочной ставки и изъ писцовыхъ книгъ росписался. А что въ Кольскомъ острогѣ подъ суднымъ дѣломъ росписано изъ нашихъ Государевыхъ грамотъ, каковы въ Кольскій острогъ были посыланы во 173 (1665) г. мая въ 11, да во 173 (1665) г. іюля въ 29, да во 176 (1668) годѣхъ іюля въ 31 числѣхъ, каковы писаны выше сего, и тѣхъ отпусковъ сыскать негдѣ, потому что тѣхъ годовъ, столповъ и записныхъ книгъ въ Новгородскомъ приказѣ нѣтъ; и въ прошломъ 204 (1696) году мая въ 6 день послана къ тебѣ наша Великаго Государя грамота: велѣно въ Кольскомъ острогѣ въ приказной избѣ пріискать подлинные грамоты, которые присланы въ Кольскій острогъ въ прошлыхъ годѣхъ до 173 (1665) и до 176 (1668) годовъ. По челобитью Колянъ всякихъ чиновъ жилецкихъ людей, что писцу Алаю Михалкову въ Кольскомъ острогѣ писцоваго дѣла дѣлать не велѣно, а велѣно изъ Колы ѣхать ему къ Москвѣ, какъ о томъ сказано въ челобитьѣ Печенскихъ старцовъ и Колянъ всякихъ чиновъ людей, въ прошломъ во 176 (1688) году, каково было въ Кольскомъ острогѣ; а потому ихъ челобитью и во спискахъ воеводъ Ивана Дверкалова и Князь Ивана Чесменскаго выше сего написано. И по тѣмъ вышеписаннымъ грамотамъ Алай Михалковъ изъ Кольскаго острогу къ Москвѣ съѣхалъ довершать все писцовое дѣло или невершать. Да велѣно же пріискать другіе двѣ грамоты прошлыхъ 173 (1665) году іюля 11 числа, да 176 (1668) году іюля 31 числа, что за приписью дьяковъ Дмитрія Шубина и Ивана Степанова, и подлинную челобитную Печенскихъ старцовъ и Кольскихъ всякихъ чиновъ жителей 176 (1668) декабря 11 числа, и черные отписки Ивана Дверкалова и Князь Ивана Чесменскаго, и противъ тѣхъ отписокъ очную ставку Кандалакшскихъ старцовъ съ Печенскими старцы и Коляны посадскими людьми и судное дѣло исправивъ грамотно 173 (1665) и 176 (1668) годовъ въ Колѣ, что учинено все, собравъ въ одно мѣсто, за воеводскою рукою прислать къ Москвѣ съ нарочнымъ гонцомъ съ Кольскимъ подъячимъ тотчасъ. И въ нынѣшнемъ 205 (1697) году ноября во 2 числѣ писалъ ты къ намъ, Великому Государю челобитную де Печенскихъ старцовъ и Колянъ посадскихъ людей 176 (1668) и грамоты 173 (1665) и 176 (1668) г. за приписью дьяковъ Дмитрія Шубина, да Ивана Степанова, и подлинную челобитную Печенскихъ старцовъ и Кольскихъ всякихъ жителей, и черные отписки Ивана Дверкалова и очную ставку Кандалакшскихъ старцовъ съ Печенскими старцы и съ Коляны посадскими людьми, что есть было въ Кольскомъ острогѣ въ приказной избѣ присланъ къ Москвѣ; а князь Ивановой де черной отписки Чесменскаго въ приказной избѣ подъячіе не сыскали.

И изъ того присыланнаго дѣла выписано въ подлинной грамотѣ прошлаго 173 (1665) г. апрѣля 27 числа за приписью дьяка Дмитрія Шубина, написано: отцу Нашему Государеву Блаженные памяти Великому Государю били челомъ Печенскаго Монастыря Келарь старецъ Сава съ братіею, да Кольскаго острогу посадскіе люди староста Савка Яковлевъ съ товарищи Кольскаго-жъ острогу на уѣздныхъ людей Кандалакшскіе и Ковдскіе и Керетскіе и пребольшихъ волостей на крестьянъ и Сонгельскихъ и Нотозерскихъ и Кандалашскаго Монастыря на Игумена Іоакима съ братіею: Написаны де въ Кольскихъ Писцовыхъ книгахъ Василья Агалина да Степана Федорова противъ сотного письма пашенной земли къ Кольскому острогу въ четверти сохи въ лукахъ, за кѣмъ что есть луковъ и кто чѣмъ владѣетъ и въ данныхъ книгахъ по имъ Великаго Государя дань сбираютъ съ нихъ и съ уѣздныхъ людей на всякой годъ; и на нихъ де Печенскаго Монастыря и на Колянъ безъ наказу наложено мимо писцовыхъ и данныхъ книгъ во всякіе ихъ расходы и Московскимъ стрѣльцамъ и за хлѣбные запасы и въ земскіе расходы три доли, а на уѣздныхъ людей четвертая доля опроче большихъ волостей пашенные земли и крестьянъ и Сонгельскихъ и Нотозерскихъ; а за Кандалакшскими де старцы захребетниковъ торговыхъ и промышленныхъ людей много; а намъ Великому

Государю ничего не платятъ живутъ въ избылыхъ, а пребольшахъ де волостей пашенныхъ крестьянъ ста съ четыре и больше, и никакихъ податей не платятъ-же, только де въ годъ заплатятъ одну дань съ луковъ своихъ, а живутъ въ избылыхъ-же, а имъ Колянамъ ничего не помогаютъ, и они де за хлѣбные запасы Московскимъ стрѣльцамъ и воеводской дворъ строючи и въ съѣзжую избу подъячего и сторожа и дрова и заплечнаго мастера и въ тюремные сторожи отплачиваютъ за уѣздныхъ людей, животовъ убыли и промысловъ своихъ отстали и въ нашихъ Великаго Государева податяхъ днемъ стоятъ на правежѣ, а ночью сидятъ въ тюрьмѣ и помираютъ голодною смертію, и разорились совсѣмъ и подати платить стало нечемъ и подводъ ставить некому, и Намъ великому Государю пожаловать-бы ихъ, Печенскаго Монастыря Келаря старца Саву со братіею и посадскихъ людей, тѣмъ уѣзднымъ людямъ Кандалакшскіе и Ковдскіе и Керетскіе пребольшихъ волостей пашеннымъ крестьянамъ и Сонгельскимъ и Нотозерскимъ и Кандалакшскаго Монастыря игумену Іоакиму съ братіею и захребетникамъ, которые живутъ въ избылыхъ съ нимъ Печенгскими старцы и Кольскими посадскими людьми въ наши Великаго Государя подати и за хлѣбные запасы и воеводской дворъ въ подѣлку и въ съѣзжую избу и во всякіе расходы и въ подмогу развытить по лукомъ, по писцовымъ и по даннымъ книгамъ, что есть луковъ, и не велѣти ихъ за тѣхъ уѣздныхъ людей и за старцовъ за напрежной платежъ на правежѣ убить и въ тюрьмѣ голодною смертію поморить. И по той Нашего Великаго Государя грамотѣ воеводѣ Якову Стрѣшневу въ Кольскомъ острогѣ и въ уѣздѣ Кандалашской и Ковской и въ Керецкой и въ пребольшихъ волостяхъ и въ Монастыряхъ велѣно про то сыскать, сколько за кѣмъ по писцовымъ книгамъ луковъ, а по сыску и по писцовымъ книгамъ во всякомъ тяглѣ ихъ и за стрѣлецкіе хлѣбные запасы поверстать, чтобы никто ни за кого лишняго тягла не платилъ.

Да отцу-жъ Нашему Государеву Блаженные Памяти Великому Государю били челомъ Печенскаго Монастыря Келарь старецъ Веньяминъ съ братіею, да Кольскаго острогу староста Гришка Кощеевъ и всѣ достальные посацкіе люди четырнадцать человѣкъ; въ прошломъ де 173 (1665) г. прислана Наша Великаго Государя грамота въ Кольскій острогъ къ воеводѣ къ Якову Стрѣшневу за приписью дьяка Дмитрія Шубина, а велѣно Кольского острогу уѣзднымъ людямъ Кандалашскіе и Ковдскіе и Керецкіе и пребольшихъ волостей крестьянамъ и Кандалашскаго Монастыря игумену Іоакиму съ братіею и захребетникомъ, которые за ними живутъ въ избылыхъ съ ними Печенскими старцы и посацкими людьми въ Наши Великаго Государя въ подати и въ хлѣбные запасы на жалованье Московскимъ стрѣльцамъ и воеводской дворъ въ подѣлку и въ съѣзжую избу и во всякіе расходы и въ поденочку развытить по лукомъ по писцовымъ книгамъ, что есть луковъ за ними и за уѣздными людьми и никто бы въ избылыхъ не былъ; и онъ де стольникъ и воевода Яковъ Стрѣшневъ не развытилъ для того что случилась ему перемѣна. И въ прошломъ де во 174 (1666) году по той грамотѣ стольникъ и воевода Иванъ Дверкаловъ ихъ старцовъ и посадскихъ и уѣздныхъ людей по писцовымъ книгамъ развытилъ по лукомъ, что есть луковъ за ними старцы и Кольскими уѣздными людьми. Потомъ къ намъ Великому Государю писалъ и подъ отпискою своею послалъ роспись и по той де развыточной росписи на нихъ за хлѣбные запасы деньги на прошлой на 174 (1666) и на 175 (1667) годы доправилъ и послалъ къ Москвѣ, и въ прошломъ же де во 175 (1667) г. году прислана въ Кольской острогъ грамота къ нему же Ивану Дверкалову; а велѣно Кольского острогу имъ Печенскаго Монастыря старцамъ и Коляномъ посацкимъ людемъ и Кандалашскаго Монастыря игумену съ братіею и Кандалашскимъ крестьянамъ межъ себя во всякихъ податяхъ дать счетъ по писцовымъ книгамъ последняго писца Алая Михалкова, буде тѣ книги чѣмъ не опорочены и челобитья ни отъ кого не бывало, а по счету и во всякихъ податяхъ учинить безволокитно; а за Кандалашскимъ Монастыремъ, которые есть захребетники и въ тягло не положены, и тѣхъ захребетниковъ написать въ тягло и положить, смотря по промысламъ. И во прошлыхъ де во 116 (1608) и во 117 (1609) годѣхъ присланъ былъ съ Москвы въ Кольскій острогъ писецъ Алай Михалковъ да дьякъ Василій Мартемьяновъ, и тотъ де писецъ Алай Михалковъ у нихъ Печенгскихъ старцовъ и у посацкихъ людей просилъ посуловъ а писать хотѣлъ ихъ промыслы въ луки легче книгъ прежняго писца Василья Агалина, и они де тому писцу Алаю отказали, и тотъ писецъ Алай, за то бранясь на нихъ, тонные ихъ промыслы не противъ стараго писца Василья Агалина книгъ писалъ луки со многою прибылью, и написалъ много прибылыхъ; за ними Печенгскими старцы двадцать три лука съ полулукомъ и полчети и полполтрети лука, а за посацкими людьми пятьдесятъ луковъ съ полполтрети луковъ, и они де на того писца, что онъ во многіе новые луки пишетъ, били челомъ, и тому

писцу велѣно ѣхать къ Москвѣ, а писать ему тѣхъ ихъ промысловъ не велѣно, и съ Москвы въ Кольскій острогъ почему сбирать всякіе подати книгъ его писма неприслано, а сбирать съ нихъ и со всѣхъ уѣздныхъ людей всякіе подати луковую дань и съ новокрещенныхъ и съ некрещенныхъ троеданныхъ лопарей; а Свицкаго и Дацкаго королей поголовную прежняго писца Василья Агалина, по книгамъ, тому де девяносто третій годъ.

А тѣ де Кольскіе уѣздные Пречистенскіе Старцы и Кандалашскіе крестьяне, бивъ челомъ, чтобы имъ платить всякіе подати по лукамъ послѣдняго писца Алая Михалкова, потому что тѣ Кандалашскіе крестьяне прежъ сего писца Алая подкупили: въ книгѣ противъ прежняго писца за ними двадцать луковъ съ подлукомъ.... и изъ полполтрети лука не написалъ ничего, а сами и по сіе число всякіе подати сбираютъ съ тѣхъ луковъ по прежнимъ книгамъ писца Василья Агалина да по.... Степана Федорова. И намъ Великому Государю пожаловать бы ихъ не велѣть; тому ихъ ложному челобитью не вѣрить, а велѣть бы имъ съ тѣми старцами и Кандалашскими крестьяны по книгамъ Василья Агалина и по росписи, что развытилъ Стольникъ и воевода Иванъ Дверкаловъ дать счетъ, потому что они, посацкіе люди, и тѣ Пречистенскаго Монастыря Старцы и Кандалашскіе крестьяне и всѣ уѣздные люди и крещенные и некрещенные лопари тѣхъ временъ девяносто третьяго году всякіе доходы сбираютъ и платятъ по тѣмъ писцовымъ книгамъ Василья Агалина, а не по Алаевымъ книгамъ Михалкова; да книгъ его въ Кольской острогъ не прислано, потому что ему писать ихъ промыслы не велѣно и сію бы челобитную послать къ Москвѣ. Къ той Челобитной три человѣка старцовъ, да четыре человѣка посацкихъ людей руки приложили."

Да въ прошломъ же 176 (1668) году Декабря въ 12 день били челомъ отцу Нашему Государеву блаженные памяти Великому Государю Кандалашскаго Монастыря Игуменъ Іоакимъ съ братіею да Кандалашскіе волости крестьяне въ прошлыхъ де во 171 (1663) и во 173 (1665) и во 174 (1666) годѣхъ, по ихъ челобитью даны имъ грамоты, а по тѣмъ де грамотамъ велѣно Печенскаго Монастыря Старцамъ и Кольскимъ посацкимъ людемъ съ ними во всякихъ земскихъ расходахъ, въ подводахъ и въ кормахъ счетъ дать, съ коихъ лѣтъ счету не бывало противъ прежнихъ счетныхъ грамотъ: по прежнему Печенскаго Монастыря Старцовъ и посацкихъ людей трема доли а имъ четвертою долею, а безсчету де не велѣно на нихъ искать ни въ какіе земскіе расходы и Коляны де посацкіе люди и Печенскаго Монастыря Старцы съ ними ни въ чемъ не считались: учинились сильны и непослушны.

Да въ прошломъ же де 175 (1667) году били челомъ они, Коляны посацкіе люди, и Печенскаго Монастыря Старцы о счетѣ и о поверсткѣ земскихъ всякихъ расходовъ, и противъ де того челобитья дана имъ общая Грамота; а велѣно имъ съ Коляны Посацкими людьми и съ Печенскими Старцы дать счетъ во всякихъ земскихъ расходахъ по писцовой книгѣ послѣдняго Писца Алая Михалкова по лукомъ безволокитно. По счетѣ де они по многіе годы волочась обнищали и одолжали; и намъ Великому Государю пожаловать бы ихъ: велѣть въ Кольскомъ острогѣ съ Коляны посацкими людьми и съ Печенскими Старцы во всякихъ земскихъ расходахъ въ подводахъ и въ кормахъ дать счетъ по писцовой книгѣ послѣдняго писца Алая Михалкова по лукомъ, чтобы имъ отъ многіе волокиты въ конецъ не погинуть; у той челобитной ничьей руки не приложено; да подъ той челобитной въ очной ставкѣ написано: 176 (1668) г. Декабря въ 12 день Коляны Посацкіе люди Васька Звягинъ счетоварницы на очной ставкѣ съ черным дьякономъ Исидоромъ, выслушавъ челобитную, сказали: въ Кольскомъ де острогѣ книгъ Алая Михалкова нѣтъ, а дань де они платятъ по писцовой книгѣ Василья Агалина; по той де книгѣ они и считаются и они де кандалашскіе старцы дань платятъ по той же книгѣ, потому де они по алаевымъ книгамъ и не считаются, что тѣхъ Алаевыхъ книгъ нѣтъ и въ Кольской острогъ тѣ книги не присланы; и билъ челомъ Ивашко Звягинъ, чтобы его Дьякона допросить, по которой де книгѣ они дань платятъ; и черный дьяконъ Сидоръ сказалъ: по которой де книгѣ они дань платятъ, того онъ не знаетъ, а вѣдаютъ де про то прежніе старцы, а онъ де въ Монастырѣ человѣкъ новой. И Васька Звягинъ сказалъ—у нихъ де на Москвѣ на Алая Михалкова было челобитье, потому де въ Кольской острогъ его Алаевыхъ книгъ и не прислано, тутъ де его книги и опорочены; а въ Кандалашской де волости и въ Монастырѣ по Васильевой книгѣ Агалина написано сорокъ луковъ, а въ Алаевыхъ книгахъ написано двадцать луковъ, а двадцать луковъ Алай Михалковъ имъ съ братіею и Кандалакскаго Монастырѣ наровя далъ. Къ той очной ставкѣ черной дьяконъ Сидоръ руку приложилъ. Васька Звя-

гинъ, вмѣсто Келаря, старца Веніамина, и посацкихъ людей, по ихъ велѣнью, руку приложилъ, и подъ тою очною ставкою черная отписка Стольника и воеводы Ивана Дверкалова.

Да въ подлинной же грамотѣ прошлаго 177 (1669) году Іюля 11 числа, за приписью Дьяка Ивана Степанова написано. писалъ къ Намъ Великому Государю изъ Кольскаго острогу Стольникъ и воевода Иванъ Дверкаловъ: въ прошломъ де во 177 (1669) году били челомъ намъ Великому Государю Печенскаго Монастыря Келарь, старецъ Аркадій, съ братіею, да Кольского острогу земской староста Сенька Яковлевъ и за всѣхъ Колянъ посацкихъ людей вмѣсто, чтобы имъ старцемъ и посацкимъ людемъ Кандалашскаго Монастыря старцами и съ уѣздными крестьяны дали счетъ по лукамъ въ податяхъ и въ мирскихъ расходахъ, сколько за кѣмъ луковъ будетъ по писцовой Книгѣ Василья Агалина; а по очной де ставкѣ Кандалашскаго Монастыря черной дьяконъ Сидоръ да Кандалакшанинъ Кондрашко Малой сказали: по писцовымъ де книгамъ писца Василья Агалина по луковой дани съ Коляны посацкими людьми и съ Печенскими старцы во всякихъ податяхъ и земскихъ расходахъ считаются; а Коляны де посацкіе люди и Печенскіе старцы дань платятъ съ своихъ угодьевъ по писцовой книгѣ Василья Агалина, по двадцати по одному алтыну съ лука, потому что Кольскіе луки добрые промышленные; а кандалашскіе старцы и крестьяне съ своихъ луковъ дани платятъ по той же книгѣ Василья Агалина по шести алтынъ по четыре деньги съ лука, потому что Кандалашскіе луки худые и не промышленные, какъ въ рускихъ городахъ пахатные добрые и середніе и худые земли в подати имутся кольскихъ угодьевъ лукъ, а кандалашскихъ противъ Кольскаго лука будетъ три лука слишкомъ; а Печенскаго Монастыря старецъ Сергѣй, да земской староста Сенька Молавистовъ сказали, что Кандалашскіе луки Кольскихъ луковъ лучше и на тѣхъ Кандалашскихъ лукахъ сѣнные повосы и лѣса добрые да промежъ Кандалашскими крестьяны прилегли Печенскаго Монастыря три лука безъ четверти, а емлютъ де тягло съ тѣхъ луковъ межъ себя по десяти рублевъ на годъ, а имъ де Кольскихъ луковъ противъ Кандалашскихъ луковъ положить втрое и считатця нельзя; а буде же противъ нашего Великаго Государя грамотъ луковъ противъ лука положить и они де во всякихъ податяхъ считаются; а Кандалашскаго Монастыря черной дьяконъ Сидоръ да Кондрашко Малой сказали: есть де у нихъ четыре варницы соляныхъ Монастырскихъ а пятая де варница на наемной землѣ, а строенье той варницы монастырское и буде имъ печенскимъ старцамъ и колянамъ посацкимъ людямъ понадобятся варницы и они бъ себѣ также строили и въ томъ намъ Великому Государю въ пошлинѣ прибыли будетъ, а что де Кольскіе свои луки охулили и на тѣхъ своихъ лукахъ промысловъ не сказали и тѣ ихъ луки промышленные и тонные; промысловъ на тѣхъ лукахъ много, а купятъ они межъ себя на лукахъ тони по девяносто и по сту рублевъ слишкомъ, и оброчныхъ ловель и сѣнныхъ покосовъ на тѣхъ лукахъ много, а владѣютъ они коляны изъ малаго оброку, а дани намъ Великому Государю не платятъ и въ счетъ не кладутъ; а Печенскаго Монастыря старецъ Сергѣй да земской староста Сенька Яковлевъ сказали, что де у нихъ воды купленные, а лѣса и земля Лопскіе згодья. и на тѣхъ згодьяхъ кто у нихъ лопарей изъ найму емлетъ, тотъ и промышляетъ, и потому де у колянъ и у печенгскихъ старцовъ съ кандалашскими старцы и съ уѣздными крестьяны межъ себя и счету нѣтъ. И по той нашего Великаго Государя грамотѣ Кандалашскаго Монастыря Игумену съ братіею Печенскаго Монастыря съ Келаремъ Аркадіемъ съ братіею и съ Коляны посацкими людьми и съ уѣздными крестьянами въ подводахъ и во всякихъ податяхъ велѣно считаться, по писцовой книгѣ Василья Агалина по дани и по оброку, кто сколько платитъ. Да въ черной отписѣ Стольника и воеводы прошлаго 177 (1669) году Ивана Дверкалова написано тожъ, что и въ грамотѣ.

Подъ тою черною отпискою въ подлинной грамотѣ прошлаго 176 (1668) г. мая 29 числа за приписью дьяка Ивана Степанова написано. апрѣля въ 19 день писалъ къ намъ Великому Государю изъ Кольскаго острогу стольникъ и воевода Иванъ Дверкаловъ, что де противъ челобитья Кольскаго острогу Кандалашскаго Монастыря чернаго дьякона Исидора Коляне посацкіе люди и Печенскіе старцы о счетѣ на очной ставкѣ сказали, что въ Кольскомъ острогѣ послѣдняго писца Алая Михалкова книгъ нѣтъ, и въ Кольской острогъ тѣ Алаевы книги не присланы, потому что тотъ Алай почалъ Кольскіе луки писать съ прибылью и въ томъ де на того Алая на Москвѣ было челобитье и тѣмъ де челобитьемъ тѣ его Алаевы книги опорочены, а дань и оброкъ и всякіе подати платятъ они Коляне съ уѣздными людьми вмѣстѣ по писцовой книгѣ писца Василья Агалина тому де девяносто третій годъ, по той они книгѣ считаются; а тѣ де Кандалашскіе старцы и Кандалашскіе крестьяне платятъ по той Васильевой книгѣ Агалина, а не по Алаевой

книгѣ Михалкова, да въ Кандалашской де волости и въ Кандалашскомъ Монастырѣ въ писцовой книгѣ Василья Агалина написано сорокъ луковъ, а въ Алаевыхъ книгахъ написано за Кандалашскимъ Монастыремъ и за Кандалашскими крестьяны двадцать луковъ, а двадцать де луковъ имъ убавлены наровя Кандалашскимъ старцамъ и крестьянамъ; а въ Кольскомъ де острогѣ въ съѣзжей избѣ писцовыхъ книгъ Алая Михалкова нѣтъ, прежніе де подъячіе померли, спросить про Алаевы книги неукого, а дани и оброки и всякіе подати Коляны посацкіе люди и уѣздные крестьяне и Печенскіе и Кандалашскіе старцы и крещенные и некрещенные лопари платятъ по писцовой книгѣ Василья Агалина; а тѣ де книги за дьячими руками дьяковъ Ивана Нормацкого да Ивана Вахромеева; а про Печенской Монастырь и про Порѣегубскую волость про луки сколько Монастырскихъ и крестьянскихъ луковъ въ отпискѣ его, какова прислана въ прошломъ во 174 (1666) году не написано, потому писца Василья Агалина за Печенскимъ Монастыремъ и въ Порѣегубской волости, сколько луковъ, того въ писцовой книгѣ не написано; а Печенскаго де Монастыря старцы подати платятъ и всякую раздѣлку межъ себя чинятъ съ Коляны посацкими людьми вмѣстѣ; и по той грамотѣ Кольского острога Печенскаго Монастыря старцамъ и Колянамъ посацкимъ людямъ и уѣзднымъ крестьянамъ и Кандалашскаго Монастыря Игумену съ братіею во всякихъ податяхъ велѣно дать счетъ, по прежнему указу, и указъ учинить по писцовымъ книгамъ, книгамъ Василья Агалина; буде доведется чтобы впредь челобитьевъ не было. И 177 (1669) году декабря въ 21 день Кольского острогу староста Сенька Яковлевъ да Печенскаго Монастыря старецъ Сергій, да Кандалакшскаго Монастыря Черной дьяконъ Исидоръ, да Кандалакшанинъ Кондрашко Трофимовъ, выслушавъ всѣ грамоты на очной ставкѣ, и Печенскаго Монастыря старецъ Сергій, да земской староста Сенька Яковлевъ подали о счетѣ за рукою челобитную. А въ ней написано: Отцу Нашему Государеву Блаженные памяти Великому Государю били челомъ Печенскаго Монастыря Келарь старецъ Аркадій съ братіею, да Кольского острогу староста Сенька Яковлевъ и во всѣхъ Колянъ посацкихъ людей мѣсто въ прошломъ де во 169 (1661) году били челомъ они Кандалашскіе волости на крестьянъ и Пречистенскаго Монастыря на старцовъ и на всѣхъ уѣздныхъ людей, что тѣ Пречистенскіе старцы и Кандалашскіе крестьяне въ Кольскомъ острогѣ за хлѣбные запасы уфтенные деньги платятъ неполна, а недоимку пишутъ въ смѣтныхъ спискахъ на нихъ, а имъ де въ земскіе ни въ какіе расходы не платятъ, и по ихъ де челобитью прислана грамота за приписью дьяка Дмитрія Шубина къ стольнику и воеводѣ къ Якову Стрешневу, а велѣно Кандалашскаго Монастыря старцамъ и уѣздныхъ волостей крестьянамъ всякіе подати и за стрѣлецкіе хлѣбные запасы и всякіе земскіе расходы платить по писцовымъ книгамъ Василья Агалина; и въ прошломъ де во 170 (1662) году на тѣхъ Кандалашскихъ старцахъ и крестьянѣхъ во всякіе земскіе расходы деньги доправлены на одинъ годъ, а сколько доправлено и въ томъ отпись дана; да въ прошломъ де во 176 (1668) году прислана грамота-жъ къ стольнику и воеводѣ къ Ивану Дверкалову, а велѣно всякіе доходы разверстать по сколько за кѣмъ луковъ будетъ; и Намъ Великому Государю пожаловать ихъ велѣть тѣмъ Кандалашскимъ старцамъ и крестьянамъ по грамотамъ уфтенные деньги въ съѣзжую избу платить и въ земскіе расходы по писцовой книгѣ Василья Агалина по лукамъ, сколько за кѣмъ луковъ будетъ и прежнихъ годовъ тѣ недоимочные уфтенные деньги тѣмъ Пречистенскимъ старцамъ и Кандалашскимъ крестьянамъ доплачивать; къ той челобитной шесть человѣкъ старцовъ да шестнадцать человѣкъ посацкихъ людей руки приложили. И Кандалашскаго Монастыря Черной дьяконъ Исидоръ да Кондрашко Трофимовъ, выслушавъ заручную челобитную, подали сказку за руками. А въ сказкѣ написано: 177 (1669) году декабря въ 21 день по вышеписанной грамотѣ, какова прислана въ прошломъ 176 (1668) году мая въ 21 день и по писцовымъ книгамъ Василья Агалина по луковой дани, сколько платятъ Коляне съ посацкими людьми и съ Печенскими старцы, во всякихъ податяхъ и всякихъ расходахъ они считаться готовы, а Коляне посацкіе люди и Печенскаго Монастыря старцы дань платятъ съ своихъ угодьевъ по писцовой книгѣ Василья Агалина по двѣ гривны съ луки, потому что луки ихъ заволокомъ непромышленные худые, также какъ въ русскихъ городахъ пахатные земли добрые и середніе и плохіе и по писцовой книгѣ Василья Агалина имѣется Кольскихъ угодьевъ лукъ, а ихъ заволоцкихъ противъ того по той же книгѣ будетъ три лука слишкомъ, потому что ихъ кольскіе луки добрые промышленные, а ихъ луки худые и непромышленные, потому они считаться готовы; а что де въ прошломъ во 175 (1667) году по общему ихъ челобитью съ коляны посацкими людьми и съ печенскими старцы прислана Наша Великаго Государя грамота, что считаться имъ съ ними во всякихъ податяхъ и расходахъ по послѣдней книгѣ писца Алая Михалкова и коляны де посацкіе люди и Пе-

ченскіе старцы того писца своимъ умысломъ опорочили рѣчью, а прежней опорочки писменной ни которой не сыскано въ Кольскомъ острогѣ. А въ грамотѣ де и луки введены, кто чѣмъ владѣетъ, а того послѣдняго писца Алая Михалкова и Коляне по той грамотѣ и послѣдней писцовой книгѣ не считаются; а они де съ ними по той книгѣ считаться готовы жъ, а что они Коляне платятъ уфтевыхъ денегъ мало, а они ихъ оплачиваютъ: платятъ много лишняго, а луки ихъ кольскіе добрые промышленные, а ихъ луки заволокомъ худые и въ томъ де они на нихъ колянъ будутъ бить челомъ о своихъ нуждахъ какъ Четвертные пахотные земли въ русскихъ городахъ добрые и худые верстаютъ и средніе; къ той сказкѣ дьяконъ да старецъ да два человѣка крестьянъ руки приложили. И Печенскаго Монастыря старецъ Сергѣй, да староста Сенька Яковлевъ, выслушавъ сію сказку сказали, что Кандалашскіе луки лучше кольскихъ луковъ, потому что на тѣхъ Кандалашскихъ лукахъ стоятъ пять варницъ соляныхъ, да у нихъ же на тѣхъ лукахъ сѣнные угодья добрые и лѣсы добрые жъ; да сверхъ того межъ Кандалашскими крестьяны прилегли Печенского Монастыря три лука безъ четверти; а за тѣ луки межъ Кандалашскихъ крестьянъ въ тягло емлютъ на годъ по десяти рублевъ, и имъ противъ Кандалашскихъ луковъ въ трое положить и считаться нельзя. А буде противъ грамоты лукъ противъ лука положать, и они съ ними считаются во всякихъ податяхъ; и черной дьяконъ Исидоръ, да Кондрашко Трофимовъ, выслушавъ словеснаго отвѣту: есть де у нихъ четыре варницы монастырскіе на ихъ Монастырской землѣ, а пятая варница на наемной землѣ и строенія той варницы Монастырскіе, а буде имъ понадобятся варницы и они бъ строили себѣ, а они де ихъ не отгоняютъ и чинили бы они въ томъ прибыль также какъ и они чинятъ прибыль и пошлины съ тѣхъ варницъ платятъ, а что Кольскіе свои луки охулили и на тѣхъ лукахъ не сказали никакихъ промысловъ и тѣ ихъ луки промышленные и тонь на тѣхъ лукахъ много, а купятъ они межъ себя на лукахъ тони по девяносту и по сту рублевъ слишкомъ и оброчныхъ мѣстъ на тѣхъ лукахъ много рыбныхъ ловель и сѣнныхъ покосовъ изъ малаго оброку владѣютъ, а дани не платятъ и съ ними въ счетъ не кладутъ, а пишутъ въ своемъ челобитьѣ одни свои луки, а съ писцовой книгой тѣ луки несходны. А Печенскаго Монастыря старецъ Сергѣй да Сенька Яковлевъ сказали, что де есть у нихъ купленные воды, а лѣса и тундры лопское згодье, и на тѣхъ згодьяхъ у нихъ лопарей промышляютъ, кто у нихъ наймуетъ, а прежъ сего были у нихъ варницы въ Кольской Губѣ, на устьѣ Сайды рѣки, и изъ тѣхъ варницъ они ихъ изгонили. И Черной дьяконъ Исидоръ сказалъ—по судному де дѣлу они въ томъ иску платили, а впредь кто будетъ такъ здуруетъ и на то де намъ Государевъ указъ.

А нынѣ били челомъ намъ, Великому Государю, Лопари жъ, судного жъ ихъ дѣла Воевода князь Иванъ Чесменской и намъ Великому Государю писалъ и по той отпискѣ указъ не учиненъ. И во 196 (1688) г. Воевода Иванъ Одинцевъ, наруша прежніе наши Государскіе указы половину стариннаго ихъ угодья, невѣдомо по какому указу, и не призвавъ ихъ лопарей въ отвѣтъ, и велѣлъ владѣть Печенскимъ старцамъ, и они старцы и до нынѣ рыбу промышляютъ, и намъ Великому Государю пожаловать ихъ не велѣть прежнихъ нашихъ Государскихъ указовъ нарушить, а велѣть бы стариннымп угодьями по писцовой книгѣ Василья Агалина владѣть имъ и о томъ дать бы имъ Нашу Государскую Грамоту.

Да намъ же Великому Государю били челомъ Печенскаго Монастыря Игуменъ съ братіею, чтобъ Лопарскому ложному и составному прежнему и нынѣшнему Челобитью вѣрить не велѣть, и половину рыбной ловли чрезъ многіе крѣпости и жалованные Грамоты и мировые записи у нихъ отнять, а велѣть бы тѣми угодьи владѣть имъ по прежнему и о томъ дать бы имъ нашу Государскую Грамоту съ прочетомъ.

И въ нынѣшнемъ въ 205 (1697) году Марта въ 27 день по Нашему Великаго Государя указу думной нашъ дьякъ Емельянъ Игнатьевичъ Украинцовъ съ товарищи, слушавъ выписки приказалъ: въ рѣкѣ Туломѣ и въ Нотоозерѣ красной и бѣлой рыбы ловлями по писцовой книгѣ Василья Агалина 82 (1574) году и по грамотамъ 96 (1588) и 145 (1637) и 157 (1649) и 158 (1650) и 159 (1651) и 185 (1677) годовъ и по помѣтамъ думныхъ дьяковъ Федора Лихачева, Михайла Волошенинова, да Аверкія Кирилова владѣть Нотозерскимъ и Сонгельскимъ Лопарямъ; а Печенскаго Монастыря старцамъ отъ тѣхъ рыбныхъ ловель отказать.

Въ той-же выпискѣ съ писцовой книги Агалина 182 (1574) году, какова въ нынѣшнемъ 205 (1697) году изъ Кольского острогу прислана, написано въ первой статьѣ: подъ Сонгельскимъ погостомъ вѣдаютъ они лопари съ Нотозерскими лопарями на рѣкѣ Туломѣ, а ловятъ красную рыбу семгу во всѣхъ промыслахъ, опричь верхняго забора, да и Нотозера да съ ними за одинъ вѣдаютъ, а вѣдаютъ они тѣ рыбные ловли угодья рѣчки и озера лѣсные и рѣку Тулому и Нотозеро бобровые ловли и всякіе угодья ихъ промежъ себя сами изстари,

а межа имъ съ Монастырскими угодьи Печенскаго Монастыря по Бабъ озеръ по Сеайдовара. а по другую сторону отъ Нотозерскихъ лопарей Нотоозеро, по Глубокой ручей. Да въ другой статьѣ-жъ подъ Нотозерскимъ погостамъ написано Нотозерскаго погоста лопарей на рѣкѣ Туломѣ по выше Падуна заборъ: а ловятъ въ немъ красную рыбу семгу; да они-жъ ловятъ на рѣкѣ-жъ на Туломѣ Красную рыбу семгу сѣтми отъ Кольскіе межи отъ Кальнпухи, вверхъ по рѣкѣ по Туломѣ до Верхняго Падуна, до ихъ же угодьевъ, Нотоозеро, а ловятъ на немъ бѣлую рыбу, а тѣ угодья рѣчки и озера и ручейки вѣдаютъ промежъ себя сами изстари, по своимъ крѣпостямъ, а въ рѣкѣ Туломѣ опричь верхняго Забора и въ Нотозерѣ Сонгельскаго погоста жильцы вѣдаютъ съ ними вмѣстѣ изстари по своему луковому угодью, а за Печенскимъ Монастыремъ въ рѣкѣ Туломѣ и въ Нотоозерѣ никакой рыбной ловли не написано; а по вышеписаннымъ грамотамъ 96 (1688) и 145 (1637) и 157 (1649) и 158 (1650) и 159 (1651) и 185 (1677) годовъ и по помѣтамъ думнымъ дьяковъ велѣно лопарямъ старыми своими всякими угодьи владѣть по тѣмъ писцовымъ Васильевымъ книгамъ Агалина по прежнему; а въ волости старостамъ и цѣловальникамъ и крестьянамъ въ рѣку Тулому въ Лопскіе рыбные ловли и во всякіе угодья вступаться не велѣно, и Печенгскаго Монастыря Игумену и инымъ людемъ, кто у нихъ тѣ угодья въ оброкъ и куплю взяли, безъ нашего Государева указу, велѣно въ томъ отказать, потому что лопскихъ угодьевъ въ куплю продавать и въ оброкъ отдавать никому не велѣно, и потому тѣми угодьи Нотозерскимъ и Сонгельскимъ лопарямъ по той писцовой Васильевой книгѣ Агалина и по грамотамъ владѣть, а Печенскаго Монастыря Игумену съ братіею отказать и приказали: а писцовые-жъ книги Алая Михалкова 116 (1608) и 119 (1611) годовъ и помѣты и Государевы грамоты, каковы по тѣмъ помѣтамъ Печенскаго Монастыря старцамъ даны во 179 (1671) апрѣля въ 19 день, во 183 (1675) г. августа въ 25 день, во 185 (1677) г. февраля въ 7 день, во 185 (1677) годѣхъ іюля въ 17 числахъ и которые списки съ жалованныхъ грамотъ 99 (1591) и 116 (1608) годовъ въ Новгородскомъ приказѣ Печенскіе старцы за руками прежнихъ Игуменовъ и соборныхъ старцовъ къ выпискѣ во 182 (1674) г. положили какъ били челомъ противъ тѣхъ списковъ и противъ Алаевой писцовой книги на листу о жалованной грамотѣ, и тѣ списки и жалованную грамоту, каковая имъ противъ того ихъ челобитья во 183 (1675) г. дана, приказали отставить, потому въ писцовой въ Алаевой книгѣ Михалкова написано: половина забору въ Туломѣ рѣкѣ по выше Падуна за Печенскими старцы по жалованной грамотѣ 116 (1608) году, да за ними-жъ старцы по той же рѣкѣ во всей рыбной ловли половина, а другая половина лопарская, по ихъ лопарской дѣловой записи 96 (1588) году: да въ той-же Туломѣ рѣкѣ рыбная ловля и лѣсные угодья, отъ межи отъ Кальнпухи до Падуна, осенней промыслъ, по писцовой книгѣ Василья Агалина Печенскимъ старцамъ полтрети, а достальное Лопарское да Кольского крестьянина; да ихъ же старцовъ рыбные ловли и сѣнные покосы оброчные и данные, а въ жалованной грамотѣ 117 (1608) году не написаны, а иные прибыли послѣ той грамоты на той же рѣкѣ подъ Кривецкимъ порогомъ, половина Падуна, а другая половина Лопарская; и въ той писцовой книгѣ явилось несходство въ томъ написалъ онъ Алай въ книгахъ своихъ пожни и рыбные ловли Монастырю крѣпки по жалованной грамотѣ 116 (1608) году и той подлинной грамоты въ Печенскомъ Монастырѣ нѣтъ. а подали къ дѣлу они старцы съ нее списокъ за руками прежнихъ Игуменовъ и старцовъ а въ томъ списку написано: сверхъ вышеписаннаго за Монастыремъ рѣчка Улита. А въ его Алаевой книгѣ той рѣчки Улиты за Монастыремъ не написано, да что въ той же писцовой книгѣ написано: рыбная ловля и межа ей по дѣловой записи всѣхъ Лопарей 96 (1588) году и такой записи не явилось же, а явилась запись мировая Печенскаго Монастыря Игумена Антонія, какову онъ далъ лопарямъ Денiску Яковлеву съ товарищи 109 (1601) году и межъ ими разстоянія будетъ три года. А написано въ ней, что помирились съ лопарями въ кормахъ и въ подводахъ и во всякихъ расходахъ съ 99 (1591) году и въ томъ не бить челомъ, а впредь платить ему Игумену имъ лопарямъ за всякіе доходы по полтора рубли на годъ, а межи угодья въ ней не написано. А что въ той же Алаевой книгѣ написано: на Туломѣ рѣкѣ рыбная ловля и лѣсные угодья отъ межи отъ Кальнпухи до Падуна; осенняго же промыслу по писцовой книгѣ Василья Агалина Печенскимъ старцамъ полтрети, а изъ Васильевыхъ книгъ Агалина въ выпискѣ, какову изъ Кольского острогу въ нынѣшнемъ 205 (1697) году прислалъ ты за Печенскимъ Монастыремъ никакой рыбной ловли не написано; да что въ той же писцовой книгѣ неписано, рыбные ловли и сѣнные покосы оброчные и данные, а въ жалованной грамотѣ 116 (1608) году не написаны, а иные за ними прибыли послѣ той жалованной грамоты и сія статья въ Государевой грамотѣ 96 (1588) году какову подали лопари, противна; поэтому, въ той грамотѣ написано: рыбными ловлями и всякими угодьи ве-

лѣно владѣть по прежнему лопарямъ а вступаться въ нихъ никому не велѣно. А та грамота писцовой Алаевой книги Михалкова старѣе девятнадцатью годами; а Васильевы книги Агалина 92 (1574) году Алаевыхъ книгъ Михалкова старѣе тридцатью четырьмя годами, а мировая запись 109 (1601) году старѣе Алаевыхъ книгъ семью годами, а списокъ съ грамоты 99 (1591) году Печенскіе старцы подали ихъ же Игуменовой мировой записи 109 (1601) году старѣе девятью годами. А въ той записи Печенскаго Монастыря Игуменъ съ братіею написалъ, что они, лопари, били челомъ въ Туломѣ рѣкѣ и въ озерахъ и въ рѣкахъ о всѣхъ рыбныхъ, красныхъ и бѣлыхъ ловляхъ, какъ прежъ сего они Игуменъ у нихъ лопарей имали въ наемъ, не ходя въ судъ, во всякихъ доходѣхъ сочлись и помирились и впредь платить имъ лопарямъ пополтора рубли на годъ, а писцовой книги Алая Михалкова, томъ же спискѣ съ грамоть старѣе семнадцатью годами, а въ той писцовой книгѣ о томъ спискѣ ничего не помянулось

И за вышеписаннымъ несходствомъ тую писцовую Алаеву книгу Михалкова отставить приказали, да и потому тую писцовую Алаеву книгу Михалкова отставить, что лопари въ Челобитьѣ своемъ написали въ прошломъ 119 (1611) году: какъ приходили подъ Кольской острогъ свѣтскіе нѣмцы войною и лучшихъ многихъ людей побили и въ полонъ побрали и въ полону померли съ животами ихъ и угодьемъ четвертью рѣки Туломы и анбарцами завладѣли Печенскаго Монастыря старцы, потому что дѣти тѣхъ побитыхъ лопарей остались малы и угодьи своими владѣть не могли и потому по всему знатно, что промысла Печенскаго Монастыря старцамъ писецъ Алай Михалковъ тѣ рыбные лопарскіе ловли въ книгахъ своихъ за Монастыремъ написалъ въ то воинское время отъ нихъ лопарей утайкою и потому по всему тѣ писцовые Алаевы книги Михалкова и списки съ жалованныхъ грамотъ отставить и приказали.

А вышеописанные помѣты и Наши Государевы Грамоты 179 (1671) и 183 (1675) и 185 (1677) и 195 (1687) годовъ отставить приказали, потому что по тѣмъ помѣтамъ и по Нашимъ Государевымъ Грамотамъ велѣно Печенскаго Монастыря старцамъ лопарскими рыбными промыслы владѣть по той Алаевой писцовой книгѣ Михалкова и по спискамъ съ тѣхъ жалованныхъ грамотъ для того, что въ Новгородскомъ приказѣ Васильевы книги Агалина не сысканы, а нынѣ изъ Кольского острогу по отпискѣ твоей съ тѣхъ писцовыхъ Васильевыхъ книгъ Агалина въ Кольскомъ острогѣ явился списокъ за приписью дьяковъ Ивана Вахромѣева да Ивана Нормацкаго; и всякими угоды всѣ кольскіе жители владѣютъ и всякіе подати платили по той Васильевой книгѣ Агалина по 188 (1680) годъ, а не по Алаевой книгѣ Михалкова. А Алаевой писцовой книги Михалкова въ Кольскомъ острогѣ нѣтъ, а если-бъ о тѣхъ Васильевыхъ книгахъ Агалина изъ Кольскаго острогу вышеписанная вѣдомость въ то время была прислана и такихъ бы вышепомянутыхъ помѣтъ было и не наложено, и грамотъ о владѣньи ихъ лопарскихъ угодей Печенскимъ старцамъ и не дано, и потому всѣ помѣты и грамоты отставить и приказали.

Да въ нынѣшнемъ же въ 205 (1697) году писалъ ты къ Намъ Великому Государю и Печенскихъ старцовъ и Колянъ посацкихъ людей челобитную 176 (1668) году и подлинные грамоты 173 (1665) и 177 (1669) годовъ, за приписью дьяковъ Дмитрея Шубина да Ивана Степанова, и подлинную челобитную Печенскихъ же старцовъ и кольскихъ жителей и черные отписи Ивана Дверкалова и очную ставку Кандалашскаго Монастыря старцовъ Печенскаго Монастыря со старцы и Коляны посацкими людьми, что было въ Кольскомъ острогѣ прислалъ къ Москвѣ, а въ тѣхъ челобитныхъ Печенскаго Монастыря старцы и съ Коляны посацкими людьми и въ очныхъ ставкахъ писали, чтобъ имъ Кандалашскаго Монастыря старцы и со всѣми уѣздными людьми всякіе подати развытить и сбирать по прежней писцовой книгѣ Василья Агалина, потому что изстари они по тѣмъ книгамъ всякіе доходы платили, а не по Алаевымъ книгамъ Михалкова, и на того писца Алая Михалкова писали они порокъ, что онъ, для многихъ взятковъ, въ книгахъ своихъ, ронясь на нихъ, тонные и промыслы писалъ не противъ старыхъ книгъ писца Василья Агалина со многою прибылью, и по ихъ де челобитью ему Алаю промысловъ книгъ писать не велѣно, а велѣно ѣхать къ Москвѣ и книгъ его Алаевыхъ для того въ Кольской острогъ и не прислано. А въ вышеписанныхъ подлинныхъ грамотахъ, каковы изъ Кольского острогу присланы написано: велѣно Кандалашскаго Монастыря игумену Печенскаго Монастыря со старцы и съ Коляны посацкими людьми и съ уѣздными крестьяны во всякихъ податяхъ считаться по писцовой книгѣ Василья Агалина и потому по всему рыбными ловлями по писцовой книгѣ Василья Агалина владѣть Нотозерскимъ и Сонгельскимъ лопарямъ, а Печенскаго Монастыря старцамъ отъ тѣхъ рыбныхъ ловель отказать и писцовые книги Алая Михалкова отставить и приказали, что они Печенскіе старцы и Коляны посацкіе люди

тѣ Алаевы писцовые книги Михалкова въ челобитныхъ своихъ и въ очныхъ ставкахъ порочили изъ воли своей, а правились писцовою книгою Василья Агалина.

А что они-жъ Печенскаго Монастыря старцы въ 158 (1650) году подали къ дѣлу лопарскіе купчіе данные и кабалу на лопарскіе-жъ рыбные ловли 128 (1620) и 129 (1621) и 142 (1637) и 145 (1637) и 154 (1646) годовъ и ихъ приказали отставить и тѣми угодьи владѣть лопарямъ же по прежнему, потому что писаны они за нашими Государевыми указы послѣ писцовыхъ книгъ и нашими Государевыми указы, каковы состоялись по челобитью Печенскихъ старцевъ, отставлены жъ и потому и нынѣ отставить ихъ и приказали.

И какъ къ тебѣ сія наша Великаго Государя грамота придетъ и ты бъ о вышеписанныхъ рыбныхъ ловляхъ о всемъ учинилъ по нашему, Великаго Государя, указу и по приговору думнаго нашего дьяка Емельяна Игнатьевича Украинцова марта 27 числа нынѣшняго 205 (1697) году, какъ о томъ писано въ сей нашей Великаго Государя грамотѣ выше сего. А впрочемъ сію нашу Великаго Государя грамоту и списавъ съ неѣ списокъ за своею рукою вставилъ въ съѣзжей избѣ, а сію нашу Великаго Государя грамоту отдать Нотозерскимъ и Сонгельскимъ лопарямъ впредь для владѣнья вышеписанныхъ рыбныхъ ловель. Писанъ на Москвѣ лѣто 7205 (1697) года, марта въ 30 день.

ПРИЛОЖЕНІЕ 2-е.

Выписка изъ писцовой книги Алая Михалкова 116, 117, 119 гг. [1]).

Книги Кольскаго острогу и Кольскаго уѣзду Погосскихъ волостей и Лопскихъ погостовъ письма и дозору Алая Ивановича Михалкова да дьяка Василья Мартемьянова лѣта 7116 и 117 и 119 г. дворъ и вежъ живущихъ и пустыхъ и мѣстъ дворовыхъ и лавокъ и анбаровъ и варницъ и мелницъ и мѣстъ варничныхъ и мелничныхъ и луговыхъ и оброчныхъ угодей рыбныхъ ловель рѣкъ и тонь и озеръ и ручьевъ и сенныхъ покосовъ и почему здвора зживущаго и спустого и славки и санбара и сварницъ и смелницъ зживущихъ же спустыхъ было прежъ сего въ государеву казну дани и оброку и что вново давано на оброкъ и в которыхъ рекахъ промышляютъ жемеюгъ и гдѣ идетъ красные рыбы ссемги и строски и сполтуса и строскина сала и зжемчужного промыслу пошлина и десятина и сприхожихъ людей явка и что ныне и зживущего впусто убыло и что вново прибыло въ государеву казну дани и оброку и десятью и то все писано вѣвхъ книгахъ подлинно порознь по статьямъ.

Острогъ Кольской на усть Колы реки и Туломы отъ реки отъ Колы стена городовая 50 сажень бои подошевной и верхней. Башня наугольная на Егорьевскихъ воротехъ, а на ней на ряду вверхънемъ бою пищаль мѣдная девяти пядная станки на колесехъ литье Кашпирево пушкарь у неѣ Томилко Степановъ пищаль скорострѣльная желѣзная 7 пядей пушкаря у неѣ нѣтъ. Да втой же башне в середнемъ бою пищаль желѣзная 8 пядей и станки на колесѣхъ пушкарь у нее Колмогорскаго города Якушъ Журиха. Да втой же башне 2 коната вѣкша желѣзная сундукъ ззамкомъ да у той же башни на городовой стенѣ вотводной огородие пищаль желѣзная 9 пядей станки на колесехъ пушкаря у нее нѣтъ Да втой же вотводной огородие вподошевномъ бою пищаль желѣзная 9 пядей встанку на колесехъ пушкаря у нее нѣтъ. Да на той же на городовой стенѣ п.. окнамъ 5 пищалей затинныхъ. Башня наугольная отъ реки отъ Туломы а на ней на ряду вверхнемъ бою пищаль мѣдная 9 пядей встанку на колесехъ литье кашпирево пушкарь у неѣ Михалко Степановъ. Пищаль желѣзная 7 пядей встанку на колесехъ пушкаря у неѣ нѣтъ. Да втой же башне вереднемъ бою пищаль желѣзная 9 пядей встанку на колесехъ пушкаря у нее нѣтъ. Да втой же башне сундукъ ззамкомъ. Да отъ Егорьевскіе башни вверхъ по рекѣ по Коле стена острожная подмываетъ водою ежегодъ 70 сажень, а на стенѣ башенка отводная бои одинъ, а въ ней на ряду пищаль желѣзная 46 пядей встанку на колесѣхъ. Да у водяныхъ воротъ тайникъ, а на тайникѣ башенка наряду на ней нѣтъ. Башня наугольная отъ реки отъ Колы на Никольскихъ воротехъ, а вней наряду вверхнемъ бою пищаль мѣдная полуторная встанку на колесехъ литье 3
Богданово пушкарь у нее Бѣженко Кондратьевъ сынъ. Пищаль желѣзная скорострѣльная 7 пядей на козлѣ пушкаря у нее нѣтъ. Конатъ вѣкша желѣзная сундукъ ззамкомъ а всерединемъ и вподошевномъ бою наряду нѣтъ. Да отъ той же отъ Никольскіе башни кгорѣ стена острожная жъ 50 саж., а на стенѣ башня наугольная отъ горы, а на ней наряду вверхнемъ бою пищаль мѣдная 9 пядей встанку на колесехъ литье Кашпирево пушкарь у нее Степанко Титовъ сынъ. Да втой же башне всереднемъ бою 2 пищали желѣзныхъ по 7 пядей пищаль встанкѣхъ на колесахъ, пушкаря у ней нѣтъ, да сундукъ ззамкомъ, а отъ тоѣ наугольные башни до

---

[1]) *Подлинная писцовая книга („Кольской острогъ“, № 208.* № общ. 300, № частн. 296) находится въ Арх. Мин. Юстиціи.

середней башни отъ горы стена острожная жъ 70 саж., а на стенѣ башня середняя, а на цей наряду всеред-
немъ бою пищаль желѣзная 9 пядей, встанку на колесахъ пушкаря у нее нѣтъ, а вверхнемъ и вподошевномъ
бою наряду нѣтъ.

Да вострогe же въ казнѣ зелья 130 пудъ и 17 гривенокъ сполугривенкою. Да свинцу 40 пудъ и
24 гривенки да 216 ядеръ полуторныхъ желѣзныхъ. 1595 ядеръ девяти пядныхъ желѣзныхъ же. 1405 ядеръ
4 поменьше девяти пядныхъ желѣзныхъ 205 ядеръ полковыхъ желѣзныхъ же 105 ядеръ свинчатыхъ въ ту жъ
мѣру 253 ядра затинныхъ желѣзныхъ 10 ядеръ на чепѣхъ неметцкихъ желѣзныхъ же.

И всего 3834 ядра да 5 зарядовъ скорострѣльныхъ пищалей на 10 пудъ и 12 гривенокъ желѣза,
14 пудъ и 14 гривенокъ укладу 6 пудъ и 11 гривенокъ поскони да самопаловъ новоприводныхъ 28 да свѣй-
скихъ 3 самопала да 21 пищаль снуровые да 3 ствола рваныхъ да 6 вложей ззамками да пудъ московской
припускъ конторь 2 гири веретено терезное здосками наковално молотъ клещи мѣхи кузнечные.

Да въ остроге жъ церковь странезою Никола чудотворецъ клѣтски древяная теплая да церковь стра-
стотерпца Христова Георгія древяная жъ студеная верхъ шатровой, а въ церквахъ образы и книги и ризы и
на колокольнице колокола строеніе мирское, а служитель у тѣхъ храмовъ протопопъ Маркелъ двора у него на
церковной землѣ нѣтъ, да у тѣхъ же храмовъ на церковной землѣ дворовъ: в. попъ Яковъ Пантелѣевъ сынъ
В. дьячекъ Дружинка Кипреяновъ сынъ В. пономарь Осташко. Оброчные тутошнихъ жильцовъ. Анбаръ Бог-
5 дашка Москаля. Анбаръ Ортемка Ондрѣева сына да сына его Посничка да Еѳрѣмка Никитина. И всего 2 анбара
оброку снихъ платили прежъ сего по 2 алтына санбара на годъ. А впредь имъ платить снихъ оброку по 4
ал. санбара на годъ. И обоего по 8 ал. на годъ. Поланбара Бажѣнка пушкаря, поланбара Конанка
Ребелева, анбаръ Васки Хлопонога, анбаръ стрельца Ивашка Воробья стоварыщомъ, анбаръ Тренки Зиновьева
сына, 2 анбара верхней да нижней Суботки Трофимова да Степашка Карпова, анбаръ Ермолки да Стахѣйка
Офонасьевыхъ детей Котельниковъ. Анбаръ Никифорка да Гришка Валчаковъ. Анбаръ Онтипки Евдокимова сына.
Анбаръ Ивашка Митрофанова. Анбаръ Васки Щеки да пасынковъ его Тренки да Никифорка. Анбаръ Бархатка
Яковлева сына. Анбаръ Якушка да Данилка Приданиковыхъ. Поланбара Ондрюшка Чюмока. Анбаръ Наумка
Сидорова сына. Анбаръ нижней Семейки Солодяника. Анбаръ Якушка Звяги. Анбаръ Никулки Злыгостя. Анбаръ
Обросимка Мерюкова. Анбаръ Печенскаго Монастыря старца Созомонта да Власка Корѣлянина. И всего 20 ан-
баровъ безполъ анбара, оброку снихъ платили прежъ сего по алтыну санбара на годъ

И того всего 19 алтынъ и 3 деньги на годъ

6 А впредь имъ платить снихъ оброку по 2 алтына санбара на годъ. И всего з 20-ми анбаровъ
бесполуанбара рубль и 5 алтынъ 4 деньги на годъ.

И приложено на нихъ передъ старымъ вново оброку 19 ал. и 3 деньги на годъ.

Вострогe жъ анбары кольскихъ же жильцовъ а отдають ихъ изъ найму прихожимъ людемъ

Анбаръ Ивашка Шлюнды. Анбаръ Еѳимка Кадровойнова сына. Анбаръ Онтипки да Лучки Тороповыхъ.
Анбаръ Олешки Мартемъянова сына. Анбаръ Кипрушки Киршина. И всего 5 анбаровъ оброку снихъ платили
прежъ сего по 4 деньги санбара на годъ. А впредь имъ платить снихъ оброку по 8 денегъ санбара
на годъ.

И всего съ 5-ти анбаровъ оброку 2 гривны на годъ.

Два анбара верхней да нижней Девятка Иванова сына оброку снихъ платилъ прежъ сего по 3 д.
санбара въ годъ. И обоего по алтыну на годъ.

А впередъ ему платить снихъ оброку по алтыну санбара на годъ. И всего съ обѣихъ анбаровъ 2
алтына на годъ.

И всего вострогe Кольскихъ жильцовъ 28 анбаровъ сполуанбаромъ оброку снихъ платили преже сего
27 алтынъ 5 денегъ на годъ.

7 А по Алаеву письму Михалкова да дьяка Василья Мартемьянова оброку снихъ рубль и 22 алтына 2
деньги на годъ

И приложено на нихъ передъ старымъ вново оброку 27 алтынъ 5 денегъ на годъ.

Вострогe жъ анбары безоброчные анбаръ попа Якова Пантелѣева сына. Анбаръ пономаря Осташка
Степанова сына. Анбаръ церковной Николы Чюдотворца и всего оброчныхъ 3 анбара.

Вострогe жъ анбары прихожихъ людей оброчные кладутъ вниxъ судовую снасть и запасъ.

Поланбара Соловетцкого крестьянина Ѳедотка Безлѣпицы, анбаръ соловетцкихъ же крестьянъ Павлика Неѳедьева да Васки Лотока, анбаръ княжегубца Ивашка Тюлкина, анбаръ княжегубца жъ Слотки Яковлева сына. Анбаръ Сумлянина Стенки Рогуева, анбаръ каргопольца Ѳедки Кипреянова, анбаръ умлянъ Ѳомки Буртова да Лучки Ѳедотова, поланбара Кандолокшенина Ѳедки Голодного, анбаръ верхней соловетцкого крестьянина Ивашка Шунги, анбаръ нижней Падоры Тимоѳѣева сына. Поланбара Кандолокшеннна Демки Арвіева. И всего 9 анбаровъ сполуанбаромъ, оброку сних платили прежъ сего по алтыну санбара на годъ.

И всего з 9-ти анбаровъ сполуанбаромъ оброку 9 а. и 3 д. на годъ.

А впредь имъ платить снихъ оброку по 2 ал. съ анбара на годъ. 8

И всего з 9-ти анбаровъ сполуанбаромъ 19 ал. на годъ.

Анбаръ княжегубца Олешки Дерихи оброку снего платилъ прежъ сего по 4 деньги на годъ. А впредъ ему платить снего оброку по 8 денегъ на годъ.

И всего вострогѣ прихожихъ людей 10 анбаровъ сполуанбаромъ, оброку сних платили прежъ сего 10 алтынъ зденьгою на годъ.

А по Алаеву письму Михалкова да дьяка Василья Мартемьянова оброку снихъ 20 ал. 2 д. на годъ.

И приложено на нихъ передъ старымъ вново оброку 10 алтынъ зденьгою на годъ.

И Всего вострогѣ тутошнихъ и прихожихъ людей 39 анбаровъ спрочѣ безоброчныхъ оброку съ нихъ было прежъ сего рубль и 4 алтына 4 деньги на годъ.

А по Алаеву письму Михалкова да дьяка Василья Мартемьянова оброку снихъ 2 рубля и 10 ал. 2 деньги на годъ.

И приложено на нихъ передъ старымъ вново оброку рубль и 4 алтына 4 деньги на годъ. 9

Вострогѣ жъ чюланы кольскихъ жильцовъ и прихожихъ людей оброчные: чюланъ Никитки Иванова сына да Сидорка Заволочанина. Чюланъ Васки Ортемьева сына да Ивашка Тельного. Чюланъ Ѳедка Брянченинова. Чюланъ Ивашка Шлянды. И всего 4 чюлана, оброку снихъ платили прежъ сего по 4 деньги съ чюлана на годъ.

И всего съ 4-хъ чюлановъ оброку 2 ал. и 4 д. на годъ. А впредь имъ платить снихъ оброку по 8 денегъ съ чюлана на годъ.

И всего съ 4-хъ чюлановъ оброку 5 ал. и 2 д. на годъ.

Чюланъ Степашка Соѳонтьева сына оброку платилъ снего прежъ сего по 3 деньги на годъ, а впредь ему платить снего оброку по алтыну на годъ.

И всего в острогѣ 5 чюлановъ оброку снихъ платили прежъ сего 3 алтына зденьгою на годъ.

А по Алаеву письму Михалкова да дьяка Василья Мартемьянова оброку снихъ 6 ал. 2 д. на годъ.

И приложено на нихъ передъ старымъ вново оброку 3 ал. зденьгою на годъ

Да у Егорьевскихъ воротъ изба сторожная да тюрьма огорожена тыномъ вострымъ да у Никольскихъ же воротъ изба сторожня же.

За острогомъ на верхнемъ посаде дворы посацкихъ тяглыхъ людей: в. Трешка да Уланко да Ивашко 10
Нечаевы дѣти Попова да у нихъ же на подворье бобыль Васка Ивановъ сынъ Чорной. В. Игнашко Степановъ сынъ Северга да пасынокъ его Данилко Мелентьевъ сынъ Салагузовъ да у нихъ же на подворье бобыли Трешка Васильевъ сынъ Давыдко Маныловъ сынъ да Власко Миколаевъ сынъ нѣмчинъ. В. Васка Григорьевъ сынъ Вагановъ да у него же на подворье бобыли Кирилко Емельяновъ сынъ Купхой да Иванко Самыловъ сынъ Борашовъ. В. Мартемьянко Пахомовъ сынъ Варзуга да у него жъ на подворье стрелецъ Якушъ Куропатъ. В. Ондрюшка Яковлевъ сынъ Рушкой. В. Якушко Калининъ сынъ Приданиковъ да у него жъ на подворье бобыль Данилко Іевлевъ сынъ корѣлянинъ. В. Васка Онтоновъ сынъ Хлопоного. В. Павлинко Васильевъ сынъ. В. Кононко Олексѣевъ сынъ Реболевъ, да у него жъ на подворье бобыль Ивашко Петровъ сынъ Шлянда. В. Наумко Сидоровъ сынъ да сынъ его Родка да у него жъ на подворье бобыль Первушка Левонтьевъ сынъ. В. Михалко Ивановъ сынъ Сусло. В. Ивашко Фоминъ сынъ Салтанко да у него жъ на подворье бобыли Семейка Никиѳоровъ сынъ Кулетко да Суботка Ивановъ сынъ Безумова. В. Исачко Васильевъ сынъ Паголинъ да сынъ его Куземка да у него жъ на подворье бобыль Богдашко Яковлевъ сынъ Заимко. В. Ондрюшка Ермолинъ сынъ Пономаревъ да у него жъ на подворье бобыль Савка Ивановъ сынъ Кривой. В. Гордюшка Михайловъ сынъ Кудреватого да дѣти его Онтошко да Мишка да Лучка да пасынки его Спиридонко да Гаврилко да Моисѣйко

11 Минины дѣти Кривогузова В. Ѳедка Олексѣевъ сынъ Станковъ да пасынокъ его Ивашко Игнатьевъ сынъ. В. Ивашко Семеновъ сынъ Щипаникъ. В. Васка Ѳедотовъ сынъ Щека да пасынки его Трешка да Никиѳорко Яковлевы дѣти Сурначѣева. В. Куземка Никиѳоровъ сынъ Гладкой да сынъ его Никитка да у нихъ же на подворье бобыли Степашко Дементьевъ сынъ Лопинъ да Пиминко Сидоровъ сынъ. В. Якушко Амосовъ сынъ Звяга да у него же на подворье бобыль Левка Ѳедоровъ сынъ Широкой. В. Трешка Зиновьевъ сынъ да сынъ его Терешка да у него же на подворье бобыль Ивашко Ивановъ сынъ Короткой да Семейка Никитинъ сынъ да Степашко Никитинъ сынъ белозерецъ. В. Ивашко Симановъ сынъ Тельного да Васка Ортемьевъ сынъ Мокроусъ, да у нихъ же на подворье бобыль Васка Ондрѣевъ сынъ. В. Семейка Потапьевъ сынъ Голодяникъ, да у него же на подворье бобыли Бориско Явдовъ сынъ да пасынокъ его Максимко Савельевъ сынъ, да Ивашко Ондрѣевъ сынъ усача, да Мартынко Семеновъ сынъ. В. Троѳимко Ѳоѳановъ сынъ Муштой да у него же на подворье посадцкой же человѣкъ Гришка Гавриловъ сынъ Носковъ да бобыль Ивашко Лаковникъ. В. Якушко Гавриловъ сынъ Епиѳановъ да у него же на подворье бобыль Однецъ Огорѣлка. В. Микитка Ларивоновъ сынъ Дементьевъ да у него же на подворье бобыль Васка корѣлeнинъ. В. Михалко Савельевъ сынъ Лопинъ да стрелецъ Пахомъ Варзуженинъ да у нихъ же на подворье бобыль Петрушка Морщиха.

12 И всего на верхнемъ посаде 27 дворовъ, а людей вних посацкихъ 45 ч. да стрѣльцовъ 2 чел. да бобылей 28 ч. И всего посацкихъ людей и стрельцовъ и бобылей 75 ч.

На верхнемъ посаде анбары оброчные тутошнихъ жильцовъ ставлены по рекѣ по Коле отъ пожару для торговли и отдаютъ ихъ прiѣзжимъ людямъ изъ найму.

Два анбара верхней да нижней Никитки Ларивонова сына. Поланбара Максимка Савельева сына. Треть анбара Михалка Суслова. Треть анбара Ивашка Шлянды. Анбаръ Васки Ваганова. Анбаръ Гордюшки Кудреватого.

И всего вверхнемъ посаде Кольскихъ жильцовъ 5 анбаровъ сполутретью анбара, оброку снихъ платили прежде сего по алтыну санбара на годъ.

И всего съ 5-ти анбаровъ и сполутрети анбара оброку 5 ал. зденьгою на годъ.

А впредь имъ платить снихъ оброку по 2 алтына санбара на годъ.

И всего съ 5-ти анбаровъ и сполутрети анбара 10 алтынъ 2 деньги на годъ.

Да на томъ же на верхнемъ посаде анбаръ Васки Мокроуса да Васки Корѣленина оброку снего прежде сего не было, а впредь имъ платить съ него оброку по 2 алтына на годъ

На верхнемъ же посаде анбары оброчные прiѣзжихъ людей по рекѣ жъ по Коле.

13 Анбаръ кандолокшанъ Ивашка да Iевка да Ермолки Семибратьевыхъ. Анбаръ двинянина Онтипки Никитина сына. Анбаръ кандолокшенина Ларки Морозова. Анбаръ кандолокшенина жъ Михѣйка Кляпикова. Поланбара кандолокшенина жъ Ѳедки Кудреватого. Анбаръ кандолокшенина жъ Семейки Голодного. Анбаръ кандолокшенина жъ Мишки Пристаева да брата его Ларки. Двѣ трети анбара кандолокшанъ же Ивашка да Пашка Тупиковыхъ. Анбаръ кандолокшанъ же Ондрюшки Васильева сына Белцова да племянника его Ѳедки Мартынова сына. Двѣ трети анбара кандолокшанъ же Касьянка да Ивашка Максимовыхъ детей. Анбаръ кандолокшенина же Ѳотѣйка Бурляя да заонѣженина Куземки Лепянды. Анбаръ умлянъ Куземки Мохпаткина да Тренки Ярославцова. Анбаръ корѣлянъ Ѳедотка Иванова сына да Еремки Григорьева сына Имелчина. Анбаръ кандолокшанъ Степанка вичегаглада Пашка Шалуева. Анбаръ кандолокшанъ же Гришки Чистика да посничка Попова. Анбаръ верхней умленина Ворсы Ермолина сына. Анбаръ нижней ис Кандокши же вдовы Оленки Петровскiе жены Шептяева.

14 И всего на верхнемъ посаде прихожихъ людей 16 анбаровъ бес полутрети анбара; оброку снихъ платили прежъ сего по алтыну санбара на годъ.

И всего съ 16-ти анбаровъ бесполутрети анбара оброку 16 алтынъ безъ деньги на годъ.

А впредь имъ платить снихъ оброку по 2 алтына санбара на годъ.

И всего съ 16-ти анбаровъ бесполутрети анбара 31 алтынъ 4 деньги на годъ.

И приложено на нихъ оброку передъ старымъ вново 16 алтынъ безъ деньги на годъ.

И всего на верхнемъ посаде Кольскихъ жильцовъ и прихожихъ людей 21 анбаръ, оброку снихъ платили прежъ сего опрочѣ новоприбылого 21 алтынъ на годъ.

А по Алаеву письму Михалкова да дьяка Василья Мартемьянова оброку снихъ и сновоприбылымъ рубль и 10 алтынъ 4 деньги на годъ·

И прибыло на нихъ передъ старымъ вново оброку 23 алтына на годъ.

На верхнемъ же посаде чюланы кольскихъ жильцовъ и прихожихъ людей и оброчныя·

Чюланъ Ондрюшки Васильева сына Колянина оброку платилъ снего прежъ сего по алтыну на годъ.
Чюланъ двинянина Онтипки Никиѳорова сына оброку снего платилъ прежъ сего по 4 деньги на годъ. Ч. Се- 15
мейки Куля корѣленина. Ч. Бориска Малого колянина оброку сних платили прежъ сего по 2 деньги счюлана
на годъ и обоего по 4 деньги на годъ.

И всего на верхнемъ посаде 4 чюлана оброку сних платили прежъ сего 2 алтына 2 деньги на годъ.

А впредь имъ платить снихъ оброку по 8 денегъ счюлана на годъ.

И всего съ 4-хъ чюлановъ оброку 5 алтынъ 2 ден. на годъ.

И приложено на нихъ передъ старымъ вново оброку 3 а. на годъ.

На нижнемъ посаде дворы посадцкихъ тяглыхъ людей: в. Ивашко Митроѳановъ сынъ Губастовъ да
дѣти его Ивашко да Поздячко да пасынокъ его Ивашко Олексѣевъ сынъ да у него же на подворье бобыль
Ивашко Михайловъ сынъ. В. Онтипка Овдокимовъ сынъ Злыгостевъ братъ В. Ѳедка Кособрюгъ. В. Ѳадко
Оксентьевъ сынъ Сумороковъ да дѣти его Дружинко да Троѳимко. В. Никулка Овдокимовъ сынъ Злыгостъ.
В. Онашка Ѳоминъ сынъ Слабогузъ, да у него же на подворье бобыль Ѳедотко Еремѣевъ сынъ да Ивашко Тимо-
ѳѣевъ сынъ. В. Матюшка да Агѣйко Клементьевы дѣти Лалокина. В. Ивашко Кириловъ сынъ Сухоносъ да
пасынки его Гашко да Куземка да Тимошка Ивановы дѣти Пискуева. В. Шестачко Ивановъ сынъ портной
мастеръ. В. Савка Ѳедоровъ сынъ Келарихинъ да у него жъ на подворье посацкой же человѣкъ Жданко Львовъ
сынъ. В. Первушка Ивановъ сынъ Плешко да у него жъ на подворье бобыль Олѳерко Ивановъ сынъ двинянинъ 16
В. Тимошка Ивановъ сынъ Паима. В. Богдашко Никитинъ сынъ Москвитинъ. В. Данилко Ивановъ сынъ Чер-
ного да пасынокъ его Ивашко Мартемьяновъ сынъ да у нихъ же на подворье бобыли Ѳедка Троѳимовъ сынъ
да Первушка Прокоѳьевъ сынъ. В. Гришка Юрьевъ сынъ Гласко. В. Баюръ Павловъ сынъ. В. Ѳадко Петровъ
сынъ Поповъ да дѣти его Поспичко да Макарко да Ивашко. В. Ѳедка Савельевъ сынъ Сухая Московка. В
Лучка Ивановъ сынъ Семеновъ. В. Ивашко Семеновъ сынъ Старицынъ. В. Обросимко Ивановъ сынъ Мерю-
ковъ. В. Никиѳорко да Гришка Никитины дѣти Вальчакова. В. Девятко Ивановъ сынъ да племянникъ его
Осипко Гордѣевъ сынъ. В. Ивашко Гавриловъ сынъ Земцовъ. В. Іюдка Кипреяновъ сынъ Малого. В. Онтипка
да Лучка Іевлевы дѣти Тороповы. В. Левка Никитинъ сынъ Говновъ. В. Куземка Ивановъ сынъ Поповъ да
сынъ его Ивашко. В. Гаврилко Исаковъ сынъ корѣлянинъ да пасынки его Мокѣйко да Пашко Титовы дѣти.
В. Богдашко Ивановъ сынъ Росляковъ. В. Васка Кириловъ сынъ Моисѣевъ наслѣдникъ да сынъ его Сысойко.
В. Данша Калининъ сынъ Придниковъ да у него же на подворье бобыли Ѳедка Широкой да Левка Тютка. В.
Степашко Карповъ сынъ земской дьячекъ. В. Шестачко Степановъ сынъ Севергинъ да у него же на подворье 17
посацкой человѣкъ Кипрушка Тимоѳѣевъ сынъ Кипрюша да бобыль Онашко Парѳеньевъ сынъ. В. Ивашко
Ларивоновъ кузнецъ да пасынокъ его Демка Степановъ сынъ Пѣшковъ. В. Ѳомко Юрьевъ сынъ Лопушка. В.
Илейка Григорьевъ сынъ Кавкуевъ. В. Ѳедка Семеновъ сынъ Колмакъ да дѣти его Никиѳорко да Іевко да
Сенка да племянникъ его Левка Сидоровъ сынъ. В. Власко Гавриловъ сынъ кривоногъ да у него же на под-
ворье посацкой же человѣкъ Семейка Юрьевъ сынъ Трегубъ. В. Куземка Ивановъ сынъ Мерюковъ. В. Мак-
симко Степановъ сынъ пивоваръ да дѣти его Марко да Тимошка. В. Васка Ивановъ сынъ Шомба да у него жъ
на подворье посацкой же человѣкъ Ѳоонка Клементьевъ сынъ. В. Завьялко Костентиновъ сынъ. В. Іевко Пет-
ровъ сынъ Пиногоревъ, да племянникъ его Еѳимко Степановъ сынъ Клементьевъ. В. Ондрюшка Пантелѣевъ
сынъ Тупарь. В. Костка Дмитреевъ сынъ Лапкинъ. В. Матюшка Никиѳоровъ сынъ. В. Ѳадко Ондрѣевъ сынъ
Рочеевъ. В. Харка галичанинъ. В. Суботка Троѳимовъ сынъ.

И всего на нижнемъ посаде 50 дворовъ, а людей внихъ посацкихъ 82 ч. да бобылей 9 ч. И обо-
его 91 человѣкъ.

На нижнемъ же посадѣ дворы стрелецкіе стоятъ на тяглыхъ мѣстехъ. В. Олешка Осиповъ сынъ
Миронова да Емельянко Павловъ сынъ Лодыгинъ. В. Степашко Тарасьевъ сынъ да Тренка Максимовъ сынъ. 18
В. Пятко Ивановъ сынъ Опцыѳоровъ да Якушко Еѳимовъ сынъ Неумоинъ да Беляйко Григорьевъ сынъ карго-
полецъ.

И всего на нижнемъ посаде стрелецкихъ тяглыхъ 3 двора, а людей вних 8 ч

На нижнемъ же посаде мѣста дворовые тяглые тутошнихъ жильцовъ: м. дворовое Стаѳилка да Ермол-
ки котельниковъ. М. дворовое Никиѳорка да Гришки Валчаковыхъ. М. дворовое ис Кандолокши Пречистенского
монастыря старцовъ.

И всего 3 мѣста дворовыхъ.

19 На нижнемъ же посаде даны кольскимъ жильцомъ пустые мѣста подъ дворы вново.

Дано мѣсто пустое подъ дворъ Васке Шомбе противъ Ѳадкова двора Попова отъ реки поставити ему на томъ мѣсте дворъ и огородити, а оброку ему давати въ государеву казну спосацкими людьми ровно.

Дано мѣсто пустое подъ дворъ Семейке Сорихину противъ Куземкина двора попа от реки. Дано мѣсто пустое подъ дворъ новокрещеному немчину Созомонку противъ Богдашкова двора Рослякова отъ реки же и Куземка Поповъ Семейке Сорихину а Богдашко Росляковъ немчину Созомонтку на тѣхъ мѣстехъ дворы поставити не дали. И впредь тому Куземке и Богдатку стѣхъ мѣстъ платити въ государеву казну оброку потому же какъ и посацкіе люди учнутъ впредь платити здворовъ своихъ спосацкими людьми ровно.

На нижнемъ же посаде Д. старой съѣзжой на пріѣздъ иноземцомъ стоитъ на монастырской землѣ Печенского монастыря, а за дворомъ огородъ и до реки до Колы и обрубъ монастырской же, а подлѣ двора погребъ монастырской же ставятъ въ него государево кабатцкое питье банка Печенского монастыря, а в ней Созомонко новокрещеной немчикъ изба государева кабатцкая, а подъ нею погребъ.

Позади кабатцкіе избы Д. государевъ на пріѣздъ торговымъ людемъ двиняномъ и каргопольцемъ и иныхъ городовъ, которые пріѣзжають в Кольской острогъ на лодьяхъ влѣте для торговли огороженъ тыномъ вострымъ, а водворѣ 5 анбаровъ нижнихъ да 5 верхнихъ да 4 чюланы верхнихъ да 4 нижнихъ а внихъ торгуютъ влѣте пріѣзжіе люди, а оброку снихъ имали прежъ сего Кольскіе таможепные целовальники санбара по 10 денегъ, а счюлана по 6 денегъ на чюланъ. И того всего санбаровъ и счюлановъ 24 алтына 4 деньги на недѣлю.

А впредь имъ имать снихъ оброку сверхнихъ анбаровъ санбара по гривне на недѣлю, а снижнихъ санбара по 5 алтынъ на недѣлю, а счюлана по 2 алтына на недѣлю.

И всего санбаровъ и счюлановъ оброку рубль и 24 алтына 2 деньги на недѣлю.

20 И приложено на нихъ передъ старымъ вново оброку 30 и 3 алтына на недѣлю.

Д. государевъ же на пріѣздъ иноземцомъ а во дворѣ изба, огороженъ тыномъ вострымъ, а внемъ дворникъ Невко Ермолинъ сынъ да во дворѣ же 10 анбаровъ верхнихъ и нижнихъ да 8 чюлановъ верхнихъ же и нижнихъ, оброку снихъ нѣтъ.

На нижнемъ же посадѣ дворы не оброчные: 2 двора земскіе на пріѣздъ посланникомъ. Д. Голонскіе земли немчина Романа Олександрова.

Слобода стрелетцкая а въ ней дворовъ. В. Евимко Родвойновъ сынъ Черного. В. Богдашко Игнатьевъ сынъ Сластикъ да Первушка Ореѳинъ сынъ Радникъ да Семейка Ермолинъ сынъ Голь. В. Ивашко Ивановъ сынъ Горохъ. В. Ондрюшка Ѳедоровъ сынъ Пристаевъ да Бориско Ларивоновъ сынъ корѣленинъ да Пріѣзжейко Олексѣевъ сынъ мезенецъ. В. Марко Кириловъ сынъ кимленинъ. В. Степашко Кипреяновъ сынъ Бурко. В. Нечайко Дмитреевъ сынъ Олександровецъ. В. Семейка Степановъ сынъ Борецъ. В. Пятидесятникъ Проня Павловъ сынъ Обонѣженинъ да у него же на подворье бобыль Михалко Васильевъ сынъ Пирожекъ. В. Семей-
21 ка Ѳроловъ сынъ Несветаевъ да Тренка Клементьевъ сынъ Вороновъ да Завьялко Онтоновъ сынъ да Евимко Григорьевъ сынъ Ляпуновъ. В. Рудачко Васильевъ сынъ Заонѣженинъ. В. Ивашко Гавриловъ сынъ Король да Молчанко Петровъ сынъ. В. Левка Богдановъ сынъ Сережникъ. В. Троѳимка Ивановъ сынъ Варзуга да Сидорко Ивановъ сынъ Грязново. В. Гришка Окуловъ сынъ галичанинъ да Микитка Ильинъ сынъ Урюпинъ да Истомка Ондрѣевъ сынъ Шуемникъ да Васка Прокоѳьевъ сынъ. В. Трешка Ларивоновъ сынъ Заонѣженинъ да Якушко Насоновъ сынъ Веселого да Ивашко Конановъ сынъ Заонѣженинъ. Да у нихъ же на подворье бобыль Первушка Конановъ сынъ Заонѣженинъ. В. Богдашко Гавриловъ сынъ Стриженой да Ивашко Нестеровъ сынъ Воребей. В. Первушка Михайловъ сынъ да Трешка да Васка Клементьевы дѣти Воронова. В. Степашко Соѳонтьевъ сынъ Король да Семейка Парѳентьевъ сынъ Торной. В. Спиридонко Никиѳоровъ сынъ Реттеевъ да Неустройко Ларивоновъ сынъ Шаленинъ. В. Оѳонка Васильевъ сынъ Кимленинъ. В. Ивашко Евсѣевъ сынъ Конбада да Дружинка Матвѣевъ сынъ сумленинъ. В. Буланко Матвѣевъ сынъ Свиренинъ да у него жъ на подворье бобыль Степашко Матвѣевъ сынъ Гладкого. В. Ивашко Борисовъ сынъ кандолокшенинъ. В. Ѳедка Фоминъ сынъ. В. Костя Семеновъ сынъ. В. Ивашко серебряникъ да Ѳедка Некокшенинъ. В. Олешка Мартемь-
22 яновъ пятидесятникъ да Ѳедка белозерецъ. В. Герасимко Заонѣженинъ да Дорохъ Герасимовъ сынъ десятникъ. В. Васко котельникъ.

И всего встрелетцкой слободѣ 30 дворовъ, а людей вних стрельцовъ 53 ч. да 3 человѣка бобылей.

На нижнемъ же посаде лавки торговые оброчные Кольскихъ жильцовъ.

Лавка Якушка Кощѣева оброку платилъ снее прежъ сего по гривне на годъ, а впредь ему платить снеѣ оброку по 2 гривны на годъ. Лавка Трепки Каши стрельца. Лавка Ондрюшки Шанги. 2 лавки стрелетцкого пятидесятника Прони Павлова. И всего 4 лавки оброку снихъ платили прежъ сего по алтыну славки на годъ.

И всего съ 4-хъ лавокъ оброку 4 алтына на годъ. 23

А впредь имъ платить снихъ оброку по 2 алтына съ лавки на годъ.

И всего съ 4-хъ лавокъ 8 алтынъ на годъ.

Лавка Шестачка Севергина. Лавка Ондрюшки Тупаря. Лавка Тренки Тырыдана. Л. Шестачка портного мастера. Л. Матюшки Никифорова сына. И всего 5 лавокъ оброку съ нихъ платили преже сего по 4 деньги славки на годъ.

И всего съ 5-ти лавокъ оброку гривна на годъ.

А впредь имъ платить снихъ оброку по 8 денегъ славки на годъ.

И всего съ 5-ти лавокъ оброку 2 гривны на годъ.

Лавка Ивашка Шлянды. Лавка Герасимка стрелца оброку снихъ преже сего не было, а впредь имъ платити съ нихъ оброку по 8 денегъ славки на годъ. И обоего по 2 алтына по 4 деньги на годъ.

И всего на нижнемъ посаде 10 лавокъ старыхъ, оброку съ нихъ было прежъ сего 10 алтынъ 4 деньги на годъ да ново прибыло 2 лавки.

А по Алаеву письму Михалкова да діака Василья Мартемьянова оброку снихъ и сновоприбылыми 24 алтына на годъ.

И прибыло на нихъ передъ старымъ вново 4 гривны на годъ.

На нижнемъ же посаде анбары оброчные торговые кольскихъ жильцовъ.

Анбаръ Нечайка Дмитреева сына, стрельца оброку снего платилъ прежъ сего по 2 алтына на годъ Анбаръ Никулки Злыгостя, 2 анбара верхней да нижней Богдашка Москаля А. Рудачка Васильева сына, 2 анбара верхней да нижней Шестачка портного мастера. А: Семейки Трегуба. А. Гашка Исакова сына. А. верхней да анбаръ нижней Куземки Попова. А. Максимка Пяхкиря; 2 анбара верхней да нижней Ивашка Старицына. А. Ѳедки Сухіе Московки. А. Никулки Злыгостя. А. Батрачка Семенова сына Печенского монастыря служки. А. Ипатка Торопова. И всего 17 анбаровъ оброку снихъ платили прежъ сего по алтыну санбара на годъ. 24

И всего с 17-ти 17 алтынъ на годъ.

А впредь имъ платить съ нихъ оброку и стѣмъ, которой прежъ писанъ по 2 алтына санбара на годъ.

И всего 18 анбаровъ оброку съ нихъ рубль и 2 алтына 4 деньги на годъ.

И приложено на нихъ передъ старымъ вново оброку 17 алтынъ на годъ.

Анбаръ Никулки Злыгостя. А. Никифорка да Гришка Валчаковъ оброку снихъ преже сего не было, а впредь имъ платить съ нихъ оброку по 2 алтына санбара на годъ. И обоего по 4 алтына на годъ. 25

На нижнемъ же посаде анбары прихожихъ людей оброчные жъ: анбаръ княжегубцовъ Степашка да Ивашка да Пятка Маиковыхъ. А. варзужанъ Осташка да Левки. А. Михалка Чоуса кандолокшенина. Анбаръ умлянъ Гриши да Меншичка Пухтоевыхъ. А. кандолокшенина Якушка Емельянова.

И всего прихожихъ людей 5 анбаровъ оброку снихъ платили прежъ сего по алтыну санбара на годъ.

И всего съ 5-ти анбаровъ оброку 5 алтынъ на годъ.

А впредь имъ платить снихъ оброку по два алтына санбара на годъ.

И всего съ 5-ти анбаровъ оброку 10 алтынъ на годъ.

И приложено на нихъ передъ старымъ вново оброку 5 алтынъ на годъ.

И всего на нижнемъ посаде анбаровъ Кольскихъ жильцовъ и прихожихъ людей старыхъ и новоприбылыхъ 25 оброку снихъ было прежъ сего опрочѣ новоприбылыхъ 24 алтына на годъ.

А по Алаеву письму Михалкова да дьяка Василья Мартемьянова оброку снихъ и сновоприбылыми 1 рубль 16 алтынъ 4 деньги на годъ.

И приложено на нихъ передъ старымъ вново оброку 26 алтынъ на годъ.

На нижнемъ же посаде чюланъ Нечайка Дмитреева сына стрельца оброку снего платилъ прежъ сего по 4 деньги на годъ, а впредь ему давати снего оброку по 8 денегъ на годъ.

26 Кузницы Кольскихъ жильцовъ стоятъ на дворовыхъ мѣстехъ оброкъ на нихъ положенъ вново.

Кузница Стаѳилка Котельника, кузница Ивашка Ларивонова сына. Кузница Томилка пушкаря. И всего 3 кузницы оброку имъ впредь платить снихъ по гривне скузницы на годъ.

И всего стрехъ кузницъ уброку 10 алтынъ на годъ.

За рекою за Колою дворы посацкихъ тяглыхъ людей. В. Якушъ Ивановъ сынъ Кощѣевъ да у него жъ на подворье бобыль Васка Корѣленинъ. В. Богдашко Никитинъ сынъ Севергинъ да Гришка Ѳедосѣевъ сынъ Огаревъ. В. Смирка Никитинъ сынъ Остаѳьевъ да дѣти его Данилко да Ивашко да у него жъ на подворье бобыль Галасѣйко Ивановъ сынъ. В. Тараско да Олешка да Савка Ѳѳонасьевы дѣти Вянзина да у нихъ же на подворье посацкой же человѣкъ Онтошко Кипреяновъ сынъ Вянзинъ. В. Поздѣйко Тимоѳѣевъ сынъ Седухинъ да сынъ его Ѳѳонка да у него же наподворье бобыль Калинка Блиновъ. В. Еѳрѣмко Никитинъ сынъ Бостаревъ (влк) старица нищая Пелагѣйка Кручинина. И всего за рекою посацкихъ 6 дворовъ, а людей внихъ посацкихъ 14 человѣкъ да 3 человѣка бобылей.

27 И всего в Коле вострогe и на обѣихъ посадехъ и за рекою за Колою посацкихъ и стрелетцкихъ тяглыхъ и съ монастырскимъ 94 двора, а людей въ нихъ посадцкихъ 150 человѣкъ, да 13 ч. стрельцовъ да бобылей и стеми что встрелетцкой слободѣ 43 человѣка да 6 мѣстъ дворовыхъ старыхъ и новыхъ, а оброку они платили прежъ сего въ государеву казну съ 71 двора безъ чети по 2 гривны здвора на годъ.

И всего съ 71 двора безъ чети 14 рублевъ и 5 алтынъ на годъ.

А впредь имъ платить въ государеву казну оброку стѣхъ своихъ здворовъ и смѣстъ дворовыхъ по 4 гривны здвора и смѣста на годъ.

И всего съ 94 дворовъ да съ 6-ти мѣстъ дворовыхъ оброку 40 рублевъ на годъ.

И приложено на нихъ передъ старымъ вново оброку 25 рублевъ и 28 алтынъ 2 деньги на годъ.

А тотъ на нихъ оброкъ положенъ съ ихъ животовъ и здворовъ и спромысловъ, а розводити имъ тотъ оброкъ межъ себя самихъ по своимъ животомъ и промысломъ.

А по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева написано: вволости в Коле тутошнихъ жильцовъ 37 дворовъ оброку здвора по 2 гривны на годъ.

И того всего 7 рублевъ и 13 алтынъ 2 деньги на годъ.

28 Да прихожихъ людей 7 дворовъ оброку по 2 алтына здвора на годъ.

Итого всего 14 алтынъ на годъ.

И всего тутошнихъ и прихожихъ людей 44 двора, оброку 7 рублевъ и 27 алтынъ 2 деньги на годъ.

Да вново дано по дворы 2 мѣста.

И прибыло ныне передъ Васильевымъ письмомъ Агалина да подъячего Степана Соболева в Коле вново 50 дворовъ, да 4 мѣста дворовыхъ, оброку прибыло 31 рубль и 26 алтынъ на годъ.

А збобылей имати Кольскимъ таможеннымъ целовальникомъ въ государеву казну поживного и поголовного по гривнѣ съ человѣка на годъ.

И всего съ 43 чел. 4 рубля и 10 алтынъ на годъ.

А роздати имъ то поживотное межъ себя самимъ по своимъ животомъ, а прежъ сего снихъ того поживотного и поголовного не было.

А в Васильевыхъ книгахъ Агалина в Коле бобылей написано:

Кольского острогу посацкихъ людей угодья оброчные, а не луковые.

Река Кола, а ловятъ вней красную рыбу семгу заборомъ и втомъ заборе в рыбной ловле коля-
29 номъ посацкимъ лудемъ половина всему посаду, а другая половина втомъ заборе врыбной ловле Печенско-
го монастыря старцовъ. А оброку было преже сего по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана
Соболева стого забора за рыбную ловлю по 6 рублевъ на годъ.

А впредь тѣмъ коляномъ посацкимъ людемъ платити въ государеву казну оброку стоѣ рыбные ловли споловины забора по 10 рублевъ на годъ.

А печенскіе старцы ссвоей и половины забора за рыбную ловлю оброку по государеве жалованной грамоте сто пятого на десять году за приписью діака Нечая Өедорова не платятъ.

Да на рекѣ жъ на Коле и на Туломе промышляютъ тутошніе жильцы и прихожіе люди жемчюгъ, а съ ихъ промыслу идетъ въ государеву казну десятое зерно лутчее, а емлютъ у нихъ то десятое кольскіе таможенные целовальники и отдаютъ въ государеву казну въ Коле государевымъ приказнымъ людямъ.

Да въ Кольской же острогъ приходятъ на удьбу двиняне и корѣляне и поморскихъ волостей люди да ловятъ на Мурманскомъ море рыбу троску и палтусъ и ахкулы, и меняютъ ту рыбу снѣмцы на товаръ и стѣхъ казаковъ прежъ сего имали кольского острогу таможенные целовальники явки по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева по 2 деньги съ человѣка.

А впредь съ тѣхъ прихожихъ людей имати Кольскимъ таможеннымъ целовальникомъ въ государеву
казну явки по 4 деньги съ человѣка. 30

Кольского острогу посацкихъ людей и луки это счего прежъ сего давалъ дани въ государеву казну ссвоихъ луковыхъ угодей и почему имъ впредь давати.

Никулка Злыгость дани давалъ прежъ сего слука безполтрети лука, а впередъ ему давати дани съ 10-ти луковъ.

Гришка Нечаевъ дани давалъ прежъ сего стрети лука, а впередъ ему давати дани съ 3-хъ луковъ.

Куземка Поповъ дани давалъ прежъ сего сполулука, а впредь ему давати дани з 10-ти луковъ.

Никиөорко Валчакъ дани давалъ прежъ сего сполу лука, а впредь ему давати дани здву луковъ.

Тараско да Олешко да Савка Вянзины дани давали преже сего слука безтрети лука, а впредь имъ давати дани з 9-ти луковъ.

Кипрушка Киршинъ дани давалъ преже сего сполулука, а впредь ему давати дани здву луковъ. 31

Өомка Ловушка да Ивашко Сухоногъ дани давали прежъ сего сполучети лука, а впредь имъ давати дани слука.

Өомка жъ Ловушка да Ивашко Губа стой дани давали прежъ сего счети лука, а впредь имъ давати дани слука и счетверти лука.

Өедка Колмакъ дани давалъ прежъ сего стрети лука, а впредь ему давати дани здву луковъ.

Куземка Мерюковъ да Куземка да Гришка Кузнецовы дани давали преже сего стрети лука, а впредь имъ давати дани здву луковъ.

Онтипка Злыгостевъ братъ дани давалъ прежъ сего сполулука, а впредь ему давати дани здву луковъ сполулукомъ.

Степашко Дементьевъ сынъ Лопинъ да сестра его Лопка Иришка Ондрѣева дочь Селиванова жена Муномошского лопина дани давали преже сего сполулука, а впредь имъ давати дани здву луковъ и стрети лука.

Васка Хлопоногъ дани давалъ прежъ сего сполулука, а впредь ему давати дани здву луковъ и стрети лука.

Васка Мокроусъ дани давалъ прежъ сего слука бестрети лука, а впредь ему давати съ 3-хъ луковъ.

Якушко Амосовъ сынъ Звяга да кандолокшенинъ Михѣйко Кляпиковъ дани давали преже сего слука безъ чети лука, а впредь имъ давати дани съ 4 луковъ.

Гордюшка Пядышевъ дани давалъ прежъ сего сполу чети лука, а впредь ему давати дани здву луковъ.

Богдашко Москвитинъ дани давалъ прежъ сего сполулука, а впредь ему давати дани съ трехъ луковъ.

Ивашко Тельной дани давалъ прежъ сего счети лука и сполполполъ трети лука, а впредь ему да- 32
вати дани здву луковъ.

Васка Шомба дани давалъ прежъ сего securityполъ чети лука, а впредь ему давати дани слука.

Шестачко портной мастеръ дани давалъ преже сего счети лука бесполполчети лука, а впередь ему давати дани счети лука.

Салтанко Өоминъ сынъ дани давалъ преже сего сполчети лука бесполполчети лука, а впредь ему давати дани сполтрети лука.

Дружинка Кипреяновъ сынъ церковной дьячекъ дани давалъ прежъ сего споʌтрети луку, а впередъ ему давати дани слука.

Лучка мельничникъ дани давалъ прежъ сего споʌулука, а впредь ему давати дани съ 3-хъ луковъ.

И всего было прежъ сего Кольскихъ жильцовъ 9 луковъ и четѣ и поʌпоʌполчети лука. А по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева давали онѣ преже сего въ государеву казну дани съ лука по 37 бѣлокъ, а за бѣлку по 3 деньги. И всего 18 алтынъ 3 деньги слука на годъ.

Да они же давали стѣхъ же луковъ слука по ролдуге, а за ролдугу полтретья алтына на годъ.

33 И всего они преже сего давали за бѣлки и за ролдугу по 21 алтыну слука на годъ.

И всего з 9-ти луковъ счети и споʌпоʌполчети лука 5 рублевъ и 28 алтынъ зденьгою на годъ.

Кольского же острогу посацкихъ людей новоприбылые луки положены на ихъ луковые угодья вново, а преже сего они владѣли тѣмъ угодьемъ безданно и безоброчно.

Лукъ Третьячка Зиновьева сына

Лукъ Онтошка Вянзина.

2 лука Оѳонки Климкова.

Лукъ попа Якова Пантелѣева сына.

Лукъ Ивашка Старицына.

И всего в Коле тутошнихъ жильцовъ старыхъ и новоприбылыхъ 75 луковъ зеспоʌтрети лука.

А по тѣмъ они лукомъ промышляютъ по морскому берегу врекахъ и на тоняхъ ловятъ красную рыбу семгу заборами и неводами и гарвами да на лесу звѣрь бьютъ и птицу ловятъ.

А давати имъ дани впредь въ государеву казну за бѣлки и за ролду по 21 алтыну слука на годъ.

34 И всего имъ впредь давати въ государеву казну дани съ 75 луковъ беспоʌтрети лука за бѣлки и за ролдугу 47 рублевъ и 4 алтына 5 денегъ на годъ.

А положена та дань сьихъ животовъ и спромысловъ и розводити имъ межъ себя самимъ по своимъ промысломъ и по животомъ. А вѣдаютъ они тѣ свои луковые угодья промежъ себя сами по своимъ крепостямъ.

И прибыло ныне передъ старымъ вново 65 луковъ и треть и четь лука беспоʌпоʌполчети лука, а дани сниxъ 41 рубль 10 алтынъ на годъ.

А по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева в Коле было преже сего Кольскихъ жильцовъ 4 лука споʌулукомъ и полчети лука, а дани сниxъ 2 рубля и 30 алтынъ полтретьи деньги на годъ.

И прибыло ныне вново передъ Васильевымъ письмомъ Агалина да подъячего Степана Соболева 70 луковъ и треть лука бесполчети лука. А дани снихъ 44 рубля и 7 алтынъ 5 денегъ на годъ.

Да стѣхъ же кольскихъ сстарыхъ луковъ емлютъ кольскіе таможенные целовальники дань Датцкого короля по 5 алтынъ слука на годъ.

И всего съ 9-ти луковъ и счети и споʌпоʌпоʌ чети лука королевскіе дани и 13 алтынъ зденьгою на годъ.

35 Угодья Кольскихъ жильцовъ луковые, а не оброчные ловли ѣдучи сморя в Кольскую губу по лѣвую сторону.

Река Тюва большая и втой рекѣ половина Богдашка Москвитина, а другая половина Ивашка Тельного да Кипрушки Тимоѳѣева да Никиѳорка Валчака да Ѳомки Ловушки да Ивашка Сухоноса да на усть середніе реки тоня Щѣлейка и втой тони половина Богдашка же Москвитина, а другая половина Кипрушки Тимоѳѣева сына да Никиѳорка Валчака да Ѳомки Ловушки да Ивашка Сухоноса что была преже сего та тоня и река мупомошскихъ лопарей. Да они жъ платили прежъ сего стоѣ рѣки и стони сверхъ луковые дани въ государеву казну оброку по 20 алтынъ съ алтыномъ на годъ.

А впредь имъ платить въ государеву казну оброку стого угодья по рублю на годъ сверхъ луковые дани. Тоня крестовой наволокъ и втой тоне половина того же Кипрушки, а другая половина Никиѳорка жъ Валчака да Ѳомки Ловушки да Ивашка Тельного да Ивашка Сухоноса, что была прежъ сего мупомошскихъ же лопарей.

36 Тоня Васильевская у Салного острова да тоня отворотная тоня пещанка и вѣхъ тоняхъ 2 трети

Тараска Вянзина збратьею с Олешкою да съ Савкою а третья треть муномошскихъ лопарей Сидорка Степанова сына да Ивашка Самылова сына да Якушка Шаріева да Ѳилипка Петрова сына да Никитки Сысоева стоварыщи.

Тоня Никитинъ наволокъ скитавою губою Онтипки Овдокимова сына, что была прежъ сего муномошскихъ лопарей.

Тоня Ченпулка и втой тоне половина Тренки Зиновьева сына, а другая половина муномошскихъ лопарей Ѳеѳилки да Марка Пахотцкихъ.

Тоня Мохнаткина пахта и втой тоне 3 чети Куземки Попова, а четвертая четь Ѳеѳилки да Марка Пахотцкихъ, что была прежъ сего за муномошскими лопари за Сидоркомъ Пахотцкимъ збратьею.

Тоня Еремкинская и втой тоне половина Куземки Иванова сына Мерюкова, а другая половина Куземки да Гришки Семеновыхъ детей Кузнецовыхъ.

Товя Палокорга муномошского лопина Гаврилка Семенова сына Шивуева, а ныне владѣютъ тою тонею Тораско Вязнинъ да Никулка Злыгость.

Тоня Уалышъ камени на усть Ваенскіе губы Степашка Дементьева сына Лопина да сестры его Иринки Ондрѣевы дочери Лопки Селиванковы жены муномошского лопина, что была прежъ сего дѣда ихъ 37
Ѳедора Лаврова лопина жъ муномошского.

Тоня пониже палокорги Купчининская Лучки мельничника, что у него заложили муномошскіе же лопари Селиванко Юрьевъ сынъ стоварыщи.

Поворотясь сморя в Кольскую губу по правую сторону тоня Жиляная губа Ивашка Сухоноса, что была прежъ сего Ивашка Питкуя.

Тоня на Щѣлейке и втой тоне половина церковного дьячка Дружинки Кипреянова, а другая половина за Печенскимъ монастыремъ, что была преже сего муномошскихъ лопарей.

Тоня на Щѣлейке противъ Сального острова Тараска Вянзина да Онтошка Кипреянова сына, что была прежъ сего за Сенкою Вянзивымъ да за муномошскимъ лопиномъ за Якушкомъ Евкинымъ.

Тоня Реттеевская Никиѳорка Никитина сына Валчака, что была прежъ сего за Микиѳоркомъ Реттеемъ.

Тоня Ѳилинская отворотная Куземки Попова, повыше Новзеевы пахты на отворотную рыбу.

Тоня Редца отворотная Шестачка портново мастера, что была прежъ сего за Соловетцкимъ крестьяниномъ за Иваномъ Сумлениновымъ межа ей отъ Колы корга обсушная, а отъ моря отъ Филинской тони гаровные мѣста.

Тоня на Щѣлейке Никулки Злыгостя да Третьячка Нечаева да Ѳедки колмака, что была прежъ сего 38
муномошскихъ лопарей Петрушки да Михалка Шареевыхъ.

Да за ними жъ тоня на Шаріевѣ наволоке, что была прежъ сего за тѣми жъ лопари.

Да за ними жъ тоня отворотная на Шаріевѣ же наволоке, что была прежъ сего за тѣми жъ лопари.

Да за ними жъ 2 тони у великого камени одна отворотная, что были прежъ сего тѣхъ же лопарей.

Тоня Сидоровская пониже Бѣлого камени Ивашка Губастого да Ѳомки Ловушки, что была прежъ сего Гришки Пиногорева.

Тоня Кондратковъ наволокъ Васки Шомбы да муномошского лопина Матюша Пахотцкаго.

Тоня Пулонга и сручейкомъ Никулки жъ Злыгостя, что была прежъ сего муномошскаго лопина Гришки Еѳимова.

Тоня Мелешкина и втой тони половина Гордюшки Михайлова сына Кудреватого, а другая половина Печенского монастыря старцовъ.

Тоня пониже Мелешкины Салтанка Ѳомина сына, что была прежъ сего Петровского монастыря игумена Гедеона збратьею.

Тоня на Мишукове наволока Васки Хлопонога да Ивашка Тельного, что была прежъ сего Куземки 39
да Осипка Мокроусовыхъ повыше монастырской тони на полной водѣ.

Тоня отворотная Оѳонки Климкова.

Тоня Анокорга Микулки Злыгостя, что была прежъ сего Петровского монастыря игумена Гедеона збратьею.

Тоня Никольского попа Якова, что была прежъ сего мyномошскихъ лопарей.

Да ѣдучи отъ Кольского острогу вверхъ Туломою рекою на лѣвой сторонѣ:

3 Тони муномош и въ тѣхъ тоняхъ Тараска Өонасьева сына Вязина четь съ осминою, да въ тѣхъ же тоняхъ Якушка прозвище Звяги Амосова сына четь да Богдашка Никитина сына Москвитина осьмая доля да кандолокшенина Михѣйка Өомина сына Кляпикова четь.

Речка Пяива въ Туломской же губѣ и въ той рѣчке треть Тараска Вязнина стоварыщи да втой же рѣчке двѣ трети Печенскихъ старцовъ.

Да по морскому жъ берегу на руской сторонѣ угодья реки и тони колян же посадцкихъ людей, а въ Васильевыхъ книгахъ Агалина да подъячего Степана Соболева не написаны, а вѣдаютъ ихъ тѣ коления по луковому жъ тяглу.

Рѣка Тирибирка да вту жъ реку впала другая рѣчка Тирибирка и втехъ рекахъ половина Микулы Овдокимова сына прозвище Злыгостя, а другая половина Васки Мокроусова зятя да Ивашка Старицына да Ивашка Тельного да Васки Хлопонога, что у него у Васки того угодья осьмую долю заложилъ муномошской лопинъ Проня Гавриловъ сынъ Шивуевъ.

Да за ними жъ тоня въ сухой губѣ. Да за ними жъ рѣчка Харловка да той жъ рѣчкѣ тоня.

И всего колянъ посадцкихъ людей луковыхъ угодей и по морскому берегу и в колской и в туломской губѣ 4 рѣки и треть реки да 34 тони безъ чети да ручеекъ.

Кольскихъ же жильцовъ угодья оброчные, а не луковые рыбные жъ ловли поворотясь сморя въ Кольскую губу по лѣвую сторону.

Тоня в Лѣтенскомъ наволоке Исачка Паголина, да Өадка Попова, оброку платилъ снеѣ прежъ сего по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева по 8 алтынъ на годъ. А впредь имъ платить снеѣ оброку по полтине на годъ.

Тоня Щѣлейка Юркинская Өедки Сухіе Москвовки, что была прежъ сего Юшка Петрова оброку платилъ снеѣ преже сего по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева по 6 алтынъ на годъ. А впредь ему платить снеѣ въ государеву казну оброку по 4 гривны на годъ.

41 Тоня у Алыша камени Кузимки Попова, что была прежъ сего Исачка Васильева сына да Савки Иванова сына промежъ Талишъ камемемъ и Варламовою тонєю, оброку снеѣ платилъ прежъ сего по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева по гривне на годъ. А впередъ ему платить снеѣ въ государеву казну оброку по полтине на годъ.

Тоня Пиногоревской наволокъ пониже Малаөѣйковы тони повыше Еремкины Богдашка Иванова сына Рослякова, что была прежъ сего Гришки Пиногорева оброку платилъ преже сего стоѣ тони по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева по 4 алтына на годъ, а впредь ему платити съ неѣ въ государеву казну оброку по 10 алтынъ на годъ.

Тоня Савинская сморя ѣдучи в Кольскую губу по правую сторону Кольского острогу посадцкихъ людей вопчая, что была преже сего Василья Олексѣева сына оброку снее платили преже сего по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева тѣ коления по гривне на годъ, а впредь имъ платили снеѣ оброку по полтине на годъ.

42 Тоня вверхъ по реке по Туломе на лѣвой сторонѣ отъ Крестоваго наволока вверхъ по рекѣ к Муромошскому взвозу Данщика Линина сына Приданикова, что была преже сего Лучки Нестерова оброку платилъ снеѣ прежъ сего по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева по двѣ гривны на годъ, а впредь ему давати снеѣ оброку по 4 гривны на годъ.

И всего колянъ посацкихъ людей оброчныхъ старыхъ 6 тонь, оброку снихъ платили прежъ сего по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева 31 алтынъ и 2 деньги на годъ.

А по Алаеву письму Михалкова да діака Василья Мартемьянова оброку снихъ 2 рубля 20 ал. на годъ.

И прибыло на нихъ передъ старымъ вново оброку рубль и 22 алтына на годъ.

В Кольской же губѣ ручей и тони оброчные жъ, а не луковые кольскихъ же жильцовъ прибыли послѣ письма Василья Агалина да подъячего Степана Соболева поворотясь сморя вгубу по лѣвую жъ сторону.

Ручей вса и до губѣ вгубу ѣдучи на правой сторонѣ вкути Исачка Паголина да Өадка Попова

оброку прежъ сего стого ручейка платили они 5 алтынъ на годъ, а впредь имъ платити снего въ государеву казну оброку по 10 алтынъ на годъ.

Тоня новая Михалка Суслова оброку платилъ прежъ сего стоѣ тони по 2 гривны на годъ, а впредь ему платить снее въ государеву казну оброку по 4 гривны на годъ.

Тоня пониже глубокого ручья Васки Щеки, оброку платилъ прежъ сего стоѣ тони по 2 гривны на 43
годъ, а впредь ему платити снее оброку полполтины на годъ.

Да онъ же Васка за тѣмъ же оброкомъ коситъ сѣно у тѣхъ же тонь по берегу, а впредь ему съ того угодья давати въ государеву казну оброку по 4 гривны на годъ.

Тоня на рекѣ на Туломѣ ѣдучи вверхъ по рекѣ на праве Семейки борца, оброку платилъ снее прежъ сего по 2 гривны на годъ, а впредь ему платить снее оброку по 10 алт. на годъ.

И всего новоприбылыхъ оброчныхъ 6 тонь да ручей, оброку снихъ было прежъ сего рубль и 6 ал. 2 деньги на годъ.

А по Алаеву письму Михалкова да діака Василья Мартемьянова оброку снихъ рубль и 31 алтынъ 4 д. на годъ.

И прибыло на нихъ передъ старымъ вново оброку 20 алтынъ 2 деньги на годъ. 44

Кольскихъ же жильцовъ угодья новоприбылые же в кольской же губѣ тони оброкъ на нихъ положенъ вново, а прежъ сего владѣли безоброчно.

Тоня на Обсущной Корге поворотясь съ моря въ Кольскую губу по лѣвую сторону Ивашка Шлянды оброку ему впредь платить снее полполтины на годъ.

Поворотяся сморя вгубу по правую сторону; тоня новая Троѳимка Варзуги оброку ему впредь платить снее по 10 алтынъ на годъ.

Тони Еловой наволокъ Кирилка Сурначѣева оброку ему впредь платить снее по 4 гривны на годъ.

Тоня повыше Лавны пуста Петрушки Пиногорева оброку ему впредь платить снее хто на ней учнетъ промышляти по 10 алтынъ на годъ.

Тоня Ласть наволокъ пуста Ѳедка Суморокова оброку ему впредь платити снее хто на нее учнетъ промышлять по гривне на годъ.

Тоня за Лѣтенскимъ наволокомъ вволоковой губѣ поворотясь сморя с Кольскую губу по лѣвую сторону пуста Исачка Паголина оброку ему впредь платить снее по 10 алтынъ на годъ хто на ней учнетъ промышлять.

Тоня пуста вверхъ по Туломе рекѣ на леве Ѳадка Попова, оброку ему впредь платить снее хто на 45
ней учнетъ промышляти по 5 алтынъ на годъ.

Тоня пуста церковная Николы Чюдотворца в Колскую губу поворотясь сморя на праве.

И всего живущихъ 3 тони оброку снихъ 31 алтынъ 4 деньги на годъ, да пустыхъ и сцерковною 5 тонь, оброку съ нихъ опричь церковные какъ учнутъ промышлять 28 алтынъ 2 деньги на годъ.

Да за Кольскими жъ жильцы врекѣ въ Туломѣ, что выше Падуна половина забора, а ловятъ имъ красную рыбу семгу, что было преже сего нотозерского погоста лопарей, а взяли они у тѣхъ лопарей половину того забора за городовую подѣлку во сто семьсотъ на десятъ году, а другая половина того забора Печенскихъ старцовъ, а дань платили прежъ сего стого половины забора нотозерскіе лопари луковую сыными луки вмѣсте.

А впредь тѣмъ коляномъ платить въ государеву казну оброку стоѣ срыбные ловли споловины забора по 4 рубли на годъ.

А Печенскіе старцы стоѣ срыбные ловли споловины забора дани и оброку въ государеве жаловаль- 46
ной грамоте сто пятого на десять году не платятъ.

Да Кольскіе жъ посадцкіе люди стѣхъ своихъ срыбныхъ промысловъ слуковыхъ и соброчныхъ скрасные рыбы ссемги сречные и стонные и сручьевые даютъ въ государеву казну десятую большую рыбу, а емлютъ у нихъ ту десятую рыбу кольскіе таможенные целовальники, а меняютъ снѣмцы на товаръ на ѳоимки и на сукна и на олово и на медь и на питье, а отдаютъ тотъ товаръ въ государеву казну в Коле приказнымъ людемъ, а питье продаютъ на государевѣ кабакѣ.

Пожни и розчисти сенные покосы по рекѣ по Туломе Кольскихъ жильцовъ оброчные, а не луковые ѣдучи отъ Колы вверхъ Туломою рекою на правой сторонѣ.

Пожни повыше Кальнпуки отъ Иванковыхъ поженъ Тельного до Усова ручья Ивашка кузнеца да Илейки Борисова сына, что было прежъ сего за Якушкомъ Глазуновымъ, оброку снихъ платили прежъ сего 47

по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева по 4 алтына на годъ, а впредь имъ платить сnихъ оброку полполтины на годъ.

Пожня Тараска Вянзина да за нимъ же поженки наволочекъ да 5 поженокъ межъ Іевковыхъ да Ивашка Сухоноса поженъ да 5 поженъ надъ сухимъ порогомъ повыше Гордѣевыхъ поженъ Кудреватого оброку сnихъ платилъ прежъ сего по 5-ти алтынъ на годъ. А впредь ему платить сnихъ оброку по 10 ал. на годъ.

Да за нимъ же повыше острогу на Варламове ручью мельница мелетъ ввеснѣ да восень большою водою, что была прежъ сего за Сенкою Вянзинымъ оброку снее платилъ преже сего по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева по гривне на годъ, а впредь ему платить снее оброку по 10-ти алтынъ на годъ.

2 пожни повыше мельницы Іевка Пиногорева да за нимъ же 2 пожни повыше становые Васкины
48 пожни да 3 пожни до Понковского наволока да пожня отъ Варламова ручья до пещанки тони вверхъ по
рекѣ на леве оброку сnихъ платилъ прежъ сего по 10 денегъ на годъ, а впредь ему платить сnихъ оброку
полполтины на годъ.

Вверхъ по рекѣ на праве пожни:

Пожня промежъ Васкиныхъ поженъ Салагуза Ѳомки Ловушки да за нимъ же пожни повыше Тренкиныхъ поженъ Зиновьева его Ѳомкина чищенья, оброку сnихъ платилъ преже сего по 3 деньги на годъ, а впредь ему давати сnихъ оброку въ государеву казну по гривне на годъ.

Поженка межъ Тарасковыхъ поженъ Вянзина Ивашка Кирилова сына Сухоноса да Ѳедка Сумарокова, что были преже сего Иванка Питькуя да за ними же поженки Питкуевскіе же противъ Матренкина острова, оброку сnихъ платили прежъ сего по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева по 4 ал. на годъ, а впредь имъ давати сnихъ вгосудареву казну оброку полполтины на годъ.

49 Поженка повыше Питковскихъ же поженъ Никольского попа Якова, оброку снее было преже сего по алтыну на годъ, а впредь ему давати снее оброку по 2 ал. на годъ.

Поженка Васки Семенова сына Сурначѣева да вверхъ по рекѣ на леве пожня на матеромъ острове на нижнемъ концѣ половина тоѣ пожни того жъ Васки збратомъ съ Кирилкомъ, а другая половина Троеимка Муштоя да Гриши Исакова, а оброку платили преже сего стѣхъ сенныхъ покосовъ Васка збратомъ по 2 ал. на годъ, а впредь имъ давати сnихъ оброку 5 ал. на годъ.

Островъ на усть Пяивы реки Куземки Иванова сына Попова да за нимъ же противъ того острова
другой островокъ да на леве вверхъ по рекѣ за Кипрушкинымъ островомъ Киршина, что подъ сухимъ по-
рогомъ 2 поженки, оброку платилъ сnихъ преже сего по алтыну на годъ, да за нимъ же сенные покосы
50 его Куземкина чищенья на Кольской губѣ отъ Мохнаткины пахты до Еремкины тони да на Коле рекѣ по-
выше нижніе заводи подгорѣлою варокою по Коле рекѣ ѣдучи вверхъ на правой сторонѣ до верхніе заводи
да повыше верхніе заводи до ручейка да на лѣвой рукѣ вверхъ ѣдучи отъ сыпучево наволока до великого
камени берегъ оброку платилъ сnихъ прежъ сего по оброчной Елизарья Молвянинова да подъячего Савы
Григорьева сто второго на десять году по алтыну на годъ. И всего онъ платилъ преже сего стѣхъ ссвоихъ
ссенныхъ покосовъ с Туломскихъ и с Кольскихъ по 2 ал. на годъ. А впредь ему давати сnихъ оброку въ
государеву казну по 20 ал. на годъ.

Да на усть Пяивы реки ѣдучи вверхъ Туломою рѣкою на праве пожни отъ Яковлевыхъ пожень
51 Поповыхъ до монастырскихъ поженокъ Михалка Иванова сына Суслова да за нимъ же на другой сторонѣ
Пинвинскаго устья поженка оброку онъ платилъ преже сего стѣхъ ссенныхъ покосовъ по алтыну на годъ,
а впредь ему давати съ нихъ въ государеву казну оброку по гривне на годъ.

Пожни от Даншиныхъ поженъ Мелентьева до Сухова порога церковные Николы Чюдотворца да на леве по Туломе вверхъ 2 поженки повыше сухово порогу допудасца церковные жъ оброку сnихъ нѣтъ.

Пожня пудасъ Ѳотіевъ Обросимка Исакова вверхъ по рекѣ на леве да за нимъ же островъ сенныхъ покосовъ да противъ того острова на леве жъ пожня оброку онъ платилъ преже сего стехъ поженъ по 2 ал. на годъ, а впредь давати ему оброку стѣхъ сенныхъ покосовъ въ государеву казну по 2 гривны на годъ.

2 поженки вверхъ по той же рекѣ на правой сторонѣ Тренки Зиновьева да за нимъ же 2 по-

женки жъ промежъ монастырскихъ поженъ, оброку платилъ преже сего стѣхъ поженъ по алтыну на годъ. А впредь ему давати снихъ въ государеву казну оброку по гривне на годъ.

Да середь Туломы реки островъ Ѳилинской половина его Кипрушки Киршина, а другая половина Иванка Митроѳанова сына Губастого, что былъ преже сего Исачка Старцова оброку платили прежъ сего стого острова по книгамъ Василья Агалина да подъячего Степана Соболева по алтыну на годъ, а впредь имъ давати оброку въ государеву казну стѣхъ своихъ ссенныхъ покосовъ полполтины на годъ.

Пожни повыше Ѳилинскихъ поженъ вверхъ по той же рекѣ на праве Куземки Мерюкова да племянника его Максимки Ѳилипова сына да за ними же на лѣвой сторонѣ тое же реки 2 поженки оброку снихъ платили прежъ сего по 3 деньги на годъ, а впредь имъ давати снихъ въ государеву казну оброку по гривне на годъ. 52

2 пожни Шестачка Севергина вверхъ по той же рекѣ на праве да за нимъ же вверхъ по Туломе жъ рекѣ на леве 2 пожни жъ на матеромъ острове. Да на томъ же острове вверхънемъ концѣ пожня оброку платилъ преже сего стѣхъ поженъ по гривне на годъ, а впредь ему платити снихъ оброку по 2 гривны на годъ.

5 поженъ вверхъ по Туломе на праве от Усова ручья до наволока Якуша да Данил Придачиковыхъ да за ними же поженка повыше Иванковы поженки Тельного да дѣвки Маврицы Осиповы дочери вверхъ по Туломе рекѣ на леве да за ними жъ пожня повыше матерого острова да пожня надъ Кальипуколью что было прежъ сего за Дмитреемъ за Корзовымъ розчищены после письма Василья Агалина да подъячего Степана Соболева оброку давали прежъ сего стѣхъ поженъ по 2 ал. на годъ, а впредь имъ давати снихъ въ государеву казну оброку по 10 ал. на годъ.

Пожни вверхъ по Туломе рекѣ на праве позади Якушка да Даньшиныхъ поженъ Приданиковыхъ Васки Хлопонога да за нимъ же пожня на леве Усова ручья вверхъ по Туломе рекѣ на лѣвой сторонѣ оброку платилъ прежъ сего стѣхъ поженъ по алтыну на годъ. А впредь ему давати снихъ оброку 5 ал. на годъ. 53

2 пожни вбольшомъ омуту вверхъ по Туломе на праве подъ сосновцомъ стрельца Булатка Матвеева сына, да за нимъ же 5 поженъ вверхъ по рекѣ на леве отъ верхнего пудасадо Яковлевыхъ поженъ да до Даншиныхъ Приданиковыхъ, а отъ тѣхъ поженъ до верхиево зашейка оброку онъ платилъ прежъ сего стѣхъ поженъ по оброчной Олексѣя Толстого сто шесть надесять году по 10 денегъ на годъ. А впредь ему давати снихъ оброку по 2 гривны на годъ.

Пожни по Туломе жъ вверхъ на праве отъ Сосновца до становые пожни до Креста и сostровкомъ Куземки Гладково да Ивашка Нечаева да за ними жъ пожни вверхъ по той же рекѣ на леве отъ Васкиныхъ поженъ Мокроуса да до Гедеоновскихъ поженъ Петровского монастыря игумена да по конецъ Гедеоновскихъ поженъ пожня, что были преже сего Исака Паголихина по купчей 104 г. розчищены после письма Василья Агалина да подъячего Степана Соболева оброку снихъ платили преже сего по полутретья алтына на годъ, а впредь имъ давати снихъ въ государеву казну оброку полполтины на годъ.

Пожни вверхъ по рекѣ на праве отъ Креста до Криветцкого острова Ѳадка Петрова сына Попова да за ними вверхъ по той же рекѣ на леве островъ сенныхъ покосовъ да за нимъ же пониже того острова поженка оброку снихъ платилъ прежъ сего по 2 ал. на годъ, а впредь ему давати снихъ оброку по 5-ти ал. на годъ. 54

Да на леве вверхъ по Туломе рекѣ 2 пожни повыше Магренина острова, что за Печенскимъ монастыремъ Васки Ортемьева сына Пристаева оброку платилъ снихъ прежъ сего по 3 деньги на годъ, а впредь ему давати снихъ оброку по 2 ал. на годъ.

Пожни Питковскіе Микулы Злыгостя, что были прежъ сего за игуменомъ Гедеономъ Петровского монастыря межъ Васкиныхъ поженъ Пристаева по нижней конецъ Мишукова острова вмежахъ съ Куземкою з Гладкимъ да съ Третьячкомъ съ Нечаевымъ оброку снихъ платили прежъ сего по Васильевымъ книгамъ Агалина да подъячего Степана Соболева по 2 ал. на годъ, и впредь ему давати снихъ оброку 5 ал. на годъ.

И всего стѣхъ ссенныхъ покосовъ и смельницы оброку было прежъ сего въ государеву казну рубль и 11 ал. на годъ опричь церковныхъ поженъ.

55 А по Алаеву письму Михалкова да діака Василья Мартемьянова оброку сихъ 4 р. и 15 ал. и 4 деньги на годъ.

И прибыло на нихъ оброку передъ старымъ вново 3 рубля и 4 алтына и 4 деньги на годъ.

Пожни же и розчисти и теребы сенные покосы Кольскихъ же жильцовъ розчищены послѣ письма Василья Агалина да подъячего Степана Соболева оброкъ на нихъ положенъ вново, а прежъ сего владѣли ими безоброчно.

2 пожни вверхъ по Туломе рекѣ на правой сторонѣ пониже Тарасковы пожни Вянзина къ острогу Куземки Пономарева да за ними же поженка повыше мельницы Тарасковы же Вянзина оброку ему впредь давати снихъ въ Государеву казну по гривне на годъ.

2 пожни повыше Печенскіе тони, что на острову Васки Салагуза да за нимъ же 2 поженки повыше Ѳомкины пожни Ловушки вверхъ по Туломе рекѣ на правой сторонѣ да поженка становая да отъ тое поженки
56 до глубокого пожни въ пяти мѣстехъ да вверхъ по Туломе рекѣ на лѣвой сторонѣ поженка да противъ того на праве по той же рекѣ пожня да на леве-жъ вверхъ по той же рекѣ за Иванковы Мителного да дѣвки Маврутки Осиповы дочери пожнями поженка да позади тое пожни розчисть оброку ему впредь давати въ Государеву казну стѣхъ сенныхъ покосовъ по 20 алтынъ на годъ.

Пожня вверхъ по Туломе рекѣ на лѣвой сторонѣ на матеромъ острове на нижнемъ концѣ половина тое пожни Троѳимка Муштоя да Гришки Исакова, а другая половина Васки да Кирюшки Сурначѣевыхъ оброку стое половины пожни тому Троѳимку да Гришке давати впредь въ Государеву казну по гривне на годъ, а за Васкою за братомъ тое половина пожни писана подлинно выше сего.

3 пожни на Пяивенскомъ наволоке межъ Печенского Монастыря поженъ вверхъ по Туломе рекѣ на правой сторонѣ Гордюшки Михайлова сына Кудреватого да за нимъ же поженка всухомъ пороге внаволоке. Да вверхъ по Туломе же рекѣ на лѣвой сторонѣ повыше Ѳадѣева острова Попова пожня оброку ему впредь давати въ Государеву казну по полтине на годъ.

Пожни вверхъ по той-же рекѣ на правой сторонѣ отъ Гордюшкиныхъ поженъ Кудреватого до старые
57 межи до ручейка Данши Мелентьева сына оброку ему давати впредь въ Государеву казну стѣхъ поженъ по 5 алт. на годъ.

Пожни за Ѳотіевымъ пудасцомъ вверхъ по той же рекѣ на правой сторонѣ Матюшки да Агѣйка Лалокиныхъ оброку ему давати впредь стѣхъ поженъ по гривне на годъ.

Пожня повыше Ѳомкиныхъ поженъ Ловушки вверхъ по той же рекѣ на правой же сторонѣ Исачка Васильева сына Паголихина. Да за нимъ же вверхъ по той же рекѣ на леве повыше Иванковыхъ поженъ тельного 2 поженки, оброку ему впредь давати въ Государеву казну стѣхъ поженъ по 4 ал. на годъ.

Поженка повыше Исачковыхъ поженъ Паголихина вверхъ по той же рекѣ на правой сторонѣ Кипрушки Тимоѳѣева сына Киршина его Кипрушкина чищенья да за нимъ же вверхъ по той же рѣкѣ на леве островъ подъ сухимъ порогомъ, что былъ прежъ сего за отцемъ его, оброку ему давати впредь въ Государеву казну стѣхъ сенныхъ покосовъ по 10 алтынъ на годъ.

Поженка вверхъ по той же рекѣ на правой сторонѣ Иванка Губастого да за нимъ же вверхъ по той же рекѣ повыше Муромошъ поженка да розчисть пониже Обросимкова острова его Иванкова чищенья оброку ему давати впредь въ Государеву казну по гривне на годъ.

58 Пожни начальниковскіе вверхъ по той же рекѣ на правой сторонѣ Иванка Мартемьянова оброку ему давати впредь въ государеву казну стѣхъ поженъ по гривне на годъ.

Пожня на ручейку вверхъ по той же рекѣ на правой сторонѣ Шестачка Степанова сына Севергине его Шестачкова чищенья оброку ему давати снее впредь въ Государеву казну по 2 алтына на годъ.

Пожня пониже тони Кальнпуки, что за Печенскимъ Монастыремъ вверхъ по той же рекѣ на праве Васки Мокроуса, да за нимъ же вверхъ по той же рекѣ на леве повыше Якушевыхъ да Даниловыхъ поженъ Приданиковыхъ поженка оброку ему впредь давати стѣхъ поженъ по 4 алтына на годъ.

2 поженки вверхъ по Туломе же рекѣ на праве повыше тони Кальнпуки Ивашка Тельного да дѣвки Маврицы Осиповы дочери да за ними же 2 пожни пониже Иванка кузнеца да Илейки Борисова поженъ. Да по той же рекѣ вверхъ налеве пожни отъ Пудасца до ручейка до повыше Обросимова острова Исакова 3 поженки оброку имъ давати впредь въ Государеву казну стѣхъ сенныхъ покосовъ по 4 гривны на годъ.

Пожня на усть Варламова ручья вверхъ по той же рекѣ на лѣвой сторонѣ да повыше Васиковыхъ пожень Салагуза вверхъ по той же рекѣ на лѣвой сторонѣ поженка того жъ Ивашка Тельного оброку ему давати впредь въ Государеву казну стѣхъ пожень по гривне на годъ. 59

3 пожни вверхъ по той же рекѣ на праве подъ кривцомъ Матюшки Матренина да баяра Павлова оброку имъ давати впредь въ Государеву казну стѣхъ пожень по гривне на годъ.

6 пожень вверхъ по той же рекѣ на леве надъ Сосновцомъ на большомъ острову того же Матюши Матренина. Да за нимъ же противъ того острова вверхъ по той же рекѣ на леве жъ 5 поженокъ да на правой сторонѣ противъ того острова поженка оброку ему давати впредь въ Государеву казну съ тѣхъ пожень полполтины на годъ.

Пожня на Матеромъ острове вверхнемъ концѣ Троѳимка Варзугженина да за нимъ же вверхъ по той же рекѣ на леве противъ того острова 3 поженки оброку ему давати впредь в Государеву казну съ тѣхъ пожень по гривне на годъ.

Пожни отъ Сосновца до наволока Завьялка Ирихина оброку ему давати впредь въ государеву казну стѣхъ пожень по гривне на годъ.

Пожня вверхъ по Туломе же рекѣ на леве Рудачка Васильева межъ Завъялковыхъ пожень Ирихина.' Да за нимъ же да Печенского монастыря за старцы 2 пожни противу жилища Лопского. Да за Рудачкомъ же 4 поженки за стольниковою избушкою да на острову 2 пожни. Да повыше Криветцкого порогу 60
2 поженки, оброку ему давати впредь в Государеву казну стѣхъ пожень по 4 гривны на годъ.

А печенскіе старцы оброку в Государеву казну по Государеве жалованной грамоте не платятъ.

Розчисть Богдашка Рослякова на Кольской губѣ ѣдучи кморю на правой сторонѣ за тонею за Мохнаткиною пахтою его же Богданкова чищенья оброку ему давати впредь вГосудареву казну по гривне на годъ.

Теребъ Иванка кузнеца вверхъ по рекѣ по Туломе на правой сторонѣ надъ Кальяпукою на ручейкѣ вгору его Иванкова чищенья оброку ему давати впредь в Государеву казну стого тереба по алтыну на годъ.

Пожни на Кольской губѣ ѣдучи отъ Колы кморю на правой сторонѣ за Семеновою коргою вгубѣ по берегу отъ первого ручейка до ревцы Ивашка Игнатьева сына. Да за нимъ же на Коле рекѣ ѣдучи вверхъ по рекѣ на лѣвой сторонѣ 3 болотца розчисть его Иванкова чищенья, оброку ему впредь давати стѣхъ пожень и сросчисти в Государеву казну по 2 гривны на годъ.

Пожни вверхъ по Туломе жъ рекѣ на правой сторонѣ повыше Панкова наволока на песчаномъ ручью Ѳедки Семенова сына колмака да за нимъ же розчисть на Колской губѣ противъ кораблей да розчисть 61
пониже Попова тони, а оброку ему впредь платити сниxъ в Государеву казну полполтины на годъ.

Пожни Васки Хлопонога промежъ Данила Приданикова да Ильи Борисова да Ивана кузнеца пожнями повыше Усова ручья его Васкина чищенья оброку ему впредь платити сниxъ по гривне на годъ.

Розчисть Иванка кузнеца да Демешки Пѣшкова на Туломе жъ рекѣ повыше Кальнпуки за ихъ за становою пожнею за Лягою, что была преже ихъ за отцомъ за Демешкинымъ за Стеѳаномъ Пѣшковымъ и по ручью вверхъ вгору пониже Щокиныхъ розчистей ихъ чищенья оброку имъ впредь платить съ нихъ по 10 денегъ на годъ.

И всего стѣхъ ссенныхъ покосовъ спожень и стеребовъ и розчистей которыми коляня владѣли прежъ сего безоброчно оброку 4 р. и 17 ал. и 4 деньги на годъ.

Да въ Кольскомъ же острогѣ рыбные ловли реки и тони и сенные покосы кольскихъ же посацкихъ жильцовъ, а даваны на оброкъ вново сто вседьмомъ на десятъ году, а преже сего то угодье лежало впусте оброку снего не было.

Дано на оброкъ Ондрюшке Пантелѣеву сыну тупарю на Кольской губѣ ѣдучи отъ острогу кморю на лево рѣчка Арева, а владѣлъ ею Ѳомка Юрьевъ сынъ Ловушка безоброчно да на усть тое рѣчки тоня Жарсниковская, а ловити ему втой рѣчке красная рыба семга за борцомъ, а на тони неводами и гарвами, а оброку ему давати въ государеву казну стоѣ рыбные ловли по 5 ал. на годъ, а прежъ ссго та рѣчка воброкни за кѣмъ не бывала—лежала впусте, а та тоня Жарениковская была влуковомъ числѣ.

Дано на оброкъ Первуше Иванову сыну Плешку вверхъ ѣдучи на Туломѣ рекѣ пудасъ отъ сухово порога отъ нижнего конца берегомъ до Харитонова острова до верхнево конца на леве, а ловити ему втомъ

62 мѣсте красная рыба семга заборцомъ и неводами и гарвами и отводцомъ чѣмъ можетъ промышляти, а оброку ему давати стоѣ рыбные ловли въ государеву казну по 5-ти алтынъ на годъ.

Дано на оброкъ церковному Никольскому дьячку Дружинке Кипреянову в Кольской губѣ кморю ѣдучи на лѣвой сторонѣ отъ межи Василья Шомбы, а сморя отъ Червуина наволока на правой сторонѣ рыбная ловля Оленья губа и по обѣимъ берегамъ губы пустое мѣсто, а ловити ему втомъ мѣсте красная рыба семга неводомъ и гарвами, а оброку ему давати въ государеву казну стоѣ рыбные ловли по гривне на годъ.

Дано на оброкъ Васке Федорову сыну Щекѣ на Туломѣ рекѣ вверхъ ѣдучи на правой сторонѣ подпудасомъ повыше сухово порогу на Черномъ лесу да промежъ Гедеоновскими и Обросимовыми пожнями да надъ Кальяпукою за Ильиными Борисова да за Ивановыми кузнеца пожнями да на Кольской губѣ ѣдучи кморю на
63 правой сторонѣ в Глубокомъ в Китовомъ ручью на Черномъ же лесу отъ губы вгору сверсту пустые мѣста ему Васке втѣхъ мѣстехъ розчищати сенные покосы, а оброку ему давати въ государеву казну стѣхъ срозчистей по 10 денегъ на годъ.

Дано на оброкъ Шестачку Иванову сыну на Кольской губѣ кморю ѣдучи на лѣвой рукѣ въ Жилинской губѣ отъ Толстово наволока берегомъ до Власъ наволока ловля красные рыбы семги, а ловити ему въ томъ мѣсте рыба неводомъ и гарвами, а оброку ему стоѣ рыбные ловли давати въ государеву казну по 2 алтына на годъ.

Дано на оброкъ Ѳадѣйку Петрову сыну Попову на Кольской губѣ кморю ѣдучи на лѣвой сторонѣ промежъ тонь колянъ же Микулы Злыгостя да Ѳеоѳки Климкова, а вверхъ ѣдучи отъ Иванова варничища
64 берегомъ рѣчка Лавна отъ устья и по обе стороны вверхъ по рѣчке и на усть рѣчки рыбная ловля, а ловити ему втой речке красная рыба семга заборцомъ и неводами и гарвами, а оброку ему давати въ государеву казну стоѣ рыбные ловли по 5 ал. на годъ.

И всего оброку въ государеву казну стѣхъ угодей, что дано вново на оброкъ 22 алтына на годъ.

А заплатити имъ тотъ оброкъ впервые во сто седьмомъ на десятъ году на срокъ на Успеньевъ день Пречистые Богородицы, да впредь имъ тотъ оброкъ платить на тотъ же срокъ ежегодъ беспереводно по книгамъ сполна.

По морскому берегу въ Мурманской конецъ становища, а внихъ избы и скіи колянъ посадцкихъ людей и инородцовъ и поморскихъ волостей крестьянъ, а промышляютъ въ тѣхъ становищахъ ввесну на море удятъ рыбу троску и палтусъ вкарбасехъ.

Становище Поганъ наволокъ, а внемъ изба коленина Куземки Пономарева.

Становище Лопское Поганъ наволокъ, а въ немъ изба Суботки Троѳимова колянина. Изба заонѣженина Сидорка Яковлева сына Теплово.

Становище Лопскіе куванцы, а внемъ живутъ влѣте Печенскіе крещеные лопари ввежахъ промышляютъ на море удятъ рыбу.

Становище середніе куванцы, а въ немъ изба да чюланъ Іевка Петрова сына Пиногорева да Сенки
65 Юрьева сына Трегуба колянъ. Изба да скія Богдашка Москвитина коленина. Изба да скія Петрушки Матвѣева сына сумленина да Гришка Ѳедосѣева сына коленина. Изба Евремки Микитина сына Костаря. Изба Богдашка Москвитина колянъ. И всего 5 избъ да чюланъ да скія.

Становище третьіе куванцы подъ бакланьею пахтою, а внемъ изба Никиѳорка Федорова сына да Левки Никитина колянъ. Изба и ске Михарки Горбачева. Изба сумленина Ивашка Ларивонова да сумленина жъ Петрушки Пунемца. Изба колянъ Якушка Кощѣева да Іевка Шуреченина. Изба Степашка Карнова. И всего 4 избы да скія.

Становище подъ Сеидою у Типунова, а въ немъ изба да скія Ѳедки Кирьянова каргопольца.

Становище Типуново а внемъ изба да скія коленина Петрушки Плешка. Изба да скія Петрушки
66 пунемца да Васки Варзуженина да Баженка кольского пушкаря. Изба да скія Даншн да Якушка Придаников колянъ. Изба да скія Якушка Звяги колянина. Изба да скія Никитки Кузьмина сына Гладкого да Гордюшки Михайлова колянъ. Изба да скія Шестачка да Севергушки Степановыхъ детей колянъ. Изба того жъ Шестачка Степанова сына. Изба Баженка Кондратьева пушкаря кольского. Изба кольскихъ стрельцовъ Булатка Матвѣева сына да Ѳеоѳки Кемленина да Овдѣйка Сухоноволочанина да Павличка Васильева да корѣленина Ивашка Лутьянова Изба коленина Тараска Вяизина. Изба да скія Павлика Неѳедьева сухоново-

лочанина. Изба да скія Девятка Иванова да племянника его Оски Гордѣева сына колянъ. Изба заонѣженина Куземки Михайлова сына Лепянды. Изба княжегубца Ивашка Майкова да скія государева кабатцкая. Скія Ивашка Онтонова. Изба Шестачка Иванова сына да стрельца Сенки Нецветаева. Изба да скія Завьялка Костентинова сына колянина. Изба Баюрка Павлова сына да стрельца Елѳимка да пятидесятника стрелецкаго Прони Павлова; Изба да скія Печенского монастыря старцова. Изба Іюдки да скія сухоноволочанъ Овдѣйка да Пронки. Изба соловетцкихъ крестьянъ Пятка Терентьева сына да Сидорка Никонова сына. И всего 21 изба да 11 скій.

Становище Сергіево, а внемъ изба Власка Гаврилова да Семейки Сорихи колянъ.

Становище цымноволотцкой островъ, а внемъ изба да 2 скіи Троѳимка Муштоя да Тренки Зиновьева колянъ. Изба да скія двиненина Онтипки Микитина сына. И всего 2 избы да 3 скіи.

Становище Оникіево в Цымъ наволоке, а въ немъ 2 избы да скія Печенского монастыря игумена Ерофѣя збратьею да скія Ѳедки сухіе московки колянина. Изба Гаврилка Титкова наслѣдника да Обросимка Исакова колянъ посацкихъ людей. Изба да 2 скіи Иванка Губастого да Ѳомки Ловушки колянъ. Изба да скія Онтипки Злыгостева да Шестачка Иванова колянъ. И всего 6 избъ да 4 скіи.

Становище в Цымъ наволоке Гаврилово, а внемъ изба да скія кандалакшенина Онтонка Иванова сына Кирища. Изба да скія корѣленина Ивана Лутьянова да Мартынка маслозерца. Изба да скія колянъ Ондрюшка Яковлева сына Рушкоева да Гришки Гаврилова сына Носкова. Изба да скія колянъ Якуша Енишева да Наумка Сидорова. Изба да скія колянина Михалка Суслова. Изба да скія колянъ три чети Кирилка Семенова сына Сурначѣева да Ѳедки сухіе московки четь. Изба да 2 скіи Васки Семенова сына да Демки Пушакова И всего 7 избъ да 8 с

Становище Лавышево, а внемъ изба ковденина Докучайка Іоевлева сына Невзорова да княжегубца
Олешки Троѳимова сына Сатюка да у него же скія. Изба да скія корѣленина Калинки Иванова сына. Изба да
скія княжегубца Слошки Яковлева сына да пудожанъ Ѳедки да Тишки. Изба да скія Нюхченина Демидка Яков-
лева да ковденина Трешки Яковлева. Изба соловетцкаго монастыря старцовъ. Изба колянъ Семейки Солодиника
да Моисѣйка каргопольца. Изба да скія колянина Конанка Ребуева двѣ чети да четь Иванка пушкаря да четь 68
Кондолокскіе волости Пречистенскаго монастыря старцовъ. Изба да скія кемленина Маркуша. Изба да скія ко-
ленина Богдашка Рослякова. Изба да скія варгуженина Иванка Вейкуя. Изба да скія коленина Якушка Макси-
мова сына Костарева. Изба да скія Бархатка Яковлева сына коленина да варгуженина Исачка Черного. Изба
да скія ковденина Якушка Шокши да княжегубца Олешки Дерихи. Изба да скія Пречистенскаго монастыря стар-
цовъ. Изба корѣленина Микутки Гошкуева. И всего 15 избъ да 12 скій

Становище Локъ наволокъ, а внемъ изба да скія коленина Третьячка Зиновьева сына да ковденина
Ѳеони Черного. Изба да скія кондолокшанъ Ивашка Ондрѣева сына Жолобова да Мишки Микитина сына При-
стаева. Изба да скія кандолокшанъ 3 чети Мишки да Ларки Пристаевыхъ да шуянина Иванка Вершины четь.
Изба да скія умлянъ Еѳимка да Лучки Поповыхъ. Изба да скія нюхчанина Ѳедотки Беззѣпицы. Изба да скія 69
кандолокшенина Мишки Степанова Изба колянина Исачка Васильева сына половина, а другая половина пудо-
женина Ѳедки Терентьева да у него жъ скія. Изба да скія кандолокшанъ Ондрюшки Павлова сына Чюмака да
Бахты Микулина сына Тупикова. Изба да скія коленина Еремки Иванова сплемянникомъ. Изба да 2 скіи Печен-
скаго монастыря старцовъ. Изба да скія кандолокшенина Ивашка Яковлева сына Семибратина да коленина
Ивашка Старицына. Изба Бориска Малаго да ис Кандолокши Пречистенскаго монастыря старца Іосифа. Изба да
скія кандолокшенина Ермолки Муштоя. И всего 14 избъ да 13 скій.

Становище Гридино, а внемъ изба да скія кандолокшенина Михалка Григорьева сына. Изба кандолокшанъ Онтонка Кузмина да Сидорка цыгленъ да Ондрюшки Ракуева да Олешки Дерихи да у нихъ же у троихъ вопчѣ скія да скія того же Онтонка Кузмина. Изба да скія сумленина Иванка Федорова сына Щунги. Скія государева кабатцкая. Изба да скія кандолокшенина Третьячка Тюттеева. Изба корѣленина Дементья Тюттеева. Изба да скія кандолокшенина Павлика Тупикова. Изба да скія кандолокшенина жъ Ларивонка Морозова. Изба да скія кандолокшенина Филипка Остафьева сына. И всего 8 избъ да 9 скій

Становище Лазорево, а въ немъ изба да скія кандолакшанъ Ѳедки новодревеньского да Васки Бородина. Скія колянина Девятки Иванова сына. И всего изба да 2 скіи

Становище Зубово, а въ немъ изба кандолокшенина Климка Григорьева сына Изба да клѣтка да скія

кандолокшенина Михалка Кузмина сына Уса. Изба двиненина Семейки Ондрѣева сына Пухтоева. И всего 3 избы да клѣть да скія.

Становище Май наволокъ меньшой, а внемъ 4 избы да скія пусты распрошать нѣкого людей въ томъ становище во сто шестомъ на десять году не было.

71 Становище Май наволокъ большое, а внемъ изба умленина Третьячка Микулина сына Орлякова Изба корѣленина Невѣдка Павлова сына Пукарева. Изба Ивашка Збоилвого корѣленина. Изба да скія кандолокшенина Павлика Микиѳорова сына Слепово. Изба да скія кандолокшенина Ондрюшки Васильева сына Бурка. Изба да скія корѣленина Петрушки Орлякова. И всего 6 избъ да 3 скіи.

Становище Скарвіево, а въ немъ изба да скія Васки пушкаря корѣленина. Изба да скія Ѳоники боярина корѣленина. Изба да 2 скіи кандолокшенина Ѳотѣйка Меншикова сына. И всего 3 избы да 4 скеи.

Становище Кѣгоры, а въ немъ изба да скія кандолокшенина Ѳедки Ѳедорова сына Голоднаго. Изба да скія кандолокшанъ Гришки Максимова сына Чистика да Посничка Попова. Изба кандолокшенина Елизарка Савина сына. Изба корѣлянъ Иванка Суслова да Еремки Солодяника. Изба да скія умленина Ѳомки Калинина

72 сына. Изба корѣленина Микитки Ларивонова. Изба да скія варзуженина Онтипки да кандолакшенина Ѳотѣйка Меншикова. Изба да скія корѣленина Лучки Федотова. Изба да скія кандолокшенина Семейки Григорьева сына Голоднаго. Изба да скія ис Кандолокши Пречистенскаго монастыря старцовъ. Изба кандолокшенина Иванка Максимова. И всего 11 избъ да 7 скій.

Становище Тиврульское, а внемъ изба кандолакшенина Степанка Вичакаглы. Изба ковденина Васки Онтонова сына Тукшуева. Изба да скія кандолокшенина Ѳедки Кудреватого. Изба да скія ис Кандолокши вдовы Олены Петровскіе жены Шептяева. Изба да 2 скіи ис Кандолокши жъ вдовы Парасковьицы Яковлевскіе жены да Мелешки Яковлева сына корѣленина. Изба да 3 скіи сумлянъ Тренки Васильева да Ѳилипка Тарасьева сына Рогуевыхъ, да Ѳедотка Васильева сына Рогуева жъ. Изба корѣленина Мелешки Гунюева. И всего 7 избъ да 7 скій.

И всего на Мурманскомъ берегу по ставищамъ колянъ и иногородцовъ и Соловецкого и Кандолошского монастыря старцовъ 117 избъ да Печенского монастыря старцовъ 4 избы. И всего 121 изба.

А по Васильевымъ книгамъ Агалина да подъячего Степана Соболева стѣхъ людей, которые втѣхъ

73 становищахъ промышляютъ сыхъ промыслу было прежъ сего въ государеву казну пошлины по алтыну скарбаса, а емлютъ у нихъ тѣ пошлинные деньги Кольского острогу вѣрные целовальники, которыхъ выбираютъ по городомъ коленя посацкіе люди, а отдаютъ въ государеву казну в Коле государевымъ приказнымъ людемъ.

А впредь имъ имати пошлины стѣхъ промышлениковъ сь ихъ промыслу скарбаса по 2 алтына.

Да по морскому жъ берегу ѣдучи отъ Кольского острогу в Руской конецъ удебные же становища, а промышляютъ винхъ коленя жъ и иногородцы да по тѣмъ же становищамъ промышляютъ двиняня и каргопольцы приезжая на лодьяхъ, а на море выезжаютъ вкарбасехъ удятъ треску жъ и палтусъ и стого ихъ промыслу сколянъ и здвинянъ и скаргопольцовъ и ссумлянъ и ззаонѣжанъ и сыныхъ поморскихъ волостей

74 спромышлениковъ, которые промышляютъ на Мурманскомъ берегу и на руской сторонѣ на море по становищамъ вкарбасехъ срыбы стрески и палтуса идетъ въ государеву казну десятая большая рыба и стрески на сала десятина, а которые двиняня жъ и каргопольцы промышляютъ на море на русской сторонѣ пріезжая з Двины и с Каргополя на лодьяхъ и стѣхъ промышлениковъ идетъ въ государеву казну сыхъ промыслу стрески и спалтуса за десятую рыбу и за сало деньгами, а емлютъ стѣхъ колянъ и сыногородцовъ, которые промышляютъ на Мурманскомъ берегу и на руской сторонѣ вкарбасехъ и стого ихъ промыслу ту десятую рыбу и ссала десятину, а слодещиковъ спромышлениковъ за десятую рыбу и за сало деньги Кольского острогу вѣрные целовальники, которыхъ выбираютъ в Коле посацкіе люди и ту десятую рыбу тѣ целовальники что возмутъ у промышлениковъ у колянъ и у инородцовъ меняютъ снеметцкими сторговыми людьми, которые пріезжаютъ в Кольской острогъ на кораблѣхъ на товаръ на сукна и на ѳѳимки и на медь и на олово и на питье, а отъ возятъ тотъ товаръ и тѣ деньги, что возмутъ у лодещиковъ у двинянъ и у каргопольцовъ за десятую рыбу и за сало въ государеву казну в Кольской острогъ къ государевымъ приказнымъ людемъ.

Становище у камени на Килдинѣ, а въ немъ изба Ѳедка Суморокова стоварыщи; изба Кости Лопкина Кольского острогу посацкихъ людей.

Становище на острову на Килдинѣ урочья, а внемъ 2 избы Кольскихъ посацкихъ же людей Васки да Кирилка Сурначѣевыхъ.

Становище Малое Типунцово, а въ немъ изба Печенского монастыря старцовъ, что была прежъ сего Петровского монастыря игумена Гедеона. Изба Дорожки сумлянина.

Становище Климково, а въ немъ изба Матюшки да Агѣйка Лалокиныхъ. Изба Салтанка Ѳомина да 75
Васки Ортемьева. Изба Сенки Кулятка Кольскихъ посацкихъ людей.

Становище Оленей островъ, а внемъ изба Смирки Кольского острогу посацкого человѣка.

Изба Лучки Сумленина. Изба Куземки Попова. Изба Ивашка Земцова. Кольскихъ же посацкихъ людей. Изба Юшки корѣленина. Изба Дорожки Сумлянина.

Становище Тирибирское, а внемъ изба Якуша Амосова сына прозвище Звяги. Изба Ондрюшки Пантелѣева. Изба Васки Кирилова сына. Изба да скія Ивашка Старицына Кольского острогу посацкихъ людей. Изба Сумленина Васки Папышева. Изба Степанка Семенова сына да Ѳомки Софронова. И всего 6 избъ да скія.

Становище Опасово, а въ немъ изба Северги Степанова сына. Изба Тренки Нечаева да Микиѳорка Валчака. Изба Ларки Пяккиря Кольского жъ острогу посацкихъ людей. Изба да скія Ворсы Ермолина сына умленина. Изба Печенского монастыря старцовъ, что была Петровского монастыря игумена Гедеона да Михалка Тюли двинянина. И всего 5 избъ да скія.

И всего 5 избъ да скія.

Становище Зеленцы, а внемъ изба Третьячка Нечаева. Изба Данилка Черного колянъ. Изба Капши Сумлянина. И всего 3 избы.

Становище Гаврилово, а въ немъ изба да анбаръ двинянъ Гаврилка да Истомки да Денпша, да изба 76
пуста роспрошать про неѣ нѣкова.

Становище дальные Зеленцы, а въ немъ изба сумленина Гришки Тухтоева. Изба умленина Куземки Мохнаткина. Изба Куземки Попова коленина. Изба Терешки сумленина. Изба керечанина Гаврилка Богданова Изба Ѳеонки коленина жъ. И всего 6 избъ.

Становище Оленей островъ, а въ немъ 2 избы двинянъ посацкихъ людей, а имянъ роспрошати нѣукого выехали во сто шестомъ на десятъ году изъ становища рано.

Становище Оленья губа, а въ немъ изба да анбаръ двинянина Ивашка Щербинина стоварыщи.

Становище Ветчаной крестъ, а въ немъ изба Микиѳорка двинянина.

Становище Буторина губа, а въ немъ изба Трешки Федосѣева сына стоварыщи. Изба Кондрашка Самылова сына стоварыщи. Изба Еремѣйко Володимерова сына двинянъ посацкихъ людей. И всего 3 избы

Становище Рында река, а внемъ изба корѣленина Семейки Ондрѣева сына Пухтоева. И всего одна изба.

Становище Шубино, а въ немъ изба Васки Аврамова. Изба Онтонка Микитина сына Мостового. Изба 77
Ѳедки Олексѣева сына Зуева. Изба Гришки Дмитреева сына Тихонова. И всего 4 избы двинянъ посадцкихъ людей.

Становище Семи островское, а внемъ изба Богдашка Булакова. Изба Меншичка Панова. Изба Ивашка Дочника. Изба Тренки Троеимова. И всего 4 избы двинянъ посацкихъ людей.

Становище Кувшиново, а внемъ изба Ивашка Микиѳорова двинянина. И всего одна изба.

Становище Ояткино, а внемъ изба Селиванка Захарьева сына Шварева. Изба Олѳерка Наушкина. Изба Ѳетка Зуева. И всего 3 избы двинянъ посацкихъ людей.

Становище Щербинина губа, а внемъ изба двинянина Кирилка Ондрѣева сына Полѣтова. И всего 1 изба.

Становище Карабельное, а въ немъ изба Матвѣйка Игнатьева сына Дворникова. Изба Никитки Исакова сына Кокоры. Изба Терешки Ѳедосѣева сына Катеринина. И всего 3 избы двинянъ посацкихъ людей.

Становище Круглое, а внемъ изба Якушка чюничи. Изба Онашки Нестерова сына. Изба Ѳедки Мариловца. И всего 3 избы двинянъ посацкихъ людей.

Становище Ноккуева, а въ немъ изба Ларивонка Бегоулева. Изба Петрушки Шанкина. И всего 2 избы з Двины посацкихъ людей.

Становище Лодыгино, а въ немъ изба Поздѣйка Олексѣева сына Двиненина. Изба Оноѳрейка Ѳедосѣ- 78
ева сына Пролубникова каргопольца. И всего 2 избы.

Становище Карпика, а въ немъ изба двиненина Васки Аврамова. И всего одна изба.

Становище Ивановъ крестъ, а въ немъ изба Ивашка Исакова сына каргопольца. Изба Иванка Васильева сына. Изба Павлика з Двины посацкихъ людей.

Становище Клетное меньшое, а внемъ изба Гришки Олова сына Буторы колмогорца. И всего одна изба.

Становище Клетное большое, а въ немъ изба Левки Мостового двинянина. И всего одна изба

Становище Лопское, а въ немъ изба Шумилка Кондратьева сына двинянина. И всего 1 изба.

Становище Бердоносово, а въ немъ изба двинянина Ивашка Полѣнова.

И всего по морскому берегу на руской сторонѣ колянъ и двинянъ и каргопольцовъ и сумлянъ и иногородцовъ 73 избы да Печенского монастыря старцовъ 2 избы.

И всего по морскому берегу на мурманской и на руской сторонѣ колянъ и иногородцовъ и Пречистенского Кандолошского и Соловетцкого монастыря старцовъ 190 избъ.

А впредь тѣмъ колянамъ и иногородцемъ и поморяномъ и Пречистенского и Соловетцкого монастыря
79 старцемъ давати въ государеву казну оброку стѣхъ своихъ избъ по 2 гривны сызбы на годъ, а положенъ на
нихъ тотъ оброкъ вново, того оброку сnихъ преже сего не было. А имати у нихъ тотъ оброкъ Кольскимъ
вѣрнымъ целовальникомъ, которыхъ выбираютъ кольскіе посацкіе люди, а отвозити въ государеву казну в
Колу къ государевымъ приказнымъ людемъ.

И всего 190 избъ оброку въ государеву казну 38 р. на годъ. А Печенского монастыря старцы въ государеву казну дани и оброку и государеве жалованной грамоте нискакихъ своихъ угодей и здворовъ и санбаровъ не платятъ.

Да стѣхъ же спромышленниковъ, которые промышляютъ на море на руской сторонѣ имати въ государеву казну Кольского же острогу целовальникомъ пошлины ссудна судебного по 2 ал., а преже сего снихъ тоѣ пошлины судовые не было, положено на нихъ вново и отвозити въ государеву казну в Кольской острогъ къ Государевымъ приказнымъ людемъ.

И всего съ Кольскихъ спосацкихъ и сстрелетцкихъ и съ монастырскихъ стяглыхъ здворовъ и смѣстъ
дворовыхъ и славокъ и санбаровъ и счюлановъ и прихожихъ людей санбаровъ и кольскихъ же жильцовъ су-
80 годій слуковыхъ и соброчныхъ срѣкъ истого и сручьевъ и ссеныхъ покосовъ и скоролевскою данью о прочѣ
неокладныхъ денегъ и анбарного понедѣльнаго оброку было прежъ сего въ государеву казну дани и оброку 31
рубль и 15 алтынъ 5 денегъ на годъ.

А по Алаеву письму Михалкова да діака Василья Мартемьянова оброку сnихъ и сновоприбылымъ оброкомъ и что даны вново мѣста порозжіе поддворы и оброкъ угодей рыбныхъ ловель и сенныхъ покосовъ и стѣмъ что положенъ вново оброкъ на избы что на море и сказачьимъ тягломъ дани и оброку въ государеву казну 167 рублевъ и 17 алтынъ на годъ.

И прибыло ныне передъ старымъ вново в Коле на дворы и на мѣста дворовые и на всякіе угодья и сново прибылыми оброки 136 рублевъ и 1 алтынъ зденьгою на годъ.

Погостъ Муномошъ стоитъ надъ ручьемъ надростьемъ, а внемъ живутъ лопари крещеные тяглые, а
не пашенные ввежахъ: (ж. в. в.) Кирилко Олоерьевъ сынъ да Олешка Өедоровъ сынъ. (ж. в. в.) Самылко да Семейка
81 Титова дѣти. (ж. в. в.) Якушко Федоровъ сынъ да Родка Прокооьевъ сынъ. (ж. в. в.) Гришка Прокооьевъ сынъ да
Аламнѣйко Өедоровъ сынъ. (ж. в. в.) Еоимко Фадѣевъ сынъ да сынъ его Якушко да Якушко Еоимовъ сынъ да
Никитка Варламовъ сынъ да дѣти его Матюшка да Степанко да Никитка Елоховъ. (ж. в. в.) Силаванко Григорьевъ
сынъ да Михалко Матвѣевъ сынъ да пасынокъ его Еөрѣмко Осиповъ сынъ. (ж. в. в.) Петрушка Михайловъ сынъ
Литтей да внукъ его Михалко Степановъ сынъ да Селиванко Юрьевъ сынъ. (ж. в. в.) Гришка Турьялецъ да дѣти
его Игнашко да Оөонка. (ж. в. в.) Васка Сергѣевъ сынъ да Титко Еремѣевъ сынъ. (ж. в. в.) Пронка Гавриловъ сынъ.
(ж. в. в.) Сидорко Степановъ сынъ да Матвѣйко Степановъ сынъ да дѣти его Өедка да Харламко. (ж. в. в.) Спири-
донко Ивановъ сынъ. (ж. в. в.) Тимоөѣйко Сергѣевъ сынъ да сынъ его Никитка. (ж. в. в.) Өеөилко Васильевъ сынъ
да сынъ его Өилипко да братъ его Марко Васильевъ сынъ да сынъ его Өедотко. (ж. в. в.) Маркъ Оөонасьевъ сынъ
да сынъ его Гришка да Петрушка Даниловъ сынъ да сынъ его Перөилко.

И всего въ Муномошскомъ посте 15 вежъ, а лопарей вnихъ 42 человѣка.

А угодья у нихъ поворотяся сморя в Кольскую губу на правой сторонѣ рыбные ловли луковые, а не оброчные тони.

Тоня Юрки Никитина сына.

Тоня Кондратковъ наволокъ Матюшки Пахотцкого да коленина Васки Шомбы

Поворотяся сморя в Кольскую губу по лѣвую сторону

Тоня Васильевская у Сального острова, тоня Отворотная. Тоня Пещанка. И втѣхъ тоняхъ треть Сидорка Степанова сына да Ивашка Самылова сына да Якушка Шарѣва да Петрушки Данилова сына да Ѳилипко 62
Петрова сына да Никитки Сысоева сына да Тимошки Сергѣева сына да Селиванка Юрьева сына да Якушка Федорова сына да Степашка Григорьева сына да Матюшки Степанова сына да Гришки Прокоѳьева сына по одводной Ѳедора Хлопова 110 году, а двѣ трети в тѣхъ трехъ тоняхъ Тараска да Олешки да Савки Вянзиныхъ

Тоня Карбасъ наволокъ в Ваенской губѣ Якушка да Самылка да Сенки Титовыхъ детей.

Да за ними же тоня на устѣ Ваенскіе губы

Да за ними же Тоня Воронья губка пуста что были тѣ тони прежъ ихъ за отцомъ ихъ за Титомъ да за дядею ихъ за Иваномъ.

Да за ними жъ пожни кругъ Ваенской губы отъ тони отъ Карабасъ наволока до тони Алипа камени

Тоня Варламовъ островъ два невода згаровными мѣсты Еѳимка Ѳадѣева сына да Никитки Сысоева сына Варламовыхъ.

Да за ними же тоня Соверъ наволокъ тоня Чейпулка и втой тони, половина Ѳеѳилка да Марка Ва- 63
сильевыхъ детей, а другая половина Тренки Зиновьева сына коленина.

Тоня отворотная Чейпулки Ѳеѳилка жъ да Марка Васильевыхъ детей

Да за ними жъ тоня за Мохнаткиною пахтою в губѣ.

Да за ними же четь тони Мохнаткины пахты, а три чети тоѣ тони колянина Кузёмки Попова.

Да за тѣми жъ лопари тоня Отворотная пониже Еремкины.

Тоня Корбиса Малаѳѣевская два невода зговровными мѣсты лопки Дарьицы Малаѳѣевы дочери Изыпина жены да сына еѣ Михалка Степанова сына, а ныне у нихъ то угодье взакладе у пятого у кандолокшенина.

Тоня Ревца малая и в той тони четь Сидорка да Матюшки Степановыхъ детей да четь Михалка Пахотцкого, двѣ чети Марка да Ѳеѳилка Пахотцкихъ.

Тоня Семенова корга и втой тони четь Марка Оѳонасьева сына да втой же тони четь Еѳимка Варла- 64
мова да Оѳонки Турьялца. Да втой же тони полтрети же вдовы Лопки Катеринки Сидоровскіе жены Осиповы дочери Корожново. Да втой же тони полтрети жъ Еѳрѣмка Осипова сына Корожново, что была прежде сего та тоня Муномошскаго же лопина Осипка Семенова сына Корожного.

Тоня Калди наволокъ два невода згавроными мѣсты Ефрѣмка же Осипова сына Корожного.

Да за нимъ же тоня Корошка малая промежъ тонями Семеновою коргою да Калди наволокомъ

Того жъ погоста лопарей луковые жъ угодья Еѳимка Ѳадѣева сына да Никитки Варламова сына ссыномъ да Михалка Степанова сына да Ефрѣмка Осипова сына да Петрушки Данилова сына да Матюшки да Сидорка Степановыхъ детей да Ѳеѳилка да Марка Васильевыхъ детей его озеро и около того озера ручейки и лѣшіи озерка, а ловятъ в нихъ бѣлую рыбу и лѣшими угодьи промышляютъ, а на тоняхъ ловятъ красную рыбу семгу неводами и гарвами.

А давали они прежъ сего оброку за тѣ угодья по Васильеву письму Агалина да подьячего Степана Соболева съ 14-ти луковъ съ четью ис полтрети лука слука по 37 бѣлокъ, а за бѣлку по 3 деньги и того всего 18 алтынъ 3 деньги слука на годъ.

Да они же давали прежъ сего стѣхъ же ссвоихъ луковъ за семь ролдугъ версталей, а за ролдугу по 65
полу третья алтына на годъ. И того всего за 7 ролдугъ 17 алтынъ и 3 деньги на годъ

И всего они платили прежъ сего оброку за бѣлки и за ролдуги слука по 21 алтыну на годъ

И того всего съ 14-ти луковъ счетью и сполтрети оброку 9 рублевъ и полпяты деньги на годъ

А впредь имъ давати оброку стого угодья за бѣлки и за ролдуги слука по 25 алтынъ на годъ

И того всего съ 14-ти луковъ съ четью и сполтрети лука оброку 10 рублевъ и 27 алтынъ на годъ

И приложено на нихъ передъ старымъ вново оброку рубль и 26 алтынъ полторы деньги на годъ.

А розводити имъ тотъ оброкъ межъ себя самимъ по своимъ животомъ и по промысломъ и по рыб-
ной ловле.
86 Да стѣхъ лопарей съ 15-ти человѣкъ емлютъ лопскіе даньщики дань датцкого короля по 10 ал. съ
человѣка на годъ да себѣ поминковъ по 20 ал., а впредь тѣ даньщиковы поминки имать сних въ государеву
казну, даньщикомъ имъ поминковъ не давати. И того дани и поминковъ 5 р. згривною на годъ.
Да за мунюмошскими жъ лопари угодья оброчные, а не луковые.
У Килдина острова выезжая на море вкарбасе удятъ троску и палтусъ, а оброку они платили прежъ
сего стого угодья по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева по 10-ти ал. на годъ.
А впредь имъ платить оброку стого угодья по полтине на годъ.
А десятого они стого своего промыслу по государеве жалованной грамоте не даютъ.
А емлютъ у нихъ десятую рыбу скрасные рыбы ссемги кольскіе целовальники и продаютъ на карабле
нѣмцомъ сто рыбъ по 12-ти руб. скольскою десятою рыбою вмѣсте.
Ееимко Ѳадѣевъ сынъ да Ѳеѳилко Васильевъ сынъ ловятъ рыбу противъ Килдина острова на Мандерѣ
в Килдинской Салме врѣчке вундоле за борцомъ да врѣчке в Гивирове сетьми, а оброку они прежъ сего стого
угодья платили по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева по полуполтине на годъ, а впредь
имъ платить сних оброку по 4 гривны на годъ.
Книги Печенского монастыря старцовъ вотчины письма и дозору Алая Ивановича Михалкова да діака
87 Василья Мартемьянова лѣта 7116 г. что за ними за старцы въ Кольскомъ остроге и в Кольскомъ уѣзде дво-
ровъ и анбаровъ и мѣстъ дворовыхъ и варницъ и мельницъ живущихъ и пустыхъ и по лопскимъ погостомъ
лопарей и всякихъ угодей луковыхъ и оброчныхъ рыбныхъ ловель рѣкъ и тонь и сенныхъ покосовъ и по-
чему владѣютъ и сколь давно и что стѣхъ дворовъ и санбаровъ и сварницъ и смельницъ сживущихъ и слу-
ковыхъ и соброчныхъ угодей по Васильевымъ книгамъ Агалина да подъячаго Степана Соболева написано дани
и оброку и которые угодья прибыли после письма Василья Агалина и скоторыхъ здворовъ и санбаровъ и смѣстъ
дворовыхъ и сварницъ и смельницъ сживущихъ и спустыхъ и слуковыхъ и соброчныхъ угодей срыбныхъ ло-
вель и ссенныхъ покосовъ они старцы по государеве цареве и великого князя Василья Ивановича всеа Русіи
жалованной грамоте сто пятого на десять году за приписью діака Нечая Федорова въ государеву казну не пла-
88 тятъ дани и оброку и скрасные зѣлые рыбы и строски и спалтуса и скитового и строскина сала и ззверей-
ного промыслу десятого и что за ними жъ за старцы по отводнымъ книгамъ Семена Ододурова да подъячего
Спиридона Гущина сто четвертнаго на десятомъ году Петровскаго монастыря старцовъ игумена Гедеона збратьею
луковъ и луковыхъ и оброчныхъ угодей рыбныхъ ловель рѣкъ и тонь и сенныхъ покосовъ и живущихъ мель-
ницъ и почему прежъ сего тѣмъ угодьемъ владѣли Петровского монастыря старцы и что стѣхъ угодей платили
прежъ сего въ государеву казну Печенскіе старцы дани и оброку и что на тѣ и на иные угодья ныне передъ
старымъ прибыло вново въ государеву казну дани и оброку и то все писано всѣхъ книгахъ подлинно порознь
по статьямъ.
По Васильевымъ книгамъ Агалина да подъячего Степана Соболева лѣта 7082 г. написано: Монастырь
Печенской стоитъ на усть реки Печенги, а внемъ церковь древяная Успенія Пречистые Богородицы страпезою
и скеларскою, да другая церковь древяная жъ Зосима и Саватія Соловетцкихъ чюдотворцовъ, да на той же
рекѣ Печенгѣ на усть реки Маны монастырь Печенской первоначальной, а внемъ церковь древяная жъ Тро-
ицы Живоначальные беспенья страпезою, да втѣхъ же монастырехъ 17 кѣлей, а вниxъ старцовъ 58 человѣкъ
89 да вкладчикъ да 5 избъ служилыхъ, а вниxъ слугъ и дьячковъ церковныхъ 53 ч. да хлѣбня споварнею да изба
токарня да двѣ клѣти казенныхъ да дворъ коровей, а внемъ 2 ч. коровниковъ да (в.) конюшей да 2 анбара
да кузница И въ 98 г. тѣ монастыри и вниxъ церквы и кѣльи и служни избы и иные монастырскіе дворы
и анбары сожгли свѣйскіе нѣмцы и игумена збратьею да слугъ монастырскихъ 95 человѣкъ побили.
А ныне по Алаеву письму Михалкова да діака Василья Мартемьянова (м) старого Печенского мона-
стыря на усть реки Печенги да 2 (м) церковныхъ Успенія Пречистые Богородицы да Зосимы и Саватія да
часовня поставлена для Лопского крещенія и вѣры православныя да 2 кѣльи, а вниxъ живутъ старцы Печен-
ского монастыря переменяяся по годомъ пріезжая изъ монастыря да 2 анбара да поварня да (д) коровей да
хлѣвъ да баня да 15 мѣстъ келейныхъ.
Да на той же Печенгѣ рекѣ на усть реки Маны мѣсто первоначальное Печенского монастыря да м.

церковное Живоначальное Троицы да тутъ же лежитъ начальникъ Печенского монастыря строитель Триѳанъ, а
надъ нимъ здѣлана часовня.

И после неметцкихъ людей приходу блаженные памяти по государевѣ царев и в. к. Ф. И в. Р.
жалованной грамоте 99 г. за приписью діака Ондрѣя Щелкалова Печенского монастыря старцы строили двор 90
для приходу неметцкихъ людей в Кольскомъ остроге у Благовѣщенія Пречистые Богородицы, а въ церкви об-
разы, книги и ризы и всякое церковное строенье и на колокольнице колокола монастырское строенье.

Да на томъ же дворе монастырскихъ 6 кѣлей да хлѣбня да поварня да 3 анбара да погребъ снапо-
гребицею да клѣть соляная да за дворомъ анбаръ монастырской же да за острогомъ на нижнемъ посаде анбаръ
спридѣломъ да погребъ монастырской же, а кладутъ они въ тѣ же анбары запасъ монастырской же.

А ныне по Алаеву письму Михалкова да діака Василья Мартемьянова монастырь Печенской въ Коле
за рекою за Колою противъ острогу на- острову на мѣсте Петровского монастыря у святыхъ апостолъ Петра
и Павла, а строили печенскіе старцы на томъ мѣстѣ тотъ монастырь по государеве грамотѣ сто четвертаго на
десять году какова прислана на Кольской острогъ к Семену Ододурову да кподъячему к Спиридону Гущину и
по отводу Семена Ододурова да подъячего Спиридона Гушина, а на монастырѣ церковь теплая страпезою де-
вяная верховныхъ апостолъ Петра и Павла, а вцеркве образы и книги и ризы и всякое церковное строеніе
и на колокольнице колокола строеніе Петровского монастыря игумена Гедеона сбратьею.

Да на монастырѣ же церковь Успѣнія Пречистые Богородицы страпезою да 2 келарскіе древяные по- 91
ставили ново верхъ шатровой на подлѣтехъ, а въ церкве образы и книги и ризы и на колокольнице колокола
строеніе монастырское да на монастырѣ же кѣлей. Кѣлья, а въ ней игуменъ Сергей да діяконъ старецъ Дмит-
рей да старецъ Іовъ Виталій Черманъ Галахтіонъ. К. а въ ней черной попъ Варсонофей да старцы Чаласья
Мисаило. К., а въ ней старцы келарь Арсеней Трефилъ Евѳимей Романъ. К. больничная, а въ ней старцы
Спиридонъ, Миронъ, Макарей, Симеонъ, Никодимъ, Саватія, Гаврилъ, Стахей, Оникей, Маркелъ, Триѳанъ. К.,
а въ ней старцы Христофоръ, Павелъ; К. хлѣбня, а вней старцы Варламъ, Тихонъ. К. а въ ней черной
попъ Пиминъ да старцы Серапіонъ Афонасей. К. а вней старцы казначѣй Ѳладьянъ Евѳимей. К. а вней стар-
цы Исаія Козма Іосиѳъ Измайло. К. а вней черные попы Іовъ Іона старецъ Ерофѣй. К. а вней старцы поно-
марь Ѳеодотъ Созомонтъ Тарасей да по службамъ старцовъ Анисимъ, Гурей, Пахночей, Селевкей, Игнатей,
Іона, Алигиней, Тихонъ, Моисѣй, Евѳрѣмъ, Паисѣй, Ѳеѳилъ, чорной попъ Саватѣй, Герасимъ Доснѳѣй.

И всего въ монастырѣ 11 кѣлей, а внихъ и по службамъ старцовъ игуменъ да 5 поповъ да дьяконъ 92
да 52 старца да дьячьковъ церковныхъ и трудниковъ 61 человѣкъ, да казаковъ наемныхъ 150 чел.

Да на монастырѣ же поварня да два анбара, а у нихъ по двои дверей да чюланъ нижней и верхней
да за монастыремъ два анбара втыну верхніе и нижніе, дворъ скотцкой. Да старого Петровского монастыря
старцовъ 2 анбара у одного двои дверей, а у другого однѣ, а государево жалованье идетъ въ тотъ монастырь
вгодъ за воскъ, и за ладонъ, и за темьянъ, и за пшеницу, и за медъ, и за горохъ, и за хлѣбъ, и за ми-
лостыню руги по 50 рублевъ денегъ, а емлютъ они тѣ деньги по государеве жалованной грамоте на Двинѣ у
государевыхъ у воеводъ и у таможенныхъ головъ и здвинскихъ и стаможенныхъ доходовъ.

Печенского монастыря старцовъ угодья рыбные ловли луковые, а не оброчные.

Река Печенга, а вней ловятъ красную рыбу семгу заборомъ. Да вверхъ по рекѣ по Печенге лѣшіе
озера: озеро Круглое, озеро Нономъ, а ловятъ внихъ бѣлую рыбу да река Оремя. Тоня на усть Оремы
отворотная, а ныне ту тоню пескомъ засыпало. Тоня Мартыновская на Толстомъ наволоке на морскомъ
берегу кморю по Печенской губѣ. Тоня у Триѳоновы рѣчки подъ пахтою пуста. Тоня Стеневская пуста на
другой сторонѣ губы кморю же. Тоня на долгомъ наволоке. Тоня у красные Щѣлейки у Крутые пахты. Тоня
на песчаномъ наволоке у бѣлой Щѣлейки. Тоня Ручьевая отворотная.

Да прибыло за ними после письма Василья Агалина да подъячего Степана Соболева по Печенской
губѣ тони: 93

Тоня Гарва наволокъ, а Лодейной наволокъ тожъ. Тоня на гладкомъ наволоке да рѣчка Мана вверху
Печенскіе губы да рѣчка Гагарья, а ловятъ втѣхъ рѣчкахъ и на тоняхъ красную рыбу семгу да втѣхъ же
рѣчкахъ и вручейкахъ которые втѣ рѣчки стороны текутъ бобры бьютъ, а на озерахъ ловятъ бѣлую рыбу
на монастыри.

А в Васильевыхъ книгахъ Агалина да подъячего Степана Соболева написано: владѣютъ тѣми реками

и озерами и тонями по Печенской губѣ и на море и губою Печенскою и всякими угодьи Печенскіе старцы по данымъ крепостямъ что давали къ монастырю Мототцкого и Сонельского погоста лопари, а дани они давали въ государеву казну прежъ сего за тѣ угодья за 4 луки, а слука по 20 алтынъ на годъ. И всего полтора рубля безъ гривны на годъ.

И государь царь и великій князь начальника и строителя Триѳана збратьею пожаловалъ дани и оброку стѣхъ луковъ имати на строителе. Триѳане збратьею не велѣлъ вруги мѣсто 3 руб. денегъ и грамота у нихъ о томъ государева царева и великого князя жалованная въ монастырѣ есть.

Да они же давали датцкому королю дани стѣхъ луковъ по гривне слука на годъ.

Да за монастыремъ же противъ Печенскіе губы 2 острова Айновыя да Скіи островъ, а держатъ на тѣхъ островахъ олени монастырскіе.

94 А межа имъ отъ моря по губѣ и по морскому берегу и вконецъ в Мурманской до рѣки до Ровденчи во всѣхъ угодьяхъ и по морскому берегу и вгору въ руской конецъ межа имъ смототцкими лопари по Скирвіевъ ручей и межу Карья пахтами сей ручеекъ.

Да за монастыремъ же вверхъ по рекѣ по Печенгѣ погостишко Печенское, а внемъ живутъ крещеные лопари ввежахъ. Ввеже Иванко Ѳедоровъ сынъ Ившей да дѣти его Михалко да Ганка да Пахомко. Вж. Троѳимко Козелъ да пасынокъ его Еорѣмко Григорьевъ сынъ. Вж. Ларивонка Ѳедоровъ сынъ да сынъ его Поздѣйко да внукъ его Савка Ивановъ сынъ. Вж. Захарко Ѳедоровъ сынъ да дѣти его Ларивонко да Ондрышка да Микитка Ѳедоровъ сынъ. Вж. Гришка Ѳедоровъ сынъ да пасынокъ его Треѳилко новокрещенъ да Юшко Онтоновъ. Вж. Иванко Ѳедоровъ сынъ Рудишкинъ да сынъ его Сидорко, да Петрушка Тимоѳѣевъ сынъ да вотчимъ его Павликъ Вастьяновъ сынъ увѣченъ очима слѣпъ. Вж. Иванко Мартыновъ сынъ Паюсъ. И всего 6 вежъ да бу ра, а людей внихъ 21 человѣкъ.

А угодей за ними никакихъ нѣтъ, промышляютъ влѣте на море удятъ рыбу, а живутъ на морскомъ берегу ввежехъ встановище внемецкомъ, въ монастырскомъ, а восень по лѣшимъ мѣстомъ по озеркамъ по монастырской вотчине ловятъ бѣлую рыбу, да на лесу звѣрь бьютъ и птицы ловятъ тѣмъ ся и кормятъ.

95 А в Васильевыхъ книтахъ Агалина да подъячего Степа Соболева написано стѣхъ Печенскихъ лопарей и вежъ и сугодей по государеве цареве и великого князя жалованной грамотѣ дань и оброкъ емлютъ старцы Печенского монастыря.

А впредь по Алаеву письму Михалкова да дьяка Василья Мартемьянова тѣмъ Печенскимъ старцомъ вѣдати за собою тѣхъ лопарей по прежнему какъ было прежъ сего по государевѣ жалованной грамоте.

Да втомъ же становище монастырскихъ двѣ кельи да поварня да баня да 2 скіи у одной двои двери верхніе и нижніе, а другая объ однехъ дверехъ да 2 вежи да скія Датцкаго короля неметчина Петруши Бергеля, а вних живутъ влѣте лопари жъ Печенскіе.

Да Печенского монастыря за старцы угодья луковые жъ, а не оброчные межъ коляна посацкими людьми и межъ лопари Муномошскими написано за ними по Васильевымъ книгамъ Агалина.

Въ Кольской избѣ сморя ѣдучи на правой сторонѣ тоня Шуриновская, тоня полтіева ракою передъ полноводною тонею, тоня Ручьевая.

Да вверхъ ѣдучи по рекѣ Толоме тоня островская тоня Кальяпука, половина тоѣ тони написана за
96 ними по Васильевымъ книгамъ Агалина да подъячего Степана Соболева, а другою половиною владѣютъ по куп-
чей Ѳедки да Исачка Матвѣевыхъ детей колянъ, тоня Песчанка, тоня Крестовая, тоня Васковская, да рѣчка
Пянва, а ловятъ втой рѣчке и на тоняхъ красную рыбу семгу, а вѣдаютъ той рѣчкѣ старцы Печенского мо-
настыря по писцовымъ книгамъ Василья Агалина шестую долю что было прежъ того Михалка Юндѣева.

Да за ними жъ втой же рѣчке четверть по даной Онтонка Спиридонова.

Да за ними жъ втой же рѣчке девятая доля по даной Микиѳорка Остаѳьева здетьми.

Да за ними жъ втой же рѣчке шестая доля по даной Сидорка Догой Шапки да Микитки Корожного, а крѣпости на ту шестую долю изгибли въ неметцкой приходъ.

Да въ той же рѣчке владѣютъ третью коленя Тараско Вянзинъ стоварыщи.

А оброку было по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева за тѣ угодья за полтретья лука слука по 21 ал. на годъ. И того всего рубль и 19 ал. зденьгою на годъ.

Да за монастыремъ же угодья пожни сенные покосы по тѣмъ же лукомъ.

Ѣдучи вверхъ по Туломе рекѣ по лѣвую сторону.

Островъ Харитоновъ да противъ того острова на матерой сторонѣ два острожья да на другой сторонѣ
урочья и по обѣ стороны урочья и вверхъ по ручью кварничному мѣсту берегомъ и подъ лѣшіе ихъ монастыр-
ское чищеніе розчисти да Клементьевъ островъ, а Материнъ тожъ да пожни Шуриновскіе Пожни по выше
Сосновца, и противужилища лопского и пониже жилища и втѣхъ пожняхъ половина Печенского монастыря 97
старцовъ, а другая половина кольского стрыльца Рудачка Васильева.

Да за Печенскими жъ старцы пожни отъ Кальнпуки вверхъ до Ортемьева острова до верхнево конца.
Да противъ Харитонова острова поженки да новыше Пяивы рѣчки поженки да въ Муромошахъ по обе стороне
пожни промежъ монастырскими жъ пожнями у тони у Пещанки да на Горѣломъ острову поженка.

Да за Печенскимъ же монастыремъ угодья луковые жъ, а не оброчные промежъ колянъ посацкихъ
же людей и лопарей в Кольской губѣ тони

Тоня Бѣлой камень сморя ѣдучи вгубу на правой сторонѣ да оттоѣ тони межъ Туряльца Гриши
пожнѝ поданой муномошского лопина Никиты Корги. А дани снеѣ было прежъ сего по Васильеву письму
Агалина да подъячего Степана Соболева сполучети лука.

Тоня Мелешкина сморя ѣдучи вгубу на правой сторонѣ половина еѣ за Печенскими старцы, а другая
половина колепина Гордюшки Михайлова сына Кудреватого по даной Семена да Никиты Опнкіевыхъ приказщи-
ковъ, а даная изгибла внемецкой приходъ, а дани снеѣ было прежъ сего по Васильеву письму Агалина да
подъячего Степана Соболева счети лука.

Да за Печенскими жъ старцы половина забора что в Туломе рѣкѣ по выше Падуна, а другая половина 98
Кольского острогу посацкихъ людей, а ловятъ имъ красную рыбу семгу.

Да Печенскіе жъ старцы ловятъ красную рыбу семгу въ тои же реки сетми по половинамъ спотозер-
скими и сонельскими лопари влахте и внижней тони и вкоренникахъ и взахребетникахъ внизъ по Туломе рекѣ
по всей рыбной ловле по половинамъ, а межа съ кольскими крестьяны по Кярчь ручей по деловой записи ло-
парей Семейки Исакова сына данщика да Дениска Яковлева сына да Харитонка Юрьева сына да Васки Каньева
сына старосты да Микитки Васильева сына да Ачи Прокофьева сына да Пареенка Степанова сына да Осипка
Карпова сына да Якушка Иванова сына Ѳилипова внука. И всѣхъ лопарей нотозерскаго и Сонялского погоста
96-го году.

Да втой же в Туломе рекѣ рыбная жъ ловля и лѣшіе ухожіе отъ межи отъ Кальнпуки до падуна
осенней промыслъ и втой рыбной ловле по писцовымъ книгамъ Василья Агалина да подъячего Степана Соболева
Печенскимъ старцомъ полтрети. Да втой же врыбной ловле половина Нотозерскаго погоста лопину Харитонку
да полтрети Ромашку да Василиске да Устинкѣ да Маврице Юрьевымъ детемъ Петрова да полтрети Аламнѣе
Яковлеве дочере Коржавина да кольского крестьянина Васки Семенова сына.

А по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева дани было прежъ сего стоѣ туломъ- 99
скіе рыбные ловли, что за Печенскими старцы слука.

Да за ними жъ врѣчке в Улите по даной старца Закхѣи треть да полтрети что была прежъ сего Юшка
Борисова, а крѣпости на то угодье изгибли у нихъ внеметцкой приходъ.

Да за ними жъ втои же рѣчке полтрети по купчей Игнашка Королька.

Да втой же рѣчке треть Коржавинская за Нотозерскими лопари, а ловятъ въ ней красную рыбу семгу
заборцомъ, а дани было за ту рыбную ловлю слука.

И всего стѣхъ монастырскихъ луковыхъ угодей здвутонь и с Туломского промыслу и срѣчки с Улиты
бестрети дани было прежъ сего въ государеву казну здву луковъ и сполполполтрети лука по 21 алтыну слука
на годъ.

И того всего рубль и 9 ал. 3 деньги на годъ.

Угодья Печенского монастыря старцовъ оброчные, а не луковые.

В Кольской губѣ варница оброку по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева напи-
сано стоѣ варницы по 10 алтынъ на годъ.

Да у варницы жъ избушка да 2 анбара соляныхъ да дворъ дрововозный, а на дворѣ 2 кѣльи да 100
анбаръ да конюшня да баня да за ручьемъ сарай да кузница монастырскіе же.

Мельница на рекѣ на Коле двои жорновы оброку было прежъ сего стоѣ мельницы по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева по полуполтине на годъ.

Да на рекѣ же на Коле мельница пуста стала после письма Василья Агалина да подъячего Степана Соболева оброку снее прежъ сего не было.

Да в Печенской губѣ на рекѣ на Княжой мѣсто мельничное по Васильевымъ книгамъ Агалина да подъячего Степана Соболева писана вживущемъ въ луковомъ числѣ.

По рекѣ по Туломѣ в Муромошахъ Варламовъ ручеекъ да Кротовъ ручеекъ и сверхотинами и созерками вручейкахъ бобры бьютъ, а возеркахъ бѣлую рыбу ловятъ; оброку было прежъ сего стого угодья по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева по алтыну на годъ.

Река Кола, а вней ловятъ красную рыбу семгу забором.

И втой рекѣ в заборе 9-я доля за Печенскимъ Монастыремъ, что было прежъ сего Микиѳорка Остаѳьева здетми по даной 65 году.

101 Да за ниже втой рекѣ в Коле взаборе 6-я доля, что было прежъ сего за Михалкомъ Юндѣевымъ да за братомъ его Аврамкомъ по записи 64 году.

Да за нимъ же втомъ же заборе да 7-я лопина Сидорка Долгой Шапки да Настаски Лигоевы 6-я доля, а даная у нихъ на то угодье изгибла внеметцкой приходъ.

Да за нимъ же втомъ же заборе вдву третя въ треть по купчей лопина Петрушки Степанова сына Шолутка межъ Иванкомъ да Михалкомъ Шареевыми, а купчая у нихъ на то угодье изгибла внеметцкой же приходъ.

Да за нимже втомъ же заборе вшестой доли половина что было прежъ сего Климка Захарова, а крѣпость у нихъ изгибла внеметцкой приходъ.

Да за нимже втомъ же заборе въ шестой доле девятой участокъ, что было прежъ сего Куземки Мокроуса по даной 90-го году.

И всего Печенского монастыря старцовъ втомъ заборе врыбной ловле 2 трети и полполтрети.

А въ государеве цареве и великого князя Василья Ивановича всеа Русіи жаловальной грамоте сто пятого на десятъ году за приписью діака Нечая Федорова написано втой рекѣ в Коле взаборе за печенскими старцы половина.

102 И писцы Алай Ивановичъ Михалковъ да діакъ Василей Мартемьяновъ поставя передъ собою печенского монастыря старцовъ келаря Арсенія да казначѣя Флавьяна ихъ спросили почему за ними въ государеве жаловальной грамоте написано в Коле врекѣ взаборе половина, а по крепостямъ иметца три чети.

И келарь старецъ Арсеней да казначѣй старецъ Ѳлавьянъ и во всей братьи мѣсто Печенскаго монастыря старцовъ писцомъ сказали, били де челомъ Государю на Москвѣ ихъ Печенскіе старцы о томъ не вѣдаючи и не старые и подлинно про ихъ монастырскіе угодья не вѣдали, а старыхъ старцовъ кому про то вѣдомо втѣ поры на Москвѣ не было.

И по государеву цареву и великаго князя Василья Ивановича всеа Русіи наказу писцы Алай Ивановичъ Михалковъ да діакъ Василій Мартемьяновъ впредь тѣмъ печенскимъ старцомъ велѣла втой рекѣ в Коле взаборе владѣти половиною до государева указу, а впредь о томъ какъ Государь укажетъ.

А другою половиною втомъ заборе врыбной ловле владѣютъ коленя посацкіе люди, а государства грамоты и никакихъ крепостей на то угодье передъ писцы не положили. А по Васильевымъ книгамъ Агалина написано оброку стого забора по 6 р. на годъ.

103 Да за печенскими жъ старцы тоня на усть Колы реки на острову противъ Кольского нижнего посаду у монастырского у коровья двора Печенского же монастыря старцовъ да пятая выть тоѣ тони за ними по даной Никиѳорка Остаѳьева здетми 65 г.

Да за ними жъ втой же тони шестая доля по записи Михалка Юндѣева 64 году.

Да за ними жъ втой же тони три чети по купчей Васки Олексѣева 86 году. А оброку было стоѣ тони преже сего по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева по рублю на годъ.

Да за монастыремъ же тоня Березовой наволокъ сморя ѣдучи на лѣвой сторонѣ вгубѣ да рѣчка малая Тивица, что были прежъ сего Тимошки Кирилова сына по даной Ронка Стародуба, а оброку стоѣ тони и срѣчки было прежъ сего по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева по 2 гривны на годъ.

Тоня Сованя Печенского же монастыря старцовъ вгубѣ ѣдучи на лѣвой сторонѣ да и гаровные мѣста по купчей Онтонко Ондрѣева сына 84 году, а оброку снее было прежъ сего по писцовымъ книгамъ Василья Агалина да подъячего Степана Соболева по полуполтине на годъ.

Да за ними жъ тоня Полтѣева рою отворотная до ручейка внизъ крѣчке по даной Семена да Никиты Строгановыхъ стала после письма Василья Агалина да подъячего Степана Соболева оброку снее было по 2 алтына на годъ.

И всего по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева было прежъ сего стѣхъ угодей 104
оброку въ государеву казну и стѣми что прибыли после письма Василья Агалина опричь пустые мельницы 5 руб. и 3 ал. на годъ.

Да за Печенскимъ же монастыремъ пожни сенные покосы были прежъ сего воброке, а не влуковомъ числѣ.

Пожни вверхъ ѣдучи по Туломе рекѣ на правой сторонѣ противъ Харитонова острова верхнево конца по даной Ѳильки Евсѣвьева а даная изгибла внеметцкой приходъ, оброку стѣхъ поженъ было прежъ сего по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева по 2 ал. на годъ.

Да за ними жъ в Кольской губѣ отъ Еловаго наволока кварнице поженки да за Оленьимъ островомъ поженки да повыше Салма поженки, а по Васильевымъ книгамъ Агалина да подъячего Степана Соболева тѣ пожни написаны, за ничи жъ оброку сннхъ было прежъ сего по 10 денегъ на годъ.

Да за ними жъ поженки на морскомъ берегу отъ Калди наволоки да до пало Коргу да на ручью у корги по даной Онисимка Семенова сына Горбачева, а даная у нихъ изгибла внеметцкой приходъ. А оброку было прежъ сего стѣхъ поженъ по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева по 4 ал. на годъ.

Пожни на Юркине острову вверхъ по Туломе рекѣ на праве по купчей Посничка Евсихѣева сына 105
Сорихина, а Вешняковъ онъ же 107 году оброку сннхъ было прежъ сего по 6 денегъ на годъ.

И всего оброку было прежъ сего стѣхъ поженъ 8 ал. и 4 деньги на годъ.

Да за ними жъ сенныхъ покосовъ розчищены вново после письма Василья Агалина да подъячего Степана Соболева воброке прежъ сего не бывали.

Розчисти отъ варницы по обе стороны ручья и до тундры ихъ моностырское чищеное.

Да за ними жъ пожни в Тювской губѣ до пожни в Кольской губѣ пониже тони Аврамова пахты берегомъ до лавны и лѣшіе розчисти и по ручью вверхъ и пониже лавны по даной Ивана Быка да Михаила Онпкіевыхъ приказщиковъ, а даная изгибла внеметцкой приходъ, а Тювскіе пожни ихъ монастырское чищеное.

Да Печенскаго же монастыря старцовъ угодья рыбные ловли и сенные покосы оброчные и данные, а въ государеве цареве и великаго князья Василья Ивановича всеа Русіи жаловальной грамоте сто пятого на десятъ году тѣ угодья за ними не написаны, а иные за ними прибыли после Государевы жаловальные грамоты.

Пудасъ на Туломе рекѣ подъ Кривецкимъ порогомъ на лѣвой сторонѣ половина того пудаса Печенскаго монастыря старцовъ, а другая половина Нотозерскихъ Сонельскихъ лопарей, что было прежъ сего Не- 106
чайка Иванова да Васки Олексѣева, а ловили внемъ прежъ сего красную рыбу семгу заборцомъ да на другой сторонѣ за рекою пониже забора ловили рыбу неводомъ, а ныне тотъ пудасъ лежитъ впусте, а не ловятъ внемъ красную рыбу потому, что у нихъ тѣмъ пудасомъ запираетъ рыбу на той же Толоме рекѣ подъ падуномъ, а оброку снего было прежъ сего по Васильевымъ книгамъ Агалина да подъячего Степана Соболева по полтине на годъ, а впредь имъ давати снего въ государеву казну оброку по 20 ал. на годъ, а верстатися имъ промежъ себя самимъ по своимъ промысломъ.

Да за ними жъ в Урскую губу ѣдучи отъ Поганъ наволока на лѣвой сторонѣ тоня у Ворьи пахты за Ворье пахтою да тоня у Выгоръ ручья изгаровными мѣсты отъ Чана ручья и до Поганъ наволока по матерому берегу и по острову по Гярке тикамъ что было прежъ сего за Муномошскими лопари за Ѳомкомъ Василье- 107
вымъ да за Олешкою Чюрвуевымъ да за коляны за Сенкою Вязиннымъ да за Васкою Матрениннымъ, а после за Куземкою Поповымъ да за старцомъ Сергѣемъ Вязиннымъ, что имъ было да влуковую дань то угодье по ихъ челобитью Елизарей Молвяниновъ, а ныне то угодье тѣмъ Печенскимъ старцомъ дано из над дачи по ихъ челобитью, а дани сннхъ было прежъ сего по даной памяти Еризарья Молвянинова слука и смалые чети лука по 20 алтынъ згривною на годъ, а впредь тѣмъ Печенскимъ старцомъ давати сннхъ дани слука и смалые чети лука по 30 ал. на годъ.

Да за монастыремъ же тоня два Понковскихъ наволоковъ згаровными мѣсты отъ Пиногорева пожни да

до Щѣлейки гдѣ полная вода вверхъ по Туломе рекѣ на правой сторонѣ по даной Самсонка прозвище Пѣшка Мартемьянова сына, а по Васильевымъ книгамъ Агалина да подъячего Степана Соболева дани было снее въ государеву казну за четь лука за бѣлки и за ролдуги по 5-ти алтынъ и по полуторе деньге на годъ, а впредь имъ платити за то угодье за четь лука по 2 гривны на годъ.

Да за монастыремъ же поженки вверхъ по Туломе рекѣ на леве надъ сухимъ порогомъ да поженки вверхъ по Туломе рекѣ на праве по ниже Понковской тони да пожни же конава роке противъ конского острогу по даной Максимка и вчерицахъ Мисаила Полушки розчищены после письма Василья Агалина да подъячего Степана Соболева воброке прежъ сего не бывали, а впредь имъ платить сnихъ оброку по 2 алтына на годъ.

108 И всего стѣхъ монастырскихъ угодей срыбныхъ ловель опрочѣ сенныхъ покосовъ, которыхъ у нихъ въ государеве жаловальной грамоте не написаны дани и оброку было прежъ того рубль и 3 алтына и полчетверты деньги на годъ.

А по Алаеву письму Михалкова да дьяка Василья Мартемьянова дани и оброку стѣхъ угодей срыбныхъ ловель и ссенныхъ покосовъ и сновоприбылымъ оброкомъ рубль и 15 ал. 2 деньги на годъ.

Погостъ Мототцкой да Китовской стоитъ на рекѣ на Лице малой, а внемъ живутъ Печенскаго монастыря старцовъ крещеные лопари ввежахъ. Ввежѣ Демидко Шермой да сынъ его Ѳролко да Степанко Кипреяновъ да Конанко Юскіевъ да новокрещенъ Тимошка Петровъ. (ж. п. в.) Ѳилипко Изыпа да братъ его Мишка Кипреяновы дѣти да Пашко Изаинъ да Костентинко Микиѳоровъ да Микитка Ѳедоровъ. (ж. в. в.) Маркъ Васильевъ сынъ Пелцуевъ да новокрещенъ Микитка Ангіевъ да сынъ его Иванко да Ѳедотко Захарьевъ. (ж. в. в.) Мишка хромой да новокрещенъ Пантелѣйко Воллинъ. (ж. в. в.) Ѳедка вотчей да Ивашко Шаріевъ да Савка Яковлевъ пасынокъ Ѳедкинъ да новокрещенъ Самылко Торѣевъ да племянникъ его Ондрюшка Волліевъ. (ж. п. в.) Новокрещенъ Тро-
109 ѳимко Мартыновъ да сынъ его Калинка. И всего 6 вежъ, а лопарей вnихъ 23 человѣка, а промышляютъ влѣте на море встановище в Кунванцахъ удятъ рыбу троску и палтусъ, а восень по лѣшимъ мѣстомъ по рѣчкамъ и по озеркамъ ловятъ бѣлую рыбу да на лесу звѣрь бьютъ и птицу ловятъ по монастырской вотчине тѣмъ ся и кормятъ.

А угодей за ними никакихъ нѣтъ.

А дань и оброкъ емлютъ стѣхъ лопарей и сугодей по государеве жаловальной грамоте Печенскаго монастыря старцы

Да Печенскаго же монастыря за старцы луки, что были прежъ сего Мотоцкаго и Китовскаго погоста лопарей.

По Васильевымъ книгамъ да подъячего Степана Соболева написано за ними поллука.

Поллука жъ что было прежъ сего за Стенкою да за Юшкомъ за Петровыми детми да за Сенкою да за Манькою да за Полашкою за Савиными детми за Урскими лопари по купчей 88 году.

Треть лука что было прежъ сего Танки Ревяшны дочери Васильева жены литцкіе лопки по данной 88 же года.

Поллука, что было прежъ сего за Кондраткомъ за Григорьевымъ сыномъ за урскимъ лопиномъ по купчей 88 же году.

Полтрети лука что было прежъ сего за лопкою за Маврою Даниловою дочерью урскихъ лопарей по
110 купчей того жъ 88 году.

Девятая доля что было прежъ сего за Петрушкою Даниловымъ сыномъ урскимъ лопиномъ по купчей 85 году.

Поллука, что было прежъ сего за Муномошскимъ лопиномъ за Гришою Даниловымъ сыномъ по купчей 86 году.

Полполтрети лука что было прежъ сего лопки Татьянки Лебитовы дочери Васильевскіе жены Вывярдіевы по купчей 84 году.

Поллука что было прежъ сего Онтонка Спиридонова сына да Титка Юскіева да брата его Кондратка да Еѳимка Негостаева сына да Степашка Петрова сына да детей его Ѳилки да Марка да Дмитрейка да Матронки да Иванка Иванова сына Вывердеева да Даншп Иванова сына Вывердеева жъ да Марѳутки Онаньины дочери гитцкихъ лопарей по купчей 84 году.

Четь лука что было прежъ сего Никиѳорка Негостаева здетми с Олешкою да с Ваською да с Костею да сплемянники с Ортюшкою с Васильевымъ сыномъ да со Власкомъ с Ивановымъ сыномъ литцкихъ же лопарей по купчей 84 году.

Лукъ счетью лука что было прежъ сего Олешки Микиѳорова сына да Марка Стеѳанова сына да Дмитрейка Степанова жъ сына да Ондрюшки Кондратьева сына да Петрушки Данилова сына да Ѳилки Степанова сына да Сенки Савина сына да Васки Окулова сына да Иванка Минина сына Оѳимьина да Ѳедки Иванова сына да Иванка Титова сына литцкихъ лопарей по купчей 85 году. 111

Полтрети лука что было прежъ сего Онтонка Спиридонова сына да детей его Ларки да Микиѳорка да Юшки литцкихъ лопарей по купчей 86 году.

Полполъ чети лука что было прежъ сего за урскимъ лопиномъ за Степанкомъ за Петровымъ сыномъ по купчей 86 году.

Полполтрети лука что было прежъ сего за Степанкомъ же за Петровымъ сыномъ по купчей 87 г. 112

Треть лука что было прежъ сего Ондрюшки Кондратьева сына урского лопина да литцкого лопина Сенки Савина сына по купчей 87 жъ году.

Треть лука что было прежъ сего лопки Настки Окуловскіе жены здетми с Ваською да Якункою Окуловыми детми мототцкихъ лопарей по купчей 87 жъ году.

Треть лука что было прежъ сего Иванка Минина сына Оѳимьина литцкого лопина по купчей 87 жъ году.

Полполчети лука что было прежъ сего того жъ лопина Иванка да племянницы его Окулинки Семеновы дочери по купчей 91 году.

Участокъ Данилка да Панкратка Ивановыхъ детей Вывердеевыхъ литцкихъ лопарей по купчей 88 г.

Полполтрети лука что было прежъ сего Ѳедки да Ильюшки Еѳимовыхъ детей литцкихъ же лопарей по купчей 88 же году.

Полполчети лука что было прежъ сего Олешки Володимерова сына по купчей 96 году.

Четь лука что было прежъ сего Тимошки Ерѣмова сына по купчей 96 же году.

Полтрети лука что было прежъ сего Ѳедки Гугая Микулина сына Печенского лопина да жены его Иринки Михайловы дочери Щарюева по купчей 96 жъ году.

Четь лука, что было прежъ сего за Маркомъ Степановымъ сыномъ Пелцуемъ по купчей 96 же году.

Три чети лука, что было прежъ сего за Маркомъ же за Пелцуемъ по купчей 96 же году.

Четь лука что было прежъ сего Ортюшки Васильева сына да Олешки Никиѳорова сына по купчей 92 году.

Полполъ чети лука что было прежъ сего Ондрюшки Семенова сына Китовскаго лопина по купчей 93 году. 113

Полполъ чети лука что было прежъ сего Петрушки Данилова сына да Маврицы Данилова дочери тѣхъ же китовскихъ лопарей по купчей 93 же году.

Полполчети лука что было прежъ сего Олешки Володимерова сына китовского же лопина по купчей 93 же году.

Да за ними жъ участокъ, что былъ прежъ сего за Маркомъ Степановымъ сыномъ Пелцуевымъ по купчей 96 г. что онъ продалъ в Печенской монастырь угодье свое восьмой доли отца своего и сполу третья участка да втой же восьмой доли участокъ тетки своей матери его сестры Марьицы да другой участокъ тетки же своей Пелаги сестры жъ матери его Ананьины дочери.

Да за ними жъ участокъ Иринки Григорьевы дочери Пелцуева по купчей 95 году.

И всего Печенскаго монастыря старцовъ, что было преже сего урьскихъ илитцкихъ и китовскихъ лопарей и сучастками 9 луковъ.

Да за ними жъ по тѣмъ же лукомъ в Мототцкой губѣ угодья.

На морскомъ берегу отъ межи муномошскихъ лопарей отъ Поганъ наволока в Мурманской конецъ
114 тони и реки: тоня глубокая на усть Уры реки тоня корга. Река Ура большая, река Урица малая, тоня
Щѣлейка, рева малая Ялица. Да на той же рекѣ изба да анбаръ монастырскіе жъ, тоня на усть тое же
реки, тоня в Березовой губѣ, тоня Анга, река Лица большая да на той же рекѣ изба да баня да 2 скіи
монасырскіе жъ да на усть тое реки тоня Нестеровская, тоня Корга пуста, рѣчка Китовка да на усть тое
рѣчки тоня пуста, тоня Корга у волока, тсня Кера, тоня Рокопахта, тоня Генна, да втомъ же наволоке
в Карьеве ручью рѣчка Зубовка да на усть тое рѣчки тоня Еводокъ да ручеекъ Волтмайка да Типуновъ
наволокъ.

И всего за Печенскими старцы угодья въ Мототцкой губѣ 6 рѣкъ большихъ и малыхъ да ручеекъ да 14 тонь живущихъ и пустыхъ, а ловятъ печенскіе старцы втехъ рекахъ и на тоняхъ красную рыбу семгу заборами и неводами и гаврами.

Да втѣхъ же врѣкахъ в Уре в большой да в Китовке печенскіе жъ старцы Коли прилучится бобры бьютъ.

Да втѣхъ же рекахъ в Уре жъ большой да въ Лице в большой коленя и иногородцы промышляютъ
жемчюгъ, а являются в Коле таможеннымъ целовальникомъ и у тѣхъ колянъ и у иногородцовъ стого ихъ
115 промыслу Кольского острогу таможенные цѣловальники емлютъ в государеву казну десятое зерно лутчее.

Да втой же в Мототцкой губѣ выметываетъ киты и сморя, а емлютъ тѣ киты печенскіе жъ старцы.

Да за печенскими жъ старцы по тѣмъ лукомъ лѣшіе озера озеро Менемилно, озеро Нюхче, озеро Севьиво, а ловятъ вниxъ бѣлую рыбу про монастырской обиходъ да на лесу звѣрь бьютъ и птицу ловятъ.

А межа имъ в Мурманской конецъ по Скарвіевъ ручей.

А по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева дани было въ государеву казну за тѣ угодья съ 9-ти луковъ по 20 ал. зденьгою на годъ.

И того всего 5 рублевъ и 14 алтынъ 5 денегъ на годъ.

Да по Васильевымъ же книгамъ Агалина да подъячего Степана Соболева писано да они жъ дань даютъ стѣхъ же луковъ датцкому королю слука по 5 ал. и по 2 деньги на годъ.

Да на усть Пазы реки церковь стростотерпцовъ Христовыхъ Бориса и Глѣба древяная клѣтски стоитъ беспѣнія, а вцеркве образы и книги и ризы монастырское строеніе.

116 Да у церквы жъ монастырскихъ 2 кѣльи да анбаръ спогребомъ да сарай да поварня.

Да за монастыремъ же угодья луки промежъ вазрецкими лопари.

Поллука написано за ними по писцовымъ книгамъ Василья Агалина да подъячаго Степана Соболева.

Участокъ по купчей Степанка Петрова сына Пазрецкого лопина 85 году.

Да за ними же вчети шестая доля лука, что было прежъ сего Осипка Дальева сына Пазретцкого же лопина по купчей 85 году.

Да за ними жъ 8 доля лука что было прежъ сего Степанка да Ѳомки Кондратьевыхъ дѣтей Пазретцкихъ лопарей по купчей 85 году.

Да втѣхъ же купчихъ написано стѣхъ участковъ и сосмые доли лука старцемъ Печенского монастыря дани и подводъ и никоторого тягла промежъ пазеретцкихъ лопарей не платити.

Да за ними же полполчети лука, что было прежъ сего Григорья Ѳедорова сына по даной 104 г.

Да за ними жъ участокъ Семейкины жены Бородина потозерскіе лопки по даной 86 году.

И всего за Печенскими старцы в Пазретцкихъ угодьяхъ промежъ лопари полтора лука.

117 А по тѣмъ лукомъ Печенскіе старцы промышляютъ межъ вазрецкихъ лопарей врекахъ и на тоняхъ
рыбною ловлею красные рыбы семги и лѣтнимъ мѣстомъ по рѣчкамъ и по озеркамъ ловятъ бѣлую рыбу
да на лесу звѣрь бьютъ и птицу ловятъ.

А дани было прежъ того стѣхъ луковъ по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева слука по 20 алтынъ и по полутретье деньге на годъ. И того сполутора лука 30 алтынъ и полчетверты деньги на годъ.

Да по Васильеву жъ письму Агалина да подъячего Степана Соболева написано стѣхъ же луковъ даютъ Датцкому королю дани по гривне московской слука на годъ.

А угодья луковые жъ, а не оброчные печенскихъ же старцовъ и пазретцкихъ лопарей.

Река Пазъ, а вней ловятъ красную рыбу семгу заборомъ.

Да на губѣ в Пазретцкой ѣдучи и с Пазъ реки на правой сторонѣ тоня отворотная, тоня подъ пахтою, рѣчка Ровденга да на той же рекѣ вкути тоня Валлекопъ, а вѣдаютъ печенскіе старцы тѣ угодья спазретцкими лопари сами постаринѣ то у нихъ недѣльно.

А межа тому Пазретцкому угодью снявидемскими лопари Маселга да по рѣчку Новушъ и по морской берегъ, а по другую сторону отъ мѣста Печенского монастыря по Маселге совеселга да по Китовой хребетъ да Поргетангу да по Тандрани да по Кянгу наволокъ по морской берегъ.

Да Печенского жъ монастыря за старцы луки промежъ Нявдемскихъ лопарей. 118

Поллука по даной Нявдемского лопина Давыдка Каннеева, а даная у нихъ изгибла в неметцкой приходъ.

Четь лука, что была прежъ сего Захарка Иварева сына Нявдемского же лопина по купчей 87 г.

Полчети лука, что была прежъ сего Шеллы Тоивотіевы дочери Воллины жены Ирикова сына варенсваго лопина да Анницы Тоивотіевы дочери Нявдемскихъ вотчинницъ Скунаремовы жены Стурдіева сына варенского лопина по купчей 87 году.

И всего за Печенскими старцы промежъ Нявдемскихъ лопарей лукъ бесполучети лука.

А дани было прежъ того по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева стого лука бесполучети 11 алтынъ и полторы деньги на годъ.

Да стого же лука бесполучети было прежъ сего дани Датцкому королю по 2 алтына и по 2 деньги на годъ.

Угодья луковые, а не оброчные печенскихъ старцовъ и Невдемскихъ лопарей реки и тони.

Река Нявдема, рѣчка Утенга Ковдесъ озеро да по морскому берегу в Нявдемской губѣ тоня у Михайлова ручейка, тоня под Ски островомъ розчищена после письма Василья Агалина. И всего 2 рѣки да озеро да 2 тони, а ловятъ печенскіе старцы съ Нявидемскими лопари в тѣхъ рѣкахъ и на тоняхъ красную рыбу семгу заборами и неводами и гарвами, а на озере бѣлую рыбу да на лесу звѣрь бьютъ и птицу ловятъ, 119
а вѣдаютъ печенскіе старцы тѣ угодья слопари межъ себя сами по старинѣ то у нихъ недѣльно.

Да за Печенскими жъ старцы втомъ же луку бесполчети тоня Давыдоская згаровными мѣсты межа ей отъ песку до Товского наволока розчищена после письма Василья Агалина.

А всему Нявдемскому угодью межа спазретцкими лопари по морскому берегу кережной наволокъ, а влесѣхъ по Качеру тундру, а в Мурманской конецъ межа на морскомъ берегу по Чей островъ а влесѣхъ по Челисъ ручеекъ.

Да за Печенскими жъ старцы в волости в Порье губѣ мѣсто дворовое пустое, что былъ дворъ прежъ сего Захарка Иванова сына Порьегубца по купчей 67 году, а по Васильевымъ книгамъ Агалина да подъячего Степана Соболева написанъ вживущемъ оброку снего в государеву казну было прежъ сего по 2 алтына на годъ.

Да за ними жъ на морскомъ берегу варница в Шушпанской губѣ у дву ручьевъ, что была прежъ сего Порьегубца Захарка Иванова по купчей 67-го же году, оброку снее было прежъ сего по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева по 10-ти алтынъ на годъ.

Да Печенскіе жъ старцы плавятъ кварнице дрова по ручью по Шушпанихѣ.

Да в Порьегубской же волости Печенского монастыря старцовъ межъ Порьегубскими крестьяны лукъ 120
угодей, что былъ прежъ сего Петруши Яковлева сына Голянища по купчимъ 87 и 89 году.

А дани было прежъ сего въ государеву казну по 22 алтына на годъ.

Да Печенского жъ монастыря старцы ловятъ по тому луку межъ Порьегубскими крестьяны и Словетцкими старцы по морскому берегу на тоняхъ и врѣчке красную рыбу семгу.

Втой же и Порьегубской волости угодья Порьегубскихъ крестьянъ и соловетцкихъ и печенскихъ старцовъ по морскому берегу тони луковые, а не оброчные.

Тоня Екаканъ да тоня Которонской наволокъ, тоня Порья, тоня Глубокая, тоня Пѣнковская, тоня Наумова, тоня Лопская, тоня Межная, а дана та тоня к церкве к Николе к Чюдотворцу. И всего 8 тонь.

А по Васильевымъ книгамъ Агалина да подъячего Степана Соболева написаны тѣ тони за Порьегубскими крестьяны на оброке, а оброку сnихъ было по 6 рублевъ на годъ.

Да по морскому жъ берегу тонишка новоприбылые стали вново после письма Василья Агалина да подъячего Степана Соболева, а вѣдаютъ ихъ Печенскіе и Соловетцкіе старцы и Порьегубскіе крестьяне межъ себя по луковому жъ тяглу.

Тоня Коновая, тонишко Плешкова, тонишко Ильинская, 2 тони на Горѣловскомъ наволоке, тонишко
121 за Глубокимъ. И всего 6 тонишекъ да рѣчка Порья, а ловятъ вней красную рыбу семгу заборцемъ Печенскіе и Соловетцкіе старцы и Порьегубскіе крестьяне, а на тонишкахъ ловятъ красную жъ рыбу неводами и гарвами.

А впредь имъ тѣ тонишка старые и новые и рѣчка Порья вѣдати межъ себя по луковому жъ тяглу.

Да за Печенскими жъ и Соловетцкими старцы и Порьегубскими крестьяны луковые жъ угодья лѣшіе озеришка.

Два тарвъ озеришка Кривое озеришко Плотицы озеришко, Шучье озеришко, 3 озеришка Резановыхъ, 3 озеришка Пердуниских да подле Порью рѣчку озеришко Царево, 3 озеришка Титовыхъ, озеришко Костарево, озеришко Щербинино, ручей Ильинской. И всего 17 озеришковъ да ручеекъ, а ловятъ вних бѣлую рыбу про свою нужу.

Да Печенскіе жъ старцы промышляютъ по тому жъ луку межъ Порьегубскими крестьяны и Соловетцкими старцы на лесу звѣрь бьютъ и птицу ловятъ.

Да за Печенскими жъ старцы втой же в Порьегубской волостке сенные покосы луковые, а прежъ того были в оброке.

Розчисть написана за ними по писцовымъ книгамъ Василья Агалина да подъячаго Степана Соболева оброснее было прежъ сего полтретья алтына на годъ.

Да за ними жъ теребы на губѣ и на Порье рекѣ по выше забора и в Шушпанихе по купчей
122 Емельянка Евимова сына Хворостова, оброку сних было по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева 2 алтына и 4 деньги на годъ.

Да за ними жъ розчисть в Тресковой губѣ да дворище варничное по даной Микиты Паюса по Васильевымъ книгамъ Агалина оброку снихъ было алтынъ на годъ.

Да за ними жъ теребы в Шушпановой избѣ вверхъ по ручью, которой ручей на волосную сторону падетъ по обе стороны ручья да отъ варницы изгубы до мѣстища по купчей 94 г. что были прежъ сего Иванка Рошутина, в оброке прежъ сего не бывали.

Да за ними же пожни Евсѣевскіе межа отъ Соловетцкіе варницы вверхъ по рекѣ по Порье до падуна по обѣ стороны в оброке прежъ сего не бывали же, и розчищены тѣ пожни Ивановскіе и Евсѣвъевскіе после письма Василья Агалина да подъячего Степана Соболева.

Да за ними жъ теребы в Шушпановѣ губѣ что были прежъ сего Вавилка Сеоронова сына по купчей 96 г. оброку снихъ было прежъ сего по 10 денегъ на годъ.

А межа всему Порьегубскому угодью по морскому берегу в Кандолошскую сторону Пенкинской наволокъ, а в другую сторону межа по морскому же берегу Таровъ наволокъ.

123 И всего стѣхъ угодей, что Печенского монастыря за старцы слуковыхъ и сbooрочныхъ и срыбныхъ ловель срѣкъ и тонь и ручьевъ и ссенныхъ покосовъ спожень и срозчистей и стеребовъ с Печенскіе губы и среки с Печенги и сыныхъ рѣкъ и тонь и с Колы рѣки споловины забора и стонь и срѣчки и сварницы что в Кольской губѣ и с Туломскихъ рыбныхъ ловель и ссенныхъ покосовъ, что на Туломе рекѣ и по Коле и в Кольской губѣ и смельницы и смототцкихъ и слитцкихъ и сурскихъ и спазретцкихъ и снявдемскихъ слуковыхъ угодей и спорьегубскихъ смѣста дворового и сварницы и слуковыхъ угодей опричь Кольскихъ угодей на которыхъ ныне оброкъ положенъ и пустые мельницы и стѣмъ, скоторыхъ угодей дань сложилъ Василей Агалинъ было прежъ сего въ государеву казну дани и оброку 17 рублевъ и 11 алтынъ на годъ.

И Государь Царь и великій князь Василей Ивановичъ всеа Русіи Печенского монастыря старцовъ игумена Еорѣма збратьею или хто по немъ иныи игуменъ или строитель и братья будутъ пожаловалъ стѣхъ сь ихъ смонастырскихъ здворовъ и смѣстъ дворовыхъ и санбаровъ и сугодей слуковыхъ и соброчныхъ срыбныхъ ловель срѣкъ и стонь и сручьевъ и ссенныхъ покосовъ и сварницъ и смельницъ сживущихъ и спустыхъ дани и оброку опричь того что ныне на которые угодья оброкъ положенъ и срыбныхъ и ззвѣриныхъ со всѣхъ ихъ промысловъ збѣлые и скрасные рыбы и строски и спалтуса десятые рыбы и сала строскина и скитового де-

сятого имати сних невелѣлъ вруги и в молебныхъ и впонахивныхъ денегъ мѣсто, а нѣчто в предь неметцкіе люди датцкіе учнутъ книмъ пріѣзжая какихъ оброковъ и дани и срыбы десятины у нихъ просити и имъ неметцкимъ людемъ Государь Царь и в. к. В. И. в. Р. велѣлъ отказати, что та земля лопская ископь вѣчная вотчина его государева, а не датцкого короля и по се время государя нашего вземлю датцкого короля люди ни вчемъ не вступались и дани и оброковъ и срыбныхъ десятинъ не прашивали, а ныне государя нашего вземлю вступаются мимо прежніе обычеи и одноколично неметцкимъ датцкимъ и никакимъ людемъ съ тѣхъ земель и водъ и со всякихъ угодей и спромысловъ что Государь Царь и в. к. В. И. в. Р. пожаловалъ имъ въ монастырь дани и оброковъ и десятины никакіе не давати, а владѣти имъ тѣми всѣми угодьи к монастырю безданно и безпошлинно по государеве и в. к. В. И. в. Р. жаловальной грамоте сто пятого на десять году за приписью діака Нечая Федорова

Да за Печенскими жъ старцы угодья луковые и оброчные, что были прежъ сего Петровского монастыря старцовъ игумена Гедеона збратьею, а справлены за Печенскими старцы тѣ угодья по отводнымъ книгамъ Семена Ододурова да подъячего Спиридона Гущина сто четвертаго на десятъ году какъ онѣ отводили по государеве грамоте Петровской монастырь со всѣмъ монастырскимъ строеніемъ и церковь и сцерковнымъ строеніемъ и кѣльи и вкѣльяхъ братью и слугъ и детенышевъ и монастырскую казну и угодья луковые и оброчные рыбные ловли и сеные покосы и звериные у хожеи чѣмъ владѣлъ игуменъ Гедеонъ збратьею по купчимъ и по данымъ грамотамъ и по всякимъ крепостямъ подъ Печенской монастырь.

Угодья луковые, а не оброчные реки и тони.

Река середняя да рѣчка Ваенга, а ловятъ в нихъ красную рыбу семгу заборцами и гаврами и неводишками отъ Березового наволока кморю отъ островка и волоковою губою до Исаковы тони и тоня вволоковой губѣ на устъ Кольскіе губы у Большого моря что были преже сего Елисѣйка Никифорова сына Попова, а крѣпости на то угодье игуменъ Гедеонъ отдалъ Ѳедору Хлопову бити челомъ государю о льготныхъ грамотахъ, а дани было преже сего стого угодья вгосудареву казну по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева за рыбную ловлю за бѣлки и за ролдуги слука бесчети.

Тоня подъ Аврамовою пахтою, что была прежъ сего четь тоѣ тони за Сеикою, что ныне вчерицахъ за Сергѣемъ в Вянзинымъ по купчей 102. 126

Да за ними жъ втой же тони три чети что была прежъ сего муночошскихъ лопарей Петрушки Михайлова да Ѳилипка Петрова по купчей 107 году дани снее было прежъ сего сполулука.

Поворотяся сморя в Кольскую губу по правую сторону.

Тоня на Мишукове наволоке, что была прежъ сего Митроѳана Кукина по даной 93 году вполучети лука.

Тоня на Щѣлейке межа ей отъ Дарьины тони Вянзина по большой камень и втой тони половина Кольскаго церковнаго дьячка Дружинки Кипреянова, а другая половина Печенского монастыря старцовъ.

Да за ними жъ тоня в губѣ промежъ тонями Щѣлейкою и Жиляною губою по купчей Ивана Питкуя здетми 96 г. и тѣ тони Щѣлейка и тоня в губѣ в трети лукъ.

И всего того Гедеоновского лукового угодья что за печенскими старцы полтора лука и полполполъ трети лука, а дани платили снихъ прежъ сего по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева слука за бѣлки и за ролдуги по 20 ал. съ алтыномъ на годъ. И того сполутора лука и сполполполъ трети лука 32 ал. и 2 деньги на годъ 127

А впредь печенскимъ старцемъ по Алаеву письму Михалкова да діака Василья Мартемьянова платити вгосудареву казну стого угодья дани слука по 25 алтынъ на годъ.

И того всего рубль и 5 алтынъ зденьгою на годъ.

Да за Печенскимъ же монастыремъ угодья луковые жъ, а не оброчные бѣлые рыбы ловля что было преже сего игумена жъ Гедеона збратьею.

Наумбо озере и на Колозере и на Имандре озере в Куренге и около Умбо озера на верхнихъ озерахъ и бобровые ловли по рѣчкамъ и по ручейкамъ межъ лопари по купчей Кирмушки да Ермушки Мелентьевыхъ детей Колозерскихъ лопарей сто пятого году, а дани было прежъ сего стѣхъ угодей по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева за лукъ безъ чети по розчету по полуосми алтына на годъ.

А впредь Печенскимъ старцемъ дани давати вгосудареву казну за то угодье за лукъ бесчети 10-ти алтынъ на годъ.

128 Да за ними же угодье на Имандре жъ озере бѣлые рыбы ловля и лѣшіе угодья и звериные промыслы и бобровые ловища отъ Куренги и до Вреесъ наволока и на другой сторонѣ в Пече губѣ и ис Пече губы рѣчкою до Пече озера да рѣчка Кунтакъ по купчей муномошского лопина Гаврилка Шивцева да сестры его Оксеньицы Максимовы дочери сто четвертаго на десятъ году, а дани было прежъ сего стѣхъ угодей по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева сполу лука по пяти алтынъ на годъ.

А впредь Печенскимъ старцомъ давати вгосудареву казну дани за тѣ угодья за половину лука по 2 гривны на годъ.

Да за Печенскимъ же монастыремъ угодья оброчные, а не луковые что были прежъ сего Петровского жъ монастыря игумена Гедеона збратьею.

Вверхъ по рекѣ по Коле отъ забора да рѣчка Кича да Варламовъ ручеекъ да Кянзинъ ручеекъ да озерко на Кянзинскомъ ручью, что было прежъ сего тѣхъ угодей в трехъ четвертяхъ четверть Куземки Попова по даной 90-го году.

129 Да за ними жъ въ томъ же угодье четы что было прежъ сего Тимошки Кирилова да Еремки Никиѳорова по записи 82 году, а иные купчіе и даные на то угодье игуменъ Гедеонъ отдалъ Ѳедору Хлопову бити челомъ государю о льготныхъ грамотахъ, а ловятъ в тѣхъ рѣчкахъ красную рыбу семгу, а возеркахъ бѣлую рыбу, а въ ручейкахъ бобры бьютъ, а оброку было прежъ сего стѣхъ угодей по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева по 4 гривны на годъ.

Да за ними жъ на рекѣ жъ на Коле вверху заборъ Гедеоновской же в томъ же оброке сталъ после письма Василья Агалина да подъячего Степана Соболева.

А впредь печенскимъ старцемъ платити вгосудареву казну оброку стого угодья безъ гривны по 30 алтынъ на годъ.

Да за Печенскими жъ старцы мельница на Коле рекѣ на другой сторонѣ реки двои жарновы, что была прежъ сего игумена жъ Гедеона стала после письма Василья Агалина да подъячего Степана Соболева оброку снее прежъ сего не бывало, а впредь имъ платить снее оброку полполтины на годъ.

Да за Печенскимъ же монастыремъ пожни и розчисти сенные покосы оброчные, а не луковые, что были прежъ сего того жъ Петровского монастыря игумена Гедеона збратьею.

130 Пожни вверхъ по рекѣ по Туломе в Мурмошахъ по выше тони Песчанки. Да на другой сторонѣ за Туломою рекою противу тѣхъ поженъ, поженки вдву мѣстехъ да противъ волости за Туломою у Креста да вдругомъ мѣсте по выше Креста поженки да на Коле рекѣ на волостной сторонѣ пониже Варламова ручья поженка поделовой записи Еремки да Елисѣйка Микиѳоровыхъ детей да Ѳадѣйка Петрова сына да Куземки Иванова сына Поповыхъ оброку сниxъ платили прежъ сего по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева по 2 алтына на годъ, а впредь Печенскимъ старцемъ платити оброку стѣхъ сенныхъ покосовъ по 2 гривны на годъ.

Да за Печенскими жъ старцы вверхъ по рекѣ по Туломе на правой сторонѣ промежъ Тарасковыми Вянзина пожнями противъ Матреннна острова поженка да надъ Тарасовою поженкою поженка да промежъ Тарасковою жъ да Васкиною поженкою поженка да надъ сухимъ порогомъ у ручейка пониже Ѳилкины пожни поженка, что были прежъ сего Петровского монастыря старцовъ по купчей Иванка Питкуя здетми 96 году оброку сниxъ платили прежъ сего по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева по 2 алтына на годъ.

А впредь Печенскимъ старцемъ стѣхъ сенныхъ покосовъ давати вгосудареву казну оброку по 4 алтына на годъ.

131 Да за ними жъ вверхъ по рекѣ по Туломѣ на правой сторонѣ на черномъ лесу пожни Пяивы рѣчки за островомъ за Вянзиною да за Питкуевою пожнею влесу розчисть да вдругомъ мѣсте поженки на Пяиве рѣчке надъ кривымъ порогомъ по обе стороны на Черномъ же лесу въ четырехъ мѣстехъ да втретьемъ мѣсте на Туломе же рекѣ на другой сторонѣ противъ Пяивы рѣчки пониже Тимоѳѣевы пожни поженка на черномъ лесу что было прежъ сего Сидорка Семенова розчищены после письма Василья Агалина да подъячего Степана Соболева, оброку сниxъ платили прежъ сего по оброчной Степана Благово 97 году по 8 денегъ на годъ, а впредь Печенскимъ старцомъ давати оброку стѣхъ сенныхъ покосовъ по гривне на годъ.

Да за ними жъ сенные покосы на Туломе жъ рекѣ надъ сухимъ порогомъ вверхъ ѣдучи на праве противъ Харитнова острова и противъ Питкуевскихъ пожень и Вянзиныхъ повыше на межахъ, что были

прежъ сего Непилки Федоровы дочери Верещагины по купчей 99 году розчищены после письма Василья Агалина да подъячего Степана Соболева оброку снихъ прежъ сего не было, а впредь имъ давати снихъ оброку по 2 алтына на годъ.

Да за ними жъ сенные жъ покосы на рекѣ же на Коле чищенья Петровского монастыря старцовъ розчисти противъ Канче ручья наволокъ да повыше Канче ручья наволокъ же да на Шонгой наволокъ же розчищены после письма жъ Василья Агалина да подъячего Степана Соболева оброку снихъ прежъ сего не было, и впредь Печенскимъ старцомъ давати оброку стѣхъ с розчистей по гривне на годъ. 132

И всего стѣхъ Печенского монастыря с угодей, что были прежъ сего Петровскаго монастыря старцовъ слуковыхъ и соброчныхъ срыбныхъ ловель скрасные рыбы и збѣлые срѣкъ и стонь и со зверь и ссенныхъ покосовъ опричѣ тѣхъ поженъ и розчистей скоторыхъ прежъ сего оброку не было и мельницы было прежъ сего вгосудареву казну дани и оброку рубль 30 алтынъ зденьгою на годъ.

А по Алаеву письму Михалкова да діака Василья Мартемьянова Печенского монастыря старцомъ платить впредь стѣхъ Гедеоновскихъ угодей слуковыхъ и соброчныхъ срыбныхъ ловель скрасные и збѣлые рыбы срекъ и стонь и созеръ и ссенныхъ покосовъ и стѣми на которые ныне оброкъ положенъ вново и смельницы 3 рубля и 9 алтынъ и 3 деньги на годъ.

И прибыло по Алаеву письму Михалкова да дьяка Василья Мартемьянова на тѣ Гедеоновскіе угодья луковые и оброчные на рыбные ловли и на сенные покосы и снова прибылымъ оброкомъ рубль и 12 алтынъ и 4 деньги на годъ.

Волостка Порья губа, а вволости церковь странезою Николы Чюдотворца поставлена новоцерковными деньгами древяная, а вцеркве образы и книги и ризы и на колокольнице 2 колокола, строеніе мирское да у церквы жъ попъ Сава Исаковъ сынъ да пономарь Ондрюшка, дворовъ у нихъ на церковной землѣ нѣтъ, а ругу имъ даютъ порьегубскіе крестьяне церковныхъ Никольскихъ денегъ по полутора рубли на годъ, а пономарю по 30 алтынъ на годъ; а иную ругу даютъ имъ и отъ собя. А государевы руги втой церкве не идетъ ничего. 133

Да втой же Порьегубской волостке дворы оброчные порьегубькихъ крестьянъ тяглыхъ, а не пашенныхъ В. Ивашко да Васка Клементьевы дети, в. Емельянко Ефимовъ сынъ, в. Нестерко Михайловъ сынъ да дети его Васка да Евсѣвейко, в. Васка Ивановъ сынъ Капшакъ, в. Обрамко да Ѳедка Карповы дети бобыли.

И всего крестьянскихъ и бобыльскихъ 5 дворовъ, а людей въ нихъ 9 человѣкъ, а по Васильевымъ книгамъ Агалина да подъячего Степана Соболева написано въ волости Порьегубѣ вживущемъ 12 дворовъ, а оброку снихъ было преже сего вгосудареву казну здвора по 2 алтына на годъ. 134

А впредь имъ давати оброку вгосудареву казну здвора по 4 алтына на годъ. И того съ 5-ти дворовъ 20 алтынъ на годъ.

И убыло передъ Васильевымъ письмомъ Агалина да подъячего Степана Соболева из живущего впусто во сто шестомъ на десятъ году 7 дворовъ, а оброку убыло 4 алтына на годъ.

Да втой же в Порье губѣ мѣста дворовые Порьегубскихъ крестьянъ на оброкѣхъ, а сѣютъ на нихъ рѣпу.

М. дворовое Нестерка Михайлова сына, что было прежъ сего Степанка Захарьева сына Голдобы, оброку снего преже сего не было, а впредь ему давати снего вгосудареву казну оброку по 8 денегъ на годъ.

М. дворовое Васки Капшака, что былъ прежъ сего дворъ дяди его Щипаника, оброку было снего прежъ сего по алтыну на годъ, а впредь ему давати снего оброку въ государеву казну по 8 денегъ на годъ.

Да втой же волости мѣста жъ дворовые пустые порьегубскихъ же жильцовъ а давали ихъ подъ дворы на оброкъ писцы Алай Михалковъ да діакъ Василій Мартемьяновъ во сто шестомъ на десять году. 135

Дано мѣсто дворовое подъ дворъ Ромахе Кирилову сыну, что былъ преже сего дворъ Тимохи Хворостова и согородцемъ.

Дано мѣсто дворовое подъ дворъ Ондрюшке Ондроникову сыну, что былъ преже сего дворъ отца его Ондрюшкина.

И всего 2 мѣста, а оброку имъ давати въ государеву казну сволостными людьми ровно здвора по 4 алтына на годъ.

Порьегубскихъ же крестьянъ луки хто чѣмъ владѣетъ.

Полтора лука Нестерка Михайлова сына Валькова да детей его Васки да Евсѣвейка.

Полтора жъ лука Емельянка Еѳимова сына лукъ Васки Иванова сына Капшака.

Полтора лука Ивашка да Васки Клементьевыхъ детей Суботиныхъ.

Полдука Романка Кирилова сына.

136 И всего 6 луковъ, а дани было преже сего вгосудареву казну слука по 22 алтына на годъ. Итого всего 3 руб. и 32 ал. на годъ.

А впредь имъ платити дани вгосудареву казну потому же какъ было преже сего по 22 алтына слука на гоо. И того сошти луковъ 3 руб. и 22 ал наггоо.

А по тѣмъ лукомъ тѣ Порьегубскіе крестьяне вѣдаютъ ссоловетцкими и спеченскими старцы поморскому берегу на тоняхъ ловлю красные рыбы сёмги и на пожняхъ сенные покосы и по лѣшимъ озеркамъ ловятъ бѣлую рыбу да на лесу звѣрь бьютъ и птицу ловятъ, а не приложено на нихъ дани вново потому что обнищали.

Да втой же к Порьегубской волостке угодья порьегубскихъ крестьянъ и соловетцкихъ и печенскихъ старцовъ по морскому берегу тони луковые, а не оброчные: тоня Екаканда, тоня Которонской наволокъ, тоня Порья, тоня Глубокая, тоня Пѣнковская, тоня межная церковная Николы Чюдотворца, а дали ту тоню кцеркве порьегубскіе крестьяне, тоня Наумова, тоня Лопская. И всего 8 тонь. А по Васильевымъ книгамъ Агалина да подьячего Степана Соболева написаны тѣ тони за порьегубскими крестьяны на оброке, а оброку синхъ было вгосудареву казну преже сего по 6 рублевъ на годъ.

А впредь имъ стѣхъ тонь оброку не платити.

137 Да за порьегубскими жъ крестьяны и печенскими старцы по морскому берегу тонишка прибыли за ними после письма Василья Агалина да подьячего Степана Соболева, а вѣдаютъ ихъ промежъ себя по луковому же тяглу. Тонишка Новая, тонишко Плешкова, тонишка Ильинская, 2 тонишка на Горѣлонскомъ наволоке, тонишко за Глубокимъ. И всего 6 тонишекъ да рѣчка Порья, а ловятъ вней красную рыбу семгу заборцомъ печенскіе и соловетцкіе старцы и порьегубскіе крестьяне, а на тоняхъ ловятъ рыбу неводами и гарвами. А впредь имъ тѣ тонишка старые и новые и рѣчку вѣдати межъ себя по луковому же тяглу.

Да порьегубскими же крестьяны да за соловетцкими да за печенскими старцы лѣшіе озеришка луковые же, а не оброчные.

138 Два тарвъ озеришка, Кривое озеришко, Плотицы озеришко, Щучь озеришко, три озеришка Резановыхъ, три озеришка Пердунисныхъ, да подле Порью рѣчку озеришко Царево, 3 озеришка Титовыхъ, озеришко Щербинино, ручеекъ Ильинской. И всего 17 озеришковъ, да ручеекъ, а ловятъ винхъ бѣлую рыбу про свою нужу.

Пожни Порьегубскихъ же крестьянъ луковые же, а не оброчные сенные покосы.

Поженки Утаровъ ручья вчетырехъ мѣстехъ Нестерка Михайлова да за нимъ же поженки втрескалбѣ впяти мѣстехъ да на окольномъ болоте 3 теребишка в Пердунове губѣ за порожкомъ да остоженцо не доходя варницы Иванка да Васки Клементьевыхъ детей и что были преже сего за отцомъ ихъ за Клементьемъ да итой же волостке по морскому берегу мѣста варничные пустые: м. варничное вдомой губѣ Ѳомки Иванова да Ивашка Щипаника, м. варничное ветешуе губѣ Гришки Родивонова да Ѳетки Капшака. И всего 16 мѣстъ варничныхъ, а в Васильевыхъ книгахъ Агалина да подьячего Степана Соболева написано варницы пустые, а оброку сних преже сего было сварницы по 10 алтынъ на годъ. А запустѣли тѣ варницы и мѣста дворовые порьегубскіе отъ лѣта 7078 году отъ лихово повѣтрея и отъ голоду и отъ босорги на правежу и отъ двинского иску.

139 Да втой же волостке д. Соловетцкого монастыря игумена Антонія збратьею на пріѣздъ старцамъ и слугамъ монастырскимъ, что былъ тотъ дворъ изстари порьегубскихъ крестьянъ Гриши да Иванка Родивоновыхъ детей и по купчей 89 году.

Да за ними жъ м. дворовое пустое и согородцемъ, что былъ за порьегубскимъ крестьяниномъ за Васкою Тарасомъ сыномъ Карандыревымъ по даной 82 году.

Да за ними же м. дворовое пустое, что былъ дворъ Ѳедора Торопова да пасынка его Тренки по купчей з 97 году.

Да за ними же м. дворовое пустое Костянское Мажегинского.

Да втой же волостке луки Соловетцкого монастыря игумена Антонія збратіею межъ порьегубскими крестьяны по купчимъ:

По купчей 97 г. лукъ в Порье губѣ, что былъ старца Оноѳрея, что вмире былъ Оникей Степановъ сынъ белозерецъ и с Каргополя да сына его Иванка вморскихъ и возерскихъ ловляхъ да в белозереве

губѣ розчисти новые и старые пожни всѣ и подмалиновою варокою теребы новые и старые и в Чорномъ наволоке и втреске губѣ пожни новые и старые чѣмъ владѣлъ изстари Ѳедоръ Тороповъ да пасынокъ его Третьякъ да треть мельницы, а ныне м. пустое.

Да за нимъ же по купчей 87 г. полъ выти что было Григорья Родивонова сына Сухонаволоченина 140
в Порье губѣ со всѣми угодьи сморскими и сречными и созерскими и лѣшими пожнями и слесы ссенными покосы.

Да за нимъ же варница, а вней два црѣна на рекѣ на Порьѣ, что было мѣсто варничное того жъ Григорья, а нынѣ за Соловетцкимъ монастыремъ.

Да за ними же по купчей 88 г. четверть лука въ Порьегубѣ, что былъ Ѳедора Родивонова сына Капшака со всѣми угодьи изсенными покосы и сморскими и созерскими и сречными ловлями и слѣшими ухожеи, а сѣно косятъ на ту четверть лука въ Екопской губѣ и по ручью.

Да за ними же по купчей 87 г. четверть лука въ Порье же губѣ, что были Ивана Онарѣева 141
сына Копыла сморскими и сречными ловлями и ссенными покосы и слѣшими ухожеи да м. варничвое сварницею и сколодеземъ и здворомъ сварничнымъ, что было Ѳедора Тарасова сына Торопова по купчей 87 г. Да треть мельничвого мѣста, что было порьегубцовъ Григорья да Ивана Родивоновыхъ дѣтей по купчей 89 г. да треть мельничного жъ мѣста в Порье же губѣ на волосномъ ручью повыше волостного мельничного мѣста, что была треть мельницы Ѳедора Тарасова сына Торопова по купчей 89 г.

И всего Соловетцкого монастыря за игуменомъ Антоніемъ збратьею в Порье губѣ угодей вморскихъ и возерскихъ и врѣчныхъ ловляхъ и всенныхъ покосехъ и влѣшихъ ухожеяхъ 2 лука и стѣмъ, что за ними полъ выти Григорья Родивонова сына Сухонаволоченина.

Да имъ же дана рѣчка Порья для дровяного плавежу.

А оброку Соловетцкого монастыря игуменъ Антоній збратьею преже сего платили вгосудареву казну съ монастырскихъ порьегубскихъ угодей и дворового и лукового и црѣнного и речного и за лестные розчисти и за теребы и за сенные покосы и за всякіе доходы на годъ по рублю по 17 ал. по 2 деньги.

А впредь Соловетцкого монастыря игумену Антонію збратьею платити вгосудареву казну оброку стѣхъ монастырскихъ порьегубскихъ угодей на годъ по тому же по рублю по 17 ал. по 2 деньги.

А оброкъ Соловетцкого монастыря игуменъ Антоній збратьею с Порьегубы ссвоихъ монастырскихъ 142
угодей по государеве грамоте за приписью діака Григорья Елизарова сто пятого на десятъ году платятъ на Москвѣ в ноугородцкой чети, а в Кольской острогъ ратныхъ и посошныхъ людей и кденежному ктаможенному збору и на кабакъ целовальниковъ и выные в Кольскіе ни вкакіе розходы по той же государеве грамоте имати съ нихъ не велено для того что поставили они в Соловетцкомъ монастырѣ городъ каменной монастырскою казною да в монастырской вотчине в Сумской волостке поставили онѣ острогъ монастыремъ же отъ приходу неметцкихъ людей. И в Соловетцкомъ городе и в Сумскомъ остроге стрелцовъ и пушкарей и затинщиковъ держатъ своихъ монастырскихъ людей и жалованье хлѣбное и денежное даютъ тѣмъ ратнымъ людемъ изъ монастырскіе казны и городъ и острогъ подѣлываютъ монастырскою же казною.

И всего с Порьегубскихъ дворовъ и слуковъ и со всякихъ угодей скрестьянскихъ и смонастырскихъ было прежъ сего вгосудареву казну дани и оброку 5 рублевъ и 27 алтынъ на годъ.

А по Алаеву письму Михалкова да діака Василья Мартемьянова стѣхъ с Порьегубскихъ здворовъ и 143
слуковъ и со всякихъ угодей скрестьянскихъ и смонастырскихъ дани и оброку вгосудареву казну и стѣмъ что даны мѣста порозжіе подворы 6 руб. и 13 алтынъ 2 деньги на годъ.

И прибыло втой Порьегубской волостке вгосудареву казну дани и оброку передъ старымъ вново 19 алтынъ 4 деньги на годъ.

А межа всему Порьегубскому угодью по морскому берегу в Кандолошскую сторону Пенкинской наволокъ, а вдругую сторону межа по морскому же берегу Таровъ наволокъ.

Погосты лопскіе, а внихъ живутъ Терскіе крещеные лопари тяглые, а не пашенные ввежахъ.

Погостъ Вороней стоитъ подъ Воньею рекою. (ж. в. в.) Гарасимко да Насонко да Васка Юрьевы дѣти. (ж. в. в.) Игнашко да Мишка да Ермолка да Гришка Ѳедоровы дѣти. (ж. в. в.) Титко Микулинъ сынъ да сынъ его Илейка да Ѳомко Семеновъ сынъ да сынъ его Семейка. (ж. в. в.) Петрушка да Климко Кузмины дѣти. (ж. в. в.) Евъсѣвьевко

Даниловъ сынъ да Степанко Ѳедоровъ сынъ. (в. ж. в.) Иванко Семеновъ сынъ да Ѳедка Клементьевъ сынъ. И всего в Воронетцкомъ погосте 6 вежъ, лопарей внихъ 17 человѣкъ.

144 А угодья за ними река Воронья, а ловятъ въ ней красную рыбу семгу заборомъ и сетми отловозера и до морского устья да половина рѣчки Ринды, а другая половина за лопозерскими лопари, а ловятъ вней красную рыбу семгу заборомъ же дана лесу и на тундре звѣрь бьютъ тѣм ся и кормятъ.

А дани они давали вгосудареву казну прежъ сего по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева за то угодье съ 10-ти луковъ и съ трети лука.

Да втомъ же угодье вѣдаютъ сними вмѣсте по старинѣ иныхъ волостей лопари государеву дань и всякіе государевы подати платятъ.

Иванко Утуевъ Норенскаго погоста треть лука спесцомъ.

Данилко Семеновъ ловозерецъ четверть лука, Ѳедка да Илейка Сысоевы дети Колдолскіе лопари поллука

И всего Воронескихъ лопарей и иныхъ волостей 11 луковъ сполулукомъ.

А давали они вгосудареву казну дани прежъ сего по Васильеву письму] Агалина да подъячего Степана Соболева съ 11 луковъ сполулукомъ, а за лукъ по 18-ти песцовъ за песецъ по 10-ти денегъ московскихъ и того всего за песцы деньгами 10 рублевъ 11 ал. 4 ден. на годъ.

145 Да они жъ давали прежъ сего стѣхъ же своихъ луковъ по 8 ролдугъ версталей сполуролдугою, а за ролдугу по гривне московской. И того 28 ал. и 2 деньги на годъ.

И всего они давали дани прежъ сего вгосудареву казну за песцы и за ролдуги по 11 рублевъ и по шти алтынъ по 4 деньги на годъ.

А впредь имъ давати вгосудареву казну дани стѣхъ своихъ угодей съ 11 луковъ сполулукомъ слука по 22 песца и за песецъ по 2 алтына на годъ.

И того всего за песцы деньгами 15 рублевъ и 6 алтынъ на годъ.

Да имъ же платить стѣхъ же своихъ угодей по 10-ти ролдугъ версталей, а за ролдугу по гривне московской. И того всего рубль на годъ.

И всего имъ платить впредь стхъ своихъ угодей съ 11 луковъ сполулукомъ за песцы и за ролдуги вгосудареву казну дани 16 рублевъ и 6 алтынъ на годъ.

И прибыло на нихъ дани передъ старымъ вново 4 рубля и 32 алтына 4 деньги на годъ.

Да стѣхъ же своронецкихъ лопарей скололей даньщики дань датцкаго короля емлютъ по 10 алтынъ съ человѣка на годъ

И всего съ 17-ти человѣкъ 5 рублевъ згривною на годъ.

146 Да Воронетцкого же погоста лопарей угодья оброчные, а не луковые рыбные ловли, а преже сего стѣхъ угодей оброку не было, положенъ на нихъ тотъ оброкъ вново.

Рѣчка падетъ вреку в Воронью да ручеекъ Оленица, а ловятъ внихъ красную рыбу семгу заборцами, а в Васильевыхъ книгахъ Агалина да подъячего Степана Соболева та рѣчка и ручеекъ не написаны, а оброку имъ давати вгосудареву казну стого угодья за рыбную ловлю по 2 гривны на годъ.

А розводити имъ та луковая дань и оброкъ межъ собя самимъ по своимъ животомъ и по промысломъ и по рыбной ловле.

Да тѣ жс Воронецкіе лопари промышляютъ лѣтомъ на море треску и палтасъ тѣм ся и кормятъ.

А межа имъ въ мурманской конецъ морскимъ берегомъ и вгору прямо по Тирибирской наволокъ отъ реки отъ Вороньи морскимъ берегомъ до Тирибир тонь нѣтъ.

147 Погостъ Норенской стоитъ на леве озере ввеже Иванко Панѳиловъ сынъ да Панфилко Тудѣевъ сынъ. (в. ж. в.) Кондратко Харитоновъ сынъ да братъ его Власко. (в. ж. в.) Серешка Дементьевъ сынъ да Олешка Парѳеньевъ сынъ. (в. ж. в.) Исачко Гавриловъ сынъ да Симанко Григорьевъ сынъ. (в. ж. в.) Васка Ѳедоровъ сынъ да братъ его Иванко да Тараско Мартыновъ сынъ да братъ его Матвѣйко. (в. ж. в.) Федосѣйко Симановъ сынъ да сынъ его Васка да Илейка Григорьевъ сынъ. (в. ж. в.) Микиѳорко Федотовъ сынъ да племянникъ его Пронка Васильевъ сынъ да Петрушка Онтоновъ сынъ да братъ его Юшко. (в. ж. в.) Ѳеонка да Кирилко да Ондрюшка Ивановы дѣти да Ѳедосѣйко Васильевъ сынъ. (в. ж. в.) Гришка Ѳедоровъ сынъ да братъ его Тимонка Ѳедоровъ же сынъ. (в. ж. в.)

Кирилко да Ѳедка Оксентьевы дѣти да Микитка Клементьевъ сынъ. (ж. в. в.) Тимоѳейко Федоровъ сынъ да братъ
его Малоѳѣйко. (ж. в. в.) Онтонко Кириловъ сынъ да Парѳенко Еѵрѣмовъ сынъ да братъ его Левка. (ж. в. в.) Галка
Ивановъ сынъ да сынъ его Янка да Мишка Захаровъ сынъ. (ж. в. в.) Гришка Сидоровъ да Янка да Климко Онд-
рѣевы дети. (ж. в. в.) Иванко Ѳедоровъ сынъ да Максимко Сидоровъ сынъ. (ж. в. в.) Иванко Самсоновъ сынъ да
Илейка Захарьевъ сынъ. И всего 16 вежъ, а лопарей вних 43 человѣка.

Угодья за ними Лѣво озеро, Кимо озеро, Кирмо озеро, Цѣло озеро да поморскому берегу ручей в Ива-
нове кресту Дроздовъ ручей, река Арзина, Сидоровъ ручей, рѣчка Лица, река Харловка.

И всего 4 озера да 3 ручья да 4 реки, и ловятъ втѣхъ рѣчкахъ и вручейкахъ красную рыбу семгу 148
заборы, а на озерахъ ловятъ бѣлую рыбу про свою нужу, а реки и ручейки отдаютъ они на откупъ прiѣзжимъ
людемъ двиняномъ и кореляномъ да они же на лесу и на тундрѣ звѣрь бьютъ и на море ввесну рыбу ловятъ
тѣм ся и кормятъ.

А давали они прежъ сего стѣхъ своихъ угодей вгосудареву казну дани по Васильеву письму Агалина
да подьячего Степана Соболева съ 14-ти луковъ, а за лукъ по 18-ти песцовъ, а за песецъ по 10-ти денегъ
московскихъ и того всего за песцы деньгами 12 рублевъ и 20 алтынъ на годъ.

Да они же давали прежъ сего вгосудареву казну стѣхже своихъ угодей по 12-ти ролдугъ версталей,
а за ролдугу по гривне на годъ и того всего за ролдуги рубль и 16 алтынъ и 4 деньги на годъ.

И всего они давали прежъ сего вгосудареву казну дани стѣхъ своихъ угодей за песцы и за рол-
дуги по 13-ти рублевъ и по 26-ти алтынъ по 4 деньги на годъ.

А впредь имъ платити вгосудареву казну дани стѣхъ своихъ угодей съ 14-ти луковъ, а за лукъ 149
по 22 песца за песецъ деньгами 18 рублевъ и 16 алтынъ на годъ.

Да имъ же давати стѣхъ же своихъ угодей по 12-ти ролдугъ версталей, а за ролдугу по гривне жъ
на годъ. И того всего за ролдуги рубль и 16 алтынъ и 4 ден. на годъ.

И всего Норенскаго погоста лопаремъ стѣхъ своихъ угодей съ 14-ти луковъ платити вгосудареву
казну дани за песцы и за ролдуги 10 руб. и 32 ал. и 4 д. на годъ.

И прибыло на нихъ вново передъ старымъ вгосудареву казну дани 6 рублевъ и 6 алтынъ на годъ

Да стѣхъ же снoренскихъ лопарей емлютъ кольскiе данщики дань Датцкаго короля по 10 алтынъ съ
человѣка на годъ.

И всего съ 43 человѣкъ 12 руб. и 30 алтынъ на годъ.

Погостъ Понойской стоитъ надъ ручьемъ надъ Ечюномъ, а внемъ живутъ лопари понойскiе и скон- 150
скiе ввежахъ. Ввежѣ Петрушка Семеновъ да Маркъ Михаревъ да сынъ его Ѳедосѣйко, (ж. в. в.) Ѳедка Пищуевъ
да сынъ его Степанко да Ондрюшка Тимоѳесевъ сынъ да Михалка Ондрѣевъ сынъ, (ж. в. в.) Ѳедка Малаѳѣевъ да
Гришка Якимовъ, (ж. в. в.) Парѳенко Семеновъ да Иванко Кириловъ, (ж. в. в.) Ѳѳонка Григорьевъ да Олешка Семе-
новъ, (ж. в. в.) Симанко Мустопартинъ да сынъ его Савка, (ж. в. в.) Степанко Ѳедоровъ, (ж. в. в.) Титко Малафѣевъ да
сынъ его Ивашко, (ж. в. в.) Гришка Степановъ да братъ его Ивашко, (ж. в. в.) Михалко Костентиновъ да Васка
Якимовъ да сынъ его Евдокимко, (ж. в. в.) Илейка Ивановъ да Еѵрѣмко Семеновъ да Симанко Хромой, (ж. в. в.) Пе-
трушка Ивановъ сынъ да дети его Васка да Гришка, (ж. в. в.) Семейка Рошиха, (ж. в. в.) Ондрюшка Ивановъ сынъ
да сынъ его Ѳедка да Симанко Прокоѳьевъ сынъ Роженъ, (ж. в. в.) Максимко Степановъ сынъ да братъ его Ку-
земка, (ж. в. в.) Симанко Ивановъ сынъ да братъ его Степанко, (ж. в. в.) Михалко Шалѣевъ сынъ да Самсонко Ива-
новъ сынъ да сынъ его Гашко, (ж. в. в.) Павликъ Ильинъ сынъ да Ивашко Симановъ сынъ, (ж. в. в.) Павликъ Ту-
рьевъ да шуринъ его Володка да Огонъ Михайловъ сынъ да Офоня Соколовъ, (ж. в. в.) Иванко Власьевъ сынъ да
Васка Михайловъ, (ж. в. в.) Петрушка Верявнинъ, (ж. в. в.) Мишка сотникъ Тимоѳѣевъ сынъ да Селиванко да Да- 151
нилко Савельевы дети, (ж. в. в.) Ѳедка да Михалко Савельевы дѣти, (ж. в. в.) Кирюшка Верваньинъ да сынъ его
Титко да пасынокъ его Игнашка да Пронка Ильинъ сынъ, (ж. в. в.) Васка Ѳѳонасьевъ сынъ, (ж. в. в.) Староста Он-
дрюшка Карповъ сынъ да Васка Савельевъ сынъ да сынъ его Логинко, (ж. в. в.) Симанко Офанасьевъ сынъ да
сынъ его Оска да Онтошко Володимеровъ сынъ, (ж. в. в.) Ѳѳонка Кузминъ сынъ да дети его Игнашко да Якушко,

Мишка Кузминъ сынъ, (ж. в. в.) Ѳедоско Федоровъ сынъ да Васка Григорьевъ сынъ да братъ его Гашко, Левка Тимоѳѣевъ сынъ да сынъ его Якушко, (ж. в. в.) Ивашко Павловъ сынъ да братъ его Иванко жъ, Васка Симоновъ сынъ, (ж. в. в.) Власко Михайловъ да дети его Кондрашко да Мартынка, (ж. в. в.) Якушко Михайловъ да дети его Ивашко да Васка, (ж. в. в.) Насонко Юрьевъ сынъ да сынъ его Павликъ, (ж. в. в.) Симонко Насоновъ сынъ да братъ его Гришка да Невѣрко Ивановъ сынъ, (ж. в. в.) Бориско Ивановъ сынъ да Власко Степановъ сынъ да братъ его Ивашко.

И всего 39 вежъ, а лопарей внихъ понойскихъ и еконскихъ 91 человѣкъ.

А угодья у нихъ рѣчки и тони по морскому берегу отъ рѣчки отъ Пялицы в Мурманской конецъ Половина рѣчки Пялицы, а другую половину той рѣчки вѣдаютъ варзужаня. Рѣчка Пулонга, рѣчка Бабья.
152 рѣчка Снежница, рѣчка Сосновка, рѣка Понои и тоѣ реки половина была прежъ сего за лопарями, а другую половину тоѣ реки отдали было онѣ истари понойскому попу и дьячку и понамарю в руги мѣсто и проскурнице на просвиры, а ныне тѣ лопари у нихъ четь тоѣ реки отняли, а за ними оставили четь же.

Да за лопарями жъ по морскому берегу тони: тоня Коровья пахта, тоня Горѣлка, рѣчка Лиходѣева, тоня Лиходѣева, тоня на Орлове носу, рѣчка Песчанка, рѣчка Лумбушка. И всего 8 рѣчекъ да 5 тонь.

Да по морскому же берегу въ Еконской губѣ рѣка Еканга да за Ивановымъ крестомъ Тавровъ ручей. Четверть ручейка Кулая, а три доли того ручейка вѣдаютъ Норенскіе и ловозерскіе лопари, рѣчка Арзина, рѣчка Дроздова и втѣхъ вобѣихъ рѣчкахъ вѣдаютъ нозерскіе лопари четвертую долю, а три доли вѣдаютъ ловозерцы и норенскіе да ихъ же угодье Ено озеро, а ловятъ внемъ бѣлую рыбу про свою нужу да на тундре звѣрь бьютъ тѣм ся и кормятъ.

А в тѣхъ во всѣхъ рекахъ и на тоняхъ и вручейкахъ ловятъ красную рыбу семгу заборы, а на тоняхъ сетми и неводы, а вѣдаютъ они тѣ рѣчки и ручейки и тони и озера и всякіе угодья межъ собя сами
153 по старинѣ, а давали они прежъ сего вгосудареву казну дани по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева стѣхъ своихъ со всѣхъ угодей съ 19-ти луковъ сполулукомъ и сполчетверти лука, а за лукъ по 18-ти песцовъ, а за песецъ по 10-ти денегъ московскихъ, и того всего за песцы деньгами съ 10-ти луковъ сполулукомъ и сполучетверти лука 17-ть рублевъ и 22 ал. съ полуденьгою на годъ.

Да они же давали прежъ сего стѣхъ своихъ угодей по 10-ти ролдугъ сполуролдугою и сполучетверти ролдугою, а за ролдугу по гривне московской на годъ. И того всего за ролдуги рубль и 2 алтына сполуденьгою на годъ.

И всего давали они прежъ сего вгосудареву казну дани стѣхъ своихъ со всѣхъ угодей съ 19-ти луковъ сполулукомъ и сполучетверти лука за песцы и за ролдуги по 18-ти рублевъ и по 24 алтына зденьгою на годъ.

А впредь тѣмъ понойскимъ и еконскимъ лопаремъ стого угодья с 19-ти луковъ сполулукомъ и сполучетверти лука платити вгосудареву казну дани слука по 22 песца, а за песецъ деньгами по 2 ал. на годъ.

И того всего за песцы деньгами с 19-ти луковъ сполулукомъ и сполчетверти лука 25 руб. и 30 ал. съ деньгою на годъ.

154 Да имъ же платити стѣхъ же своихъ угодей по 10-ти ролдугъ сполуролдугою и сполучетвертію ролдугою, а за ролдугу деньгами по гривне московской на годъ.

И того всего за ролдуги по рублю и по 2 алтына сполуденьгою на годъ.

И всего платити имъ впредь вгосудареву казну дани стого своего угодья съ 19-ти луковъ сполулукомъ и сполучетвертію лука за песцы и за ролдуги деньгами по 26 рублевъ и по 32 алтына сполуторою деньгою на годъ.

И прибыло на нихъ передъ старымъ вново вгосудареву казну дани 8 рублевъ и 8 алтынъ сполушкою на годъ.

Да стѣхъ же понойскихъ и с еконскихъ лопарей емлютъ кольскіе даньщики дань Датцкого короля по 10-ти алтынъ счеловѣка на годъ и всего съ 91 человѣка 27 рублевъ и 10 алтынъ на годъ.

Да тѣ же понойскіе и еконскіе лопари даютъ по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева среки съ Еконги своего промыслу хто чѣмъ ни ловитъ вгосудареву казну десятую рыбу семгу, а

емлютъ у нихъ тоѣ десятую рыбу кольского острогу вѣрные целовальники, которыхъ присылаютъ ис Колы
государевы приказные люди для государевы десятые рыбы в погостъ в Понои

А по Васильевымъ книгамъ Агалина да подъячего Степана Соболева написано: имали у нихъ тоѣ де- 155
сятую рыбу лопскіе даньщики и отвозили въ государеву казну в Большой приходъ к Москве зданными день-
гами вмѣсте.

Да в Васильевыхъ же книгахъ Агалина да подъячего Степана Соболева написано река Понои да по-
ловина рѣчки Нялпцы да рѣчка Пулонга да рѣчка Бабья да рѣчка Снежница да рѣчка Сосновка да рѣчка Пес-
чанка да рѣчка Лумбушка, да промежъ тѣхъ рѣчекъ 5 тонь по морскому берегу и тѣ рѣчки и тони, впла-
тежныхъ книгахъ писма двинянъ Якима Романова стоварыщи 71-го году написано даютъ стѣхъ угодей
вгосудареву казну десятую рыбу семгу на Москвѣ двиняне сварзужскою десятиною вмѣсте

А нынѣ емлютъ ту десятую рыбу стѣхъ угодей Кольскіе же вѣрные целовальники, а продаютъ ту
десятую рыбу и еконскую прїѣзжимъ людемъ двиняномъ и каргопольцомъ, которые прїзжаютъ впогостъ в Понои
и в Еконну на лодьяхъ для торговли и тѣ деньги тѣ целовальники, что возмутъ за десятую рыбу отвозятъ
вгосудареву казну въ Кольской острогъ иприказнымъ людемъ ежегодъ безпереводно

А межа тѣмъ угодьемъ в Мурманской конецъ по морскому берегу и вгору по рѣчку по Лумбушку

Погостъ Понойской на рекѣ на Поное, а на погосте храмъ верховныхъ апостолъ Петра и Павла дре- 156
вянъ поставленъ по челобитью терскихъ лопарей и для ихъ крещенья и вѣры православные, а вцеркве образы
и книги и ризы и на колокольнице колокола и все церковное строеніе государево данье, а вцеркве образовъ
по правую сторону царскихъ дверей образъ Петра и Павла обложенъ серебромъ басменъ венцы скан-
ные, ввенцахъ камышки, да по лѣвую сторону царскихъ дверей образъ Пречистые Богородицы на краске, всѣ
три мѣстные, двери царскіе и столпцы и сѣни на празелени, да на тябле Дѣисусъ на краске, а внемъ обра-
зовъ: образъ Спасовъ, по правую руку Спасова образа образъ Пречистые Богородицы, образъ архангела Ми-
хаила, образъ апостола Петра да по лѣвую руку образъ Иванна Предтечи, образъ архангела Гаврила, образъ
апостола Павла да волтарѣ на престоле образъ Пречистые Богородицы на празелени да крестъ воздвизальной
на краске, сосуды церковные потиръ и блюдца оловяные да ризъ ризы полотняные оплечье выбойчатое краше-
нинное, ризы полотняные оплечье отласъ червчатъ, стихарь полотняной, оплечье крашенинное, поясъ шелкъ
червчатъ; да въ церкви жъ книги евангелье писмяное в десть на престольное поволочено бархатомъ червча-
тымъ, евангелисты мѣдные, евангеліе толковое печатное вдесть, псалтырь печатная в полдести да письмяныхъ
книгъ апостолъ апракосъ вдесть два охтая на осмь гласовъ в десть, псалтырь с слѣдованьемъ вполдесть, 157
минѣя общая да часовникъ да два пролога во весь годъ да треодь постная вдву книгахъ вдесть да тоѣ жъ
треоди недѣля втатратехъ, треодь цветная отъ Ѳомины недѣли до всѣхъ святыхъ вполдесть, два трефолоя пись-
мяные вполдесть, соборникъ вполдесть, канонникъ вчеть, трои часы царскіе втатратехъ да въ церкве же па-
никадило мѣдное да 2 кандила мѣдныхъ, укропникъ мѣдной же да на колокольнице 2 колокола пуда в 4-ре

Да у церквы жъ на церковной землѣ дворовъ: в попъ Иванъ Губинъ, в. церковной дьячекъ Микулка
Тихоновъ сынъ да братъ его Логинко, в. пономарь Семейка Ивановъ сынъ Пономаревъ да вотчимъ его Ше-
стачко Ивановъ сынъ Верещагинъ.

А по Васильевымъ книгамъ Агалина да подъячего Степана Соболева написано. дали лопари втой церкве
своего угодья половину реки Поноя взаборе.

А нынѣ втой рекѣ в заборе владѣютъ попъ да дьячекъ да пономарь четью, а другую четь у нихъ
втой рекѣ Понойскіе лопари отняли.

Да на погосте жъ дворишко, а внемъ бобыли Петрушка Левонтьевъ сынъ да Илейка Алимпіевъ сынъ
да дворъ пусъ двиненина Оникима Клюева оброку сныхъ не платятъ.

Да того жъ Понойского погоста жильцы и двиняна и колмогорцы и заонѣженя и сумляня и иныхъ 158
поморскихъ волостей ходятъ ввеснѣ на море и звѣрь всякой бьютъ и изъ нихъ вынимаютъ сало и продаютъ
в Коле и на Двинѣ нѣмцомъ на корабли, а иные отвозятъ на Русь бочку по 2 р , а в бочке сала по 7 пудъ,
и оброку и десятого стого промысла вгосудареву казну не даютъ.

А впредь имъ стого своего промысла хто что добудетъ давати вгосудареву казну десятое, а имати
у нихъ то десятое Кольского острогу вѣрнымъ целовальникомъ, котораго пошлютъ ис Колы для того госуда-
ревы приказные люди, а промышленникомъ у тѣхъ целовальниковъ имати отписи спору для, а приказнымъ

людемъ то десятое велѣти продавати нѣмцомъ на корабли въ большую цѣну, а денегъ отсылати к государю к Москве сыными с Кольскими доходы вмѣсте ежегодъ беспереводно, а впредь о томъ какъ государь укажетъ.

Того же Понского погоста жильцовъ пожнишка и розчисти сенные покосы не оброчные по рекѣ по Поное.

3 поженки церковнаго дьячка Микулки Тихонова сына да брата его Логинка вверхъ по рекѣ на праве.

Да за ними же 8 поженокъ межъ поповыми и пономаревыми пожнями. Да за ними же повыше за-
159 бора поженка за Глубокимъ ручьемъ да надъ Русиновымъ ручьемъ 3 поженки.

Поженка попа Ивана межъ дьячковыми и пономаревыми пожнями, да за ними же поженки впопове ручью.

Поженки пономаря Семейки межъ поповыми и дьячковыми пожнями да за ними же поженки надъ порогомъ у забора и за заборомъ.

Поженка впопове ручью бобылей Петрушки Левонтьева да Илейки Алимпиева, да за ними же на другой сторонѣ реки понияе дворовъ поженки да вмельничномъ ручью поженка да надъ заборомъ и за Глубокимъ ручьемъ поженка.

Поженка Еѳимка Остаѳьева сына да Семка Иванова сына Верещагина бобылей и у Глубокого ручья и за ручьемъ, да за ними же на другой сторонѣ реки противъ Лодейной ямы 2 поженки да за Толстымъ наволокомъ 2 поженки да в Лопскомъ ручью 2 поженки.

5 поженокъ подъ большимъ порогомъ пономаря Семейки да Еѳимка Остаѳьева сына да Сенки Верещагина.

460 Погостъ Ловозеро стоитъ надъ Ловозеромъ ввеже Илейки да Петрушка Сидоровы дети. (ж. в. к.) староста Ѳедка Мелентьевъ сынъ да Пашко Сидоровъ сынъ, (ж. в. в.) Олешка Петровъ сынъ, (ж. в. в) Иванко Олексѣевъ сынъ да Васка Невуевъ сынъ, (ж. в. в.) Данилко Семеновъ сынъ да сынъ его Селиванко, (ж. я. в.) Ѳеонка Семеновъ сынъ, (ж. в. в.) Соѳошко Меленьтьевъ сынъ да сынъ его Терешка да Степашка Максимовъ сынъ. (ж. в. в.) Власко Челноевъ сынъ да Еѳимко Тимофѣевъ сынъ.

И всего 10 вежъ, а людей вnихъ 16 человѣкъ.

А угодья у нихъ половина Ринды рѣчки, а другая половина воронейскихъ лопарей да за ними жъ угодья Ловозеро, Сей до озеро. Сп озеро, И всего три озера да половина рѣчки, а ловятъ они втѣхъ озерахъ бѣлую рыбу про свою нужу, а половину рѣчки Ринды даютъ на откупъ коляномъ посацкимъ людемъ, а ловятъ вней красную рыбу семгу заборцомъ.

Ловозерского погоста лопарей луки хто чѣмъ владѣетъ:

Поллука Власка Челноева сына да Терешки Левонтьева сына.

Поллука Данилка да Ѳеонки Семеновыхъ детей.

Поллука Степашка Максимова сына да Ѳеонки Семенова сына. Поллука Пашка да Илейки да
461 Петрушки Сидоровыхъ детей. Поллука Ѳеонки Семенова сына да Еѳимка Тимоѳѣева сына да Данилка Семенова сына да Терешки Левонтьева сына да Власка Челноева сына.

Поллука Олешки да Олешки жъ Петровыхъ детей. Четь лука кондолскихъ лопарей Микифорка да Васки да Гришки Ивановыхъ детей.

И всего 3 лука счетью лука, а дани они платили прежъ сего вгосудареву казну по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева стѣхъ своихъ угодей стрехъ луковъ счетью лука за лукъ по 18-ти песцовъ, а за песецъ по 10-ти денегъ на годъ.

И всего 2 рубля и 30 алтынъ 5 денегъ на годъ.

А впредь имъ платити стѣхъ своихъ угодей съ трехъ луковъ счетью лука въ государеву казну дани за лукъ по 22 песца, а за песецъ по 2 алтына. И того всего за песцы деньгами 4 рубля и 9 алтынъ 4 деньги на годъ.

Да имъ же платити стѣхъ же своихъ угодей за лукъ по ролдуге, и всего 3 ролдуги счетью ролдуги верстали, а за ролдугу по гривне и того всего 10 алтынъ 5 денегъ на годъ.

И всего имъ впредь платити вгосудареву казну дани стѣхъ своихъ угодей стрехъ луковъ счетью лука за песцы и за ролдуги 4 рубля и 20 алтынъ 3 деньги на годъ.

162 И прибыло на нихъ передъ старымъ вново вгосудареву казну дани рубль и 23 алтына на годъ.

Да сних же дань емлют Датцкого короля Кольскіе даньщики по 10-ти ал. съ человѣка на 1одъ. И всего съ 16-ти человѣкъ 4 р. и 26 ал. 4 д. на годъ.

Погостишко Кондала на Инке озере (ж. в. в) Васка да Микифорко да Гришка Ивановы дѣти, (ж. в. в.) Ивашко Олексѣевъ сынъ да Пареенко Емельяновъ. И всего 2 вежи, а людей вних 6 человѣкъ.

А угодья у них Инко озеро. Ибо озеро, Вирмо озеро, а ловятъ они втѣхъ озерахъ бѣлую рыбу про свою нужу да они жъ ловятъ рыбу на Умбо озере да на лесу и на тундре звѣрь бьютъ тѣмъ ся в кормятъ.

А дани они давали прежъ сего в государеву казну за тѣ угодья по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева здву луковъ за лукъ по 18-ти песцовъ за песецъ по 10 денегъ. И всего за песцы деньгами рубль и 26 ал. 4 деньги на годъ.

А впредь имъ платить стѣхъ своихъ угодей здву луковъ в государеву казну дани за лукъ по 22 163
песца, а за песецъ по 2 ал. И всего за песцы деньгами 2 р. и 21 ал. 2 д. на годъ.

И прибыло на нихъ передъ старымъ вново в государеву казну дани 28 ал. на годъ. Да снихъ же емлютъ Кольскіе данщики дань датцкаго короля по 10-ти ал. съ человѣка на годъ. И всего съ 5-ти человѣкъ рубль и 16 ал. 4 деньги на годъ.

Да на Юре озере (ж. в. в) Гришка Сергіевъ сынъ да сынъ его Ѳетка да Оленка Онисимовъ сынъ.

А угодья у нихъ на Юре озере ловятъ бѣлую рыбу про свою нужу да на лесу звѣрь бьютъ тем ся и кормятъ, а оброку они платили преже сего стого озера по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева по 10 ал. да за ролдугу за постелю по гривне на годъ.

А впредь имъ платити стого озера оброку вгосудареву казну по 10-ти жъ ал. да по 2 ролдуги, а за ролдугу по гривне жъ и всего имъ платить и за ролдугу по полтине на годъ

И прибыло на нихъ передъ старымъ оброку вново гривна на годъ.

А платити имъ тотъ оброкъ словозерскими лопарями вмѣсте.

Да они же дань платятъ датцкого короля кольскимъ даньщикамъ вгосудареву казну по 10-ти ал. съ человѣка на годъ. И того всего съ 3-хъ человѣкъ по 30 ал. на годъ.

И всего в Терской лопи 5 погостовъ, а по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева 164
дани и оброку сних было прежъ сего в государеву казну и стѣми что живутъ на Юре озере за песцы и за ролдугу 48 р. и 28 ал. 2 деньги на годъ.

А по Алаеву письму Михалкова да діака Василья Мартемьянова дани и оброку вгосудареву казну стоѣ Терскіе лопи съ 5-ти погостовъ и съ тѣми что живутъ на Юре озере за песцы и за ролдугу 70 р. и 29 ал. потретьи деньги на годъ.

И приложено вново передъ Васильевымъ письмомъ Агалина да подъячего Степана Соболева на ту Терскую лопь вгосудареву казну дани и оброку 22 р. и 1 ал. сполушкою на годъ

Да стоѣ жъ Терскіе лопи съ 5-ти погостовъ и стѣми что живутъ на Юре озере емлютъ кольскіе даньщики дань датцкого короля 51 р. и 10 ал. на годъ.

И всего стоѣ Терскіе лопи вгосудареву казну дани и оброку и скоролевскою данью 122 р. и 6 ал. сполуденьгою на годъ, а имати у нихъ та дань и оброкъ кольскимъ даньщикомъ и отвозити вгосудареву казну в Колу приказнымъ людемъ, а приказнымъ людемъ отсылати къ государю к Москве скольскими доходы вмѣсте.

Погосты лопскіе по верхней землѣ, а вних живутъ государевы крещеные лопари тяглые, а не па- 165
шенные ввежахъ:

Погостъ Маселга на Персе озере ввежѣ староста Ивашко Васильевъ сынъ да Отаѳонко Микитинъ сынъ. (ж. в. в.) Гришка Ивановъ сынъ, (ж. в. в) Герасимко Семеновъ сынъ да братъ его Олешка, (ж. в. в) Степанко Савельевъ сынъ да Ѳедка Степановъ сынъ, (ж. в. в.) Кирилко Ѳедоровъ сынъ да сынъ его Данилко, (ж. в. в.) Игнашко Агаѳоновъ сынъ да Евимко Агафоновъ сынъ, (ж. в. в) Якунка Миккоевъ сынъ да сынъ его Онашка.

И всего 7 вежъ, а людей вних 13 ч., а угодья у нихъ ловятъ на Умбо озере да в Колозере да в Романдре озере бѣлую рыбу да на лесу звѣрь бьютъ и птицу ловятъ тѣм ся и кормятъ.

Тоıо же погостца лопарей луки кто чѣмъ владѣетъ:

Поллука Кирилка Федорова сына.

Четь лука Герасимка Семенова сына.

Поллука Степашка да Мишки Клементьевыхъ детей.

Поллука Якунки Миккоева сына да Степанка Савина сына.

2 лука Ивашка Васильева сына да Гришки Иванова сына да Өеоники Кузмина сына ловозерского.

166 И всего 4 лука бесчети, а по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева написано вживущемъ 4 лука и четью лука владѣють ныне Печенскіе старцы, а подлинно написано за ними въ монастырскихъ книгахъ.

А дани платили прежъ сего вгосудареву казну тѣ масельскіе лопари стого своего угодья съ 4-хъ луковъ бесчети лука слука пополуполтине на годъ. И того всего 31 ал. полторы деньги да за ролдугу за постелю по 2 ал. по 4 деньги на годъ. И всего они платили прежъ сего стѣхъ съ 4-хъ луковъ бесчети и за ролдугу рубль и полчетверты деньги на годъ.

А впредь имъ платить стѣхъ своихъ угодей съ лука по 13 ал. по 2 деньги. И того всего рубль и 16 а. 4 д. да имъ же платить стѣхъ же своихъ угодей по ролдуге же, а за ролдугу по гривне. И всего имъ впредь платить стѣхъ своихъ угодей съ 4-хъ луковъ бесчети вгосудареву казну дани и за ролдугу рубль и 20 ал. на годъ.

И приложено на нихъ передъ старымъ внове вгосудареву казну дани 19 ал. полтрети деньги на годъ.

167 Погостецъ Екострова, (ж. в. в.) Левка прозвище Господинко Ильинъ сынъ да сынъ его Юшко, (ж. в. в.) Петрушка да Якушко Өедотовы дети, (ж. в. в.) Микитка да Савка Павловы дети, (ж. в. в.) Якушко Олексѣевъ сынъ, (ж. в. в.) Петрушка Олексѣевъ сынъ да братъ его Васка, (ж. в. в.) Өедосѣйко Яковлевъ сынъ.

И всего 6 вежъ, а людей внихъ 40 человѣкъ, а угодья у нихъ Мунзе озеро река Мунзя губа Мунзя имандровская рѣчка Единюно озеро да Имандровскіе же губы Едигуба вочеламба губа Вумская губа Амаръ озеро рѣчка на Инименя на веди озеро на Инименской губѣ, а ловятъ они втѣхъ рѣчкахъ и возеркахъ и по губамъ бѣлую рыбу про свою нужу да на лесу звѣрь бьютъ и птицу ловятъ тѣм ся и кормятъ.

А дани они давали прежъ сего вгосудареву казну за тѣ угодья по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева здву луковъ сполулукомъ, а за лукъ по 8 алтынъ и по 2 деньги да за ролдугу за постелю по гривне. И того всего и за постелю платили они преже сего здву луковъ сполулукомъ 24 алтына зденьгою на годъ.

168 А впредь имъ платити вгосудареву казну дани слука по 13-ти ал. по 2 д. Итого всего рубль. Да имъ же платить стѣхъ же своихъ угодей по ролдуги жъ, а за ролдугу по гривне. И всего имъ впредь платить вгосудареву казну дани и за ролдугу рубль и 3 алтына 2 деньги на годъ.

И приложено на нихъ передъ старымъ внове дани 12 ал. и 3 д. на годъ.

Да сних же емлютъ кольскіе даньщики дань Датцкаго короля по 10 ал. съ человѣка. И всего съ 10-ти человѣкъ 3 рубля на годъ.

Погостъ Бабиничи (ж. в. в) Петрушка Өедотовъ сынъ да сынъ его Митрошка, (ж. в. в.) Степанко Игнатьевъ сынъ да Матюшка Петровъ сынъ, (ж. в. в) Васка Кондратьевъ сынъ да Ивашко Федотовъ сынъ, (ж. в. я) Васка Еөимовъ сынъ да Михѣйко Мироновъ сынъ, (ж. в. к.) Өедотко Сидоровъ сынъ да Ивашко Ивановъ сынъ, (ж. в. к.) Максимко Топваровъ сынъ да Капрунка Семеновъ сынъ да Бориско Ивановъ сынъ, (ж. в. в.) Тараско Васильевъ сынъ да Олешка Кириловъ сынъ да братъ его Кузенка.

И всего 7 вежъ, а людей внихъ 16 человѣкъ.

А угодья у нихъ Челмо озеро, рѣчка Челма, другое Челмо озеро и рѣчка Челма жъ Пиринга, озеро
169 река Толва, другое Пиринга озеро река Пиринга, Ли озеро, рѣчка Ли, Калонга озеро, Кототцкое озеро Юнней река. И всего 7 озеръ да 6 рѣчекъ, а ловятъ они втѣхъ рѣчкахъ и возеркахъ бѣлую рыбу. Да они же ловятъ рыбу на Имандре озере с екостровскими лопари вмѣсте да на лесу звѣрь бьютъ тѣм ся и кормятъ.

А дани они давали прежъ сего вгосударёву казну по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева за тѣ угодья стрехъ луковъ, а за лукъ по 8 алтынъ и по 2 деньги на годъ. И того всего 25 алтынъ да за ролдугу за постелю 4 алт. И всего платили они дани прежъ сего вгосудареву казну стрехъ луковъ и за ролдугу 29 ал. на годъ.

А впредь имъ платить стѣхъ своихъ угодей вгосудареву казну дани за лукъ по полтине. Итого всего рубль и 16 ал. 4 деньги на годъ.

Да имъ же платить стѣхъ своихъ угодей по три ролдуги, а за ролдугу по 5 алтынъ. И того всего 15 ал. И всего имъ впредь платить стѣхъ своихъ угодей вгосудареву казну дани рубль и 31 ал. 4 д. на годъ.

И приложено на нихъ дани передъ старымъ вново рубль и 2 ал. 4 д. на годъ.

Да сихъ же емлютъ кольскіе даньщики дань датцкого короля по 10 ал. съ человѣка. И всего съ 16-ти человѣкъ 4 р. и 20 ал. 4 д. на годъ.

Погостъ Нотоозеро на рекѣ на Конисе ввежѣ Гашко Левонтьевъ сынъ да дѣти его Ондрюшка да Ми- 170
киѳорка да Исачко Кондратьевъ сынъ да дети его Матюшка да Тимошка да Ѳедка да Степашко, (ж. в. в.) Климко Григорьевъ сынъ да Селиванко Семеновъ сынъ да Онашко Карповъ сынъ, (ж. в. в.) Харитонко Юрьевъ сынъ да зять его Гришка Васильевъ сынъ да сынъ его Онтипка, (ж. в. в.) староста Дениско Яковлевъ сынъ да дети его Левошка да Еѳимко да Ромашко, (ж. в. в.) новокрещены Ивашко да Онтошко Павловы дѣти, (ж. в. в.) Парѳенко Степановъ сынъ, (ж. в. в.) Еѳремко Ѳедоровъ сынъ да Ѳедка Маковѣевъ сынъ да Агѣйко Прокоѳьевъ сынъ да сынъ его Савка, (ж. в. в.) Ивашко Васильевъ сынъ да братъ его Самсонко да Обросимко Клементьевъ сынъ, (ж. в. в.) Микитка Васильевъ сынъ да Васка Кондратьевъ сынъ да сынъ его Ѳедка, (ж. в. в.) Исачко Яковлевъ сынъ да сынъ его Сергушка да Мишка Михайловъ сынъ.

И всего 10 вежъ, а людей вних 34 человѣка.

А угодья у нихъ Совно озеро, Несеръ озеро, Челмонское озеро, Пече озеро, рѣчка Печа, Колмо озеро, Колмовъ ручеекъ, Касы озеро, а изъ него ручеекъ рѣчка Ронвасъ, рѣчка Писта, рѣчка Тодонга, Мела озеро, Пура озеро, рѣчка Вуя и сручейки Суда озеро, Гиврась озеро, рѣчка Гиврасъ и сручейки Товодъ озеро,
рѣчка Товда и сручейки, Качкома озеро, рѣчка Качкома, рѣчка Ривья, да треть рѣчки Улиты лопина Еѳремка 171
Ѳедорова сына, а двѣ трети печенскихъ старцовъ. И всего 12-ть озеръ да 9 рѣчекъ и треть рѣчки да 2 ручейка, а по тѣмъ они озерамъ ловятъ бѣлую рыбу, а врѣчкахъ и вручейкахъ бобры бьютъ и красную рыбу семгу ловятъ.

Да на рекѣ на Туломе рыбная ловля и лѣшіе ухожіе отмежи отъ Кальнпуки до падуна осенней промыселъ и втой рыбной ловле половина нотозерского же погоста лопина Харитонка Юрьева сына, а другой половине треть печенскимъ старцомъ да треть Романщку да Василиске да Устиньице да Маврице Юрьевымъ детемъ Петрова да треть Аламнѣйки Яковлевы дочери Коржавина да Васки Семенова сына кольскихъ жильцовъ, что было прежъ сего Нотозерскаго же погоста лопарей.

Да Нотозерскіе жъ и Сонельскіе лопари ловятъ красную рыбу семгу втой же врекѣ в Туломе половинамъ спеченскими старцы влахте и внижней тони и вкоренникахъ и взахребетникѣ внизъ по рекѣ.

А дань платили нотозерскіе и сонельскіе лопари и кольскіе жильцы прежъ сего стого угодья луковую сыными угодьи вмѣстѣ, а впредь имъ давати стого угодья вгосудареву казну дань по прежнему луковая какъ было прежъ сего.

Да за нотозерскими жъ и сонельскими лопари луковые же угодья Нотозеро, а ловять в немъ бѣлую рыбу.

А врекѣ в Туломе и в Нотоозерѣ Сонельскаго погоста лопари Максимко да Осипко Карповы дети да Ивашка Ѳилиповъ сынъ, а вѣдаютъ сними вмѣсте по своему луковому угодью.

Нотозерскаго погоста лопарей луки хто чѣмъ влатѣетъ: 172

Лукъ Харитонка Юрьева сына да зятя его Гришка Васильева сына.

Лукъ Агѣйка Прокоѳьева сына да Обросимка Клементьева сына да Селиванка Семенова сына.

Лукъ Васьки Кондратьева сына да Микитки Васильева сына да Климко Григорьева сына.

Лукъ Еѳрѣмка Федорова сына да Ивашка Васильева сына да Ѳедки Макковѣева сына.

Лукъ Гаврилка Левонтьева сына да Исачка Кондратьева сына да Панкрашка Васильева сына да Тимошки Ѳедорова сына.

Полтора Лука Дениска Яковлева сына да брата его Исачка да Парѳенка Глухово да Мишки Михайлова сына да Куземки Васильева сына.

Четь лука Дениска же Яковлева сына збратомъ его съ Исачкомъ.

Лукъ бесчети лука новокрещеновъ Ивашка да Онтошка Павловыхъ детей.

Четь лука Ефрѣмка жъ Федорова сына.

Поллука Өедки Макковѣева сына да Исачка Кондратьева сына да Гашка Ондронова сына да Ивашка
173 Васильева сына.

Лукъ бестрети кольскихъ жильцовъ Васки Семенова сына да Ромашка да Василиски да Устинки да Маврицы Юрьевыхъ детей Петрова да Алампѣйки Яковлевы дочери Коржавина.

И всего 9 луковъ, а дани они платили преже сего вгосудареву казну по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева стого своего угодья по 21 алт. слука на годъ.

И того всего съ 9-ти луковъ 5 р. и 22 а. 2 д. на годъ.

А впредь имъ платити вгосудареву казну дани слука по 26 а. по 4 д. на годъ.

И того всего съ 9-ти луковъ 7 р. и 6 а. 4 д. на годъ.

Да имъ же платить стѣхъ же своихъ угодей слука по 2 постели ролдуги. И всего 18 постель, а за постелю по гривне. И того всего рубль и 26 а. 4 д. на годъ.

И всего имъ впредь платить стѣхъ своихъ угодей з 9-ти луковъ вгосудареву казну дани и за ролдуги 9 руб. на годъ.

174 И прибыло на нихъ передъ старымъ вново вгосудареву казну дани 3 р. и 11 а. на годъ.

Угодья оброчные, а не луковые того же погоста лопарей и печенскихъ старцовъ.

Пудасъ на Туломе рекѣ подъ Криветцкимъ порогомъ ѣдучи отъ Колы на лѣвой сторонѣ и въ томъ пудасѣ половина нотозерскихъ и сонельскихъ лопарей, а другая половина печенскаго монастыря старцовъ, что было преже сего Нечайка Иванова да Васьки Олексѣева, а ловили внемъ преже сего красную рыбу семгу заборомъ, да на другой сторонѣ за рекою пониже забора ловили рыбу неводомъ, а ныне тотъ пудасъ лежитъ впусте, а не ловятъ внемъ красные рыбы потому что у нихъ тѣмъ пудасомъ запираетъ рыбу на той же Туломе рекѣ подъ падуномъ, а оброку снего было преже сего по Васильевымъ книгамъ Агалина да подъячего Степана Соболева по полтине на годъ, а впредь имъ давати снего вгосудареву казну оброку по 20 а. на годъ.

175 Рѣчка Шевна отъ реки отъ Туломы всторонѣ нотозерскаго же лопина Харитонка Юрьева сына, а ловятъ въ той рѣчке красную семгу заборомъ, да онъ же въ той рѣчке бобры бьетъ, а оброку было прежъ сего по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева срыбные ловли по 4 ал. на годъ, а збобровые ловли по 10 денегъ на годъ.

А впредь ему платити оброку стоѣ рыбные ловли по 2 гривны на годъ, а збобровые ловли по гривне на годъ. И обоего по 10 ал. на годъ.

Да по той же по Туломе рѣке вверхъ на праве рѣчка Пакипа того же лопина Харитонка, ловитъ вней красную рыбу семгу заборцомъ, а вѣдаетъ ею по луковому тяглу, да на той же рѣкѣ бобровые гоны его жъ Харитонковы, а оброку платилъ онъ прежъ сего по Васильеву письму Агалина да подъячаго Степана Соболева стоѣ бобровые ловли по 10-ти денегъ на годъ.

176 А впредь ему платити стоѣ бобровые ловли оброку потому же по 10-ти денегъ на годъ.

И всего было прежъ сего стѣхъ угодей вгосудареву казну оброку 24 ал. на годъ.

А впредь тѣмъ нотозерскимъ и сонельскимъ лопаремъ и печенскимъ старцемъ платить оброку стѣхъ своихъ оброчныхъ угодей по 30 а. сполугривною на годъ, а верстатитя имъ межъ собою самимъ по своимъ промысломъ.

Да Нотозерскіе же и Сонельскіе лопари стѣхъ ссвоихъ слуковыхъ и соброчныхъ угодей скрасные рыбы ссемги даютъ вгосудареву казну десятую большую рыбу, а емлютъ у нихъ ту рыбу кольскіе целовальники и продаютъ на карабли немцомъ скольскою десятиною вмѣсте.

А лежа тому ихъ туломскому угодью скольскими спосацкими людьми по выше Кальнпуки на рекѣ на Туломе Кярчь ручей.

Погостъ Соняла на лѣшемъ озеркѣ ввежѣ Еөрѣмко Ивановъ сынъ да Куземка Тимоөѣевъ сынъ да
177 Ондрюшка Варламовъ сынъ, Васка да Мишка да Левошка Захарьевы дети да Якущко Михайловъ сынъ, (ж. в. н.) Ивашко да Омельянко Филиповы дети да Якушко да Петрушка да Ондрюшка да Максимко Ивановы дети (ж. в. в.) Өедка Григорьевъ сынъ да дети его Петрушка да Максимко да Олешка да Тимошка Игнатьевъ сынъ да сынъ его Ивашко, (ж. в. в.) Тимошка Онисимовъ сынъ да дети его Сенка да Минка да Максимко Карповъ

сынъ да сынъ его Ондрюшка, (ж. в. в.) Осипко Карповъ сынъ да сынъ его Трифанко да Созомонко Тимоѳеевъ сынъ.

И всего 6 вежъ, а людей внихъ 27 человѣкъ.

А угодья у нихъ лѣшія рѣчки и озера Шуло озеро, рѣчка Павна, Черво озеро, рѣчка Черья, Мавно озеро, Варначиво озеро, рѣчка Керна, Мочалцо озеро, рѣчка Мочалцо, Ловно озеро, рѣка Ловна, Генго озеро, рѣчка Генго, Куной озеро, рѣчка Куна, а ловятъ они втѣхъ озерахъ бѣлую рыбу, а врѣчкахъ бобры бьютъ, да на лесу звѣрь бьютъ и птицу ловятъ тѣмъ ся и кормятъ.

А вѣдаютъ они тѣ свои угодья сами межъ себя изстари по своимъ крепостямъ.

Соняльскихъ лопарей луки хто чѣмъ владѣетъ:

Лукъ Ефремка Иванова сына.

Поллука Тимошки Игнатьева сына да Куземки Тимоѳеева сына.

Поллука Васки да Мишки да Левки Захарьевыхъ дѣтей да Якушка Михайлова сына.

Полтора лука Ивашка да Емельянка Ѳилиповыхъ дѣтей да Максимка да Оски Карповыхъ детей.

Полтора лука Петрушки да Максимка да Олешки Федоровыхъ детей.

Поллука Сенки Тимоѳеева сына. Поллука Созомонка Тимоѳеева сына. Поллука Якушка Михайлова сына да нотозерскаго лопина Гришка Васильева сына. И всего полсема лука, а дани они давали прежъ сего вгосудареву казну стого своего угодья по 20 ал. слука на годъ.

И того всего 3 рубля и 30 ал. на годъ, впредь имъ платить вгосудареву казну дани слука по 178
26 ал. по 4 деньги. И всего сполусема лука 5 рублевъ и 6 ал. 4 д. на годъ.

Да имъ же платить стѣхъ же своихъ угодей полсемы постели, а за постелю по гривне. И того всего 21 ал. 4 д. на годъ.

И всего имъ впредь платить вгосудареву казну дани сполусема лука 5 р. и 28 ал. на годъ.

И приложено на нихъ передъ старымъ вново дани рубль и 31 ал. 2 д. на годъ.

Да снихъ же емлютъ кольскіе даньщики датцкаго короля дань по 10 алтынъ съ человѣка.

И всего съ 27 человѣкъ 8 р. згривною на годъ.

А межа имъ смонастырскими угодьи Печенскаго монастыря по Бабъ озеро по Кардоворасъ, а по другую сторону отъ нотозерскихъ лопарей и Ното озеро по Глубокой ручей.

Погостъ Пазрека ввежѣ Федка да Микулка Ондреевы дѣти, (ж. в. в.) Мартынко Офонасьевъ сынъ да Исачко Фоминъ сынъ да Ивашко Микулинъ сынъ, (ж. в. в.) Иевка Вастьяновъ сынъ да Иевка же Ивановъ сынъ да Ѳетка прозвище Молчанко.

И всего 3 вежи, а людей внихъ 8 человѣкъ.

А угодья у нихъ Пазрека да рѣчка Ровденга да на той же рекѣ вкути тони да Валлекопъ тоня да в Пазрекѣ тоня Степановская подлудошкомъ тоня Гришинская подъ пахтою, а ловятъ они втѣхъ рекахъ 179
и на тоняхъ красную рыбу семгу да за ними же лѣшіе озера Салмо озеро, Пессо озеро, Выотемъ озеро, а ловятъ внихъ бѣлую рыбу про свою нужу да на лесу звѣрь бьютъ и птицу ловятъ тѣмся и кормятъ.

А дани они давали прежъ сего стѣхъ своихъ угодей вгосудареву казну сполучетверти лука, а за лукъ по 20 ал. и по полутрети деньги на годъ.

И того всего 2 р. и 5 ал. безъ деньги на годъ.

И того всего угодья продали они и подашамъ отдали кцеркве к Борису и Глѣбу въ Печенской монастырь полтора лука, а дань платятъ стого полутора лука они же лопари по своимъ крепостямъ.

А впредь имъ платити стого угодья вгосудареву казну дани слука по 21 алтыну на годъ.

И всего имъ платити сполучетверта лука дани 2 р. и 6 ал. 4 д. на годъ. И приложено на нихъ вново 2 а. на годъ.

Да снихъ же емлютъ кольскіе даньщики датцкого короля дани по 10-ти ал. съ человѣка. И всего съ 8-ми человѣкъ 2 р. 4 гривны на годъ.

А межа имъ снявдемскими лопари Маселга да по рѣчку Ловумъ и по морской берегъ, а по другую сторону отъ Печенского монастыря по Маселге Совеселга да по Китовой хребетъ да порчетанга да Тандрани да по Нянгу наволокъ по морской берегъ.

Волостка Нявдема стоитъ на Ковдесе озере, а вней лопари тяглые-жъ, а не пашенные живутъ ввежахъ 180

(вжв) Гаврилко Нестеровъ да дети его Ермолка да Васка да Гаврилко Давыдовъ сынъ да сынъ его Ѳедка, (вжв) Бориско Семеновъ да дѣти его Васка да Ѳедка да Давыдко Семеновъ да сынъ его Пахомка, (вжв) Сергѣйко Ѳоминъ да сынъ его Марко да Никулка Семеновъ. И всего 3 вежи, а людей вних 13-ть человѣкъ.

А угодья за ними: река Невдема да рѣчка Утенга, Ковдесъ озеро, да на морскомъ берегу въ Нявдемской избѣ тоня у Михайлова ручейка, тоня подъ Ски островомъ розчищена после письма Василья Агалина, а а ловятъ они втѣхъ рекахъ и на тоняхъ красную рыбу семгу, а возере бѣлую рыбу, да на лесу звѣрь бьютъ тѣмъ ся и кормятъ

А давали они прежъ сего вгосудареву казну стѣхъ своихъ угодей за 4 лука, а за лукъ по 13-ти ал. на годъ. Итого рубль и 18 ал. 4 деньги на годъ.

А впредь имъ давати вгосудареву казну дани слука по 15-ти ал. на годъ. Итого всего рубль и 26 ал. 4 деньги на годъ.

И приложено на нихъ передъ старымъ вново дани 8 ал. на годъ.

Да втомъ же угодье вѣдаютъ и промышляютъ снимп Печенскаго монастыря старцы поллука безполучети лука по купчимъ, а дани по государеве жалованной грамоте стого угодья они не платятъ.

181 Да стѣхъ же лопарей емлютъ кольскіе даньщики датцкого короля дани по 15-ти ал. съ человѣка. И всего съ 13-ти чел. 5 р. и 24 ал. зденьгою на годъ.

А межа имъ свазретцкими лопари Кережной наволокъ, а влесѣхъ по Вачеру тундру, а въ Мурманской конецъ межа имъ на морскомъ берегу Поче островъ, а влесѣхъ по Челисъ ручеекъ.

И всего сверхніе земли съ 6-ти погостовъ и сволостки дани и оброку было преже сего по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева 16 р. и 20 ал. полторы деньги на годъ.

А по Алаеву письму Михалкова да подъячего Посника Дементьева дани оброку сихъ 24 р. и 14 а. 5 д. на годъ.

И приложено на нихъ передъ старымъ вново оброку и дани 7 р. и 27 ал. полшесты деньги на годъ.

Да стѣхъ же погостовъ и сволостки емлютъ кольскіе даньщики дань датцкого короля по 24 р. и по 5 д. на годъ

И всего по Алаеву письму Михалкова да подъячего Постника Дементьева стѣхъ лопскихъ съ 6-ти погостовъ и сволости дани и оброку вгосудареву казну и скоролевскою данью 47 р. и 17 ал. 2 ден. на годъ.

182 А збирати сихъ та государева и королевская дань и оброкъ кольскимъ даньщикомъ кого пошлютъ съ Колы приказные люди и отвозити въ государеву казну в Колу кприказнымъ людемъ, а приказнымъ людемъ отсылати къ государю к Москве скольскими доходы вмѣсте

В волости в Кандолокше погостишко Княжая губа, а на погосте м. церковное Николы Чюдотворца, а церковь сожгли свѣйскіе немцы какъ воевали волость Кандолокшу въ 98-мъ году.

Да на погосте жъ дворы черные не пашеные надъ ручьемъ в. Якушко Федоровъ сынъ да дѣти его Слотка да Неѳедко да Оптошко да Мартемьянко, в. Ивашко Ивановъ сынъ Тюлка да Тимошка Михайловъ сынъ, в. Олешка Троѳимовъ сынъ, дв. Пречистенского Кандолошского монастыря, а внемъ дворники Ѳедка Васильевъ сынъ да Семейка Ѳѳонасьевъ сынъ Телелящевъ, в. Ѳедотко Аикашаровъ сынъ, в. Микиѳорко Аикашаровъ, в. Ивашко да Степашко да Пятка Манкова дети; дворъ пустъ Коневского монастыря старцовъ; дворъ пустъ немчина Якушевской лежатъ впусте 7 лѣтъ.

И въ живущемъ 7 дворовъ, а людей вних 15 человѣкъ да два двора пустыхъ.

183 А давали они прежъ сего оброку вгосудареву казну съ 4-хъ дворовъ по 8 ал. и по 2 деньги здвора на годъ.

И того съ 4-хъ дворовъ рубль на годъ.

А по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева давали они съ 11-ти дворовъ потому жъ по 8 ал. и по 2 деньги здвора на годъ.

И того съ 11-ти дворовъ 2 р. и 25 ал. на годъ.

А впредь имъ давати потому жъ по 8 ал. и по 2 деньги здвора на годъ.

И того съ 7-ми дворовъ рубль и 25 ал. на годъ.

И прибыло ныне передъ старымъ вново 3 двора, оброку сихъ 25 алтынъ на годъ.

А передъ Васильевымъ письмомъ Агалина да подъячего Степана Соболева ныне убыло во сто девятомъ на десять году 4 двора оброку рубль на годъ.

А запустѣли втомъ Княжегубскомъ погостишке тѣ двора отъ неметцкіе войны отъ 98 году какъ воевали свѣйскіе нѣмцы волость Кандолакшу.

Дано на льготу на 3 года Семейке Ѳѳонасьеву сыну Темлящеву в Княжей губѣ мѣсто дворовое пустое
подъ дворъ что былъ дворъ отца его Ѳѳонасья отъ лѣта семь тысячь сто девяностого на десять году марта отъ
6-го числа до лѣта семь тысячь сто два десятъ втораго марта по 6-е же число, а ему Семейке въ тѣ льготные
годы на томъ мѣсте дворъ поставити и огородити, а какъ льготные годы отойдутъ и ему стого своего двора 184
платити вгосудареву казну оброку потому же какъ княжегубскіе крестьяне по 8 ал. и по 2 д. на годъ и воло-
стные розметы сжегодъ беспереводно по книгамъ сполна.

Того же Княжегубского погостишка крестьянъ луковые угодья промежъ кандолошкіе волости крестьянъ и Пречистенскихъ старцовъ.

Четь лука сенныхъ покосовъ в Бѣлой губѣ Ивашка збратьею Манковыхъ, а рыбу ловятъ на ту четь промежъ кандолошскими крестьяны и пречистенскими старцы врекѣ в Ниве и на тоняхъ по морскому берегу переменяяся погодомъ что они купили у вдовы у Агаѳьи Ѳедоровскіе жены Коргаева здетми.

Полчети лука сенныхъ покосовъ в Нищевской губѣ Олешки Троѳимова сына, что было преже сего за отцемъ его за Троѳимомъ, а рыбу ловятъ на ту четь пречистинскіе старцы Кокуева монастыря.

И всего поллука бесполучети лука, а оброку они давали преже сего стого полулука бесполучети лука 185
по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева по розчету по полутретья ал. на годъ.

А впредь имъ платить снего оброку потому же по полутретья алтына на годъ.

И всего они прежъ сего дворового и лукового оброку платили вгосудареву казну по рублю и по полутретья алтына на годъ.

А по Алаеву письму Михалкова да подъячего Посника Дементьева оброку сnихъ и стѣмъ что мѣсто порозжое дано подъ дворъ 2 р. и полтретья ал. на годъ.

И прибыло на нихъ передъ старымъ вново рубль на годъ.

А збирати сnихъ тотъ оброкъ кондолошскимъ таможеннымъ целовальникомъ и отвозити в государеву казну в Кольской острогъ априказнымъ людемъ ежегодъ беспереводно по книгамъ сполна, а княжегубскимъ крестьяномъ у целовальниковъ втомъ имати отписи спору для.

Въ Кандолошской губѣ на усть реки Нивы надъ моремъ противъ Кандолошскіе волости за рекою на наволоке монастырь опщей

А по Васильевымъ книгамъ Агалина да подъячего Степана Соболева написано втомъ монастырѣ церковь
Николы Чюдотворца да 2 придѣла Петръ и Павелъ да Зосимы и Саватія Соловетцкихъ чюдотворцовъ да теплая
церковь Рождество Пречистые Богородицы, а вцеркве образы и книги да колоколъ одинъ строеніе царя и великаго 186
князя, а три колокола поставилъ строитель того-же монастыря, и въ 98 году тѣ обе церквы сожгли свитцкіе
немцы какъ воевали волость Кандолокшу.

А по Алаеву письму Михалкова да подъячего Посника Дементьева втомъ монастырѣ церковъ съ трапезою и скеларскою Рождество Пречистые Богородицы древяная верхъ шатровой, а вцеркве образы и книги и ризы да три колокола строеніе монастырское, а четвертый колоколъ государевъ.

А государевыхъ ружныхъ милостынныхъ денегъ идетъ втотъ монастырь игумену збратьею за хлѣбъ и на ѳимьянъ и на ладанъ и на воскъ по 23 рубля и по 20 ал. згривною на годъ. А емлютъ они тѣ милостынные деньги по государеве жаловальной грамоте в Кольскомъ остроге изъ государевыхъ изъ кольскихъ доходовъ у государевыхъ приказныхъ людей ежегодъ беспереводно.

Да въ монастырѣ же кѣлій· к. а въ ней игуменъ Селиверстъ да старецъ Ѳерапонтъ. К. а въ ней
чорной попъ Макарей да старецъ Иона. К. а въ ней старцы Еѳросимъ Ѳедотовъ, Тихонъ Савинъ. К. а въ
ней старцы Галасія, Венедиктъ, Генадей, Меркурей; к. а въ ней старцы Саватия, Аввакумъ. К. больница, а
вней старцы: Гархъ, Анѳфрей, Триѳонъ, Ѳеодосей. К. больница, а въ ней старцы: Терентей, Никонъ, Максимъ. 187
К. а вней казначѣй старецъ Иоасаѳъ. К. а вней старецъ Тимоѳѣй. К. а въ ней старцы Галахтионъ Онфилоѳѣй,
Измайло. К. а вней старецъ Александръ. К. а вней старцы: келарь Кирилъ, Владимеръ, Глѣбъ.

И всего 12-ть кѣлей, а вnихъ игуменъ да попъ чорной да старцовъ и збольничными 28 человѣкъ.

И обоего 30 ч. да к., а вней 3 человѣка дьячковъ. К. хлѣбная. К. швалня. К. дружинная, да пустыхъ 2 кѣльи да въ монастырѣ же трудниковъ 31 человѣкъ да по службамъ наемныхъ соловаровъ и дровосѣковъ и дрововозовъ 70 человѣкъ. И всего дьячковъ и трудниковъ и всякихъ 104 человѣка.

Да на монастырѣ же поварня да погребъ да на погребу анбаръ да за монастыремъ на монастырскомъ наволоке дворъ коровничь, а внемъ коровникъ Гришка Савинъ сынъ; да кѣлья, а вней живутъ трудники, да 3 анбара, а держатъ вниxъ запасъ монастырской. Да за манастыремъ на другой сторонѣ отъ моря анбаръ монастырской же держатъ внемъ гудовую снасть.

Да за монастыремъ же на томъ же наволоке вверхъ по Ниве рекѣ дворишка бобыльскіе тягло тянутъ въ монастырь в. Семейка Григорьевъ да племянникъ его Жжанко Ларивоновъ сынъ, в. Семейка Якимовъ сынъ да дѣти его Бориско да Евсѣвейко. И всего 2 дворишка, а людей вниxъ 5 человѣкъ.

188 А межа ихъ монастырскому наволоку отъ великого камени, что подъ большою варскою подъ Земцомъ да около монастыря вверхъ Нивы реки до порога противъ мельницы.

А берегъ того наволока здругіе стороны монастыря, что противъ волости не влукѣхъ и не вброке у волостныхъ людей ни у кого и ни которого угодья волостного на немъ нѣтъ.

А по Васильевымъ книгамъ Агалина да подъячего Степана Соболева написано отведенъ тотъ берегъ отъ волости къ монастырю для монастырскіе нужи на выходъ лошадемъ и оленемъ и всякой животине и на пристанище монастырскимъ лодьямъ и волостнымъ людемъ втотъ берегъ не вступатися, лодьямъ ихъ не приставати и дворовъ и мельницъ на томъ берегу не ставити и никоторого насильства монастырю не чинити.

Вволости в Кандолокше за рекою д. монастырской пустъ, оброку снего платили преже сего по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева полполтины на годъ.

А впредь имъ стого двора оброку запусто не платити.

Да на рекѣ на Лупце мельница манастырская мелетъ на монастырь про свою нужу да мельница монастырская жъ пуста Григорьевская Кукина оброку сниxъ платили прежъ сего по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева по 10-ти алтынъ па годъ.

189 А впредь имъ платить сниxъ оброку по тому жъ по 10-ти ал. на годъ.

Да монастырскіе же угодья тони живущіе луковые, а не оброчные:

Тоня противъ заднихъ воротъ за монастырь идучи да по морскому берегу врѣчке в Лувонге на устое, тонишко Лувонга и отъ того тонишка отъ Лувонги берегомъ до Ермакова наволока отъ Ермакова наволока до рѣчки до Колвицы отъ рѣчки отъ Колвицы по другую сторону губы до Дмитреева наволока гаровные мѣста да в Кловитцкой губѣ 2 тони росоловскихъ тоня захребетная да на Воль острову отъ Княжегубы тоня да на Дмитреeве наволоке тонишко да тоня в Жемчюжномъ наволоке. И всего 8 тонь.

Да за монастыремъ же пожни и розчисти сенные покосы луковые, а не оброчные.

Поллука отъ великаго камени в Кямиеву губу. Полтретья лука отъ того же камени кморю до Ѳедосѣева порожка. 2 лука на Попове острову сморскую сторону. 3 лука отъ Ѳедосѣева порожка на море берегомъ до варничнаго наволока. Островокъ противъ Тефановы варницы да у порожка островокъ Сламбинской да конецъ Телячья острова три островка. Да на Вороны острову лукъ, а островки межъ лодеинымъ и Вороньимъ. Четь лука въ Жемчюжномъ. И всего 9 луковъ счетью.

190 А по Васильевымъ книгамъ Агалина да подъячего Степана Соболева написано даютъ они стѣхъ своихъ угодій царю и великому князю вказну оброку съ 7-ми луковъ бестрети изстари по государеве грамоте по 2 ал. и по 2 д. слука на годъ. А здвулуковъ сполулукомъ и полполтрети лука что давали волостные люди въ монастырь по душамъ даютъ они царю и великому князю вказну потому же, какъ и волостные люди по 2 гривны слука на годъ. И всего з 9-ти луковъ счетью лука дани 32 ал. и полшесты деньги на годъ.

А владѣютъ они тѣмъ своимъ монастырскимъ луковымъ угодьемъ 9-ю луки счетью лука опричѣ волостныхъ людей не переменяяся и волостные люди втѣ ихъ угодья не вступаются.

Да за монастыремъ же луковъ промежъ Кандолошскіе волости крестьянъ что онѣ покупали у кандолошскихъ же жильцовъ, а иные имъ даваны по душамъ после письма Василья Агалина да подъячего Степана Соболева.

Поллука по купчей Ивашка Стеѳанова сына Горбачева. Четь лука по купчей Костки Семенова сына Попова. Поллука по купчей Сенки Никитина сына Карпова. Четь лука по даной Демки Яковлева сына.

Поллука по купчей старца Деонисья того же монастыря что вмире былъ Демка же Яковлевъ сынъ.

Четь лука по данной того же старца Деонисья Четь лука по купчей Мишки Савельева сына Лопинова Четь лука по купчей Матюшки Иванова сына Мансирдоя. Полчети лука по даной Мартемьянка Филипова сына. 191
Поллука по купчей того жъ монастыря старца Геронтія. Четь лука по закладной Кабалѣ Анисимка Ондронова сына Кордяива.

Четь лука по купчей Өетиньицы Никифорова дочери Өофановскіе жены Гявелева да Ивашка Максимова сына.

Поллука по купчей Троөимка сына Васильева сына Новика.

Лукъ безъ чети по купчей Өедки Кирилова сына Валчака.

Лукъ безъ чети по купчей того же Өедки Валчака.

Четь лука по купчей Васьки Дмитреева сына Убожья.

Четь лука по купчей кольскаго стрельца Девятки Иванова сына, что было за братомъ его за Гордюшкою.

Поллука по купчей Өедки Карпова сына Богатого.

Полтора лука по закладной кабалѣ старца Антонія Коневскаго и деревянитцкаго монастыря.

Поллука по купчей Пахомка Захарьева сына Пяхкоя.

Четь лука Никифоровская упокойнаго по даной и Фадѣйка Оксентьева сына Суморокова.

Полчети лука по даной того же монастыря старца Давыда.

И всего новоприбылыхъ 9 луковъ счетью, а дани они платили прежъ сего стѣхъ луковъ по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева по 2 гривны слука на годъ. 192

И того всего рубль и 28 ал. 2 деньги на годъ.

И всего за Пречистенскими старцы Кокуева монастыря старыхъ и новоприбылыхъ 18 луковъ с полу лукомъ, а дани сниxъ прежъ сего платили 2 рубля и 27 алтынъ, полшесты деньги на годъ.

А впредь имъ платити стѣхъ своихъ угодей сстарыхъ и сновоприбылыхъ луковъ въ государеву казну дани потому же какъ было прежъ сего по 2 рубля и по 27 алтынъ и по полушесте деньге на годъ.

А по тѣмъ они лукомъ промышляютъ на море на тоняхъ и вреках в Ниве и в Кольвице и в Лупце взаборехъ рыбною ловлею и влѣшихъ мѣстехъ звѣрины и птичьи ловища и сенные покосы, а на Инадре озере и в Ковде озере и выныхъ влѣшихъ озерахъ ловятъ мѣлкую рыбу про свою нужу сволостными людьми вмѣсте. А новоприбылые луки сволостными людьми вѣдаютъ они сами межъ себя постарипѣ врыбныхъ ловляхъ и всенныхъ покосехъ и влѣшихъ ухожеяхъ и во всякихъ угодьяхъ переменяяся по годомъ.

Тони по морскому берегу луковые, а не оброчные вопчіе у монастыря сволостью. 193

Тоня Копша, тоня Корга, тоня Валазъ ручей, тоня Палкина губа, тоня варничной Наволокъ, тоня на усть Канды реки, рѣчка Канда, тоня Ульяшева губа, тоня Вирмъ наволокъ, тоня Подволочная, тоня Оленей островъ, тоня в Питкульской губѣ, тоня Родноволохъ, тоня Онисимовская, тоня Куртяга, тоня Юричная, тоня под Пенкинскимъ наволокомъ Мохнаткинская. И всего 16 тонь да рѣчка.

Да за монастыремъ же по морскому жъ берегу варницы оброчные.

Варница в Лувенской губѣ на наволоке.

Варница в Лувенской же губѣ в кути.

2 варницы в Кольвицской губѣ.

И всего 4 варницы.

А по Васильевымъ книгамъ Агалина да подъячего Степана Соболева написано за монастыремъ вживущемъ 2 варницы оброку сниxъ было по 10 ал. варницы на годъ.

И прибыло по Алаеву письму Михалкова да Подъячего Посника Дементьева вново передъ Васильевымъ письмомъ Агалина до подъячего Степана Соболева испуста вживущее 2 варницы, оброку с нихъ 20 а. на годъ. И всего съ 4хъ варницъ оброку было прежъ сего рубль и 6 ал. 4 деньги на годъ.

А впредь имъ платить сниxъ оброку в государеву казну потому жъ какъ было прежъ сего по рублю и по 6-ти ал. по 4 деньги на годъ. 194

Да за монастыремъ же пожнишка и розчисти сенные покосы оброчные, а не луковые.

Пожнишка у Митроөановской варницы Кукина да в Грязной губѣ по обе стороны ручья розчисти да

в Палкинской губѣ по обе стороны ручья и на лесу теребишка по купчей Митрофанка Кукина, оброку съ нихъ было прежъ сего по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева 3 ал. и 4 д. на годъ. А впредь имъ платить стѣхъ поженъ в государеву казну оброку по тому же по 3 ал. по 4 д. на годъ.

И всего стѣхъ монастырскихъ спустого дворишка, а смельницы зживущіе и спустые и слуковыхъ угодей старыхъ и сновоприбылыхъ и сварницъ и споженъ было прежъ сего въ государеву казну оброку по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева 4 р. и 23 ал. полторы деньги на годъ.

И убыло по Алаеву письму Михалкова да подъячего Посника Дементьева передъ Васильевымъ письмомъ Агалина да подъячего Степана Соболева и зживущего впусто полполтины на годъ.

195 И всего тѣмъ пречистенскимъ старцомъ по Алаеву письму Михалкова да подъячего Посника Дементьева платити впредь в государеву казну дани и оброку стѣхъ монастырскихъ слуковыхъ и соброчныхъ угодей и смельницъ и сварницъ и споженъ по 4 р. и по 14 а. по 5 д. сполушкою на годъ.

А збираютъ они старцы стѣхъ своихъ смонастырскихъ слуковыхъ и оброчныхъ угодей тѣ государевы данные и оброчные деньги сами и отвозятъ въ государеву казну в Кольской острогъ къ государевымъ кприказнымъ людемъ ежегодъ беспереводно по книгамъ сполна, а у государевыхъ у приказныхъ людей в томъ емлютъ они описи спору для.

Да за монастыремъ же угодей проложъ ковдозерскихъ лопарей половина Тудо озеро и Кольекорги, а ловятъ вних бѣлую рыбу по купчей Ковдозерскихъ же лопарей Пронки Васильева сына да Ѳедки Аикасарова сына.

А дани платили они прежъ сего в государеву казну стого угодья по 2 гривны на годъ.

А впредь имъ платить стого угодья в государеву казну потому жъ, какъ было прежъ сего за лукъ по 2 гривны же на годъ.

А емлютъ у нихъ тѣ деньги за тотъ лукъ лопскіе даньщики кого по государеву наказу пошлютъ ис Колы для государевы дани на лѣшую лопь Государевы приказные люди и отдаютъ въ государеву казну в Ко-
196 ле государевымъ приказнымъ людемъ, а приказные люди тѣ данные и оброчные деньги с тѣхъ монастырскихъ слуковыхъ и соброчныхъ угодей отсылаютъ къ государю к Москве с Кольскими доходы вмѣсте ежегодъ беспереводно по книгамъ сполна.

Погостишка лѣшіе лопи, а вних живутъ государя царя и великаго князя Василья Ивановича всей Русіи лопари крещеные и не крещеные тяглые, а не пашенные ввежахъ.

Погостъ Пя озеро, а Пяилакша тожъ стоитъ надъ Пя озеромъ. Ввеже Тимошка Юнчинъ сынъ да сынъ его Ѳедотко прозвище Олица. Ввеже Иванко Павловъ сынъ да Томаско на Яхимовъ сынъ. Ввеже Васка Юнгиевъ сынъ. Да тогожъ погоста лопари живутъ на рекѣ на Думце ввежахъ. Ввеже Ханко Юнгинъ сынъ да дети его Омельянко да Онисимко да Онисемко Хеллинъ сынъ. Ввеже Икоико да Игаса и Икіева дѣти да Аикасай Онисимовъ сынъ. Да погостишко Рува ввеже Микиѳорко Аигасаровъ сынъ да братъ его Ѳедотко. Да погостишко Ворья озеро надъ Ворья озеромъ, а внемъ лопари; ввеже староста Гришка да Агѣйко Пяивневы дѣти, да сынъ старостинъ Ивашко. Ввеже Саррей Пяивиевъ сынъ да дети его Харья да Яндавка. Ввеже Леммитъ Торвіевъ сынъ да дети его Титъ То да Янка Ввеже. Пяивей да Арипей Герасимовы дѣти. Да на Ковде озере ввеже Конанко да Пронка Васильевы дѣти. И всего в трехъ погостишкахъ 11 вежъ, а людей вних лопянъ 27 человѣкъ.

А угодья ча ними река Соѳьянъ да Пя озеро да Совгало озеро да Оръ озеро и иные лѣшіе озерка, а ловятъ вних бѣлую рыбу да на лесу звѣрь бьютъ и птицу ловятъ тѣмся и кормятъ.

А дани они давали в государеву казну прежъ сего по Васильеву письму Агалина да подъячего Степана Соболева 3 десяти луковъ по двѣ гривны слука на годъ. И того всего 2 рубли на годъ.

А впредь имъ давати дани въ государеву казну стѣхъ своихъ угодей здесяти луковъ по 4 гривны слука на годъ. И того всего 4 рубля на годъ.

И прибыло на нихъ передъ старымъ вново дани 2 рубля на годъ.

А розводити имъ та дань межъ себя самимъ по своимъ промысломъ и по животомъ, а луки вѣдаютъ сами межъ себя по старинѣ.

Какъ мужикъ ходилъ къ солнцу *).

Жилъ былъ мужикъ. Онъ бѣдно жилъ Онъ думалъ, какъ-бы къ солнцу попасть. Онъ пошелъ, шелъ, шелъ нѣсколько дней пришелъ къ путасъ (глубокое мѣсто рѣки, гдѣ нельзя перейти въ бродъ); черезъ рѣку китъ высохъ, будто дорога, будто мостъ черезъ рѣку; по китовой спинѣ ходитъ народъ; пребольщинская дорога, словно улица. Онъ пошелъ по спинѣ кита. Китъ и спрашиваетъ. «куда ты, хорошій человѣкъ, пошелъ попадать?» Онъ отвѣчаетъ: «къ солнцу пошелъ попадать». Китъ говоритъ: «когда придешь къ солнцу, спроси, за какіе грѣхи я высохъ и не могу выйти». Онъ шелъ, шелъ опять—видитъ двѣ жонки изъ проруби воду черпаютъ у озера. Спрашиваютъ: «хорошій человѣкъ, куда ты пошелъ попадать?» Онъ отвѣчаетъ, къ солнцу иду попадать». Онѣ и говорятъ: «Когда придешь къ Солнцу, Спроси, за какіе грѣхи мы черпаемъ третій годъ, а изъ проруби воды не убавляется, ни прибавляется». Онъ пошелъ; шелъ, шелъ нѣсколько дней; попадаетъ въ избушку; въ той избушкѣ старикъ со старухой живутъ тоже 3-й годъ. Спрашиваютъ его. «куда ты, хорошій человѣкъ, пошелъ попадать?» Онъ отвѣчаетъ: «къ солнцу иду попадать». Они и говорятъ: «Спроси у солнца, за какіе грѣхи мы 3-й годъ живемъ: ни ѣсть, ни пить нечего». Шелъ, шелъ, пришелъ на берегъ, пришелъ къ рѣкѣ; тамъ старикъ постоянно на карбасѣ ѣздитъ, перевозитъ: старикъ старый, волоса сѣдые, длинные, борода бѣлая. Старикъ спрашиваетъ: «куда ты, хорошій человѣкъ, идешь попадать'» Онъ отвѣчаетъ: «къ солцу иду попадать». Старикъ карбасъ (лодку) повернулъ кормой къ берегу; мужикъ сѣлъ. Старикъ говоритъ: «тяжело мнѣ порато (очень) перевозить, порато тяжело, придешь къ солнцу спроси, за какіе грѣхи я перевожу». Опять шелъ, шелъ -пришелъ къ лѣсу; въ лѣсу избушка; въ той избушкѣ дѣвочка, маленька (7 —8 лѣтъ) живетъ, у дѣвочки груди большинькія, больше ея. Она и спрашиваетъ: «куда ты, хорошій человѣкъ, идешь попадать». Онъ говоритъ: «къ солнцу иду попадать». Она баню **) истопила; напоила, накормила его. Онъ ее спрашиваетъ: «Нѣтъ-ли подводы какой?» А она дала палочку и говоритъ: «куда эта палочка идетъ, туда ты вслѣдъ иди». Онъ шелъ по палочкѣ: куда палочка, туда и онъ. Онъ шелъ. шелъ, палочка и пришла къ избушкѣ и назадъ поѣхала. Въ той избушкѣ дѣвушка (большая) сидитъ: на лѣвомъ боку платья нѣтъ -совсѣмъ голо. Она спрашиваетъ: «куда ты, хорошій человѣкъ, идешь попадать?» онъ говоритъ: «къ солнцу иду попадать». Она накормила его, а онъ говоритъ: «не дашь-ли ты мнѣ подводу?» а она дала лошадь: «куда лошадь идетъ, ты туда иди, и сани дала. Онъ шелъ, шелъ, пришелъ къ избушкѣ. Онъ остался, а лошадь сама поѣхала назадъ. Въ избушкѣ старушка живетъ; у старушки груди большія. Она спрашиваетъ: «куда ты...?» онъ говоритъ: «къ солнцу иду попадать; нѣтъ-ли подводы, не знаю куда къ солнцу итти». А она говоритъ: «будетъ первая избушка, тамъ солнцева мать (пейвъ-іэнъ) живетъ». Старуха дала клубокъ мужику: «куда клубъ идетъ, туда и ты иди». Клубъ шелъ, шелъ, пришелъ къ избушкѣ. Избушка снаружи серебряная, внутри золотая. Клубъ этотъ по дорогѣ назадъ пошелъ. Онъ пришелъ въ избу, тамъ женщина не очень старая, ходитъ, красивая: волосы растрепаны, на правомъ боку голая, только какъ жаръ горитъ правый бокъ. Она спрашиваетъ: «куда ты...?» Онъ отвѣчаетъ: «къ солнцу иду попадать». Она какъ схватитъ его за руку и говоритъ: «пойдемъ, посмотримъ со мной, каково солнце». Она вела его, вела, пришла въ темную комнату, нигдѣ свѣта нѣтъ; она ушла. Онъ тамъ сидѣлъ, сидѣлъ, потомъ свѣтло сдѣлалось, солнце запекло, жарко такъ. Потомъ вдругъ темно опять сдѣлалось. Какъ темно сдѣлалось, идетъ эта жонка, за руку мужика взяла и повела опять въ свою избу. Привела избу и спрашиваетъ: «видѣлъ-ли ты солнце?» Онъ отвѣчаетъ: «я видѣлъ». Она ему свою грудь показываетъ: «видишь, я солнцева мать, какая у меня грудь

*) Сказки, а равно и пѣсни записаны буквально со словъ лопарей, безъ всякихъ измѣненій въ способѣ выраженія.

**) Слѣдуетъ замѣтить, что у самихъ лопарей бань нѣтъ.

горячая». Онъ пощупалъ—горячая, горячая. Онъ ему дала золота, серебра много. Потомъ онъ сталъ разсказывать: «кто эти женщины, которыя мнѣ давали подводы?» «Кто эта старушка, что мнѣ дала клубъ?»—«Это мнѣ старшая дочь». «Кто эта, которая мнѣ лошадь дала?»—«Это мнѣ средняя дочь».—«Кто эта, которая мнѣ палочку дала?»—«Это мнѣ младшая дочь». «За какіе грѣхи, говоритъ, старикъ поставленъ перевозить, вѣдь ему тяжело». Она говоритъ: «старикъ посаженъ за то, зачѣмъ онъ кормой на берегъ пристаетъ: это грѣхъ непростительный».—«Еще, говоритъ, старикъ со старухой живутъ 3-й годъ, живутъ ни ѣсть, ни пить не могутъ: за какіе грѣхи мучатся?» Она ему отвѣчаетъ и говоритъ: «Не будетъ имъ прощенья за то, что они у народа много денегъ украли: они вѣкъ свой будутъ жить въ этой избушкѣ». Опять мужикъ спрашиваетъ: «за какіе грѣхи женщины изъ проруби воду черпаютъ?» Она и отвѣчаетъ: «за то, что онѣ виномъ торговали и молокомъ и водой наливали вино и молоко, имъ тоже прощенья не будетъ во вѣкъ». Потомъ онъ опять говоритъ: «за какіе грѣхи китъ засохъ черезъ рѣку?» Она говоритъ: «за то, что китъ порато (очень) много народа пожралъ и карбасовъ и шнякъ—за то; если народъ онъ весь найдетъ, который проглотилъ, то выйдетъ изъ того мѣста».

Онъ и пошелъ домой: никуда ужъ не заходилъ и пришелъ къ берегу, гдѣ старикъ кормой пристаетъ. Онъ и говоритъ, когда старикъ его перевезетъ: «зачѣмъ ты кормой пристаешь, а приставай носомъ; кого свезешь, тотъ и останется, а ты выйдешь». Старикъ съ тѣхъ поръ сталъ носомъ приставать. А тотъ къ той избушкѣ пришелъ, гдѣ старикъ и старуха живутъ; въ избушкѣ нѣту никого; ни старика, ни старухи нѣтъ—они ушли и умерли, а на дверяхъ написано на избѣ: «померли». Потомъ пришелъ къ женщинамъ, что воду черпаютъ. Женщины и спрашиваютъ: «что намъ будетъ?» Онъ и говоритъ: «ничего вамъ не будетъ подливали воду въ молоко и въ вино». Онъ опять пошелъ, пришелъ къ киту. Китъ спрашиваетъ: «хорошій человѣкъ, что мнѣ будетъ?» Онъ говоритъ: «Если всѣхъ, которыхъ проглотилъ найдешь, тогда выдешь изъ этого мѣста». «Китъ пошелъ искать, всѣхъ нашелъ и вышелъ изъ этого мѣста. Этотъ мужикъ пришелъ домой къ матери и отцу. Отецъ да мать обрадовались. Онъ сталъ благословенія просить жениться: «Дадите-ли (т. е. позволите-ли) жениться на комъ нибудь?» Они благословили. Онъ и женился на дѣвкѣ на бѣдной. Они стали торговать, лавку заправили и стали торговать. И сказка вся. (Нотозеро).

Сказка о Царскомъ сынѣ *).

Жилъ былъ царь съ царицей и у нихъ между собою было согласно. Царь до того любилъ свою жену, что даже всегда она находилась при немъ, когда онъ дѣлалъ и судъ надъ народомъ. Самъ онъ судилъ болѣе по правдѣ, а царица же сплошь и рядомъ поступала не по правдѣ. Разъ пришла къ нимъ судиться съ мужемъ женщина и царь разсудилъ ихъ правильно. мужа оправдалъ, а жену призналъ виноватою.

Царица, напротивъ, оправдывала жену и когда на семъ настояла, то находящійся въ утробѣ матери младенецъ вдругъ сказалъ: плеха по плехи и тянетъ Она разсердилась на него и про себя подумала: рано сталъ соваться, а когда родишься, тогда мнѣ не будетъ отъ тебя и спокою. Устрою же я съ тобой штуку.

Наконецъ она родила сына и хотѣла его было сейчасъ же убить, но стало жаль, и страшно самой это было сдѣлать Она позвала солдатъ, отдала имъ младенца, приказала его убить и ей принести отъ него сердце Солдаты также сжалились надъ младенцемъ, они поэтому отдали его на воспитаніе пастуху, вмѣсто же его убили маленькаго ягненка и сердце отъ него принесли царицѣ. Сердце это царица приказала изжарить и за столомъ его съѣла. Царь однако зналъ, что у ней родился сынъ и вотъ, чтобы скрыть предъ царемъ свое злодѣяній, она послала своихъ служанокъ купить ей другого младенца. Въ это время родился сынъ у кузнеца и у него-то вотъ и купили его и принесли къ царицѣ. Младенца этого ростили какъ царевича, но лишь только онъ немного подросъ, какъ сталъ заниматься только молотками и ими ковалъ желѣзо. Царь не понималъ и удивлялся, что сынъ его только занимается кузнеческимъ ремесломъ. Игры его всѣ были около этого ремесла.

Когда же сынъ пастуха—царевичъ поуросъ, то онъ во время игръ всегда хотѣлъ быть большимъ между своими ровесниками и нерѣдко между ними дѣлалъ судъ. Наконецъ всѣ его ровесники и онъ самъ

*) Какъ эта сказка, такъ и нижеслѣдующія были доставлены мнѣ о. Константиномъ Щеколдинымъ, который записалъ ихъ со словъ лопарей.

сказали: выберемъ мы изъ среды своей царя, будемъ его слушаться и онъ будетъ насъ судить. Царевичъ сынъ пастуха сказалъ: купимъ всѣ мы по свѣчи и станемъ съ ними на востокъ и у кого свѣча сама собой загорится, тотъ и будетъ царемъ. Сказано, сдѣлано. Свѣчи купили, стали лицомъ на востокъ, и стали молиться, чтобы Богъ указалъ имъ царя. Вскорѣ свѣчка царевича загорѣлась и всѣ ровесники признали его своимъ дѣтскимъ царемъ. Когда кто нибудь во время игръ кого нибудь обидѣлъ, то сейчасъ же и дѣлалъ судъ. Судилъ же онъ всегда по правдѣ и никого напрасно не обижалъ. Молва объ этомъ прошла вездѣ и нерѣдко къ дѣтскому царю обращались и взрослые люди, которые были почему нибудь неправильно судимы настоящимъ царемъ и царицей Онъ и эти дѣла всегда рѣшалъ справедливо

Разъ одна бѣдная женщина попросила муки блюдо и съ нимъ пошла домой. Подулъ сильный вѣтеръ и у ней все разнесъ, не оставивъ ни пылинки. Она съ горя пошла къ царю и царицѣ жаловаться на вѣтеръ. Царь выслушалъ жалобу бѣдной старухи на вѣтеръ, посмѣялся надъ ней и сказалъ: глупая ты бабка, какъ я могу судить вѣтеръ?

Бабка была этимъ недовольна очень и сказала: ну, когда ты не могъ разсудить меня съ вѣтромъ, я пойду къ дѣтскому царю. Онъ разсудитъ справедливѣе. Царь и надъ этими словами посмѣялся и сказалъ: поди, посмотрю я, что ты тамъ получишь.

Старуха сейчасъ же отъ царя пошла, и пришла къ дѣтскому царю и сказала. царь-отецъ, разсуди меня съ вѣтромъ. Я попросила муки, понесла на блюдѣ, вѣтеръ палъ, все раздулъ и меня оставилъ голодною

Дѣтскій царь выслушалъ жалобу со вниманіемъ, пожалѣлъ старуху и сейчасъ же послалъ своего человѣка въ гавань за капитанами, которые пришли вчера. Капитаны судовъ на зовъ его немедленно явились. По приходѣ ихъ дѣтскій царь спросилъ ихъ: когда вы пришли сюда?

Вчера вечеромъ, отвѣтили они.

Ну это хорошо, но что для васъ лучше, вѣтеръ или тихо?

Конечно, вѣтеръ для насъ лучше всего. Не будь его, намъ бы сюда и не придти вчера.

Такъ вамъ это и хорошо, а вотъ бѣдная бабка плачетъ, что у ней вѣтеръ разнесъ съ блюда послѣднюю христорадную горсть муки, поэтому вы, какъ бы виновники вѣтра, и заплатите ей за муку.

Капитаны отвѣтили: мы не только ей за муку заплатимъ, но пусть она пошлетъ намъ мѣшки и мы всѣ ей пошлемъ по пуду.

Старуха обрадовалась этому, благодарила за судъ царя, да благодарила и капитановъ, потому что въ тотъ же день получила столько муки, сколько никогда у ней и не бывало. Капитаны также остались довольны рѣшеніемъ.

Дошла вѣсть объ этомъ и до царя. Ему стало завидно и обидно, что всѣ почти идутъ судиться къ дѣтскому царю, и онъ всякое дѣло рѣшаетъ, не говоря, что не могу.

Дай, подумалъ царь, я сдѣлаю ему штуку и поставлю его въ тупикъ. Царь послалъ къ нему трехъ быковъ, съ приказаніемъ, чтобы они чрезъ извѣстное время сами родили телятъ, какъ самки.

Дѣтскій царь быковъ взялъ и послѣ ухода солдатъ сказалъ: спасибо царю. Быковъ мы убьемъ, намъ мяса будетъ надолго, а кожами, какъ у насъ крыша на избѣ худая, закроемъ избу. Такъ и сдѣлали.

Наконецъ пришло время, когда должно было быковъ съ телятами отвести назадъ. Вотъ дѣтскій царь, научивъ своего человѣка, что нужно дѣлать, послалъ его къ Царю. Тотъ пошелъ къ царю во дворъ, тамъ ходилъ нѣсколько времени, и наконецъ увидѣлъ царя. Въ это время онъ сталъ снимать свои штаны и закричалъ: рожать хочу, рожать хочу. Царь, услышавъ это, сказалъ: ты съумасшедшій должно быть, когда мужчины рожали, и развѣ могутъ рожать, отвѣчай.

— А ты царь самъ что сдѣлалъ? Самъ послалъ быковъ къ нашему царю, чтобы они были обхожены, развѣ это можно, и бывало когда нибудь?

Царь отъ такого отвѣта пришелъ въ удивленіе и ушелъ скорѣе прочь, не говоря болѣе ни слова

Вскорѣ послѣ этого царь съ царицей пошли гулять. Увидѣлъ это и дѣтскій царь. Онъ пошелъ къ вѣсамъ (балансу), положилъ на одну скалку много собачьяго кала, а на другую ничего. Кала же все прибавлялъ и прибавлялъ.

Царь, увидя это, остановился и смотрѣлъ, а про себя думалъ, гдѣ же у него умъ. Говорятъ умный.

Наконецъ онъ не вытерпѣлъ и спросилъ у него, что ты дѣлаешь?

— Я вѣшу женскій умъ и смотрю какъ онъ легокъ и ничего не стоитъ.

Отвѣтъ этотъ привелъ царя въ удивленіе, и онъ сталъ думать: это, должно быть, не сынъ пастуха и не мой ли еще, потому что мой кромѣ кованья ничего не знаетъ. Подумавъ такъ, онъ вскорѣ взялъ его къ себѣ и сдѣлалъ своимъ наслѣдникомъ и такимъ образомъ царицѣ надъ правдой не привелось восторжествовать. (Пазрѣка).

Игрунъ—смѣльчакъ сынъ.

Жилъ нѣкогда одинъ богатый человѣкъ и имѣлъ онъ одного сына. Умирая, онъ заповѣдалъ своей женѣ, чтобы она сыну его, если онъ попроситъ денегъ, дала ему въ первый разъ не болѣе трехсотъ рублей. Сынъ послѣ смерти его выросъ и сталъ ходить на улицу съ дѣтьми играть. Онъ игралъ съ ними въ баски и бабки у нихъ отнялъ. Ребята ему и закричали: ты богачъ, а у бѣдняковъ отнимаешь бабки. Стыдъ. Онъ бабки бросилъ имъ и пришелъ къ матери и сказалъ: дай мнѣ сто рублей.

Мать денегъ дала ему и онъ пошелъ на улицу. Здѣсь опять игралъ съ ребятами и побрякивалъ деньгами. Въ это время онъ увидѣлъ: идетъ старикъ и несетъ кошку, и спросилъ его, не продашь ли кошки?

- Купи.

- Много ли просишь?

— У меня кошка смирная и я менѣе ста рублей не продамъ.

— Не говоря ни слова, онъ вынулъ деньги изъ кармана, отдалъ ихъ, взялъ кошку и пошелъ домой. Здѣсь ему она такъ понравилась, что онъ не зналъ болѣе никакого дѣла, какъ только съ нею и игралъ. Наконецъ, однако, наскучило ему, и онъ опять пошелъ на улицу къ ребятамъ играть. Играя съ ними, онъ опять отнялъ у нихъ игрушки Они опять закричали, не стыдно ли богачу, покупающему кошку за сто рублей, брать у бѣдныхъ копѣечные игрушки. Онъ бросилъ ихъ и пошелъ къ матери.

Дома опять выпросилъ у матери сто рублей и съ ними пошелъ на улицу играть. Побрякивая деньгами, онъ опять увидѣлъ того же старика, у котораго купилъ кошку, и онъ велъ теперь собаку.

Онъ опять сталъ покупать и купилъ ее за сто рублей, сколько и просилъ хозяинъ. Онъ сказалъ ему, что на его собакѣ можно ѣздить и возить дрова.

Привелъ собаку домой и съ нею и кошкой игралъ постоянно. Они отъ него не отходили никуда. На собакѣ онъ ѣздилъ, а кошку привязывалъ сзади. Этимъ онъ занимался долгонько и наконецъ это ему наскучило,

Опять пошелъ на улицу и игралъ съ ребятами. Отнялъ у нихъ и игрушки, тѣ опять закричали и онъ, разсердившись, бросилъ имъ. Пришелъ домой и опять у матери сталъ просить 100 рублей. Мать деньги дала и сказала: это послѣднія, отецъ болѣе тебѣ не оставилъ. Взялъ онъ деньги и пошелъ на улицу. Вскорѣ онъ опять увидѣлъ того же старика, но у него ничего не было уже. Онъ поэтому спросилъ его, куда ты пошелъ.

— Я хожу и хочу кому нибудь продать золотой перстень—*сурмасъ*.

— Продай мнѣ и его. У меня еще есть деньги, хотя уже и послѣднія.

Старикъ согласился продать ему за сто рублей, только прибавилъ: деньги отдай сейчасъ, а за перстнемъ - кольцомъ пойдемъ со мною и у меня дома получишь. Заплатилъ материнъ сынъ деньги и пошелъ съ нимъ. Пошли они сперва мимо домовъ по дорогѣ, и всѣ прошли. Пошли далѣе уже лѣсомъ и пришли къ пахтѣ, каменной горѣ. Здѣсь старикъ снялъ съ отверстія каменья и сказалъ: поди туда, а я иду за тобою. Сынокъ какъ зашелъ туда, то старикъ сейчасъ же отверстіе закрылъ и самъ остался на землѣ. Покупатель очудился въ безвыходномъ положеніи, какъ въ тюрьмѣ. Сперва онъ плакалъ, а потомъ пошелъ, куда понесутъ ноги. Наконецъ у него подъ ногами стали доски и чрезъ щель вдали увидѣлъ

свѣтъ - огонь. Потомъ туда и пришелъ къ лѣстницѣ - листовкѣ — *пордисъ*. По ней онъ поднялся и увидѣлъ предъ собою двери. Ихъ онъ отворилъ и увидѣлъ предъ собою комнату, залитую свѣтомъ, потому что горѣло много свѣчъ. Въ ней стоялъ столъ со всякою пищею—*пуромтинъ* и виномъ. Будучи голоднымъ, онъ сѣлъ, наѣлся и напился. Послѣ этого онъ сталъ смотрѣть и опять увидѣлъ впереди двери. Пошелъ туда, отворилъ ихъ и опять увидѣлъ такую же комнату со столомъ, кушаньями и виномъ. Онъ былъ сытъ и поэтому только на нихъ посмотрѣлъ. Впереди были опять двери, онъ отворилъ и ихъ. Здѣсь было вездѣ пусто Стола съ кушаньемъ не было, а вмѣсто его въ одномъ углу онъ увидѣлъ лежащаго человѣка. Подошелъ къ нему и увидѣлъ, что онъ мертвый и на рукѣ у него золотой перстень. Смотря на него, онъ подумалъ: мнѣ этотъ-то перстень и продалъ, должно, быть старикъ. Поэтому онъ перстень съ руки покойника снялъ, надѣлъ себѣ на палецъ и пошелъ назадъ. Миновавъ свѣтлые комнаты, онъ зашелъ въ непроницаемую тьму, и не зналъ совершенно куда ступить. Съ горя онъ сталъ перстень съ пальца на палецъ перелагать и когда надѣлъ его на первый палецъ отъ мизинца на лѣвую руку, тогда передъ нимъ явились два человѣка и спросили что тебѣ нужно?

— Я желаю отсюда выйти, такъ какъ старикъ, показавшій мнѣ сюда дорогу, со мною не пошелъ, а остался на верху. Меня одного сюда заперъ.

— Теперь немного усни, а послѣ все тебѣ будетъ.—Онъ немного соснулъ, проснулся и увидѣлъ, что отверстіе на землю открыто. Перстень переложилъ на середній палецъ, вышелъ изъ шахты и пошелъ своей дорогой домой. Съ радостію вошелъ въ свой домъ, но увидѣлъ, что мать сидитъ почти голодна, потому что не стало у ней ничего. Поѣлъ онъ сухой рѣзки (лопарскій прѣсный хлѣбъ не толстый) и пошелъ спать

На постелѣ онъ перстень со средняго пальца опять переложилъ ближе къ мизинцу на лѣвую руку и къ нему опять явились тѣ же два человѣка и спросили, что тебѣ нужно?

— Я долго проходилъ изъ своего дома, мать все прожила и нечего стало ѣсть.

Они отвѣтили: теперь спи до утра, а утромъ все тебѣ будетъ. Всталъ онъ утромъ и увидѣлъ, что вездѣ у нихъ всего довольно. Зажилъ онъ хорошо послѣ этого и сталъ думать объ открытіи торговли. Вотъ опять однажды вечеромъ перстень переложилъ на палецъ и опять явились 2 человѣка и спросили: «что тебѣ нужно?»

— Мнѣ хочется быть купцомъ. Ну теперь спи, а утромъ все будетъ по твоему. Черезъ ночь все такъ и сдѣлалось. Всталъ и увидѣлъ, что предъ домомъ его стоятъ лавки съ товарами. Торговля пошла у него удачно и такъ онъ прожилъ нѣсколько годовъ. Наконецъ захотѣлось ему жениться и сталъ у матери просить дозволенья... Мать согласилась, но спросила, гдѣ у тебя невѣста?

— Я думаю жениться у царя, у него дочь красавица.

— Въ умѣ ли ты, объ этомъ не нужно и думать-то даже

— Нѣтъ, я такъ хочу непремѣнно, и ты должна идти отъ меня сватьей. Снесешь царю, царицѣ и невѣстѣ богатые подарки и дѣло устроится какъ нельзя лучше.

— Мнѣ думается, что ты напрасно это задумалъ, потому что царю нужно подарки нести не простые, а драгоцѣнные, а гдѣ ты ихъ возьмешь?

— Объ этомъ не безпокойся. Завтра все будетъ.

На постелѣ онъ перстень переложилъ на палецъ подлѣ мизинца и опять явились 2 человѣка и сказали: «что тебѣ нужно?»

— Я думаю жениться у царя и мнѣ нужны поэтому подарки: 2 камня (*керчь*) драгоцѣнныхъ и одинъ самоцвѣтный

— Спи до утра и тогда все будетъ, отвѣтили они и ушли.

Всталъ онъ на другой день и увидѣлъ на столѣ 3 камня, которые горѣли какъ огонь и блестѣли какъ солнце. Пошелъ къ матери и отдалъ ей.

Мать, при видѣ ихъ, пришла въ изумленіе и съ ними пошла къ царю уже смѣло. Ввели ее къ царю, гдѣ она немедленно драгоцѣнные камни подарила царю и царицѣ, а самоцвѣтный—ихъ дочери и сказала: «это осмѣливается поднести вамъ мой сынъ и въ то же время проситъ покорнѣйше руки вашей дочери.»

Царю и всѣмъ подарки понравились, но на сватовство отвѣтилъ: если завтра сынъ твой можетъ подарить намъ золотыя тарелки и нѣсколько гусиныхъ яицъ (время было осенью), тогда дочь моя и мы согласны породниться. Старуха поклонилась имъ, пошла домой и передала это сыну.

Вечеромъ онъ надѣлъ перстень на упомянутый палецъ и опять пришли 2 человѣка и спросили, что тебѣ нужно?

— Мнѣ требуются золотыя тарелки и гусиныя яйца для невѣсты. «Спи, утромъ они будутъ у тебя». Такъ дѣйствительно и случилось. Мать днемъ пошла и отнесла подарки. Царь и невѣста подарки осмотрѣли, похвалили и сказали: «если твой сынъ къ утру сдѣлаетъ съ нашей стороны рѣки на его сторону чугунный мостъ, покрытый краснымъ сукномъ, тогда можно будетъ сдѣлать и свадьбу, а въ противномъ случаѣ дочь моя не согласна, потому что она боится ѣздить черезъ рѣку.» Старуха, услыша это, поклонилась и пошла домой. Пришла и все передала сыну, присовокупивъ: «вотъ надѣлалъ себѣ хлопотъ.» Это ничего, отвѣтилъ онъ. Къ утру все дѣло поправится. Вечеромъ онъ прибѣгъ къ упомянутому ранѣе средству и 2 человѣка посулили къ утру все. Черезъ ночь дѣйствительно на рѣкѣ явился мостъ и съ краснымъ сукномъ. Старуха, увидя, это удивилась и опять, посланная сыномъ, пошла къ царю. Онъ принялъ ее ласково, но сказалъ: «дочь жила постоянно дома и ей не хочется отъ матери уйти далеко. Завтра, если явится у твоего сына домъ подлѣ нашего, тогда сыграемъ свадьбу на славу. Старуха поклонилась и ушла. Дома это сказала сыну и тотъ отвѣтилъ: ну и это ничего. Надѣюсь устрою. Вечеромъ онъ сдѣлалъ тоже, что и раньше, и явившіеся два человѣка посулили къ утру. Съ разсвѣтомъ дѣйствительно домъ ихъ стоялъ подлѣ царскаго и на этотъ разъ сынъ съ матерью пошелъ къ царю самъ.

Царь столь богатаго и смышленнаго будущаго зятя встрѣтилъ съ невѣстою ласково и вскорѣ была сдѣлана свадьба. Народу на свадьбѣ было много, и всѣ веселились сколько могли. Не мало было и пьяныхъ. Пьяными напились даже и старуха мать жениха, и самъ молодой. Царевна однако вышла за него не по любви, а изъ-за подарковъ и чудныхъ его дѣлъ. Она любила другого жениха.

И вотъ, когда увидѣла, что мужъ пьяный, она, лаская и цѣлуя его, стала спрашивать: «какою ты силою и мостъ сдѣлалъ, да и домъ перенесъ?» Онъ, обласканный ею, съ пьяныхъ глазъ и сказалъ, что у него есть перстень, и показалъ его. Слѣдуетъ его положить на лѣвую руку на палецъ подлѣ мизинца и тогда явятся два человѣка, которые и исполнятъ къ другому утру черезъ ночь всѣ желанія. Жена, узнавъ это, стала сама угощать его и вотъ, когда онъ былъ очень пьянъ, она взяла у него съ руки перстень, обрила ему волосы и выбросила на улицу, не смотря на его крикъ. Выбросили за нимъ туда же и мать. Царь послѣ этого также на него осерчалъ и приказалъ запереть въ тюрьму.

Жена его между тѣмъ вечеромъ надѣла перстень на указанный палецъ и къ ней пришли 2 человѣка.

— «Чего тебѣ нужно царевна?» — «Я хочу, чтобы перенесена была въ другое Норвежское царство къ моему жениху.

— «Теперь спи, а утромъ все будетъ исполнено.»

На утро, когда она проснулась, увидѣла себя у перваго жениха и со всѣмъ своимъ имѣніемъ. Съ нею были даже кошка и собака, оставленные мужемъ, купленные имъ у старика. Звѣри эти ходили и искали своего хозяина, но его нигдѣ не видѣли, а перстень его между тѣмъ днемъ всегда блестѣлъ на правой рукѣ царевны, а ночью же она полагала его въ ротъ, а также и тогда когда спала. Кошкѣ и собакѣ хотѣлось этотъ перстень отнять у ней и передать хозяину. Разъ они увидѣли мышь и рѣшили хвостомъ ея для этого воспользоваться. Кошка схватила мышь и хотѣла ее убить, но она сказала ей: не бей меня, что тебѣ нужно я пособлю.

Хорошо, я не убью тебя, но ты должна намъ изо рта достать у хозяйки перстень.

Мышь согласилась и сказала: «ночью я тихонько зайду къ хозяйкѣ на грудь и хвостъ ей вложу въ носъ, она чихнетъ, ты перстень хвати и бѣжи съ нимъ куда знаешь, а я уже знаю куда мнѣ уйти.»

Наступила ночь. Мышь какъ сказала, такъ и сдѣлала. Хозяйка отъ хвоста чихнула, перстень полетѣлъ, кошка сейчасъ же схватила въ ротъ, а собака отворила двери и побѣжали они вмѣстѣ искать своего хозяина. Добѣжали они до широкой рѣки, и не знала кошка, какъ ей переплыть. Собака сказала: садись ко мнѣ на спину, и такъ переплывемъ рѣку. На середкѣ рѣки собака однако подумала, кошка хозяину принесетъ перстень, а я ничего. Меня онъ, можетъ, и прогонитъ. Подумавъ такъ, собака сказала: дай мнѣ теперь перстень, я понесу его другую половину.

— Что ты выдумала, мы уронимъ его въ воду, когда я буду передавать тебѣ, и тогда онъ никому не достанется.

Собака настояла на своемъ и прибавила: у меня ротъ большой, я открою его, и ты опусти. Нѣтъ

я не поплыву далѣе. Кошка послушалась и перстень упалъ мимо рта и пошелъ на дно. Съ горя поплыли назадъ и недалеко подошли по берегу, какъ увидѣли избу. Въ ней жилъ старикъ-рыбакъ со старухой. Хозяева ихъ приласкали и они стали тутъ жить.

Разъ хозяинъ осенью привезъ рыбу съ рѣки, и когда ее чистили, ощупали твердое и въ кишкѣ увидѣли перстень. Старикъ со старухой находкѣ обрадовались и, налюбовавшись имъ, положили на полку. Собака и кошка это видѣли и ожидали случая, чтобы утянуть. Хозяева вышли вонъ, кошка вскочила на полку, взяла въ ротъ перстень и сейчасъ же, какъ хозяева въ избу, они на улицу и по дорожкѣ.

Кошка, прибѣжавъ къ рѣкѣ, сказала собакѣ: возьми перстень теперь, а какъ запросишь опять на рѣкѣ, тогда потеряемъ. Собака отвѣтила. храни лучше ты. Садись на спину и поплывемъ черезъ рѣку. Вышли на другой берегъ и побѣжали впередъ искать хозяина. Нашли его въ тюрьмѣ. Стали думать, какъ зайти и надумались такъ: собака дверь немного оттянула и кошка щелью прошла и отдала ему перстень. Вечеромъ онъ надѣлъ перстень на счастливый палецъ, и предъ нимъ явились два человѣка, спросивъ что тебѣ нужно?

— Хочу быть свободнымъ и чтобы жена моя мнѣ была возвращена.

— Теперь спи, отвѣтили люди, а утромъ все будетъ.

Проснулся утромъ и увидѣлъ, что онъ спитъ со своей женой и въ царскихъ покояхъ. Любовникъ же или другой мужъ былъ посаженъ въ тюрьму и послѣ его судили. Смѣльчакъ же, богача сынъ, сталъ жить со своею женою и матерью на завидость другимъ. (Пазрѣка).

Московскій воръ.

При царѣ Петрѣ Великомъ славился одинъ воръ въ теченіи 30-ти лѣтъ и его никакъ не могли поймать. Разъ Петръ Великій для поимки его пошелъ самъ. Одѣлъ онъ простую одежду, и взялъ съ Царскимъ клеймомъ одну шапку.

Встрѣтился съ воромъ, и, какъ бѣдный будто, сталъ проситься товарищемъ. Воръ нехотя его взялъ и спросилъ: у кого будемъ воровать. Самозванецъ сказалъ: пойдемъ къ царю. Воръ, услышавъ это, ударилъ его по уху и сказалъ: много лѣтъ я воровалъ, но этого никогда не дѣлалъ.

У чиновниковъ вотъ воровать можно, потому что они сами обманываютъ и воруютъ у царя. Пошли къ одному вельможѣ, поставили къ окнамъ листовку и поднялись. Увидѣли одну жену, къ которой пришелъ и мужъ. Онъ сказалъ: завтра даемъ царю яду, онъ умретъ и я буду царемъ, а ты царицей. Жена уговаривала не дѣлать этого, но онъ настоялъ на своемъ и такъ разошлись. Въ домѣ всѣ уснули. Воры украли деньги, но ихъ не дѣлили, ибо было темно. Помѣнялись шапками, чтобы на другой день могли узнать одинъ другого.

Воръ дома при огнѣ увидѣлъ царскую шапку и испугался. Ночи не спалъ. Утромъ у царскаго дому подкупилъ караульныхъ и пришелъ къ царю съ извиненіемъ. Царь за оплеуху простилъ его, только спросилъ, помнишь ли вчера, что говорили про меня. Да, помню. Ну вотъ, они меня сейчасъ позовутъ. Я безъ тебя не пойду и скажу, что ты мой гость, иностранный принцъ. До трехъ разъ по случаю пріѣзда гостя царь отказывался, но когда пригласили обоихъ, пошли. Царю первому налили вина, онъ отказался и спросилъ у вора, какой у васъ обычай. У насъ пьетъ первый хозяинъ, старшинство не значитъ ничего. Пей же самъ. Нужно было пить, хозяинъ выпилъ и умеръ. Жену царь помиловалъ, вора наградилъ, не велѣлъ воровать и онъ зажилъ хорошо. У Лопарей поэтому всегда первую рюмку и пьетъ хозяинъ. (Пазрѣка).

Что бываетъ съ скупыми на томъ свѣтѣ.

Жилъ давнымъ давно очень богатый лопарь, а былъ онъ очень скупой. Бѣднымъ никому никогда ничего не давалъ, да и дорожныхъ никого не кормилъ. Наконецъ онъ 70 лѣтъ умеръ, и когда душа его пришла къ Господу (слово Богъ лопари прежде не употребляли, а только Господь), то Онъ сказалъ: Мнѣ не нужно тебя, потому что ты не помогалъ моимъ ребятамъ (слово дѣти лопари не употребляютъ). Твоихъ

ребятъ я, Господи, никогда не видалъ, отвѣтилъ онъ, а если бы видѣлъ, то помогъ непремѣнно. Мои ребята, сказалъ Господь, это всѣ бѣдные люди и нуждающіеся. Господи! будь милостивъ, спусти теперь меня на землю и я буду помогать всѣмъ бѣднымъ людямъ. Дай мнѣ тамъ пожить еще, и я буду помогать всѣмъ бѣднымъ, сколько могу, непремѣнно. Богъ помиловалъ его и онъ пробудился, возсталъ отъ смерти.

Жилъ онъ послѣ этого на землѣ хорошо. Бѣднымъ всѣмъ помогалъ и дорожныхъ-проѣзжающихъ кормилъ. Такъ прожилъ онъ два года. Послѣ этого же времени изъ добраго опять сдѣлался такимъ же, какимъ и былъ. Господь увидѣлъ его злость, опять наказалъ его, онъ сдѣлался сильно боленъ, такъ что, говорятъ, былъ ни живой, ни мертвый. Явился къ нему разъ Ангелъ и сказалъ: ты сталъ жить по своему, а не такъ какъ сулился Господу, и Онъ тебя наказалъ. Старикъ со слезами просилъ здоровья, говоря: прости меня, я послѣ этого буду жить хорошо. Богъ на этотъ разъ не помиловалъ его, послѣ своихъ тяжкихъ страданій, онъ наконецъ умеръ. Когда душа его пришла къ Богу, Онъ не принялъ и послалъ ее къ чорту. Чортъ далъ душѣ старика холодную избу, она жила тамъ въ холоду, отъ котораго постоянно едва едва не замерзала. Сталъ онъ тамъ молиться Богу и просилъ прощенія и другого себѣ мѣста. Чортъ чрезъ нѣсколько времени сказалъ: мнѣ тебя не нужно. Его выгнали изъ холодной избы прочь

Душа его послѣ этого опять пошла на небо и тамъ дали ей доску и ее повалили тутъ. На этой доскѣ на воздухѣ, никѣмъ не поддерживаемая, она и висѣла, и при вѣтрѣ качалась также точно, какъ маленькій карбасъ въ морѣ на волнахъ. Живущіе на небѣ вверху люди ходятъ надъ нимъ и видятъ. Ему было очень стыдно. Такъ грѣшная душа его мучилась тутъ три года, а послѣ этого времени Богъ послалъ ее въ адъ. Въ аду бросили ее въ большой котелъ и тутъ она стала вариться. Когда одна половина у нея сгоритъ, тогда другая опять выростетъ на мѣсто ея. Это повторялось много разъ. Было у этого старика три Хресника (крестныя дѣти) и они увидѣли его страшныя мученія.

Они стали думать, какъ бы ему пособить и придумали слѣдующее: Сначала одинъ хресникъ сдѣлалъ уду, привязалъ къ ней веревку, и бросилъ уду въ котелъ. Удилъ, удилъ и хресной наконецъ на уду попалъ. Онъ потянулъ его. Тянулъ, тянулъ и дотянулъ уже до краю, т. е. на самый верхъ котла, какъ его тамъ кто то въ это время за ногу захватилъ и веревка отъ сильной тяжести сорвалась, а старикъ пошелъ опять вариться. Очередь была теперь другого хресника. Онъ сдѣлалъ сакъ, какимъ поднимаютъ изъ воды рыбу, и сталъ сачить.

Долго онъ не могъ поддѣть своего хресного, но наконецъ поддѣлъ и сталъ его тянуть. Дотянулъ уже до краю, когда онъ могъ выйти, но въ это время онъ сдѣлался какъ маленькая рыбка, прошелъ сквозь сакъ и опять ушелъ до дна. Третій хресникъ послѣ этого сказалъ: я свяжу самый частый и крѣпкій неводъ и будемъ въ котлѣ неводить. Если это не пособитъ; тогда уже значитъ намъ ничего не сдѣлать, никакъ не пособить ему. Неводъ приготовилъ и сталъ имъ неводить въ котлѣ. Старикъ хотя не скоро, но опять попалъ въ неводъ. Потянулъ и вытянулъ опять до краю, какъ въ это время неводъ подъ хреснымъ прорвался и онъ опять ушолъ въ котелъ. Послѣ этого хресники сказали: противъ Господа не сдѣлать ничего нельзя и вѣрно онъ большей грѣшникъ. Старикъ поэтому и теперь варится въ котлѣ за свои грѣхи. (Печенга).

Объясненіе къ „распредѣленію поселковъ и погостовъ въ Русской Лапландіи".

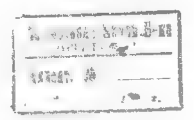
Прилагаемое распредѣленіе поселковъ и погостовъ въ Кольскомъ полуостровѣ не претендуетъ ни на точность, ни на полноту: какъ то такъ и другое является неисполнимымъ въ настоящее время. У насъ не существуетъ болѣе или менѣе точной карты Кольскаго полуострова: этнографическая карта страдаетъ большими недостатками; даже карта, изданная, Воен. Тип. Отд. Главнаго Штаба, съ 10-ти верстнымъ масштабомъ имѣетъ весьма много погрѣшностей. Въ виду этого, помѣщая распредѣленіе поселковъ и погостовъ въ русской Лапландіи, я имѣлъ въ виду отмѣтить лишь приблизительно теченіе наиболѣе важныхъ рѣкъ и распредѣлить лишь постоянныя поселки, откидывая временныя поселенія какъ русскихъ, такъ и лопарей; нѣкоторые небольшіе выселки лопарей также не могли быть помѣченными на картѣ въ виду того, что было подчасъ невозможно опредѣлить даже приблизительное мѣстоположеніе ихъ; тоже самое и относительно тоней, на которыхъ живутъ

лопари въ теченіе почти $^3/_4$ года. Все это меня побудило отмѣтить лишь *погосты* лопарскіе. Считаю однако умѣстнымъ перечислить здѣсь всѣ тони, которыми пользуются лопари, располагая ихъ по погостамъ. Перечень тоней заимствую изъ сочиненій Н. Дергачева «Русская Лапландія». Погосты располагаю по направленію отъ западной нашей границы къ восточному берегу Кольскаго полуострова: *Пазрѣцкій погостъ:* Песчаное, Ролденская губа, Пахта тоня, Красная пахта, Ольгиновъ наволокъ, Новолокта, Лявонарка, Кайцкедошъ, Руцевой, Самворетъ, Глубокая тоня, Рушявета (эти тони находятся на берегу Океана). *Внутри Лапландіи* къ этому погосту прилежатъ тони: Чалмозеро, оз. Китъ, оз. Еганъ и Вагъ-озеро. *Печенгскій погостъ:* (морскія тони): Лазейная, Пески, Отворотная, Большая пахта, Мірская, Сухая салма, Назорья, Малощелья, Маломатка, Новая тоня, Варвежа-рѣка, Большая Щелья. *Внутри страны*: оз. Каяло, Косгозеро, Восло, Каменное, Кинозеро, Высль- Явуль, Мышье озеро, Ароко-озеро, Княжна-озеро. *Мотовскій погостъ.* (Морскія тони): Синя тоня, Нестеръ, Рогозна губа, Мотовская губа, Лопаткина, Маломатка, устья рѣкъ: Титовки, Лицы, Ура Большой и Малой. *Внутри страны*: Ялозеро, Урдозеро, Поесколь озеро, Явостъ озеро, Кядозеро, Кяндозеро. *Кильдинскій погостъ*: (морскія тони): Мешуковъ, Кулонга, Ваенга, Пало-карга, Шарій-наволокъ, Абрамова-пахта, Кальдѣевъ, Сальный островъ, Щелейка, Чели опушка, Великій. Малофѣевская, Махнаткина, Филипская, Калентуха, Рѣка средняя, Варламовъ, Мурмаши, Варитипой, Никитинъ, у устья р. Терибёрки, Купчинка. *Внутри страны:* Сѣнкино, Бабозеро, Бабозерскій плесъ, Фадѣева, Кенчезеро, Стадозеро, Пѣшкзеро, Трятипоко, Лумозеро, Шелотково, Домашнее озеро, Каозеро, Крукозеро, Мелисти, Унозеро. *Нотозерскій погостъ*: (внутри страны): Нотозеро, Нота-рѣка, Ярвозеро, Ирвасъ-рѣка, Ивасъ-озеро. Улва-рѣка, Петрозеро, Калнизеро, Улитозеро, Ечезеро, Шолдозеро. *Сонгельскій погостъ*: (внутри страны): Волозеро, Долгозеро, Мечкозеро, Бѣлозеро, Вырнозеро, Пестозеро, Кобозеро, Лондозеро, Амозеро, Домозеро, Модозеро, Юмозеро, Корсонъ озеро, оз. Акю, Нямо, Певье, Уне, Ролье, Черье, Накадѣ. *Бабенскій погостъ:* (внутри страны): Бадозоро, Гангасъ, оз. Пирикъ, Чалмо, Пирикъ, Бондо, Коно, Пирино. *Экостровскій погостъ*: (внутри страны): оз. Имандра, Ломбо, Монге, Сайдо; Бѣлая губа, Ватогуба, Куслогуба, Вадгелонбина, Кылдозеро, Тикигуба, Капоскозеро и озера: Такъ, Пеле, Коко, Комко, Урдо. *Массельскій погостъ*: (внутри страны): озера: Сынбо, Мурдъ, Нилго, Коло, Каго, Пелмисъ, Умбо, Пуло, Пересмо, Орловское и на оз. Имандрѣ у р. Керенги. *Воронежскій погостъ:* (морскія тони): ручьи: Расвая, Бѣлогузиха, Оленкинъ, Зарубиха, Орловка; рѣка Воронья. *Внутри страны*: озера: Леко, Марко, Туманко Гегче, Ниндо, Олгу, Няло, Наме, Норка, Каро. *Ловозерскій погостъ*: (внутри страны): озера: Сенде, Умбо, Лово, Вундо, Сейде, Ревдо, Рейдо. *Семіостровскій погостъ*: (морскія тони): рѣки: Варзина, Лица, Хорловка, Золотая, Ринда; *внутри страны*: озера: Ляко, Низне, Евдо, Пече, Кымко, Тимбо, Емо, Поро, Тильмо, Кольмо, Пине, Няле. Интересно было-бы, конечно, точное указаніе, въ какой именно части даннаго озера или рѣки живутъ лопари, а также точное указаніе количества, и рода построекъ, какъ это было сдѣлано г. Фрисомъ на своей картѣ.

Въ засѣданіи, 15 февр. 1888 г., Совѣта Имп. Русск. Геогр. Общества, былъ выдвинутъ вопросъ объ изслѣдованіи Кольскаго полуострова къ востоку отъ тракта Кандалакша-Кола. Предложеніе это было сдѣлано д. чл. Н. В. Латкинымъ: «мы очень мало знакомы съ географіей этой страны, пишетъ Н. В. Латкинъ, еще менѣе знакомы съ ея геологическимъ рельефомъ, минеральными и другими естественными ея богатствами, которыя, по слухамъ, немаловажны. Намъ очень мало извѣстенъ бассейнъ рѣки Умбы и той цѣпи значительныхъ озеръ, черезъ которыя она протекаетъ. Также мало извѣстны бассейны рѣкъ Варзуги, Покои, стекающихъ съ водораздѣла этой страны въ Бѣлое море. Долины рѣкъ: Тириберки, Еришиной, Вороньей и другихъ, берущихъ начало съ сѣверной стороны водораздѣла, какъ равно и цѣпь значительныхъ озеръ, лежащихъ близъ или на самомъ водораздѣлѣ этой части Кольскаго полуострова, почти вовсе не описаны. Здѣсь совершенно можно сказать terra in incognita, столь-же невѣдомая какъ центральная Африка. Всѣ наши географическія карты этой страны разнятся между собой и видимо страдаютъ отсутствіемъ достовѣрности,—между тѣмъ какъ, напримѣръ, ландкарты Финскаго и Шведскаго Лапмаркена, и сопредѣльныхъ съ Архангельскою губерніею частей Финляндіи отличаются не только полнотою, но и достаточною достовѣрностію. Намъ совершенно неизвѣстны ни длина здѣшнихъ рѣкъ, ни свойство ихъ, ни количество и величина здѣшнихъ озеръ, ни высота горъ; только береговая полоса страны и устья здѣшнихъ рѣкъ нанесены болѣе или менѣе вѣрно на карту, все прочее-же — чистое измышленіе, основанное на недостаточныхъ разспросныхъ свѣдѣніяхъ... Интересно изслѣдовать не только гидрографію этой страны, но вмѣстѣ съ тѣмъ изслѣдовать и геологическій рельефъ самого полуострова и минераль-

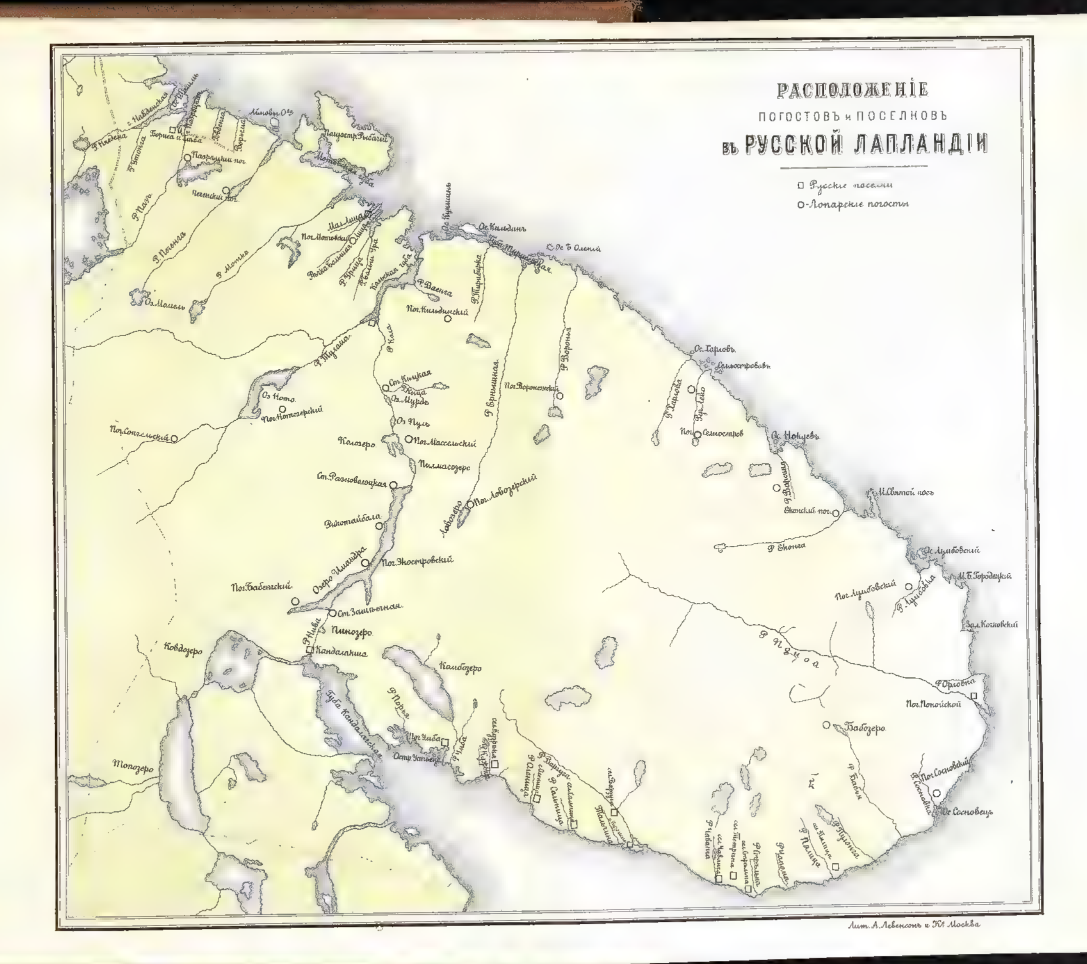
ныя его богатства. (Изв. Им. Р. Геогр. Общ. т. XXIV. 1888. в. VI). Въ скоромъ времени (въ соединенномъ засѣданіи Отдѣленій Географіи Математической и Географіи Физической, 7-го мая 1888 г.) Н. В. Латкинымъ былъ доложенъ и составленный имъ планъ работъ экспедиціи для изслѣдованія Кольскаго полуострова и постановлено экспедицію отложить до слѣдующаго года, «главнымъ образомъ въ виду того, что, ознакомившись съ затрудненіями, которыя были встрѣчены при работахъ финляндской экспедиціей въ 1886 г., для успѣшнаго хода дѣла является необходимымъ еще зимою устроить склады, гдѣ бы лѣтомъ экспедиція могла находить все нужное, такъ какъ передвиженіе всѣхъ запасовъ за собою, по мѣстнымъ условіямъ, является крайне затруднительнымъ». Итакъ, слѣдуетъ ждать результатовъ экспедиціи. Изъ приведенныхъ цитатъ явствуетъ, что экспедиція будетъ посвящена: 1) изученію пространства Лапландіи отъ пути Кандалакши-Кола на востокъ до Бѣлаго моря и 2) что главная задача будетъ направлена на изученіе края въ гидро-и орографическомъ отношеніяхъ. Конечно, нельзя не пожелать, чтобы и другая часть Лапландіи была изучена, именно та часть ея, которая находится на западъ отъ устья Кандалакша-Кола и чтобы вмѣстѣ съ и гидро-и орографическимъ изученіемъ были точно означены на картѣ и мѣста разселенія лопарей, такъ какъ и въ этомъ отношеніи ничего еще не сдѣлано.

Не смотря на то, что въ настоящее время можно ожидать точной карты Кольскаго полуострова, я всетаки рѣшился, хотя приблизительно, размѣтить погосты лопарскіе, въ виду того, что это можетъ облегчить читателя, указывая ему, хотя-бы лишь приблизительно, мѣста разселенія лопарей и русскихъ. Въ виду невозможности быть точнымъ, я контуръ Лапландіи не включилъ въ градусы, во избѣжаніе еще болѣе крупныхъ ошибокъ. Что касается направленія теченія рѣкъ и положенія озеръ, я пользовался картой, изданной Воен. Топ. Отд. Главнаго Штаба.



ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строк.	Написано:	Читать:
17	15	Suomabaises.	Suomalaiset.
-	28	Кемскомъ у. Олонецкой губ.	Кемскомъ у., Олонецкой губ.
—	прим. 4-е	Маньковскіи.	Мальковскій.
18	3 и 13	Маньковскимъ	Мальковскимъ.
21	21	Эта та.	Эта-то.



РАСПОЛОЖЕНIЕ
ПОГОСТОВЪ и ПОСЕЛКОВЪ
въ РУССКОЙ ЛАПЛАНДIИ
□ Русскiе поселки
○ Лопарскiе погосты
Ос. Кильдинъ
Пог. Кильдинскiй
Кольская губа
Р. Тулома
Оз. Ното
Пог. Нотозерскiй
Пог. Сонгельскiй
Пог. Вороненскiй
Р. Воронья
Ос. Харловъ
Пог. Семиостров
Ос. Нокуевъ
И. Святой носъ
Пог. Масельскiй
Колозеро
Пулмасозеро
Ст. Разноволоцкая
Пог. Ловозерскiй
Ловозеро
Пог. Экостровскiй
Озеро Имандра
Пог. Бабенскiй
Пинозеро
Кандалакша
Ковдозеро
Камбозеро
Губа Кандалакская
Топозеро
Р. Енонга
Пог. Лумбовскiй
Зал. Кочковскiй
Р. Поной
Р. Орловка
Пог. Понойской
Бабозеро
Пог. Сосновскiй
Ос. Сосновецъ
Лит. А. Левенсонъ и К° Москва

Труды Этнографическаго Отдѣла

(10 книгъ) содержатся въ слѣдующихъ томахъ «Извѣстій Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи *).

Извѣстія Томъ

VII. (кн. 1). Сборникъ антропологическихъ и этнографическихъ статей о Россіи и странахъ ей прилежащихъ. Изд. В. А. Дашкова, 1868 г. — 3 р.

XII. (кн. 2). Народныя пѣсни Латышей Θ. Я. Трейланда. Изд. В. А. Дашкова, 187[illegible] — 4 –

XIII. [illegible] 187[illegible] — 1 „ 15 к.

Содержаніе: Вып. 1. Протоколы засѣданій Этногр. Отдѣла 1867—74 г. *Статьи:* 1) Описаніе быта болгаръ, населяющихъ Македонію, Ст. Верковича. — 2) О появленіи ламаизма въ Забайкальѣ и о вліяніи его на бытовую жизнь бурята-кочевника, Н. Г. Керцелли. — 3) Программа этнографическаго народнаго календаря, А. Л. Дюверну а. — 4) Объ этнографическихъ трудахъ митрополита Иннокентія, докладывалъ Н. А. Поповъ. — 5) Обзоръ этнографической литературы о чехахъ и словакахъ (двѣ статьи), Колоусека. — 6) Одежда каменнобродскихъ русскихъ и мордвиновъ, А. Примѣрова. — 7) Домашній бытъ Маріупольскихъ грековъ, А. Анторинова. — 8) О пермякахъ, П. Вологдина. — 9) Свадебные обычаи у Болгаръ, Жинзифова. — 10) Раскопки коломенскихъ кургановъ, Анастасьева. — 11) Проектъ этнограф. изслѣдованія о-ва Эзеля, бар. Зассъ-Касселя. — 12) Этнографическія замѣтки, Н. Г. Керцелли. — 13) О свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ Вологодской губ., К. Попова. — 14) О мезенскихъ самоѣдахъ, Н. Г. Керцелли. — 15) Сельскіе обычаи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Суражскаго у., Дударева. — 16) Обзоръ этнографическихъ данныхъ, помѣщенныхъ въ разныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ за 1873 г., Е. В. Барсова. [illegible] историческомъ значеніи праздника въ честь Бурхана-Майдори, совершаемаго буря[illegible] Н. [illegible] Керцелли. — 18) Сѣверныя сказанія о лембояхъ и удѣльницахъ Е. В. Барсова. [illegible] мѣтка изъ этнографіи сѣвернаго края, Е. В. Барсова. — 20) Обычай хороненія Костромы въ Муромскомъ у., Е. П. Добрынкиной, съ замѣткой Е. В. Барсова. — 21) Изъ исторіи народнаго двоевѣрія, Н. А. Покровскаго. — 22) Юрьевъ день, Е. В. Барсова. — 23) О кладоискателяхъ въ Зубцовск. у., Квашнина-Самарина.

Вып. 2. Зыряне и зырянскій край, К. А. Попова.

XXVIII. (кн. 4). Протоколы засѣданій Этнографич. Отдѣла (1874—77 г.), съ приложеніями. — 2 –

Статьи: 1) О французскомъ художникѣ-этнографѣ Теодорѣ Валеріо, Н. А. Попова. — 2) Обрядъ похоронъ мухъ и другихъ насѣкомыхъ, П. В. Шейна, съ примѣчаніями В. Θ. Миллера. — 3) Вѣрованія и обряды бѣлоруссовъ, В. и А. Зинкевичей. — 4) Петръ Великій въ народныхъ преданіяхъ и сказкахъ сѣвернаго края, Е. В. Барсова. — 5) Этнографическія наблюденія по Волгѣ, Ф. Д. Нефедова. — 6) Васильевъ вечеръ и Новый годъ въ Муромскомъ у., Е. П. Добрынкиной. — 7) Обряды при рожденіи и крещеніи дѣтей на Орели, Е. В. Барсова. — 8) Обзоръ этнографическихъ данныхъ, помѣщенныхъ въ „Нижегородскомъ Сборникѣ", И. Ф. Кудрявцева. — 9) Охотничье право собственности у Зырянъ К. А. Попова. — 10) Очерки жизни крестьянскихъ дѣтей Казанской г., А. Θ. Можаровскаго. — 11) Крестьянская свадьба въ Мценскомъ у., П. М. Апостольскаго. — 12) Башкирское преданіе о лунѣ, Л. В. Лосіевскаго. — 13) О происхожденіи первобытныхъ вѣрованій по теоріи Спенсера, П. М. Апостольскаго. — 14) Восточные и западные родичи одной русской сказки, В. Θ. Миллера.

XXX. (кн. 5, въ 2-хъ част.). Матеріалы по этнографіи русскаго населенія Архангельской [illegible] — 4 – –

Часть 1. Описаніе внутренняго и внѣшняго быта — 2 „ 50

Часть 2. Народный языкъ и словесность — 1 „ 50

XL. (кн. 6). Матеріалы по этнографіи латышскаго племени, Θ. Я. Трейланда (Бривземніакса). Пословицы, загадки, заговоры, врачеваніе и колдовство. — 3 „ 50

XLVIII. (кн. 7 и 8). Протоколы засѣданій и приложенія — 4 „ –

Вып. 1. *Статьи:* 1) Потеряла ли законную силу бытующая старина въ сознаніи русскаго народа? Н. А. Покровскаго. — 2) Малорусская свадьба въ Константиновскомъ у., Сѣдлецкой губ., Н. А. Янчука. — 3) Приговоры и причеты о табакѣ, П. В. Шейна. — 4) О [illegible]

Вып. 2. *Статьи:* 1) Гр. Ал. Серг. Уваровъ (некрологъ), В. Θ. Миллера. — 2) Н. И. Костомаровъ (некрологъ). Его же. — 3) А. Л. Дюверну а (некрологъ). Его же. — 4) Характерныя дѣтскія игры нѣкоторыхъ русскихъ инородцевъ, Е. А. Покровскаго. — 5) О юридическомъ бытѣ татовъ, М. М. Ковалевскаго. — 6) Слѣды языческихъ вѣрованій у маньзовъ, Н. Л. Гондатти. — 7) Культъ медвѣдя у инородцевъ сѣв.-зап. Сибири. Его же. — 8) Программа для собиранія этнографическихъ свѣдѣній, сост. Н. А. Янчукомъ. Программа для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ, сост. М. Н. Харузинымъ. (2 р.).

LXI. (кн. 9). Сборникъ свѣдѣній для изученія быта крестьянскаго населенія Россіи (подъ ред. [illegible] Н. Х[illegible]) — 2 – –

Статьи: 1) Памяти М. Н. Харузина, съ (приложеніемъ портрета) В. Θ. Миллера. — 2) Замѣтки о юридическомъ бытѣ крестьянъ Сарапульскаго уѣзда, Вятской губерніи, П. М. Богаевскаго. — 3) О наказаніяхъ по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ Московской губ. В. Кандинскаго. — 4) О доказательствахъ на волостномъ судѣ, А. Пап е. — 5) Современные бракъ и свадьба среди крестьянъ Тамбовской губ., Елатомскаго уѣзда, А. П. Звонкова. — 6) Объ участіи сверхъестественной силы въ народномъ судопроизводствѣ крестьянъ Елатомскаго уѣзда, Тамбовской губ. Н. И. Астрова. — 7) По Минской губ. (замѣтки изъ поѣздки въ 1886 году). Н. Янчука. — 8) Петербургскія балаганныя прибаутки, записанныя В. И. Кельсіевымъ. А. Кельсіева. — 9) Изъ русской народной космогоніи, передано С. Я. Деруновымъ. — 10) Изъ матеріаловъ собранныхъ среди крестьянъ Пудожскаго уѣзда Олонецкой губерніи, Николая Харузина. — 11) Описаніе дѣтскихъ игрушекъ и игръ въ с. Мазунинѣ, Сарапульскаго уѣзда, Вятской губ. Вас. Тихонова. — 12) О народномъ лѣченіи въ Казанскомъ уѣздѣ, В. Н. Айнршова. — 13) Рѣшенія волостныхъ судовъ Сарапульскаго уѣзда, Вятской губ. (прилож. къ статьѣ П. М. Богаевскаго). — 14) Напѣвы бѣлорусскихъ пѣсенъ (прилож. къ статьѣ Н. Янчука).

LXVI. (кн. 10). Н. Х[illegible] быта [illegible] — 3 „ 50

*) Получать можно въ канцеляріи Общества (Москва, Политехническій Музей), а также въ книжныхъ магазинахъ [illegible] только у издателя (Москва, Публичный и Румянцевскій Музеи).